

Д-ръ В. КУПЕРЪ
ИСТОРИЯ РОЗГЪ

Для врачей, студентовъ и юристовъ

Д-ръ В. КУПЕРЪ.

ИСТОРИЯ РОЗГИ

ВО ВСѢХЪ СТРАНАХЪ, СЪ ДРЕВНѢЙШ. ВРЕМЕНЪ И ДО НАШИХЪ ДНЕЙ

ФЛАГЕЛЛЯЦІЯ И ФЛАГЕЛЛЯНТЫ

Полный переводъ съ англійск. со мног. дополн. д-ра мед. А. З-го

1903 г.

СЪ РАЗРѢШЕНІЯ АВТОРА—СЪ РУКОПИСИ.
СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ТІ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Книгоиздательство Н. С. Аскарханова
6, Троицкая ул., 6.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «ИСТОРИЯ РОЗГИ»

Книга «История розги» увидела свет в удивительный период Российской жизни, начавшийся приблизительно в 40-х годах XIX века и продолжавшийся вплоть до революции 1917 года. До сих пор поражает это время обилием энциклопедической литературы и массовым интересом к ней тогдашнего читателя. Трудно даже просто перечислить все издания тех лет, которые подпадают под определение, данное в Малом Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «систематическое обозрение знаний, относящихся ко всем наукам или к одной какой-либо науке».

Тут серия словарей и справочников, изданных с просветительскими целями Ф. Павленковым, академически выдержанные, прекрасно оформленные словари под редакцией Брокгауза и Ефрона: «Энциклопедический», «Малый Энциклопедический», «Философский». Тут «Большая Энциклопедия» под редакцией С. Н. Южакова, «Настольный Энциклопедический словарь» Граната, великолепная «Жизнь животных» Брема, выпущенная в России в 1911—1915 годах, Даль и его фундаментальные «Пословицы русского народа» и «Толковый словарь живого великорусского языка». Несколько медицинских словарей. «Философский лексикон» Госоцкого, «Юридический лексикон» Гурлянда, «Биографический словарь», сельскохозяйственные словари, «Энциклопедия военных и морских наук», превосходнейший «Словарь русских писателей» С. А. Венгерова, «Богословская Энциклопедия» Лопухина и множество не менее интересных словарей.

Эти издания привлекали для сотрудничества известнейших ученых своего времени. Нередко такие книги были плодом, как бы теперь сказали, «широкого международного сотрудничества», использовали передовую по тем временам полиграфическую технику и по своей фундаментальности были одними из лучших в мире.

Ослабление церковного и государственного контроля, экономический подъем, переживаемый страной, резкое увеличение численности интеллигенции, распространение самообразования, возрастание интереса к наукам среди трудящихся классов общества — до бесконечности можно перечислять причины, вызвавшие небывалый спрос на знания. Книга-справочник стала предметом первой необходимости и, несмотря на довольно значительные цены,

широко распространилась среди читательской аудитории. Хотя, по целому ряду причин, часть изданий осталась неоконченной, трудно переоценить значение этого блестящего фейерверка книг для развития русской культуры и науки.

Среди множества энциклопедий и справочников по всем отраслям знаний мне хочется упомянуть и этот труд, посвященный истории розги во все времена и во всех странах, изданный в С.-Петербургском издательстве Н. С. Аскарханова. Книгоиздательство это было известно особым пристрастием к работам, посвященным психологическим, медицинским и другим аспектам половой жизни человека. Здесь издавался журнал «Эскулап» с подзаголовком «Судебная медицина и половой вопрос», выходили книги «Половая психопатия» профессора Краффт-Эбинга, «Половое извращение» доктора А. Молля, «Половое влечение» профессора Роллендера и многие другие.

Но, в отличие от этих исследований, наше издание, предпринятое как перевод книги доктора В. Купера, постепенно разрослось до 3-х томов со значительно дополненным текстом. Эти изменения наглядно видны уже на титульных листах отдельных томов. Если первый том с последнего английского издания перевел А. Б. Головин, то второй — полный перевод с английского издания со многими дополнениями доктора медицины А. З-го, а третий — полный авторизованный перевод с английского доктора медицины А. З-го.

Так что эта книга представляет собой не просто переводное издание, а уникальный плод труда переводчика и исследователя, значительно обогатившего ее первоначальное содержание.

Результатом этого же заочного сотрудничества являются главы двадцать пятая и двадцать шестая, где весьма недвусмысленно описываются нравы, царившие в России, хотя речь идет якобы об «одной восточной стране».

Но если некоторые издания кажутся актуальными и по сей день (как-то: медицина, сельское хозяйство), то книга, посвященная розге, кажется, по меньшей мере, лишенной какого-либо практического смысла. Что для современного человека история изуверств и самоистязаний — разве что занимательное чтение.

Около ста тридцати лет прошло со дня отмены тягчайших телесных наказаний в России. Около ста лет назад отменили телесные наказания для ссыльных женщин, а десятью годами позже были отменены исключительные виды телесных наказаний для ссыльных, ссыльнопоселенцев и ссыльнокаторжных. А случаи религиозных изуверств, по крайней мере в христианском мире, теряются во мгле столетий.

Но погодите. Двадцатый век дал возможность не раз убедиться, сколь далеко нам до гуманных идеалов и сколь неглубоко сидят в нас древние страсти, ужасы и страхи.

Вот как описывает бичевание, крупнейшим теоретиком которого был Петр Дамиани (1006-1071 гг.), Православная богословская энциклопедия: «Бичевание плетью сопровождалось чтением

псалмов. На каждый псалом приходилось 100 ударов, на всю Псалтырь 15 000 ударов. Но 3 000 ударов считалось равным одному году мучений, и выносливый человек мог в один день таким образом отработать наказание на несколько лет. Обычай этот превратился в своего рода фанатизм, и монахи забивали себя до смерти под пение псалмов».

А вот уже наша страна и секта хлыстов, существующая у нас по сей день. Название этой секты происходит от одного из обрядов сектантов, при совершении которого они бьют себя жгутами и прутьями, очищая тем самым душу.

И если экзотикой покажется, что при французском дворе религиозная флагелляция (бичевание) попала под высочайшее покровительство Генриха III и Екатерины Медичи и постепенно выродилась в особую форму разврата, то возьмите прекрасный роман Виктора Ерофеева «Russkaja красавица», где наша эпоха и наша отчизна порадуют нас не менее яркой картиной секса и флагелляции.

А разве дыба Гулага милосерднее дыбы средневековья, а печь Освенцима человечнее костра инквизиции?

Да и что сказать, ведь по меткому замечанию Н. Евреннова, перечислившего массу слов и выражений русского языка, несущих на себе печать пытки и страдания (подлинная правда — правда, добытая под ударами линьков — канатов с узлами; узнать подноготную — пытаться иглами, загоняя их под ногти рук и ног; в ногах правды нет — ставили поденщиков разутыми в снег и били по пяткам и щиколоткам палкой и т. д. и т. п.): «И если мы до сих пор из нашего лексикона не можем изгнать слова и выражения, утратившие свой смысл, а фигуральность которых, отзвучающих насильническими страданиями ближних не пристала, казалось бы, языку нации, претендующей на просвещенный либерализм, — то сколь труднее ожидать освобождения нашей души от плена тех жизненных чувств, которые, в продолжение более восьми веков крепили в дни казней, радостно отмечая силу своего бытия.»

Даже в Книге книг — Библии, лежащей в основе европейской цивилизации, неоднократно упомянута флагелляция. Аналитическая симфония к Ветхому и Новому завету, изданная в качестве приложения к католическому изданию Библии 1973 года, насчитывает семнадцать случаев прямого или косвенного упоминания бичевания в священных текстах. И это, не учитывая многочисленных советов о сечении детей в педагогических целях, особенно широко представленных в Книге Притчей Соломоновых.

Ветхий завет рассматривает флагелляцию как один из видов наказания. Бьют палкой слуг, бывает даже, что забивают их насмерть. Наказывают побоями (но не более сорока ударов) затеявшего неправедную тяжбу. В истории Иова бич предстает как символ Божьего наказания виновного.

Но лишь Новый завет позволяет понять ту двойственность в отношении к флагелляции, которая коренится в христианском мировоззрении.

Отправляя учеников изгонять нечистых духов, врачевать болезни и немощи, проповедовать Новую Правду, Иисус предупреждает: «Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас...» — бичевание здесь все еще наказание, пусть и несправедливое.

Но позже, обращаясь перед входом в Иерусалим к своим ученикам, говорит Христос о неминуемом «поругании и биении и распятии». Будущее бичевание и будущее распятие здесь позорная казнь, но и великое искупительное самопожертвование.

Исполнилось то, о чем говорил Иисус, и свершилась, говоря словами Г. П. Федорова, основная парадоксия христианства: «Крест, символ всех страстотерпцев, из орудия позорной смерти становится знаменем победы»... Таким же знаменем победы становится бич. И вот апостол Павел добровольно претерпевает избиение палками, но не говорит, что он римский гражданин (римские граждане освобождались от телесных наказаний). В православной «Толковой Библии» этот эпизод из «Деяний Святых Апостолов» объясняется добровольным желанием претерпеть бесчестие «во славу Божию, во имя Христово»... В то же время отношение к флагелляции как к наказанию в полной мере проявилось в образе экзорцизма (изгнания дьявола), где беса нередко буквально выбивали из несчастной жертвы суеверий.

Переиздавая любую книгу, вышедшую впервые почти сто лет назад, поневоле необходимо дать обзор новых сведений и гипотез, касающихся избранной темы. Но когда речь идет об «Истории розги», которая включает психологические, сексопатологические, этнографические, антропологические, философские и многие другие моменты, объем таких сведений становится довольно значительным. Поэтому, ни в коей мере не претендуя на полноту изложения, мне представляется необходимым дать ряд вновь возникших попыток объяснения явлений флагелляции.

Литература, живопись, кино нашего века не обошли вниманием эту тему, воспринимая ее во многом через призму творчества Маркиза де Сада, который, кстати говоря, и в личной жизни среди прочих приемов распутства нередко прибегал к помощи плетки. Именно за это пристрастие ему пришлось поплатиться свободой. Книга «В лабиринте проклятых вопросов» уже упомянутого нами В. Ерофеева содержит обширный материал о влиянии де Сада на искусство XX века, особенно на сюрреалистов. Г. Аполлинер, П. Элюар, Р. Деснос воспринимали его апостолом абсолютной свободы. Художники и скульпторы-сюрреалисты ввели в изобразительное искусство эротико-садистический элемент. М. Эрнст изобразил, например, Деву Марию, шлепающую младенца Иисуса по ягодицам (флагелляция с оттенком кощунства). Влияние садизма ощущается в фильмах и театральных постановках режиссеров-сюрреалистов.

Большую работу по исследованию религиозных видов самоистязаний, в том числе и самобичеваний, провели в конце XIX — начале XX века историки религии и этнографы.

Джеймс Джордж Фрезер в книге «Фольклор в Ветхом завете» систематизировал погребальные обряды многих народов и пришел к выводу, что самокалечение, сопровождающее эти обряды, а нередко являющееся одним из основных компонентов траурных церемоний, является жертвоприношением крови духу умершего.

Сходным образом объяснял Фрезер в «Золотой ветви» комплекс обрядов, связанных с мифом о смерти и воскресении, считая, что отрезание половых органов, нанесение себе ран, другие виды самокалечения являются инсценировкой человеческой жертвы, которая служила подкреплению сил бога для воскресения.

Э. Б. Тейлор в книге «Первобытная культура», описывая схожие обряды при посвящении в жрецы, считал их способом вызвать болезненные припадки и экстаз, которому первобытные народы по малокультурности придают важное религиозное значение.

Серьезную попытку объяснить причину и роль самоистязаний в их связи с оккультными обрядами предпринял Макс Фреймарк в книге «Оккультизм и сексуальность». Объясняя повышенную религиозность «своеобразной половой организацией», считал, что она вызывает в свою очередь стремление к кастрации, половому воздержанию, тому или иному виду флягелляции. Таким образом, жрецы различных религий своими обрядами одновременно преследуют несколько целей: удовлетворение половой страсти, удовлетворение страсти к оккультной силе и удовлетворение инстинкта жестокости.

Подытожил эти взгляды американский психолог и философ Вильям Джемс, основатель функционализма. Он считал, что аскетизм, куда относил и религиозную флягелляцию, может возрасти на разнообразных психологических уровнях. Исходя из этого он насчитывал шесть форм аскетизма, возникающих, во-первых, как проявление мужественного характера, пресыщенного изобилием жизненных удобств; во-вторых, как результат стремления к чистоте духа, оскорбленного проявлениями чувственности; в-третьих, как результат любви, где отказ от телесных наслаждений кажется человеку жертвой, которую он с радостью приносит Божеству; в-четвертых, как следствие самоуничтожения, в связи с теологической доктриной об искуплении грехов (освобождаясь самонаказанием от грехов в этой жизни, человек избегает тяжелых страданий в будущем); в-пятых, как результат психопатологического склада, где только умерщвление плоти, представляющее собой род навязчивой идеи, способно вернуть человеку его равновесие и покой; в-шестых, извращение чувственности, при котором раздражения, обычно вызывающие болезненные ощущения, доставляют человеку несомненное наслаждение.

Только в рамках фрейдизма возникла первая по-настоящему целостная концепция, объясняющая явления самоистязания. Зигмунд Фрейд считал, что садизм и мазохизм составляют устойчивую пару, их появление объясняя задержкой ребенка в процессе развития на анальной стадии. Но при этом по Фрейду одна только задержка не определяет полностью будущего характера человека,

так как вступаю в действие защитные механизмы, и в одних случаях может произойти вытеснение, образуя на месте компонентов садистической перверзии (отклонения) невроз, в других случаях происходит сублимация, и эти компоненты становятся источником художественного творчества.

В работе «Тотем и табу» Фрейд распространил результаты своей психоаналитической теории на явления первобытной культуры и религии, в том числе относя к таким культурам и ныне существующие бесписьменные общества. Таким образом, была создана стройная система взглядов, объясняющих как проявления индивидуальной психики, так и явления человеческой культуры.

Работы Зигмунда Фрейда послужили толчком к возникновению целых направлений в исследовании культурно-исторических, психологических и прочих проблем отдельных народов, к углубленному исследованию человеческой психики представителей разных культур. Новые исследования возникли в результате приложения его взглядов к отдельным узким проблемам наук о человеке, в результате частичного использования психоаналитической теории и в результате острой полемики с ней.

Так, интересующая нас проблема была развита в работе его ученика Задгера «Эротика кожных и слизистых покровов и мышечной системы». Где, кстати, он доказывал, что современный человек реализует свою кожно-мышечную сексуальность путем занятий спортом. Таким образом, мы можем рассматривать спортивные соревнования как своего рода завуалированные проявления садо-мазохистского начала, в чем-то родственные бичеванию в Средних веках, вызванные задержкой индивида на прегенитальной (анальной) стадии развития сексуальности.

В этнографии и антропологии возникли новые идеи, призванные объяснить многообразие нередко весьма жестоких обрядов инициации у разных народов. Одни из этнографов считали, что все многообразие этих обрядов, включающих бичевание, порезы на теле, выбивание зубов, обрезание, поджаривание на костре, пост и др., служит исключительно для воспитательных целей, прививает молодежи выносливость и уважение к старшим.

Интересное объяснение значения этих обрядов в жизни обществ дал Виктор Тэрнер, один из известнейших исследователей ритуального поведения человека. Обряды жизненных переломов, к которым он относил, в частности, обряды инициации, осуществляют ритуальное выведение неофита за пределы принятых форм социального статуса и имеют «эффект восстановления принципов классификации и порядка, на которых зиждется социальная культура». Тем самым структурные низы получают доступ к структурному верховенству в ритуале, а структурные верхи подвергают себя лишениям на пути к символической гомогенности и товариществу.

С другой стороны, взгляд медиков на флагелляцию тоже претерпел значительные изменения. В «Официальной диагностической классификации основных психических расстройств», принятой

в США, расстройства поведения, выражающиеся в нанесении «повреждений собственному телу», и проявления агрессивности широко разбросаны по группам диагнозов как признаки заболеваний, вызванных различными причинами.

В исследовании «Нарушение сексуального здоровья при неврозах и психопатиях» указывается, что при психопатиях эпилептоидного типа сексологические проявления характеризуются склонностью к агрессии и садизму. А мазохизм отмечен у части больных психостенней.

Готовя к изданию книгу «История розги», мы надеемся, что она станет не просто источником интересного чтения, но и поводом задуматься над одной из проблем человека и человечества, оказавшей и оказывающей до сих пор влияние на быт, искусство и религию нашего мира.

ВВЕДЕНИЕ

Нѣкій школьный учитель рассказывалъ, что въ теченіе своей пятидесятилѣтней дѣятельности онъ нанесъ около полумилліона палочныхъ ударовъ и сто двадцать четыре тысячи ударовъ плетью! Если бы этотъ педагогъ жилъ во времена мудраго царя Соломона, то, конечно, онъ былъ бы милъ и дорогъ сердцу послѣдняго. Вотъ ужъ поистинѣ типикъ учителя „добраго стараго времени“! Того времени, когда всѣ преклонялись предъ дисциплиной, не жалѣли розогъ и не потакали дѣтямъ. Счастливые школьники нашихъ дней имѣютъ самое смутное представленіе о томъ времени и о той строгости, въ которыхъ жили и учились наши отцы и дѣды. Теперь наказаніе розгами почти вышло изъ моды; вообще, нынѣшняя розга это — тѣнь той, которая существовала лѣтъ сто тому назадъ; ее можно сравнить съ игрушкой, если представить себѣ ужасное орудіе наказанія давно прошедшихъ, слава Богу, временъ.

Въ эти „давно прошедшія“ времена розгу примѣняли далеко не исключительно къ мальчикамъ. Постепенно она возводилась до степени символа авторитетности, предъ ней дрожали даже бородатые мужчины, въ тираническихъ рукахъ своихъ держали ее и короли, и завоеватели и владѣтельные особы сѣдой старины. Въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, обратившись къ историческимъ источникамъ.

Тѣлесныя наказанія извѣстны чуть ли не со сотворенія міра: объ этомъ повѣствуютъ намъ самые древніе авторы. И нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что розга оказала огромное вліяніе на судьбы человѣчества, причемъ въ эволюціи общаго прогресса разновидности тѣлеснаго наказанія играютъ довольно видную и интересную роль. Изъ исторіи язычества мы черпаемъ массу свѣдѣній о тѣхъ многоразличныхъ родахъ тѣлеснаго наказанія, при которыхъ розга занимала первое мѣсто. Такъ, на примѣр, спины колодниковъ, рабовъ и плѣнныхъ подвергались безжалостной и какъ бы на роду написанной имъ экзекуціи розгами. Плеть или, какъ ее принято называть въ общежитіи, плетка явилась на сцену гораздо позже, и именно во времена уже христіанства. Особенно хорошо извѣстна была розга древнимъ Персамъ, и даже знатнѣйшіе въ государствѣ не были изъяты отъ наказанія ею, причемъ

существовалъ обычай — еще и теперь практикующійся кое-гдѣ на Востокѣ — послѣ экзекуціи приносить всеподданнѣйшую благодарность за „милостивое наказаніе“. Такой „этикетъ“, къ сожалѣнію, еще недавно былъ въ модѣ среди особенно жестокосердыхъ педагогичекъ.

Въ позднѣйшія времена знатные персы были изъяты отъ личнаго наказанія. Мы говоримъ „личнаго“ потому, что, вмѣсто тѣла, экзекуціи подвергалось платье провинившагося, по которому палачъ усердно прогуливался плетью. Такимъ образомъ, жестокая порка замѣнялась довольно пріятнымъ наказаніемъ, и правы, пожалуй, тѣ, которые утверждаютъ, что именно въ это время возникла у персовъ поговорка, трактующая „о правахъ для богатыхъ и о правахъ, писанныхъ для бѣдныхъ“.

До основанія Рима плетка ежедневно усердно прогуливалась по тѣлу рабовъ, причемъ древніе римляне считались великими маэстро и художниками по части примѣненія этого милаго „инструмента“. Какъ въ сатирахъ Ювенала, такъ и въ трудахъ различныхъ писателей того времени встрѣчается обильное количество примѣровъ, прекрасно иллюстрирующихъ всю тяжесть современнаго тѣлеснаго наказанія. Судьи того времени, находясь при исполненіи служебныхъ обязанностей, были буквально окружены цѣлой массой кнутовъ, плетей и розогъ. Есть основаніе предположить, что подобнымъ декорумомъ имѣлось въ виду нагнать страхъ и ужасъ на всѣхъ, обращающихся къ услугамъ юстиціи. Всѣ эти орудія пытки носили различныя имена. Для слабо провинившихся, подлежащихъ легкому наказанію, предназначалась такъ называемая *fegula*, для болѣе тяжелыхъ преступниковъ предназначались и болѣе сложныя наказанія, среди которыхъ наиболее ужаснымъ было страшное *flagellum*. Судьи древняго Рима имѣли неограниченную власть надъ подвѣдомственными имъ подсудимыми, т.е. надъ тѣми несчастными, которые по волѣ рока должны были предстать предъ ихъ грозныя очи. При этомъ нужно добавить, что жизнь рабовъ цѣнилась ихъ господами и господами прямо ни во что, и поэтому нерѣдко несчастные засѣкались буквально до смерти. Въ то же время обычаи древняго Рима требовали содержанія огромнаго штата домашнихъ слугъ, и неудивительно такимъ образомъ, что многіе изъ послѣднихъ чрезвычайно легко впадали въ немилость своихъ повелителей.

Такъ, въ разсказахъ о римской жизни очень часто упоминается о томъ, что тотъ или иной изъ подвергшихся гнѣву рабовъ со слезами на глазахъ умолялъ наиболее симпатичнаго изъ пировавшихъ гостей быть посредникомъ между нимъ и его господиномъ и спасти его отъ грозившей ему порки. Въ весьма обстоятельномъ описаніи пиршества у Тримальхія мы находимъ подтверждающій только что сказанное примѣръ.

Экзекуція рабовъ практиковалась иногда, какъ средство для увеселенія собравшихся на банкетъ гостей или же для услажденія взоровъ сытно попировавшихъ римлянъ. Особенной жестокостью отличались въ то время дамы, превосходившія въ своей строгости

самыхъ суровыхъ мужчинъ; онѣ буквально изошрялись въ выдумываніи наказаній, вслѣдствіе чего горничныя этихъ прелестныхъ деспотовъ въ юбкѣ влачили далеко незавидное существованіе. Туалетная комната знатной римлянки представляла собою не менѣе обширный арсеналь плетей и розогъ, нежели камера судьи. Римлянки имѣли обыкновеніе содержать огромный штатъ женской прислуги, причѣмъ на каждую изъ нихъ возлагалась особая обязанность либо по дому, либо по гардеробу своей госпожи. Особенно жалки были послѣднія; онѣ обязаны были услуживать своей госпожѣ въ полуобнаженномъ видѣ, чтобы такимъ образомъ при малѣйшемъ проступкѣ могло послѣдовать немедленное и надлежащее увѣщеваніе съ рукоприкладствомъ.

По отношенію къ мужчинамъ-рабамъ практиковался особенно излюбленный способъ, заключавшійся въ подвѣшиваніи ихъ за руки на толстомъ брусѣ съ привязываніемъ къ ногамъ солидныхъ тяжестей, чѣмъ устранялась возможность сопротивленія своимъ мучителямъ во время экзекуціи. Порка женщинъ и дѣвухекъ господами производилась нѣсколько иначе; правда, несчастныя тоже подвѣшивались къ палкамъ, но здѣсь проявлялась нѣкотораго рода снисходительность! Жертвы изступленной женственности подвѣшивались не за руки, а... за волосы. Подобная жестокость, чтобы не сказать болѣе, къ счастью, въ позднѣйшія времена никогда болѣе не имѣла мѣста, хотя многія прислужницы, велѣдствіе самыхъ ничтожныхъ причинъ, и продолжали подвергаться со стороны своихъ повелительницъ тѣлесному наказанію. Еще не такъ давно въ Шотландіи одна дама была присуждена къ мѣсячному тюремному заключенію за то, что „отпустила“ пощечину своему лакею. Другая строптивая шотландка была присуждена къ денежному взыскацію и къ возмѣщенію убытковъ за безчестье своей горничной, подвергшейся наказанію розгами!

Въ отчетѣ одного изъ судебныхъ засѣданій мы читаемъ, что нѣкій владѣлецъ фабрики плетеныхъ изъ соломы издѣлій въ Лутонѣ былъ приговоренъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію за то, что подвергалъ тѣлесному наказанію служившихъ у него на фабрикѣ работницъ.

Насколько намъ извѣстно, школьные учителя стали примѣнять къ своимъ воспитанникамъ розгу ужъ очень много лѣтъ тому назадъ. Масса анекдотовъ изъ этой области перешла со времянь самой сѣдой старины, хотя нельзя умолчать также и о томъ, что наряду съ подобными анекдотами — фактами извѣстны случаи, когда учителя подвергались наказанію со стороны своихъ питомцевъ... Наиболѣе любопытнымъ изъ этой области фактомъ является добровольное сѣченіе, вошедшее въ обычай у спартанскаго юношества. Очевидцемъ подобныхъ экзекуцій былъ самъ Плу-тархъ, повѣствующій о нихъ въ своихъ безсмертныхъ сочиненіяхъ. На ежегодныхъ ристалищахъ-конкурсахъ флагеллянтовъ особенно счастливыми считали себя тѣ мальчики, которые могли въ теченіе цѣлаго дня выдержать жестокою порку предъ алтаремъ Діаны, причѣмъ побѣдителемъ являлся, разумѣется, тотъ изъ доб-

ровольцевъ, которому удавалось снести наибольшее количество ударовъ. Тутъ же присутствовали и родители съкомыхъ, которые, ни что же сумняшеса, подбадривали своихъ „артистовъ“ и требовали отъ нихъ, чтобы боль переносилась ими безропотно и „красиво“. Особые жрецы должны были разводить на мѣстѣ представленія священный огонь и, изслѣдуя раны, предсказывать молодымъ героямъ ихъ будущее.

По примѣру спартанскихъ юношей, формировались другія секты флагеллянтовъ или, иначе говоря, хлыстуновъ. Философы, съ такимъ усердіемъ прибѣгавшіе къ розгѣ и плети, могли бы разумнѣе и полезнѣе во всякомъ случѣ распорядиться со своими силами. Несмотря на то, что секты флагеллянтовъ или хлыстуновъ постоянно самымъ безжалостнымъ образомъ высмѣивались, количество ихъ не только не уменьшалось, но, наоборотъ, они распространялись по всему свѣту, причемъ до насъ дошло много рассказовъ о томъ, какими именно обрядами и обычаями сопровождалось у нихъ это пресловутое умерщвление плоти. Всѣ эти секты необходимо причислить, въ сущности, къ разряду воздержанныхъ, и мы хотимъ только упомянуть здѣсь о послѣдствіяхъ публичнаго съченія, практиковавшагося у спартанцевъ, выразившихся въ видѣ отвратительныхъ празднествъ, такъ называемыхъ *Lupercalia*, являющихся собою изумительный примѣръ флагеллянтизма, столь часто наблюдавшагося въ древности.

Очень много споровъ возбуждалъ вопросъ о томъ, какъ именно слѣдуетъ разсматривать бичеваніе: какъ наказаніе или же какъ покаяніе, раскаяніе въ грѣхахъ? Какъ бы то ни было, а суть дѣла здѣсь чрезвычайно проста, ибо тѣлесныя наказанія имѣютъ за своими плечами столько же лѣтъ, сколько и самъ грѣхъ — оба одинаково стары. Флагеллянтизмъ или хлыстовщина возникъ, безъ сомнѣнія, въ качествѣ подражанія наказанію, вѣрнѣе: существовали такіе субъекты, которые обладали столь повышенной силой воли, что сами наказывали себя за содѣянные проступки и грѣхи, а ужъ въ позднѣйшія времена среди особенно благочестивыхъ фанатиковъ самобичеваніе было введено въ ежедневный обиходъ, ставъ своего рода правиломъ. Фаміанъ, кардиналъ Остіи, является первымъ историкомъ, повѣствующимъ объ этомъ родѣ флагеллянтизма; въ своихъ сочиненіяхъ онъ упоминаетъ о той колоссальной энергіи, съ которой нѣкоторыя чрезмѣрно религіозныя натуры прибѣгали къ самобичеванію.

Первое упоминаніе о флагеллянтизмѣ вообще встрѣчается уже въ трудахъ авторовъ, относящихся къ пятому вѣку послѣ Рождества Христова. Сначала онъ у христіанъ вовсе успѣха не имѣлъ, но черезъ небольшой промежутокъ времени настолько увеличился, что обратилъ на себя огромное вниманіе всего христіанства, взволновавъ послѣднее до безконечности. Образовалось большое сообщество, принявшееся усердно и со всей строгостью культивировать искусство самобичеванія. „Флагеллянты“, какъ ихъ принято было называть, начали свою дѣятельность въ Италіи, перенесли ее затѣмъ въ Германію и послѣдовательно добрались

до Англіи. Повсюду они проповѣдывали самобичеваніе, точно оно представляло собою особый видъ удовольствія и неописуемаго блаженства. Подобные союзы флагеллянтовъ возникали подъ вліяніемъ того или иного предразсудка, на примѣръ, изъ страха передъ чумой, которая въ тѣ времена съ неимовѣрной силой неистовствовала повсюду; при этомъ послѣдователи флагеллянтства питали огромную надежду на то, что путемъ тяжелаго покаянія въ грѣхахъ имъ удастся умилостивить ту сверхестественную силу, которая послала на нихъ столь ужасное наказаніе.

Съ теченіемъ времени въ системѣ самобичеванія возникли нѣкоторыя измѣненія; для примѣра возьмемъ Испанію, гдѣ флагеллянты изъ свойственной испанцамъ галантерейности приводили въ исполненіе наложенное на себя наказаніе подъ окнами своей возлюбленной и непременно въ ея присутствіи. Отдѣльные случаи перешли въ моду, и дѣло дошло въ концѣ концовъ до того, что существовали учителя, преподававшіе искусство „придворнаго самобичеванія“ — точь въ точь какъ профессора каллиграфіи!.. Нѣкоторые изъ нихъ доходили до того, что обѣщали преподавать полный курсъ въ теченіе только шести часовъ! Само собой разумѣется, что испанки приходили въ восторгъ отъ подобнаго рыцарства своихъ кавалеровъ и щедро награждали молодыхъ мучениковъ-добровольцевъ нѣжными и довольно прозрачными взглядами.

Извѣстный пѣвецъ Гудибры говоритъ:

Почему не считать съченіе пріятнымъ,
Когда оно производится такъ граціозно?
Почему бы изрѣдка и умѣло
Не раздражать чувства милыхъ дамъ?

Быстро стало развиваться съченіе частное и семейное. Оно приобрѣло значеніе всепокоряющей моды какъ въ родовитыхъ домахъ, такъ и во дворцахъ владѣтельныхъ и коронованныхъ особъ. По историческимъ источникамъ мы знаемъ о королевахъ — первый примѣръ подобнаго рода показала, кажется, Екатерина Медичи¹⁾, — которыя укладывали къ себѣ на колѣни своихъ придворныхъ дамъ и фрейлинъ и наказывали ихъ розгами, словно маленькихъ дѣтей. И ни одна изъ нихъ, какое бы высокое положеніе она ни занимала, не была гарантирована отъ подобнаго наказанія. Никого не спасали ни родъ службы, ни происхожденіе. Придворное званіе, наоборотъ, какъ бы обусловливало преемлемость къ розгамъ... Пажи такъ часто имѣли общеніе съ позорной скамейкой, предназначенной для съченія, что на нихъ буквально

¹⁾ Дочь ея — Маргарита де Валуа, королева Наварская, также жестоко наказывала своихъ придворныхъ розгами. Подробности объ этомъ читатели найдутъ въ сочин. Д-ра А. Дебе. «Физиологія брака». Полный переводъ съ многочисленными дополненіями Д-ра медик. А. 3-го. Глава XX.— Странная страсть. Съченіе. Маргарита де Валуа и розги. Стр. 213. Изд. 1908 г. Въ этой же главѣ много подробностей о съченіи, какъ страсти, а также и въ главѣ XXIII того же сочиненія, въ отд. «Мазохизмъ и Садизмъ».

никѣмъ никакого вниманія не обращалось и ни малѣйшаго сочувствія не вызывалось. Эка важность: пажа съкутъ! Самаго незначительнаго повода достаточно было для того, чтобы рѣшеніе объ экзекуціи было не только подтверждено, но и приведено въ исполненіе. Но не только дамы и пажи представляли собою объектовъ для розги, нѣтъ! Всѣ рѣшительно, соприкосновенные съ королевскимъ дворомъ, постоянно рисковали своей шкурой, вслѣдствіе чего церемоніаль порки буквально входилъ въ росписание обихода ежедневной жизни.

Въ большинствѣ случаевъ въ дворцахъ повелителей и въ замкахъ князей, графовъ и прочихъ представителей бѣлой кости предпочиталось производить наказаніе на кухнѣ. Правда, здѣсь не пороли высокопоставленныхъ особъ, но зато великолѣпно обрабатывали провинившихся священниковъ, замѣченныхъ въ слишкомъ усердномъ поклоненіи Бахусу, дерзкихъ слугъ, невоздержанныхъ горничныхъ, зарвавшихся пажей и прочихъ членовъ дома, съ которыми можно было не особенно то церемониться.

По всѣмъ вѣроятіямъ, экзекуція занимавшихъ высокое положеніе и почетныя должности дамъ и мужчинъ производилась въ какомъ либо другомъ помѣщеніи, и именно такомъ, которое настолько было отдалено отъ помѣщеній челяди, что исключалась всякая возможность насмѣшекъ со стороны послѣдней. Кромѣ того, въ нашемъ распоряженіи имѣется достаточное количество вполне достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что и нѣкоторыя царицы не избѣгали общей участи: ихъ также съкли. Что касается фаворитокъ султана, то по отношенію къ нимъ примѣняются тѣлесныя наказанія сплошь и рядомъ даже и теперь, причѣмъ среди рабынь великаго Сераля розга имѣетъ довольно частое примѣненіе. Въ романахъ и разсказахъ, въ основаніе которыхъ заложена исторія культуры, можно встрѣтить массу анекдотовъ, относящихся къ придворной жизни былыхъ временъ; упомянемъ для примѣра исторію поэта Клопинеля, къ сущности которой мы возвратимся въ послѣдующемъ нашемъ изложеніи.

Среди высокопоставленныхъ особъ, подвергавшихся тѣлесному наказанію, встрѣчаются тоже нѣсколько именъ коронованныхъ особъ мужского пола. — Далѣе приходится считаться еще съ другимъ родомъ флагеллянтства, не менѣе древнимъ по происхожденію и ужъ ни въ коемъ случаѣ не менѣе удивительнымъ: мы говоримъ о такъ называемыхъ „занятіяхъ дисциплиной“ въ монастыряхъ. Нѣкоторые изъ монашескихъ орденовъ проявляли въ этомъ отношеніи особенное усердіе, причѣмъ историческіе документы свидѣтельствуютъ намъ объ удивительнѣйшихъ примѣрахъ примѣненія въ монашествующей средѣ тѣлеснаго наказанія. Еще во времена весталокъ, какъ говоритъ исторія, накладывались самыя суровыя наказанія на тѣхъ дѣвушекъ, которыя не оставались вѣрны данному ими обѣту. И несмотря на то, что дѣвицы эти занимали чуть ли не самое почетное положеніе, — многія изъ нихъ неоднократно подвергались съченію розгами, плетями и другими не менѣе внушительными орудіями. Обыкновенно экзекуція

-весталокъ совершалась такимъ образомъ, что обнаженную дѣвушку окутывали тонкимъ покрываломъ и помѣщали въ темную комнату, гдѣ назначенный жрецъ приводилъ собственноручно въ исполненіе наложенное на провинившуюся наказаніе.

Въ женскихъ монастыряхъ существовало правило (кое-гдѣ оно сохранилось и до сихъ поръ) (?), въ силу котораго всѣ тѣлесныя наказанія, наложенныя на монахинь, совершались наиболѣе строгой и въ тоже время наиболѣе пожилой сестрой-монахиней. Что касается монаховъ, то обязанность съчь ихъ возлагалась обыкновенно на такого монаха, которому впору было прозвище истиннаго человѣконенавистника, причемъ существовали особыя предписанія (строжайшія при этомъ), относившіяся къ тѣмъ границамъ, въ которыхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должна была быть произведена экзекуція впавшаго въ немилость начальства монаха. Въ позднѣйшія времена эти предписанія принимались все слабѣе и слабѣе во вниманіе, и, наконецъ, дѣло доходило въ иныхъ монастыряхъ до того, что чувство стыдливости совершенно въ расчетъ не принималось, и монаха-преступника раздѣвали до-гола и сѣкли въ присутствіи не только всей братіи, но и падкой до подобныхъ зрѣлищъ толпы любопытныхъ. Такъ, на примѣръ, извѣстный монастырь въ К. получилъ декретъ отъ своего непосредственнаго начальства, въ силу котораго монахи, подлежащіе за установленныя проступки наказанію, должны были раздѣваться до-гола, привязывались къ позорному столбу, водруженному на оживленномъ мѣстѣ, на улицѣ или площади, и наказывались розгами на глазахъ всего народа, которому вмѣнялось чуть ли не въ обязанность слѣдить за всей процедурой экзекуціи! Само собой разумѣется, что подвергаться добровольнымъ истязаніямъ каждый могъ тамъ, тогда и какъ, гдѣ, когда и какъ ему заблагоразсудится. Въ зависимости отъ количества и качества ударовъ, нанесенныхъ собственноручно и по своей личной инициативѣ, долгое время превозносились и прославлялись имена героевъ монаховъ и героинь монахинь. Въ тѣ времена нерѣдко устраивались особыя празднества также въ честь такихъ священниковъ бѣлаго и чернаго духовенства, которые отличались чрезмѣрной ревностью къ самобичеванію. Наибольшей славой пользовался Корнелиусъ Адрианзенъ, и въ видѣ высокой чести придуманная имъ метода самобичеванія унаслѣдовала его имя; такимъ образомъ „корнелианское бичеваніе“ означаетъ бичеваніе по обнаженной спинѣ. Еще одно имя священника долгое время пользовалось большимъ почетомъ, благодаря его способу умерщвленія плоти. Мы говоримъ объ патерѣ Жирарѣ, противъ котораго было возбуждено даже судебное преслѣдованіе по двумъ пунктамъ: за бичеваніе и соблазненіе дѣвицы Кардые. Объ этомъ фактѣ, равно какъ и о другихъ непотребствахъ этого святого отца, котораго называли волшебникомъ, много говорится въ особо посвященной процессу книгѣ.

Въ теченіе очень длиннаго промежутка времени, о которомъ мы говорили выше, широко практиковалось какъ публичное

официальное, такъ и частное бичеваніе. Тѣлесныя наказанія цѣнились въ то время такъ высоко, особенно въ монастыряхъ, что для званія старшей сестры и даже для полученія права участія въ выборахъ на болѣе высокій постъ отъ всѣхъ монашекъ требовалась наличность подвига самобичеванія. Инструменты, примѣнявшіеся для этой цѣли, были различны. Отецъ Доминикъ употреблялъ метлу, т.е. пучекъ березовыхъ розогъ. Другіе святые были в: этомъ отношеніи эксцентричнѣе и брали все, что попадалось подъ руку: угольные щипцы, посохи, палки! Третьи прибѣгали къ услугамъ пучка крапивы, четвертые срывали солидную вѣтвь репейника, а одна благочестивая дама наносила себѣ удары пружинами! Святая Бригета истязала себя связкой ключей, другія женщины, обладавшія менѣе пылкой фантазіей, били себя своими собственными руками.

Флагелляція имѣетъ свои романическія и комическія стороны, хотя, казалось бы, отъ школьниковъ и невозможно было бы требовать, чтобы въ „березовой кашѣ“ они въ состояніи были усмотрѣть элементъ чего либо комическаго. Нынѣшніе ученики, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ самое смутное представленіе о томъ юморѣ, который въ прежнія времена находился нерѣдко въ связи съ розгой. Чтобы не оставаться въ данномъ случаѣ голословными, мы помѣстимъ въ послѣдующемъ изложеніи нѣсколько фактовъ изъ исторіи школы Св. Лазаря, которую прежде принято было называть въ Парижѣ „семинаріей хорошихъ мальчиковъ“, и въ которой святые отцы производили поистинѣ невѣроятныя эволюціи въ области наказанія розгами.

Не менѣе доброй славой пользовалось бичеваніе въ теченіе долгаго времени и среди врачей; его рекомендовали въ качествѣ, скажемъ, „шпанскихъ мушекъ“, а также и въ видѣ великолѣпнаго лечебнаго средства при различныхъ заболѣваніяхъ. Въ древности тѣлесное наказаніе разсматривалось, какъ моральное лекарство, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, нынѣшнее еще сѣченіе душевныхъ больныхъ является тяжелымъ наслѣдіемъ прежнихъ воззрѣній. Врачи сѣдой старины были убѣждены въ томъ, что хорошая порція розогъ возбуждаетъ дѣятельность кожи и повышаетъ функціональную способность мышечной системы, вслѣдствіе чего наши прадѣды-эскулапы и прописывали своимъ пациентамъ обильныя порціи всевозможнаго вида и рода ударовъ. Хотя на ряду съ этимъ нерѣдко наблюдались и такіе случаи, когда знатныя дамы приказывали своимъ слугамъ угостить домашняго врача „хорошей дозой“ березовой каши только вслѣдствіе того, что этотъ ученый мужъ подозрѣвался ими въ болтливости и распространеніи нѣкоторыхъ секретовъ своихъ пациентокъ.

Въ послѣдующемъ изложеніи нами будетъ приведено достаточно примѣровъ въ доказательство того, какую могущественную роль играла розга во всѣ времена и во всѣхъ странахъ. *Неперестающая прогрессировать цивилизація, къ счастью, уменьшила количество подобныхъ примѣровъ, хотя нѣтъ еще полныхъ шестидесяти летъ съ тѣхъ поръ, какъ розга была въ домахъ нашихъ полно-*

властной госпожей, да и не только въ домахъ, но также въ правительственныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Господа сплошь и рядомъ наказывали своихъ слугъ, родители — дѣтей, и все это производилось либо розгой, либо при благосклонномъ участіи плетки. Учениковъ пороли очень часто. Госпожа Брунригъ, содержательница училища, запарывала ввѣренныхъ ея попеченію дѣвочекъ до смерти и кончила свою жизнь сама на висѣлицѣ. Еще не прошло и ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ отъ тѣлеснаго наказанія не избавлялъ ни возрастъ, ни полъ. Даже вполнѣ зрѣлыя женщины подвергались наказанію розгами, а докторъ Джонсонъ приводитъ разсказъ о томъ, какъ нѣкая дама въ Лейчестерѣ систематически угощала розгами своихъ дочерей-невѣсть.

Въ Россіи случаи тѣлеснаго наказанія наблюдаются еще и теперь ¹⁾, хотя гораздо рѣже, нежели прежде, но тѣмъ не менѣе необходимо констатировать тотъ фактъ, что кнутъ и палка все-таки составляютъ здѣсь атрибуты уголовного кодекса, т. е. уложенія о наказаніяхъ. Нерѣдко розга примѣнялась въ Россіи къ непослушнымъ балеринамъ и къ инымъ знатымъ дамамъ, которыхъ время отъ времени съ цѣлью нравственнаго леченія подвергаютъ тѣлесному наказанію розгами въ полицейскихъ участкахъ ²⁾. Ежедневно можно слышать въ различныхъ кругахъ исторіи, въ которыхъ фигурируетъ наказаніе кнутомъ.

Въ Англии много лѣтъ тому назадъ существовало обыкновеніе наказывать преступниковъ на улицахъ — обычай, который привьется теперь, пожалуй, по отношенію къ *garotteure*! Въ Брайдвелѣ принято подвергать тѣлесному наказанію женщинъ легкаго поведенія, причѣмъ при экзекуціи присутствуютъ обыкновенно такъ называемыя „сливки общества“, являющіяся на подобныя зрѣлища цѣлыми компаніями. Извѣстны случаи, когда къ хорошей порціи розогъ приговаривались знатнейшія англичанки, попавшіяся — о, ужасъ! — въ воровствѣ. Мало того, приведеніе наказанія въ исполненіе поручалось въ такихъ случаяхъ обязательно личному куаферу провинившейся. Такъ, напримѣръ, двѣ придворныя дамы наѣлись вдоволь березовой каши за то, что стащили во дворце короля двѣ суповыя вазы. Заслуживаетъ далѣе вниманія исторія съ нѣкимъ священникомъ, который наказалъ свою при-

¹⁾ Оригиналъ относится къ 1903 году.

Прим. переводчика.

²⁾ Очевидно, авторъ въ данномъ случаѣ ошибается: кнутъ и палки въ „уставѣ о наказаніяхъ“ уже давно не существуютъ, а были плети и розги. Въ самое послѣднее время отмѣнено тѣлесное наказаніе розгами женщинъ, даже каторжанокъ. Затѣмъ отмѣнено наказаніе плетьюми. Отмѣнено также наказаніе розгами крестьянъ, по приговору волостныхъ судовъ, и нижнихъ чиновъ, состоящихъ въ разрядѣ штрафованныхъ. Теперь наказаніе розгами, по закону, можетъ быть производимо надъ мужчинами, находящимися на каторгѣ, въ дисциплинарныхъ баталіонахъ и военной тюрьмѣ. Затѣмъ оно еще примѣняется, но уже вопреки закону, въ административномъ порядкѣ экзекуціонными отрядами при усмиреніи и т. п. случаяхъ.

Переводчикъ.

слугу дѣвушку, словно школьника, и затѣмъ въ цѣломъ трактатѣ съ пѣной у рта оправдывал себя, когда къ нему предъявлено было обвиненіе въ истязаніи несчастной. Въ сельскихъ школахъ Англіи существовалъ обычай во время порки полураздѣвать провинившихся мальчиковъ и привязывать ихъ къ партѣ, причемъ каждый изъ уходящихъ послѣ уроковъ товарищей, или каждая изъ соученицъ приговореннаго къ наказанію должны были нанести трепетавшей жертвѣ по одному удару.— За исключеніемъ нѣкоторыхъ большихъ казенныхъ низшихъ учебныхъ заведеній, розга въ Англіи вообще больше не примѣняется, причемъ сократилось сильно употребленіе ея даже въ Этонѣ и Гарровѣ. Въ прежнія времена въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ наблюдалось злоупотребленіе розгами, причемъ дѣвочки и дѣвушки всѣхъ возрастовъ не смѣли протестовать противъ „элегантнаго наказанія розгами“. Необходимо прибавить при этомъ, что экзекуція была связана съ различными церемоніями, занесенными въ Англію изъ-за границы, и именно изъ монастырей. Въ одной изъ популярнѣйшихъ англійскихъ газетъ, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, утверждалось, что и теперь еще существуютъ въ Англіи такія школы для дѣвочекъ, гдѣ примѣняются тѣлесныя наказанія. Но такъ какъ ни о чемъ подобномъ никто въ настоящее время и представленія не имѣетъ, то остается предположить, что авторъ указанной выше статьи либо былъ введенъ въ заблужденіе, либо по-просту инсинуировалъ. Далѣе, недавно еще въ одной народной газетѣ былъ поднятъ спорный вопросъ о томъ, разрѣшается ли законами подвергать дѣвочекъ тѣлесному наказанію? Детали, сопровождающія различнаго рода тѣлесныя наказанія, возбуждаютъ общество, причемъ здѣсь не обходится безъ страстнаго утрированія, говорящаго о той „ужасающей жестокости, которая существуетъ въ нашъ прогрессирующій вѣкъ“. Говоритъ нечего о томъ, что доля правды въ этомъ имѣется, что подобнаго рода наказанія снова получили права гражданства въ семейныхъ кругахъ, и что не одна современная представительница прекраснаго пола время отъ времени прописываетъ, кому можетъ, хорошую порку! Недавно еще одна семнадцатилѣтняя барышня помѣстила въ распространенной газетѣ анонсъ, которымъ запрашиваетъ свѣдущихъ лицъ, можетъ ли быть предъявлено ей требованіе объ убыткахъ за безчестіе, которое нанесено ей ея гувернанткой. Послѣдняя высъкла ввѣренную ея заботамъ барышню, словно она была маленькимъ ребенкомъ!

До сихъ поръ еще въ различныхъ государствахъ и странахъ розга является символомъ могущества. Въ Австріи солдатъ „гоняютъ“ сквозь строй. Въ Китаѣ продолжаетъ торжествовать бамбуковая палка, въ Турціи свишутъ батоги. Въ Сіамѣ по ночамъ можно слышать душу раздирающіе вопли наказываемыхъ березовыми прутьями, въ Африкѣ въ полномъ ходу пресловутое „timbo-jumbo“. Въ начальныхъ школахъ Америки ученицы періодически угощаются розгами, отъ какового наказанія, впрочемъ, не избавлены и взрослые дѣвушки различныхъ учебныхъ

заведеній вообще; необходимо отмѣтить при этом, что американцы поистинѣ вправѣ гордятся: вѣдь, они вынесли на рынокъ тѣлесное наказаніе розгами, придумавъ во времена рабства для негровъ даже особую „колотильную машину“!

Не обойдена розга также и поэтами. Намъ извѣстны имена многихъ серьезныхъ, полныхъ чувства поэтовъ и сатириковъ, которые въ своихъ произведеніяхъ воспѣвали и плетку, и розгу. Правда, поэты эти не пользуются особенной любовью и популярностью среди взрослыхъ, но хорошо извѣстны зато дѣтямъ. Наиболѣе почетная роль отведена розгѣ въ книгахъ для чтенія, предназначенныхъ для мальчиковъ и написанныхъ въ 40-50 годахъ. Въ одномъ изъ подобныхъ произведеній приводится рассказъ о двухъ непослушныхъ мальчикахъ, которые „ничего не дѣлали“, и поэтому мама часто наказывала ихъ. Она

Спустила съ нихъ штанишки,
И била, пока не поднялся страшный ревъ.
„Мамочка, что ты дѣлаешь?“
Мать отвѣтила: „Я ничего не дѣлала“!

Если порыться, можно отыскать не одно поэтическое произведение, въ которомъ наказаніе розгой является главной темой; много подобныхъ стихотвореній наши бабушки и дѣдушки заучивали наизусть, не находя въ нихъ ничего для себя неподходящаго или грубаго. Въ настоящее же время, несмотря на одухотворенное и сатирически-юмористическое содержаніе такихъ стиховъ, подрастающему поколѣнію ихъ отнюдь рекомендовать не слѣдуетъ.

ГЛАВА I

Спорный вопрос научнаго характера

Вопросъ о происхожденіи тѣлесныхъ наказаній покрытъ мракомъ неизвѣстности; трудно также установить что-либо по поводу перваго наказанія розгами и ужь совсѣмъ невозможно назвать имя той или того, кто впервые прибѣгнулъ къ подобнаго рода экзекуціямъ. Съ увѣренностью только можно сказать, что примѣненіе порки извѣстно было уже тогда, когда земля далеко не была населена густо. Мы не беремъ на себя смѣлости входить здѣсь въ разсмотрѣніе тѣхъ способовъ наказанія, которые имѣли мѣсто еще въ допотопные времена; наша задача — освѣтить, хотя бы нѣсколько, въ этой главѣ сущность избранной нами темы, придерживаясь при этомъ сравнительно позднѣйшихъ временъ.

Въ теченіе долгаго времени весь ученый міръ былъ чрезвычайно взволнованъ вопросомъ огромной важности о томъ, было ли сѣченіе впервые примѣнено въ качествѣ умерщвляющаго плоть средства или же въ роли наказанія. По поводу обоихъ этихъ положеній велись самые ожесточенные споры. Факты, приводимые въ основаніе своихъ утвержденій обѣими противными сторонами, представляютъ собою не болѣе, какъ массу нагроможденныхъ другъ на друга словъ, латинскихъ цитатъ и комментаріевъ, и такимъ образомъ было далеко не легкимъ дѣло разсортировать всю эту грудку и отдѣлать солому отъ зеренъ. Во всякомъ случаѣ бичеваніе, какъ способъ покаянія, имѣетъ полное право гражданства. Различные способы подобнаго раскаянія въ грѣхахъ и умерщвленія плоти были извѣстны сначала подъ однимъ общимъ именемъ „disciplina“; тѣмъ не менѣе бичеваніе, т. е. примѣненіе плети (*disciplina flagelli*), ставилось при этомъ обязательно на первый планъ и къ тому же такъ усердно, что позднѣе подъ словомъ *disciplina* (дисциплина) непременно понимали именно этотъ родъ или способъ покаянія или эпитиміи. Французы прибѣгаютъ къ слову *disciplina* для того, чтобы выразить имъ понятіе объ инструментѣ, который примѣнялся при религиозномъ умерщвленіи плоти. Такъ, на примѣръ, Мольеръ устами своего Тартюфа говорить каммердинеру:

Эж. Лоран
схизматъ

„Laurent, serrez ma haire, avec ma discipline
Et priez que toujours le ciel vous illumine“.

Такимъ образомъ, подъ словомъ дисциплина слѣдуетъ понимать точно то же, что подъ добровольнымъ бичеваніемъ, т. е. такимъ, которое совершается собственноручно кающимся съ помощью бича, кнута или розги. Собственно говоря, мы не должны входить въ дальнѣйшее разсмотрѣніе поставленнаго выше спорнаго вопроса, потому что различныя предположенія и вѣроятія говорятъ за то, что прежде всего розга была примѣнена не въ качествѣ религіознаго атрибута, а какъ матеріаль для наказанія.

Два другихъ обстоятельства, тѣсно связанныя съ тѣлеснымъ наказаніемъ, заслуживаютъ того, чтобы обратить на нихъ здѣсь вниманіе, ибо и они также являлись пунктами препирательства ученыхъ разныхъ временъ. Мы говоримъ о томъ участкѣ тѣла, которое избиралось для наказанія. Въ этой области взгляды преслѣдователей сильно разнятся одинъ отъ другого. Часть писателей указываетъ на спину и плечи и называетъ такую экзекуцію „верхнимъ наказаніемъ“ — *disciplina sursum*; другіе же говорятъ о *disciplina deorsum*, т. е. „нижнемъ наказаніи“, и утверждаютъ, что сѣдалищныя части представляютъ собою именно настоящее мѣсто экзекуціи.

Большинство ученыхъ отзывается о *disciplina sursum* крайне невыгоднымъ для нея образомъ, ибо она связана съ опасностью для глазъ и груди наказуемыхъ. Чтобы защитить эти чувствительныя мѣста отъ неминуемыхъ поврежденій, въ Швеціи, напримѣръ, гдѣ еще и теперь за извѣстные проступки даже женщинъ подвергаютъ поркѣ, — наказуемый укладывается на мѣдную доску, которая, закрывая всю переднюю часть, оставляетъ свободной спину подвергающагося экзекуціи для воспріятія положеннаго количества ударовъ. Недавно, послѣ порки цѣлой шайки гароттеровъ, одинъ изъ извѣстныхъ медицинскихъ журналовъ опубликовалъ статью, въ которой трактуетъ о томъ, что въ одинъ приемъ не слѣдуетъ наносить болѣе десяти — двѣнадцати ударовъ, и что въ качествѣ устрашающаго метода или, вѣрнѣе, мѣры пресѣченія *disciplina deorsum* является самой подходящей и дѣйствительной.

Патеръ Гретцеръ, одинъ изъ извѣстныхъ въ старину маэстро по части тѣлесныхъ наказаній, заинтересовался вопросомъ о томъ, какая именно часть человѣческаго тѣла является наиболѣе соотвѣтствующей для порки, и получилъ отъ одного изъ ученыхъ врачей своего времени слѣдующій совѣтъ: „Распространенное мнѣніе о томъ, что будто бы удары по спинѣ отражаются вредно на органъ зрѣнія ни на чемъ не основано. Нѣтъ спору: большая потеря крови невыгоднымъ образомъ сказывается на мозгѣ, и отсюда на глазахъ, ибо въ данномъ случаѣ происходитъ уменьшеніе животной теплоты. Но при наказаніяхъ же розгами никогда особенно значительной кровопотери не наблюдается, и мозгъ здѣсь въ рефлекторное страданіе не вовлекается. Напротивъ! Вѣдь, очень часто при глазныхъ заболѣваніяхъ прибѣгаютъ къ приставленію кровососныхъ банокъ на спинную область! Какимъ же образомъ могутъ пострадать глаза при нанесеніи нѣсколькихъ

ударовъ розгами? Правда, на слабосильныхъ это, пожалуй, и отразится, но упитанные субъекты съ здоровымъ организмомъ врядъ ли могутъ реагировать на розги, а если вдобавокъ наказаніе производится такъ милостиво, что никакого кровотеченія не наступаетъ, только слегка окрашивается румянцемъ кожа, то тутъ уже и разговора о вредныхъ послѣдствіяхъ быть не можетъ“.

Вотъ какъ высказался авторитетный врачъ, и подъ этимъ мнѣніемъ вполнѣ убѣжденно подписался патеръ Гретцеръ!

Другой писатель на ту же тему выразился слѣдующимъ образомъ:

„Врачи и анатомы утверждаютъ, что всѣ части человѣческаго организма стоятъ въ такой неразрывной связи другъ съ другомъ, что невозможно воображать, будто, нанося поврежденіе одной части, мы тѣмъ самымъ не вовлекаемъ въ страданіе другой, и при томъ самымъ существеннымъ образомъ. Рефлексъ можетъ наблюдаться сразу или вполослѣдствіи, но наступить онъ навѣрняка — объ этомъ двухъ мнѣній быть не должно. Такимъ путемъ всѣ тѣ, которые съ большимъ усердіемъ занимаются умерщвленіемъ своей плоти, въ концѣ концовъ обязательно серьезно заболѣваютъ и, *volens — nolens*, прекращаютъ добровольно наложенное на себя наказаніе, которымъ имѣется въ виду поднятіе морали“.

Впрочемъ, не всѣ врачи сходятся съ мнѣніями приведенныхъ выше авторитетовъ. Иные считаютъ тѣлесное наказаніе безусловно для органа зрѣнія опаснымъ, и къ нимъ присоединяются монахи-капуцины, прибѣгавшіе къ *disciplina deorsum*. Такимъ образомъ они ограждаютъ себя отъ случайностей, могущихъ имѣть мѣсто при слишкомъ усердной экзекуціи. Большинство монахинь придерживается той же системы, имѣя при этомъ въ виду осторожнѣе относиться къ своимъ глазамъ и щадить ихъ посколькѣ возможно. „По совѣту умудренныхъ опытомъ врачей и извѣстныхъ своей святостью людей, монахини не допускали сѣченія плечей, обрекая на экзекуцію бедра и примѣняя для этой цѣли скрученныя веревки и солидные пучки розогъ“.

Въ данномъ случаѣ принималось во вниманіе еще одно весьма важное обстоятельство. Старѣйшими монашескими статутами всему духовенству строго на строго запрещалось показывать кому либо обнаженный участокъ своего тѣла; этимъ имѣлось въ виду не возбуждать никакихъ животныхъ инстинктовъ. Эти предписанія, между прочимъ, гласили: „Если подобное умерщвленіе плоти, совершаемое втайнѣ, можетъ повлечь за собой опасность, то развѣ благоразумно производить его при свидѣтеляхъ“? Тертуллианъ замѣчаетъ: „Природа придала каждому нехорошему поступку чувство страха или стыда. Какъ же возможно, чтобы мужчина или женщина производили *disciplina deorsum* въ присутствіи постороннихъ“? А Шекспиръ говоритъ:

Самая цѣломудренная дѣвушка представляется
все-таки расточительной,
Разъ она показываетъ лунъ свои прелести“.

Приведенный выш. поучительный и назидательный споръ не сходилъ со сцены въ теченіе долгаго времени, въ концѣ же концовъ получился обычный результатъ: каждый защищалъ свой методъ, называя его наиболѣе цѣлесообразнымъ. Само собой разумѣется, что эти вопросы повлекли за собой возникновеніе другихъ, не менѣе животрепещущихъ и интересныхъ, и о нихъ-то мы находимъ самымъ удобнымъ побесѣдовать съ любознательными читателями нашими въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА II

Краткій обзоръ другого изумительнаго спорнаго вопроса

Делольмъ — или, собственно говоря, аббатъ Буало, братъ поэта, — утверждаетъ, что часть тѣла, на которой мы возсѣдаемъ, заслуживаетъ величайшаго вниманія. Во-первыхъ, потому, что она является характеристической частью человѣческаго пола и образуется благодаря расширенію мускуловъ, каковое, по даннымъ анатоміи, наблюдается только у человѣка и не встрѣчается у прочихъ животныхъ. Во вторыхъ, потому, что отличіе, которымъ обуславливается эта часть, имѣетъ не только почетное, такъ сказать, но и практическое значеніе. Точно такъ же, какъ вертикальное положеніе важно — какъ говоритъ Овидій — „для обозрѣнія солнца, луны и звѣздъ во время странствованія“, точно такъ же важна сѣдалищная часть для всѣхъ искусствъ и наукъ; безъ нея невозможно было бы изучать ихъ, безъ нея невысказано было бы выполнять всякія техническія и механическія работы. При изученіи юриспруденціи, на примѣръ, эта часть тѣла представляется на столько важной и полезной въ смыслѣ выносливости и прилежанія, что нерѣдко ее цѣнятъ такъ же высоко, какъ и голову, и ужъ во всякомъ случаѣ ставятъ на одну линію съ послѣдней. Въ университетахъ въ большомъ ходу выраженіе, смыслъ котораго приблизительно сводится къ слѣдующему: „для изученія юриспруденціи требуется желѣзная голова и свинцовое сѣдалище и, пожалуй, золотая мошна, чтобы имѣть возможность пріобрѣтать необходимые учебники и пособія“.

Но эта часть тѣла не только даетъ человѣку возможность быть ученымъ и прилежнымъ, она придаетъ ему особую красу, ибо сама отличается прекраснымъ строеніемъ. Не придавая особаго значенія взглядамъ различныхъ дикихъ народовъ, украшающихъ свои сѣдалищныя части и съ большимъ стараніемъ разрисовывающихъ ихъ, замѣтимъ только, что греки, этотъ образованнѣйшій народъ, высоко цѣнили красоту „задняго фасада“. Они ставили его безусловно выше другихъ частей тѣла, ибо никогда не воздвигалось алтарей красивымъ рукамъ, ногамъ,

глазамъ или красивому лицу. Но этой части тѣла были воздаваемы ими особыя почести, и греки посвятили Венерѣ храмъ подь именемъ *Venus Kallipyge*¹⁾. Поводомъ къ построению этого храма послужилъ споръ между двумя сестрами, которыя никакъ не могли сойтись во взглядахъ о томъ, у кого изъ нихъ эта часть тѣла сформирована болѣе красиво. Римляне раздѣляли это мнѣніе грековъ, а Горацій зашелъ такъ далеко, что утверждалъ, будто для женщины должно считаться большимъ порокомъ, если эта часть тѣла у нея развита худо, такимъ же, говорить онъ, уродствомъ, какъ если бы у нея былъ плоскій носъ или необычайно большихъ размѣровъ нога.

И у новѣйшихъ поэтовъ вкоренился аналогичный взглядъ. Рабелъе и Лафонтенъ намекаютъ на то же самое, а Руссо говоритъ объ упомянутомъ выше храмѣ Венеры и поясняетъ, что этотъ храмъ является именно тѣмъ, который онъ чаще другихъ посѣщаль бы! Поэтъ Скарронъ въ одномъ, изъ своихъ стихотвореній воспѣваетъ достоинства нѣжности этой части тѣла и посвящаетъ свой трудъ нѣкой дамѣ, мужъ которой былъ возведенъ въ званіе герцога, благодаря каковому обстоятельству жена его получила право возсѣдать въ присутствіи королевы: ей былъ пожалованъ „*le tabouret*“. Тѣ же взгляды раздѣляетъ лордъ Болингброкъ, съ мнѣніемъ котораго можно считаться здѣсь уже потому, что онъ пользовался славой троякаго рода: какъ государственный чело-вѣкъ, политикъ и философъ. Красоту и великолѣпіе часто упоминаемаго сѣдалища воспѣваетъ одинъ изъ остроумцевъ Франціи, бывшій при Людовикѣ XIV генераль-адвокатомъ въ Метцѣ и членомъ академіи. Это — извѣстное стихотвореніе подь названіемъ: „*La Métamorphose du Cu d'Iris en Astre*“.

Съ другой стороны, мы часто сталкиваемся съ тѣмъ, что эта часть тѣла, столь уважаемая иными и приводящая многихъ въ восхищеніе, является для другихъ матеріаломъ для шутокъ и обидныхъ замѣчаній. Желая кого-либо оскорбить, простонародье толкаетъ обижаемаго именно въ эту область, причемъ у всѣхъ націй безъ исключенія „задній фасадъ“ служитъ излюбленнымъ мѣстомъ для пріема ударовъ руками, кнутомъ, плеткой и розгами.

Что и у древнихъ римлянъ господствовалъ подобный взглядъ, объ этомъ повѣствуютъ намъ Плаутусъ и Іеронимъ. У грековъ о томъ же пишетъ философъ Перегринусъ, и въ позднѣйшія времена, когда оба народа — греки и римляне — были соединены подь власть одного императора, они все-таки остались вѣрны тому же взгляду. Доказательствомъ этому служатъ тѣ оскорбленія, которыя были нанесены статуѣ царя Константина во время возстанія въ городъ Эдессъ. Мало того, что жители Эдесса свергли статую съ ея пьедестала, — они принялись еще съчъ ее, и именно по интересующему насъ въ этой главѣ мѣсту! У французовъ образовался даже глаголъ изъ того существительнаго, которое обозначаетъ сѣдалище, и не нужно прибавлять никакихъ словъ, чтобы по одному этому глаголу получить понятіе объ ударахъ или толчкахъ. У Вольтера принцесса Кунигунда говоритъ Кандиду

¹⁾ *Kallos* — красиво, *pyge* — сѣдалище.

„Tandis qu'on vous fessait, mon cher Candide“. Отъ глагола fesser производится существительное fessade, которое, какъ и слово claque, обозначавшее прежде только ударъ, толчекъ вообще, примѣняется въ настоящее время исключительно для ударовъ по тому мѣсту, откуда обыкновенно у людей ноги растутъ. Подобное примѣненіе мы встрѣчаемъ во всѣхъ государствахъ Европы.

Въ концѣ семнадцатаго столѣтія лордъ Молесвортъ въ своей книгѣ „Датскія Извѣстія“ рассказываетъ, что подобное выраженіе получило полныя права гражданства даже при дворѣ датскаго короля. „Для того, чтобы большія охоты при дворѣ такъ же весело заканчивали свое времяпрепровожденіе, какъ и начинали его, существовалъ обычай, въ силу котораго тотъ изъ членовъ императорской охоты, который поймаетъ другого въ неисполненіи тѣхъ или иныхъ правилъ и уличить его въ этомъ, долженъ встать изъ-за стола и рассказать всѣмъ о замѣченномъ нарушеніи законовъ охоты. Когда фактъ преступленія будетъ достаточно освѣщенъ и установленъ, провинившійся становится на колѣни между рогами убитаго оленя, двое изъ присутствующихъ держатъ его за ноги, король беретъ въ руки длинный, тонкій пруть и награждаетъ обвиняемаго по сѣдалищной части брюкъ такимъ количествомъ ударовъ, которое соотвѣтствуетъ размѣру и качеству совершеннаго преступленія. Въ это время охотники съ помощью своихъ рожковъ и собаки — лаемъ оповѣщаютъ о состоявшемся рѣшеніи короля и о совершившемся наказаніи королеву и весь дворъ, приводя ихъ этимъ въ неописуемый восторгъ“.

Въ Турціи удары по брюкамъ (шароварамъ) считались, наиболѣе тяжелымъ наказаніемъ для янычаръ и спайевъ. Въ Польшѣ именно такимъ образомъ наказывались преступленія въ прелюбодѣяніи, причемъ еще до экзекуціи виновныхъ соединяли брачными узами. Случалось и такъ, что наказаніе совершалось спустя долгій промежутокъ времени послѣ свадебнаго обряда. Въ Англіи въ прежнія времена къ подобнаго рода экзекуціи прибѣгали въ самыхъ знатныхъ и уважаемыхъ домахъ. У испанцевъ настолько было принято пренебрежительно относиться къ разбираемой нами части тѣла, что повсюду любой монахъ, перенимавшій на себя — за извѣстную мзду, конечно — грѣхи цѣлой общины, принимался за умерщвленіе плоти бичеваніемъ сѣдалищной области (или во всякомъ случаѣ заявлялъ своимъ кліентамъ, что экзекуція имъ произведена...). Отсюда происходитъ популярная испанская поговорка: „Дѣла такъ плохи, какъ у монаха“. Употребляется она тогда, когда кто-либо хочетъ выразиться, что вынужденъ страдать, не имѣя отъ этого для себя никакой прибыли.

Въ голландскихъ владѣніяхъ на Мысѣ Доброй Надежды, по словамъ Кольбека, во избѣжаніе пожаровъ куреніе табаку на улицѣ воспрещается закономъ подъ страхомъ серьезнаго наказанія плетми. То же наказаніе существуетъ и у персовъ. Такъ, Эхердинъ рассказываетъ, что нѣкій капитанъ, начальникъ караула шахскаго сераля, подвергся экзекуціи за то, что допустилъ иностранца остановиться у воротъ дворца его величества и заглядывать внутрь двора. Китайцы употребляютъ для порки особый

деревянный инструментъ, по наружному очертанію похожій на большую круглую ложку. Въ арабскихъ разсказахъ изъ Тысячи и одной ночи, которые, какъ ни какъ, являются вѣрнымъ изображеніемъ того времени, въ сказкѣ о сапожникѣ Бакбара, мы находимъ подтвержденіе того, что у арабовъ существовалъ аналогичный обычай. Сапожникъ этотъ настолько сильно влюбился въ одну особу, отличавшуюся необычайной красотой, которую онъ случайно замѣтилъ въ окнѣ ея дома, что цѣлыми днями стоялъ и не спускалъ глазъ съ ея оконъ. Дама эта, отъ всей души насмѣхавшаяся надъ несчастнымъ сапожникомъ, черезъ свою рабыню позволила ему войти къ ней въ домъ и заявила ему, что сдѣлаетъ его своимъ возлюбленнымъ только тогда, когда онъ, гоняясь съ ней на перегонки ея большого дома, нагонитъ и схватитъ ее. Но для того, чтобы имѣть возможность быстро бѣгать, плутовка приказала ему раздѣться до нижней рубашки включительно. Сапожникъ, разумѣется, согласился... Послѣ того, какъ онъ пробѣжалъ за красавицей нѣсколько комнатъ, онъ, увлекаемый ею, очутился въ длинномъ и мрачномъ корридорѣ, въ концѣ котораго виднѣлась открытая дверь. Развивъ возможную быстроту, сапожникъ помчался туда и, къ необычному своему изумленію, очутился, пробѣжавъ двери, на одной изъ улицъ Багдада, которая была заселена, главнымъ образомъ, кожевниками. Неожиданное появленіе Бакбара въ его необычномъ костюмѣ безъ рубашки и съ остриженными бровями, произвело такое впечатлѣніе, что нашлись смѣльчаки изъ кожевниковъ, схватили его и вволю насмѣялись надъ нимъ, хорошенько обработавъ своими кожаными ремнями самую мягкія и пухлыя части его тѣла... Въ довершеніе всего на мѣсто происшествія явилась полиція и приговорила неудачнаго ухаживателя къ ста ударомъ по пяткамъ и къ изгнанію изъ города.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы докажемъ благосклоннымъ читателямъ нашимъ, что сѣченіе въ теченіе довольно продолжительнаго времени являлось на всемъ свѣтѣ просто обычаемъ, и что въ тѣхъ странахъ, гдѣ этотъ обычай еще и по сіе время удержался въ школахъ и тюрьмахъ, онъ примѣнялся къ тѣмъ именно частямъ тѣла, на которыхъ люди имѣютъ обыкновеніе сидѣть.

ГЛАВА III

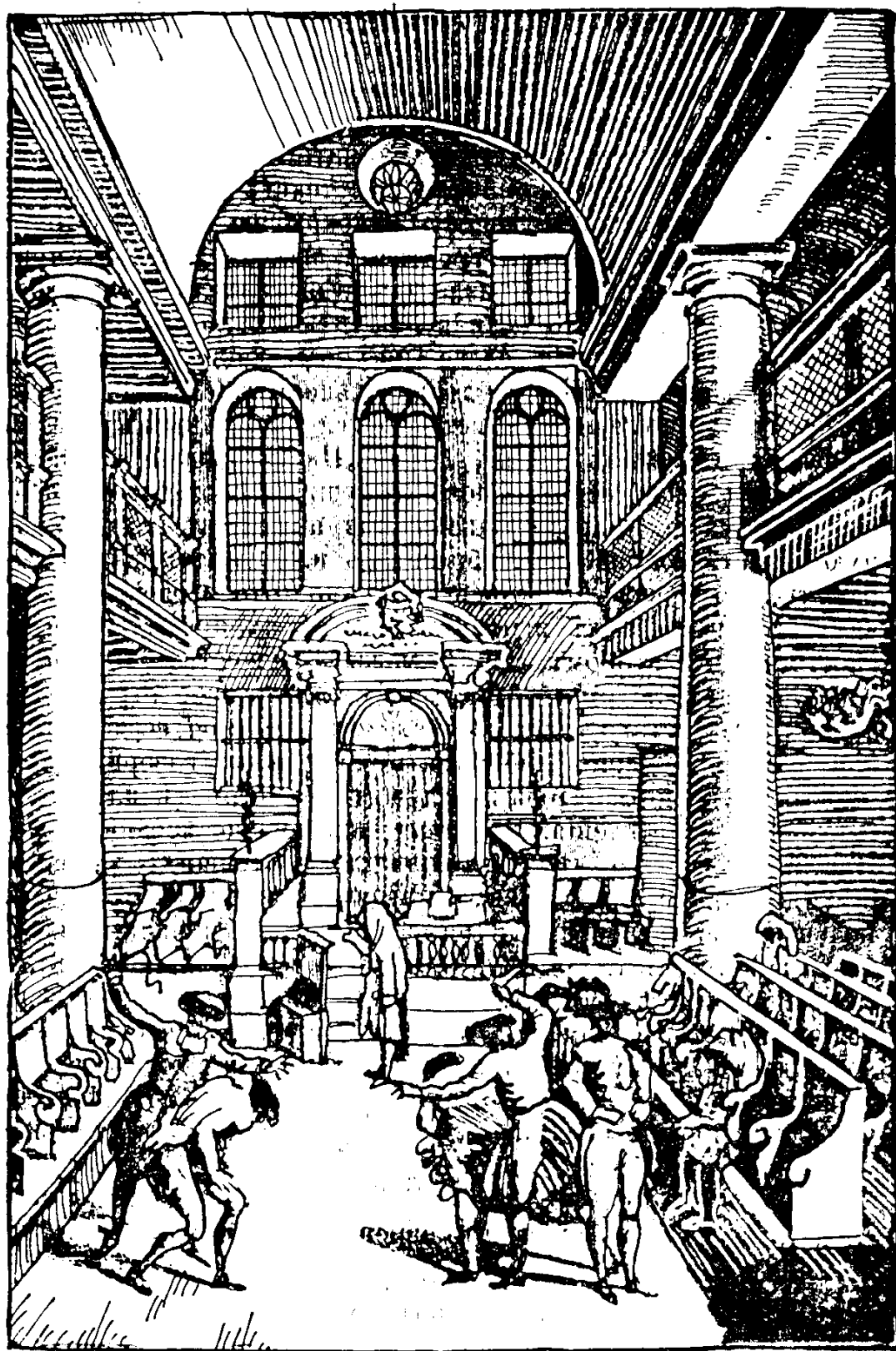
Флагелляція у евреевъ

Происхожденіе тѣлеснаго наказанія, безъ сомнѣнія, относится къ давно прошедшимъ временемъ. Первое упоминаніе о немъ мы встрѣчаемъ во второй книгѣ Моисея (глава пятая), гдѣ говорится о томъ, что Фараонъ отдалъ приказъ избить

израильтянь. Онъ требовалъ отъ нихъ, чтобы они ежедневно доставляли извѣстное количество кирпичей, и если обнаруживалась недостача въ доставкѣ этой натуральной повинности, то выборные, наблюдавшіе за правильнымъ ходомъ дѣла, подвергались обычно солидной поркѣ. Стихъ 14 гласитъ „flagellati sum“, въ 6 стихѣ говорится „flagellis coedimur“, и оба эти выраженія означаютъ одно и то же: экзекуцію плетью или розгами. Въ Ветхомъ Завѣтѣ за опредѣленные грѣхи показуется тѣлесное наказаніе, а въ іудейскихъ законахъ имѣются даже указанія на то, сколько именно разрѣшается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отпустить ударовъ. „И если безбожникъ заслужилъ наказаніе палками, то пусть судья прикажетъ ему тутъ же пасть ницъ, и тутъ, въ присутствіи судьи, виновный получитъ столько ударовъ, сколько ему полагается, въ зависимости отъ содѣяннаго имъ преступленія.— Если наказуемому дано уже сорокъ ударовъ, то больше бить его не слѣдуетъ“. 5. Моисей 25, книга 2, 3. И въ Новомъ Завѣтѣ мы сталкиваемся очень часто съ тѣлесными наказаніями. Всѣ евангелисты рассказываютъ, что Іисусъ Христосъ до распятія былъ наказанъ плетью. Евангелистъ Іоаннъ говоритъ, что Іисусъ свиль плеть изъ веревокъ и изгонялъ ею мѣнялъ изъ храма. Въ апостольскихъ посланіяхъ говорится, что апостоловъ наказывали розгами, и самъ апостоль Павелъ, повѣствуя о своихъ страданіяхъ и преслѣдованіяхъ, перенесенныхъ имъ въ имя Евагелія, говоритъ: „Отъ іудеевъ мнѣ досталось менѣе на одинъ сорока ударовъ“, и „три раза меня сѣкли розгами, одинъ разъ меня забросали камнями, три раза я перетерпѣлъ кораблекрушеніе, цѣлый день и цѣлую ночь провелъ я въ пучинѣ морской“. И затѣмъ далѣе: „Другихъ искушали жестокими насмѣшками и пинками, тюрьмой и оковами“. Приведенныя нами изъ Священнаго Писанія мѣста говорятъ о поркѣ, только какъ о наказаніи, и ни подъ какимъ видомъ не относятся къ добровольному бичеванію, и еще менѣе того къ чрезмѣрному примѣненію плети, вошедшей въ обиходъ монашеской жизни.

Законы Моисеевы опредѣленно ограничиваютъ количество ударовъ числомъ сорокъ, въ дѣйствительности же у евреевъ принято было давать только тридцать девять ударовъ. Объясняется это правило такъ: быть можетъ, при счетѣ произошла ошибка, и потому пусть наказуемый не подвергается случайности получить больше, нежели полагается. Существовало, правда, еще одно основаніе, почему евреи ограничивались тридцатью девятью ударами. Плеть, съ помощью которой производилась экзекуція, приготовлялась изъ кожи и состояла изъ трехъ ремешковъ, одинъ изъ которыхъ выдѣлялся своей длиной настолько, что при каждомъ ударѣ захватывалъ по всей поверхности тѣла; два другіе ремня были покороче. Поэтому били тринадцать разъ, что составляетъ тридцать девять ударовъ, а, вѣдь, слѣдующій ударъ привелъ бы уже къ числу сорокъ два и т. д.

Защитники флагеллянтизма всѣми мѣрами старались обосновать свои взгляды на Священномъ Писаніи и повсюду ссылались на него; въ концѣ концовъ они перелистали всю Библию, но

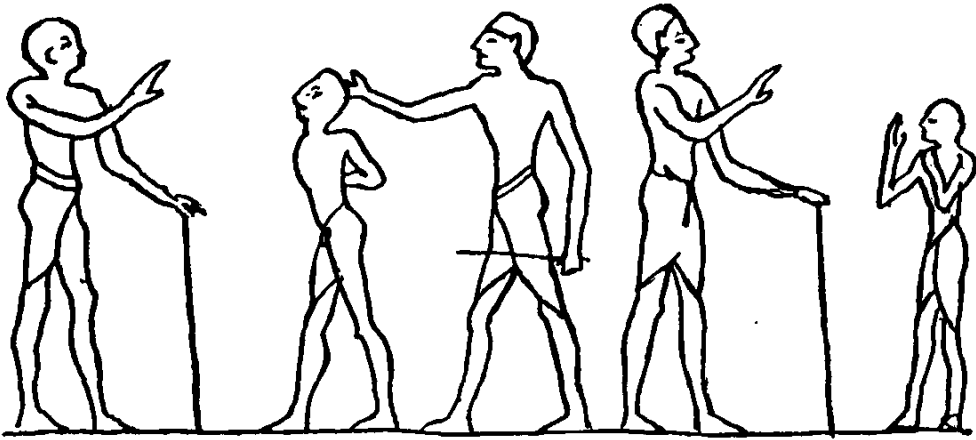

Раскаяніе въ грѣхахъ у евреевъ, совершаемое въ нѣмецкой синагогѣ 100 лѣтъ тому назадъ.

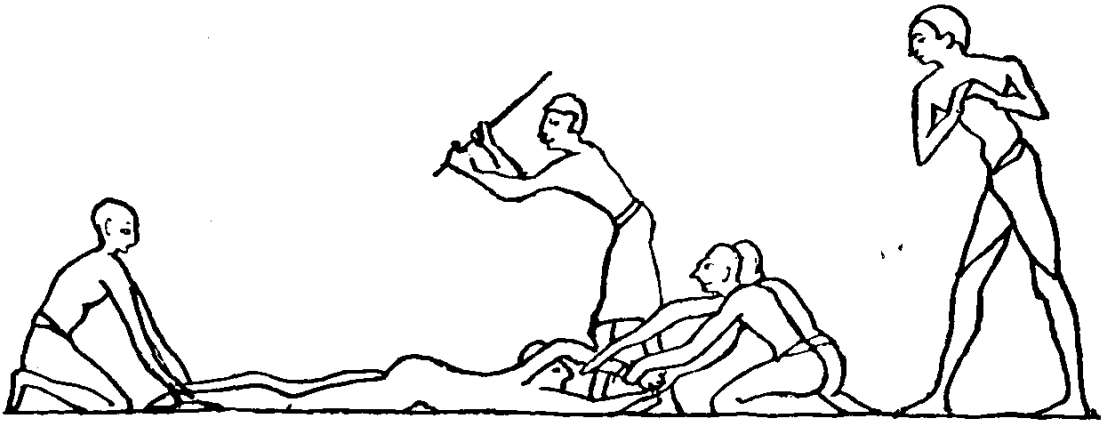
тщетно. Помимо приведенных выше мѣсть, имѣются еще два, которыя указываютъ на бичеваніе, и на нихъ-то ссылались во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда желательно было указать, что тѣлесныя наказанія и связанное съ ними умерщвленіе плоти съ точки зрѣнія Библии являются рекомендуемыми способами. Въ псалмѣ 73 Давидъ поетъ: „И я мучился ежедневно и каждое утро получалъ наказаніе“. Въ словахъ первоначальнаго текста говорится „fui flagellatus“, т. е. былъ сѣченъ, и, если ихъ понимать буквально, они могутъ означать, что псалмопѣвецъ имѣлъ привычку или обыкновеніе ожедневно по утрамъ путемъ бичеванія умерщвлять плоть свою. Большинство специалистовъ придерживается того мнѣнія, что слова эти нужно понимать не буквально, а фигурально, т. е. что удары обозначаютъ горести и преслѣдованія, которыя суждены на этомъ свѣтѣ хорошимъ людямъ. Последнее мѣсто подобнаго же характера находится въ письмахъ Павла къ Коринѳянамъ и подлежитъ большому сомнѣнію. Павелъ говоритъ: „Я заглушаю мое тѣло и укрощаю его“. Многіе извѣстные писатели и знатоки этого вопроса утверждали, что въ этихъ словахъ апостоль говорилъ о своемъ обыкновеніи къ умерщвленію плоти путемъ бичеванія, чтобы такимъ образомъ искоренять зарождавшіеся въ немъ грѣшныя помыслы. Іезуитъ, патеръ Яковъ Гретцеръ, увѣряетъ, что въ первоначальномъ текстѣ греческія слова буквально гласили слѣдующее: „Я покрываю свое тѣло рубцами и ранами, и оно изуродовано силой ударовъ“, причемъ этотъ переводъ признается дѣйствительнымъ нѣкоторыми теологами. Но если исключить мнѣніе этихъ авторитетовъ, то греческія слова ни подъ какимъ видомъ не могли обозначать собою добровольное бичеваніе. Кромѣ этого мѣста, тоже самое встрѣчается еще разъ въ притчѣ о „назойливой вдовѣ“ (Лука, 18,5). „На это она не согласилась и оглушила меня“. Слово „оглушила“ обозначаетъ, собственно говоря, ударъ кулакомъ или палкой въ подглазничную область, которая обезобразилась или, какъ принято выражаться, которая покрывалась синяками. Это слово происходитъ отъ греческихъ игръ, о которыхъ именно и говорилъ апостоль. На второмъ планѣ можетъ существовать еще и такое объясненіе ему: обходиться съ кѣмъ либо строго, холодно или жестоко, либо же наложить на себя воздержаніе или смиренномудріе, либо взять себя, какъ говорится, въ ежовыя рукавицы, чтобы заглушить въ себѣ тѣ или иныя грѣховныя побужденія. Къ этому нужно еще добавить, что Павелъ, говоря о дѣйствительныхъ, настоящихъ ударахъ, никогда приведеннаго выше выраженія не употреблялъ. Большинство греческихъ и римскихъ отцовъ церкви придерживается того взгляда, что Павелъ вовсе не прибѣгалъ къ самобичеванію и что въ упомянутомъ случаѣ онъ хотѣлъ только выразиться эмблематически или символически.

Судя по Талмуду (написанные за 500 лѣтъ до Рождества Христова законы и названные такъ въ отличіе отъ Моисеевыхъ или писанныхъ законовъ), содержащему въ себѣ нѣкоторыя преданія, можно полагать, что у евреевъ также существовалъ

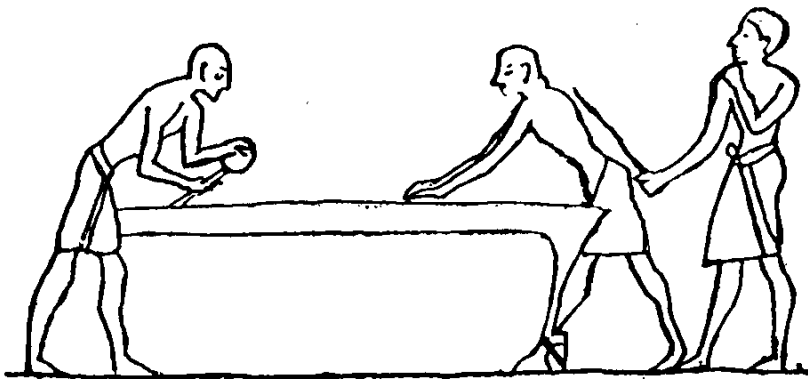
РОЗГА ВЪ ЕГИПЪТЪ

Примѣненіе бастонады.

Фиксирование жертвы во время экзекуціи.

Работники, наказываемые надсмотрщикомъ.

родъ добровольнаго бичеванія. Въ одной изъ главъ (3 „Малкосъ“) говорится, что евреи, прочитавъ издавна установленную молитву и покаявшись другъ другу въ своихъ грѣхахъ, приступали къ бичеванію одинъ другого. Буксторфъ, считающійся лучшимъ въ данныхъ вопросахъ авторитетомъ, въ своемъ трудѣ „Еврейская Синагога“, относящемся къ 1661 году, пишетъ объ этомъ обрядѣ слѣдующее: „Въ каждой еврейской синагогѣ находятся два чело-вѣка, помѣщающіеся въ особомъ углу комнаты; одинъ изъ нихъ распростирается на полу, головой къ сѣверу, ногами къ югу — или иногда наоборотъ — а другой, оставаясь въ стоячемъ положеніи, наноситъ первому тридцать девять ударовъ по спинѣ съ помощью ремня, сдѣланнаго изъ коровьей кожи. Сѣкомый повторяетъ при этомъ троекратно тридцать восьмой стихъ 78 псалма; по еврейски стихъ этотъ заключаетъ въ себѣ какъ разъ тринадцать словъ, причемъ, при произнесеніи каждого слова, наносится новый ударъ, и когда наступаетъ третій разъ, завершается положенное по правилу количество ударовъ. По окончаніи этой операціи, „хирургъ“ превращается въ свою очередь въ пациента. Онъ ложится на полъ точно такъ же, какъ и его жертва, причемъ послѣдняя раздѣлывается по братски добровольца такъ же, какъ онъ самъ прежде продѣлалъ это. Именно такимъ образомъ происходитъ обоюдное наказаніе за грѣхи, и — какъ выражается ученый — „оба трутъ другъ друга, словно ослы“. Подобный обычай еврейской „дисциплины“ описанъ въ книгѣ, носящей заглавіе „Графъ Телеки, исторія новѣйшихъ еврейскихъ обрядовъ и обычаевъ“.

ГЛАВА IV

Флагелляція у римлянъ и т. д.

Тѣлесныя наказанія у древнихъ римлянъ имѣли чуть ли не самое широкое распространеніе; объ этомъ свидѣлствуютъ изслѣдованія многихъ авторитетныхъ писателей-историковъ. Въ каждомъ домѣ обязательно можно было встрѣтить картины, на которыхъ изображались примѣнявшіеся въ то время для наказанія инструменты и вспомогательныя средства. Въ судейскихъ камерахъ судьи были окружены огромнымъ выборомъ всевозможныхъ плетей, кнутовъ, розогъ и кожаныхъ ремней, и все это имѣло въ виду устрашеніе обвиняемаго. Помимо того, существовалъ еще цѣлый арсеналъ пособій, специально предназначенныхъ для наказанія рабовъ; изъ числа такихъ инструментовъ назовемъ особаго рода бечевки, изготовлявшіяся исключительно въ Испаніи. Орудія наказанія носили различныя имена. Такъ, на примѣръ,

извѣстна *tegula*, представлявшая собою плоскій кожаный ремень, слывшій въ то время однимъ изъ самыхъ милосердныхъ и нѣжныхъ инструментовъ. Далѣе елѣдуетъ *Scutica*, сплетенная изъ витаго пергамента, затѣмъ — *flagella* и, наконецъ, самый ужасный инструментъ — *flagellum*. Эта штука наводила сильнѣйшій трепеть и приготовлялась изъ скрученныхъ полосокъ коровьей кожи. Въ третьей сатирѣ своей первой книги Гораций описываетъ различныя градаціи этихъ „устрашающихъ средствъ“. Онъ рассказываетъ между прочимъ, о томъ, какъ нѣкій судья держалъ своихъ служащихъ, въ ежовыхъ рукавицахъ, затѣмъ обращается въ ироническомъ тонѣ къ послѣдователямъ стоицизма, проповѣдывавшимъ мѣры устрашенія и утверждавшимъ, что всѣ преступники равны, и, слѣдовательно, всѣ наказанія должны быть одинаковы. „Сдѣлайте себѣ за правило“, говоритъ Гораций, „чтобы накладываемое вами наказаніе постоянно находилось въ соотвѣтствіи съ совершеннымъ преступленіемъ. Если преступникъ заслуживаетъ быть высѣченнымъ только плеткой изъ скрученныхъ полосокъ пергамента, то не подвергайте его наказанію съ помощью ужасныхъ кожаныхъ нагаекъ. А того, что вы накажете кого либо ударами плоскаго ремня въ то время, когда онъ заслужилъ болѣе тяжелое наказаніе, — я нисколько не боюсь“!

Существовали еще болѣе ужасные инструменты, нежели упомянутые выше *flagellum*, а именно длинные бичи или кнуты, въ окончаніе которыхъ вплетались металлическіе шарики, усѣянные маленькими острыми иголками. Сѣченіе рабовъ въ древнемъ Римѣ производилось настолько часто, что остряки того времени надѣляли несчастныхъ прозвищемъ по роду полученнаго ими наказанія; такъ, напримѣръ, существовали *bestiones*, *bucpedoe*, *verigones*, *flagriones* и т. д.

Наказанія, налагавшіяся на рабовъ, и тотъ ужасъ, который они внушали несчастнымъ, служили очень часто темой, на которой охотно останавливался въ своихъ комедіяхъ Платонъ. Такъ, напримѣръ, въ его „Эгедикъ“ одинъ изъ рабовъ, являющійся въ пьесѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, увидѣлъ, что повелитель его въ одно прекрасное утро обзавелся новой плетью, и изъ этого заключилъ, что господинъ открылъ всѣ его замыслы! Всевозможныя тѣлесныя наказанія служили для Платона неисчерпаемымъ источникомъ для остротъ и шутокъ. Въ одной комедіи рабъ въ шутку обращается къ другому невольнику и спрашиваетъ его: сколько въ немъ вѣсу, когда онъ виситъ нагишомъ привязанный къ балкѣ, а на ногахъ его прикрѣплены стофунтовые тяжести? Необходимо замѣтить, что подобный грузъ привѣшивался къ рабамъ постоянно во время наказанія, чѣмъ имѣлось въ виду, какъ мы уже упоминали выше, препятствовать имъ наносить своими ногами толчки экзекутору, т. е. палачу (послѣдній носилъ названіе *virgator'a*). Въ другомъ мѣстѣ Платонъ дѣлаетъ намеки на ремни коровьей кожи, изъ которыхъ приготовлялись батоги, и совѣтуетъ рабамъ топтать ихъ ногами; при этомъ Платонъ погруженъ въ глубокое раздумье по поводу удивительнаго факта, заключаю-

шагося въ томъ, что „мертвая скотина можетъ наносить вредъ живому человѣку“.

Vivos homines mortui incursant boves!

Мы могли бы привести массу обычаевъ и привычекъ стараго Рима, характеризовавшихъ то могущественное положеніе, которое занимала въ то время плеть или розга. Такъ, на примѣръ, сѣченіе и бичеваніе рабовъ получило такія права гражданства, что плеть или палка могли быть символомъ жизненнаго положенія этихъ несчастныхъ. Камераріусъ повѣствуетъ объ особенномъ обычаѣ, существовавшемъ въ теченіе довольно продолжительнаго промежутка времени и заключавшемся въ томъ, что позади триумфатора, въ его колесницѣ, стоялъ человѣкъ съ плетью въ рукѣ. Это должно было означать, что судьба человѣка вообще крайне измѣнчива, и что съ величія славы можно опуститься до положенія простаго работника невольника.

Для того чтобы высѣчь рабыню, вполне достаточнымъ основаніемъ у римлянки — по словамъ Ювенала — служилъ носъ невольницы, который почему-либо не нравился капризной госпожѣ; иными словами, говоритъ этотъ авторъ, стоило римлянкѣ быть недовольной своей собственной внѣшностью, какъ за это расплачивалась ни въ чемъ неповинная рабыня. У нѣкоторыхъ матронъ существовало даже правило, въ силу котораго рабыни, занимаясь прической своей госпожи, должны были оставаться полуобнаженными, чтобы въ случаѣ малѣйшей погрѣшности, происшедшей вслѣдствіе незначительной неловкости, быть готовой къ воспріятію того количества ударовъ, которое заблагоразсудится назначить пришедшей въ негодованіе барынь. Эти прелестныя фуріи дошли въ концѣ концовъ въ своей жестокости до того, что въ первомъ періодѣ имперіи ихъ власть была до нѣкоторой степени сокращена. Во время владычества императора Адриана нѣкая дама была приговорена къ пятилѣтней ссылкѣ за то, что жестоко обращалась со своей рабыней. Если случалось такъ, что прислужницы разбивали стаканъ или во время варки портили какое либо кушанье, то заранѣе могли раѣсчитывать на самую ужасную порку, которая нерѣдко производилась въ присутствіи гостей, что составляло со стороны хозяевъ особенное желаніе предоставить собравшейся у нихъ публикѣ пріятное развлеченіе. И дѣйствительно, гости были крайне благодарны за доставленное имъ бесплатное зрѣлище. Ювенальъ, описывая настроеніе одной римлянки, недовольной своимъ мужемъ и поэтому обрушивающейся на рабовъ, выражается буквально слѣдующимъ образомъ: „О, горе ея прислужницамъ! Горничныя должны снять верхнія платья свои, прислужникъ получаетъ упреки за долгое отсутствіе свое. Полосы кожаныхъ ремней разрываются о спины нѣкоторыхъ рабынь, у нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ потоками струится кровь подъ ударами плетей, у другихъ — вслѣдствіе ударовъ батогами изъ пергамента“.

Съ теченіемъ времени жестокость знатныхъ римлянокъ по отношенію своихъ прислужницъ достигла такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что одинъ изъ консуловъ выпустилъ даже особое по этому поводу постановленіе. Пятый канонъ этого любопытнаго документа гласитъ: „Если какая-либо дама, разсердившись на свою рабыню, бьетъ ее сама или заставляетъ наказывать другихъ, и если наказанная умереть до истеченія трехъ дней послѣ экзекуціи подѣ вліяніемъ перенесенныхъ истязаній, то здѣсь сомнительно утверждать, что смерть наступила случайно или преднамѣренно. Но если при слѣдствіи окажется наличность преднамѣренности, то виновная госпожа должна подвергнуться ссылкѣ на семилѣтній срокъ; въ случаѣ же недоказанности преднамѣренности, срокъ ссылки сокращается до пяти лѣтъ“.

Матроны, содержавшія большой штатъ прислуги, никогда не унижались до того, чтобы лично наказывать провинившихся рабынь. Но одна изъ знатныхъ римлянокъ не побрезгала этимъ занятіемъ, и за это Овидій насмѣхается надъ ней въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Я ненавижу вѣдму, которая мучаетъ свою прислугу,
Колеть иголками и причиняетъ боль острыми гвоздями,
Вызываетъ кровь и слезы на глазахъ несчастной...
И тотъ въ душѣ проклиняетъ ее,
который отдалъ ей свою руку и сердце.

Для приведенія экзекуціи въ исполненіе содержались особые рабы, носившіе названіе Югагіи. Доставалась работа и официальнымъ палачамъ, извѣстнымъ подѣ именемъ *caprifices*. Особымъ благоволеніемъ для рабынь считалось быть наказанной рукой своей госпожи и повелительницы. Наболѣе жестокой считалась порка тогда, когда она поручалась спеціально для этой цѣли назначенной женщинѣ. Немедленно же послѣ распоряженія матроны несчастная „преступница“ схватывалась, привязывалась за собственныя косы къ косяку двери, столбу или колоннѣ, и начиналась экзекуція, производившаяся по обнаженной спинѣ либо скрученными веревками, либо плетью изъ воловьего хвоста, пока госпожа не произносила: „Довольно“! или „Иди“!

Но не только рабовъ и рабынь сѣкли римляне и римлянки: они примѣняли широкой рукой это средство повременамъ и къ тѣмъ любвеобильнымъ юношамъ, которые имѣли дерзость заводить въ домъ ихъ амурныя интрижки. Наболѣе излюбленнымъ и подходящимъ нарядомъ для подобныхъ приключеній считалась верхняя одежда рабовъ, такъ называемый киттель; въ такомъ костюмѣ каждый мужчина могъ проникнуть въ любой домъ и незамѣченнымъ оставаться тамъ столько, сколько возможно. Но если случалось такъ, что хозяинъ дома примѣчалъ непрошеннаго гостя, или же если вѣрная мужу жена сама рассказывала ему о дерзкомъ посѣтителѣ, тогда послѣдній разсматривался какъ бѣжавшій отъ своего господина рабъ, проникшій въ чужой домъ съ преступ-

ными намѣреніями, и тутъ ужъ съ нимъ обращались, какъ съ настоящимъ рабомъ. Обстоятельства для отомщенія были во всякомъ случаѣ благоприятны, а если принять во вниманіе суровый темпераментъ древнихъ римлянъ и ихъ ревнивый нравъ, то не трудно, разумѣется, предположить, что они не упустили столь подходящего случая. Кончалось дѣло тѣмъ, что какой-нибудь юный Донъ-Жуанъ, возымѣвшій намѣреніе совратить съ пути истиннаго жену ближняго своего, жестоко въ этомъ раскаявался... Подобныя экзекуціи, какъ не трудно догадаться, были для настоящихъ рабовъ огромнымъ развлеченіемъ и составляли для нихъ цѣлое празднество.

Но зачастую случалось такъ, что, вслѣдствіе обширнаго штата рабовъ въ римскихъ домахъ, искателей любовныхъ приключеній открывать не удавалось. Извѣстный исторіографъ Саллюстій вознамѣрился ухаживать за Фаустиной, женою Мило и дочерью Тулліи, но былъ пойманъ и не только жестоко избитъ, но и вынужденъ былъ уплатить значительную сумму денегъ въ видѣ штрафа за непозволительное поведеніе.

Не говоря уже о примѣненіи тѣлесныхъ наказаній въ смыслѣ требованія соблюденія извѣстной нравственности, примѣненіе плети и другихъ подходящихъ инструментовъ было въ большемъ ходу у древнихъ римлянъ во время религиозныхъ празднествъ, а именно во время праздника Луперцалій, основаннаго въ честь божества Пана. Названіе этихъ торжественныхъ церемоній происходитъ отъ Луперцала, обозначавшаго мѣсто на подошвѣ Палатина, гдѣ производилось жертвоприношеніе. Празднество Луперцалій справлялось пятнадцатаго календа марта мѣсяца, т. е. 15 февраля или, какъ говоритъ Овидій, на третій день послѣ идовъ. Учредилъ Луперцалій Эвандеръ. Виргилій говоритъ о танцующихъ Solii и нагихъ Luregci, причемъ комментаторъ объясняетъ намъ, что эти Luregci представляли собою особыхъ любителей, до-гола раздѣвавшихся во время какого-либо торжества, расхаживавшихъ въ такомъ видѣ по улицамъ Рима съ плетью изъ козьей кожи и избивавшихъ всѣхъ встрѣчавшихся имъ по дорогѣ женщинъ. При этомъ женщины не убѣгали, а, наоборотъ, протягивали свои руки ладонями вверхъ и подставляли ихъ подъ удары, ибо существовало повѣрье, что экзекуція ладоней или другихъ частей тѣла вліяетъ на то, что пострадавшая становится „плодородной“ и приобретаетъ способность съ наименьшими страданіями разрѣшится отъ бремени. Въ самую древнія времена Рима существовало два подраздѣленія этихъ луперцій, которые носили имя двухъ самыхъ знатныхъ римскихъ фамилій: квинтиліаны (quintiliani) и фабіаны (fabiani), къ которымъ позднѣе была присоединена еще третья фамилія — юліаны (julianes), названные въ честь Юлія Цезаря. Самъ Маркъ Антоній не стѣснялся фигурировать въ роли Luregci и, бѣгая нагишомъ по улицамъ, обращался даже къ народу съ рѣчами. Празднество это было введено во времена Августа, затѣмъ было нѣсколько видоизмѣнено и обновлено и держалось до періода царствованія Анастасія, т. е. до

РОЗГА ВЪ ЕГИПТЪ И АССИРИИ

Король съ плетью въ рукѣ.

Ассирійскіе работники: рабы, переносящіе колоссальную статую.

496 года, уже гораздо позднѣ послѣ возникновенія христіанства. Въ роли луперковъ бѣгали по улицамъ члены самыхъ родовитыхъ домовъ, причемъ съ теченіемъ времени въ самой церемоніи было сдѣлано большое улучшеніе (!). Женщины уже не довольствовались ударами, наносимыми по рукѣ, а въ свою очередь также раздѣвались и такимъ образомъ доставляли луперку возможность еще рельефнѣе доказать силу и ловкость своихъ мышцъ. Шутники утверждали, что дамы приходили въ такой восторгъ отъ подобнаго «удовольствія», празднество представлялось настолько восхитительнымъ и такъ нравилось всѣмъ, принимавшимъ въ немъ участіе, что сохранилось даже позднѣ того, какъ многіе другіе языческіе обряды и обычаи перешли въ область воспоминаній. Конецъ этимъ луперціямъ былъ положенъ папой Гелазіусомъ, но его запрещеніе встрѣтило столько неудовольствія и возраженій, что онъ вынужденъ былъ даже написать и обнародовать особую извинительную записку.

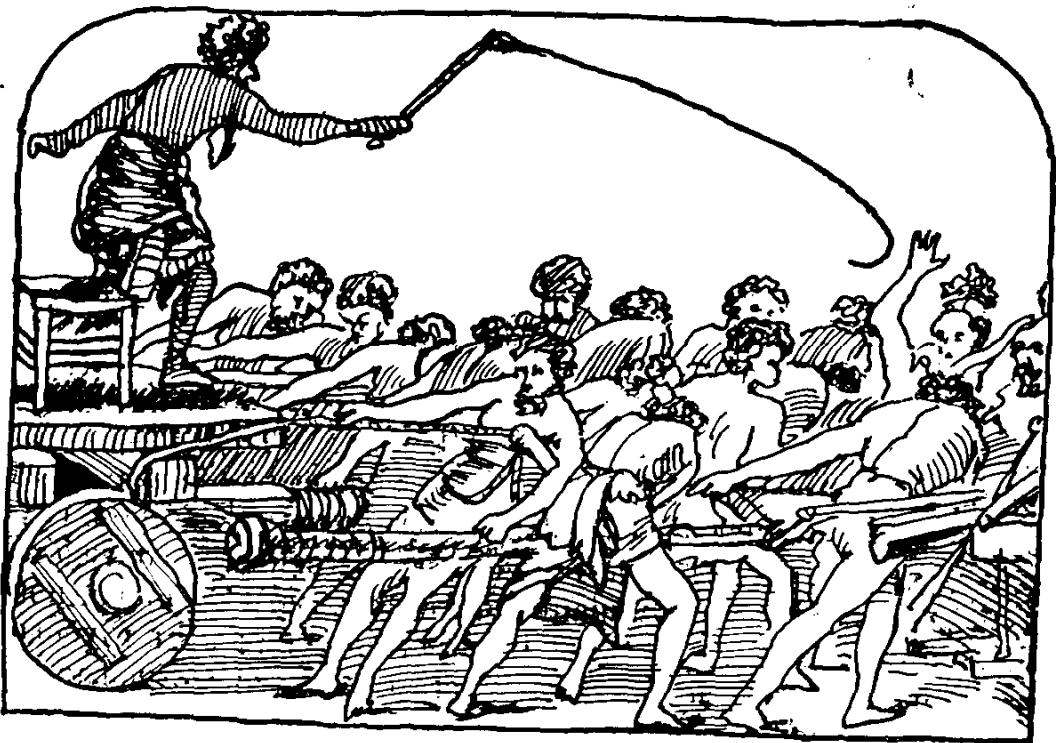
Бичеваніе во время празднествъ вошло у многихъ народовъ древняго міра просто въ родъ обряда; свое происхожденіе оно беретъ изъ Египта. Отецъ исторіи Геродотъ рассказываетъ, что во время ежегоднаго праздника въ Бузурисѣ въ честь богини Изиды „въ то время, когда совершалось жертвоприношеніе, всѣ поклонявшіеся въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, мужчины и женщины, занимались избіеніемъ другъ друга“. По убѣжденію сирійцевъ, такимъ поведеніемъ можно было умиловить божества; при этомъ жрецы пользовались особымъ инструментомъ, приготовленнымъ изъ сплетенныхъ изъ шерсти веревокъ съ задѣланными въ нихъ небольшими узлами.

Въ Лакедемоніи ежегодно устраивался праздникъ, называвшійся „день бичеванія“; онъ состоялъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что передъ алтаремъ Діаны усердно сѣкли мальчиковъ. Аналогичныя описанія встрѣчаются у различныхъ авторовъ, причемъ всѣ исторіографы сходятся въ томъ, что родители и друзья наказываемыхъ мальчиковъ при этой торжественной экзекуціи не присутствовали. Такихъ мальчиковъ называли *Вомпісае* и избирали преимущественно изъ самыхъ знатныхъ домовъ, и только позднѣ допускалось вербовать жертвъ изъ менѣ почтенныхъ слоевъ населенія и изъ служащаго класса. Церемонія производилась особымъ служащимъ, отъ котораго требовалась полнѣйшая строгость и отсутствіе жалости; для того же, чтобы исключить возможность болѣе сострадательнаго отношенія, у алтаря во время экзекуціи находился жрецъ съ небольшою статуэткой богини въ рукѣ, которая при малѣйшемъ ослабленіи ударовъ плети внезапно становилась невыносимо тяжелой. Родители требовали отъ своихъ сыновей полнѣйшаго воздержанія отъ криковъ во время порки, ибо самое незначительное, но громкое выраженіе боли считалось для лакедемонянина позорнымъ. Очень часто изъ ранъ, мальчиковъ струилась кровь, и, несмотря на это, рѣдко раздавался стонъ или вообще какое-нибудь выраженіе страха или боли, хотя многіе изъ сѣкомыхъ такъ и умирали подъ плетью.

РОЗГА ВЪ ЕГИПТѢ И АССИРИИ

Экзекуція плѣнниковъ солдатами Асхергбама
во время войны противъ сузанцевъ.

Набросокъ изъ „Израиль въ Египтѣ“.

Подобная смерть считалась въ высшей степени почетной, похороны несчастной жертвѣ устраивались самыя торжественныя, и голова покойника украшалась вѣнкомъ изъ прекрасныхъ цвѣтовъ. Происхожденіе этого празднества остается до сихъ поръ неизслѣдованнымъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, учрежденіе его относится къ Ликургу, который такимъ путемъ имѣлъ въ виду приучить спартанское юношество къ лишеніямъ, болямъ и терпѣливому отношенію къ ранамъ. Это называлось „закалить мальчика“. Другіе же утверждали, что такія экзекуціи были предписаны, но смягчены впоследствии оракуломъ, который требовалъ, чтобы на алтарь Діаны приносилась въ качествѣ жертвы человѣческая кровь; учредилъ ихъ будто бы, по словамъ этихъ исторіографовъ, Орестъ послѣ того, какъ привезъ изображеніе Діаны изъ Тавриза въ Грецію. По другимъ преданіямъ, Павзаній, совершая жертвоприношеніе богамъ, передъ началомъ войны противъ Александра Македонскаго, подвергся нападенію огромнаго количества лидійцевъ, помѣшавшихъ обряду и обратившихся въ бѣгство послѣ того, какъ на нихъ посыпался градъ палокъ и камней, служившихъ въ рукахъ спартанцевъ единственнымъ оружіемъ самозащиты. Въ воспоминаніе этого событія и было введено избіеніе мальчиковъ, которое почиталось всѣми такъ глубоко, что пережило многія политическія теченія, существовавшія въ спартанской республикѣ. О еракійцахъ также рассказывается, что въ определенныхъ случаяхъ народъ этотъ прибѣгалъ къ поркѣ юношей изъ лучшихъ семействъ, причемъ экзекуція производилась самымъ жестокимъ образомъ.

ГЛАВА V

Флагелляція въ храмахъ

Къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ указаній на то, существовало ли бичеваніе у первыхъ монашескихъ орденовъ, а статуы, установленныя основателями ихъ, не упоминаютъ, также ничего о добровольномъ употребленіи плети или розги. Преданія, дошедшія до насъ объ этомъ періодѣ, говорятъ, главнымъ образомъ, о тѣхъ наказаніяхъ, которыя примѣнялъ „отецъ лжи“ по отношенію къ святымъ; основаніемъ для этого служило, по всѣмъ вѣроятіямъ, то обстоятельство, что чрезмѣрная святость казалась ему невыносимой.

Святой Антоній, основатель монашеской жизни, былъ особенно въ данномъ случаѣ почтенъ. Діаволь часто навѣщалъ его, испытывалъ его добродѣтели, всѣми способами старался искоренить

въ немъ все хорошее и очень часто прибѣгалъ при этомъ къ примѣненію плети или розогъ. Такой же участи подвергались и другіе святые. Хотя самобичеваніе и не требовалось древними монашескими статутами, тѣмъ не менѣе оно считалось превосходнымъ исправительнымъ методомъ, причемъ власть начальника ордена всегда простиралась до того, что назначеніе имъ тѣлеснаго наказанія считалось безапелляціоннымъ. И еще до возникновенія монастырей вообще, бишофы, т. е. епископы, первыхъ христіанъ пользовались преимуществомъ наказывать тѣлесно членовъ какъ своей, такъ и другой общины.

Въ подобныхъ экзекуціяхъ настоятели монашескихъ орденовъ пользовались неограниченными полномочіями. И разъ только кто-либо изъ монаховъ попадался въ кражѣ или въ членовредительствѣ, либо изобличался во лжи и, несмотря на предостереженіе братіи, все-таки не исправлялся, то, провинившись, въ третій разъ, долженъ былъ въ присутствіи всѣхъ братьевъ подвергнуться процедурѣ увѣщеванія. Но если и это средство оставалось безъ результата, то порочный братъ долженъ былъ понести самое строгое наказаніе розгами“. Въ другомъ монашескомъ правилѣ говорится о воровствѣ: „Если монахъ уличается въ воровствѣ — если онъ заслуживаетъ еще, чтобы его называли монахомъ! — то долженъ подвергнуться тѣлесному наказанію, какъ за повторный случай распутства, и даже еще съ большей строгостью, ибо только развратное поведеніе могло побудить его совершить кражу“. Въ числѣ преступленій или проступковъ, подлежащихъ наказанію поркой, значился также каждый видъ непристойныхъ дѣйствій, совершенныхъ надъ мальчиками или братьями-монахами, причемъ въ подобныхъ случаяхъ наказаніе приводилось въ исполненіе публично. Жесточайшія порки назначались всѣмъ тѣмъ, которые упорно отказывались раскаиваться въ своихъ грѣхахъ, проявляя при этомъ чрезмѣрную гордость и не желая явиться къ своему непосредственному начальству съ полной повинной. Попытки убѣжать изъ монастыря также наказывались розгами, за распутное поведеніе и за вовлеченіе другихъ монаховъ въ непристойные поступки полагалось публичное наказаніе розгами. Само собой разумѣется, что общеніе съ представительницами другого пола было строжайше запрещено монахамъ, и за малѣйшее отступленіе отъ предписанныхъ на сей предметъ правилъ полагался жестокой штрафъ. Среди правилъ этого рода находимъ слѣдующее: „Тотъ монахъ, который остается наединѣ съ женщиной и ведетъ съ ней интимные разговоры, переводится на два дня на хлѣбъ и на воду, либо подвергается двумъ стамъ ударамъ“. Такое назначеніе наказанія, т. е. приравненіе основателемъ монашескаго ордена лишенія пищи къ тѣлесному наказанію, является лишнимъ доказательствомъ того, какое высокое значеніе придавалось монашествующей братіей ѣдѣ и питью. Слѣдующій рассказъ служитъ также великолѣпной иллюстраціей того, какую чувствительность проявляли эти „друзья хорошаго стола“. „Одинъ монахъ-бенедиктинецъ разжился гдѣ-то хорошимъ

винцомъ и нѣсколькими вкусно приготовленными блюдами; желая въ то же время насладиться всѣмъ этимъ съ возможно большимъ комфортомъ, гурманъ въ рясѣ пригласилъ нѣсколькихъ товарищей и отправился съ ними въ монастырскій погребъ, гдѣ духовная компанія расположилась въ большой бочкѣ такъ, чтобы быть скрытой отъ постороннихъ взоровъ. Настоятель, замѣтивъ отсутствіе нѣсколькихъ монаховъ, пустился на поиски ихъ и, къ огромному изумленію пировавшей братіи, влѣзъ головой въ бочку, служившую временной столовой. Само собой разумѣется, что монахи сильно испугались, но настоятель успокоилъ ихъ тѣмъ, что самъ забрался въ бочку и раздѣлилъ съ ними трапезу. Спустя нѣсколько чрезвычайно пріятныхъ часовъ, настоятель покинулъ бочку, причемъ нѣкоторые монахи были въ восторгѣ отъ его снисходительности и общительности, въ то время какъ другіе не могли отрѣшиться отъ самыхъ мрачныхъ предчувствій. Насколько послѣднія были основательны, оказалось на слѣдующій день, когда настоятель попросилъ игумена (пріора) занять его мѣсто, а самъ предсталъ предъ всей братіей и покаялся въ томъ преступленіи, которое совершилъ наканунѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ходатайствовалъ о назначеніи соответствующаго наказанія. Провинившіеся монахи должны были послѣдовать примѣру своего непосредственнаго начальника. Въ концѣ концовъ, благодаря умѣлому выбору экзекутора, настоятелю удалось угостить каждого изъ своихъ вчерашнихъ собутыльниковъ изрядной порціей солидныхъ ударовъ“

Поспѣшность и аккуратность, съ которой монахи торопились „вкусить“ трапезу, дала поводъ къ извѣстной пословицѣ: „On l'áttend comme les moines font l'ábe“, что означаетъ: „поджидаютъ его, словно монахи настоятеля“. Иначе говоря — вовсе не ожидаютъ, а усаживаются за столъ послѣ звонка, явился ли настоятель или еще не пришелъ.

Преступное общеніе съ женщинами влекло за собой повторное покаеніе при помощи плети, причемъ существовало правило, въ силу котораго каждый, взирающій плотояднымъ взоромъ на женщину и не исправлявшійся подъ вліяніемъ тѣлесныхъ наказаній, исключался вовсе изъ состава братш, дабы не заражалъ своимъ поведеніемъ собратьевъ-монаховъ.

Основатели монашескаго ордена питали такое большое довѣріе къ внушительности розги, что за всякій проступокъ непременно назначали «березовую кашу», причемъ духовному начальству представлялось право по своему усмотрѣнію и желанію увеличивать количество установленныхъ ударовъ. Нѣтъ ничего, разумѣется, удивительнаго въ томъ, что подобными полномочіями начальствующія лица пользовались зачастую очень широко, вследствие чего верховная власть нерѣдко должна была напоминать своимъ подчиненнымъ, чтобы они не особенно-то увлекались и не засѣкали преступившихъ монастырскій уставъ положительно до смерти. Законы не щадили также послушниковъ и вообще кандидатовъ на духовное званіе и предписывали тѣлесное нака-

заніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, по мнѣнію старшихъ, требовалось улучшить нравственность будущихъ монаховъ и священниковъ.

Въ женскихъ монастыряхъ настоятельницы въ смыслѣ назначенія тѣлесныхъ наказаній пользовались тѣми же правами, что и настоятели. Чаще всего экзекуціи подвергались тѣ монашенки, которыя погрѣшали противъ правилъ приличія или не совсѣмъ строго относились къ своимъ религіознымъ обязанностямъ. Наказаніе, по уставу, должно было производиться въ присутствіи всѣхъ сестеръ, причемъ въ данномъ случаѣ руководствомъ служили слова апостола «Наказывай грѣшащихъ во всеобщемъ присутствіи».

О самомъ способѣ выполненія экзекуціи существовали въ то время различные взгляды и мнѣнія. На состоявшемся въ 817 году съѣздѣ духовенства въ Аахенѣ постановлено было запрещеніе наказывать обнаженныхъ монаховъ въ присутствіи орденовой братіи. Нѣкоторые монастыри строго придерживались этого постановленія, хотя въ другихъ настоятели предпочитали сѣчь по обнаженнымъ участкамъ тѣла, оставаясь при глубокомъ убѣжденіи, что достоинство покаянія отъ этого только повысится. Что касается самой наготы, то нѣкоторые зашли въ этомъ направленіи очень далеко, и существовало даже мнѣніе, что нагота представляла собой особую заслугу и должна была играть роль чего-то священнаго. Греческіе философы, носившіе названіе циниковъ, очень часто появлялись въ публичныхъ мѣстахъ въ такомъ видѣ, какъ ихъ мать родила, не прибѣгая даже ни къ лоскутамъ матеріи, ни къ фиговому листу, причемъ ихъ примѣру слѣдовали также и индійскіе „гимнософисты“, каковое слово означаетъ почти то же, что „нагое состояніе“. Святой Августинъ рассказываетъ объ адамитахъ населявшихъ Европу. Адамиты эти придерживались того мнѣнія, что скорѣе всего будутъ походить на прародителей нашихъ по грѣхопадению тогда, когда будутъ пользоваться тѣмъ же костюмомъ, что и они. Поэтому на всѣхъ празднествахъ своихъ они игнорировали платья, и по временамъ въ такомъ видѣ появлялись даже на улицахъ. Приблизительно въ 1300 году во Франціи возникла подобная же секта, которой народъ присвоилъ кличку скормороховъ (Turlopins); послѣдователи ея проповѣдовали ученіе о наготѣ. Аналогичная секта образовалась въ слѣдующемъ вѣкѣ въ Германіи подъ именемъ пикардовъ. Они упорно проповѣдовали свое ученіе и постоянно появлялись повсюду нагишомъ. Въ 1535 году секта анабаптистовъ сдѣлала попытку устроить въ Амстердамѣ процессію въ костюмахъ Адама, но была встрѣчена враждебно городскими властями и разогнана по домамъ. Въ „De conformatibus“ францисканскихъ монаховъ помѣщена замѣтка о братѣ Юниперѣ, который въ упомянутомъ выше видѣ самолично устроилъ подобную процессію, не обращая при этомъ никакого вниманія на насмѣшки и презрѣніе народа, равно какъ и своихъ собратьевъ по ордену.

Такія процессіи и появленіе совершенно обнаженныхъ людей въ публичныхъ мѣстахъ, какое бы участники процессіи

название и прозвище ни носили, тѣмъ не менѣ возбуждали въ массѣ большой интересъ и вербовали каждый разъ все новыхъ и новыхъ послѣдователей и подражателей. Экзекуціи безъ обнаженія также мало нравились народу, какъ обнаженіе безъ порки. Оба момента должны были быть соединены вмѣстѣ причеиъ кающіеся въ грѣхахъ должны были совершать умерщвление своей плоти сознательно, съ чувствомъ заслуженности и съ проявленіемъ полной терпѣливости. Только при этихъ условіяхъ былъ обезпеченъ успѣхъ, а праздники и всякія торжественности казались благословенными!

Кардиналъ Дамланъ, считавшійся большимъ авторитетомъ въ дѣлѣ всевозможныхъ экзекуцій, рѣшительнымъ образомъ высказывался за обнаженіе во время приведенія въ исполненіе тѣлеснаго наказанія, причеиъ защищалъ свой взглядъ довольно смѣлымъ доказательствомъ: никто, говорилъ онъ, не долженъ стѣсняться показываться въ такомъ видѣ, въ какомъ не конфузился самъ Спаситель!

Еще задолго до того, какъ умерщвление плоти было санкціонировано церковью цѣлымъ рядомъ возведенныхъ въ систему правилъ и предписаній,— оно было въ обращеніи среди единичныхъ фанатиковъ и святыхъ. Пустынникъ Петръ вырвалъ изъ рукъ нѣкоего офицера молодую дѣвушку, которую тотъ хотѣлъ соблазнить, но тутъ у него самого проснулась настолько сильная страсть, что онъ вынужденъ былъ запереться и заняться самымъ жестокимъ самобичеваніемъ. Такимъ образомъ на глазахъ матери сыгравшей столь неожиданную роль дѣвушки Петръ восторжествовалъ надъ своей похотью!

Святой Бардульфъ, жившій въ 737 году, во время поста приказывалъ своему прислужнику бичевать себя; къ тѣмъ же мѣрамъ покаянія прибѣгалъ герцогъ Аквитанскій святой Вильгельмъ. Святой Рудольфъ былъ однимъ изъ самыхъ строгихъ по отношенію къ себѣ, ибо онъ накладывалъ на себя часто такъ называемое столѣтнее покаяніе и выдерживалъ его кряду въ теченіе двадцати дней. Онъ запирался въ своей келіи, бралъ въ каждую руку по пучку розогъ и усердно стегалъ себя, прочитывая въ то же время весь псалтирь. За триста ударовъ и произнесеніе на распѣвъ тридцати псалмовъ покаянія прощались грѣхи, совершенные въ теченіе цѣлаго года; при этомъ считаемъ не лишнимъ добавить, что, въ силу упомянутаго выше столѣтняго покаянія, полагалось во время нанесенія себѣ ударовъ пропѣть весь псалтирь двадцать разъ! Эта метода была излюбленной святого Доминика Лорикатуса. Онъ обыкновенно раздѣвался донага и въ часы отдохновенія, вооружившись двумя пучками розогъ, умерщвлялъ свою плоть. Продолжительность подобнаго раскаянія въ грѣхахъ регулировалась въ описываемыя времена временемъ, потребнымъ для прочтенія или пѣнія псалмовъ. Въ настоящее время покаянія значительно видоизмѣнились, ибо продолжаютъ теперь только ровно столько, сколько требуется для произнесенія медленнымъ темпомъ *Miserere, De Profundis* и *salve Regina*, *Miserere* это — 51-ый, а *De Profundis* 130-ый псаломъ. Далѣе рассказываютъ о свя-

томъ Доминикъ, будто онъ носилъ постоянно плеть при себѣ и наносилъ ею себѣ удары регулярно каждый день передъ сномъ, независимо отъ того, гдѣ именно приходилось ему ночевать. Болѣе всего способствовалъ введенію бичеванія въ церковномъ обиходѣ, конечно, кардиналъ Даміанъ, бишофъ Остіи, дѣятельность котораго относится къ 1056 году. Особыми предписаніями и личнымъ примѣромъ онъ способствовалъ сильному распространенію подобнаго способа умерщвленія плоти, причемъ въ его время сѣченіе вошло положительно во всеобщее употребленіе и сдѣлалось необычайно моднымъ. Повсюду можно было видѣть людей святой жизни различнаго ранга и положенія съ плетями, розгами, ремнями и вѣниками (мѣтлы изъ прутьевъ) въ рукахъ, которые усердно стегали себя этими инструментами, мечтая такимъ образомъ достигнуть благоволенія божественной силы. Свѣтская власть не въ состояніи была спасти отъ подобныхъ покаяній даже самыхъ могущественныхъ королей, а знатные міра сего всѣхъ странъ подчинялись духовной власти добровольно и увеличивали собою ряды самобичующихся.

Въ дѣйствительности, можетъ показаться крайне удивительнымъ, что духовенство ввело столь болѣзненное обыкновение къ примѣненію розги и могло въ то же время такъ долго и много выносить ударовъ ея и прочихъ примѣнявшихся при экзекуціяхъ орудій. Но мы не должны забывать, что могущество духовныхъ отцовъ по отношенію къ накладываемымъ на паству покаяніямъ было неограниченно. Само покаяніе представляло собою церковное таинство, причемъ духовникъ не успокаивался до тѣхъ поръ, пока его пасомый не выполнитъ всѣхъ обѣтовъ, наказаній и параграфовъ, относящихся къ умерщвленію плоти путемъ самобичеванія. Изъ исторіи мы видимъ, что короли, по простому и ничѣмъ немотивированному приказанію своихъ духовниковъ, объявляли войны и предпринимали крестовые походы въ Святую Землю, что королевы паломничали по опаснымъ дорогамъ въ священные города. Послѣ всего этого нечего ужъ удивляться тому, что церковь съ успѣхомъ могла ввести въ обычай и обрядъ болѣзненное и тяжелое по жестокости примѣненіе тѣлесныхъ наказаній.

Со времени введенія послѣднихъ многіе одухотворенные и талантливые писатели рекомендовали розгу и прочіе атрибуты экзекуціи въ качествѣ самага дѣйствительнаго средства для подавленія плотскихъ вождедѣній. Да и на картинахъ съ религиозными сюжетами очень часто фигурировалъ этотъ методъ умерщвленія плоти. Въ своей „*Ars poetica*“ Гораций поетъ: „Художники и поэты постоянно пользовались радостнымъ для нихъ преимуществомъ имѣть право рѣшительно на все“. И на самомъ дѣлѣ, въ картинахъ религіознаго содержанія художники пользовались своимъ правомъ широкой рукою. Они никогда не изображали портретовъ пустынниковъ и святыхъ безъ того, чтобы въ какомъ нибудь углу полотна не фигурировали розги, плети или подобные имъ инструменты для тѣлесныхъ наказаній, и если лики, какъ выразился папа Григорій Великій, представляютъ собой „библіотекъ

невѣжественныхъ христіанъ“, то, по мнѣнію художниковъ съдой старины, розга самымъ строжайшимъ образомъ должна была быть связана со святымъ образомъ жизни.

Начавъ съ самобичеванія, святые отцы церкви, а за ними и духовенство начали примѣнять то же наказаніе по отношенію къ своей паствѣ, а съ теченіемъ времени приняли сами на себя роль исполнителей экзекуціи. Само собой разумѣется, что подобное положеніе вещей породило наличность различныхъ злоупотребленій, и особенно во время исповѣди кающихся грѣшницъ. Неудивительно, что нѣкоторые духовники старались использовать каждый подходящий случай и съ неудержимымъ усердіемъ потворствовали собственнымъ своимъ страстямъ.

Всякій духовникъ, уже по своему амплуа, подверженъ различнымъ въ упомянутомъ смыслѣ опасностямъ. Сплошь и рядомъ ему приходится выслушивать длинныя исповѣди изъ устъ женщинъ всякаго возраста; при этомъ святому отцу передаются и совершенные уже грѣхи, и тѣ, которые вотъ-вотъ собирается совершить данная исповѣдница: Поэтому нечего удивляться, что въ головѣ духовника порою роятся такія мысли, которыя идутъ въ разрѣзъ съ даннымъ имъ обѣтомъ. Зачастую случается и такъ, что подъ видомъ серьезнаго покаянія молодая грѣшница имѣютъ въ виду исключительно соблазнъ своего исповѣдника. Одна изъ такихъ плутовокъ сама призналась, на примѣръ, что, прельстившись проповѣдническимъ талантомъ патера Жирара и не взирая на то, что ему было уже за пятьдесятъ лѣтъ, она возымѣла желаніе во что бы то ни стало обладать имъ. Въ руководствахъ, специально написанныхъ для духовниковъ, послѣдніе предостерегались отъ интимныхъ разговоровъ съ прекраснымъ поломъ, который въ дѣлѣ соблазненія гораздо болѣе искусенъ, нежели мужчины. Исповѣдникамъ рекомендовалось во время посѣщенія ихъ женщинами оставлять всѣ двери исповѣдальни открытыми и, кромѣ того, на видныхъ мѣстахъ повѣсить тѣ выдержки изъ псалмовъ, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ данному положенію и могутъ служить средствомъ къ укрощенію животныхъ инстинктовъ и злыхъ мыслей. Вотъ подходящее выраженіе изъ *Retro Satanes*: „Изыйди, сатана“! Такимъ образомъ имѣлось въ виду устранить возможность соблазна.

Впрочемъ, въ нашемъ распоряженіи имѣется достаточное количество примѣровъ того, что духовныя лица не препятствовали своимъ духовнымъ дочерямъ злоупотреблять подобными предписаніями; мало того, они сами очень часто употребляли всѣ усилія для того, чтобы злые помыслы кающихся грѣшницъ не явились общественнымъ достояніемъ. Въ своемъ разсказѣ „*Les cordeliers de Catalogne*“ Лафонтенъ рассказываетъ о подобныхъ случаяхъ. Нѣкій испанскій монахъ, на примѣръ, уговаривалъ молодыхъ женщинъ жить съ нимъ въ „святомъ общеніи“. Другіе для достиженія тѣхъ же цѣлей прибѣгали къ розгамъ, возражая на естественное чувство стыда, появлявшееся при экзекуціи у духовныхъ дочерей, ссылкой на Адама и Еву, которые пребывали въ раю также оголенными, и на обрядъ крещенія и воскресенія Господня.

Съченіе разсматривалось, какъ необходимый симптомъ подчиненія церкви, равно какъ и родъ удовлетворенія за совершенные грѣхи; при этомъ отлученіе отъ церкви никогда не обходилось безъ того, чтобы кающійся не подвергся предварительно публичному наказанію. Генрихъ II Англійскій безразсудными и наглыми рѣчами старался убѣдить многихъ, что требуется смерть Ѳомы, епископа кентербирійскаго. Вскорѣ епископъ дѣйствительно былъ убитъ, и, несмотря на то, что король выражалъ по этому поводу великое свое сожалѣніе, церковь до тѣхъ поръ не хотѣла дать ему отпущеніе, пока онъ не подставитъ обнаженную спину свою подъ удары розогъ. Покаяніе въ грѣхахъ было совершено въ кентербирійскомъ кафедральномъ соборѣ. Король преклонилъ колѣни предъ могилой убитаго Ѳомы, обнажился до половины, спустилъ власяницу, покрывавшую его плечи, и, отъ руки cadaго присут-

Экзекуція Генриха II у могилы Ѳомы Бекеттскаго.

ствоваваго въ соборѣ епископа получилъ по пяти ударовъ, а монаха — по три (ихъ было восемьдесятъ). Экзекуцію началъ Фаліотъ, стоявшій рядомъ съ королемъ съ собой „монашеской розгой“ (balai) въ рукъ.

Генрихъ IV также долженъ былъ подвергнуться подобному церковному покаянію прежде, чѣмъ за еретичество отправиться въ ссылку, но онъ былъ очень хитеръ и всѣми способами постарался избавиться отъ этого наказанія путемъ подставныхъ лицъ. Его замѣстителями были монсиньоръ d'Ossat и монсиньоръ du Serгон, сейчасъ же вслѣдъ за симъ получившіе санъ епископа. Наказаніе было произведено самимъ папой, причеиъ во время экзекуціи распѣвалось Miserere; судя по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ розга, какъ бы изъ уваженія къ личностямъ наказуемыхъ, была особенно къ послѣднимъ милостива.

Еретики не были изъяты изъ сферы дѣйствія плети; наоборотъ, она очень часто гуляла по ихъ спинамъ; при этомъ духовные отцы

имѣли въ виду возвратить ослѣпленныхъ къ церкви, которая одна только могла создать завидное блаженство. И если только вѣрить біографамъ святыхъ, то прекрасная половина человѣческаго рода въ свою очередь имѣла также долю въ этихъ убѣдительныхъ увѣщаніяхъ. Очень часто легкомысленныя и лукавыя женщины безпокоили преданныхъ отцовъ церкви, причемъ послѣдніе крайне рѣдко отпускали ихъ безъ того, чтобы не прописать грѣшницамъ основательной порки. О Бернардинѣ изъ Сіены рассказываютъ, какъ въ отвѣтъ на любовное признаніе молодой женщины онъ отвѣтилъ энергичнымъ языкомъ розги, причемъ рассказчикъ прибавляетъ: „Отвѣдавшая березовой каши женщина еще сильнѣе возлюбила святого отца, тѣми же чувствами проникся къ нему и мужъ красавицы, узнавшій о ея похожденіяхъ“.

Послѣдователи самобичеванія не ограничивались исключительно предписаніями и примѣрами бичеванія самихъ себя и другихъ при каждомъ удобномъ случаѣ и, наконецъ, длинными и учеными трактатами. Нѣтъ! Для проповѣдыванія основъ своего ученія они изобрѣтали всевозможныя изумительныя исторіи. Возможно, что въ своемъ воодушевленіи они сами вѣрили въ нихъ, либо предполагали, что всѣмъ этимъ небылицамъ прежде всего повѣрить простой народъ. Одинъ изъ святыхъ утверждаетъ даже, что путемъ бичеванія можно спасти грѣшныя души изъ ада, что неоднократно подтверждалось примѣрами. Монахъ по имени Винцентъ (Викентій) рассказываетъ, что въ монастырѣ святого Сильвестра въ Италіи умеръ монахъ и, когда вся братія пѣла у гроба его зауспокойныя молитвы, онъ вдругъ воскресъ, сталъ ужасно браниться, проклиналъ Бога и Дѣву Марію за то, что въ аду его сильно мучили, причемъ пѣніе псалмовъ нисколько ему не помогло. Несмотря на усердныя увѣщанія, монахъ не переставалъ богохульствовать до тѣхъ поръ, пока монахи, присутствовавшіе при этомъ, не раздѣлись догола и не стали истязать себя плетьюми... И вдругъ свершилось чудо: грѣшникъ сталъ благоразуменъ, началъ просить прощенія и раскаиваться. Живеронъ и до сихъ поръ восхваляетъ Господа Бога и молится ему и вообще обнаруживаетъ полную покорность.

Помимо рассказовъ, трактующихъ о пользѣ бичеванія, имѣется еще цѣлая серія такихъ, которые созданы для вселенія страха невѣрующимъ. Кардиналъ Стефанъ, ревностный противникъ флагеллянтизма, въ наказаніе за свои „ложныя возрѣнія“ скоропостижно, говорятъ, скончался. De Chantpré рассказываетъ объ одномъ парижскомъ каноникѣ Викторѣ и говоритъ, что послѣдній всю жизнь свою боролся съ желаніемъ подвергнуться бичеванію или самобичеванію. Незадолго до своей смерти онъ въ разговорѣ съ однимъ изъ своихъ братьевъ по монастырю выразился, что желаетъ посѣтить послѣдняго съ того свѣта. Въ одинъ прекрасный день каноникъ умеръ и дѣйствительно явился къ монаху съ визитомъ. „Ну-съ“, спросилъ монахъ, „какъ поживаешь, милый другъ?“ „О, прекрасно“, отвѣтилъ умершій каноникъ, „но, вслѣдствіе того, что при жизни я не хотѣлъ наказывать свое тѣло, каждая

Наказаніє солдата, привязанного къ треугольнику

Отець Едмондъ, єпископъ Контербирійскій, наказывающій свою духовную дочь плеткой.

душа, находящаяся въ аду, во время моего странствованія по чистищу, не посмѣла нанести мнѣ ни одного приличного удара“.

Случается и такъ, что сѣченіе происходитъ по предписанію діавола. Святой Виргилій рассказываетъ, что самъ сатана отдалъ распоряженіе — высѣчь вора четырьмя розгами, такъ какъ онъ украсть изъ алтаря одного святого четыре восковыя свѣчи. Въ свою очередь, и чорту приходится временами получать порку, и даже по назначенію святыхъ женщинъ, какъ повѣствуютъ намъ о томъ преподобные отцы. Въ своей книгѣ „Причина происхожденія празднества тѣла Христова“ отецъ Физенъ говоритъ объ одной монашенкѣ по имени Корнелія Юліана; въ комнатѣ этой монашки другія сестры слышали очень часто страшный шумъ. Этотъ шумъ объяснялся ея борьбою съ злымъ духомъ, котораго она, крѣпко придерживая, награждала ударами плети, топтала ногами и вообще жестоко издѣвалась надъ нимъ.

Святые, оказывается, часто покидали рай, и даже сама Дѣва Марія, случалось, являлась на землю, чтобы защищать ревностныхъ послѣдователей вѣры отъ притѣсненій и несправедливости. Нѣкій епископъ лишилъ сана одного каноника за то, что считалъ его невѣжественнымъ и неподходящимъ къ духовному званію. Но такъ какъ каноникъ этотъ являлся большимъ почитателемъ Божіей Матери, то послѣдняя предстала какъ-то ночью въ сопровожденіи нѣкогого мужа предъ епископомъ, приказала выпороть его и велѣла назначить каноника на прежнее мѣсто.

ГЛАВА VI

Флагелляція у кармелитовъ

Первоначальныя правила, введенныя въ кармелитскомъ ордѣнѣ, отличались своею мягкостью и содержали мало предписаній, касавшихся умерщвленія плоти и покаянія, равно какъ и другихъ религіозныхъ пытокъ. Святая Тереза, основательница ордена босыхъ мужчинъ и женщинъ кармелитовъ и кармелитокъ, первая подала примѣръ суроваго бичеванія. Она была не въ мѣру преисполнена религіознымъ фанатизмомъ, причемъ повышенная сила воображенія ея, необыкновенный полетъ фантазіи и склонности къ приключеніямъ авантюристическаго характера, благодаря полученному ей ложному воспитанію, настолько доминировали въ ней, что изъ первоначальнаго нервнаго подъема духа въ послѣдствіи образовалось форменное психическое разстройство. Уже семилѣтней дѣвочкой она мечтала быть причисленной къ лику святыхъ, бредила бичеваніемъ и пытками, говоря обо всемъ этомъ такъ, какъ мы привыкли слышать изъ дѣтскихъ устъ о Робинзонѣ Крузэ. Въ ней зародилось желаніе вмѣстѣ со старшими братьями

удрать изъ родительскаго дома къ арабамъ, чтобы погибнуть среди этого народа во славу Иисуса Христа. Но планы ихъ стали извѣстны отцу, который пребольно наказалъ дочь и сына розгами.

Въ имѣши отца Тереза вела отшельническую жизнь, на подобіе анахоретовъ въ Сиріи и Египтѣ. Затѣмъ она стала увлекаться исторіями и разсказами, въ которыхъ дѣйствующими лицами являлись рыцари, гдѣ говорилось о любви и войнахъ и гдѣ описывались сцены пытокъ. Она до того увлекалась всѣмъ этимъ, такъ сильно подобныя книги воодушевляли ее, что отецъ не нашель иного исхода, какъ запереть ее въ монастырь. Здѣсь она совершенно отрѣшилась отъ міра, лучшими друзьями ея сдѣлались розга, плеть и власеница. Наболѣе всего восхищаль ее процессъ бичеванія, доводившій ее буквально до энтузіазма. Она съ удовольствіемъ отдала бы свою жизнь за то, чтобы быть въ состояніи высѣчь весь міръ и претерпѣть самой удары отъ всего міра — эти два обстоятельства цѣликомъ захватили собою всѣ мысли молодой монашенки. Поданный ею примѣръ произвелъ колоссальное впечатлѣніе, монахи и монашенки старались превзойти ее, и орденскія правила изо дня въ день становились все строже и строже.

Обычное умерщвленіе плоти или покаяное наказаніе совершалось монахами по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, а монашенками — во всѣ праздничные дни. Бичеваніе продолжалось столько же времени, сколько молитва „Misereere“, которую распѣвали послѣ богослуженія. Производилось при этомъ оно такъ энергично, что кровь съ обнаженныхъ спинъ струилась ручьями. На счетъ особенныхъ экзекуцій необходимо было испрашивать особое разрѣшеніе настоятеля. Этого рода бичеванія производились ночью, иногда два раза въ день, иногда же три-четыре раза за великопостный періодъ. Въ опредѣленные дни настоятель собственноручно поролъ всѣхъ живущихъ въ монастырѣ, встрѣчая со стороны послѣднихъ полное смиреніе и благодарность. Одна изъ келій была запружена розгами, причемъ каждый послушникъ и каждая послушница должны были лично выбрать для себя „инструментъ“, наболѣе отвѣчавшій ихъ вкусамъ. Самое тяжелое покаяное наказаніе носило названіе „Esse homo“. При выполненіи этой экзекуціи кающійся долженъ былъ раздѣться до пояса, покрыть свое лицо пепломъ, надѣть на голову терновый вѣнецъ, взять подъ лѣвую руку крестъ, въ правую руку — плеть или розгу и затѣмъ, расхаживая по помѣщенію, гдѣ происходили ежедневныя трапезы и вознося къ престолу Всевышняго обычныя молитвы, — наносить себѣ безпощадные удары. Особенно строго обращались съ послушниками и послушницами ордена: ихъ наказывали за самыя ничтожныя и малозначущіе проступки. Бывало такъ, что на обнаженныхъ спинахъ ихъ сжигали бумагу, затѣмъ сѣкли ихъ и угрожали исключеніемъ изъ братіи до тѣхъ поръ, пока несчастные не ходатайствовали о назначеніи имъ еще болѣе суровыхъ наказаній. Согласно существовавшему предписанію, кающіеся должны были пасть на колѣни, обнажить свою спину

и послѣ совершенія экзекуці поблагодарить исполнителя наказанія словесно и, кромѣ того, поцѣловать полу его платья.

У монашенокъ-кармелитокъ существовало три степени покаянія, въ зависимости отъ совершеннаго ими преступленія или нарушенія орденскихъ статутовъ. Однѣхъ наказывали въ особыхъ помѣщеніяхъ, другихъ въ присутствіи всѣхъ обитателей монастыря съ настоятелемъ или замѣщающимъ его мѣсто во главѣ. Первый родъ наказанія примѣнялся къ тѣмъ монашенкамъ, которыя бѣгали на кухню или посвящали слишкомъ много времени процедурѣ одѣванія. Въ комнату для посѣтителей монашенка не смѣла являться одна: ее постоянно сопровождала другая кармелитка, которая все время наблюдала за ней. И если монашенка говорила со своимъ гостемъ или гостьей о свѣтскихъ дѣлахъ, то приговаривалась къ содержанію въ теченіе девяти дней въ карцерѣ и — для освѣженія — къ поркѣ черезъ два дня въ третій. Тому же наказанію подвергалась монашенка-наблюдательница, присутствовавшая при совершеніи преступленія и не донесшая объ этомъ. Тѣ, которыя являлись въ комнату, предназначенную для пріема гостей, сами наказывались три раза розгами въ присутствіи всѣхъ сестеръ-монашенокъ и, помимо этого, переводились въ одиночное заключеніе на три дня на хлѣбъ и на воду. Если же провинившаяся, не пригласивъ сестры, кромѣ того разговаривала еще съ посторонними, то наказаніе въ значительной степени усиливалось. Преступница должна была лечь на полъ и въ такомъ положеніи просить прощенія, затѣмъ должна была обнажить свои плечи и получить отъ настоятеля столько ударовъ, сколько ему заблагоразсудится. Получивъ разрѣшеніе встать, она отправлялась въ свою келью и, не пользуясь обычными правами и преимуществами, оставалась тамъ до тѣхъ поръ, пока ей не давали знать, что получилось отъ настоятеля прощеніе. Въ затрапезное время, одѣтая въ рубище, провинившаяся должна была лежать въ столовой на полу и здѣсь получала она отпущенное ей количество хлѣба и воды. Во время богослуженія она должна была лежать распростертой у входа на хоры, причемъ сестры либо переступали черезъ нее, либо ходили по ея спинѣ.

Чрезмѣрная работа, любопытство и дружественная улыбка немедля также наказывались. Ученые монахи, которымъ разрѣшалось носить обувь, влачили менѣе тяжелую жизнь, но и среди нихъ примѣненіе розги практиковалось сплонь и рядомъ. Капуцинскія верхнія одежды ихъ, равно какъ и рубашки отличались большимъ выкатомъ, благодаря чему плечи легко обнажались, и наказаніе приводилось въ исполненіе. Чтеніе запретныхъ книгъ, невниманіе во время богослуженія и прочіе проступки подобнаго рода безотлагательно наказывались розгами. Существовало пять степеней наказанія. За незначительные промахи преступникъ долженъ былъ стать предъ настоятелемъ на колѣни, цѣловать его платье и ноги, несмотря на то, что послѣднія были очень грязны! При второй степени примѣнялось простое съченіе. Третья степень влекла за собой нѣсколько дней строгаго поста и публич-

ную экзекуцію. Четвертая степень знаменовалась жесточайшей поркой розгами. Приговоренный къ наказанію раздѣвался въ столовой и, насытившись вдоволь березовой кашей, запивалъ и заѣдалъ ее хлѣбомъ и водою, принесенными ему на деревянной тарелкѣ. За особенно значительные грѣхи назначалась тюрьма и пытка, и преступники, послѣ варварской экзекуціи розгами, голодные, холодные и нагіе отправлялись въ деревянные колодахи въ сырую темницу.

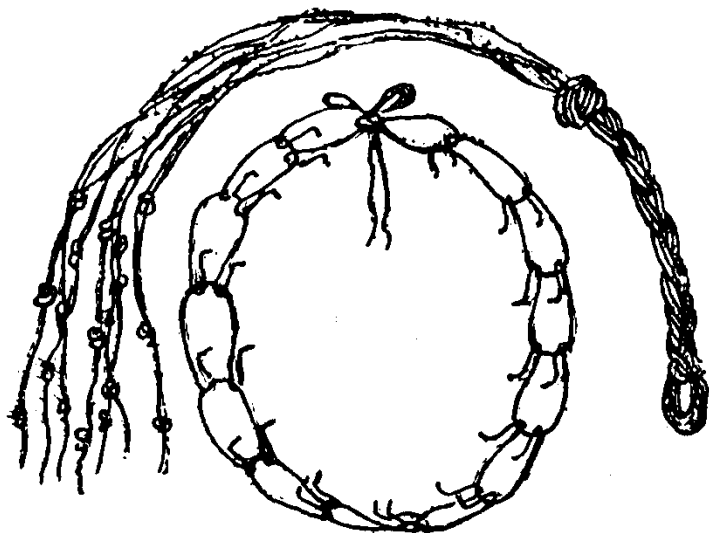
Въ столь строгомъ ордень, какимъ является орденъ кармелитовъ, находились, само собой разумѣется, и другіе блестящіе примѣры умерщвленія плоти путемъ тѣлесныхъ истязаній, помимо святой Терезы. Такъ, одна изъ монахинь имѣла обыкновение носить себѣ удары съ помощью кочерги, другая, а именно Екатерина изъ Кордоны, носила такъ ревностно власяницу и желѣзныя цѣпи (родъ нашихъ веригъ), что послѣднія врѣзались ей въ тѣло и причиняли, по всѣмъ вѣроятіямъ, хотя и добровольныя, но невыразимыя мученія. Зачастую Екатерина эта истязала себя цѣпами, крючьями, плетью, густо снабженными металлическими шипами и иглами; жила она уединенно въ пещерѣ, подушкой служилъ ей камень, покрывалась она круглый годъ тѣмъ единственнымъ платьемъ, которое постоянно было на ней. Въ концѣ концовъ она форменнымъ образомъ сошла съ ума и, какъ царь Навуходоносоръ, ползала по полямъ, щипала траву и ѣла ее вмѣстѣ съ корнями деревьевъ.

Отецъ Александръ, кармелитскій монахъ, наказывалъ себя плетью до тѣхъ поръ, пока буквально не выбивался изъ силъ; затѣмъ онъ приглашалъ для продолженія экзекуцій кого-либо изъ послушниковъ на помощь, а если случайно на его зовъ никто не являлся, то онъ усаживался въ покойное положеніе и духовно, мысленно, воспринималъ удары, все время представляя своимъ духовнымъ взоромъ процедуру истязанія. Тѣлесныя наказанія были, если можно такъ выразиться, насущнымъ хлѣбомъ для него, и онъ частенько отправлялся своей инициативой въ ризницу и тамъ вымаливалъ себѣ разрѣшеніе на полученіе „освѣжающаго“.

Однимъ изъ самыхъ изумительныхъ членовъ ордена сестеръ-кармелитокъ была Марія Магдалина Паппи, родившаяся во Флоренціи въ 1566 году. Уже въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ она была причислена къ этому сообществу и своей любовью къ тѣлеснымъ истязаніямъ, т. е. къ упражненіямъ въ покаяніи, достигла высшей степени святости. Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, она надѣвала на себя колючій поясъ и на голову терновый вѣнецъ и такъ проводила всю ночь. Въ видѣ же особаго наслажденія, которое она называла подкрѣпленіемъ и освѣженіемъ, всѣ сестры-монашенки, по собственному желанію Маріи Магдалины Паппи, сѣкли ее, плотно привязавъ предварительно къ алтарю.

Здѣсь необходимо упомянуть также объ ордень Fontrevault, учрежденномъ Робертомъ Аубрисскимъ. Онъ толковал по-своему главу 20 Евангелиста Іоанна и утверждалъ, что Іисусъ Христосъ

проповѣдывалъ совмѣстное сожителство обоихъ половъ, причемъ женщины должны властвовать надъ мужчинами. Такимъ образомъ монахи и монашки, послѣдователи этого ордена, вели подъ начальствомъ настоятельницы совмѣстную жизнь, послѣдствія которой не трудно, конечно, представить себѣ. Явилась настоятельная необходимость измѣнить правила этого ордена, который въ 1100 году и въ слѣдующіе насчитывалъ цѣлыхъ пятьдесятъ монастырей.

Поясъ и плеть кармелитскаго монаха.

Чаще всего монашенки сѣкли послушниковъ и монашекъ, и если послѣдніе во время экзекуціи не проявляли достаточно смиреномудрія, имъ назначалось новое наказаніе, причемъ задавался вопросъ: не лучше ли быть высѣченнымъ нѣжной рукой женщины нежели грубой мужской рукой?

ГЛАВА VII

Флагелляція у траппистовъ и другихъ монашескихъ орденовъ (монаховъ и монашенокъ)

Орденъ цистерціанцевъ, основанный Робертомъ Альберихомъ и Стефаномъ, въ незначительной только степени требовалъ отъ своихъ послѣдователей поклоненія флагеллянтизму. Другой орденъ, извѣстный подъ именемъ Feuillant, члены котораго — мужчины и женщины — вели совмѣстную жизнь, имѣлъ болѣе общаго съ тѣлесными наказаніями: здѣсь монахи и монашенки

попеременно сѣкли другъ друга. Орденъ Портъ-Рояль не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ и упованій и въ 1709 году былъ раскассированъ іезуитами. Наиболѣе важныя реформы въ орденѣ цистерціанцевъ были проведены Ла-Траппомъ и Септфонсомъ. Ріенсе Л - Траппъ жилъ въ срединѣ семнадцатаго столѣтія и въ юности своей пользовался особенной благосклонностью женскаго пола. Послѣ смерти герцогини Монтбланъ, въ которую онъ былъ безумно влюбленъ, Ла-Траппъ измѣнилъ кореннымъ образомъ свой образъ жизни и занялся преобразованиемъ уставовъ того монастыря, въ которомъ онъ занималъ должность настоятеля. Онъ ввелъ сѣченіе, работы въ видѣ наказанія и обѣтъ молчанія. Въ то же самое время были введены новеллы Септфонса и Бофорта, но онѣ не отличались той суровостью, какъ ла-трапповскія, который отъ своихъ современниковъ получилъ прозвище палача ордена. Въ актѣ покаянія въ грѣхахъ главную роль, по требованію Ла-Траппа, играла розга. При вступленіи въ орденъ дамы, ей подносился красивый, новый, „инструментъ“, причемъ твердо напоминалось, что его нужно примѣнять съ усердіемъ и строгостью.

Въ школахъ траппистовъ царила неимовѣрная и безграничная суровость: не во время произнесенное слово, не въ надлежащее мѣсто устремленный взоръ, необычное наклоненіе головы или улыбка наказывались жесточайшимъ образомъ розгами по обнаженнымъ участкамъ тѣла. Ни въ чемъ не провинившіеся должны были нести наказаніе вмѣстѣ съ „преступниками“ своей среды; такимъ путемъ прививалось послушаніе. Подобные штрафы налагались на девятнадцати и двадцатилѣтнихъ послушниковъ.

Такой же режимъ царилъ и въ женскихъ монашескихъ школахъ. Монахини въ Падерборнѣ должны были видѣть удовольствіе и развлеченіе въ томъ, чтобы наказывать розгами своихъ воспитанницъ. Такое положеніе вещей закончилось закрытіемъ школъ этого рода, причемъ Донъ Августинъ, пріобрѣвшій, благодаря своей жестокости, печальную репутацію, вынужденъ былъ скрыться въ Швейцарію, гдѣ не встрѣтилъ своему образу мыслей никакого препятствія.

Во время революціи орденъ траппистовъ вынужденъ былъ бѣжать изъ Франціи и вернулся только лишь съ возстановленіемъ въ государствѣ порядка. Нѣкоторые изъ статутовъ и обычаевъ этого ордена были по-истинѣ ужасны. Трапписты носили власяницу, желѣзный поясъ, сдѣланный изъ проволоки и снабженный колючими шипами, вѣдрявшимися въ тѣло, и бичевали себя особыми инструментами изъ толстой узловатой веревки. Время отъ времени голова кающагося трапписта во время экзекуціи просовывалась въ особую дырку, носившую специальное названіе „le trou patri“. Такимъ образомъ траппистъ не могъ знать, кому именно обязанъ онъ своими страданіями.

Благополучіе ордена было обезпечено и процвѣтало подъ императорской защитой, и мало-по-малу количество приверженцевъ

его распространялось, причемъ въ періодъ времени съ 1814 по 1827 годы въ немъ насчитывалось однѣхъ только монахинь приблизительно 600, разселенныхъ въ различныхъ монастыряхъ. Госпожа Аделаида Бурбонская и мадамъ де-Жанлисъ также находились въ списокѣ траппистокъ, причемъ послѣдняя подъ старость преклонялась предъ могуществомъ розги еще усерднѣе, нежели во времена своей цвѣтущей юности. Аделаида Бурбонская совершала умерщвленіе плоти положительно фанатично и относилась къ болѣзненной процедурѣ покаянія съ изумительнымъ смиренномудріемъ.

Въ Испаніи были основаны извѣстные монастыри: королевское аббатство Ласъ-Хуельгасъ и госпиталь въ Бургосѣ. Оба эти монастыря отличались колоссальнымъ богатствомъ. Они опредѣляли нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ въ университеты, и если студенты во время прохожденія курса вели слишкомъ свѣтскій образъ жизни, ихъ приглашали въ монастырь даннаго университетскаго города и тамъ въ присутствіи обительницъ женскаго пола безпощадно пороли.

Самой извѣстной флагеллянткой среди цистерціанцевъ была мать Базидеа изъ Сіенны. Въ дни своей молодости она прибѣгала для самоэзекуціи къ желѣзнымъ прутьямъ и истязала себя до тѣхъ поръ, пока не плавала въ лужѣ собственной крови. Въ зимніе мѣсяцы она проводила цѣлыя ночи напролетъ въ снѣгу, лѣтомъ укладывалась спать на крапиву или шиповникъ. Послѣ эзекуціи эта фанатичка заставляла поливать свои раны уксусомъ или травила ихъ тѣмъ, что обсыпала солью. Особенное наслажденіе испытывала она отъ порки, произведенной съ помощью колючихъ вѣтокъ шиповника. Всякія колючки имѣли въ ея глазахъ бо́льшую прелесть, нежели цвѣты, и вмѣсто кровати, усыпанной розами, она устраивала себѣ постель изъ гороха или свинцовыхъ пуль. Кульминаціоннымъ пунктомъ блаженства Аделаиды Бурбонской являлась возможность вертѣться на острыхъ, колючихъ предметахъ. Какъ то разъ она приказала повѣсить себя за ноги къ камину, въ которомъ была зажжена мокрая солома: такимъ образомъ она устроила себѣ копченіе. Въ монастырѣ она удваивала всѣ эти пытки раскаиванія въ грѣхахъ и доходила въ своихъ выдумкахъ до того, что духовникъ ея получилъ соотвѣтствующій запросъ. Зато сама Аделаида Бурбонская достигла такихъ высокихъ ступеней святости, что удостоивалась личныхъ явленій Іисуса Христа въ видѣ особыхъ видѣній...

Ея подражательницей и единомышленницей была Елизавета Жентонская; эта отличалась еще большимъ мистицизмомъ и постоянно была окружена всевозможными видѣніями. Благодаря неимовѣрнымъ эзекуціямъ самаго инквизиторски-утонченнаго свойства, она, по ея мнѣнію, видѣла особые вѣщіе сны. Наивысшимъ блаженствомъ для нея было съченіе въ совершенно обнаженномъ видѣ.

Флагелляція у францисканцевъ и у подобныхъ имъ орденовъ

Орденъ францисканцевъ былъ основанъ въ тринадцатомъ столѣтїи Францискомъ Ассизскимъ, который славился среди современниковъ, какъ высокоодаренный и въ высшей степени одухотворенно-религіозный человекъ. Послѣ бурно проведенной молодости, Францискъ Ассизскій рѣзко измѣнилъ свое поведеніе и энергично занялся стремленіями духовнаго порядка, проявляя въ данномъ случаѣ столько же силы воли и характера, сколько въ своей прежней распутной жизни. Онъ добивался всевозможными способами смиренія и понималъ его въ духовномъ и тѣлесномъ смыслѣ слова. Онъ бѣгалъ нагишомъ по улицамъ, ѣлъ сѣно и чертополохъ, какъ лошади и ослы, подвергался побоямъ со стороны уличныхъ мальчишекъ, несмотря на то, что въ дни дѣтства и юности отецъ его тщетно пытался воспитывать своего сына при помощи розогъ — тогда онѣ имѣли совершенно противоположное дѣйствіе.

Когда всѣ заговорили о святости Франциска Ассизскаго, онъ основалъ свой собственный орденъ, послѣдователямъ котораго въ честь основателя присвоено было названіе францисканцевъ. Въ первое время женщины къ этому ордену не причислялись, но затѣмъ, когда Францискъ Ассизскій познакомился съ Кларой Сейфо, которая была одухотворена такъ же, какъ и онъ самъ, произошло измѣненіе, и, по настоянію этой женщины, появились и францисканскія монашенки. Воспитаніе Клары стоило отцу ея столько же трудовъ, сколько и родителямъ Франциска Ассизскаго; розга была ей знакома съ самаго ранняго дѣтства. Въ результатѣ экзекуціи усиливали только мистическое настроеніе Клары, и такимъ образомъ болѣе подходящей единомышленницы Франциску невозможно было придумать. Сошлись они на почвѣ, главнымъ образомъ, совмѣстныхъ молитвъ, обоюднаго сѣченія и тому подобныхъ духовныхъ упражненій.

Такъ какъ Франциску невозможно было держать свою духовную невѣсту при себѣ въ монастырѣ, то онъ поручилъ ее бенедиктинцамъ, но и тамъ преслѣдованія со стороны родныхъ продолжались. Когда же отецъ и дядя вздумали примѣрно наказать экзальтированную Клару, случилось чудо, что руки обоихъ мужчинъ неожиданно утратили свои функціи, стали безсильны, и такимъ образомъ дѣвушка была избавлена отъ экзекуціи. Она убѣжала вмѣстѣ со своей младшей сестрой отъ бенедиктинцевъ, основала монастырь, который немедленно прославился и былъ принятъ подъ опеку нѣсколькими кардиналами. Кардиналъ Гуголиніусъ одобрилъ ея систему покаянія и умерщвленія плоти, хотя святой Францискъ и рекомендовалъ измѣненіе предписаній ея ордена въ смыслѣ смягченія ихъ.

Послѣ смерти Франциска и Клары, ордена ихъ распались на отдѣльныя партіи, которыя не всегда относились одна къ другой доброжелательно. Изабелла, дочь Людовика XIII, основала вѣтку францисканцевъ, такъ называемыхъ урбанскихъ монашенокъ. Несмотря на энергичныя увѣщеванія, она рѣшилась уйти въ монастырь, мотивируя свой поступокъ тѣмъ, что порядокъ покаянія тамъ болѣе ей по сердцу, нежели внѣ монастырскихъ стѣнъ, и болѣе пріятенъ, чѣмъ радости придворной жизни. Необходимо прибавить при этомъ, что дворцовая обстановка Изабеллы мало чѣмъ отличалась отъ сурового монастырскаго режима: такъ усердно занимались тамъ умерщвленіемъ плоти. Она приобрѣла госпиталь и обратила его въ монастырь, названный ею „Смиреніе нашихъ милыхъ женщинъ“. Причисленные къ этому монастырю монашенки, происходившія преимущественно изъ знатныхъ фамилій, съ теченіемъ времени подняли противъ суроваго режима единоголосный ропотъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что самъ папа взялъ на себя трудъ пересмотра и смягченія статутовъ.

Основательница ордена капуциновъ, Марія Лавренція Ломпа, представляла, въ свою очередь, блестящій примѣръ фанатичности, святости и ханжества. Послѣ смерти своего супруга, бывшаго министромъ въ Неаполь, она устроила госпиталь для неизлечимобольныхъ, сама же несла въ немъ обязанности простой служанки. Стоило ей проявить въ чемъ либо нерадѣніе по службѣ, какъ она сама настаивала предъ непосредственнымъ начальствомъ о назначеніи ей самага строгаго наказанія. Чаше всего она раздѣвалась до гола, ложилась на полъ и настоятельно требовала наиболѣе энергичнаго примѣненія стального прута, служившаго излюбленнымъ ея инструментомъ для выполненія экзекуціи. Несмотря на проявляемое усердіе, ни одинъ изъ палачей не могъ угодить ей: всѣхъ она упрекала въ томъ, что удары наносятся ей недостаточно сильные. Позднѣе она была назначена настоятельницей одного изъ капуцинскихъ монастырей, въ которомъ скончалась отъ послѣдствій необузданнаго умерщвленія плоти. Учрежденный ею монастырь распался, на его мѣстѣ кардиналъ Барониусъ устроилъ сиротскій домъ, но призраемые въ немъ бѣдныя дѣвочки, вслѣдствіе тяжелаго режима и частыхъ экзекуцій, чувствовали себя довольно плачевно и влачили далеко незавидное существованіе.

Вторымъ отвѣтвленіемъ францисканцевъ явился орденъ кающихся, главной персоной въ которомъ и самой яркой звѣздой была итальянская графиня Анжелина Корбенъ. Въ 12 лѣтъ она поклялась блюсти самымъ строжайшимъ образомъ свою невинность, но, несмотря на данный обѣтъ, была черезъ нѣсколько лѣтъ вынуждена, подъ вліяніемъ тяжелыхъ репрессій со стороны отца, выйти замужъ. Брачную ночь свою она провела въ непрерывной молитвѣ. Молодому супругу не оставалось ничего иного, какъ лицедрѣть процедуру самобичеванія. Само собой разумѣется, подобное положеніе вещей не могло оставаться долго неизмѣненнымъ, и молодой человѣкъ началъ настаивать на расторженіи

брака. Покинувъ мужа, графиня Анжелина вмѣстѣ съ нѣсколькими молодыми женщинами отправилась въ Фолиньи и основала тамъ монастырь. Съ теченіемъ времени возникли съ аналогичными статутами другіе монастыри, изъ числа которыхъ назовемъ мадридскій въ Испаніи, гдѣ значительное количество молодыхъ дѣвушекъ воспитывалось францисканскими монахами. Розга пользовалась здѣсь большимъ уваженіемъ, причемъ молодыя воспитанницы, дочери преимущественно знатныхъ родителей, подвергались тѣлесному наказанію со стороны монаховъ такъ часто, какъ это только нравилось святымъ отцамъ.

Ромуальдъ, основатель ордена Камальдолензскихъ и Селестинскихъ монаховъ, слылъ однимъ изъ усерднѣйшихъ флагеллянтовъ и учредилъ монастырь, въ которомъ самую главную роль играла розга. Къ этому ордену принадлежалъ кардиналъ Даміанъ, имя котораго мы уже нѣсколько разъ упоминали выше.

Селестинскій орденъ былъ учрежденъ папой Селестиномъ пятымъ; послѣдователи этого ордена давали обѣтъ молчанія и воздержанія. Наказанія здѣсь существовали самыя строгія; во время процедуры покаянія въ келію монаховъ черезъ спеціальныя рѣшеточки заглядывали настоятели и такимъ образомъ убѣждались, происходитъ ли экзекуція *comme il faut*. Временами экзекуціи производились въ присутствіи всей братіи, иногда кто либо изъ монаховъ наказывался плетью „такъ себѣ“, хотя онъ ни въ чемъ предосудительномъ замѣченъ не былъ. Въ данномъ случаѣ святые отцы придерживались очевидно взглядовъ извѣстнаго школьнаго учителя, который говаривалъ: „Хорошая порція розогъ никогда лишней не бываетъ! И хотя ученикъ, быть можетъ, порки вовсе не заслужилъ, но если онъ получилъ ее уже, то, слѣдовательно, заслужилъ бы все равно“.

ГЛАВА IX

Флагелляція у картезіанскихъ монаховъ

Орденъ картезіанцевъ, основанный въ одиннадцатомъ вѣкѣ, благодаря своей суровости по отношенію къ процедурѣ раскаянія въ грѣхахъ, былъ своевременно повсюду притчей во языцѣхъ. Всѣ предписанія и правила, касавшіяся умерщвленія плоти, были выработаны самымъ тщательнымъ образомъ. Преступники должны были совершенно обнаженными являться предъ грозныя очи настоятеля, который тутъ же налагалъ и выполнялъ соотвѣтствующее наказаніе. Съ послушниками обходились относительно не такъ строго, но за склонность къ еретичеству и за прочія противныя статутамъ ордена преступленія назначалось обыкновенно четырнадцать дней строгаго поста, четырнадцать же другихъ

дней посвящались ревностному бичеванію въ присутствіи всей монастырской братіи. Никакихъ отступленій отъ этихъ правилъ не полагалось, и даже во время путешествія необходимо было заниматься методическимъ умерщвленіемъ плоти. Правомъ наказанія послушниковъ розгами настоятели пользовались съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи. Прихожане получали двойную порцію розогъ и жестоко избивались въ постные дни; розгой или плетью захватывалось мѣсто, простирающееся отъ плечъ по спинѣ до самыхъ голеней! Когда, по усмотрѣнію настоятеля, обыкновенной березовой розги было недостаточно, прибѣгали къ болѣе внушительнымъ инструментамъ.

Главныя три правила этого ордена слѣдующія: наказаніе, исполненіе статутовъ и добровольное покаяніе, иначе говоря — самобичевашіе по своей собственной инициативѣ.

Не менѣе строгими въ сравненіи съ картезіанцами были монахи и монашенки ордена Тринитарія; они также усматривали въ розгѣ единственное средство къ достиженію высшаго блаженства.

Орденъ святого Бенедикта, самый богатый и значительный изъ всѣхъ орденовъ, прибѣгалъ къ умерщвленію плоти въ умѣренныхъ размѣрахъ; послушники и воспитанницы монастырей въ большинствѣ случаевъ были вовсе изъяты отъ наказанія розгами или плетью.

Отцы смерти, ценобиты и эремиты, какъ говорится, горой стояли за тѣлесное наказаніе. Въ этихъ орденахъ существовало обыкновеніе, въ силу котораго настоятели сначала накладывали покаяшіе на другихъ, а затѣмъ сами выполняли его. Отсутствіе кого либо изъ монаховъ на богослуженіи наказывалось публичной поркой.

Премонстратенскій орденъ, представляющій собою отвѣтственіе бенедиктинцевъ, былъ основанъ также въ одиннадцатомъ вѣкѣ Робертомъ Кельнскимъ и пользовался крайне опредѣленными и въ то же время строгими параграфами уложенія о наказаніяхъ. Ежедневно существовала особая церемонія, во время которой должны были присутствовать обязательно всѣ причисленные къ монастырю, причемъ тѣ, которые чувствовали за собой какую либо вину, должны были принести публичное раскаяніе. Съ этой цѣлью они бросались ницъ на голый полъ и поочередно получали положенное количество ударовъ отъ руки самого аббата. Въ отношеніи наказанія подчиненныхъ ему монаховъ онъ пользовался неограниченными правами и, слѣдовательно, назначалъ количество и качество ударовъ, характеръ которыхъ находился въ прямой зависимости отъ темперамента экзекутора. Назначенный надзиратель за послушниками монахъ отвѣтствовалъ за совершенныя послѣдними проступки; при монастырѣ существовало нѣчто въ родѣ зала судебныхъ установленій, члены котораго собирались черезъ опредѣленные промежутки времени, выслушивали обвиненіе, предоставляли подсудимому оправдываться, допрашивали свидѣтелей, назначали и приводили въ исполненіе наказаніе. Послѣднее совершалось непосредственно послѣ произнесенія приговора.

Преступленія подраздѣлялись на четыре класса или разряда. Къ первому классу принадлежали: медлительность при выполненіи тѣхъ или иныхъ работъ, неаккуратность во времени по отношенію къ ѣдѣ, несоблюденіе правилъ относительно регулярнаго бритья фізіономіи, забывчивость и невниманіе, нерадивость, небрежность, беспечность и проч. Виновный въ одномъ изъ этихъ проступковъ долженъ былъ повторить опредѣленное количество разъ „Отче нань“ и поцѣловать ногу у нѣкоторыхъ изъ братьевъ-монаховъ. Ко второму разряду относилось: 1) Если кто-либо изъ братьевъ ордена являлся слишкомъ поздно въ церковь въ день Рождества Христова; 2) если онъ относился невнимательно къ пѣнію въ хорѣ; 3) если онъ, находясь въ хорѣ, смѣялся или смѣшилъ другихъ; 4) если безъ позволенія отсутствовалъ за столомъ, въ церкви или въ хорѣ; 5) если онъ опаздывалъ къ ежедневной мессѣ; 6) если начиналъ ѣсть или пить, но молитвы предварительно не произнесъ; 7) если входилъ или выходилъ, предварительно не перекрестившись; 8) если убѣждалъ кого-либо изъ братьевъ по ордену называть постороннихъ, не причастныхъ къ монастырю лицъ отцомъ или братомъ. За всѣ подобныя преступленія виновный подвергался слѣдующимъ наказаніямъ: онъ обязанъ былъ цѣловать всѣмъ братьямъ монахамъ ноги, произнести много разъ кряду „Отче нань“, находясь въ это время со скрещенными и вытянутыми руками, и принимать пищу не за столомъ, а съ земли или полу. Въ третій разрядъ включены слѣдующіе проступки: произнесеніе неблагопристойныхъ словъ или совершеніе несовмѣстныхъ съ саномъ поступковъ; ложь; потворствованіе или прощеніе вины ближнимъ своимъ и разговоры съ родственниками безъ предварительнаго на то разрѣшенія настоятеля монастыря. Если совершившій то или другое преступленіе самъ сознается въ содѣянномъ грѣхѣ, то наказывается двумя постами или тремя публичными порками. Если же обвиненіе предъявляется и подтверждается не имъ самимъ, то назначается три раза постъ и четыре порки.

Къ четвертому разряду преступленій относятся всѣ тяжкіе грѣхи, какъ то: божба, клятвы, драки, воровство, азартныя игры, неповиновеніе и противорѣчіе настоятелю и предъявленіе къ послѣднему судебного обвиненія. Виновный долженъ былъ явиться къ начальству, признаться въ своемъ преступленіи и просить назначенія наказанія. Затѣмъ его сѣкли и приговаривали къ строгому посту на срокъ отъ шести дней до цѣлаго мѣсяца. За этотъ періодъ онъ линялся присущаго ему сана и званія и считался изъятымъ изъ орденской среды. Въ пищу ему давали исключительно хлѣбъ, пилъ онъ только воду.

Далѣе существовали и другія преступленія, наказывавшіяся постомъ и голоданіемъ. Кто выдавалъ тайны ордена или же переходилъ въ члены другого ордена, тотъ наказывался тюремнымъ заключеніемъ, срокъ котораго опредѣлялся не менѣе трехъ лѣтъ, чаще же всего — еще болѣе продолжительный. Кто нарушалъ обѣтъ цѣломудрія или совершалъ аналогичные грѣхи, наказывался также тюремнымъ заключеніемъ, но нерѣдко пожизнен-

нымъ. Самымъ ужаснымъ преступленіемъ считалось отпаденіе отъ ордена или вѣроотступничество. Если виновный въ теченіе сорока четырехъ дней приносилъ полное раскаяніе, то долженъ былъ съ розгами въ рукахъ предстать предъ всей братіей, пасть на колѣни и каяться въ содѣянномъ. Затѣмъ его сѣкли розгами и въ остальномъ относили совершенное имъ преступленіе к четвертому разряду. Крайнее неповиновеніе и противорѣчіе начальству наказывались постомъ и тюремнымъ заключеніемъ. По отношенію къ рецидивистамъ примѣнялось позорное изгнаніе.

Заключеніе въ тюрьмѣ варьировалось, сообразно съ преступленіемъ. При каждомъ монастырѣ существовали двѣ тюрьмы: одна полусвѣтлая, другая темная и болѣе тѣсная. Въ послѣднюю затачивались пойманные бѣглецы, причемъ цѣпи снимались съ нихъ одинъ только разъ: когда они принимали святое таинство. Получали они только хлѣбъ и воду. Небрежность при раздѣленіи таинства наказывалась публичнымъ покаяніемъ, двухъ или трехдневнымъ постомъ и столькимъ же количествомъ самобичеваній.

Обычаи и правила покаянія у августинскихъ и урсулинерійскихъ монаховъ были подобны тѣмъ, какіе мы описали выше.

У монаховъ святого Антоана тѣлесныя наказанія хотя и существовали, но не были такъ жестоки, какъ у другихъ орденовъ. За исключеніемъ очень тяжкихъ преступленій, до крови людей никогда не сѣкли; въ видѣ смиренія и покаянія накладывались другія наказанія, безъ содѣйствія розги или плети. Въ монастырѣ святой Женевьевы, гдѣ царствовалъ, собственно говоря, не особенно тяжелый режимъ, молодыя монашенки наказывались розгами только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ вину имъ становилась лѣнь или нерадѣніе въ отправленіи монастырскихъ обязанностей. Но по пятницамъ практиковалось всеобщее сѣченіе, отъ котораго не были изъяты и сами настоятельницы, аббатисы и игуменьи. Отпаденіе отъ ордена или отступленіе отъ цѣломудрія карались четырнадцатидневнымъ тюремнымъ заключеніемъ и жестокой поркой.

У августинскихъ монаховъ покаяніе въ грѣхахъ подраздѣлялись на четыре степени. Замѣченные въ чемъ-либо прихожане силой забирались въ монастырь и самымъ жестокимъ образомъ наказывались розгами. Если кто-либо изъ нихъ проявлялъ сопротивленіе и не хотѣлъ раздѣться, примѣнялась грубая сила, и наказаніе въ значительной мѣрѣ усиливалось. За ложь, борьбу и общеніе съ женскимъ поломъ полагалась экзекуція по обнаженному тѣлу; за пьянство и безбожіе наказаніе производилось съ такимъ ожесточеніемъ, что временами становилось невыносимымъ.

Монахи-босяки представляли собою отвѣтвленіе августинскихъ монаховъ; они вели свое начало изъ Испаніи и затѣмъ съ теченіемъ времени широко распространили свое ученіе во Франціи и Италіи. Послушниковъ сѣкли три раза въ недѣлю; такое обращеніе съ ними продолжалось въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ пребыванія ихъ въ монастырѣ, послѣ чего розга гуляла по ихъ спинамъ регулярно только по пятницамъ. Кающіеся должны были

одѣвать особыя рубашки съ вырѣзами сзади, благодаря которому розга свободно разгуливала по обнаженной спинѣ. Въ тюрьмахъ этого ордена арестантамъ устраивались ежедневныя экзекуціи. Братъ Казаріусъ умеръ именно отъ послѣдствій подобныхъ наказаній, назначенныхъ ему за преступленіе по нарушенію орденскихъ статутовъ.

Особенной жестокостью наказаній отличалось испанское отдѣленіе этого ордена.

Въ женскихъ монастыряхъ этого ордена монашенки наказывались исключительно по предписанію епископа, причѣмъ при экзекуціяхъ соблюдалась извѣстная снисходительность.

Марія Викторія Формари, основательница аннунціатскаго ордена, представляла собою типъ удивительной женщины. По ея словамъ, ее вѣчно навѣщаль діаволь, и она съ такимъ шумомъ бѣгала по дому, нанося себѣ въ то же время удары, что всѣ обитатели не могли не вскакивать съ постелей. Чтобы противодѣйствовать злой волѣ нечистаго, Марія Викторія истязала себя до техъ поръ, пока не впадала въ обморочное состояніе. Она имѣла привычку въ костюмѣ нищенки расхаживать по улицамъ и въ компаніи съ профессиональными попрошайками попадала въ полицію, по предписанію которой отбывала соотвѣтствующія наказанія. Ея духовникъ, іезуитскій патеръ, возложилъ на нее упомянутый только что обѣтъ смиренія, а чтобы заставить ее еще больше умерщвлять свою плоть, онъ отдалъ ее въ ученіе къ пастуху въ роли пастушки, гдѣ съ ней обращались, какъ съ дѣвчонкой, и за малѣйшій проступокъ, хотя бы онъ былъ совершенъ ею, на примѣръ, во время произнесенія „Отче нашъ“, награждали пощечинами. Получивъ такое образцовое воспитаніе при помощи побоевъ и розги, она въ сообществѣ съ іезуитами учредила большой аннунціатскій монастырь, члены котораго носили имя „небесныхъ“ и подраздѣлялись на синихъ и небесно-синихъ.

Физитантійскій орденъ, основанный молодой вдовой Франциской де Эанталъ и находившійся подъ опекой Франца Салейскаго, предпочиталъ особую систему наказаній: кающіяся подвергались осмѣянію и всеобщему глумленію. Уличенныя въ лѣнности монашенки должны были носить во время трапезы на головѣ подушку или другой неподходящій предметъ; либо ихъ пеленали и укачивали словно новорожденныхъ младенцевъ. Но эта система не пользовалась симпатіями, и нѣкоторыя монашенки говорили, что охотнѣе согласились бы на власяницу и плеть святого Франциска Ассизскаго и предпочли бы имъ медъ и сахаръ Франца Салейскаго.

Урсулинерійскій орденъ былъ распространенъ преимущественно въ Германіи и въ отношеніи тѣлесныхъ наказаній представлялъ собою рѣдкій и пріятный контрастъ съ другими женскими орденами. Послѣдовательницы этого ордена посвящали себя воспитанію дѣтей и подготовкѣ простыхъ женщинъ и дѣвушекъ въ домашнія прислуги. Розга примѣнялась здѣсь чрезвычайно рѣдко, и подъ наказаніе ею подходили исключительно случаи отпаденія отъ ордена и бѣгство изъ монастыря.

Орденъ госпиталитовъ и театинеріанцевъ практиковалъ ту же самую систему наказаній, что и упомянутыя выше братства; тюрьмы ихъ были снабжены достаточнымъ количествомъ цѣпей, плетей, розогъ и колодокъ.

Винцентъ де Паула основалъ орденъ лазаристовъ и ввелъ среди послѣдователей своихъ тяжелыя тѣлесныя наказанія.

Жанна Валуйская основала орденъ испытанія Маріи, находившійся подъ покровительствомъ и наблюденіемъ францисканскихъ монаховъ. Десять молодыхъ женщинъ вели совершенно уединенный образъ жизни, молились и постились вмѣстѣ съ Жанной Валуйской и каждый день вечеромъ должны были каяться, послѣ чего наказывались своей начальницей. Этотъ орденъ раскаивающихся имѣлъ своей цѣлью спасеніе падшихъ женщинъ, причемъ статуты его отличались такой жестокостью, что съченіе признавалось столь же необходимымъ, какъ насущный хлѣбъ.

Нѣсколько мягче и добросердечнѣе относился къ своимъ собратіямъ госпиталитскій орденъ, но и здѣсь розга и плеть занимали довольно почетное мѣсто.

Если благосклонный читатель, познакомившійся теперь съ нравами и обычаями прежнихъ монаховъ и монашенокъ, вообразить, что въ наше время подобныя жестокости болѣе мѣста не имѣютъ, то онъ введетъ самъ себя въ большое заблужденіе. Еще недавно появились разоблаченія монастырскихъ нравовъ, причемъ одинъ изъ рассказовъ, посвященный извѣстному польскому современному монастырю, настолько краснорѣчивъ, что оставляетъ въ тѣни исторію „Маріи Монкъ“. Случай съ Варварой Убрякъ былъ самымъ подробнымъ и правдивымъ образомъ рассказанъ многими газетами, и поэтому намъ остается лишь вкратцѣ напомнить о немъ. Въ одинъ прекрасный день уголовный судъ въ Краковѣ получилъ анонимное письмо, въ которомъ доводилось до свѣдѣнія подлежащихъ властей, что въ монастырѣ кармелитокъ содержится уже въ продолженіе двадцати одного года монахиня Варвара. Заточена она въ темную келью и претерпѣваетъ невѣроятныя жестокости. Одинъ изъ судебныхъ чиновъ вмѣстѣ съ представителемъ полицейской власти отправился къ епископу Галеки, чтобы испросить у него разрѣшеніе на доступъ въ монастырь. Преодолевъ массу препятствій, чиновникамъ удалось обнаружить мѣсто заключенія несчастной Варвары. Келья или камера находилась въ концѣ коридора, вплотную къ отхожему мѣсту, представлявшему собою невообразимую клоаку. Окно кельи было замуровано, въ двойной деревянной двери была продѣлана рѣшетка, сквозь которую, по всѣмъ вѣроятіямъ, подавалась заключенной ѣда и питье. Черезъ небольшое отверстіе въ помещеніи проникали слабые лучи свѣта. Келья имѣла семь шаговъ въ длину и шесть въ ширину; въ одномъ изъ угловъ этой темной, мрачной и грязной норы на кучкѣ соломы сидѣла на корточкахъ голая, совершенно опустившаяся полоумная женщина.

При появленіи незнакомыхъ людей, вмѣстѣ съ которыми проникъ давно забытый ею свѣтъ, несчастная простерла руки и

раздирающимъ душу голосомъ произнесла: „Я голодна! Дайте мнѣ поѣсть, и я буду вамъ повиноваться, я буду послушна!“ Эта нора — комнатой ее ни въ коемъ случаѣ назвать нельзя было — не имѣла ни печи, ни кровати, ни стола, ни стула; не было въ ней также необходимой посуды. Нечего удивляться царившимъ въ ней грязи и вони отъ гнѣющихъ выдѣленій. И въ этой тюрьмѣ безчеловѣчныя кармелитки, имѣвшія дерзость называться женщинами и именовать себя небесными невѣстами, заточили свою сестру и безжалостно мучили ее въ продолженіи двадцати одного года! Цѣлыхъ двадцать одинъ годъ монахини-сестры проходили ежедневно мимо келіи Варвары, и ни одной изъ нихъ не пришло на умъ принять участіе въ судьбе несчастной плѣнницы! Съ опущенными долу глазами простаивала несчастная жертва съ утра до вечера на колѣняхъ. На половину человѣкъ, на половину животное, съ отвратительнымъ и до омерзенія грязнымъ и испачканнымъ экскрементами тѣломъ, съ выдающимися наружу скелетомъ, съ впавшими до нельзя щеками, коротко остриженной грязной головой, невытая въ теченіе многихъ лѣтъ — вотъ кто предсталъ предъ вошедшими къ ней чиновниками. Это было поистинѣ ужасное существо, и даже фантазія Данте не могла представить себѣ ничего подобнаго.

Судебный слѣдователь приказалъ немедленно одѣть несчастную и лично привезъ въ ея келью епископа, который былъ пораженъ и до глубины души тронутъ, представившимся ему зрѣлищемъ.

Когда Варвару вывели изъ мѣста ея столь продолжительнаго заключенія, она дрожащимъ и испуганнымъ голосомъ спросила, придется ли ей вернуться въ ея могилу! А когда ее спросили о причинахъ столь тяжкаго наказанія, несчастная отвѣтила: „Я нарушила обѣтъ цѣломудрія, но“, прибавила она робко и взволнованно, указывая на сестеръ-монахинь, „и онѣ, вѣдь, далеко не ангелы!“

Немедленно былъ произведенъ тщательный обыскъ монастыря, приведшій въ результатъ къ обнаруженію различныхъ атрибутовъ истязаній: нашли ужасную плеть, нагайку, похожую на страшный кнутъ, и другія орудія пытки.

Г Л А В А X

Флагелляція у доминиканцевъ въ связи съ инквизиціей

Орденъ доминиканцевъ, по созданнымъ имъ статутамъ и предписаніямъ, отличался относительно тѣлесныхъ наказаній чрезвычайной суровостью. Основатель доминиканскихъ монаховъ, испанецъ родомъ, по имени Доминикъ де-Гуцманъ, слылъ извѣстнымъ флагеллянтомъ. Еще до появленія этого фанатика на свѣтъ

Божій, матери его какъ-то приснилось, что она родила львѣнка, во рту у котораго торчалъ зажженный факель; звѣренышь этотъ такъ рычалъ, что на всемъ свѣтѣ произошло страшное смятеніе, а она, мать, должна была пройти черезъ пламя, образовавшееся отъ находившагося во рту новорожденного факела. Послѣдователи Доминика, толкуя столь странный сонъ, говорили, что факель изображалъ собою „тотъ свѣтъ“, который долженъ былъ наступить на землѣ подѣ вліяніемъ ученія Доминика де-Гуцмана. Другіе же придерживались того мнѣнія, что факель являлся предзнаменованіемъ огня и разрушенія, которымъ подвергается безчисленное количество людей, осужденныхъ на превращеніе въ груды пепла.

Когда Доминикъ подросъ, онъ сталъ очень часто истязать себя плетью, доходя при этомъ до безчувственного состоянія; нерѣдко его съ трудомъ только возвращали къ жизни его святая мать и три красавицы сестры. Его покаяніе обладало, говорили, такой силой, что тысячи злыхъ духовъ своими воплями и рыданіями наполняли окружающій его воздухъ, такъ какъ, совершая умерщвленіе своей плоти, онъ этимъ самымъ вырывалъ изъ когтей ихъ безчисленное количество загубленныхъ душъ. По отношенію къ другимъ онъ былъ такъ же строгъ, какъ и къ самому себѣ, и подѣ маской милости и прощенія прибѣгалъ къ неописуемымъ жестокостямъ. Изгнаніе въ тѣ времена считалось самымъ большимъ несчастіемъ, и, подѣ видомъ обѣщанія отмѣнить ссылку и вернуть раскаивающихся церкви, онъ накладывалъ буквально невыносимыя наказанія, маскируя ихъ нѣжнымъ названіемъ покаянія.

Чтобы дать образецъ сострадательности этого прославившагося святого, мы помѣщаемъ текстуальный переводъ одного изъ сдѣланныхъ имъ по своему ордену распоряженій.

„Братъ Доминикъ, ничтожный священникъ, шлетъ во имя Господне всѣмъ вѣрующимъ свой привѣтъ! По приказанію цистерціанскаго аббата, который возвелъ насъ въ настоящій нашъ санъ, простили мы подателя сего, Понтія Рочеріуса, и Божьей милостью вырвали его изъ когтей еретичества и снова обратили въ лоно нашей церкви. Мы взяли съ него присягу въ исполненіи возложенной на него эпитиміи, обязавъ его въ теченіе трехъ воскресеній или трехъ же постныхъ дней въ сопровожденіи духовника, обнаженнымъ отъ плечъ до пояса, пройти отъ городскихъ воротъ до входа въ монастырь и подвергаться на протяженіи всего пути ударамъ розогъ. Кромѣ того, приказываемъ ему навсегда отказаться отъ употребленія въ пищу мяса, яицъ, сыру и всѣхъ тѣхъ кушаній и продуктовъ вообще, которые имѣютъ какую бы то ни было связь съ мясомъ“ и т. д.

Не меньшей популярностью пользовался въ этомъ орденѣ Джонъ Таулеръ, заслужившій репутацію ревностнѣйшаго флагеллянта. Его фанатичность въ этомъ отношеніи доходила до того, что онъ истязалъ себя лично, ибо, говорилъ онъ, окружающіе относятся къ нему слишкомъ снисходительно и по непонятной ему причинѣ

шадять его. Принявъ во вниманіе оба эти типа, не трудно представить себѣ, что орденскіе статуты, правила и предписанія были переполнены, этой пресловутой *disciplina flagelli*; говорить нечего о томъ, что малѣйшіе проступки, самые незначительныя уклоненія отъ установленнаго режима наказывались плетью и розгами, причемъ виновный нерѣдко плавалъ во время Execuціи въ лужахъ собственной крови. Чтобы восторжествовать надъ справедливостью и не давать повода къ возбужденію неудовольствія и справедливыхъ нареканій, у женской половины ордена была введена обоюдная порка, иначе говоря — монашенки сѣкли другъ друга. Такимъ образомъ, любая сестра-монашенка, не испытавшая состраданія и снисходительности другихъ по отношенію къ себѣ, сама ничего подобнаго не выражала тогда, когда наступала ея очередь производить надъ кѣмъ-либо изъ сестеръ по ордену эксперименты съ розгой.

Съ соизволенія папы, доминиканцы ввели инквизицію, причемъ особенная строгость и суровость. бывшія вообще отличительнымъ признакомъ этого ордена, примѣнялись по отношенію къ лицамъ обоого пола, впаивимъ въ еретичество. Однимъ изъ первыхъ навлекъ на себя неудовольствіе и немилость святого трибунала Раймондъ, графъ Тулузскій. Онъ сталъ покровительствовать еретикамъ и потому былъ подвергнутъ властью самого папы изгнанію, причемъ всѣ его подданные были освобождены отъ принесенной на вѣрность графу Раймонду Тулузскому присяги. Испуганный такимъ наказаніемъ, графъ поклялся исправиться и умолялъ о прощеніи. Въ видѣ залога въ будущемъ исправленіи, его обязали уступить въ собственность папы семь замковъ и, кромѣ того, подвергнуться церковному покаянію. Само собой разумѣется, что послѣднее было выполнено съ чрезвычайной строгостью. Все его тѣло подъ вліяніемъ истязаній было настолько повреждено ранами и опухольями, что несчастный графъ не могъ одѣть на себя что-либо и вынужденъ былъ въ теченіе долгаго періода заживленія ранъ оставаться дома и пребывать въ обнаженномъ видѣ.

Каждая тюрьма инквизиціи имѣла спеціальнаго надсмотрщика, который проявлялъ по отношенію къ заключеннымъ слишкомъ много тяжелаго для нихъ вниманія; каждое упущеніе, проявленное какъ тюремными служащими, такъ и самими жертвами инквизиціи и святого трибунала, наказывалось самымъ жестокимъ образомъ. Одна изъ старухъ-служанокъ, жившая въ домѣ такого надсмотрщика, извѣстнаго своей свирѣпостью и звѣрскими наклонностями, вздумала сострадательно относиться къ тѣмъ пыткамъ и мученіямъ, которыя доставались на долю заключенныхъ; всѣми силами своей нѣжной дунни она пыталась утѣнить ихъ и изыскивала различные способы для доставленія имъ контрабанднымъ путемъ пищи. Благодаря несчастному стеченію обстоятельствъ, ее поймали съ поличнымъ, приговорили къ тюремному заключенію на одинъ годъ, затѣмъ провели по улицамъ города въ торжественной церемоніи, нарядивъ при этомъ въ позорное желтое платье и наградивъ въ довершеніе всего двумястами ударами розогъ.

Среди преступлений, подпадавших въѣдѣнію инквизиціи и наказуемыхъ ею, находилась также и полигамія. Неисправившіеся, несмотря на данное обѣщаніе, полигамисты, подвергались различнымъ исцѣляющимъ покаяніямъ, какъ постъ, молитвы и т. д., и затѣмъ ссылались на галеры на срокъ отъ шести до семи лѣтъ. Если преступникъ принадлежалъ къ низшему слою населенія или даже къ среднему классу, то подвергался жесточайшей поркѣ, конфискаціи половины принадлежащаго ему имущества и возложенію на голову во время экзекуціи позорной епископской камилавки.

Въ 1612 году папа Павелъ V обнародовалъ буллу, направленную противъ тѣхъ духовниковъ, которые во время исповѣди позволяли себѣ неблагопристойность въ отношеніи своихъ прихожанокъ или вовлекали ихъ въ непотребство. Подобныя обвиненія должны были поступать на разсмотрѣніе святой инквизиціи и разсматриваться ею самымъ добросовѣстнымъ и тщательнымъ образомъ. Эта энциклика папы поставила духовенство въ ужасное положеніе. Когда эдиктъ былъ обнародованъ въ церквяхъ Севильи, и всѣ прихожане получили угрожающее предостереженіе, съ обязательствомъ въ тридцатидневный срокъ назвать имена тѣхъ святыхъ отцовъ церкви, которые осквернили исповѣдальное кресло, случилось неожиданное явленіе: ко дворцу инквизиціи съ жалобами на своихъ духовниковъ устремилась такая масса женщинъ, что двадцать секретарей и столько же инквизиторовъ не имѣли возможности справиться съ привалившей работой, заключавшейся въ составленіи со словъ просительницъ письменнаго доклада. Срокъ принесенія жалобъ былъ продленъ еще три раза на тридцать дней, и, когда инквизиція убѣдилась въ томъ, что нѣтъ никакой возможности наказать огромное количество прелюбодѣевъ, она уничтожила обнародованный эдиктъ и замаяла весь начатый ею же самую процессъ. Въ обычныхъ случаяхъ уличенный въ прелюбодѣянніи духовникъ, если обвинительница его не оставляетъ желать ничего лучшаго въ смыслѣ ея безупречности и правдивости, приговаривался къ обыкновенному покаянію постомъ и молитвой и затѣмъ либо отправлялся на галеры, либо заточался на-вѣки въ тюремную келію.

Наказанія за еретичество, въ зависимости отъ важности совершеннаго преступленія, назначались различныя. Если виновный принадлежалъ къ простонародію, то его заставляли носить позорную шапку на головѣ, языкъ его фиксировался во рту при помощи желѣзнаго или деревяннаго кляпа, его влекли по улицамъ города, жестоко избивали плетью и затѣмъ... сжигали на кострѣ. Если же совершившій такое преступленіе происходилъ изъ знатнаго рода, то его заточали на извѣстное время въ монастырь и обкладывали особымъ, такъ называемымъ, покаяннымъ штрафомъ, доходившимъ иногда до значительныхъ суммъ. Если проступокъ, на примѣръ, клятвопреступленіе, признавался не очень тяжелымъ, то кающійся долженъ былъ во время богослуженія оставаться въ церкви безъ шляпы, плаща и сапогъ, туловище его обвивала веревка, въ руку ему давали зажженную свѣчку.

Гадальщики на картахъ, предсказыватели судьбы и астрологи наказывались изгнаіемъ, лишеніемъ званія и правъ состоянія, поркой или, наконецъ, тюремнымъ заключеніемъ, въ зависимости отъ тяжести содѣяннаго преступленія.

Еврей были особенно ненавистны инквизиціи, къ нимъ придирались безжалостно, ихъ обкладывали денежными штрафами, сѣкли розгами и сажали въ тюрьмы.

Лжесвидѣтели приговаривались къ вѣчному одиночному заключенію; въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ ложныя показанія не имѣли дурныхъ послѣдствій, виновныхъ подвергали бастонадѣ, поркѣ плетью и изгнаію или ссылкѣ.

Когда инквизиція приговаривала какого-либо монаха къ наказанію розгами или плетью, то экзекуція производилась въ томъ самомъ монастырѣ, къ которому былъ причисленъ монахъ, въ присутствіи нотаріуса святого трибунала. Сначала преступника водили вокругъ монастыря со связанными руками, а затѣмъ во время шествія начиналось сѣченіе по обнаженнымъ плечамъ и спинѣ, производившееся самими братьями-монахами. Монотонность вѣчнаго тюремнаго заключенія въ послѣдствіи разнообразилась тѣмъ, что преступниковъ время отъ времени назначали привратниками у церковныхъ дверей.

Однимъ изъ изданныхъ декретовъ повелѣвалось, чтобы кающіеся присутствовали на богослуженіи по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; затѣмъ было сдѣлано слѣдующее добавленіе: „во всѣ воскресные и праздничные дни, во время чтенія мессы, между апостоломъ и евангеліемъ, въ церковь должны быть введены еретики, безъ верхняго платья, капюшона и шляпы, съ розгами въ рукахъ: въ это время ихъ слѣдуетъ сѣчь. И пусть священникъ, совершающій мессу, разъяснитъ всѣмъ присутствующимъ на богослуженіи мірянамъ, что наказаніе возложено на преступниковъ за то, что, по еретическимъ склонностямъ своимъ, они совершили великіе грѣхи“.

Приговоры инквизиціи производились обычно путемъ *auto-da-fé* (сожженіе на кострѣ) *en masse*, т. е. гуртомъ. Что въ другихъ государствахъ считалось обыкновенной казнью преступниковъ, то у испанцевъ и другихъ католическихъ народовъ почиталось религіознымъ огнемъ и доказательствомъ ревностнаго вѣрованія. *Auto-da-fé* эти производились чаще всего при восшествіи на престолъ или во время другихъ грандіозныхъ народныхъ празднествъ. Послѣ того какъ самые опасные еретики и другіе подобные имъ грѣшники сжигались, приговоренные за мелкія преступленія къ поркѣ усаживались на слѣдующій послѣ казни товарищей день на осла, провозились по площадямъ и наиболѣе оживленнымъ улицамъ города и во время шествія жестоко наказывались плетью, батогами или розгами.

Ни одинъ орденъ не обладалъ такимъ неограниченнымъ могуществомъ, какъ орденъ доминиканцевъ, но въ то же время фанатики эти имѣли несмѣтное количество враговъ, и когда обаяніе доминиканцевъ начало уменьшаться, они стали крайне неразбор-

чивы въ своихъ средствахъ для достиженія прежняго престижа. Съ этой цѣлью они не останавливались буквально ни предъ чѣмъ и пускали въ ходъ всѣ способы до лжи, облыжности и оговоровъ включительно. О подтасовываніи фактовъ и разговора быть не можетъ. Мы помѣщаемъ для иллюстраціи слѣдующій примѣръ и находимъ его подходящимъ потому, что розга играла въ немъ тоже свою роль.

Въ 1509 году разгорѣлся оживленный споръ между францисканцами и доминиканцами. Поводомъ къ раздору послужило непорочное зачатіе Святой Дѣвы Маріи. По мнѣнію доминиканцевъ, рожденіе Святой Дѣвы не обошлось безъ первороднаго грѣха; такой взглядъ былъ нежелателенъ, и для исправленія взглядовъ ордена было рѣшено „поощрить“ его соответствующими видѣніями и снами. Въ Бернѣ проживалъ субъектъ, по фамиліи Іетцеръ, и этотъ Іетцеръ, благодаря своей задержкѣ въ развитіи походившій на ребенка, вслѣдствіе склонности къ тѣлеснымъ покаяніямъ какъ нельзя болѣе годился на роль орудія для выполненія задуманной мистификаціи. Чтобы привести выработанный планъ къ успѣшнымъ результатамъ, были избраны четыре доминиканца. Одинъ изъ нихъ спрятался въ келіи Іетцера и въ полночь предсталъ предъ нимъ, предварительно вырядившись самымъ страшнымъ образомъ. Онъ выдувалъ огонь изъ своего носа, рядомъ съ нимъ находились воющія собаки. Доминиканецъ этотъ сообщилъ безгранично перепуганному брату Іетцеру, что онъ не болѣе, не менѣе, какъ духъ умершаго доминиканца, находившагося въ чистилищѣ за то, что какъ-то разъ изъ монашескаго перодѣлся въ штатское платье. Одинъ только Іетцеръ, прибавилъ онъ, можетъ спасти его отъ переживаемыхъ имъ мученій. Въ себя отъ ужаса и страха, Іетцеръ обѣщаль сдѣлать все, что только въ его силахъ. Послѣ этого духъ сказалъ ему, что существуетъ одинъ только способъ спасенія, заключающійся въ слѣдующемъ: Іетцеръ долженъ въ теченіе восьми дней кряду каждый вечеръ во время мессы ложиться въ капеллѣ на землю, принимать положеніе распятаго и подвергаться бичеванію всей монастырской братіи. Прощаясь съ Іетцеромъ, духъ заявилъ ему, что скоро снова явится и приведетъ съ собой другихъ духовъ.

Объ этомъ видѣніи Іетцеръ, само собой разумѣется, повѣдал всему монастырю, причемъ получилъ отъ монаховъ настойчивый совѣтъ немедленно же подчиниться предложенію посѣтившаго его духа. Они горѣли нетерпѣніемъ принять на себя возложенную на нихъ духомъ роль, т. е. угостить Іетцера доброй порціей березовой каши! Бѣдняга, долго не раздумывая, повиновался и... въ монастырскомъ дворѣ тутъ же произошла экзекуція, отъ которой, какъ говорится, „небу стало жарко“.

Привидѣніе явилось Іетцеру еще нѣсколько разъ и во время своихъ визитовъ всѣми силами старалось вдолбить въ голову фанатика, что Дѣва Марія родилась въ первородномъ грѣхѣ. Въ одинъ прекрасный вечеръ заговорщики дали ему соответствующую долю опіума и, когда несчастный уснулъ, выжгли на его

тѣлѣ пять знаковъ Иисуса Христа отъ распятія. Въ концѣ концовъ они зашли въ своихъ мистификаціяхъ слишкомъ далеко, такъ что Іетцеру, несмотря на его наивность, граничившую съ идиотизмомъ, стало многое ясно. Онъ чуть было не убилъ одного изъ доминиканцевъ, представшаго передъ нимъ ночью въ видѣ Дѣвы Маріи съ вѣнцомъ на головѣ.

Доминиканцевъ обуялъ ужасъ: они стали опасаться, чтобы Іетцеръ не выдалъ ихъ, и начали принимать мѣры для обезвреженія прозрѣвшаго дурака. Но сильная натура Іетцера, помогавшая ему при жестокихъ экзекуціяхъ и тому подобныхъ пріемахъ покаянія, спасла его и на этотъ разъ. Пять разъ ему давали незамѣтнымъ образомъ ядъ, и онъ оставался невредимымъ. Какъ къ послѣднему средству, они прибѣгли къ отравленной просфорѣ, но и ее онъ вырвалъ. Счастливымъ образомъ удалось ему уйти изъ монастыря и донести обо всемъ магистрату Комплотта. Виновныхъ доминиканцевъ казнили, предавъ ихъ живыми сожженію на кострѣ. Разумѣется, предварительно они были позорнымъ образомъ исключены изъ членовъ ордена. Вскорѣ послѣ этого Іетцеръ скончался и былъ похороненъ въ Констанціи.

По всѣмъ вѣроятіямъ, этотъ заговоръ былъ бы переданъ потомству, какъ божественное знаменіе, если бы только Іетцеръ не прозрѣлъ, и ему не посчастливилось уличить доминиканцевъ.

ГЛАВА XI

Флагелляція у іезуитовъ

Въ теченіе продолжительнаго времени орденъ іезуитовъ былъ широко распространенъ по всей Европѣ; онъ имѣлъ свои колоніи въ Испаніи, Португаліи, Италіи, Франціи, короче — во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Іезуитскій орденъ считался главной опорой флагеллянтства, и хотя масса возникшихъ противъ іезуитовъ обвиненій была ими опровергнута все же почти съ полнымъ вѣроятіемъ можно утверждать, что своею симпатіей къ розгѣ и плети они пользовались для достиженія безусловно неблагоприятныхъ цѣлей и поступковъ. Основатель іезуитскаго ордена, Игнатій Лойола, началъ получать надлежащее воспитаніе только въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ; при этомъ изъ его біографіи извѣстно, что учителя приравнивали его къ школьникамъ и такъ же точно хотѣли наказывать, какъ и послѣднихъ. Намъ реваясь какъ-то отхлестать его розгой, они вдругъ прониклись небеснымъ вдохновеніемъ, которое указало имъ на высшее назначеніе Игнатія Лойолы. Подъ вліяніемъ этого обстоятельства, учителя не только не высѣкли своего ученика, но попросили у него даже прощенія за свои дерзкіе помыслы. Намъ неизвѣстно, до какихъ границъ дошелъ Игнатій въ статутахъ своего ордена по поводу тѣлесныхъ

наказаній; вѣрно только то, что послѣдователи его буквально преклонялись передъ розгой и особенно охотно прибѣгали къ ней въ отношеніи молодыхъ дѣвушекъ, ввѣренныхъ ихъ надзору и воспитанію.

Уже въ самый первый періодъ существованія іезуитскаго ордена выплывали наружу возмутительныя исторіи о процедурѣ и выполненіи іезуитскаго покаянія; волосы становятся дыбомъ на головѣ отъ тѣхъ злоупотребленій, какія приходилось выносить на себѣ „подданнымъ“ этого ордена. Въ Нидерландахъ іезуиты основали братство изъ знатныхъ дамъ, на обязанности которыхъ было подвергать себя еженедѣльно покаянію въ грѣхахъ. Въ области самихъ экзекуцій произошли также новеллы, состоявшія въ томъ, что кающіяся сѣкли себя сами по обнаженной спинѣ, а „начальство“ угощало ихъ ударами спереди. Необходимо замѣтить при этомъ, что послѣднее нововведеніе сильно пришлось по вкусу голландскимъ и бельгійскимъ дамамъ и, возсылая глубокія благодарности за новый испанскій методъ, онѣ, не взирая на послѣдовавшее запрещеніе высшихъ духовныхъ властей, ходатайствовали у своихъ духовниковъ о продолженіи отеческихъ поученій подъ сурдинку.

Иезуиты Іоаннъ Аккербомъ и Петръ Герзонъ продолжали сѣчь прекрасную половину своей паствы, причемъ Герзонъ относился къ этому дѣлу съ такимъ рвеніемъ и проявлялъ себя столь усерднымъ флагеллянтомъ, что внезапно появлялся среди занятыхъ полевыми работами крестьянскихъ дѣвушекъ и на мѣстѣ примѣнялъ къ нимъ розгу. Мальчиковъ-школьниковъ наказывали также по испанскому методу.

Прежде чѣмъ ввести испанское сѣченіе въ Португаліи, стремившіеся къ подобному покаянію въ грѣхахъ должны были прибѣгнуть ко всеуниженнымъ просьбамъ объ этомъ. Ходатайство не осталось безъ уваженія, и экзекуціи нашли себѣ мѣсто даже въ покояхъ королевы Луизы. Во время царствованія ея тронопреемницы, королевы Маріи, патерь Мальгрида распространилъ тѣлесныя наказанія также и на придворныхъ фрейлинъ. Въ прихожихъ дворца и въ его корридорахъ можно было частенько видѣть колѣнопреклоненныхъ красавицъ — грѣшницъ, которыя, по произнесеніи извѣстнаго количества установленныхъ молитвъ, сбрасывали съ себя одежды съ тѣхъ мѣстъ, которыя должны были оставаться обнаженными, и подвергались наказанію розгами или плетью. По всѣмъ вѣроятіямъ, на долю королевы тоже кое-что при этомъ перепало... Кающимся грѣшницамъ подобныя упражненія надъ умерщвленіемъ плоти, очевидно, приносили такое удовольствіе, что очень часто онѣ доходили до необходимости требовать исполненія надъ собой экзекуціи. Иноземныя принцессы нерѣдко получали приглашеніе не только присутствовать при покаяніяхъ въ качествѣ высокопоставленныхъ зрительницъ, но и принимать въ нихъ самое дѣятельное участіе.

Въ Испаніи, гдѣ существовало обыкновеніе воспринимать тѣлесное наказаніе до исповѣди и послѣ полученія отпущенія въ

грѣхахъ, инквизиціей была сдѣлана попытка положить подобному безчинству предѣлъ подѣ страхомъ значительныхъ штрафовъ. Но за самой собой инквизиція оставила право наказывать проявлявшихъ упорство еретиковъ и еретичекъ и сѣкла несчастныхъ, подпавшихъ подѣ ея немилость, безѣ различія возраста и пола. Сколько здѣсь было проявлено усердія, звѣрства, лицепріятія и пристрастія — не трудно себѣ представить. Съ ловкостью, проворствомъ и искусствомъ, присущимъ блаженной памяти духовникамъ описываемаго времени, іезуиты обладали пронырливостью и умѣніемъ становиться въ дружескія отношенія съ представителями и представительницами самыхъ знатныхъ фамилій; и дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что имъ удавалось склонять женскую половину на покаяніе въ грѣхахъ путемъ тѣлеснаго умерщвления плоти. Молодые дѣвушки, опредѣлявшіяся въ монастыри за неповиновеніе родительской власти, за проявленіе чрезмѣрной склонности къ свѣтской жизни или за любовныя похожденія, попадали подѣ особенное ихъ вліяніе и бдительный надзоръ, причемъ духовники лично наказывали тѣхъ изъ нихъ, которыя отличались соблазнительной красотой. Говорить нечего о томъ, что наказанія состояли изъ примѣненія розги на обнаженные участки молодого тѣла... Всевозможными льстивыми приемами и ни предѣ чѣмъ не останавливавшимся маневрами святые отцы вступали въ дамскія общества, въ пансіоны и училища для дѣвочекъ и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ рекомендовали примѣненіе тѣлесныхъ наказаній розгами или другими подходящими инструментами.

Замѣченныхъ въ упорномъ неповиновеніи дѣвицъ іезуиты совѣтовали родителямъ ихъ отдавать для „душевнаго излеченія“ къ нимъ въ орденъ, причемъ крайне охотно принимали на себя надзоръ за молодыми дѣвушками и воспитаніемъ ихъ. Благочестивые отцы и матери со слезами радости на глазахъ благодарили Господа Бога за то, что Онъ ниспослалъ имъ на помощь святыхъ отцовъ, которые не щадили трудовъ на исправленіе и смягченіе упорнаго характера. Къ сожалѣнію, приходится констатировать только, что такъ называемая *Chronique scandaleuse* совершенно въ иномъ свѣтѣ представляла результаты безкорыстныхъ трудовъ, которые обнаруживали святые отцы іезуиты по отношенію ко ввѣреннымъ ихъ попеченію молодымъ дѣвушкамъ, особенно къ красивымъ и привлекательнымъ!

Примѣненіе флагеллянтизма іезуитами не ограничилось одной Европой: для „исправленія“ язычниковъ они ввели экзекуціи и въ языческихъ странахъ. Въ Парагваѣ и Мексикѣ розга хлестала направо и налево; правда, здѣсь они поступали не такъ безчеловѣчно, какъ ихъ предшественники, на долю которыхъ выпала честь „открывать“ и открыть новый свѣтъ. Въ 1634 году, по желанію королевы Митамба, папа римскій и король португальскій снарядили въ Африку особую іезуитскую миссію. Въ одинъ прекрасный день нѣкій миссіонеръ встрѣтилъ королеву съ ея безчисленнымъ

штатомъ придворныхъ какъ разъ въ то время, когда она вела на прогулку своего идола. Сейчасъ же іезуитъ сталъ говорить проповѣдь объ идолопоклонствѣ, довольно чувствительно иллюстрируя ее примѣненіемъ плети по отношенію къ ея черному величеству. „Остается только удивляться“, говоритъ онъ, „какъ много сказало королевѣ такое наказаніе о справедливости моего ученія!“ Король не осмѣлился ничего предпринять, но дамская половина рѣшилась отомстить за свой полъ. У самага дома, гдѣ помѣщалась миссія, протекала рѣка; въ этомъ мѣстѣ задумавшія мечь чернокожія устроили купальню и вволю стали рѣзвиться въ водѣ, конечно, въ костюмахъ своей прародительницы Евы, принимая при этомъ самыя рискованныя положенія. Святые отцы-миссіонеры были безконечно смущены этимъ поступкомъ и, въ качествѣ единственнаго надежнаго средства отъ соблазна, вынуждены были окружить свой домъ и садъ высокой каменной стѣной.

Еще и по сію пору розга у іезуитовъ играетъ довольно замѣтную роль, хотя, конечно, не такую первостепенную, какъ въ давно прошедшія времена. Штейметцъ, проводившій свое время искуса въ Стонейхурстѣ, рассказываетъ о теперешнемъ умерщвленіи плоти слѣдующее. Розгой, по его словамъ, нынче больше не злоупотребляютъ, причемъ за самыя тяжкія преступленія исключеніе является однимъ изъ обычныхъ наказаній. Дортуары устроены въ видѣ особенныхъ отдѣленій, величиной приблизительно съ пароходную каюту, въ каждомъ изъ нихъ помѣщается небольшой налой (разумѣется, безъ ключа!) и стулъ. Надъ налоемъ виситъ распятіе, неподалеку помѣщается сосудъ со святой водою. Въ налоѣ помѣщаются книги, бумаги, плеть, розги, цѣпи и т. д. Плетка и цѣпи должны служить средствомъ для сохраненія цѣломудрія. Первая сдѣлана изъ веревокъ съ узловатымъ окончаніемъ, цѣпь же сдѣлана изъ проволоки, толщиною въ обыкновенный канатъ; концы ея выдаются впередъ.

Какъ плеть, такъ и цѣпи „помогаютъ святому образу жизни“; онѣ не всегда примѣняются послушниками, а только въ опредѣленное время, главнымъ образомъ — во время поста. Два раза въ недѣлю привратникъ обходитъ всѣхъ и передаетъ приказаніе заняться умерщвленіемъ плоти. Послушники усаживаются на постели, обнажаютъ плечи и вооружаются плеткой. Затѣмъ привратникъ звонитъ въ колоколь, и двадцать плетей опускаются на голую спину и плечи. Полагается нанести самому себѣ по двѣнадцати ударовъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, причемъ Штейнметцъ прибавляетъ, что при этой экзекуціи получалось впечатлѣніе точно отъ принятія холоднаго душа; большимъ наслажденіемъ было — увѣряетъ онъ — забраться послѣ этого подъ теплое одѣяло. Къ ношенію цѣпи прибѣглось на слѣдующій день; накладывали ее прямо на тѣло и такъ сильно стягивали, что опуститься она никакъ не могла. Носить ее полагалось шесть часовъ кряду; въ результатъ за все это время получалось болѣе неудобствъ, нежели болевыхъ ощущеній.

Секта флагеллянтовъ

Мы уже видѣли, какъ флагеллянтизмъ въ связи съ религіей возникъ сначала среди язычниковъ, а затѣмъ былъ перенятъ христіанами и образовалъ среди нихъ часть покаянія во славу служенія Господу Богу. Сначала примѣняемый единичными отшельниками, проводившими свое жалкое существованіе въ уединеніи и умерщвленіи плоти, онъ постепенно все больше и больше распространялся по всему христіанскому міру, пока не достигъ въ срединѣ тринадцатаго столѣтія кульминаціоннаго пункта, причемъ создались особыя братства для выполненія регулярныхъ и публичныхъ экзекуцій. Впервые подобная секта возникла въ 1210 году въ Италіи. Въ „Chronicon Urlitius Barsiliensis“ монахъ, святой Іустиніанъ изъ Падуи, приводитъ слѣдующее описаніе.

„Когда Италія была охвачена различнаго рода преступленіями, прежде всего появилось до тѣхъ поръ неизвѣстное чувство страха у жителей Перузы, охватившее затѣмъ римлянъ, а съ теченіемъ времени — и всѣхъ итальянцевъ. Страхъ этотъ ближе всего подходилъ подъ понятіе о суевѣрші. Люди были преисполнены невѣроятнаго ужаса, ожидали чего-то страшнаго отъ Бога, и положительно всѣ безъ исключенія, молодые и старые, вельможи и просто-народье, расхаживали въ обнаженномъ видѣ по улицамъ, не испытывая никакого стыда. Знакомые и незнакомые выстраивались въ два ряда и представляли собою нѣчто вродѣ процессіи. У каждого въ рукѣ находилась плеть изъ кожанаго ремня, которой „демонстранты“ съ особымъ рвеніемъ угощали другъ друга. При этомъ отовсюду раздавались душераздирающіе стоны и вопли, всѣ молили Бога и Дѣву Марію простить ихъ, принять раскаяніе и не отказать въ покаяніи.

Такъ проводили итальянцы время не только днемъ, но и ночью; тѣсячи, десятки тысячъ этихъ кающихся грѣшниковъ шныряли въ зимнюю стужу по улицамъ и потрясали воплями своими церковныя стѣны. У каждого въ рукѣ была зажженная свѣча, процессію велъ священникъ, за нимъ несли крестъ и хоругви... Вошедши въ церковъ, всѣ смиренно бросались предъ алтаремъ. Та же комедія наблюдалась въ маленькихъ городахъ и даже въ деревняхъ. Горы и поля сотрясались отъ воя челоуѣчества, взывавшаго къ Создателю. Музыка замолкла, миннезэнгеры перестали ласкать ухо своими мотивами. Единственная музыка, которая раздавалась повсюду, заключалась въ ужасныхъ вопляхъ кающихся, и эти голоса могли тронуть самое зачерствѣлое, каменное сердце бездушнаго челоуѣка. На глазахъ даже закоренѣлаго и отъявленнаго грѣшника при подобныхъ звукахъ должны были появиться слезы на глазахъ...

При этомъ всеобщемъ смятеніи въ женщинахъ тоже недостатка не было, причемъ среди нихъ находились не только представитель-

ницы низшихъ слоевъ населенія, но и знатныя дамы и дѣвицы. Разница заключалась только въ томъ, что послѣднія занимались умерщвленіемъ плоти не на глазахъ у всѣхъ, а въ собственныхъ своихъ домахъ и замкахъ.

Тутъ происходили удивительныя явленія: лютые враги становились задушевными друзьями; ростовщики и грабители возвращали нечестнымъ трудомъ нажитыя деньги прежнимъ жертвамъ своимъ, многіе приносили повинную въ совершенныхъ преступленіяхъ и отказывались отъ свѣтскихъ удовольствій. Двери тюремъ открывались, заключенные выпускались на свободу, изгнаннымъ разрешалось вернуться изъ ссылки. Было проявлено столько христіанской сострадательности, что казалось, будто все человѣчество охвачено неописуемымъ ужасомъ и безграничнымъ страхомъ, и всемогущество Божіе не въ состояніи разсѣять эти чувства. Самые мудрѣйшіе изъ мудрыхъ поражались возникшему внезапно и охватившему поголовно всѣхъ движенію; они никакъ не могли отдать себѣ отчетъ въ томъ, откуда именно могло обнаружиться подобное лихорадочное благочестіе. До этихъ поръ публичныя раскаянія въ грѣхахъ вовсе не практиковались, ни самъ папа, ни другой кто либо изъ вліятельныхъ духовныхъ особъ ни словомъ не обмолвились о нихъ и не рекомендовали примѣненія ихъ. Происхожденіе ихъ необходимо было отнести къ обыкновеннымъ смертнымъ, къ нимъ прибѣгала темная масса, равно какъ и ученый людъ“.

Впервые подобныя процессіи флагеллянтовъ были введены святымъ Антоніемъ. Напомнилъ о нихъ въ 1260 году эремитъ Райнеръ въ Италіи, гдѣ въ скоромъ времени секта флагеллянтовъ насчитывала въ своихъ рядахъ около десяти тысячъ человѣкъ. Отсюда уже она распространилась за Альпы, обнаружилась въ Эльзасѣ, Баваріи и въ Польшѣ, причемъ теченію ея не могли воспрепятствовать никакія вмѣшательства и запреты со стороны правительственныхъ властей.

Когда въ 1349 году въ Германіи съ ужасающей силой свирѣпствовала чума, въ Спиру изъ Швабіи явились двѣсти флагеллянтовъ и ознакомили путемъ описаній все населеніе со своей методой самымъ подробнымъ и добросовѣстнымъ образомъ. Покаяніе въ грѣхахъ производилось два раза въ теченіе дня. Утромъ и вечеромъ расхаживали флагеллянты по улицамъ парами, распѣвали псалмы подъ звонъ церковныхъ колоколовъ и, по достиженіи назначеннаго для „покайныхъ упражненій“ мѣста, обнажали верхнюю часть туловища — они носили обыкновенно только коротенькую полотняную куртку — и снимали обувь. Затѣмъ всѣ укладывались крестообразно на землю, принимая различныя положенія, въ зависимости отъ рода тѣхъ проступковъ, преступленій и прегрѣшеній, въ которыхъ они приносили публичное покаяніе. Согрѣшившіе въ супружеской жизни лежали лицомъ внизъ, клятвопреступники укладывались на бокъ и лежали съ приподнятыми кверху тремя пальцами и т. д. Послѣ этого экзекуторъ начиналъ свое дѣло и угощалъ cadaго по заслугамъ его, затѣмъ

заставлялъ отбывшаго наказаніе подняться съ земли, для чего произносилъ слѣдующія слова:

„Встань, прошедшій чрезъ пытки чести,
И остерегайся отъ дальнѣйшихъ грѣховъ“.

Затѣмъ при пѣніи псалмовъ раскаивающіеся начинали наказывать плетью другъ друга, и только послѣ этого громко зывали о прекращеніи смертоносной эпидеміи чумы. Совершалось еще много церемоній, но всѣ онѣ уже описаны современными авторами, и мы ихъ касаться не будемъ.

Въ рядахъ флагеллянтовъ можно было встрѣтить наряду съ высокообразованными по тому времени совершенно безграмотныхъ, всѣ профессіи — отъ пастуха до священника — имѣли здѣсь своихъ представителей. Въ своихъ моленіяхъ они говорили о письмѣ, которое ангель долженъ принести въ церковь святого Петра въ Иерусалимѣ, и въ которомъ Иисусъ Христосъ выражаетъ свои сожалѣнія о главныхъ грѣхахъ того времени, особенно объ оскверненіи субботы, о богохульствѣ, ростовщичествѣ, распутствѣ и о несоблюденіи установленныхъ постовъ.

Послѣ того, какъ чрезъ посредство Дѣвы Маріи и всѣхъ ангеловъ они испрашивали прощеніе у Иисуса Христа, имъ предписывалось уходить на тридцать четыре дня со своей родины и подвергать себя въ теченіе всего этого времени тѣлеснымъ наказаніямъ.

Жители Спиры относились къ сектантамъ чрезвычайно радушно и гостепріимно, хотя необходимо сказать о послѣднихъ, что они категорически отказывались отъ различныхъ даровъ, и приношеній и брали деньги исключительно для приобрѣтенія свѣчей и хоругвей. Хоругви эти были изготовлены изъ пурпурно-краснаго шелка и постоянно предшествовали процессіямъ сектантовъ. Въ скорости изъ Спиры и изъ Страсбурга явились новые приверженцы — изъ Спиры сто и изъ Страсбурга около тысячи чело-вѣкъ, — пожелавшіе подчиниться всѣмъ статутамъ и предписаніямъ секты. Каждый долженъ былъ располагать, по крайней мѣрѣ, четырьмя пфенигами на ежедневные расходы, имѣть разрѣшеніе на вступленіе въ ряды фанатиковъ отъ своей жены и, кромѣ того, долженъ былъ быть предварительно исповѣданнымъ и причащеннымъ.

Эти „братья креста“ не смѣли безъ приглашенія переступить порогъ чьего либо дома, они не должны были вступать въ разговоры съ женщинами. Неподчинявшіеся этимъ правиламъ подвергались строжайшему тѣлесному покаянію при помощи плетки, возлагаемому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ непосредственнымъ начальникомъ, носившимъ званіе суперіора.

Интересъ и воодушевленіе, проявленные по отношенію этой секты, были настолько велики, что церковь пришла даже въ нѣкоторое смущеніе: сектанты относились другъ къ другу очень строго и въ своей рѣзкости доходили до того, что одинъ другого изгоняли изъ своей среды, дишая при этомъ всѣхъ гражданскихъ

правъ состоянія. Флагеллянты распространили постепенно свое чарующее вліяніе на всѣ церкви, а ихъ новые псалмы и пѣсни, преисполненные глубокой святости, какъ нельзя болѣе подходили для того, чтобы въ сильной степени возбуждать и безъ того повышенный фанатизмъ. Временами сектанты дѣлали попытки вліять на массу совершеніемъ чудесъ. Такой случай имѣлъ мѣсто, напримеръ, въ Страсбургѣ, гдѣ попытка заключалась въ воскрешеніи умершаго ребенка, произведенномъ въ кругу своихъ же собратьевъ. Но, вслѣдствіе неопытности, неловкости и „нечистой работы“, сектанты подобными поступками только вредили себѣ, ибо ограничивали кругъ дѣйствія на изгнаніе съ помощью божественнаго вдохновенія злыхъ духовъ.

Либеральная партія церкви относилась къ флагеллянтизму съ презрѣніемъ. Папа Клементъ VI (занимавшій этотъ постъ съ 1332 по 1352 г.) обнародовалъ противъ секты флагеллянтовъ особую буллу. Нѣмецкіе епископы обнародовали апостольскій указъ и запрещали сектантамъ селиться въ ихъ епархіяхъ.

Приблизительно въ это время доминиканскій монахъ изъ Бергамо — Вентуринъ — предпринялъ новое паломничество, имѣя въ своемъ отрядѣ около девяти тысячъ человѣкъ. Они устраивали въ церквяхъ экзекуціи и столовались на базарныхъ площадяхъ и рынкахъ на общественный счетъ. Въ Римѣ Вентуринъ подвергли жестокому осмѣянію и властью папы сослали въ изгнаніе въ горы Рикондона. Съ теченіемъ времени вся секта его вымерла, но въ 1414 году стараніями одного нѣмца, по имени Конрадъ, снова была возвращена къ жизни. Конрадъ этотъ всѣми силами старался увѣрить толпу, что на него возложена божественная миссія, причемъ онъ и пророкъ Енохъ это — одно и то же лицо. Богъ, молъ, возвеличилъ флагеллянтовъ и оттолкнулъ отъ себя папу; другого спасенія души не существуетъ, какъ только путемъ новаго крещенія крови, и именно однимъ средствомъ: сѣченіемъ и бичеваніемъ. На сей разъ вмѣшалась уже сама инквизиція и наложила на предпріятіе Конрада свое veto. Послѣ громкаго судебного разбирательства девяносто одинъ человѣкъ изъ конрадовскихъ единомышленниковъ подвергались сожженію на кострѣ только въ одномъ Сангерсгаузенѣ; въ другихъ городахъ сожгли также значительное количество этихъ фанатиковъ.

Насколько глубоко пустило корни ученіе флагеллянтовъ, видно изъ того, что въ Нордгаузенѣ, напримеръ, нѣкая женщина была увѣрена въ томъ, что, истязуя плетью свое дитя, совершаетъ поистинѣ богоугодное дѣло. Никакія преслѣдованія не могли окончательно разсѣять секту флагеллянтовъ, и на протяженіи еще долгаго времени мы встрѣчаемъ слѣды ея въ Испаніи, Франціи и Португаліи.

Въ шестнадцатомъ столѣтіи во Франціи образовалась цѣлая масса сообществъ, состоявшихъ изъ кающихся и флагеллянтовъ. Члены этихъ братствъ подраздѣлялись на бѣлыхъ, черныхъ и сѣрыхъ кающихся. Особенно большое количество ихъ было распространено на югѣ Франціи, хотя и столица государства —

Процессія „братъевъ креста“

Парижъ — не была избавлена отъ присутствія і вліянія этихъ фанатиковъ. Въ 1574 году во главѣ черныхъ кающихся стала въ Авиньонѣ королева-мать; она не пропускала ни одной торжественной церемоніи, совершавшейся сектантами ея имени въ Лионѣ и Тулузѣ.

Въ смыслѣ употребленія розги Парижъ также не отставалъ. Король Генрихъ III принялъ секту подѣ свое покровительство и не только считался почетнымъ ея членомъ, но, во время торжественныхъ уличныхъ шествій, принималъ въ нихъ самое оживленное участіе, фигурируя въ различныхъ роляхъ. Первое собраніе этихъ фанатиковъ состоялось во время грандіозныхъ празднествъ 1575 года. На празднества эти были приглашены всѣ придворные за исключеніемъ дамъ, которымъ, по приказанію короля, запрещено было являться на сектантскія засѣданія, сборища и процессіи. Вслѣдствіе этого, Екатерина Медичи совершала экзекуцію надъ своими статсъ-дамами, фрейлинами и прочими придворными женскаго пола при закрытыхъ дверяхъ. Парижане посмѣивались надъ всей этой исторіей и въ насмѣлку прозвали своего короля „Rège conscrit des Blancs battus“.

Въ 1585 году Генрихъ III учредилъ новое братство подѣ именемъ „бѣлые кающіеся провозвѣстники“; къ этому братству примкнули въ огромномъ количествѣ знатные граждане и придворные. Открытіе новаго сообщества ознаменовалось великолѣпной и чрезвычайно торжественной процессіей, папа собственноручно соизволилъ дать согласіе на утвержденіе правилъ и статутовъ, которые, кстати сказать, ничѣмъ не отличались отъ введенныхъ у флеллянтовъ. Процессія направилась отъ августинскаго монастыря къ Собору Парижской Богоматери, король все время сопровождалъ ее, не имѣя на себѣ никакихъ знаковъ и регалій, присущихъ его высокому званію, за нимъ слѣдовали именитыя особы, крестъ находился въ рукахъ самого кардинала Гиза. Погода сильно неблагоприятствовала торжественному шествію, дождь лилъ, буквально какъ изъ ведра. Подобная процессія была повторяема нѣсколько разъ, однажды даже съ зажженными факелами, причемъ особые любители до такой степени избивали себя плетями, что одинъ изъ нихъ отправился, вслѣдствіе осложненій отъ нанесенныхъ себѣ ранъ, къ праотцамъ... Парижане не переставали сыпать по адресу сектантовъ насмѣшками и остротами, а наиболѣе благоразумные и строгіе изъ духовенства говорили съ каѳедры проповѣди, направленной противъ отрицанія сектантами всего благороднаго и святого, и довольно прозрачно намекали на то, что кающіеся братья заслужили избіеній другого рода!

Тѣмъ не менѣе іезуиты зорко слѣдили за неприкосновенностью секты, вырабатывали свои статуты и вліяли на женщинъ въ томъ смыслѣ, чтобы онѣ собственнымъ примѣромъ воодушевляли своихъ мужей ко вступленію въ секту; благодаря этому, въ провинціи возникло много отдѣленій секты. Для того же, чтобы во время процессіи не возбуждалось чувство стыда, участницамъ шествій было разрѣшено носить маски.

Послѣ одной изъ торжественныхъ вечерень и послѣдующаго ужина, прекрасный полъ также занялся умерщвленіемъ плоти, производя эту операцію особенно торжественнымъ образомъ. Женщины превзошли мужчинъ и ходили по улицамъ даже босикомъ, несмотря на то, что процессіи нерѣдко продолжались шесть и болѣе часовъ кряду. Тѣ дамы, которыя въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ не могли принимать участія въ процессіи, подъ вліяніемъ уговоровъ со стороны іезуитовъ, производили автоэксекуціи дома. Позднѣ вошло во всеобщую привычку, что женщины и дѣвушки расхаживали оффиціально по улицамъ съ плетью въ рукахъ, и даже дамы высшихъ сословій не стѣснялись показываться въ публичныхъ мѣстахъ полуобнаженными и занимались при всемъ честномъ народѣ умерщвленіемъ своей плоти. Считалось, что такимъ путемъ онѣ даютъ всѣмъ очень хорошій примѣръ. Одинъ періодъ времени былъ настолько чреватъ подобными эксцессами, что духовенство стало произносить въ церквяхъ соотвѣтствующія проповѣди, а извѣстный теологъ Герзонъ, ректоръ парижскаго университета (канцлеръ), написалъ въ порицаніе столь грустнаго явленія крайне желчную статью. Онъ утверждалъ, что сдѣлавшійся моднымъ обычай нельзя иначе назвать, какъ безбожнымъ, ибо онъ идетъ въ разрѣзъ не только со здравымъ смысломъ, но и съ благопристойностью. „Если кто-либо такъ легкомысленно проливаетъ свою собственную кровь, то онъ поступаетъ такъ же дурно, какъ если бы онъ сознательно себя кастрировалъ или какъ нибудь иначе изувѣчилъ. Съ такимъ же успѣхомъ онъ могъ наносить себѣ ожоги при помощи раскаленнаго желѣза, чего, между прочимъ, до сихъ поръ не наблюдалось, и чего никто не находилъ разумнымъ и желательнымъ, за исключеніемъ развѣ лже-христіанъ и индійскихъ идолопоклонниковъ, которые считаютъ священной обязанностью крестить себя посредствомъ огня“.

Въ 1601 году парламентъ Парижа издалъ особый декретъ противъ всякихъ братствъ флагеллянтовъ въ Bourges, носившихъ имя синихъ кающихся. Немного погодя приказаніе, изложенное въ упомянутомъ только-что декретѣ, было распространено на всѣ союзы флагеллянтовъ, причемъ пояснялось, что члены этихъ сообществъ будутъ почитаться не только еретиками, предателями и цареубійцами, но, помимо всего этого, еще и распутниками или распутницами. Послѣ этого секта начала распадаться, а затѣмъ и вовсе исчезла изъ Франціи.

Въ семнадцатомъ столѣтіи наблюдались еще изрѣдка единичныя процессіи въ Италіи, Испаніи, и Португаліи. Патеръ Мабилліонъ рассказываетъ, что въ 1689 году ему пришлось встрѣтиться въ Туринѣ съ процессіей флагеллянтовъ, дефилировавшей по улицамъ въ Страстную Пятницу. Далѣе извѣстно, что еще въ 1710 году подобныя торжественныя шествія наблюдались въ Италіи. Въ своемъ сочиненіи „Annales d'Espagne et de Portugal“ Кольменаръ упоминаетъ объ аналогичныхъ процессіяхъ, которыя, впрочемъ, — прибавляетъ онъ — являли собою смѣсь галантерей-

ности со святостью и набожностью. „Въ этихъ процессіяхъ“, говоритъ Кольменаръ, „принимали участіе всѣ кающіеся и хлыстуны города. На головахъ ихъ были надѣты высокія, въ три фута, коническія шапки, напоминавшія собою головку сахару; шапки эти были изготовлены изъ бѣлаго полотна, приче́мъ съ передней части ихъ опускалось нѣчто вродѣ вуали, покрывавшей лицо сектанта. Нѣкоторые примыкали къ процессіямъ изъ побужденій чисто религіознаго характера, другіе же становились участниками шествія только въ угоду своимъ возлюбленнымъ, а также и потому, что подобный родъ галантерейности считался совершенно новымъ и даже неслыханнымъ. Такіе сектанты носили перчатки и бѣлые сапоги, имѣя на манишкѣ, на шапкѣ или на пучкѣ розогъ ленточные банты того именно цвѣта, который предпочитался обыкновенно дамами сердца ихъ. Они истязали себя по установленнымъ въ братствѣ правиламъ, примѣняя для этой цѣли чаще всего плеть изъ веревокъ, въ концѣ которой были скрыты туго скатанные восковые шары, унизанные осколками стекла. Кто истязаетъ себя наиболѣе сильно, тотъ почитается самымъ мужественнымъ“.

Въ Лиссабонѣ еще въ 1820 году существовали процессіи флагеллянтовъ. Докторъ Мадденъ рассказываетъ, что въ 1847 году ему приходилось встрѣчаться съ подобными процессіями, но безъ публичныхъ истязаній во время торжественнаго шествія.

Г Л А В А XIII

Флагеллянты

Флагеллянтизмъ съ его обычаями, нравами и церемоніями, историческое происхожденіе и развитіе которыхъ мы разсмотрѣли въ предыдущей главѣ, представляетъ собою въ высшей степени изумительное явленіе. Нѣкоторые исторіографы пытались доказать, что флагеллянтизмъ явился слѣдствіемъ той громадной и сильной эпидеміи чумы, которая свирѣпствовала и похищала огромное количество жертвъ въ Германіи. Мы лично скорѣе всего склонны полагать, что онъ представляетъ собою результатъ массы тѣхъ нововведеній и реформъ, которыя были предприняты по отношенію къ существовавшимъ прежде формамъ почитанія Бога — различными людьми, въ различныя времена и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ свѣта. Въ человѣкѣ скрывается, очевидно, врожденная склонность къ каждому строгому виду богослужешія. У всѣхъ народовъ древности, молились ли они одному Богу, или поклонялись нѣсколькимъ богамъ, существовалъ обычай въ цѣляхъ благочестія наносить себѣ физическія боли и довольно

мучительныя страданія. И это должно быть признанно особенно подходящимъ къ самобичеванію, которое съ самыхъ раннихъ временъ выливалось въ той или иной формѣ рѣшительно повсюду. Самобичеванія эти считались особенно священными у христіанъ, и это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что фактъ нанесенія себѣ физической боли представляетъ собою какъ бы часть изъ исторіи земныхъ страданій Иисуса Христа.

Впрочемъ, въ самой процедурѣ умерщвленія плоти и тѣлесныхъ покаяній существовала огромная разница между христіанами Востока и Запада. На Востокъ христіане какъ по количеству, такъ и по вліянію своему были постоянно организованы и ни въ теоріи, ни на практикѣ не позволяли себѣ тѣхъ излишествъ и увлеченій, какъ западные братья ихъ. Въ этомъ отношеніи Востоку никакого упрека поставить нельзя. Такъ, напримѣръ, сознаніе грѣховъ и безграничное покаяніе они считали уже достаточной искупительной жертвой, причемъ лучшимъ и самымъ необходимымъ спутникомъ покаянія служили у нихъ слезы. Во время богослужебныхъ обрядовъ и церемоній слезы на Востокъ играли поэтому главную роль, а такъ какъ самобичеваніе является великолѣпнымъ и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для того, чтобы заставить человѣка плакать,— то вотъ къ этому именно способу восточные народы зачастую и обращались.

Западные же христіане пошли въ этомъ направленіи гораздо дальше: по ихъ вѣрованію, актъ самобичеванія обезвреживалъ каждый совершенный грѣхъ, отнималъ отъ него, такъ сказать, бывшее его значеніе. Вотъ почему они прибѣгали, какъ къ непосредственной, прямой и немедленной искупительной жертвѣ, именно къ самоистязаніямъ. Габріель, архіепискомъ Филадельфіи, въ своемъ сочиненіи „Собраніе дѣяній святыхъ“, приводитъ нѣсколько историческихъ фактовъ въ доказательство того, что христіане Востока имѣли дѣйствительно упомянутое представленіе о самобичеваніи и добровольномъ умерщвленіи плоти. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, этотъ авторъ.

„Нѣкій святой рѣшилъ удалиться отъ свѣта и поселился на горѣ Митріа, расположенной въ Тебенѣ. Въ кельѣ, находившейся по сосѣдству съ кельей этого отшельника, проживалъ монахъ, который очень часто навзрыдъ плакалъ, упоминая при этомъ о совершенныхъ въ жизни своей грѣхахъ. Такъ какъ святой не въ состояніи былъ плакать, но въ то же время сильно завидовалъ своему монаху-собрату по отшельнической жизни, то послѣдній какъ-то обратился къ первому со слѣдующими словами: „Отчего ты не плачешь, несчастный? Почему ты не оплакиваешь горькими слезами своихъ греховъ? Я доведу тебя до слезъ, я хочу, чтобы ты непремѣнно плакалъ, и если ты, по своему внутреннему побужденію, не можешь вызвать на глазахъ твоихъ слезы, то я употреблю всѣ усилія и добьюсь того, что ты будешь плакать, несчастный!“

Съ этими словами монахъ взялъ въ руку большую плеть и сталъ усердно хлестать себя до тѣхъ поръ, пока не впалъ въ блаженное

состояніе, граничившее съ ощущеніемъ полнаго счастья. Такимъ образомъ онъ снова вызвалъ у своего сосѣда чувство безконечной зависти и, разумѣется, раздраженіе.

Другой писатель о восточныхъ христіанахъ говоритъ: „Нѣкоторые изъ монаховъ орошали землю своими слезами, въ то время какъ другіе, не умѣвшіе безъ причины плакать, обращались къ истязанію себя плетью или розгами“.

Христіане запада, бывшіе болѣе свободными и менѣе ограниченными, заходили въ своихъ мысляхъ и мнѣніяхъ о полезности флагеллянтизма гораздо дальше. Хотя они и прибѣгали къ аналогичному способу умерщвленія плоти на томъ же основаніи, на которомъ истязали себя восточные собратья ихъ, но тѣмъ не менѣе главнымъ и доминирующимъ побужденіемъ въ данномъ случаѣ служила у нихъ любовь къ Иисусу Христу вмѣстѣ съ желаніемъ путемъ извѣстныхъ страданій приблизиться къ Нему и стать Ему болѣе родственными.

Это основаніе проглядываетъ въ статутахъ различныхъ духовныхъ орденовъ, а во многихъ изъ нихъ проходитъ даже красной нитью. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ предписаніяхъ говорится: „тотъ, кто занимается умерщвленіемъ своей плоти путемъ самобичеванія, долженъ во время экзекуціи мысленно представлять себѣ Иисуса Христа, слѣдить своимъ духовнымъ окомъ за Его страданіями, испытанными Имъ на крестѣ. Каждый кающійся долженъ постараться испытать тѣ же боли, которыя достались на долю Сына Божія“.

При этомъ необходимо добавить все-таки, что неотступной мыслью у флагеллянтовъ служило желаніе путемъ болѣзненнаго умерщвленія плоти покаяться въ содѣянныхъ грѣхахъ. Нѣтъ, разумѣется, ничего удивительнаго въ томъ, что обрядъ этотъ вошелъ въ привычку и во всеобщее употребленіе среди тѣхъ, которые путемъ самобичеванія самого, а также продолжительности и интенсивности истязаній, видѣли способъ успокоенія своей совѣсти и прощенія въ совершенныхъ проступкахъ и, кромѣ того, привлекали на себя вниманіе и уваженіе какъ образованныхъ, такъ и необразованныхъ людей. Послѣднее обстоятельство заставляло флагеллянтовъ идти еще дальше, ибо въ ихъ глазахъ жестокія тѣлесныя наказанія имѣли гораздо больше цѣны, нежели другія какія бы то ни было испытанія христіанскихъ добродѣтелей. Не говоря уже объ ихъ утвержденіяхъ, что флагелляціи ниспосланы на землю небомъ, что ввели ихъ Илья и Генохъ, приводились еще и слѣдующія еретическія основанія: проливаемая флагеллянтами при истязаніяхъ кровь должна будетъ соединиться съ кровью Иисуса Христа; далѣе, самобичеваніе исключаетъ необходимость покаянія и исповѣди; затѣмъ, оно имѣетъ несравненно болѣе за собою заслугъ, нежели мученичество, ибо самобичеваніе является актомъ добровольнымъ; крещеніе водою не представляетъ при флагеллянтизмѣ болѣе необходимости, ибо каждый христіанинъ долженъ принять святое крещеніе отъ собственной крови; само-

бичеваніе, наконецъ, обезвреживаетъ не только совершенные, но и имѣющіе быть сдѣланными въ будущемъ грѣхи, дѣлая такимъ образомъ излишнимъ наличие какихъ бы то ни было богоугодныхъ дѣлъ. Навстрѣчу подобнымъ еретическимъ символамъ въры церковь послала свое проклятiе, предавъ такія воззрѣнія анаоемъ, и многіе изъ флагеллянтовъ вынуждены были искупить свои взгляды на ... кострѣ.

Ордены флагеллянтовъ новѣйшей формаціи, о нѣкоторыхъ изъ которыхъ мы уже имѣли случай упомянуть выше, не раздѣляли только-что приведенныхъ взглядовъ; они подчинялись во всемъ ортодоксальной церкви и ограничивались тѣмъ, что производили автоэзекуціи по праздничнымъ днямъ, напимѣрь, въ воскресенье, въ Рождество, въ дни Великаго поста и въ нѣкоторые дни масленицы. Установленныя въ ихъ сообществахъ правила напоминали собою таковыя у масоновъ; имѣлись у нихъ также флаги распятія и другія украшенія алтаря. Для покрытія издержекъ, необходимыхъ на пріобрѣтеніе означенныхъ предметовъ, каждый сектантъ уплачивалъ ежегодно незначительную сумму денегъ.

Въ большіе праздники флагеллянты для торжественныхъ шествій по улицамъ наряжались въ особыя одѣянія, надѣвали на лицо маски и въ такомъ видѣ, дефилируя передъ любопытно глазѣвшей на нихъ публикой, направлялись въ церкви. Въ церкви, откуда начиналось шествіе, равно какъ и въ той, куда они заходили, имъ приходилось выслушивать краткую проповѣдь на тему о страстяхъ, обуевающихъ флагеллянтовъ; при словахъ: „Мы хотимъ обратиться на путь истинный и исправиться“ (*emendemus in melius*) начиналась эзекуція, во время которой слышалось пѣніе *Miserege*. Съ продолженіемъ пѣснопѣній не прекращалось и примѣненіе плети или розги. Братство стояло подъ наблюденіемъ епископа, который долженъ былъ утверждать всѣ создаваемыя сектантами правила и предписанія.

Когда общественное мнѣніе возстало противъ появленія флагеллянтовъ на улицахъ и въ церквахъ, манія тѣмъ не менѣе не прекратилась; разница была только въ томъ, что обряды секты исполнялись въ тѣсномъ кругу сообщества, всѣ члены котораго при закрытыхъ дверяхъ монастырскихъ келій или частныхъ квартиръ вволю обрабатывали свое грѣшное тѣло.

Прежде всего подобныя братства возникли въ Баваріи, которую можно назвать поистинѣ классической страной розги. Изъ всѣхъ имѣвшихъ мѣсто въ Баваріи случаевъ, являющихся въ разбираемомъ нами отношеніи въ высшей степени интересными, упомянемъ объ одной исторіи, закончившейся надѣлавшимъ въ свое время шуму процессомъ.

Нѣкій капуцинскій монахъ изъ дюрскаго прихода, по имени Ахаціусъ, своими проповѣдями и убѣжденіями въ исповѣдальной комнатѣ, взбудоражилъ всѣхъ своихъ духовныхъ сыновъ и дочерей. Одаренный суровыми чертами лица, но обладавшій изуми-

тельнымъ даромъ слова, этотъ капуцинъ пользовался особымъ обаяніемъ и безграничной мощью среди слабой половины рода человѣческаго; пожилыя же женщины и вдовы совершенно поддавали подъ его неудержимое вліяніе — онѣ буквально становились его рабами. При помощи этихъ вѣрноподданныхъ въ юбкѣ онѣ привлекалъ на свою сторону также и молодыхъ дѣвушекъ, и, подъ вліяніемъ уговоровъ старшихъ, послѣднія дѣлали его своимъ духовникомъ. Символь его вѣры заключался въ слѣдующемъ:

„Человѣкъ, какъ таковой, не въ состояніи обузывать свои сердечныя желанія и побужденія, но духъ его можетъ остаться добродѣтельнымъ и непорочнымъ въ то время, когда тѣло погружается въ грѣхахъ. Духъ принадлежитъ Господу Богу, тѣло является достояніемъ міра. То, что представляется нашей собственностью, должно въ дѣйствительности принадлежать намъ; такимъ образомъ, чтобы духъ былъ чистъ, тѣло должно грѣшить“.

Не трудно себѣ представить, куда именно клонилось его ученіе! Онѣ учредилъ адамитскій клубъ истязаній, просуществовавшій нѣсколько лѣтъ кряду и затѣмъ закрытый вслѣдствіе доноса одной изъ молодыхъ монашенокъ, которая бѣжала изъ монастыря, чтобы затѣмъ выйти замужъ за любимаго ею офицера. Слѣдствіе длилось очень долго, чему способствовали тѣ члены клуба, которые принадлежали къ знатнымъ фамиліямъ; судебный процессъ хотя и былъ начатъ, но подъ вліяніемъ давленія сильныхъ міра сего его въ концѣ концовъ замяли.

Въ Испаніи въ процедурѣ умерщвленія плоти волокитство играло далеко не послѣднюю роль, причемъ одинъ изъ писателей говоритъ о флагеллянтахъ слѣдующее:

„Влюбленные очень часто сопровождаютъ процессію флагеллянтовъ, находясь обыкновенно во главѣ ея; во время бичеванія они удваиваютъ свою энергію, лишь только поравняются съ окнами своей возлюбленной. Если случается, что мимо процессіи проходятъ молодыя, красивыя дѣвушки, то процедура умерщвленія плоти усиливается всѣми флагеллянтами, которые стараются при этомъ забрызгать соблазнительныхъ красавицъ своею кровью. Въ знакъ благодарности и признательности дѣвушки считали своей обязанностью подбрасывать въ воздухъ головные уборы. Трудно чѣмъ-либо объяснить, что такія выходки могли нравиться испанцамъ; нужно допустить, что желаніе понравиться имъ, въ свою очередь, радовало и ихъ, либо же онѣ цѣнили то терпѣніе и ту выносливость, съ которой флагеллянты разгуливали по своему тѣлу розгами. Въ нѣкоторыхъ городахъ искусство самоистязанія преподавалось особыми спеціалистами, игравшими такую же роль, какъ и профессора изящныхъ искусствъ. Къ сектѣ флагеллянтовъ — заканчиваетъ авторъ — принадлежали люди всѣхъ степеней и положеній“.

Корнелій Гадріенъ и тѣлесныя наказанія

Разсказъ о Гадріенѣ и его институтѣ бичеванія является замѣчательнымъ эпизодомъ въ исторіи сѣченія и проливаетъ свѣтъ на ея тайны, открывая злоупотребленія этимъ оригинальнымъ способомъ покаянія. Самые значительные факты изъ исторіи этой ереси, которыми изобилуютъ лѣтописи Нидерландской церкви, достаточно достовѣрны, и мы, приводя ихъ, по большей части согласуемся съ оригиналомъ.

Корнелій Гадріенъ родился въ Дортрехтѣ, на югѣ Голландіи, около 1520 года, и послѣ обычнаго искуса былъ принятъ въ орденъ Францисканцевъ. Онъ былъ назначенъ профессоромъ богословія въ монастырь того же ордена въ Брюгге около 1548 года.

Онъ обладалъ большимъ краснорѣчіемъ и скоро пріобрѣлъ большую извѣстность, въ особенности среди прекрасныхъ и благочестивыхъ дамъ этого города. Корнелій не былъ равнодушнымъ къ красотѣ и съ удовольствіемъ останавливалъ свои взоры на многихъ набожныхъ исповѣдницахъ. Одинъ изъ современныхъ ему писателей выражается по этому поводу: „Чтобы доставить удовольствіе какъ себѣ, такъ и имъ, онъ рѣшилъ учредить совсѣмъ особый благочестивый орденъ среди нихъ“. Цѣль и характеръ этого особеннаго учрежденія мы объяснимъ ниже. Въ своихъ проповѣдяхъ братъ Корнелій свободно говорилъ о грѣховности земныхъ наслажденій и ихъ послѣдствій и своими, инсинуаціями пробуждалъ страхъ и совѣсть въ душахъ своихъ прелестныхъ слушательницъ, пока онѣ естественно не шли въ его исповѣдальню за совѣтомъ и наставленіями. Не молодымъ и не красивымъ онъ предписывалъ прилежно исповѣдываться въ своихъ грѣхахъ ихъ прежнимъ духовникамъ, пока тѣ не разрѣшатъ ихъ, но тѣмъ, которыхъ онъ желалъ принять въ свой орденъ, онъ говорилъ: „По причинѣ того, что вы не въ силахъ противиться такимъ внутреннимъ грѣховнымъ побужденіямъ, ихъ нужно карать внѣшнимъ наказаніемъ и покаяніемъ“. Онѣ давали ему обѣтъ дѣлать все, что онъ отъ нихъ потребуетъ. Взявъ съ нихъ клятву хранить въ тайнѣ положенное наказаніе, потому что ни одинъ человекъ въ свѣтѣ не только не можетъ понять и оцѣнить это дѣло, а непременно постарается нанести оскорбленіе ордену и ввести его въ соблазнъ, братъ Корнелій снабжалъ ихъ правиломъ, сообразно которому онѣ должны были каждый мѣсяцъ являться въ его исповѣдальню. Здѣсь онѣ подробно каялись ему во всѣхъ своихъ нечистыхъ помышленіяхъ, словахъ и поступкахъ... По его объясненію, все это можно было искупить только особеннымъ курсомъ умерщвленія плоти и секретнымъ покаяніемъ, назначеннымъ имъ и производимымъ подъ его личнымъ надзоромъ.

Гадріенъ ловко распорядился, чтобы это умерщвленіе плоти происходило въ смежномъ съ монастыремъ домѣ, который содер-

жала одна швея, пользовавшаяся его довѣріемъ. Когда исповѣдницы являлись туда въ первый разъ, хозяйка давала имъ по розгѣ съ наказомъ спрятать ее въ комнатѣ, гдѣ происходили наказанія, и не забыть принести одну изъ этихъ розогъ, когда понадобится. Когда всѣ его духовныя чада были въ сборѣ, Корнелій являлся и съ самымъ серьезнымъ видомъ объявлялъ, что для полученія наказанія надлежащимъ образомъ онѣ должны снять съ себя часть одежды. Сдѣлавъ это, грѣшницы смиренно подавали ему розгу, которая должна была очистить ихъ грѣховныя тѣла. Братъ Корнелій принимался за дѣло очень нѣжно и сначала потихоньку, но потомъ все усиливалъ удары, увеличивая происходящее отъ нихъ благодѣяніе столь первобытнаго свойства. Въ этомъ ордентъ состояли дѣвушки, замужнія женщины, вдовы, и эта тайная „гинопигическая“ секта, какъ называли ее голландскіе писатели, держалась десять лѣтъ, не возбуждая ни въ одной изъ ханжей ни малѣйшаго недоувѣрія къ ея неприличію. Онѣ были счастливы и спокойны, твердо вѣря въ благочестіе Корнелія до тѣхъ поръ, пока одно обстоятельство не сдѣлало извѣстнымъ его необыкновенный способъ умерщвленія плоти и не привело къ распаденію этого ордена.

Въ 1553 году въ числѣ многихъ слушательницъ брата Корнелія была одна добродѣтельная и всѣми уважаемая вдова, которая иногда брала съ собой свою красивую и очень милую дочку, Калекенъ Петерсъ, шестнадцати лѣтъ. Калекенъ скоро близко сошлась съ нѣсколькими молодыми особами, послѣдовательницами брата Корнелія, и, конечно, много наслышалась отъ нихъ о послушаніи, смиреніи и тайномъ умерщвленіи плоти. Изъ любопытства она спросила у своихъ подругъ, что значитъ все это. Онѣ отвѣтили, что только одинъ братъ Корнелій можетъ дать ей необходимыя объясненія и, конечно, онъ охотно расскажетъ ей обо всемъ, если она когда-нибудь пойдетъ къ нему на исповѣдь. Въ надлежащее время она пришла къ нему исповѣдываться, и въ это первое свиданіе братъ Корнелій внушалъ, что нужно быть покорной ему во всемъ и понятливой, если она хочетъ сохранить свою дѣвическую чистоту, и изъявилъ желаніе, чтобы она, съ согласія матери, посѣщала его каждую недѣлю для полученія наставленій, необходимыхъ для священнаго послушанія. Мать ея съ радостью согласилась, и въ слѣдующее свиданіе Калекенъ общалась по его просьбѣ съ полной вѣрой покаяться ему въ своихъ самыхъ тайныхъ мысляхъ и желаніяхъ. Послѣ шести или семи-недѣльныхъ наставленій братъ Корнелій сказалъ ей, что она должна дать клятву не исповѣдываться у другого священника, и что тогда она можетъ войти въ комнату наставленій и претерпѣть наказаніе, какъ и всѣ другія дѣвушки.

Первый визитъ въ это „святилище“ былъ очень неудовлетворителенъ для брата Корнелія. Она или не могла или не хотѣла быть вполне откровенной, какъ этого желалъ духовникъ, и онъ отпустилъ ее съ увѣщаніемъ быть лучше подготовленной въ слѣдующій разъ.

Въ послѣдующее свиданіе, убѣждая ее брать примѣръ съ другихъ кающихся, онъ спросилъ ее, вполнѣ ли серьезно она довѣрила ему исцѣленіе своей страждущей души? Она подтвердила это.

„Хорошо, тогда“, продолжалъ онъ, „если вы ввѣряете мнѣ свою душу, вы можете безбоязненно довѣрить мнѣ свое земное тѣлѣнное тѣло; если я въ состояніи освятить вашу душу, то я долженъ прежде всего очистить ваше тѣло и сдѣлать его способнымъ къ добродѣтели, благочестію и раскаянію. Не такъ ли, дитя мое“?

„Такъ, святой отецъ“, отвѣтила она. „Хорошо“, продолжалъ онъ, „теперь нужно, чтобы вы были мнѣ покорны въ святомъ послушаніи такимъ образомъ, какъ я вамъ укажу“.

Тогда онъ велѣлъ ей, чтобы побѣдить скромность, служащую только препятствіемъ священному поученію и покаянію, совершенно раздѣться, и объяснилъ ей, что невозможно сдѣлаться вполнѣ благочестивой, если она не подвергнется этому самоуничтоженію, которое является первымъ условіемъ пріобщенія къ тайному священному умерщвленію плоти. Калекенъ пошла исполнять это приказаніе, но, не успѣвъ еще окончить своего урока, упала въ обморокъ. Почтенный отецъ ожидалъ этой „помѣхи“, и скоро привелъ дѣвицу въ чувство при помощи нюхательной соли. Тогда онъ отпустилъ ее, замѣтивъ, что на этотъ разъ довольно, и обѣщалъ, что къ ея слѣдующему визиту у него будутъ еще другія молодыя особы, которыя послужатъ ей хорошимъ примѣромъ. Дѣйствительно, когда Калекенъ пришла снова, тамъ были двѣ молодыя женщины, которыя безъ малѣйшаго колебанія по требованію отца Корнелія раздѣлись и, ставъ на колѣни на подушку, получили свое наказаніе.

Такъ шли дѣла нѣсколько мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ посвященные члены ордена прилежно добивались дружбы Калекенъ и убѣждали ее быть во всемъ покорной Корнелію. Это постепенно развратило ея мысли, у нея уже нашлось, въ чемъ покаяться, и духовный отецъ, обрадованный такой перемѣной, сказалъ ей, что теперь она уже достаточно подготовлена принять тайное поученіе, и велѣлъ ей принести съ собой розгу въ слѣдующий разъ, которой она и была высѣчена тѣмъ же манеромъ, какъ и другія молодыя женщины.

Но какъ бы то ни было, секретъ этотъ открылся въ 1563 г. при помощи другой жертвы, и Калекенъ предстала предъ судомъ, какъ свидѣтельница въ ея пользу.

Въ обществѣ брата Корнелія состояла одна женщина, по имени Беткенъ Массъ, которая посвятила себя уходу за больными и славилась своей добродѣтельностью и благочестіемъ. Она познакомилась съ монахомъ Августинцемъ, который предостерегалъ ее противъ Корнелія, что дошло до ушей послѣдняго; онъ немедленно объявилъ Беткенъ послѣдовательницей Поля и Эразма и убѣждалъ своихъ духовныхъ чадъ не входить съ ней ни въ какія сношенія. Беткенъ сносила все это молча. Ей пришлось вскорѣ ходить за одной дамой, которая была при смерти, и эта дама

велѣла Беткенъ принести ей монашескую шапочку, спрятанную у нея, чтобы она могла въ этой шапочкѣ испустить свой послѣдній вздохъ.

Беткенъ, распросивъ о причинѣ этой странной просьбы, узнала, что шапочка — драгоценный подарокъ брата Корнелія, который сказалъ этой женщинѣ, что, надѣвъ ее передъ смертью, она получитъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ и избавитъ себя отъ мукъ чистилища. Беткенъ пыталась разубѣдить ее въ этой глупости, но напрасно; это только раздражало больную, которая вмѣсто того, чтобы умереть, — выздоровѣла и при первой возможности отправилась въ монастырь Францисканцевъ къ Корнелію. Почтенный отецъ былъ разгнѣванъ вмѣшательствомъ Беткенъ и объявилъ ее вездѣ — въ исповѣдальнѣ, съ кафедръ и въ частныхъ домахъ — еретичкой. Въ монастырь Кармелитокъ, гдѣ у Корнелія была племянница, къ которой онъ приходилъ, какъ и къ другимъ монахинямъ, — онъ также оклеветалъ Беткенъ; ея друзья отказывались видѣться съ ней и не желали больше принимать ея услугъ, какъ сидѣлки. Доведенная до крайности, она отправилась къ начальнику ордена Августинцевъ и открыла ему настоящую причину ненависти къ ней Корнелія, а также и секретъ тайной дисциплины. Августинецъ послалъ за Корнеліемъ и указалъ ему на опасность, какой онъ подвергнется, если не примирится съ Беткенъ. Онъ потребовал, чтобы Корнелій формально отрекся отъ всего, что говорилъ о ней съ кафедръ, въ монастырѣ и частныхъ домахъ. Съ кафедръ Корнелій упомянулъ, объ этомъ, но такъ темно и запутанно, что никто ничего не понялъ, а въ частныхъ домахъ все осталось попрежнему. Послѣ этого онъ продолжалъ свои нападки на Беткенъ, которая прибѣгла къ послѣднему средству: она рассказала во многихъ домахъ о злоупотребленіяхъ и обманахъ монаха, а также о его особенномъ курсѣ покаянія.

Это скоро распространилось, и дѣло дошло до суда, который пригласилъ Беткенъ Массъ дать полное показаніе относительно всѣхъ этихъ тайнъ. Общество очень заинтересовалось тайной дисциплиной, но въ то же время Корнелій вполне могъ бы оправдаться, если бы взялся за дѣло, какъ слѣдуетъ: слѣдствіе можно было легко остановить, такъ какъ здѣсь было замѣшано очень много знатныхъ фамилій. Но, несмотря на все это, Корнелій продолжалъ громить своихъ обвинителей, а разслѣдованіе шло своимъ порядкомъ. Всѣ женщины, на которыхъ было указано, какъ на членовъ этого дисциплинарнаго общества, должны были лично предстать предъ судомъ, и оказалось, что въ числѣ членовъ состояло много знатныхъ дамъ, какъ молодыхъ, такъ и старыхъ.

Великъ былъ стыдъ многихъ семействъ, когда открылось это многолѣтнее безчестіе. Всѣ свидѣтельствовали свою невинность и обманъ ихъ монахомъ, но это не могло остановить позорныхъ насмѣшекъ надъ его послѣдователями, и „священная дисциплина“ была предметомъ множества пасквилей и остротъ. Братъ Корнелій удалился въ другой монастырь въ Эйпернъ, гдѣ провель нѣсколько лѣтъ, а потомъ опять возвратился въ Брюгге.

Онъ объяснилъ простоватымъ фламандцамъ, что исторія съ этой дисциплиной была клеветой на него враговъ; онъ ревностно проповѣдывалъ противъ реформаторства и наконецъ въ 1581 году скончался въ полной святости.

Г Л А В А XV

Знаменитое дѣло монаха Жирара и миссъ Кадирь

Этотъ случай, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ въ лѣтописяхъ сѣченія, въ то же время даетъ яркій примѣръ изумительно распушенной нравственности и лукавства, бывшихъ тогда отличительной чертой ордена іезуитовъ. Подробности этого обстоятельства постоянно печатались на многихъ европейскихъ языкахъ, но всѣ тонкости поученій и другихъ духовныхъ воздѣйствій, происходившихъ между отцомъ Жираромъ и его ученицей, оказались слишкомъ обширными для ихъ опубликованія; поэтому мы позволяемъ себѣ предложить нашимъ читателямъ только одинъ или два главныхъ факта изъ этой знаменательной исторіи.

Біографія дѣвицы Кадирь въ раннихъ ея лѣтахъ не представляетъ ничего особеннаго и можетъ быть описана въ немногихъ словахъ. Екатерина Кадирь, дочь Жозефа Кадирь и Елизаветы Поме, родилась въ Тулонѣ 12 ноября 1702 года. Отецъ ея умеръ, когда она была еще ребенкомъ, оставивъ, кромѣ нея, трехъ сыновей. Вдова осталась въ благопріятныхъ условіяхъ и воспитала своихъ дѣтей въ страхъ Божіемъ. Старшій сынъ женился, второй вступилъ въ орденъ доминиканцевъ, а третій сдѣлался священникомъ. О воспитаніи дочери особенно заботились, и когда она выросла, то вполнѣ вознаградила мать за всѣ эти труды.

Екатерина прославилась среди подругъ своимъ добрымъ характеромъ, чистотой и невинностью души и своей красотой. Ей дѣлали много предложеній, но она всѣмъ отказывала, такъ какъ ея мысли были слишкомъ заняты небеснымъ. Ей было 25 лѣтъ, когда въ апрѣлѣ 1728 года іезуитскій патеръ Жанъ Батистъ Жираръ получилъ назначеніе въ Тулонъ. Сперва онъ поселился в Аахенѣ, откуда и разнеслась слава о его краснорѣчивой проповѣди и строго нравственной жизни.

Жираръ сразу сдѣлался популярнымъ въ Тулонѣ, и цѣлыя толпы приходили слушать его проповѣди и исповѣдывать ему свои грѣхи. Дамы всѣхъ возрастовъ единодушно избрали его своимъ духовникомъ и совѣтчикомъ, и это довѣріе было въ высшей степени пріятно святому отцу; молодыя же дѣвицы Тулона образовали между собой родъ ордена для упражненій въ благочестіи, начальникомъ котораго былъ Жираръ, придерживавшійся по отношенію къ своимъ ученицамъ системы Молини, и при томъ съ та-

кой хитростью, и наглостью, что это возбуждало довѣріе къ его пріемамъ. Онъ приступилъ къ дѣлу съ большой осторожностью и долгое время ограничивался только двусмысленными и мистическими разговорами, но постепенно и незамѣтно, хотя увѣренно, доводилъ своихъ прелестныхъ исповѣдницъ до обычнаго покаянія, которое онъ привыкъ налагать въ видѣ умерщвленія плоти по издавна установленной формѣ. Передъ его убѣдительнымъ краснорѣчіемъ не могли устоять никакія сомнѣнія въ пристойности и полезности такой дисциплины.

Множество молодыхъ дѣвицъ вполне усвоили себѣ идею Жирара относительно умерщвленія плоти; но главнымъ лицомъ въ этой сектѣ явилась дѣвица Гюйоль, умная и ловкая отъ природы, съ самаго начала показавшая, что можетъ какъ нельзя лучше служить намѣреніямъ святого отца. Отецъ Жираръ нашелъ себѣ въ ней единомышленника; очень скоро между ними установилось полное довѣріе, и она усердно помогала ему заманивать въ западню самыхъ неопытныхъ и молодыхъ женщинъ. Жираръ собственноручно давалъ розги отдѣльно каждой изъ своихъ ученицъ, устраивая родъ „вечеринки бичеванія“, на которой многія изъ нихъ присутствовали. Вначалѣ наказанія производились самымъ скромнымъ и приличнымъ образомъ, но мало-по-малу вожделѣнія отца Жирара заставили его налагать наибольшее очищеніе за болѣе легкомысленные поступки, а его прекрасныя грѣшницы были имъ до того ослѣплены, что процессъ исправленія только увеличивалъ ихъ благоговѣніе передъ пастыремъ и любовь къ нему.

Дѣвица Кадиръ находилась въ числѣ его воспитанницъ, и такъ какъ она была красива, интересна и помышляла только о небесномъ, то очень скоро привлекла вниманіе святого отца. Онъ былъ совершенно очарован: ея душевными и тѣлесными качествами и рѣшилъ, если возможно, обратить ее въ свою вѣру. Сообщивъ свое намѣреніе Гюйоль и приведя ей всѣ доводы, онъ получилъ отъ нея обѣщаніе помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Планъ его дѣйствій состоялъ въ томъ, чтобы проявить необыкновенное участіе къ своей послушницѣ: разпросивъ самымъ заботливымъ образомъ о ея родителяхъ, о ея здоровьѣ и состояніи ея духа, Жираръ сталъ распространяться объ удивительныхъ свойствахъ ея характера и о томъ, что Богъ предназначилъ ее быть орудіемъ Его великихъ замысловъ, а чтобы исполнить это высокое назначеніе, она должна совершенно передать себя въ руки своего духовнаго отца.

Эта система „вѣжливаго оболъщенія“, какъ она была послѣ названа, велась въ теченіе цѣлаго года, когда однажды отецъ Жираръ упрекнулъ свою воспитанницу за то, что она не послала за нимъ, когда была больна. Нѣжный поцѣлуй святого отца закончилъ этотъ милый выговоръ, и во время послѣдовавшей за этимъ исповѣди онъ разпросилъ ее обо всѣхъ ея желаніяхъ, наклонностяхъ и мысляхъ. Онъ посоветовалъ ей посѣщать различныя церкви въ городѣ, каждый день причащаться, причемъ предупредилъ ее, что скоро у нея начнутся видѣнія, о которыхъ она должна ему

подробно рассказывать. Это имѣло желанныя послѣдствія: Екатерина впала въ истерическое и мистическое состояніе, и образъ отца Жирара не выходилъ у нея изъ ума. Она открылась въ этой страсти къ нему, горько плача надъ своей слабостью. Отецъ Жираръ утѣшалъ ея такими словами: „Молитва есть только средство воспитать себя въ Богѣ. Разъ эта цѣль достигнута, и человекъ соединился съ Нимъ, онъ больше не нуждается въ молитвѣ. Любовь, привлекающая васъ ко мнѣ, не должна васъ печалить. Богъ желаетъ, чтобы эта любовь соединила насъ съ вами. Я ношу васъ въ своемъ сердцѣ и душѣ. Отнынѣ вы будете моей душой — да, душой моей души. Слѣдовательно, эта любовь отдастъ насъ другъ другу въ святомъ сердцѣ Иисуса“.

Съ этого времени всѣ письма Жирара къ Кадирѣ оканчивались словами: „Я соединенъ съ вами въ святомъ сердцѣ Иисуса“. Наконецъ, дѣвица Кадиръ приняла формулу послушанія, предложенную святымъ отцомъ: „Я отрекаюсь отъ себя, я предалась вамъ, я готова говорить, дѣлать и терпѣть все, что вы отъ меня потребуете“.

Отецъ Жираръ не только помогаль своимъ чадамъ въ ихъ духовныхъ потребностяхъ, но заботился также и о тѣлесныхъ желаніяхъ ихъ. Онъ держаль хорошую прислугу, имѣль всегда отличный столъ, кромѣ того, выдумываль развлеченія и другія затѣи для удовольствія своихъ питомицъ. Онъ и его вѣрная сообщница Гюйоль забавлялись тѣмъ эффектомъ, какой производили ихъ дѣйствія надъ дѣвицей Кадиръ, которая въ короткое время совершенно истомилась душой. Ее смущали странные сны, гдѣ главнымъ героемъ являлся отецъ Жираръ, она по временамъ казалась одержимой злымъ духомъ и проклинала религію Христа и святыхъ. Къ концу 1730 года эти приступы еще болѣе усилились. Ея братья были свидѣтелями ихъ, и, когда они молились о ея исцѣленіи, она все время проклинала ихъ. Казалось, эти сны служили ей внушеніемъ, устанавливая между нею и отцомъ Жираромъ особое духовное единеніе.

Друзья Кадиръ, опасаясь за ея здоровье, посовѣтовались съ Жираромъ, и тутъ осуществилось его давнишнее желаніе: приглашенный въ домъ Кадиръ, онъ часто могъ оставаться наединѣ съ дѣвушкой. Чтобы устранить всякое могущее возникнуть подозрѣніе, его сопровождалъ туда и оттуда младшій братъ ея, который въ то время былъ ученикомъ Коллегіи Іезуитовъ. При этихъ свиданіяхъ отецъ Жираръ пользовался приѣмами дисциплины Корнелія, продѣлывая это надъ обнаженной паціенткой, какъ только съ ней начинались ея припадки.

Дѣвушка пожаловалась Гюйоль и другимъ сестрамъ на вольности отца Жирара, но онъ только засмѣялся и рассказали, что и съ ними онъ велъ себя такъ же. Онъ очень часто преподавалъ дисциплину своей ученицѣ. Кадиръ имѣла одно изъ своихъ замѣчательныхъ видѣній въ посту 1729 года; за нимъ послѣдовала серьезная болѣзнь, уложившая ея въ постель. Жираръ участиль свои визиты и съ особеннымъ вниманіемъ разглядываль крова-

выя пятна, появившіяся послѣ припадковъ на ея лѣвомъ боку, на рукахъ и ногахъ. Одинъ біографъ замѣчаетъ, что ему никогда не надоѣдало разглядывать эти пятна, въ особенности на лѣвомъ боку. Видѣнія ея продолжались, и всѣ муки ея считались посланными ей самимъ небомъ.

Однажды Жираръ предсказалъ своей питомицѣ, что ей представится еще новое замѣчательное видѣніе, и она будетъ поднята на воздухъ. Онъ одинъ былъ свидѣтелемъ этого дѣйствія духовъ. Къ назначенному времени Кадиръ вдругъ сдѣлалась непокорной и, несмотря на просьбы и приказанія Жирара, отказалась перестать держаться за стулъ, на которомъ она сидѣла, и позволить поднять себя на воздухъ. Священникъ пригрозилъ ей ужасными послѣдствіями, которыя повлечетъ за собой такое сопротивление духовной власти, и, наконецъ, въ гнѣвѣ ушелъ изъ комнаты. Тогда была послана Гюйоль сдѣлать выговоръ грѣшницѣ, и послѣ ея угрозъ та пришла въ кроткое настроеніе, попросила прощенья и обѣщала въ будущемъ полную покорность.

Этотъ своевольный поступокъ могъ быть заглаженъ только глубокимъ раскаяніемъ. На слѣдующее утро отецъ Жираръ вошелъ къ ней въ комнату и, начиная свое поученіе, сказалъ: „Правосудіе Божіе требуетъ за то, что вы не позволили облечься въ его дары, чтобы вы раздѣлись и получили очищеніе; безъ сомнѣнія, вы заслуживаете, чтобы весь свѣтъ былъ свидѣтелемъ этого, но милосердный Господь разрѣшилъ видѣть это только мнѣ и этой стѣнѣ, которая не можетъ говорить. Какъ бы то ни было, дайте мнѣ клятву въ вашей вѣрности, что вы не выдадите тайны, потому что открытіе ея грозитъ гибелью намъ обоимъ“. Дѣвица Кадиръ, какъ упоминается у нѣсколькихъ писателей, подчинилась дисциплинѣ, какъ онъ этого желалъ, а что послѣдовало дальше — читатель можетъ дополнить собственнымъ воображеніемъ. „*Concipe animo*“.

Все это время у матери Кадиръ не явилось ни малѣйшаго недовѣрія къ святости отца Жирара, и она даже разсердилась на своего сына, когда онъ намекнулъ ей, что здѣсь происходитъ что-то странное. Невозможно описать подробно всего, что произошло между отцомъ Жираромъ и Кадиръ; продолжительный осмотръ ея ранъ, постоянные его поцѣлуи и повтореніе дисциплины иногда безъ всякой провинности съ ея стороны — все это представляло только часть системы Жирара, а были еще другіе поступки, гораздо болѣе грубые и возмутительные.

Чтобы избѣжать послѣдствій этого духовнаго единенія, Жираръ подъ разными предлогами заставлялъ дѣвушку пить напитокъ его собственнаго изготовленія, и несмотря на то, что она была очень слаба, отсовѣтывалъ ей дать осмотрѣть себя доктору. Онъ рѣшилъ, что необходима перемѣна условій, и для безопасности и удобства съ необыкновенной ловкостью устроилъ такъ, что дѣвица Кадиръ поступила въ монастырь въ Оллиулъ (Ollioules), гдѣ ее приняла сама настоятельница, причемъ ея родственники дали свое полное согласіе на то, чтобы Кадиръ сдѣлалась мона-

хиней. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, она была благосклонно принята въ монастырь, и двѣ недѣли послѣ этого отецъ Жираръ еще не посѣщаль ея. По истеченіи этого времени, онъ имѣлъ свиданіе съ настоятельницей, у которой попросилъ разрѣшенія видѣться и переписываться со своей ученицей. Большая часть его писемъ была уничтожена, но тѣ, которыя сохранились, раскрываютъ цѣлую систему самаго утонченнаго молинизма, къ которому прибѣгалъ этотъ іезуитъ для обольщенія несчастной дѣвушки.

Въ то же время онъ писалъ письма совершенно другого рода, которыя попадали въ руки настоятельницѣ и, какъ это и имѣлось въ виду, убѣждали ее въ чистотѣ намѣреній почтеннаго отца. Однако, одинъ его поступокъ возбудилъ подозрѣнія. Онъ имѣлъ смѣлость въ присутствіи другихъ монахинь осведомиться о физическомъ состояніи дѣвицы Кадиръ, спросивъ ее, много ли она потеряла крови недавно.

Одно изъ его писемъ, въ которомъ онъ угрожалъ ей розгой, которой накажетъ ее онъ самъ, „ея дорогой батюшка“, попало въ руки другому, и его визиты на время были запрещены, но при вмѣшательствѣ одного изъ капуциновъ привилегія Жирара посѣщать Кадиръ была восстановлена.

Страсть его къ ней все возрастала. Онъ изслѣдовалъ ея раны, примѣнялъ дисциплину прежнимъ способомъ и по цѣлымъ часамъ оставался у своей исповѣдницы. Она сама иногда хвалилась передъ другими монахинями, что испытываетъ величайшія духовныя наслажденія. Одно время она была заключена въ келью, и патерь могъ разговаривать съ ней только черезъ отверстіе въ стѣнѣ; но изобрѣтательность іезуита преодолѣла и это затрудненіе: онъ убѣдилъ свое духовное чадо выставить извѣстную часть тѣла въ отверстіе и такимъ образомъ получить розги! Онъ велѣлъ приносить туда его обѣдъ, и послушницы часто удивлялись этой парѣ, нѣжно раздѣлявшей трапезу.

Современемъ отцу надоѣла его духовная дочь, и онъ рѣшилъ помѣстить ее въ Картезіанскій монастырь въ Премоль. Епископъ Тулонскій не могъ дальше терпѣть и, запретивъ дальнѣйшія ихъ сношенія другъ съ другомъ, заставилъ перевезти дѣвицу Кадиръ на дачу Бока, близъ Тулона. Увидя, что приближается развязка, Жираръ при помощи сестры Гравье, своей бывшей ученицы, вернулъ всѣ письма, писанныя имъ Кадиръ, за исключеніемъ одного, котораго не было въ ея ящикѣ. Епископъ назначилъ новаго настоятеля въ Тулонскій монастырь Кармелитокъ, чтобы тотъ отнынѣ былъ духовникомъ Кадиръ, и посредствомъ исповѣди постепенно открылся обманъ и нечестивые поступки отца Жирара, о чемъ настоятель немедленно извѣстилъ епископа, и этотъ послѣдній поклялся избавить страну отъ обжорливаго волка, когда услышалъ о великомъ множествѣ его гнусныхъ дѣяній. Дѣвица Кадиръ умоляла его на колѣняхъ, обливаясь слезами, не разглашать всей этой гадости, и епископъ, наконецъ, обѣщаль ей скрыть скандальную исторію. Такъ какъ онъ замѣтилъ, что Кадиръ по временамъ

бываетъ „одержима“, то онъ началъ заклинать злого духа, и дѣвушка постепенно поправилась.

Епископъ вскорѣ раскаялся въ томъ, что замолчалъ этотъ скандалъ, и по совѣту іезуита отца, Сабатье, лишилъ Жирара его сана и назначилъ церковную комиссію, чтобы разслѣдовать всѣ его продѣлки. Эта комиссія была уже съ самаго начала предубѣждена противъ дѣвицы Кадиръ и имѣла намѣреніе оправдать Жирара. Дѣвушка, увѣренная въ своей невинности, призналась во всемъ, но, что вполне естественно, показанія ея были слишкомъ сбивчивы, и ея противникъ воспользовался неточностью указанныхъ ею чиселъ и другими мелочами. Духовный судъ усердно доказывалъ противъ Кадиръ. Даже письма — три къ настоятельницамъ въ Оллюль и два къ Кадиръ — никакимъ образомъ не обличали Жирара.

Восемь іезуитовъ были допрошены и дали самые благопріятные отзывы о своемъ братѣ; монахини также доказали свое благоговѣніе передъ преслѣдуемымъ отцомъ. Несчастливая Кадиръ была выставлена лгуньей, измѣнницей и клеветницей и даже обвинена въ томъ, что ее подкупили нанести оскорбленіе ордену іезуитовъ. Дѣло дошло до Верховнаго Судилища въ Эксъ, и іезуиты не жалѣли ни денегъ ни трудовъ, чтобы выиграть процессъ. Больше милліона франковъ стоила имъ эта защита. Жираръ отобралъ письма, захваченныя Кармелитскимъ настоятелемъ и братомъ Кадиръ, обвинивъ ихъ въ заговорѣ. Дѣвица Кадиръ въ это время содержалась, какъ осужденная преступница, въ скверной, вредной для здоровья комнатѣ, гдѣ передъ этимъ помѣщалась одна сумасшедшая. Ее мучили, угрожали и досаждали ей, какъ только могли, пока она наконецъ не отреклась отъ всего, въ чемъ она обвиняла Жирара.

Въ ея комнату поставили солдатъ, которые день и ночь стерегли ее. Судъ приговорилъ отдать ее на поруки въ городской монастырь. Аппелируя къ высшему суду, она показала, что ея первое признаніе на исповѣди было правдивымъ, и что она подъ страхомъ угрозъ отреклась отъ своихъ словъ. Судъ никакъ не могъ прійти къ соглашенію. Двѣнадцать подавало голосъ за то, что отецъ Жираръ отличался большой слабостью духа, и это дѣлало его предметомъ насмѣшекъ всего ордена, такъ что вина его не такъ уже велика. Другіе двѣнадцать говорили, что онъ долженъ быть осужденъ на смерть за кровосмѣшеніе и за то, что обезчестилъ свой духовный санъ позорными страстями и преступленіями. Судъ склонился къ тому, чтобы вынести обвинительный приговоръ, рѣшивъ, что обѣ партіи неправы. Одинъ изъ членовъ убѣждалъ, что Кадиръ подлежитъ только легкому наказанію, а другой кричалъ: „Но тогда нами будетъ оправдана величайшая преступница, развѣ возможно ограничиться только легкимъ наказаніемъ этой дѣвушки? Скорѣе ее слѣдуетъ бросить въ огонь“.

Этотъ судебный процессъ надѣлалъ много шума, и общественное мнѣніе было всецѣло на сторонѣ Кадиръ. Тѣхъ, кто голосовалъ противъ Жирара, толпа благословляла и встрѣчала рукоплеска-

ніями, а самъ Жираръ былъ побить камнями, и его съ большимъ трудомъ удалось спасти отъ ярости черни. Онъ умеръ черезъ годъ послѣ этого, и многіе сочли его преждевременную смерть наказаніемъ за грѣхи. Іезуиты предполагали его канонизировать, но мы не можемъ сказать навѣрное, было ли это приведено въ исполненіе. Дѣвицу Кадиръ ея многочисленные друзья окружили нѣжнымъ попеченіемъ. Но она вскорѣ послѣ своихъ страданій исчезла со сцены, и осталось неизвѣстнымъ, сослали ли ее куда нибудь, или она окончила свои дни въ монастырѣ. Общее мнѣніе было таково, что ее мирно и незамѣтно удалили съ дороги. Красота ея была воспѣта ея современниками, и несомнѣнно, что она обладала необыкновенной привлекательностью. Вольтеръ, съ присущимъ ему цинизмомъ, выразился такъ: „Эта красавица видѣла самого Бога; Жираръ видѣлъ ее — и онъ былъ еще болѣе счастливъ“.

Другой трагическій случай подобнаго же рода произошелъ незадолго предъ паденіемъ іезуитовъ во Франціи. Одна дѣвица изъ высшаго общества была отдана на попеченіе іезуита, который считался другомъ ея семьи, и она была безсовѣстно обольщена имъ по способу отца Жирара. Въ этомъ случаѣ начальство святого отца подкупило одного лѣкаря дорогими подарками, и тотъ такъ іезуита изувѣчилъ, что его невозможно было обвинить въ тѣхъ поступкахъ, въ которыхъ его обличали. Но, какъ бы то ни было, огласка этой исторіи привела къ распаденію ордена.

Третья продѣлка такого же рода, какъ и случай съ Кадиръ, полная позорныхъ подробностей, записана въ „Passepartout“ Гавина, такъ какъ она имѣла мѣсто на Саламанкѣ.

Г Л А В А XVI

Наказаніе розгами

Какъ мы уже видѣли изъ предыдущаго изложенія, телѣсныя наказанія въ древности примѣнялись очень охотно и существовали подъ различными названіями, какъ то: сѣченіе розгами, избіеніе плетью и экзекуція кнутомъ. Въ дальнѣйшемъ существованіе тѣлесныхъ наказаній можно по хроникѣ событій прослѣдить отъ среднихъ вѣковъ и до настоящаго времени.

Въ наши дни общественное мнѣніе безусловно противъ примѣненія розги, причемъ многіе, рассматривая розгу, какъ средство наказанія, глубоко убѣждены въ томъ, что она только позоритъ преступниковъ и дѣлаетъ ихъ еще болѣе закоренѣлыми, ожесточая и дѣйствуя пагубнымъ образомъ на и безъ того испорченный характеръ. Не говоря уже о вредномъ моральномъ вліяніи тѣлесныхъ наказаній, послѣднія особенно пагубнымъ образомъ отзываются на здоровьи женщины, такъ какъ мышечный

аппаратъ послѣдней безусловно богаче кровеносными сосудами, нежели мужской, и потому гораздо чувствительнѣе къ розгѣ или плети и болѣе воспріимчивъ въ смыслѣ вредныхъ послѣдствій.

Тѣлесное наказаніе, производимое безъ понятія и разницы, само собой разумѣется, представляется для школы и тюрьмы крайне невыгоднымъ, но въ то же время опытъ показываетъ и исторія учить, что разумное примѣненіе розги постоянно вызывало повышеніе нравственного уровня. Во многихъ нашихъ общественныхъ учрежденіяхъ розга, на примѣръ, могла бы считаться весьма подходящимъ пособіемъ, причемъ незаурядныя преступленія могли бы въ рабочихъ домахъ наказываться ею, подѣ влияніемъ чего процентъ ихъ значительно сократился бы. Точно также судебные приговоры убійцамъ съ цѣлью грабежа и тому подобнымъ преступникамъ съ пользой могли бы усиливаться тѣлесными наказаніями въ видѣ добавочнаго штрафа къ тюремному заключенію и принудительнымъ работамъ. Но въ настоящее время всеобщее мнѣніе склоняется все больше и больше въ пользу уменьшенія и смягченія наказаній вообще, и такимъ образомъ возможно, по нашему мнѣнію, ожидать что подобный порядокъ вещей, т. е. слишкомъ большая заботливость о преступникахъ, сможетъ неблагопріятнымъ образомъ отразиться на общемъ благосостояніи. Впрочемъ, не будемъ разсматривать больше этотъ спорный вопросъ принципиально, а займемся историческимъ обзоромъ его.

Древніе египтяне не увѣковѣчили своихъ обычаевъ на гробницахъ и гіероглифахъ. Какъ видно изъ нѣсколькихъ мѣстъ Ветхаго Заветъа, евреи имѣли установленное количество ударовъ, надѣляемыхъ добровольной рукою. Не вдаваясь въ дальнѣйшія разсмотрѣнія тѣлесныхъ наказаній Востока, замѣтимъ теперь же, что экзекуціи розгами или плетью въ видѣ наказанія, налагаемаго правосудіемъ, были введены у еврейскихъ народовъ римскимъ правомъ. И если особенная любовь къ тѣлеснымъ наказаніямъ съ теченіемъ времени до извѣстной степени ослабла, то все таки въ римскомъ уголовномъ кодексѣ она занимала постоянно самое выдающееся мѣсто, причемъ позднѣйшія народности выказали свою солидарность съ римлянами въ отношеніи тѣлесныхъ наказаній тѣмъ, что позаимствовали у послѣднихъ уложеніе о наказаніяхъ.

Читатели наши уже видѣли, какъ пышно процвѣталъ флагеллянтизмъ въ монастыряхъ, причемъ одновременно съ нимъ шпицрутены въ войскахъ и плеть, розга или веревка дома составляли обыденное явленіе. Привилегированные классы обыкновенно избавлялись отъ подобныхъ наказаній, хотя въ приказахъ Генриха IX и Людовика XIV встрѣчаются имена знатнѣйшихъ современниковъ, приговоренныхъ своими королями къ публичному тѣлесному наказанію. Въ срединѣ одиннадцатаго столѣтія Бонифаций, маркизь Тосканскій, одинъ изъ знатнѣйшихъ принцевъ Италіи, подвергся наказанію розгами у алтаря, вслѣдствіе приговора епископа, разсердившагося на то, что принцъ устраивалъ раз-

личные привилегіи за деньги. При этомъ Галламъ упоминаетъ, что подобныя преступленія имѣли мѣсто гораздо чаще, нежели наказанія, что во всякомъ случаѣ является для упомянутого времени чрезвычайно характернымъ.

Въ Италіи одно время каждый округъ, каждая провинція, каждый городъ прибѣгали къ своимъ особеннымъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Тосканскій уголовный кодексъ, опубликованный въ 1786 году герцогомъ Тосканскимъ, говоритъ за то, что уже тогда тѣлесныя наказанія были въ ходу и разсматривались, какъ средство, способствующее поддерживать въ порядкѣ и равновѣсіи законность. Въ предисловіи этого законоположенія говорится, что законодатель основывается на богатомъ опытѣ, и что „послѣ того, как онъ царствовалъ болѣ двадцати лѣтъ и за это время смягчилъ много наказаній, онъ убѣдился въ томъ, что преступленія не только не увеличивались, но, наоборотъ, уменьшались, тяжкія преступленія вообще не наблюдались, а менѣе сложныя обнаруживались значительно рѣже“. Эдиктомъ этимъ уничтожались далѣе такія наказанія, какъ клейменіе съ помощью раскаленнаго желѣза, Strappado, различныя пытки и всѣ вообще наказанія, сопряженныя съ уродованіемъ, равно какъ ограниченіе въ правахъ на собственность, все равно — движимую или недвижимую. Помимо этого, законоположеніе тосканскаго герцога сравнивало государственную измѣну съ преступленіемъ противъ личности. Наказанія за тѣ или иные проступки налагались слѣдующія: незначительныя денежныя штрафы, непревышающіе трехсотъ кронъ; наказаніе плетью, но не публичное; тюремное заключеніе до одного года; ссылка на болѣе или менѣе продолжительныя сроки и разстоянія; публичное наказаніе плетью; публичное наказаніе плетью на ослѣ. Женщины приговаривались къ заключенію въ исправительныя тюрьмы срокомъ, начиная съ одного года. Если заключеніе назначалось пожизненное, представлявшее собою замѣну смертной казни, то преступницы должны были носить особое платье, на которомъ были вытканы слова: „Ultimo Supplicio“. Мужчинъ за тяжкія преступленія посылали на островъ Эльбу, гдѣ они работали въ шахтахъ, или же на галеры въ Ливорно и т. д. Срокъ такой ссылки назначался отъ трехъ лѣтъ, хотя приговаривали и на пожизненныя работы. Въ послѣднемъ случаѣ каторжане тоже должны были носить особое платье, на ногѣ — кольцо, цѣпи и проч. атрибуты. Работы исполнялись такими преступниками самая тяжелыя.

Изъ старыхъ нѣмецкихъ уложеній о наказаніяхъ, а также и изъ юридическихъ архивовъ видно, что при исполненіи тѣлесныхъ наказаній примѣнялись то плети, то палки, то розги. Въ тюрьмахъ и исправительныхъ домахъ въ смыслѣ наказанія арестованныхъ творились ужасныя безобразія, злоупотребленія были вонющія. Въ Германіи и Швейцаріи судьи и члены магистрата пользовались почти неограниченною властью и даже при самыхъ незначительныхъ проступкахъ назначали виновнымъ ужасныя экзекуціи съ помощью палочныхъ ударовъ. Въ нѣкоторыхъ горо-

дахъ женщинъ-преступницъ помѣщали въ особаго устройства машину, въ которой онѣ не въ состояніи были пошевелинуться; благодаря подобнымъ тискамъ, каждый ударъ навѣрное достигалъ своего назначенія. Въ Гаагѣ, напримѣръ, въ зданіи старыхъ тюремъ до сихъ поръ сохранились такія машины. По временамъ арестантокъ заставляли одѣвать особыя платья и подвергали экзекуціи, которая производилась также женщинами, хотя въ огромномъ большинствѣ случаевъ соблюденіе приличія, т. е. отсутствія въ роли палача мужчины, игнорировались.

Въ полицейскихъ дворахъ Голландіи женщинъ сѣкли сразу цѣлыми дюжинами, причемъ подобное зрѣлище считалось настолько интереснымъ, что посторонняя публика очень часто подкупала служащихъ и за извѣстную мзду получала право присутствовать при подобной массовой экзекуціи.

Въ Англіи тѣлесныя наказанія процвѣтали въ высшей степени удачно. Среди англосаксовъ въ то время, когда штатъ прислуги состоялъ еще изъ рабовъ и крѣпостныхъ, удары считались самымъ обычнымъ наказаніемъ за любой проступокъ, и далеко нерѣдко случалось такъ, что подчиненные по приказанію своего господина или госпожи засѣкались до смерти.

Въ старыхъ иллюстрированныхъ журналахъ и книгахъ мы встрѣчаемъ изображенія процедуры наказанія розгами въ Саксоніи. На одной изъ такихъ иллюстрацій изображено наказаніе преступника двумя помощниками палача. Жертва — совершенно нагая, ноги ея плотно привязаны къ скамьѣ, экзекуторы награждаютъ ее ударами маленькихъ розогъ, состоящихъ изъ трехъ прутьевъ. Саксонки также не брезгали собственноручно наказывать своихъ служанокъ розгами. Вилліамъ Мальмесбери рассказываетъ, что король Этельредъ, будучи еще маленькимъ мальчикомъ, такъ сильно разгнѣвалъ какъ то разъ свою мать, что она за недостаткомъ розги схватила попавшіяся ей подъ руку свѣчи и нанесла ими наслѣднику престола такъ много ударовъ, что несчастное дитя вскорѣ лишилось сознанія. Въ славныя времена великой Елизаветы въ каждомъ городѣ и въ каждой деревнѣ находилось особое „позорное мѣсто“. Тейлоръ говоритъ:

„Въ Лондонѣ и на цѣлую милю вокругъ него
Имѣется, по крайней мѣрѣ, восемнадцать тюремъ, и
даже больше!
Кромѣ того, шестьдесятъ лобныхъ мѣстъ, кутузокъ и
палка!“

Государственные отчеты того времени указываютъ намъ, что за экзекуцію палачъ получалъ двѣ копѣйки съ персоны. Въ общественномъ отчетѣ Гунтигтона имѣется такая статья: „восемь шиллинговъ и шесть пенсовъ за поимку умалишенной, за мытье ея и порку на слѣдующій день, и затѣмъ еще два шиллинга за представленную къ ней сидѣлку“. Заправила этого города считали плеть или розгу какимъ-то универсальнымъ средствомъ, ибо они заплатили восемь пенсовъ „Томасу Гевкинсу за порку двухъ че-

товѣкъ, заболѣвшихъ оспой“. Въ одной изъ деревень было уплачено нѣкоей женщинѣ четыре пенса за выполненіе тѣлеснаго наказанія надъ Еленой Шавъ и потомъ еще три пенса — во избѣжаніе скверныхъ послѣдствій — „за пиво, поднесенное экзекуторнѣ по окончаніи ея работы“

Въ 39 статутѣ Елизаветы, глава 4, опредѣлено, что „каждый бродяга и праздношатающійся подвергается публичному наказанію розгами и затѣмъ посылается изъ общины въ общину до тѣхъ поръ, пока не дойдетъ до мѣста своей приписки на родинѣ. Если же послѣднее остается невыясненнымъ, то бродягу, будь онъ мужчина или женщина, водворяютъ въ то мѣсто, гдѣ онъ или она проживалъ или проживала, не подвергаясь никакимъ наказаніямъ въ теченіе одного года. По совершеніи тѣлеснаго наказанія, виновный или виновная получаетъ удостовѣреніе, подписанное рукою и скрѣпленное печатью судьи, въ томъ, что означенное лицо было подвергнуто наказанію согласно статута“. Яковъ I еще болѣе расширилъ право этого закона, но въ царствованіе королевы Анны всякія излишества были изъ него изъяты.

Въ царствованіе Карла I преступленія и проступки наказывались въ большинствѣ случаевъ розгами, причемъ приговоръ конфирмировался звѣздной палатой. Полны интереса нѣкоторыя выдержки изъ сочиненія Русворта подъ заглавіемъ „Историческій сборникъ“.

Въ 1628 году въ царствованіе Карла I двѣ молодыя дѣвушки подали жалобу на мирового судью, который за легкомысленное поведеніе приговорилъ ихъ къ заключенію въ исправительный домъ съ тѣмъ, чтобы тамъ ихъ подвергли тѣлеснымъ наказаніямъ. Вслѣдствіе этого, онѣ серьезно заболѣли, причемъ одна изъ нихъ находится на смертномъ одре. Въ томъ, насколько жестоки были наказанія, дѣвушки ссылаются на свидѣтелей. Одинъ изъ судей далъ такое объясненіе. „Дѣвушки очень далеки отъ того, чтобы пострадать отъ перенесенныхъ экзекуцій, ибо онѣ даже пили за здоровье его, судьи, онѣ просили дать имъ колокольчикъ, въ который звонили въ видѣ насмѣшки надъ судьей и продолжали вести прежній образъ жизни“.

Доротея Блакбурнъ, желая отомстить Монку, посадившему на скамью подсудимыхъ ея мужа изъ-за денежныхъ расчетовъ, перехватила два письма Монка у его адвоката и вставила въ нихъ нѣсколько въ высшей степени предательскихъ словъ. За это Монка посадили въ товерскую тюрьму и подвергли тамъ пыткамъ. Черезъ нѣкоторое время правда всплыла наружу, и Доротею Блакбурнъ подвергли тюремному заключенію до тѣхъ поръ, пока король не помилуетъ ея. Она была лишена затѣмъ всѣхъ правъ состоянія и на возвышенномъ мѣстѣ подверглась въ вестминстерскомъ дворѣ наказанію плетми, имѣя на головѣ бумагу съ надписью о совершенномъ преступленіи. Затѣмъ ее подвергли клейменію и выжгли двѣ буквы Л. Д., т. е. ложная доносчица; въ концѣ концовъ ее высѣкли еще разъ публично въ Лейцестерѣ.

Ричардъ Бекъ и Элеонора Бекъ были уличены въ ложномъ донося противъ Дальтона; ихъ посадили на три мѣсяца въ тюрьму, назначили принудительныя работы, жесточайшимъ образомъ ысѣкли и вдобавокъ приговорили къ 40 фунтамъ стерлинговъ штрафа каждаго.

Мы могли бы привести еще много примѣровъ, но всѣ они похожи другъ на друга и поэтому не могутъ интересовать на! ихъ читателей.

Г Л А В А XVII

Наказаніе розгами уголовныхъ и политическихъ преступниковъ

Тѣлесныя наказанія примѣнялись не только по отношенію къ бродягамъ и праздношатающимся; во время преслѣдованія за еретичество пробовали примѣнять плети и розги также и къ неподдававшимся исправленію фанатикамъ, имѣя такимъ путемъ въ виду либо возвратитъ ихъ на путь истинный, либо — въ худшемъ случаѣ — просто наказать за отступленіе отъ вѣры. Овенъ Хойтонъ, офицеръ изъ Товеры, приказалъ самымъ жестокимъ образомъ высѣчь одну изъ своихъ плѣнницъ, молодую дѣвушку, за то, что она уклонялась отъ присутствованія на богослуженіяхъ. Поэтому администраторъ счелъ ее еретичкой.

Когда впервые появились квакеры *) , ихъ вѣроученіе было церкви особенно не по нутру, вслѣдствіе чего „друзьямъ“ пришлось испытать много горестей. Севелль, дѣлая историческій обзоръ квакерству, въ нѣсколькихъ мѣстахъ упоминаетъ о томъ, что старшины квакеровъ подвергались ужаснымъ экзекуціямъ.

*) Квакерами назывались члены основаннаго Джорджемъ Фоксомъ въ 1646 году въ Англіи религіознаго общества, называемаго своими членами «христіанскимъ обществомъ друзей» и признающаго главные догматы протестантской церкви; лозунгъ основанія: «не буква, но духъ, не Христосъ для насъ, но Христосъ въ насъ самихъ». Главнымъ основаніемъ ихъ ученія является то убѣжденіе, что единственнымъ источникомъ познанія христіанской вѣры есть не Библия, а непосредственное внутреннее откровеніе въ каждомъ человѣкѣ Святого Духа.

Таинства, присяга, духовенство, иконы и богослуженіе отрицаются ими. Въ молитвенныхъ собраніяхъ, по ученію ихъ, говорить и поучаетъ тотъ или та, кто чувствуетъ вдохновеніе, въ противномъ случаѣ всѣ молча расходятся.

Квакеры строго нравственны, избѣгаютъ роскоши, въ знакъ братской любви говорятъ всѣмъ «ты», ни предъ кѣмъ не снимаютъ шляпъ и отрицаютъ военную службу. Въ Сѣверной Америкѣ секта эта существуетъ и до сего времени, гдѣ насчитывается до 2.000 квакеровъ, раздѣляющихся на умѣренныхъ, строгихъ и свободныхъ или воителей, вступающихъ въ военную службу.

Прим. перев./

Въ 1654 году Варвара Блангдонъ говорила въ „сообществѣ друзей“ рѣчи и проповѣди. Кончилось тѣмъ, что ее посадили въ тюрьму, а затѣмъ судъ приговорилъ ее къ наказанію плетью. Приговоръ въ присутствіи шерифа былъ тутъ же приведенъ въ исполненіе съ такой строгостью, что кровь такъ и лилась по спинѣ несчастной женщины. Тѣмъ не мѣнее она перенесла страданіе съ большой силой воли и затѣмъ пояснила, что нисколько не испугалась бы, если бы ее приказали засѣчь до смерти.

Наказаніе квакера во времена Кромвеля.

Въ томъ же самомъ году тяжелую муку должны были претерпѣть и два проповѣдника изъ мужчинъ-квакеровъ. Странствуя съ мѣста на мѣсто, они появились какъ то въ Медстонѣ, но здѣсь были арестованы и подвергнуты тюремному заключенію, причемъ все имущество ихъ, библіи, чернильницы и проч. были у нихъ отняты. Затѣмъ несчастныхъ раздѣли до-гола, привязали къ столбу и безжалостно высѣкли. Описывая этотъ случай, авторъ прибав-

ляетъ: „Это было крайне тяжелымъ наказаніемъ, особенно для младшаго квакера, но какая-то невидимая рука поддерживала ихъ“

Въ концѣ семнадцатаго столѣтія тѣлесныя наказанія стали очень усердно примѣнять по отношенію къ политическимъ преступникамъ. Въ то время славился большой властью судья Джефрейсъ, пользовавшійся за свои жестокіе приговоры крайне плачевной репутаціей. Какъ то разъ король Карль II выразился о немъ слѣдующими словами: „Этотъ человѣкъ ничему не учился, не обладаетъ здравымъ разумомъ, не имѣетъ приличныхъ манеръ и болѣе беззастѣнчивъ, нежели десять высеченныхъ мазуриковъ, взятыхъ вмѣстѣ“.

Джефрейсъ, будучи еще школьникомъ, за лѣнность и безшабашность неоднократно подвергался наказанію розгами, причѣмъ пресловутый Бусбей основательно обновилъ въ немъ свѣдѣнія по этой части, когда Джефрейсъ находился въ вестминстерской гимназіи. Особенное удовольствіе доставляло этому жестокому человѣку издѣваться надъ тѣми подсудимыми, которые имѣли несчастіе предстать передъ судейскимъ столомъ его камеры; онъ буквально наслаждался тѣми страданіями, которыми награждались обвиненные. Если, напримѣръ, женщина приговаривалась къ тѣлесному наказанію, то онъ имѣлъ обыкновеніе говорить такъ: „Палачъ, обратите на эту даму особенное свое вниманіе! Я прошу васъ объ этомъ. Съките ее добросовѣстно! Жарьте ее до тѣхъ поръ, пока кровь не польется изъ ея ранъ! Теперь Рождество, и нашей дамѣ немного холодно оставаться нагишомъ! Смотрите, нагрейте ей плечики хорошенько!“

Въ 1685 году, когда Джефрейсъ сдѣлался лордомъ и верховнымъ судьей, къ Титу Вату было примѣнено ужасно тяжелое тѣлесное наказаніе; такой строгости ни разу не существовало. Титъ Ватъ былъ сыномъ анабаптиста-учителя и послѣ того, какъ онъ сдѣлался священникомъ, ему предоставлено было на одномъ изъ военныхъ кораблей мѣсто капеллана. Затѣмъ его уволили, ибо заподозрили въ совершеніи ужасныхъ противоестественныхъ преступленій; послѣдующая жизнь его была цѣлью самыхъ отвратительныхъ гнусностей. Неоспоримо было доказано, что онъ путемъ лжесвидѣтельства довелъ многихъ невинныхъ до смертной казни. Возмездіе не заставило себя долго ждать, и бывший капелланъ попалъ подъ судъ по обвиненію въ дачѣ ложнаго показанія. Снятые съ него портреты представляютъ намъ косоглазаго и кривоносаго человѣка, снабженнаго „низкимъ лбомъ преступника“ и синекраснымъ цвѣтомъ лица.

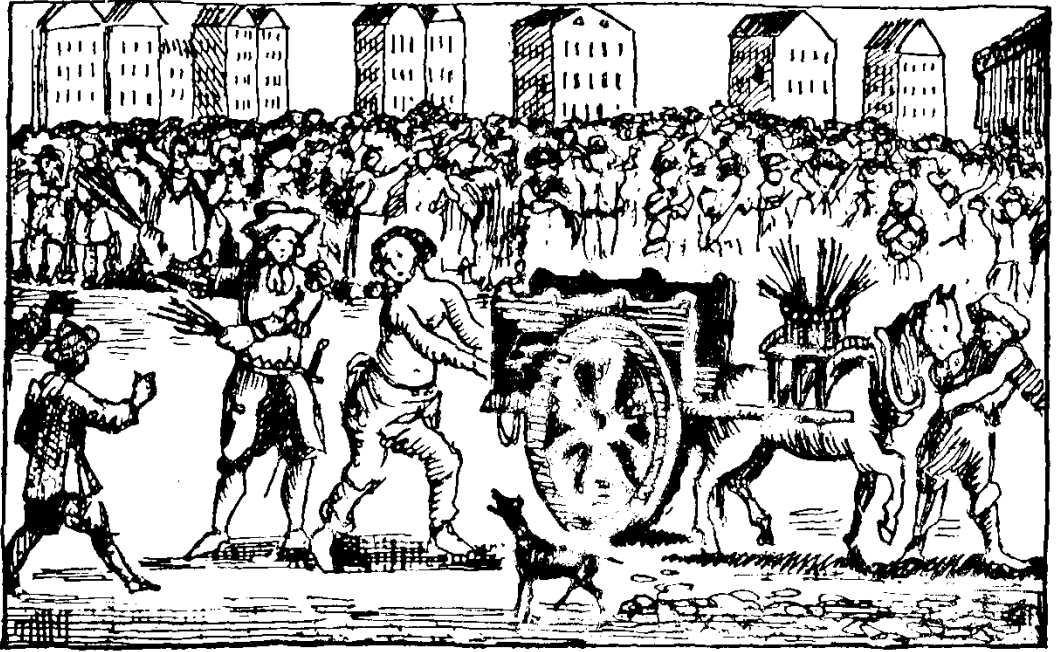
Во время допроса онъ оставался возмутительно дерзкимъ и отрицалъ свою вину, несмотря на то, что въ самыхъ достовѣрныхъ показаніяхъ недостатка не было. Судьи признали его виновнымъ по обоимъ вмѣняемымъ ему преступленіямъ; приговоръ гласилъ: „за каждое изъ двухъ преступленій наложить денежный штрафъ въ размѣрѣ тысячи марокъ; лишить его обычнаго каноническаго одѣянія; подвергнуть пожизненному тюремному

заключенію; въ ближайшій понедѣльникъ выставить на позорномъ плацу съ привязанной ко лбу бумагой, на которой пояснить родъ совершенныхъ преступленій; на слѣдующій день въ такомъ же видѣ выдержать на позорномъ плацу у королевской биржи; въ среду повести отъ Старой до Новой тюрьмы и подвергнуть по дорогѣ наказанію плетью; въ пятницу повести отъ Новой тюрьмы въ Тибурнъ и тамъ подвергнуть наказанію плетью. Каждый годъ до самой его смерти въ день 24 апрѣля ставить въ Тибурнъ на позорномъ плацу противъ висѣлицы, 10 августа ежегодно выставлять на позорномъ плацу Черингъ-Кроссъ, на слѣдующій день — въ Темплъ-Баръ, 2 сентября на королевской биржѣ, и затѣмъ судьи выразили глубокое свое сожалѣніе въ томъ, что больше сдѣлать они ничего не могутъ, ибо „съ удовольствіемъ вынесли бы ему смертный приговоръ“.

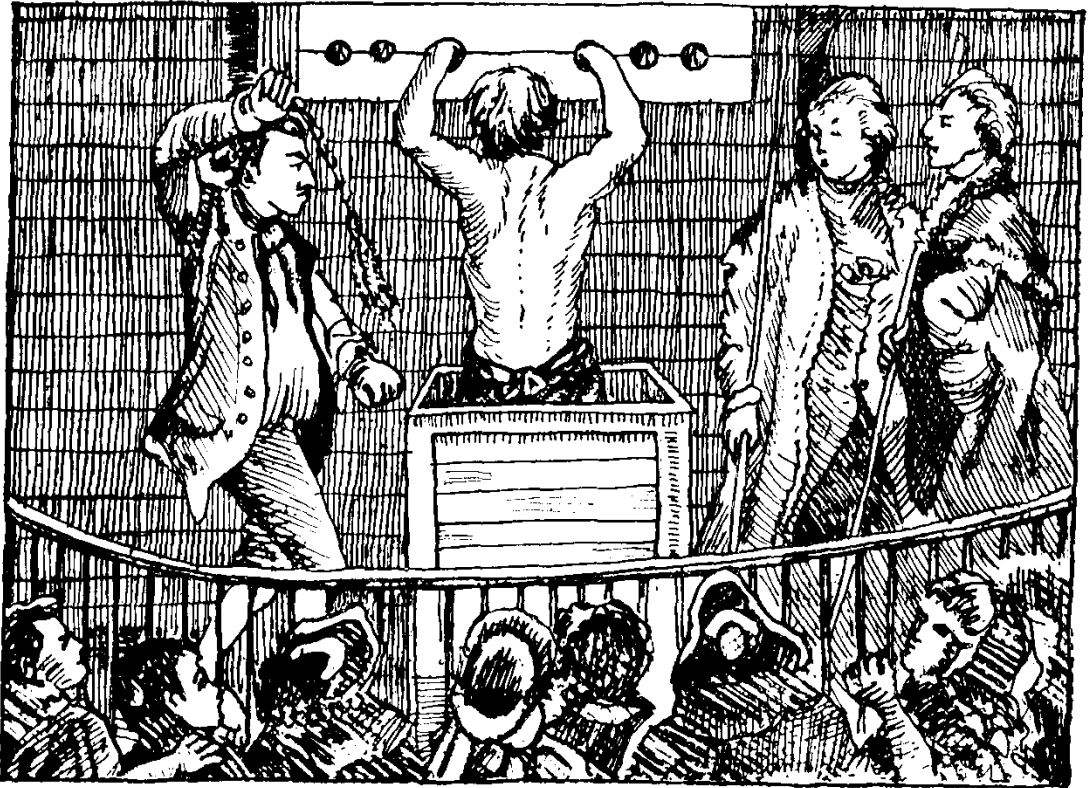
Не было никакихъ основаній надѣяться на то, что изъ этого ужаснаго приговора кое-что преступнику будетъ прощено. Король Яковъ сказалъ: „Пусть испытаетъ все это, пока въ немъ сохранится искра жизни!“ Королева также не нашла возможнымъ замолвить за капеллана доброе слово. Когда Ватъ стоялъ въ Вестминстерѣ на позорномъ плацу, его безжалостно забрасывали камнями и чуть не разорвали на куски. Въ то утро, когда его должны были впервые высѣчь, огромная толпа народу буквально запрудила путь отъ Новой тюрьмы до Старой; палачъ же, получившій, по всѣмъ вѣроятіямъ, особыя инструкции, такъ неистовствовалъ плетью что кровь преступника лилась ручьемъ. Сначала несчастный переносилъ боли терпѣливо и молча, но затѣмъ болевья ощущенія взяли верхъ надъ силой воли, и вопли его невозможно было хладнокровно слушать.

Нѣсколько разъ впадалъ онъ въ обморочное состояніе и полумертвымъ достигъ цѣли своего путешествія. Спустя сорокъ восемь часовъ, его снова вызвали для новой экзекуціи, но онъ находился почти безъ сознанія, вслѣдствіе чего въ Тибурнъ его пришлось отвезти на дровняхъ. Въ альманахѣ Партридже за 1692 годъ говорится, что Вата сѣкли плетью, состоявшей изъ шести ремней; всего получилъ онъ 2.256 ударовъ, итого, слѣдовательно, $2.256 \times 6 = 13.536$ полосъ, если можно такъ выразиться! Сверхъ всякихъ ожиданій бывшій капелланъ пережилъ столь тяжелое наказаніе, и когда въ царствованіе очередного короля былъ выпущенъ на свободу, то жилъ, что называется, въ свое удовольствіе.

Во времена достопамятной „кровавой судебной расправы Джефрейса въ восточной части Англій экзекуціи примѣнялись широкой рукою. Если ему не удавалось избличать арестованныхъ квакеровъ въ государственной измѣнѣ, то онъ приговаривалъ ихъ къ жестокой поркѣ за вовлеченіе ближняго въ соблазнъ и за произнесеніе возбуждающихъ толпу рѣчей. Одну женщину этотъ человѣкъ-звѣрь приговорилъ къ поркѣ во всѣхъ мѣстечкахъ въ округѣ Дорсетшійра, при чемъ часть приговора дѣйствительно была приведена въ исполненіе. Послѣ того, какъ Джефрейсъ

Экзекуція Вата по улицамъ.

Публичное наказаніе плетью въ Лондонѣ.

возвратился въ Лондонъ, магистратъ распорядился освободить несчастную женщину отъ оставшейся части наказанія.

Нѣкій молодой человекъ, почти еще мальчикъ, обвинялся въ произнесеніи возбуждающихъ рѣчей, за что Джефрейсомъ былъ приговоренъ къ семилѣтнему тюремному заключенію. Одинъ разъ въ годъ, гласилъ приговоръ, обвиняемый долженъ подвергнуться наказанію плетью во всѣхъ поселкахъ дорсетшійрскаго округа. Когда несчастный юноша узналъ о столь суровомъ приговорѣ, онъ обратился съ ходатайствомъ о замѣнѣ послѣдняго висѣлицей. Джефрейсъ и слушать не хотѣлъ о смягченіи своего рѣшенія, но по счастью приговоренный заразился оспой, и подкупленный огромной суммой денегъ Джефрейсъ выпустилъ юношу на свободу.

Кергеръ рассказываетъ объ одномъ довольно смѣшномъ случаѣ, который ему пришлось лицезрѣть. Однажды онъ увидѣлъ слѣдующую картину: привязанный плотно къ позорной тачкѣ воръ тащился по улицамъ города подвергаясь жестокой экзекуціи со стороны палача. Красныя полосы на обнаженной спинѣ вызвали у всѣхъ очевидцевъ состраданіе къ наказуемому, причемъ публика не могла не поражаться тому долготерпѣнію и стойкости, съ которымъ этотъ человекъ переносилъ свою участь. Но все это оказалось пуфомъ! Исполнявшій экзекуцію палачъ умѣлъ великолѣпно обращаться съ плетью и при каждомъ новомъ ударѣ проводилъ ея сначала по своей лѣвой рукѣ; послѣдняя была снабжена достаточнымъ количествомъ охры. Разумѣется, при каждомъ ударѣ на кожѣ грѣшника оставался рельефный красный слѣдъ, производившій впечатлѣніе кроваваго. Одинъ изъ констэблей замѣтилъ эту грубую „поддѣлку“ и со всего размаху ударилъ своей палкой палача, напоминая ему такимъ путемъ о необходимости добросовѣстнаго отношенія къ исполненію возложенныхъ и принятыхъ на себя обязанностей. Присутствовавшая среди зрителей молодая деревенская дѣвушка отнеслась сочувственно къ сострадательному палачу и набросилась на безсердечнаго констэбля. „Оказалось, — говоритъ Кергеръ, — что палачъ билъ вора, констэбль дубасилъ палача, дѣвушка угощала ударами констэбля, а воръ среди нихъ былъ единственнымъ человекомъ, который не испытывалъ ни малѣйшей боли“.

Послѣдній разъ прибѣгли къ тѣлесному наказанію 8 мая 1822 года въ Глазговѣ. Въ полдень большой отрядъ драгуновъ выстроился передъ зданіемъ тюрьмы; затѣмъ прибыла значительная команда чиновъ полиціи. Преступникъ обвинялся въ мятежническихъ дѣйствіяхъ, былъ признанъ дѣйствительно виновнымъ въ инкриминируемомъ ему преступленіи и приговоренъ къ тѣлесному наказанію плетью при содѣйствіи палача. Его вывели изъ камеры и привязали къ задку позорной тачки. Палачъ раздѣлъ его до поясницы и, пока шествіе направлялось по улицамъ, отсчиталъ ему первые двадцать ударовъ. Орудіемъ исполненія приговора служила плеть, составленная изъ двадцати девяти „кошекъ“. Послѣ незначительнаго антракта преступникъ получилъ

еще двадцать ударовъ, а всего на его долю досталось ихъ восемьдесятъ штукъ. Во все время приведенія приговора въ исполненіе мятежникъ оплакивалъ горькими слезами свою жалкую судьбу.

„Примѣръ этотъ“, говоритъ одинъ авторъ, „произвелъ крайне благопріятное по своей цѣлительности впечатлѣніе. Простой народъ воочію убѣдился въ томъ, что надъ нимъ имѣется сильная рука, и мятежническимъ дѣйствіямъ былъ такимъ образомъ положенъ предѣлъ“¹

ГЛАВА XVIII

Наказаніе розгами воришекъ и карманниковъ

Въ теченіе долгаго времени порки служили обычнымъ наказаніемъ какъ за воровство, такъ и за бродяжничество и склоненіе другихъ къ мятежническимъ дѣйствіямъ и бунту.

Заимствуемъ изъ тюремнаго календаря („Old Bailey“) изданія 1688 года слѣдующія строки. „Марія Ламбъ обвиняется въ кражѣ серебряной чайной ложечки и признается виновной въ кражѣ на сумму 10 пенсовъ. Прислуга Жана Пель обвиняется въ кражѣ 40 фунтовъ стерлинговъ и вещей на 30 фунтовъ стерлинговъ. Признается виновной въ воровствѣ на сумму до 10 пенсовъ. Анна Бастель обвиняется въ кражѣ носильнаго платья стоимостью въ 4 фунта стерлинговъ и признается виновной въ кражѣ, не превышающей десяти пенсовъ“. Всѣхъ преступницъ приговорили къ тѣлесному наказанію: одну выпороть по дорогѣ отъ Новой тюрьмы до Польшорна, другихъ — отъ Новой тюрьмы до Старой. Ограниченіе стоимости украденныхъ вещей до десяти пенсовъ спасло воровокъ отъ обвиненія ихъ въ посягательствѣ на присвоеніе крупнаго капитала.

Законъ о тѣлесномъ наказаніи женщинъ удержался до послѣдняго столѣтія. Публичныя экзекуціи были отмѣнены въ 1817 году королемъ Георгомъ III. Порки въ тюрьмахъ оставлены въ царствованіе Георга IV. Тѣлесныя наказанія оставлены въ силѣ только по отношенію къ грабителямъ, разбойникамъ и преступникамъ юнаго возраста.

Подъ современной экзекуціей не слѣдуетъ понимать практиковавшагося прежде способа: фиксированія преступника къ позорной тачкѣ и дефелированія съ нимъ съ одной улицы города на другую. Въ настоящее время тѣлесное наказаніе приводится въ исполненіе въ стѣнахъ тюремнаго зданія и въ присутствіи незначительнаго количества зрителей.

Первыми разбойниками, къ которымъ было примѣнено тѣлесное наказаніе, были сорокасемилѣтній Ома Бомонтъ и сорокашестилѣтній Михаилъ Гинтей. Прежде, чѣмъ начать отбывать пяти

и десятилѣтнее тюремное заключеніе, каждый изъ нихъ долженъ былъ получить двадцать пять ударовъ плетью, состоявшей изъ десяти „кошекъ“. Инструментъ приготовлялся изъ длинной палки, къ которой были прикрѣплены десять веревокъ, длиной приблизительно съ локоть. Веревки эти были заплетены узлами и такъ плотно скручены на концахъ своихъ, что напоминали заборную проволоку. Руки и ноги Бомонта были плотно привязаны къ какому то орудію, похожему на треугольникъ, голова его была защищена отъ ударовъ съ помощью кожанаго ремня, зато вся спина была до поясницы обнажена. Каждый изъ тюремныхъ сторожей отсчитывалъ ему по двѣнадцати ударовъ. Преступникъ страшно кричалъ, послѣ первыхъ же ударовъ впалъ въ полуобморочное состояніе, а подъ конецъ былъ почти вовсе безъ признаковъ жизни. Вся спина его была исполосована, хотя послѣ первой дюжины ударовъ кровь еще не выступала. Товарищъ его также сильно кричалъ и вырывался, и сторожа принуждены были изъ всѣхъ силъ удерживать его на мѣстѣ. Первая экзекуція продолжалась полторы минуты, вторая — двѣ.

Относительно тѣлесныхъ наказаній, произведенныхъ надъ разбойниками и грабителями, въ соотвѣтствующей литературѣ встрѣчается масса аналогичныхъ описаній, хотя всѣ они страдаютъ однимъ и тѣмъ же недостаткомъ — неполнотою, ибо „господа изъ прессы“ не всегда допускались присутствовать при экзекуціяхъ.

Законоположеніемъ 1862 года, относящимся къ наказанію малолѣтнихъ преступниковъ, члены магистратуры уполномочивались подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ, и при томъ основательнымъ, тѣхъ провинившихся мальчиковъ, которые не достигли еще четырнадцатилѣтняго возраста. Какое вліяніе оказалъ этотъ новый законъ вообще, — еще недоказано, что же касается частныхъ, то намъ лично извѣстенъ случай, гдѣ подобная мѣра исправленія оказалась въ примѣненіи ея на практикѣ слишкомъ суровой. Мальчишка лѣтъ шести присвоилъ себѣ перочинный ножъ и за это преступленіе получилъ двѣнадцать ударовъ березовой кашей и, кромѣ того, еще шесть дней принудительныхъ тяжелыхъ работъ. Законъ, правда, точенъ: онъ даетъ указанія, какъ именно слѣдуетъ примѣнять орудіе наказанія, и сколько ударовъ должно быть нанесено. Если экзекуція производится надъ недостижимымъ четырнадцатилѣтняго возраста, то брюки спускаться не должны, количество ударовъ опредѣляется не свыше двѣнадцати, инструментъ — березовая розга. При наказаніи лицъ, перешедшихъ четырнадцатилѣтній возрастъ, примѣняется плеть изъ кожанаго ремня или тоже изъ березовыхъ прутьевъ. Количество ударовъ не должно въ данномъ случаѣ превышать три дюжины; экзекуція производится на обнаженномъ тѣлѣ. На обязанности шерифа лежитъ испробованіе инструмента, онъ долженъ также знать лично самого экзекутора и быть увѣреннымъ въ его достоинствахъ. При поркѣ должны присутствовать начальникъ тюрьмы и врачъ; само наказаніе должно быть произведено настолько строго, чтобы исключить возможность

рецидива со стороны преступника. Прежде всего тюремный врач долженъ выслушать и изслѣдовать преступника, и если, по его мнѣнію, положенное количество ударовъ можетъ нежелательнымъ образомъ сказаться на здоровье приговореннаго, то, по своему усмотрѣнію, онъ сокращаетъ его наполовину, либо вовсе отмѣняетъ. Точно такъ же во время самой экзекуціи врачъ имѣетъ право приостановить ее.

Если преступникъ приговоренъ только къ тѣлесному наказанію, безъ заключенія въ тюрьмѣ, то экзекуція должна быть произведена на слѣдующій день послѣ объявленія судейскаго рѣшенія, если только со стороны врача къ этому не встрѣтится препятствій. Если наказаніе не приведено въ исполненіе черезъ десять дней послѣ его назначенія, то преступникъ пользуется правомъ ходатайствовать объ освобожденіи его отъ экзекуціи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиненный признается неспособнымъ перенести тѣлесное наказаніе, рекомендуется замѣнять послѣднее другими наказаниями.

ГЛАВА XIX

Судебныя и церковныя наказанія въ Шотландіи

Хотя Шотландія не можетъ гордиться такими отъявленными политическими преступниками, какъ Титъ Ватъ, которому мы посвятили нѣсколько строкъ выше, все-таки примѣненіе здѣсь тѣлесныхъ наказаній въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ не стояло ниже, нежели въ Англіи. Плеть примѣнялась не только какъ средство наказанія, но и какъ способъ для полученія свидѣтельскихъ показаній противъ обвиняемыхъ.

Слѣдующій случай изъ судейской практики покажетъ намъ, какимъ именно путемъ добывались эти показанія.

Въ 1596 году владѣтельный герцогъ Оркнейскій, Джонъ, былъ обвиненъ въ томъ, что пытался лишить жизни брата своего, графа Оркнейскаго, для чего прибѣгалъ сначала къ колдовству, а затѣмъ обратился къ настоящимъ способамъ убійства. Вина въ колдовствѣ доказывалась свидѣтельствомъ одной женщины, Ализонъ Бальфуръ, которая въ 1594 году за подобное же преступленіе была подвергнута смертной казни. Адв катъ герцога Оркнейскаго слѣдующими словами описываетъ практиковавшуюся въ то время методу, благодаря которой развязывались языки свидѣтелей.

„Когда бѣдная женщина дала впервые свое показаніе, она проси ѣла уже сорокъ восемь часовъ въ cushielaws, что представляетъ собою особый инструментъ пытки, состоящій изъ желѣзнаго ящика для нижнихъ конечностей, стѣнки котораго постепенно

нагрѣваются до того, что подъ конецъ температура становится невыносимой. Мужъ этой женщины, имѣвшій отъ роду уже девяносто одинъ годъ, старшій сынъ и дочь ея подверглись въ то же время пыткамъ въ присутствіи матери. Дѣлалось это для того, чтобы такимъ образомъ сдѣлать страданія ея еще болѣе тяжелыми“. У Оомы Палейла было добыто показаніе такъ: „Послѣ того, какъ свидѣтель этотъ пробылъ въ cushielaws одиннадцать дней и столько же ночей, ему два раза въ день въ продолженіе двухъ недѣль одѣвали на ноги испанскіе ботинки; при этомъ онъ все время оставался голымъ и былъ такъ сильно избитъ веревочной плетью, что на его костяхъ не оставалось больше ни кожи, ни мяса“. Послѣ того несчастный сдѣлалъ оговоръ въ томъ смыслѣ, что при участіи герцога Оркнейскаго пытался лично отравить брата его.

Въ анналахъ позднѣйшихъ временъ также встрѣчаются примѣры подобнаго же рода, причемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣлось въ виду „освѣтить память“ свидѣтеля. Въ 1785 году Арчибальдъ Стевартсъ и Чарльзъ Гордонъ были обвинены въ Эдинбургѣ въ кражѣ со взломомъ, причемъ нѣсколько членовъ суда были согласны съ приводимыми обвиняемыми alibi. Тогда одинъ изъ нихъ предложилъ подвергнуть Стевартса „небольшому увѣщеванію“, чтобы добиться отъ него правдивыхъ показаній. При ближайшихъ разспросахъ, въ чемъ именно заключается подобное „увѣщеваніе“, оказалось, что „если у этого судьи судится кто либо, за исключеніемъ обвиняемыхъ въ посягательствѣ на чужой капиталъ, и не хочетъ признаться въ своей винѣ, то его вводятъ въ отдѣльную комнату, гдѣ, въ присутствіи судейскаго служителя, палачъ до тѣхъ поръ сѣчетъ свою жертву, пока она не скажетъ правды“. И что „Фразеръ, тоже соучастникъ Стевартса, подвергся въ присутствіи послѣдняго такой жестокой поркѣ, что тутъ же сознался въ своей винѣ; вслѣдствіе чего, если Стевартсъ узнаетъ, что въ концѣ концовъ и его ожидаетъ подобное „увѣщеваніе“, то освободить палача отъ труда и расскажетъ всю истину“.

Въ уголовныхъ очеркахъ Шотландіи, относящихся къ семнадцатому и восемнадцатому столѣтіямъ, встрѣчаются изумительные примѣры тѣлесныхъ наказаній. Такъ, на примѣръ, въ 1630 году магистратъ города Эдинбурга „подъ страхомъ тѣлесныхъ наказаній“ запретилъ женщинамъ носить на улицахъ пледы. Шотландскій пледъ закрываетъ лицо, и магистратъ заподозрилъ поэтому, что эдинбургскія дамы и дѣвушки могутъ такимъ образомъ скрытно вести себя неблагопристойно, т. е. улыбаться встрѣчнымъ мужчинамъ, „стрѣлять“ глазами и т. д. Оказалось, что подобный запретъ ожидаемыхъ отъ него результатовъ не далъ, ибо въ 1636 г. употребленіе пледовъ не только не сократилось, но значительно увеличилось. Рѣшено было поэтому подвергать ослушавшихся тяжкому наказанію. Въ описываемое время вліяніе духовенства было очень велико. Настоятель какого нибудь прихода и священники этой церкви являли собою родъ за-

конодательнаго учрежденія. Они выносили приговоры общественной нравственности и издавали декреты, которые безропотно принимались народомъ. Священники могли приговаривать къ тюремному заключенію, къ денежнымъ штрафамъ, къ наказанію розгами или плетью, къ клейменію, къ церковному покаянію. Послѣднее заключалось въ томъ, что кающійся обязанъ былъ присутствовать на богослуженіяхъ босикомъ, и съ на-половину выбритой головой. Рядомъ съ нимъ помѣщался духовникъ, который произносилъ по окончаніи моленія проповѣдь н тему о совершенномъ кающемся преступленіи, причемъ нельзя сказать, чтобы онъ хотя бы сколько-нибудь щадилъ свою жертву.

Лица, возбуждавшія общественный соблазнъ, приговаривались къ такъ называвшемуся покаянному стулу; обвиненный долженъ былъ возсѣдать на немъ передъ всей общиной во время богослуженія три воскресенья кряду. Просидѣть на покаянномъ стулѣ было дѣломъ далеко не легкимъ, и только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ такое наказаніе смягчалось. Во время царствованія Якова VI былъ изданъ указъ противъ нарушителей общественнаго спокойствія во время церковнаго богослуженія, а также противъ тѣхъ элементовъ, которые поднимаютъ шумъ въ церковныхъ и монастырскихъ дворахъ. Виновные въ сказанныхъ преступленіяхъ подвергались конфискаціи имущества. Дѣти же и подростки, согрѣшившіе противъ этого указа, карались „только“ наказаніемъ плетью или розгой. Попытка ввести въ Шотландіи епископскую церковь явилась поводомъ къ обнаруженію многихъ жестокостей и злоупотребленій. Въ своемъ сочиненіи „Исторія шотландской церкви“ Крукшанксъ упоминаетъ объ анкрусской общинѣ слѣдующее.

Когда талантливый проповѣдникъ ихъ, Ливингстонъ, былъ отъ нихъ переведенъ, то на его мѣсто прислали Джемса Скота, который, незадолго до этого избранія, былъ исключенъ изъ общества. Въ тотъ день, когда должно было совершиться вступленіе его въ должность, нѣкоторые граждане этой общины рѣшили переговорить съ нимъ, причемъ одна изъ деревенскихъ женщинъ, вздумавшая отсовѣтовать Скоту принять постъ проповѣдника вмѣсто Ливингстона, потянула его за фалды сюртука и попросила выслушать ее. Тогда Джемсъ Скотъ обернулся въ сторону неучливой мужички и ударилъ ее своей палкой. Такой поступокъ побудилъ нѣсколькихъ мальчишекъ забросать Скота камнями; необходимо замѣтить при этомъ, что ни одинъ изъ брошенныхъ камней цѣли своей не достигъ и не задѣлъ даже платья новаго проповѣдника. Всю эту исторію подвели подъ мятежническія дѣйствія съ возбужденіемъ толпы; шерифъ, разбивавшій дѣло вмѣстѣ съ мировымъ судьей, засадилъ нѣсколькихъ въ тюрьму и наложилъ на нихъ, кромѣ того, солидные денежные штрафы. Казалось бы, что виновные въ столь „тяжкомъ“ преступленіи этимъ приговоромъ получили должное возмездіе. Ничуть не бывало! Высшая комиссія осталась рѣшеніемъ шерифа и судьи

недовольна, и преступники были снова приведены въ судъ. Четыре мальчика, женщина, потянувшая Скота за фалду, и два ея брата были арестованы и этапнымъ порядкомъ доставлены въ Единбургъ. Мальчики признались, что каждый изъ нихъ бросилъ по направленію къ Скоту по одному только камню, и то вслѣдствіе того, что увидали, какъ Скотъ билъ палкой невинную женщину. Предсѣдатель сказалъ по адресу несчастныхъ мальчишекъ: „повѣситъ ихъ мало“. Безжалостный судъ приговорилъ мальчиковъ къ наказанію розгами во время шествія по всему городу Единбургу; кромѣ того, приказалъ заклеить ихъ раскаленнымъ желѣзомъ и въ качествѣ рабовъ продать въ Барбадосъ. Мальчики перенесли наказаніе, какъ мужчины и христіане, чему всѣ несказанно удивлялись. Обоихъ братьевъ женщины сослали въ Виргинію, а ея самоё присудили къ наказанію плетьюми во время шествія по городу Іедбурху.

Очень строго наказывались также преступленія, совершенныя вслѣдствіе безумной любви. Мекензи говоритъ, что наказанія за нарушеніе супружеской вѣрности были различны. Назначались: либо высылка, либо тѣлесное наказаніе, либо денежные штрафы, либо тюремное заключеніе; онъ полагаетъ даже, что магистратъ въ подобныхъ случаяхъ пользовался правомъ приговаривать върломныхъ супруговъ къ смертной казни.

Въ 1642 году котельщикъ Роджетъ былъ подвергнутъ наказанію плетьюми за то, что измѣнялъ своей женѣ. Въ 1666 году другой невѣрный мужъ поплатился денежнымъ штрафомъ, въ 1668 году одного англичанина за то же самое преступленіе изгнали изъ предѣловъ отечества. Считаемо необходимымъ добавить еще, что котельщикъ Роджетъ, помимо экзекуціи, подвергся клейменію на щекѣ и изгнанію, что объясняется особой сложностью совершеннаго имъ проступка. Всѣ котельщики по своей профессіи вели въ большинствѣ случаевъ бродячій и разгульный образъ жизни и потому рѣдко связывали себя женитьбой; если же и женились, то смотрѣли на своихъ женъ, какъ на „общественное достояніе“. Нѣсколько позднѣе одинъ портной въ Эурріи былъ присужденъ къ смертной казни черезъ обезглавленіе за то, что женился на дочери своднаго брата своей первой жены.

И другія преступленія наказывались шотландскими законами чрезвычайно строго. За богохульство виновные приговаривались нерѣдко къ смертной казни. За клятвopреступничество полагалась ссылка и *fustigatio* (тѣлесное наказаніе). Бродяги и бѣжавшіе крѣпостные въ первый разъ клеймились на ухо и подвергались экзекуціи, во второй разъ приговаривались къ смертной казни. Воровъ, разумѣется, вѣшали. Если воръ уличался на мѣстѣ преступленія въ томъ, что стянулъ хлѣбъ, стоимостью отъ одного до четырехъ пенсовъ, то его сѣкли розгами; если украденный хлѣбъ стоил: отъ четырехъ до восьми пенсовъ, то отрѣзалось одно ухо, если же у вора находили при этомъ хотя бы восемь пенсовъ наличными, то его вздергивали на веревку. Наказанія за поджоги были различны, въ зависимости отъ степени учиненнаго злодѣянія.

Поджигатели въ городахъ живьемъ сжигались на кострѣ. Тѣхъ, которые поджигали амбары съ зерномъ и дома, связывали, били и сжигали, но „на медленномъ огнѣ“!

ГЛАВА XX

Флагеллянтизмъ въ Шотландіи

Еще нѣсколько фактовъ приведутъ насъ къ тому періоду, когда тѣлесное наказаніе у позорныхъ тачекъ было уничтожено; кромѣ того, изъ этихъ фактовъ мы увидимъ, за какія именно преступленія тѣлесныя наказанія почитались наиболѣе подходящимъ покаяніемъ.

Въ 1692 году былъ объявленъ большой призывъ рекрутовъ, чтобы отправить послѣднихъ во Фландрію; оказалось, что найти подходящія транспортныя судна было дѣломъ настолько труднымъ, что предварительныя приготовленія заняли массу времени. За этотъ періодъ изъ отряда дезертировало такъ много солдатъ, что въ 1694 году былъ обнародованъ особый эдиктъ, въ силу котораго накладывались наказанія какъ на самихъ дезертировъ, такъ и на лицъ, способствовавшихъ побѣгу или укрывательству ихъ. При этомъ былъ обвиненъ нѣкій школьный учитель города Глазгова; ему ставилось въ вину, будто онъ подстрекалъ рекрутовъ къ оставленію команды. По разсмотрѣніи дѣла и допроса обвиняемаго, послѣдній признанъ былъ виновнымъ въ приписываемомъ ему преступленіи и приговоренъ къ тѣлесному наказанію плетью во время прохожденія по Эдинбургу, съ послѣдующей высылкой на американскія плантаціи. Наказаніемъ за самовольное возвращеніе изъ мѣста ссылки назначалась также жестокая порка.

Въ 1747 году Вилліамъ Стефенсонъ, фальшивомонетчикъ, былъ приговоренъ къ позорному столбу съ пожизненнымъ изгнаніемъ въ Америку. Черезъ нѣсколько лѣтъ Стефенсонъ осмѣлился, вопреки существовавшему запрету, возвратиться на родину. Онъ былъ пойманъ и приговоренъ къ годичному тюремному заключенію. Кромѣ того, каждую первую среду мѣсяца его выводили на свѣжій воздухъ и, во время прогулокъ по улицамъ Эдинбурга, безжалостно наказывали плетью. Отбывъ наказаніе, Стефенсонъ снова былъ водворенъ въ Америкѣ.

Лѣтомъ 1746 года въ Стирлингѣ произведено было во всякомъ случаѣ далеко не законѣрное тѣлесное наказаніе. Одинъ изъ лейтенантовъ этого гарнизона заказалъ для себя у мѣстнаго парикмахера парикъ. Когда послѣдній былъ доставленъ офицеру, то принять имъ не былъ. Заказчикъ ссылался на то, что вещь сдѣлана не по мѣркѣ; раздосадованный парикмахеръ направился къ выходу изъ занимаемаго лейтенантомъ помѣщенія и по дорогѣ

пробурчалъ себѣ подъ носъ нѣсколько, очевидно нелестныхъ, для заказчика словъ. Лейтенантъ погнался за парикмахеромъ, догналъ его неподалеку отъ парикмахерской и учинилъ надъ нимъ порядочную экзекуцію. Нѣсколько другихъ офицеровъ, случайно проходившихъ тутъ же, помогли своему товарищу и исколотили ксати, помимо подмастерья, еще и самого парикмахера. Затѣмъ вся компанія поволокла перваго съ собой и донесла о случившемся полковнику, который не входя въ дальнѣйшія разсужденія, приказалъ раздѣть дерзкаго приказчика, связать его и хорошенько наказать розгами. Приговоръ былъ приведенъ

Наказаніе преступника у позорной тачки.

въ исполненіе полковымъ барабанщикомъ. Когда обо всей этой исторіи узналъ магистратъ, послѣдовало распоряженіе о приводѣ несчастнаго въ судъ для выслушанія новаго приговора. Но командиръ полка, не отпуская своей жертвы, отвѣтилъ гражданскимъ властямъ, что самъ справится съ нахаломъ. Черезъ нѣкоторое время злосчастнаго подмастерья отпустили, но видъ его былъ чрезвычайно жалкій: все тѣло его было покрыто кровоподтеками и синяками.

По отношенію къ одному школьному учителю, наказавшему ученика съ такой жестокостью, что послѣдній испустилъ духъ, былъ постановленъ слѣдующій приговоръ: „Пусть палачъ подѣ

усиленной охраной полицейскихъ возьметъ въ тюрьмѣ преступника и доставить его на базарную площадь. Здѣсь наградить виновнаго семью сильными ударами. На слѣдующей ближайшей площади всыпать ему шесть ударовъ. На третьей площади — четыре удара. Затѣмъ пусть палачъ доставить его снова въ тольбутскую тюрьму, откуда должна произойти высылка преступника изъ предѣловъ отечества, безъ возвращенія на родину подъ страхомъ тяжкой отвѣтственности“.

Послѣднее тѣлесное наказаніе, произведенное на улицахъ города Эдинбурга, произошло при крайне печальныхъ обстоятельствахъ.

Въ теченіе продолжительнаго времени въ Эдинбургѣ оперировала правильно организованная шайка грабителей, смѣлость которой дошла до того, что однажды ночью она вломилась въ домъ одного изъ членовъ городского муниципалитета. Хозяинъ и хозяйка квартиры, заслышавъ шумъ, проснулись, но были связаны разбойниками; во избѣжаніе же криковъ, въ ротъ несчастнымъ вставлены были спеціальныя кляпы. Между тѣмъ грабители, нагружившись драгоценностями на значительную сумму, оставили разоренный ими домъ. Хотя дѣло происходило ночью, но въ одномъ изъ грабителей жена члена управы узнала жениха своей дочери и съ первыми проблесками утра, освободившись отъ стягивавшихъ ее веревокъ, донесла о происшествіи властямъ, которыя на основаніи ея показанія задержали упомянутаго выше жениха. Подъ присягой ограбленная дама снова подтвердила свое показаніе, которое, кромѣ того, было подкрѣплено свидѣтельницами, старушкой-прислугой, рассказавшей суду, что, находясь на службѣ у матери молодого человѣка, у которой проживалъ и онъ, она неоднократно впускала его въ квартиру поздней ночью.

На основаніи приговора злосчастный женихъ былъ приговоренъ къ жестокой экзекуціи палачомъ-спеціалистомъ; наказаніе должно было быть произведено въ тотъ именно день, на который назначалась свадьба молодого человѣка. Экзекуція должна была состояться въ 12 часовъ дня, но еще задолго до этого времени весь путь, по которому должно было проходить шествіе, былъ усѣянъ цѣлыми толпами любопытныхъ, и, какъ говорится, яблоку упасть негдѣ было. Джонъ Гейхъ, исправлявшій обязанности палача, досталъ спеціально для этого случая новую плеть и, въ ожиданіи своей жертвы на дворѣ тольбутской тюрьмы, посвистывалъ ею по воздуху, выражая при этомъ безграничную и дикую радость. Этотъ Джонъ Гейхъ словно созданъ былъ для роли палача; онъ исполнялъ свои обязанности какъ у эшафота висѣлицы, такъ и у позорнаго столба съ извѣстной гордостью, сопровождая каждый новый мастерскій ударъ свой положительно дѣвольской улыбкой.

Сегодняшній преступникъ былъ еще совершенно молодой человѣкъ, приблизительно лѣтъ двадцати; безбородый юноша этотъ выдавался столь нѣжной, бѣлой кожей, что при видѣ его

обнаженной палачомъ спины въ публикѣ инстинктивно пронесся гулъ состраданія.

Наконецъ, преступника привязали къ задней части позорной тачки, члены магистратуры заняли опредѣленные для нихъ мѣста, отрядъ констеблей (городовыхъ) съ ихъ длинными алебардами построился въ обычномъ порядкѣ. Чтобы заглушить вопли истязуемаго, трубачамъ дана была команда начинать. Плеть Джона Гейха стала свистать по воздуху, причемъ первый же нанесенный имъ ударъ вызвалъ брызнувшую фонтаномъ кровь. Преступникъ вскрикнулъ нечеловѣческимъ голосомъ и посмотрѣлъ вдоль разстилавшейся передъ его глазами улицы, только въ концѣ которой онъ долженъ былъ получить послѣдній ударъ... Въ то же время присутствовавшія въ числѣ зрителей женщины и дѣти подняли ужасный вой.

Магистратъ подумалъ о возможности возмущенія толпы, принимая при этомъ во вниманіе, что большинство жителей были крайне недовольны приговоромъ; и дѣйствительно: по настроенію публики видно было, что опасность не только существуетъ, но представляется вдобавокъ довольно серьезной.

При приближеніи процессіи къ одной изъ пересѣкающихъ улицъ изъ окна ближайшаго дома была брошена зажженная ракета; послѣдняя попала прямо подъ ноги лошадамъ, которыя при этомъ въ сильномъ испугѣ взвились на дыбы и понесли. Позорная тачка опрокинулась, и несчастная жертва палача со своимъ окровавленнымъ туловищемъ очутилась въ воздухѣ, хотя продолжала оставаться связанной веревками.

Въ это время изъ толпы выдѣлился мужчина, игравшій очевидно роль зачинщика или предводителя; зычнымъ голосомъ онъ обратился къ Джону Гейху съ требованіемъ освободить преступника; когда же палачъ не повиновался ему, онъ самъ разрѣзалъ веревки, освободивъ такимъ образомъ обезумѣвшаго отъ страха и боли „жениха“. Этотъ поступокъ одного изъ публики былъ встрѣченъ толпою возгласами одобренія.

Но прежде, чѣмъ преступникъ могъ быть отведенъ въ безопасное для него мѣсто, палачамъ удалось снова забрать его въ свои руки и опять привязать къ тачкѣ. Въ результатъ несчастный испилъ свою чашу до послѣдней капли.

Особенно трагичнымъ является этотъ случай вслѣдствіе того, что когда шествіе должно было пройти мимо дома, гдѣ проживала мать преступника, друзья ея, слышавъ душераздирающіе крики наказуемаго и свистъ плети, сдѣлали попытку увести несчастную женщину подальше, пока процессія не скроется съ глазъ, и звукъ голоса сына не сможетъ доноситься до ушей истерзанной матери. Но еще прежде, нежели можно было предпринять что-либо, любвеобильная мать лишилась сознанія и затѣмъ тутъ же сошла съ ума и такъ и умерла сумасшедшей.

Въ біографіи полковника Жака Дефозэ помѣщено въ высшей степени оригинальное описаніе одного тѣлеснаго наказанія, произведеннаго въ Единбургѣ. Полковникъ Жакъ прибылъ въ

Эдинбургъ специально для того, чтобы въ компаніи со своими пріятелями составить особую „благородную“ воровскую шайку. Полковникъ говоритъ: „Мы отправились погулять и были очень удивлены, когда увидѣли, что всѣ улицы города запружены народомъ. Публика прохаживалась взадъ и впередъ, словно на бульварѣ или на биржѣ; здѣсь можно было увидѣть представителей всѣхъ сословій и состояній. Когда мы стояли на мѣстѣ и съ удивленіемъ продолжали смотрѣть на происходящее вокругъ насъ, весь народъ неожиданно подался на одну сторону улицы съ такой поспѣшностью и жадностью, точно тамъ происходило что либо удивительное. И впрямь, зрѣлище представляло собою картину экстраординарную!

Мы увидѣли, какъ вдоль мостовой бѣжали двое полуголыхъ мужчинъ; они мчались со скоростью курьерскаго поѣзда, если не вѣтра, и намъ съ пріятелями показалось даже, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дело съ состязаніемъ въ бѣгъ взапуски. Какъ вдругъ двѣ длиныя тонкія бечевки, окружавшія ихъ туловище, сильно натянулись, и бѣжавшіе принуждены были остановиться. Мы никакъ не могли дать себѣ отчетъ въ томъ, что именно происходитъ, и блуждали въ сомнѣніяхъ до тѣхъ поръ, пока не явился какой-то челоуѣкъ, въ одной рукѣ котораго находился конецъ упомянутой выше бечевки, а въ другой — проволочная плеть. Этой послѣдней онъ нанесъ каждому изъ бѣжавшихъ по два удара, но такихъ сильныхъ, что у насъ по кожѣ мурашки пробѣжали. Послѣ этого двѣ голыя жертвы получили приказаніе бѣжать дальше, пока позволитъ имъ та веревка, которая обвивала ихъ туловище. Затѣмъ они снова останавливались, палачъ приближался и наносилъ снова два ужасныхъ удара своимъ варварскимъ инструментомъ. Такъ продолжалось до конца улицы, которая простиралась въ длину на полъ мили.

Само собой разумѣется, что намъ было крайне любопытно узнать, что именно свершили эти преступники, приговоренные къ столь безчеловѣчной экзекуціи? Съ этимъ вопросомъ мы обратились къ стоявшему по сосѣдству съ нами молодому челоуѣку, оказавшемуся крайне угрюмымъ и недружелюбно настроеннымъ къ намъ, англичанамъ, шотландцемъ. А такъ какъ о томъ, что мы англичане, онъ узналъ по нашему акценту, то не безъ особаго злорадства сказалъ; „Это — два англичанина; ихъ съкутъ за то, что они попались въ карманной кражѣ; черезъ нѣкоторое время ихъ съ позоромъ выведутъ за границу Шотландіи и прогонятъ на ихъ родину, въ Англію!“

Все это оказалось неправдой и было сказано только для того, чтобы поиздѣваться надъ нами. Позднѣе мы узнали, что наказанные были именно шотландцами, а не англичанами, попавшими въ руки палача за такое преступленіе, которое и по законамъ Англій карается тѣлеснымъ наказаніемъ. Какъ бы то ни было, но для нашего главаря открывались далеко не утѣшительные горизонты, и онъ невольно содрогнулся при одной только мысли

о томъ, что въ избранной имъ профессіи ему можетъ случайно не повезти..“

Послѣдняя публичная экзекуція была произведена въ 1817 году въ Инвернессъ, т. е. именно въ томъ году, когда тѣлесныя наказанія были отмѣнены вовсе. Здѣсь дѣло касалось одной женщины, подвергавшейся поркѣ по улицамъ города въ третій разъ за пьянство и распутное поведеніе.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что пресѣкающіе преступленія примѣры должны существовать, но наказанія, подобно описаннымъ выше, представляются чудовищными по теперешнимъ нашимъ понятіямъ, и мы сильно сомнѣваемся въ томъ, что они могутъ дѣйствовать на мораль облагораживающимъ образомъ. Возьмемъ красивую и молодую женщину; на это несчастное созданіе, перенесшее позоръ и муки экзекуціи, послѣдняя ни подъ какимъ видомъ хорошаго вліянія оказать не сможетъ. И дѣйствительно, мы видѣли, какъ такія жертвы суровости представителей закона оскорбляли ихъ и насмѣхались надъ ними на глазахъ присутствовавшихъ при позорной экзекуціи зрителей.

ГЛАВА XXI

Наказанія розгами въ тюрьмахъ

Тейлоръ говоритъ:

„Я думалъ, что тюрьма была добродѣтелью школы,
Домомъ для занятій и для размышленій,
Мѣстомъ для духовнаго воспитанія и исправленія!“

Тѣмъ не менѣе Smollet не раздѣляетъ подобнаго взгляда въ своемъ трудѣ, въ которомъ онъ описываетъ бридевельскую тюрьму. Выведенная авторомъ въ очеркѣ женщина говоритъ, что изъ всѣхъ учрежденій и мѣстъ міра эту тюрьму ближе всего можно сравнить съ адомъ. Окруженные происшествіями, въ которыхъ злоба и неистовство, чувство страха, безбожіе, вздохи, проклятія и божба играли самую главную роль, содержащіеся въ этой тюрьмѣ получали для разрѣшенія невозможныя по трудности задачи, при неправильномъ рѣшеніи которыхъ неминуемо награждались розгой или плетью. Экзекуціи далеко не рѣдко заканчивались обморочнымъ состояніемъ, причемъ лучшимъ средствомъ для приведенія въ чувство служила та же плеть. Очевидно, начальство руководствовалось пословицей: „чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись“. Пока же лишенная сознания жертва находилась въ безпомощномъ состояніи, — товарищи ея по заключенію занимались тѣмъ, что похищали платье и бѣлье обнаженнаго для порки арестанта. Несчастливая женщина эта, по сло-

вамъ упомянутого выше автора, дѣлала неоднократныя попытки выйти изъ своего отчаяннаго положенія путемъ самоубійства, но, во время останавливаемая, наказывалась за дерзкій помысль тридцатью ударами плетью...

Бридевелъ близъ Лондона, ставшій нарицательнымъ именемъ для всѣхъ англійскихъ домовъ заключенія, представляетъ собою, собственно говоря, дворецъ. Король Эдуардъ VI отдалъ его въ наймы правительству для обращенія въ тюрьму, въ которую можно было бы заключать профессиональныхъ нищихъ, порочныхъ учениковъ и вообще замѣченныхъ въ неблагопристойномъ поведеніи людей. Периодическія тѣлесныя наказанія практиковались въ Бридевелѣ по отношенію къ тѣмъ преступленіямъ, которыя были совершены внѣ стѣнъ этой тюрьмы, но если арестанты, по мнѣнію приставленныхъ къ нимъ надзирателей, небрежно исполняли возложенныя на нихъ обязанности (принудительная молотьба конопля, главнымъ образомъ), то могли подвергаться властью тѣхъ же надсмотрщиковъ экзекуціи палками или — въ лучшемъ случаѣ — плетью. Порочнаго поведенія женщины, шатавшіяся съ извѣстной цѣлью по улицамъ, либо такія, которыя находились въ компаніи и близкихъ отношеніяхъ съ ворами и разбойниками, затѣмъ мошенники обоого пола заключались по опредѣленію магистрата на болѣе или менѣе продолжительное время въ Бридевелъ. Въ дни засѣданій заключенные въ сопровожденіи палача являлись въ назначенную для разбирательствъ камеру. Послѣ того какъ обвиненіе было доказано, произносился приговоръ, обычное содержаніе котораго состояло въ томъ, что виновный въ присутствіи всей магистратуры долженъ былъ тутъ же подвергнуться тѣлесному наказанію. Немедленно же палачъ набрасывался на виновнаго или виновную и обнажалъ спину своей жертвы. Приводилъ въ исполненіе приговоръ самый молодой изъ палачей и занимался истязаніемъ до тѣхъ поръ, пока предсѣдательствующему не заблагоразсудилось остановить его, для чего практиковался особый способъ: старшій въ магистратурѣ, онъ же предсѣдатель, стучалъ молоткомъ по столу. Если экзекуціи подвергалась женщина, то все время порки долженъ былъ непрерывно раздаваться громкій возгласъ: „О, милый сэръ Робертъ, постучите! Пожалуйста, дорогой сэръ Робертъ, стукните молоткомъ!“ Крикъ этотъ подхватывался находившейся вблизи тюрьмы публикой изъ простонародья, чѣмъ имѣлись въ виду пристыдить всѣхъ содержавшихся въ Бридевелѣ женщинъ. Послѣ окончанія порки сторожа вводили арестантовъ въ тюрьму, гдѣ заставляли заниматься молотьбой конопля.

Дефозъ въ своемъ трудѣ „Жизнь капитана Жака“ приводитъ подробное и точное описаніе нравовъ Бридевельской тюрьмы. Онъ говоритъ объ одномъ человѣкѣ, который еще въ годы своей юности занимался похищеніемъ дѣтей и транспортированіемъ ихъ въ Америку. Однажды полиціи удалось накрыть всю шайку и заключить арестованныхъ въ Ньюгэтъ. Вотъ что говоритъ Дефозъ устами героя своего повѣствованія.

„Какую кару понесли другіе разбойники, — мнѣ неизвѣстно, но, въ виду того, что въ то время капитанъ не вышелъ еще изъ юношескаго возраста, его приговорили къ троекратному тѣлесному наказанію въ Бридевелѣ, причемъ милордъ Маіоръ объяснилъ ему, что столь незначительный приговоръ объясняется лишь состраданіемъ къ нему, какъ къ несовершеннолѣтнему; собственно же говоря, ему слѣдуетъ беречься висѣлицы, и беречься зорко, ибо ужъ очень у него „висѣльное лицо“! Когда я узналъ, что капитанъ находится въ Бридевелѣ, я, естественно, отправился навѣстить его. Я попалъ въ тюрьму какъ разъ въ тотъ день, когда Жакъ долженъ былъ въ первый разъ подвергнуться наказанію. Долженъ признаться, что выпали они ему тогда основательно! До приведенія экзекуціи въ исполненіе президентъ Бридевеля — насколько мнѣ не измѣнила память, его звали сэромъ Вилліамомъ Турнеромъ — обратился къ приговоренному съ проповѣдью, въ которой между прочимъ, выразился, что, молъ, такой молодой, а къ сожалѣнію, заслуживаетъ быть повѣшеннымъ, что ему слѣдуетъ обратиться на свое поведеніе серьезное вниманіе, что воровать дѣтей — дѣло гнусное и т. д., и т. д. Во все время „пастырскаго“ посланія сэра Вилліама Турнера, особа съ голубымъ орденомъ, иначе говоря — палачъ — безжалостно стегалъ плетью моего несчастнаго Жака, не смѣя пріостановить порку до тѣхъ поръ, пока не раздастся стукъ молоточка господина президента. Бѣдняга капитанъ подпрыгивалъ на мѣстѣ, исполнялъ какой-то дикій танецъ и ревелъ, словно сумасшедшій. Я же до смерти испугался всего этого, хотя и не стоялъ очень близко къ мѣсту экзекуціи, чтобы наблюдать всѣ детали ея, но зато позднѣе видѣлъ спину Жака, сплошь исполосованную плетью, а мѣстами даже искривленную. О, Боже! что это была за спина! Хуже же всего для бѣдняги было то, что предстояло еще два раза пережить подобную пытку. Долженъ, чтобы быть вполне безпристрастнымъ, добавить, что всѣ три порки были произведены настолько основательно, что надолго отбили охоту у капитана похищать дѣтей и торговать ими“.

Въ исправительныхъ домахъ заключенныхъ очень часто подвергали наказанію не только розгами, но и палками, причемъ — странно! — послѣднія примѣнялись при болѣе легкихъ преступленіяхъ, розгами же наказывали тяжкихъ преступниковъ, чаще всего тѣхъ, кто обнаруживалъ попытки къ побѣгамъ. Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи не имѣется никакихъ статистическихъ данныхъ, и поэтому мы не можемъ вывести какія бы то ни было заключенія о томъ, насколько публичныя и частныя, такъ сказать, наказанія служили мѣрами пресѣченія для послѣдующаго совершенія преступленій. Мы можемъ констатировать только одинъ фактъ, относящійся къ нѣкому молодому человѣку. Юноша этотъ какъ-то подвергся наказанію плетью, а затѣмъ добился въ жизни до степеней извѣстныхъ. Рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ о Джемсѣ Макраэ, имя котораго попало въ печать вслѣдствіе того, что онъ подвергся публичному тѣлесному наказанію плетью, произведенному во время позорнаго шествія по улицамъ города Аюра.

За какое именно преступление понесъ Джемсъ Макраэ столь тяжкую кару — неизвѣстно; мы знаемъ только, что это былъ живой мальчикъ въ полномъ смыслѣ слова, попадался вѣчно въ какихъ-нибудь шалостяхъ, и весьма возможно, что попался въ руки палача за кражу яблокъ или за какой-либо другой подобный проступокъ. Несчастный до того тяготился понесеннымъ имъ наказаніемъ, что, терзаемый муками стыда, исчезъ изъ Шотландіи и возвратился на родину только спустя очень продолжительный промежутокъ времени. И вернулся онъ въ званіи губернатора Мадраса! Въ предѣлахъ своего отечества онъ вступилъ въ ряды арміи въ званіи простого солдата, затѣмъ, благодаря изумительнымъ подвигамъ храбрости, былъ произведенъ въ офицеры и пріѣхалъ въ Шотландію только тогда, когда въ упомянутомъ выше званіи обладалъ довольно внушительнымъ состояніемъ.

Въ этотъ періодъ на континентѣ Европы повсюду примѣнялись тѣлесныя наказанія, особенно же страдали мужчины и женщины, заключенные въ тюрьмахъ Германіи и Италіи. Сравнительно недавно розга выведена изъ употребленія въ нѣмецкихъ мѣстахъ заключенія; въ прежнее же время каждому прибывающему въ тюрьму и покидающему ея стѣны пришлось испытывать на своей кожѣ всю прелесть разнузданности экзекуторовъ при выполненіи ими своихъ обязанностей. Во многихъ тюрьмахъ существовало, кромѣ того, правило знакомить всѣхъ посѣтителей тюрьмы, какъ, напримеръ, родственниковъ заключенныхъ и просто любопытныхъ визитеровъ съ розгами, плетью и другими инструментами порки.

Еще въ 1807 году въ рабочій домъ Амстердама были отданы десять молодыхъ дѣвушекъ, принадлежавшихъ къ самымъ лучшимъ фамиліямъ города, за то, что вели далеко не строгій образъ жизни. Въ видѣ униженія за отклоненіе отъ обязанностей приличныхъ барышень ихъ заставляли носить особое платье и время отъ времени подвергали тѣлесному наказанію. Замѣченныя въ злоупотребленіи спиртными напитками женщины заключались въ работные дома на срокъ отъ одного года со всѣми послѣдствіями режима этихъ учреждений, примѣнявшихся въ качествѣ исправительныхъ мѣръ.

До самага недавняго времени въ римскихъ тюрьмахъ былъ въ употребленіи особый инструментъ для наказаній, который по своимъ свойствамъ и качествамъ былъ достоинъ средневѣковому періоду. Назывался инструментъ этотъ „cavaletto“; онъ состоялъ изъ большого куска мрамора, предъ которымъ приговоренный къ наказанію долженъ былъ стать на колѣни и затѣмъ лечь на него всей областью своего живота. Затѣмъ несчастнаго привязывали за руки и ноги къ вбитымъ въ землю кольцамъ и такимъ образомъ лишали его возможности пошевелинуться. Вслѣдъ за симъ ему обнажали спину и били по ней кожаными ремнемъ. Наименьшее количество ударовъ было двадцать пять, за болѣе тяжкіе проступки всыпали гораздо больше.

И въ наши дни примѣненіе плети является въ Венгріи санкціонированнымъ закономъ наказаніемъ. Въ прежнія времена венгер-

скій помѣщикъ считалъ своею обязанностью отсчитывать каждому изъ своихъ крестьянъ по двадцати пяти ударовъ, причемъ народъ полагалъ это особымъ благоволеніемъ со стороны своего господина и усердно заботился о томъ, чтобы во время экзекуціи не издать ни одного стона или крика. Ничто въ глазахъ молодой дѣвушки не окружало парня ореоломъ мужества и неотразимости, какъ геройское поведеніе во время воспріятія двадцати пяти ударовъ. Въ настоящее время тѣлесное наказаніе въ Венгріи примѣняется исключительно по суду, причемъ въ каждой тюрьмѣ обязательно имѣется на лицо спеціальная экзекуціонная скамейка. Послѣдняя представляетъ собою простой низкій столъ, къ которому подвергающийся наказанію плотно привязывается; затѣмъ гайдукъ вооружается длинной розгой изъ орѣшника и наноситъ ею своей жертвѣ опредѣленное количество ударовъ, соблюдая послѣдовательно извѣстную паузу. При этомъ опытнымъ палачомъ считается тотъ, кто обладаетъ особой способностью наносить удары такъ, чтобы жертва чувствовала максимумъ или минимумъ болевыхъ ощущеній. Прежде чѣмъ допустить такого экзекутора къ исполненію наказанія на людяхъ, его заставляютъ упражняться въ теченіе продолжительнаго времени на туго набитомъ мѣшкѣ.

Много старыхъ венгерскихъ замковъ превращены въ тюрьмы, ворота которыхъ обыкновенно украшены плетью, розгами и другими орудіями истязаній и пытки.

ГЛАВА XXII

Пресловутыя цѣлебныя и медицинскія свойства розги

На протяженіи всей исторіи возникали все болѣе и болѣе удивительныя вещи, относящіяся къ цѣлебной силѣ розги. Многіе врачи считали пучокъ розогъ великолѣпнымъ средствомъ для оживленія пониженной дѣятельности кожи, для повышенія мышечной силы и для ускоренія процесса обмѣна веществъ въ организмъ. Но сумасбродные бумагомараки пошли еще дальше и окружаютъ розгу тѣмъ же ореоломъ величія и всемогущества, какими доктора Санграда окружили холодную воду и кровопусканіе. Для такихъ писателей розга представляется положительно универсальнымъ средствомъ: она приводитъ будто бы въ движеніе застоявшіеся органическіе соки, она растворяетъ содержащіе соли осадки, она очищаетъ тѣло отъ сгустившихся выдѣленій, она „проясняетъ голову“, она облегчаетъ желудокъ, гонитъ кровь, укрѣпляетъ нервы, короче — не существуетъ той области, которую розга не могла бы оживить и облагодѣтельствовать: важно только умѣлое и разумное примѣненіе ея.

Еще въ глубокой древности розга почиталась, какъ цѣлебное средство, и многіе врачи того времени назначали примѣненіе ея при различныхъ душевныхъ заболѣваніяхъ и расстройствахъ умственныхъ способностей. Целіусъ говоритъ о томъ, что умалишенныхъ полезно бить розгами для того, „чтобы разумъ снова поστήтилъ ихъ, ибо теперь онъ у нихъ вовсе отсутствуетъ“. При душевныхъ болѣзняхъ имѣлось въ виду болѣе моральное дѣйствіе розги: подъ вліяніемъ страха и боли умалишенный вынужденъ, будто бы, вести себя благоразумно. Еще не такъ давно при леченіи душевнобольныхъ примѣнялась именно эта точка зрѣнія. Можно себѣ представить, сколькихъ трудовъ стоило образованнымъ и любвеобильнымъ врачамъ убѣдить послѣдователей жестокости въ нецѣлесообразности, чтобы не сказать больше, ихъ обращенія съ несчастными больными.

Извѣстны и такіе случаи, когда тѣлесное наказаніе являлось необходимымъ для того, чтобы тѣло почувствовало то, что духъ воспріять больше не могъ, какъ, на примѣръ, фактъ съ инохондрикомъ, который клялся въ томъ, что его ноги сдѣланы изъ соломы. Онъ былъ убѣжденъ въ этомъ до тѣхъ поръ, пока прислуга его, подметая комнату, вѣникомъ била своего хозяина по голенямъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній не отрѣшился отъ столь неосновательной и навязчивой идеи.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больные утрируютъ или симмулируютъ болѣзнь, розга считалась самымъ дѣйствительнымъ средствомъ; основательно и навсегда, по старинному убѣжденію, розга излечила многихъ отъ повторенія эпилептическихъ припадковъ, т. е. такъ называемой „черной болѣзни“. При врожденной лѣни (въ тѣ времена существовала и такая болѣзнь!) розга отличалась изумительнымъ дѣйствіемъ, причемъ многіе изъ прислуги, одержимые этимъ страданіемъ и жаловавшіеся на самыя невѣроятныя болѣзненные явленія, послѣ примѣненія розги окончательно избавлялись отъ своего недуга и великолѣпно исполняли возложенныя на нихъ обязанности, въ то время какъ до леченія не въ состояніи были справиться и съ собою частью ихъ.

Въ Исландіи нѣкій врачъ примѣнялъ тѣлесныя наказанія къ одному ремесленнику въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ; пациентъ обратился къ нему по поводу непокидающей его неспособности къ работѣ. Родные больного получили отъ этого эскулапа слѣдующія инструкціи: „Зашейте больного въ мѣшокъ, наполненный шерстью, катайте его съ горы и на гору, бросайте, бейте, топчите его, затѣмъ высвободите изъ мѣшка, дайте выпить какого-либо потогоннаго и уложите затѣмъ въ постель“. Результаты леченія превзошли всѣ ожиданія...

Аналогичнымъ способомъ лѣчилъ нѣкій джентльменъ тупоумнаго мужичка, страдавшаго, кромѣ того, непреодолимой склонностью къ похищенію домашней птицы. Онъ приказалъ зашить этого кретина въ овсяный мѣшокъ, выколотить его валькомъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, катать съ горы на гору и затѣмъ снова обработать валькомъ. И что же? Ідіотъ больше никогда

въ жизни не воровалъ и со дня „леченія“ славился остроуміемъ и юморомъ постольку, поскольку прежде извѣстенъ былъ своей непроходимой глупостью.

„Ubi stimulus, ibi affluxus“ — было со временъ Гиппократъ фізіологическимъ тезисомъ, и удары розгой, въ такомъ же, т. е. въ обильномъ, примѣненіи, являлись также видоизмѣненной формой раздражающаго кожу средства: они отводили циркуляцію крови отъ внутренностей и заставляли дорогую влагу приливать къ поверхности кожи. Розга могла излечивать такъ называемую „холодную лихорадку“; она способствовала также у худыхъ субъектовъ появленію полноты, какъ увѣрялъ Галенъ, констатировавшій тотъ фактъ, что скотопромышленники, имѣя въ виду улучшить корпулентность тощихъ лошадей, широкой рукой награждали ихъ ударами бича. То же самое средство почиталось однимъ изъ дѣйствительныхъ у работорговцевъ по отношенію къ вѣчно полуголоднымъ дѣтямъ съ ввалившимися отъ хроническаго недоѣданія ребрами. Антоній Муза пользовалъ Октавія Августа отъ ревматизма въ тазобедренномъ сочлененіи тѣмъ, что наносилъ ему по болѣзненной области удары, а Элидорій Падуанскій рекомендовалъ сѣченіе крапивой, какъ великолѣпное средство, споспѣшествующее высыпанію кожныхъ заболѣваний. „Средство это въ теченіе продолжительнаго періода времени особеннымъ почетомъ не пользовалось“ говоритъ Галенъ, „хотя въ случаяхъ паралическаго состоянія его слѣдуетъ предпочитать втираніямъ мази и прикладыванію шпанскихъ мушекъ“. Корвизаръ лечилъ параличъ нижнихъ конечностей повторными экзекуціями крапивой. Во все время процедуры сѣченія пациентъ его, молодой человекъ, смѣялся, подъ конецъ же погрузился въ глубокой сонъ. Черезъ три недѣли онъ совершенно выздоровѣлъ.

При „любоэрастныхъ“ болезняхъ точно также въ прежнія времена прописывалась розга, причемъ Целій Ауреліанъ рассказываетъ, что даже многіе меланхолики, благодаря розгѣ и особенно правильному примѣненію ея, избавлялись навсегда отъ тяжелыхъ своихъ страданій.

Валескусъ-де-Таранта говоритъ: „Если пациентъ молодъ, то бейте его розгой, словно малаго ребенка, а если это средство не помогаетъ, то посадите его въ темный чуланъ на хлѣбъ и на воду и продолжайте тѣлесныя наказанія“.

Сѣченіемъ должны излечиваться также судорожное сжатіе рта и припадки удушья. Если въ горлѣ застряла кость или какое либо другое инородное тѣло, то слѣдуетъ бить пострадавшаго по спинѣ до тѣхъ поръ, пока посторонній предметъ не выйдетъ наружу. Если, благодаря смѣху или неловкому зѣвку, произойдетъ вывихъ нижней челюсти, то привести послѣднюю въ надлежащее положеніе можно, ударивъ пациента по лицу.

Одинъ изъ путешественниковъ по Востоку, Николай Ворбургъ, посѣтилъ Агра и былъ приглашенъ на обѣдъ къ великому хану. Послѣдній слишкомъ понадѣялся на вмѣстительность полости своего рта и наиолнилъ ее рисомъ до того, что съ нижней челюстью

приключился вывихъ. Повелитель остался сидѣть на своемъ тронѣ съ посинѣвшимъ и побагровѣвшимъ лицомъ, выступившими изъ орбитъ глазами и открытымъ ртомъ. Опасность была велика, и Николай Ворбургъ, вопреки существовавшему этикету, взбѣжалъ по ступенямъ трона, приблизился къ задыхавшемуся и однимъ сильнымъ ударомъ по лицу освободилъ его отъ комка риса, а другимъ — вправилъ челюсть на мѣсто. Всѣ придворные и слуги пришли въ ужасъ: они хотѣли сейчасъ же отомстить Ворбургу за его ужасную непочтительность къ ихъ повелителю, но послѣдній, къ счастью путешественника, пришелъ въ полное сознаніе и не только не выразилъ Ворбургу своего неудовольствія, но за быструю помощь и смѣтливость наградилъ его подаркомъ въ тысячу рупій.

Сенека повѣствуетъ, что перемежающаяся лихорадка излечивается ударами розогъ, причемъ одинъ ученый комментаторъ полагаетъ, что излеченіе достигается здѣсь распредѣленіемъ секретовъ желчнаго пузыря.

Нѣкій адвокатъ въ теченіе многихъ лѣтъ страдалъ перемежающейся лихорадкой въ такой степени, что по временамъ лишень былъ возможности правильно заниматься своей спеціальностью. Защищая какъ-то порученное ему дѣло, онъ въ рѣчи своей отозвался неодобрительно объ одномъ господинѣ, который поклялся отомстить ему. Возвратившись въ одинъ прекрасный день изъ дѣловой поѣздки домой, онъ засталъ письменное приглашеніе отъ того самаго господина пожаловать къ нему на квартиру. Ничего рѣшительно не предчувствуя, адвокатъ отправился по приглашенію и тотчасъ же замѣтилъ, что попалъ въ ловушку. Обиженный объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, и предложилъ на выборъ двѣ комбинаціи: „Либо садитесь совершенно голымъ на муравейникъ и просидите на немъ, пока не выучите наизусть семи псалмовъ покаянія, либо точно также въ адамовомъ костюмѣ я заставлю васъ пробѣжаться черезъ этотъ дворъ, причемъ будетъ выстроено весь штатъ моей прислуги, которая угоститъ васъ шпицрутенами“. Адвокатъ пытался апеллировать къ милосердію обиженного; онъ говорилъ такъ краснорѣчиво, какъ не запомнить ни одинъ изъ его кліентовъ, но обиженный былъ неумолимъ! Несчастный въ концѣ концовъ согласился пробѣжать сквозь строй шпицрутеновъ, ибо муравейникъ въ связи съ псалмами показался ему отнюдь не подходящимъ дѣломъ... Говорить нечего о томъ, что адвоката отпустили со двора избитымъ до крови и покрытымъ сплошь синяками и кровоподтеками. Тѣмъ не менѣе экзекуція оказалась чрезвычайно полезной: отъ перемежающейся лихорадки и слѣда больше не осталось!

Говоря о примѣненіи тѣлеснаго наказанія къ уличнымъ грабителямъ, одинъ изъ медицинскихъ журналовъ дѣлаетъ интересныя замѣчанія, относящіяся къ послѣдствіямъ экзекуцій съ точки зрѣнія медицинской. Приведемъ вкратцѣ главные основанія статьи.

На первый планъ при тѣлесномъ наказаніи выступаетъ непосредственное поврежденіе кожи, давленія и разрывы ея тканей.

Но все это не должно казаться особенно важнымъ и достойнымъ вниманія, такъ какъ процессъ заживленія наступаетъ въ данномъ случаѣ быстро, если только, конечно, при экзекуціи не пострадала кожная поверхность всего тѣла. Затѣмъ необходимо считаться съ болевымъ ощущеніемъ, которое представляется наиболѣе сильнымъ въ началѣ наказанія, при грандіозныхъ же поркахъ, когда, на примѣръ, количество ударовъ превышаетъ сто штукъ, болевое ощущеніе это уменьшается, вслѣдствіе оглушенія и послѣдующаго онѣмѣнія заложенныхъ въ кожѣ нервовъ. Фактъ этотъ хорошо извѣстенъ всѣмъ школьникамъ, причѣмъ одинъ изъ наказанныхъ преступниковъ подвергся сильному потрясенію организма отъ того, что боли увеличивались постепенно. Само собой разумѣется, что реакція находится въ прямой пропорціональной зависимости отъ продолжительности процедуры тѣлеснаго наказанія. Затѣмъ необходимо принять во вниманіе судорожное сведеніе мышцъ спины, особенно — глуболежащихъ. Если человѣкъ подготовляется къ воспріятію удара, то невольно онъ, такъ сказать, натягивается, выпрямляется, напрягаетъ до извѣстной степени свои мускулы, плотно опирается на ноги и стискиваетъ зубы; такимъ образомъ, вся мышечная система его находится въ сконцентрированномъ состояніи. Прежде, чѣмъ началось примѣненіе при операціяхъ хлороформа, пациентъ съ судорожной энергіей хватался за бока операціоннаго стола, а солдатамъ, которымъ приходилось пробѣгать сквозь строй (наказаніе шпицрутенами) до начала порки вкладывали въ ротъ свинцовую пулю, чтобы они накусывали на нее во время экзекуціи. Въ обоихъ случаяхъ мышцы приводились искусственно въ напряженное состояніе и, благодаря эластическимъ свойствамъ ихъ, могли вынести безъ вреда для себя гораздо больше, нежели въ обыкновенныхъ случаяхъ.

У человѣка, которому предстоитъ вынести порку, мускулы обязательно сокращаются, и чѣмъ значительнѣе количество ударовъ, тѣмъ сильнѣе концентрація ихъ. Это невольное мышечное сокращеніе, при продолжительномъ и чрезмѣрно усердномъ сѣченіи, представляется настолько значительнымъ, что иногда происходитъ разрывъ мышечныхъ волоконъ. Правда, черезъ нѣкоторое время послѣ экзекуціи наступаетъ заживленіе, но при этомъ, могутъ также легко возникнуть воспалительные процессы съ послѣдующимъ размягченіемъ и безсиліемъ, т. е. паралитическимъ состояніемъ пораженныхъ мышцъ. Болѣе серьезныя поврежденія наблюдаются, впрочемъ, лишь при злоупотребленіяхъ розгой, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда экзекуція производится слишкомъ усердно. Здѣсь возможно опасаться крайне тяжелыхъ послѣдствій. Нѣсколько десятковъ ударовъ особеннаго вреда принести не могутъ, причѣмъ работоспособность подвергнувшася тѣлесному наказанію нарушается только на пару-другую дней. И если приходится — говорится въ статьѣ упомянутаго выше журнала — подвергнуть какого-либо преступника тяжелому тѣлесному наказанію, то благоразумнѣе всего распредѣлить назначенное количество ударовъ на

нѣсколько маленькѣхъ порцій, съ возможно болѣе продолжительными антрактами между отдѣльными экзекуціями.

Что касается той части тѣла, которая является болѣе выносливой къ тѣлесному наказанію, то новѣйшая медицина вполне соглашается со взглядами старыхъ монаховъ, отдавая преимущество *deorsum disciplina*; въ данномъ случаѣ имѣется полная гарантія въ томъ, что въ этой области нѣтъ надобности считаться съ какими бы то ни было нѣжными и хрупкими органами.

По многимъ основаніямъ въ дѣлѣ выбора инструментовъ для тѣлесныхъ наказаній предпочтеніе должно быть отдано трости съ девятью „кошками“.

Г Л А В А XXIII

Тѣлесныя наказанія въ Небесной Имперіи

Еще недавно пытливый умъ человѣческой добивался не дававшего ему покоя вопроса: какимъ именно образомъ, путемъ какихъ практическихъ установленій управляетъ китайское правительство безконечно разнообразнымъ населеніемъ неизмѣримой по территоріи имперіи? Многіе пришли къ тому заключенію, да и миссіонеры-іезуиты придерживались того же взгляда, что этотъ „ученый и добродѣтельный“ народъ, какъ назвалъ китайцевъ Вольтеръ, позналъ тайну покоренія человѣчества путемъ утонченнаго нравственнаго закона. Свѣдѣнія путешественниковъ пролили болѣе яркій свѣтъ на это обстоятельство, причемъ теперь можно считать вполне установленнымъ тотъ фактъ, что китайцы управляются... плетью и бамбуковой палкой.

Бамбуковая палка является въ Китаѣ универсальнымъ средствомъ, и всякаго рода преступленія, безъ различія ранга и состоянія совершившихъ ихъ, наказуются именно бамбуковой палкой. Въ кодексѣ уголовнаго судопроизводства тѣлесныя наказанія играютъ самую выдающуюся роль, и никакой офицеръ изъ арміи небесной имперіи, будь онъ въ самыхъ высокихъ чинахъ, не гарантированъ отъ порки. Провинившійся генералъ трактуется въ Китаѣ, какъ мелкій карманный воришка. Существуетъ, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ случаевъ, при которыхъ генералъ небесной арміи можетъ получить свои пятьдесятъ ударовъ за какой-либо проступокъ и — что всего удивительнѣе — послѣ экзекуціи такой начальникъ сохраняетъ обыкновенно прежнюю свою власть надъ ввѣренной ему командой! Наиболѣе изумительнымъ при этомъ является для насъ то обстоятельство, что китайцы, благодаря тѣлесному наказанію, не испытываютъ ни малейшаго чувства униженія. Пожалуй, у нихъ возникаетъ при этомъ нѣкоторое ощущеніе неловкости, но, вѣдь, по нашимъ временамъ претерпѣвшій подобное наказаніе

долженъ неизбѣжно подвергнуться общему презрѣнію. Быть можетъ, мы, европейцы, подъ вліяніемъ создавшихся у насъ особыхъ „законовъ чести“, и преувеличиваемъ то чувство стыда и позора, которое является результатомъ полученнаго образованнымъ человекомъ удара, который представляется для него гораздо худшимъ, нежели сама смерть. У китайцевъ подобной чувствительности не существуетъ. Для нихъ ударъ является чѣмъ-то непріятнымъ, постольку непріятнымъ, поскольку онъ порождаетъ чувство боли, но не больше, а среди такого народа, у котораго ощущается недостатокъ въ чувствѣ чести, ввести и проводить тѣлесныя наказанія, само собой разумѣется, чрезвычайно легко и просто.

Въ некоторыхъ случаяхъ китайскіе законы разрѣшаютъ замѣнять тѣлесныя наказанія деньгами, считая приблизительно пятнадцать рублей за каждый день, въ который должна была быть произведена экзекуція. Другой особенностью китайскаго уголовнаго кодекса является то обстоятельство, что наказуются не только тѣ люди, которые совершили то или иное преступленіе, но также и тѣ, которые несвоевременно констатировали фактъ нарушенія виновнымъ законовъ. Такъ, напримѣръ, въ Китаѣ очень часто наказываютъ солдатъ и низшихъ полицейскихъ чиновъ, состоящихъ въ вѣдѣніи магистратуры, за то, что въ короткій промежутокъ времени имъ не удается изловить воровъ и грабителей, оперирующихъ въ районѣ ввѣреннаго ихъ надзору околотка. При незначительныхъ провинностяхъ, каковыми считаются пьянство, обманъ и т. п., мандаринъ пользуется правомъ своей властью назначить и тутъ же привести въ исполненіе наказаніе; для этой цѣли въ домѣ cadaго мандарина ежедневно происходитъ особаго рода судебное засѣданіе. На такомъ засѣданіи присутствуетъ нѣсколько низшихъ служащихъ, вооруженныхъ желѣзными оковами и бамбуковыми палками. Съ правой стороны мандарина помѣщается обвинитель или доносчикъ, передъ мандариномъ ставится столъ, покрытый шелковой скатертью; на столѣ — письменныя принадлежности, чтобы секретарь имѣлъ возможность записать все необходимое въ протоколъ черными чернилами. Мандаринъ же подписываетъ его красными чернилами и прикладываетъ печать своего имени изъ краснаго воска. Кромѣ того, на столѣ находятся пучки небольшихъ палокъ съ красными концами, и если подсудимый признается виновнымъ въ нетяжкомъ преступленіи, то наказаніе выполняется тутъ же, послѣ чего понесшій его немедля отпускается на всѣ четыре стороны. Бастонада представляется наказаніемъ обычнымъ, причемъ судья швыряетъ на полъ столько упомянутыхъ выше палочекъ со стола, сколько ударовъ долженъ получить подсудимый, и каждая палочка означаетъ пять ударовъ.

Стоявшій до объявленія приговора на колѣняхъ, подсудимый расprostирается съ помощью служителей плашмя на полу, одинъ изъ помощниковъ главнаго экзекутора усаживается ему на спину, въ то время какъ другой изо всѣхъ силъ держитъ его за ноги. Послѣ этого главный мастеръ начинаетъ съ помощью бамбуковой палки обрабатывать пятки не имѣющей возможности пошевелить-

нуться жертвы. Послѣ экзекуціи существуетъ обычай, въ силу котораго преступникъ благодаритъ мандарина за безпокойство, направленное къ воспитанію недостойнаго червя. Зачастую положеніе свидѣтелей такое же критическое, какъ и самого подсудимаго, ибо стоитъ только, чтобы ихъ показанія не понравились судѣ, какъ отдается соотвѣтствующее приказаніе, и слуги мандарина сваливаютъ ни въ чемъ, казалось бы, неповиннаго человѣка и основательно угощаютъ его бамбуками.

Роль магистрата не ограничивается только присутствіемъ его членовъ при процедурѣ бастонады: очень часто мѣсто судебныхъ установленій служитъ тюрьмою, въ которой клѣти для арестованныхъ помѣщаются въ первомъ дворѣ, причемъ силошь и рядомъ можно видѣть, какъ несчастные сидятъ на корточкахъ подъ жгучими лучами солнца. Мурашки по кожѣ пробѣгаютъ при взглядѣ на эти истощенныя, съ ввалившимися щеками и блѣдными лицами фигуры, закованныя въ цѣпи и колодки или фиксированныя къ большому сапге. Это сапге представляетъ собою довольно ординарное наказаніе, нѣчто въ родѣ переноснаго позорнаго столба. Представьте себѣ большую деревянную колоду съ отверстіемъ посрединѣ, черезъ которое продѣта голова арестованнаго, вся же доска своей внушительной тяжестью нажимаетъ на плечи несчастнаго подданнаго небесной имперіи.

Китайскій сводъ законовъ, переведенный на англійскій языкъ сэромъ Георгомъ Стаунтономъ, называется Та-Дзингъ-Лу-ли, т. е. законы и предписанія великой династіи Дзингъ. Вся книга подраздѣляется на 1) общее право, 2) гражданское право, 3) фискальное право, 4) церковное право, 5) военное право, 6) уголовное право и 7) право общественныхъ работъ, причемъ заглавіе „Уложеніе о наказаніяхъ“, приведенное переводчикомъ, предъявляется не буквальнымъ, а совершенно произвольнымъ или случайнымъ. Въ томъ-то и заключается единственная особенность китайскаго законоположенія, что всѣ ошибки, упущенія и относящіеся по своему характеру скорѣе всего къ заблужденіямъ поступки, влекущіе за собой въ Европѣ незначительное гражданское наказаніе, караются въ Китаѣ опредѣленнымъ количествомъ ударовъ бамбуковыми палками.

Необходимо добавить при этомъ, что наказанія распределяются настолько щедро и опредѣляются такъ точно, что по одному этому можно уже судить о полной негодности социальнаго строя имперіи. Не мораль, а сама конечная цѣль является въ данномъ случаѣ главнымъ основаніемъ, причемъ наказанія вовсе не зиждутся на тяжести совершоннаго преступленія, а на томъ вредѣ, на той степени ущерба, какую *могло бы* оно нанести.

Такъ, напримѣръ, наказанія за воровской проступокъ находятся въ зависимости и опредѣляются по стоимости украденной вещи; поэтому установлены особыя таблицы, которыя расцѣниваютъ различныя вещи и всевозможные предметы. Пожалуй, приходится согласиться съ тѣмъ, что подобная система является наиболѣе подходящей для того, чтобы сдерживать народъ, принимая

во вниманіе нравственный уровень настоящаго его состоянія. Подобная нація, которой не хватаетъ самыхъ элементарныхъ принциповъ вѣры и нравственнаго воспитанія, которая погрязла цѣликомъ и исключительно въ матеріальные интересы, не можетъ долго остаться націей, какъ таковой; намъ кажется, что она быстрыми шагами пойдетъ навстрѣчу неминуемой гибели: стоитъ только въ бразды ея правленія вмѣшаться другому народу, основнымъ правиломъ котораго является право и справедливость.

У китайцевъ же, этой націи скептиковъ, чувство обязанности можетъ вызвать только бамбуковая палка. Кромѣ того, во всѣхъ китайскихъ законоположеніяхъ царитъ полнѣйшій недостатокъ въ ясности и опредѣленности, дающій широкій просторъ произволу, нечестности и пронырливости мандариновъ. Возьмемъ для иллюстраціи слѣдующее мѣсто: „Если какой-либо купецъ, которому извѣстенъ родъ торговли своего сосѣда, открываетъ лавку и назначаетъ на находяшіеся въ ней товары такія цѣны, благодаря которымъ сосѣдъ его фактически лишается возможности продавать свой товаръ, извлекая, само собой разумѣется, изъ этого необычайную пользу, то его нужно подвергнуть сорока ударамъ бамбуковой палкой“. Что можетъ въ данномъ случаѣ спасти того или иного лавочника, если любому мандарину вздумается устроить такъ, чтобы осуществить приведенный параграфъ китайскаго свода законовъ?!

Особенно удивительнымъ явленіемъ въ китайскомъ законоположеніи представляется система, благодаря которой каждый подданный императора можетъ считаться отвѣтственнымъ за поступки своего сосѣда, родственника, начальника или подчиненнаго. Болѣе всего печальна участь служилаго люда: отвѣтственность его велика, и законы въ данномъ случаѣ просто неумолимы. Если само судебное установленіе вынесло неправильное рѣшеніе, безразлично, слишкомъ ли строгое, или черезъ-чуръ мягкое, либо просто невѣрно составленное, — наказуется секретарь, и наказуется самымъ строгимъ образомъ; всѣ же прочіе члены суда хотя и караются, но гораздо слабѣе, и чѣмъ выше рангъ чиновника, тѣмъ незначительнѣе наказаніе, и такимъ образомъ предсѣдатель несетъ самую слабую отвѣтственность. Чѣмъ ниже служебное положеніе чиновника, тѣмъ выше отвѣтственность его, ибо принято считать, что преступленіе вовсе не существовало бы, если бы данное лицо въ невысокихъ чинахъ не оказало своего содѣйствія или не проявило попустительства.

По европейскимъ понятіямъ, трудно согласиться съ тѣмъ, что за неправильное рѣшеніе судья подвергается тѣлесному наказанію, въ Китаѣ же это — дѣло обычное: тамъ сѣкутъ опростоволосившагося судью и тогда, когда незаконное рѣшеніе его замѣнено высшей инстанціей, и тогда, когда низшая исполнительная власть констатируетъ неправильность дѣйствій высшей, которой она даже подчиняется. Чего только не бываетъ въ Китаѣ! Низшій служащій, напримѣръ, можетъ быть присужденъ къ смертной казни за то, что онъ небрежно приложилъ къ письму печать! Если

государственная печать на каком-либо документѣ поставлена вверхъ ногами или оттиснулась не такъ рельефно какъ полагается, то всѣ причастные къ этому дѣлу лица получаютъ по восьмидесяти ударовъ. И если получающій письмо, т. е. адресатъ, вслѣдствіе неправильнаго припечатанія конверта, сомнѣвается въ подлинности посланія и не выполняетъ тѣхъ предписаній, какія изложены въ подобномъ посланіи, благодаря чему страдаетъ какая-либо военная операція, то секретарь того учрежденія, откуда вышла бумага, приговаривается къ смертной казни.

В Китаѣ существуетъ много способовъ для того, чтобы свѣдѣнія о законахъ распространить въ возможно болѣе широкомъ кругу публики, а также и среди чиновнаго народа. Въ концѣ каждаго года всѣ чиновники подвергаются спеціальному экзамену по законѣдѣнію, и если познанія ихъ въ этой области оказываются недостаточными, то высшіе начальники такихъ неудачниковъ наказуются конфискаціей жалованья за одинъ мѣсяць, низшіе же — награждаются сорока палочными ударами.

Особенно старательно и точно выработаны брачные законы, причемъ организація семьи пользуется въ Китаѣ какъ политическимъ, такъ и соціальнымъ значеніемъ. Бракъ можетъ быть заключенъ безъ того, чтобы ближайшія заинтересованныя въ немъ лица, т. е. женихъ и невѣста, знали что-либо другъ о другѣ — съ ними въ данномъ случаѣ вовсе не считаются. Впрочемъ, такъ обстоитъ дѣло только съ первымъ замужествомъ или женитьбой въ первый разъ. Отецъ, принуждавшій овдовѣвшаго сына своего къ вторичному браку, наказуется восьмьюдесятью палочными ударами. Если родные невѣсты, въ періодъ времени между обрученіемъ и свадьбой, отдаютъ свою дочь другому, то все семейство награждается семьюдесятью ударами палокъ. Законъ запрещаетъ вступать въ бракъ во время траура по отцу, матери или одному изъ супруговъ (женѣ — по мужу, мужу — по женѣ). Брачный союзъ въ такихъ случаяхъ считается недѣйствительнымъ, и обѣ стороны получаютъ по сто ударовъ бамбуковой палкой. Если трауръ относился къ дѣдушкѣ, къ бабушкѣ или дальнимъ родственникамъ, то бракъ не расторгается, но обѣ стороны получаютъ по восьмидесяти ударовъ. Браки между тезками или женитьба на актрисѣ, между музыкантами или преступниками считаются расторгнутыми, причемъ виновные подвергаются серьезному тѣлесному наказанію. Невѣрные мужья и жены караются палочными ударами; что же касается тѣхъ женщинъ, которыя до измѣны мужу вели честный образъ жизни и ни въ чемъ предосудительномъ замѣчены не были, то у нихъ, помимо наказанія палками, отнимаютъ еще чулки и платье. Церковные законы отличались изумительнѣйшими параграфами. Астрономическая коллегія въ Пекинѣ несетъ на себѣ обязанности слѣдить самымъ внимательнымъ образомъ за всѣми небесными явленіями и уклоненіями, причемъ каждая сдѣланная въ этомъ направленіи ошибка наказуется шестьюдесятью ударами бамбуковой палкой. Если музыканты, колдуны и предсказатели, подъ предлогомъ сообщенія надвигающагося несчастья или, на-

оборотъ, желая обрадовать предсказаніемъ чего-либо особенно счастливаго, являются въ дома высшихъ военныхъ или гражданскихъ властей, то ихъ за каждое предсказаніе караютъ пятьюстами ударами.

Хотя китайцы съ полнѣйшимъ равнодушіемъ относятся ко всѣмъ существующимъ въ мірѣ религіямъ, тѣмъ не менѣе, подъ страхомъ наказанія бамбуковыми палками, имъ вмѣнено въ строжайшую обязанность выполнение всѣхъ религіозныхъ церемоній. Въ смыслѣ производства процедуры богослуженія установлены самыя точныя предписанія, причемъ при тѣхъ или иныхъ отступленіяхъ отъ послѣднихъ наказуется не только самъ совершившій данное преступленіе, но и такъ называемый церемонимейстеръ, т. е. лицо, на которое закономъ возложены обязанности наблюденія за исполненіемъ массой всего, относящагося къ ритуалу китайскаго богослуженія. И даже святаыя свиньи, откармливаемыя въ пагодахъ въ качествѣ животныхъ, обреченныхъ на жертвоприношеніе, находятся въ небесной имперіи подъ зоркимъ покровительствомъ закона. Такъ, напримѣръ, за каждую тощую, плохо вскормленную свинью спеціальныи надзиратель карается пятьюдесятью ударами бамбуковой палкой, причемъ малѣйшій симптомъ, намекающій на возникновеніе среди этихъ священныхъ животныхъ эпидемической болѣзни, можетъ довести цѣлую пагоду до крайнихъ предѣловъ отчаянія.

Уложеніе о самихъ наказаніяхъ изложено у китайцевъ довольно просто. Обычными наказаніями являются слѣдующія: определенное количество дней ношенія упомянутой выше сапгуе или извѣстное число ударовъ съ помощью бамбуковаго тростника. Смертныя приговоры исполняются путемъ давленія или обезглавленія. За особенно тяжкія преступленія практикуются медленныя казни при помощи ножа; палачъ вытягиваетъ изъ находящейся при немъ корзины, наполненной ножами, одинъ ножикъ, такъ сказать, лотерейнымъ путемъ, причемъ по надписи на немъ узнаетъ, для какихъ именно сосудовъ онъ предназначенъ. Вслѣдъ за симъ эти сосуды послѣдовательно вскрываются до тѣхъ поръ, пока несчастная жертва подъ вліяніемъ кровоистеченія испускаетъ послѣдній вздохъ и переселяется въ лучшей мірѣ.

Особое наказаніе существуетъ для лодочниковъ, замѣченныхъ въ томъ или иномъ преступленіи. Ихъ заставляютъ стать на колѣни, одинъ изъ судейскихъ служителей держитъ ихъ за волосы, другой же начинаетъ спеціально предназначеннымъ для этой цѣли кожаныи ремнемъ хлестать по щекамъ преступника.

Въ Китаѣ нерѣдко встрѣчаются изображенія тушью и красками, посвященныя способамъ выполненія тѣлесныхъ наказаній. Такіе рисунки имѣютъ чаще всего сатирической характеръ и посвящаются обычно въ видѣ карикатуры на господствующее въ Китаѣ стремленіе къ высшему государственному образованію. Наиболѣе другихъ заслуживаютъ вниманія рисунки, изданные Перси Круикшанкомъ. Принято считать, что лучше всего изучать характеръ китайцевъ во время ихъ страданій. Они переносятъ наказаніе

бамбуковыми палками безъ единого стона, заставляя изумляться стоической выносливости. При экзекуціяхъ нерѣдко практикуется слѣдующее: жертвы связываются, укладываются въ корзину, приволакиваются на лобное мѣсто и затѣмъ бросаются въ лужу крови предшествовавшихъ жертвъ; послѣ этого ихъ разставляютъ длинной шеренгой на колѣняхъ, и... черезъ пять минутъ предъ глазами зрителей сотня обезглавленныхъ труповъ... Ни стоновъ, ни криковъ, ни воплей!

Говорятъ, что браки у китайцевъ чрезвычайно рѣдко бываютъ счастливыми. Мужъ бьетъ жену, жена тузитъ мужа — если только она въ состояніи справиться съ нимъ! Все таки въ огромномъ большинствѣ случаевъ страдательной стороной является женщина. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Китая кулачная расправа съ женами настолько вошла въ обычай, что мужу, не накладывающему долго рукъ на свою жену, кажется, будто онъ позабылъ о выполненіи возложенныхъ на него обязанностей.

Нѣкій молодой супругъ — до смерти избилъ свою жену, и когда его спросили, въ чемъ именно провинилась она, — онъ отвѣтилъ: „А ни въ чемъ! Она ни разу не заслужила наказанія. Но мы уже два года мужъ и жена, и мнѣ казалось, что всѣ сосѣди начали уже смѣяться надо мной вслѣдствіе того, что я ни единого раза не билъ своей жены. И вотъ сегодня утромъ я рѣшил проучить ее“.

Кончилось тѣмъ, что воображаемая насмѣшки сосѣдей стоили бѣдной женщинѣ жизни.

Г Л А В А XXIV

Наказаніе розгами на Востокѣ

Китай является не исключительной страной, бразды правленія въ которой поддерживаются бамбуковой палкой. И въ другихъ странахъ обширной Азіи со временъ самой сѣдой старины населеніе дрожитъ передъ палкой. Хотя Китаю необходимо въ данномъ случаѣ отдать пальму первенства: нигдѣ нѣтъ столь обстоятельнаго уложенія о наказаніяхъ, какъ именно сыновъ небесной имперіи.

Сосѣдка Китая, Корея, ввела у себя нѣкоторыя поистинѣ удивительныя узаконенія, относящіяся къ выполненію наказанія. Кое-что изъ этой интересной области мы сейчасъ прослѣдимъ.

Если жена убиваетъ своего мужа, то ее зарываютъ въ землю до плечей вблизи столбовой дороги; вблизи зарытой кладется камень, которымъ каждый проходящій, если только онъ не принадлежитъ къ привилегированному сословію, обязанъ нанести ей ударъ. Экзекуція продолжается до тѣхъ поръ, пока преступница

не умираетъ. Каждый мужъ, уличившій свою жену въ измѣнѣ ему, долженъ обязательно предать ее смерти; такому же наказанію должны подвергаться отъ руки своего господина въ чемъ либо провинившіеся рабы, какъ ни незначительно было бы совершенное ими преступленіе. Убившій своего господина рабъ присуждается обязательно къ смертной казни.

Для истребованія долговъ, будь они частные или казенные, у корейцевъ практикуется чрезвычайно дѣйствительный и внушительный способъ побужденія. Если должникъ не уплачиваетъ слѣдуемыхъ съ него денегъ въ назначенное время, то отъ двухъ до трехъ разъ въ мѣсяцъ, слѣдующій за просрочкой, его наказываютъ палочными ударами по голенямъ. Такое „напоминаніе“ продолжается до тѣхъ поръ, пока кредитору не будетъ внесена опредѣленная обязательствомъ сумма. А если должникъ умираетъ до уплаты денегъ, то наказанію продолжаетъ подвергаться ближайшій родственникъ его. Бастонада практикуется по поводу самыхъ легкихъ преступленій и примѣняется въ различныхъ видахъ и формахъ. Бьютъ либо по бедрамъ, либо по ягодицамъ, либо по голенямъ, либо, наконецъ, по пяткамъ. При такъ называемомъ „бедрянномъ пластырѣ“ ступни преступника привязываются къ одной скамейкѣ, а бедра къ другой. Затѣмъ начинается экзекуція, которая производится съ помощью палки изъ тесаннаго дуба, имѣющей два дюйма въ ширину и одинъ въ толщину; одна сторона этого инструмента закругле а, другая же представляется плоской. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ кряду наносятъ тридцать ударовъ. Если экзекуція назначается по ступнямъ, то приговоренный усаживается на землю, палачъ связываетъ обѣ ноги его большими пальцами, ущемляетъ ступни своей жертвы между своими ногами и наноситъ опредѣленное количество ударовъ особой палкой, толщиной въ среднюю человѣческую руку. Есть еще способъ, носящій названіе „бастонады á la mode“; онъ выполняется съ помощью длинной бамбуковой палки, причемъ преступникъ укладывается на скамейку ничкомъ и плотно привязывается веревками. Если такому наказанію подвергается женщина, то предварительно на нее одѣваютъ мокрыя панталоны. Сто ударовъ бастонады á la mode равняются по значенію смертному приговору, ибо крайне рѣдко преступники выдерживаютъ пятьдесятъ ударовъ.

Остается только удивляться, что въ Японіи, имѣющей такое большое сходство съ Китаемъ, бамбуковая палка особымъ почетомъ не пользуется. Но фактъ остается фактомъ, и мы должны констатировать, что тѣлесныя наказанія вообще среди японцевъ, въ этой странѣ восходящаго солнца, никакой популярностью не пользуются. И даже въ тѣсномъ семейномъ кругу ни женщины, ни дѣти не знакомы съ „березовой кашей“, а если розга среди нѣкоторыхъ слоевъ населенія и примѣняется, то во всякомъ случаѣ чрезвычайно рѣдко. Болѣе всего при воспитаніи дѣтей принято пользоваться нѣжностью, ласковыми приѣмами и неослабной бдительностью. Хотя мы и предпринимали спеціальныя изслѣдованія, но намъ не удалось узнать, чтобы въ школахъ Японіи учителя поль-

зовались тѣлесными наказаніями; да и вообще японская школа сильно разнится во всемъ отъ нашей.

Одинъ изъ путешественниковъ, много лѣтъ прожившій въ Японіи, слѣдующими словами рисуетъ характеръ высшей школы для японскихъ дѣвушекъ.

„Учителя за право преподаванія въ этихъ „finishing schols“ не только не получаютъ гонорара, но должны сами платить деньги, и такимъ образомъ преподаваніе изъ чистаго ремесла превращается здѣсь въ любимое, такъ сказать, занятіе, спорт, если можно такъ выразиться. Дѣвушки сами избираютъ для себя учителей, и, само собой разумѣется, большинство педагоговъ отличается если не поголовной красотой, то ужъ навѣрное миловидностью. Ученицы не сидятъ, какъ у насъ, на жесткихъ партахъ, набитыя, какъ сельди въ бочку. Нѣтъ, занятія производятся въ великолѣпныхъ садахъ, наполненныхъ ароматомъ цвѣтущаго чая и пахучихъ цвѣтовъ. Среди деревьевъ и кустарниковъ разбросано огромное количество маленькихъ павильоновъ... И тутъ то вашему глазу представляется дивная панорама краснощекихъ дѣвицъ съ лучистыми глазами, своей чарующей походкой передвигающихся отъ одного павильона къ другому. На маленькихъ лакированныхъ подносикахъ онѣ разносятъ чай и фрукты, а въ маленькихъ бесѣдкахъ возсѣдаютъ учителя или профессора, поджидающіе разносящихъ угощеніе ученицъ или же читающіе лекцію возвратившимся“.

Впрочемъ, японское уложеніе о наказаніяхъ смѣло можно назвать кровавымъ, и смертная казнь примѣняется въ странѣ восходящаго солнца за самыя маловажныя преступленія и даже за воровство, на примѣръ. Похититель чужой собственности, хотя послѣдняя и стоитъ грошъ, не смѣетъ рассчитывать на милосердіе суда. Игры въ деньги, азартныя, конечно, и тѣ караются смертью, убійство точно такъ же, смерть ждетъ и тѣхъ, кто совершилъ преступленіе, наказуемое и въ цивилизованныхъ странахъ такимъ же образомъ. Каждый долженъ за совершенное преступленіе понести опредѣленное наказаніе, въ случаѣ же государственной измѣны карается не только совершившій ее, но всѣ родственники его.

Способовъ приведенія наказанія въ исполненіе множество, и всѣ они въ Японіи отличаются ужасной жестокостью. Здѣсь практикуется и сожженіе живьемъ, и распятіе головой внизъ, и топтаніе разъяренными быками, и варка въ кипящей водѣ или — еще хуже — въ клокочущемъ на огнѣ маслѣ. Лицамъ привилегированнаго сословія, а также и офицерамъ, законъ даетъ право, въ случаѣ присужденія ихъ къ смертной казни, лично отправить себя на тотъ свѣтъ. Въ большинствѣ случаевъ такіе преступники послѣ суда съ достойнымъ лучшей участи хладнокровіемъ распарываютъ себѣ животъ, не забывъ предварительно распрощаться съ родными и близкими друзьями.

У киргизовъ и татаръ экзекуціи играютъ огромную роль въ случаяхъ конокрадства. Въ своемъ трудѣ „Путешествіе по Бухарѣ“ докторъ Эверсманъ въ качествѣ очевидца рассказываетъ слѣдующее.

„Собственно говоря, преступникъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но наказаніе было ему смягчено. Полураздѣтымъ, со связанными руками, его прогоняли по лагерю, и когда онъ не въ состоящи былъ быстро бѣгать, его основательнѣйшимъ образомъ обрабатывали кожаными ремнями особые люди, конвоировавшіе несчастного верхами. Затѣмъ ему вложили въ ротъ одинъ конецъ веревки, въ то время какъ другой былъ привязанъ къ хвосту лошади. На послѣдней возсѣдалъ бухарецъ, направлявшій лошадь между палатками и домишками деревни; другой же всадникъ слѣдовалъ за преступникомъ и сѣкъ его плетью. Въ концѣ концовъ лошадь преступника понесла первоначальное наказаніе своего хозяина: ей перерѣзали горло, причемъ всѣ присутствовавшіе при экзекуціи отрѣзали себѣ по куску конины, заранѣе предвкушая аппетитный ужинъ“.

Въ Индіи тѣлесныя наказанія существуютъ съ незапамятныхъ временъ. Богатые люди наказываютъ сплошь и рядомъ своихъ рабовъ, родители сѣкутъ дѣтей, а всѣ правители примѣняютъ время отъ времени розгу на своихъ подданныхъ. Да и слуги нерѣдко, перессорившись между собой, доходятъ до драки и пускаютъ въ ходъ за неимѣніемъ болѣе подходящего инструмента свою обувь. На тѣлесное наказаніе въ Индіи смотрятъ, какъ на самое заурядное явленіе, и неизвѣстно во многихъ случаяхъ, кого удручаетъ больше экзекуція: самого истязуемаго или наблюдающихъ за поркой зрителей. Вотъ до чего притупилась здѣсь чувствительность къ тѣлеснымъ наказаніямъ! Умершій раджа Али наказывалъ всѣхъ „кошкой“ о девяти концахъ, не разбирая ни состава преступленія, ни личности преступника; провинившійся могъ быть джентльменомъ, торговцемъ лошадьми, сборщикомъ податей и даже собственнымъ сыномъ раджи — все равно его ожидала та же участь. Особенно доставалось сборщикамъ податей, и въ рѣдкій день не сѣкли двухъ-трехъ изъ нихъ. Мало того, что ихъ сѣкли, — имъ разрывали тѣло гвоздями и затѣмъ снова сѣкли. Такое обращеніе съ людьми существовало очень давно и подъ англійскимъ протекторатомъ лишь нѣсколько ослабло. Въ большинствѣ случаевъ виновныхъ въ томъ или иномъ преступленіи подвѣшивали за руки къ столбу или дереву и затѣмъ били либо полосой коры, либо плетью изъ веревокъ или тамариндовыхъ волоконъ.

Помимо тѣлеснаго наказанія, въ Индіи существуютъ и другіе способы и орудія пытки. Изъ послѣднихъ назовемъ *kittee* и *appundale*. *Kittee* по своей идеѣ походитъ на тѣ европейскіе инструменты, которые служатъ прессомъ для большого пальца, съ той только разницей, что въ Индіи ихъ примѣняютъ на различныхъ частяхъ тѣла, причемъ нерѣдко увлекаются такой пыткой до того, что поврежденный органъ лишается на вѣки присущихъ ему функций. *Appundale* представляетъ собою чисто азіатскій инквизиціонный методъ; онъ заключается въ вывихъ либо всего туловища, либо отдѣльныхъ суставовъ съ помощью тугого шнурованія веревками, которыя не снимаются въ теченіе многихъ часовъ. Въ то же время къ извѣстному участку тѣла беззащитнаго пытаемаго

приставляется насѣкомое или пресмыкающееся, жадно впивающееся въ него своимъ жаломъ.

Что касается Турціи и Персіи, то здѣсь тѣлесныя наказанія въ видѣ бастонады процвѣтаютъ какъ нельзя лучше; къ нимъ прибѣгаютъ положительно ежедневно. Способъ выполненія значительно отличается отъ китайскаго: два экзекутора держатъ брусъ, къ срединѣ котораго съ помощью кольца или петли приколѣплена веревка. Въ эту послѣднюю продѣваются босыя ноги преступника такимъ образомъ, чтобы пятки были обращены кверху; самъ же наказуемый лежитъ на спинѣ. Третій палачъ до тѣхъ поръ бьетъ толстой палкой по пяткамъ жертвы, пока не послѣдуетъ знакъ со стороны распорядяющагося наказаніемъ офицера или чиновника магистратуры. Послѣ этого ноги развязываются, преступникъ отпускается, и ему предоставляется полное право лечить свои ноги, какъ и чѣмъ ему заблагоразсудится. Собственно, подобное наказаніе можетъ примѣняться въ Турціи къ лицамъ четвертаго и послѣдняго класса, какъ, на примѣръ, къ рабамъ и данникамъ (евреи, армяне, греки и т. д.). Три высшіе класса: эмиры или потомки пророка, судьи, гражданскіе и военные чины, равно какъ и свободные граждане были отъ этого наказанія изъяты. Сначала разрѣшалось давать отъ трехъ до тридцати девяти ударовъ, но затѣмъ количество послѣднихъ было увеличено до семидесяти пяти. На практикѣ же и послѣдняя норма переступалась сплошь и рядомъ, да и привилегированное положеніе не всегда принималось во вниманіе.

У древнихъ грековъ и римлянъ также существовала бастонада. Послѣдняя извѣстна была подъ разными именами: *fustigatio*, *fustum amonitio*, *fustibus coedi*, и такимъ образомъ она отличалась отъ *flagellatio* и производилась не какъ послѣдняя, розгами и плетью, а съ помощью особой палки. *Fustigatio* считалось болѣе легкимъ наказаніемъ и примѣнялось въ большинствѣ случаевъ къ свободнымъ, *flagellatio* являлось чаще всего достояніемъ рабовъ. Первая называлась также *tympanum*: наказуемаго били палками такъ, какъ это продѣлываютъ барабанщики надъ своимъ инструментомъ.

Г Л А В А XXV

Розга въ одномъ изъ восточныхъ государствъ *)

Деспотическое и полуварварское государство это съ незапамятныхъ временъ управляется плетью и розгой. Тѣлесныя наказанія въ многоразличныхъ формахъ назначаются за всевозможныя

*) Переводъ этой и послѣдующихъ трехъ главъ сдѣланъ А. З... кимъ.

преступленія, причемъ различія въ личности, общественномъ положеніи сѣкомаго въ расчетъ здѣсь не принимаются. Розга въ рукахъ полицейскихъ все еще является доминирующимъ инструментомъ, хотя и сами полицейскіе не изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній. Ни возрастъ, ни полъ не защищаютъ отъ того, чтобы провинившійся или провинившаяся не были избиты, какъ собака. Нерѣдки случаи, когда какой-либо несчастный крестьянинъ долженъ отправиться пѣшкомъ за тридцать — сорокъ верстъ въ ближайшее полицейское управленіе для того, чтобы передать тамъ записку, въ которой сообщается приказаніе „подвергнуть такого-то столькимъ-то ударамъ“. Необходимо замѣтить, что такіе „векселя на предъявителя“ всегда оплачиваются и даже нерѣдко съ высокими процентами.

Впрочемъ, населяющіе это государство подданные не особенно то сокрушаются, ибо въ крови у высокопоставленныхъ и низшихъ классовъ имѣется къ розгѣ, очевидно, особая закалка — ее переносятъ всѣ. Ни одна изъ дамъ не считаетъ ниже своего достоинства хлестать по щекамъ горничныхъ, но если прислуга оказывается иностранно-подданной, то дѣло иной разъ принимаетъ довольно опасный оборотъ. Такъ, на примѣръ, одной изъ принцессъ показалось, что дѣлавшая прическу горничная-француженка оцарапала ей кожу головы. Недолго думая, разсерженная барыня ударила дѣвушку рукой по лицу. Француженка схватила головную щетку и, не выпуская волосъ госпожи изъ своихъ рукъ, основательно избила принцессу по щекамъ и ушамъ. Само собой разумѣется, что никто не долженъ былъ узнать, что ея высочество была избита своей горничной, и такимъ образомъ аристократка промолчала и — мало того — путемъ денежныхъ подарковъ и краснорѣчія убѣдила горничную въ томъ, что происшествіе должно остаться въ глубокой тайнѣ между ними обѣими.

Въ странѣ этой палка является *ultimo ratio* одного человѣка, по отношенію къ другому. Каждое высокопоставленное лицо или же особа, состоящая на коронной службѣ, пользуется правомъ по своему желанію избить кого угодно, не дѣлая различія между поломъ, ибо въ описываемой странѣ женщины отъ избіеній не изъяты. Воспитаніе производится съ помощью палки или розги при благосклонномъ участіи родителей или солдата. Если, на примѣръ, какой-нибудь крестьянинъ не можетъ постигнуть тайнъ музыкальнаго искусства или отъ природы лишень всякаго намека на слухъ, — его награждаютъ побоями. Если солдатъ не достаточно быстро сдѣлаетъ оборотъ по командѣ, если онъ придурковатъ или вовсе глупъ, онъ получаетъ удары. За неповиновеніе работниковъ, за самые незначительные проступки прислуги, за недостаточно вѣжливое обращеніе съ господами, за все, рѣшительно за все — бьютъ!

Недѣли, дня не проходитъ безъ того — рассказываетъ одинъ изъ современныхъ писателей, — чтобы какого-либо офицера, студента, служащего не подвергли тѣлесному наказанію; за малѣйшую неосмотрительность приходится обнажать плечи и

ложиться подъ розги. Одинъ изъ прославившихся и ставшій безсмертнымъ поэтъ подвергся экзекуціи въ полицейскомъ участкѣ по приказанію самого повелителя страны. Поводомъ къ такой мѣрѣ, какъ сообщили поэту, было то обстоятельство, что розгами имѣлось въ виду умѣрить нѣсколько насмѣшливый тонъ поэта. Далѣе, упомянутый писатель повѣствуетъ, какъ нѣкій бѣдный крестьянинъ, бывшій въ обученіи у одного изъ столичныхъ парикмахеровъ, не въ состояніи былъ выносить тяжелое обращеніе своего господина и рѣшилъ подъ вліяніемъ безвыходнаго положенія наложить на себя руки. Покушеніе не удалось: самоубійца только ранилъ себя. Черезъ нѣкоторое время его выписали изъ госпиталя выздоровѣвшимъ и... высѣкли, чтобы „онъ научился жить“. Раны, образовавшіеся послѣ порки, съ такимъ же трудомъ поддавались излеченію, какъ и та рана, которую несчастный сдѣлалъ себѣ на горлѣ ножомъ, пытаясь свести счеты съ жизнью.

Но, какъ говорится, палка о двухъ концахъ, и утѣшительно, по крайней мѣрѣ, что время отъ времени приходится узнавать объ тѣхъ мѣстахъ. Такъ, на примѣръ, нѣкій богатый господинъ приказалъ заказать для себя спеціальную машину для порки; наказуемые вставлялись въ этотъ аппаратъ и прикрѣплялись къ нему, послѣ чего, благодаря особому приспособленію, деревянная палка приводилась особымъ механизмомъ въ движеніе, и жестокая экзекуція начиналась... Разумѣется, крестьяне этого самодура въ концѣ концовъ, какъ говорится, взбѣсались, и въ одинъ прекрасный день господинъ ихъ очутился самъ въ машинѣ и вынужденъ былъ испытать всѣ прелести ея на своей собственной шкурѣ.

Изумительный примѣръ особаго пристрастія этого народа къ розгѣ заимствуемъ изъ общественныхъ круговъ. Замужнія женщины считаютъ доказательствомъ любви со стороны своихъ мужей, если послѣдніе тѣлесно наказываютъ ихъ. И разъ отъ времени до времени мужья не бьютъ своихъ женъ, то это означаетъ, что къ нимъ относятся невнимательно и равнодушно. Все это наблюдается не только среди необразованныхъ женщинъ, но и въ вышихъ слояхъ населенія. Одна изъ красавицъ этой страны вышла замужъ за француза и послѣ четырнадцатидневнаго блаженства новобрачная сдѣлалась вдругъ неузнаваемой: настроеніе ея было въ высшей степени подавлено. Путемъ настойчивыхъ разспросовъ супругъ узналъ, наконецъ, истинную причину горя своей молодой супруги. „Развѣ могу я быть увѣренной въ твоей любви ко мнѣ“? сказала она. „Вотъ ужъ четыре недѣли, какъ мы поженились, а ты ни разу еще не билъ меня!“

Розга въ ходу также въ баняхъ описываемаго государства. Послѣднія же здѣсь носятъ особый характеръ. Баня состоитъ изъ не очень высокой комнаты, въ которой помѣщаются: печь, различной высоты скамьи, устроенныя въ видѣ полокъ, и большой бакъ для воды. Когда печь накаляется до-красна, ее поливаютъ водою до тѣхъ поръ, пока вся комната не наполнится парами. Неизмѣннымъ и главнымъ атрибутомъ этихъ бань служатъ березовые

вѣники съ листьями. Ранней весною огромныя количества ихъ срѣзаются спеціально для банныхъ заведеній. Передъ употребленіемъ вѣники эти погружаются на короткое время въ воду, чѣмъ имѣется въ виду сдѣлать ихъ болѣе легкими и гибкими. Послѣ этого начинается процедура поколачиванія вѣникомъ всего тѣла купающагося.

Бани, въ общемъ, производятъ положительно неопишуемое впечатлѣніе. Представьте себѣ массу людей всякаго возраста и... обоюго пола вмѣстѣ. Мужчины, дѣти, мальчики дѣвочки, старики, юноши, молодая женщины, дѣвушки, старухи — всѣ моются одновременно. Всѣ, разумѣется, одѣты такъ, какъ полагается быть одѣтымъ въ банѣ, т. е. абсолютно голые. Все это смѣется, разговариваетъ, остритъ, обливаетъ другъ друга почти кипящею водою и угощается взаимными поколачиваніями березовымъ вѣникомъ. Послѣ купанья всѣ въ Адамовомъ костюмѣ выбѣгаютъ изъ жарко натопленной бани на улицу, гдѣ начинаютъ валяться подъ открытымъ небомъ въ снѣгу.

Вотъ что рассказываетъ одинъ изъ путешественниковъ.

„Когда я открылъ входную дверь, чтобы взглянуть внутрь бани,— мнѣ, вслѣдствіе густоты наполнявшихъ помещеніе водяныхъ паровъ, рассмотреть ничего не удалось. Точно также, кромѣ общаго гула массы голосовъ, я не разобралъ ни одного слова: слышалось точно пчелиное жужжаніе да похлопываніе вѣниковъ по голому тѣлу“.

Нѣкоторые изъ правителей этой страны особенно отличались въ области рукоприкладства, причемъ за нѣсколькими сохранилась репутація въ высшей степени изобрѣтательныхъ на придумываніе утонченныхъ мукъ людей. Одинъ изъ нихъ, прославившійся преобразованіемъ страны, какъ это всѣмъ извѣстно, наказывалъ впавшихъ къ нему въ немилость приближенныхъ изъ благороднаго званія тѣмъ, что заставлялъ ихъ разыгрывать роль шутовъ. Съ момента отдачи подобнаго приказанія опальный становился несчастной жертвой и мишенью для насмѣшекъ со стороны окружающихъ. Онъ пользовался правомъ говорить все, что ему вздумается, но въ то же время долженъ былъ быть готовымъ къ тому, чтобы безъ всякаго сопротивленія подвергнуться поркѣ со стороны какого нибудь барина, усмотрѣвшаго въ острогахъ шута личную обиду. Все, что бы ни дѣлалъ онъ, осмѣивалось окружающими, его жалобы, его стоны и вопли принимались за шутку, чѣмъ больше онъ поносилъ или оскорблялъ кого нибудь, тѣмъ одареннѣе считался онъ, какъ шутъ и дурачокъ. Особенной способностью и ловкостью обходиться со своими шутами отличалась одна изъ давно уже скончавшихся правительницъ; она проявляла при этомъ столько комизма, что никто не могъ удержаться отъ смѣха. Одинъ изъ малолѣтнихъ принцевъ въ чемъ-то какъ-то провинился и получилъ приказаніе превратиться въ курицу. Коронованная мать приказала устроить большую корзину и предназначила ее на роль насѣсти; затѣмъ она вложила на дно этого гнѣзда яйца и приказала поставить послѣднее въ одной изъ главныхъ залъ

дворца и при томъ на самомъ видномъ мѣстѣ. Подъ страхомъ смертной казни наказанный принцъ долженъ былъ усѣсться въ корзину и кудахтать возможно громче курицей.

Наиболѣе жестокой въ смыслѣ экзекуцій считалась другая правительница, видѣвшая въ поркахъ любимое развлеченіе, которое, вѣрнѣе, должно быть названо страстью; она никогда не церемонилась и не считала зазорнымъ своими собственными руками наказывать провинившихся розгой. Очень часто, подъ вліяніемъ скуки, она принималась съчъ прислугу, испытывая при этомъ огромное удовольствіе. При экзекуціяхъ дѣвушекъ мужская прислуга брала послѣднихъ на плечи. Время отъ времени и на долю придворныхъ дамъ доставалось такъ называвшееся „элегантное наказаніе“, и все это предпринималось исключительно для обоюднаго развлеченія. Рассказываютъ при этомъ, что правительница заставляла фрейлинъ наряжаться въ дѣтскія платья и вести себя, какъ подобаешь малымъ ребятамъ. Сама же она разыгрывала роль матери и, какъ таковая, „любя“ наказывала своихъ „дѣвочекъ“. Иногда она называла себя гувернанткой и задавала своимъ ученицамъ по неволѣ настолько сложныя и мудренныя задачи, что разрѣшить ихъ ни одна изъ фрейлинъ не могла, въ результатѣ чего — порка. Фантазія ея доходила до того, что иногда она одѣвалась римской матроной, окруженной рабами, которыхъ и наказывала розгами, то сама, то поручая избивать наказанныхъ бутафорскимъ рабамъ.

И въ сферѣ другихъ развлеченій у правительницы этой былъ особенный вкусъ. Въ одной изъ лѣтнихъ резиденцій своихъ она разгуливала въ мужскомъ костюмѣ, въ такомъ же видѣ появлялась на охотѣ и предпочитала ѣздить верхомъ по-мужски. Дамское сѣдло ея было устроено такимъ образомъ, что по желанію всегда превращалось въ мужское. О нравахъ того времени вообще можно судить по слѣдующему приказу, разосланному правительницей знатнымъ особамъ: „Ни подъ какимъ предлогомъ никому изъ дамъ не разрѣшается напиваться пьяной; мужчины до девяти часовъ вечера обязательно должны быть тверезы. Играющія въ фанты или подобныя игры дамы должны вести себя при этомъ прилично. Никто изъ мужчинъ не смѣетъ безъ разрѣшенія цѣловать даму, никто также не имѣетъ права въ обществѣ бить даму подъ страхомъ исключенія изъ придворнаго званія“.

Сколь краснорѣчиво говоритъ за себя это „быть тверезымъ“ до 9 часовъ!

И даже князь, самый значительный послѣ правительницы человекъ, забавлялся обычно тѣмъ, что въ комнатѣ хлесталъ плетью прислугу, и камердинеры должны были прыгать изъ одного угла въ другой, чтобы избѣгнуть довольно чувствительныхъ ударовъ. Далѣе, онъ устраивалъ въ компаніи съ дворней ночныя оргіи, и когда слуги напивались, то забывали вовсе, съ кѣмъ сидятъ за столомъ, и совершенно игнорировали своего повелителя, не обращая никакого вниманія на высокій титулъ его. Дѣло

доходило до того, что князю приходилось напоминать холопамъ о своемъ званіи съ помощью солидной дубинки...

Объ одномъ изъ правителей нѣкій біографъ его говоритъ, что исторія затрудняется подыскать ему подходящее прозвище. Она не знаетъ, называть ли его „коронованнымъ Донъ-Кихотомъ“, „испорченнымъ унтеръ-офицеромъ“ или „высѣченной розгами бабой“.

Народъ въ этой странѣ буквально стоналъ при упомянутомъ только-что правителѣ отъ розги. Самъ повелитель въ высшей степени третировалъ своихъ приближенныхъ, послѣдніе вымещали злобу на подвѣдомственныхъ имъ чинахъ, а эти, въ свою очередь, вооружались палкой и подымали ее на слабѣйшихъ. „Крестьянина здѣсь билъ каждый. Билъ его баринъ, если только снисходилъ до этого, билъ его управляющій, билъ надсмотрщикъ, били служащіе и вообще всѣ, кто имѣлъ счастье именоваться не-крестьяниномъ. На комъ могъ вымещать злобу несчастный? Конечно, на женѣ, дѣтяхъ и скотинѣ, которыхъ онъ колотилъ немилосердно!“

Вотъ уголокъ картины, наброшенный упомянутымъ выше біографомъ и историкомъ. А такъ какъ онъ самъ принадлежалъ къ вѣрноподаннымъ страны, то, слѣдовательно, не довѣряетъ ему нѣтъ основаній.

„Наоборотъ, „благородные“ пользуются совершенно другой жизнью. Они живутъ себѣ припѣваючи въ своихъ имѣніяхъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми и безчисленнымъ количествомъ крѣпостной челяди. Они поистинѣ наслаждаются жизнью, имъ можетъ позавидовать каждый. Въ своихъ владѣніяхъ, господа, вы являетесь неограниченными властелинами, все дрожить, все трепещетъ при одномъ только звукѣ вашего голоса! Если вы прикажете „всыпать“ Жаку или Джону двѣсти розогъ, то ваше приказаніе исполняется безпрекословно, и спина несчастнаго черезъ нѣсколько минутъ становится черной, какъ смола“.

Въ тюрьмахъ этой страны заключенныхъ порютъ безжалостно и часто бьютъ въ полицейскихъ камерахъ для арестованныхъ, но большая публика объ этомъ ничего не знаетъ. Послѣднія свѣдѣнія мы получили отчасти отъ господина М. Пернэ, француза, проживавшего нѣкоторое время въ описываемой странѣ и попавшаго подъ „покровительство“ полиціи за показавшіяся начальству нѣсколько невоздержанныя рѣчи. Его заключили потомъ въ тюрьму, но по ходатайству французскаго посла освободили и, не выслушавъ никакихъ объясненій, выслали за-границу. Находясь въ тюрьмѣ, онъ былъ заключенъ въ камеру, отдѣлявшуюся тонкой перегородкой отъ сосѣдняго помѣщенія, въ которомъ производились экзекуціи крѣпостныхъ по приказанію своихъ господъ. Такимъ образомъ, Пернэ имѣлъ возможность довольно близко познакомиться съ тайнами острога и получилъ ясное представленіе о той роли, какую играло въ тюрьмѣ тѣлесное наказаніе.

Между прочимъ, ему пришлось быть свидѣтелемъ экзекуціи, совершенной надъ двумя молодыми дѣвушками, служившими

мастерицами у парикмахерши древней столицы. Госпожа ихъ въ числѣ прочихъ правилъ, введенныхъ въ ея мастерской, запрещала „имѣть провожатыхъ“, а объ дѣвушки, вопреки этому, впустили къ себѣ двухъ своихъ возлюбленныхъ. При поркѣ присутствовала уполномоченная отъ парикмахерши, которая просила сильнѣе наказывать провинившихся. Всего каждая жертва получила сто восемьдесятъ ударовъ. Нерѣдко въ тюрьму управляющіе имѣніями доставляли крѣпостныхъ, которые тутъ же и наказывались.

Красивая крестьянская дѣвушка — рассказываетъ далѣе Пернэ — была обручена и всячески уклонялась отъ ухищреній своего господина, который, не обращая вниманія на жениха, старался соблазнить ее. Потерпѣвъ неоднократныя неудачи, обозленный помѣщикъ обвинилъ въ чемъ-то несчастную дѣвушку и послалъ ее въ тюрьму. Здесь ее раздѣли донага и разложили на скамьѣ; мужчины крѣпко держали ее, а сѣкшій съ такимъ усердіемъ выполнялъ данное ему порученіе, что спустя три мѣсяца дѣвушка никакъ не могла еще придти въ себя.

Писательница-англичанка, посвятившая интересующей насъ въ этой главѣ страны особую книгу, рассказываетъ, какъ одна дама изъ великосвѣтскаго общества, воспользовавшись присутвіемъ на маскарадномъ балу самого правителя, стала нашептывать ему на ухо о томъ, о семъ и, между прочимъ, зашла въ своей откровенности слишкомъ далеко. По выходѣ изъ собранія за ней послѣдовалъ шпіонъ, открылъ инкогнито смѣлой маски, а на слѣдующій день она была приглашена къ могущественному въ то время графу **. Тамъ ее усадили на стулъ, который во время допроса внезапно опустился вмѣстѣ съ возсѣдавшей на немъ дамой въ расположенную подъ поломъ комнату, и здѣсь несчастную высѣкли розгами, словно маленькую дѣвочку.

Вскорѣ послѣ объявленія раззорительной для описываемой страны войны, къ состоятельнымъ классамъ населенія было выпущено воззваніе, которымъ всѣ приглашались жертвовать въ пользу раненыхъ бывшее въ употребленіи полотно и корнію. Среди прочихъ пріѣзжихъ въ день обнародованія упомятаго воззванія прибыла въ древнюю столицу жена одного губернатора. Узнавъ о содержаніи обращенія, губернаторша передавала, что ей пришлось слышать разговоръ, изъ котораго ясно, что враги такъ дружно сплотились, что вскорѣ завоюютъ всю страну, „и тогда“ — прибавила въ шутку отъ себя губернаторша — „запасы полотна и корпіи болѣе вовсе не понадобятся“. Объ этомъ полномъ іроніи замѣчаніи любители донесли властямъ, и болтливую даму пригласили пожаловать въ судъ. На допросѣ она не отрицала произнесенныхъ словъ, которыя въ глазахъ начальства показались въ высшей степени предательскими и рассчитанными на то, чтобы лишить извѣстнаго воинственнаго подъема отправлявшихся на поле брани войскъ.

Судъ приговорилъ губернаторшу къ немедленному наказанію, плетью, каковое тутъ же и было приведено въ исполненіе, несмотря

на то, что судейскій дворъ былъ пѣ еполненъ посторонней публикой. Распоряженіемъ начальства часть его посрединѣ была очищена отъ народа, и тутъ-то разложили обезумѣвшую отъ ужаса и неожиданности даму. Экзекуторъ-спеціалистъ задралъ юбки своей жертвы, и по обнаженному тѣлу засвистѣла плетка. Уже послѣ двѣнадцатаго удара замѣтны были брызги крови. Тѣмъ не менѣе палачъ нанесъ положенное судомъ количество ударовъ.

Намъ извѣстно, что въ странѣ этой неоднократно наказывали тѣлесно дамъ самого высшаго круга; по поводу подобныхъ экзекуцій въ литературѣ приведено множество фактовъ. Въ одной изъ германскихъ газетъ, на примѣръ, сообщалось, что три красавицы-дамы прямо съ бала правителя страны, въ собственныхъ экипажахъ, разодѣтыя въ шелкъ, кружева и бархатъ, были отправлены въ полицейскій участокъ и тамъ наказаны розгами.

Объясненій при этомъ никакихъ дано не было; только на прощанье было рекомендовано держать язычки за зубами. На другомъ придворномъ балу *maitre d'hotel* вдругъ вѣжливо пригласилъ нѣсколькихъ, непринужденно болтавшихъ между собою дѣвицъ слѣдовать за собой и привелъ ихъ въ одну изъ отдаленныхъ комнатъ дворца. Тамъ ихъ заставили стать на колѣни, причемъ одна изъ служительницъ высѣкла каждую поочередно ихъ же собственными атласными башмачками. Послѣ экзекуціи смущенныхъ дѣвицъ развезли по домамъ.

Женскую прислугу сѣкутъ здѣсь за самые маловажные проступки. Обычно дѣло наказанія поручается управляющему, который собираетъ нѣсколькихъ приговоренныхъ къ поркѣ и обставляетъ дѣло такъ, что наказываемую „преступницу“ держитъ на своей спинѣ другая „грешница“, которую будутъ сѣчь вслѣдъ за первой.

Опубликованы также случаи массоваго наказанія балеринъ казенной школы, а намъ лично рассказывали, какъ нѣкій помѣщикъ время отъ времени наказывалъ розгами своихъ дочерей, какъ равно и гувернантокъ послѣднихъ. Далѣе сообщаютъ, какъ у одной знатной дамы существовалъ особый штатъ женской прислуги изъ шести человекъ. Одѣвали всѣхъ ихъ въ высшей степени нарядно, уходъ за ними былъ установленъ самый добросовѣстный. За все это имъ вмѣнялось въ обязанность смиренно и безропотно переносить всяческія наказанія, налагаемыя на нихъ госпожей и повелительницей. Такъ, на примѣръ, ихъ заставляли цѣловать розгу передъ и послѣ экзекуціи, самимъ раздѣваться для порки, благодарить госпожу за милостивое наказаніе и проч. Эта же дама точно такимъ же образомъ наказывала своихъ пажей, не смотря на то, что въ большинствѣ случаевъ это были мальчики двѣнадцати-тринадцати лѣтъ.

Поистинѣ, съ розгой здѣсь шутить не приходится!

Кнутъ

Въ описываемой странѣ имѣется много орудій и инструментовъ наказанія и пытки, еще не упомянутыхъ нами въ предыдущемъ изложеніи. Одинъ изъ такихъ инструментовъ носить названіе *plit*; состоитъ онъ изъ куска желѣза, которое сначала нагрѣвается, затѣмъ вкладывается въ нагрѣтую въ свою очередь желѣзную коробку, причемъ приговоренный къ наказанію долженъ держать послѣднюю въ своей рукѣ. Далѣе, *славится* *tonniquet*, т. е. тиски для большого пальца, которые сжимаются до тѣхъ поръ, пока запрессованныя части не раздробятся вовсе. Для тѣлесныхъ наказаній здѣсь въ ходу палка, плеть и кнутъ. Плеть готовится изъ полосъ сырой кожи, въ окончаніе которыхъ заложены маленькія свинцовыя пульки. Главнымъ же орудіемъ является кнутъ, перенятый описываемой страной отъ татаръ. Это — наиболѣе ужасный инструментъ наказанія, когда либо выдуманный человѣчествомъ.

Описанія кнута разнятся одно отъ другого. Суммируя всѣ данныя, можно сказать, что онъ состоитъ по большей части изъ плотнаго, тяжелаго кожанаго ремня, имѣющаго въ длину приблизительно восемь футовъ; укрѣпляется этотъ ремень къ деревянной ручкѣ длиною въ два фута. Самъ ремень имѣетъ видъ довольно широкой ленты, согнутой такимъ образомъ, что стороны ея представляютъ собою два острыхъ края. Попадаются кнуты, обтянутые проволокой, заканчивающейся небольшимъ крючкомъ. При каждомъ ударѣ этимъ ужаснымъ орудіемъ острые края его до того сильно раздираютъ спину наказуемаго, что получается впечатлѣніе удара обоюдоостраго ножа; кромѣ того, палачъ никогда не поднимаетъ со спины кнута, а медленно протягиваетъ его по кожѣ, вслѣдствіе чего маленькій крючокъ въ концѣ ремня обрываетъ каждый разъ тонкіе куски мяса.

Мотрайнъ описываетъ кнутъ, рисуя его въ видѣ плети, сдѣланной изъ кожи стараго осла; ширина его приблизительно въ одинъ дюймъ. До употребленія кожа вываривается въ уксусѣ и обрабатывается кобыльимъ молокомъ.

Графъ де Лагни говоритъ: „кнутъ состоитъ изъ толстаго кожанаго ремня, нарѣзаннаго въ видѣ треугольника; въ длину онъ имѣетъ отъ трехъ до четырехъ локтей, ширина его одинъ дюймъ. Одинъ конецъ — болѣе широкой, другой уже и прикрѣпленъ къ ручкѣ, имѣющей два фута въ длину.

Одинъ изъ преобразователей-правителей страны ограничилъ количество ударовъ кнутомъ сто однимъ, но такъ какъ ни одинъ изъ наказываемыхъ такого числа не вынесъ, то это количество приходилось постепенно понижать. Въ своемъ сочиненіи, относящемся къ 1852 году, баронъ Гартгаузенъ сообщаетъ, что употребленіе кнута во время его пребыванія было совершенно оставлено. Наказанный незаслуженно кнутомъ имѣлъ право получить изъ

суммъ суда по 200 рублей за каждый нанесенный ему ударъ. Чтобы наказаніе было еще болѣе чувствительнымъ, преступнику полагалось ложиться подъ кнутъ только въ одной парѣ панталонъ.

Процедура экзекуціи совершалась слѣдующимъ образомъ. Приговореннаго укладывали на деревянную скамью животомъ внизъ, руки и ноги его аккуратно вытягивались и фиксировались къ кольцамъ, прибитымъ въ поперечные края скамейки. Голова до того сильно прижималась къ дереву, что у жертвы не было никакой возможности кричать, что въ значительной мѣрѣ увеличивало болевое ощущеніе. Правильное и умѣлое примѣненіе кнута требовало продолжительнаго изученія, а также крѣпкихъ нервовъ и мускуловъ. Въ палачи постоянно назначался одинъ изъ преступниковъ, приговоренный къ тому же наказанію, которое онъ выполнялъ послѣ своего помилованія на другихъ. Послѣ двѣнадцати лѣтъ службы его отпускали на волю и препровождали на родину, но во время несенія обязанностей палача его содержали подъ строгимъ заключеніемъ и выпускали изъ камеры только тогда, когда необходимо было произвести экзекуцію надъ приговореннымъ къ тѣлесному наказанію преступникомъ. Въ тюрьмахъ же опытные палачи подготовляли учениковъ и обучали своему ремеслу будущихъ истязателей. Упражненія производились ежедневно, для каковой цѣли примѣнялась человѣческая фигура изъ тряпокъ, набитыхъ соломой или конскимъ волосомъ. Ученики посвящались во всѣ тайны экзекуторскаго искусства и получали отъ своего ментора указанія по поводу того, какимъ образомъ возможно наносить то ужасно сильные, то вовсе слабые удары.

Примѣненіе той или иной степени строгости находилось въ зависимости не только отъ квалификаціи совершеннаго жертвой преступленія, но также — и, пожалуй, болѣе всего — отъ величины подарка, получаемого палачомъ передъ поркой въ видѣ подкупа. Ученики обучались многочисленнымъ комбинаціямъ: какъ съчъ по бедрамъ, какъ угощать разбойника, какъ наказывать за мелкія преступленія, какъ вызвать немедленную смерть, заставить жертву вывернуть себѣ затылокъ, какъ съчъ такъ, чтобы преступникъ умеръ на второй или на третій день послѣ экзекуціи, какъ для этого слѣдуетъ подводить плеть или кнутъ вокругъ туловища и такимъ образомъ наносить серьезныя поврежденія грудной клѣткѣ или расположеннымъ въ животѣ важнѣйшимъ органамъ... Искусные палачи, въ совершенствѣ изучившіе свое ремесло, показывали удивительные куншттюки, умѣя захватить кнутомъ только кружокъ величиною съ полтинникъ, не задѣвая при этомъ близъ лежащихъ частей. Иные изъ нихъ однимъ размахомъ своего страшнаго инструмента превращали кирпичи буквально въ пыль.

Госпожа Л. пережила наказаніе кнутомъ. Исторія ея жизни встрѣчается во многихъ описаніяхъ. Она слыла одной изъ красивѣйшихъ женщинъ при дворѣ правительницы и была уличена

въ томъ, что принимала будто бы участіе въ подготовлявшейся государственной измѣнѣ, надѣясь на защиту своего возлюбленнаго, занимавшаго постъ одного изъ иностранныхъ посланниковъ. Согласно перваго приговора, L. была присуждена къ отрѣзанію языка съ послѣдующимъ колесованіемъ, но правительница смягчила приговоръ, если это только можно назвать смягченіемъ, и замѣнила его наказаніемъ кнутомъ и ссылкой. L. появилась на эшафотъ въ полнѣйшемъ *negligée*, но это только увеличило ея неописуемую красоту. До послѣдняго момента она была твердо убѣждена въ томъ, что кто либо изъ многочисленныхъ друзей, восхищавшихся ея красотой и остроуміемъ, неожиданно явится къ ней на помощь. Но ея умоляющій взглядъ встрѣчалъ повсюду либо совершенно равнодушныя, либо любопытствующія лица. Когда палачъ дотронулся до ея одежды, она сдѣлала попытку отстранить его. Напрасно! Черезъ нѣсколько мгновеній L. была обнажена до пояса, причемъ при взглядѣ на несчастную женщину, полумертвую отъ стыда и отчаянія, въ толпѣ пронесся ропотъ состраданія... Тѣмъ не менѣе одинъ изъ помощниковъ палача схватилъ ея руки и быстро повернулся, такъ что жертва повисла у него на спинѣ, причемъ ноги L. болтались на воздухѣ. При первомъ же ударѣ отдѣлилась полоса кожи отъ самой спины до бедеръ. Черезъ нѣсколько мгновеній вся спина несчастной опухла, изъ ранъ струились потоки крови. Послѣ наказанія кнутомъ ей вырѣзали языкъ, и лишенная дара слова была отправлена въ дальнюю ссылку, чтобы тамъ до конца дней своихъ влечить самое жалкое существованіе. Не смотря на столь ужасныя испытанія, L. пережила ихъ и при слѣдующемъ правителѣ была возвращена изъ ссылки — рѣдкій случай, чтобы женщина могла вынести такое наказаніе, во время приведенія котораго въ исполненіе обычно умирали мужчины, отличавшіеся и большей выносливостью, и болѣе сильнымъ строеніемъ организма.

Упомянутая нами уже выше писательница-англичанка въ одномъ изъ своихъ очерковъ сообщаетъ о студентѣ, подвергнутомъ наказанію кнутомъ за избіеніе своего профессора. Два раза этотъ юноша, отличавшійся недюжиннымъ дарованіемъ, но и крайней бѣдностью, писалъ съ большой усидчивостью сочиненіе на премію и заслуживалъ послѣднюю, но ничего не получалъ, ибо одинъ изъ профессоровъ ревновалъ его къ женщинѣ и не нашелъ болѣе подходящаго способа, чтобы чѣмъ нибудь досадить своему сопернику. Студентъ сдѣлалъ третью попытку, несмотря на то, что жилъ при ужасныхъ условіяхъ и по цѣлымъ днямъ буквально голодалъ. Не обращая вниманія на тяжелую жизненную обстановку, юноша усердно работалъ, такъ какъ вся его будущая карьера находилась въ зависимости именно отъ полученія преміи. Всѣ профессора признали его достойнымъ награды, за исключеніемъ одного, голосъ котораго, къ сожалѣнію, являлся рѣшающимъ. Ни за что не соглашаясь съ коллегами, черствый человекъ этотъ не остановился предъ подлостью и набросилъ тѣнь на репутацію студента.

Въ порывѣ отчаянія несчастный юноша, сынъ существовавшей безъ всякихъ средствъ къ жизни вдовы, съ голодной смертью въ перспективѣ, лишенный всякихъ надеждъ, набросился на своего мучителя и побилъ его. Студента предали суду, доложили о его поступкѣ правителю, который лично распорядился наказать его кнутомъ. Согласно приказа, на экзекуціи должны были присутствовать всѣ профессора и студенты университета, и еще задолго до окончанія трагедіи многіе изъ нихъ впали въ обморочное состояніе. Вскорѣ послѣ первыхъ ударовъ приговоренный скончался, но тѣмъ не менѣе положенное количество плетей было нанесено его трупу.

Въ 1823 году къ наказанію кнутомъ были присуждены семь татаръ, занимавшихся въ описываемой странѣ грабежами и убійствами. Приговоромъ суда наказаніе должно было быть приведено въ исполненіе именно въ тѣхъ городахъ, гдѣ разбойники совершали преступленія. Такимъ образомъ ихъ сначала били въ одномъ городѣ, а затѣмъ въ цѣпяхъ доставляли для дальнѣйшей экзекуціи въ другой. Порка производилась на рыночныхъ площадяхъ въ присутствіи сотенъ любопытныхъ зрителей. Преступниковъ поочередно привязывали къ позорному столбу съ кольцомъ въ верхней части его; въ послѣднее продѣвалась голова и фиксировалась при этомъ такъ, что жертва лишена была возможности кричать. Затѣмъ руки и ноги также привязывались къ столбу, причѣмъ пластырь, наклеенный на раны послѣ предшествовавшей экзекуціи, обязательно сдирался.

Приглашенный на мѣсто экзекуціи татарскій священникъ перечислялъ совершенныя присужденными къ наказанію кнутомъ преступленія, а также прочитывалъ полностью состоявшійся надъ ними приговоръ. Такая лекція продолжалась приблизительно полчаса. Ремень кнута былъ очень толстъ, почти въ руку взрослога человѣка. Съ такимъ инструментомъ послѣ священника приближался къ своей жертвѣ палачъ, и раздавался свистъ перваго удара. Затѣмъ палачъ отходилъ шаговъ на сорокъ назадъ и снова приближался къ преступнику. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока положенное количество ударовъ не было отсчитано полностью. При каждомъ ударѣ появлялись брызги крови, но, благодаря указаннымъ выше мѣрамъ, ни одинаго крика или стога не раздавалось. Вслѣдъ за первымъ наступала очередь второго и т. д. Затѣмъ всѣхъ наказанныхъ отвязывали отъ столба, обклеивали пластыремъ и укладывали на повозку, гдѣ каждый ожидалъ окончанія наказанія надъ своимъ товарищемъ.

Уже во второмъ городѣ одинъ изъ нихъ умеръ, никто же изъ остальныхъ шести не дожилъ до послѣдняго этапа.

Другой родъ наказанія называется здѣсь бѣгомъ „сквозь строй“, подъ ударами шпицрутеновъ. Чаше всего наказаніе это примѣняется въ арміи, хотя довольно продолжительное время подъ шпицрутенами стонали жители одной изъ провинцій описываемой страны. Послѣ того, какъ приговоръ прочитывался передъ собравшимся на плацу или казарменномъ дворѣ полкомъ, палачъ

привязывалъ руки преступника къ стволу своего ружья; другой солдатъ шель впереди наказываемаго и держалъ передъ нимъ также ружье, но штыкъ послѣдняго былъ обращенъ на подсуди-маго, приблизительно на высотѣ живота его. Барабанный бой возвѣщалъ начало экзекуціи. Преступникъ, голова котораго была выбрита до гола, начиналъ шествіе среди двухъ рядовъ солдатъ, образовавшихъ собою длинную шеренгу съ каждой стороны. Каждый изъ этихъ солдатъ былъ вооруженъ длиннымъ орѣшниковымъ прутомъ и долженъ былъ нанести имъ ударъ своему провинившемуся товарищу, когда послѣдній поравняется съ нимъ. Если наказываемый имѣлъ намѣреніе ускорить шаги, чтобы такимъ образомъ сократить время экзекуціи, онъ натыкался на обращенный къ его тѣлу штыкъ; чтобы воспрепятствовать ему уклоняться въ стороны, назначались два солдата.

Крайне рѣдко кому либо удавалось пройти вдоль всей линіи выстроенныхъ съ розгами солдатъ; когда же несчастный впадалъ въ обморочное состояніе, его отправляли въ лазаретъ съ тѣмъ, чтобы послѣ поправки снова подвергнуть полному количеству опредѣленныхъ судомъ ударовъ. Одинъ изъ правителей установилъ наносить при наказаніи шпицрутенами двѣнадцать тысячъ ударовъ, но если приговоромъ не имѣлось въ виду забить преступника до смерти, то назначалось только двѣ тысячи ударовъ.

Наличность сектантства въ описываемой странѣ являетъ собою удивительную главу въ исторіи религіознаго фанатизма, и такимъ образомъ мы не должны удивляться тому обстоятельству, что именно здѣсь сильно процвѣтаетъ флагеллянтизмъ, пожалуй, въ такой степени, какая въ остальной Европѣ наблюдалась только въ средневѣковый періодъ. Здѣсь существуетъ, на примѣръ, секта, послѣдователи которой носятъ названіе „мужей старой вѣры“; въ опредѣленное время мужчины и женщины сходятся въ назначенномъ мѣстѣ, обнажаютъ тѣло до пояса и, стоя босикомъ на усыпанной мелкимъ щебнемъ землѣ, хлещутъ другъ друга до-крови. Богослуженіе у этихъ хлыстуновъ совершается въ видѣ дикой пляски, сопровождаемой свирѣпымъ бичеваніемъ. Посреди комнаты, играющей роль молельни, стоитъ сосудъ съ водой, въ которой смачиваютъ руки и изъ которой пьютъ воду. Затѣмъ начинается пляска и взаимное истязаніе, продолжающіяся до тѣхъ поръ, пока люди не валятся безъ силъ на полъ, бьются въ судорогахъ и произносятъ безсвязныя рѣчи, почитаемыя, какъ пророческія слова. Ежегодно въ Страстную Субботу у нихъ установленъ праздникъ въ честь Божьей Матери, во время котораго избранная на роль жертвы молодая дѣвушка до того жестоко избивается сектантами, что на вѣки остается изуродованной.

Другая секта основываетъ свое вѣроученіе на словесномъ комментированіи девятнадцатой главы Матѳея. Они убѣждены, что весь міръ переполненъ одними грѣшниками, и что всѣ населяющіе землю люди должны вымереть, ибо достойны за свое поведеніе только смерти. На бракъ поэтому сектанты смотрятъ, какъ на смертный грѣхъ. Но пока люди еще не вымерли, такъ сказать,

съ корнемъ, они должны оставаться, по крайней мѣрѣ, добродѣтельными, въ половомъ отношеніи безупречными и не употребляющими спиртныхъ напитковъ. Сектанты призваны давать живой примѣръ всѣмъ братьямъ. У cadaго изъ нихъ имѣется паспортъ, подписанный самимъ Иисусомъ Христомъ, чѣмъ гарантируется свободный пропускъ въ рай; при жизни же они видятъ свое назначеніе въ томъ, чтобы проповѣдывать ближнимъ необходимость прекращенія всего рода человѣческаго. А если они вообще существуютъ на свѣтѣ, то только лишь для того, чтобы убѣждать другихъ въ томъ, что жизнь сама по себѣ представляется грѣхомъ. И если бы у нихъ не было этого священнаго призванія, то они давнымъ-давно поголовно наложили бы на себя руки.

Поскольку описанная „догма“ совмѣщаетъ это, упомянутая секта причисляетъ себя къ ортодоксальной церкви.

Г Л А В А XXVII

Розга въ Россіи

„Полвѣка отдѣляетъ насъ, говоритъ Жбанковъ“ *) , отъ того ужаснаго мрачнаго времени, когда большинство русскаго населенія — крестьяне — находилось въ рабскомъ состояніи, когда личность въ Россіи вовсе не уважалась, и тѣлесныя наказанія и всякія насилія и надругательства были бесконечно распространены повсюду и надъ всѣми: „мудрено было прожить въ Россіи безъ битья“. Рабство, угнетенія и позорныя наказанія развращали всѣхъ, не проходили безслѣдно и для высшихъ сословій, по всѣмъ гуляла властная рука, вооруженная розгой, кнутомъ, плетью, палкой, шпицрутенами. Конюшня для крестьянъ, „сквозь строй“ и дисциплинарные батальоны для военныхъ, эшафотъ — плети, шпицрутены и кнутъ для преступниковъ, бурса, корпуса и другія учебныя заведенія, не исключая и высшихъ, для дѣтей и юношей, третье отдѣленіе съ розгами для вольнолюбивыхъ чиновниковъ и державная „дубинка“ для вельможъ; стыдъ и женская честь не признавались, и женщины отъ крестьянокъ до знатныхъ дамъ также наказывались позорно и публично. Какъ щедро разсыпались позорныя и ужасныя по страданіямъ наказанія, достаточно привести нѣсколько примѣровъ.

Въ гимназіяхъ Кіевскаго округа въ самомъ концѣ 50-хъ годовъ пороли ежегодно отъ четверти до половины всѣхъ учениковъ. Въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ было еще хуже, и били

*) Жбанковъ. «Когда прекратятся тѣлесныя наказанія въ Россіи». Весь отдѣлъ «Розга в Россіи» составленъ д-мъ медиц. А. З-мъ.

Переводчикъ.

артистически, съ наслажденіемъ, пороли „на воздусяхъ“, подъ колоколомъ, солеными розгами, давали по 300 и болѣе ударовъ, наказанныхъ замертво на рогожѣ уносили въ больницу; часто наказывали десятаго, полкласса, весь классъ. Извѣстный писатель Помяловскій за время ученія въ семинаріи былъ высѣченъ цѣлыхъ *четыреста разъ* и потомъ онъ часто спрашивалъ: „пересѣченъ я или еще не досѣченъ?“ Не этой ли распространенностью розогъ въ духовныхъ училищахъ нужно объяснить тотъ грустный фактъ, что наши духовные — эти представители религіи Милосердія и Любви — всегда отстаивали тѣлесныя наказанія. Въ началѣ 60-хъ годовъ за нихъ горячо ратовалъ московскій митрополитъ Филаретъ, и его защита позорныхъ розогъ оказала большое вліяніе. Три года тому назадъ епископъ Витебскій Серафимъ также писалъ: „А кто же не знаетъ, насколько такія событія, какъ тѣлесное наказаніе, расширяють и проясняютъ умственный кругозоръ потерпѣвшаго, разомъ снимая съ дѣйствительности ея фальшивыя прикрасы и показывая размѣръ способности пострадавшаго къ благодушному перенесенію такихъ жестокихъ испытаній?“ Въдѣ эти слова — явное надругательство надъ здоровымъ разсудкомъ и лучшими чувствами людей, — но не для себя и не для своихъ хвалили эти проповѣдники позорныя и мучительныя кары, иначе ихъ благодушіе замѣнилось бы жаждой мести. Такое жестокое воспитаніе дѣтей было прежде обычно и въ самыхъ высшихъ сферахъ, такъ Ламздорфъ, воспитатель Императора Николая I, позволялъ себѣ бить его линейками, шомполами, хваталъ мальчика за воротникъ или за грудь и ударялъ его объ стѣну такъ, что онъ почти лишался чувствъ, — и это дѣлалось не тайно, а записывалось въ дневники. Разъ позоръ и страданія отъ битья не признавались въ высшихъ сословіяхъ, то что же продѣлывалось съ низшими и крѣпостными?

Въ самомъ концѣ 50-хъ годовъ сотни женщинъ ежегодно наказывались плетми и розгами, и многія изъ нихъ публично на эшафотѣ. Солдатамъ и преступникамъ плети назначались сотнями, а шпицрутены тысячами, и это было гораздо ужаснѣе и мучительнѣе смертной казни; тѣло наказанныхъ обращалось въ рубленое мясо, и они обыкновенно умирали или во время наказанія или вскорѣ послѣ него (свирѣпый палачъ могъ убить однимъ-двумя ударами кнута или плети). И въ то же время Россія гордилась передъ иностранцами, что у насъ нѣтъ смертной казни. Такъ, Императоръ Николай I, въ видѣ акта милосердія, на рапортѣ о двухъ приговоренныхъ къ смертной казни написалъ: „виновныхъ прогнать сквозь 1000 челоуѣкъ 12 разъ (т. е. они должны были получить по 12.000 ударовъ шпицрутенами). Слава Богу, смертной казни у насъ не бывало, и не мнѣ ее вводить“. Конечно, наказанные умерли. Наконецъ, съ безотвѣтными крѣпостными не стѣснялись, ихъ били, кто, какъ и сколько хотѣлъ; не даромъ поэтъ сказалъ, что по народнымъ спинамъ, „прошли лѣса дремучіе“. Били ихъ помѣщики, пощія, бурмистры и всякіе управляющіе;

не отставали и дамы, изводившія побоями населеніе „дѣвичьихъ“, били по формѣ — на конюшнѣ, били и походя; число ударовъ не считалось, но помѣщики могли назначать отъ 1000 до 5000 розогъ, что часто также бывало равносильно смерти. И какъ это повальное битье развращало всѣхъ избивающихъ и избиваемыхъ! Барыня читала чувствительный романъ или молилась въ церкви, а на конюшнѣ, по ея приказанію, нещадно драли „мужиковъ, бабъ и дѣвокъ“. Крестьяне и сами били другъ друга и восхищались сильными ударами; старикъ-крестьянинъ съ восторгомъ вспоминаетъ о подвигахъ приказчика: „какъ хватить плеткой тетку Дарью черезъ плечо, такъ титька пополамъ, — долго въ больницѣ лечилась!“ И ни тѣни злобы или возмущенія въ этомъ воспоминаніи. Что касается самого властелина крѣпостнаго времени — барина, то его отношеніе къ насилію прекрасно выражено Некрасовымъ въ словахъ помѣщика Оболдо-Оболдуева:

«Кулакъ — моя полиція!
Ударъ искросыпительный,
Ударъ зубодробительный,
Ударъ — скуловоррротъ!...»

Этотъ царившій нѣкогда кулакъ пережилъ и до настоящаго времени, позорное наслѣдіе перешло и къ намъ, и долго еще русскому обществу и народу придется бороться съ послѣдствіями рабства и былыхъ насилій.

Наступили шестидесятые года, во многомъ напоминающіе настоящее время, и Россія вздохнула немного свободнѣе и оживилась; начался перестрой наней жизни: рухнуло крѣпостное право, даны другія необходимыя важныя реформы, личность заявила свои права, и началась борьба съ нашимъ позоромъ — тѣлесными наказаніями, но съ гнуснымъ наслѣдіемъ и его защитниками, развращенными всей прошлой жизнью, не легко справиться, и до сихъ поръ кулакъ и нагайка проявляютъ себя.

Вотъ вкратцѣ дальнѣйшая исторія тѣлесныхъ наказаній.

Люди, ратовавшіе за отмѣну крѣпостнаго права, подняли вопросъ и объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній, какъ совершенно несовмѣстимыхъ съ понятіемъ свободнаго человѣка, и въ концѣ 50-хъ годовъ образовался особый комитетъ по этому вопросу. Но развращенность общества и привычка даже лучшихъ людей къ этимъ позорнымъ наказаніямъ сказались здѣсь: нѣкоторые даже гуманные представители власти не достаточно горячо боролись за отмѣну этихъ наказаній, чѣмъ и воспользовались защитники истязаній во главѣ съ митрополитомъ Филаретомъ. Главные доводы этихъ защитниковъ были таковы: тѣлесныя наказанія, какъ причиняющія боль, наиболѣе дѣйствительны для простолюдина, и отмѣна ихъ можетъ поколебать уваженіе къ власти; кромѣ того, розги — наиболѣе дешевое наказаніе, и отмѣна ихъ заставитъ построить много дорогихъ тюремъ.

На указаніе горячаго противника тѣлесныхъ наказаній Орлова, что „святители всѣхъ вѣроисповѣданій постоянно защищали

личность существа, созданнаго по образу и подобію Божію“, митрополитъ Филаретъ, нисколько не стыдясь, отвѣтилъ, что „по христіанскому сужденію, тѣлесное наказаніе само по себѣ не безчестно, а безчестно только преступленіе“. Гдѣ и когда было указано это Христомъ, Филаретъ не сообщилъ,— а впрочемъ, для чего только не злоупотребляли ученіемъ самой чистой любви Христа: вѣдь, и войны и смертную казнь подтверждаютъ ссылками на ученіе Христа. Въ концѣ концовъ, защитники розогъ и плетей победили благодаря тому, что то время было еще полно ужасныхъ привычекъ и духа насилія, царившихъ цѣлые вѣка въ Россіи, и вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ разрѣшился неудовлетворительной полумѣрой.

Закономъ 17 апрѣля 1863 года отмѣнены всѣ тягчайшія тѣлесныя наказанія, но сохранены ужасныя плети для каторжныхъ и ссыльныхъ, не исключая и женщинъ, и розги, отъ 5 до 300 ударовъ, для малолетнихъ ремесленниковъ, крестьянъ, бродягъ, штрафованныхъ солдатъ и заключенныхъ въ арестантскія роты. Итакъ, область для примѣненія тѣлесныхъ наказаній осталась очень обширная и качественно и количественно: 300 розогъ и особенно 100 плетей не только мучительны, но и угрожаютъ жизни, а съ другой стороны — главная масса нашего населенія — крестьянство оставлено подъ вѣчной угрозой позорнаго наказанія. И притомъ нужно особенно отмѣтить, что съ крестьянъ за одно преступленіе, часто совершенно пустое, сдиралось сразу двѣ шкуры: и тѣлесное наказаніе и — какъ результатъ этого — лишеніе общественныхъ правъ, такъ какъ крестьянинъ, разъ высѣченный, навсегда лишался права быть избраннымъ въ общественныя должности.

Въ такомъ положеніи дѣло оставалось 40 лѣтъ, постепенно отмѣнялись нѣкоторые виды наказаній, увеличивалось число группъ, освобождаемыхъ по тѣмъ или другимъ причинамъ отъ сѣченія, создались и зъятые и неизъятые отъ позора, но бывали и возвраты къ старому, возможные при административномъ произволѣ. Цѣлыхъ 40 лѣтъ примѣнялись тѣлесныя наказанія, поддерживали грубость и звѣрство въ населеніи и позорили не только наказанныхъ, но и совершавшихъ это наказаніе, и все русское общество, относившееся равнодушно къ этому варварскому пережитку рабства. И практиковались розги очень широко: такъ, нижнихъ воинскихъ чиновъ по суду было наказано въ 1872 г. 6799 человѣкъ, не считая большого числа наказанныхъ административно въ дисциплинарныхъ баталіонахъ; тѣлесныя наказанія въ арміи начали сильно падать послѣ введенія всеобщей воинской повинности, и въ 1893 г. тѣлесно наказанныхъ солдатъ было только 348, не считая опять-таки высѣченныхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ. Ссылно-поселенцы въ Сибири наказывались усиленно, такъ за 8 лѣтъ, въ 1883—90 гг., въ Красноярскомъ округѣ было высѣчено 1/8 всего взрослога мужского населенія. Про каторжанъ нечего и говорить: ихъ могутъ наказывать всѣ ка-

торжняя власти по своему усмотрѣнію, и пользуются оѣ этимъ правомъ безгранично. Всѣ, писавшіе про Сахалинъ и другія каторжныя тюрьмы, согласно говорятъ, что несчастныхъ порютъ за все, про все, и къ нимъ вполнѣ примѣнима спеціально русская поговорка: „перевернешься — бьютъ, не довернешься — бьютъ“ И къ ссыльнымъ и къ каторжанамъ розги примѣняются въ очень большихъ количествахъ, опасныхъ для здоровья; мало того, они въ особыхъ случаяхъ (побѣгъ) наказываются и плетями, которыя въ умѣлыхъ рукахъ палача лишаютъ ягодицы наказаннаго всѣхъ мягкихъ частей, или совсѣмъ убиваютъ. Наконецъ, крестьяне по закону 1863 года могли быть наказываемы тѣлесно только по приговору волостныхъ судовъ и не болѣе 20 ударовъ розогъ. И волостные судьи изъ бывшихъ крѣпостныхъ щедро приговаривали къ розгамъ. Въ 80-хъ годахъ тѣлесныя наказанія въ однѣхъ губерніяхъ уменьшились, а въ другихъ еще болѣе возрасли. Въ эти годы сильной реакціи власти и охранительная печать находили, что деревня совершенно распустилась и отбилась отъ рукъ, не признаетъ властей и старшихъ, пьянствуетъ и раззоряется, плохо платитъ подати. Рѣшено было создать для деревни сильную власть, и закономъ 12 іюля 1889 года были учреждены земскіе начальники, долженствовавшіе быть отцами для деревни и вернуть распущенныхъ крестьянъ къ патріархальнымъ временамъ. Земскимъ начальникамъ было дано право безконтрольно утверждать или отмѣнять приговоры волостныхъ судовъ къ тѣлесному наказанію; а такъ какъ большинство начальниковъ было изъ военныхъ, привыкшихъ къ рукоприкладству, и такъ какъ они призваны были для возврата патріархальныхъ временъ, которыя немислимы, по ихъ понятію, безъ битья и порки, то они принялись усиленно за насажденіе розогъ. Громадное большинство земскихъ начальниковъ не только утверждали всѣ приговоры къ розгамъ, но даже сами заставляли волостныхъ судей приговаривать къ тѣлесному наказанію, и розги снова воскресли въ такихъ волостяхъ, гдѣ онѣ не назначались судами уже много лѣтъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ изъ нѣсколькихъ губерній, въ каждой было приговорено къ розгамъ въ 1891 году отъ 1000 до 2000, что на всю Россію составитъ около 100000 опозоренныхъ сѣченіемъ и лишенныхъ тѣхъ немногихъ гражданскихъ правъ, которыми такъ скудно одарено крестьянство. вмѣстѣ съ тѣмъ усилились всякія и не законныя избіенія, мордобойство и рукоприкладство; эти избіенія обрушивались, главнымъ образомъ, на низшихъ — солдатъ и крестьянъ, но усилилась кулачная расправа и въ болѣе высшихъ слояхъ общества, ибо всякія звѣрства, творящіяся гдѣ-либо въ странѣ, не проходятъ безслѣдно и заражаютъ всѣхъ остальныхъ. Все это напугало и администрацію и общество. Министерство внутреннихъ дѣлъ увидало, что земскіе начальники превзошли всѣ самыя пылкія ожиданія въ насажденіи сильной власти, и издало въ 1891 году циркуляръ къ этимъ начальникамъ съ предложеніемъ относиться съ большою осторожностью къ приговорамъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, тѣмъ болѣе что

подобная операция производит развращающее впечатлѣніе на молодыхъ людей. И несмотря на это откровенное признаніе развращающаго вліянія розогъ, администрація нашла возможнымъ еще 14 лѣтъ сохранять эти позорныя наказанія и воспрещала всякія заявленія и просьбы объ отмѣнѣ ихъ. Вызванная земскими начальниками страшная вспышка тѣлесныхъ наказаній возбудила самые различные протесты со стороны самой избиваемой безотвѣтной крестьянской массы. Душевные заболѣванія и самоубійства наказанныхъ сейчасъ-же послѣ порки, а съ другой стороны месть наказанныхъ въ видѣ оскорбленій начальства, поджоговъ, убійствъ, и бурные протесты противъ розогъ цѣлыхъ селеній ясно доказывали всѣмъ, что тѣлесныя наказанія уже безвозвратно отжили свое время, и что примѣнение ихъ является жестокой несправедливостью для наказуемыхъ и позоромъ для всей администраціи и всего русскаго общества, мирящагося съ этимъ зломъ и бессмысленнымъ насиліемъ надъ народомъ. Тридцать лѣтъ русское образованное общество малодушно проходило мимо этого позорнаго явленія и боялось быть заподозрѣннымъ въ неблагонадежности, такъ какъ розга считалась чуть-ли не однимъ изъ столповъ, на которомъ покоилось русское государство. И только теперь, въ 90-хъ годахъ, когда грозные признаки появились въ самой деревнѣ, общественная совѣсть проснулась, протесты, просьбы и ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній стали поступать отовсюду; заговорила сильнѣе *и печать*. Нѣсколько генерал-губернаторовъ настаивали на уничтоженіи этихъ наказаній въ ихъ областяхъ; болѣе мелкіе администраторы и въ томъ числѣ вершители приговоровъ о розгахъ, нѣкоторые земскіе начальники фактически отмѣнили розги въ своихъ участкахъ и высказывались противъ нихъ въ печати. Кстати, слѣдуетъ отмѣтить здѣсь, что въ 1893 году была пробита еще маленькая брешь въ этой позорной крѣпости: вѣроятно, подъ вліяніемъ одной ужасной драмы, бывшей въ Сибири послѣ тѣлеснаго наказанія одной „политической“ женщины, были окончательно отмѣнены тѣлесныя наказанія для всѣхъ женщинъ безъ исключенія.

Едва-ли не самую видную роль въ борьбѣ съ сѣченіемъ сыграло земство. Еще въ 1872 году Херсонское, а въ 80-хъ годахъ еще нѣсколько земствъ возбуждали ходатайства об отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, но главная земская кампанія противъ нихъ происходила въ 1894—97 гг., когда почти всѣ губернскія и многія уѣздныя земства непрерывно высказывались и ходатайствовали объ отмѣнѣ этого позора. Выступали на собраніи и заступники розогъ; главные ихъ доводы два; первый — дешевизна и быстрота наказанія: „пришелъ, отсѣкся и ушелъ“; второй — нельзя насиловать волю и желаніе крестьянъ: разъ они сами на волостныхъ судахъ приговариваютъ къ розгамъ, значитъ — они сами хотятъ „сѣчься“. Это — обычная уловка грошovýchъ либераловъ: разъ извѣстная, хотя-бы самая отвратительная и незаконная мѣра имъ выгодна и желательна, они усиленно вопятъ противъ вмѣшательства

власти и отмѣны этой мѣры; въ другихъ-же случаяхъ, гдѣ имъ выгодно давленіе власти, напр., въ наймѣ рабочихъ, они такъ-же усиленно вопятъ за вмѣшательство администраціи. Противъ этого довода по существу должно указать, что тѣлесныя наказанія въ послѣдніе годы назначались волостными судами почти исключительно въ тѣхъ участкахъ, гдѣ этого хотѣли земскіе начальники. Что-же касается денежной, удобства и скорости розогъ, то защитникамъ ихъ можно отвѣтить однимъ вопросомъ: почему они не ходатайствовали о введеніи этого прекраснаго наказанія для себя и для всѣхъ сословій безъ исключеній? Это было-бы и справедливо, и послѣдовательно.

Земская борьба съ розгами еще разъ блистательно доказала всю непослѣдовательность, растерянность и неумѣлость нашей бюрократіи отъ низшихъ до высшихъ учреждений и лицъ. В однихъ земскихъ собраніяхъ вопросъ этотъ сходилъ благополучно, предсѣдатели собраній допускали его до обсужденія, а губернаторы не опротестовывали ходатайствъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній; въ другихъ губерніяхъ губернскіе предводители дворянства съ пѣной у рта лишали гласныхъ ихъ законнаго права — говорить о насущной нуждѣ населенія — объ отмѣнѣ розогъ, какъ будто это было потрясаніе основъ; наконецъ, въ третьихъ — губернаторы видѣли въ ходатайствахъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній политическое преступленіе и вмѣшательство земства въ общегосударственныя дѣла. Министры дѣлали внушенія предводителямъ дворянства за обсужденіе этого вопроса, и, наконецъ, самъ сенатъ дѣлалъ противорѣчивыя рѣшенія: въ однихъ случаяхъ онъ признавалъ за земствомъ право говорить объ этомъ вопросѣ, а въ другихъ онъ отвергалъ это право. Вообще, исторія тѣлесныхъ наказаній даетъ богатый матеріалъ для освѣщенія отношеній бюрократіи къ насущнымъ нуждамъ населенія.

Нѣкоторыя, но немногія губернскія дворянскія собранія также возбуждали ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Позже въ 1900—1901 гг. подняли этотъ вопросъ и городскія думы, которыя нашли, что деревенскій позоръ вредно отражается и на городскомъ населеніи, и что необходимо уничтожить эти наказанія, хотя-бы въ память сорокалѣтія отмѣны прародителя розогъ и побоевъ — крѣпостнаго права.

Но это не все. Въ 90-хъ годахъ сознаниемъ позора, вреда и несправедливости тѣлесныхъ наказаній были преисполнены всѣ, и всѣ слѣшили внести свою посильную долю въ борьбу съ этимъ зломъ. Лучшіе органы печати постоянно отмѣчали необходимость отмѣны этого зла; изъ нихъ особенно нужно отмѣтить медицинскую газету „Врачъ“, редакторъ которой, покойный профессоръ В. Х. Манассеинъ, горячій противникъ всякихъ насилій и несправедливости, неустанно и энергично боролся противъ тѣлесныхъ наказаній и смертной казни. Откликнулся и Л. Н. Толстой въ своей горячей статьѣ „Стыдно“. „Развѣ объ этомъ можно просить... Про такія дѣла нельзя почтительнѣйше просить. Дѣла, такія дѣла

можно и должно только обличать. Обличать-же такія дѣла должно потому, что дѣла эти, когда имъ приданъ видъ законности, позорятъ всѣхъ насъ, живущихъ въ томъ государствѣ, въ которомъ дѣла эти совершаются. Вѣдь если сѣченіе крестьянъ — законъ, то законъ этотъ сдѣланъ и для меня, для обезпеченія моего спокойствія и блага. А этого нельзя допустить“. И дальше онъ говоритъ: „Надо, не переставая, кричать, вопить о томъ, что такое примѣненіе дикаго, переставшаго уже употребляться для дѣтей наказанія къ одному лучшему сословію русскихъ людей есть позоръ для всѣхъ тѣхъ, кто прямо или косвенно участвуетъ въ немъ“.

Что русское общество въ послѣднее десятилѣтіе создало наконецъ этотъ свой позоръ, доказывается общеизвѣстнымъ фактомъ, что всевозможные спеціалисты, самые разнообразныя сѣзды и общества заговорили о тѣлесныхъ наказаніяхъ, писали доклады, заявляли ходатайства. Изъ обществъ особенно работали въ этомъ направленіи юридическія съ правовой точки зрѣнія и врачебныя съ медицинской; врачи рядомъ фактовъ и наблюденій доказывали весь вредъ тѣлесныхъ наказаній для душевнаго и физическаго здоровья наказуемыхъ: сумасшествіе, тяжелыя физическія заболѣванія и даже случаи самоубійства и смерти наблюдались послѣ сѣченія. И это за какую-нибудь драку, пустое воровство и прочіе незначительныя проступки, за которые назначалось тѣлесное наказаніе! Почти ни одинъ сѣздъ также не проходилъ мимо этого вопроса: пожарный, ремесленный, учительскій, техническій, горнозаводскій, врачебные, совѣщанія по сельскохозяиственной промышленности и пр., — всѣ занимались имъ и возбуждали соответственныя ходатайства.

Особенное вниманіе на тѣлесныя наказанія обратилъ Пироговскій сѣздъ врачей, который 4 раза настаивалъ на необходимости отмены этихъ наказаній. По порученію этого сѣзда, врачи Д. Н. Жбанковъ и В. И. Яковенко собрали большой матеріалъ по этому вопросу и издали его особой книгой „Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время“. Сообщаемъ изъ этой книги интересныя статистическія данныя, полученныя изъ официальныхъ источниковъ — 20 губернскихъ присутствій. Оказывается, что, несмотря на энергичную борьбу общества и общественныхъ учрежденій, несмотря даже на вышеупомянутое признаніе самимъ министерствомъ тѣлесныхъ наказаній развращающими, эти наказанія свирѣпствовали въ Россіи.

Въ 1896 году въ 20 земскихъ губерніяхъ было приговорено къ тѣлеснымъ наказаніямъ 6.780 человекъ, и изъ нихъ около половины, дѣйствительно, подверглись этому поруганію. Стало-быть, во всей Россіи приговоренныхъ было не меньше 20.000 и наказанныхъ не меньше 10.000 человекъ, и эти несчастные, кромѣ того, были обезславлены и лишены своихъ гражданскихъ правъ на всю жизнь! И это позорище было такъ недавно, всего 8 лѣтъ тому назадъ! Но, во всякомъ случаѣ, общественное движеніе противъ тѣлесныхъ наказаній, хоть и не сразу, сказалось сильно на сокращеніи ихъ;

имѣющіяся у насъ данныя по нѣсколькимъ губерніямъ за 1893 и 1900 года показываютъ, что число тѣлесныхъ наказаній въ нихъ сократилось въ 2—4 и даже болѣе разъ. Однако, рассчитывать на произвольное прекращеніе было нельзя, нужно было бы ждать еще многіе десятки лѣтъ, пока вывелись бы всѣ любители сильныхъ ощущеній на чужой счетъ, всѣ защитники розогъ, всѣ проповѣдники насилій для безотвѣтнаго народа!

Напомнимъ епископа Серафима, защищавшаго тѣлесныя наказанія въ 1902 году. Въ этомъ же году было ужасное административное сѣченіе крестьянъ во время аграрныхъ волненій въ Полтавской и особенно въ Харьковской губерніяхъ. И все таки тѣлеснымъ наказаніямъ подходилъ конецъ.

Общественная борьба оказала свое вліяніе, и правительству пришлось уступить, но, какъ и всегда оно дѣлаетъ это, не сразу, а постепенно и съ большимъ запозданіемъ противъ требованій жизни. Сначала законъ 2 іюня 1903 года отмѣнилъ тягчайшіе виды тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ, ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ, а именно бритье головы и наказаніе лозами, плетями и приковываніе къ телѣжкѣ. Уничтоживши страшныя плети, законъ сохранилъ для каторжанъ и ссыльныхъ тѣлесныя наказанія въ очень мучительной формѣ: ручныя и ножныя оковы на долгое время отъ 1 до 2 лѣтъ и розги до 100 ударовъ. Наконецъ, черезъ годъ совершилось еще болѣе великое и радостное событіе: манифестомъ 11 августа 1904 года отмѣнены тѣлесныя наказанія для корабельныхъ служителей, малолѣтнихъ ремесленниковъ, штрафованныхъ солдатъ и моряковъ, инородцевъ и для всѣхъ крестьянъ. Къ сожалѣнію, манифестъ остановился и на этотъ разъ на полдорогѣ, и сохранилось тѣлесное наказаніе для различныхъ заключенныхъ и преступниковъ-бродягъ, каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ (ст. 952 и 443), и для нихъ оно можетъ назначаться въ огромныхъ размѣрахъ — до 100 ударовъ розгами, — размѣрахъ, дающихъ большія мученія и часто опасныхъ для здоровья и даже для жизни: сильный и озлобленный палачъ 100 ударами можетъ засѣчь до смерти даже здороваго человѣка, не говоря уже о различныхъ больныхъ.

Привѣтствуя этотъ важный законодательный актъ, мы высказали, что онъ является хотя и крупной, но только полумѣрой, и что пока въ нашемъ законодательствѣ совершенно не вычеркнуто самое слово тѣлесное наказаніе, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о полномъ его прекращеніи. Настоящія условія русской жизни и неравноправное или, вѣрнѣе, безправное положеніе крестьянъ мѣшаютъ полному искорененію всякихъ законныхъ и незаконныхъ насилій и побоевъ: только при полномъ равенствѣ всѣхъ передъ закономъ разовьется сознаніе своихъ правъ и обязанностей, уваженіе къ личности каждаго гражданина, и не можетъ быть надругательства и насилій надъ тѣломъ и честью согражданъ. Наши опасенія оправдались очень скоро; не успѣли

еще высохнуть чернила манифеста, какъ изъ разныхъ мѣстъ стали получаться вѣсти о продолжающихся тѣлесныхъ наказаніяхъ и избіеніяхъ.

А какое обширное поле для примѣненія всякихъ незаконныхъ тѣлесныхъ наказаній и избіеній создала администрація на почвѣ настоящаго освободительнаго движенія! О многихъ изъ этихъ исторій умалчивается, но и сообщенныхъ фактовъ вполне достаточно для освѣщенія мрачной бездны насилій и господства розогъ и нагайки... И что особенно характерно: настоящія тѣлесныя наказанія создали равноправіе — бьютъ всѣхъ безъ разбора сословій, состояній, возраста и пола, бьютъ сельчанъ и горожанъ. Приведемъ нѣсколько характерныхъ фактовъ и начнемъ съ деревни. На Кавказѣ уѣздный начальникъ съ эскадрономъ драгунъ произвелъ экзекуцію надъ крестьянами селеній Удмарма и Ханми, завладѣвшими землями помѣщика; послѣ 5-дневной (!) экзекуціи крестьяне согласились добровольно возвратить землю и возмѣстить помѣщику убытки свыше тысячи рублей. Въ районѣ Аштаракъ около Эривани, вслѣдствіе послѣднихъ безпорядковъ, по представленію уѣзднаго начальника, назначена экзекуція; будетъ экзекуція и въ другихъ деревняхъ. Тоже творилось и въ центрѣ, массовая порка производилась при аграрныхъ безпорядкахъ въ февралѣ 1905 года в Курской, Ярославской и Черниговской губерніяхъ, и эти противозаконныя насилія производились не только для усмиренія но и при производствѣ слѣдствія, для полученія признанія (настоящій древній застѣнокъ, гдѣ пытали не сознающихъ въ своей винѣ). На судѣ о крестьянахъ с. Романова Дмитріевскаго у. опредѣленно установлено, что сѣкли въ школѣ и на площади около церкви, въ присутствіи земскаго начальника и исправника, причемъ послѣдній собственноручно билъ нагайкой, а земскій, возсѣдая на конѣ, на указанія крестьянъ, что теперь сѣчь нельзя, читалъ какую-то бумагу, что розги отмѣнены для хорошихъ людей, и что такъ какъ Романовцы нарушили законъ, то и съ ними будутъ поступать противъ правила. Многіе послѣ допроса выходили въ крови; сѣкли даже старосту; когда пріѣхалъ слѣдователь, то при немъ не сѣкли, а били кулаками и досками. Подъ вліяніемъ угрозъ и сѣченія сознавались даже невинные. При такихъ исправникахъ и земскихъ начальникахъ, считающихъ свои усмотрѣнія выше манифестовъ, еще долго тѣлесное наказаніе будетъ царить на Руси, и кулакъ и скросыпительный дѣлать свое грязное и неправо дѣло. А разъ производятся массовыя избіенія, о кулачной расправѣ съ отдѣльными крестьянами нечего и говорить. Два примѣра. Въ Новороссійскѣ преданы суду помощникъ атамана и два казака за истязаніе крестьянина, который умеръ отъ побоевъ. Земскій начальникъ Кашинскаго уѣзда преданъ суду за такое сильное избіеніе крестьянина, что послѣдній повѣсился, но былъ спасенъ. Этотъ фактъ является еще разъ прекраснымъ подтвержденіемъ того, что крестьяне ушли дальше земскихъ начальниковъ въ признаніи позорности кулачной расправы.

Еще болѣе поучительны города и городское населеніе, которымъ приходится теперь расплачиваться за то, что они такъ долго безучастно относились къ деревенскому позору; повторяемъ, зло, творимое въ одной части населенія, никогда не проходитъ безслѣдно и для всѣхъ остальныхъ. Теперь тѣлесное наказаніе насаждается повсюду въ городахъ даже болѣе часто и болѣе усиленно, чѣмъ въ деревняхъ. Начались эти ужасныя событія — избіенія нагайками, палками, шашками, кулаками и пр. въ концѣ прошлаго 1904 года; всѣмъ памятна моссовья надругательства и избіенія учащейся молодежи и публики въ Петербургѣ и Москвѣ, земцевъ въ Тамбовѣ, молодежи въ Псковѣ и Казани и учителей въ Нижнемъ. Настоящій 1905-й годъ, — годъ ужасной кровавой эпидеміи войны, всевозможныхъ насилій, казней, убійствъ и самоубійствъ, — снова воскресилъ тѣлесное наказаніе по всей Россіи, во многихъ городахъ и мѣстечкахъ центра и окраинъ и для обоихъ половъ, всѣхъ возрастовъ, сословій, состояній и національностей.

Осуществилось ужасное равноправіе на Руси! Производились эти экзекуціи и избіенія во всѣ мѣсяца и во всякіе дни, но обыкновенно они приурочивались къ большимъ праздникамъ и знаменательнымъ днямъ — Пасхѣ, 19 февраля, 1 мая, — очевидно, съ цѣлью умѣрить праздничное настроеніе и радостныя чувства населенія. Обѣ столицы, большіе города: Одесса, Варшава, Кишеневъ, Саратовъ, Харьковъ, Кіевъ, Ярославль, Томскъ, Казань, Нижній, Рига, Екатеринославъ, Тифлисъ, Баку, Ростовъ, Курскъ, Минскъ, Тула, Самара и др., а также и болѣе незначительные губернскіе и уѣздные города Ревель, Кострома, Кременчугъ, Владикавказъ, Сухумъ, Тверь, Павловскъ, Таганрогъ, Орша, Гомель, Черниговъ, Смоленскъ, Вязьма, Балашовъ и множество другихъ были свидѣтелями болѣе или менѣе ужасныхъ нагаечныхъ и кулачныхъ расправъ на улицахъ, в участкахъ, общественныхъ зданіяхъ и даже частныхъ домахъ. Героями этихъ исторій и исполнителями являются уже не полуграмотные волостные судьи, а представители высшей администраціи и всѣ чины полиціи, казаки, военные патрули, добровольцы — запасные и черносотенцы. Составъ дѣйствующихъ въ избіеніяхъ черносотенцевъ очень разнообразный, — отъ саратовскаго учителя Арбайскаго, натравливающаго казаковъ на гимназистовъ и дающаго имъ денегъ на новыя нагайки, до работающихъ изъ-за водки и денегъ и даже до остатковъ былого молодечества, жаждущихъ сильныхъ ощущеній, имъ все равно, „гдѣ бить, кого бить“.

Воспитанное подъ Дамокловымъ мечомъ тѣлесныхъ наказаній простонародіе не только поставляетъ большой контингентъ для черной сотни, но, что еще ужаснѣе, поддаваясь общей заразѣ челоуѣконенавистничества, начинаетъ устраивать самостоятельныя кулачныя расправы надъ пришлыми рабочими и ужасный самосудъ надъ врагами, хулиганами и публичными домами. Выращиваемыя съ особымъ стараніемъ цѣлыми вѣками смена тѣлесныхъ наказаній, кулачной расправы и грубой силы не

могутъ быть вырваны сразу, и много еще трудовъ придется положить на искорененіе этого наслѣдія рабства. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ городскихъ избіеній: во Владикавказѣ и Сухумѣ осетины и матросы напали и избили мирно гуляющихъ за городомъ и играющихъ въ мячъ горожанъ; въ Одессѣ и Харьковѣ подверглись избіенію публика и врачи, выходящіе мирно послѣ научнаго засѣданія; въ Псковѣ били и гнали по водѣ по берегу рѣки гулявшую за городомъ учащуюся молодежь; въ Павловскѣ избивали и разгоняли обычную изящную концертную публику, въ Тамбовѣ били невинныхъ земцевъ, выходящихъ изъ собранія и пр. и пр. Но особаго вниманія заслуживаютъ Курскъ, Тифлисъ и Балашовъ. Въ Курскѣ въ февралѣ полиція устроила побоище учащейся молодежи — малолѣтнихъ дѣтей. Полицеймейстеръ скомандовалъ: „резервы впередъ! Бей“, приставъ бросился съ криками: „бей направо и налево!“, и началось избіеніе нагайками, кулаками, шашками; таскали за волосы, били головой о мостовую, топтали ногами, лошадыми; многіе избиты до полусмерти. Заступавшихся взрослыхъ прогоняли и били. Участвовавшая черная сотня потомъ похвалялась: „Вотъ-бы и завтра такъ славно поработать: и водкой угостили, ѣ по рублю заплатили!“, а помощникъ пристава благодарилъ толпу: „спасибо, братцы, толчокъ (толкучка) выручилъ“. Въ Балашовѣ были избиты толпой въ присутствіи губернатора собравшіеся въ гостиницѣ на совѣщаніе земскіе врачи, нѣкоторые избиты до полусмерти. Мало того, когда казаки вели на вокзалъ задержанныхъ врачей, то они избили нагайками какъ этихъ врачей, такъ и мѣстнаго предводителя дворянства Н. Н. Львова.

Въ своемъ официальномъ сообщеніи губернаторъ удостовѣряетъ, что эти нѣсколько ударовъ нагайками не имѣли серьезныхъ послѣдствій. Наконецъ, не избѣгло насилій и духовенство. Въ Тифлисѣ собравшееся на разрѣшенный съѣздъ грузинское духовенство было избито казаками; били нагайками на улицѣ и въ семинаріи, гоняли изъ спальни, всячески ругали и издѣвались. Грузинскому духовенству пришлось безвинно пострадать за призывы нѣкоторыхъ русскихъ епископовъ и священниковъ, которые зовутъ народъ къ кулачной расправѣ и пугачевщинѣ.

А сколько творится теперь избіеній и тѣлесныхъ наказаній надъ отдѣльными лицами, ихъ нельзя и учесть. Въ Оршѣ драгуны били нагайками лицъ, мирно проходящихъ по улицѣ; в Кишеневѣ губернаторъ предалъ суду околочнаго за избіеніе арестованнаго; въ Павлоградѣ тюремный надзиратель избилъ дѣвушку, принесшую въ тюрьму бѣлье жениху; въ Екатеринославѣ въ участкѣ били студента нагайками, палками, досками, кастетами, ногами, пока у него не пошла кровь горломъ; въ этомъ-же участкѣ дѣвушка не могла встать послѣ побоевъ; въ Житомирѣ прокуроръ привлекъ къ суду членовъ педагогическаго персонала духовнаго училища за истязаніе дѣтей, и пр. и пр.

Эта краткая ужасная исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи приводитъ къ такому заключенію, что тѣлесныя наказанія, закон-

ныя и незаконныя. всевозможныя избиенія и изувѣрства могутъ прекратиться у насъ только при слѣдующихъ условіяхъ: 1) участіе народа въ управленіи страной и прекращеніе произвола и самовластія администраціи; 2) полное равноправіе всѣхъ русскихъ гражданъ, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія; 3) коренныя соціально-экономическія реформы; 4) правильно устроенная школа, доступная для всего населенія. Только при этихъ условіяхъ личность будетъ уважаться и сдѣлается неприкосновенной во всѣхъ отношеніяхъ, только при этихъ условіяхъ всякій будетъ считать для себя позоромъ сдѣлать какое-либо насиліе надъ другимъ, только при этихъ условіяхъ мы перевоспитаемся и избавимся отъ наслѣдія прошлаго общаго рабства: въ однихъ духа крѣпостника съ кулакомъ зубодробительнымъ, въ другихъ — духа крѣпостного съ согбенной выей.“

Вотъ какъ въ своемъ произведеніи „Очерки Бурсы“ Помяловскій описываетъ наказаніе розгами воспитанника Семенова товарищами, подозрѣвавшими его въ доносахъ къ начальству, и наказаніе розгами, по приказанію инспектора, воспитанника Тавля за то, что онъ сѣкъ Семенова.

...„Но объ игры неожиданно прекратились... Раздался пронзительный, умоляющій вопль, который, однако, слышался не оттуда, гдѣ игралась „мала куча“, и не оттуда, гдѣ „жали масло“.

— Братцы, что это? братцы, оставьте!.. карауль!..

Товарищи не сразу узнали, чей это голосъ... Кому-то зажали ротъ... вотъ... повалили на полъ... слышно только мычанье... Что тамъ такое творится? Прошло минуты три мертвой тишины... потомъ ясно обозначился свистъ розогъ въ воздухъ и удары ихъ по тѣлу человѣка. Очевидно, кого-то сѣкутъ. Сначала была мертвая тишина въ классѣ, а потомъ едва слышный шопотъ...

— Десять... двадцать... тридцать.

Идетъ счетъ ударовъ.

— Сорокъ, пятьдесятъ...

— А-я-яй! — вырвался крикъ...

Теперь всѣ узнали голосъ Семенова и поняли, въ чемъ дѣло...

— Ты, сволочь, кусаться! Это былъ голос Тавли.

— Ай, братцы, простите!.. не буду!.. ей Богу не буду!..

Ему опять зажали ротъ...

— Так и слѣдуетъ, шептались въ товариществѣ...

— Не фискаль впередъ!

Уже семьдесятъ...

Боже мой, наконецъ-то кончили!

Семеновъ рыдалъ сначала, не говоря ни слова... Въ классѣ было тихо, потому что всячески совершилось дѣло изъ ряду вонъ... Облегчившись нѣсколькими слезами, но все-таки не переставая рыдать, Семеновъ, потерявъ всякій страхъ отъ обиды и позора, кричалъ на весь классъ:

— Подлецы вы этакіе... Чтобъ вамъ всѣмъ... — И при этомъ онъ прибавилъ... непечатанную брань.

— Полайся!

— На зло же разскажу все инспектору... про всѣхъ...

Неизвѣстно, отъ кого онъ получилъ затрещину и опять зарыдалъ на весь классъ благим воемъ. Нѣкоторые захохотали, но многимъ было жутко... отчего? потому что при подобныхъ случаяхъ товарищество возбуждалось сильно, отыскивало въ потемкахъ своихъ нелюбимцевъ и крѣпко било ихъ.

Между тѣмъ рыдалъ Семеновъ. Невыразимая злость на обиду душила его; онъ въ клочья разорвалъ чью-то попавшуюся подъ руку книгу, кусалъ свои пальцы, дралъ себя за волосы и не находилъ словъ, какими бы слѣдовало изругаться, на чемъ свѣтъ стоитъ. Измученный, избитый, изсѣченный, нѣсколько разъ въ продолженіе вечера оскорбленный и обиженный, онъ теперь совершенно одурѣлъ отъ горя. Жалко и страшно слушать, какъ онъ шепталъ:

— Сбѣгу... сбѣгу... зарѣжусь... жить нельзя...

Надобно честь отдать товарищамъ: большая часть, особенно первокурсные, въ эту минуту сочувствовали горю Семенова. У нѣкоторыхъ были даже слезы на глазахъ — благо, темно, не замѣтятъ. Второкурсные храбрились, но и на нихъ напала тоска, смѣшанная со страхомъ. Всѣ понимали, что такое дѣло даромъ не пройдетъ, и что великаго сѣченья должна ожидать бурса. Тихо было въ классъ: лишь Семеновъ рыдалъ... Что-то злое было въ его рыданіяхъ... но вотъ они вдругъ прекратились и настала мертвая тишина.

— Что съ нимъ? — спрашивали ученики.

— Не случилось ли бѣды?

— Да живъ ли онъ??

— Братцы, — закричалъ Гороблагодатскій, освидѣтельствуя парту, на которой сидѣлъ Семеновъ: — он пошелъ жаловаться!

— Опять фискалить! — раздалось нѣсколько голосовъ.

Расположеніе товарищей мгновенно перемѣнилось; посыпалась на Семенова злая брань.

— Смотрите, не выдавать, ребята!

— Э, не рѣпу съять!.. — слышались отвѣтные голоса.

— А ты, какъ же, Тавля?

— Я скажу, что хотѣлъ заступиться за него, и въ то время, какъ отдергивалъ отъ его рта чью-то руку, онъ и укусилъ мою.

— Молодецъ, Тавля!

Однако Тавля дрожалъ, какъ осиновый листъ.

— А что цензоръ будетъ говорить? онъ долженъ донести, а то ему придется отвѣчать.

— А скажу, что меня не было въ классъ — вот и все!

Въ это время раздался звонокъ, возвѣстившій часъ занятій. Отворилась дверь, и въ комнату внесли лампу о трехъ рожкахъ. Отъ столбовъ полосами легли тѣни по классу и освѣтились неуклюжія здоровенныя парты, голыя и ржавыя стѣны, грязныя окна, — освѣтились угрюмымъ и непривѣтливымъ свѣтомъ.

Второкурсные собрались на первыхъ партахъ и вели совѣщанія о текущихъ событіяхъ. Начались занятія; но странно: несмотря

на прѣжестокія розги учителей, по крайней мѣрѣ, чловѣкъ сорокъ и не думали взяться за книжку. Иные надѣялись получить въ нотатѣ хорошую отмѣтку, подкупивъ аудитора взяткой; иные думали безпечно: „авось-либо и такъ сойдетъ!“, а чловѣкъ пятнадцать, на заднихъ партахъ, въ Камчаткѣ, ничего не боялись, зная, что учителя не тронуть ихъ: учителя давно махнули на нихъ рукой, испытавъ на дѣлѣ, что никакое сѣченье не заставитъ ихъ учиться; эти счастливыцы готовились къ исключешю и знать ничего не хотѣли. Лѣнь была развита въ высшей степени, а отсутствіе всякой дѣятельности во время занятныхъ часовъ заставило ученика выработать тотъ элементъ училищной жизни, который извѣстенъ подъ именемъ школьничества, элементъ, общій всякому воспитательному заведенію, но который здѣсь, какъ и все въ бурсѣ, является въ оригинальныхъ формахъ.

Сидящіе въ Камчаткѣ пользовались нѣкоторыми привилегіями; на ихъ шалости цензоръ, наблюдающій тишину и порядокъ, смотрѣлъ сквозь пальцы, лишь бы не шумѣли камчадалы. Пользуясь такими льготами, камчадалы развлекались, как умѣли. Гришкецъ толкаетъ Васенду и шепчетъ: „слѣдующему“, Васенда толкаетъ Карася, Карась Шестиухую-Чабрю, передавая то же слово; этотъ передаетъ дальнѣйшему, толчокъ переходитъ на другую парту, потомъ на третью и такъ перебираетъ всѣхъ учениковъ. Вонъ Комедо, объѣвшисъ, спитъ, а Хоръ, нажевавъ бумаги и сдѣлавъ комокъ, который называется жевкомъ, пустилъ его въ лицо спящаго товарища. Комедо проснулся и пишетъ къ Хорю записку: „послѣ занятія тебѣ я спину сломаю, потому что не приставай, если къ тебѣ не пристають“, и опять засыпаетъ. Записокъ много пересылается по комнатамъ; въ одной можно читать: „дай ножичка или карандаша“, въ другой: „ей, Рабыня! (прозвище ученика) я уже съ тобой на маткахъ въ чехарду“; въ третьей: „пришли, дружище, табачку понюшку, послѣ ей Богу отдамъ“; а вотъ Хитоновъ получилъ безыменную ругательную записку: „ты, Хитоновъ, рыжій, а рыжій-красный — чловѣкъ опасный; рыжій-пламенный сожегъ домъ каменный“. Отвѣты и требуемыя вещи идутъ по той же почтѣ. Дѣти развлекаются по мѣрѣ возможности.

Но вечеръ кончился очень занимательно. Минуть за тридцать до звонка явился въ классъ Семеновъ. Блѣдный и дрожащій отъ волненія, вошелъ онъ въ комнату и, потупясь, ни на кого не глядя, отправился на свое мѣсто. Занятная оживилась: всѣ смотрѣли на него. Семеновъ чувствовалъ, что на него обращены сотни любопытныхъ и злобныхъ глазъ, холодно было у него на душѣ, и замеръ онъ въ какомъ-то окаменѣломъ состояніи. Онъ ждалъ чего-то. Минуты черезъ четыре снова отворилась дверь; среди холоднаго пара, ворвавшася съ улицы въ комнату, показались четыре солдатскія фигуры — служители при училищѣ: одинъ изъ нихъ былъ Захаренко, другой Кропченко — на нихъ была обязанность сѣчь учениковъ; двое другихъ, Цѣпка и Еловый, обыкновенно

держали учениковъ за ноги и за голову во время сѣченія. Мертвая тишина настала въ классѣ... Тавля поблѣднѣлъ и тяжело дышалъ. Скоро явился инспекторъ, огромнаго роста и мрачнаго вида. Всѣ встали. Онъ, ни слова не говоря, прошелся по классу, по временамъ останавливаясь у партъ, и ученикъ, около котораго онъ останавливался, дрожал и трепеталъ всѣмъ тѣломъ... Наконецъ, инспекторъ остановился около Тавли. Тавля готовъ былъ провалиться сквозь землю.

— Къ порогу! — сказал ему инспекторъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я... — хотѣлъ было оправдаться Тавля.

— Къ порогу! — крикнулъ инспекторъ.

— Я заступался за него... онъ не понялъ...

Инспекторъ былъ сильнѣе всякаго бурсака. Онъ схватилъ Тавлю за волосы и далъ ему трепку; потомъ наклонилъ его за волосы лбомъ къ партѣ, а другой рукой, кулакомъ, ударилъ ему въ спину, такъ что гулъ раздался отъ здороваго удара по крѣпкой спинѣ, потомъ, откинувъ Тавлю назадъ, инспекторъ закричалъ:

— Къ порогу!

Тавля послѣ этого не смѣлъ рта разинуть. Онъ отправился къ порогу, раздѣлся медленно, легъ на грязный полъ голымъ брюхомъ; на плечи и ноги его сѣли Цѣпка и Еловый...

— Хорошенько его! — сказалъ инспекторъ.

Захаренко и Кропченко взмахнули съ двухъ сторонъ лозами; лозы впились въ тѣло Тавли, и онъ, дико крича, стал оправдываться, говоря, что онъ хотѣлъ заступиться за Семенова, а тотъ не понялъ, въ чемъ дѣло, и укусилъ ему руку. Инспекторъ не обращалъ вниманія на его вопли. Долго сѣкли Тавлю и жестоко. Инспекторъ съ сосредоточенной злобой ходилъ по классу, ни слова не говоря, а это былъ дурной признакъ: когда онъ кричалъ и ругался, тогда крикомъ и руганью истощался гнѣвъ... Ученики шопотомъ считали число ударовъ и насчитали уже восемьдесятъ. Тавля все кричалъ „не виновать!“, божился Господом-Богомъ, клялся отцомъ и матерью подъ лозами. Гороблагодатскій злобно смотрѣлъ то на инспектора, то на Семенова; Семеновъ не понималъ самъ себя: и тѣни наслажденія местию не было въ его сердцѣ, онъ почти трясся всѣмъ тѣломъ отъ предчувствія чего-то страшнаго, необъяснимаго. Богъ знаетъ, на что бы онъ согласился, чтобы только не сѣкли Тавлю въ эту минуту. Тавля вынесъ уже болѣе ста ударовъ, голосъ его отъ крика началъ хрипеть, но все онъ продолжалъ кричать: „Не виновать. ей Богу не виновать... напрасно!“ Но онъ долженъ былъ вынести полтора ста.

— Довольно, — сказал инспектор, и прошелся по комнатѣ. Всѣ ожидали, что будетъ далѣе.

— Цензоръ! — сказал инспекторъ.

— Здѣсь, — отозвался цензоръ.

— Кто еще сѣкъ Семенова?

— Я не знаю... меня...

— Что? — крикнул грозно инспекторъ.

— Меня не было въ классѣ...

— А, тебя не было, скотъ этакой, въ классѣ?.. Завтра буду съчь десятаго, а начну съ тебя... — И тебя отпорю, — сказалъ онъ Гороблагодатскому, — и тебя, — сказалъ онъ Хорю. Потом инспекторъ указалъ еще на нѣсколько лицъ. Гороблагодатскій грубовато отвѣтилъ:

— Я не виноватъ ни въ чемъ...

— Ты всегда виноватъ, подлець ты этакой, и каждую минуту тебя драть слѣдует..

— Я не виноватъ ни въ чемъ...

— Ты грубить еще вздумалъ, скотина? — закричал инспекторъ съ яростью.

Гороблагодатскій замолчалъ, но все-таки, стиснув зубы, взглянулъ съ ненавистью на инспектора.

Выругавъ весь классъ, инспекторъ отправился домой. На товарищество напалъ паническій страхъ. Въ училищѣ бывали случаи, что не только сѣкли десятаго, но сѣкли поголовно весь классъ. Никто не могъ сказать навѣрное, будутъ его завтра съчь или нѣтъ. Лица вытянулись; нѣкоторые были блѣдны; двое городскихъ тихонько отъ товарищей плакали: что, если по счету придешься въ списокъ инспектора десятымъ?.. Только Гороблагодатскій проворчал: „не рѣпу сѣять!“ и остервенился въ душѣ своей, и съ наслажденіемъ смотрѣлъ на Тавлю, который не могъ ни стать, ни сѣсть послѣ экзекуціи“.

Наказаніе солдата розгами. Вот какъ одинъ писатель описываетъ наказаніе солдата розгами: «Вмѣстѣ съ баталіономъ былъ выведенъ на плацъ и Грицько Блоха. Онъ стоялъ за второй шеренгой на лѣвомъ флангѣ 8-ой роты. Руки его безсильно висѣли по обѣимъ сторонамъ туловища, голова далеко ушла въ плечи, глаза жалко смотрѣли изъ подлобья; полусогнутыя плечи съ упавшей грудью довершали жалкую, бѣдную фигуру Грицька. При объѣздѣ баталіона командиромъ, Грицько старался принять бравый видъ и „звѣремъ“ смотрѣлъ на начальство, но у него изъ этого ничего не вышло. Онъ тоже было началъ отвѣчать на привѣтствіе командира, но изъ его горла вылетѣли первые два-три звука, а потомъ горловыя связки отказались повиноваться.

Когда баталіонъ, по командѣ своего командира, образовалъ квадратъ, то Грицько очутился въ серединѣ его.

— Отъ каждой роты по человѣку, — громко скомандовалъ баталіонный командиръ. Четыре заранѣе выбранные солдата вышли впередъ и подошли къ Грицько. Грицько еще ниже опустилъ голову на грудь и, изрѣдка вздыхая, нервно вздрагивалъ.

— Розги готовы? — прокричалъ кому-то командиръ.

Грицько вздрогнулъ, осмотрѣлся и застылъ въ позѣ человѣка, ожидающаго удара.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе! — отвѣтилъ кто-то, громко отчеканивая каждое слово.

— Выноси же, чего ждешь! Экіе остолопы,— продолжалъ не то кричать, не то командовать командиръ.

Какой то солдатъ далеко не солдатскимъ шагомъ тащилъ на плечахъ довольно толстый пукъ прутьевъ.

— Какъ идешь? Тверже ногу... разъ, два... тверже ногу... Какъ держишь подбородокъ... выдерживай тактъ.

Солдатъ старался принять къ свѣдѣнію и руководству весь этотъ наборъ приказаній, но нога отказывалась повиноваться, подбородокъ не убирался назадъ и, чѣмъ ближе подходилъ солдатъ къ тому мѣсту, гдѣ находился Грицько, тѣмъ больше выходилъ изъ себя баталіонный командиръ.

Четыре солдата, стоявшіе вблизи Грицько, тоже держали себя не такъ, какъ это подобаеть ихъ солдатскому званію. Солдаты бросали взгляды по сторонамъ, искоса посматривали на Грицько и часто „поддавали“ ступни ногъ.

— Какъ стоишь? — вдругъ набросился командиръ, увидя жалкую, беспомощную фигуру Грицько, который при приближеніи солдата, несущаго розги, еще болѣе съежился.

— Смирно! — заоралъ баталіонный, подлетѣлъ къ самому его уху.

— У, баба! Шкодить умѣешь, а какъ дошелъ до дѣла,— испугался. Эхъ ты, паршивая сволочь. Выше голову! Смотри „зверемъ“, смотри молодцомъ! Такъ! — кричалъ командиръ надъ самымъ ухомъ Грицько, держа передъ его лицомъ здоровый кулакъ. Опытный глазъ стараго вояки давно подмѣтилъ, что вызванные солдаты и особенно Грицько теряютъ обычную стойкость и выдержанность; его и это выводило изъ себя.

Грицько старался превратиться въ „молодца“. Онъ поднялъ голову, убралъ подбородокъ, выпрямилъ грудь, подобралъ животъ, расправилъ руки, но все это ему очень плохо удавалось. „Что-то“ давило его и „что-то“ превращало его въ бабу, и онъ никакъ не могъ совладать съ собой.

— Да какъ ты смотришь?! Смотри веселѣй,— продолжалъ орать баталіонный командиръ.

Постарался было Грицько посмотреть „веселѣй“, вскинулъ на своего командира глаза, но они, кромѣ горя и страданія, ничего не выражали. Это окончательно вывело командира изъ себя и на голову Грицько посыпался рядъ ударовъ здоровенныхъ кулаковъ.

Послѣ того, какъ Грицько, по мнѣнію командира, сталъ „веселѣй“, онъ обратился къ баталіону:

— Смирно! баталіонъ, на плечо! *)

Баталіонъ дружно, отчетливо исполнилъ команду и продолжалъ стоять, держа „на плечо“.

Началось чтеніе приказа и постановленіе суда относительно наказанія Грицько Блохи. По окончаніи чтенія приказа, баталіонъ взялъ „къ ногъ“.

*) Въ то время, о которомъ ведется разсказъ, ружейные приемы дѣлались иначе, чѣмъ теперь.

— Ну, ложись, чего стоишь? — обратился командиръ къ Грицько.

Грицько, еле переводя дыханіе, сбросилъ шинель и остался въ одномъ нижнемъ бѣльѣ. Шинель была разслана во всю ширину, и Грицько сталъ спускать свои подштанники... Руки у него дрожали, и пальцы никакъ не повиновались. Кое какъ справившись съ этимъ дѣломъ, Грицько задралъ рубаху, обнажилъ тѣло, перекрестился и довольно рѣшительно опустил на шинель. Лицо его перекошилось, худыя обнаженныя ноги дрожали, точно его сильно била лихорадка. Баталіонъ оставался неподвижнымъ.

Что волновало людей, этого баталіона, я не знаю. Чувства, одушевлявшія ихъ, какъ людей, скрыты были за солдатскимъ мундиромъ, и ихъ лица оставались безстрастными, точно каменные. Дисциплина сковала у нихъ способность отзываться на такія впечатленія.

Обнаженное тѣло Грицько лежало на шинели, все туловище продолжало нервно вздрагивать. Ожиданіе было мучительно.

— Садись на ноги, а ты на плечи, — приказалъ командиръ двумъ солдатамъ, раньше вызваннымъ изъ баталіона. Солдаты усѣлись, придавивъ тяжестью своихъ тѣлъ ноги и грудь Грицько. Грицько вцѣпилъ зубами въ руки и... замеръ.

— Начинай, а ты считай! — отдалъ командиръ приказаніе двумъ солдатамъ, оставшимся стоять.

Одинъ изъ солдатъ взялъ розги въ руки и бессмысленно смотрѣлъ куда-то впередъ, а другой переминался съ ноги на ногу и, видимо, не зналъ, что ему дѣлать. Оба они были блѣдны, а по серьезнымъ лицамъ можно было судить, что они въ эту минуту переживаютъ нѣчто очень сложное.

— Ну!..

— Разъ! — какъ-то неестественно громко вскрикнулъ солдатъ, на обязанности котораго лежало считать.

Розга взвилась вверх, застыла на одну секунду въ пространствѣ и, сильно разсѣвая воздухъ, изгибаясь въ рукахъ солдата точно змѣя, опустилась на тѣло Грицько и... впилась. Тѣло Грицько вздрогнуло, концы ног, оставшіеся свободными, сдѣлали конвульсивное движеніе, зубы, впившіеся въ руку, оторвались отъ посинѣвшей кожи, голова неестественно быстро поднялась вверхъ и тотчасъ опустилась къ землѣ съ перекошеннымъ отъ боли лицомъ. Раздался болѣзненный стонъ. На тѣлѣ остался краснобагровый слѣдъ.

— Два! — тонкимъ фальцетомъ какъ-то въ бокъ продолжалъ считать солдатъ.

— Выжидай команду! — строго прокричалъ старый командиръ, завидя, что солдатъ, сѣкущій Грицько, не задолго до команды „два“ приподнялъ розгу вверхъ.

Розга снова поднялась вверхъ и снова опустилась. Грицько не выдержалъ, изъ груди его вырвался наболѣвшій стонъ, перешедшій въ крикъ.

— О, мамо! на шожь ты породила меня на Божій світѣ!
Мамо! Мамо!

— Молчать, баба! — съ презрѣніемъ кричалъ командирь. — Мѣняй розгу послѣ каждаго удара, да смотри, не закрывай глазъ... мерзавецъ! — обратился командирь къ тому, кто сѣкъ. Солдаты перемѣнили розгу и, глубоко дыша, разставивъ ноги, съ испугомъ смотрѣль на два красно-багровые слѣда.

Напряженныя, внимательныя лица двухъ солдатъ, сидѣвшихъ на туловищѣ Грицько, съ устремленными въ одну точку глазами, говорили о томъ, съ какимъ ужасомъ и отвращеніемъ они слѣдили за тѣмъ, что дѣлалъ каждый ударъ, и болѣзненно ждали слѣдующаго...

— Три!..

И опять тоже, но съ нѣкоторой разницей. При первыхъ двухъ ударахъ рука, опускавшая розгу, быстро отдѣляла ее отъ тѣла, теперь она этого не сдѣлала. Лицо солдата, производящаго удары, сдѣлалось теперь болѣе безстрастнымъ. Розга впиалась въ тѣло, показала кровь. Грицько охватила теперь нечеловѣческая боль, и онъ во всю силу своихъ легкихъ заоралъ:

— Оксано! Оксано!.. Мамо, мамо! О, мамочко моя!..

— Четыре!.. Пять!..

Розга дѣлала свое дѣло. Кровь лилась ручьями, покрывъ собою синебагровые слѣды. Грицько послѣ нѣсколькихъ ударовъ пересталъ звать къ матери, этой утѣшительницѣ и страдальницѣ всякихъ скорбей своихъ дѣтей. Крикъ „мамо!“ „мамо!“ перешелъ теперь въ хрипъ.

Да! въ этотъ ужасный моментъ ни одна мать не выстояла бы. Она бросилась бы, какъ львица, къ своему дѣтищу и старалась бы защитить своимъ старымъ тѣломъ тело своего сына и, быть можетъ, тронула бы сердца этихъ людей.

Солдаты, производившіе экзекуцію „свято“ исполняли свой долгъ. Имъ приказали сѣчь человѣка, своего же брата, солдата, они сѣкли. Никому изъ нихъ не могла бы прійти въ голову мысль не исполнить приказаніе своего начальства. Другимъ приказано было стоять „смирно“ во время этой казни и любоваться зрѣлищемъ, и они стояли „смирно“. Никому, ни солдатамъ, ни офицерамъ, не могла прійти въ голову мысль, насколько была позорна и безчестна роль безстрастныхъ и пассивныхъ зрителей этого злостнаго и позорнаго мученія. Никому изъ нихъ не приходила въ голову мысль, что имъ, быть можетъ, когда нибудь придется, вмѣстѣ съ опозореннымъ и обезчещеннымъ ими же Грицько, защищать и проливать кровь за „царя и отечество“ отъ какого нибудь врага!..

Одинъ солдатъ продолжалъ считать, другой сѣчь, два другихъ сидѣть на тѣлѣ Грицько. Грицько!.. Ему было больно, нечеловѣчески больно. Онъ, въ концѣ концовъ, пересталъ кричать. Онъ не въ силахъ былъ даже крикомъ ослабить впечатлѣніе, а только хрипѣлъ и корчился, извиваясь подъ ударами розогъ.

— Сто! — прокричалъ въ послѣдній разъ солдатъ и облегченно вздохнулъ...

Розга въ послѣдній разъ взвилась въ воздухѣ и тяжело опустилась на тѣло Грицько! Рука солдата, отъ непривычнаго движенія, одеревянѣла, и ему приходилось дѣлать усиліе, чтобы поднимать ее каждый разъ. Въ послѣдній разъ розга послѣ удара вылетѣла изъ его руки, и солдатъ сконфуженно смотрѣлъ вокругъ.

— Ну, вставай! — скомандовалъ командиръ.

Грицько съ трудомъ поднялся. Ему было больно, стыдно. Еле застегнувъ штаны, накинувъ на себя шинель, блѣдный, съ страдающимъ лицомъ стоялъ Грицько. Что онъ думалъ, да думалъ ли онъ вообще что-нибудь въ этотъ моментъ?!

— Ну, ступай въ казарму, да будь молодцомъ у меня. Смотри!.. — пригрозилъ командиръ.

Грицько хотѣлъ было повернуться по всѣмъ правиламъ выучки, но у него вышло это вяло, неуклюже...

— Какъ ворочаешься! — не удержался и въ этотъ разъ командиръ, замѣтивъ неловкость поворота.

— Разъ!.. Два!.. тверже ногу! — кричалъ ему старый вояка.

Грицько шелъ точно пьяный, и два солдата, бывшіе при немъ въ качествѣ конвоя, старались его поддерживать, но дѣлали это такъ, чтобы этого не замѣтилъ командиръ...

Баталіонъ, по командѣ своего командира, разошелся въ казармы; туда направился и Грицько Блоха, гдѣ и затерялся въ сѣрой солдатской массѣ.

Сдѣлался ли Грицько „молодцомъ“ или онъ не пережилъ такого поруганія, а наложилъ на себя руки, или какъ-нибудь свихнулся? — этотъ вопросъ никого не могъ интересовать!..

Наказаніе солдата палками. Вотъ какъ другой писатель описываетъ наказаніе солдата палками.

„Мы ночевали у 95-лѣтняго солдата, онъ служилъ при Александрѣ I и Николаѣ.

— Что, дѣдушка, умереть хочешь?

— Умереть? Еще какъ хочу! Прежде боялся, а теперь объ одномъ Бога прошу: только бы покаяться, причаститься привелъ бы Богъ. А то грѣховъ много.

— Какіе же грѣхи?

— Какъ какіе? Вѣдь я когда служилъ? При Николаѣ! Тогда развѣ такая служба была, какъ нынче? Тогда что было? У! Вспоминать, такъ ужасъ беретъ. Я еще Александра засталъ. Того Александра хвалили солдаты, говорили, — милостивый былъ.

Я вспомнилъ послѣднія времена царствованія Александра, когда изъ 100 человекъ 20 забивали на смерть.

— А мнѣ довелось при Николаѣ служить, — сказалъ старикъ, и тотчасъ же оживился и началъ рассказывать:

— Тогда что было? Тогда на 50 розогъ и портокъ не снимали, 150, 200, 300... на смерть запарывали!

Говорилъ онъ и съ отвращеніемъ, и съ ужасомъ, и не безъ гордости о прежнемъ молодечествѣ. А ужъ палками — недѣли

не проходило, чтобы не забивали на смерть человека или двухъ изъ полка. Нынче уже и не знаютъ, что такое палка, а тогда это словечко со рта не сходило. „Палки, палки!“

Такъ вотъ, какъ вспомнишь про то время, — продолжалъ старикъ, — да вѣкъ-то отжилъ, помирать надо, — какъ вспомнишь, такъ и жутко станеть.

Много грѣховъ на душу принято. Дѣло подначальное было. Тебѣ всыпать 150 палокъ за солдата (старикъ былъ унтеръ-офицеромъ и фельдфебелемъ, а теперь кандидатомъ), а ты ему 200. У тебя не заживетъ отъ того, а ты его мучаешь — вотъ и грѣхъ.

Унтеръ-офицеры до смерти убивали солдатъ молодыхъ. Прикладомъ или кулакомъ свиснетъ въ какое мѣсто нужное, — въ грудь или въ голову, — онъ помретъ. И никогда взыску не было. Помретъ отъ убоя, а начальство пишетъ: „властію Божію помре“. — И крышка! А тогда развѣ понималъ это? Только о себѣ думаешь. А теперь, вотъ, ворочаешься на печкѣ, ночь не спится, все думается, все представляется; хорошо, какъ успѣешь причаститься по закону христіанскому, да простится тебѣ, а то ужасъ беретъ. Какъ вспомнишь все, что самъ терпѣлъ, да что отъ тебя терпѣли, такъ и аду не надо: хуже ада всякаго...

Я живо представилъ себѣ то, что должно вспоминаться въ его старческомъ одиночествѣ, этому умирающему человеку, и мнѣ вчужѣ стало жутко. Я вспомнилъ про тѣ ужасы, кромѣ палокъ, въ которыхъ онъ долженъ былъ принимать участіе. Про загоняніе на смерть сквозь строй, про разстрѣливаніе, про убійство и грабежи городовъ и деревень на войнѣ (онъ участвовалъ въ польской войнѣ), и я сталъ спрашивать его про то. Я спросилъ его про гоняніе сквозь строй.

Онъ рассказалъ подробно про это ужасное дѣло. Какъ ведутъ человека, привязаннаго къ ружьямъ, между поставленными улицей солдатами со шпирутенскими палками, какъ всѣ бьютъ, а позади солдатъ ходятъ офицеры и покрикиваютъ: „Бей больнѣй!“ „Бей больнѣй!“ прокричалъ старикъ начальническимъ голосомъ, очевидно, не безъ удовольствія вспоминая и передавая этотъ молодечески начальнической тонъ.

Онъ рассказалъ всѣ подробности безъ всякаго раскаянія, какъ бы онъ рассказывалъ о томъ, какъ бьютъ быковъ и свѣжуютъ говядину. Онъ рассказывалъ о томъ, какъ водятъ несчастнаго взадъ и впередъ между рядами, какъ тянется и падаетъ забиваемый человекъ на штыки, какъ сначала видны кровяные рубцы, какъ они перекрещиваются, какъ понемногу рубцы сливаются, выступаютъ и брызжетъ кровь, какъ летитъ клочьями окровавленное мясо, какъ оголяются кости, какъ сначала еще кричитъ несчастный, потомъ только охаетъ глухо съ каждымъ шагомъ и съ каждымъ ударомъ, какъ потомъ затихаетъ, и какъ докторъ, для этого приставленный, подходитъ, ошупываетъ пульсъ, оглядываетъ и рѣшаетъ: можно ли еще бить человека, не убивъ до смерти, или надо подождать и отложить до другого раза, когда заживетъ, чтобы можно было начать мученіе сначала и добить

то количество ударовъ, которое какіе-то звѣри рѣшили, что надо ему дать. Докторъ употребляетъ свое знаніе на то, чтобы человѣкъ не умеръ прежде, чѣмъ не вынесетъ всѣхъ мученій, которыя можетъ вынести его тѣло.

Какъ его, когда онъ не можетъ больше ходить, кладутъ на шинель ничкомъ и съ кровяной подушкой во всю спину несутъ въ госпиталь вылечивать, съ тѣмъ, чтобы, когда онъ вылечится, добавить ему ту тысячу или двѣ палокъ, которыя онъ недополучилъ и не вынесъ сразу. Рассказывалъ, какъ они просятъ смерти, и имъ не даютъ ее сразу, а вылечиваютъ и бьютъ другой, иногда третій разъ. И онъ живетъ и мечется въ госпиталь, ожидая новыхъ мученій, которыя доведутъ его до смерти. И его ведутъ второй или третій разъ и тогда уже добиваютъ до смерти. И все это за то, что человѣкъ или бѣжитъ изъ полка, или имѣетъ мужество, смѣлость или самоотверженіе жаловаться за своихъ товарищей на то, что ихъ дурно кормятъ, и начальство крадетъ ихъ паекъ.

Онъ рассказывалъ все это и, когда я старался вызвать его раскаяніе при этихъ воспоминаніяхъ, онъ сначала удивился, а потомъ испугался.

— Нѣтъ, — говоритъ — это что жъ, это — по суду! Въ этомъ я развѣ причиненъ? Это по закону.

То же спокойствіе и отсутствіе раскаянія было у него и по отношенію къ военнымъ ужасамъ, въ которыхъ онъ участвовалъ и которыхъ много видѣлъ и въ Турціи и въ Польшѣ.

Онъ рассказалъ объ убитыхъ дѣтяхъ, о смерти голодомъ и холодомъ плѣнныхъ, объ убійствѣ штыкомъ молодого мальчика-поляка, прижавшагося къ дереву. И когда я спросилъ его, не мучаетъ ли его совѣсть за эти поступки, онъ уже совсѣмъ не понялъ меня. Это — на войнѣ, по закону, за царя и отечество. Это — дѣла не только не дурныя, но такія, которыя онъ считаетъ доблестными, добродѣтельными, искупающими его грѣхи. Мучаютъ его только личныя дѣла, когда онъ, будучи начальникомъ, билъ и наказывалъ людей. Эти дѣла мучаютъ его совѣсть; но для очищенія себя отъ нихъ у него есть спасеніе, это причастіе, которое онъ надѣется, что успѣетъ принять передъ смертію, и о чемъ онъ просилъ племянницу. Племянница обѣщаетъ, понимая важность этого, и онъ спокоенъ.

То, что онъ разорялъ, губилъ неповинныхъ ничѣмъ дѣтей и женщинъ, убивалъ людей пулею и штыкомъ, то, что самъ засѣкалъ, стоя въ строю, на смерть людей и таскалъ ихъ въ госпиталь и опять назадъ на мученіе, — это все не мучаетъ его: это все какъ будто не его дѣла. Это все дѣлалъ какъ будто не онъ, а кто-то другой.

Что было бы съ этимъ старикомъ, если бы онъ понялъ то, что такъ ясно должно бы было быть ему, стоящему на порогѣ смерти, что между нимъ, его совѣстью и Богомъ, какъ теперь, наканунѣ смерти, — нѣтъ и не можетъ быть никакого посредника, такъ и не было и не могло быть и въ ту минуту, когда его заставляли мучить

и убивать людей? Что бы съ нимъ было, если бы онъ понялъ теперь, что нѣтъ ничего искупающаго то зло, которое онъ сдѣлалъ людямъ, когда онъ могъ не дѣлать его? Если бы онъ понялъ, что есть одинъ вѣчный законъ, который онъ всегда зналъ и не могъ не знать, законъ, требующій любви и жалости къ людямъ? Страшно подумать о томъ, что представлялось бы ему въ безсонныя ночи на печкѣ, и каково было бы его отчаяніе, если бы онъ понялъ то, что, когда онъ имѣлъ силу дѣлать добро и зло людямъ, онъ дѣлалъ одно зло? Что, когда онъ понялъ, въ чемъ зло и въ чемъ добро, онъ уже ничего не можетъ дѣлать, какъ только бесполезно мучиться и каяться? Мученія его были бы ужасны!

— Такъ зачѣмъ же и желать мучить его? Зачѣмъ мучить совѣсть умирающаго старика? Лучше успокоить ее! Зачѣмъ раздражать народъ, вспоминать то, что уже прошло!

Прошло? Что прошло? Развѣ можетъ пройти то, чего мы не только не начинали искоренять и лечить, но то, что боимся назвать по имени? Развѣ можетъ пройти жестокая болѣзнь только отъ того, что мы говоримъ, что она прошла? Она не проходитъ и не пройдетъ никогда и не можетъ пройти, пока мы не признаемъ себя больными. Для того, чтобы излечить болѣзнь, надо прежде признать ее. А этого-то мы и не дѣлаемъ. Не только не дѣлаемъ, но всѣ усилія наши употребляемъ на то, чтобы не видать, не называть ея.

А болѣзнь не проходитъ, а только видоизмѣняется, вѣдается глубже въ плоть, въ кровь, въ кости. Болѣзнь въ томъ, что люди, рожденные добрыми, кроткими, люди, освѣщенные христіанской истиной, люди со вложенными въ ихъ сердце любовью, жалостью къ людямъ, совершаютъ — люди надъ людьми — ужасающія жестокости, сами не зная, зачѣмъ и для чего. Наши русскіе люди, кроткіе, добрые, проникнутые духомъ ученія Христа, люди, кающіеся въ душѣ о томъ, что словомъ оскорбляли людей, что не подѣлились послѣднимъ съ нищимъ и не пожалѣли заключенныхъ, — эти люди проводятъ лучшую пору жизни въ убійствѣ и мучительствѣ своихъ братій, и не только не каются въ этихъ дѣлахъ, но считаютъ эти дѣла или доблестью или, по крайней мѣрѣ, необходимостью, такую же неизбѣжною, какъ пища или дыханіе. Развѣ это не ужасная болѣзнь? И развѣ не лежитъ на обязанности каждаго дѣлать все, что онъ можетъ, для исцѣленія ея, и первое — главное — указать на нее, признать, назвать ее ея именемъ.

Солдатъ старый провелъ всю свою жизнь въ мучительствѣ и убійствѣ другихъ людей. Мы говоримъ: зачѣмъ поминать? Солдатъ не считаетъ себя виновнымъ, и тѣ страшныя дѣла — палка, сквозь строй и другія — прошли уже; зачѣмъ поминать старое: теперь уже этого нѣтъ больше!

Какъ, зачѣмъ вспоминать? Если у меня была лихая болѣзнь или опасная, трудно излечимая, и я избавился отъ нея, я всегда съ радостью буду поминать. Я не буду поминать только тогда, когда я болѣю и все тяжело болѣю, и еще хуже, и мнѣ хочется обмануть

себя. Только тогда я не буду поминать. И мы не поминаемъ только отъ того, что мы знаемъ, что мы больны все такъ же.

Зачемъ огорчать старика и раздражать народъ!? Палки, и сквозь строй — все это уже давно прошло. Прошло? Измѣнило форму, но не прошло.

Во всякое прошедшее время было то, что мы вспоминаемъ не только съ ужасомъ, но съ негодовашемъ. Мы читаемъ описанія правежей, сжиганій за ереси, пытокъ, военныхъ поселеній, палокъ и гоняній сквозь строй. и не столько ужасаемся передъ жестокостью людей, но не можемъ себѣ представить даже душевнаго состояшя тѣхъ людей, которые это дѣлали. Что было въ душѣ человѣка, который вставалъ съ постели, умывшись, одѣвшись въ боярскую одежду, помолвившись Богу, шелъ въ застѣнокъ выворачивать суставы и бить кнудомъ стариковъ, женщинъ и проводилъ за этимъ занятіемъ свои обычные пять часовъ, какъ теперешшій чиновникъ въ сенатѣ; ворочался въ семью и спокойно садился за обѣдъ, а потомъ читалъ священное писаніе? Что было въ душѣ тѣхъ полковыхъ и ротныхъ командировъ (я зналъ одного такого), который наканунѣ съ красавицей танцевалъ музурку на балѣ и уѣзжалъ раньше, чтобы на завтра рано утромъ распорядиться прогоняніемъ на смерть сквозь строй бѣжавшаго солдата-татарина, засѣкалъ этого человѣка и возвращался обѣдать въ семью? Въдъ все это было и при Петрѣ, и при Екатеринѣ, и при Александрѣ, и при Николаѣ. Не было времени, въ которое бы не было тѣхъ страшныхъ дѣлъ, которыя мы, читая ихъ, не можемъ понять. Не можемъ понять того, какъ могли люди не видѣть тѣхъ ужасовъ, которые они дѣлали, не видѣть, если ужъ не звѣрской безчеловѣчности тѣхъ ужасовъ, то бессмысленности ихъ. Во всѣ времена это было. Неужели наше время такое особенно счастливое, что у насъ нѣтъ такихъ ужасовъ, нѣтъ такихъ поступковъ, которые будутъ казаться столь же непонятными нашимъ потомкамъ? Такія же дѣла, такіе же ужасы есть, мы только не видимъ ихъ, какъ не видѣли ужаса своихъ ужасовъ наши предки. Намъ ясна теперь не только жестокость, но и бессмысленность сжиганія еретиковъ и пытокъ судейскихъ для узнанія истины. Ребенокъ видитъ бессмысленность этого. Но люди того времени не видѣли этого. Умные, ученые люди утверждали, что пытки — необходимое условіе жизни людей, что это тяжело, но безъ этого нельзя. То же съ палками, съ рабствомъ. И прошло время, и намъ трудно представить себѣ то состояніе людей, при которомъ возможно было такое грубое заблужденіе. Но это было во всѣ времена, поэтому должно быть и въ наше время, и мы должны быть также ослѣплены на счетъ нашихъ ужасовъ.

Гдѣ наши пытки, наше рабство, наши палки? Намъ кажется, что ихъ нѣтъ, что это было прежде, но теперь прошло. Намъ кажется это оттого, что не хотимъ понять стараго и старательно закрываемъ на него глаза.

Но если мы взглянемъ въ прошедшее, намъ откроется и наше настоящее положеніе и причины его.

Если мы не будемъ говорить: зачѣмъ поминать, а посмотримъ внимательно на то, что дѣлалось прежде, то мы поймемъ и увидимъ то, что дѣлается теперь.

Если намъ ясно, что нелѣпо и жестоко рубить головы на плахѣ и узнавать истину отъ людей посредствомъ выворачиванія ихъ костей, то такъ же ясно станеть и то, что такъ же, если еще не болѣе, нелѣпо и жестоко вѣшать людей или сажать ихъ въ одиночное заключеніе, равное или худшее смерти.

Если мы только перестанемъ закрывать глаза на прошедшее и говорить: зачѣмъ поминать старое? — намъ ясно станеть, что въ наше время есть точно такіе же ужасы только въ новыхъ формахъ.

Мы говоримъ: все это прошло; прошло, и теперь уже нѣтъ пытокъ, нѣтъ рабства, нѣтъ забиваній на смерть палками и др.— Но вѣдь это только такъ кажется! Триста тысячъ человѣкъ въ острогахъ и арестантскихъ ротахъ сидятъ запертые въ тѣсныхъ вонючихъ помѣщеніяхъ и умираютъ медленной тѣлесной и нравственной смертью. Жены и дѣти ихъ брошены безъ пропитанія, а этихъ людей держатъ въ вертепахъ разврата, острогахъ и арестантскихъ ротахъ!

Не нужно имѣть особой проницательности, чтобы видѣть, что и въ наше время все то же, и что наше время полно тѣми же ужасами, тѣми же пытками, которые для слѣдующихъ поколѣній будутъ также удивительны по своей жестокости и нелѣпости. Болѣзнь все та же, и болѣзнь не тѣхъ, которые пользуются этими ужасами. Пускай бы они пользовались въ 100 и въ 1000 разъ больше. Пускай устраивали бы башни, театры, балы, обирали бы народъ, толь ко бы они дѣлали это сами, только бы они не развращали народъ, не обманывали его, заставляя его участвовать въ этомъ, какъ стараго солдата“

ГЛАВА XXVIII

Грустная исторія монашенокъ въ М

Въ концѣ шестнадцатаго столѣтія большая вѣтвь греческой церкви отдѣлилась отъ ортодоксальной или государственной и перешла, подъ именемъ соединенной греческой церкви, въ лоно римско-католической вѣры. И такъ какъ правительству необходимо было во что бы то ни стало поскорѣе устранить возникшій расколъ, то былъ пущенъ въ ходъ обычный механизмъ преслѣдованій, угнетеній и проч.

Противъ католиковъ были обнародованы различныя узаконенія, которыя въ концѣ концовъ и достигли желаемой цѣли. Въ 1839 году всѣ уніаты, какъ одинъ человѣкъ, подписали от-

мѣну прежняго рѣшенія и возвратились къ ортодоксальной церкви. Среди прочихъ, подписавшихъ упомянутую только что отмѣну, находился епископъ С., который, чтобы доказать на дѣлѣ свой религиозный пылъ, взялся за обращеніе монашенокъ города М. Сначала епископъ этотъ пустилъ въ ходъ проповѣди, но когда увидѣлъ, что послѣднія рѣшительно никакого впечатлѣнія не производятъ, онъ съ отрядомъ солдатъ подошелъ къ монастырю и предложилъ монахинямъ либо перейти въ новую вѣру, либо послѣдовать въ дальнюю ссылку. Монахини избрали послѣднее. Вскорѣ ихъ повели черезъ городъ; жители слѣдовали за ними и горькими слезами оплакивали судьбу несчастныхъ женщинъ, которыя успѣли во время пребыванія своего въ монастырѣ оказать множество услугъ и благодѣяній. За городомъ монахинь сковали попарно цѣпями, и, закованныя по рукамъ и ногамъ въ кандалы, ярые фанатички брели семь дней пѣшкомъ до города В., гдѣ въ качествѣ прислужницъ были заточены въ монастырь черныхъ монахинь, представлявшихъ собою въ огромномъ большинствѣ случаевъ солдатскихъ вдовъ. Тамъ вновь прибывшія встрѣтили и другихъ монахинь-католичекъ, точно такъ же предназначенныхъ для выполненія всѣхъ черныхъ работъ. Послѣ первыхъ двухъ мѣсяцевъ пребыванія была устроена первая экзекуція монахинь города М., причемъ со стороны упомянутаго выше епископа С. послѣдовало распоряженіе, въ силу котораго упорныя женщины должны были подвергаться поркѣ два раза въ недѣлю и получать каждый разъ по пятидесяти ударовъ. Наказаніе производилось въ помѣщеніи, напоминающемъ собою сарай, въ присутствіи діаконовъ, священниковъ, дѣтей, монашенокъ и всѣхъ обитателей монастыря вообще. Нерѣдко со спинъ жертвъ свѣшивались полосы кожи и мяса, а при выполненіи своихъ ежедневныхъ работъ полъ монастыря увлажнялся кровью несчастныхъ женщинъ. Но онѣ не жаловались и не плакали, а только усердно молились въ глубинѣ души. Дѣло происходило зимой, а такъ какъ никакого топлива имъ не полагалось, то бѣдняги буквально коченѣли, а раны ихъ — послѣдствіе частыхъ экзекуцій — подвергались серьезному воспалительному процессу. Послѣ одной изъ порокъ, отправляясь на обычныя работы, одна изъ монашенокъ лишилась чувствъ и безъ сознанія повалилась на полъ. Ее били до тѣхъ поръ, пока она не пришла въ себя; но при первой же попыткѣ свести мусоръ на тачкѣ несчастная снова упала и испустила духъ. Другую монашенку изъ этой же партіи живьемъ сожгли въ печи, третью настоятельница монастыря полѣномъ избила до смерти за то, что она соскоблила со скамьи пятно ножомъ, что составляло проступокъ противъ орденскихъ правилъ. Четвертая умерла подъ плетью, на пятую обрушилась „случайно“ груда дровъ, за которой стояла одна изъ черныхъ монахинь. Противъ тѣхъ, которыя все-таки оставались преданными своей вѣрѣ, примѣнялись вновь изобрѣтенныя пытки. Одна изъ нихъ заключалась въ слѣдующемъ. Монашенку заставляли приносить изъ рѣки воду; причемъ приказывали, чтобы мѣдный сосудъ, предназначенный для этой цѣли, она всю

дорогу несла въ совершенно вытянутой рукѣ. Рѣка была далеко отъ монастыря, и очень часто несчастныя женщины не были въ состояніи нести кувшинъ такъ, какъ было приказано. Стоило только чуть согнуть руку, какъ слѣдовавшія позади черныя монашенки хлестали провинившуюся плетью, выливали изъ кувшина воду на голову своей жертвы и заставляли снова отправляться на рѣку за новой порціей.

Послѣ двухлѣтняго пребыванія при столѣ тяжелыхъ условіяхъ въ В., ихъ неожиданно перевели въ г. П., гдѣ ихъ ожидало еще больше работы и мученій. При постройкѣ дворца для епископа С. ихъ заставляли исполнять самыя тяжелыя мужскія работы; говорить нечего о томъ, что обращеніе съ несчастными было ниже всякой критики, и этому, больше, чѣмъ чему-либо другому, многія изъ нихъ были обязаны тѣмъ, что вскорѣ послѣ прибытія въ П. отправились въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій.

Однажды утромъ на стѣнахъ монастыря была усмотрѣна надпись:

„Здѣсь не монастырь,
А каторга и галеры“.

Рѣшено было, что надпись эта сдѣлана монахинями изъ М., которыхъ и подвергли такой жестокой поркѣ, что двѣ изъ нихъ скончались во время экзекуціи.

Такое жалкое существованіе несчастныя влачили нѣсколько лѣтъ кряду, и въ 1845 году только четверо изъ всѣхъ „преступницъ“ въ состояніи были волочить ноги. Изъ остальныхъ нѣкоторыя ослѣпли, нѣкоторыя были изуродованы, большинство же умерло. Упомянутыя только что четыре монашенки были приговорены къ отправкѣ въ дальнюю ссылку на сѣверъ, но, воспользовавшись тѣмъ, что во время какого-то праздника сторожа напились до безчувствія,— убѣжали. Въ 1845 году онѣ перебрались за границу и подъ присягой рассказали о страданіяхъ и мукахъ, перенесенныхъ всѣми монахинями города М. со времени преслѣдованія ихъ со стороны епископа С.

ГЛАВА XXIX

Флагелляція въ Африкѣ

Наказаніе плетью и розгами распространено почти на всемъ протяженіи Африки. О примѣненіи этихъ инструментовъ въ древнемъ Египтѣ мы уже упоминали выше, но и теперешніе египтяне твердо убѣждены въ непреложности восточной пословицы: „палка

явилась съ неба, какъ благословеніе Господа Бога“, на основаніи чего правители страны щедрой рукой разсыпаютъ среди своихъ вѣрноподданныхъ удары направо и налѣво. Правильное поступленіе податей въ Африкѣ положительно немислимо безъ того, чтобы въ широкихъ размѣрахъ не примѣнять бастонады, и всякій египтянинъ только стыдится, если на тѣлѣ у него не имѣется слѣдовъ перенесенной экзекуціи: онъ съ своей стороны сдѣлалъ, значить, все возможное, чтобы долше водить за носъ сборщиковъ податей, и только силой удалось вытянуть съ него слѣдуемая деньги...

Въ 1828 году въ Каирѣ одного копта доставили къ уполномоченному султана съ обвиненіемъ въ уклоненіи отъ уплаты податей. Въ свое оправданіе несчастный ссылался на отсутствіе какихъ бы то ни было средствъ, причемъ жалкія отрепья, висѣвшія на его исхудаломъ тѣлѣ, красноречиво говорили въ пользу неисправнаго плательщика. Тѣмъ не менѣе его тутъ же повалили на землю и угостили солидной бастонадой. Душураздирающіе крики несколько не помогли, и палка продолжала то подниматься, то снова опускаться на тѣло бѣдняги. Подъ конецъ боль стала до того невыносимой, что избиваемый обѣщалъ уплатить подать. Только послѣ этого палачъ былъ остановленъ, и копта въ сопровожденіи солдата отправили домой. Но жена встрѣтила его далеко не ласково. „Дурачина ты, простофиля!“ закричала она на мужа. „Чуть только спросили у тебя деньги,— ты уже и радъ стараться! Извольте, молъ; всего-то получилъ навѣрное какихъ-нибудь пять-шесть ударовъ! Стыдись, тряпка! Въ будущемъ году тебя заставятъ платить налогу вдвое больше“. — „Дорогая моя!“ отвѣтилъ измученный мужъ, „вѣрь мнѣ, что я терпѣлъ столько, сколько могъ. Посмотри только, въ какомъ состояніи нахожусь я! Правда, деньги я вотъ уплатилъ, но много труда стоило имъ добиться этого, ибо мнѣ досталось, по крайней мѣрѣ, сто ударовъ“.

Жена послѣ этого успокоилась, а выраженные ею состраданіе и похвала, а также и сознаніе доказаннаго мужества и выносливости заставили забыть о боли и, быть можетъ, о потери уплаченныхъ денегъ.

Впрочемъ, въ Африкѣ наказуются бастонадой не только плательщики, но и сами сборщики податей, а также и шейхи деревень, являющіеся отвѣтственными за добросовѣстное выполненіе общественныхъ работъ. И эти зачастую извиваются подъ ударами дубинки.

Примѣняемая при тѣлесныхъ наказаніяхъ плети изготовляются въ Африкѣ изъ полосъ кожи носорога и въ рукахъ опытнаго палача являются страшнымъ орудіемъ.

Молодые египтяне еще въ школьный періодъ знакомятся со всѣми прелестями бастонады. Одинъ изъ путешественниковъ въ разговоръ со школьнымъ учителемъ въ Каирѣ замѣтилъ ему, что часто и много слышалъ о бастонадѣ, но ни разу ему не пришлось присутствовать при экзекуціи. „Сейчасъ можете лицезрѣть

эту картину“, — сказалъ учитель, схватилъ перваго попавшагося взрослога ученика и избилъ его съ чисто восточнымъ умѣніемъ. „Какое преступленіе совершилъ этотъ мальчикъ?“ — спросилъ путешественникъ. — „Никакого преступленія онъ не совершалъ, но, вѣдь, вы выразили желаніе видѣть, какъ у насъ наказываютъ!“

Особенно усердно примѣняется розга въ южныхъ частяхъ Африки, и именно въ долинѣ Нильской территоріи; здѣсь сѣкутъ туземцевъ, сѣкутъ пришлый элементъ, сѣкутъ въ домахъ, сѣкутъ по суду. Всякое представленіе объ идеальной красотѣ зиждется здѣсь на чрезмѣрной тучности, а для достиженія послѣдней принцессы крови воспитываются исключительно на молокѣ. Шпеке рассказываетъ, что ему пришлось видѣть дочь короля съ привязаннымъ ко рту сосудомъ съ молокомъ, въ то время какъ отецъ принуждалъ ее пить молоко съ помощью розги. Далѣе авторъ этотъ говоритъ, что всѣ распоряженія короля должны разсматриваться, какъ благодѣянія и подобающимъ образомъ приниматься къ исполненію, будь то денежныя взысканія, или телесныя наказанія.

Наказанія въ Мускатѣ и Занзибарѣ иначе, какъ варварскими, назвать нельзя. Вору либо рубятъ руку, либо по шею зарываютъ въ песокъ на берегу такъ, чтобы волны постоянно могли хлестать его. Арабы обращаются со своею прислугой чрезвычайно строго и тяжело наказываютъ за каждый проступокъ. Чтобы понудить слугу проворнѣй исполнить порученіе, господинъ его плюетъ на землю и говоритъ: „Если здѣсь будетъ сухо прежде, чѣмъ ты возвратишься, я велю выпоротъ тебя“. Въ южной Африкѣ у кафровъ и бетшунановъ существуетъ праздникъ, заключающійся въ бичеваніи, напоминающемъ собою спартанскихъ юношей предъ алтаремъ Діаны. Докторъ Ливингстонъ присутствовалъ на такомъ празднествѣ и рассказываетъ о немъ слѣдующее.

Уже съ ранняго утра всѣ мальчики, имѣющіе принять участіе въ торжественной церемоніи, выстраиваются въ рядъ; всѣ они раздѣты до-гола и только въ рукахъ держатъ нѣчто на подобіе сандалій. Противъ нихъ размѣщаются всѣ мужчины даннаго города, точно также въ адамовомъ видѣ, вооруженные длинными тонкими прутьями изъ гибкаго дерева, извѣстнаго подъ именемъ *moretloa*. Мужчины начинаютъ отплясывать танецъ (Коха), задавая при этомъ мальчикамъ вопросы: „Будете ли вы почитать своихъ начальниковъ?“ „Будете ли вы добросовѣстно сторожить стада свои?“ И въ то время какъ мальчики отвѣчаютъ на эти вопросы утвердительно, мужчины набрасываются на нихъ, и каждый выскиваетъ себѣ жертву, которой и наноситъ ударъ прутомъ. Мальчики защищаютъ свою голову руками, и удары обыкновенно приходятся на спину. Нерѣдко кровоточащія раны достигаютъ восемнадцати дюймовъ въ длину, и рубцы ихъ остаются на всю жизнь. Это „избіеніе младенцевъ“ называется закаливаніемъ мальчиковъ, способствующимъ хорошему физическому воспитанію будущихъ воиновъ. И какъ только кому-нибудь изъ

нихъ удастся убить носорога,— его считаютъ уже мужчиной и разрѣшаютъ вступать въ бракъ.

Если сынъ какого-либо начальника племени достигнетъ четырнадцатилѣтняго возраста, то всѣ остальные мальчики такого же возраста назначаются товарищами родовитаго юноши, причемъ за ними учреждается особый надзоръ. Въ отдаленномъ уголку лѣса для нихъ строятъ особыя хижины, въ которыхъ мальчики и помѣщаются. Время отъ времени ихъ навѣщаютъ умудренные опытомъ старики, обучаютъ ихъ танцамъ и посвящаютъ во всѣ тайны африканской политики и управленія страной. Каждый изъ юношей долженъ выучить какую-либо рѣчь и умѣть произносить ее плавно и бѣгло. Подобное воспитаніе проводится съ соблюденіемъ непрекословной строгости, и розга при этомъ играетъ далеко не послѣднюю роль. Еще много лѣтъ спустя, на спинахъ товарища принца крови можно замѣтить краснорѣчивыя слѣды минувшихъ истязаній. Когда сынъ правителя достигаетъ совершеннолѣтія, ему передается верховное командованіе всѣми войсками племени. Между юношами существуетъ самая тѣсная связь, и всѣ они обращаются къ сыну повелителя на „ты“, считая его и другъ друга товарищами.

Въ западной Африкѣ съ розгой также приходится считаться вездѣ и повсюду; она пріобрѣла здѣсь права гражданства какъ среди туземцевъ, такъ и между пришлымъ элементомъ. Первые миссіонеры, появившіеся въ Конго, были католическіе патеры, и они-то и привезли съ собой систему покаянія въ грѣхахъ путемъ истязаній и самобичеваній. По странной случайности, туземцы отнеслись къ этому способу чрезвычайно радушно и ревностно. Въ законахъ жителей, населяющихъ западную часть Африки, плеть также пользуется солиднымъ вѣсомъ. За грабежи или порчу полей съ давнихъ поръ виновный принуждался къ основательной поркѣ. Уличивъ жену въ невѣрности, мужъ пользовался правомъ прогнать невѣрную, но сначала хорошенько „проучить“ ее палкой. Это право распространялось также и по отношенію къ соблазнителю. Если жены ссорились между собой, то мужъ пользовался рѣшающимъ голосомъ и нерѣдко подкрѣплялъ свои заключенія хорошей порціей розогъ. Если со стороны жены поступаетъ жалоба на то, что мужъ наказалъ ее безвинно и отдалъ почему-то предпочтеніе другимъ женамъ, то дѣло доходитъ обыкновенно до суда. Но такъ какъ судьи въ огромномъ большинствѣ случаевъ сами люди женатые, то чаще всего жалобщица признается сама виновной, а претензія ея — неосновательной; въ случаѣ же неудовольствія обвинительницы, выраженного по поводу состоящегося рѣшенія, дѣло быстро улаживается съ помощью волшебной палки *tumbo jumbo*...

Хотя въ западной Африкѣ дѣтей вообще рѣдко наказываютъ розгой, тѣмъ не менѣе имъ приходится частенько переносить болѣе тяжелыя наказанія. Обычный пріемъ при этомъ — втираніе въ глаза перца, и многіе изъ непослушныхъ знаютъ всю прелесть такого наказанія. Операція происходитъ при душу раз-

дирающихъ крикахъ и вопляхъ трепещущихъ въ рукахъ своихъ палачей жертвъ. Остается только удивляться, какимъ образомъ сохраняется у нихъ зрительная способность.

Въ Сьерра-Леонѣ, расположенной въ западной части Африки, для отпущенныхъ на волю рабовъ учреждена колонія, въ которой плеть и тѣлесныя наказанія вообще занимаютъ очень почетное мѣсто. А такъ какъ тамъ существуетъ твердое убѣжденіе въ томъ, что „черные“ безъ колотушекъ не работаютъ, то не трудно себѣ представить, насколько часты и грандіозны экзекуціи въ Сьерра-Леонѣ. Несчастныхъ заставляютъ носить на своей головѣ тяжелые кирпичи, строительный лѣсъ, желѣзныя полосы и прочій матеріаль, употребляющійся при постройкѣ бараконъ. Таковую непомерную тяжесть приходится таскать съ берега моря на вершину горы, что составляетъ разстояніе въ полторы англійскія мили. Работать заставляютъ негровъ съ раннего утра до позднего вечера, и стоитъ только кому-либо изъ нѣсколькихъ надсмотрщиковъ замѣтить, что тотъ или иной негръ дѣлаетъ свое дѣло не такъ прилежно, какъ требуется установленными варварскими правилами, какъ немедленно же раздается повторный свистъ бича. И даже одинъ миссіонеръ увлекся какъ-то до того, что до смерти засѣкъ провинившагося въ чемъ-то мальчика, причемъ еще въ 1827 году за всякое нарушеніе законовъ официально полагалось тѣлесное наказаніе. Приговоренныхъ къ экзекуціи привязывали къ позорному столбу или къ тачкѣ и били либо плетью либо „кошкой“ о десяти хвостахъ, а если эти „свободные граждане Африки“ не успѣвали исполнить многочисленныхъ обыкновенно обязанностей своихъ или же попадались въ воровствѣ, то ихъ попарно привязывали другъ к другу спинами и заставляли въ такомъ положеніи работать подъ надзоромъ самыхъ свирѣпыхъ надсмотрщиковъ.

Въ своемъ сочиненіи „Двадцать лѣтъ жизни у одного изъ африканскихъ работоторговцевъ“, капитанъ Кано описываетъ гаремъ одного изъ такихъ промышленниковъ въ Ріо Понго Армондѣ. По его словамъ, жены пользуются старостью и безпечностью своихъ повелителей-мужей и вволю стараются доставлять себѣ удовольствія внѣ стѣнъ гарема. Случается такъ, что двѣ или три изъ нихъ обзаводятся однимъ любовникомъ, вслѣдствіе чего возникаютъ споры, оканчивающіеся очень часто настоящей войной, во время которой, впрочемъ, соперницы дѣйствуютъ такъ, что рѣдко наносятъ другъ другу серьезныя поврежденія. Мужчины также вмѣшиваются въ не въ мѣру обострившіеся конфликты и посылаютъ другъ другу форменные вызовы. Въ назначенное время дуэлянты появляются на полѣ чести, причемъ cadaго изъ нихъ сопровождаетъ наиболѣе близкій другъ, который либо оплакиваетъ поражение своего пріятели, либо торжествуетъ вмѣстѣ съ нимъ побѣду. Противники вооружаются плетью изъ воловьего хвоста, острые тройные ремни которой могутъ наносить неимовѣрные по силѣ удары. Затѣмъ оба раздѣваются до-гола и вынимаютъ жребій; несчастный, которому приходится быть первымъ въ роли пассив-

наго, занимаетъ опредѣленное положеніе и готовится къ воспріятію заранѣе обусловленнаго количества ударовъ. Затѣмъ наступаетъ очередь второго, и онъ также подвергается экзекуціи, причемъ свидѣтели рѣшаютъ, кто изъ нихъ во время порки велъ себя мужественнѣе и былъ въ состояніи выдержать „лучшіе“ удары съ большимъ хладнокровіемъ. Израненныя сины остаются лучшимъ доказательствомъ героизма и храбрости.

ГЛАВА XXX

Флагелляція въ Америкѣ

Въ нашемъ распоряженіи имѣется очень мало свѣдѣній о нравахъ коренныхъ жителей Америки, и положительно невозможно сказать, примѣняются ли у нихъ по суду тѣлесныя наказанія. Мы можемъ только констатировать тотъ удивительный фактъ, что среди индѣйцевъ существуютъ самыя возвышенныя и идеальныя мысли, о которыхъ только и можетъ мечтать человѣчество. Пророчество, моленіе, монастырское уединеніе, исповѣдь у специально назначеннаго для этой цѣли исповѣдника, безсмертіе души и надежда на будущее блаженство — при этомъ вѣра въ волшебство и въ цѣлесообразность живой жертвы, которая приносится идоламъ ихъ — глубочайшія мысли и безотрадное суевѣріе — все это совмѣщалось у населяющихъ новый свѣтъ народовъ. Главное основаніе покаянія — тѣлесное умерщвленіе плоти, получило широкія права гражданства въ Мексикѣ, а также отчасти и въ южной Америкѣ. У Мексиканцевъ неожиданно появился такъ называемый Quetzalcohuatl (въ буквальномъ переводѣ — зеленая змѣя), бѣлобородый мужчина съ высокимъ лбомъ, въ чужестранной одеждѣ. Quetzalcohuatl этотъ явился законодателемъ самаго строгаго умерщвленія плоти въ качествѣ раскаянія въ грѣхахъ; онъ первый началъ бичевать себя колючими вѣтками кактуса и агавы, но въ то же время запрещалъ подчинившимся его вліянію людямъ человѣческое жертвоприношеніе. Во время пребыванія его въ Анагуакѣ, здѣсь царило слѣпое повиновеніе, но законодатель покинулъ Анагуаку и отправился въ пустыню Холула и управлялъ тамъ народомъ, проявляя при этомъ необычайную мудрость; черезъ нѣкоторое время онъ переправился далеко отсюда, и больше о немъ никто никогда ничего не слышалъ.

Такимъ образомъ для насъ остаются Соединенные Штаты, и здѣсь именно мы имѣемъ въ виду прослѣдить развитіе тѣлесныхъ наказаній.

Первые колонисты сѣверныхъ штатовъ принесли съ собой непоколебимую вѣру въ непогрѣшимость розги, а также въ значительной степени и религіозную нетерпимость, вслѣдствіе кото-

рой, собственно говоря, они и покинули свою родину. Они явились основателями позорнаго столба, который существует и по настоящее время, сохранивъ за собой данное ему сначала назначеніе. Квакеры считаются первыми американцами, испытавшими на себѣ всю прелесть тѣлесныхъ наказаній; какъ и въ старомъ свѣтѣ, экзекуціи сыпались на нихъ въ изобиліи и производились иногда у позорнаго столба, иногда же при нихъ играла роль позорная тачка. Проповѣдники и радѣтели тѣлеснаго умерщвленія плоти подвергались сильному гоненію; не щадили и принадлежавшихъ къ этой сектѣ женщинъ и дѣвушекъ и отдавали ихъ въ руки палача, который немилосердно плетью и веревками избивалъ своихъ кліентовъ. Достаточно было выразить, хотя бы въ самой слабой степени, состраданіе приговоренному къ тѣлесному наказанію, чтобы самому тутъ же лечь подъ розги и быть безжалостно избитымъ тѣмъ же экзекуторомъ. Кто давалъ у себя пріютъ какому нибудь квакеру, тотъ подвергался наказанію плетью; кто защищалъ квакеровъ или принималъ отъ нихъ на храненіе принадлежащія имъ вещи, того также сѣкли немилосердно.

Въ 1657 г. противъ квакеровъ былъ опубликованъ слѣдующій законъ: „Кто изъ жителей Бостона такъ или иначе устроитъ, чтобы квакеръ поселился въ городѣ, подвергается штрафу въ сто фунтовъ стерлинговъ и до уплаты этихъ денегъ заключается въ тюрьму подъ стражу. Кто принимаетъ у себя въ домѣ и угощаетъ человѣка, зная, что послѣдній — квакеръ, платитъ за каждый проведенный у него гостемъ часъ штрафныхъ сорокъ шиллинговъ и, пока не внесетъ этихъ денегъ, арестовывается при тюрьмѣ. Ко всѣмъ тѣмъ, кто поучаетъ квакеровъ и проповѣдуетъ среди нихъ, примѣняются тѣ же законы, какіе введены для лицъ, пріѣзжающихъ изъ за-границы, а именно: за первое нарушеніе закона, если преступникъ мужчина, отрѣзается ухо, и наказанный заключается въ тюрьму до тѣхъ поръ, пока не изыщетъ средствъ для того, чтобы быть отправленнымъ изъ предѣловъ колоніи, уличенные во второй разъ въ томъ же преступленіи подвергаются отрѣзанію второго уха и тюремному заключенію на тѣхъ же основаніяхъ, что и въ первый разъ. Если виновной окажется женщина, то она подвергается сильному наказанію розгами и всему тому, чему провинившійся въ первый разъ мужчина. Рецидивисты, попавшіеся въ третій разъ, будь то мужчины или женщины, караются просверленіемъ языка съ помощью раскаленнаго желѣза и послѣдующимъ заключеніемъ въ тюрьму съ примѣненіемъ тяжелыхъ принудительныхъ работъ до тѣхъ поръ, пока на ихъ собственный счетъ не явится возможность выслать ихъ за-границу“.

И до сихъ поръ въ Америкѣ примѣняются позорный столбъ и наказаніе розгами, примѣняются часто и въ сильной мѣрѣ, причемъ точка зрѣнія ортодоксальныхъ партій какъ нельзя болѣе ярче и характернѣе выражена въ приводимыхъ ниже словахъ губернатора Плимута, который выразился такъ: „По моему глубокому убѣжденію, квакеры — это такой народъ, который необходимо было бы вовсе стереть съ лица земли. Ни къ нимъ, ни къ же-

намъ и дѣтямъ ихъ нельзя чувствовать сожалѣнія, а тѣмъ болѣе оказывать имъ милость“.

Въ Штатѣ Delaware имѣется три позорныхъ столба: одинъ въ Доверѣ, одинъ въ Георгстунѣ и одинъ въ Нью-Кэстлѣ, причемъ американцы считаютъ ихъ лучшимъ карательнымъ методомъ для наказанія за не-серьезныя преступленія. Одна изъ издающихся въ этихъ штатахъ газетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ расхваливаетъ исправительное вліяніе, оказываемое примѣненіемъ наказанія у позорнаго столба. „Если не позволить намъ зрѣмя, и въ газетѣ не окажется достаточно мѣста, мы будемъ пропускать безполезныя расхваливанія цѣлесообразнаго и неощимаго исправительнаго метода, иначе говоря — наказанія у позорнаго столба. Успѣхи послѣдняго слишкомъ краснорѣчиво говорятъ сами за себя, причемъ отсутствіе въ судебныхъ камерахъ подсудимыхъ, извѣстныхъ подъ именемъ „старыхъ знакомцевъ“, т. е. рецидивистовъ, идетъ рука объ руку съ ежегоднымъ уменьшеніемъ количества совершаемыхъ у насъ преступленій вообще. Такимъ образомъ, позорная площадь и позорный столбъ не нуждаются въ рекламѣ, ибо результаты прекраснаго вліянія ихъ на преступниковъ и преступницъ — на лицо“.

Позорный столбъ въ Нью-Кэстлѣ состоитъ изъ крѣпкосколотенныхъ столбовъ, толщиной приблизительно въ двѣнадцать футовъ, къ которымъ присоединена платформа, возвышающаяся надъ уровнемъ земли на разстояніи около шести футовъ. Въ четырехъ футахъ надъ платформой прикрѣплена гвоздями доска, въ которой продѣлано три отверстія: одно для головы и два для рукъ наказуемаго. Доска эта устроена такимъ образомъ, что верхняя часть ея можетъ быть, по желанію, снята, а снимаютъ ее передъ тѣмъ, какъ фиксируютъ въ отверстіяхъ голову и верхнія конечности преступника, послѣ чего ее опускаютъ снова на мѣсто. При этомъ у тучныхъ людей образуется столь значительное давленіе одной части на другую, что нерѣдко возникаетъ опасность могущаго произойти во время экзекуціи задушенія. Посрединѣ платформы, а также съ обѣихъ сторонъ самихъ столбовъ, устроены блоки, посредствомъ которыхъ подлежащіе наказанію падаютъ наверхъ. Порка производится съ помощью девятихвостовой „кошки“ и въ большинствѣ случаевъ не очень жестоко, ибо члены магистратуры стѣсняются очевидно своей ролью при наказаніяхъ и никогда палача не поощряютъ. Впрочемъ, на долю наказываемыхъ не всегда выпадаетъ подобное счастье, и мѣстная газета сообщаетъ, на примѣръ, объ одной совершенной по суду экзекуціи, во время которой величіе закона слишкомъ сильно торжествовало на спинахъ преступниковъ. Послѣ того какъ приговоренныхъ привели на позорную площадь, начался обрядъ раскаянія въ грѣхахъ и преступленіяхъ. Къ самой экзекуціи было приступлено ровно въ 1 часъ дня. Въ первую голову къ столбу подвели нѣсколькихъ подростковъ-негритенковъ, приблизительно лѣтъ пятнадцати, обвинявшихся въ воровствѣ. Они были приговорены къ 20—30 ударамъ, и хотя послѣдніе наносились пала-

чомъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, — юноши не издали ни единого стона, и только замѣтно было, съ какимъ мужествомъ удерживались они отъ вѣшняго проявленія болевого ощущенія. Далѣе были наказаны нѣсколько взрослыхъ негровъ за кражу ржи, и полученные каждымъ изъ нихъ сорокъ ударовъ особаго впечатлѣнія на нихъ очевидно не произвели. Затѣмъ настала очередь ирландца, который, находясь въ пансіонатѣ, попался въ присвоеніи не принадлежащихъ ему вещей; пока подъ плетью бѣлая кожа его принимала красную окраску, — несчастный кричалъ самымъ ужаснымъ образомъ, надрывая душу всѣхъ присутствовавшихъ при экзекуціи. Послѣднимъ подошелъ къ позорному столбу нѣмецъ, уличенный также въ воровствѣ; этотъ заливался горючими слезами еще до начала экзекуціи, объясняя ихъ больше всего выпавшимъ на его долю позоромъ. Во время же наказанія онъ велъ себя безупречно и не издалъ ни одного жалобнаго звука.

Слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто нѣсколько лѣтъ тому назадъ, краснорѣчиво говоритъ о томъ, что розга продолжаетъ играть нѣкоторую роль также и въ американскихъ школахъ. Въ одной изъ общественныхъ школъ Кембриджа, въ штатѣ Массачузетсъ, молодую дѣвицу-ученицу обвинили въ ужасномъ преступленіи: во время урока она шопотомъ подсказала попавшей въ затруднительное положеніе товаркѣ. Учительница тутъ же приговорила ее къ наказанію розгами. Дѣвушка сопротивлялась такъ сильно, что пришлось позвать на помощь смотрителя училища и двухъ младшихъ учителей. Трое мужчинъ эти набросились на дѣвушку и смяли ее; двое крѣпко держали ее руками, а смотритель вооружился кожанымъ ремнемъ и, въ присутствіи всѣхъ учащихся и учащихъ школы, отсчиталъ преступницѣ сорокъ ударовъ. О случаѣ было доведено до свѣдѣнія властей, смотрителя отдали подъ судъ, но присяжные оправдали его. Комитетъ общественныхъ училищъ собрался на особое засѣданіе, но въ концѣ концовъ было рѣшено поставить надъ происшедшей исторіей крестъ, такъ какъ тѣлесное наказаніе является частью школьной дисциплины. Произшли выборы новаго комитета, члены котораго единогласно подписали постановленіе „вывести тѣлесныя наказанія изъ обихода всѣхъ школъ, находящихся въ Кембриджѣ“.

ГЛАВА XXXI

Экзекуція рабовъ

Лишь только исторія тѣлесныхъ наказаній коснется рабовъ и торговли ими, какъ открываются самыя мрачныя картины. Особенно возмутительныя вещи творятся съ рабами въ Америкѣ, гдѣ

господствуетъ специальная точка зрѣнія, въ силу которой держать рабовъ въ повиновеніи возможно только чрезвычайной суровостью, и гдѣ рабовладѣльцамъ даровано законное право примѣнять къ своимъ невольникамъ тѣлесныя наказанія. Въ 1740 году обнародовано было въ Америкѣ законоположеніе, имѣвшее въ виду защитить интересы рабовъ: въ немъ, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Въ томъ случаѣ если кто-нибудь отрѣжетъ невольнику языкъ, выколеть ему глаза, жестокимъ образомъ обварить его кипяткомъ, будетъ жечь ему тѣло или лишитъ какого нибудь органа, либо наложитъ на раба тяжелое наказаніе, за исключеніемъ Execuціи плетью или розгами, или будетъ бить его кнутомъ, предназначеннымъ для лошади, или дубиной, либо закуетъ его въ цѣпи,— тотъ подвергается денежному взысканію въ сто фунтовъ стерлинговъ“.

Въ сводѣ гражданскихъ законовъ Луизианы мы находимъ слѣдующее мѣсто: „Рабъ долженъ вполнѣ и безпрекословно подчиняться волѣ своего господина. Послѣднему разрѣшается наказывать перваго, но не примѣнять при этомъ особыхъ жестокостей; вообще возбраняется причинять невольнику такія поврежденія, которыя сопряжены съ опасностью для жизни, инвалидностью и потерей работоспособности“.

Не смотря на подобныя ограниченія, засѣканія рабовъ до смерти являются далеко не рѣдкими фактами. Такъ, изъ ежедневной прессы извѣстно, что въ 1850 году, напримѣръ, помѣщикъ Симонъ Сутеръ былъ приговоренъ къ пятилѣтнему заключенію въ тюрьмѣ именно за то, что, благодаря жестокому наказанію одинъ изъ его невольниковъ отправился къ праотцамъ. Execuція надъ этимъ несчастнымъ негромъ началась съ того, что онъ былъ привязанъ къ дереву и получилъ солидное количество палочныхъ ударовъ. Когда руки господина стали работать палкой, продолженіе истязанія было поручено негру и негритянкѣ, также рабамъ этого не въ мѣру жестокаго американца. Затѣмъ пошли другія пытки: избитаго прижигали желѣзомъ, смачивали водой и посыпали краснымъ перцемъ. Далѣе его привязали веревками къ колодѣ и снова били палкой и каблуками. Истязанія продолжались до тѣхъ поръ, пока несчастный не отдалъ души Богу. Привлеченный къ суду и приговоренный къ тюремному заключенію, Сутеръ остался приговоромъ недоволенъ и перенесъ дѣло въ высшую инстанцію, которая, утвердивъ первоначальное рѣшеніе суда, пояснила апеллятору, что ему, собственно говоря, полагалось, какъ убійцѣ, быть приговореннымъ къ смертной казни.

На полицію в Бостонѣ была возложена обязанность забирать въ кутузку всѣхъ „цвѣтныхъ“, встрѣченныхъ на улицѣ въ неурочное время или въ такъ называемые „послѣполицейскіе часы“. На утро такихъ заключенныхъ выпускали на свободу, но предварительно отсчитывали имъ библейскіе тридцать девять ударовъ. Низшіе полицейскіе чины за исполненіе подобныхъ обязанностей экзекуторовъ получали особый гонораръ. Точно также въ полицейскихъ управленіяхъ производились порки тѣхъ невольниковъ,

которые являлись сюда для этой цѣли по приказанію своихъ господъ, съ особыми препроводительными записками, въ которыхъ излагалась воля господина.

Въ видѣ доказательства необходимости примѣненія къ невольникамъ тѣлесныхъ наказаній, Обенштедтъ рассказываетъ слѣдующій анекдотъ. Нѣкая дама изъ Нью-Йорка проводила зиму на югѣ и наняла для услугъ невольницу; въ одно прекрасное утро, когда госпожа поручила ей какую-то работу, она вздумала уклониться отъ выполненія ея. Сколько ни уговаривала ее барыня, она все кричала: „Нѣтъ, нѣтъ! Я не исполню вашего приказанія! Не желаю! Принуждать вы не смѣете меня! Я не боюсь даже того, что вы прикажете высѣчь меня!“ Дама оказалась мягкосердечной, не высѣкла упрямыцы и не послала ее для этой цѣли в полицію.

Въ Виргиніи вмѣсто плети прибѣгаютъ при тѣлесныхъ наказаніяхъ къ кожаному ремню и къ особой палкѣ; этимъ имѣется въ виду не обезобразивать спины невольника рубцами и такимъ образомъ не обезцѣнивять его. Плеть изъ воловьего хвоста, бывшая прежде сильно въ ходу, признана была подъ конецъ негодной, ибо она до того сильно исполосовывала кожу и вырывала мясо ключьями, что рыночная цѣна рабовъ сильно понижалась, коль скоро гдѣ-либо на тѣлѣ ихъ замѣчались слѣды прогулокъ этого варварскаго инструмента. Упомянутая выше палка, явившаяся на смѣну воловьего хвоста, представляетъ собою длинную, тонкую, деревянную линейку, снабженную массой маленькихъ отверстій: американцы говорятъ, что по своей идеѣ она, въ смыслѣ успѣшности, ничѣмъ не отличается отъ кожанаго ремня. Такой линейкой можно избить человѣка буквально до смерти, и тѣмъ не менѣе на кожѣ рѣшительно никакихъ слѣдовъ истязаній замѣтно не будетъ.

Зачисленіе негровъ въ ряды союзниковъ, принимавшихъ участіе во время американской войны въ сраженіяхъ съ непріятелями, послужило печальной иллюстраціей тѣхъ тяжелыхъ тѣлесныхъ наказаній, какимъ въ тотъ періодъ подвергались черные невольники. Одинъ изъ полковыхъ врачей расположеннаго въ Мичиганѣ отряда говоритъ, что изъ числа шестисотъ черныхъ новобранцевъ, которымъ онъ произвелъ тѣлесный осмотръ, два процента имѣли на своемъ тѣлѣ слѣды перенесенныхъ ими тяжелыхъ тѣлесныхъ наказаній. „У многихъ имѣлись настолько значительные рубцы отъ бывшихъ рваныхъ ранъ, что въ отверстіе углубленій свободно можно было вложить два пальца“, говоритъ этотъ врачъ. Въ одномъ случаѣ онъ констатировалъ тысячу рубцовъ, каждый изъ которыхъ имѣлъ въ длину отъ шести до восьми дюймовъ. Другой офицеръ повѣствуетъ, что изъ пятнадцати рекрутовъ рѣшительно у всѣхъ оказались слѣды ударовъ плетью, и что многихъ новобранцевъ пришлось признать для военной службы негодными, вслѣдствіе тѣхъ недостатковъ, которые явились слѣдствіемъ либо повторныхъ тѣлесныхъ наказаній, либо укусовъ собаками, либо ножевыхъ ранъ, выстрѣловъ и контузій тяжелыми

предметами, вродѣ дубинокъ, производившихъ переломы и раздробленіе костей.

Въ большинствѣ случаевъ экзекуціи рабовъ производились слѣдующимъ образомъ.

Невольника клали ничкомъ, руки и ноги его привязывали къ спеціально для этой цѣли предназначеннымъ желѣзнымъ кольцамъ, и, придавъ ему такимъ образомъ наиболѣе „удобное“ положеніе, мучители начинали порку, производя ее съ такимъ усердіемъ, что мышцы обнажались отъ покрывающей ихъ кожи. Еще болѣе жестокой пыткойъ было закапываніе несчастныхъ въ яму, въ которой они оставались отъ трехъ до четырехъ недѣль, если только смерть раньше не избавляла ихъ отъ нечеловѣческихъ мученій.

Если желательно было усилить наказаніе, то практиковался слѣдующій способъ: въ образовавшіяся отъ ударовъ плети раны насыпался перецъ, либо въ раны наливался растопленный воскъ или сургучъ, который удалялся оттуда опять-таки съ помощью плети. Одинъ изъ рабовладѣльцевъ имѣлъ обыкновеніе въ видѣ наказанія черныхъ надрѣзывать имъ своимъ охотничьимъ ножомъ пятки, другой самодуръ вложилъ негра въ прессъ, употребляющійся на бумагопрядильныхъ фабрикахъ, и такъ сжалъ несчастнаго, что тотъ вскорѣ отдал Богу душу. Какъ объяснилъ позднѣе этотъ извергъ, онъ имѣлъ въ виду лишь напугать негра, но въ ражѣ довелъ свою шутку слишкомъ далеко... Одинъ изъ проповѣдниковъ, заглянувъ случайно въ сарай своей сосѣдки, увидѣлъ тамъ висящую на прикрѣпленныхъ къ балкѣ рукахъ женщину; послѣдняя была на половину обнажена, по спинѣ ея струилась кровь, во рту торчалъ кляпъ. Оказалось что такому наказанію подвергъ невольницу помѣщикъ только временно: онъ прервалъ экзекуцію, отправился позавтракать, провелъ нѣсколько времени среди своей семьи и затѣмъ снова возвратился въ сарай для продолженія истязанія подвѣшенной невольницы. Мало того, желая научить своихъ трехъ сыновей-подростковъ обращенію съ неграми, онъ позволилъ имъ поупражняться надъ бѣдной женщиной, и въ результатѣ несчастная представляла собой комъ израненнаго и изрубленнаго мяса и производила крайне удручающее впечатлѣніе.

Особенно много страдали занятые на плантаціяхъ цвѣтныя женщины и дѣвушки отъ любви и ревности. Надсмотрщики пользовались надъ рабочими обоихъ половъ почти неограниченной властью, и та дѣвушка, которая такъ или иначе уклонялась отъ нѣжностей, подводилась обыкновенно надсмотрщикомъ подъ какой-либо проступокъ и безжалостно избивалась, нерѣдко даже до полусмерти. Что касается ревности, то на этой почвѣ несчастныя невольницы нерѣдко претерпѣвали адскія муки. Само собой разумѣется, гордые американки ни за что не хотѣли помириться съ мыслью, что „подлая твари“ обращаютъ на себя вниманіе ихъ мужей. Обыкновенно попавшую подъ подозрѣніе или уличенную дѣвушку отсылали въ офіціальное „заведеніе для экзекуціи“,

гдѣ боли несчастныхъ въ значительной мѣрѣ увеличивались доставшимся на ихъ долю, благодаря публичности порки, позоромъ. Очень часто при наказаніяхъ присутствовали сами разгнѣванные барыни, не гнушавшіяся подходящими словами и примѣрами подбадривать палачей къ примѣненію наибольшей строгости.

Положеніе невольниковъ въ Индіи точно также заставляетъ сожалѣть о судьбѣ этихъ несчастныхъ. Надсмотрщики съ точностью выполняютъ всѣ инструкціи надзора, преподанныя своими господами, а онѣ состоятъ частью изъ жестокости, отчасти изъ удовольствія, доставляемаго видомъ человѣческихъ страданій. Наряду съ экзекуціями при помощи плети и розогъ здѣсь существуютъ и другія пытки, какъ-то: клейменіе раскаленнымъ желѣзомъ, отрѣзаніе ушей, вырваніе ноздрей, сожженіе живьемъ и т. д. Иногда негровъ сѣкутъ, обмазываютъ медомъ, заковываютъ въ цѣпи и подвѣшиваютъ подъ палящими лучами жгучаго солнца... Несчастные, вслѣдствіе укусовъ насѣкомыхъ и хищныхъ птицъ, страдаютъ до тѣхъ поръ, пока смерть не прекращаетъ ужасныхъ мученій. Одинъ изъ миссіонеровъ, стараясь обратить какого-то негра въ христіанство, нарисовалъ ему всѣ ужасы ада, ожидающіе тѣхъ, кто не принадлежитъ къ церкви. „Нѣтъ, отецъ, неправда!“ возразилъ невольникъ. „Подобныя наказанія созданы не для насъ, негровъ, они — для бѣлыхъ, которые безпощадно мучаютъ своихъ черныхъ братьевъ“. И, когда въ Вестъ-Индіи произошелъ извѣстный бунтъ невольниковъ, негры сильно отомстили своимъ палачамъ за всѣ ихъ жестокости.

Не лучше, чѣмъ въ Вестъ-Индіи, обстояло дѣло и въ другихъ европейскихъ колоніяхъ. Относительно испанцы въ Южной Америкѣ обходились со своими невольниками недурно, но зато французы, португальцы и голландцы обращались съ неграми въ высшей степени жестоко. Повсюду для европейскихъ дамъ и креолокъ плеть, розга и бамбуковая палка играли роль прекраснаго средства для пріятнаго препровожденія времени. Если же невольницы хотя бы слегка задѣвали за струны ревности своихъ повелительницъ, то дѣло принимало крайне тяжелый оборотъ: либо несчастную забивали до смерти, либо госпожа переставала истязать ее тогда, когда руки ея отъ усталости отказывались болѣе работать плетью. Нѣкоторыя любительницы усаживали провинившихся негрятянокъ въ удобное для себя положеніе и щипали ихъ въ одно изъ наиболѣе чувствительныхъ мѣстъ до тѣхъ поръ, пока жертва не впадала въ обморочное состояніе.

Послѣдняя массовая экзекуція, коснувшаяся негровъ, произошла въ 1865 году, вслѣдствіе невольничьяго возстанія, въ Ямайкѣ. Говорятъ, что первыя, полученныя объ этомъ, свѣдѣнія были преувеличены, но все же путемъ разспросовъ специально командированной въ Ямайку комиссіи удалось констатировать тотъ фактъ, что въ упомянутый періодъ женщинъ и мужчинъ жесточайшимъ образомъ сѣкли только за то, что они имѣли несчастье принадлежать къ черной расѣ. Въ теченіе трехъ недѣль

вся мѣстность была объявлена находящейся на военномъ положеніи, а за это время, то здѣсь, то тамъ безъ всякаго суда и слѣдствія, не выслушивая объясненій и возраженій, власти производили какую-то бѣшеную вакханалію; обоюга пола и разнаго возраста негры безжалостно избивались, разстрѣливались, вѣшались и проч. Въ своемъ донесеніи лейтенантъ Адкокъ говоритъ слѣдующее:

„Утромъ приказалъ высѣчь четверыхъ и повѣсить шестерыхъ изъ взбунтовавшихся негровъ, въ обѣденное время, имѣя при себѣ тридцать человѣкъ команды, произвелъ рекогносцировку. Возвратился въ 4 часа дня съ плѣнными. Девять человѣкъ приказалъ высѣчь, шесть негритянскихъ хижинъ сжечь до тла. Относительно группы захваченныхъ въ плѣнъ — человѣкъ 30—60 — созвалъ военный судъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ еще до разбора дѣла распорядился высѣчь. Одинъ изъ подсудимыхъ, что-то вродѣ священника или учителя, былъ приговоренъ къ пятидесяти ударамъ, другому всыпали сто, остальныхъ восемь частью повѣсили, частью разстрѣляли“.

Въ Моранъ-Беѣ временный генераль-губернаторъ буквально утопалъ въ тѣлесныхъ наказаніяхъ. Основнымъ правиломъ у него было: „Сначала избить, а затѣмъ только разобрать дѣло по существу“. Одинъ несчастный негръ скрежеталъ во время экзекуціи зубами и въ наказаніе за это былъ... повѣшенъ. Нѣкоторыхъ избивали сначала девятихвостовой кошкой, а затѣмъ заставляли пробѣгать сквозь строй (наказаніе шпицрутенами). Солдаты отпрашивались у офицеровъ какъ будто въ отпускъ, на самомъ же дѣлѣ устраивали на несчастныхъ негровъ настоящія охоты, точно это были не люди, а дикіе звѣри.

Закончимъ настоящую главу отчетомъ о казни, постигшей двухъ рабовладѣльцевъ.

8 мая 1811 года А. В. Лоджъ, членъ государственнаго совѣта въ Тортолѣ, былъ приговоренъ судомъ, состоявшимся подъ предсѣдательствомъ Спенсера Персиваля, къ смертной казни за то, что онъ до того сильно избилъ плетью принадлежавшаго ему негра, что тотъ во время экзекуціи испустилъ духъ. Такое жестокое наказаніе было назначено за кражу одного мангустана¹⁾. Считаемо нелишнимъ замѣтить, однако что подобное обхожденіе съ чернымъ должно быть названо пустякомъ въ сравненіи съ тѣми жестокостями, которыя позволялъ себѣ этотъ джентльменъ по отношенію къ своимъ невольникамъ. Пожалуй, казнь этого господина должна считаться единственной основательной, произведенной когда-либо въ Вестъ-Индіи. Въ данномъ случаѣ преступникъ дѣйствительно заслужилъ доставшуюся на его долю участь. Во всѣхъ остальныхъ примѣрахъ привлеченія рабовладѣльцевъ къ суду въ огромномъ большинствѣ случаевъ фигурируютъ оправдательные приговоры, не смотря на то, что сплошь и рядомъ ихъ уличали весьма вѣскія свидѣтельскія показанія.

¹⁾ Мѣстный фруктъ.

Подобный же случай имѣлъ мѣсто въ Южной Африкѣ. Мистеръ Гебгардъ, сынъ одного изъ миссіонеровъ-проповѣдниковъ, былъ привлеченъ къ суду. Дѣло разбиралось въ Капштадтѣ 21 февраля 1822 года. Согласно обвинительному акту, Гебгарду вѣнялось въ вину убійство невольника во время наказанія его розгами. Судьи вынесли смертный приговоръ, который былъ приведенъ въ исполненіе 15 ноября того же года. На казни присутствовало невѣроятное количество публики.

ГЛАВА XXXII

Флагелляція во Франціи

Во французскомъ уложеніи о наказаніяхъ розга занимаетъ относительно незначительное положеніе. Въ прежнія времена и небольшія сравнительно преступленія карались смертью, изуродованіемъ или изгнаніемъ. Зато въ домашнемъ кругу, а также и въ школахъ тѣлесныя наказанія пользовались большимъ почетомъ. Такимъ образомъ розга и плеть, заботившіяся о воспитаніи дѣтей, особенно наиболѣе непослушныхъ изъ нихъ, постоянно бывали заняты своимъ дѣломъ. Въ исправительныхъ заведеніяхъ, въ домахъ для умалишенныхъ, въ тюремныхъ больницахъ женщинъ и дѣвушекъ били часто, били безпощадно. Въ своихъ мемуарахъ госпожа де-Жанлисъ передаетъ потомству, что ея мать до страсти любила примѣнять розгу, и „когда“ — говоритъ писательница, — „я замѣчала, что розга свищетъ менѣе хлестко, нежели обычно, и опускается на тѣло не съ прежней силой, — я сейчасъ же думала тревожно о томъ, здорова ли мама“.

Душевно-больные въ специальныхъ заведеніяхъ очень часто подверглись тяжкимъ экзекуціямъ; у Вольтера на эту тему имѣется талантливый рассказъ.

Въ 1723 году изъ Китая во Францію возвратился патеръ Фуке, іезуитъ. Въ поднебесной Имперіи священникъ этотъ провелъ двадцать пять лѣтъ и все время слылъ тамъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ миссіонеровъ. Въ концѣ концовъ онъ разошелся во мнѣніяхъ съ другими іезуитами-миссіонерами и возымѣлъ намѣреніе принести на нихъ жалобу его святѣйшеству, самому папѣ. Въ качествѣ свидѣтеля патеръ Фуке привезъ съ собой одного китайца, котораго хотѣлъ секретнымъ образомъ провести съ собой въ Римъ. Предварительно же онъ остановился въ Парижѣ. Здѣсь іезуиты узнали о планахъ и намѣреніяхъ Фуке, причемъ послѣдній былъ объ этомъ также освѣдомленъ. Не долго думая, онъ отправился на курьерскихъ въ Римъ, и досточтимымъ отцамъ іезуитамъ достался въ руки одинъ только китаецъ. Этотъ несчастный ни слова не понималъ по французски. Добродушные отцы распорядились изготовленіемъ *lettre de cachet*, сославшись на то, что имѣютъ необходимость привести въ домъ заключенія душевно

больного. Полицейскій чиновникъ не замедлилъ явиться со стражникомъ, чтобы, во исполненіе приказанія, забрать сумасшедшаго въ домъ для умалишенныхъ. Въ указанномъ мѣстѣ онъ встрѣтилъ человѣка, который совершенно иначе кланялся, чѣмъ французы, говорилъ непонятныя слова пѣвучимъ голосомъ и корчилъ чрезвычайно удивленныя рожи. Выразивъ „сумасшедшему“ сожалѣніе, полицейскій приказалъ связать ему руки и въ такомъ видѣ доставилъ въ Шарентонъ, гдѣ несчастнаго два раза въ день угощали солидными порціями розогъ.

Удивленію китайца, само собой разумѣется, не было предѣловъ: онъ рѣшительно ничего не понималъ и находилъ поведеніе французовъ въ высшей степени удивительнымъ, чтобы не сказать болѣе. Три года прожилъ несчастный на хлѣбѣ и водѣ среди безнадежно умалишенныхъ и охранявшихъ ихъ сторожей, думая все время, что французы подраздѣляются на два сорта людей: одна половина изъ нихъ танцуетъ, въ то время когда другая хлещетъ пляшущихъ розгами и плетью.

Въ своихъ сочиненіяхъ Вольтеръ часто упоминаетъ о розгѣ, и именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хочетъ высмѣять отцовъ-іезуитовъ. И Фенелонъ въ извѣстномъ трудѣ, посвященномъ воспитанію, высказываетъ свое мнѣніе относительно тѣлесныхъ наказаній вообще. О томъ, какого мнѣнія придерживался по данному вопросу Руссо, мы будемъ говорить впослѣдствіи.

Въ мемуарахъ прославившейся госпожи Буриньонъ, которая особенно много страдала отъ видѣній религіознаго характера, очень часто упоминается о наказаніяхъ розгами, и лишь только находившіяся въ ея исправительномъ заведеніи дѣти уклонялись отъ наказанія, то ихъ считали заколдованными или одержимыми бѣсомъ, причемъ въ результатѣ ихъ окружали особой заботливостью и состраданіемъ.

Били во Франціи совсѣмъ маленькихъ дѣтей, и, по увѣренію гувернантокъ и боннь, тѣлесныя наказанія развивали мышцы и укрѣпляли кожу подрастающаго поколѣнія. Сами гувернантки тоже не забывались, и къ нимъ родители ввѣренныхъ ихъ попеченію дѣтей нерѣдко обращались съ многозначительной фразой: „Берегитесь, сударыня, или же намъ придется отправиться съ вами въ Нидерланды,“ — что говорило краснорѣчиво объ угрожающей экзекуціи.

Во всѣхъ французскихъ школахъ при монастыряхъ розга, въ примѣненіи къ молодымъ дѣвушкамъ, подолгу безъ употребленія не залеживалась, что, разумѣется, объясняется флагеллянтствомъ, игравшимъ среди монашенокъ довольно выдающуюся роль. Святыя сестры съ энтузіазмомъ и восхищеніемъ наказывали точно такъ же своихъ ученицъ, какъ это продѣлывали святыя отцы по отношенію къ своимъ кающимся дѣтямъ.

Въ школахъ для мальчиковъ также недостатка въ ударахъ не было, причемъ „школа добрыхъ отцовъ святого Лазаря“ безусловно должна была получить въ этомъ отношеніи пальму первенства. Мало того, что эти „добрые отцы“ щедрой рукой награждали своихъ учениковъ розгами, — они занимались экзекуціей

и тѣхъ, кого имъ поручали наказывать и съ которыми вообще они дѣль никакихъ не имѣли. Никогда не было отказа въ исполненіи просьбы, изложенной хотя бы въ письмѣ слѣдующаго содержанія:

„Господинъ М. М., свидѣтельствуя свое уваженіе патеру X., покорнѣйше просить угостить подателя сего двадцатью ударами“.

Само собой разумѣется, что при письмѣ прилагалось также и соответствующее вознагражденіе за хлопоты и труды. А такъ какъ упомянутая только-что школа помѣщалась въ центрѣ столицы, то въ концѣ концовъ въ этой семинаріи образовалось настоящее коммерческое предпріятіе для приведенія въ исполненіе тѣлесныхъ наказаній. Родители присылали сюда неучтивыхъ и выбившихся изъ повиновенія сыновей, опекуны — своихъ непослушныхъ опекаемыхъ, учителя — наименѣе успѣвавшихъ учениковъ и т. д. И разъ только къ письму или словесной просьбѣ прилагались деньги, — сдѣлка была окончена, и наказаніе приводилось въ исполненіе безъ разсмотрѣнія вызвавшаго его преступленія. Сколько ударовъ указывалось, столько и отсчитывалось. Къ тому же у святыхъ отцовъ имѣлся постоянно такой обильный запасъ различныхъ экзекуціонныхъ инструментовъ и сильной прислуги, которая умѣла обращаться съ послѣдними, что никому изъ „казачиковъ“ отказу бояться было нечего. Не обходилось здѣсь и безъ комическихъ приключеній и совпаденій. Молодые люди, которымъ поручалось передать письмо въ St. Lasare, не зная о содержаніи его, въ свою очередь перепоручали это дѣло другимъ, и въ результатѣ несчастныя жертвы случайности въ награду за свое добродушіе и услужливость переживали подъ розгами довольно непріятныя минуты и ощущенія.

Въ рукахъ покинутыхъ любовницъ святые отцы нерѣдко играли роль мстителей и блестяще выполняли дѣло наказанія легкомысленно относившихся къ любви и вѣрности возлюбленныхъ.

У Беранже имѣется пѣсенка, относящаяся къ іезуитамъ St. Acheul и къ наказаніямъ ими учениковъ:

„Вы откуда, чернецы?“

„Изъ-подъ земли, вотъ откуда!“

И каждый стихъ заканчивается:

„И такъ мы бьемъ, мы все бьемъ

Красивыхъ мальчиковъ красивыя части тѣла“

Что общественное мнѣніе касательно тѣлесныхъ наказаній измѣнилось съ тѣхъ поръ, когда „добрые отцы“ Святого Лазаря захлѣбывались въ тѣлесныхъ наказаніяхъ, ясно вытекаетъ изъ случая, опубликованнаго въ 1832 году въ „Journal des Débats“ Аббатъ Луизонъ, предсѣдатель одного изъ воспитательныхъ заведеній въ Болоньи, былъ преданъ суду за то, что подвергъ наказанію плетью десятилѣтняго мальчика Алексѣя. Президентъ судебной палаты, гдѣ разсматривалось дѣло, пожелалъ узнать, какимъ именно образомъ была сдѣлана послужившая для экзекуціи Алексѣя плеть. На этотъ вопросъ подсудимый отвѣтилъ, что плетка состояла изъ семи тонкихъ веревокъ съ узелками н концѣ

Einem Geistlichen
Sonderbare Scheinheilige Andacht.
bey gelinder bestraffung schöner Weiber.

Карриатура на духовенство.
(изъ XVII столѣтїя).

каждой изъ нихъ. Когда же президентъ заявилъ аббату Луизону, что, согласно показанія школьныхъ товарищей потерпѣвшаго, каждая веревка по толщинѣ своей напоминала вставку для пера, а каждый узелъ былъ величиной съ добрую вишню, — подсудимый возразилъ, что свидѣтели стояли въ значительномъ отдаленіи отъ Алексѣя, ясно видѣть не могли, были сильно испуганы, и отъ страха предметы показались имъ значительно больше своей натуральной величины. Прокуроръ выразилъ желаніе поглядѣть на плетку,

februarius.

**Les six d'apres ressemblent a febrrier,
En fin duquel commence le p^m temps:
Car le speru se omire prest a enseigner,
Et donlx deusent leufant quant a douze ans**

Школа іезуитовъ.
(Старинная гравюра).

но аббать уклонился отъ исполненія желанія его, вслѣдствіе чего послѣ десятиминутнаго совѣщанія былъ вынесенъ слѣдующій приговоръ: такъ какъ подсудимый тѣлесно наказалъ мальчика, не имѣя на это никакого права, онъ приговаривается къ штрафу въ сто франковъ, къ двадцатидневному тюремному заключенію и уплатѣ судебныхъ издержекъ.

Послѣдней женщиной, наказанной плетью по суду во Франціи, была графиня де-ла-Мотте, принимавшая участіе въ кражѣ пресловутаго ожерелья, въ свое время заставившаго о себѣ много говорить. Исторія этого ожерелья относится ко временамъ Маріи Антуанетты и настолько всѣмъ извѣстна, что мы не находимъ нужнымъ повторять ее здѣсь. Графиню приговорили привязать за шею къ позорной тачкѣ и въ обнаженномъ видѣ подвергнуть наказанію плетью. Затѣмъ постановлено было выжечь на обоихъ плечахъ ея по буквѣ В (воровка) и послѣ всего этого подвергнуть пожизненному заключенію въ тюрьмѣ la Salpêtrière. Послѣ произнесенія приговора графиня разразилась цѣлымъ потокомъ брани и оскорбительныхъ выраженій по адресу королевы и парламента, а во время совершенія операціи клейменія сопротивленіе ея было настолько велико, что палачу еле-еле удалось справиться съ ней и исполнить свое дѣло.

Беззаконное наказаніе плетью и розгами женщины имѣли мѣсто въ Парижѣ и въ позднѣйшія времена. Въ ужасный періодъ французской революціи, когда мясники, хулиганы, бродяжки и всякій уличный сбродъ вообще взялъ въ свои руки власть надъ народомъ, а также позднѣе, когда владычество перешло на сторону такъ называвшейся *jeuneusse dorée* (богатая молодежь), — розга, разумѣется, отдыху не имѣла. Во время перваго періода наблюдалось желаніе группы извѣстныхъ парижанокъ собрать выгнанныхъ изъ монастырей монашенокъ, чтобы затѣмъ подвергнуть ихъ позорной экзекуціи. Наиболѣе извѣстнымъ случаемъ этого рода является дѣло Т. де-Мерикуръ, высѣченной публично и притомъ самымъ жестокимъ образомъ шайкой женщинъ на террасѣ „des Feuillants“. Со стыда и ярости несчастная лишилась разсудка и прожила еще двадцать лѣтъ въ домѣ для умалишенныхъ въ Шарантонѣ. Если ей удавалось избѣжать бдительнаго надзора сторожихъ, она срывала съ себя одежды и пыталась наносить себѣ столь же позорное наказаніе, которое выпало на ея долю со стороны озвѣрѣвшей толпы.

Когда наступилъ періодъ реакціи, ужасы *jeuneusse dorée* нисколько, кажется, не уменьшились. Партія эта, состоявшая изъ знатныхъ развратниковъ, чистопробной интеллигенціи, модныхъ дамъ и профессоровъ теологіи, дошла до того, что съ помощью картечи разрывала людей на части, закалывала безоружныхъ плѣнныхъ и арестованныхъ и подвергала публичному тѣлесному наказанію молодыхъ дѣвушекъ. Женщинъ привязывали обыкновенно къ „дереву свободы“, раздѣвали до гола и сѣкли плетью или розгами. Одну молодую барышню, почти подростка, пятнадцати лѣтъ, самымъ издѣвательскимъ образомъ наказали на улицѣ розгами только за то, что она поцѣловала трупъ своего отца. Анти-террористы Парижа окружали по вечерамъ помѣщенія, въ которыхъ происходили собранія якобинцевъ, и всячески издѣвались надъ послѣдними. Такъ, они бросали въ окна камни и нападали на членовъ, когда они выходили послѣ засѣданія на улицу. Особенно излюбленной мишенью мести служили для нихъ

дамы на галереяхъ, которыхъ они называли „фуріями гильотины“. Гдѣ бы ни показались эти особы, ихъ сейчасъ же избивали плетью, приче́мъ крики жертвъ террора еще болѣе возбуждали злобу и ужасъ якобинцевъ.

ГЛАВА XXXIII

Флагелляція во Франціи

(Продолженіе)

Французская литература послѣдняго столѣтія особенно богата рассказами и фактами изъ области тѣлесныхъ наказаній встрѣтившихъ большое сочувствіе среди представительницъ прекраснаго пола. Въ большинствѣ случаевъ женщины сами такъ или иначе принимали здѣсь участіе, о чемъ свидѣтельствуютъ приводимые ниже примѣры. Такъ, на примѣръ, въ Италіи, равно какъ и во Франціи, властвовалъ обычай, въ силу котораго дамы избивали своихъ знакомыхъ въ постели въ день „Праздника невинныхъ“. Въ этотъ день дамы имѣли право мстить за всѣ оскорбленія, нанесенныя имъ друзьями въ теченіе цѣлаго года. Онѣ заранѣе условливались ходить группами и, нагрузившись различными орудіями наказанія, съ ранняго утра отправлялись на охоту. И горе было тому несчастному, кто не сумѣлъ какъ слѣдуетъ запереться въ своемъ домѣ! Женщины нападали на него и оставляли свою жертву только послѣ того, какъ основательно наминали ей бока. Помимо этого, праздникъ невинныхъ превращался еще въ день избіенія младенцевъ. Согласно обычаю, рано утромъ начиналась порка дѣтей, коей имѣлось въ виду „запечатлѣть въ памяти подрастающаго поколѣнія имѣвшія мѣсто при Иродѣ избіенія“.

Щедрой рукой досталось наказаніе на долю нѣкоего хирурга по приказу своей пациентки, французской принцессы, врачъ этотъ былъ избитъ немилосердно. Принцесса, позднѣе супруга Генриха IV, имѣла большую склонность къ политическимъ интригамъ. Во время гражданской войны Лиги она сдѣлала попытку обложить городъ Агенъ податью въ свою пользу. Попытка эта не удалась, и принцесса вынуждена была спасаться бѣгствомъ. При вполнѣ понятной спѣшкѣ невозможно было озаботиться приобрѣтеніемъ дамскаго сѣдла, и бѣглянкѣ пришлось много миль проскакать, сидя на лошади за спиной правившаго всадника. Преодолевая массу опасностей, имъ удалось, наконецъ, счастливо добраться въ Узунъ (Овернь), но утомленіе, вызванное долгимъ путешествіемъ и неудобнымъ положеніемъ на сѣдлѣ, не прошло для принцессы безслѣдно: у нея развилась сильнѣйшая лихорадка, разбитость и ломота во всѣхъ членахъ. Приглашенный хи-

ругъ быстро справился съ взятой на себя задачей; несмотря на высокое знаніе своего дѣла, врачъ этотъ отличался крупнымъ недостаткомъ: онъ не умѣлъ держать языкъ за зубами. Повсюду слышались шутки хирурга относительно леченія и курьезовъ съ ея высочествомъ. Принцесса узнала о распространяемыхъ на ея счетъ слухахъ и положила конецъ выведшимъ ее изъ себя инсинуаціямъ путемъ назначенной врачу экзекуціи, по поводу которой въ мемуарахъ говорится: „elle lui fit donner les étrivières“. И все это по праву сильнаго!

Изъ *causes célèbres* французскаго окружнаго суда извлекаемъ преинтереснѣйшій случай, относящійся къ акту мести знатной дамы, случившемуся во времена царствованія Людовика XIV.

Маркиза дю-Треснель и госпожа дю-Ліанкуръ проживали вблизи Шомона; каждая изъ дамъ изъ кожи лѣзла вонъ, чтобы перещеголять свою соперницу и выставить другую передъ обществомъ въ невыгодномъ для нея свѣтѣ. Война велась во всѣхъ смыслахъ ожесточенная, и въ концѣ концовъ маркиза пришла въ отчаяніе и рѣшилась на крайнія мѣры. Въ сопровожденіи штата своей прислуги она подкараулила госпожу де-Ліанкуръ, приказала вытащить несчастную женщину изъ ея экипажа и... высѣкла розгами. Госпожа де-Ліанкуръ обратилась съ жалобой въ судъ, который постановилъ приговоръ, гласившій: Маркиза дю-Треснель должна попросить у потерпевшей на колѣняхъ прощенія, обязуется уплатить двадцать тысячъ рублей штрафа за безчестье и подвергается ссылкѣ въ мѣста, расположенныя внѣ предѣловъ суда, постановившаго настоящій приговоръ. Довольно высокая плата за удовольствіе угостить свою соперницу порціей березовой каши! Несчастные слуги поплатились еще хуже: несмотря на то, что они являлись только исполнителями приказаній своей госпожи, ихъ отправили на галеры.

Въ другомъ случаѣ двухъ дамъ знатнаго происхожденія уголовный судъ приговорилъ къ тяжелому наказанію за то, что онѣ, воспылавъ завистью къ красотѣ дочери мелкаго арендатора и заподозривъ въ ея лицѣ опасную для себя конкурентку, приказали высѣчь ни въ чемъ невиновную дѣвушку розгами. О графинѣ Дюбори также разсказывается, что за какое-то нанесенное ей оскорбленіе она прибѣгла къ наказанію обидчицы розгами. Ей показалось, что маркиза фонъ Розенъ подтруниваетъ надъ ней; когда же она разсказала о своемъ горѣ королю, то Людовикъ, находясь въ хорошемъ расположеніи духа, успокоилъ ее тѣмъ, что сказалъ: „вѣдь, маркиза еще дитя; самымъ подходящимъ наказаніемъ можетъ послужить для нея розга“. Этотъ отвѣтъ короля далъ графинѣ Дюбори поводъ вообразить, что ей даруется право отомстить маркизѣ именно розгой. Воспользовавшись первымъ визитомъ маркизы, Дюбори, не долгѣ думая, основательнѣйшимъ образомъ выполнила актъ мести. Маркиза фонъ Розенъ принесла жалобу королю, но Дюбори въ свое оправданіе сослалась на то, что, наказывая тѣлесно маркизу, она точно слѣдовала инструкціи, полученной ею отъ его величества. Интересно

далѣе утвержденеі многихъ придворныхъ, которые увѣряли, что Людовикъ во время экзекуціи находился въ укромномъ мѣстечкѣ и съ удовольствіемъ наблюдалъ за процедурой порки маркизы.

Придворный шутъ герцога феррарскаго, Гонелла, пріѣхалъ во Флоренцію, чтобы здѣсь сыграть свою свадьбу. Возвратившись послѣ свадебнаго путешествія, онъ позволилъ себѣ по адресу своей госпожи неумѣстную шутку, которая обошлась ему слишкомъ не дешево. Увѣривъ герцогиню, что молодая жена его страдает глухотою, онъ убѣдилъ затѣмъ послѣднюю въ томъ, что герцогиня глуха и ничего ровно не слышитъ. Во время представленія супруги шута ко двору между обѣими дамами, одной знатной и другой низкаго происхожденія, произошелъ чрезвычайно комичный разговоръ, ибо каждая изъ нихъ, будучи увѣрена въ томъ, что ея собесѣдница одержима глухотою, говорила обычные при дворѣ и представленіи комплименты, буквально надрывая при этомъ глотку. Окружавшее обѣихъ женщинъ общество еле-еле удерживалось отъ хохота и съ необычайными усиліями старалось придать своимъ фізіономіямъ серьезное выраженіе. Когда маркиза узнала сущую правду, она не подала вида неудовольствія, но въ глубинѣ души рѣшила отомстить шуту.

Какъ-то утромъ она приказала позвать шута къ себѣ; когда послѣдній вошелъ въ комнату, дверь за нимъ была заперта на ключъ, при чемъ его окружила цѣлая банда женщинъ, вооруженныхъ прутьями, много обѣщавшими уже при одномъ поверхностномъ взглядѣ на нихъ. „Ну-съ, каналья! Сейчас тебя будутъ наказывать! Я научу тебя, какъ шутить съ такими дамами, которые по своему общественному положенію стоятъ неизмѣримо выше твоей жены!“ — сказала герцогиня. Шутъ упалъ на колѣни, сожалѣлъ о своемъ поступкѣ, слезно просилъ прощенія и умолялъ до наказанія выслушать еще одну просьбу. Получивъ разрѣшеніе и не вставая съ колѣнъ, придворный шутъ сказалъ: „Высокоуважаемая госпожа, и вы, почтенныя дамы! Имѣю честь попросить только объ одномъ: пусть первый ударъ нанесетъ мнѣ та изъ васъ, которая когда-либо и какимъ бы то ни было образомъ совершила поступокъ противъ чести“. Само собой разумѣется, что маркиза не пожелала начать лично экзекуцію и приказала сдѣлать это кому-либо изъ пожилыхъ дамъ, но эти послѣднія рѣшительно отказались выполнить приказаніе. Молодые дѣвушки, не взирая на строгій этикетъ, расхохотались, прутья полетѣли въ уголь, и Гонелла былъ спасенъ.

Точно такой же хитростью избавился отъ опасности французскій поэтъ Клопинель: за сочиненные имъ сатирическіе и неприличныя стихи, посвященныя прекрасному полу, фрейлины двора Карла Красиваго порѣшили наказать невоздержнаго на злыя шутки поэта розгами, но находчивость спасла его такъ же, какъ и Гонелла.

У Брантома описанъ случай, въ которомъ нѣкоторая принцесса фигурируетъ въ качествѣ судьи надъ іезуитомъ, достойно

ею наказаннымъ. Дѣло въ томъ, что Филиппъ II испанскій вздумалъ вступить во второй бракъ со своей племянницей, дочерью Максимилиана II и вдовой Карла IX, короля французскаго. Принцесса отвергла предложеніе короля Филиппа II, послѣ чего послѣдній вмѣстѣ со своей сестрою, матерью принцессы, обратились за содѣйствіемъ къ одному изъ отцовъ іезуитовъ, славившемуся своей ученостью, образованностью и эрудиціей. Но іезуитъ этотъ тщетно пустилъ въ ходъ всю силу своего краснорѣчія: принцесса оставалась непреклонной. Когда повторныя попытки іезуита слишкомъ надоѣли принцессѣ, и когда онъ, несмотря на предостереженія ея высочества, продолжалъ убѣждать ее согласиться на предложеніе Филиппа, — принцесса приказала высѣчь его плетью, и высѣчь притомъ самымъ жестокимъ образомъ.

Въ одномъ изъ издававшихся въ Германіи иллюстрированныхъ журналовъ былъ напечатанъ рассказъ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ котораго является нѣкая парижанка. Эксцентричная особа эта держала при себѣ монашенку, исполнявшую роль не только духовника, но и палача, ибо два раза въ недѣлю аккуратнѣйшимъ манеромъ наказывала розгами свою госпожу, разумѣется, съ полного согласія послѣдней. Дама принадлежала къ высшей парижской аристократіи, и потому разоблаченія о подобной жизни ея произвели своевременно огромное впечатлѣніе во всѣхъ слояхъ населенія Парижа и далеко за предѣлами его. Кто могъ бы подумать, что на утро по возвращеніи съ свѣтскаго бала, красавица босикомъ и въ одной сорочкѣ пробиралась по длинному, вымощенному кирпичомъ коридору въ домашнюю часовенку свою, гдѣ поджидали уже вооруженныя пучками розогъ святыя сестры... Раздавалось приказаніе улечься на холодныхъ ступеняхъ алтаря, и начиналась далеко не бутафорская экзекуція... Обратный путь въ свои роскошныя хоромы парижанка, по приказанію монахинь, должна была продѣлать ползкомъ на колѣняхъ.

Въ заключеніе настоящей главы приводимъ описаніе одного французскаго „клуба розогъ“, почерпнутое нами изъ стараго французскаго романа. Клубъ этотъ былъ основанъ незадолго передъ владычествомъ террора, при чемъ дамы, состоявшія членами этого веселаго кружка, съ очаровательной элегантностью угощали другъ друга ударами розогъ. Экзекуціи предшествовалъ обыкновенно допросъ особымъ комитетомъ, и если послѣдній находилъ свою сестру виновной въ какомъ-либо проступкѣ, то приговоръ немедленно приводился въ исполненіе: подсудимую раздѣвали и наказывали опредѣленнымъ количествомъ ударовъ березовыми прутьями.

Если отнестись къ упомянутому выше роману и въ частности къ упоминанію о столь оригинальномъ клубѣ съ довѣріемъ, то состоявшія членами клуба дамы самаго высшаго общества безъ всякихъ церемоній наказывались розгами отъ рукъ своихъ товарокъ по убѣжденію. Аристократки эти изображаются въ романѣ учре-

дителями новыхъ вѣяній, онѣ, по словамъ автора, задавали въ обществѣ тонъ, изобрѣтали моды, нѣкоторые изъ которыхъ имѣли большое сходство съ костюмомъ нашей прародительницы Евы...

ГЛАВА XXXIV

Розга въ Германіи и Голландіи

Разсмотрѣвъ тѣлесныя наказанія во Франціи и другой дружественной ей странѣ, мы переходимъ къ прочимъ государствамъ континента: Голландіи, Германіи, Австріи и Польшѣ, въ каждомъ изъ которыхъ тѣлесныя наказанія носили свой собственный отпечатокъ, имѣли свои особенности и обычаи. Какъ въ Германіи, такъ въ Австріи, Голландіи и Польшѣ существовали позорныя плацы или площади, воздвигались позорныя столбы, процвѣтали тюрьмы и другія исправительнаго характера учрежденія. Не менѣе часто прибѣгали къ розгѣ въ этихъ государствахъ и въ домашней обстановкѣ, причѣмъ плетка не была въ загонѣ также и среди представителей педагогическаго и юридическаго міра.

Въ различныхъ городахъ Германіи позорный столбъ водружался на рыночныхъ и базарныхъ площадяхъ; преступниковъ обыкновенно раздѣвали, причѣмъ экзекуцію производилъ спеціально для этой цѣли содержавшійся палачъ. Орудіемъ наказанія служили березовыя розги, число ударовъ доходило иногда до семидесяти. Среди зрителей преобладающій элементъ составляли представительницы прекраснаго пола всѣхъ возрастовъ, которыя взирали на процедуру наказанія съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Розга въ домашнемъ примѣненіи была такъ хорошо извѣстна имъ, что онѣ не ощущали ни малѣйшихъ укоровъ совѣсти, когда наблюдали за взмахами ея въ публичномъ мѣстѣ.

Въ Австріи, Голландіи и Германіи родители нисколько не церемонились даже съ вполне взрослыми дѣтьми своими и частенько наказывали ихъ розгами дома, либо отправляли на извѣстный срокъ въ спеціальныя исправительныя заведенія. Особенно могучимъ средствомъ считалась розга отъ влюбчивости въ періодъ полового созрѣванія и, разумѣется, чаще всего тогда, когда „предметъ“ любви такъ или иначе приходился родителямъ не по нраву.

Сынъ одного изъ именитыхъ купцовъ столицы Голландіи, Амстердама, безумно влюбился въ дочь бургомистра. По цѣлымъ недѣлямъ онъ буквально не прикасался къ пищѣ, не пилъ, не спалъ и временами походилъ на человѣка, лучшимъ мѣстомъ пребыванія котораго можетъ явиться сумасшедшій домъ. Озабоченный состояніемъ сына, отецъ юноши приглашалъ знаменитѣйшихъ врачей города, но всѣ предписанія послѣднихъ никакого вліянія

на здоровье молодого человека не оказывали. В один прекрасный для юноши день отец его нашел случайно письмо, адресованное сыном даме своего сердца. Все стало купцу ясно, диагноз немедленно определен, а вместе с ним изменился и способ лечения больного. Врачей в дом больше не приглашали.. Юношу отправили в исправительное заведение, где несколько добрых порций березовой каши совершенно избавили молодого больного от не менее „молодой мечты любви“...

Воспитанники учебных заведений находились с розгой в самых близких, хотя и далеко не дружественных отношениях, причем на недостаток в количестве ударов никто из них пожаловаться не мог. Чаще всего били по рукам, хотя доставалось и другим частям молодого тела. До конца прошлого столетия в Гронинген существовал обычай, в силу которого пред каникулами ученики должны были прыгать через обруч, в то время как учитель награждал их ударом розги по тому месту, откуда у всех людей обыкновенно растут ноги. Иногда учитель с разставленными ногами становился у ворот школы и проводил ту-же самую церемонию, т. е. награждал проскользавших через „тоннель“ учеников ударами розги.

Что касается древних германских законов, то, по отношению к телесным наказаниям, их можно было смело назвать щедрыми. Тюрьмы и исправительные заведения щеголяли целым арсеналом орудий такого сорта, как плети, палки и березовые прутья. В смысле постановления приговора о телесном наказании судьи и члены магистратуры пользовались вполне неограниченной властью. В исправительных тюрьмах, главный контингент обитателей которых составляли несчастные женщины, очень часто томилась лица совершенно невинные, попадавшие сюда либо по капризу знатных мира сего, либо из особых соображений безсердечных родственников. Экзекуции над женщинами полагалось производить женщинам, причем разрешалось снимать только верхнее платье. На самом же деле, в огромном большинстве случаев, наказывал тюремный сторож, предварительно совершенно обнажая свою жертву.

Телесному наказанию в Германии сплошь и рядом подвергались не имевшие осадности бродяги и те проезжие, которые, по недостатку материальных средств, были лишены возможности отправиться на родину. Усердные экзекуции назначались также виновным в преступлении против шестой заповеди. Иллюстрацией этого служат старинные вышивки, на которых увеселены сценки наказания женщинами стоящих пред ними на коленах рыцарей. В песнях нибелунгов древне-германского эпоса поется, как божественный супруг, рыцарь Зигфрид, наказывал телесно свою супругу Кремхильду за то, что она выдала тайну, которую он ей под секретом рассказал. Далее, княгиня Гудрун была привязана к железной кровати и избита ветвями терновника по приказанию озлобленной коро-

левы за то, что осмѣлилась отказаться выйти замужъ за отвратительнаго внѣшностью королевича.

Какъ мы уже упоминали выше, іезуиты благословляли примѣненіе розги, въ особенности, какъ средство для наказанія молодыхъ дѣвушекъ. Здѣсь уместно упомянуть о святой Кресценціи, которая безгранично вѣрила въ могущество розги. Преклоняясь сама предъ вліяніемъ розги на самоѣ себя, она совѣтовала всѣмъ широкое примѣненіе ея. Какъ-то разъ къ ней за совѣтомъ обратилась одна изъ ея двоюродныхъ сестеръ, семнадцатилѣтняя красавица, дочка которой была уже влюблена въ красавца — сосѣда. Святая Кресценція попросила прислать молодую дѣвушку къ себѣ, а ужъ средство у нея имѣется, „великолѣпное средство“ — сказала она. Лишь только Маріела — такъ звали юную красавицу — вошла въ домъ своей святой родственницы, какъ послѣдняя предстала предъ ней съ огромной розгой въ рукахъ. Черезъ нѣсколько минутъ гостя украсилась синяками и кровоподтеками. Помимо этого, матери влюбленной дѣвушки преподана была инструкція повторнаго и болѣе частаго примѣненія предпринятаго Кресценціей леченія вплоть до достиженія Маріелой девятнадцатилѣтняго возраста. Несчастной дѣвушкѣ ничего другого, кромѣ повиновенія рѣшенію святой родственницы, не оставалось, и, когда мать ея не имѣла времени или силъ лично заняться „леченіемъ“, „больную“ отправляли для систематическихъ экзекуцій къ родственницамъ...

Въ школахъ при церквяхъ и монастыряхъ били щедро и часто. Извѣстныя аугсбургскія монашенки, слывшія подъ именемъ „Stifel *) Nonnen“ вслѣдствіе того, что зимою должны были надѣвать на ноги маленькіе сапоги, содержали школу для мальчиковъ, въ которой обучались ученики въ возрастѣ отъ восьми до десяти лѣтъ. Если кто-либо изъ нихъ долженъ былъ быть наказанъ, то его заставляли влѣзать головой въ отверстіе печи такимъ образомъ, что нижняя часть туловища вмѣстѣ съ нижними конечностями оставалась наружу. Затѣмъ наказуемаго раздѣвали и основательнымъ образомъ обрабатывали розгой.

Выше мы уже говорили о томъ, что въ нѣмецкихъ гимназіяхъ исполненіе тѣлесныхъ наказаній поручалось такъ называемому „синему человѣку“ (der „blaue Mann“), но въ школахъ, находившихся въ рукахъ самихъ іезуитовъ или ихъ послѣдователей, экзекуція производилась самимъ „господиномъ учителемъ“. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ подобныя школы учреждались для совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ, и послѣднихъ такъ же часто сѣкли, какъ и первыхъ. Въ свое оправданіе іезуиты обыкновенно говорили, что розга представляетъ собою „необходимую, существенную составную часть цѣлаго“. И если считать только что приведенное положеніе исходной точкой іезуитскихъ понятій, то частое злоупотребленіе розгой ничего удивительнаго собой представить не можетъ. Случаи съ патеромъ Мареллемъ въ Баваріи

*) Stiefel — по нѣмецки сапогъ.

и однимъ аббатомъ изъ Гента произвели большой переполохъ и долго считались сенсационными. Аббать этотъ былъ одержимъ форменной страстью къ раздачѣ ударовъ направо и налѣво. Очень часто онъ билъ учениковъ ввѣренной ему школы собственноручно, а если, вслѣдствіе какой нибудь причины, присутствовать въ томъ помѣщеніи, гдѣ происходила экзекуція, не могъ, то ужъ во всякомъ случаѣ заглядывалъ въ окошко. Святые отцы безумно радовались случаю пустить розгу въ ходъ и, мало того, любили при этомъ отпускать спеціальныя шуточки. Ударить одинъ разъ розгой по рукѣ, обозначалось выраженіемъ „положительная степень“ (positiv). Порка по сѣдалищнымъ частямъ называлась на ихъ условномъ языкѣ „сравнительной степенью“, форменная же экзекуція, произведенная по всѣмъ правиламъ іезуитского искусства, нашла названіе степени „превосходной“.

Любовное отношеніе къ поркѣ, развитое и вскормленное іезуитами, мало-по-малу явилось достояніемъ семьи, и очень часто экзекуція въ превосходной степени доставалась дѣтямъ не только въ школѣ, но и дома. До этого періода тѣлесное наказаніе во многихъ германскихъ государствахъ, особенно въ гессенскихъ владѣніяхъ, разсматривалось, какъ политическое преступленіе. Неожиданно въ высшій государственный Совѣтъ Пруссіи было внесено предложеніе объ обязательномъ введеніи тѣлеснаго наказанія, но и отвергнуто большинствомъ голосовъ.

Нѣкій субъектъ, содержавшійся недавно въ одной изъ тюремъ Германіи, описалъ послѣ своего освобожденія различные роды и виды новыхъ методовъ, введенныхъ въ дѣлѣ тѣлеснаго наказанія. Многіе изъ нихъ по своей натурѣ представляются настолько жестокими, что не слишкомъ звѣрское примѣненіе плети является по сравненію съ этими новыми методами буквально благодѣяніемъ. Малѣйшія уклоненія отъ существующаго въ тюрьмѣ режима карались публичнымъ выговоромъ въ присутствіи всѣхъ тюремныхъ служащихъ или же лишеніемъ извѣстныхъ свободъ и преимуществъ, изрѣдка допускающихся въ домахъ заключенія. Далѣе слѣдовалъ карцеръ, сокращенная пища, доходившая до хлѣба и воды, лишеніе постели, кандалы и — какъ крайняя мѣра — спеціальныи стулъ. Стулъ этотъ представлялъ собою нѣчто вродѣ деревяннаго кресла; преступникъ усаживался на него, причѣмъ шея, грудь, животъ, верхнія и нижнія конечности стягивались особымъ кожаныи ремнемъ. Благодаря давленію послѣдняго, происходила задержка въ кровообращеніи, что влекло за собой чрезвычайно непріятныя ощущенія. Случалось, что провинившихся заставляли сидѣть на такомъ стулѣ шесть часовъ кряду, пока изо рта, носа и ушей ихъ не показывалась кровь. Крики и стоны несчастныхъ невозможно было въ такихъ случаяхъ выносить.

Хотя Польша и не существуетъ уже больше, какъ отдѣльное государство, тѣмъ не менѣе поляки сохранили особый отпечатокъ, ярко характеризующій какъ ихъ національность, такъ и особую манеру этого народа жить. Воспитаніе дѣтей и содержаніе прислуги не обходится безъ тѣлеснаго наказанія, которое занимаетъ

при этомъ удивительно видное мѣсто. Въ тѣ времена, когда всѣ крестьяне были крѣпостными, жестокія порки являлись чѣмъ-то понятнымъ, самимъ собой разумѣющимся, и много трудовъ стоило „барамъ“ отучиться отъ вѣками присвоеннаго имъ преимущества. Когда былъ обнародованъ царскій указъ о дарованіи свободы, и крѣпостные, почуявъ свое право, уклонялись отъ производства работъ,— польскіе помѣщики все-таки прибѣгли къ экзекуціямъ. Одинъ изъ шляхтичей, рассказываютъ, выразился такъ: „Съ нашими рабами уже просто и выдержать нельзя, они отъ рукъ отбились съ тѣхъ поръ, какъ вообразили себя свободными людьми. Прежде, чѣмъ уѣхать изъ дому, я приказалъ хорошенько высѣчь десятокъ-другой мужчинъ и женщинъ; пусть они на своей шкурѣ почувствуютъ, что я еще ихъ господинъ и повелитель. Недавно я, вообразите себѣ, засталъ повара на кухнѣ въ обществѣ другихъ дворовыхъ, и онъ объяснялъ имъ ихъ новыя права! Само собой разумѣется, я приказалъ хорошенько наказать этого каналью плетью!“

Богатые поляки содержали огромный штатъ дворни и поддерживали извѣстную субординацію исключительно при содѣйствіи плети, розогъ и другихъ подходящихъ инструментовъ. Каждое отступленіе отъ заведеннаго порядка, каждое не пришедшееся по вкусу блюдо наказывалось жестокими порками. Въ опредѣленный день и часъ, наканунѣ Пасхи, хозяйки-польки имѣли обыкновеніе наказывать весь штатъ прислуги. Всѣхъ дворовыхъ собирали въ одно помѣщеніе, сюда являлась барыня съ плетью въ рукахъ и, не дѣлая никакой разницы между поломъ, возрастомъ и положеніемъ, била по очереди всѣхъ своихъ верноподданныхъ. Что касается дѣвушекъ, то и онѣ не избѣгали экзекуцій, съ той только разницей, что ихъ наказывали не en masse, а каждую въ той комнатѣ, въ которой она жила.

ГЛАВА XXXV

Наказанія въ войскахъ

Долгое время среди наказаній въ войскахъ тѣлесныя занимали первое мѣсто. Древніе римляне послужили примѣромъ для другихъ націй, что мы ясно видимъ изъ сочиненій Ливія, Полибія и Тацита. Большинство европейскихъ народовъ производило въ позднѣйшія времена наказанія въ войскахъ съ помощью палки, причемъ неоспоримымъ является тотъ фактъ, что въ періодъ тридцатилѣтней войны величайшіе полководцы-генералы представляли собой также и самыхъ завзятыхъ палачей.

Первыми, отказавшимися отъ тѣлеснаго наказанія въ войскахъ, явились французы, сохранивъ въ арміи только тюремное

заключеніе и смертную казнь. Въ сводѣ военныхъ постановленій у французовъ имѣется не менѣе сорока пяти преступленій, караемыхъ смертной казнью; двадцать шесть проступковъ влекутъ за собой тюремное заключеніе отъ пяти до двадцати лѣтъ, съ прибавленіемъ или безъ онаго такъ называемаго *le roulet*, т. е. пушечнаго ядра, прикрѣпляемаго къ ногѣ или туловищу съ помощью особой цѣпочки. Деятнадцать преступленій караются принудительными работами или галерами, но не свыше трехъ лѣтъ содержанія въ послѣднихъ или специальныхъ рабочихъ домахъ.

Приводимые ниже примѣры ясно показываютъ, какъ высоко оцѣниваются во французскихъ войскахъ, наказанія: за дезертирство полагается три года и упомянутый выше *la roulet*. Преступникъ долженъ тащить за собой на цѣпи ядро въ восемь футовъ вѣсомъ, и работать зимой восемь часовъ, а лѣтомъ — десять часовъ въ день. Въ нерабочее же время онъ содержится въ одиночномъ заключеніи въ отведенной для него камерѣ. За повторное дезертирство полагается десять лѣтъ *le roulet*; если же преступленіе совершено съ поста, то къ означенному сроку прибавляется еще два года. Если лицо военного званія явится инициаторомъ бунта, то *le roulet* сопровождается ношеніемъ ядра двойного вѣса. За непослушаніе въ мирное время виновные наказуются шестимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ. За угрозы начальнику — годъ тюрьмы съ закованіемъ въ цѣпи; если же преступленіе это было совершено при наличности оружія въ рукахъ, срокъ заключенія удваивается. Десятью годами закованія въ цѣпи или смертной казнью карается нанесеніе начальнику оскорбленія дѣйствіемъ; за промотаніе казенной аммуниціи — два года на цѣпь, за продажу или залогъ оружія — пятилѣтнее содержаніе на цѣпи.

Вотъ только нѣкоторыя наказанія, введенныя во французской арміи.

Въ Пруссіи существуетъ два типа или разряда солдатъ. Новобранецъ вступаетъ въ первый разрядъ, причемъ ни офицеръ ни унтеръ-офицеръ не могутъ ни бить, ни оскорблять его бранными словами. Если же по приговору военного суда нижній чинъ переводится во второй разрядъ, то его уже можно и бить, и вообще примѣнять къ нему различныя строгости, въ зависимости отъ совершеннаго имъ преступленія или проступка. На войнѣ удары наносятся плоской частью клинка палаша, если же экзекуція предпринимается по приговору суда, то производитъ ее обыкновенно унтеръ-офицеръ съ помощью особыхъ небольшихъ палокъ либо въ караульномъ помѣщеніи, либо въ палаткахъ и непременно въ присутствіи всѣхъ сослуживцевъ наказуемаго. Приведеніе наказанія въ исполненіе въ частномъ помѣщеніи безъ свидѣтелей строжайше запрещается.

Каждый командующій офицеръ имѣетъ право наложить на подвѣдомственнаго ему нижняго чина, переведеннаго во второй разрядъ, тѣлесное наказаніе по своему усмотрѣнію, но количество ударовъ все-таки ограничивается сорока. Преступника обыкновенно не раздѣваютъ совершенно, а оставляютъ въ нижней рубашкѣ

и тиковой курткѣ. Если переведенный въ разрядъ штрафованныхъ ведетъ себя хорошо, то можетъ быть съ соотвѣтствующими почестями снова переведенъ въ первый разрядъ; во время церемоніи возстановленія его въ потерянныхъ правахъ, надъ нимъ развѣвается полковое знамя, и при всѣхъ товарищахъ ему возвращаются всѣ внѣшнія отличія въ формѣ.

Въ прусскихъ кадетскихъ корпусахъ тѣлесное наказаніе строго запрещено закономъ; каждое оскорбленіе дѣйствіемъ

Наказаніе солдата

почитается здѣсь оскорбленіемъ чести. Лѣтъ тридцать — сорок тому назадъ потсдамскихъ кадетовъ въ возрастѣ отъ одиннадцати до четырнадцати лѣтъ наказывали еще изрѣдка розгами. Одинъ изъ генераловъ, пытавшійся наказать воспитанника кадетскаго корпуса въ Берлинѣ, въ которомъ содержатся мальчики отъ четырнадцатилѣтняго до восемнадцатилѣтняго возраста, встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе. Кадетъ убѣжалъ въ спальную комнату, вооружившись предварительно своей шашкой. Когда дверь въ дортуаръ была выломана, отчаянный юноша ранилъ

перваго подвернувшася лейтенанта въ руку, причемъ и самому генералу достался мѣткій ударъ по головѣ, повредившій кожные покровы. Другой кадетъ, котораго собирались наказать, вырвался изъ рукъ палачей, выбросился черезъ окно на улицу и тутъ же на мостовой скончался отъ сильныхъ ушибовъ и сотрясенія мозга.

Въ Австріи, какъ и Россіи, точно также практиковались тѣлесныя наказанія въ войскахъ, съ шпицрутенами и палкой во главѣ. При назначеніи наказанія количество ударовъ находится здѣсь въ зависимости отъ состоянія здоровья преступника, но выше пятидесяти никогда не доходитъ. При наказаніяхъ шпицрутенами выстраивается сто человѣкъ солдатъ, причемъ наказуемый въ самыхъ крайнихъ случаяхъ пробѣгаетъ сквозь этотъ строй шесть разъ.

Тѣлесное наказаніе, равно какъ и шпицрутены, могутъ быть назначены только простому солдату; при экзекуціи наказуемый обычнаго своего платья не снимаетъ. Бьютъ въ Австріи не концомъ палки, а продольной частью ея, причемъ сама палка должна быть не толще ружейнаго ствола и хорошо обстругана.

У богемцевъ, венгерцевъ и валлаховъ тѣлесное наказаніе практикуется очень часто.

Въ Венгріи каждый офицеръ можетъ по своему произволу назначать любому изъ своихъ солдатъ тѣлесное наказаніе. Стоитъ только показаться съ растегнутой пуговицей, поздно явиться на службу или вывести недостаточно хорошо убранную лошадь, какъ офицеръ тутъ же заставляетъ солдата улечься и отдаетъ приказаніе выпоротъ провинившагося. Только-что произведенный офицеръ, и тотъ можетъ за малѣйшую оплошность наградить нижняго чина березовой кашей. Рассказываютъ, что нѣкій начальникъ пожурилъ подвѣдомственнаго ему молодого гусарскаго лейтенанта за то, что во ввѣренной ему части замѣчается отсутствіе надлежащей дисциплины. Лейтенантъ извинился и попросилъ разрѣшенія примѣнять тѣлесныя наказанія въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ это обыкновенно практикуется. „Черезъ мѣсяць я возстановлю полный порядокъ“, сказалъ онъ. Разрѣшеніе было дано, и лейтенантъ сдержалъ данное имъ генералу обѣщаніе. Но за все это время у него не было ни одной покойной минуты, ни одинъ день не проходилъ безъ экзекуцій, и все-таки въ концѣ концовъ въ командѣ начала царить образцовая дисциплина.

Въ бельгійской арміи, со времени воцаренія короля Леопольда, примѣненіе палки совершенно въ войскахъ оставлено.

Въ Португаліи провинившихся солдатъ наказываютъ саблей. Капраль набрасывается на виновнаго и плоской поверхностью клинка бьетъ его по спинѣ. Въ данномъ случаѣ требуется не только осторожность, но и извѣстная опытность, ибо подобный ударъ такъ сильно отзывается на всемъ организмѣ, что нерѣдко слѣдствіемъ его является чахотка или подобныя ей заболѣванія; вооб-

ще, сразу можетъ показаться, что наказанный остался невредимымъ, но рано или поздно, особенно при неумѣломъ ударѣ, болѣе или менѣе опасныя явленія все-таки сказываются.

Сводъ военныхъ постановленій Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ вовсе исключаетъ тѣлесныя наказанія; тѣмъ не менѣе нѣчто подобное имѣется и тамъ, а именно „ядро и цѣпи“, представляющіяся чрезвычайно болѣзненными. Въ военное время то здѣсь, то тамъ прибѣгаютъ также и къ палочнымъ ударамъ.

Въ теченіе долгаго времени послѣ 1689 года въ англійской арміи тѣлесное наказаніе являлось однимъ изъ главныхъ за всякія военныя преступленія и проступки. Военные суды сначала пользовались правомъ назначать наказанія въ любомъ размѣрѣ, и нерѣдко солдатъ запарывали до смерти. Въ концѣ послѣдняго столѣтія очень часто постановлялись приговоры, въ силу которыхъ виновные присуждались къ пятистамъ и даже восьмистамъ ударамъ.

Въ своемъ сочиненіи „Замѣтки о военныхъ законахъ“ сэръ Черлзъ Напиръ писалъ въ 1837 году, что за сорокъ лѣтъ до появленія его книги въ свѣтъ ему приходилось присутствовать на такихъ экзекуціяхъ, гдѣ преступники-солдаты получали очень часто отъ шестисотъ до тысячи ударовъ и исключительно по приговору полкового суда, причемъ нерѣдко солдатъ выписывали изъ госпиталя для того, чтобы дать имъ недополученное ими сполна количество ударовъ, не взирая на то, что раны отъ первой порціи не успѣли, какъ слѣдуетъ, залечиться. У офицеровъ и унтеръ-офицеровъ были постоянно въ рукахъ тростниковыя палки, которыми они угощали солдатъ направо и налево за малѣйшую со стороны послѣднихъ неосмотрительность, очень часто поставленную въ вину совершенно напрасно. Въ 1792 году сержантъ Грантъ былъ присужденъ къ двумъ тысячамъ ударовъ за то, что допустилъ переходъ двухъ гвардейскихъ барабанщиковъ на службу въ Остъ-Индское общество. Да, въ блаженной памяти времена никакихъ границъ при назначеніи тѣлесныхъ наказаній, какъ мы видимъ, не существовало, и военный судъ могъ засѣчь и засѣкалъ солдата до смерти!

Въ 1811 году въ парламентъ возникло первое движеніе противъ примѣненія въ войскахъ тѣлеснаго наказанія, по крайней мѣрѣ, въ мирное время. Сэръ Францисъ Бурдеттъ предложилъ вниманію палаты общинъ случай, въ которомъ одинъ солдатъ, членъ городской милиціи въ Ливерпулѣ, былъ приговоренъ къ двумъ стамъ ударамъ за то, что вмѣстѣ съ товарищами пожаловался на плохую выпечку хлѣба и затѣмъ написалъ по этому поводу язвительные стихи. Наказаніе было послѣ понижено на полтораста ударовъ, т. е. всего назначено было пятьдесятъ. На запросъ послѣдовалъ отвѣтъ, что приговоръ состоялся не за сочиненные солдатомъ стихи, а за то, что обвиняемый явился подстрекателемъ опасной шайки пьяницъ, сославшихся на плохой

хлѣбъ только зря, чтобы имѣть, къ чему привязаться. Даже самъ присужденный находилъ назначенное ему наказаніе весьма скромнымъ. На этомъ и закончилась первая попытка, но въ слѣдующемъ году сэръ Францисъ возобновилъ свое ходатайство, причемъ самымъ энергичнымъ образомъ настаивалъ на уничтоженіи въ арміи тѣлесныхъ наказаній. Хотя его предложенія и были отвергнуты, они тѣмъ не менѣе имѣли чрезвычайно благотворное вліяніе, и Герцогъ Йоркскій внесъ предложеніе объ ограниченіи чрезмѣрныхъ злоупотребленій при примѣненіи „кошки“. За исключеніемъ тяжкихъ преступленій, количество ударовъ, назначаемыхъ компетенціей полкового суда, не должно было превышать трехсотъ, и одно это обстоятельство необходимо было считать большимъ шагомъ впередъ.

Въ 1851 году одинъ солдатъ былъ приговоренъ въ Динапорѣ къ тысячи девятистамъ ударамъ (1900!) плетью, причемъ сэра Эдварда Пачета упрекали въ слабохарактерности, ибо онъ уменьшилъ наказаніе до 750 ударовъ. Въ 1829 году военные суды имѣли право назначать не болѣе трехсотъ ударовъ, въ 1832 же году и съ этого числа была сбавлена цѣлая сотня. Въ 1847 году количество понизилось до пятидесяти, а въ 1859 году преступленія въ войскахъ были подраздѣлены на различныя категоріи, причемъ самыя тяжкія изъ нихъ карались тѣлеснымъ наказаніемъ, и то только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ лицѣ преступника провосудіе имѣло дѣло съ рецидивистомъ.

Въ 1876 году парламенту было доказано, что тѣлесныя наказанія 1) являются безчеловѣчными, что они 2) обезчестиваютъ челоуѣческую личность, 3) не имѣютъ никакого исправительнаго вліянія и 4) препятствуютъ правильному вступленію въ войска новобранцевъ. Основанія эти взяли верхъ надъ старыми предразсудками, и тѣлесныя наказанія въ мирное время были въ англійской арміи окончательно уничтожены.

ГЛАВА XXXVI

Военныя наказанія. Экзекуція Зомервилля

Инструментомъ для выполненія тѣлесныхъ наказаній являлась въ британской арміи кошка о девяти хвостахъ. Въ „Военномъ Словарѣ“ Джемса этотъ инструментъ рисуется „плетью съ девятью веревочными концами, снабженными узлами, которой наказывались солдаты и матросы,— иногда кошка была только о пяти концахъ“. Преданіе приписываетъ это изобрѣтеніе Вильгельму III, ибо до его прибытія въ Англію примѣнявшаяся въ войскахъ плеть состояла только изъ трехъ концовъ. Военная

„кошка“ представляла собою оружіе, имѣвшее приблизительно восемнадцать дюймовъ въ длину, съ девятью такой же длины концами, каждый изъ которыхъ былъ снабженъ пятью или шестью узлами, которые были до того стянуты и запрессованы, что острые концы ихъ производили впечатлѣніе роговой поверхности.

Въ „Автобіографіи рабочаго“ Зомервилль подѣлился съ читателями тѣми свѣдѣніями, которыя онъ приобрѣлъ въ области примѣненія плети въ то время, когда былъ простымъ армейскимъ рядовымъ. Въ 1832 году онъ былъ судимъ военнымъ судомъ за „недостойное солдата поведеніе въ день 28 мая, когда онъ безъ

Наказаніе солдата въ англійской колоніи.

позволенія сошелъ съ лошади, состоя ученикомъ кавалерійской школы, и не захотѣлъ, несмотря на приказаніе, снова забраться на сѣдло“. Мы считаемъ излишнимъ касаться здѣсь справедливости вынесеннаго Зомервиллю вердикта: нѣсколько времени тому назадъ вопросъ этотъ явился предметомъ чрезвычайно интересныхъ обсужденій.

Военный судъ призналъ подсудимаго виновнымъ и приговорилъ къ „двумстамъ ударамъ, причемъ время и мѣсто приведенія приговора въ исполненіе вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія командующаго его частью офицера“. Наказаніе состоялось въ день произнесенія приговора, послѣ обѣда. Полкъ построился

въ четыре колонны и занялъ дворовыя стѣны кавалерійской школы. Для офицеровъ была отведена особая площадка. Тутъ же присутствовалъ полковой врачъ, госпитальный сержантъ и два лазаретныхъ служителя-санитара. У находившагося тутъ же сержанта былъ въ рукѣ „зеленый мѣшокъ“ (въ немъ хранилась пресловутая „кошка“), и, кромѣ того, по „кошкѣ“ въ рукѣ держали кузнецъ Симпсонъ и полковой барабанщикъ. Рукоятки плетей были сдѣланы либо изъ дерева, либо изъ китоваго уса; онѣ имѣли въ длину два фута. Концы веревокъ были такъ же длинны, какъ въ обыкновенныхъ плеткахъ, но по толщинѣ они были въ три раза, по крайней мѣрѣ, ужаснѣе первыхъ. На каждомъ концѣ имѣлось по шести твердыхъ узловъ. Тутъ же находились заранѣе приготовленные скамья и стулъ; на нихъ стояло ведро воды, лежали нѣсколько полотенецъ, предназначенныхъ для наложенія на спину преступника, и чашка, изъ которой обыкновенно наказываемому даютъ испить водички, если онъ впадаетъ въ безсознательное или обморочное состояніе. Къ одной изъ стѣнъ была приставлена лѣстница, и съ нея спускались нѣсколько крѣпкихъ веревокъ съ узлами. Когда Зомервилля ввели во дворъ, одинъ изъ офицеровъ прочиталъ приговоръ и затѣмъ сказалъ ему: „Сейчасъ васъ будутъ наказывать. Раздѣвайтесь!“ Зомервилль не заставилъ повторить приказаніе и раздѣлся до брюкъ включительно, послѣ чего былъ привязанъ руками и ногами къ упомянутой выше лѣстницѣ такимъ образомъ, что грудь его и лицо были прижаты къ ней, а самъ онъ лишенъ былъ возможности пошевелиться. Стоявшій за Зомервиллемъ съ карандашомъ и бумагой въ рукахъ сержантъ, обязанность котораго должна была, между прочимъ, заключаться въ веденіи счета ударовъ, scomандовалъ: «Симпсонъ, исполняйте вашу обязанность!» „Обязанность“ началась... „Кошка“ два раза закружилась надъ головой и отвѣсила ударъ, затѣмъ веревки ея были быстро проведены палачомъ черезъ пальцы своей лѣвой руки (для удаленія приставшихъ къ концамъ кожи, мяса и крови), снова инструментъ засвисталъ надъ головой, опустился на несчастнаго и т. д.

Далѣе рассказчикъ говоритъ: „Симпсонъ послѣ приказанія вооружился кошкой, хотя я самъ этого, разумѣется, не видѣлъ; помню только, что вскорѣ ощутилъ оглушающее чувство боли между лопатками, пониже затылка; боль эта пронизала все тѣло до кончиковъ пальцевъ на рукахъ и ногахъ включительно; по сердцу же она рѣзнула меня словно ножомъ. Сержантъ-маіоръ закричалъ „разъ!“, а я подумалъ, что Симпсонъ сдѣлаетъ очень хорошо, если теперь ударить не по тому же самому мѣсту. Второй ударъ пришелся нѣсколько глубже, и я сейчасъ же рѣшилъ, что первый въ сравненіи съ этимъ долженъ считаться нѣжнымъ и пріятнымъ... Третій ударъ пришелся по правому плечу, четвертый — по лѣвому. Плечи же мои оказались настолько же чувствительными, какъ и все тѣло, и мышцы мои дрожали съ головы до ногъ. Время между однимъ ударомъ и другимъ проходило для меня въ смертельномъ страхѣ, и все-таки оказывалось, что каждый ударъ наступалъ слишкомъ быстро. Пятый пришелся снова по

спинѣ; это былъ ужасный ударъ, и когда сержантъ воскликнулъ „пять!“, то я мысленно сталъ считать и сказалъ себѣ, что мною пережита лишь сороковая часть общаго количества, доставшагося на мою долю. Послѣ двадцать пятаго удара сержантъ закричалъ: „стой!“ Симпсонъ отошелъ в сторону, его мѣсто занялъ молодой барабанщикъ. Онъ нанесъ мнѣ нѣсколько ужасныхъ ударовъ по ребрамъ; вдругъ раздалось чье-то приказаніе: „Выше, выше!“ Боль въ легкихъ ощущалась еще сильнѣе, нежели прежде была она на спинѣ; мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ они вовсе лопнуть. Я поймалъ себя на томъ, что съ губъ моихъ срываются звуки страданія; чтобы не выказывать стопами малодушія, я зажалъ языкъ между зубами и сдѣлалъ это съ такой энергичностью, что почти прокусилъ его. Кровь съ языка, губъ и еще откуда-то изъ внутренняго органа, разорваннаго, очевидно, подъ вліяніемъ нечеловѣческихъ мученій, едва не задушила меня. Лицо мое совершенно посинѣло. Всего пока я получилъ пятьдесятъ ударовъ, самочувствіе же было таково, будто всю жизнь я провелъ въ мукахъ и терзаніяхъ, причемъ то время, когда жизнь была для меня праздникомъ, представлялась мнѣ сномъ давно прошедшаго времени...

Снова Симпсонъ принялся за обработку моего тѣла. По всѣмъ вѣроятіямъ, ему показалось, что онъ — мой другъ и пріятель, ибо удары стали гораздо слабѣе и менѣе остры: они походили на тяжелый грузъ, опускающійся на мою кожу. Сержантъ снова произнесъ: „Симпсонъ, исполняйте свою обязанность“, послѣ чего удары пошли посильнѣе, но, какъ мнѣ показалось, и потише. Трудно передать, какъ тяжело протекло то время, пока сержантъ просчиталъ въ третій разъ двадцать пять! Затѣмъ явился снова барабанщикъ, и, когда этотъ довелъ количество ударовъ до сотни, распорядившійся экзекуціей офицеръ крикнулъ: „Стой! Довольно! Онъ еще молодой солдатъ!“

Преступника освободили отъ веревокъ, наложили на его спину мокрая полотенца и отвели въ лазаретъ. Тамъ стали прикладывать холодныя примочки, но отъ нихъ замѣтнаго улучшенія не наступало: по цѣлымъ днямъ Зомервилль не былъ въ состояніи сдвинуться съ мѣста, и при переключиваніи примочекъ служители принуждены были поднимать несчастнаго.

При восшествіи на престолъ Англіи перваго короля Георга одинъ изъ солдатъ, попавшійся на улицѣ съ дубовой тросточкой въ рукахъ 25 мая, былъ преданъ суду, какъ государственный преступникъ. Дѣло въ томъ, что ношеніе тросточекъ считалось для солдатъ эмблемой приверженности Стюартамъ и ненависти къ Ганноверскому дому. И даже такіе солдаты, которые обличались въ ношеніи не палокъ, а только дубовыхъ листьевъ, засѣкались почти до смерти. Правда, не только военные, но и штатскіе наказывались за то, что день реставраціи праздновали такимъ именно образомъ, и нерѣдко мирные граждане то подвергались тѣлесному наказанію, то заключались въ тюрьмы, то присуждались къ уплатѣ чувствительныхъ денежныхъ штрафовъ.

Тѣлесныя наказанія во флотѣ

Англійскій флотъ существуетъ уже добрыхъ тысячу лѣтъ, десять столѣтій гордо развѣвается его флагъ, несмотря на войны и штурмы, и весь этотъ періодъ начальство сѣкло матросовъ, и сѣкло самымъ щедрымъ образомъ! И если девятихвостовая кошка не могла пожаловаться на бездѣйствіе на сушѣ, то ужъ на морѣ она могла смѣло считаться составной частью, элементомъ жизни моряка. Въ арміи существуетъ одинъ только законъ, примѣняемый полками, да еще особыя наказанія въ различныхъ корпусахъ. Что касается флота, то здѣсь считаются дѣйствительными всѣ законоположенія, изданныя съ 1749 года и предназначенныя за самыя тяжкія преступленія, и, кромѣ того, обычныя наказанія, цѣль которыхъ заключается въ приведеніи въ повиновеніе безпокойнаго и противорѣчиваго духа матросовъ, набранныхъ во всѣхъ странахъ принудительнымъ образомъ и сошедшихся для служенія подъ англійскимъ флагомъ. Помимо этого, въ разное время издавались приказы, приказанія и дополненія, относящіяся къ исправленію прежнихъ законовъ въ смыслѣ смягченія наказаній и особенно смертныхъ приговоровъ, не составлявшихъ во флотской средѣ Англій большой рѣдкости.

Въ концѣ прошлаго столѣтія система тѣлесныхъ наказаній у моряковъ была куда болѣе развита, нежели въ сухопутныхъ войскахъ; капитанъ судна, по своей власти, являлся и судьей, и присяжнымъ засѣдателемъ. Ни одинъ король не могъ такъ свободно распоряжаться спинами своихъ вѣрноподданныхъ, какъ капитанъ самаго незначительнаго военнаго суденышка надъ находившимися у него на борту матросами. Одного только желанія капитана достаточно для того, чтобы содрать кожу у своего матроса, и при этомъ ни одна душа — за исключеніемъ, развѣ, судового врача, — и дерзнуть не могла обратить его вниманіе на совершаемое беззаконіе. Маррьятъ рассказываетъ о капитанѣ маленькой канонерки, который приказалъ всыпать своему матросу пять дюжинъ ударовъ за то, что онъ плюнулъ на палубу. Такіе факты встрѣчались сплошь и рядомъ, и ихъ вовсе не слѣдуетъ относить къ фантазіи авторовъ или историковъ. Боцманы не различались обыкновенно съ бамбуковыми палками, у младшихъ офицеровъ постоянно находились въ рукахъ линьки, которыми они „подбадривали“ людей къ работѣ. Не брезгали также концами толстыхъ веревокъ, и нерѣдко можно было видѣть, какъ молодой безусый гардемаринъ наказывалъ стараго и опытнаго, но не имѣющаго чина моряка. Подобные факты считались вполне обычнымъ явленіемъ, о возмущеніи ими и рѣчи, кажется, тогда быть не могло.

Тридцать три года тому назадъ во флотиліи Лорда Винцента по воскресеньямъ происходило приведеніе наказаній въ исполненіе. „Оживленію“ при этомъ, казалось, и конца не было: по звонку колокольчика, въ одномъ мѣстѣ сѣкли розгами, въ другомъ дрались на рапирахъ, тамъ дѣлали выговоръ, здѣсь вѣшали...

Наказаніе во флотѣ.

Точно такъ же, какъ и преступниковъ на сушѣ водили по городу и наказывали плетью привязанными къ тачкѣ, такъ и матросовъ наказывали по „флотилии“, съ той только разницей, что наказаніе послѣднихъ было несравненно тяжелѣе. Если, на примѣръ, морякъ былъ приговоренъ къ тремстамъ ударамъ „по флотилии“, къ командѣ которой онъ принадлежалъ, и эта флотилія состояла, скажемъ, изъ тридцати судовъ, то на каждомъ изъ послѣднихъ приговоренному отсчитывалось по десяти ударовъ. Для приведенія такого приговора въ исполненіе бралась длинная шаланда съ укрѣпленной на нее платформой. Въ шаланду усаживали преступника и съ нимъ вмѣстѣ помѣщались офицеръ, боцманъ, его помощники и орудія наказанія.

По особому сигналу, всѣ суда флотиліи снаряжаютъ шлюпки, въ которыхъ помѣщаются принаряженные матросы, въ полной формѣ офицеры и вахтенные подъ ружьемъ. Шлюпки собираются вокругъ упомянутой выше шаланды, и всѣ люди входятъ на платформу, чтобы быть свидѣтелями экзекуціи своего товарища по мундиру. Сначала прочитывается приговоръ, и послѣ того, какъ обвиненный получить установленное количество ударовъ, его освобождаютъ отъ веревокъ и накладываютъ на спину и плечи одѣяло. Прибывшіе для присутствования при поркѣ ялики привязываются къ шаландѣ съ платформой, причемъ вся процессія направляется къ другому ближайшему судну флотиліи, которое, въ свою очередь, снаряжаетъ экспедицію для торжественнаго лицезрѣнія продолженія наказанія преступника. Такимъ образомъ приговоренный направляется отъ судна къ судну, пока назначенное приговоромъ количество ударовъ не будетъ сполна нанесено ему. Необходимо замѣтить при этомъ, что въ данномъ случаѣ для матросовъ играетъ роль не количество ударовъ, а, разумѣется, позорный для человѣческаго достоинства и мучительный по характеру способъ наказанія. Ибо не успѣетъ во время передвиженія шаланды уняться боль и остановиться кровотеченіе, какъ безжалостная „кошка“ снова впивается въ тѣло несчастнаго и вызываетъ близкое къ обмороку чувство боли. Къ концу наказанія болевое ощущеніе становится уже просто невыносимымъ, и въ результатѣ перенесшій его человекъ превращается на всю жизнь въ жалкаго инвалида.

Одинъ ударъ „кошкой“ во флотъ равняется, по словамъ военныхъ, нѣсколькимъ въ арміи, и говорятъ, что двѣнадцать ударовъ „на водѣ“ хуже переносятся, нежели сто на сушѣ. Обстоятельство это находится въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ того матеріала, изъ котораго моряки готовятъ свою страшную „кошку“, хотя и указанный выше способъ приведенія наказанія въ исполненіе тоже играетъ здѣсь далеко не второстепенную роль. Мокрая „кошка“ дѣлается изъ веревокъ толщиной въ палецъ; каждая изъ веревокъ имѣетъ пять футовъ въ длину, изъ которыхъ три фута представляютъ собою обыкновенной конструкции веревку, другіе же два фута сплетены и связаны тщательнымъ образомъ въ солидные узлы.

Въ арміи палачъ (чаще всего барабанщикъ), стоитъ во время экзекуцій на одномъ мѣстѣ, поднимаетъ кошку надъ своей головой и затѣмъ изъ всей силы опускаетъ ее на спину наказуемаго; въ флотъ же выполняющій обязанности экзекутора боцманъ отходитъ на два шага отъ преступника, взмахиваетъ кошкой, дѣлаетъ шагъ впередъ по направленію къ своей жертвѣ, нагибается, чтобы развить болѣе сильный ударъ, и послѣ того съ размаху ожигаетъ обнаженное тѣло преступника. Марриатъ упоминаетъ объ одномъ боцманѣ, который наказывалъ лѣвой рукой, до того изощрившейся въ манипуляціяхъ съ „кошкой“, что при каждомъ ударѣ узлы веревокъ вырывали кусочки мяса. Когда наступала очередь его замѣстителя, и онъ билъ уже правой рукой, то, естественно, заинтересованной являлась другая сторона спины несчастнаго матроса, вслѣдствіе чего вообще невыносимыя страданія превращались въ двойную пытку.

Правда, теперь миновали уже дни былыхъ пороковъ, производившихся безъ зазрѣнія совѣсти, и въ настоящее время, согласно англійскимъ законамъ, ни одинъ матросъ не можетъ быть наказанъ тѣлесно иначе, чѣмъ по суду, въ составъ котораго входятъ капитанъ и два лейтенанта. Распоряженіемъ высшаго адмиралтейства — совѣта строжайше воспрещается поспѣшное приведеніе приговора въ исполненіе, а также ограничивается количество присуждаемыхъ ударовъ. Такимъ образомъ положеніе матроса значительно улучшилось; кромѣ того, капитанамъ судовъ вмѣнено въ обязанность доносить объ всѣхъ случаяхъ тѣлесныхъ наказаній, каковыя свѣдѣнія попадаютъ и въ газеты. А послѣднія, какъ извѣстно, не церемонятся: того и гляди — разсуждаетъ капитанъ, — попадешь бойкому борзописцу на зубокъ, начнетъ онъ тебя цыганить на всѣ лады, прослывешь въ обществѣ человѣкомъ-звѣремъ! Въ результатъ — значеніе „кошки“ съ теченіемъ времени дискредитируется все больше и больше. Такъ, въ 1854 году къ тѣлеснымъ наказаніямъ прибѣгали исключительно въ случаяхъ неповиновенія начальству и другихъ тяжкихъ проступковъ, да и то „кошка“ могла примѣняться только къ рецидивистамъ. Въ 1858 году относительно наказанія воспитанниковъ морскихъ корпусовъ были обнародованы новыя законоположенія. Юношей этихъ вообще не разрѣшалось подвергать тѣлесному наказанію съ помощью мучительныхъ орудій, какъ кошка, плеть и проч. Самое серьезное, дозволенное для наказанія, это — обычная школьная розга, „березовая каша“, при чемъ число ударовъ ни подъ какимъ видомъ не должно было превышать двадцати четырехъ. Офицерамъ, кромѣ того, вмѣнялось въ обязанность прибѣгать къ тѣлесному наказанію только послѣ того, какъ уговоры и другіе виды карательныхъ мѣръ оставались безрезультатными. Короче — говорилось въ приказѣ, — въ лицѣ розги желательно видѣть болѣе всего устрашающее средство.

Въ 1880 году засѣдавшій въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ конгрессъ пришелъ къ заключенію о необходимости полного изъятія тѣлесныхъ наказаній во флотъ, но, необходимо признаться, результаты этой мѣры оказались далеко не тѣми, какіе мечтали получить противники тѣлесныхъ наказаній, защищавшіе матросскія спины на упомянутомъ выше конгрессѣ.

ГЛАВА XXXVIII

О домашнемъ сѣченіи за-границей

Если мы согласимся съ тѣмъ толкованіемъ, которое приводятъ раввины о паденіи рода человѣческаго, то намъ придется не спорить и противъ того, что удары, какъ наказаніе, ведутъ свое начало еще со временъ рая на землѣ. Раввины говорятъ, что когда

Адамъ сказалъ: „Женщина дала мнѣ плодъ съ дерева, и я съѣлъ его“, то этимъ самимъ онъ хотѣлъ выразить: она дала мнѣ почувствовать! Иначе говоря: она такъ энергично била его, что онъ „ѣлъ“, принуждаемый къ этому! И, какъ мы знаемъ, довольно нерѣдко встрѣчаются такія жены, которыя навязываютъ себѣ право, по которому поднимаютъ на своихъ мужей руку!

Одинъ изъ судей короля, лордъ Мунзонъ, измѣнилъ свои политическіе взгляды; чтобы доказать ему высшее презрѣніе свое, жена этого господина привязала супруга-хамелеона къ ножкамъ кровати и съ помощью своихъ прислужницъ до тѣхъ поръ била его, пока онъ не далъ торжественнаго обѣщанія исправиться. И за столь цѣлительное наказаніе леди Мунзонъ удостоилась получить отъ высшаго судейскаго учрежденія выраженіе искренней признательности и благодарности.

Съ другой стороны, большинство законодателей относилось слишкомъ легкомысленно къ тѣмъ мужьямъ, которые вводили тѣлесное наказаніе въ родъ домашняго обихода. Довольно часто подымался вопросъ: имѣетъ ли мужъ вообще право бить свою жену, и отвѣтъ всегда сводился къ тому, что все находится въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ поведенія жены. Принято полагать, что жена создана для того, чтобы быть помощницей своему мужу, ангеломъ-утѣшителемъ его; вести она должна себя обязательно хорошо, порядочно и честно; она обязана всецѣло подчиняться авторитету своего супруга и считаться, такъ сказать, вѣрноподданной его, своего владыки. Но если она представляетъ собою совершенно противоположный типъ, тогда ужъ наступаетъ очередь за розгой, при чемъ съ такой особой необходимо обращаться такъ, какъ совѣтуетъ поэтъ:

„Разъ она не исправляется, бей ее по головѣ,
Не позволяй втирать себѣ очки!
Бери все, что ни попадется подъ руку:
Плеть, кочергу или тросточку,
Не брезгай также и бутылкой;
Не стѣсняйся, швырни ее объ полъ!
Развей свои мышцы, закали сердце,
Точно желѣзо, мѣдь, сталь или камень“.

Съ успѣхомъ можно слѣдовать также совѣту одного изъ римскихъ оракуловъ. У нѣкоего мужа была чрезвычайно капризная и своенравная жена. Онъ отправился къ оракулу и спросилъ его: что дѣлать съ тѣмъ платьемъ, въ которомъ завелось много моли? „Выколоти его хорошенько“, отвѣтилъ оракулъ. „Да кромѣ того“, продолжалъ вопрошающій, „у меня есть жена, а у нея имѣется масса капризовъ. Что мнѣ сдѣлать съ ней?“ — „Выколоти ее“, отвѣтилъ оракулъ.

У арабовъ существуетъ преданіе, по которому Іовъ однажды угрожалъ своей женѣ тяжелымъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Въ преданіи этомъ говорится приблизительно слѣдующее: когда Іовъ находился въ ужасномъ положеніи и былъ въ чрезвычайно угнетенномъ состояніи духа, причемъ, лежа на землѣ, испускалъ

вокругъ себя такое зловоиіе, благодаря покрывавшимъ его тѣло язвамъ, что ни одинъ человѣкъ не могъ приблизиться къ нему, — его жена самымъ добросовѣстнымъ и усерднымъ образомъ ухаживала за нимъ и кормила своего несчастнаго мужа трудами рукъ своихъ. Въ одинъ прекрасный день предъ нею предсталъ діаволь, напомнилъ ей о былыхъ дняхъ ея благосостоянія и обѣщаль вернуть ей всѣ ея прежнія богатства и блага, если только она упадетъ предъ нимъ на колѣни и попроситъ его, діавола, объ этомъ. У Евы ему прежде посчастливилось, и даже безъ всякаго труда. Но жена Іова не такъ быстро поддавалась льстивымъ и медоточивымъ рѣчамъ діавола. Она отправилась къ своему мужу, рассказала ему объ всей этой исторіи и попросила посовѣтовать, какъ ей именно въ данномъ случаѣ поступить. Іовъ пришелъ въ такое бѣшенство, что поклялся по выздоровленіи отсчитать ей сто ударовъ. Въ заключеніе онъ воскликнулъ: „Поистинѣ, сатана наказаль меня (избилъ) болячками и напастями“. Тогда Господь Богъ послаль архангела Гавріила, который взяль Іова подъ руку и помогъ ему стать на ноги. У ногъ Іова началъ струиться источникъ, воду котораго онъ пилъ и въ которомъ самъ выкупался и освѣжился. Болѣзнь исчезла, къ Іову вернулись и прежнія богатства его, и его дѣти. А чтобы онъ могъ сдержать свою клятву, заключавшуюся въ обѣщаніи тѣлесно наказать свою жену, — ему было приказано нанести ей одинъ ударъ пальмовой вѣткой, на которой находилось ровно сто листьевъ.

Выше мы приводили уже нѣсколько мѣстъ изъ Священнаго Писанія, въ которыхъ такъ или иначе ссылалось на розгу; считаемъ нелишнимъ коснуться еще нѣкоторыхъ выдержекъ изъ книгъ Соломона и Иисуса Сираха, которые, какъ извѣстно, очень часто напоминали въ своихъ трудахъ о розгѣ и ея роли по отношенію къ дѣтству и юношеству.

„Кто не противится наказаніямъ, тотъ вырастетъ умнымъ, тотъ же, который норовитъ остаться безнаказаннымъ, будетъ дуракомъ“.

„Умный сынъ ничего не имѣетъ противъ того, когда его наказываетъ отецъ, глупецъ же не повинуется и всячески избѣгаетъ порки“.

„Кто избѣгаетъ наказанія, тотъ познакомится съ бѣдностью и позоромъ; кто охотно подвергается наказанію, тотъ будетъ возвеличенъ“.

„Глупость внѣдряется въ сердце мальчика, но розга выгоняетъ ее оттуда подальше“.

„Не упускай случая наказать мальчика“.

„Если у тебя имѣются дѣти, то воспитывай ихъ и сгибай ихъ спину съ самаго ранняго возраста“.

„Кто любитъ свое дитя, тотъ держитъ его подъ розгой, и только при этомъ условіи онъ дождется отъ своего чада утѣшенія и радостей. Кто же, наоборотъ, относится къ своему дитяти мягкосердечно, тотъ болѣетъ его ранами и пугается всякій разъ, когда ребенокъ заплачетъ. Избалованное дитя становится такимъ же свое нравнымъ, какъ дикая лошадь. Не давай дѣтямъ воли съ ранняго возраста, не извиняй ихъ глупости. Гни дитяти своему шею, потому

что оно молодо, трепли ему спину, потому что оно мало, и тогда оно не станетъ упрямымъ и неповинующимся тебѣ“.

Магометанамъ было повелѣно тѣлесно наказывать своихъ женъ тогда, когда послѣднія проявляютъ признаки неповиновенія власти мужа, но законодатель нашель нужнымъ прибавить при этомъ, что бить слѣдуетъ съ опаской, жестокости не проявлять и не вызывать ударами какихъ-либо опасныхъ явленій. По всѣмъ вѣроятіямъ, пророкъ Магометъ одобрилъ такую систему на основаніи личнаго опыта, и въ результатъ мы находимъ въ Коранѣ слѣдующія слова: „Но тѣхъ женъ, которыхъ нужно опасаться вслѣдствіе ихъ противорѣчиваго характера, которыя бранятся, тѣхъ отводите въ отдѣльное помѣщеніе и тамъ наказывайте“.

Во Франціи и другихъ государствахъ континента розга считалась самымъ подходящимъ инструментомъ для наказанія строптивыхъ, а также блудливыхъ женъ, и въ относящихся ко временамъ сѣдой старины стихотвореніяхъ и новеллахъ встрѣчаются весьма назидательные примѣры и указанія на „тѣлесное воздѣйствіе“, примѣнявшееся мужьями по отношенію къ своимъ женамъ.

Въ одномъ изъ городовъ Германіи не такъ давно проживалъ врачъ-нѣмецъ, который при каждомъ удобномъ случаѣ угощаль свою супругу березовой кашей. Онъ былъ въ высшей степени ревнивъ и до того часто прибѣгалъ къ розгѣ, что несчастная женщина, по совѣту своихъ друзей, въ концѣ концовъ вынуждена была начать дѣло о разводѣ, котораго и добилась.

Отецъ Фридриха Великаго положительно славился тѣми строгими тѣлесными наказаніями, которыми щедро надѣлялъ всѣхъ жившихъ съ нимъ подъ одной кровлей. Молодому Фридриху очень часто доставались палочные удары. Вотъ что писалъ принцъ своей матери въ декабрь 1729 года. „Я нахожусь въ большемъ отчаяніи. То, чего я такъ сильно опасался, наконецъ, осуществилось. Король забылъ совершенно, что я — его сынъ. Сегодня утромъ, какъ обыкновенно, я явился въ его комнату. Лишь только отецъ увидѣлъ меня, онъ схватилъ меня за шею и самымъ жестокимъ образомъ избилъ своей тростниковой палкой. Напрасно я употреблялъ нечеловѣческія усилія къ самозащитѣ. Онъ былъ взбѣшенъ до-нельзя, какъ говорятъ, вышелъ совершенно изъ себя. Въ концѣ концовъ онъ очевидно усталъ работать тростью и, только благодаря этому, выпустилъ меня. Повторяю, я нахожусь въ ужасномъ положеніи и готовъ на все. Честь моя не позволяетъ дольше выносить подобное обращеніе со мной, и я вижу, что — будь что будетъ, а этому необходимо положить конецъ“!

Принцъ выказалъ особое вниманіе одной барышнѣ изъ Потсдама, Дорисѣ Риттеръ, а король, замѣтивъ въ этомъ что-то неладное, приказалъ палачу высѣчь несчастную дѣвушку и затѣмъ заключилъ ее на три года въ смирительный домъ, гдѣ „арестантку“ заставляли весь день выколачивать пеньку. Впрочемъ, въ позднѣйшіе годы образъ мыслей Фридриха кореннымъ образомъ измѣнился, особенно въ отношеніи строгости своего отца: нерѣдко онъ хвалилъ эту строгость, равно какъ и ту простую до крайности систему воспитанія, на которой онъ выросъ въ домѣ своего отца.

Въ видахъ правосудія дамы Новаго Свѣта, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ факты, никогда не брезгали тѣлесными наказаніями. Когда испанскій генераль Квезада пріѣхалъ въ Новую Гранаду и явился съ визитомъ къ главноначальствующему, то послѣдній находился въ ярости и испытывалъ сильныя боли; и то, и другое явилось слѣдствіемъ тѣлеснаго наказанія, приведеннаго надъ нимъ въ исполненіе девятью его женами. Причина такого отношенія женъ оказалась слѣдующая: супругъ ихъ наканунѣ провелъ вечеръ въ обществѣ нѣсколькихъ испанцевъ, причемъ вся компанія занималась обильнымъ жертвоприношеніемъ Бахусу. По приходѣ домой, нѣжныя супруги уложили его въ постель, дали ему хорошенько выспаться и отрезвиться, а утромъ разбудили... основательной поркой, произведенной самымъ безпощаднымъ образомъ.

У мормоновъ мужья частенько-таки поколачиваютъ своихъ женъ, впрочемъ, всѣ свѣдѣнія о жизни этого народа въ интересующемъ насъ направленіи можно черпать изъ періодической печати; болѣе точныхъ и достовѣрныхъ источниковъ въ нашемъ распоряженіи не имѣется.

Г Л А В А XXXIX

Выдержки изъ дневника аристократки

Ниже мы помѣщаемъ выдержки изъ дневника Лэди Франциски Пэноеръ изъ Буллингемскаго замка въ Герфордшейръ.

15 декабря 1759 года. Милордъ возвратился изъ Лондона вполне благополучно; пробылъ онъ въ путешествіи три дня, ѣхалъ на курьерскихъ. Когда мы были молоды, не было еще такихъ „курьерскихъ“, т. е. скорой пассажирской почты, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, дѣти наши сумѣютъ гораздо скорѣе сообщаться со всемъ свѣтомъ и преодолѣвать самыя значительныя разстоянія, нежели ихъ предки. Недавно милордъ рассказывалъ мнѣ, на примѣръ, что скоро появится въ обращеніи особая карета, которая путь отъ Лондона въ Батъ отмахаетъ въ два дня.

Милордъ осмотрѣлъ въ Лондонѣ все, что такъ или иначе заслуживало быть осмотрѣннымъ. Побывалъ онъ и въ Ranelagh, гдѣ обыкновенно гуляетъ масса знакомаго народу, развлекаясь разговорами и играющимъ тутъ оркестромъ музыки. Былъ онъ и въ театрѣ и любовался игрой мистера Гаррика въ „Макбетъ“. Мистеръ Гаррикъ человекъ небольшого роста, но это не мѣшаетъ ему быть чрезвычайно остроумнымъ и пріятнымъ джентельменомъ. Милордъ побывалъ въ фойе и удостоился тамъ чести быть представленнымъ мистриссъ Притчардъ, которая произвела на него впечатлѣніе обаятельной красавицы и въ высшей степени любезной женщины. Онъ пріобрѣлъ ея портретъ въ роли Лэди Макбетъ:

артистка изображена на карточкѣ въ красной атласной накидкѣ, надѣтой поверхъ бѣлаго платья съ длиннымъ шлейфомъ. Ея парикъ отличается длинными локонами; башмачки ея на высокихъ каблукахъ снабжены брилліантовыми пряжками. Я спросила у милорда, такая ли теперь мода, но онъ не могъ отвѣтить на мой вопросъ: ему извѣстны лишь свѣдѣнія о мужскомъ туалетѣ, и, воспользовавшись своимъ пребываніемъ въ Лондонѣ, онъ сшилъ себѣ великолѣпный гардеробъ настоящаго дэнди.

Для меня и для дочерей онъ привезъ въ числѣ своихъ вещей пакетъ съ матеріями, но тѣмъ не менѣе ему не извѣстно, какова теперь мода на дамскія вещи. Мистрисъ Бодингемсъ, новая французенка-гувернантка, была въ прошлое воскресенье въ церкви въ новомодной бѣлой шляпѣ изъ мочалы; шляпа эта — совершенно плоская, украшена она исключительно маленькими розоваго цвѣта розами. Рюши на ней выдѣлялись своей необычайной величиной, и я услышала случайно, какъ наша докторша сказала, что это — по послѣдней модѣ. По моему мнѣнію, все это чрезвычайно нарядно, но я не потерплю, чтобы мои дочери въ чемъ либо подражали этой особѣ, которая ни слова не говоритъ по-англійски и ничего другого не знаетъ, какъ только вычурно одѣваться въ господскія платья и въ то же время на различные манеры бить своихъ воспитанницъ. Въ концѣ концовъ она замаскированная католичка! Пожалуй даже якобинка! Кто можетъ знать истинную правду! Да избавить насъ небо отъ всякихъ напастей.

Примѣчаніе. Я намѣрена попросить милѣйшаго доктора Аубрея прочесть проповѣдь, посвященную тщеславію и чванству особъ, находящихся на положеніи служащихъ и подчиненныхъ.

1 января 1766 г. Новый годъ я начала съ того, что произвела ревизію въ помѣщеніяхъ для прислуги: все ли у нихъ въ порядкѣ. Новую горничную я нахожу далеко не достаточно почтительной. Я поговорила съ ней довольно серьезно на эту тему и сказала ей, что, если она не пріобрѣтетъ необходимыхъ въ обращеніи манеръ, я ее высѣку. „Побейте меня, милэди“, возразила она, „съ тѣхъ поръ, какъ я оставила школу, меня еще не билъ никто!“ Тутъ я подумала, что, очевидно, въ домѣ лэди Комбермеръ, гдѣ она до меня служила, была прескверная школа для горничныхъ. За завтракомъ я выругала Марію за то, что она вела съ домашнимъ учителемъ слишкомъ интимный разговоръ. Правда, онъ прекрасный молодой человекъ, но ему необходимо указать настоящее мѣсто его.

Примѣчаніе. Не забыть бы взять у милорда черный бархатный костюмъ: нужно посмотреть, не удастся ли портному исправить его. Костюмъ выглядит, необходимо признаться, довольно печально.

Послѣ завтрака я заинтересовалась урокомъ танцмейстера, обучающаго барышень новымъ реверансамъ и поклонамъ. По моему, выходитъ довольно элегантно и почтительно. Затѣмъ я усадила дѣвушекъ въ выпрямитель ногъ и плечъ и вышла изъ дому.

Обошла деревню и навѣстила моихъ бѣдныхъ. Жена Пробрерта обращается со своими дѣтьми слишкомъ своенравно. Позволяетъ

имъ ходить безъ шапокъ и безъ плотной опоры для позвоночника. За то я изрядно выбрала ее и сказала, что пришлю ей для ребятишекъ болѣе цѣлесообразное платье. Была у Годжесовъ — пренепрятнѣйшая семейка. Мать больна, дочь не хочетъ назвать имя отца своего ребенка. Разумѣется, я безъ обиняковъ сказала ей все, что о ней думаю. Казалось, она не взволновалась; велѣла ей взять себѣ отъ меня старое полотно. Сильно опасаюсь того, что наполовину вина лежитъ на насъ.

Примѣчаніе. Необходимо написать по этому поводу Георгу: своей матери онъ скажетъ всю правду.

Если бы госпожа Годжесъ, когда ея дочь была дѣвочкой, наказывала ее розгой, какъ это практиковала я со своими дочерьми, и какъ должна поступать каждая благородная мать, — то теперь ей нечего было бы стыдиться.

За обѣдомъ у насъ былъ докторъ Аубрей; онъ хвалилъ кушанье и дѣлалъ мнѣ комплименты по поводу моего новаго краснаго платья. День новаго года провели хорошо, съ удовольствіемъ. Дѣти отличались въ школѣ послушаніемъ и отвѣчали на всѣ вопросы очень бойко и правильно. Двоихъ дѣвочекъ велѣла завтра наказывать розгами: во время молитвы онѣ вели себя неблагопристойно. А такъ какъ учительница у насъ новая, то при экзекуціи буду присутствовать лично.

2 января. Какъ было мною рѣшено, отправилась въ школу и по дорогѣ встрѣтила доктора Аубрея. Ученицы оказались всѣ въ сборѣ, учительница выглядѣла нѣсколько испуганно. Прекрасная молодая дѣвушка, но мнѣ кажется, что она слишкомъ красива для такой должности. Докторъ Аубрей вошелъ въ школу вмѣстѣ со мной, причемъ увѣрялъ меня, что неоднократно присутствовалъ при тѣлесныхъ наказаніяхъ въ женскихъ училищахъ. Ему, говоритъ, нравится наблюдать, какъ „краснѣютъ дѣвочки“. „Это результатъ благопристойной скромности“, сказалъ онъ.

Двѣ дѣвочки, которымъ предстояло понести наказаніе, были уже подготовлены къ нему учительницей. Онѣ упали на колѣни и просили простить ихъ. Меня очень радуетъ, что онѣ съ учтивостью перенесли экзекуцію, которую произвела я сама, имѣя при этомъ въ виду научить неопытную еще учительницу правильному примѣненію розги. По окончаніи порки, я зашла въ ея комнату, но не обрадовалась тому, что увидѣла тамъ. Банка съ вареньемъ, бутылка оранжевой воды, новое ситцевое платье, слишкомъ, кстати сказать, элегантное, и первая часть „Клариссы Гарловъ“, засунутая подъ сидѣнье стула. Повела съ ней по этому поводу серьезный разговоръ и пыталась дать ей понять, что чтеніе романовъ представляется при занимаемомъ ею положеніи далеко не подходящимъ занятіемъ.

Дома застала лэди Катервудъ съ сыномъ. Въ высшей степени симпатичный молодой человекъ, и мнѣ кажется, что онъ довольно недвусмысленно посматривалъ на мою старшую дочь. Рассказала милэди, какъ и гдѣ провела время; по ея мнѣнію, безъ щедрой раздачи березовой каши ничего подѣлать нельзя. Въ ея школѣ все идетъ очень хорошо, она затрачиваетъ на нее много времени и денегъ. Сынъ лэди Катервудъ велъ все время оживленную

бесѣду съ Маріей и водилъ ее показывать ливрею и новую карету, въ которой онъ съ матерью пріѣхалъ. Милордъ говоритъ, что на нашей ужасной дорогѣ съ глинистымъ грунтомъ карета долго не продержится. Молодой человекъ очень много говорилъ съ дочерью о развлеченіяхъ и удовольствіяхъ Лондона, пожалуй, даже больше, чѣмъ слѣдовало бы, рассказывалъ о театрахъ и тому подобныхъ увеселительныхъ мѣстахъ. Такому знатному юношѣ можно въ концѣ концовъ простить кое-что. Они привезли намъ приглашеніе на балъ, который долженъ состояться въ день совершеннолѣтія мистера Горація.

30 января. Милордъ былъ сегодня утромъ крайне грубъ. Я оставалась въ постели дольше обыкновеннаго, такъ какъ испытывала сильную головную боль. Онъ выразился, что солнце никогда не должно озарять старую женщину съ ночнымъ чепцомъ на головѣ. Я могла бы возразить ему, что старикъ безъ парика, съ красной ярмошкой вмѣсто волосъ на головѣ, выглядит также не очень-то презентабельно. Но по опыту я знаю, какъ важно держать языкъ за зубами, когда милордъ находится въ минорномъ настроеніи духа. Какъ бы то ни было, приходится согласиться съ тѣмъ, что его слова дышатъ правдой: дама, голова которой обернута въ тряпки, съ лицомъ покрытымъ помадами и притираниями для поддержанія тейнта, дѣйствительно производитъ неважное впечатлѣніе...

Позднѣе явилась мадамъ Годжесъ и сообщила, что ея дочь родила мальчика и чувствуетъ себя крайне ослабѣвшей. Просила чего-нибудь подкрѣпляющаго. Я распорядилась дать ей все необходимое, но въ очень строгомъ тонѣ заявила ей, что напрасно она лучше не воспитала своей дочурки. Сильно напугало меня извѣстіе о младшемъ сынѣ: горничная говорила въ людской, что отцомъ новорожденнаго является нашъ сынъ Георгъ.

31 января. Много думала о томъ, что услышала вчера отъ Гарри; сразу не могла рѣшиться, чтобы такое предпринять. Поступлю такъ, какъ поступала моя дорогая матушка: либо отправлю домой дѣвушку, либо задамъ ей порку. Быть можетъ, все это и правда, но нельзя же допустить, чтобы въ людской говорили о слабостяхъ моего сына и о грѣшной чванливости крестьянской дѣвушки. Мнѣ будетъ очень жаль расстаться съ ней: судьба ея въ домѣ родителей довольно жалкая. Заставила ее придти ко мнѣ и самой сдѣлать выборъ: либо порка, либо немедленное изгнаніе изъ деревни. Она избрала самое благоразумное: дѣлайте, молъ, со мной все, что вамъ заблагоразсудится. Я велѣла ей придти завтра въ мою комнату въ 12 часовъ дня. Она сказала, между прочимъ, что молодая Годжесъ сама жаловалась на Георга, когда, узнавъ о постигшемъ ее горѣ, пришла въ ужасъ отъ стыда, испуга и позора. Вся эта исторія дѣлаетъ меня буквально несчастной, никакъ не могу отважиться поговорить по этому поводу съ милордомъ: онъ и такъ сильно золъ на Георга за его расточительность.

2 февраля. Случилось нѣчто ужасное. Эти строки я пишу у постели Гарри, который получилъ серьезный урокъ за свое любо-

пытство: Вчера, въ назначенное мною время, горничная явилась ко мнѣ въ комнату. Я приказала ей взять изъ шкафа съ розгами моей свекрови одну розгу и принести ее мнѣ. Затѣмъ я велѣла ей стать на колѣни и просить у меня прощенія за свою болтливость. Со слезами на глазахъ она исполнила мое приказаніе. Она должна исправиться, и поэтому я задала ей солидную порку. Дѣвушка эта обладаетъ красивыми, округлыми формами; въ общемъ, она очаровательна, и уже очень давно, не исключая и моихъ собственныхъ дочерей, которыя въ концѣ концовъ худы, какъ щепки, — въ моихъ рукахъ не было такого восхитительнаго тѣла. Съ самаго ранняго дѣтства ее никто больше не билъ, и поэтому она подъ розгой здорово кричала. Еще прежде, нежели я покончила съ экзекуціей, мнѣ послышался подъ окномъ сдержанный смѣхъ; тутъ же вбѣжала Шарлотта и сказала: „Это голосъ Гарри!“ Я не успѣла еще сдѣлать ей выговоръ за ея глупое замѣчаніе и непрошенное появленіе, какъ снаружи раздался трескъ разбитыхъ стеколъ и шумъ отъ паденія тѣла на землю. Мы бросились къ окну и увидѣли, что на землѣ, весь въ крови, лежитъ мой Гарри. Безъ оглядки помчались мы внизъ, и я совершенно позабыла о горничной и ея наказаніи. Дорогой мой мальчикъ сказалъ, что онъ догадывался о томъ, что должно происходить въ моей комнатѣ; онъ подставилъ къ окну садовую лѣстницу и хотѣлъ по ней забраться кверху. Вслѣдствіе неровности почвы, лѣстница сорвалась у него подъ ногами, и Гарри полетѣлъ внизъ головой, ударившись объ оранжерею, которую милордъ недавно приказалъ устроить для рѣдкихъ цвѣтовъ своихъ. Милордъ, когда узналъ о происшествіи, пришелъ въ ярость: ему было безгранично жаль своей оранжереи, о мальчикѣ же онъ и не подумалъ; мало того, онъ замѣтилъ ему, что, собственно говоря, „негодяя слѣдовало бы хорошенько проучить березкой“. Къ счастью, кости остались цѣлы, тѣмъ не менѣе руки у моего любимца здорово изрѣзаны осколками стеколъ.

17 февраля. Слова милорда оказались не шуткой или простой угрозой: сегодня утромъ онъ привелъ вчерашнее обѣщаніе въ исполненіе и угостилъ Гарри хорошей порціей березовой каши. Предварительно онъ распорядился пригласить въ качествѣ зрительницъ дочерей, но Шарлотта колебалась исполнить его приказаніе, вслѣдствіе чего милордъ сильно озлобился и посулилъ наказать также и ее. Гарри велъ себя очень хорошо, на колѣняхъ просилъ прощешя. Милордъ былъ въ высшей степени суровъ, и каждый ударъ острымъ уколomъ отражался въ моемъ сердцѣ, но я не осмѣлилась вмѣшиваться, я молчала.

10 марта. Въ домѣ Катервудовъ состоялся балъ, и мнѣ кажется, что появленіе моихъ дочерей произвело большую сенсацію. Новыя украшенія для прически, о которыхъ позаботился мой братъ, прибыли какъ разъ во время; благодаря своей новизнѣ, они возбудили всеобщее любопытство. Волосы Шарлотты были зачесаны спереди въ видѣ большой подушки, сзади же изъ нихъ была устроена пражка, на которую были посажены бабочки

Прическа Маріи была нѣсколько ниже; спереди было устроено нѣчто вродѣ гнѣзда съ птенчиками, надъ которыми кружилась птичка-мать. На мнѣ было платьѣ изъ парчи, унаслѣдованное отъ моей матушки, причемъ кружевную отдѣлку его носила еще моя бабушка, когда ей пришлось стоять подле королевы Анны во время коронаванія послѣдней. Дѣвушки были въ платьяхъ изъ розовой и голубой тафты; каблуки на ихъ сапогахъ были до того высоки и такъ посажены, что ходить имъ, бѣдняжкамъ, было очень трудно. Танцмейстеръ и учитель музыки изъ Геррефорда ежедневно являлись къ намъ и обучали ихъ новымъ танцамъ и игрѣ на арфѣ. Въ Катервудѣ Марія танцевала менуэтъ съ молодымъ наслѣдникомъ, и всѣ по этому поводу приносили мнѣ свои поздравленія. Шарлотта спѣла пѣсню, которую мистеръ Поппе написалъ спеціально для арфы, и пѣніе ея всѣмъ понравилось. Дорогая дѣвочка моя обладаетъ чудеснымъ голоскомъ. Милордъ говорилъ, что на балу все было очень „хумбургъ“, каковое слово мы слышимъ впервые. Звучитъ оно, правда, неважно, но такъ какъ его ввелъ мудрый Эгестерфильдъ, то поневолѣ оно должно быть *comme il faut*.

6 іюня. Въ Америку снаряжается экспедиція, начальство надъ которой принимаетъ генераль Джемсъ Цольфъ. Человѣкъ онъ маленькаго роста, слабенькій, но, очевидно, „большой“ генераль. Марія находится въ большихъ грустяхъ, ибо молодой Катервудъ назначенъ его адъютантомъ и черезъ четыре дня отправляется въ Лондонъ. Милордъ смѣется по поводу ея красныхъ отъ слезъ глазъ и поблѣднѣвшаго лица; тѣмъ не менѣе онъ будетъ радоваться больше всѣхъ, ибо, хотя Катервуды происходятъ и не изъ столь знатнаго рода, какъ мы, все же они обладаютъ громаднымъ состояніемъ, а деньги именно намъ нужны до-зарѣзу!

8 іюня. Мои надежды не обманули меня: почтеннѣйшій Горацій Катервудъ явился къ намъ и по всѣмъ правиламъ просилъ руки нашей дочери. Пріѣхалъ онъ вмѣстѣ со своей матерью, приславъ предварительно съ верховымъ адресованный Маріи букетъ цвѣтовъ при запискѣ, которую она прежде всего дала мнѣ и просила разрѣшенія прочитать ее. Я замѣтила, что милое дитя мое было въ высшей степени взволновано, хотя и дѣлало усилія чтобы сдерживаться. Когда же ея возлюбленный вошелъ съ матерью въ комнату, она приняла его съ тѣмъ достоинствомъ, которое подобаешь намъ, Пеноэрамъ. Молодой человѣкъ въ прекрасныхъ выраженіяхъ говорилъ о своей любви и о будущемъ, упомянувъ при этомъ, что немедленно же послѣ окончанія войны должна состояться его свадьба съ Маріей. Милордъ положительно счастливъ и подразниваетъ Шарлотту, говоря, что младшая сестра выйдетъ раньше ея замужъ. Она такъ небрежно относится къ этому подразниванью, что я рѣшительно не понимаю ее.

9 іюня. Побывала въ Катервудѣ, чтобы попрощаться съ нашимъ будущимъ зятемъ. Марія вела себя вполне достойно и произвела на милорда и его супругу прекрасное впечатлѣніе. Милордъ подарилъ ей брилліантовое кольцо, а милэди — красивые, старин-

ные жемчуги; отъ жениха она получила два вѣера: чудный турецкій и не менѣе дорогой китайскій. Мнѣ мой будущій зять также сдѣлалъ великолѣпный подарокъ: маленькаго негритенка, обученнаго обязанностямъ пажа. Теперь это — послѣднее слово моды въ Лондонѣ; лэди Катервудъ привезла съ собой двоихъ; они подаютъ ей шоколадъ и постоянно стоятъ за ея стуломъ. Мнѣ кажется, что мальчишки сдѣлались ей въ тягость, и она сочла болѣе удобнымъ разлучить ихъ. Мой новый пажъ былъ прежде на службѣ у лэди Ярмутъ и ознакомленъ со всѣми тонкостями свѣтской жизни.

2 августа. Проснулась вслѣдствіе донесшагося до меня не-удержимаго хохота. Оказалось, что въ библіотекѣ были милордъ, Гарри и Цезарь, который копировалъ имъ лэди Ярмутъ. Я сама съ трудомъ удержалась отъ смѣха, когда увидѣла, какъ негритенокъ корчилъ свое лицо въ тысячи складокъ и дѣлалъ рукой такое движеніе, точно угрожалъ королю кулакомъ. Этотъ чертенокъ увѣряетъ, будто лэди Ярмутъ наградила короля пощечинами; онъ безподобно подражалъ королю, который послѣ оплеухъ теръ свое лицо руками и дѣлалъ попытки успокоить милостивыми словами не въ мѣру расходившуюся фаворитку. Нѣтъ, я не позволю ему больше дѣлать подобныя представленія! Неужели можно допускать, чтобы нашъ возлюбленный монархъ подвергался насмѣшкамъ и критикѣ, и гдѣ же? Подъ нашей крышей! Я немедленно распорядилась, негритенка привели въ мою комнату, и горничная усерднѣйшимъ образомъ наградила его подъ моимъ личнымъ наблюденіемъ порядочной порціей березовой каши. Будетъ теперь знать! Никогда до сихъ поръ мнѣ не приходилось видѣть, какъ наказываютъ черныхъ. На его кожѣ почти ничего не видно, но за то крики мальчишки ясно говорили о томъ, что горничная исполнила мое приказаніе вполнѣ добросовѣстно. Навѣрное, здорово болѣла у нея рука послѣ экзекуціи надъ негритенкомъ!

20 сентября. У насъ случилось большое несчастье! Вотъ ужъ въ теченіе многихъ дней я не была въ состояніи взяться за перо: одинъ нервный припадокъ слѣдовалъ за другимъ! Наша дочь Шарлотта сбѣжала съ учителемъ! Милордъ внѣ себя: вѣдь Шарлотта была его любимицей. Онъ клянется, что съ этихъ поръ ничто не разжалобитъ его: пусть она умираетъ съ голоду, — онъ ни гроша не дастъ ей. Они находятся въ Батѣ; несчастная дѣвочка написала мнѣ и просила о прощеніи. По моему мнѣнію, Цезарь способствовалъ ихъ побѣгу. Я его допрашивала и нѣсколь-ко разъ сильно била его, стараясь добиться признанія, но мальчишка нѣмъ, какъ рыба. Боже мой, что скажетъ лэди Катервудъ? Бѣдная Марія! Чѣмъ кончится вся эта исторія?

15 октября. Лэди Катервудъ въ Батѣ и прислала мнѣ оттуда чрезвычайно милое и любезное письмо. Она видѣла Шарлотту и имѣла съ ней очень серьезный разговоръ. Шарлотта сказала ей, что оба они намѣрены работать и ни въ какой помощи не нуждаются. Такое мужество съ ихъ стороны въ высшей степени обрадовало и продолжаетъ радовать меня. Лэди Катервудъ до-

бавляетъ въ своемъ письмѣ, что случившаяся исторія на ея сына никакого вліянія не окажетъ, что нѣсколько успокоило милорда.

27 октября. Не успѣли еще успокоиться послѣ извѣстія о смерти генерала Вольфа, какъ всѣхъ поразилъ фактъ кончины его величества короля англійскаго. Скончался онъ 25 октября. Сегодня мы были въ Герефордѣ, гдѣ былъ совершенъ обрядъ объявленія о восшествіи на престолъ новаго короля. На улицахъ была густая толпа гуляющихъ; мы также вышли изъ экипажа и съ Цезаремъ въ аріергардѣ прошли пѣшкомъ по городу. Милордъ въ великолѣпномъ настроеніи духа; ему все кажется, что съ восшествіемъ на престолъ Англій новаго короля онъ можетъ надѣяться быть причисленнымъ къ придворному званію.

24 декабря. Еще одинъ годъ на исходѣ! Канунъ новаго года я встрѣчаю въ роли одной изъ счастливыхъ женщинъ. Я снова увидѣла дорогое для меня дитя, причемъ отецъ, какъ мнѣ кажется, нѣсколько смягчился. Быть можетъ, въ данномъ случаѣ имѣетъ большое значеніе состоявшееся въ дѣйствительности назначеніе его ко двору, благодаря которому ему придется жить больше въ Лондонѣ, нежели въ Буллингемѣ. Нетъ сомнѣнія, конечно, въ томъ, что его въ высшей степени раздражаетъ то обстоятельство, что его дочь будетъ называться просто мистриссъ Гибсонъ вмѣсто того, чтобы выйти замужъ за какого нибудь лорда и получить соотвѣтствующее званіе и положеніе. Но... молодой супругъ нашей дочери съ такимъ терпѣніемъ и сдержанностью выслушалъ всѣ обрушившіеся на его голову съ нашей стороны упреки, онъ такъ трогательно повинился въ происшедшемъ, что долше мы не могли оставаться жестокими. Во время нашего отсутствія молодые будутъ жить въ Буллингемѣ, а съ теченіемъ времени намъ, безъ сомнѣнія, удастся подыскать для нашего зятя что либо подходящее и создать ему подобающее положеніе. Изъ Америки получаютъ утѣшительныя извѣстія. Горацій Катервудъ былъ тяжело раненъ, но поправился и въ началѣ будущаго года возвращается домой. Вскорѣ послѣ его пріѣзда состоится свадьба. Я думаю и даже увѣрена въ томъ, что это хорошій признакъ: въ то время, какъ я пишу настоящія строки, со всѣхъ колоколенъ старинныхъ церквей раздается веселый перезвонъ рождественскихъ колоколовъ. Да, это навѣрное добрый признакъ!

ГЛАВА XXXX

Воспитаніе въ англійской школѣ для бѣдныхъ сто лѣтъ тому назадъ

Нижеслѣдующее изложеніе является точнымъ, нисколько отъ истины не уклоняющимся отчетомъ о наказаніяхъ, производившихся въ одной изъ частныхъ школъ для бѣдныхъ, существовавшихъ сто лѣтъ тому назадъ въ Англій. Дѣйствительное названіе

города и фамилія благородной семьи, содержавшей эту школу, замѣнены другими именами: таково было желаніе дамы, сообщившей намъ приводимую ниже исторію.

Школа для бѣдныхъ въ Остѣ-Боркгеми являлась собственностью господъ Ройстонъ. Лэди эти снабжали школу необходимымъ, руководили рѣшительно всѣмъ, держали подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ педагогическій персоналъ и всѣми силами старались способствовать поддержанію всѣхъ тѣхъ законовъ, которые были заложены въ основу нашего воспитанія. Чтобы судить объ ихъ ретивости, необходимо замѣтить, что онѣ собственноручно и охотно, а лэди Марія въ особенности, помогали приводить въ исполненія наказанія. Одна только лэди Маріори не имѣла привычки лично наказывать насъ, хотя ей доставляло удовольствіе присутствовать при экзекуціяхъ, производимымъ ея прислугой. Я неоднократно сама видѣла, какъ эта госпожа хладнокровно слѣдили за процедурой наказанія, отъ выполненія которой несчастная прислуга уставала положительно до изнеможенія. Шутка ли! Высѣчь столько голосащихъ и стонущихъ дѣтей — мальчиковъ и дѣвочекъ! Я должна прибавить при этомъ, что лэди имѣли обыкновеніе наказывать оба пола совмѣстно, что доставляло имъ, очевидно, особое удовольствіе. Школа помѣщалась отъ замка лэди на разстояніи одной мили; господское зданіе представляло собою одно изъ великолѣпнѣйшихъ строеныхъ графства, и изъ оконъ училища, мы, ученицы и ученики, могли видѣть грандіозные фронтоны, стѣны которыхъ были украшены фамильными гербами этого именитаго рода. Два раза въ годъ насъ водили въ замокъ, гдѣ мы представлялись нашимъ господамъ. Тамъ насъ принимали въ большой залѣ и угощали виномъ и сладкими пирожками; милэди вели съ нами дружескія бесѣды и рассказывали постоянно нѣкоторымъ изъ насъ о тѣхъ должностяхъ, которыя приготовлены для оканчивающихъ школу. Насъ опредѣляли на мѣсто горничныхъ, субретокъ и т. д., причемъ тѣло наше и до сихъ поръ ноетъ еще отъ прелестей этой жизни.

Въ обществѣ милэди мы чувствовали себя отвратительно — онѣ нагоняли на насъ чувство страха: вѣдь, онѣ часто приказывали бить насъ, и какъ разъ тогда, когда я въ первый разъ явилась въ училище, онѣ присутствовали во время общей экзекуціи когда наказанію были подвергнуты сразу всѣ сорокъ учащихся. Порка, выполненная прислугой нашихъ господъ, была тогда задана жесточайшая.

Нашъ палачъ въ юбкѣ носилъ имя Жоаны; она часто высмѣивала меня за то, что я плакала подъ розгой, и какъ-то разъ сказала, что это все цвѣточки, ягодки впереди, и я почувствую ихъ, если судьбою мнѣ суждено занять у милэди Маріори мѣсто горничной. Тогда только я восчувствую настоящей вкусъ розги! По ея словамъ, лэди Маріори — настоящей сатана; несмотря на ея кроткое и нѣжное выраженіе лица, это звѣрь, а не человекъ. „Погоди“, — сказала она, „поживешь подольше, узнаешь побольше“.

Признаться, перспектива была не изъ заманчивыхъ, но всѣ лэди пороли тогда (это было въ 1763 году) своихъ прислужницъ, хотя я увѣрена въ томъ, что въ то именно время горничныя были куда лучше, нежели теперь. Наша школа помѣщалась на изолированной полянкѣ и занимала удивительно красивое положеніе; вокругъ нея были расположены длинные сады. Милэди заботились о сорока сиротахъ ихъ крѣпостныхъ, одѣвали насъ, кормили и заботились о томъ, чтобы современемъ всѣ воспитанники и воспитанницы могли, какъ говорится, выйти въ люди. Мы носили особую форму, которая выглядѣла очень скверно, но — что дѣлать? — форма была избрана самими милэди. Рубашки шились изъ грубой холстины, которая до невозможности раздражала кожу, и въ носкѣ такое бѣлье было положительно невыносимо. Сверху насъ наряжали въ сѣрыя фланелевыя кофты и желтыя юбки; кушаки — синяго цвѣта, юбки шились до колѣнъ и снабжались оборкой, которая, какъ и обшлага на рукавахъ, была огненно-краснаго цвѣта. Свою выдумку милэди мотивировали тѣмъ, что хотѣли придать своимъ воспитанницамъ такой отличительный признакъ, который сразу выдѣлялъ бы ихъ изъ среды всѣхъ прочихъ крестьянокъ. Насъ заставляли также носить корсеты, но изготовлены были послѣдніе изъ кожи, отличались необычайной длиной и плотностью и въ довершеніе всего затягивались безжалостнымъ образомъ: милэди строго наблюдали за тѣмъ, чтобы мы ходили такъ, словно проглотили аршинъ.

Дополнительнымъ приборомъ служили бѣлыя косынки-пелеринки, которыя плотно охватывали плечи и пристегивались булавками: благодаря этому, по словамъ милэди, „получались красивыя фигуры“. Въ качествѣ головного убора намъ выдавались маленькія ситцевыя шапочки съ твердымъ донышкомъ и съ заложенными въ складочку бортиками; наша барыня строго слѣдила за этими шапчонками, при чемъ нѣкоторые изъ гладильщицъ нерѣдко подвергались наказанію розгами, если милэди замѣчала у когонибудь изъ насъ на головѣ недостаточно элегантно выглядѣвшій экземпляръ подобной „шляпы“. Иногда наказаніе варьировалось: плохо выглаженные шапчонки и платки прикалывались къ платью провинившейся прачки, которая должна была въ такомъ видѣ нѣсколько часовъ кряду простоять на стулѣ въ столовой, гдѣ ее видѣли не только собиравшіеся сюда мальчики, но и всѣ находившіеся или проходившіе по двору. Такое наказаніе считалось болѣе тяжелымъ и позорнымъ, нежели сама розга.

Воспитывали же насъ и образовывали такъ хорошо, что во всѣхъ домахъ мы были самыми желанными прислугами — насъ брали нарасхватъ. И лѣтомъ и зимой полагалось вставать въ нашей школѣ въ шесть часовъ утра; на умываніе и туалетъ болѣе получаса тратить не разрѣшалось. Затѣмъ мы съѣдали по куску хлѣба, выслушивали утреннюю молитву и отправлялись въ классъ. Затѣмъ наступало время завтрака, послѣ котораго занятія возобновлялись до одиннадцати часовъ, потомъ снова кусокъ хлѣба и четверть часа отдыха. Послѣ перемѣны — занятія

въ классѣ до двѣнадцати часовъ, потомъ обѣдъ и отдыхъ до двухъ дня. Затѣмъ до пяти часовъ снова классы, въ шесть часовъ ужинъ, вечерняя молитва и въ восемь — по постелямъ.

Особеннымъ событіемъ дня былъ такъ называемый „часъ наказанія“, приходившійся на промежутокъ времени отъ четырехъ до пяти часовъ послѣ обѣда. Къ этому времени обязательно появлялись наши милэди и приводили съ собой обыкновенно гостей, которым показывали свое дѣтище, т. е. нашу школу. Изрѣдка — и это бывало тогда, когда вмѣстѣ съ ними были мужчины — дамы были въ хорошемъ расположеніи духа, на лицахъ у нихъ сіяли улыбки; зато временами онѣ были не въ мѣру раздражительны и вымещали на насъ ту злобу свою, которая накопилась у нихъ въ теченіе дня дома. Обѣ милэди научились одѣваться у своихъ кузинъ на французскій манеръ, и нерѣдко мы видѣли ихъ въ такихъ платьяхъ, которыя напоминали намъ костюмы развѣ фей. Мы положительно раззѣвали рты, глядя на эти удивительные перья и цвѣты, на изумительные брилліанты и другія бездѣлушки, на душистые вѣера и проч. Всему этому мы безгранично поражались.

Всѣ, записанные въ штрафной журналъ — мальчики и дѣвочки — вызывались на середину класса, милэди сами опредѣляли размѣръ наказанія, а лэди Марія и ея двоюродная сестра изъ Парижа, мадмуазель Бургуанъ, съ достоинствомъ и терпѣшемъ, достойными лучшей участи, выбирали розги. Лэди Маріори приводила съ собой свою горничную, которая должна была, какъ я уже говорила, приводить наказаніе въ исполненіе. И сколько разъ на ея долю доставались выговоры и ругательства, если дамы замѣчали, что она стоитъ не на высотѣ своего призванія! Какъ сейчасъ, помнится мнѣ одна сценка: лэди Маріори побѣжала къ своей горничной и наградила ее нѣсколькими сильными ударами розги въ нашемъ присутствіи за то, что она вела себя при экзекуціи „недостаточно элегантно“. Мадмуазель Бургуанъ съ особымъ удовольствіемъ занималась бы лично экзекуціей — она только недавно была выпущена изъ французскаго пансіона, — но обѣ другія дамы не хотѣли предоставить ей подобное преимущество, и французенкѣ приходилось ограничиваться только ролью менторши. Она то и дѣло предлагала различныя новшества, относившіяся именно къ способу выполненія экзекуцій, и мы лично вовсе не были благодарны ей за нихъ... Она именно ввела у насъ вмѣсто розогъ тонкіе прутики изъ китоваго уса, которые, правда, не производили такого ужаснаго впечатлѣнія, какъ старомодная розга, но вызывали гораздо больше болей и оставляли неимоверно большіе и упорные рубцы. Барышня эта отличалась неопикуемой элегантностью; къ намъ она появлялась въ умопомрачительныхъ туалетахъ, въ бархатныхъ платьяхъ, въ шелковыхъ нижнихъ юбкахъ и въ атласныхъ башмачкахъ на высокихъ каблуккахъ. Прическу она носила настолько высокую, что голова ея выглядѣла настоящей елкой.

Милэди наказывали не только насъ, дѣвочекъ, но и мальчиковъ, а уже лэди Марія и молодая французенка никогда безъ

этого изъ школы не уходили. Что же касается лэди Маріори, то она брезгала этимъ занятіемъ, ибо, по ея словамъ, „ей было тоскливо смотрѣть на наказываемыхъ мальчиковъ“.

Мадмуазель Бургуанъ ввела въ нашей школѣ много новыхъ порядковъ и обычаевъ. До ея прибытія въ замокъ милэди, насъ наказывали короткими, быстрыми ударами, безъ всякой систематичности и методы. Она научила французскому способу: продолжительнымъ, равномернымъ, острымъ ударамъ со счетомъ; количество ихъ съ пріѣздомъ этой миловидной особы также въ значительной мѣрѣ повысилось. До самой процедуры порки мы, по ея системѣ, должны были стать на колѣни и произнести слѣдующую фразу: „Не пожелаютъ ли милэди наказать меня столькими-то ударами за мои погрѣшности“? А когда послѣ экзекуціи мы уносили розгу, полагалось сказать: „Смиренно благодарю милэди за то наказаніе, которое онѣ мнѣ назначили“. При этомъ мы не смѣли не только хныкать, но даже заикнуться. Пріѣзжая барышня была скорѣй всего не француженкой: по ея поступкамъ, ей слѣдовало называться настоящимъ татаринѣмъ. Никогда въ жизни мнѣ не доводилось видѣть второго такого человѣка, который такъ охотно и съ такой любовью относился къ розгѣ.

Послѣ наказанія розга привязывалась крѣпко-на-крѣпко къ нашимъ спинамъ, и въ такомъ видѣ мы обязаны были расхаживать весь день на людяхъ. Теперь, когда не принято больше тѣлесно наказывать дѣтей, странно даже рассказывать о такихъ печальныхъ фактахъ недавняго прошлаго, но въ дни моей юности существовала, къ сожалѣнію, именно такая система воспитанія.

Всякая милэди наказывала своихъ прислужницъ и пажей розгой, милорды били камердинеровъ и конюховъ просто палкой. Никому и въ голову не приходило наказывать дѣтей какъ-нибудь иначе, и даже взрослые дочери награждались своими матерями розгой, не смѣя при этомъ выражать свой протестъ: вѣдь, въ тѣ времена воля матери была закономъ, чтобы не сказать болѣе. Не думаю, чтобы такая система повредила намъ. Порой мнѣ кажется, хотя, быть можетъ, это воображеніе старухи, что при теперешнемъ такъ называемомъ свободномъ воспитаніи нельзя встрѣтить лучшихъ женщинъ и матерей, нежели въ тѣ дни, когда матери управляли дѣтьми, главнымъ образомъ, съ помощью розги.

ГЛАВА XXXI

Школьные наказанія

Царь Соломонъ сказалъ: „Кто пренебрегаетъ розгой, тотъ врагъ своему сыну, тотъ же, кто любитъ своего сына, время отъ времени наказываетъ его“, и этотъ афоризмъ постоянно оставался

неоспоримымъ. Учителя постоянно считали розгу какой-то панацеей и не могли себя представить воспитанія безъ этого инструмента.

Первый педагогъ, прибѣгавшій къ тѣлеснымъ наказаніямъ, былъ, какъ показали намъ наши изслѣдованія, Тоилій, онъ именно наказывалъ Гомера, вслѣдствіе чего получилъ отъ своихъ современниковъ прозвище „*Homermastix*“. За свою плодотворную дѣятельность джентльменъ этотъ дождался небольшихъ почестей: по приказанію короля Птолемея онъ былъ распятъ на крестъ. Горацийъ называетъ своего учителя, также большого приверженца березовой каши, „бьющимъ Орбиліусомъ“ (*plagosus Orbilius*); Квинтиліанъ крайне недружелюбно относился къ примѣненію розги среди школьникова, говоря, что такая мѣра наказанія и чрезвычайно жестока, и унижаетъ человѣческое достоинство, а Плутархъ въ своемъ трудѣ „Сочиненіе по вопросамъ воспитанія“ пишетъ: „Я придерживаюсь того мнѣнія, что юношество необходимо понуждать къ занятію науками и свободными искусствами

Рисунокъ на стѣнѣ въ древнемъ Шотландскомъ монастырѣ.

путемъ наставленій и разумныхъ бесѣдъ, отнюдь же не ударами и уколами. Такого рода побудительная мѣра можетъ считаться подходящей для рабовъ, а не для свободныхъ; на послѣднихъ она можетъ произвести только одно впечатлѣніе: равнодушіе и неохоту къ занятіямъ да, пожалуй, еще озлобленіе вслѣдствіе перенесенныхъ болей и страданій“.

Одинъ изъ древнихъ философовъ, Суперанусъ, начавшій учиться грамотѣ только тогда, когда достигъ тридцатилѣтняго возраста, былъ такъ непоколебимо убѣжденъ въ необходимости примѣненія при воспитаніи юношества тѣлесныхъ наказаній, что „не боялся ни розогъ, ни самыхъ сложныхъ задачъ, лишь бы только научиться тому, чему учитель училъ своихъ учениковъ. Въ публичныхъ баняхъ его нерѣдко заставляли за нанесеніемъ себѣ самыхъ тяжелыхъ тѣлесныхъ наказаній“. Какъ мы уже упомянули выше, съ Лойолой въ пожилыхъ лѣтахъ обходились точно такимъ же образомъ, какъ и съ этимъ философомъ.

„Розги и палки», пишетъ одинъ изъ ученыхъ педагоговъ, „являются тѣми мечами школы, которые Господь Богъ послѣ грѣхопаденія далъ въ руки учителямъ, чтобы ими наказывать безбожниковъ. Онѣ являются также скипетрами школы, предъ которыми юношество должно склонить свою голову“.

И у языческихъ народовъ, которые никогда не слышали о царѣ Соломонѣ, розга въ роли воспитательнаго средства занимаетъ довольно высокое положеніе. Перуанцы очень усердно сѣкутъ своихъ дѣтей, а коренные бразиліанцы подчуютъ своихъ малышей бастонадой. Караибы прибѣгаютъ къ розгѣ. Систематически же, методически вѣрнѣе, розга употребляется въ европейскихъ школахъ. Въ германскихъ школахъ усердное примѣненіе ея наблюдалось въ теченіе довольно солиднаго промежутка времени. Палачъ, т. е. лицо, производившее экзекуцію, носилъ прозвище „синяго человѣка“, при чемъ въ Германіи сѣкли не только воспитанниковъ младшихъ классовъ, но и взрослыхъ учениковъ, даже юношей восемнадцатилѣтняго возраста. Нѣкоторые профессора предпочитали выполнять экзекуцію собственноручно, въ большинствѣ же случаевъ порка поручалась упомянутому выше „синему человѣку“, лицо котораго во время наказанія было покрыто маской, а на плечахъ была накинута мантия изъ синей матеріи, подъ которой и былъ спрятанъ инструментъ для порки. Наказаніе приводилось въ исполненіе въ корридорѣ, расположенномъ передъ классными комнатами, и непременно въ присутствіи всего преподавательскаго персонала, при чемъ при окончаніи гимназіи немногимъ счастливицамъ удавалось похвастать тѣмъ, что они избѣгли знакомства съ „синимъ человѣкомъ“...

Нѣкій швабъ-учитель рассказываетъ, что во время своей педагогической дѣятельности, продолжавшейся двадцать одинъ годъ, онъ назначилъ въ одной изъ большихъ школъ 911.500 палочныхъ ударовъ, 121.000 ударовъ плетью, 209.000 разъ назначалъ заключеніе въ карцеръ, 136.000 ударовъ линейкой, нанесъ 10.200 оплеухъ и оставилъ учениковъ на занятія „послѣ обѣда“ 32.700 разъ. Кромѣ того, необходимо присчитать сюда еще слѣдующій перечень: 700 учениковъ стояли у него на колѣняхъ на горохѣ; 6.000 душъ выстаивали колѣнями на острой палкѣ, 5.000 учениковъ должны украсить свою голову дурацкимъ колпакомъ и 1.700 человѣкъ должны были держать розги.

Воспитаніе школьникова въ Франціи производилось по такой же методѣ. Равизиусъ Тексторъ, ректоръ парижскаго университета, объ обращеніи съ мальчиками пишетъ слѣдующее: „Если учениковъ замѣчали въ лѣнности или во лжи, если они пытались освободиться или уклониться отъ прямыхъ обязанностей своихъ, если они выражали неудовольствіе на тяжесть школьнаго режима или вообще жаловались на свое положеніе — ихъ жестоко наказывали тѣлесно. Розга и плети не переставали быть въ ходу до тѣхъ поръ, пока гордая душа не смирялась, пока она не становилась мягкой, какъ масло, и податливой, какъ горохъ. А если кто либо изъ учениковъ старался смягчить сердце учителя слезливыми

словами, то такой гласъ оставался гласомъ вопіющаго въ пустынь“.

Въ Англіи учениковъ сѣкли розгами во всѣ времена и періоды. Въ средніе вѣка частенько ученики прибѣгали къ заступничеству святыхъ и умоляли изображенія ихъ о смягченіи сердца не въ мѣру свирѣпыхъ и расходившихся учителей. Одинъ ученикъ, пытаясь избѣжать разсвирѣпѣвшаго учителя, ухватился за могильный памятникъ святого Адріана, но не взирая на святость мѣста, былъ схваченъ своимъ менторомъ и тутъ же жестоко наказанъ имъ. Первый и второй удары прошли безнаказанно, при третьемъ же святой Адріанъ напустилъ параличъ на руку учителя и простилъ послѣдняго лишь послѣ того, какъ онъ попросилъ извиненія у наказаннаго имъ ученика. Другая легенда повѣствуетъ о томъ, какъ одинъ ученикъ взмолился объ избѣжаніи наказанія у гроба святого, но учитель заявилъ ему, что выпоретъ его даже тогда, когда самъ Спаситель будетъ просить за него! При этихъ словахъ на гробъ святого спустился красивый бѣлый голубь, который такъ склонилъ свою голову и такъ замахалъ крылышками, словно выражалъ какую-то просьбу... Гнѣвъ учителя моментально исчезъ.

Почти съ увѣренностью можно сказать, что въ прежнія времена мальчиковъ наказывали не за плохое поведеніе, лѣнность, невнимательность или неповиновеніе; нѣтъ, ихъ драли на основаніи вкоренившагося убѣжденія, что учениковъ необходимо пороть. Эразмъ свидѣтельствуемъ, что именно благодаря этому тезису онъ подвергался тѣлеснымъ наказаніямъ. Онъ былъ любимцемъ своего учителя, который, благодаря успѣхамъ и способностямъ мальчика, предвѣщалъ ему блестящую будущность, но все таки билъ его для того, чтобы увидѣть, какъ отнесется Эразмъ къ чувству боли, какъ перенесетъ порку. Результаты такого воспитанія были очень плачевны: розга портила ученика совершенно; здоровье портилось, настроеніе духа становилось самымъ подавленнымъ, занятія были не въ моготу и подчасъ становились безповоротно противными.

Розга при воспитаніи считалась настолько необходимымъ атрибутомъ, что къ принцамъ, кожу которыхъ нельзя было раздражать, прикомандировывали спеціальныхъ „товарищей для наказанія“, и на нихъ-то, несчастныхъ, самымъ безжалостнымъ образомъ вымещались наказанія за проступки ихъ сверстниковъ царской крови.

О такомъ „товарищѣ для наказаній“ рассказываетъ ле Сажъ въ своемъ трудѣ „Жизнь Жиль Блаза“. Въ своей автобіографіи донъ Рафаель говоритъ, что въ двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ состоялъ въ товарищахъ у молодого маркиза Легарье; послѣдній сильно отсталъ въ своемъ развитіи и вообще придавалъ образованію очень мало значенія. Одному изъ учителей пришлось на умъ сдѣлать донъ Рафаеля отвѣтственнымъ за грѣхи своего „повелителя“, и онъ такъ усердно выпоролъ товарища маркиза, что тотъ, т. е. Рафаель, былъ вынужденъ сбѣжать, ни съ кѣмъ рѣшительно не попрощавшись.

Яков IV, король Шотландіи, и Карль I, король Англіи, имѣли въ дѣтствѣ подобныхъ „товарищей для наказанія“, но позднѣйшимъ принцамъ въ этомъ отношеніи уже не повезло. Когда воспитатель спросилъ Георга III, какъ ему слѣдуетъ обращаться съ молодыми принцами, король, не задумываясь, отвѣтилъ: „Если они заслужатъ, прикажите выдрать ихъ. Поступайте такъ, какъ вы привыкли поступать въ Вестминстеръ“. Жаль, что не всѣ „товарищи для наказаній“ могли относиться къ экзекуціямъ такъ шутливо и съ такимъ удовольствіемъ, какъ одинъ школьникъ, по фамиліи Смитъ; этотъ юноша не только оставался веселъ самъ, но и заставлялъ смѣяться другихъ. „Опять Смитъ!“ вызывалъ обыкновенно учитель; вздохъ — и Смитъ стоялъ готовымъ къ воспріятію наказанія. Онъ принималъ такую позу, словно хотѣлъ стать на колѣни, затѣмъ выпрямлялся и съ самой смѣшной гримасой говорилъ: „Позвольте мнѣ, господинъ учитель, подложить подъ колѣни носовой платокъ. Эти брюки стоятъ моему отцу

Домашняя сцена.

двадцать пять шиллинговъ, и онъ строго-на-строго приказалъ мнѣ слѣдить за тѣмъ, чтобы они не испачкались“. Затѣмъ онъ снова становился на колѣни и въ то время, когда учитель свирѣпствовалъ и „сдиралъ съ него шкуру“, самымъ невозмутимымъ образомъ говорилъ: „Пожалуйста, будьте такъ любезны, бейте понѣжнѣе, да повыше, пожалуйста, повыше“! Мало того, во все время экзекуціи онъ корчилъ такія рожи, словно вотъ-вотъ умретъ, когда же учитель прекращалъ избіеніе, онъ весело вскакивалъ, отвѣшивалъ поклонъ и произносилъ: „Благодарю васъ, господинъ учитель“!

Какъ именно заботились въ Утоксетерѣ о розгѣ въ шестнадцатомъ столѣтіи, и каково должно было быть настроеніе у наказываемаго, можно видѣть въ „приказахъ“ основателя школы. Приказы

эти состояли изъ семнадцати параграфовъ, причемъ два изъ нихъ, относившіеся къ розгѣ, гласили буквально слѣдующее:

Я хочу, чтобы всѣ мои ученики любили своихъ учителей и почитали ихъ, наказаніе же за свои проступки принимали отъ нихъ смиренно, *sub roepa expulsionis*

Я хочу, чтобы всѣ мои ученики при поступленіи ко мнѣ жертвовали по два пфенига въ пользу бѣднаго товарища, который по назначенію учителя заботится какъ о чистотѣ школы, такъ и о розгахъ.

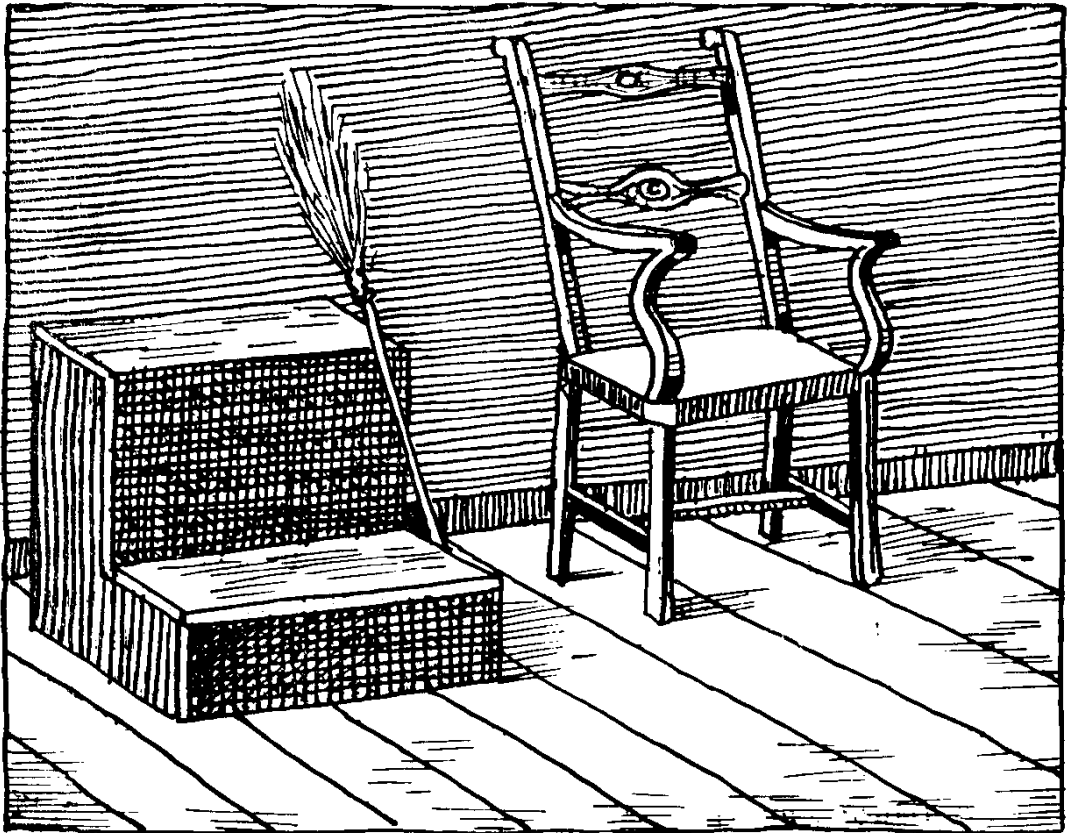
Докторъ Бусбей изъ вестминстерской школы, вслѣдствіе своего звѣрскаго обращенія съ учениками, вошелъ буквально въ поговорку, сталъ нарицательнымъ именемъ. Розга въ его рукахъ называлась рѣшетомъ, которое отсѣивало зерна учености отъ отрубей. Объ этомъ педагогъ разсказываютъ очень веселенькія исторіи.

Во время отсутствія доктора Бусбея одинъ изъ учениковъ нашель въ его кабинетъ нѣсколько сливъ и принялся за истребленіе ихъ. Но прежде чѣмъ отправить первую сливу въ ротъ, шалунъ во все услышаніе заявилъ: „Довожу до всеобщаго свѣдѣнія, что по поводу моего рта и этой сливы совершается брачное оглашеніе. Кто изъ присутствующихъ имѣетъ законное основаніе или знаетъ препятствіе, вслѣдствіе котораго ротъ и слива не могутъ соединиться брачными узами, пусть сейчасъ же скажетъ и затѣмъ замолчитъ“ Докторъ Бусбей слышалъ эту импровизацію и рѣшилъ расправиться съ мальчикомъ по-своему, но отложилъ наказаніе на слѣдующій день. Утромъ онъ приказалъ всѣмъ мальчикамъ собраться, взять въ руки хорошо знакомый имъ инструментъ и сказалъ: „Довожу до всеобщаго свѣдѣнія, что по поводу этой розги и этого мальчика совершается брачное оглашеніе. Кто изъ присутствующихъ имѣетъ законное основаніе или знаетъ препятствіе, вслѣдствіе котораго розга и мальчикъ не могутъ соединиться брачными узами, пусть сейчасъ же скажетъ и затѣмъ замолчитъ“. На это самъ провинившійся закричалъ: „Я имѣю противъ оглашенія“. „На какомъ основаніи? — спросилъ учитель. „Потому что оба не любятъ другъ друга!“ — отвѣтилъ находчивый шалунишка. Доктору понравилось возраженіе, и мальчикъ такимъ путемъ спасся отъ жесточайшей порки.

Многіе изъ замѣстителей доктора Бусбея унаслѣдовали вмѣстѣ съ его должностью и привычку къ строгимъ наказаніямъ, и времена доктора Винцента были ничуть не лучше, пожалуй еще хуже, чѣмъ „грозное владычество Бусбея“. Онъ не удовлетворялся обыкновенно практиковавшимися наказаніями и сплошь и рядомъ прибѣгалъ къ оплеухамъ и безжалостно щипалъ несчастныхъ воспитанниковъ. Противъ такого режима возсталъ Солеманъ, громогласно заявившій, что педагогъ, имѣющій право въ опредѣленныхъ мѣстахъ окрашивать кожу своихъ учениковъ въ красный цвѣтъ, не долженъ пользоваться и вторымъ правомъ: щупать пальцами до образованія синяковъ и кровоподтековъ. Во времена владычества Винцента ученики начали

издавать журналъ, окрестивъ его именемъ, „Флагеллянтъ“; само собой разумѣется, что содержаніе статей далеко не пришлось по вкусу самодуру Винценту, и онъ въ своемъ гнѣвѣ дошелъ до того, что рѣшилъ возбудить противъ издателей уголовное преслѣдованіе. Въ это время появилась статья Сутгея, который не только еще больше высмѣивалъ Винцента, но и назвалъ себя зачинщикомъ и виновникомъ упомянутого выше изданія, такъ что обидившійся педагогъ долженъ былъ оставить мысль о судебномъ преслѣдованіи оскорбителей-учениковъ.

Бывшая въ употребленіи въ вестминстерской школѣ розга состояла не изъ березовыхъ прутьевъ, какъ это обычно наблю-

Блокъ и розги въ англійской гимназіи.

дается, а изъ четырехъ вѣтокъ яблони, прикрѣпленныхъ къ деревянной ручкѣ. Изъ числа учениковъ младшаго класса избирались двое, носившіе названіе розочныхъ дѣлъ мастеровъ; на ихъ-то обязанности и лежала постоянная поставка въ школу розогъ. Изобрѣтеніе этого инструмента приписывается доктору Бекеру, состоявшему завѣдывающимъ вестминстерской школой въ періодъ времени съ 1454 по 1458 годъ. Имъ же были созданы точныя правила, коими необходимо было руководствоваться при приведеніи экзекуціи въ исполненіе.

Провинившагося школьника заставляли стать на колѣни передъ специальной скамьей съ подставкой, изображенной у насъ на рисункѣ; затѣмъ его раздѣвали, и учитель

приступалъ къ поркѣ, нанося либо четыре, либо шесть ударовъ. Въ первомъ случаѣ езекуція называлась „шваброй“, при шести ударахъ ей присваивалось названіе „библейская порка“ или „библейскіе удары“. Въ 1570 году вестминстерскую школу постигла англійская королева и обратилась къ одному изъ молодыхъ учениковъ съ слѣдующимъ вопросомъ: „Знакомъ ли ты уже съ пресловутой винтоновской розгой“? Не долго думая, находчивый мальчикъ отвѣтилъ ея величеству словами Виргилія: „In fidum, regina, iuges genovage dolorem“.

Разъ мы касаемся вопроса о флагеллянтизмѣ въ школахъ, нельзя не упомянуть также о докторѣ Паррѣ. Субъектъ этотъ былъ глубоко убѣжденъ въ неоспоримости вліянія березовой каши и считалъ ее обязательнымъ атрибутомъ воспитанія и обученія ввѣреннаго ему юношества. Поставщикомъ розогъ былъ у этого педагога нѣкій джентльменъ, присужденный къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Во время казни веревка оборвалась, и преступникъ былъ сначала приведенъ къ жизни, а затѣмъ помилованъ. Отъ этого-то любезнаго субъекта получалъ докторъ Парръ розги и, какъ утверждаютъ его ученики, принималъ ихъ съ обязательной улыбкой удовольствія и благодарности.

О Ванъ-Дейкѣ рассказываютъ, что свои большія дарованія онъ выказалъ еще въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, нарисовавъ сзади у одного изъ своихъ однокашниковъ чрезвычайно схожій съ оригиналомъ портретъ своего учителя. Какъ-то разъ этотъ учитель пожелалъ наказать розгами ученика, послужившаго Ванъ-Дейку полотномъ. Каково же было его изумленіе, когда на „казенной части“ мальчишки онъ увидѣлъ свое изображеніе! Изумленіе смѣнилось чистосердечнымъ хохотомъ, и оригинально разукрашенный мальчикъ былъ освобожденъ отъ наказанія.

Въ этонѣ розга также съ давнихъ временъ считается въ большомъ почетѣ. Мы говоримъ „считается“ потому, что при приѣмѣ школы новымъ завѣдывающимъ „капитанъ“ этого учебнаго заведенія отъ имени всѣхъ соучениковъ преподнесъ ему элегантную розгу, изъ березовыхъ прутьевъ, связанныхъ между собой голубой лентой бантикомъ. Обыкновенная розга состояла въ Этонѣ изъ трехъ длинныхъ березовыхъ вѣтокъ, при чемъ четвертая часть ихъ протяженія была обернута бечевками. При взиманія платы за правоученіе къ обычной цифрѣ добавлялось еще полъ гинеи за розгу, независимо отъ того, примѣнялась ли она по отношенію къ данному ученику или нѣтъ. Понятіе о чести учениковъ Этонской школы ничего предосудительнаго въ наказаніи розгами не усматривало; наоборотъ, на неподвергшихся тѣлесному наказанію учениковъ всѣ смотрѣли косо, и потому, во избѣжаніе нареканій товарищей, каждый старался проштрафиться „съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ“. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ наказанію розгами долженъ былъ подвергнуться молодой человекъ восемнадцатилѣтняго возраста, пойманный въ куреніи папироски. По наущенію своего отца, юноша уклонился отъ езекуціи и былъ исключенъ вслѣдствіе этого изъ заведенія.

Въ прежнія времена днемъ наказанія въ Этонѣ была пятница, имѣющая худую репутацію дня злыхъ предзнаменованій.

Самымъ знаменитымъ флагеллянтомъ слылъ въ анналахъ Этонской школы докторъ Кэте, владычество его началось въ 1809 году и длилось цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ. О его четверть-вѣковой дѣятельности въ сферѣ страсти къ тѣлеснымъ наказаніямъ рассказываютъ массу потѣшныхъ исторій.

Как-то разъ въ школѣ долженъ былъ состояться торжественный актъ конфирмаціи, и каждому изъ учителей было предъявлено требованіе о доставленіи списка учениковъ его класса соотвѣтствующаго возраста. Должно же было случиться такъ, что одинъ изъ учителей составилъ упомянутый только что списокъ какъ разъ на томъ листѣ бумаги, на которомъ записываются обыкновенно ученики, подлежащіе за предосудительное по понятіямъ школы поведеніе тѣлесному наказанію. Докторъ Кэте получилъ этотъ списокъ, приказалъ сейчасъ же позвать къ нему всѣхъ поименованныхъ въ списокѣ учениковъ и, не обращая вниманія на ихъ протесты и разъясненія, поочередно выпоролъ всѣхъ самымъ основательнымъ образомъ.

При оставленіи школы одинъ изъ учениковъ сказалъ доктору Кэте: „Прощайте, докторъ Кэте“! на что послѣдній возразилъ: „Какъ видно ты хорошо знаешь меня, но вотъ я никакъ не могу припомнить твое лицо!“ „За-то вы прекрасно знакомы съ другой частью моего тѣла, господинъ докторъ!“ отвѣтилъ дерзкій мальчикъ.

Еще двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ школѣ подъ названіемъ „Госпиталь Іисуса Христа“ тѣлесныя наказанія были въ большемъ ходу и производились съ необычайной строгостью. Надзиратели пользовались правомъ надѣлать школьниковъ розгами и, само собой разумѣется, пользовались своимъ преимуществомъ всю и особенно не церемонились съ учениками младшихъ классовъ. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ Чарльзъ Ламбъ.

„Нерѣдко меня стаскивали съ постели, чтобы задать хорошую порцію березовой каши. Случалось и такъ, что нѣсколько ночей кряду меня заставляли проводить безъ сорочки — и это въ зимнее время; въ такомъ костюмѣ я долженъ былъ ожидать, пока кому либо изъ надзирателей благоугодно будетъ, наконецъ, обработать мое тѣло кожанымъ ремнемъ. Всѣхъ такихъ, которымъ доставалось особенно много, было насъ одиннадцать человѣкъ, одиннадцать товарищей по несчастью. И если въ дортуарѣ послѣ того, какъ всѣ воспитанники улеглись по постелямъ, раздавался чей-либо разговоръ (мы, одиннадцать, страха ради іудейска никогда не осмѣливались бесѣдовать въ ночное время), наказывали непременно почему-то насъ, а не дѣйствительно виновныхъ въ нарушеніи тишины въ недозволенное время.

Такъ называвшіеся „юнги короля“, т. е. такіе мальчики, которые избирали себѣ морскую карьеру и съ этой цѣлью поступали въ училище мореплаванія или мореходные классы Вилліама Уэльса, обречены были на чрезвычайно тяжелую жизнь. Такъ, напримѣръ, чтобы пріучить будущихъ моряковъ къ обычнымъ во время пла-

ванія страданіямъ і невздамъ, Уэльсъ держалъ ихъ буквально въ ежевыхъ рукавицахъ. Въ школѣ царилъ вполнѣ спартанскій режимъ, наказанія распредѣлялись направо и налево и выполнялись съ ужасной жестокостью. Переносить ихъ начальство заставляло безропотно и терпѣливо; молодые люди закаливались, причемъ воспитанники старшихъ классовъ получали право безжалостно распоряжаться съ маленькими учениками, которые боялись своихъ старшихъ товарищей, какъ огня, и дрожали предъ ними, какъ предъ лютыми звѣрьми. Репутація школы разнеслась далеко за пределы ея, и всѣ мальчишки, принадлежавшіе къ окрестному населенію, относились къ питомцамъ Вилліама съ большимъ уваженіемъ, а нѣкоторые — даже съ трепетомъ. За побѣгъ изъ школы полагались различныя наказанія. За первое дезертирство виновный подвергался заковыванію въ кандалы. Попавшійся во второй разъ заключался въ одиночную „камеру“, которая по своей величинѣ равнялась ровнехонько росту преступника, и то въ лежачемъ положеніи. Заключенному полагался сѣнникъ и шерстяное одѣяло; свѣтомъ онъ пользовался отъ свѣчки, стоявшей съ наружной стороны оконнаго отверстія. Видѣлся онъ только со сторожемъ, приносившимъ ему кушанье, да съ палачемъ, который два раза в недѣлю выводилъ его на прогулку и каждый разъ производилъ надъ нимъ прописанную начальствомъ экзекуцію. Третій побѣгъ считался обыкновенно послѣднимъ, ибо произведенное въ третій разъ дезертирство влекло за собой торжественное изгнаніе изъ заведенія. Съ преступника срывали присвоенную этимъ кадетамъ форму, облачали его въ особую, „покаянную“ рубашку и вводили въ актовъ залъ, куда собирались также всѣ учащіеся, учащіе і служащіе мореходныхъ классовъ. Тамъ виновнаго медленно водили вокругъ залы и въ то же время сѣкли розгами; затѣмъ его отдавали на руки роднымъ или друзьямъ, если таковые оказывались налицо. Въ противномъ случаѣ преступникъ: сдавался въ полицію черезъ городского, постоянно дежурившаго у воротъ заведенія.

Г Л А В А XXXII

Еще анекдоты о тѣлесныхъ наказаніяхъ

Въ „доброе старое время“ тѣлесныя наказанія производились не только въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и во многихъ университетахъ. У нѣкоторыхъ профессоровъ и декановъ порка считалась излюбленнымъ занятіемъ и чрезвычайно пріятнымъ препровожденіемъ времени. Докторъ Поттеръ, на примѣръ, читавшій лекціи въ Trinity Kollege — высшемъ учебномъ заведеніи, наказалъ тѣлесно студента, взрослога мужчину, носившаго на перевязи шпагу... Въ своихъ „воспоминаніяхъ о Мильтонѣ“ докторъ Джонсонъ говоритъ: „Мнѣ совѣстно все это рассказывать, но — что дѣ-

латъ? вѣдь это истинная правда: Мильтонъ считался однимъ изъ послѣднихъ, такъ называемыхъ отъявленныхъ студентовъ нашего университета. У него хватало даже настолько смиренія и покорности, чтобы подвергнуться публичному тѣлесному наказанію“.

Нельзя въ то же время умолчать о томъ, что, по преданію, извѣстному и по сію пору въ Оксфордѣ, докторъ Джонсонъ самъ, будучи студентомъ, подвергался тѣлеснымъ наказаніямъ. Впрочемъ, какъ мы сказали выше, все это относится къ области преданій, а за фактъ выдавать послѣднее мы не можемъ. Не извѣстно также, были ли Мильтонъ и докторъ Джонсонъ послѣдними студентами, которыхъ начальство рѣшалось угощать березовой кашей, если вообще правда то, что ихъ наказывали тѣлесно.

Слишкомъ усердное примѣненіе розги въ школахъ въ то время заставляло мальчиковъ пускаться на всевозможныя хитрости, чтобы „изъять“ учителей изъ школы, т. е. устроить такъ, чтобы они не могли нѣсколько дней являться на занятія. Особенно часто этотъ пріемъ практиковался передъ рождествомъ въ деревняхъ и мѣстечкахъ. И если мальчикамъ удавалось удалить учителя на три дня изъ сферы его дѣятельности, то игра ихъ считалась выигранной, и побѣжденный педагогъ обязанъ былъ подписаться подъ соглашеніемъ, касавшимся продолжительности каникулъ, часовъ, предназначенныхъ для развлеченій, и нѣкоторыхъ пунктовъ, относившихся къ наказаніямъ. Но если попытка учениковъ заканчивалась неудачей, то они обязаны были подчиняться безпрекословно всѣмъ распоряженіямъ торжествующаго побѣду учителя и, кромѣ того, получали невѣроятное количество розогъ, которыя должны были сносить безропотно и терпѣливо.

Въ отношеніи самихъ тѣлесныхъ наказаній вообще, примѣняющихся въ школахъ Англій въ настоящее время, а также нѣкоторыхъ частныхъ ихъ, мы встрѣчаемъ интересныя данныя въ отчетѣ одной изъ школьных экзаменаціонныхъ комиссій.

Изъ числа пансіонатовъ (закрытыя учебныя заведенія) приблизительно въ шестнадцать — двадцати двухъ начальство прибѣгаетъ еще къ тѣлеснымъ наказаніямъ, вообще-же, розга или палка употребляются чрезвычайно рѣдко и ужъ во всякомъ случаѣ низшей педагогической персоналъ не имѣетъ права по своему усмотрѣнію назначать порку. Тѣлесно наказуются только провинившіеся во лжи, замѣченные въ неблагопристойномъ поведеніи, прибѣгающіе къ борьбѣ и выдающіеся своей дерзостью и нахальствомъ. Въ другихъ случаяхъ, требующихъ наказанія провинившагося, практикуются принудительныя работы, денежные штрафы или — что самое страшное для учениковъ — лишеніе карманныхъ денегъ.

Во всехъ школахъ, содержимыхъ на счетъ общественной благотворительности, розга и палка процвѣтаютъ во-всю и гуляютъ по спинамъ учащихъ буквально ежедневно.

Мнѣнія педагоговъ, выраженные въ напечатанныхъ отчетахъ и касающіяся вліянія тѣлесныхъ наказаній на наказуемыхъ, различны. Нѣкоторые говорятъ: „Розга и палка являются для мальчиковъ истиннымъ благомъ“, въ то время какъ другіе утверждаютъ, что

„тѣлесныя наказанія и ненужны, и обезчещиваютъ наказаннаго“. Третьи, наконецъ, увѣрены въ томъ, что „значеніе школы сильно поколебалось и совершенно погибаетъ вслѣдствіе того, что палка изъята изъ числа воспитательныхъ пріемовъ“.

Въ общемъ, кажется, что и учителя и ученики предпочитаютъ хотя и острое, такъ сказать, но быстрое тѣлесное наказаніе заключенію въ карцеръ и принудительнымъ работамъ. Родители придерживаются категорически обратнаго мнѣнія, и многія частныя училища и школы строго выполняютъ ихъ желаніе, изгнавъ розгу разъ навсегда изъ числа воспитательныхъ пріемовъ. Изрѣдка, правда, наблюдались такіе факты, когда розга съ триумфомъ водворялась на то самое мѣсто, откуда была изгнана; это случалось тогда, когда система дружескихъ увѣщеваній не приводила рѣшительно ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Одинъ французъ — писатель — замѣчаетъ, что въ англійскихъ школахъ „существуетъ такой родъ наказанія, которому мы отнюдь позавидовать не можемъ. Это — тѣлесное наказаніе, практикующееся у насъ, французовъ, исключительно въ дѣтскихъ“. Далѣе онъ говоритъ: „Употребленіе розги является однимъ изъ древнихъ англійскихъ обычаевъ, наслѣдуемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Иностранцы не могутъ и представить себѣ той суровости и упорства, съ какими англійскіе учителя придерживаются этого стараго обычая, обезчещивающаго наказуемаго ученика. Намъ пришлось прочитать въ сочиненіяхъ доктора Арнольда одухотворенныя дифирамбы, посвященные тѣлеснымъ наказаніямъ, но они нисколько не убѣдили насъ въ цѣлесообразности или только терпимости розги. Нужно только изумляться тому, съ какимъ рвеніемъ англійскій учитель стаскиваетъ штанишки съ ученика, въ то время какъ непорочность и пуританство его языка запрещаютъ ему даже громко называть эту часть туалета“!

Въ Шотландіи тяжелыя наказанія примѣняются въ школахъ съ такимъ же точно усердіемъ, какъ и въ Англіи; разница замѣчается лишь только въ томъ, что инструментомъ у шотландцевъ является пресловутый „ремень“, приготовленный изъ довольно длиннаго куска кожи и раздѣленный въ окончаніи своемъ на маленькія полоски.

Одинъ изъ преподавателей высшей школы въ Единбургѣ, по фамиліи Николь, имѣлъ обыкновеніе наказывать сразу по полдюжинѣ своихъ учениковъ. Провинившіеся разставлялись въ одну шеренгу, когда все было готово Николь посылалъ къ своему коллегѣ, мистеру Круикшанку, посольство, которое, явившись къ мѣсту назначенія, докладывало: „Привѣтъ отъ мистера Николь; онъ приглашаетъ васъ пожаловать прослѣшать его оркестръ“. Вслѣдъ за прибытіемъ почетнаго гостя, начиналась изумительная по быстротѣ и жестокая по основательности порка: мистеръ Николь прохаживался взадъ и впередъ мимо выстроившейся шеренги и извлекалъ изъ своихъ жертвъ всевозможные звуки и тоны.

Въ сельскихъ школахъ вмѣсто ремней и розогъ учениковъ наказывали въ прежнее время кожей угря. Въ расположенныхъ

вокругъ Эдинбурга деревняхъ такіе инструменты были въ употребленіи еще лѣтъ сорокъ тому назадъ; при этомъ разсказываютъ, что крестьянки одного села самымъ жестокимъ образомъ выпороли кожей угря нѣкоего горожанина, осмѣливагося явиться къ нимъ въ деревню съ матримональными чамѣреніями. Такое наказаніе было вызвано древнимъ обычаемъ въ силу котораго рыбаки могутъ жениться исключительно на дочкахъ рыбаковъ.

Еще очень недавно законодательная палата была занята пересмотромъ законоположенія о домашнихъ и школьныхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ. Маркизь Тунзендъ внесъ въ палату лордовъ биль, относящійся къ проявленію большихъ заботъ о дѣтяхъ, прислугѣ и ученикахъ. Благодаря его предложенію, былъ обнародованъ указъ, въ силу котораго каждый учитель или воспитатель, имѣющій дѣло съ учениками ниже шестнадцатилѣтняго возраста, пользовался при тѣлесномъ наказаніи исключительно березовой розгой, причемъ сами тѣлесныя наказанія не должны назначаться за проступки, относящіеся къ невнимательности или отсутствію прилежанія за работой. Всѣмъ хозяевамъ, содержащимъ прислугу, запрещается бить послѣднюю; то же самое относится и къ ремесленникамъ, обучающимъ дѣтей тому или иному мастерству. Послѣднее предложеніе маркиза нужно считать совершенно излишнимъ, такъ какъ обстоятельство это и безъ того было предусмотрено закономъ. Биль породилъ массу оживленныхъ преній, и въ концѣ концовъ проектъ маркиза былъ отвергнутъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ. При этомъ палата лордовъ установила, что самый надежный инструментъ, примѣняющійся шотландской школьной дисциплиной, именно „ремень“, въ случаѣ принятія предложенія маркиза Тузендскаго, оказался бы на положеніи незаконнаго, а такъ какъ шотландскіе мальчики розогъ никогда не получаютъ, то для нихъ не было бы никакихъ тѣлесныхъ наказаній, и учитель, и дядя, и тетка лишены были бы возможности наказать упрямаго и избалованнаго мальчишку...

Г Л А В А XXXXIII

О тѣлесныхъ наказаніяхъ молодыхъ дѣвушекъ

Въ различныхъ мѣстахъ настоящаго сочиненія читатель имѣлъ уже случай узнать, что прекрасная половина человѣческаго рода, при этомъ представительницы рѣшительно всѣхъ возрастовъ, вынуждены были смиренно подставлять спину подъ розги.

Въ прошломъ столѣтіи въ такъ называемыхъ пансіонахъ для молодыхъ дѣвицъ употребленіе розги было введено буквально въ повседневный обиходъ, и еще въ 1830 году барышни въ полномъ смыслѣ слова зачастую приговаривались своимъ учебнымъ начальствомъ къ довольно солиднымъ экзекуціямъ.

Чтобы быть послѣдовательными и возможно точными въ смыслѣ хронологическомъ, помѣщаемъ ниже „отчетъ“, касающійся воспитанія въ пансіонатахъ и относящійся къ концу прошлаго столѣтія. Отчетъ этотъ заимствованъ нами изъ одного письма, написаннаго двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. О краснорѣчивости и доказательности его пусть судить самъ читатель.

„Моя милая маленькая внучка! Собственно говоря, я не должна была бы называть тебя больше „маленькой“, ибо, какъ мнѣ кажется, въ настоящее время двѣнадцатилѣтнія дѣвочки и тѣ держатся вполнѣ взрослыми дамами! Вслѣдъ за этимъ письмомъ ты получишь отъ меня всѣ тѣ прекрасныя вещицы, которыя я тебѣ обѣщала прислать тогда, когда ты поступишь и переѣдешь въ пансіонъ. Ахъ, моя душечка, въ мое время пансіонаты были вовсе не то, что теперь!

Теперь я хочу написать тебѣ все то, что ты и твои сестры такъ хотѣли услышать отъ меня. Я хочу именно нарисовать тебѣ картину состоянія пансіонатовъ или воспитательныхъ домовъ въ дни моей юности. Письмо это, знай, написано не мною лично. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ — я уже не въ состояніи! Его написала по моей просьбѣ Марта, моя прислуга. И хотя мнѣ уже за восемьдесятъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе, благодаря Богу, память нисколько мнѣ не измѣнила, я помню все чрезвычайно отчетливо. Въ моемъ распоряженіи, кромѣ того, имѣется масса писемъ, относящихся къ пережитымъ мною временамъ, и эти письма многое, многое напоминаютъ мнѣ...

Да, душечка, съ тѣхъ поръ, какъ я явилась въ пансіонъ, прошло уже не болѣе не менѣе, какъ семьдесятъ два года! Запомни, милая, семьдесятъ два года! Въ ту пору мнѣ было ровно двѣнадцать лѣтъ. Мы знали тогда только одну школу, которая помѣщалась въ домѣ регента въ Батъ; такимъ образомъ, чтобы попасть въ этотъ городъ, намъ понадобилась цѣлая недѣля (мы задержались нѣсколько въ Лондонѣ). По настоящимъ временамъ экипировать отправляющуюся въ учебное заведеніе дѣвушку рѣшительно ничего не составляетъ, но тогда дѣло обстояло совершенно иначе. Моя матушка вытащила изъ подъ спуда все, что было въ домѣ, и съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, выскивала изъ стараго хлама все, что такъ или иначе могло быть пущено въ дѣло. У матери моей былъ такой гардеробъ, что вся округа не могла безъ зависти говорить о немъ, и благодаря этому приданое мое вышло на славу: вѣдь я считалась благородной дѣвочкой! Всего мнѣ было дано шесть платьевъ; пожалуй, современныя дѣвицы найдутъ такое количество ничтожнымъ, но тогда — о, тогда оно казалось громаднымъ. Дали мнѣ и бѣлое ситцевое платье съ красными крапинками, сшитое по самой послѣдней модѣ, съ короткой таліей, которая должна была не доходить до плечей только на два дюйма (болѣе длинныхъ шарфовъ носить тогда не полагалось). Юбки всѣ были довольно тѣсны и съ одной стороны нѣсколько подобраны.

Само собой разумѣется, что я получила и много нижнихъ юбокъ, отдѣланныхъ чрезвычайно красиво и почти похожихъ на тѣ, которыя ты взяла теперь съ собой въ школу. При выходѣ на

улицу въ то время одѣвали длинный широкій шавль и перчатки, при чемъ послѣднія были настолько длинны, что закрывали всю руку. Въ мои времена женщины особенно изощряли свой вкусъ на перчатки. У меня было ихъ нѣсколько паръ, были бѣлыя, были и цвѣтныя, всѣ были вышиты и украшены накладными узорами изъ дорогихъ и красивыхъ кружевъ. Такія перчатки стоили обыкновенно довольно дорого. Волосы имѣли тогда обыкновеніе завивать горячими щипцами въ локоны; шляпы носили маленькія и одѣвали ихъ на макушку головы; украшеній на нихъ было безконечное количество. Я увѣрена, что теперешнія барышни нашли бы ихъ чрезвычайно некрасивыми, но, по моему здравому разсужденію, наши шляпы вовсе не были такъ безобразны или неудобны, не болѣе, во всякомъ случаѣ, нежели тѣ вещи, которыя подъ именемъ шляпъ носятся на головѣ въ настоящее время.

Впрочемъ, родная, мода капризна, какъ ты, вѣроятно, знаешь; мода всегда была тиранкой и всегда таковой, я убѣждена, останется. Вѣдь, не много вовсе времени прошло съ тѣхъ поръ, когда дамы заставляли устраивать себѣ изъ волосъ двухфутовая прически, надѣвая вдобавокъ сверху цѣлыя кареты, пароходы и звѣрей въ видѣ украшенія. У моей матери, на примѣръ, была четырехмѣстная карета, сдѣланная изъ дутаго стекла, и эту шляпу она одѣвала только въ случаяхъ исключительной важности. И, представь себѣ, милая моя, она говаривала, бывало, что, къ сожалѣнію, моды въ ея время стали удивительно какъ просты! Моя лучшая шляпа выглядѣла не наряднѣе, чѣмъ поставленное кверху дномъ ведро для углей... Она была украшена тремя розоваго цвѣта бантами и маленькими розетками на верхушкѣ. Въ мое время въ модѣ были еще фижмы, и меня снабдили однимъ такимъ параднымъ платьемъ, ибо, говорили, „та школа, куда я ѣду, считается весьма элегантною“. Парадное платье это было сшито изъ бѣлой парчи, сплошь усѣянное накладными бутонами розъ и украшенное оборками изъ красныхъ и зеленыхъ лентъ. Талія была вырѣзана очень глубоко, короткіе рукава были обложены широкими кружевами. Ахъ, тѣ „фижмы“ были тогда ни на іоту не хуже этихъ ужасныхъ кринолиновъ, которые носятся и до сихъ поръ, несмотря на то, что король Георгъ IV особымъ декретомъ приказалъ изъять ихъ изъ употребленія. Получила я еще въ приданое чулки различныхъ цвѣтовъ и нѣсколько паръ сапогъ, каждая изъ которыхъ, по своему цвѣту, соотвѣтствовала цвѣту платья. Моя бѣдная матушка чувствовала себя положительно несчастной вслѣдствіе того, что мода на ботинки съ высокими каблуками болѣе не существовала; она лично носила ихъ до самой смерти и говаривала, что ничего болѣе удобнаго и цѣлесообразнаго быть не можетъ. Но каблуки эти были тогда не въ модѣ, и я носила только низкіе, какъ теперь на бальныхъ туфелькахъ.

Да, получила я еще и вѣера! Да, вѣера. Теперь молоденькой дѣвушкѣ достаточно имѣть одинъ вѣерь, мы же постоянно ходили съ вѣерами, словно, японки, и мнѣ дали одинъ для улицы, одинъ для употребленія по утрамъ, одинъ для вечера и одинъ для экстра-

ординарныхъ случаевъ. Снабдили меня еще и цѣлой массой бездѣлушекъ ювелирнаго искусства, но всѣ онѣ выглядѣли точно такъ же, какъ и теперь на выставкахъ въ магазинахъ: вѣдь мода на большія серги и кричащія украшенія вообще возвратилась снова. Кромѣ того, я должна была взять съ собой множество полотенецъ и простынь, ножикъ, вилку, ложку и, наконецъ, кольцо для салфетки съ моимъ именемъ.

Для нашего путешествія изъ Гресхамбюрея въ Лондонъ — всего двадцать четыре мили, какъ тебѣ извѣстно, — намъ понадобилось въ курьерской каретѣ мистера Бурнетса цѣлый день. Дѣло въ томъ, что мы должны были сдѣлать крюкъ изъ-за скверной дороги. Лишь на слѣдующій день мы прибыли въ Лондонъ и вечеромъ отправились въ театръ Друрей Лане. Ставили двѣ пьесы: „Тайный брак“ и „Разоблаченная дѣва“. Обѣ эти пьесы были тогда въ большой модѣ.

Изъ Лондона мы отправились дальше въ каретѣ моего дяди прямо въ Батъ; для этого мы употребили только два дня, что по тогдашнимъ временамъ считалось очень быстрымъ переѣздомъ. На второй день вечеромъ мы остановились у дома регента. Обѣ миссъ Померей, которымъ принадлежалъ пансіонатъ, представляли собою двухъ шикарныхъ дамъ; онѣ пользовались прекрасной репутаціей, ибо научали своихъ ученицъ прекраснымъ манерамъ, умѣнью жить и держаться въ обществѣ. Немедленно же былъ осмотрѣнъ весь приведенный мною гардеробъ, при чемъ все было одобрено, забраковали только корсетъ, который оказался настолько свободнымъ, что его перешнуровали, и въ концѣ концовъ я еле-еле могла дышать въ немъ; но миссъ Померей, видя мои страданія, замѣтила, что дѣвицы не должны распускать свою грудь такъ, какъ молочницы. Она никогда такъ не поступала, и мы, ея ученицы, должны держаться такъ же стройно и прямо, какъ она. Каждое утро при входѣ въ классную комнату мы должны были дѣлать нашимъ учительницамъ новомодные реверансы, которымъ мы научались отъ нашего танцмейстера. Затѣмъ наши ноги устанавливались на полку, выпрямитель привязывался къ плечамъ и въ талию втыкалась большая штопальная игла остриемъ кверху; рассчитано было такъ, что мы неминуемо укололись, если бы осмѣлились хотя слегка опустить голову. А кто укалывался, той грозило наказаніе, и — ахъ! — много розогъ досталось мнѣ и за это и за другія подобнаго же характера „преступленія!“. Въ то время частыя и обильныя порки въ школахъ уже прекращались, но лично миссъ Померей преклонялись передъ вліяніемъ розогъ и раздавали ихъ направо и налево довольно щедрой рукою. Если кто-либо изъ насъ провинилась въ чемъ-нибудь (а ты, дорогая, изумилась бы, если бы узнала, что въ тѣ годы называлось преступленіемъ!) и была приговорена къ тѣлесному наказанію, то она должна была подойти къ кафедрѣ учительницы и послѣ глубокаго поклона просить разрѣшенія отправиться за розгой. Разрѣшеніе давалось, и проштрафившаяся удалялась и сейчасъ же возвращалась въ классъ, но уже безъ перчатокъ; въ рукахъ ея была подушка, на которой лежала розга. Затѣмъ она становилась предъ учительницей на

колѣни и предподносила ей розгу, которая тутъ же нѣсколько разъ прогуливалась по обнаженнымъ плечамъ и шеѣ преступницы. У насъ было два сорта розогъ: одинъ изъ березовыхъ прутьевъ и другой изъ китоваго уса, обернутаго въ изрядной толщины бечевку. Обѣ наносили очень чувствительные удары, но особенно трепетали мы передъ розгой второго сорта, которая звалась „звѣремъ“. Концы ея напоминали собою полоски девятихвостовой „кошки“ и глубоко врѣзывались въ наше тѣло. „Звѣрь“ предназначался за самыя серьезныя преступленія, именно за отсутствіе почтительности по отношенію къ обѣимъ начальницамъ. Ихъ учебное заведеніе было на особенно хорошемъ счету; нормой учащихся было тридцать человекъ, и всѣ мы, дѣвочки, были изъ лучшихъ англійскихъ семей. Въ тѣ времена, о которыхъ я говорю, никто не удивлялся, если дѣвицы оставались въ школѣ до восемнадцати-девятнадцатилѣтняго возраста, вплоть до тѣхъ поръ, однимъ словомъ, когда для нихъ родителями подыскивалась подходящая „партія“, либо замужество старшей сестры освобождало ей мѣсто въ семьѣ и возможность выѣздовъ въ свѣтъ. Но возрастъ нашъ былъ не при чемъ: ни одна изъ ученицъ миссъ Померей не могла избѣжать наказанія розгами, если оно было ей назначено одной изъ госпожъ нашихъ учительницъ. Короче, въ домѣ регента розга не бездѣйствовала ни одного дня, и самыя ярые поклонники ея не могли быть недовольны господствовавшей въ нашемъ пансіонатѣ системой воспитанія и „воздѣйствія“.

У насъ были двѣ или три степени серьезныхъ наказаній. Первая степень приводилась въ исполненіе въ комнатѣ миссъ Померей только въ ея личномъ и ея горничной присутствіи. Вторая степень состояла въ публичныхъ приготовленіяхъ къ наказанію въ присутствіи всей школы, заканчивавшихся почти всегда прощеніемъ провинившейся; третья степень это — приведеніе наказанія въ исполненіе „публичнымъ порядкомъ“. По первому разу, когда мнѣ пришлось выдержать порку въ комнатѣ миссъ Померей, я припоминаю всю картину экзекуціи, словно послѣдняя совершилась вчера... Подумай, внучка, такая старуха, какъ я теперь, и такое сильное впечатлѣніе, не ступшевывающееся черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ! Я получила торжественное приказаніе принести розгу въ комнату госпожи нашей начальницы, извѣстную подъ именемъ „кабинета завѣдующей“. Когда я явилась сюда съ „инструментомъ“ в рукахъ, здѣсь были обѣ миссъ Померей. Я стала на колѣни, старшая изъ миссъ взяла изъ моихъ рукъ розгу и — какъ мнѣ показалось — довольно нѣжно, съ любовью, если можно такъ выразиться, провела ею между своихъ пальцевъ, какъ бы погладила ее. Затѣмъ она позвонила и приказала вошедшей горничной приготовить меня. Горничная повиновалась и привычнымъ движеніемъ черезъ голову сняла съ меня платье и захватила мои слабыя руки въ свои грубыя и сильныя лапы. Я страшно испугалась: вѣдь, никогда до сихъ поръ въ жизни меня никто не билъ! И эти приготовленія, и сама экзекуція такъ сильно подѣйствовали на меня, что со мною сдѣлался сильнѣйшій истерическій припадокъ. Ахъ, впослед-

ствіи я ко всему прекрасно привыкла! Мнѣ не составляло ничего особеннаго ни видѣть розгу въ употребленіи на другихъ, ни самой находиться подъ ея „ласками“. Видѣла я неоднократно, какъ въ присутствіи всей школы сѣкли наполовину обнаженныхъ взрослыхъ дѣвицъ, какъ говорятъ, невѣсть, и сѣкли за что? За малѣйшее невольное уклоненіе отъ параграфовъ установленнаго въ нашей школѣ режима. При всѣхъ публичныхъ экзекуціяхъ полагалось надѣвать на наказуемую особое платье, похожее нѣсколько на ночной капотъ, и вотъ въ этомъ именно нарядѣ виновную передъ поркой водили передъ рядами выстроившихся для присутствованія при наказаніи товарокъ. Затѣмъ ее заставляли лечь на скамью, руки придерживались, а ноги вставлялись въ особое приспособленіе, плотно обхватывавшее ихъ. Помню, какъ такимъ именно образомъ наказали одну дѣвицу, которая на завтра покидала нашу школу для того, чтобы сейчасъ же выйти замужъ. Назовемъ ее, допустимъ, миссъ Дарвинъ. У нея была масса врожденныхъ недостатковъ, и, представь себѣ, она даже воровала. Она была одержима тѣмъ, что теперь подводится подъ понятіе о клептоманіи, но у насъ никакихъ именъ для проступковъ не существовало: украли, значило въ мое время — только украли, и дѣлу конецъ! Какъ, почему, зачѣмъ — такіе вопросы въ дни моей молодости не существовали, они никому на умъ не приходили.

Какъ-то разъ послѣ обѣда миссъ Померей сказала: „Сударыни, сегодня я попрошу васъ быть готовыми на полчаса раньше; поторопитесь одѣться и будьте въ классѣ не въ пять, какъ всегда, а въ половинѣ пятаго“.

Мы съ недоумѣніемъ смотрѣли другъ на друга, а миссъ Дарвинъ покраснѣла, но ничего не сказала. Мы разошлись по своимъ комнатамъ. Скоро мы узнали, въ чемъ дѣло, ибо дѣвушка, причисывавшая меня, исполняла также обязанности поставщицы розогъ и въ этотъ именно день связала нѣсколько пучковъ на новый образецъ, спеціально для сегодняшняго торжественнаго случая. Въ назначенное время мы собрались въ классъ, и миссъ Померей заняла обычное свое мѣсто. Миссъ Дарвинъ приказано было стать посрединѣ комнаты, послѣ чего госпожа наша начальница посвятила насъ въ совершенное дѣвицей преступленіе, равно какъ и сообщила о назначенномъ ей наказаніи. Миссъ Дарвинъ слыла положительно красавицей; и ростъ, и фигура ея говорили о вполнѣ разившейся дѣвушкѣ, и эта барышня все время стояла передъ нами такъ спокойно, словно наказаніе розгами было чѣмъ-то самимъ собой разумѣющимся. Она была очень нарядно одѣта, въ зеленомъ парчевомъ платьѣ, въ бѣлой шелковой нижней юбкѣ; масса драгоценныхъ бездѣлушекъ украшали ея лифъ. Миссъ Померей позвонила и приказала явившейся горничной: „Приготовь ее!“ Прислуга сдѣлала реверансъ и приступила къ разоблаченію нашей подруги. Когда все было готово, на нее одѣли спеціальное „штрафное“ платье, о которомъ я упоминала выше; затѣмъ миссъ Дарвинъ, стоя на колѣняхъ, передала госпожѣ нашей начальницѣ розгу. Послѣ этого двѣ учительницы подвели ее къ кафедре, къ которой и

привязали за руки и за ноги. Розга въ рукѣ миссъ Померей взвилась и съ такимъ ожесточеніемъ опустилась на нѣжное тѣло молодой дѣвушки, что сейчасъ же на молочно-бѣломъ фонѣ образовались красныя полосы. Подъ конецъ наказанія у несчастной миссъ Дарвинъ дрожали всѣ суставы, лицо ея пылало и глаза метали искры. Ставъ снова на колѣни, она приняла изъ рукъ миссъ Померей розги и передала ее учительницамъ. Только послѣ этой церемоніи ей позволили удалиться въ свою комнату, чтобы тамъ переодѣться. Прислуга несла за ней корзину съ ея платьемъ.

Къ удивительному наказанію прибѣгали у насъ въ пансіонатѣ для того, чтобы смирить непокорныхъ воспитанницъ, „сбить съ нихъ гордость“, какъ говорили наши педагоги. Каждая ученица, замѣченная въ несоблюденіи одного изъ правилъ, относившихся къ чистотѣ и опрятности — а правилъ этихъ была такая масса, что немудрено было переступить одно изъ нихъ! — должна была снять свое платье и одѣться в платье какой нибудь воспитанницы сиротскаго дома. Это былъ нарядъ такъ называемыхъ „красныхъ дѣвицъ“; онъ состоялъ изъ огненно-краснаго шерстянаго платья и бѣлаго передника. Въ общемъ, это было форменное безобразіе, да и удобствомъ этотъ костюмъ похвастать не могъ. Въ такомъ видѣ нужно было брать урокъ танцевъ и гимнастики у мужчинъ-учителей; помимо этого, во время уроковъ „красная дѣвица“ должна была стоять въ классѣ на высококомъ стулѣ, чтобы всѣ могли ясно видѣть ее во весь ростъ. Мнѣ кажется, что подобныя наказанія теперь больше не практикуются, дорогая Катенька, и съ тобой отнюдь не будутъ обходиться съ такой строгостью тамъ, куда ты теперь отправляешься. Что бы ты сказала, напримѣръ, если твой красивый, маленькій ротикъ заклеивали бы пластыремъ за то, что ты сказала нѣсколько лишнихъ словъ? Такому наказанію подвергали миссъ Померей тѣхъ воспитанницъ, которыя говорили въ недозволенное время. Да, дѣтка, вырѣзывали двѣ широкія полосы липкаго пластыря и накрестъ прикрѣпляли его черезъ губы; въ такомъ положеніи насъ заставляли оставаться нѣсколько часовъ кряду. Пластырь брался такой солидной ширины, что однажды чуть не задохлась одна изъ наказанныхъ такимъ способомъ ученицъ; съ техъ поръ... ты думаешь, родная, прекратили такое варварское наказаніе? — нѣтъ, но брали менѣе солидныя полосы пластыря. Если кто-либо изъ насъ пачкалъ свою книгу, то виновной привязывали руки на спину! Да, жизнь наша была тяжела, но, вѣдь, мы несли свой крестъ для того, чтобы изъ насъ могли создаться въ полномъ смыслѣ слова молодыя приличныя барышни! И если твои учительницы покажутся тебѣ строгими, вспомни, дѣтка, о томъ, что я написала тебѣ, и благодари Бога за все! Учиться тебѣ придется, вѣроятно, много: наше воспитаніе было очень ограничено, съ нынѣшними требованіями его и сравнить нельзя. Если мы хорошо танцовали, бѣгло говорили по французски, играли ловко въ спинеттъ и правильно читали и писали, то наше образованіе считалось законченнымъ. Вотъ я, напримѣръ, съ такимъ запасомъ знаній прожила всю свою жизнь, а вѣдь, меня нельзя назвать скверной женой или

матерью только потому, что я не знала полдюжины языковъ и не могла поддерживать серьезные разговоры съ учеными людьми о высо-ихъ матеріяхъ. Я написала тебѣ длинное письмо, моя маленькая Катенька; быть можетъ, оно послѣднее, которое ты получаешь отъ своей бабушки: восемьдесятъ три года — не шутка, родная! Если мнѣ не придется увидѣть тебя на ближайшія каникулы, не забывай все-таки меня, вспоминай изрѣдка о твоей горячо любившей тебя старой бабусѣ, которая иногда рассказывала тебѣ о своихъ школьныхъ годахъ. Тебя бить не будутъ, моя милая, это уже не въ модѣ. Марта ропщетъ: она говоритъ, что я заставила ее много писать! Приходится сказать прощай!

Прощай, моя дорогая!

Твоя любящая тебя бабушка.

ГЛАВА XXXIV

Корреспонденціи о наказаніи розгами въ журналѣ „Family Herald“

Какъ это можно было видѣть изъ предшествовавшихъ главъ, розга играла съ давнихъ поръ въ домашнемъ быту довольно выдающуюся роль. Еще сто лѣтъ тому назадъ она была въ полномъ ходу во всѣхъ слояхъ населенія. Такъ, Гоггъ, творецъ Эттрики, повѣствуетъ объ одномъ шотландскомъ лордѣ, который не только наказывалъ свою дочь тѣлесно, но и выгналъ ее изъ дому за то, что она влюбилась въ портного. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкій арендаторъ въ Вильтсѣ приказалъ своей дочери разъ навсегда отказаться отъ плановъ совмѣстной жизни со своимъ возлюбленнымъ. Несмотря на такое приказаніе, ему удалось уличить свою дочь въ неповиновеніи, и, не долго думая, онъ принялся колотить ее кнутомъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что дѣвушка вырвалась изъ рукъ осwirѣпѣвшаго отца, убѣжала въ свою комнату и тамъ лишила себя жизни.

При воспитаніи дѣтей розга считалась у родителей неизбѣжнымъ средствомъ и не только по отношенію къ малышамъ и подросткамъ, но и въ зрѣлые годы. Современныя дѣти могутъ только вздохнуть съ облегченіемъ и называть себя въ сравненіи со своими предками счастливыми. Они не могутъ имѣть достаточно яснаго представлешя о тѣхъ временахъ, когда розга была въ употребленіи почти цѣлый день. Фактъ остается фактомъ, и мы съ точностью историковъ утверждаемъ, что еще шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, не говоря уже о прошломъ вѣкѣ, дѣти въ возрастѣ отъ двухъ до семнадцати лѣтъ большую часть своего дня проводили въ извѣстной всѣмъ позѣ на колѣняхъ матери или гувернантки. „Кто избѣгаетъ розги, тотъ портитъ ребенка“ — гласила старая поговорка, и если бы подъ вліяніемъ частыхъ порокъ дѣти исправлялись, то мальчики и дѣвочки прошлаго столѣтія должны были бы

быть прекрасными экзеплярами, и въ чемъ, въ чемъ, а ужъ въ уда-рахъ и колотушкахъ они недостатка не терпѣли. Выше мы уже говорили, что березовой кашей угощали не только малолѣтнихъ, но и зрѣлыхъ юношей и дѣвицъ, и во многихъ семьяхъ матери не колебались потчевать розгой своихъ восемнадцати — и девятна-дцатилѣтнихъ дочерей, стоявшихъ наканунѣ замужества. Что ска-жутъ на это современные барышни?

Примѣръ подобнаго домашняго воспитанія можно видѣть въ опубликованныхъ письмахъ Пастонъ, относящихся къ середи-нѣ пятнадцатаго столѣтія. Въ этомъ письмѣ нѣкая дама совѣ-туетъ своему двоюродному брату поскорѣе избрать для его дочери подходящаго мужа, ибо дѣвушка находится какъ разъ въ соотвѣт-ствующемъ возрастѣ. „Вѣдь, никогда“ — пишетъ она далѣе — „дита твое не имѣло столько заботъ и печали, сколько теперь; она не должна разговаривать ни съ однимъ мужчиной, кто бы онъ ни былъ; она не смѣетъ говорить ни съ однимъ изъ слугъ, находя-щихся въ домѣ ея матери, а съ самой Пасхи она регулярно по два раза въ недѣлю подвергается поркѣ; иногда ее сѣкутъ даже два раза въ день и бьютъ, куда попало. Такъ, въ данный моментъ у нея три или четыре большія раны на головѣ“.

Эта самая Агнеса Пастонъ предложила воспитателю ея сына высѣчь послѣдняго и методически сѣчь его до тѣхъ поръ, пока мальчикъ не исправится. „Мальчику“ этому было тогда уже пятнадцать лѣтъ. Въ одномъ изъ сочиненій Фанбурга кто-то спро-силъ вдову Аманду, почему она выходитъ вторично замужъ, когда не любитъ своего нареченнаго. Аманда отвѣтила: „Если я отка-жусь, моя маменька будетъ бить меня!“ Другая когда ей сообщили о прибытіи жениха, сказала: „Дѣлать нечего, нужно затянуть корсетъ, хотя знаю, что меня здорово высѣкутъ за это, такъ боль-но, что кровь будетъ струиться по моему тѣлу“.

Докторъ Джонсонъ не упускаетъ ни одного подходящаго слу-чая, чтобы не использовать его для восхваленія розги и чуднаго дѣйствія ея не только въ школѣ, но и въ домашнемъ быту. Бузвелль рассказываетъ о немъ, что, когда докторъ Джонсонъ увидѣлъ нѣсколькихъ барышень, отличавшихся своимъ безукориз-ненно любезнымъ обхожденіемъ, и когда ему было сказано, что такому качеству онѣ обязаны исключительно строгимъ наказа-ніямъ, практиковавшимся матерью дѣвушекъ, — онъ воскликнулъ, пародируя слова Шекспира:

„О, розга! Я чту тебя за это!“

А вѣдь, Джонсонъ въ этой области слылъ авторитетомъ, ибо если дома его и не часто угощали березовой кашей, то, по его собственному признанію, онъ особенно объѣлся ею въ школѣ. Когда однажды кто-то сказалъ ему комплименты за отличное знаніе имъ латинскаго языка, онъ возразилъ: „Помилуйте, мой учитель честно наказывалъ меня розгой, въ противномъ же слу-чаѣ я ровно ничему не научился бы, ибо ничего не дѣлалъ бы“.

Въ отношеніи принципа „жена да боится мужа своего“ счита-емъ необходимымъ упомянуть, что во время всего англо-сакскаго

періода мужъ имѣлъ право въ Англіи, по собственному разумѣнію, „учить“ жену свою розгой, плетью или другимъ избраннѣмъ имъ инструментомъ. Гражданское право разрѣшало каждому супругу за одно преступленіе *flagellis et tustibus acriter verberare uxorem*, въ другихъ случаяхъ только *modicam castigationem adhibere*. „Но“, говоритъ Блекстонъ въ своихъ комментаріяхъ, „у насъ въ Англіи, подѣ благороднымъ правленіемъ короля Карла II, подобныя права мужа находились подѣ большимъ сомнѣніемъ, и въ настоящее время жена найдетъ себѣ защиту противъ обижающаго ее мужа у участковаго мирового судьи. И только въ низшихъ слояхъ населенія, вообще склонныхъ къ рутинерству и избѣгающихъ всякихъ новшествъ, можно встрѣтиться еще и теперь съ примѣненіемъ упомянутаго выше преимущества супруга на дѣлѣ“.

Ученые никакъ не могутъ сговориться по вопросу о томъ, что именно слѣдуетъ понимать подѣ выраженіемъ „мягкое наказаніе“, и какимъ именно инструментомъ оно производится. Одинъ изъ валлійскихъ параграфовъ общихъ законоположеній страны относительно соотвѣтствующаго количества розогъ гласитъ: „Три удара метловищемъ куда угодно, за исключеніемъ головы“. Въ другомъ параграфѣ говорится, что палка, которой наносятся удары, должна быть такой же длины, какъ рука наказывающаго, толщина же ея должна равняться толщинѣ его большого пальца. Нѣкій супругъ имѣлъ обыкновеніе увѣрять свою жену въ томъ, что если бы онъ хотѣлъ бить ее палкой извѣстной крѣпости, то долженъ былъ бы со спокойной совѣстью прибѣгнуть къ пруту или къ рукѣ. Нѣкоторые мужья, не желавшіе обнаруживать особенной строгости, ограничивались орѣшниковой вѣткой толщиною въ мизинецъ. На одномъ изъ церковныхъ стульевъ въ Стратфортѣ изображенъ рѣзьбой на деревѣ мужчина, который угощаетъ свою жену нѣсколько большимъ, нежели *modicam castigationem*, при чемъ положеніе женщины настолько же оригинально, насколько и неудобно.

Слѣдующія выдержки заимствованы изъ дневника Пеписа.

12 мая 1667 года. Сегодня моя жена уличила прислугу въ томъ, что она тайно вышла изъ дому, и наказала ее тѣлесно, послѣ чего дѣвушка заявила, что оставаться у насъ на службѣ болѣе не желаетъ. Я лично допросилъ ее и при этомъ услышалъ столько лжи, что ея уходъ можетъ меня только порадовать. Пусть убирается завтра же.

10 іюня 1667 года. Былъ въ Гринвичѣ, гдѣ засталъ массу народа. Оказалось, что должна была состояться „кавалькада“ *) по адресу констебля города, который дошелъ до того, что допустилъ свою жену наказать себя.

Ссылаясь на „Протестантскій Меркуръ“ Малькольмъ сообщаетъ оригинальный случай, относящійся къ концу семнадцатаго

*) Въ Беркширѣ существовалъ древній обычай, въ силу котораго у оконъ избитаго своей женой мужа сосѣди устраивали особый парадъ съ музыкой, состоявшей изъ рожковъ, котловъ, горшковъ и тому подобныхъ далеко не музыкальныхъ, но производящихъ адскій шумъ „инструментовъ“. Быть можетъ, „кавалькада“, о которой говоритъ Пеписъ, и есть это именно наказаніе.

столѣтія. Жена одного переносчика тяжестей въ окрестностяхъ Лана съ такой силой и съ такимъ усердіемъ дубасила своего мужа, что бѣдняга, ища спасенія въ бѣгствѣ, выпрыгнулъ въ окно на улицу. Возмущенные подобнымъ скандаломъ, сосѣди избитаго мужа устроили „кавалькаду“, т. е. дефилированіе пѣшкомъ съ барабаннымъ боемъ и знаменосцемъ, на древкѣ котораго, вмѣсто знамени или флага, была прикрѣплена... сорочка. Барабанщикъ выбивалъ маршъ подъ названіемъ „Остолопы, пѣтухи безмозглые, маршъ впередъ!“, причемъ около семидесяти разносчиковъ угля, извозчиковъ и переносчиковъ тяжестей замыкали процессію, украшенные огромными, прикрѣпленными къ головѣ рогами. Любопытные зрители были въ восторгѣ отъ этой „кавалькады на своихъ на двоихъ“ и награждали мстителей за поруганное достоинство мужчины щедрыми подачками.

Во времена „семейныхъ наказаній“ не забывали также прислугу и ремесленныхъ учениковъ. Нѣкоторые, зараженные пуританствомъ писатели, касающіеся въ своихъ трудахъ отношеній господъ къ своей прислугѣ и служащимъ вообще, надѣляются барина и барыню обязанностью также и наказывать своихъ подчиненныхъ, причемъ одинъ изъ нихъ выражается такъ: „Я слышалъ отъ умудренныхъ опытомъ людей, что совершившему преступленіе доставляетъ огромное удовольствіе, если мужчину наказываетъ женщина, а женскій полъ — женщина. Ибо не подобаетъ мужчинѣ дойти до того, чтобы его била женщина, а дѣвушки въ то же время сильно портятся, если получаютъ удары отъ руки мужчины“.

Что касается тѣлесныхъ наказаній находящихся въ выучкѣ учениковъ, то по этому поводу существуетъ интересная исторія о шотландскомъ ученикѣ сапожника, но за достовѣрность ея мы не ручаемся. Городъ Линлитгофъ въ Шотландіи славится своей сапожной и башмачной мануфактурой, и въ прежнія времена множество мальчиковъ въ качествѣ учениковъ находили себѣ тамъ занятія. Часть изъ нихъ были сироты и воспитывались со стороны своихъ хозяекъ на совершенно ортодоксальный манеръ. Женщины Линлитгофа вообще, очевидно, прекрасно владѣли и управлялись пресловутымъ ремнемъ, причемъ объ одной не въ мѣру дородной особѣ рассказываютъ, что въ теченіе десяти минутъ она приводила къ повиновенію и наказывала полдюжины учениковъ ея мужа. И другія женщины также великолѣпно обращались съ орудіями тѣлесныхъ наказаній, и въ концѣ концовъ постоянно избитые мальчики начали crescendo возраставшимъ ропотомъ заявлять вполнѣ справедливые протесты противъ жестокаго съ ними обращенія хозяекъ, заявляя, что имъ уже не въ могоду такъ часто укладываться на колѣни женъ своихъ мастеровъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что мальчишки по взаимному уговору рѣшили отомстить. Избранъ былъ день, когда месть должна была восторжествовать. Заговорщики узнали, что четверо мастеровъ ихъ начальниковъ, собрались по какому-то экстраординарному случаю поѣхать въ Эдинбургъ. Эти четверо какъ разъ оказались тѣ, чьи жены наиболѣе часто и сурово наказывали

учениковъ. Судьба, значить, благопріятствуетъ юнымъ мстителямъ! Въ опредѣленное время мальчишки набросились на ничего не подозрѣвавшихъ женщинъ, схватили каждую изъ нихъ въ ея собственномъ домѣ и, надлежащимъ образомъ приготовивъ къ наказанію, что есть силы нанесли ей оптомъ и въ розницу по нѣскольку ударовъ тѣмъ же самымъ ремнемъ, который такъ часто прогуливался по ихъ „казенному мѣсту“. Хотя каждая изъ избитыхъ женщинъ и клялась жестоко наказать своихъ обидчиковъ, но когда обнаружилось, что она не одна пострадала, рѣшено было скрыть о происшедшемъ скандалѣ, и только долгое время спустя хозяева узнали, какимъ именно образомъ былъ съутилизированъ учениками день ихъ отсутствія изъ Линлитгофа.

Временами ученикамъ ремесленниковъ доставалось особенно сильно, и въ Лондонѣ, на примѣръ, одна женщина — Брунригъ, была даже приговорена къ смертной казни черезъ повѣшеніе за слишкомъ жестокое обращеніе со своими учениками.

„Двухъ ученицъ она до смерти избила
И ихъ тѣла въ печку посадила“

говорить объ этой Брунригъ „Анти-якобинецъ“, но на самомъ дѣлѣ происшествіе обстояло иначе. Во времена Георга III г-жа Брунригъ занимала мѣсто надзирательницы въ работномъ домѣ святого Дунстана. Главной ея обязанностью былъ надзоръ за прачками, но помимо этого она принимала къ себѣ на квартиру требующихъ за собой ухода больныхъ женщинъ. Съ виду она старалась казаться чрезвычайно благочестивой, аккуратнѣйшимъ образомъ ходила въ церковь и производила на своихъ сосѣдей впечатлѣніе достойной уваженія, религіозной, работящей и обходительной женщины. Ей на попеченіе община сдала трехъ сиротокъ-девочекъ, чтобы научить ихъ искусству быть хорошими горничными. Дѣвочекъ звали Марія Митчель, Марія Джонсъ и Марія Эллифордъ. Такія „общественныя“ дѣвочки не всегда превращаются въ хорошихъ прислугъ, и госпожа Брунригъ начала воспитывать ихъ самымъ основательнымъ образомъ, примѣняя при этомъ свою собственную систему. Пособіемъ при воспитаніи служили преимущественно пинки и колотушки, била она дѣвочекъ неограниченно, раздавая неисчислимое количество ударовъ, куда и какъ попало. Она била дѣвочекъ разве такъ, какъ пьяный зеленщикъ бьетъ своего осла. Частенько она укладывала Марію Джонсъ на два кухонныхъ табурета и била ее до тѣхъ поръ, пока рука уставала держать палку. Затѣмъ она обливала тѣло несчастной холодной водой и всовывала голову ея въ ведро съ водою. Вскорѣ дѣвочка была сплошь покрыта ранами и пузырями на головѣ, спинѣ и на плечахъ. Въ одно прекрасное утро ей удалось сбѣжать обратно въ воспитательный домъ, гдѣ ее, разумѣется, приняли и стали лечить. Начальство этого учрежденія написало госпожѣ Брунригъ и угрожало пожаловаться властямъ на скверное обращеніе съ дѣвочкой, но на это посланіе никакого отвѣта не послѣдовало. Марія Брунригъ обратилась къ воспитанію остальныхъ двухъ дѣвочекъ.

Марія Митчель также пыталась убѣжать отъ своей благодѣтельница, но сынъ госпожи Брунригъ поймалъ ее и привелъ въ домъ матери. Мари Эллифордъ, третья ученица, почти всегда ходила полуобнаженной; били ее попеременно то палкой, то ручкой отъ метлы, то кнутомъ для лошади. Спала она въ погребѣ, гдѣ хранился уголь; ея постелью служилъ пучокъ соломы, питалась она исключительно хлѣбомъ и водою. Если госпожа Брунригъ замѣчала, что дѣвочки гдѣ-либо изодрали свое платье,— она связывала ихъ вмѣстѣ и заставляла нѣсколько дней проводить въ такомъ виде нагишомъ. Когда мать уставала, ей на помощь являлся сынъ и самолично распоряжался наказаніями несчастныхъ сиротокъ. Въ одинъ день Марію Эллифордъ раздѣвали пять разъ, пять разъ привязывали къ скамьѣ и пять разъ били кнутомъ; другая дѣвочка должна была присутствовать при всѣхъ экзекуціяхъ. Въ концѣ концовъ, сосѣди констатировали фактъ истязанія и донесли властямъ о своихъ наблюденіяхъ. Госпожу Брунригъ и ея сына арестовали, Марію Эллифордъ перевезли въ больницу, гдѣ черезъ нѣсколько дней она скончалась. Но госпожѣ Брунригъ удалось вмѣстѣ съ сыномъ убѣжать изъ тюрьмы и благополучно скрываться въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Полиція все таки напала на ихъ слѣдъ, и прелестная маменька съ не менѣе прелестнымъ сыномъ снова были водворены въ тюрьму.

Какъ только народъ узналъ объ ея арестѣ, поднялось страшное волненіе: объ этомъ звѣрѣ начали рассказывать самыя невѣроятныя исторіи. Говорили, что изъ ея дома безслѣдно исчезли четырнадцать дѣвочек-сиротокъ, что она, какъ акушерка, отправляла на тотъ свѣтъ дѣтей при рожденіи ихъ, и что трупки малютокъ выбрасывались ею на съѣденіе свиньямъ. Семейка Брунригъ (мужъ ея также былъ привлеченъ къ дѣлу) предстала предъ судомъ присяжныхъ въ Ольдъ-Байлѣ. Отца и сына приговорили къ шестимесячному тюремному заключенію, но госпожѣ Брунригъ досталось болѣе тяжелое наказаніе: ее приговорили къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ Тибурнѣ. Сопровождавшая приговоренную толпа всю дорогу отъ тюрьмы до позорной площади негодующе неистовствовала и предавала шедшую на казнь женщину вѣчному проклятію.

Владѣлецъ фабрики соломенныхъ плетеній въ одной изъ деревень Бедфордшейра, имѣвшій обыкновение частенько наказывать работавшихъ у него молодыхъ дѣвушекъ, былъ, къ его несказанному удивленію, приговоренъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію за то, что въ одинъ прекрасный день „неблагопристойнымъ образомъ“ наказал юную работницу розгами. Недавно мы узнали исторію одной сиротки, достигнувшей званія графини благодаря тому, что хозяйка ея, жена сапожника, часто награждала ее березовой кашей. Дѣвочку эту послали къ одной знатной дамѣ для примѣрки заказанныхъ бальныхъ ботинокъ, но забитая ученица оказалась нѣсколько неловкой, и сидѣвшая съ вытянутой ногой аристократка вышла изъ себя. Она послала своего сына къ сапожнику съ письмомъ и грозила перестать заказыв-

вать у него обувь. Хозяйка тутъ же набросилась на несчастную ученицу и на глазахъ принесшаго письмо сына аристократки принялась истязать ее. На изумленнаго юношу видъ несчастной дѣвушки произвелъ такое впечатлѣніе, что онъ принялъ на себя заботы о ея дальнѣйшемъ воспитаніи и впослѣдствіи женился на ней. Послѣ смерти своего отца молодой человѣкъ вмѣстѣ съ богатствами унаслѣдовалъ и титулъ, и бывшая ученица сапожника сдѣлалась такимъ образомъ графиней!

Всѣ эти дѣвочки, ученицы парикмахершъ, портнихъ, корсетницъ и тому подобныхъ профессій постоянно подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ, и не разъ за время ихъ ученія розга и другіе инструменты прогуливались по ихъ обнаженному тѣлу. Одна изъ парикмахершъ Пель-Мелля, считавшаяся артисткой въ своемъ искусствѣ, также попала подъ судъ за свое строгое и суровое обращеніе съ ученицами. Употребленію розги она научилась въ Парижѣ, гдѣ въ качествѣ камеристки служила въ одной изъ знатныхъ фамилій Франціи.

Мы должны еще упомянуть здѣсь объ одномъ особенномъ, отличительномъ англійскомъ обычаѣ. Въ прошедшемъ столѣтіи почти повсемѣстно было въ Великобританіи принято въ день совершенія надъ какимъ либо преступникомъ смертной казни съѣсть въ семьѣ дѣтей розгами, а такъ какъ казни въ то время совершались довольно таки часто, то рикошетомъ страдали и бѣдные ребятишки. Объ этомъ обычаѣ рассказала намъ одна пожилая дама, присовокупивъ, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія ее самое частенько потчевали березовой кашей, имѣя при этомъ в виду рельефнѣе запечатлѣть въ ея памяти ужасный образъ казненнаго на висѣлицѣ преступника. Переходя къ болѣе позднѣйшимъ временамъ, мы наталкиваемся сразу на статью, помѣщенную въ „Лондонской Газетѣ“ 11 октября 1856 года. Замѣтка эта относится къ тѣлеснымъ наказаніямъ въ супружеской жизни и гласитъ слѣдующее: „Магистру Вайтегавена пришлось недавно разсмотрѣть массу аналогическихъ дѣлъ, касающихся тѣлесныхъ наказаній, совершаемыхъ въ супружескомъ быту. Большинство случаевъ имѣло мѣсто въ средѣ возникшей тамъ христіанской секты, ученіе которой проводитъ, между прочимъ, мысль о томъ, что обычай тѣлесныхъ наказаній идетъ рука объ руку съ христіанскимъ вѣроученіемъ.

Его преподобіе Георгъ Бирдъ переселился въ Вайтегавенъ и въ скорости основалъ здѣсь общину. Черезъ нѣсколько недѣль по возникновеніи ея, повсюду разнесся слухъ, что, по мнѣнію преподобнаго отца, Священное Писаніе вполне разрѣшаетъ тѣлесное наказаніе, производимое мужемъ надъ своей женою. Приблизительно мѣсяца черезъ полтора въ магистратуру поступила жалоба на Джемса Скотта, члена общины Георга Бирда. Жалоба эта была подана его женою, и въ ней излагалось, что обвинительница была обнажена и избита своимъ мужемъ за то, что не хотѣла вмѣстѣ съ нимъ отправиться на то богослуженіе, которое въ послѣднее время онъ сталъ посѣщать. Спрошенная членами магистратуры, мистриссъ Скоттъ заявила, что у нея нѣтъ ни малѣйшаго желанія

домогаться наказанія мужа; пусть только дасть серьезное обѣщаніе, что впредь никогда худо съ ней обращаться не будетъ. Вызванный на судъ, мистеръ Скоттъ не пожелалъ подчиниться желанію своей супруги и объяснил слѣдующее: „Неужели я не долженъ повиноваться закону Божьему, а долженъ признавать законы человѣческіе?“ Такъ какъ: обвиняемый упорствовалъ въ своемъ желаніи оставить мысль о наказаніи жены, то судьи приговорили его къ мѣсячному тюремному заключенію съ назначеніемъ на самыя тяжкія принудительныя работы. По поводу этого случая и по поводу стойкости и преданности своему учрежденію мистера Скоттъ, Георгъ Бирдъ произнесъ цѣлую серію проповѣдей. Онъ утверждалъ, что на обязанности каждаго мужчины лежитъ держать въ своихъ рукахъ бразды домашняго правленія, и что поэтому, а также на основаніи божественнаго закона, онъ имѣетъ право приводить свою жену къ повиновенію путемъ тѣлеснаго наказанія тогда, когда она этого заслуживаетъ“.

ГЛАВА XXXV

Розга въ будуарѣ

О примѣненіи розги среди молодыхъ женщинъ въ одномъ изъ излюбленныхъ и популярнѣйшихъ журналовъ „Family Herald“ имѣется настоящіи и неисчерпаемый колодезь новостей. Какъ это всякому извѣстно, журналъ этотъ пользуется особенной любовью, благодаря помѣщаемымъ въ немъ сообщеніямъ многочисленныхъ корреспондентовъ. Особенно много говорятъ послѣдніе о тѣлесныхъ наказаніяхъ, примѣняемыхъ къ дѣвочкамъ и дѣвушкамъ какъ в школахъ, такъ и в домашнемъ быту. Впрочемъ, „Family Herald“ представляется не единственнымъ періодическимъ журналомъ, посвящающимъ свои страницы березовой кашѣ. „Queen“, одинъ изъ моднѣйшихъ журналовъ столицы Англии, лѣтъ пять тому назадъ также открылъ столбцы своихъ страницъ для обмѣна мыслей по поводу разбираемыхъ „Family Herald“ вопросовъ. Сначала сообщенія различныхъ сотрудниковъ касались исключительно разбора подходящихъ наказаній для маленькихъ дѣтей и рѣшенія вопроса о цѣлесообразности примѣненія розги при воспитаніи дѣтей до-школьнаго возраста. Но съ теченіемъ времени гостепріимный редакторъ отводилъ все больше и больше мѣста письмамъ и сообщеніямъ, касавшимся тѣлеснаго наказанія болѣе взрослыхъ дѣтей. Мы полагаемъ, что нашимъ читателямъ будетъ небезынтересно познакомиться съ парой этихъ двухъ писемъ въ редакцію.

„Только что прочиталъ въ превосходномъ журналѣ вашемъ сообщенія корреспондентовъ на весьма важную тему о тѣлесныхъ наказаніяхъ дѣтей. А такъ какъ я въ этомъ отношеніи сдѣлалъ нѣ-

сколько, по моему глубокому убѣжденію, цѣнныхъ наблюденій, то смѣю надѣяться, что вы, любезный г. редакторъ, разрѣшите мнѣ подѣлиться съ ними на страницахъ уважаемаго изданія вашего.

Когда три года тому назадъ Господь призвалъ къ Себѣ мою супругу, мнѣ пришлось лично заняться воспитаніемъ нашихъ дѣтей: двухъ дѣвочекъ и четырехъ мальчиковъ. Мальчиковъ я отправилъ въ пансіонъ, а для дѣвочекъ пригласилъ гувернантку. Нужно замѣтить, что дочурки мои до самаго послѣдняго времени воспитывались покойной женой чрезвычайно заботливо и не знали о томъ, что на свѣтѣ существуютъ для дѣтей тѣлесныя наказанія. Въ дальнѣйшемъ я замѣтилъ, что, со смерти матери, дѣвочки дѣлали весьма слабые успѣхи въ наукахъ, и, кромѣ того, поведеніе ихъ оставляло желать многого: онѣ начали грубить и обнаруживали очень мало дѣвическихъ наклонностей. Все это меня огорчало, и, по представленію воспитательницы, я въ концѣ концовъ далъ свое согласіе на то, чтобы въ домѣ завести розгу. Розга была пріобрѣтена такого образца, на какой указала гувернантка: кусокъ мягкой гибкой кожи, въ окончаніи расщепленной на тонкія полоски, хотя и причинявшія сильную боль, но не производившія никакихъ поврежденій кожи и не вызывавшія скверныхъ послѣдствій для организма. Въ первый разъ розга была пущена въ ходъ послѣ того, какъ у меня пропали деньги, и когда послѣ перекрестнаго вопроса я убѣдился въ томъ, что кражу совершили только мои дѣвочки. Я распорядился, чтобы гувернантка наказала обѣихъ дочекъ солиднымъ количествомъ ударовъ. Временемъ для приведенія моего приговора въ исполненіе былъ назначенъ вечеръ, мѣстомъ — будуаръ воспитательницы. Послѣ вечерней молитвы обѣ дѣвочки получили основательную порку *supra dorsum nudum*. Ихъ привязали къ дивану, чтобы онѣ не могли сопротивляться. Послѣ экзекуціи каждая изъ наказанныхъ поцѣловала розгу и поблагодарила гувернантку за „науку“. Только тогда имъ разрѣшено было одѣться.

Со времени этого наказанія поведеніе дѣвочекъ кореннымъ образомъ видоизмѣнилось; кромѣ того, мы стали замѣчать, что онѣ занимаются чрезвычайно усердно и въ преподаваемыхъ имъ предметахъ дѣлаютъ изумительные успѣхи. Вотъ ужъ девять мѣсяцевъ прошло со времени экзекуціи, и ни одной изъ нихъ не пришлось призывать въ будуаръ для наказанія, хотя временами, но очень рѣдко, приходилось все таки заставлять розгу прогуливаться по рукамъ дѣвочекъ; подобныя наказанія налагались за отсутствіе должнаго при приготовленіи уроковъ прилежанія.

Съ неменѣе положительнымъ результатомъ примѣнял я мою розгу и къ своимъ сыновьямъ, причемъ не могу умолчать о томъ, что я нахожу этотъ инструментъ болѣе цѣлесообразнымъ, нежели березовую розгу, которая, при слишкомъ усердномъ обращеніи съ ней, наноситъ и кожѣ, и всему организму значительныя поврежденія. Ничего подобнаго съ кожаной розгой наблюдаться не можетъ, хотя въ то же время испытываемая наказуемымъ боль гораздо чувствительнѣе, нежели при березовыхъ прутьяхъ. А чув-

ство боли и есть, по моему мнѣнію, главная цѣль всякаго тѣлеснаго наказанія: „о немъ никогда позабыть не должно“!

Одинъ изъ преподавателей большого училища для дѣвочекъ также съ восторгомъ отзывается о прекрасномъ дѣйствиіи этого инструмента. Приводимъ дословно сообщеніе его „способа употребленія“. „Ремень приготовленъ изъ мягкой кожи; оканчивается онъ массой маленькихъ тонкихъ полосокъ. При примѣненіи этого инструмента на рукъ молодой дѣвушки получаютъ изумительные результаты. Само собой разумѣется, что боль при наказаніи вызывается очень сильная, но за то скоропроходящая, а такъ какъ кожа при этомъ нисколько не повреждается, да и самъ способъ выполненія наказанія не можетъ быть названъ неблагопристойнымъ, то приходится согласиться съ тѣмъ, что этотъ инструментъ долженъ быть предпочтенъ березовымъ прутьямъ, связаннымъ въ розгу. Во всякомъ случаѣ, вызываемое въ данномъ случаѣ болѣзненное ощущеніе совершенно достаточно для того, чтобы понудить молодыхъ дѣвушекъ добросовѣстно относиться къ приготовленію задаваемыхъ имъ уроковъ“.

Въ заключеніе приводимъ письмо одного господина, которое какъ бы то ни было, затрагиваетъ новые взгляды на тѣлесныя наказанія, положительно благоговѣя предъ современнымъ теченіемъ. „По моему мнѣнію, публичное наказаніе взрослыхъ дѣвушекъ должно быть воспрещено закономъ. Наказаніе ребенка въ возрастѣ шести — восьми лѣтъ — одно дѣло, а то, что описываетъ вашъ корреспондентъ — другое дѣло. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я съ нерѣшительностью относился къ подобнымъ корреспонденціямъ, но опытъ послѣднихъ недѣль заставилъ меня составить непоколебимое мнѣніе.

Я холостякъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ умерла у меня сестра, возложивъ на меня передъ смертью заботы о ея дочери. Теперь моей племянницѣ всего восемнадцать лѣтъ. Это — прекрасная дѣвушка, скромная, благовоспитанная, какія рѣдко встрѣчаются. Она живо интересуется всѣми науками и для пополненія своихъ знаній выразила желаніе посѣщать одно изъ значительныхъ учебныхъ заведеній; покоряясь ея влеченію, я переговорилъ объ всемъ необходимомъ съ начальницей этого училища.

Когда я в одну изъ субботъ возвратился изъ Лондона, пріѣхавъ домой незадолго передъ обѣдомъ, меня встрѣтила моя старая экономка, служившая у меня много лѣтъ, съ чрезвычайно опечаленнымъ выраженіемъ лица. Изъ разспросовъ я узналъ, что „молодая барышня пришла домой въ большемъ волненіи и сейчасъ же заперлась въ своей комнатѣ“. Какъ оказалось впослѣдствіи, дѣло было в слѣдующемъ.

Въ это утро была назначена лекція объ англійской поэзіи; лекторъ отнесся къ ней чрезвычайно поверхностно и выраженіе

„Мы, смертные милліоны, живемъ одиноко“

приписалъ перу Теннисона. Такъ какъ я самъ часто занимаюсь литературой и отношусь къ ней съ большой любовью, то моя

племянница, при совмѣстной со мной жизни, болѣе начитана, нежели другія дѣвушки ея возраста. Она позволила себѣ остано- вить преподавателя, сказавъ ему, что авторомъ приведенныхъ выше словъ является не Теннисонъ, а Матѣ Арнольдъ.

Одна изъ присутствовавшихъ на урокъ гувернантокъ серьез- нымъ тономъ запретила ей прерывать учителя и поправлять его и поставила ей въ журналъ крестикъ. У начальницы было обыкно- веніе всѣхъ отмѣченныхъ крестомъ ученицъ подвергать тѣлесному наказанію, и моя племянница сама была нѣсколько разъ свидѣ- тельницей производимыхъ надъ малолѣтними ученицами экзеку- цій, не подозрѣвая, разумѣется, что подобная мѣра можетъ быть принята не по отношенію къ дѣтямъ.

Къ безграничному удивленію моей племянницы, послѣ уроковъ ее пригласили въ учительскую и къ еще большому изумленію объявили, что за непочтительное отношеніе къ учителю ей пред- стоить подвергнуться наказанію. Ни просьбы, ни протесты ни къ чему не привели; несчастная барышня должна была уступить силѣ и получила отъ руки своей начальницы двѣнадцать сильныхъ ударовъ розгой.

Я самъ по происхожденію — ирландецъ, и вамъ не трудно представить себѣ мое негодованіе по поводу столь унизительна- го обращенія со взрослой дѣвушкой, которая не сегодня — завтра должна была выйти замуж. Я принялъ быстрое рѣшеніе, одоб- ренное нѣсколькими дамами, которымъ я о немъ сообщилъ. Съ тру- домъ уговорилъ я племянницу, какъ ни въ чемъ не бывало, снова начать посѣщеніе училища, и вскорѣ после описаннаго выше про- исшествія я передалъ начальницѣ приглашеніе пожаловать къ намъ на завтракъ. Это было въ началѣ января. Вмѣстѣ съ пригла- шеніемъ я увѣдомил ее, что кстати уплачу ей слѣдующее за право ученія племянницы. Она явилась; по моему распоряженію, ее про- вели въ нашу домашнюю библіотечную комнату; тамъ ее поджи- дали уже три замужнія женщины, жены моихъ друзей, о которыхъ я упомянулъ выше и которыя отнеслись съ одобреніемъ къ моему плану. Я пригласилъ ее сѣсть и высказалъ мое мнѣніе на счетъ ея обращенія съ ученицами. Далѣе, я сказалъ ей, что сначала у меня явилась мысль возбудить противъ нее судебное преслѣдо- ваніе, но затѣмъ я порѣшилъ наказать ее въ присутствіи находя- щихся здѣсь дамъ такъ же точно, какъ она наказала мою племян- ницу. Само собой разумѣется, разыгралась ужасно бурная сцена, но угрозы судебнымъ процессомъ заставили почтенную матрону согласиться съ моимъ рѣшеніемъ. Немедленно же я осѣдлал коня и отправился въ Этонъ, гдѣ пріобрѣлъ обычную здѣсь розгу. Ко всему сказанному долженъ еще добавить, что начальница получи- ла двадцать дюжихъ ударовъ, которые она, какъ рослая и крѣпкая особа, должна была перенести вполнѣ свободно. Племянница не захотѣла присутствовать при экзекуціи, но зато послѣ порки я заставилъ наказанную попросить у оскорбленной ею барышни извиненіе“.

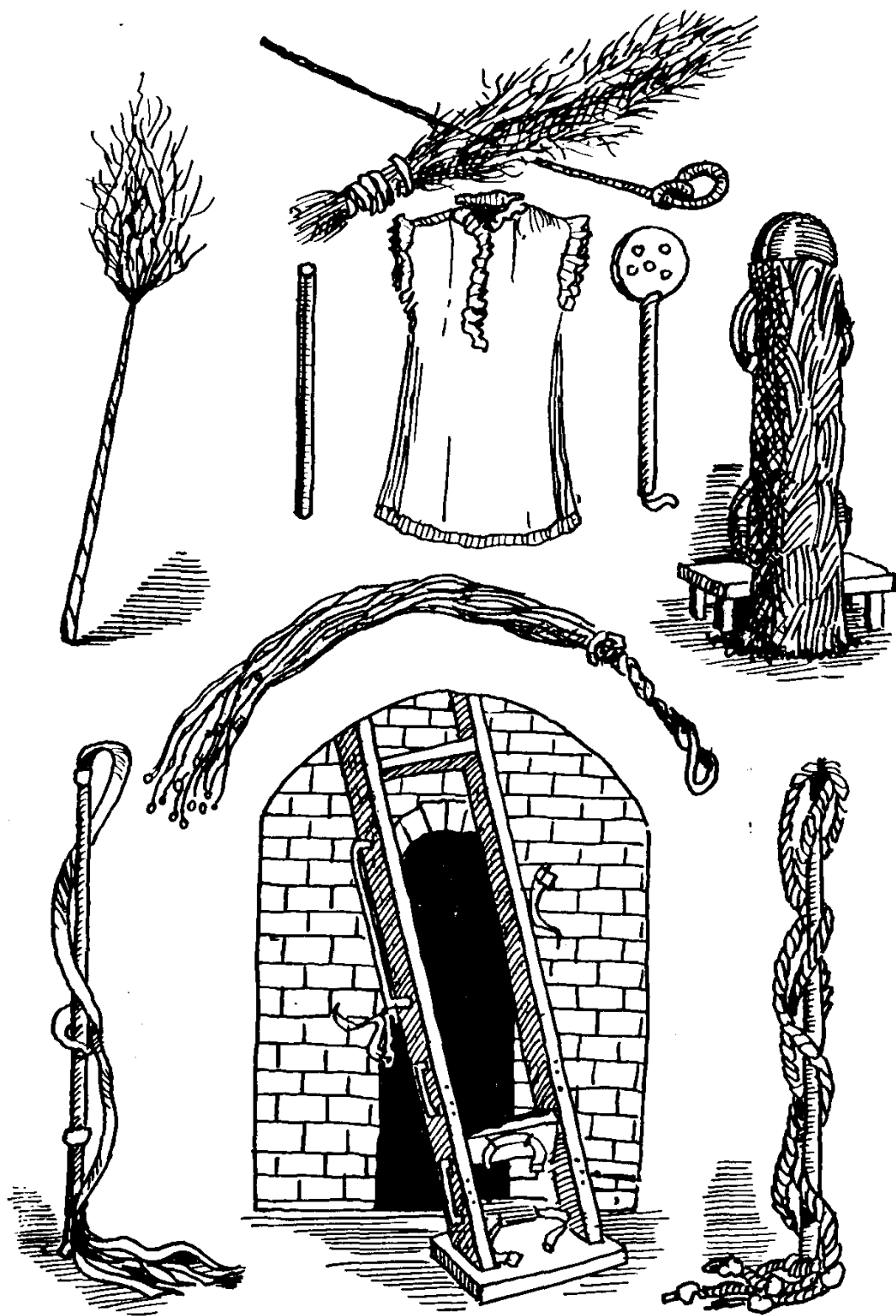
Инструменты и приспособленія для сѣченія

Весьма важный вопросъ о томъ: какой именно инструментъ является самымъ подходящимъ и наиболѣе цѣлесообразнымъ для тѣлесныхъ наказаній, въ теченіе долгаго времени являлся спорнымъ и возбуждалъ массу преній. Изъ неисчислимаго буквально количества различныхъ инструментовъ, примѣнявшихся въ различныя столѣтія для тѣлесныхъ наказаній, многіе являлись, безъ сомнѣнія, результатомъ зрѣлаго обсужденія, въ то время какъ другіе появлялись на свѣтъ въ видѣ продукта случайныхъ обстоятельствъ и потребности минуты. Раздражительные учителя, не находившіе въ пылу гнѣва обычнаго инструмента для наказанія, обращались къ чему попало, пуская въ ходъ шляпы, полотенца, линейки и другіе предметы, способные наносить удары. Изъ среды святыхъ Доминикъ Лорикатусъ пользовался при самоистязаніяхъ вѣшникомъ. Другой Доминикъ, основатель ордена доминиканскихъ монаховъ, избралъ инструментомъ наказанія желѣзные вериги. Гульбертъ пользовался кожанымъ ремнемъ съ узлами, нѣкоторые обращались къ крапивѣ, чертополоху и волчецу. Въ „Золотой Легендѣ“ сообщается объ одномъ святомъ, который, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ положеній для выполненія процедуры умерщвленія плоти, тѣмъ не менѣе однако занимался ею и пользовался попеременно то кочергой, то угольными щипцами, то другими подходящими ручными инструментами. Святая Бригетта употребляла для тѣлесныхъ наказаній и самобичеванія связку своихъ ключей; другая святая, славившаяся своей особенной преданностью идеѣ умерщвленія плоти, прибѣгала съ этой цѣлью къ солидному пучку пружинъ. Санчо Пансо — какъ это извѣстно каждому, читавшему знаменитаго Донъ Кихота Ламанчскаго, — оставался вѣренъ своему наивному характеру, граничившему съ придурковатостью, и совершалъ процессъ покаянія съ помощью своихъ собственныхъ рукъ.

Какъ сообщаетъ Аубрей, въ 1678 году среди знатныхъ фамилій Англіи существовалъ обычай показываться всюду съ большимъ вѣромъ въ рукахъ; рукоятка такого вѣра имѣла въ длину добрыхъ полъ аршина, а самъ онъ служилъ своимъ обладателямъ не только для защиты отъ солнца и охлажденія, но и въ роли инструмента, которымъ они наказывали взрослыхъ дочерей своихъ замѣченныхъ въ мелкихъ неблагопристойныхъ поступкахъ, особенно же въ упорствѣ и непослушаніи. Сэръ Томасъ Морусъ имѣлъ обыкновение наказывать взрослыхъ дочерей своихъ розгой, приготовленной изъ пучка павлиньихъ перьевъ. Нѣкоторыя рыбацки наказывали попавшихся воришекъ высушенной кожей угря; объ одной хозяйкѣ рассказываютъ, что въ минуты раздраженія она колотила свою кухарку костью отъ бараньяго окорока. Туфли сплошь и рядомъ служатъ инструментомъ для наказанія.

Римляне, достигшіе въ искусствѣ тѣлесныхъ наказаній высшихъ степеней совершенства, за извѣстнаго рода преступленія прибѣгали обыкновенно къ опредѣленнымъ инструментамъ. Гораций и Ювеналь описываютъ три изъ нихъ, именно *scutica*, *fegula*, *flagellum*. *Scutica* представлялъ собою ремень изъ кожи или пергаментъ, *fegula* приготовлялась изъ прута или изъ палки. Оба этихъ инструмента были въ ходу въ римскихъ школахъ, причемъ съ нѣкоторыми только незначительными видоизмѣненіями сохранились до самыхъ позднѣйшихъ временъ. *Flagellum* это родъ плети изъ кожанаго ремня или сплетенныхъ веревокъ, прикрѣпленныхъ къ деревянной ручкѣ и чаще всего снабженныхъ узлами, либо маленькими кусочками желѣза или свинца, что, конечно, увеличивало силу наносимыхъ подобнымъ инструментомъ ударовъ. Установить точную форму античной *fegul'*ы затруднительно: неизвѣстно, была ли она похожа на розгу, пруть или ремень; что же касается позднѣйшей формы, то о ней имѣется повсюду вполне достаточное количество свѣдѣній. По средневѣковой рѣзбѣ на дубовыхъ предметахъ, встрѣчающихся въ церквахъ, монастыряхъ и соборахъ, фигура учителя съ поднятой розгой въ рукѣ изображается постоянно обращенной кзади. *Fegula* позднѣйшаго періода представляла собою замысловатый инструментъ, примѣнявшійся исключительно для ударовъ по рукѣ. Изготавливался онъ изъ дерева, походилъ нѣсколько на колотушку и былъ снабженъ посрединѣ своей широкой части небольшимъ отверстіемъ, вслѣдствіе чего при каждомъ ударѣ на кожѣ руки наказуемаго вскакивалъ пузырь. Последнее обстоятельство въ значительной мѣрѣ увеличивало силу наказанія. Примѣнявшаяся лѣтъ сорокъ тому назадъ въ англійскихъ школахъ *ферула* имѣла видъ вырѣзанной изъ дерева ракеты, и до сихъ поръ еще на школьныхъ печатяхъ изображается учитель, держащій въ рукѣ страшную ракету.

Нѣсколько времени тому назадъ въ Амстердамѣ была устроена выставка школьныхъ предметовъ и принадлежностей, относящихся какъ къ древнимъ, такъ и къ позднѣйшимъ временамъ. Среди экспонатовъ находилась также *fegula* и изображеніе какой-то птички. Такую птичку обыкновенно подбрасывали ученику, совершившему противозаконный поступокъ; съ ней онъ долженъ былъ явиться къ учителю и протянуть ему руку ладонью вверхъ для воспріятія заслуженныхъ ударовъ. На картинѣ Жерара Дау изображенъ одинъ изъ кембриджскихъ учителей съ подобнымъ именно инструментомъ въ рукѣ. Удары, наносимые этой деревянной *fegul'*ой были настолько опасны и чувствительны, что быстро послѣ наказанія заинтересованное мѣсто покрывалось ранами и ссадинами; другой же подходящій къ *fegul'*ѣ инструментъ отличался, правда, тѣмъ же дѣйствиемъ въ смыслѣ болевого ощущенія, но не оставлялъ послѣ себя, по крайней мѣрѣ, столь серьезныхъ слѣдовъ. Мы говоримъ о широкомъ кожаномъ ремнѣ, имѣвшемъ приблизительно десять дюймовъ въ длину и отъ четырехъ до пяти дюймовъ въ ширину; одинъ конецъ его былъ закругленъ, другой связанъ и укрѣпленъ къ деревянной ручкѣ. Кожа отличалась своей толщиной; она была обработана дублешиемъ, что придавало ей извѣстную плотность, не лишая въ то же время свойствен-

Инструменты для тѣлесныхъ наказаній.

ной ей гибкости. Примѣнялся этотъ инструментъ для наказанія по ладонной поверхности руки и вызывалъ острое, колющее и щиплющее ощущеніе.

Шотландская *ferula* представляла собою простой кожаный ремень, одинъ конецъ котораго изрѣзывался на тонкія полоски, закалявшіяся на огнѣ; этотъ инструментъ примѣнялся, главнымъ образомъ, также для нанесенія ударовъ по рукѣ. Уже Ювеналь, говоря о римскихъ школьникахъ, упоминаетъ, что они „отнимали назадъ свои руки отъ *ferul'ы* — *manum ferula subducimus*; ученики же позднѣйшихъ временъ также стараются защитить ихъ, для чего натягиваютъ рукава куртки черезъ пальцы. Такъ называемая *wirga* представляла собою обыкновенный садовый пруть; этотъ своеобразный инструментъ пользовался одно время большимъ уваженіемъ у римлянъ и долженъ, по нашему мнѣнію, считаться родоначальникомъ розги, царствовавшей такъ долго во всѣхъ школахъ, кажется, всего міра. Мудрѣйшій царь Соломонъ говоритъ „Розга предназначена для спины непонятливыхъ“, и въ другомъ мѣстѣ: „кнутъ для лошади, кирпичъ для осла, розга для спины дурака“. Согласно съ этимъ совѣтомъ, наказанія розгами примѣнялись обычно на обнаженную заднюю часть провинившагося. Чтобы облегчить задачу „эзекутора“, преступника клали на скамью или колоду, либо на спину одного изъ старшихъ учениковъ (послѣдній способъ носилъ названіе „посадить на лошадь“) и въ такомъ положеніи приводили наказаніе въ исполненіе. Впрочемъ, послѣдняя процедура относится къ давнопрошедшимъ временамъ, о чемъ свидѣтельствуетъ картина изъ Помпеи, хранящаяся въ одномъ изъ музеевъ Неаполя. Картина эта изображаетъ малаго, который сидитъ на спинѣ своего соученика и „воспринимаетъ“ удары отъ руки „господина учителя“. На печати одной изъ школъ въ Англіи, относящейся къ періоду царствованія короля Эдуарда VI, выгравировано изображеніе ученика, наказываемаго розгой; подъ рисункомъ подпись: „*Qui: Rarcit: Wirgâ: odit: filiu:*“, т. е. „Кто пренебрегаетъ розгой, тотъ ненавидитъ своего сына“.

Въ общественныхъ школахъ состоялъ обыкновенно на службѣ особый человекъ, на обязанности котораго лежало выполненіе тѣлесныхъ наказаній; такой обычай, какъ оказывается, существовалъ съ самыхъ древнихъ временъ. Уже Джонъ въ своемъ сочиненіи „Обычаи и нравы древнихъ грековъ“ упоминаетъ, что у спартанцевъ „смотрителей сопровождали по школамъ настоящіе палачи“. Во Франціи такихъ „чиновниковъ“ называли *cuistre*, что, собственно говоря, обозначаетъ столько же, сколько *кохъ* или *поваръ*; такое прозвище обязано своимъ появленіемъ, вѣроятно, тому, что въ знатныхъ домахъ, равно какъ и въ общественныхъ школахъ, особенно охотно привлекали служащихъ на кухнѣ къ выполненію тѣлесныхъ наказаній.

Исключенныя изъ сословія лица, т. е. лишенныя всѣхъ правъ состоянія и умершія возстановлялись въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ церковью, что, согласно древняго *rituale romanum*, совершалось съ большою торжественностью и безконечнымъ количествомъ церемоній и заключалось въ эзекуціи ихъ могилъ.

Наказаніе въ английской школѣ въ XVIII столѣтіи.

Если принималось рѣшеніе, въ силу котораго умершій долженъ былъ быть возвращенъ общинѣ святыхъ, то трупъ его обыкновенно вырывался изъ могилы, а сама могила подвергалась экзекуціи, во время которой священникъ произносилъ слѣдующія слова. „По своему сану освобождаю тебя изъ числа отвергнутыхъ людьми и церковью и причисляю тебя снова въ число вѣрующихъ“. Подобное же явленіе скрываетъ въ себѣ, очевидно, тотъ же смыслъ, что и сѣченіе изображеній святыхъ. Многія изъ легендъ о житіи святыхъ сообщаютъ о томъ, что евреи и язычники съ тѣмъ же довѣріемъ относились къ изображенію святыхъ, какъ и христіане; какъ и послѣдніе, они просили у святыхъ заступничества и чудодѣйственной помощи. Особенное вниманіе оказывалось святому Николаю. Въ одной изъ легендъ говорится, что какой-то иновѣрецъ приобрѣлъ себѣ икону святого Николая послѣ того, какъ узналъ о творимыхъ имъ чудесахъ. Когда онъ выходилъ изъ дому, то имѣлъ обыкновеніе обращаться со слѣдующими словами: „Николай! Вотъ все мое добро и достояніе. Я оставляю его подъ твоимъ присмотромъ, и если ты не будешь внимательно слѣдить за сохранностью ввѣреннаго тебѣ имущества, то по возвращеніи я накажу тебя розгой“. Въ одинъ прекрасный день въ домъ этого иновѣрца забрались грабители и, пользуясь отсутствіемъ хозяина, забрали съ собой все его имущество и оставили только одно изображеніе святого Николая. Когда иновѣрецъ возвратился домой и увидѣлъ полную картину разграбленія, онъ произнесъ вмѣстѣ съ ругательствами по адресу святого: „Я повѣсилъ твой портретъ въ своемъ домѣ для того, Николай, чтобы ты охранялъ меня отъ разбойни-

ковъ. Почему же ты такъ небрежно отнесся къ своимъ обязанностямъ? Теперь ты долженъ понести заслуженное тобою наказаніе! Я отомщу тебѣ, я буду бить и пытатъ тебя за всѣ тѣ убытки, которые я понесъ вслѣдствіе недобросовѣстнаго твоего отношенія къ своимъ обязанностямъ"! Затѣмъ онъ взялъ изображеніе святого и сталъ бить по картинѣ розгами и плетью до тѣхъ поръ, пока самъ не усталъ. Но свершилось великое чудо! Святой явился разбойникамъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они припрятали награбленное имущество иновѣрца, показалъ имъ свои раны и покрытое кровью и ссадинами тѣло и сказалъ имъ: „Почему меня такъ жестоко избили, и за что я долженъ былъ перенести изъ-за васъ столько мученій? Посмотрите на мое тѣло: оно все изорвано. Взгляните, какъ кровь струится изъ ранъ моихъ! Пойдите къ иновѣрцу и отдайте все то, что вы забрали у него, въ противномъ случаѣ гнѣвъ всемогущаго Бога будетъ настолько великъ, что ваше преступленіе раскроется, и вы всѣ будете повѣшены"! Грабители спросили: „Кто ты такой, что такъ разговариваешь съ нами"? Онъ отвѣтилъ: „Я — Николай, слуга Господа Бога, котораго такъ жестоко избилъ иновѣрецъ за то, что вы похитили у него все имущество". Разбойники до того испугались, что отправились въ домъ обокраденнаго ими иновѣрца и, когда увидѣли, какъ онъ обратился съ изображеніемъ святого, возвратили все, что взяли. Съ этихъ самыхъ поръ грабители начали вести благочестивый образъ жизни, а иновѣрецъ принялъ святое крещеніе.

Г Л А В А XXXXVII

Эксцентричный и другой флагеллянтизмъ

Исторія розги и флагеллянтизма была бы не законченной, если бы мы не привели нѣсколькихъ примѣровъ о лицахъ обоого пола, которыя приказывали бить себя или били себя сами, чтобы такимъ путемъ доставить себѣ удовольствіе и вызвать пріятное и возбуждающее чувство. Различныя основанія препятствуютъ тому, чтобы привести здѣсь философскіе и медицинскіе взгляды, заложенные въ основаніе этого обстоятельства. Среди элементовъ, изъ которыхъ слагается у флагеллянтовъ обуревающая ихъ страсть, главную роль, очевидно, играетъ, какъ объ этомъ говорится въ одномъ изъ древнихъ сочиненій, „чувство удовлетворенія при видѣ ощущаемыхъ другимъ болей, происходящее изъ сквернаго принципа, который, на ряду съ хорошими качествами, встрѣчается въ каждомъ человеческомъ сердцѣ, а также близкое родство между жестокостью и похотью, которое находитъ пріятнымъ и забавнымъ лицезрѣніе тѣхъ часто смѣшныхъ движеній и конвульсій, которыя обнаруживаетъ наказываемый тѣлесно чело-вѣкъ". Если читатель отнесется вдобавокъ внимательно къ помѣщеннымъ ниже примѣрамъ, то намъ лично не придется ничего прибавлять больше къ сказанному.

Изумительный примѣръ подобнаго рода флагеллянтизма усматривается въ исторіи Абеяра и Элоизы. Руберъ, дядя Элоизы, передалъ попеченіе о воспитаніи своей племянницы Абеяру и разрѣшилъ ему наказывать ее по своему усмотрѣнію, если она, вслѣдствіе лѣности или непослушанія, заслужитъ поощренія розгами. Въ тѣ времена существовалъ обычай, что учащаяся молодежь, безъ различія возраста и пола, подвергалась въ учебныхъ заведеніяхъ одинаковымъ наказаніямъ. Абеяръ также не отсталъ отъ нравовъ окружающихъ и сталъ примѣнять розгу по отношенію своей прекрасной ученицы, которая, кстати сказать, относилась къ экзекуціямъ съ такимъ рвеніемъ и охотой, что Абеяръ самъ писалъ какъ-то: „не гнѣвъ учителя, а любовь побуждала почаще приговаривать ее къ наказаніямъ и приводить

Розга въ будуарѣ.

ихъ въ исполненіе“. Безъ сомнѣнія, упорство и отсутствіе должнаго прилежанія со стороны ученицъ заслуживали зачастую серьезныхъ наказаній, но, намъ кажется, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ здѣсь доминировало чувство сладострастія, а вовсе не желаніе исправить провинившуюся воспитанницу или ученицу. По крайней мѣрѣ, Абеяръ съ поэтическимъ огнемъ описываетъ тѣ сладкія воспоминанія, которыя запечатлѣлись у него по поводу наказанія Элоизы.

Въ тѣ времена, когда считалось положительно моднымъ наказывать пажей и другихъ подчиненныхъ розгой, пристрастіе къ этому доходило зачастую до крайне обширныхъ размѣровъ, причемъ нѣкоторыя барыньки особенно отличались на этомъ поприщѣ домашняго владычества. Если для наказанія являлось серьезное основаніе, и предпринимавшая его барыня отличалась умомъ, то она была убѣждена, конечно, въ хорошихъ результатахъ

тѣлеснаго наказанія, хотя въ то же время нельзя не упомянуть въ данномъ случаѣ также и о анатомическомъ любопытствѣ, если можно такъ выразиться, равно какъ и о неопредѣленномъ внутреннемъ ощущеніи. Тѣ же особы, которыя не могли заслужить названія натуръ чистыхъ, искали чаще всего въ наказаніяхъ мужской прислуги (да и женской) удовлетворенія своей похоти.

Въ своей „Исповѣди“ Руссо совершенно ясно указываетъ на царящее въ немъ пристрастіе къ розгѣ. Онъ говоритъ, что розга вмѣсто того, чтобы вести его на путь исправленія, порождала въ немъ желаніе почаще подвергаться тѣлеснымъ наказаніямъ. При этомъ его желаніе нельзя было назвать мимолетнымъ, скоропреходящимъ, нѣтъ! оно сопровождало большую часть жизни этого великаго человѣка. Восьмилѣтнимъ ребенкомъ Руссо вмѣстѣ съ другими мальчиками былъ отданъ на воспитаніе къ одной дѣвицѣ, по фамиліи Ламберсье. Ей было тридцать лѣтъ отъ роду, и она была извѣстна своими материнскими чувствами по отношенію ввѣренныхъ ея попеченію питомцевъ. Но это не мѣшало ей временами примѣнять къ нимъ также материнскія наказанія. И Руссо подвергся общей участи: въ одинъ прекрасный день мадемуазель Ламберсье разложила его на своихъ колѣняхъ и высѣкла. Но, несмотря на испытанныя имъ боли, а также и на стыдъ вслѣдствіе наказанія, онъ, по его собственнымъ словамъ, ощутилъ страстное желаніе снова подвергнуться поркѣ и съ этой цѣлью выдумывалъ всякіе подходящіе и неподходящіе предлоги. Мадемуазель Ламберсье, къ его огорченію, была чуткой наблюдательницей и, когда замѣтила, что удары не достигаютъ преслѣдуемой его цѣли, никогда больше Руссо поркѣ не подвергала. Его страсть къ примѣненію розги именно женской рукой была настолько велика, что онъ старался найти общество дѣвочек и затѣвалъ съ ними игру въ „школу“, заставляя тѣхъ изъ нихъ, которыя брали на себя роль учительницы, наказывать его розгами. Его фантазія была сильно занята тѣмъ умственнымъ удовлетвореніемъ, которое обнаружилось у него при наказаніи госпожей Ламберсье розгами, и каждую молодую дѣвушку онъ старался представить себѣ въ роли учительницы. А такъ какъ онъ не имѣлъ возможности высказаться по поводу поражавшей его страсти къ тѣлеснымъ наказаніямъ, то онъ виталъ въ области фантазій, представляя себя лежащимъ подъ розгами своей возлюбленной. Особенное блаженство испытывалъ онъ при представленіи наказанія себя рукою мадемуазель де Бульсонъ, которую онъ любилъ сумасбродно; но чувство стыдливости не позволяло молодому Руссо попросить дѣвушку привести его страстное желаніе въ исполненіе. О своей извращенной и тѣмъ не менѣе всецѣло покорившей его страсти Руссо подробно распространяется въ своей „Новой Элоизѣ“, гдѣ онъ въ лицѣ святого Преукса молить о торжественномъ наказаніи за учиненные грѣхи и проступки.

Обильныя домашнія и школьныя наказанія порождали у молодежи того времени такое благоговѣніе и довѣріе къ розгѣ, что вполнѣдствіи они вводили экзекуцію во всѣ свои игры, развлеченія и забавы. Очень часто возникали особыя „общества наказаній“, въ которыхъ фигурировали въ роли членовъ молодые люди

обоего пола. Еще нѣсколько только лѣтъ тому назадъ подобный клубъ въ Германіи закончилъ свое существованіе судебнымъ процессомъ, и хотя вся эта исторія должна была остаться глубокой тайной, все таки публика узнала, что въ дѣло были замѣшаны нѣсколько дѣвушекъ въ возрастѣ отъ четырнадцати до шестнадцати лѣтъ.

Въ связи съ отношеніемъ мачехи и отчима къ нероднымъ дѣтямъ, падчерицамъ и пасынкамъ, постоянно рисуется картина частыхъ экзекуцій. Сама мысль объ отчимѣ и мачехѣ является въ нѣкоторыхъ странахъ нераздѣльной отъ представленія обильныхъ колотушекъ и форменныхъ пороковъ. Нерѣдко какая либо женщина приводитъ въ свое оправданіе необходимость для дѣтей материнскихъ наказаній и тѣмъ доставляетъ себѣ удовольствіе время отъ времени пороть своихъ падчерицъ и пасынковъ. Одинъ молодой офицеръ двадцати съ чѣмъ-то лѣтъ отъ роду не протестовалъ противъ наказанія розгами, которое предпринималось периодически его мачехой; другой офицеръ, часто присутствовавшій при экзекуціяхъ своихъ маленькихъ сестеръ и братьевъ, пріобрѣлъ, благодаря этому, вполне безумную страсть ко всякимъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Онъ ходатайствовалъ предъ тюремнымъ начальствомъ одного изъ домовъ заключенія въ Голландіи о предоставленіи ему должности „экзекутора“, а когда это ему не удалось, онъ ограничивался тѣмъ, что являлся зрителемъ при наказаніяхъ арестованныхъ женщинъ.

Одна дама-нѣмка имѣла привычку вставать рано утромъ и первымъ дѣломъ направлялась въ помѣщеніе, занимаемое прислугой. Тотъ несчастный, кого она заставляла еще спящимъ, подвергался сильнымъ ударамъ туфлей своей барыни, и дѣло никогда не обходилось безъ синяковъ и кровоподтековъ.

Страсть бить другихъ и быть избитымъ сказалась изумительнымъ образомъ во время разбирательства судебного процесса надъ англійскимъ офицеромъ, сэромъ Кутомъ. Наиболее интересныя мѣста изъ обвинительнаго акта могутъ послужить нашимъ благосклоннымъ читателямъ прекрасной иллюстраціей исторіи флагеллянтства, и вслѣдствіе этого мы приводимъ нѣкоторыя выдержки. Пятнадцатилѣтній мальчикъ, Эдуардъ Дене, ученикъ математическаго отдѣленія школы госпиталя Іисуса Христа, показалъ слѣдующее: „Въ послѣднюю субботу предъ Рождествомъ, между двумя и тремя часами дня, въ школу явился обвиняемый. Онъ спросилъ насъ, позволимъ ли мы ему побить насъ, за что получимъ отъ него много денегъ. Тотъ же вопросъ былъ, между прочимъ, обращенъ отдѣльно ко мнѣ. Я согласился. Онъ назначилъ за шесть ударовъ плату въ одинъ шиллингъ и шесть пенсовъ. Я закусилъ губы, и господинъ началъ бить меня. Затѣмъ онъ побилъ еще одного мальчика, послѣ чего спросилъ, не желаетъ ли еще кто нибудь получить удары? Охотниковъ больше не оказалось, и господинъ спросилъ, не желаемъ ли мы побить его? Такъ какъ онъ этого хотѣлъ, двое изъ насъ принялись бить его, а я въ это время держалъ его часы. Когда онъ приводилъ въ порядокъ свои панталоны, въ комнату вошла сторожиха и послала меня за надзирателемъ. Отыскать его мнѣ не удалось. Пошли

двое другихъ мальчиковъ и привели двухъ педелей, которые повели господина къ директору. Насъ наказали розгой. Я видѣлъ обвиняемаго два года тому назадъ, когда онъ съ другими мальчиками шелъ по дорогѣ къ школѣ“.

Другой свидѣтель показалъ слѣдующее:

„Когда этотъ господинъ явился къ намъ, я сидѣлъ за своей работой. Обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ, что наша школа считается одной изъ лучшихъ, въ которой можно научиться красиво писать. Затѣмъ онъ попросилъ Бейлея, чтобы тотъ показалъ ему свои тетрадки, и попутно спросилъ, часто ли мы получаемъ отъ нашего учителя удары. Далѣе онъ сказалъ, что дастъ деньги тому, кто согласится получить отъ него нѣсколько ударовъ. Въ это время въ комнату вошелъ Мересь, и мы всѣ трое согласились на предложеніе господина. Затѣмъ розга перешла въ мои руки, и я, по собственному желанію обвиняемаго, началъ хлестать его. Тутъ вошла сторожиха и послала за педелями. Она заперла двери на ключъ, и господинъ такимъ образомъ оказался арестованнымъ. Онъ обратился къ ней съ вопросомъ: есть ли у нея дѣти? и просилъ выпустить его. Нѣсколько разъ онъ говорилъ: „Честное слово, я ничего худого не сдѣлалъ“. Онъ пытался дать ей деньги, но она возразила: „Примите вашу ужасную руку!“ Затѣмъ явилась педеля. Этого господина я никогда въ жизни прежде не видѣлъ, но мнѣ нѣсколько разъ передавали, что онъ билъ мальчиковъ и давалъ имъ деньги. Называли его различными именами, кто-то какъ-то сказалъ мнѣ, что его фамилія Куть“.

Приговоръ военнаго суда былъ мотивированъ такъ: „Что хотя и существуютъ вѣскія доказательства эксцентричнаго поведенія, которое быть можетъ, граничить съ душевнымъ разстройствомъ, но тѣмъ не менѣе обвиняемый въ моментъ совершенія упомянутыхъ выше проступковъ настолько обладалъ своими умственными способностями, что могъ дать себѣ ясный отчетъ въ непотребномъ поведеніи своемъ и прекратить дальнѣйшее продолженіе его“. Вслѣдствіе чего, судъ приговорилъ сэра Кута къ исключенію изъ военной службы.

Заканчиваемъ эту главу слѣдующимъ анекдотомъ.

Нѣкій король лишился дорогого сокола, на золотомъ колокольчикѣ котораго была выгравирована французская лилія. Нашедшему сокола его величество обѣщалъ награду въ двѣсти франковъ. Въ одинъ прекрасный день къ воротамъ замка явился крестьянинъ съ соколомъ въ рукѣ, но привратникъ не захотѣлъ впустить его въ замокъ до тѣхъ поръ, пока онъ не пообѣщаетъ отдать ему половину полученнаго вознагражденія. Въ тѣ дни короли были еще доступны всякому, и крестьянину скоро посчастливилось предстать предъ его величествомъ. Послѣ того, какъ король насладился, лаская и милуя птичку, послѣдовало распоряженіе о выдачѣ обѣщанныхъ двухсотъ франковъ. „Осмѣлюсь доложить вашему величеству, что я хотѣлъ бы получить другое вознагражденіе“. „Какое же?“ спросилъ изумленный король. — „Пятьдесятъ ударовъ по голой спинѣ, ваше величество“. — „Ты шутишь, конечно, мужичокъ?“ — „Вовсе нѣтъ, ваше величество, и другой награды я не приму“. — „Прекрасно, позовите палача и испол-

ните волю этого челоѡѡка“, распорядился король. Крестьянинъ обнажилъ свою спину и сталъ получать удары, которые были нанесены палачомъ слабо, согласно секретно выраженному желанію короля. Когда палачъ отсчиталъ двадцать пять штукъ, крестьянинъ закричалъ: „Постойте! У меня имѣется компаньонъ, остатокъ долженъ получить онъ, а не я“.

Затѣмъ крестьянинъ рассказалъ о поступкѣ привратника и о совершенной между ними сдѣлкѣ. Немедленно король приказалъ привести негодя и всыпать ему причитающееся на его долю количество ударовъ, но уже не такъ милостиво. Помимо сильной боли, привратнику пришлось видѣть, какъ счастливый и находчивый мужичокъ уходилъ изъ воротъ замка со своими двухстами франками, уложенными въ красивый холщевый кошель.

РАЗНОЕ

Среди анекдотовъ о флагеллянтизмѣ въ нашемъ распоряженіи имѣется одинъ, относящійся къ нѣкому джентльмену, жившему въ Англіи въ эпоху короля Георга II. Этотъ господинъ страдалъ особенной страстью. Такъ, на примѣръ, извѣстно, что онъ снялъ въ наймы въ Лондонѣ домъ и поселилъ въ своей квартирѣ красавицу-экономку. Одинъ разъ въ недѣлю особа эта дѣлала заранѣе необходимыя приготовленія, заключавшіяся въ наймѣ двухъ подѣйщицъ со всѣми принадлежностями, потребными для уборки комнаты. Одна изъ наемщицъ должна была играть роль экономки, другая — горничной. Джентльменъ, явившись на квартиру, приступалъ къ уборкѣ комнатъ и держалъ себя при этомъ такъ, словно онъ былъ воспитанницей сиротскаго дома, поступившей въ услуженіе къ господамъ. Умышленно онъ разыгрывалъ свою роль чрезвычайно скверно, и за это обѣ наемницы должны были колотить его такъ немилосердно, какъ это обыкновенно практикуется со стороны большинства англійскихъ хозяекъ, привыкшихъ держать сиротокъ въ ежовыхъ рукавицахъ.

Изъ слѣдующаго случая явствуется, что однократное примѣненіе розги оказалось совершенно достаточнымъ для того, чтобы заглушить прежнее страстное къ ней стремленіе. Одна молодая и знатная дама вышла замужъ также за молодого, очень богатаго и интеллигентнаго господина; молодой супругъ буквально обожалъ свою очаровательную супругу. Каждое ея желаніе исполнялось безпрекословно, она была неограниченной повелительницей дома, ея мужъ считался только самымъ преданнымъ рабомъ. Несмотря на блаженство чуднаго медоваго мѣсяца,

молодая супруга сдѣлалась вдругъ мрачной, раздражительной и меланхоличной; само собой разумѣется, что мужъ ея, замѣтивъ неладное, удвоилъ свое подобострастіе, нѣжность и любезность; по цѣлымъ часамъ стоялъ онъ предъ нею на колѣняхъ и умолялъ объяснить ему причину происшедшей метаморфозы. Долго упорствовала красавица и, наконецъ, призналась, что ее обуреваютъ сильное, непреодолимое и необъяснимое желаніе, но какое именно — она сказать не можетъ. Ей лучше умереть, нежели признаться въ томъ, что завладѣло всѣми ея мыслями. Естественно, любопытство мужа разгорѣлось еще сильнѣе: много бы отдалъ онъ за то, чтобы узнать, въ чемъ именно заключалось желаніе его возлюбленной и какъ удовлетворить его. Но немало дней прошло до тѣхъ поръ, пока, смягченная неотступными просьбами мужа, молодая женщина призналась и пояснила свое желаніе. Ей, видите ли, во что бы то ни стало захотѣлось быть избитой, но не рукой или кулакомъ, а непременно розгой и съ соблюденіемъ при этомъ всѣхъ относящихся сюда церемоній, и не такъ себѣ, чтобы только высечь, нѣтъ, а сильно, самымъ безжалостнымъ образомъ. Съ ужасомъ смотрѣлъ молодой супругъ на свою любимую жену и почти былъ убѣжденъ въ томъ, что несчастная женщина лишилась разсудка. Несмотря на всѣ его уговоры, случайная флагеллянтка упорно стояла на своемъ, и мужу ея ничего иного сдѣлать, какъ онъ полагалъ, не оставалось, какъ уложить ее въ постель. Сказано-сдѣлано, съ молодой женщиной обходились въ домѣ, какъ съ опасно больной. Тѣмъ временемъ испуганный молодой человекъ отправился къ врачу, который успокоилъ его и въ то же время поразилъ, ибо посоветовалъ немедленно подчиниться желанію „больной“, для которой розга явится наилучшимъ цѣлительнымъ средствомъ. Примѣнять ее онъ приказалъ исключительно на туловищѣ, гдѣ никакого вреда отъ экзекуціи оказаться не можетъ. Супругъ подчинился доставшейся на его долю судьбѣ и рѣшилъ испытать одобренное врачомъ средство. Въ одинъ изъ ближайшихъ дней, когда невозможное расположение духа жены перенеслось и на него, онъ схватилъ розгу и съ такой яростью набросился на молодую женщину, что съ того дня она никогда въ жизни болѣе о ней и вспоминать не хотѣла.

Нѣсколько словъ о томъ, что, собственно говоря, должно было относиться къ главѣ „о тѣлесныхъ наказаніяхъ“. Прежде всего о сѣченіи проститутокъ. Обычай этотъ съ давнихъ временъ существуетъ во всѣхъ странахъ и въ одинаковой мѣрѣ распространенъ какъ среди язычниковъ, такъ и среди христіанъ. Наблюдался онъ постоянно даже и среди вовсе нецивилизованныхъ народовъ. Тѣ варварскія племена, которыя смотрѣли на женщину, какъ на предметъ домашняго обихода, само собой разумѣется, не имѣли понятія о томъ, что мы называемъ проституціей, и не налагали, слѣдовательно, на принадлежавшихъ нѣсколькимъ мужчинамъ женщинъ никакихъ наказаній. Въ то же время другіе народы, имѣвшіе о морали очень смутное представленіе, довольно жестоко наказывали тѣмъ не менѣе замѣченныхъ въ развратномъ поведеніи

женщинъ. У древнихъ римлянъ *Iepocinium*, т. е. отдача рабынь на цѣли проституціи, каралась во времена Θεодосія и Валентиніана розгами, изгнаніемъ и прочими тяжелыми наказаніями. Въ дальнѣйшія времена вопросъ этотъ регулировался исключительно общественнымъ мнѣніемъ.

Англо-саксы нашего отечества гордились тѣми строгими законами, которые относились къ нарушенію брачныхъ обязанностей, хотя намъ неизвѣстны случаи, когда съченіе примѣнялось бы въ качествѣ средства для охраненія проституціи. За первую измѣну мужу виновная подвергалась наказанію со стороны своихъ товарокъ, которыя цѣлой толпой водили ее изъ деревни въ деревню, подвергая по дорогѣ жестокой поркѣ розгами. Иной разъ дѣло доходило до того, что съ развратницы срывали одежды и въ обнаженные плечи вкалывали острые ножи.

У языческихъ народовъ мораль вообще находится на такой низкой ступени, что проституированіе не вызываетъ у нихъ ни чувства стыда, ни наказанія за развратное поведеніе. Впрочемъ, бываютъ также и исключенія. Такъ, на примѣръ, у туземцевъ Новой Зеландіи брачныя измѣны наказываются очень жестоко. Одна дѣвушка изъ племени Карарванга, уличенная въ развратномъ поведеніи, была повѣшена за ноги и въ такомъ положеніи жестоко высѣчена въ присутствіи всѣхъ жителей поселка.

Если мы коснемся такъ называемыхъ полудивилизованныхъ народовъ, то въ жизнеописаніяхъ ихъ встрѣтимся съ фактами, которые говорятъ за то, что съченіе является у нихъ излюбленной методой въ примѣненіи къ женскому полу. Въ Персіи полигамія разрѣшена закономъ, причемъ гаремъ шаха отличается обиліемъ содержимыхъ въ немъ женщинъ. За порядкомъ наблюдаютъ евнухи и съ особой страстностью бьютъ провинившихся рабынь туфлями по губамъ, если онѣ только подають малѣйшій поводъ къ наказанію. Если дѣвица отказывается отъ жениха, котораго рекомендуютъ ей ея родители, то ее отводятъ въ отцовскій гаремъ и наказываютъ тамъ тѣлесно до тѣхъ поръ, пока она перестаетъ сопротивляться волѣ родителей и даетъ свое согласіе на бракъ съ нелюбимымъ ей человѣкомъ. Въ Китаѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ странахъ бамбуковая палка находится по отношенію къ женщинамъ въ постоянномъ употребленіи.

И до сихъ поръ въ Швеціи за отступленіе отъ брачныхъ обязанностей полагается тѣлесное наказаніе. Мужчина получаетъ 120 ударовъ палкой, женщина — 90 ударовъ плетью. Наказанія эти проводятся въ Стокгольмѣ въ исполненіе на одной изъ городскихъ площадей. Грудь и животъ у наказуемыхъ женщинъ защищаются во время экзекуціи особымъ родомъ панцыря изъ мѣди. По древнимъ германскимъ законамъ, каждая проститутка изъ свободныхъ (не крѣпостная) наказывалась въ первый разъ 300 ударами; рецидивистокъ лишали свободы, отдавали въ полное распоряженіе какому нибудь нищему и изгоняли изъ всѣхъ городовъ государства. Родители, потворствующіе развратнымъ дѣтямъ своимъ или смотрящіе на ихъ пороки сквозь пальцы, также наказывались плетью или розгами. Если преступница оказывалась крѣпостной, то ее сѣкли.

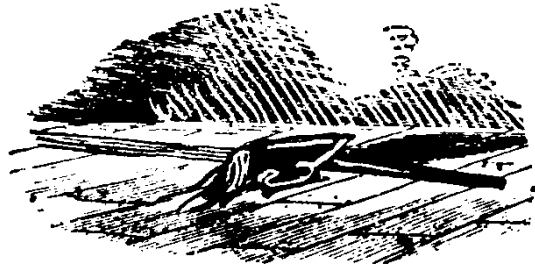
Въ томъ же случаѣ, когда хозяинъ ея являлся соучастникомъ совершеннаго ею проступка,— ея отбирали отъ него и все-таки наказывали тѣлесно. Проститутки, разгуливавшія въ городахъ по улицамъ и въ селахъ, забирались въ тюрьму. Во Франціи еще до 1756 года существовалъ съ давнихъ поръ обычай, въ силу котораго всѣхъ сводницъ наказывали тѣмъ, что сажали на осла лицомъ кзади, надѣвали на голову соломенную шляпу и прикрѣпляли на спину надпись „сводница“. Въ такомъ видѣ виновную провозили по всѣмъ улицамъ города и затѣмъ подвергали жестокой экзекуціи.

Въ силу одного эдикта Карла Великаго, всѣ мужчины, уличенные въ томъ, что скрываютъ у себя проститутку, должны были принудительнымъ образомъ относить развратныхъ женщинъ на своихъ плечахъ на ту площадь, на которой происходила экзекуція преступныхъ женщинъ. Въ случаѣ нежеланія повиноваться этому закону, виновные подвергались, въ свою очередь, наказанію плетью.

Особенной строгостью отличались неаполитанскіе законы. Каждая женщина, занимавшаяся проституціей, какъ промысломъ, подвергалась клейменію лба раскаленнымъ желѣзомъ, позорному сѣченію розгами и, вдобавокъ, изгнанію. По закону, изданному королемъ Альфонсомъ IX Кастильскимъ, царствовавшимъ во второй половинѣ двѣнадцатаго столѣтія, всѣ дѣвушки, замѣченныя въ неблаговидномъ поведеніи, подвергались публичному тѣлесному наказанію и конфискаціи того платья, которое было на нихъ въ моментъ ареста. Уличенные въ развратничаньи мужчины наказывались въ первый разъ розгами, во второй высылались изъ города, а въ третій отправлялись на галеры. Впослѣдствіи эти законы стали еще болѣе строгими, и провинившіеся въ первый разъ сразу ссылались на десять лѣтъ на галеры закованными въ кандалы, а во второй разъ наказывались двумястами ударовъ плетью и пожизненнымъ пребываніемъ на галерахъ.

Одного смотрителя смирительнаго дома въ Англіи должны были разсчитать за то, что онъ слишкомъ усердно и совершенно непозволительнымъ образомъ наказывалъ тѣлесно ввѣренныхъ его надзору заключенныхъ женскаго пола. Въ 1841 году объ его жестокостяхъ было доложено магистратурѣ города Рочестера въ Кентъ. Въ жалобѣ этой говорилось, что Джемсъ Милесъ, смотритель смирительнаго дома, наказывалъ дѣтей, и особенно дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 12 до 14 лѣтъ, слишкомъ большими пучками розогъ. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, во время которыхъ передъ членами магистратуры продефилировали слишкомъ краснорѣчивыя доказательства виновности Джемса Милеса, рѣшено было предать послѣдняго суду присяжныхъ засѣдателей. Въ письмѣ одного изъ членовъ магистратуры имѣется слѣдующее мѣсто:

„Въ слѣдствіи по дѣлу имѣется одинъ пунктъ, который рѣшительнымъ образомъ наводитъ на размышленіе о томъ, что вообще лицамъ мужскаго пола должно быть воспрещено наказаніе не только взрослыхъ женщинъ, но даже малолѣтнихъ дѣвочекъ“.

Розги и шапка въ Винчестерской гимназии.

„Дяволы часто издѣваются и сѣкутъ людей“. — Абатъ Буало.

Секта флагеллянтовъ.
Различные инструменты самобичеванія

Для врачей, студентовъ и юристовъ

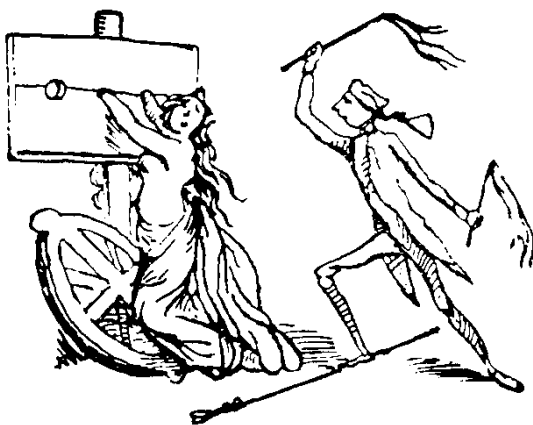
Д-ръ В. КУПЕРЪ.

ИСТОРИЯ РОЗГИ

ВО ВСѢХЪ СТРАНАХЪ, СЪ ДРЕВНѢЙШ. ВРЕМЕНЪ И ДО НАШИХЪ ДНЕЙ

ФЛАГЕЛЛЯЦІА И ФЛАГЕЛЛЯНТЫ

Полный переводъ съ англійск. со мног. дополн. д-ра мед. А. 3 — го

СЪ РАЗРѢШЕНІЯ АВТОРА — СЪ РУКОПИСИ.
СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Т. II

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгоиздательство Н. С. Аскарханова
6, Троицкая ул., 6.

ГЛАВА I

Тѣлесныя наказанія у римлянъ

Въ первобытныя времена человекъ въ глубинѣ лѣсовъ былъ одинаково свирѣпъ въ припадкѣ гнѣва, какъ и разнузданъ при удовлетвореніи своего сладострастія; законодатель сумасбродный, судья пристрастный, тюремщикъ строгій и палачъ жестокой, онъ командовалъ своими слугами, женами и дѣтьми какъ стадомъ животныхъ. Самымъ обычнымъ наказаніемъ, къ которому прибѣгаль господинъ, было тѣлесное наказаніе, оно же являлось самымъ дѣйствительнымъ средствомъ заставить себя повиноваться.

Позже, когда главы нѣсколькихъ клановъ соединились и образовали государство — монархію или республику, могущество его поддерживалось только полнымъ развитіемъ самодержавной власти, институтомъ рабства, и домашняя тиранія являлась для государства образцомъ.

Въ тѣ отдаленныя времена главнымъ принципомъ было положеніе, что господинъ не можетъ быть несправедливъ къ своему рабу, такъ какъ всѣ были убѣждены, что люди рождаются рабами.

Такимъ образомъ повсюду законы закрѣпили институтъ рабства и, естественно, что наказанія, предназначенныя для рабовъ, стали назначаться и свободнымъ гражданамъ даже за самые маловажные проступки. Тѣлеснымъ наказаніямъ, болѣе или менѣе жестокимъ, начинаютъ подвергать всѣхъ гражданъ, но самыя жестокия изъ наказаній были предназначены для презрѣнныхъ рабовъ.

Самымъ древнимъ свѣдѣніемъ объ этихъ наказаніяхъ, дошедшимъ до насъ, является разсказъ Гомера объ осадѣ Трои, когда Терситъ позволилъ себѣ оскорбить словами главнокомандующаго, за что и былъ собственноручно наказанъ Улисомъ. — „Немедленно своимъ жезломъ, онъ наноситъ удары по обнаженнымъ плечамъ и спинѣ Терсита. Терситъ согнулся подъ ударами золотого жезла и горько плачетъ; на его спинѣ появляются кровяные рубцы. Онъ дрожитъ, садится, испытывая боль и ужасъ; онъ бросаетъ, вытирая слезы, по сторонамъ взгляды, которыя никого не трогаютъ, а только вызываютъ смѣхъ среди грековъ“.

Въ первобытныя времена рабовъ, подъ угрозой тѣлесныхъ наказаній, заставляли исполнять тяжелыя работы. Во вновь сформировавшихся государствахъ освобожденные рабы и даже отъ рожденія свободные люди, но бѣдные, обязаны были исполнять эти работы.

Въ колоніяхъ, до освобожденія негровъ, а въ Россіи, до освобожденія крѣпостныхъ, заставляли работать подъ ударами плетей или розогъ. Въ тѣ времена и солдатъ и моряковъ, при обученіи, постоянно подвергали наказанію палками, плетью или розгами. Повсюду тогда господинъ, по своему произволу, подвергалъ своихъ рабовъ или подчиненныхъ всевозможнымъ истязаніямъ изъ мести или чтобы заставить платить себѣ оброкъ.

Законы, а въ послѣдствіи гнусныя правила Инквизиціи дозволяли каждому обвиняемаго подвергать наказанію плетью и другимъ истязаніямъ, чтобы вырвать у него сознаніе въ своей винѣ, послѣ чего только и можно было подвергнуть его смертной казни.

Итакъ, тѣлесныя наказанія, болѣе или менѣе жестокія, самыя страшныя пытки назначались свободнымъ людямъ, а несостоятельныя должники отдавались въ рабское состояніе, когда ихъ могли подвергать самымъ ужаснымъ тѣлеснымъ наказаніямъ.

На одной скалѣ въ Египтѣ нашли выгравированное изображеніе, подтверждающее, что тѣлесное наказаніе существовало въ тѣ отдаленныя времена. На немъ изображенъ распростертый на землѣ обнаженный человѣкъ, котораго одинъ держитъ за ноги, другой за руки, а третій наказываетъ палкой.

Въ Фивахъ былъ найденъ подобный же рисунокъ, только наказываемый стоитъ на колѣнахъ, съ согнутой спиной.

У евреевъ Моисей сохранилъ наказаніе плетью въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Ни царь, ни главный священникъ, никто изъ Левитовъ не могъ приказать самолично наказывать когонибудь плетью, а подобное наказаніе назначалось только собраніемъ судей, вродѣ нашихъ присяжныхъ засѣдателей. Кромѣ того было запрещено давать болѣе сорока ударовъ, „изъ боязни, говорить законъ, причинить слишкомъ сильную боль, и чтобы твой ближній не подвергся недостойному обращенію на твоихъ глазахъ“. Законъ требовалъ, чтобы число ударовъ назначалось въ зависимости отъ важности проступка.

Тѣлеснымъ наказаніямъ подвергались рѣшительно всѣ, начиная отъ самыхъ низшихъ и до самыхъ высшихъ лицъ.

Мы уже говорили въ 1-мъ томѣ, что у Индусовъ законъ Ману повелѣвалъ наказывать воровъ деревянными палками или желѣзными прутьями и каждый Индусъ могъ наказывать плетью или бамбуковыми прутьями свою жену, своихъ сыновей, своихъ слугъ или служанокъ, своихъ учениковъ и своего младшаго брата.

Плутархъ говорилъ, что въ Персіи подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ за проступки самыя высокопоставленныя лица.

Артаксерсъ былъ первый изъ царей, который повелѣлъ для наказанія такихъ лицъ подвергать сѣченію только ихъ одежду. Въ послѣдствіи подобная привилегія была отмѣнена, и высокопоставленныя лица не только подвергались одинаково со всѣми тѣлеснымъ наказаніямъ, но обязаны были послѣ него идти лично благодарить царя за то, что онъ удостоилъ вспомнить о нихъ.

Изъ Персіи, Сиріи и Индустана тѣлесныя наказанія распространились въ Африкѣ, странѣ рабства, во всей Азіи и Европѣ.

Орды фанатическихъ браминовъ и авантюристовъ изъ Сиріи и Египта перенесли ихъ въ Македонію и Грецію — страны свободныя. Изъ этихъ странъ, вмѣстѣ съ рабствомъ негровъ, наказаніе плетью перешло въ Америку.

Мусульмане приняли отъ евреевъ тѣлесное наказаніе, но только гибкой тростью для лицъ свободнаго состоянія, а для рабовъ и евнуховъ была сохранена плеть. Эти наказанія обыкновенно производились въ сераляхъ. Наказаніе палкой изъ гибкаго дерева производилось чаще всего по пяткамъ.

Въ XV-мъ вѣкѣ въ Меккѣ подвергали тѣлесному наказанію тѣхъ, кто продавалъ или пилъ кофе, но вскорѣ, впрочемъ, замѣтили, что кофе напитокъ божественный и дозволили его.

Въ азіатской Турціи есть секта такъ называемыхъ вертящихся Дервишей, которыя являются страшными любителями активной и пассивной флагелляціи вслѣдствіе религіознаго фанатизма. Эта оригинальная секта существуетъ до сихъ поръ. Послѣдователи ея подвергаютъ свое тѣло страшнымъ истязаніямъ.

Въ Россіи, главнымъ образомъ на Кавказѣ, существуютъ многочисленныя секты хлыстовъ. Подобно турецкимъ Дервишамъ, хлысты истязаютъ свое тѣло ременными плетками, въ концы хвостовъ которыхъ вплетены гвозди. Приведя себя въ сильное возбужденіе отчаянной пляской, хлысты начинаютъ себя хлестать по обнаженному тѣлу. Обыкновенно Дервиши наносятъ себѣ удары собственноручно. Въ Россіи же идутъ еще дальше и когда сектантъ не въ состояніи уже отъ утомленія наносить себѣ удары, то онъ находитъ сострадательныхъ лицъ, которыя продолжаютъ хлестать его до тѣхъ поръ, пока онъ не потеряетъ сознаніе. Если въ Турціи въ эти секты женщинъ не принимаютъ, то на Кавказѣ, наоборотъ, женщины охотно принимаются, и онѣ-то, главнымъ образомъ, являются самыми горячими поклонницами флагелляціи. Собранія происходятъ въ уединенныхъ мѣстахъ, въ глухихъ лѣсахъ или въ уединенныхъ домахъ, куда постороннимъ лицамъ трудно проникнуть и помѣшать сектанту достигнуть прямыхъ путемъ рая при помощи истязанія своего тѣла, истязанія нерѣдко столь сильнаго, что послѣдствіемъ его является смерть.

Послѣдователи Магомета, какъ мы уже сказали выше, подвергаютъ свободныхъ лицъ палочнымъ ударамъ, а рабовъ и евнуховъ наказываютъ плетью. Женщины очень часто подвергаются тѣлеснымъ наказаніямъ палками, плетью или розгами. Наказываютъ ихъ всегда въ сералѣ и при помощи евнуховъ.

Въ Африкѣ повсюду тѣлесныя наказанія и самыя жестокія въ большомъ ходу.

Св. Августинъ говорилъ, что, по словамъ Цицерона, децемвиры установили, что виновный въ оскорбленіи кого-нибудь въ публичномъ сочиненіи наказывался розгами до смерти. Этотъ законъ вскорѣ былъ измѣненъ и римскіе граждане, которые согла-

шались подвергнуться изгнанію, избавлялись отъ тѣлеснаго наказанія.

Юстиніанъ подвергалъ духовныхъ лицъ тѣлеснымъ наказаніямъ.

Римскіе солдаты, какъ сухопутные, такъ и флотскіе, подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ. Полипъ утверждаетъ, что наказываемые часто умирали подъ ударами. Тацитъ и другіе авторы говорятъ, что этотъ родъ смертной казни былъ причиной многихъ военныхъ бунтовъ и паденія дисциплины, что благопріятствовало нашествію варваровъ.

У римлянъ число ударовъ не было закономъ ограничено и вполне зависѣло отъ усмотрѣнія судьи.

Обычай требовалъ, чтобы всякій рабъ или зачисленный въ рабское состояніе даже за самый пустой проступокъ присуждался къ тѣлесному наказанію.

Послѣ паденія римской Имперіи, варвары, которые раздѣлили ее между собою, продолжали также примѣнять тѣлесныя наказанія, но они подвергали имъ только рабовъ или колоновъ (вродѣ рабовъ). Толщина палки или розги была опредѣлена особымъ закономъ. Наказаніе производилось по обнаженному тѣлу. Число ударовъ должно было быть дано не меньше шестидесяти и не болѣе двухсотъ, а иногда трехсотъ. Столь большое число ударовъ позволяетъ предположить, что у варваровъ палачи били съ меньшей силой, чѣмъ у римлянъ; впрочемъ, Григорій Турскій сообщаетъ, что наказываемые иногда умирали подъ ударами палокъ.

Изученіе римскаго права, сдѣлавшееся всеобщимъ, привело къ тому, что въ феодальной Европѣ стали примѣняться тѣлесныя наказанія.

И гражданскіе, и духовные судьи стали по произволу подвергать свободныхъ людей наказанію розгами публичному или въ тюрьмахъ.

ГЛАВА II

Тѣлесныя наказанія у Римлянъ

(Продолженіе)

У римскаго писателя Светонія мы находимъ довольно подробное описаніе практиковавшихся въ его время тѣлесныхъ наказаній рабынь въ домахъ патриціевъ. Изъ этого разсказа, который мы переводимъ полностью, читатель увидитъ, съ какой утонченной жестокостью производились подобныя наказанія, часто изъ мести или для развлеченія надъ совершенно невинными рабынями.

„Не разрѣшишь ли, господинъ, своему вѣрному вольноотпущеннику предложить тебѣ развлеченіе, которое разсѣетъ тебя на нѣсколько минутъ?“

— Говори, Фаосъ, но да поразить тебя громъ небесный, если твои слова окажутся пустой болтовней! Я внѣ себя отъ бѣшенства и злобы.

— Съ моимъ благороднымъ патрономъ поступили дѣйствительно недостойнымъ образомъ. Фамилія Метеліусъ одна изъ тѣхъ, которую всѣ должны уважать.

— Эти негодяйки не только грубо отвергали мое брачное предложеніе, но еще объ, и мать и дочь, распространяютъ про меня и мою семью самыя позорныя вещи. Ты, такъ же, какъ и я, слышалъ эти сплетни?

— Потому-то я и возмущенъ такъ, что я вполне искренно преданъ своему господину и глубоко чту фамилію, которую онъ носить.

— Ты вѣрный слуга и освобожденіе не превратило тебя въ неблагодарнаго. Молю весь Олимпъ, да постигнетъ несчастье этихъ женщинъ съ такимъ ядовитымъ языкомъ! Не стоитъ и думать о нихъ!

— Укроти свой гнѣвъ и успокой свои раздраженные нервы, господинъ! Не хочешь ли наказать сегодня плетью одну изъ своихъ рабынь?

— Ты полагаешь, что это развлечетъ меня немного?

— Я почти въ этомъ увѣренъ. У тебя есть потребность сорвать на комъ нибудь свой справедливый гнѣвъ. Крики наказываемой женщины явятся для тебя успокоительнымъ бальзамомъ. Къ тому же ты постоянно наслаждаешься, когда при тебѣ съкутъ женщину.

— Ты тоже, Фаосъ, любишь это зрѣлище, почему и побуждаешь меня слишкомъ часто подвергать женщинъ такому наказанію. Вотъ, чортъ возьми, было бы страшно пріятно выпороть моихъ болтушекъ! Я бы уже приказалъ пороть безъ пощады!

— Ты можешь вообразить, что наказываешь одну изъ нихъ. Ничто такъ не похоже одинъ на другой, какъ крупъ наказываемой розгами женщины. Разрѣши мнѣ привести сюда одну изъ твоихъ рабынь.

— Ну, ступай и живо приведи сюда женщину съ широкимъ крупомъ, да принеси хорошихъ розогъ,— я ее буду самъ сѣчь. Ты правъ, крики наказываемой женщины немного успокоятъ меня.

— Господинъ останется доволенъ своимъ вѣрнымъ слугой“.

Оставшись одинъ, Кай Метеліусъ продолжалъ быстро шагать по комнатѣ, не будучи въ силахъ сдержать душившаго его гнѣва.

Римлянину было около тридцати лѣтъ. Родители его умерли и оставили ему очень большое состояніе вмѣстѣ съ древнимъ патриціанскимъ именемъ. Онъ былъ высокаго роста, сильнаго и хорошаго сложенія. По бронзовому цвѣту его лица можно было

сразу видѣть, что онъ служилъ въ арміи. Дѣйствительно, Метеліусъ, совсѣмъ еще юный, участвовалъ въ разрушеніи Карфагена, а недавно онъ состоялъ при генералѣ Сципіонѣ и участвовалъ вмѣстѣ съ его отрядомъ въ тяжелой и продолжительной осадѣ испанскаго укрѣпленнаго города Нуманціи. Изъ этихъ походовъ онъ вынесъ не только почетное оружіе, но душу пылкую и привычку повелѣвать.

Молодой патриціи, по смерти своего отца, бросилъ военную службу и рѣшилъ посвятить себя общественной службѣ. Фамилія Метеліуса была извѣстна всему Форуму и въ своей средѣ насчитывала не мало консуловъ. Но Кай былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы занять какую-нибудь высшую должность въ Республикѣ и ему пока не оставалось ничего другого, какъ только поддерживать свою репутацію. Уже нѣсколько мѣсяцевъ онъ старался создать себѣ семейный очагъ и обезпечить въ будущемъ поклоненіе своимъ семейнымъ богамъ — ларамъ. Понятно, что у него не было недостатка въ наложницахъ; ему не трудно было также найти среди своихъ молодыхъ рабынь готовую исполнять всѣ его прихоти... Но она не была бы законная супруга, которая могла бы дать ему потомство и быть въ то же время не слишкомъ ревнивой къ его женской прислугѣ.

До сихъ поръ всѣ матримоніальныя предпріятія Метеліуса оканчивались неудачей. Всѣ знали, что онъ богатъ, но несноснаго характера. Лагерная жизнь еще болѣе ухудшила его властный и мстительный характеръ, и многіе главы семействъ отклонили честь породниться съ нимъ. Про него рассказывали, что молодой человѣкъ былъ грубъ въ обращеніи съ женщинами; и, хотя молодая римская дѣвушка не имѣла почти никакого вліянія на своихъ родителей въ рѣшеніи выдать или не выдать ее замужъ, тѣмъ не менѣе всѣ онѣ до сихъ поръ проявили мало желанія войти въ его домъ. Метеліусъ, хотя въ общемъ и не отличался отъ другихъ особенной жестокостью, славился, однако, тѣмъ, что относился съ какимъ-то особеннымъ презрѣніемъ и беспощадной строгостью къ прекрасному полу. До сихъ поръ онъ пользовался только ласками своихъ напуганныхъ покорныхъ рабынь, а потому смотрѣлъ на женщину, какъ на существо низшее, которое обязано повиноваться и которое за непослушаніе наказываютъ.

Метеліусъ былъ господинъ строгій къ своимъ рабамъ, и, хотя въ то время никто не проявлялъ особеннаго участія къ рабамъ, многіе все-таки находили, что жизнь прислуги молодого патриція не была завидной. Послѣ возвращенія изъ похода въ Испанію, гдѣ онъ принялъ участіе въ беспощадномъ истребленіи жителей непріятельскихъ городовъ и деревень, римлянинъ усилилъ еще болѣе жестокость наказаній для своей прислуги и безъ всякой жалости пользовался предоставленной ему закономъ абсолютной властью надъ своими рабами.

Это роковымъ образомъ должно было превратить Метеліуса въ горячаго поклонника тѣлеснаго наказанія женщинъ. Тутъ соединялась его природная суровость съ презрѣніемъ къ женщинѣ,

чему еще болѣе способствовали прежніе походы. Легіонеръ часто подвергался палочнымъ ударамъ по приказанію центуріона, и вотъ онъ, въ свою очередь, подвергалъ непріятельскихъ жителей жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ, вымещая на нихъ свою злобу. Нерѣдко молодой человѣкъ видѣлъ, какъ привязанныхъ къ позорному столбу испанскихъ женщинъ наказывали плетью, или какъ солдаты, ради забавы, хватали совсѣмъ молоденькихъ дѣвушекъ, клали ихъ себѣ на колѣна и, обнаживъ, сѣкли розгами до крови. Метеліусъ и самъ принималъ участіе въ подобныхъ развлеченіяхъ, а потому, возвратясь въ Римъ, онъ продолжалъ подвергать рабынь тѣлеснымъ наказаніямъ для того, чтобы вызвать пріятное щекотаніе своихъ чувствъ. Его вольноотпущенники, въ особенности Фаосъ, всячески старались развить эту позорную страсть. Чтобы развлечь его и расположить къ себѣ, они за самый ничтожный проступокъ, а часто и ни въ чемъ неповинныхъ служанокъ приказывали подвергать продолжительному сѣченію.

Итакъ, рабыни Метеліуса подвергались въ самой широкой степени тѣлеснымъ наказаніямъ и не могли ждать отъ него никакой пощады. Женщины наказывались плетью или розгами подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ, а часто, какъ мы увидимъ ниже, ради просто одного развлеченія. Наказаній послѣдняго рода рабыни особенно боялись, такъ какъ тогда римлянинъ не стѣснялся проявлять безъ всякаго удержу свою страсть къ флагелляціи, подвергая несчастныхъ своихъ жертвъ страшнымъ истязаніямъ. Наказываемыя дѣвушки могли кричать что есть мочи, отчаянно извиваться отъ боли, тѣмъ не менѣе наказаніе продолжалось безъ всякой пощады. Единственнымъ предѣломъ для строгости наказанія являлась забота, чтобы кожа наказываемой не была повреждена такъ, чтобы слѣды розогъ или плети не могли исчезнуть послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго срока. Но до этого предѣла женщины могли подвергаться продолжительнымъ и мучительнымъ истязаніямъ. Метеліусъ выбиралъ самыхъ опытныхъ исполнителей, которые, наказывая розгами или плетью, умѣли причинять возможно большую боль, не нанося кожѣ неизгладимыхъ поврежденій и самъ онъ достигъ въ этомъ жестокомъ искусствѣ высокой степени совершенства. Ему не доставляло особеннаго удовольствія видѣть, какъ у наказываемой дѣвушки течетъ кровь, онъ старался достигнуть той особенно сильной боли, которую вызываютъ удары плетью по нѣжной женской кожѣ. Онъ любилъ наблюдать, какъ тонкая кожа краснѣла, мало по малу, подъ ударами плети, нервы возбуждались, что выражалось въ конвульсивныхъ подпрыгиваніяхъ тѣла. То онъ приказывалъ наказывать молодыхъ дѣвушекъ, чтобы насладиться ихъ ужасомъ и видомъ ихъ нѣжной кожи; то, наоборотъ, приказывалъ сѣчь взрослыхъ женщинъ, чтобы полюбоваться законченностью ихъ формъ, а также большей выносливостью. Само собою разумѣется, наказанія всегда производились по обнаженному тѣлу; причемъ не обращалось равно ни какого вниманія на вполне законную стыдливость, которую могли сохранить даже рабыни.

Именно одна изъ подобныхъ сценъ была главной причиною крушенія его послѣдняго матримоніальнаго проекта. Чтобы сломить сопротивленіе только что купленной имъ дѣвственницы рабыни, онъ велѣлъ ее высѣчь при себѣ двумъ рабамъ варварамъ, но и послѣ наказанія дѣвушка продолжала все-таки сопротивляться и даже слегка оцарапала его ногтями. Это привело Метеліуса въ такое бѣшенство, что онъ тутъ же велѣлъ дѣвушку сѣчь веревками до потери сознанія. Конечно, тутъ не было ничего особеннаго, онъ только воспользовался своимъ правомъ собственника женскаго тѣла. Но объ этомъ случаѣ стали рассказывать болтуны рабы, значительно, какъ всегда, преувеличивъ; о немъ узнали въ семьѣ, гдѣ Метеліусъ сдѣлалъ предложеніе и ему отказали.

Метеліусъ въ самое послѣднее время воспылалъ сильной любовью къ прелестной Цесиліи — падчерицѣ своего двоюроднаго брата проконсула Лицинія Курзо. Этотъ чиновникъ недавно вернулся въ Римъ послѣ довольно продолжительнаго пребыванія въ одной изъ провинцій Малой Азіи. Поехалъ онъ туда бѣднымъ холостякомъ, а вернулся богатымъ и женатымъ на вдовѣ одного римскаго гражданина, покинутой тамъ вмѣстѣ съ своей единственной дочерью. Впрочемъ подобный бракъ былъ вполне понятенъ, такъ какъ жена проконсула, Юлія Помпонія, была тридцати шести или тридцати семи лѣтъ и въ полномъ разцвѣтѣ своей замѣчательной красоты. Что же касается до ея дочери — Цесиліи, то она отличалась чистотой своихъ формъ и очаровательнымъ личикомъ.

По возвращеніи въ Римъ, проконсулъ искалъ общества своего стараго родственника, чтобы, при помощи его связей, проникнуть въ самыя аристократическія семьи. Метеліусъ скоро воспылалъ страстью къ молодой дѣвушкѣ и черезъ нѣсколько дней сдѣлалъ предложеніе. Лициній, понятно, ничего не имѣлъ противъ этого брака, но мать и дочь наотрѣзъ отказались принять предложеніе. Дѣло въ томъ, что Метеліусъ нѣкоторыми своими сарказмами надъ манерами и неумѣніемъ держать себя въ обществѣ сильно задѣлъ самолюбіе Юліи Помпоніи. Цесиліи тоже не нравилась грубость обращенія, его частые припадки гнѣва и отсутствіе той утонченной вѣжливости, съ которой она познакомилась на Востокѣ.

Такъ какъ объ женщины имѣли громадное вліяніе на проконсула, уже въ годахъ и истощеннаго отъ всевозможныхъ излишествъ, то Метеліусъ вскорѣ встрѣтилъ и съ его стороны пассивное сопротивленіе своимъ матримоніальнымъ планамъ, что его страшно раздражало.

Лициній сильно его любилъ, но находился подъ очень большимъ вліяніемъ своей жены и падчерицы, чтобы быть въ состояніи настоять на своемъ желаніи. Случай же съ наказаніемъ рабыни убѣдилъ его окончательно въ жестокости характера своего будущаго зятя, и онъ, хотя и съ сожалѣніемъ, рѣшительно отказалъ ему въ рукѣ своей падчерицы. Чтобы закрѣпить окончательно

за собой побѣду и навсегда удалить непріятнаго претендента, Юлія и Цесилія каждый день рассказывали про Метеліуса самыя непріятныя вещи, выставляя его кровожаднымъ развратникомъ.

Эти сплетни еще болѣе взбѣсили римлянина и безъ того раздраженнаго крушеніемъ сладострастныхъ вождѣленій, которая возбудила въ немъ рѣдкая красота Цесиліи. Кромѣ того онъ, не безъ основанія, видѣлъ, что ими могутъ воспользоваться его политическіе враги, а плебеи отказаться голосовать за него. И тогда всѣ его честолюбивыя мечты разсѣются, какъ дымъ, также какъ матримоніальные планы. Онъ рисовалъ въ своемъ воображеніи, какъ онъ останется старымъ холостякомъ безъ всякихъ почестей. Какъ разъ ему только что, случайно, удалось подслушать въ Форумѣ далеко не лестное о себѣ мнѣніе, происхожденіе котораго ему отлично было извѣстно. Вотъ почему онъ вернулся домой страшно раздраженнымъ противъ всѣхъ женщинъ вообще и въ частности особенно противъ тѣхъ, которыя такъ сильно ему вредили.

Перебирая въ своемъ умѣ самыя невозможныя планы мести и съ трудомъ сдерживая свой отъ природы бѣшенный характеръ, Метеліусъ продолжалъ нервными шагами ходить по комнатѣ, довольно скромно мебелированной, когда дверь отворилась и показался Фаосъ съ женщиной, которая должна была разрядить на себѣ его гнѣвъ и удовлетворить его страсть къ флагелляціи.

Рабыня, которая шла за вольноотпущенникомъ, была еще довольно молодая женщина, такъ лѣтъ двадцатипяти, съ смуглымъ лицомъ и очень толстыми губами, свидѣтельствовавшими о ея африканскомъ происхожденіи. Ее звали Гисбэ. Она родилась въ домѣ родителей Метеліуса и съ малолѣтства привыкла къ покорности и непрекословному исполненію всевозможныхъ капризовъ своихъ господъ. Сознвая, что она совершенно беззащитна и находится въ полной ихъ власти, Гисбэ старалась покорностью избѣгать слишкомъ частыхъ тѣлесныхъ наказаній. На ея горе природа одарила очень развитымъ крупомъ и, благодаря этому, господскій гнѣвъ очень часто оставлялъ на немъ чувствительныя слѣды.

Для Гисбэ достаточно было одного бѣглаго взгляда, чтобы сразу опредѣлить степень раздраженія Метеліуса и убѣдиться, что ее ожидаетъ жестокое наказаніе, хотя она ни въ чемъ не провинилась. Она слегка поблѣднѣла; Гисбэ множество разъ подвергалась наказанію розгами, все-таки она страшилась ихъ горячихъ ласкъ. Ея опытность рабыни удержала ее отъ проявленія даже тѣни сопротивленія, когда Фаосъ, положивъ ее грудью на сидѣнье высокаго стула, сталъ привязывать ей руки и ноги. Это была мудрая предосторожность, иначе молодой человѣкъ, конечно, приказалъ бы исполосовать плетью женщину, которая была бы настолько глупа, что позволила бы усилить его нервное возбужденіе еще неумѣстными сопротивленіями. Не произнося ни одного

слова, въ то время какъ Метеліусъ, тоже въ полномъ молчаніи, слѣдилъ за всѣми этими знакомыми ему приготовленіями, Фаосъ поднялъ платье Гисбэ и привязалъ его къ верхней части тѣла, обнаживъ такимъ образомъ совершенно тѣло женщины, у котораго выступали во всей наготѣ два смежныхъ полушарія могущественнаго крупа, покрытаго тонкой, блестящей кожей... Положивъ недалеко нѣсколько пучковъ, принесенныхъ съ собой, длинныхъ, довольно толстыхъ и свѣжихъ березовыхъ розогъ, онъ молча вышелъ изъ комнаты, оставивъ господина наединѣ съ его жертвой.

Женщина лежала неподвижно, слегка только вздрагивая въ ожиданіи неизбежнаго наказанія. Метеліусъ пересталъ шагать и его горѣвшіе недобрымъ огнемъ глаза, не отрываясь, смотрѣли на этотъ обнаженный передъ нимъ женскій крупъ. Юлія Помпонія, думалъ онъ, должна была имѣть подобный же крупъ, и онъ дорого бы заплатилъ, чтобы имѣть его въ своемъ распоряженіи. Цесилія, конечно, обладала менѣе развитымъ крупомъ. Но онъ съ наслажденіемъ бы высѣкъ его. Отъ одной этой мысли все лицо его побагровѣло, и, взявъ въ руки пучокъ розогъ, онъ приблизился къ покорной рабынѣ.

Замѣтивъ, что розги подняты надъ ней, женщина инстинктивно сжала свои обнаженные ягодицы. Спустя секунду послѣдовалъ по нимъ первый сильный ударъ розогъ, вызвавшій у бѣдной Гисбэ глухой стонъ. За первымъ ударомъ безостановочно стали сыпаться слѣдующіе. Гисбэ была очень закаленная въ этомъ отношеніи, но въ этотъ день Метеліусъ сѣкъ женщину безъ всякой пощады. Розги свистали въ воздухъ и съ страшной силой ложились на тѣло женщины. Вскорѣ ягодицы стали покрываться красными рубцами, все болѣе и болѣе расширявшимися. Сначала Гисбэ стонала, затѣмъ вскорѣ она стала кричать, а потомъ молить о прощеніи, хотя она по опыту знала, что самыя трогательныя мольбы не останавливали наказанія. Господинъ, дѣйствительно, продолжалъ наказывать ее, не обращая вниманія на ея крики и жалобы. Какъ и предсказывалъ Фаосъ, по мѣрѣ причиненія страданій невольницѣ, гнѣвъ Метеліуса утихалъ. Стоны, мольбы о пощадѣ и крики наказываемой женщины доставляли ему удовольствіе; онъ даже сталъ улыбаться при видѣ изсѣченнаго розгами крупа молодой женщины. Метеліусъ продолжалъ его сѣчь, но уже болѣе направлялъ удары розогъ нѣсколько ниже крупа женщины, которая отъ страшной боли напрасно сжимала свои ляжки. Въ глазахъ Метеліуса показался яростный огонекъ и онъ, конечно, продолжалъ бы сѣчь несчастную, пока она не потеряла бы сознанія, если бы не отворилась дверь и на порогъ не появился бы Фаосъ.

— Прости, господинъ, сказалъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, твой родственникъ Лициній умеръ и говорятъ, что онъ назначилъ тебя своимъ единственнымъ наследникомъ.

Тѣлесныя наказанія у римлянъ

(Продолженіе)

Метеліус разсѣянно слушалъ монотонное чтеніе писцомъ инвентаря оставленнаго имущества Лицинія. Какъ вѣрно *передалъ ему вольноотпущенникъ, проконсулъ оставилъ все свое наслѣдство* молодому патрицію. Но перечисленіе всѣхъ оставленныхъ ему богатствъ нисколько не трогало, если бы не одно обстоятельство, которое являлось послѣдствіемъ этого наслѣдованія.

По смерти Лицинія, Юлія и ея дочь Цесилія проявили страшную скорбь и въ тоже время безпокойство. Обѣ выразили желаніе немедленно покинуть Римъ, чтобы, — говорили онѣ, — скрыть свое горе въ какой нибудь глухой и отдаленной деревушкѣ. Метеліусъ ничего не имѣлъ противъ подобнаго желанія. Но законныя формальности требовали присутствія вдовы, а также было необходимо посовѣтоваться съ адвокатами. Юлія такъ торопилась исчезнуть, что предлагала даже отказаться отъ своей законной доли наслѣдства. Подобная поспѣшность сильно интриговала молодого человѣка; какъ, вдругъ, въ одинъ прекрасный день, онъ к величайшему своему удивленію, нашель разрѣшеніе этой загадки.

Юлія никогда не была законной женой проконсула; она была просто куплена вмѣстѣ со своей дочерью лѣтъ двѣнадцать тому назадъ въ одномъ изъ городовъ Сициліи. Актъ о покупкѣ ея, вполне ясный и законный, былъ найденъ при разборѣ бумагъ покойнаго и не было никакихъ слѣдовъ позднѣйшаго ихъ освобожденія. Хорошенькая и ловкая рабыня безъ всякаго сомнѣнія сумѣла, мало-по-малу, добиться, чтобы ее выдавали за законную жену; послѣднее было еще потому не особенно трудно, что Лициній отсутствовалъ изъ Рима продолжительное время, а по возвращеніи въ Римъ ни у кого изъ его близкихъ не было основанія подозрѣвать дѣйствительность брака. Такимъ образомъ Юлія вполне свободно могла выдавать себя за матрону и пользоваться всѣми привилегіями непринявшаго ей положенія, рассчитывая, конечно, исчезнуть, какъ только будетъ открыто ея настоящее положеніе. Внезапность смерти проконсула помѣшала привести этотъ планъ, въ исполненіе. Такимъ образомъ, обѣ женщины, по наслѣдству, стали рабынями Метеліуса.

Это открытіе вызвало страшный скандалъ въ Римъ. Матроны, гордя тѣмъ, что состояли въ законномъ бракѣ, не могли простить себѣ, что онѣ принимали, какъ равную, особу, которая была только ловкой служанкой, а патриціанки еще болѣе были возмущены, что открыли двери своихъ домовъ хитрой рабынѣ. Друзья, родственники покойнаго стали умолять Метеліуса, чтобы примѣрно наказалъ мать и дочь и отмстилъ за нанесенное ими

оскорбленіе достоинству римской дамы. Такъ какъ онѣ были рабыни, то ихъ и слѣдовало подвергнуть наказанію, назначенному рабынямъ, т. е., унижительному тѣлесному наказанію.

Метеліусъ вовсе не нуждался въ подобныхъ просьбахъ и поощреніяхъ, чтобы рѣшиться приказать высѣчь розгами обѣихъ женщинъ. Конечно, онѣ раздѣлялъ горделивое мнѣніе своей касты и понималъ, что нужно наказать интриганокъ, обманувшихъ его семью, но прежде всего онѣ хотѣлъ выместить свою личную злобу. Юлія и Цесилія задѣли его самыя святыя чувства, нанесли ущербъ его самымъ дорогимъ интересамъ, распускали про него дурные сплетни, и вотъ теперь обѣ онѣ были въ его полной власти, отъ него зависѣло подвергнуть ихъ любому наказанію. Наконецъ его душа могла вволю насладиться местию безжалостной и долгой, сообразно гению его расы, никогда не дававшей пощады слабымъ и побѣжденнымъ.

Со дня открытія обмана обѣ женщины находились подъ строгимъ надзоромъ и съ ужаснымъ трепетомъ ожидали, чтобы господинъ рѣшил ихъ участь. Но Метеліусъ не торопился и наслаждался тѣмъ, что рисовалъ въ своемъ воображеніи планы самыхъ утонченныхъ наказаній, которымъ онѣ подвергнетъ Юлію и Цесилію.

Неоспоримо, что онѣ велитъ обѣихъ высѣчь плетью, тѣмъ болѣе, что подобное наказаніе доставитъ лично ему большое удовольствіе. Онѣ, какъ мы уже видѣли, вообще любилъ наказывать женщинъ тѣлесно, даже безъ всякаго повода. Во сколько же разъ ему пріятнѣе будетъ видѣть, какъ будутъ сѣчь въ его присутствіи женщинъ, такъ жестоко его оскорбившихъ? Метеліусъ особенно еще наслаждался тѣмъ, что подобное жестокое удовольствіе онѣ будетъ имѣть, когда ему угодно и въ какомъ угодно количествѣ. Лишь бы только исполнители были искусны, а своихъ онѣ набиралъ съ разборомъ, почему у него женщины и даже молодая дѣвушка могли подвергаться наказанію плетью или розгами безконечное число разъ, безъ всякаго вреда для ихъ здоровья или опасности для ихъ жизни. Онѣ припомнилъ, что у его родственника, такого же страстнаго любителя тѣлесныхъ наказаній, какъ и онѣ, была молодая дѣвушка, которая въ теченіе долгихъ лѣтъ, почти ежедневно, а иногда и по нѣсколько разъ въ день наказывалась розгами или плетью, и, не смотря на это, она была вполнѣ здорова и сильна. Вотъ почему патрицій думалъ подвергнуть двухъ новыхъ своихъ рабынь такому же режиму.

Менѣе опытный господинъ, чѣмъ Метеліусъ, приказалъ бы своихъ жертвъ сразу же наказать съ страшной жестокостью и удовлетворилъ бы свою злость. Римлянинъ хотѣлъ, наоборотъ, наслаждаться своею местию возможно долѣе. Ему не нужно было, чтобы при наказаніи кровь лилась ручьемъ... Женщина, наказываемая безъ излишней жестокости, но наказываемая возможно чаще, могла доставить ему болѣе сильное удовольствіе. Прежде всего въ послѣднемъ случаѣ онѣ испытывалъ бы каждый разъ варварское удовольствіе наслаждаться ея позоромъ, кото-

рый ей приходится испытывать при раздѣваніи до нага при немъ. Юлія была еще очень хороша, а Цесилія въ полномъ разцвѣтѣ своей юношеской красоты, и для нихъ самымъ ужаснымъ позоромъ будетъ то, что онѣ будутъ обнажены въ его присутствіи, особенно тяжело это будетъ для Цесиліи, которая никогда не была на положеніи рабыни. Но и мать ея уже привыкла, чтобы съ ней обращались, какъ съ законной супругой. Метеліусъ заранѣе смаковалъ, какъ онѣ будутъ любоваться множествомъ разъ ужасомъ своихъ новыхъ рабынь, ихъ слезами, тѣмъ болѣе, что онѣ оттолкнули его съ презрѣніемъ.

Наказывая ихъ плетью, онѣ могъ причинить самыя сильныя и продолжительныя мученія. Дѣйствительно, чѣмъ чаще женщина подвергается наказанію плетью, тѣмъ болѣе она страдаетъ отъ боли, и скорѣе наказаніе становится для нея, положительно, мученіемъ. Одновременно кожа ея отъ частыхъ наказаній дѣлается способной выносить все большее и большее число ударовъ, такимъ образомъ съ каждымъ разомъ является возможность наказывать ее сильнѣе и продолжительнѣе. Во всяком случаѣ, плеть причиняетъ женщинѣ такія жестокия страданія, что болѣе сильныхъ не могъ желать даже самый свирѣпый господинъ, а въ отношеніи Юліи и Цесиліи плеть была особенно жестокимъ орудіемъ наказанія, ввиду особенной нѣжности ихъ кожи. Для наказанія ихъ Метеліусъ могъ употреблять, начиная отъ березовыхъ розогъ, сравнительнаго дѣтскаго орудія наказанія, и кончая плетью изъ коровьей кожи, причинявшей женщинѣ особенно нестерпимыя страданія. Для начала онѣ рѣшилъ подвергнуть мать и дочь строгому и продолжительному наказанію плетью, а затѣмъ съчѣ ихъ каждый разъ, какъ ему придетъ охота.

Черезъ нѣсколько дней для несчастныхъ женщинъ начался новый режимъ истязанія ихъ. Метеліусъ приказалъ приготовить все необходимое для наказанія и спокойно ждалъ появленія двухъ своихъ жертвъ.

Мать и дочь вошли, ведомыя или, вѣрнѣе, влекомыя двумя черными невольниками, которые должны были подвергнуть женщинъ, истязаніямъ по приказу ихъ господина. Цесилія плакала горячими слезами отъ страха наказанія плетью и особенно отъ предстоящаго позора быть обнаженной. Юлія снаружи пыталась казаться спокойной, хотя внутри испытывала ужасъ быть въ полной зависимости отъ флагелляторскихъ капризовъ Метеліуса. Къ тому же, хотя и рабыня, она, благодаря своей красотѣ, до сихъ поръ умѣла подчинять себѣ своихъ господъ и никогда не была тѣлесно наказана, если не считать трехъ или четырехъ разъ, когда она была наказана розгами отцомъ или матерью совсѣмъ маленькой дѣвочкой. Правда, послѣдній разъ, за излишнее кокетство съ сыномъ хозяина, отецъ престоко высѣкъ ее розгами, но ей было тогда двѣнадцать лѣтъ и она совершенно забыла теперь объ этомъ непріятномъ событіи. Она отлично знала, какія страшныя мученія испытываютъ наказываемыя тѣлесно женщины, такъ какъ сама приказывала нерѣдко наказывать провинившихся

служанокъ, но наказывала ихъ только розгами сама или приказывала съчь женской прислугѣ. Она ни разу не наказывала женщинъ плетьюми, а также не только не поручала наказывать розгами мужчинѣ, а даже держать наказываемую мужчинамъ. Свою же дочь она никогда не съкла. Зная хорошо римлянина, она не сомнѣвалась, что ихъ обѣихъ ожидаетъ страшно жестокое наказаніе плетьюми.

Въ черныхъ глазахъ патриція блеснулъ недобрый огонекъ, когда онъ увидѣлъ молодую дѣвушку всю въ слезахъ, а мать дрожащей отъ страха. Руки его сжались въ кулаки и былъ моментъ, что онъ готовъ былъ броситься на Цесилію и начать ее бить. Испуганная дѣвушка была въ эту минуту какъ то особенно хороша: раскраснѣвшіяся отъ волненія щеки, блестящія отъ слезъ глаза, испуганныя движенія еще болѣе усиливали ея и безъ того дивную красоту. Однако, Метеліусъ сдержалъ себя, онъ не хотѣлъ выдать, что красота дѣвушки произвела на него впечатлѣніе. Какъ самая обыкновенная рабыня, она сдѣлается игрушкой плети палачей. Что касается до Юліи, то она въ глазахъ его была просто опасная интриганка, заслуживающая самага безпощаднаго наказанія плетьюми. Послѣ нѣсколькихъ минутъ полнаго молчанія, Метеліусъ заговорилъ; голосъ его звучалъ жестоко и съ насмѣшкой: „Привѣтъ вамъ, цѣломудренная матрона и непорочная дѣвица, сказалъ онъ. Вы не хотѣли меня имѣть супругомъ. Я тебѣ, Цесилія, представляю мужа, котораго я тебѣ выбралъ“.

Онъ указалъ рукой на одного изъ негровъ,— чернаго колосса съ чисто животнымъ лицомъ, которое ослабилось въ широкую улыбку и показало рядъ бѣлыхъ зубовъ. Молодая дѣвушка бросилась къ матери и спрятала свое лицо на ея груди, отчаянно зарыдавъ.

„Ты, кажется, не особенно влюблена въ него, продолжалъ Метеліусъ, и не расположена быть съ нимъ благосклонной, хотя онъ красивый мужчина. Сейчасъ ты будешь къ нему болѣе любезной, послѣ того, какъ онъ угоститъ твое тѣло плетью“.

Цесилія еще сильнѣе прижалась къ своей матери, которая, рыдая, обняла дочь, какъ бы желая ее защитить.

— Трогательная картина любви дочери,— сказалъ съ насмѣшкой римлянинъ.— Вы отлично подражали манерамъ римскихъ дамъ и, подобно послѣднимъ ты, Юлія, должна научить свою дочь послушанію.

— Ты — господинъ,— отвѣчала женщина, поднявъ высоко голову,— вели бить, если ты безжалостенъ, но не издѣвайся надъ нашимъ несчастьемъ.

— Шутка довольно удачная,— возразилъ, смѣясь, Метеліусъ.— Двѣ рабыни, которыя должны были бы на колѣняхъ умолять меня о прощеніи, начинаютъ мнѣ проповѣдывать мораль. Клянусь Юпитеромъ! Видно, что васъ еще никогда не наказывали.

— Пощади насъ, всемогущій,— прошептала молодая дѣвушка.

— Слушай, Цесилія,— продолжалъ молодой человѣкъ,— ты еще невинна, и я никогда не простилъ бы сеоѣ, что выдалъ тебя замужъ не вполне освѣдомленной. Такъ какъ твоя мать не хочетъ помочь тебѣ своими совѣтами, пусть она научить примѣромъ.

— Что хочешь ты этимъ сказать? — спросила съ испугомъ Юлія.

— Очень просто, моя красавица, сейчасъ я велю моимъ неграмъ сѣчь тебя плетми. Я тебѣ предоставляю выборъ, или приказать Цесиліи безпрекословно слушаться меня или я велю тебя сѣчь при ней, чтобы она наглядно могла убѣдиться въ пользѣ послушанія.

— О, это слишкомъ гнушно,— вскричала въ негодованіи Юлія,— велѣть сѣчь меня мужчинамъ на глазахъ моей дочери! Это ужасно!

— Я теперь ясно вижу, что только одна твоя гордость мѣшаетъ тебѣ оцѣнить всю мою умѣренность. Только одна плеть въ силахъ заставить женщину понимать. Сейчасъ тебя мои рабы познакомятъ съ ея ласками.

Тотчасъ же негры оттащили Цесилію отъ матери. Молодая дѣвушка упала на колѣни и закрыла лицо обѣими руками. Когда Юлія почувствовала, какъ ее схватили негры, то стала отчаянно сопротивляться и кричать.

— Не утомляй напрасно своего голоса,— сказалъ Метеліусъ,— онъ тебѣ сейчасъ понадобится.

— Прикажешь, господинъ, наказывать ее хорошенько? — спросилъ одинъ изъ негровъ.

— Съките ее по крупу посильнѣе, но только, чтобы кожа не была изсѣчена до крови! Пускай она познакомится только съ плетью.

— Будь спокоенъ, господинъ, я только что хорошо смазалъ хвосты плети саломъ, чтобы они лучше хлестали тѣло.

Палачи растягиваютъ и привязываютъ несчастную женщину на деревянной кобылѣ. Теперь она вполне уже беззащитна. Одинъ изъ негровъ поднялъ ея одежду и обнажилъ тѣло до талии. Чувствуя, что ее окружаютъ мужчины, Юлія ребяческимъ жестомъ старается спрятать свое лицо, прижимая его къ кобылѣ, какъ бы стараясь скрыть свой позоръ.

Цесилія продолжаетъ истерически рыдать.

Метеліусъ, тоже подошелъ къ кобылѣ, и, тронувъ рукой крупъ Юліи, сказалъ: „у тебя, дѣйствительно, прекрасный крупъ и славная кожа. Смотри, Цесилія, какъ и тебя сейчасъ будутъ наказывать“.

— Прости насъ, господинъ,— пролепетала Цесилія, упавъ къ ногамъ Метеліуса.

— Клянусь Юпитеромъ, вы обѣ заслуживаете за вашъ обманъ хорошихъ плетей. Начинайте, негры, наказывать и дайте ей понять, что у нея есть теперь господинъ.

Тотчасъ же негры начали истязаніе. Отъ перваго же удара, крупъ несчастной женщины быстро поднимается, чтобы въ ту же

секунду опуститься и отчаянный крикъ, одновременно, вырывается изъ груди. Гибкіе хвосты плети ложатся вдоль всего тѣла женщины, обжигая своими жгучими ласками самыя чувствительныя мѣста. Крики наказываемой становятся рѣзче и продолжительнѣе.

Теперь уже Юлія кричитъ почти безостановочно и, съ каждымъ новымъ ударомъ плети, все сильнѣе и сильнѣе. Благодаря своей тонкой кожѣ, она испытываетъ невыразимыя страданія. Негры наказываютъ спокойно и медленно, ударяя каждый разъ по выбранному заранее мѣсту и, послѣ cadaго удара, на тѣлѣ появляется красная полоса. Плеть обжигаетъ крупъ наказываемой и даже ложится на талію и лянки. Кровавыя полосы все растутъ числомъ и, видимо, сближаются однѣ съ другими. Изъ утонченности жертва не была притянута къ кобылѣ вплотную, почему можетъ биться. Она извивается всѣмъ тѣломъ при каждомъ прикосновеніи ужасной плети. Крупъ подпрыгиваетъ скачками; когда плеть ударяетъ по нему, ягодицы сжимаются, становятся болѣе округленными, потомъ, вдругъ, расплачиваются, какъ будто этимъ движеніемъ наказываемая старается уменьшить свою боль.

Метеліусъ сѣлъ и спокойно смотритъ, какъ вертится женщина и отчаянно кричитъ. Онъ слѣдитъ взглядомъ за движеніемъ мускулистыхъ рукъ негровъ и въ глазахъ его ясно просвѣчиваетъ бѣшеная радость, особенно въ тѣ именно моменты, когда плеть особенно удачно ложится на тѣло и вызываетъ наиболѣе отчаянный крикъ у истязуемой. Крупъ дѣлался уже совсѣмъ краснымъ и послѣ cadaго новаго удара плети рубцы становятся все ярче и ярче.

Негры продолжаютъ сѣчь женщину, не обращая ровно никакого вниманія на ея мольбы и стоны; но боль становится нестерпимой, и несчастная начинаетъ умолять простить своего господина. Ея нѣжные нервы не въ силахъ болѣе переносить прикосновенія плети, ей кажется, какъ будто ея крупъ разрываютъ на части, и истязаніе поражаетъ рѣшительно всѣ ея мускулы. Она молить о пощадѣ въ промежутки между ударами плети. Когда ея крики становятся сильнѣе, а подпрыгиванія быстрѣе, то негры громко смѣются, а патриціи холодно улыбается. Онъ вполне наслаждается униженіемъ и страданіями стонущей подъ ударами плети женщины.

Метеліусъ наклоняется къ Цесилии, продолжающей все еще рыдать у его ногъ:

„Посмотри, говоритъ онъ, что испытываетъ по моему приказу твоя мать и что вскорѣ ожидаетъ и тебя. Полюбуйся результатами наказанія плетью“.

Онъ хватаетъ молодую дѣвушку за руку и грубо ее поднимаетъ. Въ то же время оба негра глазами сговариваются и одновременно даютъ женщинѣ съ обѣихъ сторонъ два особенно жестокихъ удара, отъ которыхъ на крупъ появляются два страніныхъ, багровыхъ рубца.

— Ахъ, Ай, Ай, задыхаясь, кричитъ Юлія, больно, ай, очень больно!..

— Ты видишь, какъ хорошо пробираетъ плеть, она сдѣлаетъ чудеса на твоёмъ молодомъ тѣлѣ, Цесилія!

— Избавь ее, умоляетъ Юлія, я готова лучше умереть подъ ударами плети...

— Ну, а я предпочитаю видѣть, какъ твоя красавица Цесилія будетъ подпрыгивать на кобылѣ подъ ударами плети...

Молодая дѣвушка хочетъ снова закрыть руками свое лицо, чтобы не видѣть ужаснаго истязанія своей матери, но ея господинъ схватываетъ ея руки и заставляетъ смотрѣть до конца, какъ ея мать извивается подъ ударами плетей.

Негры продолжаютъ съчь все съ той же жестокостью...

Наконецъ, Метеліусъ дѣлаетъ знакъ остановиться. Теперь очередь молодой дѣвушки подвергнуться позорному съченію.

„Не вели меня раздѣвать, пожалѣй мою молодость, рыдая, умоляетъ несчастная дѣвушка.

— Раздѣньте ее совсѣмъ и привяжите на кобылѣ. Рабыня должна забыть капризы знатной барышни, произносить съ ироніей Метеліусъ.

— Мама, мама, помоги мнѣ, спаси меня! — кричитъ обезумѣвшая молодая дѣвушка, когда негры стали ее раздѣвать и привязывать на кобылѣ:

— Прикажешь ли, господинъ, наказывать построжее, спрашиваетъ одинъ изъ негровъ, когда совершенно обнаженная дѣвушка была привязана?

— Такъ же, какъ наказывали ее мать, не до крови, но съките такъ, чтобы она задыхалась отъ боли.

Услыхавъ эти слова и чувствуя, что сію секунду ее начнутъ съчь, Цесилія силится какъ бы защитить свой крупъ и ея мускулы отъ этого напрягаются, но ея ляшки крѣпко привязаны, и весь крупъ отлично выдается для наказанія. Ради большей предосторожности негры привязали ее къ кобылѣ еще за талію широкимъ ремнемъ, чтобы крупъ не могъ вовсе вертѣться...

Увидавъ, какъ оба негра, стоявшіе по обѣимъ сторонамъ тѣла, взяли въ руки плети, Цесилія начинаетъ изступленно кричать:

— Не бейте меня, не съките, я буду послушна, совсѣмъ послушна!

— Господинъ, умоляетъ привязанная Юлія, пожалѣй это дитя, плети причиняютъ страшную боль, это нестерпимая пытка.

Оба негра стоятъ съ обѣихъ сторонъ съ поднятыми плетями и ожидаютъ только знака римлянина.

— Я все сдѣлаю, продолжаетъ просить Цесилія, все, что хотите... Ахъ, аа! Въ это время одинъ изъ негровъ наноситъ первый ударъ, на тѣлѣ дѣвушки появляется длинный красный рубецъ. За этимъ первымъ ударомъ второй негръ тотчасъ наноситъ второй ударъ по тому же самому мѣсту, отчего боль еще усиливается.

— Довольно, оо! Довольно! вопить жертва, я не могу терпѣть.. Простите, не буду, не буду, ай, ай, не могу, ахъ, аа, ай, ааа!!..

Но плети продолжаютъ медленно стегать несчастную дѣвушку, покрывая крупъ ея все новыми и новыми красными рубцами и заставляя все ея тѣло судорожно вздрагивать.

— Я не могу, я не могу, ой, ай! — кричитъ несчастная, — ой, ой, аа, ай, аа!

Палачи начинаютъ хохотать. Это настоящее наслажденіе сѣчь такую нервную дѣвушку, которая отъ первыхъ же ударовъ такъ сильно страдаетъ. Когда обѣ плети ложатся одновременно, то у дѣвушки вырывается особенно продолжительный вопль отъ нестерпимой боли.

— Отлично, продолжайте ея такъ пороть и съ разстановкой, чтобы она побольше страдала, говорить Метеліусъ!

Плети свистять въ воздухъ и съ сухимъ ударомъ ложатся на молодое тѣло, которое корчится отъ страшной боли. Крупъ дѣвушки остается неподвижнымъ, такъ какъ талія и ноги крѣпко притянуты къ кобылѣ, но всѣ мускулы находятся въ сильномъ напряженіи, а оба полушарія крупа только дрожатъ подъ жгучими ласками плетей...

Цесилія все время сильно кричитъ, изрѣдко произнося отрывистыя слова. Временами крики переходятъ въ непрерывный стонъ. Весь ея крупъ уже изсѣченъ красными рубцами, и когда плети ложатся по пораженнымъ частямъ кожи, то вызываютъ у несчастной отчаянный вопль.

— Порите крупъ, приказываетъ господинъ, а также ляшки, чтобы она знала, какъ наказываютъ капризныхъ женщинъ...

Крики жертвы становятся еще болѣе отчаянными, раздирающими, она поднимаетъ свою голову, и ея обезумѣвшіе глаза, искривившійся ротъ лучше всего говорятъ о нестерпимомъ мученіи, которое она переноситъ. Плети стегаютъ рѣшительно по всѣмъ, даже самымъ чувствительнымъ мѣстамъ. Негры, видимо, сѣкутъ съ особымъ наслажденіемъ. Они не сразу отнимаютъ, послѣ удара, отъ тѣла плети, а выдерживаютъ нѣсколько секундъ, чтобы кожаные хвосты, прижимаясь къ пораженнымъ мѣстамъ кожи, причиняли болѣе сильную боль... Затѣмъ они хлещутъ также по внутреннимъ частямъ ляшекъ, гдѣ, какъ извѣстно, кожа особенно чувствительна. Каждый изъ нихъ направляетъ удары плети, начиная отъ колѣнъ и медленно, постепенно поднимаясь, доходитъ до крупа дѣвушки, гдѣ обѣ страшныя плети, по молчаливому уговору палачей, ложатся на крупъ одновременно съ болѣе ускореннымъ темпомъ, который выдерживается ими все время, пока они сѣкутъ крупъ и спускаются къ ляшкамъ, откуда до колѣнъ опять начинаютъ сѣчь въ раздробъ и болѣе медленно.

Римлянинъ, видимо, съ сладострастіемъ слѣдитъ за истязаніемъ, которое производится по его приказу. Все тутъ должно

доставлять ему наслажденіе. Дѣвушка обнажена, ея крупъ сдѣлался краснымъ, тѣло дрожить подъ ударами плетей,— все это дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на его чувства, и это видно по блеску его глазъ. Но кромѣ того онъ удовлетворяетъ свою месть. Отказъ дѣвушки выйти замужъ за него задѣлъ его гордость, и онъ въ восторгѣ, что подвергаетъ мученіямъ неосторожную дѣвушку; — онъ ея неограниченный повелитель и только отъ него одного зависитъ прекратить или продолжать жестокое наказаніе.

Цесилія теперь безостановочно вопить, боль отъ ударовъ плетями такъ велика, что она уже не въ состояніи произносить, какъ въ началѣ, слова мольбы о прощеніи. Теперь она чувствуетъ только, какъ внутренній жаръ проникаетъ во всѣ части ея тѣла и все растеть и растеть... Каждую секунду ей кажется, что она не въ силахъ будетъ долше переносить такія мученія и, мгновеніе спустя, новый ударъ плети вызываетъ опять приступъ страшной боли и заставляетъ все ея тѣло конвульсивно содрогнуться.

Ея мать въ безумномъ ужасѣ плачетъ и умоляетъ... Крики корчущейся подъ ударами плетей дочери вырываютъ у нея жалобные стоны. Она молить господина, проситъ сжалиться палачей, умоляетъ, чтобы еѣ снова наказывали плетями съ какой угодно жестокостью, но чтобы пощадили Цесилію. Негры даже не слушаютъ ея причитываній, также какъ и криковъ жертвы. Плеть для того и назначена, чтобы гулять по спинамъ женщинъ. Они сѣкутъ спокойно, видимо наслаждаясь, производимымъ ими истязаніемъ. Что касается до Метеліуса, то крики и слезы, несчастныхъ только усиливаютъ наслажденіе, испытываемое имъ при видѣ наказанія ихъ.

Молодую дѣвушку все еще сѣкутъ. Теперь плети опять ложатся на дрожащій крупъ дѣвушки. Кожа стала менѣе красной и въ состояніи, безъ вреда, принять еще новое число ударовъ. Но чувствительность не уменьшилась, и бѣдную дѣвушку, напротивъ, ждуть еще большія страданія.

Наконецъ, Метеліусъ приказываетъ прекратить наказаніе дѣвушки и велитъ отвязать ее и унести негру, котораго онъ ей назначилъ въ мужья. Юлія, все еще привязанная къ деревянной кобылѣ не можетъ удержаться, чтобы не обругать гнуснаго господина, когда видитъ, какъ негръ, съ горящими отъ сладострастія глазами, уноситъ ея истерзанную дочь, чтобы совершить надъ ней еще болѣе ужасное насиліе. Патрицій, услыжавъ брань, хватаетъ плеть у негра и начинаетъ полосовать тѣло несчастной Юліи. Въ припадкѣ бѣшенства онъ съ остервѣненіемъ сѣчетъ ее. Вскорѣ крупъ и ляшки Юліи снова покрываются темно красными рубцами, и во многихъ мѣстахъ выступаетъ кровь... Наконецъ, онъ бросаетъ плеть и велитъ негру отвязать женщину и увести ее.

Тѣлесныя наказанія у римлянъ

(Продолженіе)

Метеліусъ взялъ себѣ въ наложницы одну изъ доставшихся ему въ наслѣдство рабынь, по имени Калиста, которая за послѣднее время пользовалась его особеннымъ фаворомъ. Это была брюнетка, съ большими черными глазами. Отъ природы она была очень страстная, но страшно лѣнива. Когда Юлія пользовалась правами супруги Лицинія, то Калиста была ея горничной. Хотя, какъ мы уже выше сказали, Юлія Помпонія не была любительницей жестокихъ наказаній, но Калисту она неоднократно наказывала очень строго розгами за лѣнь, а разъ, когда она застала ее на колѣняхъ Лицинія, то уговорила Лицинія велѣть наказать ее, въ ея присутствіи, плетями и поручить наказывать двумъ неграмъ. Но когда Калисту привели наказывать, то она все-таки смягчилась, отослала негровъ, велѣла позвать для наказанія женщину, атакже убрать плети и принести нѣсколько пучковъ длинныхъ и толстыхъ березовыхъ розогъ. Правда, изъ страха потерять любовь Лицинія и желая отучить Калисту, разъ на всегда, отъ всякихъ любовныхъ видовъ на Лицинія, Помпонія проявила обыкновенно несвойственную ей жестокость. Когда Калиста была раздѣта и привязана на скамейкѣ, то Юлія велѣла сѣчь ее розгами съ двухъ сторонъ одновременно и кромѣ того мочить розги въ уксусъ. Два раза Калиста, отъ потери крови и боли, теряла сознаніе, и каждый разъ Юлія приказывала прекратить сѣченіе и привести Калисту въ сознаніе, но оба раза какъ только она немного оправлялась, ее снова, по приказу Юліи, растягивали на скамейкѣ и продолжали безпощадно сѣчь розгами. Наконецъ, когда Калиста потеряла сознаніе въ третій разъ, то Юлія, послѣ того, какъ ее привели въ сознаніе и опять собирались растянуть на скамейкѣ, смягчилась и простила ее. Помпонія достигла цѣли. Послѣ такого жестокаго наказанія, когда она, послѣ того, какъ ее сняли со скамейки и поставили на ноги, не могла стоять и ее снесли на плащѣ въ ея комнату, гдѣ она провалялась три дня, лежа все время на животѣ, Калиста больше не искала любви Лицинія и стала очень усердно исполнять обязанности горничной ея дочери Цесиліи. Молодая же дѣвушка въ теченіе двухъ лѣтъ велѣла наказывать розгами Калисту всего три раза. Каждый разъ по настоянію матери. Наказаніе розгами производилось въ присутствіи Цесиліи, но она подъ страхомъ самой быть наказанной розгами, не смѣла на много уменьшить число ударовъ розогъ, назначенныхъ матерью. Во всякомъ случаѣ, Калисту наказывали эти три раза такъ слабо, какъ не наказывали даже патриціи своихъ провинившихся дочерей. Теперь понятно, съ какой радостью Калиста увидѣла, что ея бывшія госпожи попали въ разрядъ

простыхъ рабынь, да еще рабынь, пользующихся нерасположеніемъ господина. Вотъ почему Калиста не упускала ни одного удобнаго случая, чтобы не возстановить Метеліуса противъ Юліи и Цесиліи, пользуясь для этого своимъ вліяніемъ, а также вліяніемъ на него Фаоса.

Отдавъ обѣихъ женщинъ, чтобы ихъ унижить, во власть своихъ черныхъ рабовъ, Метеліусъ и самъ удаивалъ ихъ благосклонности. Хотя и чувственно, но онъ сильно любилъ Цесилію. Если мѣсто любви замѣнило чувство злобы, то все-таки физическія прелести Цесиліи попрежнему возбуждали сладострастіе у Метеліуса. Калиста была слишкомъ хитра, чтобы открыто бороться съ этимъ чувствомъ, но она внушила молодому человѣку мысль подвергать несчастныхъ женщинъ тѣлесному наказанію передъ тѣмъ, какъ удостоить ту или другую своей благосклонности. Метеліусъ принялъ этотъ совѣтъ съ удовольствіемъ, такъ какъ онъ потворствовалъ его страсти къ флагелляціи. Теперь Цесилія и Юлія знали, что каждый разъ, какъ та или другая будутъ приглашены Метеліусомъ для исполненія супружескихъ обязанностей, онъ передъ этимъ будутъ неизбѣжно подвергнуты тѣлесному наказанію, часто очень жестокому.

Жизнь бѣдныхъ женщинъ стала настоящимъ адомъ. Метеліусъ велѣлъ назначать ихъ на самыя унижительныя работы — прислуживать рабамъ и рабынямъ, главнымъ образомъ кухаркамъ, а также убирать комнаты рабынь. Обѣимъ женщинамъ постоянно приходилось исполнять отвратительныя и нечистоплотныя работы, однимъ словомъ быть прислугой слугъ господина. Вопреки существовавшему обычаю, по которому рабы никогда не имѣли права наказывать тѣлесно другихъ рабовъ, патрицій дозволилъ своимъ рабамъ и рабынямъ, которымъ обѣ женщины прислуживали или подъ наблюденіемъ которыхъ исполняли работы, наказывать ихъ розгами за лѣность, дерзость или непослушаніе, сохранивъ за собою только право наказанія ихъ плетьюми. Но и права наказанія розгами, по своему усмотрѣнію, было слишкомъ достаточно. Подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ, а иногда даже безъ всякаго основанія несчастныхъ женщинъ сѣкли розгами по голому тѣлу. Причемъ немедленно послѣ наказанія онѣ должны были продолжать работать безъ малѣйшаго ропота, подъ угрозой жалобы господину на ихъ лѣность и неизбѣжнаго тогда за это жестокого наказанія плетьюми. Калиста особенно злоупотребляла правомъ наказывать ихъ; она разыгрывала роль дамы, приказывала матери и дочери одѣвать ее въ присутствіи своихъ подругъ изъ рабынь, насмѣшливо улыбававшихся. Пучки розогъ изъ толстыхъ, длинныхъ и свѣжихъ березовыхъ прутьевъ постоянно лежали у нея въ комнатѣ, и подъ какимъ нибудь предлогомъ она приказывала рабынямъ обнажать мать или дочь, держать ихъ и сама собственноручно жестоко наказывала розгами. Одной изъ работъ, которой особенно страшились несчастныя женщины, было верченіе мельничнаго колеса для приготовленія муки, необходимой для домашняго употребленія. Господинъ велѣлъ назна-

чать ихъ на эту работу и ежедневно утромъ ихъ приводили къ тяжелой машинѣ. Передъ тѣмъ какъ поставить ихъ вертѣть колесо, надсмотрщикъ обнажалъ имъ спину и крупъ, привязавъ платье. Затѣмъ при малѣйшемъ замедленіи съ ихъ стороны работы онъ хлесталъ по обнаженному тѣлу бичемъ. Часто даже онъ хлесталъ безъ всякаго повода, чтобы полюбоваться красными полосами на тѣлѣ, подпрыгиваніями и криками женщинъ отъ боли. Несмотря на подобное униженіе, онѣ должны были продолжать вертѣть колесо, изъ страха подвергнуться за непослушаніе жестокому наказанію плетьюми.

Но самымъ тяжелымъ моментомъ, котораго новыя рабыни всегда ожидали съ трепетомъ, былъ вечеръ, когда всѣ работы оканчивались и вся прислуга собиралась вмѣстѣ. Тогда нерѣдко нѣкоторые изъ мужчинъ дѣлали попытки совершить надъ обѣими женщинами гнусное насиліе. Другія рабыни обыкновенно хохотали, если не помогали держать несчастныхъ жертвъ, вырывавшихся изъ грубыхъ объятій или защищавшихся отъ ударовъ. Иногда дѣло только этимъ и кончалось, но чаще, особенно, когда при такихъ сценахъ присутствовала Калиста, мужчины хотѣли добиться, чтобы мать и дочь исполнили ихъ фантазію. Конечно, обѣ отказывались подчиниться, и тогда Калиста шла жаловаться Метеліусу на мнимое непослушаніе со стороны новыхъ рабынь. Отвѣтъ не заставлялъ себя ждать и всегда былъ неизмѣнно одинъ и тотъ же: „выпори ихъ обѣихъ хорошенько плетьюми и заставь слушаться“. Когда Калиста возвращалась и сообщала о распоряженіи господина, то рабы и рабыни громко выражали свой восторгъ; рабскія души отъ природы были такъ низки, что могли наслаждаться мученіями своихъ же товарищей по несчастью. Всѣ наперерывъ торопились принести двѣ деревянныхъ кобылы, поспѣшно раздѣвали обѣихъ женщинъ и привязывали на кобылѣ. Затѣмъ начиналась оргія истязанія ихъ. Въ такихъ случаяхъ всегда наказывали не розгами, а страшными плетьюми, причемъ сѣкли мужчины. Подъ ударами плетей вскорѣ тѣла наказываемыхъ женщинъ покрывались красными полосами. Женщины окружали наказываемыхъ и, улыбаясь, подбивали наказывающихъ мужчинъ сѣчь сильнѣе, а крики истязуемыхъ вызывали у нихъ смѣхъ. Наказаніе производилось безъ соблюденія всякой стыдливости, въ присутствіи мужчинъ и женщинъ какъ самая натуральная и обыкновенная вещь, причемъ сѣкли съ удивительной жестокостью. Молодая дѣвушка особенно сильно всегда кричала, но и Юлія, хотя и болѣе выносливая, не могла удержаться отъ стоновъ. Число ударовъ не считалось. Наказывали не только безпощадно, но страшно долго, такъ какъ знали, что господинъ одобритъ всякое истязаніе, лишь бы кожа не была повреждена. Въ особенности для Цесиліи были тяжелы и мучительны подобныя истязанія. Благодаря нѣжности своей кожи, она испытывала страшную боль и не могла удержаться, чтобы не кричать. Изступленные же ея крики и стоны доставляли особенное наслажденіе мучителямъ и они всегда наказывали ее сильнѣе и дольше

матери ея. Послѣ наказанія мать ея, обыкновенно, забывъ собственные страданія, должна была до самой поздней ночи омывать и лечить изсѣченное тѣло своей бѣдной дочери.

Друзья Метеліуса, конечно, отлично знали горькую участь этихъ двухъ женщинъ, но никто не жалѣлъ ихъ. Законъ давалъ господину самую неограниченную власть надъ его рабомъ, и въ его власти было наказывать раба по своему усмотрѣнію. Разъ въ рукахъ господина была жизнь этихъ двухъ женщинъ, то, очевидно, онъ имѣлъ полное право подвергать ихъ какимъ угодно наказаніямъ, и никто не могъ помѣшать ему въ этомъ. Напротивъ, всѣ были очень довольны, что Метеліусъ подвергаетъ двухъ искальницъ приключеній и интриганокъ такимъ унижительнымъ и жестокимъ наказаніямъ. Римскія матроны и барышни патриціанки никогда не могли имъ простить, что онѣ обманомъ вошли въ ихъ среду. Строгость Метеліуса привлекла ему симпатіи и его политическое положеніе возросло, когда узнали о его обращеніи съ обѣими женщинами. Всѣ сожалѣли, что повѣрили сплетнямъ, распускаясь про него Юліей и Цесиліей и, чтобы заставить его забыть это, сами совѣтовали по чаще и по строже приказывать сѣчь обѣихъ женщинъ.

Римлянинъ, какъ мы уже видѣли, вовсе не нуждался въ такихъ поощреніяхъ. Онъ всегда отъ души смѣялся, слушая рассказы Калисты о жестокихъ и продолжительныхъ наказаніяхъ розгами, которымъ она подвергаетъ этихъ несчастныхъ женщинъ. Не говоря уже о томъ, что чрезвычайно часто приказывалъ жестоко сѣчь Юлію и Цесилію въ своемъ присутствіи. Въ послѣднее время онъ велѣлъ наказывать ихъ особой длинной плетью. Наказанія такой плетью боялись самыя отчаянные мужчины. Въ первый разъ, когда несчастныя узнали, что ихъ ожидаетъ такое наказаніе, обѣ стали безумно кричать и умолять Метеліуса... Онѣ имѣли понятіе о той боли, которую приходится испытывать при обыкновенныхъ наказаніяхъ розгами или ременной плетью, даже очень строгой, но онѣ знали, что страданія отъ длинной плети въ нѣсколько разъ мучительнѣе.

Этотъ инструментъ употреблялся для наказанія азіатскими царьками и римскіе чиновники заимствовали его отъ нихъ. Длинная плеть была изобрѣтена спеціально для наказанія рабовъ за болѣе важныя проступки. Она состояла изъ толстой рукоятки съ однимъ хвостомъ, длиною въ шесть или семь футовъ, изъ склеенныхъ полосъ коровьей кожи такъ, чтобы получилась лента толщиною въ палецъ. Предварительно такая лента дѣлалась очень мягкой, благодаря этому она, при ударѣ, плотно прилегала къ кожѣ и ея чрезвычайная гибкость даже препятствовала пораненію тѣла при наказаніи. Длинная плеть причиняла наказываемой женщинѣ невѣроятныя страданія, благодаря своей длинѣ и толщинѣ. Хвостъ охватывалъ все тѣло и послѣ удара получалось впечатлѣніе, какъ отъ ужаснаго и продолжительнаго ожога; испытываемая боль была несравненно сильнѣе, чѣмъ отъ удара обыкновенной плетью. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ такою плетью,

тѣло наказываемой становилось столь чувствительнымъ, что прикосновеніе къ кожѣ пальцемъ вызывало странную боль. Несмотря на это, если экзекуторы были опытные, то кровь не появлялась даже послѣ очень значительнаго числа ударовъ, хотя наказываемая испытывала адскія мученія.

Обѣимъ женщинамъ не удалось упросить Метеліуса избавить ихъ отъ подобнаго жестокаго истязанія. Напротив, онъ, по совѣту Калисты, согласился усилить и безъ того странно жестокое истязаніе обжиганіемъ кожи, передъ наказаніемъ длинной плетью, наказаніемъ еще на деревянной кобылѣ веревочной плетью погонщиковъ.

Для наказанія длинной плетью обѣихъ женщинъ совершенно раздѣли и въ стоячемъ положеніи, со связанными и поднятыми вверхъ руками привязали къ веревкѣ, спускавшейся съ потолка, а ноги ихъ были также связаны и притянуты къ полу. Такимъ образомъ тѣло было доступно для плети со всѣхъ сторонъ, и отъ пятокъ до шеи не было мѣста, по которому палачъ не могъ бы сѣчь.

Но передъ этимъ ихъ подвергли прижиганію раскаленнымъ желѣзомъ. По очереди къ обѣимъ женщинамъ подходитъ Калиста и, взявъ раскаленный желѣзный пруть, начинаетъ имъ водить по кожѣ, начиная съ груди. Потомъ негры поворачиваютъ женщинъ, и она водитъ такимъ же прутьемъ по ягодицамъ, которыя спазматически сжимаются и открываются отъ прикосновенія прута. Калиста постоянно мѣняетъ пруть, чтобы они были хорошо накалены, водитъ она по тѣлу слегка, кожа, остается не тронутой, обжигается только наружная поверхность. Но дикія крики и конвульсивныя движенія несчастныхъ женщинъ лучше всего говорятъ, какія нестерпимыя мученія имъ приходится испытывать...

Наконецъ, прижиганіе кончено и, по знаку Метеліуса, обѣихъ женщинъ начинаютъ негры сѣчь длинной плетью. Боль такъ сильна, что захватываетъ духъ у наказываемыхъ и секунду онѣ молчатъ и затѣмъ испускаютъ дикій, нечеловѣческій крикъ, одновременно тѣла ихъ начинаютъ корчиться въ конвульсіяхъ.

Крики утихаютъ, какъ только плеть отнимается отъ тѣла, чтобы съ новымъ ударомъ раздастся еще сильнѣе. Истязуемая женщины отчаянно бьются, какъ бы желая избавиться отъ объятій плети. Онѣ кричатъ съ безумными глазами и пѣной во рту.

Цесилія откинулась назадъ и издаетъ жалобные, дикіе вопли. Страданіе вдвое сильнѣе отъ того, что плеть ложится по обожженнымъ мѣстамъ.

Метеліусъ съ горящими глазами слѣдитъ за истязаніемъ. Наконецъ, по его приказанію, обѣихъ женщинъ отвязываютъ и даютъ нѣсколько минутъ отдохнуть. Несчастныя, всѣ исполосованныя рубцами, катаются на полу отъ боли. Въ это время негры приносятъ двѣ деревянные кобылы. По знаку обѣихъ женщинъ привязываютъ на кобылахъ и по только что изсѣченному тѣлу начинаютъ сѣчь веревочной плетью погонщиковъ. Женщины кричатъ отъ страшной боли... Еще нѣсколько ударовъ и кровь по-

ляется, но господинъ желаетъ сохранить ихъ для новыхъ истязаній и приказываетъ прекратить казаніе и отнести женщинъ въ ихъ комнату.

Мы не будемъ перечислять всѣхъ послѣдующихъ истязаній, которымъ Метеліусъ подвергалъ обѣихъ женщинъ. Его звѣзда на политическомъ небосклонѣ блестяла все ярче и ярче. Онъ былъ выбранъ на очень важную должность. Въ восторгѣ отъ своей побѣды, онъ подвергъ Юлію и Цесилію ужасному наказанію плетьюми, — причѣмъ въ этотъ разъ разрѣшилъ сѣчь до крови. Калиста же добилась права наказывать ихъ не только розгами, но и плетью.

ГЛАВА V

Историческія свѣдѣнія о наказаніи женщинъ

Трудно теперь создать даже въ своемъ воображеніи, что представлялъ Парижъ въ средніе вѣка. Съ своими домиками, похожими скорѣе на голубятни, маленькими лавочками въ подвалахъ, желѣзными барьерами на улицахъ, отдѣлявшими школьный кварталъ, готическими окнами Парижскаго собора Богоматери и набережными Сены, почти ежедневно заливаемыми водой, Парижъ представлялъ любопытное зрѣлище.

Въ грязныхъ переулочкахъ, которые были, однако, главными артеріями города, съ самаго ранняго утра и до поздней ночи, постоянно толпилась масса праздношатающихся. Это была забавная, веселая, шумная, настоящая французская толпа.

Ежеминутно сцены мѣнялись. Вотъ подъячіе столпились около кліента и каждый старается затащить его къ себѣ подъ смѣхъ окружившихъ ихъ зубоскаловъ. Далѣе изъ-подъ воротъ одного дома выскочилъ толстякъ и съ палкой въ рукахъ гоняется за стаей гогочущихъ и удирающихъ отъ него школьниковъ.

Наемные солдаты, отъ которыхъ на цѣлую версту несетъ водкой строятъ куры служанкамъ съ здоровенными ручищами...

Это — Парижъ въ царствованіе добраго короля Франсуа I.

Праздношатающіеся ищутъ даровыхъ зрѣлищъ, въ которыхъ нѣтъ недостатка.

Въ то время частенько можно было видѣть бѣгущихъ со всѣхъ ногъ уличныхъ мальчишекъ по направленію къ уличному перекрестку, за ними мчались, сломя голову, мужчины и женщины, толкая другъ друга, награждая непечатной бранью; всѣ спѣшили, тѣснились, поднимались на цыпочки, чтобы лучше видѣть.

Вдали одной изъ улицъ несся шумъ все мало по малу приближавшійся... Слышался громкій смѣхъ въ то время какъ стая маль-

чишекъ наводнила маленькую площадь на перекресткѣ улицъ. Всѣ они жестикулировали, хохотали, свистали.

За этими нарушителями тишины и спокойствія показывался осель, меланхолически тащившій деревянную телѣжку.

Осла велъ подъ устцы одинъ изъ помощниковъ парижскаго палача; отрядъ городскихъ окружалъ экипажъ и старался отѣснить отъ него насѣдавшую толпу.

Со всѣхъ сторонъ изъ толпы неслись смѣхъ, крики, свистъ...
— У, у, у!

Осель подвигался медленно, телѣжка качалась во всѣ стороны. Наконецъ, всѣ могли видѣть интересовавшій предметъ.

Это была совсѣмъ еще молодая женщина со связанными руками, привязанная къ заду телѣжки.

Одѣтая въ рубашку, изъ которой выглядывали ея груди, и скверную юбку, съ распущенными волосами, вся задыхающаяся, она безумными глазами смотрѣла на толпу, подобн бѣдному загнанному звѣрьку.

Наконецъ, кортежъ останавливался среди маленькой площади, и судебный приставъ деревяннымъ голосомъ прочиталъ, что „женщина, признанная виновной въ нарушеніи полицейскаго запрещенія проституткамъ входить въ школьный кварталъ, была, по указу короля, приговорена къ публичному наказанію розгами на всѣхъ площадяхъ того квартала, гдѣ она проживала“.

Приставъ складывалъ, по прочтеніи, приговоръ. Помощникъ палача передавалъ поводья одному изъ городскихъ, а самъ подходилъ къ несчастной, которая съ безумнымъ взоромъ старалась освободить руки и прижималась спиной къ телѣжкѣ.

Но это продолжалось не долго, палачъ грубо поворачивалъ ее и, надавливая ей рукой на шею, заставлялъ ее нагнуться и подставить спину для наказанія.

Одновременно другой рукой онъ поднималъ у нея юбку вмѣстѣ съ рубашкой.

Среди толпы раздавался гомерическій смѣхъ; свистъ оглушалъ преступницу и безъ того обезумѣвшую.

По обнаженнымъ передъ глазами толпы ягодицамъ палачъ начиналъ сѣчь розгами. Удары наносились страшно сильно, но медленно; розги разсѣкали полушаріи крупа, напрасно силившася уклониться отъ нихъ.

Давъ двѣнадцать ударовъ, послѣ которыхъ крупа и юбка покрывались кровью, палачъ опускалъ юбку съ сорочкой, и несчастная вновь продолжала свою печальную прогулку до слѣдующей площади, гдѣ ее снова сѣкли съ тѣмъ же церемоніаломъ.

Иногда женщину сажали верхомъ на осла, головой, повернутой къ заду животнаго.

Она совершала триумфальную прогулку, которая прерывалась каждыя четверть часа вышеописанной церемоніей. Ей поднимали сорочку и по обнаженному заду сѣкли розгами.

Обыкновенно только проститутокъ подвергали такому наказанію.

Въ ихъ ремеслѣ трудно избѣжать, чтобы не нарушить какое-нибудь полицейское запрещеніе, а потому не проходило недѣли, чтобы та или другая изъ нихъ не подверглась такому позорному наказанію розгами.

Но такое унижительное наказаніе выпадало только на долю проститутокъ низшаго разряда. Деми-монденки всегда умѣли подкупать полицію и не было примѣра, чтобы которая либо изъ нихъ была публично наказана розгами.

Однако, если въ тѣ времена публичное тѣлесное наказаніе составляло привилегію проститутокъ низшаго разряда, то келейному наказанію розгами или плеткой подвергали положительно всѣхъ женщинъ, начиная съ дамы изъ буржуазіи и кончая самой знатной дамой; все зависѣло отъ каприза короля.

Особенно наказывали часто розгами или плетью женщинъ, обвиняемыхъ въ колдовствѣ.

Такъ современный хроникеръ Жанъ-де-Клай рассказываетъ, какъ одна молодая дѣвушка — Анна Курсель — была заподозрѣна въ колдовствѣ, въ которомъ, впрочемъ, она не признавала себя виновной. Тогда судьи, постановили, пишетъ въ своей хроникѣ Клай, „подвергнуть дѣвицу Анну Курсель, наказанію розгами, по усмотренію епископа, черезъ палача, съ единственною цѣлью вынудить ее сознаться въ гнусномъ сношеніи съ Антихристомъ“.

„Палачъ, продолжаетъ Клай, взявъ Курсель, которая ревѣла и брыкалась, какъ бѣсноватая, раздѣлъ, какъ раздѣваютъ провинившихся школьницъ учительницы. Онъ сѣкъ бѣдную дѣвушку по обнаженнымъ ягодицамъ такъ сильно, что она вся корчилась отъ боли, но все таки не сорнавалась въ своей винѣ. Епископъ велѣлъ прекратить наказаніе бѣдной дѣвушки, найдя обвиненіе не вполне доказаннымъ, если она, не смотря на жестокое наказаніе розгами, продолжаетъ увѣрять въ своей невинности“.

Мы не можемъ удержаться, чтобы не привести рассказъ Берольда де Вервиля про существовавшій въ тѣ времена обычай среди венеціанскихъ дамъ выражать свой любовный восторгъ испусканіемъ духовъ, которые являются, обыкновенно, послѣдствіемъ спокойнаго пищеваренія.

Онъ рассказываетъ, какъ одна изъ знаменитыхъ куртизанокъ Венеціи, красавица Имперія, какъ ее всѣ величали, когда солдаты Людовика XII наводнили Италію, привела къ себѣ одного французскаго дворянина, прельстившагося ея красотой. Влюбленные вскорѣ удалились подъ сѣнь алькова. Во время общихъ восторговъ, Имперія не захотѣла отступить отъ существовавшаго среди венеціанскихъ куртизанокъ обычая, который заключался въ томъ, что онѣ между щеками ягодицъ помѣщали капсулю, наполненную какими либо духами. Капсули были съ всевозможными духами.

Въ подходящій моментъ женщина раздавливала капсулю, отчего получался звукъ, и по комнатѣ распространялся пріятный запахъ. Французъ не зналъ объ этомъ обычаѣ, а потому, когда

раздался звукъ, то онъ приписалъ его невѣжливости дамы, и соби-
рался ее слегка пожурить, когда распространившійся надъ кро-
ватью запахъ пріятно зашекоталъ его обоняніе.

Пораженный этимъ, онъ задалъ вопросъ кокеткѣ, которая,
манерничая, объяснила ему, что все это очень натурально.

„Я знаю, возразилъ дворянинъ, что мои соотечественницы
издаютъ подобный же звукъ, но запахъ вмѣсто того, чтобы быть
пріятнымъ, до невозможности отвратителенъ“.

Имперія тогда разъяснила ему, что эта особенность венеціан-
скихъ дамъ происходитъ отъ того, что онѣ употребляютъ чрезвы-
чайно ароматичную пищу, и такъ же какъ травы пропитываются
ароматомъ духовъ, такъ и пищеварительныя выдыханія итальян-
скихъ дамъ проникаются ароматомъ ихъ тонкихъ кушаній.

Они продолжали еще развлекаться; красавица Имперія каж-
дый разъ выпускала какой-нибудь новый нѣжный запахъ, который
пріятно ласкалъ обоняніе дворянина.

Но затѣмъ произошло, что молодая женщина, двигаясь, забы-
лась и испустила уже естественный звукъ.

Дворянинъ, думая поймать въ этотъ разъ какую-нибудь еще
болѣе рѣдкую эссенцію, поспѣшно сунулъ голову подъ простыню
и почувствовалъ вполнѣ натуральный запахъ, вовсе не напоминав-
шій предыдущіе духи.

„Ахъ! — сударыня, что же это вы сдѣлали?“

Прелестная венеціанка, заливаясь отъ смѣха, отвѣчала:

„Это простая любезность съ моей стороны, — я хотѣла напо-
нить вамъ вашихъ соотечественницъ!“.

Извѣстно, что г-жа Ментенонъ, раньше, чѣмъ попасть въ
фаворитки короля, была учительницей и довольно часто и строго
наказывала дѣтей розгами.

Мы уже въ первомъ томѣ сказали, что въ тѣ времена во всѣхъ
мужскихъ и женскихъ училищахъ и даже въ университетѣ на-
казывали розгами или плетью учениковъ до двадцатилѣтняго
возраста, а ученицъ до пятнадцатилѣтняго.

Извѣстно, что очаровательная Элоиза, кроткая и послушная,
имѣла попечителемъ стараго монаха, который задумалъ дать ей
выходящее изъ ряда вонъ образованіе и пригласилъ для этого
знаменитаго молодого философа Абеляра.

Въ началѣ все шло хорошо; подъ наблюденіемъ добродушнаго
монаха Элоиза склоняла слова: р о з а или г о с п о д и н ъ.

Несмотря на все свое желаніе угодить учителю и попечителю,
случалось, что бѣдняжка смѣшивала или забывала довольно
сложныя правила синтаксиса.

Тогда ея попечитель, который былъ сыномъ своего времени,
и поклонникомъ тѣлесныхъ наказаній школьниковъ и школьницъ,
немедленно говорилъ учителю:

„Высѣките ее розгами, если у нея тупая голова. Порите ее
чаще, какъ пороли васъ самихъ, только такимъ способомъ вы
сдѣлаете ее ученой!“ Все это было настолько въ нравахъ и обы-
чаяхъ, что учитель не находилъ ничего шокирующаго въ томъ, что

молодой еще мужчина будет обнажать взрослую дѣвушку и съчь ее розгами.

Абелярь, котораго, конечно, въ школѣ съкли безчисленное число разъ, не замедлилъ придержаться того же принципа. Въ одинъ прекрасный день, когда молодая дѣвушка не приготовила урока, онъ взялъ ее за талию, и всю дрожащую отъ волненія, положилъ на колѣна, спустилъ ей панталоны и, взявъ изъ рукъ попечителя пучекъ березовыхъ розогъ, высъкъ ее. Элоиза вся въ слезахъ скорѣе отъ стыда, чѣмъ отъ боли, когда Абелярь окончилъ экзекуцію вскочила и убѣжала къ себѣ въ комнату.

Конечно, во время одной изъ подобныхъ экзекуцій Элоиза стала возлюбленной Абеляря и влюбленные долгое время наслаждались медовымъ мѣсяцемъ.

Иногда монахъ находилъ учителя слишкомъ слабо наказывающимъ и напоминалъ о его долгѣ:

— Порите ее сильнѣе, вы увидите, что она будетъ прилежнѣе заниматься!

Элоиза скромно, съ опущенными внизъ глазами, сама поднимала юбки и ложилась подъ розги.

Плутовка, конечно, внутренно смѣялась, зная отлично, что за ничтожную боль она будетъ съ лихвой вознаграждена, возбужденнымъ созерцаніемъ ея тайныхъ прелестей, поклонникомъ, какъ только уйдетъ попечитель.

Какъ это бываетъ постоянно, влюбленные были пойманы. Абелярь былъ изуродованъ самымъ гнуснымъ образомъ, и принужденъ былъ удалиться въ монастырь.

Извѣстно, что Маргарита Валуа въ молодости неоднократно была наказываема розгами. Впослѣдствіи она сдѣлалась большой любительницей тѣлесныхъ наказаній, какъ подробно сообщаетъ объ этомъ въ своихъ мемуарахъ состоявшій при ея особѣ, генераль д'Анкръ ¹⁾.

Петръ Детоаль приводитъ имена многихъ гугенотскихъ дамъ, высъченныхъ солдатами въ Варфоломеевскую ночь. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ всегда возмущенія сопровождаются съченіемъ женщинъ,— въ это время страсти разнуздываются.

Королева Катерина Медичи была одна изъ самыхъ страстныхъ поклонницъ тѣлеснаго наказанія женщинъ. Она даже злоупотреб-

¹⁾ Выдержки изъ мемуаровъ относительно тѣлесныхъ наказаній, которымъ подвергала Маргарита Валуа, напечатаны полностью въ главѣ „Странная страсть“. Физиологія брака. Д-ра медик. Дебэ. Естественная и медицин. исторія мужчины и женщины съ сам. интересн. подробностями. Гигіена брака.— Безплодіе.— Бессиліе.— Онанизмъ.— Половое извращеніе. Болѣзни половыхъ органовъ, средства для ихъ излеченія и проч. Полный переводъ съ 202-го изданія, съ многочисленными дополненіями. Д-ра медик. А. З—го. Эта книга для студен. и юристовъ. Подробное объясненіе о содержаніи высылается бесплатно 464 стран. убористой печати. Цѣна 1 р. 50 к., въ переплетъ 1 р. 90 к. На веленовой бум. 1 р. 80 к., въ перепл. 2 р. 20 к. За пересылку одного экзмп. платится 30 к. а за наложенный платежъ 15 к. Въ той же главѣ, а также въ главѣ „Мазохизмъ и садизмъ“ есть много подробностей относительно съченія.

ляла подобными наказаніями въ отношеніи своихъ фрейлинь. Катерина Медичи нерѣдко снисходила до того, что собственно-ручно сѣкла провинившихся фрейлинь.

Въ сформированный ею, въ качествѣ почетной свиты, летучій батальонъ, принимались только совсѣмъ молоденькія дѣвицы, не старше 23-хъ лѣтъ. По уставу, онѣ не имѣли права носить панталонъ, чтобы ихъ можно было скорѣе подвергнуть тѣлесному наказанію.

Дѣвица де-Лимель изъ этого батальона нарисовала на Катерину карикатуру, которая попалась въ руки королевы.

Катерина велѣла позвать де-Лимель въ свою пріемную. Двѣ горничныхъ поставили ее на колѣни и привязали на стулъ, предназначенномъ для молитвъ. Затѣмъ обнажили молодую женщину и, вооружившись каждая пучкомъ розогъ, высѣкли страшно жестоко.

Во времена мадамъ Помпадуръ если и наказываютъ розгами придворныхъ дамъ, то слегка — за излишнее кокетство. Въ женскихъ тюрьмахъ по-прежнему сѣкутъ съ безпощадной строгостью.

Наканунъ Революціи, которая была апофеозомъ флагелляціи женщинъ, женщинъ сѣкутъ публично на городскихъ площадяхъ.

Фаворитка Людовика XV Дюбарри имѣла подругой молоденькую и очень хорошенькую маркизу де-Розень. Розовая, бѣленькая маркиза походила на хорошенькую фигурку изъ саксонскаго фарфора. Среди массы сплетень, которыя, обыкновенно, распускаютъ подруги одна про другую, была одна сіплетня, распущенная Розень про Дюбарри, которая особенно больно задѣла все-сильную фаворитку. Вся въ слезахъ она отправилась жаловаться на маркизу королю.

Добродушный король успокоилъ фаворитку словами: „Ба! Она совсѣмъ ребенокъ, заслуживающій розогъ! Вотъ и все, не стоитъ волноваться“!

Дюбарри рѣшила воспользоваться словами короля и составила довольно коварный планъ.

Однажды Дюбарри послала горничную къ маркизѣ, попросить ее немедленно пріѣхать къ ней, такъ какъ ей нужно было сообщить очень интересную новость.

Де-Розень, ничего не подозревая, вошла въ будуаръ красавицы фаворитки и отдала ей глубокій поклонъ. Не успѣла маркиза поднять голову, какъ на нее набросились горничныя, повалили, раздѣли и, по приказанію Дюбарри, высѣкли розгами до крови. Послѣ наказанія, поправивъ свой костюмъ, бѣдняжка поспѣшила уѣхать. Впрочемъ, вскорѣ обѣ подруги примирились.

Всѣмъ извѣстна исторія съ колье Маріи Антуанеты: невинная дѣвица Валуа была приговорена судомъ къ публичному наказанію розгами. Это наказаніе особенно замѣчательно тѣмъ, что въ то время, во Франціи по крайней мѣрѣ, публично не наказывали тѣлесно женщинъ.

Для дѣвицы Валуа было сдѣлано исключеніе. Предстояло для парижанъ довольно пикантное зрѣлище, такъ какъ Валуа была очень хорошенькая.

Мишле порицаетъ этотъ приговоръ суда, оскорбившій общественную стыдливость. Онъ такъ описываетъ экзекуцію:

„Валуа, когда узнала, что приговоръ, присуждавшій ее къ публичному наказанію розгами, былъ утвержденъ королемъ и что послѣдній ради стыдливаго милосердія повелѣлъ наказывать Валуа рано утромъ.

Благодаря этому, Валуа сѣкли въ присутствіи только тряпичниковъ, собирателей всевозможныхъ нечистотъ, бездомныхъ и сутенеровъ, которыми кишѣли улицы Парижа въ такое раннее время... Повидимому, нашли, что наказаніе въ присутствіи такого милаго общества будетъ менѣе унижительнымъ.

Когда Валуа, блѣдную, какъ смерть, привезли къ эшафоту и палачи стали раздѣвать ее, такъ какъ, по приговору суда, она должна была быть наказываемой обнаженной, то изъ чувства стыдливости дѣвушка начала сопротивляться, биться, кусать и царапать палачей...

Ее все-таки, говоритъ Мишле, довольно скоро раздѣли и сняли сорочку, оставивъ бѣлые вышитые чулки... Затѣмъ ее силой наклонили, чтобы заставить принять положеніе, удобное для наказыванія...

Утренній туманъ еще не вполне разсѣялся и зрители съ трудомъ могли наблюдать всѣ подробности наказанія.

Дикій крикъ раздался, когда палачъ сталъ выжигать на плечѣ Валуа клеймо бѣлыхъ лилій...

Затѣмъ несчастную стали сѣчь розгами.

Помощникъ палача сѣкъ въ то время, какъ два другихъ держали ее.

Вскорѣ все нѣжное тѣло покрылось кровью, струившейся изъ рубцовъ. Начиная отъ шеи и до самыхъ икръ все тѣло несчастной представляло окровавленное мясо безъ кожи.

Почти въ безсознательномъ состояніи на нее надѣли рубашку и юбку.

Блѣдная, какъ смерть, съ искривленными губами, дрожащимъ подбородкомъ, она не могла даже плакать.

Этотъ послѣдній поступокъ короля Людовика XVI не принесъ счастья ни ему самому, ни его семьѣ.

Въ католической Европѣ въ средніе вѣка, начиная съ V и VI вѣковъ духовныя власти присвоили себѣ право судить лицъ всѣхъ классовъ общества и приговаривать къ тѣлесному наказанію виновныхъ. Подобное злоупотребленіе сперва началось въ восточныхъ монастыряхъ и пустынныхъ мѣстахъ, откуда тѣлесныя наказанія вошли въ статуты рѣшительно всѣхъ мужскихъ и женскихъ монастырей.

Вскорѣ епископы присвоили себѣ права, подобно аббатамъ и пріорамъ, наказывать монаховъ или монахинь розгами или плетью. Мало того, даже міряне, подъ видомъ эпитиміи, могли быть

наказываемы розгами по приказанію епископа или его замѣстителя или даже просто духовника, причемъ кающійся или кающаяся обязаны были сами принести розги.

Монахи, священники и дьяконы были избавлены отъ тѣлеснаго наказанія; но были исключенія изъ этого правила: такъ монахъ Годескаль былъ, съ большимъ церемоніаломъ, наказанъ розгами въ присутствіи короля Карла Лысаго; епископъ Отжеръ, жившій въ X вѣкѣ, былъ высѣченъ по повелѣнію папы Іоанна XII.

Въ то время даже государи подвергались суду епископовъ, папъ или ихъ легатовъ и, когда они не соглашались подвергнуться торжественно тѣлесному наказанію, то теряли престоль. Такъ Раймондъ VI, графъ Тулузскій, былъ, с его согласія, подвергнутъ, какъ подозрѣваемый въ ереси, жестокому наказанію розгами на порогъ церкви Сентъ-Жиль, по приказанію папскаго легата Милона.

Генрихъ II англійскій подвергся такому же наказанію.

Людовикъ VIII, за неисполненіе приказаній папы, былъ при-сужденъ явиться босымъ къ ступени собора Богоматери въ Парижѣ, чтобы быть наказаннымъ тамъ монахами розгами.

Флагелляція, какъ страсть. Есть ли флагелляція женскій порокъ?

Среди многочисленныхъ трудовъ относительно флагелляціи, нѣтъ ни одного серьезнаго сочиненія, трактующаго относительно причинъ, способствующихъ возникновенію и развитію этого порока; нигдѣ не найти указанія на фізіологическія или психологическія причины. Говорятъ, что субъекты, подверженныя этой странной маніи, существа ненормальныя, сумасшедшіе или даже идіоты, а затѣмъ ограничиваются тѣмъ, что рассказываютъ факты, описываютъ сцены, приводятъ анекдоты, болѣе или менѣе невѣроятныя, гдѣ мы видимъ активныхъ и пассивныхъ флагелляторовъ, испытывающими болѣе или менѣе сильное наслажденіе.

Насколько намъ извѣстно, никто еще не объяснилъ, почему существуетъ громадное число людей, одаренныхъ умомъ выше средняго, которые испытываютъ особенное удовольствіе, приводящее ихъ къ высшему наслажденію, когда они выступаютъ въ роли активныхъ или пассивныхъ флагелляторовъ.

Нужно ли флагелляцію причислить къ разряду половыхъ извращеній? Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы объяснимъ и постараемся доказать, что флагелляція пассивная, если и цѣнится мужчинами, какъ возбудитель полового сладострастія, то она также очень часто доставляетъ подвергаемому сѣченію страстное наслажденіе непосредственное, который не ищетъ ничего другого.

Мы объяснимъ также, почему флагелляція можетъ разсматриваться, какъ порокъ по преимуществу мужской, мы покажемъ, что испытываютъ активныя и пассивныя флагелляторши, каковы причины, побуждающія ихъ достигнуть, стать, такъ сказать вир-

туозками плети или розогъ, а также укажемъ и на существующую въ этомъ отношеніи разницу между мужчиной и женщиной.

Какъ это ни можетъ показаться страннымъ субъектамъ съ темпераментомъ здоровымъ и нравственнымъ, флагелляція является для нѣкоторыхъ индивидуумовъ источникомъ достиженія самыхъ сильныхъ наслажденій, иногда съ успѣхомъ замѣняющимъ для нихъ натуральные половые акты.

Во всѣ времена флагелляція считалась средствомъ для возбужденія полового сладострастія и имѣла многочисленныхъ горячихъ поклонниковъ доставляемыхъ ею специальныхъ наслажденій.

Въ исторіи религій флагелляція играетъ довольно важную роль и употребляется христіанскими монахами, персидскими дервишами, индусскими фанатиками постоянно съ цѣлью вызвать восторги, которые тѣсно связаны съ тѣми, которые доставляютъ намъ половые органы, въ минуту наивысшаго сладострастія.

Жанъ Жакъ Руссо является знаменитымъ флагелляторомъ, извѣстнымъ в исторіи, не потому, что онъ былъ единственнымъ такимъ флагелляторомъ, а только потому, что онъ былъ почти одинъ, который имѣлъ мужество сознаться въ своемъ порокѣ и съ мельчайшими подробностями его описать.

Всѣ тѣ, которые читали „Исповѣдь“ женевского философа, конечно, помнятъ любопытныя страницы, гдѣ онъ повѣствуетъ, какъ онъ испыталъ величайшее наслажденіе, когда его сѣкла учительница.

Это наказаніе было первымъ ощущеніемъ имъ сладострастнаго чувства.

Онъ ровно ничего не зналъ о половыхъ отношеніяхъ, и любовь представилась ребенку въ образѣ женщины, наказывающей розгами.

Задняя часть тѣла, ляшки являлись въ глазахъ его инструментами любви, источникомъ неслыханныхъ наслажденій.

Онъ рассказываетъ, что преслѣдуемый чисто сладострастными мечтами, онъ отправлялся въ пустынные улицы или въ глухіе переулки, гдѣ, подъ предлогомъ удовлетворенія естественной нужды, устраивался такъ, чтобы показать проходящимъ дѣвушкамъ и женщинамъ свои обнаженные ягодицы. Уже одинъ ужасъ и негодованіе женщинъ доставляло ему очень сильное наслажденіе. Но онъ трепеталъ отъ восторга при мысли, что одна изъ женщинъ, въ концѣ концовъ, на столько разсердится, что схватитъ и высѣчетъ его, чего онъ страстно желалъ.

Въ продолженіе всей своей послѣдующей жизни къ половому акту онъ относился почти съ полнымъ равнодушіемъ и даже не въ состояніи былъ его выполнить, если онъ не сопровождался сѣченіемъ.

Послѣдователей Руссо было и есть громадное число, но обыкновенно они тщательно скрываютъ свою страсть, а если иногда и открываютъ, то только тогда, когда вполнѣ убѣждены, что напали на поклонника той же доктрины.

Задавшись теперь цѣлью всесторонняго и безпристрастнаго изученія, мы должны въ самомъ началѣ нашего труда вполнѣ опредѣленно установить физиологическіе законы, которыми управляется страсть къ флагелляціи, и чтобы о самой флагелляціи читатель могъ вывести вполнѣ опредѣленное понятіе.

Порокъ этотъ имѣетъ корнемъ не только нравственныя, но и физическія причины.

Флагеллянта не слѣдуетъ считать больнымъ, хотя, очевидно, что, благодаря его страсти, нельзя его причислить и къ субъектамъ вполнѣ нормальнымъ.

У флагеллянта половыя отправленія всегда частично поражены по весьма различнымъ причинамъ. Обыкновенный половой актъ его не возбуждаетъ, иногда отъ природы, иногда какъ слѣдствіе разстроеннаго здоровья отъ малокровія, болѣзней, физическихъ или умственныхъ излишествъ.

Въ нормальномъ состояніи флагеллянтъ, обыкновенно, натура холодная. Онъ становится страстнымъ и похотливымъ, какъ только находитъ благопріятную почву для удовлетворенія своей страсти.

Часто также онъ робкое существо, конечно, пассивное, у котораго униженіе, подчиненность вызываютъ радость и даже возбужденіе, какъ контрастъ съ тѣмъ чувствомъ полной покорности, которое онъ питаетъ къ особѣ, его угнетающей.

У женщины любовь къ пассивной флагелляціи является, въ сущности, только преувеличеніемъ ея природнаго инстинкта, и вполнѣ отвѣчаетъ той роли, которая ей назначена въ половомъ актѣ.

Флагелляція по ягодицамъ, внутреннимъ частямъ ляшекъ и даже по половымъ органамъ вызываетъ сильный приливъ крови къ половымъ органамъ. Не трудно понять, что это фиктивное возбужденіе доставляетъ ощущенія и наслажденія вполнѣ сходныя съ испытываемыми отъ естественнаго прилива крови, являющагося отъ полового возбужденія.

Иногда воображеніе въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ рисуетъ извѣстную картину униженія. Такъ одинъ образованный господинъ въ теченіе многихъ лѣтъ рисовалъ въ своемъ воображеніи картину, что та или другая знакомая дама за измѣну или дерзость жестоко наказываетъ розгами, причемъ наказываетъ иногда не сама, а поручаетъ прислугѣ и непременно женской, но очень сильной, нерѣдко въ присутствіи той дамы, съ которой онъ измѣнилъ или въ присутствіи которой оскорбилъ. Курьезно, что воображеніе, для полученія возбужденія, должно было рисовать непременно наказаніе розгами, а не другимъ орудіемъ и еще требовалось нѣсколько такихъ же мелкихъ подробностей. Затѣмъ изрѣдка требовалась перемѣна картины. Какъ только вызванная воображеніемъ картина нарисовалась и получилось сладострастное возбужденіе, а одновременно, болѣе или менѣе, сильное напряженіе члена, то онъ воображалъ, что сѣченіе розгами начинается и ему даютъ первый ударъ, одновременно онъ ложился на животъ и, подражая

нормальному совокупленію, онанировалъ. Объ этомъ читатель найдетъ подробнѣе въ соч. д-ра Дэбе „Физиологія брака“ (въ переводѣ д-ра медіц. А. З-го). Впрочемъ, необходимо отличать настоящаго флагеллянта отъ садиста или мазохиста.

Садизмъ есть стремленіе причинить другому лицу боль, заставить его страдать; мазохизмъ есть желаніе самому страдать и въ этомъ страданіи находить наслажденіе.

Садистъ — больной человекъ, ничѣмъ не отличающійся отъ дикаго животнаго. Правда, онъ удовлетворяетъ свою страсть флагелляціей, но это за недостаткомъ лучшаго, потому что онъ не рѣшается дойти до крайнихъ границъ изъ боязни угодить на каторгу. Подвергая сѣченію, онъ постоянно проявляетъ варварскую жестокость, которой вовсе не ищетъ настоящій флагеллянтъ.

Садистъ испытываетъ сладострастное ощущеніе при видѣ страданій своей жертвы и для того, чтобы наслажденіе его было полнымъ ему необходимо, чтобы ужасъ и мученія, испытываемыя его жертвой, отнюдь не доставляли ей самой ни малѣйшаго наслажденія.

Тоже самое, онъ не желаетъ подвергнуться подобному же обращенію и, испытавъ боль, тотчасъ же отрезвляется, если только его садизмъ не соединяется съ мазохизмомъ. Но въ такомъ случаѣ, онъ ищетъ особенно жестокихъ для себя мученій, иногда чрезвычайно опасныхъ по своимъ послѣдствіямъ. Бывали случаи, что подобные смѣшанные мазохисты уродовали себя.

Флагеллянтъ становится, иногда, садистомъ, если онъ злоупотребляетъ, — отъ частаго употребленія флагелляція теряетъ свою остроту и ему, для полученія наслажденія, поневолѣ, приходится переходить къ болѣе жестокому мученію своей жертвы, но, обыкновенно, онъ все-таки, сохраняетъ извѣстную умѣренность и къ предмету своего обожанія испытываетъ чувства любви и удивленія, которыхъ вовсе никогда не знаетъ садистъ.

Флагеллянтъ есть въ тоже время фетишистъ, онъ боготворитъ ягодицы, по которымъ наноситъ удары, являющіеся какъ бы данью его обожанія.

Онъ одинаково обожаетъ руки и ноги, которыя его толкаютъ и бьютъ. Но чтобы онъ испытывалъ вполнѣ наслажденіе, онъ не долженъ причинять своему партнеру дѣйствительныхъ мученій, ни самъ испытывать настоящихъ страданій.

Кромѣ того, необходимо, чтобы получаемые удары ложились на извѣстныя части тѣла, которыя мѣняются въ зависимости отъ субъектовъ и пола. Чаше всего излюбленными мѣстами для нанесенія ударовъ, вызывающихъ сладострастное чувство, являются ягодицы.

Нѣкоторые мужчины испытываютъ невѣроятное наслажденіе, когда ласкаютъ у нихъ части, смежныя съ заднепроходнымъ отверстіемъ (анусомъ).

Многія женщины обожаютъ слабую флагелляцію по ихъ половымъ органамъ, также какъ треніе ихъ грудей (болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ можно найти въ сочинен. профес.

Ролледера „Онанизмъ“¹⁾). Случается, что у поклонницъ подобной флагелляціи, отъ злоупотребленія ею, опасно заболѣвають груди.

Удары, наносимые по плечамъ, рукамъ, икрамъ и животу, всегда неприятны и не доставляютъ удовольствія любителямъ флагелляціи.

Нѣкоторые любятъ получать пощечины. Но испытываемое ими удовольствіе есть чисто мысленное. Они наслаждаются стыдомъ, испытываемомъ при подобномъ оскорбленіи, а не физическимъ ощущеніемъ отъ пощечины. Необходимымъ почти условіемъ для полнаго удовлетворенія пассивнаго флагеллятора является то, чтобы флагелляція была вызвана дѣйствительнымъ или мнимымъ гнѣвомъ наказывающаго на наказываемаго.

Идеаломъ пассивнаго флагеллянта является быть наказаннымъ тѣлесно отъ чистаго сердца лицомъ, не знающимъ или не обращающимъ вниманія на то, что наказаніе доставляетъ наказываемому наслажденіе. Но это случается очень рѣдко и, обыкновенно, ему приходится довольствоваться только подобіемъ, въ остальномъ ему должно придти на помощь воображеніе, всегда у такихъ субъектовъ плодovitое.

У субъектовъ очень сладострастныхъ предварительныя прикосновенія къ тѣлу передъ сѣченіемъ удваиваютъ удовольствіе отъ послѣдующихъ ударовъ, и нормальное совокупленіе или нѣчто подобное слѣдуетъ за этими приготовительными церемоніями.

У флагеллянта, страсть котораго болѣе, чѣмъ у предыдущаго, подходитъ къ области паталогической, наслажденія, испытываемыя имъ въ то время, когда они сѣкутъ или ихъ сѣкутъ, вызываютъ истеченіе сѣмени безъ полового совокупленія.

Является ли флагелляція женскимъ порокомъ?

На этотъ вопросъ можно смѣло отвѣтить отрицательно. Нѣтъ, флагелляція есть, главнымъ образомъ, мужской порокъ.

Но если большинство женщинъ не подвержено этому пороку, тѣмъ не менѣе между ними есть горячія поклонницы флагелляціи.

Безспорно, что женщина гораздо болѣе склонна къ садизму, чѣмъ къ чистой флагелляціи, а ея мазохизмъ, если только она имъ заражена, рѣдко бываетъ такимъ откровеннымъ, какъ у мужчины.

Конечно, флагеллянтша довольно легко найдетъ женщинъ, которыя согласятся, въ угоду ей, переносить удары, дѣлая при этомъ видъ, что испытываютъ наслажденіе, или разыгрывая какую-либо другую комедію по ея желанію.

¹⁾ Онанизмъ. Проф. РОЛЛЕДЕРА. Причины. Виды онанизма. Онанизмъ у лицъ разныхъ возрастовъ. Послѣдствія. Предупрежденіе. Лечение. Первое подробное изслѣдованіе порока. Полный (безъ цензуры) переводъ д-ра Б. Шехтера. „Книга Rohleder'a какъ первое переводное сочиненіе въ Россіи, написанное вполне научно и не рассчитанное на низменные инстинкты любителей порнографіи. можетъ оказать существенные услуги родителямъ и воспитателямъ въ борьбѣ со зломъ ранняго дѣтства“. *Отзывъ „Ежен. журн. Практич. Медицина“*. Изд. 2, 320 стр. 2 р., въ пер. 2 р. 40 к.

Но тутъ только простая угодливость изъ-за матеріальнаго интереса.

Женщина, которая дѣйствительно любить играть пассивную роль, испытывать сладострастіе отъ жгучихъ ударовъ, встрѣчается рѣдко.

Флагеллянтъ долженъ считать себя счастливымъ, если ему удастся напасть на вполне искреннюю подругу его сладострастныхъ развлеченій.

Женщина гораздо болѣе мужчины чувствительна къ побоямъ, почему между ними и мало послѣдовательницъ пассивной флагелляціи. Ея нервныя впечатлѣнія безконечно острѣе, чѣмъ у мужчины.

Кромѣ того половое возбужденіе у нея вызывается и удовлетворяется легче, чѣмъ у мужчины, не нуждаясь для этого въ сложныхъ ухищреніяхъ.

Не слѣдуетъ забывать глубокую разницу, существующую между сладострастіемъ мужчины и женщины.

У женщины любовная похоть или постоянна или отсутствуетъ вовсе. Никакими способами нельзя вызвать сладострастнаго чувства у женщины, которую природа надѣлила холоднымъ темпераментомъ. Съ другой стороны, нѣтъ ничего легче возбудить похотливое чувство у женщины, отъ природы страстной.

У мужчины похотливое желаніе бываетъ даже при случайной или естественной импотенціи.

Но у мужчины, даже очень сильнаго въ половомъ отношеніи, половая сила пробуждается только вслѣдствіе, болѣе или менѣе, сложныхъ, нравственныхъ и физическихъ феноменовъ.

Мужчина преждевременно истощенный или ослабѣвшій, почти всегда старается возбудить утерянную половую силу и испытать сладострастныя наслажденія. Онъ ищетъ всевозможными средствами оживить заснувшія чувства, чтобы испытать ускользящія наслажденія, или чтобы создать эквивалентныя имъ, когда получаемыя имъ наслажденія отъ нормальнаго полового акта являются недостаточными.

Найти искренняго флагеллянта активнаго несравненно легче, чѣмъ пассивнаго. Но, какъ мы выше сказали, женщина въ такомъ случаѣ весьма склонна къ садизму.

Тогда какъ флагеллянтъ получаетъ наслажденіе отъ умѣренной флагелляціи своей жертвы, флагеллянтша питаетъ къ ней злобное чувство, иногда доходящее до бѣшенства. Если она и съчесть умѣренно, то это по совершенно другимъ соображеніямъ, независимымъ отъ ея воли. Флагеллянтъ, когда бьетъ, то ласкаетъ; флагеллянтша же какъ будто мститъ за тайныя оскорбленія.

Любительница пассивной флагелляціи, испытывающая, подъ ударами розогъ, руками или плетью, настоящее наслажденіе, обыкновенно получила мужское воспитаніе. Иногда это еще происходитъ отъ анеміи, благодаря которой кожа дѣлается почти нечувствительной къ побоямъ.

Активная флагеллянтша дѣйствуетъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ ума; ей доставляетъ удовольствіе проявить свою власть надъ мужчиной или болѣе слабой своей же сестрой. Наказывая ихъ розгами или рукой, она испытываетъ невыразимое наслажденіе отъ ихъ страданій и униженія.

Активная флагеллянтша очень рѣдко желаетъ совокупленія и половой оргазмъ происходитъ у нея во время экзекуціи безъ всякой помощи соблазнительныхъ прикосновеній или мужскаго члена. Если произвести въ это время изслѣдованіе ея половыхъ органовъ, то всегда можно будетъ найти тѣ же самыя выдѣленія, которыя появляются при нормальномъ соитіи.

Впрочемъ это не есть общее правило. Наоборотъ, у нѣкоторыхъ женщинъ флагелляція является средствомъ, возбуждающимъ къ половому акту, которому онѣ предаются съ большей охотой и отъ котораго испытываютъ несравненно большее наслажденіе, если предварительно возбудили себя наказаніемъ своего возлюбленнаго.

ГЛАВА VI

Флагелляція въ монастыряхъ. Мистическая флагелляція.¹⁾

Флагелляція существовала постоянно и существуетъ даже до сихъ поръ въ монастыряхъ мужскихъ и женскихъ. Конечно, чаще всего она примѣняется не какъ дѣйствительно наказаніе, а какъ средство для удовлетворенія наклонностей къ флагелляціи монахинь, подвергающихъ ей своихъ сотоварокъ или дѣтей, воспитаніе которыхъ довѣрено имъ.

Напрасно было бы искать флагелляцію въ пансіонахъ, гдѣ обучаются дѣти состоятельныхъ родителей, находящихся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ними и могущихъ всегда увѣдомить о жестокомъ съ ними обращеніи. Но въ конгрегаціяхъ, которыя призрѣваютъ дѣтей бѣдняковъ, сиротъ и брошенныхъ дѣтей, болѣе или менѣе выраженная наклонность монахинь къ садизму и неудовлетворенность вслѣдствіе полового воздержанія, удовлетворяются, въ широкой степени, при помощи флагелляціи, примѣняемой ими подъ видомъ наказанія якобы за непослушаніе или лѣность.

Такихъ учреждений, гдѣ монахини удовлетворяютъ свою страсть, подвергая учениковъ и ученицъ наказанію розгами или плетью очень много.

¹⁾ Сочиненіе это — переводное, а потому вездѣ идетъ рѣчь о католическихъ монастыряхъ. *Переводчикъ.*

Непослушная или провинившаяся дѣвочка выслушиваетъ строгую нотацію; затѣмъ ей велятъ сдѣлать что-нибудь въ присутствіи ея подругъ съ цѣлью ея унижить. Напримѣръ, она должна стать на колѣна, поцѣловать ноги игуменьи или монахини воспитательницы, дѣлать земные поклоны и т. п.

Иногда, послѣ этого ее наказываютъ еще тѣлесно публично или келейно. Наибольше употребительный способъ наказанія, который, обыкновенно, доставляетъ большое наслажденіе флагеллянтшѣ, въ томъ, что, поднявши юбки у виновной и поставивъ ее на четвереньки, наказывающая садится на нее верхомъ и крѣпко сжимаетъ колѣнами ея тѣло, имѣя передъ собою заднюю часть ребенка. Послѣ этого, спустивши панталончики и поднявъ рубашку, начинается съчь, по обнаженнымъ частямъ тѣла, розгами, руками, плетью, или просто пучкомъ веревокъ.

Иногда сильное сопротивленіе и желаніе освободиться наказываемой, хотя бы при помощи царапанія и кусанія своей мучительницы, вынуждаютъ ее прибѣгать къ другимъ способамъ.

Въ такомъ случаѣ въ монастыряхъ чаще всего кладутъ виновною на столъ на четырехъ ножкахъ такъ, чтобы животъ ея лежал на столѣ, а концы висящихъ ногъ можно было бы привязать къ концамъ ножекъ стола; при помощи длинныхъ веревокъ кисти рукъ привязываются къ противоположнымъ ножкамъ стола.

Затѣмъ обнажаютъ тѣло и наказываютъ; при этомъ наказываемая можетъ только вздрагивать и слегка подпрыгивать, чѣмъ доставляетъ еще большее удовольствіе наказывающей.

Флагелляція между взрослыми монахинями практикуется нѣсколько иначе.

Въ монастыряхъ, открыто развращенныхъ, сладострастная флагелляція плетью или розгами по обнаженнымъ ягодицамъ примѣняется постоянно и сопровождается всевозможными ласкательскими развлеченіями.

Въ монастыряхъ, гдѣ господствуетъ истерія подъ видомъ искренняго религіознаго чувства, флагелляція, которой собственноручно подвергаетъ себя „святая“ или которой она проситъ подвергнуть ее, никогда не производится по обнаженнымъ ягодицамъ, но всегда по спинѣ, плечамъ и, иногда, по бедрамъ.

Тутъ ужъ царство мазохизма и внутренне-сладострастное наслажденіе, испытываемое наказываемой будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ боль будетъ острѣе.

Извѣстно, что въ первыя времена христіанства, духовники присвоили себѣ право съчь кающихся грѣшниковъ и грѣшницъ, но злоупотребленіе подобными наказаніями вскорѣ достигло чудовищныхъ размѣровъ. Назначенное для умерщвленія плоти, наказаніе, наоборотъ, достигало совершенно обратныхъ результатовъ, т. е. вызывало, какъ у наказывающаго такъ и у наказываемаго половое возбужденіе.

Если ксендзамъ было разрѣшено подвергать другъ друга съченію, а также наказывать подобнымъ же образомъ и кающихся грѣшниковъ, то понятно, безъ длинныхъ разсужденій, что чаще

удары падали на спины послѣднихъ. Мы уже сказали, что флагелляція въ монастыряхъ практикуется и въ настоящее время, конечно, съ большой скрытностью, чѣмъ когда-то, а также женщины, за рѣдкими исключеніями, наказываются только женщинами же.

Д-ръ Миланженъ говоритъ, что въ былыя времена флагелляція въ монастыряхъ обоюга пола являлась настоящимъ искусствомъ.

Флагелляція была двухъ родовъ: по верхнимъ и нижнимъ частямъ тѣла; первая назначалась для плечъ, а вторая была предназначена, главнымъ образомъ, для женщинъ, такъ такъ полагали, что первая флагелляція была для нихъ опасна вслѣдствіе возможности поранить груди, какъ извѣстно очень чувствительныя, ударами плети или розогъ. Затѣмъ, думали сильнѣе пристыдить, обнажая наказываемую.

Святые монахи испытывали большое наслажденіе съчь не только тѣхъ, которые ихъ оскорбили, но и самыхъ вѣрныхъ своихъ послѣдователей. Такимъ образомъ флагелляція считалась однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ, чтобы умиловитъ святыхъ и сдѣлать ихъ щедрыми на всевозможныя блага. При папѣ Сикстѣ VI одинъ профессоръ богословія написалъ цѣлый трактатъ противъ таинства Причащенія и отрицалъ Непорочное Зачатіе. За это онъ былъ публично, къ великому удовольствію дамъ, наказанъ тѣлесно. Вотъ переводъ съ латинскаго протокола, который былъ составленъ объ этомъ памятномъ событіи:

Отецъ ключарь, схвативъ его за талію, положилъ къ себѣ на колѣна. Послѣ этого, поднявъ всѣ его одежды, потому что онъ, хотя и былъ слуга Бога, но дерзнулъ возставать противъ таинства, установленнаго самимъ Богомъ, сталъ его сильно бить по жирнымъ обнаженнымъ ягодицамъ руками. Всѣ присутствующіе были въ восторгѣ отъ этой экзекуціи. Одна набожная дама даже попросила наказывающаго дать за нее четыре удара. Услыхавъ такую просьбу, другая дама стала просить дать и за нее тоже четыре удара. Послѣ этого и другія дамы послѣдовали ихъ примѣру. Такимъ образомъ, если бы отецъ ключарь захотѣлъ исполнить всѣ просьбы, то ему пришлось бы наказывать бѣднаго профессора цѣлый день.

Въ XVIII вѣкѣ существовала секта, послѣдователи которой имѣли обыкновеніе собираться въ плохо освѣщенныхъ сараяхъ, гдѣ сѣкли взаимно другъ друга. Во главѣ этой секты стояли два брата Бонжуръ, которые имѣли такое громадное вліяніе на женскихъ послѣдовательницъ секты, что вызвали вполне законные протесты со стороны мужей, которые никакъ не могли понять, зачѣмъ ихъ женамъ бросать семейный очагъ, чтобы идти просить ксендзовъ подвергнуть ихъ съченію. Женщины дошли до того, что, съ розгами въ рукахъ, останавливали своихъ духовниковъ въ полѣ и умоляли ихъ немедленно тутъ же на мѣстѣ высѣчь. И вотъ можно было наблюдать такія сцены, какъ въ полѣ ксендзъ, поднявъ женщинѣ юбки, наказываетъ ее розгами, какъ маленькаго ребенка!

Извѣстный историкъ Мишле относительно религіозной флагелляціи говорить слѣдующее:

„Какъ! даже на каторгѣ законъ запрещаетъ бить воровъ, убійць и т. п. злодѣевъ... А вы, проповѣдники милосердія и кротости, бьете женщинъ, даже молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей, которыхъ, если и можно въ чемъ упрекнуть, то только въ нѣкоторой слабости.

Но самое главное, какъ вы производите это наказаніе? Кто назначаетъ число ударовъ?.. Игуменя или игумень?.. Каково положеніе безапелляціоннаго судьи страстнаго и капризнаго, призваннаго рѣшать споры между двумя женщинами, когда одна ему не нравится, или когда споръ идетъ между рожей и хорошенькой, или между старухой и молоденькой!...

Бывали случаи, аббаты или аббатисы требовали и добивались того, чтобы епископъ смѣнилъ духовника, который, по ихъ мнѣнію, не былъ достаточно строгъ. Есть громадная разница между строгостью мужчины и жестокостью женщины. Чистѣйшимъ воплощеніемъ дьявола на землѣ вы знаете, кто является?.. Такой-то инквизиторъ, или такой-то іезуитъ скажете вы! Нѣтъ, это іезуитка, дама изъ высшаго свѣта, постригшаяся въ монахини и которая мнитъ себя рожденной для управленія, которая среди дрожащаго стада женщинъ разыгрываетъ Бонапарта, изощрается въ изобрѣтеніи всевозможныхъ мученій для беззащитныхъ женщинъ, находясь подъ вліяніемъ плохо выльченныхъ страстей!“

Аббатъ Воазенонъ, другъ Вольтера, оставилъ трудъ, гдѣ онъ довольно ярко рисуетъ, какой родъ набожности культивировался въ тогдашнихъ высшихъ классахъ общества.

„Епитиміи набожной герцогини, мужъ которой былъ свѣтскій высокопоставленный человѣкъ, относившійся къ ней съ преступнымъ равнодушіемъ, происходили подъ наблюденіемъ одного изъ друзей дома, державшагося очень строгихъ принциповъ. Чтобы изгнать грѣшныя мысли и умертвить плоть, которая, какъ сказалъ апостоль Павелъ, находится въ постоянной борьбѣ съ религіознымъ настроеніемъ, потребовалось прибѣгнуть къ тѣлесному наказанію. Дама, которую духовникъ убѣдилъ въ необходимости этого для спасенія ея души, подчинилась безъ всякихъ протестовъ. Генрихъ Р... былъ членомъ приходскаго собранія, состоявшаго изъ ханжей, мужчинъ и женщинъ. Въ этомъ собраніи толковали о проповѣдникахъ, о духовникахъ, о святыхъ, память которыхъ праздновалась въ тотъ день, о чистилищѣ, о послѣднемъ страшномъ Судѣ, о смерти, объ адѣ и о многихъ другихъ подобныхъ матеріяхъ. Герцогиня Конда, увидавшая его въ этомъ собраніи, пригласила его посѣтить ее.

Когда онъ явился къ ней, то благородная дама сказала ему немедленно слѣдующее:

„Я рассчитываю на вашу помощь при исполненіи мною епитимій. Услыхавъ это, онъ уже собирался отвѣчать, что ровно ничего не смыслить по части духовныхъ епитимій, но когда герцогиня произносила свою фразу, онъ увидалъ, что передъ нимъ стоитъ молодая и хорошенькая женщина; ему жаль было, что она такая

ханжа, но онъ восхищался ея дивными темно-синими глазами, открытымъ лбомъ и густыми бровями и превосходнымъ цвѣтомъ лица, а потому мысленно рѣшилъ съ ханжей быть тоже ханжей; особеннаго зла тутъ не было, — придется только разыграть маленькую комедію; посмотримъ, думаль онъ, какая будетъ у нея развязка.

Герцогиня просила его войти въ маленькій кабинетъ, гдѣ онъ нашель ночную сорочку, кальсоны и туфли. Онъ взялъ ванну, послѣ этого началось моленіе. Но рассказы о раѣ и его утѣхахъ производять на герцогиню потрясающее впечатлѣніе и она вскрикиваетъ: „Ахъ! — милостивый государь, — остановитесь, я болѣе не въ силахъ слушать! Описаніе вами райскихъ наслажденій мнѣ окончательно вскружило голову. Я чувствую, что теряю сознаше! Не оставляйте меня, мнѣ нужно воздуха! Ради Бога, снимите у меня шейный платокъ, но при этомъ не скандализируйтесь тѣми ужасными вещами, которыя вы увидите!

Но, повидимому, молодой человекъ проявилъ столько горячности, что возбудилъ герцогиню и она пожелала наказать себя за это.

Р... беретъ плеть, а герцогиня начинаетъ пѣть псаломъ, но, окончивъ послѣдній стихъ, она говоритъ: „Остановитесь! Это я виновница грѣха, я и должна быть наказана. Если за наслажденіе можно заслужить проклятіе, то я должна опасаться этого, такъ какъ я испытала очень сильное удовольствіе. Черезъ васъ я получила удовольствіе, черезъ васъ и должна понести наказаніе! Возьмите плеть и накажите меня! Сказавши это, герцогиня легла на отоманку, принявъ положеніе, удобное для наказанія ея, и продолжала кричать: „Наказывайте меня, бейте сильнѣе великую грѣшницу!»

При видѣ столькихъ прелестей, Р... падаетъ на колѣна и говоритъ: „Я долженъ нѣсколько сосредоточиться и мысленно просить Бога, чтобы онъ принялъ благосклонно то, что я совершу сейчасъ“.

Флагелляція состоялась, но вѣками доказано, что ни набожная дама, ни ея духовный наставникъ не достигли еще той степени совершенства, чтобы стать выше могучихъ требованій плоти.

Въ большинствѣ католическихъ монастырей, какъ показало, произведенное секретно, слѣдствіе, флагелляція господствуетъ не ввидѣ религіознаго обряда, а подъ предлогомъ наказанія.

Мы уже сказали выше, какъ она примѣняется. Многія монахини ударяють по обнаженнымъ ягодицамъ виновной.

Другія употребляютъ розги изъ свѣжихъ березовыхъ прутьевъ, отъ которыхъ на кожѣ очень скоро появляются красные рубцы.

Нѣкоторые, что встрѣчается рѣже, наказываютъ гибкой палочкой, веревкой съ узлами на концѣ или иногда пучками колючаго растенія (орти), отъ котораго боль особенно сильна.

На допросѣ у слѣдователя одна изъ монастырскихъ воспитанницъ показала слѣдующее:

„Конечно, мы всѣ очень боялись быть наказаны тѣлесно, особенно тяжело было ожидать предстоящаго тѣлеснаго наказанія. Несмотря на это, внутренно, одновременно со страхомъ,

мы испытывали, по крайней мѣрѣ многія изъ насъ,— нѣкоторое удовольствіе. Мы больше любили тѣхъ сестеръ, которыя наказывали насъ чаще и при этомъ сѣкли строже. Только наказаніе пучкомъ орти внушало намъ всѣмъ одинъ страхъ, какъ послѣ такого наказанія боль оставалась долгое время послѣ того, какъ пріятное чувство исчезло.

Между нашими воспитанницами.— продолжаетъ показывать та же дѣвочка,— одна маленькая дѣвочка, жалкая, худая и запуганная, лѣтъ 12-ти, была, положительно, мученицей; такъ ее часто и жестоко сѣкли.

Она умерла 15-ти лѣтъ отъ менингита, который, вероятно, и развился у нея отъ перенесенныхъ ею истязаній.

Главной ея мучительницей была сестра Эмма, особенная любительница суровыхъ тѣлесныхъ наказаній.

Она нерѣдко за какую-нибудь дерзость маленькой Анжель заставляла ее раздѣваться совершенно до гола и бѣгать на четверенькахъ по комнатѣ кругомъ. Чтобы заставить бѣгать ее скорѣе, она вооружалась плетью и подхлестывала несчастнаго ребенка, при этомъ еще ругая его.

Наконецъ, когда измученная дѣвочка уставала и забивалась въ уголъ, сестра начинала ее колотить по чемъ попало своими костлявыми руками или рукояткой плетки. Послѣ подобнаго истязанія у ребенка всегда была на тѣлѣ масса синяковъ и кровоподтековъ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что сестра била только по ягодицамъ, спинѣ и ляшкамъ, избѣгая головы и другихъ частей тѣла.

Что касается такъ называемой мистической флагелляціи, происходившей въ монастыряхъ, она возникла, благодаря отшельникамъ, примѣнявшимъ ее съ совершенно другой цѣлью. Такъ, отшельникъ Петръ спасъ однажды одну молодую женщину, которую хотѣлъ изнасиловать офицеръ, но за то у него самого появилось такое сильное половое возбужденіе, что ему пришлось запереться и подвергнуть себя жестокой флагелляціи...

Но большинство монаховъ и духовниковъ пользовались флагелляціей, какъ средствомъ для удовлетворенія своей похоти. Такъ, испанскій монахъ Менусъ убѣдилъ нѣсколько молодыхъ женщинъ жить съ нимъ какъ бы въ мистическомъ бракѣ, который всегда заканчивался не мысленнымъ образомъ, какъ онъ обѣщалъ.

Другіе увѣряли женщинъ, что брачныя удовольствія, какъ и земные плоды, должны подлежать десятинному налогу въ ихъ пользу, а сѣченію подвергали женщинъ, чтобы дать имъ возможность испытать небесныя наслажденія.

Наконецъ, были еще и такіе монахи и духовники, которые прибѣгали къ флагелляціи женщинъ, чтобы отвратить подозрѣнія и привести къ благопріятному концу свои любовныя интрижки. Чтобы побѣдить чувство стыдливости у нѣкоторыхъ, они говорили, что наши прародители ходили въ раю голыми, что люди при крещеніи тоже бываютъ голыми и въ такомъ же видѣ будутъ при

всеобщемъ воскресеніи. Ссылались также на текстъ изъ священнаго писанія: „Ступай и покажись священникамъ“, чтобы оправдать необходимость для кающихся быть въ обнаженномъ видѣ.

Въ 1765 г. въ Лондонѣ появилось довольно любопытное сочиненіе подъ названіемъ „Дорога въ Рай“. Въ немъ есть нѣсколько довольно любопытныхъ подробностей изъ монастырской жизни.

Такъ, на примѣръ, одинъ здоровенный монахъ, духовникъ въ одномъ изъ женскихъ монастырей, проповѣдывалъ, что наиболѣе короткій путь въ Рай особое склоненіе тѣла. Проповѣдываемое имъ положеніе тѣла было очень удобно для злоупотребленій со стороны монаха надъ кающимися женщинами.

Подобные молодцы или отцы вродѣ Жирара, о продѣлкѣ котораго съ дѣвицей Кадьеръ мы говорили въ первомъ томѣ нашего труда, были всегда самыми яркими защитниками флагелляціи во всѣхъ ея видахъ.

Св. Терезія, бичевавшая себя по совѣту своего духовника, испытывала при этомъ невыразимыя наслажденія. Аббатисса Луденскаго монастыря подвергала себя и своихъ монахинь сѣченію. Всѣ онѣ были влюблены въ ксендза Грандье, который проповѣдывалъ имъ прелести покаянія и увѣрялъ, что въ нихъ сидитъ дьяволъ, для изгнанія котораго ихъ необходимо сѣчь и сѣчь...

Многія изъ женщинъ испытываютъ мазохизмъ вмѣстѣ съ флагелляціей. Нѣкоторыя изъ нихъ умоляютъ о прощеніи, какъ будто онѣ страшно боятся ожидающаго ихъ тѣлеснаго наказанія, а часто онѣ желаютъ быть подвергнутыми сѣченію въ минуту сладострастія.

Флагелляція, которой добиваются нѣкоторыя женщины, благопріятствуетъ тому, чтобы разыгрывать роль мужчины, и обладаніе подругой бываетъ тѣмъ страстнѣе, чѣмъ флагелляція сильнѣе и продолжительнѣе.

ГЛАВА VII.

Тѣлесныя наказанія въ Китаѣ Флагелляція у проститутокъ

Китай, мудрость конституціи котораго признается многими, представляетъ во многихъ отношеніяхъ деспотическую монархію.

Палочный режимъ въ полномъ ходу въ Китаѣ. Палочное или наказаніе палками чрезвычайно часто примѣняется, просто по словесному приказанію и даже за такіе проступки, которые слѣдовало бы оставить усмотрѣнію cadaго. Такъ, на примѣръ, сынъ или внукъ, женатые, наказываются ста ударами палокъ, если плохо служатъ отцу, матери, дѣду и бабушкѣ.

Нерѣдко, по распоряженію верховной власти, наказываются палками очень высокопоставленныя лица. Они подчиняются съ полной покорностью и послѣ наказанія допускаются опять ко двору. Судьи приказываютъ частенько бить палками во время самаго засѣданія гражданъ и даже подчиненныхъ имъ судей.

Военные, происхожденіемъ китайцы, наказываются палками, а маньчжуры — плетью.

Женщины наказываются плетью или розгами. За воровство ихъ наказываютъ плетью публично. У высокопоставленныхъ лицъ провинившихся женщинъ сѣкутъ евнухи.

Въ Китаѣ существуютъ дома терпимости съ проститутками мужчинами. Китайская женщина, какъ порядочная, такъ и проститутка, совершенно невѣжественна. А китаецъ часто обладаетъ поэтической душой, любитъ искусство, философію, о которыхъ китаянка не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Вотъ почему китаецъ, если онъ со средствами, посѣщаетъ мужскихъ проституткокъ высшаго полета, среди которыхъ онъ можетъ встрѣтить пассивныхъ педерастовъ, получившихъ очень хорошее образованіе.

Въ Китаѣ педерастія не представляетъ чего-нибудь особеннаго; ей предаются вполнѣ свободно. Общественное мнѣніе относится къ ней вполнѣ равнодушно и не видитъ въ ней оскорбленія общественной нравственности. Подобный родъ развлеченія считается удѣломъ людей богатыхъ. Практиковать педерастію — роскошь, которую могутъ позволить себѣ только люди очень состоятельные; она является дополненіемъ всѣхъ хорошихъ пирушекъ, во время которыхъ пирующие поглощаютъ массу возбуждающихъ кушаній.

Молодые пассивные педерасты съ самаго ранняго дѣтства воспитываются и тренируются въ этихъ видахъ какъ въ физическомъ отношеніи, такъ и въ умственномъ. Большею частію они — дѣти, или проданные родителями ихъ въ возрастѣ отъ четырехъ до пяти лѣтъ или дѣти украденныя лицами, спеціально занимающимися комплектованіемъ мужскихъ домовъ терпимости. Эти дѣти подвергаются особой тренировкѣ, которая должна сдѣлать ихъ способными играть будущую ихъ роль. Они отдаются въ ряды проституціи только въ возрастѣ пятнадцати лѣтъ.

Въ началѣ тренировки ихъ подвергаютъ методическому сѣченію кожаными ремнями; подобное сѣченіе, какъ говорятъ, особенно сильно развиваетъ ягодицы, — особенно, если сѣченіе сопровождается еще массажемъ. Сладострастный китаецъ, предающійся педерастіи, любитъ, чтобы предложенный ему пассивный сюжетъ обладалъ формами, похожими на женскія. Вотъ почему сводникъ воспитатель употребляетъ всѣ средства, чтобы достигнуть этой цѣли. Молодые мужчины очень скоро привыкаютъ къ образу жизни, на которую натолкнулъ его сводникъ. Они всегда роскошно одѣваются, ѣздятъ только въ экипажѣ, много душатся и вообще заботятся о туалетѣ своей персоны и объ ея чистотѣ. Они такъ привыкаютъ играть женскую роль, что прекрасно подражаютъ женской походкѣ, манерамъ и голосу.

Первое полицейское постановление, которымъ публичнымъ, женщинамъ запрещалось носить нѣкоторые предметы туалета или украшенія, было издано парижскимъ прево 8 января 1415 г. Такъ, имъ было запрещено носить на платьяхъ украшенія изъ золота и серебра, золотыя или позолоченныя пуговицы, нѣкоторые такъ называемые честные мѣха, и это подѣ страхомъ конфискаціи, штрафа и наказанія плетью.

Извѣстный юристъ Жозе Дамудеръ говоритъ въ своемъ сборникѣ „Юридическая практика“: „Сводники или сводницы, соблазняющіе порядочныхъ женщинъ въ развратѣ, по закону наказываются плетью, а по обычаю высылаются или подвергаются какимъ-либо другимъ наказаніямъ. Нѣкая Елисавета, продавшая одну молоденькую дѣвушку, была наказана плетями и сожжена живой, держа горящій факель въ рукахъ. Тѣлесное наказаніе по приговорамъ епископа производилось у ступеней Парижскаго собора Богоматери. Подобныя экзекуціи служили большимъ развлеченіемъ для парижанъ. Выше мы описали одну изъ подобныхъ экзекуцій за то, что проститутка гуляла въ школьномъ кварталѣ.

При проѣздѣ осужденной собирались цѣлыя толпы народа. Публичныя женщины и всѣ развратники находили особенное удовольствіе присутствовать при тѣлесномъ наказаніи этихъ сводницъ, которыя частенько обогащались на счетъ своихъ жертвъ.

Въ Ліонѣ, несмотря на то, что проституція была терпима, сводники и сводницы стояли внѣ закона. Ихъ сѣкли розгами или плетями, высылали и конфисковывали ихъ имуществу. Иногда сводницу, говоритъ де-Вугланъ, сажали на осла, лицомъ къ хвосту, въ соломенной шляпѣ и привязанной доской съ надписью. Послѣ наказанія плетями ее возили по городу, а потомъ высылали изъ города.

Въ 1347 г. королева Іонна издала въ Авиньонѣ указъ, въ которомъ былъ слѣдующій параграфъ:

„Если какая-либо дѣвушка совершила паденіе и хочетъ продолжать такъ же поступать и впредь, то хранитель городскихъ ключей или начальникъ городскихъ возьмутъ ее за руки и торжественно, съ барабаннымъ боемъ отведутъ въ домъ, гдѣ живутъ проститутки. Ей будетъ запрещено выходить изъ этого дома въ городъ подѣ страхомъ штрафа въ первый разъ, наказанія плетями и ссылки за нарушеніе этого правила во второй разъ“.

Въ шестомъ пунктѣ этого указа говорится:

„Содержательница дома не должна допускать мужчинъ въ страстную Пятницу, страстную Субботу и первый день Пасхи подѣ страхомъ наказанія плетями и высылки изъ города“.

Въ мемуарахъ госпожи Генріетты-де-Пуасси, извѣстной сводницы, жившей на улицѣ Пеликанъ въ Парижѣ, мы находимъ интересное описаніе, какъ къ ней нагрянула полиція по доносу, что у нея находятся женщины, не записанныя въ разрядъ проститутокъ. Дѣло было во времена консульства. Вотъ какъ это описываетъ:

„Посаженные въ перемѣшку на телѣгу, мы были отвезены въ большой Шателе при смѣхѣ собравшейся толпы народа; намъ бросили немного соломы и принесли нѣсколько кувшиновъ съ негодной водой. Вотъ гдѣ можно было наблюдать алчность надзирателей тюрьмы, которые не замедлили воспользоваться нашимъ несчастьемъ, чтобы ежедневно брать съ насъ взятки. Безжалостные варвары, наше горе ихъ мало трогало. Мало того, они насъ очень часто жестоко пороли розгами за самый пустяшный проступокъ, а то травили собаками, которыя рвали въ клочья наши платья.

Черезъ два дня наступилъ моментъ, когда должна была быть рѣшена наша участь. Насъ всѣхъ привели въ большое зало, доступное для всѣхъ, желающихъ присутствовать при разборѣ нашего дѣла. Грубость конвойныхъ, сопровождавшихъ насъ, ничѣмъ не отличалась отъ грубости тюремныхъ надзирателей. Они насъ награждали пинками, били саблями плашмя по спинѣ. По прибытіи полицеймейстера, конвойные отгѣснили толпу; онъ усѣлся въ большое кресло, по лѣвую руку его сталъ полицейскій приставъ, а по правую два городовыхъ. Насъ, несчастныхъ, грубо заставили стать на колѣна, въ ожиданіи приговора. Всѣхъ насъ приговорили къ четырехмѣсячному заключенію въ госпиталь и наказанію двадцатью ударами розогъ.

По прочтеніи намъ этого гнуснаго приговора, насъ усадили опять въ телѣжку и съ тѣмъ же церемоніаломъ отвезли въ госпиталь, гдѣ всѣхъ отвезли въ баню и велѣли каждой взять ванну и хорошенько вымыться. Послѣ взятія ванны каждая изъ насъ должна была переодѣться въ больничное бѣлье и халатъ. Насъ всего было со мною четырнадцать душъ. Когда мы были всѣ готовы, то насъ опять конвоемъ четырехъ солдатъ повели черезъ дворъ въ какой-то флигель. Когда насъ ввели въ довольно большую комнату, то появился полицеймейстеръ съ докторомъ и начальницей женскаго отдѣленія госпиталя. Докторъ безъ всякаго вниманія къ нашей стыдливости, въ присутствіи конвойныхъ и полицеймейстера, велѣлъ каждой раздѣваться до нага, подробно осматривалъ ее, выслушивалъ сердце и затѣмъ приказывалъ опять надѣть рубашку и халатъ. Изъ словъ доктора полицеймейстеру я поняла, что насъ вымыли и докторъ осматривалъ, чтобы рѣшить, не вредно ли будетъ какой-нибудь изъ насъ немедленное наказаніе розгами. Хотя въ тюрьмѣ безъ всякихъ подобныхъ церемоній, по жалобѣ надзирателя или по капризу смотрителя тюрьмы, намъ давали и по пятидесяти розогъ.

Докторъ нашелъ, что всѣхъ можно наказывать безъ опасности для нашего здоровья. Тогда, по приказанію надзирательницы, конвойные связали намъ руки толстыми веревками. Пока конвойные вязали намъ руки, надзирательница вышла изъ комнаты. Я и многія изъ насъ стали плакать и просить, чтобы полицеймейстеръ, если не хочетъ простить, то велѣлъ бы наказывать женщинамъ и въ присутствіи одной надзирательницы. Но онъ отвѣтилъ, что ни самъ, ни докторъ не могутъ, по закону, уйти, а наказывать и держать должны конвойные. Послѣ этого нѣкоторые стали

браниться, произносить неприличные слова и даже обвинять полицеймейстера съ доктором, что они хотят любоваться ихъ голыми тѣлами... Но когда полицеймейстеръ пригрозилъ дать вмѣсто двадцати розогъ сорокъ или даже больше, то брань прекратилась и большинство стало только громко реветъ и умолять о прощеніи... Черезъ нѣкоторое время, показавшееся намъ цѣлой вѣчностью, опять появилась надзирательница, за ней двѣ бабы несли длинную, узенькую скамью, на которой, очевидно, насъ будутъ наказывать; сзади двѣ сестры милосердія несли громадное количество длинныхъ пучковъ розогъ изъ березовыхъ прутьевъ... При видѣ такого количества ужасныхъ розогъ, плачь и рыданія перешли въ настоящій вой и крики о прощеніи... Но это не произвело на начальство никакого впечатлѣнія; полицеймейстеръ только снова пригрозилъ удвоить или утроить порцію тѣмъ, которыя не перестанутъ громко орать,— послѣ этого крики затихли и перешли опять въ сдержанныя рыданія. Первою была вызвана дѣвушка Бетти; скамейка стояла уже среди комнаты и около нея столпилось все начальство, а одинъ конвойный взялъ пучекъ розогъ и стоялъ около скамейки; онъ слегка взмахивалъ розгами; сестры милосердія положили пучки розогъ на полъ около скамейки и собирались уходить, но надзирательница велѣла обѣимъ отатся; одной она приказала стать около скамейки и считать удары розогъ.

Бетти пошла покорно, только стала громче всхлипывать, когда конвойный, при помощи другого солдата, сталъ ее укладывать на скамейку. Бетти была хорошенькая дѣвушка, всего девятнадцати лѣтъ. Она была тихая, слегка, рыжеватая, съ темнымъ блестящимъ оттѣнкомъ волосъ. Въ лицѣ ея сохранилось пугливое, скромное и лукавое выраженіе. Было что-то таинственное въ уклончивомъ взглядѣ ея густо темно-синихъ глазъ изъ — подъ длинныхъ опущенныхъ рѣсницъ. Даже ложась подъ розги, она сохранила свои манеры, усмѣшки и интонаціи скромной, но развратной святоши. Наконецъ ее обнажили, одинъ конвойный сталъ держать за ноги, а другой за руки. Солдатъ съ розгами въ рукахъ поднялъ ихъ высоко и смотрѣлъ на полицеймейстера, ожидая знака для начала экзекуціи. Послѣдній кивнулъ головой и мгновенно розги со свистомъ опустились на крупъ Бетти, которая дико крикнула и рванулась, но солдаты, видимо, крѣпко держали и Бетти, когда послѣдовали новые удары, перестала рваться и только дико кричала все время, пока ее сѣкли. Сестра милосердія громко считала удары. Солдатъ билъ очень сильно и съ разстановкой, удерживая, послѣ удара, нѣсколько секундъ розги на тѣлѣ... Послѣ двадцатаго удара полицеймейстеръ велѣлъ прекратить сѣченіе. Все тѣло несчастной Бетти было исполосовано темно-красными полосами, изъ которыхъ сочилась кровь. Многія полосы были фіолетовыя. Полицеймейстеръ похвалилъ солдата... Бетти съ трудомъ встала со скамейки и, пошатываясь, была увелена изъ комнаты одной изъ сестеръ милосердія. Слѣдующей повели сѣчь Женю. Это была двадцатилѣтняя дѣвушка. Ей нужно было скорѣе быть въ лѣчебницѣ, чѣмъ жить въ публичномъ домѣ. Она из-

ступленно, благодаря своей мучительно нервной болѣзни, съ какой-то особенной жадностью отдавалась каждому мужчинѣ, даже самому отвратительному. Подруги подшучивали надъ нею и слегка презирали ее за этотъ порокъ. Жанна даже очень удачно передразнивала Женю, какъ она вздыхала, стонала въ минуты экстаза и выкрикивала страстные слова, которыя были слышны въ сосѣднихъ комнатахъ. Я знала, что Женя поступила въ мой домъ вовсе не изъ-за нужды и не соблазномъ или обманомъ, а добровольно, подъ вліяніемъ своего ненасытнаго полового инстинкта. Мнѣ, конечно, было выгодно поощрять слабость дѣвушки и я ее баловала, потому что она шла на расхватъ и зарабатывала въ пять или шесть разъ больше другихъ дѣвушекъ. Она имѣла массу постоянныхъ гостей. Въ праздники я даже не выпускала ее въ общее зало, чтобы не обижать постоянныхъ гостей отказомъ въ услугахъ Жени. Многіе мужчины были въ нее влюблены и предлагали ей пойти на содержаніе. Пассивная во всемъ, кромѣ своего ненасытнаго сладострастія, Женя пошла бы ко всякому, но я всѣми средствами старалась помѣшать этому невыгодному для меня казусу. Впрочемъ она сама стыдилась своего чрезмѣрнаго сладострастія. Къ подругамъ она относилась съ удивительною нѣжностью, любила обниматься съ ними, цѣловаться, спать въ одной постели, но къ ней всѣ относились съ нѣкоторой брезгливостью. Денегъ она не любила и была въ полномъ смыслѣ безсребреницей. Надо было видѣть ея испугъ, когда ее повели съчь. Но кричала она не особенно сильно во время зкзекуціи. Такъ перебрали всѣхъ насъ. Послѣднею сѣкли меня. Отъ страшной боли я кричала, какъ безумная. Въ госпиталѣ насъ потомъ, безъ всякихъ подобныхъ торжественныхъ церемоній, сѣкли розгами за всякій пустякъ и малѣйшій ропотъ — правда сѣкли женщины“.

Въ одномъ довольно любопытномъ сочиненіи „Pisanus Fgaxi“, мы нашли описаніе Вардомъ видѣнной лично имъ сцены въ публичномъ домѣ г-жи Бельзebutъ.

«Домъ г-жи Бельзebutъ, — говоритъ Вардъ, — былъ однимъ изъ среднихъ домовъ терпимости Лондона. Это былъ трехъэтажный домъ въ византійскомъ стилѣ. Роскошный монументальный подъѣздъ; дорогой бархатный коверъ на лѣстницѣ; въ танцевальномъ залѣ паркетъ, на окнахъ тяжелыя штофныя занавѣси желтаго цвѣта и тюль; вдоль стѣнъ бѣлые съ золотомъ и богатой рѣзьбой стулья и зеркала въ золоченыхъ рамахъ; было нѣсколько гостинныхъ съ диванами, пуфами и другой богатой мягкой мебелью; съ особенной роскошью были отдѣланы спальныя комнаты. Помимо всевозможныхъ удобствъ, комнаты были устроены такъ, что въ сосѣднихъ можно было рѣшительно все дѣлать безъ всякой боязни, что будетъ слышно въ сосѣдней комнатѣ. Подборъ дѣвицъ былъ тоже очень разнообразный, и всѣ онѣ имѣли роскошные туалеты.

Вотъ, запыхаясь, съ трудомъ поднимается по лѣстницѣ очень почтенный господинъ, лѣтъ подъ шестьдесятъ. При видѣ его

управляющая торопливо подошла къ одной изъ пансіонерокъ и въ полголоса спросила, готовы ли у нея свѣжія розги. Такъ какъ я сидѣлъ очень, близко, то слышалъ, какъ дѣвушка отвѣтила: „Конечно, вы отлично знаете, что я сама купила ихъ сегодня!»

При входѣ этого господина, наши дамы покидаютъ насъ, какъ будто скоромныя дѣвственницы, оставивъ почтеннаго сатира съ двумя дѣвицами. Мы уходимъ въ зало кафе. Меня особенно удивило, что онъ выбралъ двухъ здоровенныхъ дѣвицъ...

Позднѣе я увидалъ этого посѣтителя спускающимся съ лѣстницы, и спросилъ у управляющей, почему она спрашивала о розгахъ у дѣвушки? На мой вопросъ она улыбнулась и сообщила, что этотъ пожилой господинъ, съ такой невинной наружностью, платитъ дѣвицамъ, чтобы онѣ раздѣвали и сѣкли его до тѣхъ поръ, пока у него не явится возбужденіе, и онъ не будетъ въ состояніи совершить совокупленіе съ одной изъ нихъ. Все время, пока его растянутого и привязаннаго на деревянной кобылѣ сѣкутъ розгами, онъ умоляетъ о прощеніи. Но чѣмъ болѣе онъ проситъ о пощадѣ, тѣмъ болѣе сѣкушія его дѣвушки состязаются въ нанесеніи ему болѣе сильныхъ ударовъ. Сѣкутъ онѣ его до тѣхъ поръ, пока не увидятъ, что членъ его пришелъ въ состояніе напряженія, достаточное для совершенія полового акта“.

Въ началѣ XIX-го вѣка въ Лондонѣ существовали меблированныя комнаты, чрезвычайно роскошно обставленныя. Эти комнаты были предназначены для поклонниковъ флагелляціи. Женщины полусвѣта приходили туда и исполняли активныя и пассивныя роли флагеллянтшъ. Имена нѣкоторыхъ изъ этихъ артистокъ сохранились въ скандальной исторіи. Такъ, мистрисъ Коллетъ посѣщала регентъ, въ послѣдствіи король Георгъ IV; ея племянница, мистрисъ Митчелъ, пользовалась также большою славой; она была раньше горничной лэди Кламикардъ и удалилась отъ дѣлъ съ большимъ состояніемъ. Но во главѣ всѣхъ стояла Тереза Берклей, которая въ этомъ отношеніи не имѣла соперницъ. У нея былъ удивительный подборъ всевозможныхъ орудій для истязанія. Постоянно большой запасъ толстыхъ и длинныхъ березовыхъ прутьевъ хранился у нея всегда въ водѣ, чтобы розги имѣли гибкость. Девятихвостыя плетки, гибкія бичи, всевозможной толщины и длины, кожаные ремни и т. д. Лѣтомъ въ особыхъ вазахъ, имѣлись зеленыя орты, которыми она въ состояніи была воскресить любого мертвеца,— конечно, воскресить къ половой жизни. Она могла угодить на всѣ вкусы, и даже любители активной флагелляціи имѣли въ своемъ распоряженіи собственное тѣло г-жи Берклей.

Журналъ «The Bouton Magazine» за 1792 г. даетъ нѣсколько подробностей о дамскомъ клубѣ, помѣщавшемся на одной изъ центральныхъ улицъ Лондона. Каждое собраніе въ клубѣ состояло по меньшей мѣрѣ изъ двѣнадцати лицъ: шести активныхъ и шести пассивныхъ; жребій рѣшалъ къ какому классу принадлежить вынуждая жребій; президентша сама раздавала розги и пользовалась правомъ первой сѣчь; затѣмъ активныя начинали

сѣчь пассивныхъ; положеніе во время наказанія пассивной, а также число розогъ вполнѣ зависѣло отъ активной; пассивная должна была безпрекословно исполнять всѣ приказанія активной, подъ угрозой исключенія изъ клуба. Когда всѣ активныя нашли, что пассивныя достаточно наказаны, то заявляли президентшѣ; послѣ этого роли мѣнялись — бывшія активными становились пассивными.

О проституціи писалось очень много. Величайшіе философы міра задавались вопросомъ, прекратится ли она когда-нибудь? Или она погибнетъ съ исчезновеніемъ человѣка? Я не стану распускать слюну возжей и скажу, что это вѣковѣчное историческое явленіе прекратится, можетъ быть тогда, когда осуществится дивная утопія анархистовъ и социалистовъ, когда земля сдѣлается ничьей, общей, когда любовь будетъ свободна и подчинена однимъ только половымъ желаніямъ, а человѣчество образуетъ одну счастливую семью, гдѣ не будетъ различія между твоимъ и моимъ, и на землѣ настанетъ рай; человѣкъ сдѣлается безгрѣшнымъ, блаженнымъ и станетъ ходить нагимъ...

Конечно, легко теоретизировать, сидя въ комнатѣ за чаемъ съ булкой и съ сыромъ, но пока будетъ собственность, — будетъ нищета. Пока будетъ бракъ, — будетъ и проституція. Вѣдь проституція поддерживается и питается такъ называемыми порядочными людьми, любящими братьями, безукоризненными мужьями, благородными отцами семейства... Эти господа всегда отыщутъ приличный поводъ нормировать, узаконить и обандеролить платный развратъ, чтобы не допустить его проникнуть въ спальни и дѣтскія. Для нихъ проституція является простой фонтанелью чужого сладострастія отъ ихъ алькова. Да и самъ любящій братъ или почтенный отецъ семейства не прочь втихомолку предаться разврату: — имъ надоѣдаетъ все одно и то же: горничная, гувернантка, жена и дама на сторонѣ. Пѣтушино-любовнымъ инстинктамъ человѣка особенно вольготно развѣртываться въ такихъ чудесныхъ разсадникахъ, какъ заведеніе г-жи Бельзевуть въ Лондонѣ или г-жи Стоецкой въ Москвѣ и т. п. Человѣкъ, въ сущности, животное многобрачное, что отлично понялъ Магометъ, мормоны и т. п. Всѣ фальшивыя мѣропріятія, вродѣ разныхъ пріютовъ для падшихъ женщинъ, — чушь и чистое надругательство... Почтенные супруги, отцы пятерыхъ взрослыхъ дочерей всегда будутъ кричать объ ужасѣ проституціи, устраивать въ пользу пріютовъ для спасенія отъ нея женщинъ любительскіе спектакли и лотереи, но, въ душѣ, всѣ они будутъ благославлять и поддерживать существованіе проституціи...

Въ началѣ этого тома я описалъ, какъ публично наказывали въ средніе вѣка проституткокъ во Франціи за нарушеніе полицейскихъ правилъ, вотъ какъ описываетъ англійскій журналъ «London Spy» (Шпіонъ) наказаніе публичныхъ женщинъ въ Англии:

«Одинъ мой пріятель свелъ меня въ Бридвель (исправительный домъ), гдѣ какъ разъ это былъ «пріемный день», чтобы я имѣлъ возможность полюбоваться, какъ укрощается строптивость

нѣкоторыхъ панельныхъ дамъ низшаго разбора, при благосклонномъ участіи девятихвостой плетки.

Пройдя въ ворота монументальнаго зданія, которое, какъ сказалъ мнѣ пріятель, носить названіе — Бридвель, и переступивъ порогъ, я сперва готовъ былъ подумать, что попалъ скорѣе во дворецъ короля, чѣмъ въ исправительный домъ; но осмотрѣвшись хорошенько, я замѣтилъ въ громадномъ залѣ много изможденныхъ женщинъ, въ бѣдныхъ и у многихъ изорванныхъ платьяхъ.

Оттуда мы прошли на другой дворъ, гдѣ постройки имѣли такой же величественный видъ по наружности. Передъ нами была особая ограда, за которой помѣщалось женское отдѣленіе. Войдя въ него, мы увидали множество женщинъ, заключенныхъ, какъ монахини или рабыни, и находившихся подъ надзоромъ надзирательницы, ходившей все время.

Отъ нихъ пахло какъ отъ козловъ или отъ грудныхъ дѣтей въ воспитательномъ домѣ и онѣ держали себя съ такою же распущенностью, какъ заключенныя въ центральной тюрьмѣ. Впрочемъ, онѣ весело исполняли свою унижительную работу. Между ними были совсѣмъ молоденькія, и меня особенно поразило, что онѣ въ такомъ раннемъ возрастѣ успѣли уже пасть такъ низко.

Пока я, усталый, съ грустью наблюдалъ безстыдство этихъ несчастныхъ, мой пріятель попросилъ меня вернуться назадъ опять на первый дворъ, гдѣ мы поднялись по лѣстницѣ и вошли въ обширное зало, гдѣ съ большой помпой засѣдалъ полицейскій судъ. Одинъ очень представительный господинъ, по строгому костюму котораго можно было догадаться, что это былъ почтенный гражданинъ, — занималъ президентское кресло; въ рукѣ у него, какъ у судебного пристава на аукціонахъ, былъ молотокъ, а въ сосѣдней комнатѣ, двери которой были настежь открыты, чтобы присутствующія лица могли видѣть и слышать все въ ней происходящее, одну женщину сѣкли плетью. Наконецъ, молотокъ стукнулъ, и наказаніе женщины прекратилось. Я обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что почтенный судъ происходилъ въ присутствіи большого числа мужской и женской прислуги, а также проститутки.

Слѣдующей подсудимой была очень молоденькая проститутка. Это была высокая, красивая дѣвушка съ круглыми бровями, съ голубыми глазами на выкатѣ, съ самымъ типичнымъ лицомъ англійской проститутки. Судя по прочитанному обвинительному протоколу, она ударила гостя по лицу, бросила стаканъ наполненный виномъ, а когда ее за это хозяйка немедленно, въ присутствіи пострадавшаго гостя, велѣла разложить на скамейкѣ и дать пятьдесятъ розогъ, то девица встала со скамейки и плюнула въ лицо гостю и хозяйкѣ; тогда гость велѣлъ позвать полицейскаго, который составилъ протоколъ о всемъ происшедшемъ и дѣвушку привлекли къ суду. Хозяйка показала, что дѣвушка эта — очень добрая, уступчивая, никогда никому не можетъ отказать въ просьбѣ, и невольно всѣ относятся къ ней съ большою нѣжностью. Она

краснѣетъ, когда даетъ показаніе ея хозяйка. Но стоитъ дѣвушкѣ — продолжаетъ показывать хозяйка — выпить три — четыре рюмки виски, которую она очень любитъ, какъ она дѣлается совсѣмъ неузнаваемой и выдѣлываетъ всевозможные скандалы, какъ что всегда требуется вмѣшательство экономки, швейцара и иногда полиціи. На другой день я ее за скандалъ всегда наказываю розгами, иногда очень строго. Послѣ наказанія она никогда не дерзитъ, а проситъ прощенія. Во время наказанія также все время проситъ о прощеніи... Вчера я, по настоянію гостя, чтобы не посылать за полиціей, согласилась за оскорбленіе его немедленно при немъ же высѣчь ее розгами... Но у нея хмѣль не прошелъ, почему она все время, пока ее сѣкли, ругалась похабными словами, а послѣ наказанія плюнула мнѣ и гостю въ лицо. Я хотѣла ее снова велѣть сѣчь розгами и даже послала швейцара за свѣжими розгами, но гость не согласился простить и велѣлъ послать за полиціей...

У обвиняемой дѣвушки не было защитника, и судъ черезъ двѣ три минуты постановилъ наказать ее тутъ же десятью ударами плети; наказаніе было, сравнительно, очень мягкое, вѣроятно, вслѣдствіе благопріятнаго показанія хозяйки, а, главнымъ образомъ, также того, что бѣдная дѣвушка была уже довольно строго наказана розгами хозяйкой.

Немедленно, по прочтеніи приговора, два сторожа увели дѣвушку въ сосѣдную комнату, но мы отлично видѣли, какъ ее раздѣли совсѣмъ до нага и, связавъ предварительно обѣ руки, подвели къ стѣнѣ и привязали къ кольцамъ за руки и ноги, такъ что она была какъ бы приклеена къ стѣнѣ. Затѣмъ президентъ поднялъ молотокъ и сторожъ, взявъ девятихвостку въ руки, сталъ сѣчь провинившуюся, которая все время неистово орала и корчилась. Съ перваго же удара у нея показалась кровь на тѣлѣ, которое и безъ того все было въ синихъ полосахъ, очевидно, отъ вчерашняго наказанія розгами по приказанію хозяйки. При десятомъ ударѣ молотокъ опустился на столъ съ силой, и немедленно сторожъ пересталъ сѣчь и отвязалъ дѣвушку, которая вскорѣ вышла одѣтая, съ заплаканными глазами, которыми она старалась не смотрѣть на присутствующихъ. Хозяйка подошла къ ней и хотѣла увести ее съ собой, но президентъ остановилъ ихъ обѣихъ и, обращаясь къ дѣвушкѣ, сказалъ, чтобы она въ другой разъ не буянила, иначе, независимо наказанія хозяйкой, онъ велитъ ей дать не менѣе двадцати плетей. Хозяйку же онъ просилъ уже не наказывать дѣвушку сегодня еще розгами, прибавивъ, что съ нея довольно вчерашняго наказанія розгами и сегодняшнихъ плетей за буянство. Хозяйка откровенно созналась, что она, хотя очень любитъ дѣвушку, но для ея же пользы собиралась дать ей послѣ обѣда сто розогъ за вчерашнюю продѣлку, но «разъ господинъ президентъ проситъ больше за вчерашнюю вину не наказывать, то я даю вамъ слово, что не буду сегодня ее наказывать».

Англичанинъ — человекъ положительный. У него нѣтъ ни времени, ни терпѣнія самому позаботиться о своемъ удовольствіи,

нужно, чтобы это сдѣлали за него другія лица. Въ Англии почти всѣ спекулируютъ и спекулируютъ на чемъ-угодно. У англичанина чувство любви играетъ сравнительно рѣдко важную роль. Поэтому-то существуетъ множество лицъ, спекулирующихъ съ одной стороны на злоторазвратъ, а съ другой на молодость и красоту голодныхъ беззащитныхъ дѣвочекъ. Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго въ томъ, что въ Лондонѣ гнусный торгъ бѣлыми рабынями процвѣтаетъ въ самой широкой степени.

Существуетъ масса лицъ, лишенныхъ, положительно, всякаго понятія о нравственности и охраняющихъ цѣломудріе своихъ дѣвицъ до семнадцатилѣтняго возраста, не ради любви къ добродѣтели, а единственно потому что дѣвственность есть тоже своего рода товаръ, отъ котораго они не желаютъ освободиться какъ за извѣстную сумму денегъ. Такимъ образомъ въ Англии молодыхъ дѣвственницъ можно получить по такой-то цѣнѣ за голову; это не будетъ считаться обольщеніемъ или совращеніемъ, а простой поставкой, по условію, дѣвственности за наличныя деньги. Бываютъ, конечно, случаи, когда дѣвушка сопротивляется, но правильная поставка имѣетъ ввиду только такихъ дѣвицъ, которыя смотрятъ на свою дѣвственность, какъ на простую товарную цѣнность.

Такова теорія, изложенная въ парламентѣ однимъ изъ его членовъ, когда былъ затронутъ вопросъ относительно развитія проституціи среди малолѣтнихъ дѣвушекъ.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что англійскій законъ нисколько не защищаетъ дѣтей старше тринадцати лѣтъ. Если дѣвушка четырнадцати лѣтъ, подъ вліяніемъ ласкъ или угрозъ немедленнаго тѣлеснаго наказанія, или подъ вліяніемъ насилія или даже при помощи тѣлеснаго наказанія, соглашается, противъ своего желанія, на поступокъ, послѣдствія котораго она не вполне понимаетъ, то законъ вмѣшивается съ единственною цѣлію защиты обольстителя. Разъ жертва согласилась на совокупленіе, то было ли это согласіе получено обменомъ или силой, или дѣвушка не имѣла понятія объ актѣ, въ глазахъ закона это не имѣетъ ровно никакого значенія. Законъ, какъ бы нарочно указываетъ на подобныхъ дѣтей, какъ на хорошую дичь для распутниковъ.

Какъ только дѣвочкѣ исполнилось тринадцать лѣтъ, она в глазахъ закона — женщина и имѣетъ полное право располагать своей особой въ пользу перваго встрѣчнаго, который силой или другимъ какимъ-либо способомъ сумѣетъ ее настолько утратить, что она ему пожертвуетъ своей честью. Одна лондонская сводница показала на судѣ, что происходитъ, если дѣвушка отказывается позволить лишить себя невинности послѣ того, какъ сама продала эту невинность:

„Когда дѣвушка слишкомъ много шумитъ, то теряетъ свою невинность за даромъ вмѣсто того, чтобы потерять ее за деньги. Самое лучшее средство, чтобы добиться цѣли у этихъ дурочекъ, это внушить имъ, что разъ настало время, онѣ все равно будутъ обольщены, хотя бы ли или не хотятъ. Если не хотятъ, то ихъ будутъ сперва пороть розгами, пока онѣ сами отъ боли не будутъ

молить обольстить, но только перестать съчь. Если же онъ орутъ отчаянно, но не просятъ, чтобы ихъ лучше обольстили, но перестали драть розгами, или плетью, то порка продолжается до полного изнеможенія дѣвушки, почти до потери ею сознанія отъ боли, послѣ чего ее обольщаютъ“.

Иногда, дѣвушка проявляетъ столько упорства, что приходится, даже послѣ порки, помогать обольстителю; что и произошло съ четырнадцатилѣтней Жени, дѣло которой дошло до суда.

„Эта дѣвочка причинила намъ массу хлопотъ; мы ее сперва очень больно высѣкли розгами за сопротивленіе господину; послѣ этого мы ее опять отпустили къ господину, но она все-таки продолжала отбиваться и пришлось ее снова съчь, въ этотъ разъ уже плетью. Но послѣ жестокой порки, когда мы отдали ее господину, она все еще продолжала кусаться и царапаться, такъ что господинъ, который заплатилъ, опять ничего не могъ съ нею подѣлать. Въ концѣ концовъ пришлось ее держать и только тогда удалось ее обольстить, хотя она все время орала, какъ безумная“. Англійскій судъ, несмотря на подобное насиліе, оправдалъ всѣхъ подсудимыхъ по обвиненію въ изнасилованіи и пособіи ему на томъ основаніи, что дѣвочка была четырнадцати уже лѣтъ, сама сперва согласилась на обольщеніе и взяла за это деньги; только потомъ, когда наступила минута, она раздумала и отказалась, на что, по мнѣнію суда, уже не имѣла права. Судъ нашель только, что за отказъ исполнить свое обѣщаніе дѣвочку могли высѣчь розгами и плетью, но только не такъ жестоко, какъ она была высѣчена,— по мнѣнію свидѣтельствовавшего ее доктора,— почему приговорилъ сводницу, по приказанію которой пороли дѣвушку, къ штрафу въ 50 фун. стерлин. (около 500 р.) и къ шестимѣсячному заключенію въ рабочемъ домѣ, а трехъ женщинъ, поровшихъ и державшихъ дѣвушку во время экзекуціи и при обольщеніи, къ штрафу въ 10 фун. стерл. (100 р.) и двумѣсячному тюремному заключенію. Главный лордъ судья, къ которому перешло дѣло по апеллянціи, измѣнилъ приговоръ въ томъ смыслѣ, что сводницу приговорилъ къ штрафу въ 10 ф. стерл. и двумѣсячному заключенію въ рабочемъ домѣ, а трехъ помогавшихъ ей женщинъ оправдалъ. Виновникъ же обольщенія былъ также оправданъ.

Въ Лондонѣ существуютъ на видъ очень приличные пріюты, содержимые учеными акушерками, куда сводницы приводятъ дѣвочки до лишенія дѣвства, чтобы установить состояніе дѣвства, и куда ихъ опять приводятъ послѣ потери дѣвства для возстановленія его искусственнымъ путемъ и новой продажи его.

До чего можетъ доходить услужливость сводницъ, желающихъ пойти на встрѣчу капризамъ своихъ кліентовъ, можетъ служить лучше всего доказательствомъ слѣдующій фактъ:

Чтобы угодить одному богатому кліенту,— который въ безпутныхъ оргіяхъ растратилъ на столько свои половыя силы, что только одно съченіе его розгами, въ присутствіи молоденькой дѣвственницы, могло разбудить заснувшія его чувства и позволить ему совершить съ нею половой акт,— одна очень почтенная дама

сама сѣкла его розгами и помогала ему удовлетворить свою похоть. Если же дѣвушка сопротивлялась, что бывало иногда, то она привязывала ее за ноги и руки къ кровати. Въ нѣкоторыхъ подобныхъ случаяхъ, какъ обнаружилось то же на судѣ, пользуются для привязыванія строптивыхъ дѣвушекъ особыми ремнями, подбитыми ватой.

Русскій писатель Максимъ Горькій довольно подробно описываетъ тѣлесное наказаніе проститутокъ въ домѣ терпимости. Это происходитъ въ современное намъ время *).

„Недавно въ публичномъ домѣ одного изъ поволжскихъ городовъ служилъ человекъ лѣтъ сорока, по имени Васька, по прозвищу Красный. Прозвище было дано ему за его ярко-рыжіе волосы и толстое лицо цвѣта сырого мяса.

Толстогубый, съ большими ушами, которыя торчали на его черепѣ, какъ ручки на рукомоиникѣ, онъ поражал людей жестокимъ выраженіемъ своихъ маленькихъ, безцвѣтныхъ глазъ, они заплыли у него жиромъ, блестѣли какъ льдины, и, несмотря на его сытую, мясистую фигуру, всегда взгляды его имѣлъ такое выраженіе, какъ будто этотъ человекъ былъ смертельно голоденъ. Невысокій и коренастый, онъ носилъ синій казакинъ, широкія суконныя шаровары и ярко вычищенные сапоги съ мелкимъ наборомъ. Рыжіе волосы его вились кудрями, и когда онъ надѣвал на голову свой шегольской картузь, они, выбиваясь изъ-подъ картуза кверху, ложились на околышъ картуза — тогда казалось, что на головѣ у Васьки надѣтъ красный вѣнокъ.

Краснымъ его прозвали товарищи, а дѣвицы прозвали его Палачомъ, потому что онъ любилъ истязать ихъ.

Васька былъ извѣстенъ во всѣхъ домахъ этого квартала, его имя наводило страхъ на дѣвицъ, и когда онъ почему-нибудь ссорился и вздорилъ съ хозяйкой — хозяйка грозила имъ:

— Смотрите вы!.. Не выводите меня изъ терпѣнья... а то какъ позову я Ваську Краснаго!..

Иногда достаточно было одной этой угрозы, чтобы дѣвицы усмирились и отказались отъ своихъ требованій, порой вполне законныхъ и справедливыхъ, какъ, напримѣръ, требованіе улучшенія пищи или права уходить изъ дома на прогулку. А если одной угрозы оказывалось недостаточно для усмиренія дѣвицъ, — хозяйка звала Ваську.

Онъ приходилъ медленной походкой человека, которому некуда было торопиться, запирался съ хозяйкой въ ея комнатѣ, и тамъ хозяйка указывала ему подлежащихъ наказанію дѣвицъ.

Молча выслушавъ ея жалобу, онъ кратко говорилъ ей:

— Ладно...

И шелъ къ дѣвицамъ. Онъ блѣднѣли и дрожали при немъ, онъ это видѣлъ и наслаждался ихъ страхомъ. Если сцена разыгрывалась въ кухнѣ, гдѣ дѣвицы обѣдали и пили чай, — онъ долго стоялъ у дверей, глядя на нихъ, молчаливый и неподвижный, какъ

*) М. Горькій. Собр. сочин., т. III. Васька Красный.

статуя, и моменты его неподвижности были не менѣе мучительны для дѣвиць, какъ и тѣ истязанія, которымъ онъ подвергалъ ихъ.

Посмотрѣвъ на нихъ, онъ говорилъ равнодушнымъ и сиплымъ голосомъ:

— Машка! Иди сюда...

— Василий Миронычъ! — умоляюще и рѣшительно говорила иногда дѣвушка: — ты меня не тронь! Не тронь... тронешь — удавлюсь я...

— Иди, дура, веревку дамъ... — равнодушно, без усмешки говорилъ Васька.

Онъ всегда добивался, чтобъ виновныя сами шли къ нему.

— Караулъ кричатъ буду... Стекла выбью... — задыхаясь отъ страха, перечисляла дѣвица все, что она можетъ сдѣлать.

— Бей стекла... а я тебя заставлю жрать ихъ... — говоритъ Васька.

И упрямая дѣвица въ большинствѣ случаевъ сдавалась, подходила къ Палачу; если же она не хотѣла сдѣлать этого, Васька самъ шелъ къ ней, бралъ ее за волосы и бросалъ на полъ. Ея же подруги, — а зачастую и единомышленницы, — связывали ей руки и ноги, завязывали ротъ и тутъ же, на полу кухни и на глазахъ у нихъ, виновную пороли. Если это была бойкая дѣвица, которая могла и пожаловаться, ее пороли толстымъ ремнемъ, чтобы не разсѣчь ея кожу, и сквозь простыню, смоченную водой, чтобы на тѣлѣ не оставалось кровоподтековъ. Употребляли также длинные и тонкіе мѣшочки, набитые пескомъ и дресвой, — ударъ такимъ мѣшкомъ по ягодицамъ причинялъ человѣку тупую боль, и боль эта не проходила долго...

Впрочемъ, жестокость наказанія зависѣла не столько отъ характера виновной, сколько отъ степени ея вины и симпатіи Васьки. Иногда онъ и смѣлыхъ дѣвиць поролъ безъ всякихъ предосторожностей и пощады; у него въ карманѣ шароваръ всегда лежала плетка о трехъ концахъ на короткой дубовой рукояткѣ, отполированной частымъ употребленіемъ. Въ ремни этой плетки была искусно вдѣлана проволока, изъ которой на концахъ ремней образовывалась кисть. Первый же ударъ плетки просѣкалъ кожу до костей, и часто, для того, чтобы усилить боль, на изсѣченную спину приклеивали горчичникъ или же клали тряпки, смоченныя круто-соленой водой.

Наказывая дѣвиць, Васька никогда не злился, онъ былъ всегда одинаково молчаливъ, равнодушенъ, и глаза его никогда не теряли выраженія ненасытнаго голода, лишь порой онъ прищуривалъ ихъ, отчего они становились острѣе...

Пріемы наказаній не ограничивались только этими, нѣтъ — Васька былъ неисчерпаемо разнообразенъ, и его изощренность въ дѣлѣ истязанія дѣвиць возвышалась до творчества.

Напримѣръ: въ одномъ изъ заведеній дѣвица Вѣра Коптева была заподозрѣна гостемъ въ кражѣ у него пяти тысячъ рублей. Гость этотъ, сибирскій купецъ, заявилъ полиціи, что онъ былъ въ комнатѣ Вѣры съ нею и ея подругой Сарой Шерманъ; послѣд-

няя, посидѣвъ съ нимъ около часу, ушла, а с Вѣрой онъ оставался всю ночь и ушелъ отъ нея пьяный.

Дѣлу дакъ былъ законный ходъ; долго тянулось слѣдствие, обвиняемая были подвергнуты предварительному заключенію, судились и, по недостатку уликъ, были оправданы.

Возвратясь послѣ суда къ своей хозяйкѣ, подруги снова попали подъ слѣдствіе; хозяйка была увѣрена, что кража — дѣло ихъ рукъ, и желала получить отъ нихъ свою долю.

Сарѣ удалось доказать, что она не при чемъ въ этой кражѣ; тогда хозяйка ревностно принялась за Вѣру Коптеву. Она заперла ее въ баню и тамъ кормила соленой икрой, но, несмотря на это и многое другое, дѣвица не сознавалась, гдѣ спрятала деньги. Пришлось прибѣгнуть къ помощи Васьки.

Ему было обѣщано сто рублей, если онъ допытается, гдѣ деньги.

И вотъ однажды ночью, въ баню, гдѣ сидѣла Вѣра, мучимая жаждой, страхомъ и тьмой, явился дьяволь.

Онъ былъ въ черной лохматой шерсти, а отъ шерсти его исходилъ запахъ фосфора и голубоватый свѣтящійся дымъ. Двѣ огненные искры сверкали у него вмѣсто глазъ. Онъ сталъ передъ дѣвушкой и страшнымъ голосомъ спросилъ ее:

— Где деньги?

Она сошла съ ума отъ ужаса.

Это было зимой. Поутру другого дня ее, босую и въ одной рубашкѣ, вели изъ бани въ домъ по глубокому снѣгу, она же тихонько смѣялась и говорила счастливымъ голосомъ:

— Завтра я съ мамой опять пойду къ обѣднѣ... опять пойду... опять пойду къ обѣднѣ...

Когда Сара Шерманъ увидала ее такой, она тихо и растерянно объявила при всѣхъ:

— А вѣдь деньги-то украла я...

Разумѣется, больше всего скопилось страха предъ Васькой и ненависти къ нему у дѣвицы того дома, гдѣ онъ былъ „вышибалой“. Въ пьяномъ видѣ дѣвицы не скрывали этихъ чувствъ и громко жаловались гостямъ на Ваську; но, такъ какъ гости приходили къ нимъ не затѣмъ, чтобъ защищать ихъ, жалобы не имѣли смысла и послѣдствій. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ возвышались до истерического крика и рыданій и Васька слышалъ ихъ, — его огненная голова показывалась въ дверяхъ зала и равнодушный, деревянный голосъ говорилъ:

— Эй ты, не дури...

— Палачъ! Извергъ!.. — кричала дѣвица. — Какъ ты смѣешь уродовать меня? Посмотрите, господинъ, какъ онъ меня расписалъ плетью... — и дѣвица дѣлала попытку сорвать съ себя лифъ...

Тогда Васька подходилъ къ ней, бралъ ее за руку и, не измѣняя голоса, — что было особенно страшно, — уговаривалъ ее:

— Не шуми... угомонись. Что орешь безъ толку? — Пьяная ты... смотри!

Почти всегда этого было достаточно, и очень рѣдко Васькѣ приходилось уводить дѣвицу изъ зала.

Никогда никто изъ дѣвицъ не слыхалъ отъ Васьки ни одного ласковаго слова, хотя многія изъ нихъ были его наложницами. Онъ бралъ ихъ себѣ просто: нравилась ему почему-либо та или эта, и онъ говорилъ ей:

— Я къ тебѣ сегодня ночевать приду...

Затѣмъ онъ ходилъ къ ней нѣкоторое время и переставалъ ходить, не говоря ей ни слова.

— Ну и чортъ! — отзывались о немъ дѣвицы. — Совсѣмъ деревянный какой-то...

Въ своемъ заведеніи онъ жилъ по очереди почти со всѣми дѣвицами, жилъ и съ Аксиньей. И именно во время своей связи съ ней онъ ее однажды жестоко выпоролъ.

Здоровая и лѣнивая, она очень любила спать и часто засыпала въ залѣ, не смотря на шумъ, наполнявшій ее. Сидя гдѣ-нибудь въ углу, она вдругъ переставала „завлекать гостя“ своими глупыми глазами, они неподвижно останавливались на какомъ-нибудь предметѣ, потомъ вѣки медленно опускались и закрывали ихъ, и нижняя губа ея отвисала, обнажая крупные, бѣлые зубы. Раздавался сладкій храпъ, вызывая громкій смѣхъ подругъ и гостей, но смѣхъ не будилъ Аксинью.

Съ ней часто случалось это; хозяйка крѣпко ругала ее, била по щекамъ, но побои не спугивали сна — поплачетъ послѣ нихъ Аксинья и снова спить.

И вотъ за дѣло взялся Васька.

Однажды, когда дѣвица заснула, сидя на диванѣ рядомъ съ пьянымъ гостемъ, тоже дремавшимъ, Васька подошелъ къ ней и, молча взявъ за руку, повелъ ее за собой.

— Неужто бить будешь? — спросила его Аксинья.

— Надо... — сказалъ Васька.

Когда они пришли въ кухню, онъ велѣлъ ей раздѣться.

— Ты хоть не больно ужъ... — попросила его Аксинья.

— Ну, ну...

Она осталась въ одной рубашкѣ.

— Снимай! — скомандовалъ Васька.

— Экой ты озорникъ! — вздохнула дѣвушка и спустила съ себя рубашку.

Васька хлестнулъ ее ремнемъ по плечамъ.

— Иди на дворъ!

— Что ты? Чай, теперъ зима... холодно мнѣ будетъ...

— Ладно! Развѣ ты можешь чувствовать?..

Онъ вытолкнулъ ее въ дверь кухни, провелъ, подхлестывая ремнемъ, по снѣжью и на дворѣ приказалъ ей лечь на бугоръ снѣга,

— Вася... что ты?

— Ну, ну!

И толкнувъ ее лицомъ въ снѣгъ, онъ втиснулъ въ него ея голову для того, чтобы не было слышно ея криковъ, и долго хлесталъ ее ремнемъ, приговаривая:

— Не дрыхни, не дрыхни, не дрыхни...

Когда же онъ отпустилъ ее, она, дрожащая отъ холода и боли, сквозь слезы и рыданія сказала ему:

— погоди, Васька! Придетъ твое время... и ты заплачешь! Есть Богъ, Васька!

— Поговори! — спокойно сказалъ онъ. — Засни-ка въ залъ еще разъ! Я тебя тогда выведу на дворъ, выпорю и водой обливать буду...

ГЛАВА VIII

Тѣлесныя наказанія въ семьѣ и школѣ

Весьма рѣдко бываетъ, чтобы волненія отъ половой зрѣлости, которыя появляются часто гораздо раньше появленія у дѣвушки менструаций, не выражались у молоденькой дѣвочки приступами свирѣпости, жестокости, степень которой зависитъ отъ состоянія ея здоровья, отъ той среды, въ которой она живетъ и отъ природныхъ ея наклонностей.

Обыкновенно, еще недавно милая, пугливая и кроткая дѣвочка, превращается въ этотъ періодъ въ существо своевольное, скрытное, злое, съ неожиданными вспышками гнѣва, съ порывами неясными и которые трудно предугадать.

Подобныя наклонности не замедляютъ исчезнуть вскорѣ, по крайней мѣрѣ, по наружности. У нѣкоторыхъ онѣ вѣдряются глубоко и способны проявиться позднѣе, когда наступятъ настоящія чувственныя волненія. У большинства же, наоборотъ, онѣ пропадаютъ безслѣдно.

Временный садизмъ и мазохизмъ явленія вполне обыденныя въ жизни, какъ дѣвочки подростка, такъ и юноши.

Если заняться изслѣдованіемъ дѣтей поближе, съумѣть познать ихъ внутреннюю жизнь, угадать то, что они скрываютъ отъ своихъ родителей, то мы откроемъ примѣры довольно любопытныхъ волненій страсти, которыя терзаютъ столько юныхъ умовъ.

Пока мы займемся только наблюденіями надъ дѣвочками, оставивъ мальчиковъ въ сторонѣ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ садизма и мазохизма у дѣвочекъ, наблюдавшихся въ періодъ, предшествующій наступленію половой зрѣлости.

Генриетта, семи лѣтъ, очень нѣжная, очень добрая, любящая животныхъ, къ нѣкоторымъ изъ нихъ проявляетъ ненависть безъ всякой видимой причины, происходящую просто изъ инстинктивной у нея потребности къ временной жестокости.

Она запирается въ комнатѣ съ кроликомъ, у котораго она вырываетъ шерсть и подбрасываетъ его высоко въ воздухъ. Разъ

она такъ подбросила его, что онъ ударился объ стѣну и расшибся до смерти. Увидавъ это, дѣвочка остолбенѣла і затѣмъ разразилась горючими слезами, вполне искренно оплакивая гибель своего друга. Или она беретъ кошку и начинаетъ, вдругъ, немилосердно ее колотить.

Марія, восьми лѣтъ; вмѣстѣ съ нею, на время вакансій, живетъ ея маленькая кузина четырехъ лѣтъ, которую ей довѣряютъ, такъ какъ знаютъ, что она любитъ дѣтей и очень серьезнаго характера. И вотъ она все время, которое проводитъ съ кузиной наединѣ, употребляетъ на то, чтобы пугать и тиранить ее. То она грозитъ утопить ее, то она ставитъ ее въ уголь или жестоко сбьетъ розгами за воображаемыя шалости.

Когда ее ловятъ и спрашиваютъ, почему она такъ дурно обращается съ малюткой, то дѣвочка не можетъ объяснить своего поведенія. Она не знаетъ, почему одинъ видъ кузины толкаетъ ее невольно на совершеніе жестокихъ поступковъ.

Женевьева, девяти лѣтъ, внезапно стала мазохисткой, постоянно волнуемою потребностью причинить себѣ боль, испытать на себѣ тысячи всевозможныхъ мелкихъ истязаній. Она собираетъ вокругъ себя подругъ, чтобы показать имъ, съ какимъ она искусствомъ запихиваетъ себѣ въ кожу восемь или десять булавокъ, при чемъ кровь не течетъ. Прокалываетъ себѣ гвоздемъ руку и т. п.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, она держитъ пари съ подругами, что новымъ перочиннымъ ножикомъ, одинъ видъ котораго приводитъ ее въ восторгъ,— она порѣжетъ концы пальцевъ на обѣихъ рукахъ, при чемъ такъ, что „пойдетъ кровь“, и она продѣлываетъ подобную штуку.

Дениза, семи лѣтъ, любитъ слушать рассказы о совершеніи кѣмъ-либо всевозможныхъ жестокостей,— такихъ, чтобы у нея отъ ужаса зубъ на зубъ не попадалъ. У ней манія, когда она играетъ съ дѣтьми, играть въ волка и ягнать.

Она изображаетъ ягненка, становится на четвереньки и дѣлаетъ видъ, что шипеть траву, при чемъ иногда такъ входитъ въ свою роль, что проглатываетъ нѣсколько травокъ.

Волкъ, изображаемый одной болѣе взрослой подругой, болѣе сильной, долженъ броситься на нее съ рычаніемъ, опрокинуть, начать шипать, кусать, главнымъ образомъ, за ягодицы, въ то время какъ она жалобно стонетъ и молить: „добрый волкъ, не ѣшь меня!“

Сюзета, восьми лѣтъ, до сихъ поръ очень кроткая, скорѣе робкая, становится, вдругъ, нервной, буйной. Она, буквально, пользуется каждымъ ничтожнымъ предлогомъ, чтобы заслужить брань и наказаніе. Она реветъ, когда взбѣшенная мать даетъ ей пощечину, но тотчасъ упрямо повторяетъ поступокъ, за который ее наградили плюхой, добиваясь болѣе серьезнаго наказанія.

Но такъ какъ въ ихъ семьѣ не принято наказывать дѣтей тѣлесно и всячески стараются исправить ея строптивый характеръ мѣрами кротости и подѣйствовать на нее убѣжденіемъ,

то дѣвочка находитъ средство удовлетворить свою инстинктивную страсть.

Конюшенный мальчикъ совершенно простой, славный малый, который очень ее любитъ и не знаетъ никакихъ тонкостей въ страстяхъ; дѣвочка задаетъ ему такой вопросъ:

— Тебя сѣкли, когда ты былъ совсѣмъ маленькимъ?

— Конечно!

— Тебѣ это нравилось?

— Ну, нѣтъ.

— Расскажи, какъ тебя наказывали?

— Да мнѣ просто давали шлепки.

— По ягодицамъ?

— Понятно.

— Покажи мнѣ, какъ тебя сѣкли.

Смѣясь, мальчикъ беретъ дѣвочку и показываетъ на ней, какъ его наказывали.

— Такъ.

И Сюзета начинаетъ кричать, задыхаясь отъ страшнаго наслажденія.

— Сильнѣ! Бей по настоящему.

Тотъ пожимаетъ плечами и произноситъ:

— Вамъ это не понравится.

Инстинктивно дѣвочка не открыла ему вполнѣ своей страсти, а сдѣлала видъ, что это ее забавляетъ, какъ и всякая другая игра.

Она очень часто надоѣдала мальчику говоря:

— Я опять нашалила, сдѣлай видъ, что ты меня за это сѣчешь.

Но тотъ не всегда исполнялъ ея желаніе; тогда она старалась его разсердить и заставить прибѣгнуть къ настоящему наказанію ея. Однажды, наконецъ, она добилась, что тотъ высѣкъ ее въ лѣсу розгами и при этомъ она испытала такое сладострастное наслажденіе, что потеряла сознаніе. Можно себѣ представить испугъ и угрызенія совѣсти, которые испыталъ наивный мальчикъ при видѣ ея въ такомъ состояніи.

Ягодицы очень часто привлекаютъ на себя особенное вниманіе молодыхъ дѣвочекъ. Въ одномъ изъ недавно появившихся судебныхъ дознаній по дѣлу женскаго пансіона въ Тарасконѣ, принадлежавшаго монахинямъ, есть одно любопытное мѣсто, гдѣ слѣдователь, какъ разъ, говоритъ о затронутомъ нами вопросѣ. Мы приведемъ его полностью:

„Воспитанницы ложились спать въ десять часовъ вечера, въ дортуарахъ, въ который выходило окно, завѣшанное бѣлой занавѣской, изъ комнатки, гдѣ спала надзирательница монахиня, сестра Елисавета; „особа самага несноснаго, сварливаго характера, всегда готовая шпіонить за нами, показываетъ одна изъ пансіонерокъ; пока она занята наблюденіемъ за отдѣленіемъ, гдѣ спятъ маленькія дѣвочки, мы пользуемся случаемъ:

— Лалюнь, вдругъ прерываетъ гробовое молчаніе Есфирь, „Танецъ ягодиць“?

Жанна Лалюнь дѣлаетъ недовольную гримасу и отказывается.

Но всѣ неспящія начинаютъ тихонько говорить:

— Да, да, да, танецъ ягодиць!

Лалюнь садится ко мнѣ на кровать, качаетъ отрицательно головой и показываетъ глазами на кровать, гдѣ лежитъ дѣвочка Ивонна.

— Ивонна никому не расскажетъ, она поклялась! — увѣряютъ за разъ нѣсколько воспитанницъ.

Лалюнь, впрочемъ, дѣлаетъ еще нѣсколько гримасъ, потомъ вскакиваетъ на кровать и вытягивается во весь ростъ, повернувшись къ намъ спиной. Обѣими руками она поднимаетъ рубашенку и концы ея держитъ, прижимая сорочку къ спинѣ, потомъ продѣлываетъ упражненія.

Ея ягодицы начинаютъ сжиматься, разжиматься, подниматься и опускаться, какъ будто бѣсноватыя. Она продѣлываетъ крупомъ удивительныя штуки. Однимъ словомъ это „танецъ живота“ только наоборотъ.

Мы всѣ покатываемся самымъ безумнымъ смѣхомъ. Это еще болѣе подогрѣваетъ Лалюнь и она въ этотъ разъ превосходитъ себя и выдѣлываетъ ягодицами самыя уморительныя вещи.

Сама я не въ состояннн болѣе сдерживаться и хохочу до слезъ...”

Оказалось, что сестра Елисавета не только наблюдала за маленькими дѣвочками, но, на горе взрослыхъ дѣвиць, видѣла всѣ штуки Лалюнь и переписала всѣхъ зрительницъ. На другой день послѣ утреннихъ классовъ всѣ зрительницы, въ числѣ восьми штукъ, были посажены на пять дней въ темный карцеръ на хлѣбъ и воду, а четырнадцатилѣтней Лалюнь, по приказанію начальницы пансіона, на той же самой кровати, гдѣ она наканунѣ съ такимъ художествомъ танцевала, дали сто розогъ. Съкла ее сама сестра Елисавета, двѣ другія монахини держали за ноги и руки. Начальница сама присутствовала при наказанн дѣвочки. Выскли ее такъ жестоко, что она, по ея словамъ, „съ трудомъ встала послѣ наказанія съ кровати“. Послѣ этого ее также посадили въ карцеръ на пять сутокъ на хлѣбъ и воду. О своемъ наказанн дѣвочка написала отцу своему — башмачнику. Тотъ подалъ жалобу прокурору, который и назначилъ слѣдствіе. Дѣлу не былъ данъ ходъ, такъ какъ министръ нашель, что начальница „не вышла изъ предѣловъ своей дисциплинарной власти, наказавъ дѣвицу Жанну Лалюнь ста ударами розогъ за безнравственность; хотя наказаніе было очень строгое, но, по заявленію врача, свидѣтельствовавшего дѣвочку, не носило характера истязанія и не могло причинить вреда ея здоровью. Проступокъ же Лалюнь требоваль строгаго наказанія“. Такова резолюція министра Шомье.

Въ пансіонахъ и школахъ маленькія дѣвочки очень любятъ играть въ „учительницу и учениковъ“.

Въ сущности игра является просто благовиднымъ предлогомъ сѣчь якобы провинившихся учениць. И нуженъ внимательный надзоръ настоящей учительницы, чтобы наказаніе не производилось по обнаженнымъ ягодицамъ.

Во время этих первоначальных приступов любовных мечтаній, дѣвочка-подростокъ часто рисуетъ въ своемъ воображеніи образъ мужчины, извѣстныхъ уже лѣтъ, грубаго, очень властнаго, ласки котораго граничатъ съ насиліемъ...

Она почти постоянно воображаетъ, что страсть сопровождается болью и страхомъ. Не зная ничего о половыхъ отношеніяхъ, или зная о нихъ мало, она рисуетъ въ своемъ воображеніи невѣрныя страстныя картины, гдѣ насиліе, флагелляція играютъ важную роль и какъ бы замѣняютъ совокупленіе.

— Я лѣчилъ одну дѣвочку, которая мнѣ повѣрила, что, начиная съ четырнадцати и до пятнадцати лѣтъ, она никогда не засыпала безъ того, чтобы не нарисовать въ своемъ воображеніи почти всегда одной и той же сцены, которая глубоко возбуждала ее и доставляла ей сильное сладострастное наслажденіе.

Она воображала себя замужемъ за человѣкомъ очень безобразнымъ, который подходитъ къ ней и хочетъ ее поцѣловать; такъ какъ она съ ужасомъ отказывается, — онъ ее хватаетъ, связываетъ и начинаетъ немилосердно колотить. Дѣвушка настолько сильно рисовала себѣ подобную картину, что испытывала сильное удивленіе, что на ея кожѣ не было слѣдовъ отъ побоевъ.

— Другая дѣвочка-подростокъ, тоже моя пациентка, также, по ея словамъ, мечтала о грубомъ мужчинѣ, котораго она олицетворяла въ лицѣ своего дяди моряка, человѣка очень крѣпкаго сложенія и очень грубаго характера. Въ дѣйствительности она никогда не сказала ему ни одной двухсмысленной фразы и онъ никогда даже не подозрѣвалъ какую роль играетъ въ воображеніи своей племянницы, но наединѣ она одолѣвала его декламациями.

Два раза, во время сна, ей ясно представилось, что этотъ человѣкъ вошелъ къ ней и позволилъ себѣ насиліе надъ ней.

Впечатленіе отъ насилія было у нея такъ поразительно живо, что разъ, когда дядя, случайно былъ у нихъ въ домѣ, она въ теченіе нѣкотораго времени была вполне увѣрена, что онъ дѣйствительно къ ней приходилъ въ комнату.

Не зная ровно ничего о половыхъ сношеніяхъ, она была убѣждена, что этихъ мнимыхъ сношеній совершенно достаточно для того, чтобы она забеременѣла, а потому все время, пока у нея не появились регулы, была въ страшномъ волненіи.

— Эдгаръ Б..., помѣщикъ, живущій большую часть года въ своей деревнѣ, страстный флагеллянтъ; жена отказалась пойти на встречу его фантазіямъ и онъ съ большимъ трудомъ находилъ лицъ, готовыхъ удовлетворить его страсть къ активной флагелляціи. Тогда онъ обратилъ свои взоры на дѣвочку, которая пасла барановъ; она согласилась, сначала соблазнившись прелестью получить нѣсколько копѣекъ, позволить ему высѣчь себя розгами. Но вскорѣ она испытала подъ розгами такое сильное наслажденіе, что стала просить Б... сѣчь ее розгами, сколько ему угодно и даромъ, лишь бы ей испытывать невыразимое сладострастное удовольствіе во время порки.

— Людовикъ Н..., разсылный, имѣлъ трехъ дочерей. Какъ только утромъ его жена отправлялась на работу, онъ приносилъ розги и по очереди съкъ своихъ дочерей, которымъ это доставляло большое удовольствіе. Причемъ онъ никогда не позволялъ себѣ никакихъ съ ними другихъ вольностей. Какъ истыя поклонницы пассивной флагелляціи, онѣ въ ней одной находили высшее наслажденіе и оставались дѣвственницами.

Докторъ В..., страстный флагеллянтъ, насчитывалъ десятками дѣвочекъ, которыя испытывали полное удовлетвореніе подъ розгами.

Впрочемъ, по достиженіи восемнадцатилѣтняго возраста, дѣвушка обыкновенно теряетъ подобное расположеніе и, наоборотъ, становится страшно пугливой и чувствительной къ болѣзненному прикосновенію розогъ или плетки къ ея кожѣ. Въ этомъ возрастѣ между женщинами рѣдко можно встрѣтить искреннюю любительницу пассивной флагелляціи.

Въ этомъ инстинктивномъ отвращеніи играютъ роль многіе факторы. Половая любовь представляется ей болѣе или менѣе ясно, ея чувства направляются къ природнымъ любовнымъ наслажденіямъ, потомъ она становится кокетливой, дорожащей прелестями своего тѣла. Флагелляція представляется ей позорной, смѣшной, способной повредить ея красотѣ... Теперь ея идеаломъ становится уже не мужчина грубый, недавній укротитель. Она мечтаетъ о нѣжныхъ ласкахъ, о колѣнопреклоненіи передъ нею мужчины, объ обожаніи ея мужчиной молодымъ и красивымъ.

Отъ двадцати до тридцати лѣтъ искренняя флагеллянтша встрѣчается только между невропатками, истеричками или такими, которыя были приучены къ флагелляціи еще съ дѣтства и сохранили эту привычку.

Мы могли бы назвать очень почтеннаго судью, который приучилъ къ флагелляціи дочь своей гувернантки, начиная съ десяти лѣтъ и потомъ въ теченіе двадцати лѣтъ она была добровольно послушной жертвой его страсти къ флагелляціи.

По достиженіи тридцати лѣтъ, женщину начинаютъ одолѣвать любопытство, похотливая распушенность, которыя часто удовлетворяются активной или пассивной флагелляціей.

Это именно такой возрастъ у женщины, въ которомъ легче всего найти самую искреннюю и самую горячую подругу для любителя той или другой флагелляціи.

Мишле въ своей Исторіи Франціи говоритъ, что тѣлесное наказаніе дѣтей было повсемѣстно въ такомъ ходу, что отъ него не были избавлены даже принцы крови. Король Генрихъ IV въ одномъ изъ своихъ писемъ къ г-жѣ де-Монгланъ, воспитательницѣ королевскихъ принцевъ, пишетъ:

„Я не особенно доволенъ тѣмъ, что вы не сообщили мнѣ, что высѣкли моего сына розгами, такъ какъ я желаю и вамъ приказываю наказывать его розгами каждый разъ, какъ только онъ проявитъ упрямство или позволить себѣ какую-нибудь шалость, зная очень хорошо по себѣ, что ничто въ мірѣ не принесетъ ему

столько пользы, какъ розги; я знаю по опыту на себѣ самомъ, что онѣ были очень полезны для меня, такъ какъ въ его годч меня очень часто пороли розгами. Вотъ почему я и васъ прошу отнюдь не стѣсняться и сѣчь его розгами, какъ только найдете это нужнымъ, а также сообщите ему объ этомъ“. Съ той же строгостью воспитывались и дѣти прусскаго короля. Отецъ Фридриха Великаго даже злоупотреблялъ тѣлесными наказаніями своихъ дѣтей. Молодой Фридрихъ однажды приказалъ замѣнить желѣзную столовую вилку, которую онъ, обыкновенно употреблялъ при ѣдѣ, серебряной; его отецъ это замѣтилъ и немедленно велѣлъ за это высѣчь его розгами, чтобы, разъ на всегда, отбить у него охоту къ роскоши.

Англійскій историкъ Карлейль рассказываетъ, что отецъ Фридриха Великаго избилъ учителя его за то, что засталъ его изучающимъ съ сыномъ латинскій языкъ, когда король формально это запретилъ, а сына, за непослушаніе, немедленно же велѣлъ жестоко при себѣ наказывать розгами.

Вотъ что пишетъ этотъ принцъ въ одномъ изъ писемъ къ матери:

„Я въ полномъ отчаяніи. То, чего я такъ боялся, случилось со мною. Король совершенно забылъ, что я его сынъ. Сегодня, по своей обычной привычкѣ, онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату, и, какъ только увидалъ меня, схватилъ за шиворотъ и сталъ колотить тростью. Напрасно я старался уклониться отъ ударовъ. Онъ былъ въ страшномъ бешенствѣ и билъ меня до тѣхъ поръ, пока самъ не усталъ. Я положительно не въ силахъ болѣе терпѣть подобное обращеніе и готовъ на все, чтобы избавиться отъ такихъ мученій...“

Тотъ же принцъ вздумалъ добиваться благосклонности у одной барышни, по имени Дора Риттеръ, изъ гор. Потсдама. Король велѣлъ пригласить къ себѣ дѣвушку, позвать трехъ своихъ гайдуковъ, принести скамейку и розогъ. Несмотря ни на какія мольбы бѣдной Риттеръ гайдуки, по приказанію короля, раздѣли ее и разложили на скамейкѣ. Король велѣлъ держать ее одному за ноги, другому за руки, а третьему сѣчь розгами. Ее пороли такъ жестоко, что не только вскорѣ вся ея спина представляла живой кусокъ мяса, а ягодицы были изсѣчены, какъ котлета... Короля не тронули раздражающіе крики истязуемой дѣвушки. Онъ только тогда велѣлъ прекратить пороть ее, когда дѣвушка перестала орать, потерявъ сознаніе. Когда она одѣлась и получила позволеніе уйти, король сказалъ, что сегодняшняя порка ничто въ сравненіи съ той, которая ее ожидаетъ, если онъ узнаетъ, что она хотя бы одинъ разъ видѣлась, гдѣ бы то ни было, съ сыномъ его.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что, подвергая дѣтей наказанію розгами, сами наказывающіе: родители, учителя или гувернантки не остаются равнодушными.

Брантомъ замѣтилъ этотъ фактъ и пишетъ: „я слышалъ отъ одной очень почтенной дамы, что ее, когда она была дѣвочкой, мать наказывала розгами иногда по два раза въ день, но, по ея мнѣнію, не за шалости, а потому только, что матери доставляло

удовольствіе слышать ея крики и видѣть, какъ она вертится подъ розгами. Пороли ее до пятнадцати лѣтъ“.

Изъ королевскихъ принцевъ Франціи, кажется, болѣе всѣхъ сѣкли, когда онъ былъ наслѣдникомъ престола, будущаго короля Солнце — Людовика XVI.

Наказывать розгами могли его только воспитатель — де Монтазье или госпожа Лакость.

„Наказывали принца очень часто, говоритъ въ своихъ мемуарахъ г-жа Лакость, и при томъ довольно строго; разъ когда принцъ умышленно не отвѣтилъ на поклонъ министра и я его собиралась высѣчь розгами за это, то тѣло его было на столько изсѣчено, что случайно увидавшая это сестра его, предложила себя замѣнить его“.

По словамъ все той же г-жи Лакость, тѣлесныя наказанія дѣтей практиковались въ семьяхъ столь же часто, если даже не чаще, чѣмъ въ пансіонахъ. До назначенія воспитательницей наслѣдника престола, г-жа Лакость была начальницей одного пансіона для дочерей аристократокъ. Вотъ что она рассказываетъ про свое собственное дѣтство: „мы всѣ, я и три моихъ сестры, жили дома и учились въ школѣ, гдѣ вовсе не были въ ходу тѣлесныя наказанія; сажали въ карцеръ, надѣвали колпакъ и т. п., но никогда ни одну дѣвочку не наказывали какимъ бы то ни было образомъ тѣлесно; за то наши родители почти до самаго нашего замужества поддерживали свой авторитетъ при помощи розогъ. Правда, и мать, и отецъ наказывали очень рѣдко и только розгами. Но мы знали, что оба они непременно высѣкутъ каждую изъ насъ, если мы этого заслужимъ. Особеннаго униженія мы при подобныхъ наказаніяхъ не испытывали... такъ какъ почти никто въ домѣ не зналъ, если которая изъ насъ была высѣчена. Хотя иногда наказывали очень строго. Послѣдній разъ я была наказана за то, что пошла на свиданіе къ одному молодому человѣку, который ухаживалъ за мной, но котораго мои родители терпѣть не могли. Я успѣла вернуться до возвращенія домой моей матери, но она меня видѣла на улицѣ съ молодымъ человѣкомъ; кромѣ того, не зная этого, я энергично отрицала, что въ отсутствіи матери и отца выходила изъ дома. Въ концѣ концовъ меня уличили во лжи, и, посовѣтовавшись съ отцомъ, мать рѣшила высѣчь меня розгами на другой день утромъ, когда прислуга уйдетъ на рынокъ за провизіей. Въ ожиданіи наказанія я всю ночь не могла заснуть и плакала. Я спала со старшей сестрой и рассказала ей всю исторію. Она обѣщалась утромъ упросить мать простить меня. Утромъ я сама слышала, какъ она просила мать простить и не сѣчь, но мать была непреклонна. Меня уже очень давно не наказывали розгами и я никакъ не думала, что придется опять познакомиться съ ними. Какъ только наша кухарка ушла на рынокъ, мать явилась въ нашу комнату съ двумя пучками розогъ. Увидавъ такую массу розогъ, я поняла, что меня ожидаетъ очень серьезное наказаніе, бросилась въ ноги къ матери и стала умолять простить. Но мать была умолима... Очень строгимъ голосомъ велѣла старшей сестрѣ выйти

изъ комнаты и оставить насъ вдвоемъ. Когда та вышла, я еще разъ стала просить прощеніе, то мать мнѣ сказала, что если я сейчасъ же не раздѣнусь и не лягу на кровать, чтобы она меня привязала, она подождетъ возвращенія съ рынка Мари и тогда съ помощью ея и отца меня высѣкутъ. Послѣ этого я увидала, что мнѣ не избѣжать наказанія; быть же наказанной въ присутствіи прислуги и отца еще стыднѣе. Быстро раздѣвшись и оставшись въ одной рубашкѣ, я легла на кровать. Мать, молча, привязала меня за руки и ноги къ кровати. Затѣмъ, поднявъ мнѣ рубашку, начала меня сѣчь... Сѣкла она, какъ мнѣ показалось, страшно долго и больно. Сестры мнѣ потомъ говорили, что я орала, какъ безумная. Я кричала, просила прощеніе, какъ пятилѣтняя дѣвчонка, обѣщала никогда больше не назначать свиданій; но меня все сѣкли и сѣкли. Наконецъ, перестали, позволили встать и одѣться. Когда я посмотрѣла въ зеркало на свое тѣло, то увидала, что оно было все въ полосахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были темно-синія, мѣстами сочилась кровь. Послѣ этой порки я больше никогда уже не ходила на свиданіе“.

Флагелляція дѣтей можетъ привести совершенно къ неожиданнымъ результатамъ. Если произвести наблюденія надъ дѣтьми, то можно заранѣе указать на будущихъ флагеллянтовъ. Такими непременно будутъ тѣ, которыя находятъ удовольствіе въ наказаніи и охотно ложатся подъ розги, умышленно совершая поступки, за которые ихъ ждетъ порка, а также тѣ дѣти, которыя любятъ играть въ учителя и учениковъ, при этомъ просятъ, чтобы ихъ сѣкли подъ разными предлогами.

То, что происходитъ въ семьяхъ ничѣмъ ровно не отличается отъ происходящаго въ школахъ. Так, на ребенка, подвергаемаго наказанію розгами, думаютъ подѣйствовать не только физической болью, но и стыдомъ, — розги или плетки считаются позорными орудіями наказанія, въ особенности, если наказываютъ ими въ присутствіи сотоварищей или подругъ или взрослыхъ. Но боль, какъ мы уже видѣли, можетъ нѣкоторымъ доставлять наслажденіе, также какъ и униженіе и видъ обнаженнаго тѣла; все это можетъ подготовить будущихъ флагеллянтовъ.

Въ Англіи, какъ мы уже сказали въ первомъ томѣ, тѣлесныя наказанія дѣтей обоюга пола были въ ходу какъ въ семьяхъ, такъ и въ школахъ, да сохранились еще и по настоящее время.

Въ старину тѣлесное наказаніе дѣтей считалось настолько необходимымъ при воспитаніи ихъ, что школьниковъ или школьницъ въ училищахъ сѣкли не только за какую-нибудь вину, а просто потому только, что считалось полезнымъ пороть ребенка.

Эразмъ Роттердамскій говоритъ, что во имя подобнаго принципа его часто сѣкли въ школѣ. Такъ его учитель сѣкъ, чтобы посмотрѣть, какъ онъ переноситъ боль. Другой педагогъ увѣрялъ, что у него въ школѣ самое жестокое наказаніе не считается строгимъ.

Теперь тѣлесныя наказанія примѣняются въ общественныхъ школахъ въ рѣдкихъ случаяхъ, — за безнравственное поведеніе, дерзости начальству и оскорбленіе нравственности. Но въ част-

ныхъ школахъ они и до сихъ поръ въ гораздо большемъ ходу, и нерѣдко замѣняютъ карцеръ или другія наказанія.

Въ XIX в., вплоть до 1830 года въ женскихъ пансіонахъ безпощадно сѣкли розгами или плеткой дѣвочекъ, иногда довольно взрослыхъ. Дисциплинарными правилами большинства пансіоновъ устанавливалось три степени наказанія; первая — виновнаго или виновную наказывали розгами или плеткой начальникъ или воспитатель, собственноручно, — въ присутствіи одной прислуги, вторая степень — наказывали на скамейкѣ или деревянной кобылѣ, при этомъ допускалось присутствіе трехъ прислугъ, изъ нихъ двое держали, если наказываемый или наказываемая не были привязаны, а третій или третья сѣкли и, наконецъ, третья степень — подобное же наказаніе, не въ присутствіи одного начальства, а всѣхъ сотоварищей или подругъ по классу или, въ рѣдкихъ случаяхъ, въ присутствіи рѣшительно всѣхъ учениковъ или ученицъ.

Когда примѣнялась третья степень къ девочкѣ, то передъ тѣмъ какъ привести ее въ экзекуціонную комнату на нее надѣвали ночную сорочку.

Вотъ что рассказываетъ одна бывшая воспитанница одного изъ лучшихъ пансіоновъ Лондона въ 1827 г.:

„... Нѣкоторыя мои подруги рассказывали мнѣ, что послѣ первыхъ ударовъ розгами онѣ испытывали странное чувство и то, что должно было служить наказаніемъ, порождало въ ихъ умѣ такія райскія мысли, что онѣ испытывали страшное наслажденіе. Въ то время я не могла понять этого, но когда вышла замужъ, то мнѣ объяснилъ мой мужъ, — на столько подробно и хорошо, что я теперь глубоко убѣждена въ томъ, что дѣвочекъ старше двѣнадцати лѣтъ отнюдь не слѣдуетъ наказывать тѣлесно изъ опасенія вызвать раннее половое воздужденіе и склонность къ онанизму“.

Такъ у одной изъ ея подругъ, которая за излишнія ласки съ подругой, была торжественно, въ присутствіи всего класса, высѣчена розгами, первое половое воздужденіе возникло послѣ наказанія. Между тѣмъ ее наказали жестоко, привязавъ къ лѣстницѣ и послѣ наказанія прямо отнесли въ лазаретъ.

Въ 1797 г. одна дама, по имени Розалія Брингтонъ, вдова, очень богатая, попала на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ истязаніи своего десятилѣтняго сына и двухъ дочерей, изъ которыхъ одной было тринадцать лѣтъ, а другой четырнадцать, Мы приводимъ, исключивъ нѣкоторые подробности, показаніе у судьи лакея Джона Белля.

„Я былъ посланъ къ г-жѣ Брингтонъ конторой Кларка. Нанимая меня, Брингтонъ предупредила, что я обязанъ буду исполнять всѣ ея приказанія. Я обѣщался дѣлать все, что она прикажетъ. Вскорѣ я узналъ, что она подразумевала подъ словами — „исполнять всѣ ея приказанія“. На другой день утромъ, въ то время, какъ я накрывалъ столъ для завтрака, г-жа Брингтонъ спросила меня, не служилъ ли я когда-нибудь въ школѣ и не помагалъ ли я наказывать розгами учениковъ? Я отвѣчалъ, что въ школѣ не служилъ, но что меня самого отецъ и мать въ дѣтствѣ

не разъ сѣкли, а потомъ-туть нѣтъ никакой хитрости и я могу помочь, если она захочетъ наказать кого-либо изъ своихъ дѣтей. Не больше, какъ черезъ часъ послѣ нашего разговора, сынъ г-жи Брингтонъ толкнулъ меня нечаянно и я выронилъ блюдо съ рыбой на полъ.

— Держите, Джонъ, хорошенько этого шалуна, пока я схожу за хорошими розгами. Черезъ нѣсколько минутъ барыня принесла пучокъ розогъ, велѣла мнѣ раздѣть кричавшаго и вырывавшагося мальчугана и, положивъ на колѣна, высѣчь розгами, какъ меня когда-то сѣкли. Я быстро спустилъ штанишки и началъ сѣчь барченка. Барыня, пока я сѣкъ, все время смотрѣла и приговаривала: хорошо, посильнѣе его... Она велѣла перестать сѣчь, когда мальчикъ былъ наказанъ очень строго, такъ что во многихъ мѣстахъ показалась кровь.

Но я былъ страшно пораженъ, когда въ тотъ же вечеръ мнѣ было велѣно высѣчь розгами старшую барышню. Когда барыня замѣтила, что я стѣсняюсь немного, то строго мнѣ сказала: если, Джонъ, вы хотите у меня служить, то извольте сейчасъ привязать шалунью на кушеткѣ. Пришлось повиноваться и привязать барышню къ кушеткѣ, хотя она сильно сопротивлялась и даже укусила мнѣ палецъ, но я вскорѣ съ нею справился... Затѣмъ, взявъ по приказанію барыни розги, я сталъ ее сѣчь. Барыня указывала, гдѣ бить. На другой день она наказывала также младшую барышню и опять мальчика. Дѣтей сѣкли почти каждый день. Иногда барыня сама сѣкла, но гораздо чаще приказывала мнѣ пороть ихъ. Наказывали и плеткой, но рѣже. Особенно жестоко барыня наказывала старшую барышню. Ее разъ, за какую то грубость, мнѣ было приказано такъ долго сѣчь розгами, что она вся была въ крови и два раза теряла сознание...“.

По жалобѣ сосѣдей дѣло дошло до суда, но судья оправдалъ Брингтонъ, такъ какъ нашель, что Брингтонъ „наказывала за проступки и не вышла изъ предѣловъ родительской власти“... По возвращеніи изъ суда, г-жа Брингтонъ, съ помощью того же Белля, жестоко выпорола розгами всѣхъ трехъ дѣтей. Эта порка дошла до полиціи, и та опять привлекла Брингтонъ къ суду, но судья снова ее оправдалъ, найдя, что „за показаніе, данное дѣтьми на судѣ, при разборѣ перваго дѣла, г-жа Брингтонъ могла наказать ихъ гораздо строже, чѣмъ они были наказаны“.

Въ вопросахъ о сѣченіи дѣтей, конечно, лучше всего было бы допросить ихъ самихъ, но по многимъ причинамъ это неудобно.

У Нитцше Заратустра говоритъ, что женщину необходимо сѣчь.

До Нитцше къ такому же выводу пришелъ поэтъ Юлій де Бове.

Въ наше время немногіе поэты дадутъ совѣтъ пороть женщинъ за капризы.

По судебнымъ приговорамъ женщинъ наказывали въ сравнительно очень недавнее время.

Начиная съ самыхъ отдаленныхъ временъ женщину сѣкли по обнаженному тѣлу за незначительные даже проступки. Съ особенной жестокостью въ старину наказывали ихъ розгами или плетью, публично, по обнаженному тѣлу, за адюльтерь. Обычай, довольно нескромный, наказывать женщинъ по обнаженному тѣлу возникъ в те отдаленныя времена, когда нагота тѣла женщины никого не шокировала, даже почтенный ареопагъ судей.

Съ наступленіемъ христіанской эры, по-прежнему продолжали сѣчь обнаженныхъ женщинъ, но подобное наказаніе, безнравственное въ древнія времена, стало теперь безнравственнымъ.

Въ Греціи цѣнилась физическая красота и этотъ удивительный народъ понялъ, что нѣтъ ничего страннаго въ томъ, чтобы дѣвушкѣ съ красивымъ крупомъ поднести статую, триста талантовъ золотомъ и лавровый вѣнокъ. Мы же платимъ какому-нибудь тенору уроду за его красивый голосъ по нѣсколько тысячъ франковъ въ вечеръ.

Одинъ и тотъ же поступокъ можетъ быть нравственнымъ и безнравственнымъ, смотря по производимому имъ дѣйствию.

Когда наказывали публично розгами виновную весталку, народъ и патриціи говорили: „У нея хорошій крупъ!“ Когда въ подземелье инквизиціоннаго суда монахи сѣкли хорошенькую молодую женщину, то у нихъ глаза горѣли сладострастіемъ.

Монахи видѣли тоже самое зрѣлище, что и римляне, но послѣдствія отъ него были совершенно различныя...

Вмѣсто хорошаго, чисто эстетическаго, впечатлѣнія, при видѣ округленнаго женскаго крупа, у монаховъ являлись, въ ихъ развращенныхъ мозгахъ отъ полового воздержанія, похотливыя желанія.

Березовыя розги покрывали атласную кожу красными прозрачными рубцами, слышались вопли отъ боли, а въ головѣ монаховъ былъ настоящій адъ...

Всѣ читатели знаютъ изъ исторіи, какую геенну огненную представляли средневѣковыя тюрьмы?

Я не собираюсь распространяться здѣсь по поводу тѣхъ ужасныхъ пытокъ, которыя воображеніе истязателей придумывало для злосчастныхъ жертвъ, попавшихъ въ ихъ лапы.

Когда сѣкли женщину, мысль унижить ее была, по меньшей мѣрѣ, столь же сильна, какъ и желаніе заставить ее страдать физически.

Черезъ всю исторію проходитъ красной нитью стремленіе мужчинъ оскорбить стыдливость женщины передъ тѣмъ, какъ причинить ей боль.

Въ средніе вѣка сѣкли проститутокъ, чтобы устыдить ихъ; въ наши дни случаи сѣченія молодыхъ женщинъ съ дисциплинарною цѣлью вовсе не такъ рѣдки, какъ думаютъ нѣкоторые. И всегда мужчина, подвергая наказанію, розгами или плетью, провинившуюся женщину, стремится прежде всего унижить, покрыть ее позоромъ нескромнаго выставленія, на глазахъ присутствующихъ обнаженнаго ея зада.

У натуръ возвышенныхъ стыдъ отъ того, что будутъ подняты юбки, спущены панталоны, значительно тяжелѣе или мучительнѣе самой сильной боли отъ розогъ или плети.

Это подтверждается многими историческими примѣрами.

Не разъ уже занимались психологіей преступницъ, но среди судей, особенно старинныхъ, были прежде всего мужчины, со всѣми желаніями, свойственными мужчинамъ, и которымъ услужливое правосудіа помогало осуществить ихъ.

Въ подземельѣ инквизиціоннаго трибунала приводили молоденькую дѣвушку, очень красивую, обвиняемую въ колдовствѣ.

Обнаженная вполнѣ или отчасти, она должна была показать всѣ самыя сокровенныя прелести своего тѣла...

Мужчина всегда остается мужчиной и вотъ судья пользуется своимъ положеніемъ, чтобы видѣть... болѣе того, что требуется по дѣлу.

Понятно, что наказаніемъ выбирается сѣченіе, какъ соединяющее пріятное съ полезнымъ... Пользуются самымъ пустяшнымъ предлогомъ, чтобы вызвать громы флагелляціи на несчастныхъ женщинъ или дѣвушекъ. Да и какъ было мужчинамъ устоять противъ возможности полюбоваться прелестями женщинъ!

Если въ теологіи были споры, есть ли у женщины душа, то вопросъ, слѣдуетъ ли сѣчь женщинъ, не вызывалъ никакихъ тогда споровъ, такъ какъ всѣ были согласны, что ихъ нужно сѣчь, и если спорили, то только относительно способовъ примѣненія тѣлеснаго наказанія.

Если что и можетъ нѣсколько смягчить ужасную сторону унизительнаго наказанія розгами или плетью женщинъ, то только мысль что не всѣ виды флагелляціи женщинъ были слишкомъ суровы и иногда красота взволнованной и плачущей женщины или дѣвушки заставляли невольно мужчину смягчать удары...

ГЛАВА IX

Историческія свѣдѣнія о тѣлесныхъ наказаніяхъ

Въ отношеніи флагелляціи маркизь де Садъ является простымъ мальчишкой по сравненіи съ той флагелляціей, которая была произведена народомъ во время сентябрьской бойни въ Парижѣ въ дни французской революціи.

Начиная съ великаго избіенія гугенотовъ, драгонадъ и бойни послѣ нантскаго эдикта ничего подобнаго въ исторіи мы не знаемъ.

Всѣ подонки народа набросились на аристократическія тѣла, которыя были выданы имъ богиней Свободы.

Марія Антуанета должна была считать себя счастливой, что ей удалось умереть на эшафотъ безъ предварительныхъ унижительныхъ истязаній.

Что можетъ сравниться по трагичности, какъ смерть маленькой де Ламбаль, обнаженное тѣло которой было, въ теченіе цѣлаго дня, выставлено на посмѣшищѣ глупой, пошлой, злой и невѣжественной толпы.

Что можно сказать о тѣхъ молоденькихъ дѣвушкахъ изъ аристократіи, укрывшихся въ монастыряхъ, которыхъ безпощадно сѣкли розгами, прежде чѣмъ убить и таскать на пикахъ цѣлый день, по улицамъ Парижа, ихъ отрубленные головы.

Мы не знаемъ ни въ Жюстинѣ *), ни въ Юліи *) сценъ такой садической жестокости, которая была въ это время проявлена парижскими ремесленниками, считавшимися до сихъ поръ вовсе не злыми.

Кто могъ предполагать, что какой-нибудь бочаръ или сапожникъ проявитъ въ спортѣ, считавшемся добродушными людьми исключительно принадлежностью высшихъ образованныхъ классовъ общества,— столько утонченнаго искусства.

Маркиза де Ламбаль! Передъ нами рисуется ея бѣлоснѣжное тѣло съ младенческимъ ротикомъ, все израненное!

Гнусное изуродованіе тѣла той, которая слыла за друга королевы, возмущаетъ даже самый спокойный умъ!

Поведеніе храброй черни изъ окрестностей Парижа въ сентябрьскіе дни, когда она таскала по улицамъ на пикѣ голову Ламбаль, причесанную парикмахеромъ изъ толпы, на много убавить восхищеніе ко всѣмъ настоящимъ и будущимъ революціямъ.

Нужно полагать, что въ наше время не будетъ лучше, и мы отъ души желаемъ нашимъ знакомымъ дамамъ не быть современницами подобныхъ ужасовъ.

Терроръ! Это настоящая оргія флагелляціи! Ежедневно газеты „Отецъ Дюшенъ“ и „Газета“ посвящаютъ цѣлые столбцы описанію флагелляціи дѣвушекъ на улицѣ.

Вотъ молоденькая портниха гуляетъ по улицѣ. Хорошенькое личико, трехцвѣтная кокарда, это — честная гражданка, въ твердости республиканскихъ убѣжденій которой нельзя сомнѣваться.

Проходя мимо казармы національныхъ гвардейцевъ, она видитъ себя окруженной нѣсколькими солдатами, требующими, чтобы она сдѣлала глубокій поклонъ передъ кокардой ихъ головного убора.

Молодая дѣвушка думаетъ, что съ нею шутятъ, отказывается и при этомъ слегка улыбается.

Тотчасъ солдаты ее хватаютъ, поднимаютъ платьѣ съ юбками, спускаютъ панталоны и жестоко порютъ шомполами.

Этотъ фактъ сообщаетъ историкъ Мишле.

И подобныя сцены повторяются ежедневно.

*) Сочин. маркиза де Садъ.

Невольно является вопросъ, какъ эти солдаты могли безобразничать въ Париже въ то время, какъ ихъ собратья въ рядахъ арміи республики удивляли весь міръ своимъ геройскимъ поведениемъ?

Въ то время здоровые мужчины раздѣлились на два класса.

Одинъ спасалъ отечество отъ опасности, онъ остается чистъ, какъ античный мраморъ, начиная съ послѣдняго капрала и кончая баснословной фигурой двадцатидвухлѣтняго генерала.

Другой классъ поролъ женщинъ на улицахъ, въ монастыряхъ и тюрьмахъ.

Это въ особенности въ монастыряхъ проявили, свою страсть къ флагелляціи жирныя торговки и ихъ почтенные мужья.

Репресалии производились съ извѣстной методой: сегодня здѣсь — завтра тамъ.

Почти всѣ аристократическія крупы прошли подобный искусь, — молодыя и старухи, всѣ подвергались унижительному тѣлесному наказанію.

Въ одномъ изъ монастырей, куда скрылись дамы и дѣвушки, высшей аристократіи, жены національныхъ гвардейцевъ въ теченіе цѣлыхъ пяти часовъ занимались тѣмъ, что пороли женщинъ розгами или шлепали по ихъ обнаженнымъ ягодицамъ руками, такъ какъ не хватало розогъ.

На другой день „Отецъ Дюшенъ“ напечаталъ въ хроникѣ, что аристократки, были счастливы подвергнуться наказанію розгами, такъ какъ смотрѣли на подобное наказаніе, какъ на испытаніе, посланное имъ самимъ Богомъ, почему, по прибытіи торговокъ или женъ гвардейцевъ, сами раздѣвались и послѣднимъ не приходилось возиться съ раздѣваніемъ ихъ, чтобы пороть розгами или шлепать руками.

Потребовалось бы написать цѣлые томы, если бы мы пожелали передать со всѣми подробностями всѣ произведенныя экзекуціи.

Всѣ тѣлесныя наказанія въ общемъ похожи одно на другое. Тогдашнія газеты полны подробными описаніями тѣлесныхъ наказаній женщинъ изъ общества. Даже конвентъ посвятилъ нѣсколько своихъ засѣданій вопросу о злоупотребленіи тѣлеснымъ наказаніемъ женщинъ.

Въ первомъ томѣ нашего труда мы рассказали уже о наказаніи парижской чернью въ революціонное время Тероины де Мерикуръ.

Когда Имперія украсила свои орлы трехцвѣтныхъ флагомъ, народная мысль направилась къ другой цѣли и пушечный громъ заглушилъ крики женщинъ, если еще ихъ, гдѣ-нибудь въ глуши, пороли.

Наполеонъ провелъ свои побѣдоносныя войска по многимъ странамъ и флагелляція не принимала участія въ этомъ шествіи, а если и практиковалась иногда, то въ такихъ ничтожныхъ размѣрахъ, что о ней не стоитъ и говорить.

Само собой разумѣется, наполеоновскіе солдаты не упустили удобнаго случая посѣчь хорошенькихъ неприятельницъ, прежде чѣмъ воспользоваться своимъ правомъ сильнаго...

Въ рядахъ 6-го драгунскаго полка, гдѣ служилъ Стендаль, было въ ходу выраженіе, что женщины, какъ говяжье мясо, чѣмъ больше ихъ бьютъ, тѣмъ онѣ становятся нѣжнѣе. Но это уже казарменные остроты... Мы не станемъ разыскивать и описывать здѣсь всѣ случаи тѣлеснаго наказанія женщинъ солдатами. Приведемъ только разсказъ капитана 5-го гусарскаго полка Корнаръ, какъ онъ самъ описываетъ подвигъ его солдатъ въ своихъ мемуарахъ.

„Я вошелъ въ крошечный деревенскій трактиръ, гдѣ одинъ видъ моего мундира произвелъ на всѣхъ жившихъ въ домикѣ потрясающее впечатлѣніе. Мужъ, жена и прислуга положительно всѣ дрожали, когда подавали мнѣ скромный обѣдъ, который я имъ заказалъ.

Я отрѣзалъ ломоть хлѣба, когда услыхалъ раздирающіе крики на дворѣ, въ сараѣ.

Не снявши салфетки, которую завязалъ вокругъ шеи, я бросился къ сараю. Крики все усиливались. Я открылъ дверь сарая, сопровождаемый хозяиномъ, хозяйкой и прислугой, и увидалъ... Я увидалъ пухленькій женскій крупъ, весь красный и припухшій подъ шлепками, которыми награждалъ одинъ изъ моихъ солдатъ въ то время, какъ двое другихъ держали женщину за руки и за ноги.

Увидавъ меня, солдаты оставили свою жертву и она встала на ноги. Эта была прехорошенькая блондинка, съ голубыми глазами, маленькая нѣмочка, похожая на фарфоровую куколку. Ея личико, раскраснѣвшееся отъ слезъ, было чрезвычайно мило.

Я сталъ утѣшать милую дѣвушку, которая оказалась хозяйской дочерью. Ей на видъ нельзя было дать больше шестнадцати лѣтъ. Отдавъ ее на руки ея родителей, которые тотчасъ же поспѣшили ее увести съ собой, я вернулся къ своему немного простывшему обѣду.

На другой день я узналъ, что дѣвушка отказала солдатамъ въ своей благосклонности, и они не придумали ничего другого какъ начать ее шлепать, чтобы сломить ее упрямство. Я посадилъ каждого изъ моихъ ребятъ на пять сутокъ въ темный карцеръ на хлѣбъ и воду“.

Подобныя факты не разъ повторялись въ теченіе кампаніи и, конечно, весьма часто съ благопріятнымъ для солдатъ результатомъ, такъ какъ не всегда находился капитанъ Корнаръ для освобожденія нѣжной голубки, упорство которой, обыкновенно, старались сломить не шлепками, а хорошими розгами. Въ этомъ отношеніи солдатамъ была дана полная свобода.

Г-жа Сталь свирѣпствовала въ Тюльери и ходили слухи, что самъ Наполеонъ не былъ противъ тѣлесныхъ наказаній, какъ дисциплинарной мѣры. Его собственныя сестры, по его словамъ, частенько, послѣ урока, наказывались розгами за лѣность.

Послѣ паденія Имперіи наступилъ бѣлый терроръ, тоже оргія флагелляціи, но теперь вернушіеся аристократы пользовались властью и на крупахъ хорошенькихъ якобинокъ вымещали обиду,

нанесенную ихъ женамъ, сестрамъ и дочерямъ. За этими новыми господами у власти послѣдовали эмигранты, всѣ они съ полной безцеремонностью и жестокостью стали пороть бонапартистскихъ женщинъ. Пучки розогъ или рукоятки плетокъ, которыми сѣкли женщинъ, украшались бѣлыми лиліями. Этотъ цвѣтокъ гравировался на деревѣ остроконечными иглами, которыми нажимали на тѣло женщины и получалось неизгладимое изображеніе. Если какая-нибудь дѣвушка слыла за либералку, что означало приверженность къ Имперіи, быстро хватали ее лица обоюго пола, спускали ей панталоны, поднимали платье съ юбками и жестоко сѣкли первымъ попавшимся удобнымъ предметомъ, а затѣмъ хватали слѣдующую.

Одна молодая женщина тотчасъ по выходѣ изъ церкви послѣ вѣнчанія была схвачена толпой въ Ліонѣ и жестоко высѣчена публично розгами.

Несчастливая пролежала потомъ въ постели нѣсколько мѣсяцевъ.

Но особенно много было перепорото публично женщинъ въ Руанѣ.

Такъ до свѣдѣнія роялистскихъ дамъ дошло, что въ одномъ костелѣ каждый вечеръ, неизвѣстно съ какой цѣлью, собирается очень много молодыхъ и пожилыхъ дамъ — бонапартистокъ. Подобныя собранія не понравились нѣкоторымъ гражданамъ города и рѣшено было положить имъ конецъ.

Нѣсколько здоровенныхъ и сильныхъ женщинъ роялистокъ, вооружившись пучками толстыхъ, длинныхъ и свѣжихъ березовыхъ розогъ стали караулить бѣдняжекъ у входа въ костелъ. Когда бонапартистки появились, закутанныя въ свои тальмы, то роялистки набросились на нихъ; каждая схватила по одной и, перехвативъ одной рукой за талию, онѣ другой рукой спускали панталоны, поднимали платье съ юбками и сѣкли розгами, съ яростью настоящихъ фурій, по обнаженнымъ частямъ тѣла прелестныхъ руанокъ. Присутствующіе зрители аплодировали и поощряли криками разъяренныхъ женщинъ, которыя и безъ того были возбуждены криками истязуемыхъ ими женщинъ. Только когда у большинства розги измочалились и тѣла были исполосованы рубцами до крови, роялистки отпустили своихъ жертвъ.

Несмотря на жестокое истязаніе, которому подверглись несчастныя бонапартистки, онѣ все-таки рѣшились еще разъ собраться въ костелѣ, чтобы покаяться въ своихъ грѣхахъ, но изъ боязни новаго истязанія, онѣ рѣшили, на всякій случай, надѣть панталоны изъ особенно толстаго полотна и которыя не такъ легко было бы спустить. Роялистки провѣдали обо всемъ этомъ и рѣшили поступить съ ними еще безжалостнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Онѣ запаслись пучками изъ растенія орти, каждую изъ нихъ долженъ былъ сопровождать съ такимъ пучкомъ мальчикъ или дѣвочка, чтобы она сама не укололась этимъ страшно колючимъ растеніемъ, а могла бы взять въ руки пучекъ, когда жертва будетъ совсѣмъ готова для наказанія. Полиція помогла имъ въ ихъ заговорѣ. Дней черезъ восемь, когда появились у костела

бонапартистки, онъ, какъ и въ первый разъ, были схвачены и обнажены, такъ что особыя панталоны только немного замедлили операцію раздѣванія, но не спасли обладательницъ ихъ. Почти всѣ дамы и дѣвушки были наказаны орти до потери сознанія и многихъ пришлось полиціи отвести на извозчикъ домой... Послѣ этого дамы прекратили собранія въ костелѣ. Когда объ этомъ истязаніи заговорили газеты и старикъ Беранже особенно горячо нападалъ на руанскую полицію, допустившую два раза на улицѣ такое безобразіе, то министръ смѣнилъ полицеймейстера, а черезъ мѣсяць далъ ему повышение по службѣ.

Въ то время и въ школахъ и при исповѣдальняхъ опять стала процвѣтать флагелляція въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Иезуиты признавали, что единственнымъ средствомъ заслужить прощеніе грѣховъ было согласіе подвергнуться отъ руки духовника наказанію розгами, плеткой или орти. И вотъ въ исповѣдальнѣ колѣнопреклоненная молоденькая женщина или дѣвушка сама поднимаетъ платье съ юбками и подставляетъ свое обнаженное тѣло, чтобы духовникъ высѣкъ ее розгами или плетью или, за особенно большой грѣхъ, орти.

Въ одной деревнѣ въ то время одинъ ксендзъ принялъ за обыкновеніе наказывать своихъ духовныхъ дочерей розгами или орти при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Дамы настолько нашли это по вкусу, что часто сами, для будущаго успокоенія души, приставали къ нему, чтобы онъ ихъ выпоролъ, даже тогда, когда онъ находилъ возможнымъ отпустить имъ грѣхъ, ограничившись двумя-тремя пощечинами.

Г Л А В А X

Какимъ образомъ становятся флагеллянтшей, флагелляція бѣлой рабыни

Мы увидимъ ниже, что любовь къ полученію ударовъ можетъ быть у молодой дѣвушки врожденной, но мы пока хотимъ разсмотрѣть тотъ случай, когда женщина, достигнувъ возмужалости, не имѣла, даже самаго смутнаго, желанія быть высѣченной или самой съчь кого-нибудь.

Теперь насъ занимаетъ мужчина, зараженный этимъ порокомъ и заражающій имъ женщину.

Если это — человекъ умный, — онъ постарается вызвать у своей подруги страсть къ флагелляціи, дѣйствуя на ея воображеніе. Онъ станетъ заводить съ ней разговоры по этому вопросу, будетъ частенько рассказывать факты, касающіяся флагелляціи, такимъ образомъ онъ добьется, что возбудитъ любопытство у той, которую онъ хочетъ обратить въ свою секту.

Одинъ господинъ намъ рассказывалъ, какъ онъ свою возлюбленную, не имѣвшую понятія о томъ, что есть мужчины, находящіе наслажденіе въ униженіи отъ женщины, находящейся съ ними въ близкихъ отношеніяхъ. Онъ былъ какъ бы полу-мазохистъ.

Онъ рассказывалъ, какъ его въ дѣтствѣ родители и гувернантки сѣкли розгами за непослушаніе или дерзости. Затѣмъ разъ онъ приготовилъ розги и попросилъ ее высѣчь его. Подруга привязала его тоненькими веревочками, которыя разорвались, какъ только она ударила его розгами и онъ рванулся. На нее это произвело впечатлѣніе, она была сильно взволнована и сказала, что больше этого никогда не будетъ дѣлать.

Но затѣмъ онъ ей постоянно рассказываетъ о томъ, какъ его знакомая дама наказываетъ своего возлюбленного розгами страшно жестоко за малѣйшую дерзость и неисполненіе ея желаній. Иногда самъ ее сердить или говорить грубости, такъ что она, серьезно взбѣшенная, говоритъ: „вы дождетесь того, что я васъ пребольно выпорю розгами за подобныя грубости“! Разъ выведенная изъ терпѣнія и, думая совершенно искренно, что, подобно его знакомой дамѣ, можно наказаніемъ розгами заставить его быть болѣе внимательнымъ и не говорить грубостей, она сказала, чтобы на слѣдующій разъ къ ея приходу были готовы розги, и она накажетъ его розгами. Онъ приготовилъ розги и она, привязавъ на кровати уже солидными веревками, наказала его четыреста ударами розогъ, такъ что у него появились красные рубцы и мѣстами кровь. Такъ какъ послѣ наказанія онъ былъ сильнѣе въ ласкахъ съ ней, что она, конечно, замѣтила, то она впослѣдствіи стала чаще прибѣгать къ наказанію розгами, несмотря, на то что розги было не легко доставать. Иногда онъ, довольно чувствительный къ боли и болѣе возбуждавшійся отъ мысли или приготовленій къ наказанію, чѣмъ отъ самаго наказанія, хотѣлъ уклониться отъ розогъ, особенно, если выдѣлъ, что сильно ее чѣмъ-нибудь взбѣсилъ и она его хорошо проберетъ розгами... Но она настаивала и даже, случалось, уходила отъ него, если онъ не соглашался лечь подъ розги. Затѣмъ, черезъ нѣсколько дней являлась уже сама съ пакетомъ розогъ и требовала, чтобы онъ подчинился и далъ себя привязать и высѣчь, если не желаетъ чтобы она опять ушла. Приходилось исполнять ея желаніе. Въ такомъ случаѣ она особенно больно и долго сѣкла, давая часто по тысячи и болѣе ударовъ. Она говорила, что сѣчь ей доставляетъ большое удовольствіе, особенно, когда показывается кровь или особенно удачный ударъ розгами вызываетъ крикъ или болѣе рѣзкое движеніе тѣла. Мужчинѣ этому было подъ пятьдесятъ лѣтъ и она его очень любила. Пробовала сѣчь и плеткой, такъ какъ розги трудно было доставать.

Такимъ образомъ была подготовлена флагеллянтша. Впослѣдствіи она сознавалась, что и мужа стала постепенно приучать къ тому, чтобы онъ позволялъ себя бить по обнаженному тѣлу. Особѣ этой было подъ тридцать лѣтъ.

Сама она была на рѣдкость чувствительна и съ трудомъ позволяла шлепать по ягодицамъ рукой.

В данномъ случаѣ вышеупомянутый мужчина вполнѣ достигъ цѣли: онъ искалъ не столько боли, сколько униженія; боль для него была даже чувствительна и онъ, какъ мы видѣли, старался уклониться и допускалъ свою подругу даже уходить когда видѣлъ, что она хочетъ его очень больно наказать розгами. Подруга, конечно, видѣла, что ему доставляетъ нѣкоторое удовольствіе наказаніе и по послѣдующимъ ласкамъ замѣчала произведенное наказаніемъ возбужденіе... Но все-таки она смотрѣла на наказаніе розгами отнюдь не какъ на возбуждающее средство или удовлетвореніе желанія своего друга. Она именно наказывала, чтобы заставить смириться своего друга причиненіемъ ему возможно сильной боли и униженія тѣмъ, что онъ взрослый и пожилой уже человѣкъ долженъ вертѣться и кричать отъ боли, какъ пятилѣтній мальчуганъ. Въ этомъ ее убѣдило и желаніе друга уклониться отъ наказанія. Мазохистъ, именно, нашелъ вполнѣ искреннее униженіе, когда подруга его наказывала, потому что была зла на него, сѣкла сильно и давала число ударовъ не по его желанію, а въ зависимости отъ его вины. Она никогда, на примѣръ, не наказывала, если не было съ его стороны никакой вины. Онъ сѣумѣлъ мастерски вселить въ ея головкѣ убѣжденіе, что отъ всего неприятнаго для нея она можетъ отучить его розгами, не лечь подъ котормъ онъ, конечно, можетъ, но не рискнетъ, когда увидитъ, что ему грозитъ потеря близкихъ съ нею отношеній. При этомъ, повторяемъ, она его любила. Это была какъ бы мать или воспитательница, глубоко убѣжденная, что наказывая, иногда очень строго, она исправляетъ своего любимаго сына или воспитанника. Игралъ тутъ также роль нѣкоторый садизмъ ея характера, — она сознавалась, что появленіе крови на тѣлѣ наказываемаго возбуждало ее...

Но не всегда можно напасть на такую подругу.

Во всякомъ случаѣ, когда мужчина увидитъ, что женщина его рассказами достаточно подготовлена, что ея любопытство возбуждено, то онъ можетъ ей сознаться въ своей страсти и просить ее удовлетворить, если не можетъ рассчитывать, какъ въ вышеописанномъ случаѣ, достигнуть удовлетворенія ея своей подругой безсознательно, по собственному желанію...

Часто стыдъ, боязнь быть смѣшной удерживаетъ женщину и дѣлаетъ флагелляцію для нея затруднительной, благодаря необходимости разыгрывать комедію, которая должна ее сопровождать.

Если мужчина не интеллигентенъ, то онъ не сѣумѣетъ сдѣлать прозелитокъ, а просто обратится къ подкупу и очень рѣдко бываетъ, чтобы его желаніе не было удовлетворено.

Впрочемъ, очень многія женщины согласятся охотно сѣчь, но не въ силахъ будутъ преодолѣть страхъ, который имъ внушаетъ быть самой высѣченной.

Для флагеллянта, у котораго нѣтъ капли садизма, наслажденіе будетъ несравненно полнѣе, когда женщина подвергается флагелляціи силой, испытывая при этомъ неудовольствіе и страхъ.

Максимъ Р... одинъ изъ моихъ пациентовъ, былъ именно флагеллянтъ подобнаго рода.

Видъ крови былъ для него тягостенъ, всевозможныя утонченныя истязанія, которымъ садисты подвергаютъ свои жертвы, стараясь возможно полнѣе удовлетворить свою страсть и въ то же время боясь уголовного преслѣдованія; уколы булавками, прижиганія, нанесеніе ранъ и т. п. — все это внушало ему отвращеніе. Но онъ былъ страстный охотникъ до причиненія нравственныхъ страданій женщинамъ, которыхъ онъ находилъ для удовлетворенія своей страсти и которыхъ онъ, послѣ такихъ мученій, подвергалъ утонченной флагелляціи.

Онъ выбиралъ женщинъ только между проститутками и старательно искалъ между ними дѣвушекъ очень молодыхъ, немного робкихъ, которыхъ онъ находилъ на плохо освѣщенныхъ улицахъ въ часы, когда въ Парижѣ всюду выступаетъ на сцену продажная любовь.

Онъ приводилъ избранницу на свою холостяцкую квартиру, находившуюся въ центральномъ кварталѣ и такъ устроенную, что изъ нея нельзя было услышать ни криковъ, ни призывовъ на помощь.

Когда дѣвушка входила въ западню, то начиналась ужасная комедія. Она каждый разъ мѣнялась, въ зависимости отъ приведенной дѣвушки и собственнаго настроенія въ ту минуту Максима.

Иногда онъ разыгрывалъ сумасшедшаго и своими безсвязными словами приводилъ въ неподдѣльный ужасъ несчастную подругу. Чаше онъ признавался ей въ своей страсти къ виду крови и когда она, обезумѣвшая, хотѣла бѣжать, то онъ связывалъ ее веревками.

Затѣмъ цѣлыми часами онъ наводилъ на нее ужасъ разказами тѣхъ неслыханныхъ мученій, которымъ онъ ее подвергнетъ послѣ того, какъ накажетъ розгами; розгами онъ сѣкъ, сравнительно слабо, но при этомъ увѣрялъ дѣвушку, что это только прелюдія ожидающихъ ее пытокъ.

Ему доставляло невыразимое наслажденіе видѣть, какъ у несчастной мѣняется отъ страха все лицо, какъ обнаженное ея тѣло корчится, слышать ея отчаянные крики и призывы о помощи.

Два раза, по его словамъ, дѣло могло кончиться для него очень скверно. Въ первый разъ, женщина, очень молодая чахоточная дѣвушка, впала въ безсознательное состояніе и умерла, когда онъ поднялъ рубашку и собирался сѣчь ее розгами. Къ счастью для него, что на тѣлѣ не было никакихъ слѣдовъ насилія. Онъ развязалъ несчастную и, уложивъ въ постель, послалъ за полиціей. Призванный докторъ нашелъ смерть естественной и послѣдовавшей, по словамъ Максима, въ минуту первой ласки.

Въ другой разъ, по его словамъ, разочарованіе его было еще сильнѣе.

Въ этотъ день его подруга, сперва взволнованная и напуганная его ужасными угрозами, мало по малу пришла отъ нихъ въ опьяненіе и сама горячо торопила его поскорѣе начать сѣчь ее розгами. Когда онъ, на ея глазахъ, вязалъ изъ березовыхъ прутьевъ два

пучка розогъ, то она находила, что онъ выбираетъ не достаточно толстые прутья или вяжетъ пучекъ изъ небольшого числа прутьевъ.

Но самое любопытное это то, что женщину эту еще ни разу въ жизни не сѣкли, и о подобной страсти она знала только по слухамъ. И вдруг она стала ярой поклонницей флагелляціи.

Но Максимъ искалъ не этого; онъ наслаждался волненіемъ и страхомъ, происходившими отъ его словъ и дѣйствій.

Наоборотъ, многіе флагеллянты находятъ высшее удовольствіе, если ихъ удары вызываютъ у жертвъ наслажденіе, подобное ихъ нему, и они всячески стараются, чтобы жертвы раздѣляли ихъ сложные чувства.

Мы уже раньше сказали, что большинство женщинъ охотно становятся активными флагеллянтшами. Мы прибавимъ еще, что, если хотятъ внушить женщинѣ страсть къ пассивной флагелляціи, непременно необходимо для начала, заставить ее играть активную роль, не требуя тотчасъ перемѣны ролями.

Въ началѣ она будетъ страшно изумлена тѣмъ, что ей пришлось не ласкать, а бить... Сначала она беспокоится о причиняемой ею боли, потомъ привыкаетъ къ мысли, что она причиняетъ, наказывая, даже очень жестоко, розгами своего возлюбленного, не страданіе, а высшее наслажденіе... Мало по малу совершенствуясь въ искусствѣ сѣчь со страстью, она становится совсѣмъ смѣлой и, за рѣдкими исключеніями, принимаетъ въ подобныхъ развлеченіяхъ вполне искреннее участіе.

Ей сладко и дорого видѣть, какъ ея возлюбленный валяется у нея въ ногахъ, готовый испытать отъ нея всевозможныя униженія, что въ ея власти, какъ царицы неограниченной или жестокой богини, взять въ руки розги или плеть и начать полосовать обнаженное тѣло и, что за всѣ причиненные ею страданія онъ ее будетъ еще благословлять.

Она изощряется въ изобрѣтеніи утонченныхъ истязаній, что усиливаетъ наслажденіе отъ флагелляціи.

И если только женщина отъ природы не садистка, она неизбежно, — разъ она дѣйствуетъ искренно, — захочетъ и сама испытать отъ руки своего возлюбленного наслажденіе, которое несомнѣнно она ему доставляетъ, наказывая розгами и т. п.

Въ одну прекрасную ночь, утомленная наказаніемъ своего друга, она подставитъ свое тѣло и будетъ молить его причинить ей страданія.

У нѣкоторыхъ женщинъ невропатокъ страсть къ флагелляціи развивается при помощи внушенія.

Одинъ очень извѣстный докторъ по нервнымъ болѣзнямъ, страстный флагеллянтъ, комплектовалъ свой гаремъ пассивными флагеллянтками при помощи внушенія. Обращаясь къ субъектамъ уже съ нѣкоторой склонностью, которую онъ умѣло развивалъ, онъ заставлялъ ихъ исполнять всѣ свои желанія.

Способъ его довольно любопытенъ. Онъ сначала, во время глубокаго гипнотическаго сна, внушалъ имъ, что онѣ испытаютъ

высшее наслаждение отъ флагелляціи, которую онъ приказывалъ испробовать.

Наконецъ, когда его внушеніе подѣйствовало, онъ объявлялъ имъ свою волю, когда онѣ не находились въ спящемъ состояніи. Никогда онъ не встрѣчалъ непослушныхъ, а многія сдѣлались даже отчаянными флагеллянтами.

Лучшимъ доказательствомъ того, что торговля живымъ товаромъ процвѣтаетъ преблагополучно, а также и истязаніе бѣлыхъ рабынь, служитъ фактъ, происшедшій въ іюнь 1909 г. в Россіи и обошедшій всѣ русскія газеты, откуда мы заимствуемъ эти интересныя подробности.

Молодой человѣкъ и великій мерзавецъ Иванъ Скорякъ познакомился съ пріѣхавшей въ Одессу для пріисканія должности Маріей Лопатнюковой. Узнавъ о цѣли ея пріѣзда и затруднительномъ матеріальномъ положеніи, онъ принялся за ней ухаживать. Неопытная дѣвушка не подозрѣвала, къ чему клонятся эти ухаживанія, принятое Скорякомъ въ ней участіе тронуло ея неопытную душу, и Лопатнюкова стала благосклоннѣе относиться къ своему ухаживателю. Ухаживанья Скоряка пошли еще дальше; въ одинъ прекрасный день онъ предложилъ ей руку и сердце. Марія согласилась. Женихъ, чтобы не жить на двухъ квартирахъ, предложилъ ей переѣхать къ нему. Лопатнюкова сначала колебалась, но Скорякъ убѣдилъ, что временное сожителство подъ одной кровлей нисколько не будетъ ее шокировать, тѣмъ болѣе, что въ Одессѣ ее никто не знаетъ. Черезъ недѣлю — двѣ, пока онъ устроитъ дѣла съ документами, они будутъ обвѣнчаны. Переѣздъ Лопатнюковой на квартиру Скоряка и былъ началомъ ея страданій. Клятвы жениха о вѣчной любви вскружили голову неопытной дѣвушкѣ, и она отдалась. Прошло нѣсколько дней въ какомъ-то угарѣ. Ежедневно происходили попойки, и Лопатнюкова каждый день засыпала въ полуопьяненномъ состояніи съ тѣмъ, чтобы завтра повторялось тоже. Вскорѣ въ квартирѣ Скоряка прибавилась еще одна пара. Ихъ сталъ посѣщать нѣкій Арон Шомнисъ тоже съ дѣвицей Пелагеей Дроздовой. „Это невѣста моего товарища“, — сказалъ Лопатнюковой Скорякъ, и кутежи стали происходить уже вчетверомъ. Какъ потомъ оказалось, и Дроздова была такой же жертвой, какъ и Марія. Дѣвушки вскорѣ сошлись, подружились и дѣлились своими надеждами.

Спустя двѣ недѣли, Скорякъ заявилъ своей невѣстѣ, что они должны уѣхать въ Николаевъ; туда же поѣдетъ и Шомнисъ со своей невѣстой. Сначала Лопатнюкова протестовала, но когда женихъ сталъ угрожать, что онъ ее выгонитъ, согласилась, и они уѣхали.

Затѣмъ николаевскому сыскному отдѣленію стало извѣстно, что въ одинъ изъ домовъ терпимости въ Николаевѣ продается двумя субъектами дѣвушка, и что въ данный моментъ они находятся въ извѣстномъ мѣстѣ. Туда были откомандированы агенты и черезъ полчаса въ отдѣленіе были доставлены аккерманскій мѣщанин Иванъ Скорякъ и браиловскій мѣщанинъ Аронъ Шомнисъ съ Пелагеей Дроздовой, которая обрадовавшись, что, на-

конецъ, вырвется отъ своихъ мучителей, рассказала все начальнику отдѣленія.

Она пріѣхала въ Николаевъ съ Лопатнюковой; послѣдняя, какъ имѣющая больше 20 лѣтъ, уже продана въ домъ терпимости, а она, имѣвшая всего 19 лѣтъ, не могла быть принята; поэтому Шомнисъ, остановившись въ гостиницѣ „Новый Берлинъ“, эксплуатировалъ ее. Дроздова умоляла начальника спасти ее подругу, которая попала въ «веселый домъ» лишь наканунѣ. Г. Матвѣевъ немедленно съ агентами отправился по указанному адресу. Появленіе полиціи въ „домикъ“ естественно смутило находящихся въ большой комнатѣ за утреннимъ чаемъ „этуалей“, между послѣдними Марія не оказалось. Начальникъ энергично потребовалъ отъ „хозяйки“ указать мѣстонахожденіе Лопатнюковой. И когда чины полиціи вмѣстѣ съ Дроздовой вошли въ „комнату“, то Дроздова съ трудомъ могла узнать свою красивую подругу Марію. На постели лежала полунагая женщина, со впалыми щеками и глазами, и слабымъ голосомъ что-то говорила. Дроздова дала ей воды и помогла одѣться. Собравъ кое-какія вещи, Лопатнюкова, поддерживаемая подругой и чинами полиціи, съ трудомъ передвигая ноги, вышла на улицу, гдѣ ее усадили на извозчика и повезли въ сыскное отдѣленіе. По дорогѣ съ ней случился нервный припадокъ. Немедленно въ отдѣленіе былъ вызванъ врачъ, который привелъ ее въ чувство и констатировалъ сильное нервное расстройство, близкое къ помѣшательству.

Когда Лопатнюкова пришла въ себя, она на разспросы въ сыскомъ отдѣленіи рассказала слѣдующее:

„Мы позавтракали съ Ваней въ одномъ ресторанѣ, гдѣ выпили, но я не была пьяная. Затѣмъ мы поѣхали... Ваня привезъ къ одной дамѣ, по его словамъ, его хорошей знакомой. Онъ мнѣ назвал ее Маріей Ивановной. Здѣсь мы пили вино. Черезъ нѣкоторое время Ваня сказалъ, что онъ уѣдетъ по дѣлу, но скоро вернется за мною. Какъ только онъ уѣхалъ, Марія Ивановна позвала какую-то женщину и велѣла ей показать мою комнату... Я сказала, что мнѣ комнаты не нужно, такъ какъ сейчасъ пріѣдетъ Ваня за мною... На это дама засмѣялась и сказала, что Ваня больше не пріѣдетъ, и теперь я должна слушаться ее и вотъ Эмилию Федоровну, если не хочу, чтобы мнѣ было плохо... Тогда я догадалась, что попала въ б...къ и стала плакать и просить меня отпустить, иначе я буду жаловаться полиціи. Въ это время принесли два шелковыхъ платья и бѣлье. Эмилиа Федоровна подошла ко мнѣ и велѣла мнѣ переодѣваться, „такъ какъ уже скоро десять часовъ и скоро могутъ пріѣхать гости“. Я опять въ слезы и, взявъ зонтикъ, хотѣла выйти изъ комнаты... Марія Ивановна подошла ко мнѣ, вырвала зонтикъ, бросила его на кровать и сказала, чтобы „я не дурила и тотчасъ одѣвалась“, иначе мнѣ будетъ очень плохо... Я говорю, что не стану одѣваться, тогда она подошла и ударила меня со всего размаху по щекѣ... Я закричала: „вы не смѣете меня бить, я не ваша дочь“! А она говоритъ мнѣ: „пороть розгами буду, если с...ва не будешь дѣлать, что тебѣ велѣтъ“! При этомъ опять

меня ударила по другой щекѣ. Тогда я хотѣла броситься къ окну и закричать, но меня онѣ схватили и, потащивъ къ кровати, стали хлестать по щекамъ, я, конечно, закрывала лицо руками, но онѣ отнимали и били по лицу, такъ что у меня пошла кровь изъ носу. Тогда они перестали. Марія Ивановна опять меня спросила: „Одѣнешься ли ты, проклятая с...а, и выйдешь ли къ гостямъ“? Я говорю, что ни одѣваться, ни выходить къ гостямъ не стану, пустите меня, я буду жаловаться на васъ за побои полиціи... Тогда Марія Ивановна говоритъ Эмилиі Федоровнѣ: „Эмилия, вели Егору приготовить побольше хорошихъ розогъ и скамейку въ сараѣ, потомъ, пускай и самъ придетъ взять ее поучить хорошенько, а Агафѣ скажи, чтобы ждала насъ въ сараѣ“! Когда Эмилія ушла, Марія Ивановна опять подошла ко мнѣ ближе и говоритъ: „Маша, лучше слушайся, а то больно выдеру и буду пороть, пока не станешь, какъ шелковая, всю шкуру спущу, а настою на своемъ! Ну, будешь одѣваться и ласковой съ гостями“? Я опять говорю, что не зачѣмъ мнѣ одѣваться, когда я одѣта, гостей мнѣ не нужно, я не б...ь, а пороть меня розгами вы не смѣете! Тогда Марія Ивановна говоритъ: „Посмотримъ, что ты запоешь подъ розгами, шкура барабанная“, и опять ударила меня по щекѣ

Я ничего не отвѣтила, вижу, что попалась, и, сѣвъ на кровать, стала только плакать... Въ это время пришла Эмилія Федоровна съ здоровеннымъ мужикомъ, и говоритъ: „Марія Ивановна, все готово!“ Та опять мнѣ говоритъ: „Въ послѣдній разъ говорю, Маша, будь умницѣй и дѣлай, что я тебѣ приказываю, иначе будетъ очень больно!“.. Я говорю: „Хоть рѣжьте, а б...ь не буду!“ Тогда она велѣла Егору отвести меня въ сарай. Такъ какъ я не хотѣла идти, то онъ ко мнѣ подошелъ и, взявъ меня за талию, говоритъ: „Нужно, Маша, слушаться хозяйку и идти въ сарай!“ Я говорю, чтобы отпустили меня, не ихъ дѣвочка, чтобы слушаться... Тогда Егоръ хотѣлъ меня взять на руки, но я стала брыкаться, кусать его за руку и кричать: „Пустите меня, вы съ ума сошли! Я хочу уйти!“ Въ ту же минуту я почувствовала, какъ мнѣ связали веревкой обѣ руки и ноги, а Эмилія Федоровна всунула мнѣ въ ротъ платокъ. Егоръ взялъ меня на руки, и всѣ пошли въ сарай.

Когда меня принесли въ сарай, то тамъ уже была одна баба. вмѣстѣ съ Эмилией онѣ меня уложили на скамейку, я была такъ слаба, что перестала сопротивляться, видѣла, что ничего не подѣлаешь... Я чувствовала, что кто-то развязываетъ мнѣ панталоны и спускаетъ ихъ до низу... Потомъ мнѣ все платье съ юбками и сорочкой завернули на голову. Тогда Марія Ивановна велѣла вынуть платокъ изъ рта, а Егору пороть меня. Меня никогда въ жизни не сѣкли розгами, а потому, когда я почувствовала первый ударъ, то свѣта не взвидѣла и думала, что я умру отъ боли и стыда. Сильно рванулась, но увидала, что меня крѣпко держатъ и стала только кричать. Что это была за боль, не могу передать... Затѣмъ меня все сѣкли, но потомъ остановились, и Марія Ивановна говоритъ: „Я тебѣ дала пятьдесятъ розогъ и сейчасъ дамъ еще столько же, если ты не обѣщаешься одѣться и слушаться меня! Я говорю

что не могу б...ь! Тогда она опять велѣла пороть. Егоръ сталъ драть меня еще сильнѣе, и я стала кричать, чтобы меня простили и что я согласна на все и буду слушаться. Меня все-таки продолжали драть. Наконецъ, когда перестали, то я опять кричу, что готова на все, только бы не сѣкли меня. Марія Ивановна говоритъ: „Маша, я тебѣ дала сто розогъ, но думаю, что тебя сегодня можно еще пороть, чтобы выбить у тебя всю дурь изъ головы! Агафья, принеси еще свѣжихъ розогъ! Услыхавъ это, я стала божиться, что готова слушаться и пускай меня опять выпорютъ еще больнѣе, если я солгу. Но Марія Ивановна все-таки не отпускала меня со скамейки. Вскорѣ Агафья вернулась съ новыми розгами. Марія Ивановна взяла у нея пучекъ розогъ и, подойдя ко мнѣ, показала розги, прибавивъ, „я не вѣрю, что ты будешь слушаться и велю сейчасъ опять тебя сѣчь еще больнѣе, я вижу, что ты обманываешь“... И тутъ же передала розги Егору, какъ я не клялась и не увѣряла, что не лгу и готова все дѣлать. Опять меня стали пороть, но отъ боли я не могла кричать, духъ захватывало. Но скоро опять перестали. Марія Ивановна спрашиваетъ: „Ну, что, Маша, будешь слушаться и переодѣнешься здѣсь же въ сараѣ?“

— Переодѣнусь здѣсь въ сараѣ! Только простите и не бейте.

— Постарайся быть хорошенькой, иначе помни, что я тебя прямо изъ зала отведу въ сарай и опять выпорю, но уже много больнѣе? Я начинаю клясться, что все буду дѣлать, тогда Марія Ивановна спрашиваетъ меня, буду ли ласкова съ гостями? Я опять клянусь, что буду ласкова, если же не буду, то пускай меня опять порютъ. Только теперь она позволила меня снять со скамейки. Когда я встала, то она при всѣхъ подняла мнѣ все платье съ рубашкой и сказала: „полюбуйся Маша, на свою спину, видишь, что бываетъ, когда меня не слушаются!“ Я изъ стыда не хотѣла смотрѣть и старалась опустить платье, говоря, что мнѣ стыдно. Но она ударила меня не сильно по щекѣ и прибавила: „обѣщала слушаться, а не слушаешься, стыдно не слушаться, если говорю смотри на спину, такъ значитъ не стыдно и должна смотрѣть, я лучше тебя знаю, что стыдно и что нѣтъ, видно я тебя мало пробрала и нужно опять велѣть пороть! „Тутъ я совсѣмъ обезумѣла, увидавъ, что меня опять хотятъ класть на скамейку, сама подняла все и стала смотрѣть на спину, умоляя простить и что я не поняла... Вся спина была въ рубцахъ, изъ многихъ сочилась кровь, были рубцы темно-красные. Теперь я видѣла, что нужно все дѣлать, если не хочу опять быть поротой. Когда мнѣ принесли бѣлье, платье, зеркало и все необходимое для туалета, Марія Ивановна велѣла уйти Егору и Агафѣ. Сама же осталась съ Эмилией Федоровной и все время были, пока я умывалась и преодѣвалась. Когда я была совсѣмъ готова и приняла вполне приличный видъ, такъ что волненіе отъ пощечинъ и наказанія розгами было замѣтно только по покраснѣвшемуся лицу, что, по моему, дѣлало меня еще интереснѣй... Марія Ивановна осмотрѣла меня, похвалила и рассказала мнѣ нѣкоторыя подробности, которыхъ я не знала. Затѣмъ сказала, что я могу идти въ зало. Но мнѣ нужно было за

естественной надобностью... Марія Ивановна велѣла позвать за Агафьей и отпустила меня только съ ней. Вернувшись оттуда, я еще разъ поправилась и пошла въ зало“.

Оказалось, что въ истекшую ночь она имѣла у себя одиннадцать „гостей“, десять человѣкъ были у нея временно, а одиннадцатый остался ночевать. Лопатнюкова отправлена въ больницу. Скорякъ и Шомнисъ предаются суду.

ГЛАВА XI

Флагелляція и любовь

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что женщина въ любви будетъ, обыкновенно, такой, какой пожелаетъ видѣть ее мужчина или мужчины, съ которыми ей приходится имѣть дѣло въ минуты страсти.

Выше мы говорили, что дѣвушка, за исключеніемъ паталогическихъ случаевъ, во время наступленія половой зрѣлости волнуется отъ сладострастныхъ мыслей, но становится нормальной въ этомъ отношеніи около восемнадцати или двадцати лѣтъ.

Очень часто къ этому времени ея чувства, недавно еще такъ возбужденныя, вдругъ успокаиваются вслѣдствіе родовъ, необходимости зарабатывать кусокъ хлѣба или отъ свѣтской жизни и флирта, особенно сильно атрофирующаго здоровую чувственность у женщины.

Но бываютъ также женщины, у которыхъ съ годами развивается сладострастіе.

За исключеніемъ паталогическихъ случаевъ полового извращенія, женщина въ такомъ періодѣ неизбѣжно удовлетворяетъ свою страсть съ мужемъ или любовникомъ, отъ которыхъ и зависитъ та дорога страстей, по которой она пойдетъ.

Если мужчина нормаленъ, она станетъ тоже нормальной, если онъ садистъ, то и она сдѣлается болѣе или менѣе садисткой въ зависимости отъ своего темперамента. Если онъ — флагеллянтъ, неизбѣжно ей придется познакомиться съ розгами и пристраститься къ нимъ.

Моя пациентка, г-жа Р... Б., была тридцатичетырехъ лѣтъ и только по слухамъ знала о наслажденіи, испытываемомъ нѣкоторыми лицами при флагелляціи, когда сошлась близко съ однимъ молодымъ человѣкомъ, на видъ слабымъ, деликатнымъ, но замечательнымъ, тѣмъ не менѣе, своимъ твердымъ, жесткимъ взглядомъ, въ формѣ его носа и рта проглядывала повелительность.

По ея словамъ, онъ былъ страшный любитель флагелляціи и въ ней его соблазняли, главнымъ образомъ, сильно развитой крупъ и ляшки, много обѣщающія округленности тѣла, а также величественный видъ богини, которой недоставало только немного

властности и строгости во взорѣ, чтобы вполнѣ осуществить ту идеальную любовницу, которую создало его воображеніе.

Въ началѣ они имѣли нормальныя половыя сношенія. Очевидно, онъ хотѣлъ ее сперва приручить, считая совершенно неподготовленной къ тѣмъ упражненіямъ, въ которыхъ онъ собирался пригласить ее принять участіе.

За послѣднее время на свиданіяхъ онъ сталъ проявлять особенную озабоченность, разсѣянность и злость. Будучи въ него сильно влюбленной, дама умоляла открыть ей причину его безпокойства. Можетъ быть онъ ее разлюбилъ?

Онъ признался, что одинъ видъ ея волнуетъ его страстнымъ желаніемъ испытать наслажденія, которыя рисовало ему его воображеніе и которое можно испытать только отъ страданій, онъ славословилъ поцѣлуи такъ сказать кровавые...

Б... слушала его съ удивленіемъ и даже нѣкоторымъ испугомъ...

Хотя она не дала согласія, но по выраженію ея лица онъ понималъ, что отнынѣ онъ можетъ дѣйствовать съ нею смѣло.

Прошло нѣсколько дней, когда молодой человекъ не заговаривалъ болѣе объ этомъ предметѣ. Затѣмъ, разъ, когда оба они были въ постели, онъ, вдруг, опять заговорилъ о своей страсти.

Въ этотъ разъ, какъ признавалась сама Б., она надѣла особенно кокетливое нижнее бѣлье, стараясь всѣми способами удержать при себѣ своего любовника.

Вдругъ онъ схватилъ ее и положилъ на животъ; затѣмъ сталъ всю покрывать поцѣлуями, но въ тоже время ударять слегка шнурками по плечамъ; разъ онъ ударилъ довольно сильно и Б... запротестовала слабо, тогда онъ, поднявъ у ней рубашку, далъ ей штукъ десять болѣе сильныхъ ударовъ уже по ягодицамъ. Она хотѣла вырваться, напуганная его какимъ-то бѣшенствомъ и порывистымъ дыханіемъ... Но при первыхъ же ея попыткахъ онъ сталъ ее хлестать, что есть мочи, мѣняя руки и полосуюя ее по всѣмъ ея частямъ тѣла, не обращая вниманія на ея крики; было видно, что крики еще болѣе возбуждали, и онъ послѣ сильнаго крика или болѣе рѣзкаго желанія вырваться ударялъ съ еще большимъ остервененіемъ... Наконецъ, онъ какъ-то особенно вскрикнулъ, бросилъ шнурки на полъ, перевернулъ ее и приласкалъ съ такой силой, съ какой еще никогда не ласкал. Б... испытала такое наслажденіе, которое еще ни разу не испытывала... Немудрено, что послѣ этого она стала поклонницей флагелляціи.

Бываетъ иногда, что женщина не такъ скоро постигаетъ прелесть отъ перенесенія или причиненія страданій. Для такихъ женщинъ требуется часто очень долгій промежутокъ времени для опытовъ, которые не обходятся безъ послѣдствій для нихъ.

Другая моя пациентка, Анжель Л., едва переступила за тридцать лѣтъ. Это была жгучая брюнетка, съ очень развитымъ крупомъ и бедрами, но тонкой таліей.

Жена фабриканта, бездѣтная, ничѣмъ незанимавшаяся, чрезвычайно любопытная, она уже имѣла нѣсколько романовъ съ первыми встрѣчными.

Несмотря на всю опасность подобныхъ приключеній, ея нюхъ парижанки выручалъ до сихъ поръ, и она избѣгала крушенія. Всегда она нападала на вполнѣ галантныхъ мужчинъ, которые не причиняли ей ни малѣйшей непріятности.

Разъ послѣ полудня, когда шелъ мелкій осенній дождикъ, она, подобравъ высоко юбки и платье, довольно торопливо шла домой, какъ всегда дѣлая задомъ соблазнительныя движенія,— вдругъ она замѣтила рядомъ съ собой мужчину, изящнаго, хорошо одѣтаго, по виду перешагнувшаго сорокъ лѣтъ, но еще очень красиваго, тщательно выбритаго, съ черными усами, темными глазами, пронизывающими васъ насквозь и властными; иногда въ его взорѣ проглядывала какъ будто нерѣшительность и забота о чемъ-то.

Онъ сказалъ ей нѣсколько комплиментовъ, довольно изысканныхъ, безъ всякой шокирующей фамильярности.

Въ концѣ концовъ онъ предложилъ ей зайти съ нимъ въ очень приличную кондитерскую напитокъ чаю.

Заинтересовавшаяся, немного увлекшаяся, Анжель согласилась.

Очень скромно онъ ее опередилъ и выбралъ въ кондитерской столикъ въ самомъ отдаленномъ углу, гдѣ ихъ трудно было замѣтить.

Она очень мило провела съ нимъ около двухъ часовъ и разсталась очарованная имъ и давъ обѣщаніе притти къ нему на другой день около четырехъ часовъ дня.

Аккуратно въ назначенное время она на другой день входила въ очень приличный домъ на улицѣ Ларошфуко, въ квартиру во второмъ этажѣ.

Въ передней ее встрѣтилъ новый другъ — Викторъ и провелъ въ очень мило обставленную гостинную; это была, очевидно, не холостая квартира, а очень элегантная квартира, занимаемая женщиной; въ данное время все въ квартирѣ указывало на отсутствіе постоянныхъ обитателей.

На вопросы Анжели, Викторъ, улыбаясь, сознался, что онъ, правда, женатъ, но его жена съ двумя дѣтьми и прислугой уѣхала на шесть недѣль къ своей матери въ По; онъ вполнѣ свободенъ приводить въ квартиру кого ему угодно. Ей нечего бояться,— консьержъ на него молится.

Однако, онъ черезъ нѣкоторое время провелъ ее въ свой охотничій кабинетъ, а не въ спальню.

Комната была убрана подобно всѣмъ комнатамъ спортсменов; былъ уютный диванъ, двѣ кушетки, ассортиментъ разнаго оружія и что ее особенно поразило это громадная коллекція всевозможныхъ плетокъ и бичей; тутъ были собачьи плетки, кнуты погонщиков, ужасныя англійскія девятихвостки, дамскіе и мужскіе бичи и т. д.

Изъ деликатности, за которую Анжель въ душѣ была ему очень благодарна, Викторъ закрылъ окна вмѣстѣ со ставнями, спустилъ шторы и занавѣси, затѣмъ зажегъ двѣ электрическихъ небольшихъ

люстры. Комната выглядѣла совсѣмъ мило и Анжель внутренно радовалась, что придется принести жертву богинѣ любви въ такомъ изящномъ храмѣ, ничѣмъ не похожемъ на банальныя комнаты гостинницъ.

Около широкаго и низкаго дивана, служившаго ему, какъ объяснилъ Викторъ, постелью, стоялъ большой массивный дубовый стулъ для моленія, обитый дорогимъ шелковымъ трипомъ малиноваго цвѣта.

Анжель, указывая на этотъ стулъ, сказала, улыбаясь насмѣшливо: — вы на немъ творите молитвы?

Онъ загадочно улыбнулся и отвѣтилъ:

— Нѣтъ не я, но случается, что мои посѣтительницы молятся на немъ и очень горячо.

Она захохотала, хотя была охвачена какимъ-то необъяснимымъ беспокойствомъ при этихъ словахъ, самихъ по себѣ ничего не значущихъ, но которымъ придавало странное значеніе особенная интонація, съ которой произнесъ ихъ Викторъ. Впрочемъ, это впечатлѣніе скоро исчезло; Викторъ сдѣлался нѣжнымъ, нѣсколько разъ поцѣловалъ, очень мило шепнулъ ей, не хочетъ ли она помыть руки и проводилъ ее въ туалетную комнату. Когда вернулась оттуда, онъ опять сталъ ее цѣловать и умолять, чтобы она раздѣлась, на что Анжель тотчасъ же согласилась. Пока она раздѣвалась, Викторъ принесъ подушки, простыни и одѣяло; затѣмъ постелилъ на диванѣ все, какъ слѣдуетъ. Когда она была уже въ одной рубашкѣ и собиралась нырнуть въ приготовленную постель, то удивилась, что онъ не раздѣвается, а потому, шутя сказала ему: — надѣюсь, вы не думаете оставаться въ вашемъ костюмѣ?

Онъ посмотрѣлъ на нее искося и, дѣлая видъ, что не слыхалъ ея вопроса, прошепталъ:

— Ну, а ваши молитвы... Вы должны помолиться теперь...

Снова у ней сжалось сердце отъ невольнаго страха.

— Что за глупыя шутки! Сказала она нѣсколько съ высоко и отступила назадъ.

Но онъ однимъ прыжкомъ былъ около нея, схватилъ ее не особенно грубо, но съ большой силой и, подтащивъ ее къ стулу, поставилъ на немъ на колѣни.

— Молись, говорю тебѣ, изволь сейчасъ молиться!

Тогда уже окончательно Анжелью овладѣлъ ужасъ.

— Пустите меня! Заорала она во все горло. Я хочу уйти, вы сумасшедшій!

Въ ту же минуту она почувствовала, что ее привязываютъ къ стулу въ положеніи не на колѣняхъ, а верхомъ, съ лицомъ, обращеннымъ къ спинкѣ. Откуда-то появились веревки, прикрѣпленныя къ стулу. Ими онъ крѣпко привязалъ ее подъ мышками и за талію.

Анжель рвалась, кричала, ругалась и даже кусалась, но Викторъ, по ея словамъ, поднялъ ей обѣ руки вверхъ и крѣпко связалъ кисти рукъ.

— Молись! Молись! Повторялъ онъ без перерыва, улыбаясь и съ горящими глазами.

Она продолжала кричать, браниться и, наконецъ, умолять отпустить ее.

— Напрасно кричишь, все равно никто тебя не услышитъ! При этомъ онъ указалъ на тяжелыя занавѣси.

Тогда Анжель заорала нечеловѣческимъ голосомъ:

— Спасите, меня убиваютъ!

Викторъ только расхохотался и сказалъ:

— Да нѣтъ же, вы съума сошли, я тебя обожаю и послѣ ты меня сама за все поблагодаришь!

Поднявъ мнѣ рубашку и приколовъ ее вверхъ, онъ нѣсколько разъ погладилъ мое обнаженное тѣло, произнося голосомъ, уже задыхающимся отъ радости:

Да! Я вѣрно угадалъ, что у тебя дивныя ягодицы!

„Я уже молчала, говоритъ Анжель, сообразивъ, что ничего не подѣлаешь и рѣшила наблюдать, что будетъ дальше. Я замѣтила, что у Виктора возбужденіе все расло и расло, и въ тайнѣ ласкала себя надеждой, что онъ скоро меня отвяжетъ и отнесетъ на диванъ, гдѣ будетъ умолять о прощеніи. Но онъ вдругъ бросился къ коллекціи бичей, схватилъ одинъ изъ нихъ и, подойдя ко мнѣ, сталъ меня сѣчь, что есть мочи. Тутъ уже я отъ боли стала орать во всю глотку. Когда онъ, наконецъ, остановился и отвязалъ меня, то я, подойдя къ зеркалу, увидѣла, что вся была исполосована темно-красными рубцами, припухшими, мѣстами сочилась кровь. Но отвязалъ онъ меня, когда я уже немного успокоилась. Съ нѣжностью самой усердной сестры милосердія онъ обмылъ мнѣ всѣ изсѣченныя мѣста, но со мною сдѣлался истерическій припадокъ и я потеряла сознание. Когда я пришла въ себя, то увидѣла, что лежу на диванѣ рядомъ со своимъ палачомъ. Я, конечно, съ ужасомъ вскочила. Но онъ меня взялъ въ руки, сталъ умолять простить, цѣловать, ласкать...

Однимъ словом, когда я уходила, то не только простила его, но пообѣщала даже придти навѣстить такого оригинальнаго любовника, взявъ съ него клятву, что онъ не позволитъ себѣ дойти до той же степени увлеченія, какъ этотъ разъ.

Онъ сдержалъ свое обѣщаніе вполне легко, такъ какъ на него находило подобное опьяненіе только съ женщиной, которую онъ встрѣчалъ въ первый разъ.

Обыкновенно, женщинъ, которыя приходили къ нему во второй и послѣдующіе разы, онъ подвергалъ банальной флагелляціи, т. е., сѣкъ розгами или плетью, но не сильно, рѣдко до крови, затѣмъ слѣдовалъ нормальный коитусъ.

Анжель оставалась его любовницей около восемнадцати мѣсяцевъ, не столько влюбленная, какъ загипнотизированная этимъ человѣкомъ. Къ нему влекли, противъ даже ея желанія, его ласки бичемъ или розгами, хотя она испытывала отъ ударовъ больше ужаса, чѣмъ счастья.

Тѣмъ не менѣе, когда она въ послѣдствіи играла въ любовь съ другими, у ней проявилась потребность къ флагелляціи и она многихъ мужчинъ посвятила въ тайны этого искусства; при чемъ сама постоянно оставалась пассивной флагеллянткой; если же и приходилось исполнять роль активной флагеллянтки, то она дѣйствовала крайне неумѣло и совсѣмъ плохо.

Флагелляція между супругами. Вполнѣ понятно, что гораздо труднѣе узнать отъ замужнихъ женщинъ тайны алькова; особенно относительно такого щекотливаго вопроса, какъ флагелляція, чѣмъ собрать подобныя же свѣдѣнія отъ дамъ полусвѣта.

Но есть, однако, одно место, гдѣ всѣ тайны, рано или поздно, открываются, гдѣ вся душа, всѣ чувства, всѣ самые сокровенные секреты обнажаются это — кабинетъ врача.

Я былъ въ состояніи собрать самъ и черезъ своихъ собратьевъ много любопытныхъ фактовъ, которыя и постараюсь изложить здѣсь.

Но прежде всего намъ необходимо рѣшить вопросъ:

Является ли флагелляція между супругами рѣдкимъ исключеніемъ? — Нѣтъ!

Есть ли она тогда явленіе, повторяющееся часто? — Опять нѣтъ!

Обыкновенно это у мужчины существуетъ къ ней страсть, но онъ стыдится сознаться въ ней своей женѣ и удовлетворяетъ ее внѣ дома.

Впрочемъ, бываетъ, что мужъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, посвящаетъ свою жену въ тайну предпочитаемыхъ имъ наслажденій.

Случается также, что жена, по натурѣ флагеллянтка или пристрастившаяся къ ней, благодаря любовнику, вводитъ флагелляцію въ свой домашній обиходъ.

Довольно трудно установить вполнѣ точную статистику по этому вопросу, но я полагаю, что не ошибусь, если скажу, что на сто семей, существуетъ двѣ или три, гдѣ флагелляція примѣняется или была въ ходу раньше.

Было бы грубой ошибкой думать, что флагелляція удѣлъ неврастениковъ, или утонченныхъ умовъ. Въ дѣствительности флагелляція имѣетъ своихъ адептовъ среди всѣхъ классовъ общества и въ крестьянскихъ семьяхъ она практикуется чаще, чѣмъ въ другихъ.

Одинъ англійскій авторъ говоритъ, что флагелляція въ семьѣ была чуть не отъ сотворенія міра. Равнины утверждаютъ, что Адамъ оправдывался тѣмъ, что съѣлъ плодъ отъ древа познанія добра и зла подъ вліяніемъ побоевъ отъ Евы. Мы знаемъ, что многія дамы слѣдуютъ примѣру своей прародительницы и присваиваютъ себѣ право наказывать своихъ мужей.

Извѣстенъ историческій фактъ, какъ лордъ Мюнзонъ, королевскій судья, былъ, при помощи служанокъ, привязанъ своей женой къ постели и жестоко наказанъ розгами за свое непохвальное поведеніе. Благородная лэди сѣкла его до тѣхъ поръ, пока

онъ не сталъ просить прощенія и обѣщать исправиться. Когда дѣло дошло до суда, то судьи не только оправдали лэди, но торжественно, въ присутствіи всего суда, благодарили ее.

Съ другой стороны, большая часть законодателей относится вполне снисходительно къ наказанію тѣлесно мужьями своихъ женъ. Вопросъ о томъ, можетъ ли мужъ сѣчь свою жену, не разъ ставился на разрѣшеніе. И обыкновенно рѣшали, что подобное право зависитъ отъ поведенія и характера его дражайшей половины.

Стекло справедливо замѣчаетъ, что есть такія безспорно испорченныя хозяйки, когда мужу необходимо проявить совсѣмъ необычную дозу философіи, чтобы ужиться съ ними. Если подобныя женщины нападаютъ на мужей съ вспыльчивымъ характеромъ, несдержанныхъ и невоспитанныхъ, то случается, что тѣ ихъ частенько колотятъ. Увѣряли, что женщина была сотворена, чтобы быть подругой мужчины, товарищемъ, ангеломъ-хранителемъ его и что она обязана быть доброй, аккуратной и т. п.; если она такова, то охотно подчиняется власти мужа. Если же она не удовлетворяетъ этимъ качествамъ, то неизбѣжно приходится употребить розги.

12-го октября 1856 г. въ лондонской юридической газетѣ были приведены слѣдующіе факты:

— За послѣднее время королевскимъ судамъ приходится разбирать массу жалобъ женъ на побои со стороны ихъ мужей,— въ особенности въ кварталѣ Вестъ-Гавенъ. Въ этомъ кварталѣ живетъ много послѣдователей христіанской секты, которая, въ числѣ другихъ доктринъ, утверждаетъ, что тѣлесное наказаніе женъ мужьями вполне допустимо согласно повелѣнію самого Бога. Высокоуважаемый Жоржъ Бирдъ, бывшій викарій Гумберворта, поселился въ этомъ кварталѣ и около него собралось много одинаково вѣрующихъ. Онъ публично проповѣдовалъ, что по священному писанію мужъ имѣетъ право пороть свою жену.

Шесть недѣль тому назадъ нѣкій Джемсъ Скоттъ, членъ секты послѣдователей, былъ привлеченъ по жалобѣ жены къ суду за то, что наказалъ ее розгами. Въ своей жалобѣ г-жа Скоттъ пишетъ, что „мужъ, возвратясь изъ молельни, гдѣ проповѣдовалъ Бирдъ, спросилъ ее, садясь за столъ завтракать, почему она не пришла въ молельню? Когда она отвѣтила, что не желаетъ слушать глупостей Бирда и не будетъ ходить въ молельню, то мужъ, не сѣвши за столъ, подошелъ къ ней, ударилъ два раза ее по щекѣ, а когда она оттолкнула его, сказавъ, что онъ не смѣетъ ее бить, что ее даже родители не били, что все равно она въ молельню не пойдетъ, то онъ вышелъ изъ столовой, а черезъ нѣкоторое время пришелъ къ ней въ спальную, куда она ушла послѣ его ухода. вмѣстѣ съ нимъ вошли горничная и лакей; въ присутствіи ихъ мужъ велѣлъ мнѣ идти на конюшню, гдѣ онъ, по его словамъ, научить меня слушаться его и ходить въ молельню. Я говорю: „на конюшнѣ мнѣ нечего дѣлать, туда не пойду и прошу васъ оставить меня въ покоѣ.“

Тутъ онъ меня опять ударилъ по щекѣ, тогда я отскочила къ комоду и, схвативъ подсвѣчникъ, бросила въ него, но не попала. Послѣ этого онъ велѣлъ прислугѣ взять меня и отвести въ конюшню. Такъ какъ я не хотѣла идти, то меня лакей съ горничной взяли и понесли на рукахъ, хотя я все время сопротивлялась. Когда меня принесли на конюшню, то я увидала тамъ скамейку и кучера съ розгами въ рукахъ, другой пучекъ такихъ же длинныхъ розогъ лежалъ на полу около скамейки. Я поняла, что мужъ хочетъ меня высѣчь. Стала кричать, но меня все-таки силой положили на скамейку, горничная, по приказанію мужа, развязала панталоны, спустила ихъ и завернула все платье съ юбками и рубашкой на голову. Потомъ горничная взяла и стала меня держать за ноги, которая держалъ раньше кучеръ; мужъ велѣлъ кучеру пороть меня розгами. Онъ сказалъ, что мнѣ дадутъ пятьдесятъ розогъ. Когда мнѣ дали всѣ удары, то мужъ сказалъ мнѣ: „видишь, Мери, къ чему привело тебя непослушаніе, ты вся въ крови и тебѣ не стыдно прислуги. Будешь слушаться и ходить въ молельню?“ Я отвѣчала, что не пойду въ молельню, тогда мужъ велѣлъ кучеру взять другой пучекъ розогъ и дать мнѣ еще пятьдесятъ розогъ. Послѣ этого я помню, что меня стали сѣчь еще сильнѣе и я отъ боли вскорѣ не могла кричать и потеряла сознание. Когда я пришла въ себя, то увидала, что лежу у себя на постели и около меня докторъ съ мужемъ. Мужъ при докторѣ и горничной говоритъ мнѣ: „Мери, помни, если завтра не пойдешь въ молельню, то я тебя высѣку розгами еще больнѣе“

Г-жа Скоттъ ухитрилась убѣжать къ матери, а затѣмъ подала жалобу въ судъ.

На судѣ г-жа Скоттъ заявила, что она проситъ судъ не наказывать мужа, если онъ дастъ обѣщаніе больше не бить ее по щекамъ и не сѣчь розгами. Когда судьи потребовали отъ Скотта дать подобное обѣщаніе, то онъ отказался, прибавивъ, что будетъ слушаться скорѣе повелѣній Бога, чѣмъ людей. Тогда судьи приговорили его къ заключенію въ тюрьму на мѣсяць съ каторжными работами.

Въ Ветхомъ Заветѣ есть дѣйствительно изрѣченіе, кто кого любитъ сильно, то и наказываетъ его сильно. Царь Соломонъ совѣтовалъ наказывать дѣтей розгами съ самаго ранняго дѣтства, чтобы сдѣлать изъ нихъ честныхъ и хорошихъ гражданъ.

Въ Библии тоже говорится; что тотъ кто получитъ побои,—станетъ умнымъ. Наказывай розгами твоего сына строго, но не до смерти. Розги или плеть оставляютъ слѣды на кожѣ, а злой языкъ разбиваетъ существованіе и т. п. изреченій можно очень много найти въ Библии.

Теперь женщинъ гораздо рѣже сѣкутъ, чѣмъ въ старину, но отъ этого онѣ не сдѣлались умнѣе. Но и теперь, какъ и въ старину, очень много плохо налаженныхъ семей, несносныхъ мужей, сварливыхъ и ревнивыхъ женъ, пьяницъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если и теперь розги иногда гуляютъ по той или другой спинѣ.

Теперь перехожу къ собраннымъ мною фактамъ. Вотъ одинъ изъ нихъ:

Однажды меня пригласили къ женѣ очень состоятельнаго крестьянина изъ мѣстечка, гдѣ я жилъ на дачѣ. Она упала, сходя съ лѣстницы чердака и сломала правую ногу немного ниже колѣна.

Осматривая больную, я былъ страшно удивленъ, что у нея на спинѣ, ягодицахъ и ляшкахъ были полосы отъ зажившихъ длинныхъ рубцовъ. Ихъ было очень много, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они сохранили еще синеватость. Для меня было очевидно, что это были слѣды отъ розогъ, но я не хотѣлъ выдать этого, а потому спросилъ:

— Вы уже раньше упали, что у васъ на тѣлѣ синяки и ссадины?

Женщина была молодая, не старше двадцати пяти лѣтъ. На мой вопросъ она отвѣтила, вся покраснѣвъ:

— Да, нѣтъ!

— Откуда же у васъ эти слѣды?

— Я не знаю.

Осторожно, при помощи окольныхъ вопросовъ и особеннаго вниманія, мнѣ удалось, наконецъ, черезъ нѣсколько дней, добиться отъ молодой женщины откровеннаго признанія.

Вотъ уже два года, по ея словамъ, какъ у мужа вдругъ явилась странная манія смотрѣть на нее какъ на маленькаго ребенка и очень часто, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, наказывать розгами, иногда очень больно. У нея ягодицы и ляшки очень полныя и совсѣмъ бѣлыя. Сперва мужъ сталъ хлопать, когда они были въ кровати, рукой по обнаженнымъ ягодицамъ и ляшкамъ; я замѣтила, что это его возбуждаетъ. Шлепки разъ отъ разу становились все сильнѣе и сильнѣе. Въ началѣ женщинѣ это нравилось, но когда шлепки стали сильнѣе и продолжительнѣе, то она стала протестовать. Правда, протестовала не особенно энергично, такъ какъ боль была терпима, а за наказаніемъ всегда слѣдовала пріятная награда.

Разъ, когда онъ долго не приходилъ вечеромъ изъ трактира, я легла безъ него и такъ крѣпко заснула, что ему, по его словамъ, пришлось очень долго ждать, пока она отперла дверь. Вернулся онъ на-веселѣ и, раздѣваясь, сказалъ, что въ этотъ разъ накажетъ меня гораздо строже, чтобы я не вырывалась, то привяжетъ меня веревками на постели. Я сперва было не хотѣла давать привязать себя, но потомъ согласилась, чтобы поскорѣе отдѣлаться и заснуть, вполнѣ увѣренная, что дѣло не пойдетъ дальше шлепковъ; ну, думала, будетъ, можетъ быть, бить подольше и посильнѣе, чѣмъ обыкновенно...

Когда онъ привязалъ, то я удивилась, что онъ не поднялъ мнѣ сорочку и не сталъ шлепать, какъ это дѣлалъ всегда, а всталъ съ кровати и вышелъ на дворъ. Я подумала, что за нуждой. Прошло очень продолжительное время, пока мужъ опять вернулся. Когда онъ вошелъ, я, не поворачивая уткнутой головы въ подушку, сказала, что я едва не заснула и просила скорѣе наказывать меня.

Онъ мнѣ говоритъ, что я сегодня особенно провинилась и онъ меня выпоретъ розгами, чтобы я въ другой разъ не держала его долго на дворѣ. Только тогда, повернувъ голову, я увидала у него въ рукахъ пучекъ длинныхъ и толстыхъ березовыхъ прутьевъ, и поняла, зачѣмъ онъ уходилъ такъ на долго. Я стала просить оставить такія глупыя шутки. Но не тутъ то было. Онъ вставилъ мнѣ въ ротъ кляпъ, чтобы не слышно было криковъ и высѣкъ меня страшно больно, до крови. Когда онъ вынулъ кляпъ и отвязалъ меня, то я еще больше часа проревѣла. Но онъ меня успокоилъ, очень сильно и нѣсколько разъ приласкалъ, такъ что я стала забывать боль отъ розогъ, хотя все тѣло страшно ныло и приходилось лежать на животѣ, чтобы не касаться изсѣченныхъ мѣстъ. Не смотря на всѣ горячія ласки, мужъ мнѣ сказалъ, что теперь будетъ рѣдко наказывать шлепками, а чаще розгами. Въ дѣйствительности онъ совсѣмъ пересталъ бить рукой и непривязанную, а постоянно сѣкъ и страшно больно иногда, когда былъ выпивши.

Но вы знаете, господинъ докторъ, онъ вовсе не злой и это онъ дѣлаетъ изъ любви ко мнѣ, прибавила бѣдная женщина.

Въ одинъ изъ пріемныхъ моихъ дней ко мнѣ явились двѣ дамы, которыхъ раньше я не видалъ у себя. Одна была мать, а другая — дочь.

Мать объяснила мнѣ, что ея дочь — Елена находится въ страшномъ отчаяніи, что не имѣетъ дѣтей и рѣшила посоветоваться съ нимъ, нѣтъ ли возможности вылечить ея мужа отъ одной страшной ненормальности.

Онъ вовсе не безсиленъ, въ чемъ она убѣждалась, касаясь руками его члена, находившагося въ состояніи полного напряженія, но у мужа было отвращеніе къ коитусу и онъ находилъ наслажденіе въ томъ только, что заставлялъ жену ложиться на животъ и долго билъ ее рукой по ягодицамъ и ляшкамъ; въ это время у него происходила эякуляція и она осталась бы невинной, если бы въ первые дни медоваго мѣсяца онъ не совершилъ коитуса три или четыре раза. Коитусъ доставилъ ей большое наслажденіе, но, къ сожалѣнію, зачатія не произошло.

На мои вопросы молодая женщина, съ трудомъ, вся покраснѣвшая, объяснила, что ей стыдно было сказать своему мужу о своемъ желаніи имѣть ребенка; когда же ея мать пробовала деликатно коснуться этого вопроса, то молодой человѣкъ приходилъ въ бѣшенство и ей ничего не оставалось, какъ замолчать. На другой вопросъ молодая супруга отвѣтила мнѣ, что шлепки мужа ей были далеко не непріятны, даже она испытывала сильное наслажденіе, и если бы не желаніе имѣть ребенка, она не обратилась къ моимъ услугамъ, хотя, добавила въ полголоса и вся покраснѣвъ молодая женщина, наслажденіе отъ коитуса было бы нѣсколько разъ сильнѣе.

Я попросилъ прислать ко мнѣ мужа и рассказалъ ему только о желаніи жены имѣть отъ него ребенка, скрывъ всѣ сообщенныя мнѣ другія подробности.

— Я былъ бы, докторъ, въ отчаяніи, если бы моя жена забеременѣла, такъ какъ въ теченіе долгаго періода беременности мнѣ не пришлось бы съ ней ѣздить на автомобиль.

— Послушайте, развѣ вы не могли бы на время болѣзни жены найти женщину, которая ѣздила бы съ вами на автомобиль, надѣвъ рейтузы, чтобы вы могли любоваться ея формами и съ терпѣніемъ ждать выздоровленія жены?

Молодой человѣкъ покраснѣлъ до ушей, понявъ, что его тайна извѣстна мнѣ. Онъ сознался, что обыкновенный коитусъ для него скорѣе непріятенъ, тогда какъ продолжительные удары и даже прикосновеніе къ ягодицамъ и ляшкамъ любимой женщины вызываютъ у него страшное возбужденіе.

Впрочемъ онъ все-таки далъ мнѣ слово постараться удовлетворить вполнѣ законное желаніе своей жены имѣть ребенка.

У Терезы В... была отъ рожденія страсть къ флагелляціи. Будучи совсѣмъ маленькой дѣвочкой она постоянно старалась устроить игру въ мать и дочь или учительницу и ученицу, при чемъ требовала себѣ непременно роль непослушной ученицы или ученицы и настаивала, чтобы за каждое непослушаніе или дерзость съ ея стороны мать или учительница раздѣвала ее и сѣкла розгами или плеткой. Когда ей исполнилось десять лѣтъ, то родители взяли для нея въ гувернантки англичанку, которая была отчаянной флагеллянтшей. Родители имѣли неосторожность разрѣшить гувернанткѣ наказывать дѣвочку за проступки розгами. По ея словамъ, вплоть до четырнадцати лѣтъ слишкомъ не проходило недѣли, чтобы гувернантка не сѣкла ее розгами. При этомъ очень часто она нарочно лѣнилась, шалила или грубила, чтобы добиться наказанія розгами. Если же находила, что ее слабо высѣкли, то опять же нарочно говорила какую-нибудь дерзость и съ радостью ожидала, что ее снова будутъ пороть уже сильнѣе.

Двадцати лѣтъ она вышла замужъ. Къ половому акту она питала полное отвращеніе. Наконецъ, преодолевъ свой стыдъ, она созналась мужу въ своей страсти и уговорила его, чтобы каждый разъ какъ ему захочется имѣть съ ней совокупленіе, — онъ передъ этимъ наказывалъ бы ее розгами, отчего она испытывала невѣроятное наслажденіе.

Въ іюнѣ 1908 г. одинъ сторожъ парка въ окрестностяхъ Лондона составилъ протоколъ, что онъ, услыжавъ человѣческіе крики поспѣшилъ на нихъ. Въ самомъ глухомъ мѣстѣ парка онъ засталъ мужчину, который жестоко сѣкъ растеніемъ орти молодую женщину по обнаженнымъ ягодицамъ.

Возмущенный сторожъ бросился на мучителя и схватилъ его за шиворотъ. Освобожденная жертва, вся сконфуженная поспѣшно стала поправлять безпорядокъ въ своемъ костюмѣ.

Однако, мужчина на упреки сторожа отвѣтилъ, что молодая женщина — его жена и наказывалъ онъ ее съ ея согласія.

Не понимая ничего, сторожъ свелъ обѣихъ къ мэрію. Секретарь мэра, человѣкъ образованный и имѣвшій понятіе о подобныхъ вещахъ, улыбнулся и свелъ все дѣло на простое нарушеніе обще-

ственной нравственности. Но сторожу такой оборотъ дѣла показался страннымъ и онъ съ горячностью сказалъ:

— Увѣряю васъ, господинъ секретарь, что этотъ господинъ истязалъ эту барыню самымъ жестокимъ и недостойнымъ образомъ. Вамъ стоитъ только приказать освидѣтельствовать ихъ доктору,— я увѣренъ, что слѣды отъ орти еще совсѣмъ свѣжи!

На это секретарь самымъ спокойнымъ образомъ отвѣтилъ:

— Мой милый другъ тѣло барыни принадлежитъ ей одной, а она вольна имъ распоряжаться, какъ ей вздумается. Оба они въ одномъ только виноваты, что приняли паркъ — публичное мѣсто — за комнату, принадлежащую имъ.

Существуетъ не мало женщинъ, которыя умышленно стараются разсердить мужа, чтобы добиться съ его стороны пощечины или болѣе серьезнаго наказанія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я часто бывалъ у одного очень талантливаго писателя въ его чудномъ имѣннн въ окрестностяхъ Лондона.

Онъ только что женился на очень молоденькой дѣвушкѣ; между ними была довольно большая разница въ лѣтахъ, но молодая жена была сильно привязана къ мужу. Она только была страшно ревнива и, будучи очень неразвитой, вообразила, что это его друзья сбиваютъ ея мужа съ пути вѣрности ей, а потому стала принимать ихъ довольно нелюбезно, иногда даже позволяла говорить имъ грубыя колкости.

Разъ взбѣшенный мужъ, по уходѣ гостей, поздно вечеромъ, отпустилъ всю прислугу спать, а самъ завелъ жену въ глушь своего парка и, несмотря на ея слезы, пребольно высѣкъ ее, какъ маленькую дѣвочку, розгами до крови. Наказалъ онъ ее хотя и довольно строго, но не жестоко, тѣмъ не менѣе съ нею сдѣлался истерическій припадокъ и, такъ какъ я въ эту ночь какъ разъ ночевалъ у него, то онъ разбудилъ меня и просилъ оказать помощь, при чемъ рассказалъ все дѣло. Я скоро привелъ въ чувство молодую женщину. Конечно, успокоилъ ее увѣреніями, что никому не расскажу ни слова. Съ этихъ поръ она была всегда внимательна къ гостямъ мужа и перестала ревновать его.

Одна изъ моихъ паціентокъ, которую я лечилъ, когда она была дѣвушкой, вышла замужъ за молодого человѣка, очень богатаго и довольно красиваго, занимавшаго хорошее положеніе въ министерствѣ юстиціи. Мужъ боготворилъ жену, исполнялъ всѣ ея капризы. Вдругъ она стала меланхоличной и постоянно не въ духѣ. Мужъ умоляетъ ее сказать ему причину такой перемѣны въ ея настроеніи. Но она сперва все отговаривалась пустяками, но все-таки проговорила, что есть причина, но такая, что ей стыдно сказать. Какъ мужъ ее не уговаривалъ, что мужу все можно сказать, она не хотѣла рассказать.

Тогда мужъ обратился къ моей помощи и просилъ меня попытаться узнать. Я поѣхалъ къ ней и съ трудомъ уговорилъ повѣдать мнѣ, какъ врачу, ея тайну, которую я выдамъ мужу только съ ея позволенія.

Оказалось, что у нея явилось желаніе, чтобы мужъ высѣкъ ее хорошенько розгами, но совершенно серьезно; раздѣвъ и привязавъ на скамейкѣ, выпоролъ бы ее березовыми розгами до крови, почти до пѣтери сознанія.

Когда я, съ ея разрѣшенія, рассказалъ мужу о желаніи жены, то онъ ни за что не хотѣлъ исполнить его, называя это безумствомъ съ ея стороны.

Онъ былъ даже удивленъ, что я совѣтовалъ исполнить и не находилъ ничего вреднаго для здоровья, если даже онъ ее высѣчетъ розгами очень сильно.

Послѣ нашего разговора прошло около двухъ недѣль, когда онъ пріѣхалъ ко мнѣ опять и объявилъ мнѣ, что завтра онъ рѣшилъ исполнить желаніе і высѣчь розгами жену, что онъ сказалъ объ этомъ ей и она согласилась, чтобы я выслушалъ ее передъ наказаніемъ и если найду, что ее можно сѣчь безъ вреда для здоровья, то все-таки находился бы въ сосѣдней комнатѣ, на случай оказанія помощи. Я ему посовѣтовалъ, если онъ хочетъ отучить отъ этой маніи, то чтобы не нѣжничалъ и что опаснаго ничего нѣтъ. Напротивъ, если накажетъ слабо, то возможно, что она потребуеть повторенія и не разъ подобныхъ экзекуцій.

Вечеромъ я пріѣхалъ къ нимъ и обѣдалъ у нихъ. Мужъ рассказалъ мнѣ, что жена сегодня особенно нервничала и на какое-то пустое замѣчаніе, очевидно, боясь, что онъ не сдержитъ своего обѣщанія, бросила въ лицо ему дорогую вазу, которая разбилась, задѣвъ его за ухо. Послѣ этого, по его словамъ, онъ готовъ ее такъ выпоротъ, что она не встанетъ сама со скамейки.

Послѣ обѣда, такъ черезъ два часа, меня позвали осмотрѣть молодую женщину.

Она сидѣла въ кабинетѣ одна; посрединѣ стояла скамейка, на диванѣ лежали веревки и нѣсколько пучковъ длинныхъ, свѣжихъ и толстыхъ березовыхъ розогъ.

Я осмотрѣлъ розги, потомъ попросилъ женщину раздѣться, чтобы выслушать.

Когда я ее выслушалъ и сказалъ, что опасности никакой нѣтъ, но развѣ ее не пугаетъ видъ скамейки и розогъ... Она какъ-то загадочно улыбнулась и попросила меня сказать мужу, что она сейчасъ раздѣнется, прибавивъ, что онъ такъ золъ за вазу, что, пожалуй, не простилъ бы ее, если бы она и пожелала...

Я вышелъ и передалъ просьбу мужу, который тотчасъ пошелъ къ женѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ крики... Очевидно экзекуція началась. Минутъ черезъ пять мужъ пришелъ ко мнѣ и просилъ меня посмотреть, можно ли дать еще сто розогъ, какъ онъ хочетъ,— онъ далъ уже сто розогъ.

Жена проситъ ее простить. Я сказалъ, что посмотрю и если можно, то лучше дать ей еще сто, несмотря на ея просьбы. Рѣшено было, что я кивну головой, если можно. Я осмотрѣлъ... Тѣло было очень сильно изсѣчено, все въ полосахъ, изъ нихъ многія съ кровоподтеками, были полосы и темно-синія. Но все-таки дать сто розогъ

еще не было никакой опасности, почему я кивнулъ головой и вышелъ изъ комнаты. Опять раздались крики...

Потомъ мужъ опять меня позвалъ. Мы съ нимъ ее отвязали и она съ трудомъ поднялась со скамейки и легла въ кровать, такъ какъ съ трудомъ держалась на ногахъ.

Она пролежала два дня въ постели. Курьезно, что молодая женщина послѣ этой экзекуціи на столько осталась удовлетворенной поркой, что больше не просила. Даже шутила, говоря, что это я ее отучилъ, такъ какъ мужъ разболталъ ей про мой совѣтъ и что вторыя сто розогъ были даны съ моего разрѣшенія.

Одинъ мой коллега изъ Бухареста разсказалъ мнѣ слѣдующій случай:

Одинъ французъ художникъ женился на дочери богатаго купца. Она была очень миленькая. Свадьба была отпразднована съ большою роскошью.

Молодые уѣхали въ свадебное путешествіе въ Каннъ. Повидимому все должно было способствовать ихъ счастью, но въ концѣ медоваго мѣсяца мужъ сталъ частенько заставлять жену плачущей. Какъ онъ ее не спрашивалъ о причинѣ слѣзъ, она не говорила. Ласки его она переносила какъ бы по принужденію.

Старалась всячески уклониться отъ нихъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ.

Наконецъ, мужу надоѣло постоянно ухаживать за ней, когда жена и по возвращеніи въ Бухарестъ нисколько не измѣнила своихъ отношеній къ нему, и онъ не на шутку разозлился и настойчиво потребовалъ отъ нея объясненія своего поведенія.

Жена сперва колебалась отвѣчать, но, видя настойчивость со стороны мужа, вся красная отъ волненія и опустивъ глаза внизъ отвѣтила:

— Если уже кто долженъ дѣлать упреки, то не ты мнѣ, а я тебѣ, такъ какъ ты держишь себя со мною не совсѣмъ какъ слѣдуетъ.

Глубоко удивленный онъ спросилъ ее, въ чемъ именно онъ провинился?...

— Ты забылъ одну обязанность въ отношеніи меня...

— Какую? Я не знаю! Умоляю тебя объясниться разъ на всегда и, клянусь, я сдѣлаю все возможное, чтобы тебѣ угодить, такъ какъ безумно тебя люблю.

— Я вѣрю, что ты говоришь искренно; вѣроятно въ твоей милой Франціи не существуетъ нашего обычая! Сказала она, покраснѣвъ, какъ маковъ цвѣтокъ.

— Видишь, продолжала она нерѣшительно, я была иногда не ласкова съ тобой, уклонялась отъ твоихъ ласкъ изъ простаго упрямства, отвѣчала тебѣ грубо и ты не только не прибѣгъ къ этому, при этомъ жена указала на стоявшую на дворѣ метлу, — но даже не ударилъ меня по щекѣ.

— Если бы ты любилъ меня сильно, то ты не только наказывалъ бы меня, когда я на самомъ дѣлѣ провинилась, но просто по дружбѣ сѣкъ бы меня иногда розгами... Вотъ почему я подумала, что я тебѣ не нравлюсь.

— Отчего же ты мнѣ раньше не сказала всего этого; я бы давно исполнилъ твое желаніе, хотя, откровенно говоря, я не понимаю такого способа выраженія любви къ женѣ!..

— Ты жестоко, мой другъ ошибаешься; приготовь сегодня вечеромъ розогъ и накажи меня ими хорошенько за всѣ мои прошлыя вины,— ты увидишь, что тебѣ доставить большое удовольствіе наказывать меня, это мнѣ моя мать сказала.

— Ну, хорошо пусть будетъ по твоему! Я попробую.

Къ вечеру мужъ велѣлъ, подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ, приготовить пучекъ хорошихъ березовыхъ розогъ.

Передъ тѣмъ какъ ложиться спать, супругъ наглухо закрылъ окна со ставнями и спустилъ еще шторы съ занавѣсями... Когда супруга совсѣмъ раздѣлась, онъ велѣлъ ей лечь поперекъ кровати и привязалъ ее за ноги и руки къ средней стока. Затѣмъ, поднявъ рубашку, сталъ ее сѣчь розгами. Сначала онъ сѣкъ ее не сильно, но потомъ все усиливалъ удары и остановился только тогда, когда во многихъ мѣстахъ показалась кровь, хотя жена давно просила перестать сѣчь. Все-таки, видимо, она была довольна... Когда она легла въ кровать и онъ ее приласкалъ, то она, цѣлуя его крѣпко, сказала: „видишь, что послѣ этого выходитъ гораздо лучше!“

Флагелляція и лесбосскія игры. Въ лесбосскихъ играхъ флагелляція играетъ весьма важную роль. Можно сказать съ полною увѣренностью, что флагелляція лежитъ въ основѣ всѣхъ наслажденій сафическихъ.

Хотя иногда она по формѣ отличается отъ чистой флагелляціи. Она менѣе ограничена пространствомъ и видомъ, болѣе разнообразна, но вытекаетъ изъ одной и той же потребности удовлетворенія сладострастнаго чувства.

Въ то время, какъ флагеллянтъ или флагеллянтша, выдресированная мужчиной, ограничиваютъ область наслажденія сѣченіемъ ягодицъ и ляшекъ, лесбосская флагелляція ищетъ причинить мученіе всему существу своей жертвы.

Это не садистка, такъ какъ она не испытываетъ удовольствія отъ страданія своей жертвы, а наслаждается только тогда, когда причиняемая ею боль доставляетъ сладострастное удовольствіе и ея жертвѣ.

Разныя манипуляціи, шипки, уколы тѣла, особенно груди, и т. п. являются обычными играми активныхъ лесбіекъ. Очень рѣдко, чтобы ихъ возлюбленная пассивная не была вся исцарапана и въ синякахъ, впрочемъ безболѣзненныхъ и воспоминаніе о которыхъ только пріятно щекочетъ ихъ воображеніе.

Впрочемъ встрѣчаются среди лесбіекъ и чистыя флагеллянтши, которыя находятъ удовольствіе сѣчь розгами или плетью своихъ возлюбленныхъ, переодѣтыхъ школьницами. Они же иногда охотно разыгрываютъ и другія комедіи флагеллянтовъ.

Мадемуазель Клара, модистка въ Вестъ-Эндѣ, славилась не столько своими шляпками, довольно неважными, какъ своими комнатами, находившимися за магазиномъ. Въ нихъ ея кліентки,

большею частью перезрѣлыя кокотки, находили любезныхъ гризеточекъ, послушныхъ, хорошо выдрессированныхъ, которыхъ можно было, по желанію, слегка высѣчь розгами безъ добавочной за это платы.

Впрочемъ у нея было запрещено снимать панталоны, а можно было сѣчь только черезъ имѣющееся въ панталонахъ небольшое отверстіе.

Въ Ниццѣ, десять лѣтъ тому назадъ, полиція открыла существованіе одного дома, посѣщавшагося, главнымъ образомъ, англичанками, гдѣ почти ежедневно происходили сцены флагелляціи. Но тутъ имѣлось въ виду скорѣе удовлетворенія садистскихъ наклонностей и жертвами ихъ было не мало молодыхъ дѣвушекъ и подростковъ.

Въ Парижѣ существуютъ не мало фотографическихъ заведеній, являющихся центрами самаго утонченнаго разврата.

Дѣвочки подростки, съ большими глазами, обведенными синими кругами, худенькія, еще не сформировавшіеся и уже порочныя, мальчуганы съ длинными волосами, обнаженными бедрами и накрашенными щеками, молодая безпутная женщины, мужчины съ плутоватыми глазами, неудавшіеся актеры, а иногда, апаши и коты, мелкія буржуазки, рассчитывающія на легкій заработокъ для покупки какихъ-нибудь тряпокъ.

Въ этомъ странномъ мірѣ никто не умѣетъ отказать въ какой-то ни было гадости. Здѣсь никого рѣшительно ничѣмъ не удивишь. Всѣ самыя порочныя любезности находятся такъ сказать въ скрытомъ состояніи; продажныя цѣны такъ низки, что покупающій извѣстный порокъ можетъ думать, что онъ напалъ на лицо, любящее тотъ же самый порокъ.

Въ одной изъ отдаленныхъ отъ центра улицъ Парижа пріютилась фотографія, служащая главнымъ образомъ мѣстомъ свиданія для лесбіекъ, между которыми есть немалое число отчаянныхъ флагеллянтокъ.

На бархатномъ диванѣ кліентки не разъ сѣкли розгами или плетью какую-нибудь молоденькую модель, безропотно выносившую побои ради наживы...

Въ этой мастерской если не все было регламентировано, то приходъ и уходъ гостей былъ подчиненъ самому строгому контролю, чтобы не произошло неприятныхъ встрѣчъ. Здѣсь было можно встрѣтить много интересныхъ особенно женскихъ типовъ.

Вотъ г-жа Б... жена одного дипломата, достигшая пятидесяти лѣтъ, говорящая по-французки съ самымъ отчаяннымъ горловымъ акцентомъ, носящая тяжелыя бархатныя платья, съ разными фру-фру, грязными, потертыми и въ пятнахъ.

Въ обществѣ это была безупречная женщина, величественная, немного даже строгая въ отношеніи другихъ. Для близкихъ это была отчаянная лесбійка, которая, старясь, требовала все болѣе и болѣе молоденькихъ сюжетовъ; рука ея съ особенной силой прогуливалась по молодой кожѣ дѣтей, попадавшихъ въ ея распоряженіе.

Мадамъ Антонина старая актриса, когда-то пользовавшаяся извѣстностью и вызывавшая восторгъ у зрителей одной своей манерой обнимать своего партнера въ любовныхъ сценахъ.

Этой требовались молоденькія дѣвушки, съ гибкой таліей, которую она любила сжимать своими пальцами распухшими отъ подагры. Для нея всегда приготавлился пучекъ изъ длинныхъ и свѣжихъ березовыхъ розогъ. У нея сафизмъ соединялся съ небольшою дозою садизма.

Она то гладила рукой по обнаженному тѣлу модели, то брала розги и сѣкла.

Мадамъ Исаакъ, жена одного ювелира, представляла классическій типъ разбогатѣвшей еврейки. Въ молодости она была очень красива. Эта заставляла модель повернуться къ себѣ спиной, такъ, чтобы голова находилась у ея ногъ, затѣмъ брала розги и долго сѣкла, любуясь жадными глазами, какъ вертѣлась подъ ударами розогъ бѣдная дѣвочка.

Черезъ нѣкоторое болѣе или менѣе продолжительное время у нея появлялась сладострастная спазма и сеансъ кончался.

Но особенно была любопытна мадамъ Альжина. Она имѣла на лѣвомъ берегу магазинъ старинныхъ вещей. Вдова, очень сильно занятая своей торговлей, она могла только изрѣдка появляться въ мастерской фотографа.

Высокая, стройная, съ желтымъ лицомъ, съ блестящими глазами, почти постоянно опущенными внизъ.

Фотографъ устраивалъ живыя религіозныя сцены для заказываемыхъ ею открытыхъ писемъ. Она обожала также сѣчь розгами мальчиковъ, которые должны были быть не старше двѣнадцати лѣтъ. Передъ экзекуціей мальчикъ наряжался въ костюмъ прислуживающаго въ костелѣ и бралъ въ руки кадило.

Являлась Альжина и дѣлала ему строгій выговоръ за то, что онъ небрежно исполняетъ свою обязанность. Мальчикъ отвѣчалъ какой-нибудь дерзостью и швырялъ кадило. Тогда Альжина хватала его, тутъ же раздѣвала и порола розгами съ остервенѣніемъ.

Она прекращала сѣчь, когда совѣмъ уставала; затѣмъ, послѣ того какъ мальчикъ уходилъ, она опускалась на колѣни и горячо молилась.

Въ скандальной хроникѣ временъ второй Имперіи во Франціи сообщалось, что вдова одного моряка жила въ роскошномъ особнякѣ въ Елисейскихъ поляхъ.

Она вела уединенную жизнь, не принимая никого. Вся прислуга ея состояла изъ старика лакея и старухи кухарки.

Мадамъ М... часто выѣзжала изъ дома въ наемной каретѣ. Всегда одѣтая изысканно, она приказывала везти себя въ булонскій лѣсъ, гдѣ выходила и прогуливалась немного пѣшкомъ.

Она славилась своей удивительной худобой.

У нея не было любовниковъ, никакихъ свѣтскихъ знакомствъ, но была страсть, про которую разболталъ ея партнеръ.

Однажды она встрѣтила очень красиваго негра, прекрасно сложеннаго и очень высокаго роста. Негръ продавалъ разныя

сласти. Въ его большихъ глазахъ проглядывало что-то дьявольское.

Остановивъ свою карету, она купила у него половину лотка и дала конвертъ сказавъ:

— Если вы хотите заработать десять франковъ, то снесите эту записку по адресу.

Торговецъ обѣщался тотчасъ же отправиться по указанному адресу. Барыня дала ему обѣщанные десять франковъ, представляющіе нѣсколько разъ стоимость его товара и онъ былъ въ восторгѣ.

Мадамъ М... сейчасъ позвала свою карету и уѣхала домой.

Не успѣла она пріѣхать, какъ лакей доложилъ ей о приходѣ негра, котораго она велѣла ввести въ свой будуаръ, гдѣ она обыкновенно проводила время. Въ то же самое время она приказала приготовить ванну.

— Хотите заработать вдвое, сказала она, обращаясь къ негру, — тогда дѣлайте буквально все, что я вамъ прикажу, безъ малѣйшихъ возраженій.

За двадцать франковъ негръ готовъ былъ, конечно, дѣлать все, что угодно.

Негръ сдѣлалъ знакъ головой, что согласенъ.

— Раздевайтесь, раздѣвайтесь совсѣмъ!

Пока онъ былъ занятъ этой операціей, барыня быстро раздѣлась сама. Она была такая жалкая, кости и кожа, что негръ въ испугѣ отошелъ немного назадъ.

Затѣмъ барыня отперла шифоньерку и вынула оттуда плетку, на ременныхъ концахъ которой были прикрѣплены маленькіе шарики изъ слоновой кости.

Послѣ этого она достала нѣсколько шнурковъ. Подойдя къ негру, она сказала, чтобы онъ ее крѣпко привязалъ на кушеткѣ и тотчасъ же легла на животъ. Въ кушеткѣ вездѣ были кольца, къ которымъ негръ и привязалъ барыню за руки и ноги. Послѣ этого она сказала, что онъ долженъ съчь ее плеткой безпощадно до крови, потомъ бить, царапать руками, опять пороть, пока она почти не потеряетъ сознание. Бояться вамъ нечего, такъ какъ на столѣ лежитъ записка, въ которой я пишу, что все это вы сдѣлали по моему приказанію и за послѣдствія не отвѣчаете.

Негръ посмотрѣлъ записку, хотя прочесть не могъ.

Онъ добросовѣстно исполнилъ приказаніе. Поролъ съ яростью плетью, мѣняя руки, билъ руками, опять бралъ плеть и сѣкъ ею... До того разошелся, что рискнулъ даже ударить барыню нѣсколько разъ по лицу такъ, что у нея пошла кровь изъ носу. Сперва онъ было испугался, но потомъ страхъ, что найдутъ работу не хорошей и не дадутъ денегъ пересилилъ, и онъ опять схватилъ плеть и сталъ драть съ какимъ-то особеннымъ озлобленіемъ. Барыня кричала, стонала, какъ безумная, но, наконецъ, потеряла сознание.

Негръ тогда остановился съ удивленными глазами и пересталъ ее пороть. Конечно, онъ могъ бы удовлетворить свои возбужденныя чувства, но не рѣшался, объятый какимъ-то суевѣрнымъ стра-

хомъ передъ этимъ жалкимъ женскимъ тѣломъ. Наконецъ, она пришла въ себя, приказала негру отвязать себя и помочь ей встать съ кушетки. Посидѣвъ нѣсколько минутъ въ креслѣ, нюхая нашатырный спиртъ и натирая виски одеколономъ, она велѣла негру одѣться и сама стала одѣваться.

Когда оба были одѣты, она заплатила негру и отпустила его, сказавъ, чтобы онъ опять пришелъ черезъ восемь дней.

Но негръ не рискнулъ явиться во второй разъ, онъ боялся, чтобы она не умерла подъ ударами плетки.

ГЛАВА XII

Флагелляція дѣтей

Мы уже знаемъ, что у насъ англичанъ въ сранительно очень недавнее время широко примѣняли тѣлесныя наказанія въ школахъ. Да и теперь еще многіе признаютъ, что наказаніе розгами — хорошее средство для укрощенія буйныхъ характеровъ. По ихъ мнѣнію подобное наказаніе дѣйствуетъ двояко: униженіемъ отъ того, что наказываемый обнажается и особенно, если наказаніе производится въ присутствіи товарищей или подругъ или прислугой, — а также и болью, когда сѣкутъ довольно сильно. Нельзя отрицать, что у наказаннаго сохраняется отъ того и другого болѣе продолжительное воспоминаніе, чѣмъ отъ карцера или другихъ подобныхъ не тѣлесныхъ наказаній.

У насъ (въ Англии) сохранилось очень много средневѣковыхъ обычаевъ. Такъ напримѣръ до сихъ поръ существуютъ во многихъ мѣстахъ для молодыхъ дѣвушекъ плохого поведенія или съ дурнымъ, необузданнымъ характеромъ исправительные дома, гдѣ тѣлесныя наказанія считаются одной изъ главныхъ исправительныхъ мѣръ.

Сложилось также убѣжденіе, что родители строгіе, наказывающіе своихъ дѣтей за болѣе важныя проступки розгами, уважаются дѣтьми гораздо сильнѣе, чѣмъ родители, проявляющіе мягкость и снисходительность.

Но что особенно удивительно, что существуетъ много трактатовъ и сочиненій, трактующихъ вопросъ о тѣлесномъ наказаніи дѣтей.

Я лѣчилъ одну вдову, у которой было семь человѣкъ дѣтей, четыре дѣвочки и три мальчика. Старшей дѣвочкѣ было тринадцать лѣтъ, а младшему самому ребенку — мальчику семь лѣтъ. Сама вдова имѣла не болѣе тридцати лѣтъ. Она примѣняла тѣлесныя наказанія въ самыхъ широкихъ размерахъ.

Такъ однажды она узнала, что ея старшая дочь объяснила своему двѣнадцатилѣтнему брату, какъ дѣлаются дѣти. Обоихъ она

такъ строго наказала розгами, что для дѣвочки понадобилось послать за мной.

Противникамъ тѣлесныхъ наказаній можетъ показаться очень страннымъ, что дѣти не питали не только ненависти за наказанія, но всѣ очень любили свою мать.

Отъ дѣвочки я узналъ, что брата высѣкла мать не такъ больно, ему она дала тридцать розогъ и сѣкла сама на скамейкѣ въ то время, какъ его держали кухарка и горничная. Ее мать заставила присутствовать при наказаніи брата, а братъ долженъ былъ смотрѣть, какъ ее наказывали. Когда я спросилъ, за что же наказали брата, вѣдь онъ только слушалъ, что она ему рассказывала, дѣвочка, краснѣя, объяснила, что онъ хотѣлъ попробовать примѣнить свои свѣденія съ пятнадцатилѣтней дѣвочкой, служившей у нихъ подгорничной. За это мать его и высѣкла. Дѣвочкѣ мать дала восемьдесятъ розогъ, и сѣкла ее кухарка. По ея словамъ, мать, когда ее разложили на скамейкѣ, сказала, что ей дадутъ сто розогъ, но потомъ сжалилась и сбавила...

Наказана дѣвочка была дѣйствительно довольно строго, было много полосъ темносинихъ, съ кровоподтеками, рубашенка была изрядно выпачкана въ крови, но опаснаго для здоровья ничего не было.

Вѣроятно, нѣкоторыя помнятъ дѣло гувернантки Элленъ, разбиравшееся лѣтъ десять тому назадъ въ лондонскомъ судѣ, который приговорилъ ее къ трехлѣтнему тюремному заключенію. Мнѣ пришлось быть однимъ изъ экспертовъ. Вотъ нѣкоторыя подробности этого дѣла.

Карлъ К... былъ мальчикомъ высокаго роста, блондинъ, съ густыми волосами, страшно изнуренный, худой.

Родители его, у которыхъ онъ былъ единственнымъ сыномъ, умерли очень рано, когда онъ былъ еще очень молодъ. Они оставили ему громадное состояніе. Опекуны, намѣренно или ненамѣренно (на судѣ не удалось это выяснить), оставили его на попеченіи бывшей уже въ домѣ гувернантки Элленъ. Какъ на судѣ выяснилось, Элленъ еще при жизни родителей пріобрѣла громадное вліяніе на мальчика и онъ не смѣлъ на нее жаловаться родителямъ, не особенно обращавшимъ вниманія на воспитаніе сына и вполнѣ довѣрявшимъ гувернанткѣ. За самую пустяшную дѣтскую шалость она сѣкла его, и онъ не жаловался, если она являлась въ его комнату вечеромъ, когда всѣ въ домѣ спали, поднимала одѣяло и рубашку, и, зажавъ рукой ему ротъ, начинала, что есть мочи, хлестать его рукой по ягодицамъ.

Со смертью родителей, гувернантка стала дѣйствовать еще смѣлѣе. Наказанія рукой продолжались попрежнему, но стали часто употребляться розги, плетка и даже орты.

Ребенокъ не жаловался отчасти не изъ-за одного страха, а потому что послѣ cadaго наказанія, нерѣдко очень жестокаго, такъ что ему казалось, что его будто колютъ сотнями булавокъ, гувернантка, удовлетворивъ свою страсть къ жестокости, спокойно переходила къ изнурительнымъ для него ласкамъ.

Онъ сознавался, что испытывалъ не только страхъ, но и нѣкоторое пріятное нетерпѣніе, когда гувернантка говорила ему днемъ, что онъ заслужилъ быть наказаннымъ. Ни разу она тогда не пропускала, чтобы не придти поздно вечеромъ или очень рано утромъ высѣчь его и потом ласкать и ласкать... Благодаря этимъ ласкамъ онъ полюбилъ даже наказанія.

Подобный режимъ привелъ къ тому, что ребенокъ заболѣлъ и его пришлось помѣстить въ одну извѣстную лечебницу.

Онъ вернулся совсѣмъ поправившимся и уже взрослымъ мальчикомъ. Элленъ, которая попрежнему распоряжалась всѣмъ въ домѣ, увѣрила опекуновъ, что не слѣдуетъ мальчика обучать въ гимназій, гдѣ онъ испортится отъ другихъ учениковъ, что гораздо лучше дать ему образованіе, подъ ея наблюденіемъ, при содѣйствіи учителей, дома.

Опекуны согласились и были приглашены профессора, которые ежедневно приходили давать уроки мальчику. Элленъ же стала управляющей, имѣвшей въ своемъ распоряженіи цѣлую свору прислуги, слѣпо исполнявшей всѣ ея приказанія.

Юноша вскорѣ сдѣлался игрушкой страстей гувернантки. Въ ней буквально сидѣлъ бѣсъ жестокости и сладострастія. Она съ полной свободой отдалась своимъ страстямъ. Карлъ сталъ настоящимъ мученикомъ. Онъ послушно, изъ боязни истязаній и отчасти изъ-за наслажденій, долженъ былъ приходиться на кровать къ гувернанткѣ, где она обладала имъ...

Но насталъ день, когда юноша не былъ въ состояніи удовлетворить требованій мегеры. Различныя ухищренія, къ которымъ прибѣгала раньше Элленъ, настолько притупили его вкусъ, что онъ оставался холоднымъ къ нормальному удовлетворенію любви. Теперь онъ предпочиталъ разныя тонкости, которымъ его научили.

Тогда гувернантка наскоро одѣлась и ушла, предупредивъ его, что она идетъ велѣть приготовить скамейку и розогъ, и, если къ ея возвращенію у него не пройдетъ холодность, то она велитъ его жестоко выпороть розгами, при чемъ пороть будет не сама, а кучеръ... До сихъ поръ она всегда сѣкла сама, привязывая на скамейкѣ, на постели или стулѣ, и т. п.

Хотя страхъ отъ предстоящаго ему униженія и жестокого наказанія былъ великъ, но все-таки онъ не в силахъ былъ преодолѣть свою холодность къ возвращенію Элленъ. Немедленно по звонку явился кучеръ со скамейкой и двумя пучками розогъ. Онъ пробовалъ было протестовать и угрожать жалобой опекунамъ. Это привело Элленъ в бѣшенство. Она велѣла кучеру связать ему руки веревкой и, взявъ его за ухо, стала другой рукой хлестать его по щекамъ... Затѣмъ велѣла привязать его на скамейкѣ и дать ему двѣсти розогъ.

Съ перваго же удара розгами онъ почувствовалъ громадную разницу между силой Элленъ и кучера. До сихъ поръ его всегда сѣкла сама Элленъ. Правда, за послѣднее время она давала ему иногда по девятисотъ розогъ, но все-таки боль отъ ударовъ была несравненно слабѣе. Онъ положительно обезумѣлъ отъ одной

мысли, что ему предстоит получить еще сто девяносто девять таких ударовъ. Онъ былъ увѣренъ, что умретъ... Но ни клятвы не жаловаться, ни самыя трогательныя мольбы не смягчили Элленъ, — она не сбавила ни одного удара. Послѣ наказанія онъ съ трудомъ всталъ со скамейки и легъ въ постель, где былъ утѣшенъ ласками Элленъ.

Недѣли черезъ двѣ онъ все-таки рѣшилъ пожаловаться на Элленъ одному изъ опекуновъ, но кончилось это для него очень скверно. Опекунъ не повѣрилъ, что его наказали за холодность, и рассказалъ Элленъ. Когда та разревилась и заявила, что уйдетъ, если опекунъ не разрѣшитъ ей наказать Карла; опекунъ позволилъ наказывать четырьестя розгами, как хотѣла Элленъ, но просилъ дать их не сразу, а сперва двѣсти и затѣмъ черезъ часъ или два вторыя двѣсти розогъ.

Никакія мольбы не помогли. Не прошло и часа, какъ уѣхалъ опекунъ, Элленъ повела его драть. Отъ полученныхъ четырехсотъ розогъ онъ провалялся цѣлыхъ два дня, лежа почти все время на животѣ, до того больно было касаться изсѣченныхъ мѣстъ. Послѣ этого мальчикъ рѣшилъ больше уже не жаловаться на Элленъ, и слушаться ея. Она же, замѣтивъ его покорность, опять стала сама собственноручно сѣчь его. Только за холодность, когда у нея являлось желаніе искать удовлетворенія нормальнымъ путемъ, хотя эта холодность не произвольна, но Элленъ почему-то ни за что не хотѣла собственноручно наказывать, а постоянно приказывала сѣчь кучеру и давала всегда не больше и не меньше двухсотъ розогъ. Это наказаніе попрежнему оставалось для Карла самымъ мучительнымъ. Послѣ него онъ, обыкновенно, лежалъ въ постели день или два. Подъ угрозой подобнаго наказанія онъ готовъ былъ сдѣлать все, что угодно. Къ несчастью быть не холоднымъ не зависѣло отъ него, но Элленъ почему-то винила его. Къ счастью для Карла холодность не посѣщала всегда его, да и Элленъ не часто искала нормальныхъ удовольствій...

За всѣ остальные его проступки, какъ-то незнашіе урока, дерзость и т. п. она его наказывала собственноручно и келейно.

Любимымъ способомъ наказанія его, какъ отвѣтилъ Карлъ на вопросъ прокурора, былъ слѣдующій: гувернантка приказывала ему раздѣться до нага и, привязавъ его крѣпко веревками на кровати или къ кольцамъ на полу или на столѣ или на скамейкѣ, подложивъ подъ животъ подушку, чтобы придать наказываемой части тѣла возвышеніе, она садилась, нерѣдко, верхомъ къ нему на шею и начинала сѣчь розгами; сѣкла она медленно во всю силу, видимо, наслаждаясь его криками и движеніями. Иногда наказывала, стоя сама. Розги всегда выбирала сама по утрамъ и сама же приготавливала пучки. Прутья были березовыя, длинныя и толстыя. Пучки розогъ всегда лежали въ водѣ, въ ванной комнатѣ, где стояла скамейка, на которой часто его сѣкли.

Она постоянно выдумывала новыя орудія наказанія, хотя отдавала сильное предпочтеніе березовымъ розгамъ, такъ же какъ и новыя положенія для жертвы во время наказанія.

Какъ мы уже сказали, сѣкла Эллень всегда жестоко, пока все тѣло не покрывалось рубцами и не появлялась кровь. Экзекуція, обыкновенно, прекращалась только тогда, когда она видѣла, что Карлъ переставалъ кричать и начиналъ уже хрипѣть или совсѣмъ замолкать. Тогда она отвязывала его, становилась ласковой, увѣряла что онъ самъ виноватъ, если лѣнится, грубитъ и тѣмъ вынуждаетъ ее наказывать его, такъ какъ иначе ее опекуны прогонятъ. Затѣмъ всегда слѣдовали гнусныя ласки, благодаря которымъ онъ еще болѣе былъ въ ея власти.

Теперь ночью, когда онъ спалъ с ней, то ласки были нормальныя,— это были холодныя поцѣлуи... Истязаніе производилось, обыкновенно, днемъ и по извѣстной программѣ, умѣло и долго изученной.

Благодаря истязаніямъ и развитію неумѣреннаго сладострастія, Карлъ совсемъ ослабѣлъ и сталъ неврастеникомъ в самомъ полномъ смыслѣ. Кромѣ того, онъ страшно истощалъ.

Въ это время, совершенно неожиданно, вернулся изъ Индіи его двоюродный дядя, которому пришла мысль навѣстить племянника въ его имѣніи. Пораженный его страдальческимъ видомъ, онъ уговорилъ его или вѣрнѣе чуть не силой усадилъ на своего извозчика и привезъ въ Лондонъ къ одному извѣстному доктору. Конечно, все это произошло въ отсутствіи Эллень.

Докторъ велѣлъ ему раздѣться и былъ пораженъ массой рубцовъ и синяковъ на тѣлѣ.

Дядя подалъ жалобу прокурору на Эллень и опекуновъ, а племянника оставилъ въ Лондонѣ.

Затѣмъ ихъ всѣхъ судили, опекуновъ оправдали, а Эллень, какъ мы уже сказали, была присуждена къ трехгодичному тюремному заключенію.

Въ виду своего жалкаго состоянія, Карлъ былъ отправленъ на поправку къ одному доктору въ Каннъ.

Тамъ его здоровье отчасти возстановилось. Послѣ трехъ лѣтъ пребыванія въ Каннѣ онъ уѣхалъ въ Парижъ, такъ какъ ему исполнилось совершеннолѣтіе и онъ хотѣлъ насладиться жизнію во всю. Его нервная слабость просто усыпила половую чувственность. Продолжительный отдыхъ пробудилъ въ немъ невыразимую жажду чувственныхъ удовольствій.

Въ этомъ веселомъ городѣ міра подобную жажду не трудно удовлетворить человѣку богатому. Но онъ вскорѣ разочаровался,— онъ оказался полнымъ импотентомъ съ самыми замѣчательными красавицами, предлагавшими ему свои услуги.

Тогда онъ попробовалъ обратиться къ флагелляціи. Онъ испыталъ всѣ тѣ истязанія, которымъ когда-то подвергала его Эллень. Пришлось перенести снова массу страданія, но при этомъ безъ малѣйшей тѣни наслажденія.

Огорченный онъ вернулся въ Каннъ.

Онъ пришелъ къ убѣжденію, что ни одна женщина въ мірѣ, кромѣ Эллень, не вернетъ ему половую силу.

Онъ былъ презрѣннымъ рабомъ, ползающей у ногъ собакой первой и единственной женщины, которой онъ обладалъ; женщиной чародѣйкой, вредной и ненормальной, некрасивой и немолодой (ей было около тридцатипяти лѣтъ), но которая сумѣла подчинить его своимъ капризамъ и дать ему испытать въ страданіи громадное наслажденіе.

Онъ вернулся въ Англію, разыскалъ вышедшую изъ тюрьмы Элленъ, которая хорошо жила въ окрестностяхъ Единбурга на сдѣланные ею сбереженія.

Мнѣ, какъ врачу, лечившему теперь его и Элленъ, онъ разсказалъ, что Элленъ не сразу согласилась. Помимо денегъ только, она требовала полной покорности отъ него, чтобы весь штатъ прислуги былъ нанятъ ею и зависѣлъ отъ нея одной. Онъ долженъ былъ вернуться на свое прежнее положеніе.

Всѣ условія онъ принялъ. Онъ былъ ея рабомъ и долженъ былъ имъ оставаться, если хотѣлъ, чтобы она была съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ.

Въ кучера она взяла стараго своего кучера. Черезъ двѣ недѣли по переѣзде въ имѣніе, Элленъ жестоко наказала его розгами. Дала она ему шестьсотъ розогъ въ два пріема, съ промежуткомъ въ полчаса, при чемъ эти полчаса онъ пролежалъ на скамейке. Отвыкшій отъ розогъ, онъ свѣта не взвидѣлъ отъ первыхъ же ударовъ, но пришлось выдержать всѣ шестьсотъ. Это, какъ объявила ему Элленъ, она его наказала за показаніе на судѣ четыре года тому назадъ. Затѣмъ режимъ былъ прежній, прибавилось нѣсколько новыхъ видовъ подвязыванія, была устроена особая экзекуціонная комната, наказывала иногда орты, за холодность давала по триста уже розогъ.

Но удивительно, что, пролежавъ въ постели три дня послѣ перваго наказанія, онъ сталъ потентенъ и имѣлъ съ Элленъ нормальный коитусъ. Впослѣдствіи тоже эта потенція сохранилась. Черезъ четыре года онъ женился на Элленъ.

Въ судѣ Единбурга разбиралось довольно интересное дѣло въ концѣ 1902 г.

Одинъ ирландскій помѣщикъ отдалъ свою пятнадцатилѣтнюю племянницу въ одинъ изъ женскихъ пансіоновъ. Въ одинъ прекрасный день дѣвочка вернулась изъ пансіона къ дядѣ вся в слезахъ, растрепанная.

Оказалось, что утромъ на урокъ русскаго языка она утверждала, что какіе-то стихи, приписываемые одному поэту, въ дѣйствительности написаны другимъ.

Она была права и учитель ошибся, въ чемъ онъ впослѣдствіи, при разборѣ дѣла въ судѣ, сознался. Онъ пожаловался классной дамѣ, которая сдѣлала ей выговоръ за то, что она грубо говорила съ учителемъ, и оставила ее въ пансіонѣ на пять часовъ послѣ окончанія уроковъ. Такъ какъ она была увѣрена, что была права, то сказала шепотомъ — какую-то грубость классной дамѣ, какую никто на судѣ, какъ и дѣвочка, не хотѣлъ повторить. Классная дама ударила дѣвочку по щекѣ въ присутствіи цѣлаго класса за эти сло-

ва; дѣвочка, недолго думая, отвѣтила тѣмъ, что бросила въ классную даму прессъ-папье. Послѣ этого классная дама побѣжала жаловаться начальницѣ пансіона, къ которой черезъ полчаса позвали и дѣвочку. По приходѣ, она увидала классную даму, начальницу и одну изъ ихъ нянекъ. Послѣ короткой нотации, начальница, несмотря на ея сопротивленіе, велѣла завязать ей руки шнуркомъ на спину, и объявила, что ее сейчасъ накажетъ розгами. Затѣмъ велѣла нянькѣ принести розогъ. Когда розги были принесены, то ее, не смотря на крики, нянька и классная дама силой положили на кушетку. Начальница развязала ей панталоны, спустила ихъ и, поднявъ все ея платье вмѣстѣ съ сорочкой наверхъ, приколола на спинѣ булавкой и начала сѣчь розгами, сказавъ, что она дастъ ей двадцать розогъ. Если же она не будетъ просить прощенія у классной дамы, то ее будетъ снова пороть. Дѣвочка, изъ боязни новой порки, послѣ двадцати розогъ, отъ которыхъ у нея на ягодичахъ мѣстами показалась кровь, попросила прощеніе у оскорбленной ею классной дамы и поцѣловала у нея руку. Но, вернувшись домой, рассказала все дядѣ, который подалъ жалобу въ судъ. Судъ приговорилъ начальницу къ штрафу въ 2 фун. стерл. (около 20 руб.), а надзирательницу и классную даму оправдалъ, но въ то же время судья и дѣвочку, за оскорбленіе классной дамы и учителя, приговорилъ къ заключенію въ исправительномъ домѣ на двадцать сутокъ. Вѣроятно для того, чтобы неповадно было жаловаться на начальство.

Мы уже выше говорили, что въ школахъ при конгрегаціяхъ дѣтей обоюго пола наказывали тѣлесно. Въ судѣ (исправительномъ) гор. По во Франціи разбиралось дѣло по жалобѣ повѣреннаго Жана Бонетенъ, по профессіи маляра; сынъ его Поль былъ въ конгрегаціонной школѣ. Вотъ что говорится въ жалобѣ:

«Въ четвергъ 23-го Апреля 1897 г., послѣ обѣда, когда монахи преподаватели, подъ предлогомъ молитвы, дремали, помогая пищеваренію, въ ожиданіи прогулки, монахъ Евсей позвалъ моего сына Поля Бонетенъ:

— Мальчуганъ, поди сюда и прочитай молитвы.

Ребенокъ, раскраснѣвшійся отъ игры на солнцѣ на дворѣ, пошелъ взять молитвенникъ, а потомъ сѣлъ съ книгой на одной изъ ступенекъ перрона, гдѣ сидѣлъ монахъ — около него.

Онъ началъ бѣгло читать молитвы, сперва довольно громко, но затѣмъ все тише и тише; наконецъ, вѣроятно, отъ жары онъ вскорѣ заснулъ. Монахъ обнялъ мальчика за талію и, приблизивъ его немного къ себѣ, слушал его съ полузакрытыми глазами.

Вдругъ, монахъ схватилъ ребенка съ силой и прижалъ к себѣ такъ, что онъ отъ боли проснулся и закричалъ, отскочивъ в сторону. Монахъ, выпустивъ талію, схватилъ ребенка за руки и, весь дрожа отъ гнѣва, закричалъ:

— Ты спишь, а не читаешь молитвы, каналья!

— Да я читаю! дорогой отецъ!

— Ты лжешь! Ты смѣешь лгать наканунѣ причащенія! На колѣни сейчас же! Поль, пораженный этимъ неожиданнымъ взры

вомъ гнева, сталъ на колѣни, но со злобы невольно дернулъ рукой. Онъ рѣдко когда видѣлъ отца Евсеія въ такомъ бѣшенствѣ.

— Теперь, въ наказаніе, изволь сдѣлать на мостовой крестъ языкомъ.

Бѣдняжка посмотрѣлъ на ступень, на которую его нагибаль монахъ, и, увидя, что она вся покрыта пылью и разными отбросами, такъ какъ при входѣ, всѣ вытирали о нее подошвы сапогъ, инстинктивно откинулся головой назадъ. Монахъ счелъ тогда за нужное заставить его слушаться. Ребенокъ закрылъ глаза въ ожиданіи страшнаго удара и, самъ придя тоже въ бѣшенство, закричалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ ни за что! Я не сдѣлаю креста!

— Ахъ! Ты не хочешь, бестія, слушаться, — тогда ты увидишь, что бываетъ за это.

Схвативъ мальчика подъ мышки, какъ словно какой-нибудь пакетъ, онъ понесъ его по лѣстницѣ вверхъ. Дойдя до перваго этажа, онъ отворилъ дверь пріемной комнаты и бросилъ мальчика на полъ.

Мальчикъ весь дрожалъ, онъ не зналъ этой комнаты, не бывши ни разу въ ней. Закрытыя ставни съ трудомъ позволяли разсмотрѣть мебель. Въ ожиданіи предстоящаго наказанія у него волосы дыбомъ встали, и зубъ на зубъ не попадалъ. Монахъ затѣмъ вышелъ изъ комнаты, заперевъ ее за собой.

Черезъ нѣкоторое время, показавшееся мальчугану ц лой вѣчностью, онъ вернулся съ пучкомъ розогъ и опять заперъ за собой дверь, вынувъ ключъ и положивъ его въ карманъ. Теперь Поль понялъ, что его будутъ пороть.

Монахъ подошелъ къ окну и пріоткрылъ одну ставню, чтобы дать немного свѣту. Затѣмъ съ розгами въ рукахъ онъ сѣлъ въ кресло и громко сказалъ:

— Снимай штаны!

Мальчикъ повиновался. Тогда монахъ всталъ и, подойдя къ нему, схвативъ его за шею, поставилъ на колѣни, зажавъ крѣпко его шею между ногами. Затѣмъ, поднявъ рубашку и завернувъ ее на голову мальчика, онъ взялъ розги и сталъ пороть, съ каждымъ новымъ ударомъ стараясь бить все сильнѣе и сильнѣе...

Поль оралъ во всю глотку, но скоро сталъ только хрипѣть отъ боли, такъ какъ монахъ все крѣпче сжималъ его шею ногами и почти душилъ его“. Мальчикъ былъ, по мнѣнію свидѣтельствовавшаго врача, наказанъ очень жестоко. Судъ приговорилъ монаха къ шестимѣсячному тюремному заключенію.

Система воспитанія, при которой примѣняются тѣлесныя наказанія, неизбѣжно приводитъ къ тому, что въ ужасающей прогрессіи растетъ число эротическихъ сценъ; многія дѣти испытываютъ удовольствіе во время тѣлеснаго наказанія и страсть къ нему сохраняютъ позднѣе; множество учителей и учительницъ, а также родителей, съ большей или меньшею скоростью, впадаютъ въ эротизм; нѣдко тѣ и другіе извлекаютъ матеріальную выгоду

изъ школьныхъ или домашнихъ наказаній дѣтей, допуская на это зрѣлище платныхъ зрителей.

Всего два года тому назадъ дошло дѣло до лондонскаго суда, какъ одинъ владѣлецъ ювелирнаго магазина, вдовецъ, поручилъ воспитаніе двухъ своихъ дѣтей гувернанткѣ. Послѣдняя, подмѣтивъ у отца страсть къ флагелляціи, стала потворствовать ей. Почти каждый вечеръ, по возвращеніи его изъ магазина домой, она рассказывала ему какія-нибудь исторіи про дѣтей, съ цѣлью вызвать наказаніе ихъ; если въ теченіе дня они не совершили никакихъ проступковъ, то она ихъ выдумывала, и отецъ наказывалъ дѣтей розгами. Послѣ экзекуціи онъ, обыкновенно, возбужденный шелъ наслаждаться въ объятіяхъ гувернантки.

Тѣлесныя наказанія примѣняются у насъ (въ Англіи) довольно широко въ тюрьмахъ, гдѣ они производятся съ особенной жестокостью, доставляющей наслажденіе тѣмъ, кто присудилъ къ наказанію; — въ полкахъ, гдѣ офицеры бьютъ солдатъ бичами за маловажные проступки, а иногда просто ради развлеченія. Последнее особенно часто происходитъ въ Индіи, гдѣ, сравнительно съ метрополіей, очень мало развлеченій. Офицера сѣкутъ иногда и своихъ товарищей, нарушившихъ этику, какъ это было на дняхъ въ одномъ изъ полковъ. Благодаря тому, что наказывавшіе разболтали, наказанному пришлось оставить полкъ.

Многіе, вѣроятно, помнятъ еще шумъ, поднятый, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, разоблаченіями лондонской газеты *P a l-M a l-G a s e t t e* по поводу ежедневныхъ скандаловъ въ лондонскихъ домахъ терпимости, которые свободно доставляли своимъ кліентамъ молоденькихъ дѣвочекъ для растлѣнія, сѣченія и другихъ всевозможныхъ истязаній.

Все это практикуется и въ настоящее время. Мы могли бы дать свѣдѣнія о гораздо большихъ жестокостяхъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ сообщила вышеупомянутая газета.

Пока оставимъ въ сторонѣ факты, относящіеся до другихъ пороковъ, такъ какъ здѣсь мы намѣрены говорить спеціально о флагелляціи и, главнымъ образомъ, о женской флагелляціи.

Въ настоящее время въ одной изъ улицъ Вестъ-Энда существуетъ одинъ домъ, о которомъ, благодаря любезности полиціи, мы собрали довольно подробныя свѣдѣнія.

Домъ стоитъ въ глубинѣ большого сада. Онъ совершенно отдѣленъ отъ улицы небольшимъ зданіемъ, въ которомъ находится квартира сторожа, какъ-будто сторожащаго какой-нибудь торговый складъ.

Къ дому изъ воротъ ведетъ крытая галерея, запирающаяся съ обоихъ концовъ крѣпкими рѣшетками. При помощи веревки сторожъ можетъ отворить обѣ рѣшетки, но онъ это дѣлаетъ послѣ того, какъ удостовѣрится въ личности посѣтителя, котораго онъ можетъ рассмотреть, благодаря помѣщенному передъ окномъ зеркалу. Никто не можетъ быть допущенъ, если онъ не извѣстенъ сторожу или не сопровождается извѣстнымъ ему лицомъ.

Этотъ уединенный домъ посѣщается исключительно женщинами. Слѣдуетъ прибавить, что большинство посѣтительницъ принадлежитъ къ высшему свѣту. Пройдя обѣ рѣшетки, приходится еще звонить у солидной двери съ окнами, завѣшенными занавѣсями. Когда же зажигаютъ огонь въ комнатахъ, то окна и двери плотно закрываются ставнями.

Войдя во внутрь, вы попадаете въ скромную пріемную, гдѣ васъ встрѣчаетъ директриса этого страннаго учрежденія; далѣе идетъ гостиная для ожидающихъ, довольно скромно меблированная, затѣмъ семь комнатъ для кліентокъ. Такъ какъ всѣ комнаты похожи одна на другую, то мы ограничимся описаніемъ одной изъ нихъ, заимствуя его изъ полицейскаго протокола.

Стѣны выкрашены эмалью нѣжно-зеленаго цвѣта. На полу хорошій линолеумъ. Изъ мебели — умывальникъ, глубокое кресло, комодъ съ ящиками, наполненными предметами, необходимыми для удовлетворенія всевозможныхъ капризовъ кліентокъ, и въ нишѣ, сплошь въ зеркалахъ, низкій диванъ-кровать съ подушками и матрацемъ, покрытыми плюшевой матеріей, которую можно мыть; нѣтъ ни простынь, ни одѣяла.

Въ кровати, которая вполнѣ доступна со всѣхъ сторонъ, имѣется цѣлая система колець, толстыхъ веревокъ, крючковъ, ремней. Все это, чтобы можно было пациентку крѣпко привязать въ какомъ-угодно положеніи. Ремни и веревки изнутри подбиты и простеганы ватой, чтобы не натерли тѣла и не скользили.

Приходящія въ учрежденіе кліентки — обыкновенно женщины лѣтъ за тридцать или за сорокъ; „сюжеты“ — дѣти отъ десяти до пятнадцати лѣтъ. Учрежденіе поставляетъ только дѣвочекъ, мальчики никоимъ образомъ не допускаются. Флагелляція, растлѣніе при помощи фалуса и другихъ предметовъ, вотъ та цѣль, съ которой являются посѣтительницы въ этотъ домъ, гдѣ сеансъ оплачивается не менѣе какъ двадцатью фунтами стерлинговъ (около 200 р.), иногда от 50 и до 60 ф. ст. (500—600 р.), когда дѣвочка вполнѣ дѣвственна и неопытна.

Мы приведемъ резюме и выдержки разговоровъ, которые пришлось имѣть полицейскимъ чинамъ съ директрисой учрежденія, дочерью одного англійскаго моряка. Она вслѣдствіе бѣдности и дурнаго поведенія, — во времена ранней молодости она торговала сафизмомъ, — занялась этой довольно выгодной торговлей.

— Какого рода кліенты бываютъ у васъ? — спрашиваетъ ее полицейскій приставъ.

— Великосвѣтскія дамы, артистки, демимондонки, активныя лесбійки.

— Что онѣ ищутъ въ вашемъ домѣ?

— Дѣвочекъ-подростков, готовыхъ, добровольно или силой, исполнять ихъ фантазіи. Нѣкоторыя изъ этихъ дамъ, совершенно какъ мужчины, любятъ наслаждаться ихъ испугомъ и ихъ страданіями... Часто онѣ фалусомъ причиняютъ больше вреда, чѣмъ мужчины.

— Онъ ихъ только растлѣваютъ?

— Нѣтъ и флагелляція не бездѣйствуетъ. Онъ довольствуются только тѣмъ, что сѣкутъ ребенка розгами или плетью или, наконецъ, орти. Другія же сѣкутъ до употребленія фалуса и послѣ него.

— Отличаются ли ваши кліентки жестокостью?

— О! Нѣтъ! Въ сущности все это не причиняетъ вреда здоровью ребенка.

— Какимъ образомъ вы добываете дѣтей?

— Нѣтъ ничего легче въ мірѣ. Вы понимаете, что для дѣвочки гораздо меньше риска, чѣмъ пойти съ мужчиной. Когда ей дѣлаютъ предложеніе, она имѣетъ уже подругу, съ которой позволяетъ извѣстнаго рода ласки... Она полагаетъ, что хорошо знаетъ то, что ей придется дѣлать и это ее не страшитъ.

— Вы ее предупреждаете о томъ, что отъ нея потребуютъ?

— Къ чему же? Законъ не знаетъ растлѣнія женщиной. А о флагелляціи еще меньше надобности предупреждать. Дѣвочка всегда успѣетъ сама увидеть, что она должна исполнять.

— А если она станетъ кричать?

— Этого-то страстно желаютъ большая часть нашихъ кліентовъ.

— Вы не боитесь развѣ вмѣшательства сосѣдей?

— У насъ все такъ устроено, что ни одинъ звукъ не можетъ быть услышанъ снаружи.

— Ну, а если дѣвочка станетъ сопротивляться, царапать, кусать?

— Есть, какъ вы, вѣроятно, замѣтили, на диванѣ веревки, ремни и, наконецъ, въ крайности можно вставить въ ротъ кляпъ.

— Вы намъ не сказали, изъ какихъ слоевъ общества вы добываете дѣтей?

— Понятно, что это не принцессы. Для дѣвочекъ въ возрастѣ отъ четырнадцати и до шестнадцати лѣтъ нашъ главный источникъ это — няни, только что прибывшія изъ деревни. Дѣвочки моложе четырнадцати лѣтъ избираются нами между дѣтьми рабочихъ. У меня есть двѣ сводни, чрезвычайно опытныя, которыя умѣютъ уговорить и завлечь ребенка, не потративъ ни копѣйки и ограничившись одними только посулами.

— Предупреждаете ли вы, иногда, родителей?

— Если они не жители Лондона, то никогда. Предупредить, конечно, безопаснѣе, чтобы не имѣть впослѣдствіи неприятностей, но за то тогда нашъ барышъ гораздо меньше: нужно заплатить ребенку и еще родителямъ.

— Это стоитъ не дешево?

— Нѣтъ не всегда; разъ знаютъ, что это для женщины, то довольны, такъ какъ нѣтъ риска забеременѣть. Обыкновенно мы обходимся двумя-тремя фун. стерл. (20—30 руб.), считая въ томъ числѣ и подарокъ дѣвочкѣ. Больше трехъ фун. стерл. мы никогда не тратимъ.

— Ну, а если ребенокъ будетъ пораненъ?

— Тогда мы его отправляемъ въ деревню, гдѣ у насъ есть своя дача; тамъ держимъ, пока онъ не выздоровѣтъ.

Изъ того же полицейскаго дознанія мы извлекаемъ и резюмируемъ показанія нѣкоторыхъ допрошенныхъ полиціей дѣвочекъ.

— Алиса С... 14-ти лѣтъ, она ходитъ въ учрежденіе болѣе года, но съ большими промежутками. Она уже два года служитъ няней въ Лондонѣ. Хорошенькая блондиночка, очень маленькаго роста. Когда ее завербовали въ учрежденіе, она уже знала, что ей придется имѣть дѣло съ богатой дамой, которая дастъ ей много денегъ. Она поняла, что дѣло идетъ о разныхъ прикосновеніяхъ, которыя она уже практиковала съ кухаркой, гдѣ жила, и у нея не было ни малѣйшаго страха.

Когда она очутилась наединѣ съ богатой дамой, въ описанной нами комнатѣ, то сконфузилась очень изрядно. Дама была высокаго роста, толстая, богато одѣтая и съ большимъ достоинствомъ державшая себя. Она еще болѣе растерялась, когда дама раздѣлась, и она увидела у нея „нѣчто ужасное“. Дѣвушка собралась бѣжать, совсѣмъ обезумѣвъ, но дама ее живо схватила, раздѣла и привязала на диванѣ. Затѣмъ она начала ее съчь очень больно розгами, несмотря на ея крики. Потомъ ей нѣсколько разъ сдѣлали очень больно... Алиса больше этой дамы не встрѣчала. Многія же другія дамы, которыя посылали за ней, чтобы съчь ее, ласкать, кусать... Теперь она не боялась и, если ее даже съкли не больно, то она отчаянно всегда орала, такъ какъ ей сказали, что эти крики доставляютъ удовольствіе дамамъ, наказывающимъ ее.

— Анна М... 17-ти лѣтъ, была менѣе счастлива, чѣмъ Алиса, такъ какъ на первомъ сеансѣ съ одной благородной лэди, она была сильно поранена и потребовалось сдѣлать ей зашиваніе.

Кромѣ того раны на ягодицахъ отъ розогъ не заживали, такъ какъ лэди послѣ того, какъ жестоко ее выпорола розгами, налила на изсѣченныя мѣста одеколону, для усиленія мученій; но одеколонъ оказался плохого качества.

Ей пришлось пробыть въ деревенскомъ домикѣ учрежденія вдовы моряка три мѣсяца, чтобы поправиться отъ слѣдовъ экзекуціи.

По выходѣ оттуда, она потеряла свое мѣсто въ шляпномъ магазинѣ и вынуждена была вернуться в учрежденіе и умолять вдову взять ее.

На горе дѣвочки, ея нѣжное сложеніе, очень чувствительное къ ударамъ тѣлца, слѣды рубцов на ягодицахъ, бедрахъ и ляшкахъ, все это прельщало любителей жестокой флагелляціи, которыя постоянно выбирали ее, и ей приходилось переживать страшно тяжелые сеансы...

Можно сказать, что не было ни одного орудія истязанія, котораго ей не пришлось бы испытать.

Ее одно только утѣшало, что подобныя истязанія приводили неизбѣжно къ тому, что ее приходилось посылать на поправку въ загородный домъ.

Какъ ни были ей непріятны сношенія съ лесбійками, но она все-таки предпочитала послѣднихъ мужчинамъ, такъ какъ страшно боялась забеременѣть.

Разъ на улицѣ она приняла предложеніе мужчины и пошла къ нему, чтобы онъ ее высѣкъ розгами. Сѣкъ он ее очень легко сравнительно съ тѣмъ, какъ ее пороли и истязали въ учрежденіи вдовы моряка, но послѣ экзекуціи мужчина заставилъ ее два раза отдаться ему. Послѣ этого она уже болѣе не рѣшалась повторить опытъ и ограничивалась посѣщеніемъ учрежденія вдовы.

Флорентина Т..., 9-ти лѣтъ, хорошенькая дѣвочка, неособенно развитая, которую сама мать приводила для наказыванія розгами, принуждая ее позволять себя сѣчь безъ сопротивленія, подъ угрозой еще болѣе жестокой порки дома. Отъ нея приставъ ничего не могъ добиться, — она только ревѣла и произносила непонятныя слова. На бедрахъ, ягодицахъ и ляшкахъ ребенка были длинные фіолетовые рубцы.

Марія Л..., 13-ти лѣтъ, маленькая, худенькая, до невозможности нервная очень цѣнимая флагеллянтшами, благодаря тому, что во время сѣченія розгами, вся она извивалась какъ змѣя. Розги она переносила съ большимъ трудомъ и ни разу еще она не легла подъ нихъ добровольно, а всегда сопротивлялась, словно ее хотѣли рѣзать. Напротивъ, всякія сладострастныя прикосновенія принимала охотно.

Долли Ж..., 14-ти лѣтъ, брюнетка, съ несноснымъ характеромъ, тщеславная, мечтавшая сдѣлаться демимонденкой, — она готова была на все ради туалетовъ и чтобы составить себѣ извѣстное положеніе. Она повѣрила обѣщаніямъ сводницы вдовы. Долли пришлось имѣть дѣло съ благородной лэди, любительницей жестокаго сѣченія розгами. Дѣло приняло для нея очень плохой оборотъ. Дѣвочка, когда приняла предложеніе сводницы, то была увѣрена, что все дѣло ограничится какими-нибудь сценами мастурбаци; увидавъ, что лэди, приказавъ ей раздѣться, какъ только она исполнила это приказаніе, вынула изъ комода пучекъ длинныхъ березовыхъ розогъ и велѣла ей лечь на диванъ, чтобы она могла ее привязать, Долли пришла въ ярость и стала отчаянно сопротивляться, когда лэди силой хотѣла ее привязать. Она брыкалась, кусалась, плевала въ лицо лэди, но, въ концѣ концовъ, той все-таки удалось ее привязать. Възбѣшенная сопротивленіемъ дѣвочки и особенно плевками, лэди превзошла себя на этотъ разъ и стала такъ безпощадно пороть дѣвочку, какъ еще никогда никого такъ не сѣкла. Долли сперва орала, что есть мочи, грозила жалобой, а потомъ начала ругать лэди самыми скверными словами. Это привело лэди въ еще большую ярость и она, отвязавъ ноги ребенка и, разъединивъ ихъ насколько возможно, крѣпко привязала каждую ногу къ кольцамъ въ полу. Послѣ этого, схвативъ охотничью плеть, стала ею сѣчь, что есть силы дѣвочку. При чемъ теперь она сѣкла не по ягодицамъ, но по всему тѣлу, гдѣ попало, стараясь чаще бить по внутреннимъ частямъ ляшекъ, спинѣ и половому органу. Не успѣла она дать ей и десяти ударовъ плетью, какъ вся

дѣвочка, начиная отъ шеи и до пятъ была въ крови; но разъяренная дама продолжаетъ пороть дѣвочку; та уже перестала кричать и потеряла сознание, а лэди все ее продолжаетъ драть. Наконецъ, она устаетъ, останавливается, и тогда только замѣчаетъ, въ какомъ положеніи ея жертва. Тутъ ее одолеваетъ страхъ и она, не отвязавъ дѣвочки, бѣжитъ предупредить вдову. Та принимаетъ энергичныя мѣры, но только черезъ нѣсколько часовъ удается привести дѣвочку въ чувство и на простынѣ отнести въ постель.

Черезъ два дня ее отправляютъ на поправку въ загородный домъ. Тамъ она увѣряетъ, что какъ только поправится, то подастъ жалобу въ судъ. Потребовалась вся сила краснорѣчія вдовы, а главное большая сумма денегъ, чтобы уговорить дѣвочку не подавать жалобы.

ГЛАВА XIII

Флагелляція изъ-за денегъ и для возбужденія

Безспорно, что съченіе по спинѣ и частямъ, близкимъ къ половому органу, вызываетъ половое возбужденіе и эрекцію у лицъ, страдающихъ импотенціей, хотя далеко не всегда.

Вотъ почему иногда развратники, спустившіеся на степень животныхъ, потерявъ половую силу, ищутъ ея возстановленія въ болѣзненной флагелляціи.

Флагелляція вызываетъ у ослабѣвшихъ половыхъ органовъ сильное возбужденіе, которое передается всей нервной системѣ; острая боль отъ ударовъ заставляетъ приливать кровь къ тѣмъ частямъ тѣла, по которымъ бьютъ и къ смежнымъ съ ними — половымъ органамъ.

Появляющійся жаръ въ половыхъ органахъ вызываетъ сладострастныя ощущенія и возможность совершить половой актъ тогда, когда при нормальномъ условіи въ немъ вовсе не было потребности,— такимъ образомъ увеличить сумму наслажденій сверхъ того количества, которое назначено данному субъекту матерью природой.

По должности, мнѣ приходилось часто посѣщать публичные дома. Содержательницы, изъ боязни придирокъ, рѣшительно ни въ чемъ мнѣ не отказывали.

Однажды я былъ приглашенъ къ одной проституткѣ, внезапно почувствовавшей себя очень плохо.

Я находился въ комнатѣ больной, когда услыхалъ, какъ въ соседней комнатѣ женщина на кого-то сердито кричала и бранилась, затѣмъ раздался звукъ пощечины. Я собирался задать вопросъ моей больной, какъ она шепотомъ попросила меня молчать; отвернувъ кусочекъ оboевъ, она пальцемъ указала на дыроч-

ку, черезъ которую я могъ видѣть все происходящее въ комнатѣ. Вотъ какая сцена происходила тамъ: главное дѣйствующее лицо была хорошенькая брюнетка, остальные актеры были четыре старика въ парикахъ, которыхъ костюмъ, движенія и гримасы заставляли меня кусать себѣ губы, чтобы удержаться отъ смѣха.

Эти запоздалые развратники играли, подобно дѣтямъ, въ школу, гдѣ женщина изображала учительницу, а старцы — учениковъ. У каждого была въ рукахъ книга. Она каждому задавала выучить немедленно нѣсколько строкъ и затѣмъ спрашивала. Ученикъ, конечно, не зналъ урока, слѣдовала пощечина, на которую ученикъ отвѣчалъ дерзостью, и тогда учительница приказывала ему раздѣться и при помощи другихъ учениковъ сѣкла его розгами. Подобное развлеченіе устраивалось два раза въ недѣлю.

Моя больная смѣялась до слезъ надъ моимъ удивленіемъ и тутъ же рассказала еще болѣе смѣшные факты, происходящіе у нихъ въ домѣ ежедневно. Такъ, по ея словамъ, она имѣла честь довольно часто наказывать розгами или плетью очень важныхъ лицъ изъ духовенства, магистратуры и финансоваго міра.

Очень часто прибѣгаютъ къ флагелляціи, какъ къ механическому средству возбужденія половыхъ органовъ. Но бываетъ частенько, что мало-по-малу, средство становится целью; тогда наслаженіе получается только отъ розогъ или плетки.

Аббатъ Буало въ своемъ трактатѣ говоритъ, что флагелляція является предразсудкомъ у монаховъ, что она вредна и для тѣла, и для души. Какъ средство умерщвленія плоти, она никуда негодна; напротивъ, она даже вызываетъ половое возбужденіе и, какъ епитимія, представляетъ смѣсь смѣшного со скандальнымъ.

Мы уже не разъ говорили, что флагелляція, повидимому, культивируется преимущественно мужчинами; женщина къ ней менѣе расположена, хотя и встрѣчаются между ними страстныя любительницы розогъ послѣ того, какъ были ими наказаны. Лично я полагаю, что тутъ слѣдуетъ скорѣе видѣть какъ бы любовь къ болѣе горячимъ ласкамъ, если не приходится имѣть дѣло съ половымъ извращеніемъ.

Я знавалъ женщинъ, которыя, подвергая женщину сѣченію, приходили сами въ сильное половое возбужденіе.

Брантомъ говоритъ, что зналъ одну красавицу, знатную даму, которая хлестала своихъ фрейлинъ по щекамъ; онъ же рассказываетъ въ другомъ мѣстѣ о своей дамѣ такъ:

„Иногда она приказывала провинившимся фрейлинамъ, для своего развлеченія, поднять платье съ юбками, такъ какъ въ то золотое время панталонъ не носили, и шлепала по ягодицамъ руками или сѣкла по нимъ розгами, смотря по фантазіи и въ зависимости отъ ихъ желанія или такъ, что наказываемыя смѣялись или плакали отъ боли. Подобное зрѣлище такъ ее возбуждало, что послѣ наказанія она, нерѣдко, удалялась въ укромный уголокъ съ какимъ-нибудь галантнымъ кавалеромъ, очень здоровымъ и сильнымъ.

Что это была только за женщина! Однажды она увидела изъ оконъ своего замка, какъ здоровенный дѣтина башмачникъ мочился у стѣны ея замка, она послала своего пажу велѣть ему придти къ ней на свиданіе вечеромъ въ паркъ.

Тамъ она отдалась ему и забеременѣла. Я слышалъ еще, что эта дама не только женщинъ и дѣвушекъ, состоявшихъ у нея въ свитѣ, но и дамъ, пріѣзжавшихъ къ ней погостить, посвящала въ свои игры. Вотъ уже дѣйствительно веселыя игры“.

Нѣтъ ничего чаще, какъ стремленія у старцевъ, даже весьма древнихъ, вызвать у себя половое возбужденіе и попытаться добится эрекции члена, чтобы испытать наслажденіе, доставляемое половымъ актомъ. Средства для этого сильно отличаются отъ тѣхъ, которыя употребляютъ женщины для уничтоженія морщинъ на лицѣ и приданія цвѣту кожи его юношеской свѣжести. Старики, какъ пугала, боятся полового безсилія и готовы прибѣгнуть къ какимъ-угодно средствамъ, лишь бы отдалить этотъ моментъ. Когда наука безсилна оказать имъ помощь, они обращаются къ услугамъ женщинъ и въ этомъ отношеніи послѣднія могутъ дать нѣсколько очковъ впередъ докторамъ.

Среди множества возбуждающихъ средствъ флагелляція занимаетъ не послѣднее мѣсто. Если отъ нея получаютъ, иногда, скоро хорошіе результаты, то они всегда кратковременны.

Между тѣмъ половое безсиліе можетъ быть только временнымъ и вполне излечимымъ. Такъ, на примѣръ, если оно явилось вслѣдствіе усиленныхъ умственныхъ занятій и т. п..

Есть какъ мужчины, такъ и женщины съ лимфатическимъ темпераментомъ, у которыхъ половой аппетитъ или совсѣмъ слабъ или даже вовсе отсутствуетъ и никогда раньше не проявлялся, — въ такомъ случаѣ можно попробовать подвергнуть ихъ флагелляціи; и весьма рѣдко, чтобы, умѣло произведенная, она не пробудила заснувшихъ органовъ.

Нѣкоторые истощенные развратники примѣняютъ флагелляцію въ двухъ видахъ: сперва они сѣкутъ женщину, а затѣмъ заставляютъ женщину сѣчь ихъ.

Человѣкъ отъ природы любитъ видъ тѣла. Ему нравятся округленности формъ, голая кожа вызываетъ у него половое возбужденіе и ему пріятно сѣчь, сопровождая экзекуціи разными прикосновеніями. Но это бываетъ не всегда достаточно, и въ послѣднемъ случаѣ онъ подставляетъ себя подъ удары своей подруги, чтобы достигнуть желаемого результата.

Субъекты, у которыхъ половое безсиліе является результатомъ злоупотребленія половыми удовольствіями, могутъ также, иногда, рассчитывать на благопріятные результаты отъ флагелляціи.

Но было бы ошибочно думать, что страсть къ флагелляціи распространена только среди стариковъ или истощенныхъ развратомъ субъектовъ. Ею въ одинаковой, если даже не большей, степени заражены молодые и вполне здоровые мужчины.

Въ сущности мужчинъ, страдающихъ этой маніей, можно раздѣлить на три класса:

1. Тѣ, которые любятъ наказаніе ихъ розгами или др. орудіемъ, болѣе или менѣе строгое, рукой хорошенькой женщины, достаточно сильной, чтобы сѣчь очень сильно розгами и оставлять на тѣлѣ наказываемаго замѣтные слѣды.

2. Тѣ, которые, наоборотъ, находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы наказывать шлепками или розгами молоденькую дѣвушку.

3. Тѣ, которые не любятъ быть ни активными, ни пассивными флагеллянтами, но возбуждаются вполнѣ достаточно, присутствуя, въ качествѣ зрителя, при наказаніи кого-нибудь.

Активный флагеллянтъ только и мечтаетъ о томъ, какъ бы ему поскорѣе закончить образованіе своей жертвы, чтобы видѣть ее раздѣляющимъ съ нимъ восторгъ, овладѣвающимъ имъ во время сѣченія ея.

Многимъ изъ нихъ это удается. Встрѣчаются женщины, испытывающія громадное наслажденіе подъ розгами своего повелителя.

Въ романѣ „Сафо“ Альфонса Додэ имѣется такого рода сцена: „Она видѣла, какъ онъ (ея любовникъ) хочетъ ударить и не уклонилась отъ удара, а приняла его прямо въ лицо, потомъ, съ чувствомъ тупой боли, въ то же время радости и сознанія своей побѣды надъ нимъ, она бросилась къ нему на шею съ крикомъ: „Мой милый другъ!.. Ты меня все еще любишь“!.. И они въ объятіяхъ повалились на постель“.

Въ одномъ только нашемъ Лондонѣ имѣется цѣлая армія флагеллянтовъ.

Стоитъ только прочесть многочисленныя объявленія въ газетахъ, гдѣ покорныя молодыя дѣвушки, строгія учительницы предлагаютъ свои услуги любителямъ активной или пассивной флагелляціи.

Пользуясь данными, собранными полиціей, можно съ полной увѣренностью сказать, что громадное большинство изъ числа лицъ, посвятившихъ себя этой вѣтви любви, преслѣдуютъ не одни матеріальныя выгоды, но испытываютъ также извѣстнаго рода удовольствіе.

Не внося, конечно, въ одинаковой степени горячности, какъ ихъ кліенты, они не испытываютъ во время флагелляторскихъ развлеченій ни малѣйшаго непріятнаго или тяжелаго чувства.

Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то обстоятельство, что кожа ихъ отъ частыхъ ударовъ по ней розгами или плеткой пріобрѣтаетъ удивительную нечувствительность. Я зналъ одну изъ такихъ женщинъ, которая жаловалась мнѣ и просила, если возможно, помочь ей, такъ какъ она, какъ пассивная флагеллянтка, потеряла значительную долю своей цѣнности, благодаря тому, что ягодицы ея даже при очень сильномъ сѣченіи розгами болѣе не краснѣли.

А между тѣмъ, какъ извѣстно, одно изъ самыхъ главныхъ наслажденій активнаго флагеллянта или флагеллянтши заключается именно въ томъ, чтобы видѣть, какъ подъ его ударами тѣло

наказываемой краснѣть и на немъ ясно отпечатываются удары въ видѣ рубцовъ.

Не всѣ, конечно, женщины, помѣщающія объявленія или дѣлающія шепотомъ на улицѣ соблазнительныя предложенія, от которыхъ только слюнки текутъ у любителя флагелляціи, находятъ въ положеніи вышеупомянутой женщины, но у всѣхъ нихъ безусловно кожа на ягодицахъ отъ частаго сѣченія по нимъ дѣлается какъ бы дубленой.

Флагелляція съ подобными женщинами имѣетъ то громадное преимущество, что она совершенно безопасна, женщины обладаютъ профессиональной ловкостью, проявляютъ покорность, понятливость и идутъ охотно на удовлетвореніе всевозможныхъ капризовъ, даже самыхъ неожиданныхъ.

Но флагеллянтъ, жаждущій найти въ своей партнершѣ ту же страсть или какой-нибудь сюрпризъ неожиданнаго сопротивленія или настоящаго страха передъ ожидающимъ ее наказаніемъ, не встрѣтитъ своего идеала въ профессиональной флагеллянтшѣ.

Если флагеллянтъ не боится скандала, всегда возможнаго, если онъ вооруженъ противъ шантажа, то сѣченіе женщины, незнакомой вовсе съ спеціальнымъ ритуаломъ флагелляціи, представляютъ для него особую прелесть.

Очень многіе изъ флагеллянтовъ даже отказываются имѣть дѣло съ женщиной, заранѣе предупрежденной, опытной профессионалкой, и ищутъ только такую женщину, которая не имѣла бы ни малѣйшаго понятія о флагелляціи.

Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія, собранныя мною, въ качествѣ полицейскаго врача, изъ устъ такихъ неопытныхъ женщинъ.

— Марія Б..., восемнадцати лѣтъ, работаетъ въ мастерской искусственныхъ цвѣтовъ, зарабатывая, кромѣ мертваго сезона, по пятидесяти копѣекъ въ день, которыя она отдаетъ своей матери, бѣлошвейкѣ, вдовѣ, имѣющей еще двухъ дѣтей моложе Маріи.

Брюнетка, ничего изъ себя не представляющая, но толстая, вполне сформировавшаяся, Марія, по вечерамъ, когда она не была сильно уставши и погода была не особенна дурная, выходила на улицу, всячески избѣгая попадаться на глаза городовымъ, и старалась завлечь какого-нибудь мужчину, приличнаго вида и хорошо одѣтаго, который согласился бы съ нею уединиться въ номеръ гостиницы, заплативъ ей четыре или самое меньшее два рубля.

Разъ вечеромъ, господинъ лѣтъ за пятьдесятъ, строгій на видъ, подъ руку съ молодой дамой съ довольно непріятнымъ лицомъ, подошелъ къ ней и шепотомъ сообщилъ о своемъ желаніи.

— Вотъ моя дама была бы не прочь васъ посѣчь. Если ты пойдешь съ нами, то заработаешь пять рублей *) и черезъ какой-нибудь часъ будешь свободна.

Маша, удивленная, была въ нерѣшительности.

Она слыхала смутно разговоры объ этихъ особыхъ наслажденіяхъ, но сама не имѣла о нихъ ровно никакого понятія.

*) Мы замѣнили вездѣ англійск. деньги русскими. П е р е в о д ч и к ъ.

— Ты никогда не пробовала? Задаешь ей вопросъ господинъ.

— Нѣтъ.

— Ну, ты не умрешь отъ шлепковъ. Не можетъ быть, чтобы тебя когда-нибудь не съкли въ дѣтствѣ?

— Да, но...

— Посмотри на руки барыни, какъ онѣ хороши. Развѣ тебѣ не было бы пріятно, если бы она ими тебя пошлепала?

Послѣднія слова, очевидно, подъ вліяніемъ нарисованной его воображеніемъ сцены съченія, онъ произнесъ какъ-то особенно нервно и съ горящими глазами.

Маша испугалась и отошла немного назадъ.

— Нѣтъ, я не согласна, я къ этому не привыкла.

Мужчина пожалъ плечами съ сердцемъ и повелъ свою подругу.

— Ну, какъ хочешь, дура! Вѣдь пять рублей получила бы за пустяки.

Послѣднія слова произвели впечатлѣніе на дѣвушку и она нагнала пару. Тѣ остановились.

— Господинъ, послушайте!..

— Ну, что?

— А послѣ любовью не будемъ заниматься?

— Да, нѣтъ! Я говорю тебѣ, что только отшлепають.

— По панталонамъ?

— Нѣтъ, по голой!..

Все еще взволнованная, она колебалась и смотрѣла на даму, которая молчала, какъ убитая, съ совершенно равнодушнымъ видомъ. Въ глубинѣ это ее успокаивало, что она не будетъ одна съ этимъ человѣкомъ. Женщина не станетъ, думала она, сильно ее мучить.

— Ну, хорошо, я согласна, но вы мнѣ дадите мои пять рублей сейчасъ же.

— Нѣтъ, рѣзко отвѣтилъ господинъ, ты удерешь. Будь покойна, я сдержу свое слово и даже, если ты будешь послушна и мила, то моя дама прибавитъ тебѣ два рубля.

Послѣднія слова окончательно соблазнили Машу, и она въ знакъ согласія кивнула головой.

— Куда же идти?

— Иди впереди насъ, это совсѣмъ недалеко.

Они направились въ улицу Пикадили. Мужчина поддерживалъ свою даму лѣвой рукой, а правой нервно щипалъ за ягодицы шедшую немного впереди Машу, которая вздрагивала и уклонялась.

На улицѣ Р... они всѣ вошли въ одинъ домъ, гдѣ поднялись въ квартиру въ четвертомъ этажѣ. Въ комнатѣ, въ которую они вошли изъ передней, было уже освѣщено и топился каминъ. Немедленно дама, повидимому, бывшая у себя дома, сняла шляпу, жакетъ и надѣла фартукъ изъ темнаго ситца съ воланами и сдѣлала Маше знакъ рукой:

— Разоблачайтесь!

Молодая дѣвушка сняла шляпу и свое боа, потомъ, взявшись руками за корсажъ, спросила:

— Нужно мнѣ раздѣваться?

— Не стоитъ.

Дама подошла къ ней и надѣла на нее костюмъ изъ синяго ситца, который обыкновенно носятъ ученицы городскихъ школъ.

Развалившись въ глубокомъ креслѣ, раздвинувъ ноги, мужчина, видимо, любовался всей сценой.

— Она просто, прелесть эта дѣвочка, пробормоталъ онъ сквозь зубы, прищелкнувъ, отъ удовольствія, язычкомъ.

Черные волосы, спускавшіеся на лобъ и завязанные назадъ ленточкой изъ чернаго бархата, ситцевый синій костюмъ, все это придавало мастерицѣ видъ настоящей школьницы.

Господинъ взялъ со стола книгу и бросилъ ее дамѣ, сказавъ: «Ну, теперь за урокъ!»

Женщина поставила столъ, къ нему два стула на одинъ сама сѣла, на другой велѣла сѣсть Машѣ и, указавъ на страницу книги, сказала.

— Читайте громко вслухъ.

Маша колебалась, сосредоточенно все время наблюдая происходившую сцену, крайне непонятную для нея.

— Читайте! закричала дама сердито.

— Послушайте, я уже давно вышла изъ школы, а вы заставляете, меня читать изъ середины книги, подвиньте, по крайней мѣрѣ, лампу!

— Это просто изъ упрямства вы не слушаетесь, я васъ накажу! Закричала дама.

— Ахъ, дрянная дѣвченка, произнесъ господинъ, вертись въ креслѣ.

Такъ какъ Маша молчала, дама, вдругъ, со всего размаха закатила ей пощечину.

— Будете вы слушаться или нѣтъ?..

Маша вскрикнула, а господинъ произнесъ:

— Вотъ такъ ее надо! Не церемоньтесь съ этой канальей, иначе вы ничего отъ нея не добьетесь.

Ошеломленная плюхой, дѣвочка пробормотала:

— Ой, вы меня больно ударили!

Вставъ со стула, она хотѣла уйти.

— Я хочу уйти..

Но дама съ силой заставила ее опять сѣсть на стулъ.

— Не смѣйте вставать!.. Слушайтесь, или я васъ сейчасъ выпорю розгами до крови!...

Внезапный ужасъ охватилъ бѣдную цвѣточницу. Она подумала: это сумасшедшіе, — они меня убьютъ.

— Пустите меня уйти, мнѣ ничего не нужно отъ васъ... Я теперь не согласна...

— Ты хочешь уйти?... Попробуй только встать?

И, схвативъ Машу за голову, она нагнула ее надъ книгой, принудивъ смотрѣть въ нее.

— Что тутъ напечатано?

Серьезно струсившая, Маша силилась по складамъ разобрать и прочесть слова въ книгѣ.

Она пролепетала медленно съ разстановкой: — очевидно, что нѣтъ...

Но мужчина заоралъ:

— Эта дѣвченка смѣется надъ нами, мой другъ. Отшлепать ее хорошенько и дѣлу конецъ!

Дама, видимо, согласилась исполнить совѣтъ.

— Да, я вижу, что ей хочется розогъ!

Послѣ этихъ словъ она грубо подняла дѣвочку со стула и поставила на ноги, прошептавъ ей едва слышно:

— Слушайся и не сопротивляйся, иначе онъ тебя запереть розгами! Ты получишь десять рублей, если будешь послушна.

Окончательно ошалѣвъ, Маша отдалась на волю дамы. Та поставила ее на колѣни передъ кресломъ и, поднявъ платье съ юбками, стала развязывать панталоны, которыя затрещали.

— Не рвите мнѣ панталоны, у меня нѣтъ другихъ!

Тогда дама стала осторожно ихъ развязывать.

Наконецъ, она развязала ихъ и спустила, обнаживъ часть тѣла, подлежащую наказанію.

Мужчина все время вертѣлся въ креслѣ и говорилъ: — такъ ее и надо, пробери-ка ее получше...

Дама начала, что есть мочи хлестать по ягодицамъ рукой. Съ третьяго шлепка дѣвочка стала уже кричать отъ боли:

— Не такъ сильно!.. Мама! мама! Ай! Ай!

Когда ей позволили встать, она была вся въ слезахъ.

— Теперь, ты будешь читать? Упрямо опять сказала дама.

— Я хочу уйти! Рыдая, проговорила дѣвочка. Мнѣ больно, я боюсь.

Дама схватила ее за оба плеча и съ силой потрясла.

— Если ты сейчасъ же не будешь меня слушаться, то я тебя вышвырну за окно, ты видишь окно?

Маша только жалобно закричала:

— Спасите меня! Помогите!

Она уже видѣла, какъ летитъ за окно въ пустомъ пространствѣ... Отъ ужаса у нея выступилъ холодный потъ на лицѣ и зубъ на зубъ не попадалъ. Слезы текли ручьемъ и она вытирала руками. Тѣмъ не менѣе, она замѣтила, что дама съ мужчиной обмѣнялись многозначительнымъ взглядомъ, и она подумала, что ее сейчасъ бросятъ за окно. Но дама, вдругъ, перемѣнила тонъ.

— Вотъ, возьми свои денюжки, можешь уходить.

Она сунула бумажку въ руку дѣвочки и вытолкала ее изъ комнаты и квартиры. Та торопливо сбросила синій костюмъ, схватила свою шляпу и боа.

— Живо, убирайся!

Очутившись одна на площадкѣ неосвѣщенной лѣстницы, она, спотыкаясь и дрожа отъ страха, съ трудомъ выбралась на улицу. Тамъ она, подойдя къ фонарю, посмотрѣла бумажку.

— Ахъ, подлые! Дали мнѣ только пять рублей!

Однако, она была такъ рада своему избавленію, что даже и не подумала подняться снова и потребовать недоданныя денюжки.

— Анна М., двадцатипяти лѣтъ. Была первой мастерицей у модистки; окончила съ успѣхомъ и наградой курсы кройки. Затѣмъ она открыла свою маленькую мастерскую. У нея появились кліенты, но обстановка мастерской стоила дорого и она впала въ долги. Наступали сроки платежа по вексямъ, а денегъ у нея не было.

Тогда она стала внимательно читать въ газетахъ маленькія объявленія, думая напасть на случай, который помогъ бы ей вывернуться изъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

Само собой разумѣется, что она уже давно не была дѣвственницей, но ея паденія совершались не изъ-за матеріальной цѣли, а ограничивались сношеніями, съ большимъ или меньшимъ промежуткомъ, съ молодыми приказчиками, съ которыми ей приходилось знакомиться во время покупокъ или по дорогѣ.

Ей бросилось въ глаза слѣдующее объявленіе:

„Молодой человѣкъ, тридцати лѣтъ, брюнетъ, вполне приличный, меланхоличный, состоятельный, щедрый при случаѣ, хотѣлъ бы познакомиться, съ цѣлью жениться, съ молодой женщиной, серьезной, хорошенькой, которая согласилась бы говорить съ нимъ о любимой женщинѣ, которую онъ недавно потерялъ. Профессионалокъ просятъ не беспокоиться“.

Она написала по указаннымъ инициаламъ въ газетѣ. Ей отвѣтили и назначили день свиданія. „Если понравятся другъ другу, то будемъ продолжать знакомство“, писалъ незнакомецъ.

Анна пришла аккуратно въ назначенный часъ на свиданіе. Одѣта она была въ синій костюмъ англійскаго покроя.

Нѣсколько минутъ спустя, она увидѣла приближающагося къ ней молодого человѣка, очень хорошо одѣтаго во все черное. Онъ почтительно съ ней раскланялся и спросилъ:

— Мадемуазель Анна М...?

Сердце дѣвушки забилося скорѣе.

— Да. Это я самая.

Онъ произвелъ на нее пріятное впечатлѣніе.

Высокій, очень худой, съ впалыми щеками, слегка бѣгающими глазами, немного открытымъ лбомъ, онъ былъ именно „приличный и меланхоличный“, какъ объявлялъ о себѣ.

Она обратила вниманіе на его руки, длинныя, очень выхоленные, а также на изящество его обуви.

Онъ очень изященъ, подумала она, это въ полномъ смыслѣ слова — дэнди.

Уже она строила разные планы, соображала, какую сумму денегъ она у него попросить.

Шарли, какъ онъ себя назвалъ въ письмѣ, обратился къ ней съ слѣдующими словами:

— Не зайдемъ ли мы лучше въ скверъ. Тамъ намъ будетъ удобнѣе поговорить?

Она кивнула головой въ знакъ согласія и немедленно пошла рядомъ съ нимъ, немного удивленная тѣмъ, что онъ, послѣ перваго бѣглаго взгляда, больше не смотрѣлъ на нее.

— Можетъ быть, я ему не нравлюсь! Подумала она, очень этимъ огорченная.

Но въ ту же секунду она была успокоена. Онъ взялъ молодую дѣвушку подъ руку и они медленно пошли по аллеѣ.

— Вотъ вся моя исторія, сказалъ онъ тихимъ голосомъ съ полу-закрытыми глазами, какъ бы одолеваемый тяжелыми воспоминаніями. У меня была любовница, которую я боготворилъ... Я ее потерялъ при ужасныхъ условіяхъ... Образъ ея все еще передо мною и я ее попрежнему люблю. Мнѣ нужна подруга на столько добрая, чтобы она помирилась съ тѣмъ, что между нами будетъ въ моихъ мысляхъ эта женщина, и въ то же время на столько развитая, чтобы сумѣла понять нѣкоторыя странности моего характера; хотите вы быть такой женщиной?

— Да, хочу, отвѣчала Анна, слегка смущенная.

Шарли снова заговорилъ скороговоркой.

— Что касается до денежнаго вопроса, то вы можете быть вполне спокойной, — я богатъ и, если вы только сумѣете мнѣ угодить, то я васъ щедро одарю...

Я не свободенъ и буду просить васъ приходить на свиданіе два раза въ мѣсяцъ. Я сразу вижу, что вы женщина вполне порядочная и разумная, а потому назначьте сами ту сумму, которую вы хотѣли бы имѣть. Вы ее будете находить въ конвертѣ каждый разъ на условленномъ мѣстѣ и мнѣ будетъ очень пріятно, если объ этомъ вопросѣ вы не станете никогда заводить даже разговора.

Она была очень растрогана и согласилась на все.

— Я вамъ очень благодарна! Все то, что я сейчасъ слышала меня глубоко растрогало! Я полагаю, что мы съ вами отлично сойдемся. Я не невинная дѣвушка, благодаря несчастнымъ обстоятельствамъ...

Онъ ее перебилъ немного сухо.

— Все это прекрасно, — я вовсе не желаю знать вашу исторію; вы понимаете, для меня главная прелесть именно въ томъ и заключается, чтобы не знать никакихъ подробностей относительно вашей личности.

— Хотите пойти ко мнѣ?

— Какъ, сейчасъ?

— Почему же нѣтъ, вѣдь вы свободны?

— Да, свободна.

— Такъ идемте, это совсѣмъ близко, на улицѣ... Мнѣ страшно хочется узнать, подойдемъ ли мы другъ къ другу. А здѣсь, на глазахъ у публики прямо невозможно говорить.

— Пойдемте, сказала она рѣшительно.

Квартира, куда они вскорѣ вошли, находилась въ глубинѣ двора, въ первомъ этажѣ. Въ ней было очень темно и пахло духами, напоминающими ладанъ.

Шарли пояснилъ:

— Я редко сюда прихожу...

Онъ повернулъ кнопку и освѣтилъ комнату; Анна тогда замѣтила съ удивленіемъ, что стѣны комнаты были обтянуты черной

матеріей и украшены нагробными вѣнками изъ искусственныхъ цвѣтовъ и металлическими. Въ глубинѣ комнаты, какъ бы на низкихъ салазкахъ стоялъ гробъ, покрытый чернымъ сукномъ; по сторонамъ гроба на высокихъ подставкахъ стояли серебряные канделябры и курильницы.

Она отступила назадъ.

— Что все это значить, прошептала Анна.

Шарли спокойно посмотрѣлъ на всѣ эти предметы и отвѣчалъ:

— Я уже вамъ объяснилъ, что я обожаю покойницу... Здѣсь и вы, и я — только простые служители культа ей.

Анна, преодолевая свой страхъ, спрашиваетъ едва слышнымъ голосомъ:

— Что же мы будемъ здѣсь дѣлать?

— Сегодня ничего, мой ангелъ. Я васъ привелъ просто для того, чтобы приучить къ обстановкѣ и моей персонѣ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы отнеслись ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ.

Затѣмъ онъ подошелъ къ одной изъ консолей, откуда снялъ большой фотографическій портретъ женщины, который подаль Аннѣ, сказавъ:

— Вотъ это она, моя подруга!

— Она очень хорошенькая! Довольноискренне сказала Анна.

— Ея уже нѣтъ! Она умерла четыре года тому назадъ, варварски убитая, произнесъ Шарли съ замѣтной холодностью.

У Анны вырвалось невольно восклицаніе:

— Убита!.. Какимъ же образомъ?

— Да, была убита!.. Позже я вамъ расскажу всѣ подробности, но, Бога ради, не будемъ объ этомъ говорить сегодня.

Онъ вдругъ сталъ растроганнымъ, лицо его нервно подергивалось, и Анна поспѣшно произнесла:

— Эти воспоминанія вамъ тяжелы, я это вполне понимаю.

Онъ покачалъ отрицательно головой и почти прокричалъ:

— Напротивъ, я ихъ страшно люблю, но сегодня я не хочу ихъ тревожить.

— Придете ли вы еще сюда? Въ состояніи ли вы быть той сочувствующей и готовой на все подругой, которую я ищу?

Она нѣсколько колебалась отвѣчать.

— Да, мой другъ, сказала она, въ концѣ концовъ, совсѣмъ твердо.

— Тогда хотите придти въ четвергъ? Мы пообѣдаемъ, потомъ придемъ сюда.

Невольно она вздрогнула. Здѣсь ночью! Въ этой траурной комнатѣ! Потомъ нашла это оригинальнымъ и отвѣчала:

— Хорошо, согласна.

Онъ назвалъ ресторанъ, куда она должна была придти и проводилъ, сказавъ:

— До свиданія! До четверга.

Вышли они вмѣстѣ. Тотчасъ же Шарли оставилъ ее, раскланявшись самымъ вѣжливымъ образомъ. Она не рѣшилась посмотреть содержимое конверта, который онъ ей сунулъ въ руку,

раньше, чѣмъ села въ омнибусъ. Она нашла въ немъ 5 фун. стерл. (ок. 50 руб.). У ней запрыгало сердечко отъ радости.

— Бѣдный Шарли! прошептала она, вся растроганная. Конечно, я сдѣлаю для него все, что можетъ доставить ему удовольствіе.

Въ назначенный день и часъ она нашла Шарли въ ресторанѣ. Они заняли столикъ въ общемъ зало.

Шарли ѣлъ мало, но очаровалъ ее своими изысканными манерами. Изрѣдка только странный румянецъ на его землистаго цвѣта щекахъ, впрочемъ тотчасъ же подавленный, портилъ пріятное впечатлѣніе, производимое имъ на нее, какъ человѣкомъ прекраснымъ и вполнѣ нормальнымъ.

Нисколько теперь не дичившаяся Шарли, Анна спокойно пошла къ нему на квартиру. Теперь даже похоронная обстановка вызвала въ ней тайное желаніе расхохотаться.

Шарли принесъ два темныхъ халата, какіе носятъ обыкновенно пилигримы.

Будьте добры надѣньте это, сказалъ онъ Аннѣ мягкимъ, но не допускающимъ возраженія тономъ.

И самъ, подавая ей примѣръ, быстро раздѣлся совсѣмъ, снявъ даже сорочку, показавъ ей на мгновеніе свое голое тѣло, стройное и изящное, и надѣлъ халатъ.

Анна раздѣлась не такъ скоро.

Засучивъ рукава халата, Шарли помогъ ей. Видимо было его нетерпѣніе, но въ то же время она не поймала ни одного страстнаго взгляда на нее.

— Снимите все и сорочку! Скомандовалъ онъ ей повелительно, когда увидалъ, что Анна собирается надѣть халатъ на ночную рубашку.

Она повиновалась съ отвращеніемъ, но не посмѣла протестовать.

Шарли какъ бы гипнотизировалъ ее, увѣряла она меня, когда рассказывала.

— Вы прекрасно сложены, замѣтилъ онъ холоднымъ тономъ.

Она попробовала улыбнуться...

Онъ взялъ ее за руку и подвелъ къ дивану, который стоялъ напротивъ гроба.

— Садитесь... не шевелитесь!

Затѣмъ онъ зажегъ всѣ свѣчи въ канделябрахъ, а также курильницы.

Появился дымъ и по комнатѣ распространился сильный запахъ ладана.

— Мы задохнемся! Протестовала Анна.

— Тише, не говорите ни слова, произнесъ онъ.

Послѣ этого онъ сталъ на колѣни передъ ней.

— Теперь я расскажу вамъ исторію Женевьевы, произнесъ онъ глухимъ и не естественнымъ голосомъ. Уже прошло два года, какъ мы были въ близкихъ отношеніяхъ, когда намъ пришла фантазія отправиться путешествовать по Испаніи. Мы пріѣхали въ Мадридъ на Страстной недѣль. Мы наблюдали разныя процессіи,

какъ вдругъ, одинъ изъ шедшихъ въ процессіи мужчинъ, одѣтый въ такой же халатъ, какъ мы съ вами, съ опущеннымъ на лицо капюшономъ, отдѣлился отъ толпы, остановился около насъ и съ иностраннымъ акцентомъ произнесъ на англійскомъ языкѣ слѣдующее; „если вы охотники до оригинальныхъ представленій, то приходите оба сегодня вечеромъ, въ десять часовъ, туда-то“, при этомъ незнакомецъ далъ адресъ...

Моя подруга была страшно заинтригована и непременно хотѣла, чтобы мы отправились по приглашенію.

Въ назначенный часъ мы были на указанномъ мѣстѣ. Мы вошли въ полуразрушенный отъ времени дворецъ. Нашъ пилигримъ встрѣтилъ насъ и провелъ въ комнату, обставленную совершенно такъ же, какъ эта, гдѣ мы съ вами сидимъ.

Всѣ свѣчи и курильницы были также зажжены.

Голосъ Шарли становился все болѣе и болѣе задыхающимся, лицо его покрылось смертной блѣдностью и нервно передергивалось.

Чувствуя себя плохо, одолеваемая все сильнѣе и сильнѣе возрастающимъ страхомъ, Анна захотѣла прервать его.

— Прекратите вашъ рассказъ! Эти воспоминанія вамъ слишкомъ тяжелы! Я напугана!

Онъ, вдругъ, на нее заоралъ:

— Молчать!... Я вамъ запрещаю говорить! Я вамъ плачу за то, чтобы вы меня слушали!

Она слегка откинулась назадъ, немного оскорбленная, но нѣсколько успокоенная. Она теперь начинала понимать: все это была одна комедія развратника,— онъ просто хотѣлъ себя возбудить.

Она слегка пожала плечами.

— Ну, продолжайте вашъ рассказъ! Прошептала она.

Но противъ ея воли, вскорѣ, ею снова овладѣлъ ужасъ.

Шарли сталъ продолжать рассказъ голосомъ соинамбулиста.

— Намъ велѣли сѣсть, и, послѣ того, какъ нашъ проводникъ хлопнулъ въ ладоши, всѣ присутствующіе запѣли. Мы ровно ни слова не понимали; но, вѣроятно, они пѣли ужасныя вещи и иногда пѣніе сопровождалось ужаснымъ смѣхомъ. Наконецъ, они замолчали и одинъ изъ нихъ подошелъ къ гробу и досталъ оттуда нѣсколько пучковъ длинныхъ березовыхъ розогъ.

Каждый изъ кающихся взялъ по одному пучку и всѣ, поднявъ свои халаты, нагнули голыя спины, по которымъ сосѣди стали хлестать розгами. Женевьева и я пришли въ ужасъ. Вдругъ я почувствовалъ, какъ она хватаетъ меня за руку и шепчетъ:

— Смотри, у нѣкоторыхъ уже кровь показалась!

Дѣйствительно у всѣхъ мужчинъ тѣла были изсѣчены до крови, но они все-таки продолжали хлестать съ остервеніемъ другъ друга; слышались крики и стоны.

Женевьева встала и говоритъ: „я хочу уйти!“

Шарли такъ естественно передалъ женскій голосъ, что произвелъ на Анну особенно глубокое впечатлѣніе.

— Ради Бога, не продолжайте больше! Проговорила она, бросивъ бѣглый взглядъ на окружающія ихъ печальные предметы.

Въ эту минуту Шарли всталъ, объ его руки старались схватить руки Анны и онъ своими безумными глазами пронизывалъ ее насквозь.

— Увидавъ, что Женевьева встала, мужчины побросали розги и налетѣли на насъ.

Въ одинъ мигъ я былъ связанъ и привязанъ на скамейкѣ, поставленной у стѣны, чтобы я могъ видѣть все происходящее. А она, моя Женевьева, была растянута и привязана на скамейкѣ! Не смотря на ея отчаянные крики, угрозы, мольбы, проклятiя, эти люди, скорѣе демоны, взяли розги и одинъ изъ нихъ сталъ пороть ее.

Анна невольно вскрикнула:

— О! Это сонъ, это кошмаръ! Послушайте, это неправда!

Не обращая вниманiя на ея слова, онъ продолжалъ рассказывать, сжимая ея руки все сильнѣе и сильнѣе. Она чувствовала его дыханiе, такъ онъ стоялъ близко, и это бросало ее въ жаръ и холодъ.

— Они продолжали ее сѣчь. Я видѣлъ, какъ на ея бѣломъ тѣлѣ появлялись полосы, какъ число ихъ расло, какъ онъ становились фиолетовыми и, наконецъ, показалаась кровь. Она кричала, стонала, звала меня на помощь... Но, что я могъ сдѣлать привязанный?!... Въ концѣ концовъ я потерялъ сознанiе, когда я пришелъ въ себя, зало было пусто... Я былъ отвязанъ. Я уже собрался бѣжать, какъ увидѣлъ, что Женевьева лежитъ въ гробу мертвая.

Анна сдѣлала въ эту секунду такой скачекъ, что вырвалась изъ его рукъ.

— Молчите, умоляю васъ! Вы добьетесь, что я захвораю! Сказала это она, бросивъ взглядъ на гробъ, у котораго она очутилась совсѣмъ близко.

Онъ опять взялъ ее, но безъ насилiя, привелъ на прежнее мѣсто и, сжимая, сталъ умолять:

— Будьте доброй... сдѣлайте то, что я прошу, я такъ вамъ буду за это благодаренъ!

— Но что вы хотите? Что такое?

Онъ взялъ изъ гроба пучекъ длинныхъ и свѣжихъ березовыхъ розогъ, легъ на диванъ и сказалъ, задыхаясь отъ волненiя:

— Бейте меня! Въ память ея мученiй. Пусть и я страдаю, какъ страдала она.

Анна машинально взяла изъ его рукъ розги:

— Мнѣ бить васъ? Нѣтъ, нѣтъ, я не въ силахъ! Я не могу рѣшиться на это!

Да, да, бейте по ягодицамъ, бейте, что есть мочи! Не бойтесь ничего, ни моихъ криковъ, ни просьбъ... Порите безжалостно, я такъ хочу!

Тронутая такими мольбами, она слабо ударила его розгами.

— Сильнѣе, умоляю сильнѣе...

Она начала бить посильнѣе.

— Еще сильнѣе! Еще сильнѣе!

Это полоумный, подумала она, но, нѣсколько свыкшись со своимъ положеніемъ, Анна стала хлестать гораздо сильнѣе, находя уже удовольствіе причинять ему боль. Теперь уже розги свистѣли увѣренно и смѣло ложились на тѣло, которое стало отъ боли вздрагивать, а ногтями онъ вцѣпился въ матерію дивана.

Наконецъ, онъ вскочилъ съ дивана и совершенно неожиданно бросился на Анну.

Та стала барахтаться, вырываться, кричать:

— Пустите меня!.. Убійца! Меня убиваютъ! Спасите!.. Помогите!..

Но вскорѣ она была растянута и привязана на скамейкѣ, какъ его Женева.

Такъ какъ Анна продолжала кричать, то онъ приложилъ ей ко рту кляпъ изъ ваты и крѣпко привязалъ его полотняной тесьмой.

Теперь она не могла кричать...

Обнаживъ ее, онъ нагнулся и разсматривалъ. Затѣмъ она видѣла, какъ онъ подошелъ къ гробу и досталъ оттуда два пучка розогъ, еще болѣе толстыхъ, чѣмъ тѣ, которыми она его сѣкла. По крайней мѣрѣ ей такъ показалось.

Очевидно, что онъ ее будетъ пороть этими ужасными розгами и она была увѣрена, что умереть и не перенесетъ.

Дѣйствительно, онъ вытянулъ ее розгами и сталъ безостановочно сѣчь.

Боль была нестерпимая, къ тому же кричать она не могла. Долго ли онъ ее сѣкъ, она не можетъ сказать, такъ какъ отъ боли или отъ недостатка воздуха она впала въ безсознательное состояніе.

Когда она пришла въ себя, то увидала, что лежитъ въ постели, на ней надѣта ея сорочка. Комната эта уже другая.

Шарли сидѣлъ на краю кровати, и когда увидалъ, что она открыла глаза, то самымъ спокойнымъ голосомъ спросилъ, лучше ли ей теперь?

Она еще не вполне освоилась и отвѣчала знакомъ головы утвердительно.

Онъ ей далъ выпить воды. Мало-по-малу она окончательно пришла въ себя. Ей тотчасъ же представилась ужасная сцена, предшествовавшая потери ею сознанія.

— Послушайте, это гнусно, что вы продѣлали со мной, я буду жаловаться прокурору!

Шарли улыбнулся и пожалъ плечами.

— Но что вы скажете, мой ангелъ?

— Вы меня истязали!

— Развѣ вы ранены?

Анна быстро вскочила съ постели, чувствуя слабость, но къ ея удивленію, не было сильной боли на тѣхъ мѣстахъ, по которымъ онъ ее сѣкъ. Поднявъ сорочку, — она убѣдилась, что нѣтъ никакихъ особенныхъ слѣдовъ отъ розогъ. Была припухлость, полосы, но ни одной раны, ни одного синяго рубца.

— Теперь вы не станете утверждать, что я былъ съ вами жестоко! Никто вамъ не повѣритъ! Строже сѣкутъ пятилѣтнюю дѣвочку. Завтра все исчезнетъ у васъ.

Она буквально была ошеломлена и стояла, разинувъ ротъ. Въ это время онъ ей подаль одежду, сказавъ:

— Одѣвайтесь... Вы, знаете, что уже часъ ночи. А мнѣ нужно быть дома. Въдъ я женатъ, и моя жена терпѣть не можетъ, чтобы я не ночеваль дома.

Когда она была совсѣм готова и собиралась уходить, онъ ее спросилъ:

— Сколько вы желаете получить?

Она вспомнила о предстоящихъ ей платежахъ по вексямъ и отвѣчала:

— Двѣнадцать фун. стерл. (около 120 руб.)

— Чортъ возьми, не мало!

Потомъ онъ улыбнулся и говоритъ:

— Впрочемъ, ты стоишь этихъ денегъ! Ты заставила меня пережить до невѣроятія блаженныя минуты, благодаря обмороку, который одну минуту я принялъ за настоящую смерть; повторяю, когда ты лежала въ гробу, я былъ отъ радости на верху блаженства.

Онъ далъ Аннѣ деньги, проводилъ ее до извозчика и даже заплатилъ ему.

Больше о немъ Анна не слыхала. Бывали у нея не разъ денежные затрудненія, но она уже не рисковала навѣстить Шарли, да онъ, вѣроятно, не принялъ бы ее.

— Вы не повѣрите, докторъ, прибавила Анна, заканчивая свой длинный рассказъ, я почти увѣрена, что все про Женевьеву онъ сочинилъ. Тѣмъ не менѣе онъ способенъ изувѣчить, не имѣя ни капли злобы. Вы не можете себѣ даже представить до чего этотъ человекъ приличенъ, вѣжливъ, если бы не эта манія“.

В Россіи, въ маѣ 1909 г., въ гор. Николаевѣ, въ гостиницѣ „Новая Германія“, той самой, гдѣ въ свое время были арестованы одесскіе торговцы живымъ товаромъ, обнаружена новая жертва разврата, почти ребенокъ, хрупкая, маленькая дѣвочка, А. В., еще не достигшая 13 лѣтъ. Тонкая она, бѣлая, какъ молодая березка. Глаза синіе, задумчивые, но она красива. Личико чистое и съ великой грустью смотритъ она на все. Дѣвочка эта числилась какъ бы въ услуженіи; въ дѣствительности же, какъ установлено, комиссіонеръ и совладѣлецъ гостиницы Владимір Х. . . продавали ее посѣтителямъ.

Жизнь В. представляется сплошнымъ мученьемъ. Сама она изъ Одессы. Отецъ ея безпросыпный пьяница, когда она была еще маленькой дѣвочкой, билъ ее „смертнымъ боемъ“, привязываль къ кровати и стегаль ремнемъ или сѣкъ розгами до тѣхъ поръ, пока она не впадала въ безсознательное состояніе. Не имѣя денегъ на пьянство, онъ заставляль ее выпрашивать на улицахъ милостыню; деньги забираль себѣ и пропиваль. Не удивительно, что, живя въ этой атмосферѣ, дѣвочка впитала въ себя всѣ ароматы

уличнаго разврата. Въ одинъ прекрасный день, въ Одессѣ, какой-то любитель „острыхъ ощущений“, мужчина, хорошо одѣтый, высокій, угрюмый, стриженный, какъ солдатъ съ большими усами и бритой бородой, за которымъ она бѣгала, причитывая и выпрашивая милостыню, соблазнилъ ее шоколадомъ, конфетами и серебрянымъ рублемъ, который представлялся дѣвочке недостижимымъ богатствомъ, и растлилъ ее.

По словамъ дѣвочки, она отдалась не добровольно, а силой. Сперва она думала, что господинъ приказалъ раздѣться, чтобы поласкать только, но когда она увидала, что онъ хочетъ дѣлать, то стала сопротивляться и кусаться, господинъ нѣсколько разъ ударилъ по щекамъ и сказалъ, что больно ее выпоретъ розгами — „шкуру тебѣ спущу, если не будешь лежать смирно!“ Она все-таки не давалась, плакала, кричала и просила отпустить ее домой. Тогда онъ ее схватилъ съ постели, засунулъ ей въ ротъ свернутое полотенце, такъ что она не могла кричать, и потащилъ на чердакъ, гдѣ сталъ драть розгами такъ больно, какъ ее не поролъ никогда даже отецъ.

Выпоровши ее, онъ вынул полотенце и спросилъ, будетъ ли она лежать на постели смирно, иначе обѣщался опять пороть еще больнѣе. Дѣвочка согласилась лежать смирно, тогда онъ ее опять принесъ внизъ и положилъ на постель, гдѣ она позволила дѣлать съ ней все, что угодно.

Это облегчило задачу В., такъ какъ она не должна была гоняться за прохожими и получать отъ нихъ по копейкѣ: ея соблазнитель каждый разъ давалъ ей въ награду по двугривенному. Такимъ образомъ, дѣвочка прибыла въ Николаевъ, имѣя уже за собой нѣкоторый проститутскій опытъ, и даже проявляя извѣстный задоръ, привлекавшій гостей. Здѣсь она нѣсколько отдохнула, такъ какъ не имѣла надъ собой отца-тирана, который ее терзалъ, билъ и заставлялъ отдавать себѣ всѣ деньги.

Жизнь въ Николаевѣ сначала была, по сравненію съ одесской, очень хорошей. Двѣ ея подруги, старыя и опытныя проститутки, промышлявшія въ „Новой Германіи“, порекомендовали ей пойти къ Х. — он-де не обидитъ. Дѣвочка поступила къ Х. и въ началѣ тотъ водилъ къ ней „приличныхъ“ кліентовъ, платившихъ ему хорошія деньги. Но съ теченіемъ времени, когда дѣвочка уже потеряла для „почтенныхъ“ гостей интересъ, къ ней стали приводить обыкновенныхъ развратниковъ. Эти оказались болѣе грубыми и придирчивыми и, кромѣ того, дѣвочку понуждали принимать ихъ въ большемъ числѣ.

Если же она настойчиво отказывалась, то экономка била по щекамъ, такъ что „изъ глазъ искры сыпались и часто кровь изъ носу текла“.

Разъ какъ-то экономка отхлестала ее по щекамъ за отказъ принять третьяго гостя, она лежала въ кровати и, уткнувъ голову въ подушку, ревѣла. Въ это время вошелъ хозяинъ гостиницы, которому экономка пожаловалась на дѣвушку и тотъ велѣлъ, какъ только запрутъ гостиницу, выпоротъ ее хорошенько розга-

ми. Она соскочила съ кровати и стала просить простить ее и не пороть, что она будетъ принимать гостей безъ отказа, но онъ сказалъ, что надо было раньше думать и велѣлъ непременно высечь, какъ только уйдутъ гости.

Вечеромъ ее потащили два коридорныхъ въ погребъ, гдѣ растянули на скамейкѣ, одинъ держалъ за ноги, другой за руки, а экономка выпорола розгами такъ больно, что, по словамъ дѣвушки, она съ трудомъ встала со скамейки.

Обо всемъ этомъ какимъ-то образомъ дошло до свѣдѣнія полиціи.

Когда Х. замѣтилъ, что за гостиницей установленъ надзоръ, онъ приказалъ дѣвочкѣ отправиться къ врачу, зарегистрироваться и получить проститутскій билетъ изъ полиціи, угрожая, если она не послушается или пожалуется полиціи, выпоротъ ее розгами еще больнѣе, чѣмъ послѣдній разъ.

Дѣвочка пошла къ врачу. Но тотъ, посмотрѣвъ на хрупкую, маленькую фигурку низкорослой дѣвочки, которая выглядитъ еще ребенкомъ, сталъ увѣщевать ее бросить проституцію и обратиться къ честному труду. Дѣвочка настаивала, но врачъ категорически отказался зарегистрировать ее. Когда дѣвочка вернулась домой, туда нагрянула полиція. Х. отрицалъ свою вину, но дѣвочка должна была, въ концѣ-концовъ, во всемъ чистосердечно сознаться.

Когда дѣвочку осмотрѣлъ полицейскій врачъ, то нашель на бедрахъ, ягодицахъ, ляшкахъ и даже части живота и спинѣ слѣды отъ рубцовъ и фіолетовыя полосы во многихъ мѣстахъ, очевидно, отъ жестокаго наказанія розгами.

Хозяина гостиницы привлекли къ суду за истязаніе дѣвочки и принужденіе ея силой заниматься проституціей.

ГЛАВА XIV

Психологія флагеллянта и флагеллянтши

Безспорно, что, за рѣдкими исключеніями, женщина, если не практикуетъ одинаково, то имѣетъ тождественное съ мужчиной представленіе о флагелляціи.

Во первыхъ, какъ мы уже говорили выше, число женщинъ, предающихся чисто активной флагелляціи, значительно превышаетъ число пассивныхъ флагеллянтшъ; тогда какъ у мужчины страсть къ активной флагелляціи почти всегда соединяется съ страстью къ пассивной флагелляціи, если только субъектъ не страдаетъ чистѣйшимъ садизмомъ.

Въ сущности, женщина флагеллянтша есть скрытая садистка и очень робкая мазохистка.

Подвергая кого-нибудь съченію, женщина вносить всегда нѣкоторое чувство враждебности къ своей жертвѣ, даже часто жестокости и никогда не питаетъ къ ней, какъ мужчина флагеллянтъ, любви.

Это проистекаетъ, какъ мы уже объяснили, отъ разницы въ физической организаціи мужчины и женщины.

Страсть съчь кого-нибудь или быть высъченной у женщины аберрація исключительно умственная. У мужчины же приливъ крови, отъ съченія, къ половымъ органамъ вызываетъ феномены всецѣло физиологическіе, благодаря которымъ, онъ испытываетъ сладострастныя ощущенія какъ отъ нормального совокупленія.

Слѣдовательно мужчина флагеллянтъ менѣе ненормаленъ, чѣмъ женщина флагеллянтша.

Если мы рассмотримъ ближе факты флагелляціи, то будемъ поражены слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Мужчина флагеллянтъ, за рѣдкими исключеніями, быстро превращается въ маньяка и находитъ удовольствіе практиковать флагелляцію постоянно въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ.

Вы увидите, что въ теченіе десяти лѣтъ мужчина флагеллянтъ повторяетъ все одну и ту же комедію, доставляющую ему одинаковое наслажденіе,— нравится ли ему разыгрывать роль непослушнаго или шаловливаго ученика или изображать собаку, с которой плохо обращаются.

Совершенно наоборотъ, женщина флагеллянтша отличается поразительнымъ разнообразіемъ своей фантазіи, которая зависитъ отъ ея настроенія въ извѣстный день и въ особенности отъ партнера или партнерши, которую ей послала судьба или собственный ея выборъ.

И капризы у нея возникаютъ совершенно добровольно, безъ всякаго стремленія съ ея стороны; они внушаются ей какой-то невѣдомой для нея силой.

Флагеллянтша, — исключая лесбіекъ активныхъ, инстинкты которыхъ близки къ мужскимъ, — отличается постоянно порочностью или она глубокая невропатка.

Флагеллянтъ представляетъ большую часть времени изъ себя маньяка, женщина же никогда.

Флагеллянтъ можетъ, подъ вліяніемъ своей страсти, сойти съ ума; тогда какъ сумасшедшая женщина, при случаѣ, можетъ стать флагеллянтшей.

Флагеллянтъ не можетъ отдѣлаться отъ своей страсти, разъ она овладѣла имъ и руководитъ всѣми его половыми стремленіями.

Флагеллянтша, если она не истеричка, можетъ легко освободиться отъ своей страсти.

Итакъ, флагелляція у мужчины является потребностью главнымъ образомъ физической, тогда какъ у женщины она служитъ для умственного удовлетворенія.

А отъ умственныхъ привычекъ, за исключеніемъ сумасшествія, гораздо легче освободиться, чѣмъ отъ физическихъ.

Впрочемъ, есть одинъ случай, когда пониманіе флагелляціи совершенно тождественно у женщины съ мужчиной.

Это, когда эта страсть одолѣваетъ женщину уже пожилую, какъ бы уже потерявшую способности и качества, присущія только женщинамъ.

Всѣмъ физиологамъ извѣстенъ тотъ фактъ, что многія женщины, по достиженіи климактерическаго возраста, совершенно мѣняются какъ въ нравственномъ, такъ и физическомъ отношеніи.

Не только черты ихъ лица, ихъ талія, ихъ общій видъ приближается къ мужскому, но у нихъ появляются волосы на подбородкѣ, голосъ твердѣетъ и очень часто происходятъ перемѣны снаружи на половыхъ органахъ.

Въ эту эпоху у женщинъ, у которыхъ не исчезли сладострастные стремленія, выдѣленіе жидкости на половыхъ органахъ становится обильнѣе, и онѣ дѣлаются болѣе похотливыми. У нихъ половое возбужденіе появляется даже помимо ихъ воли. Непреодолимая сладострастная желанія возникаютъ у нихъ совершенно неожиданно: въ своей семьѣ, стоя, въ каретѣ, среди своихъ дѣтей, постороннихъ и т. д.

Эти физическіе феномены, чрезвычайно частые или болѣе или менѣе выраженные, въ зависимости отъ субъекта, сопровождаются, само собой разумѣется, аналогичными умственными феноменами.

Такимъ образомъ, если страсть къ флагелляціи овладѣла женщиной, отнынѣ какъ бы безполой, то она будетъ ей предаваться одинаково съ мужчинами.

В подтвержденіе этого наблюденія мы приведемъ нижеслѣдующіе факты:

— Бетти Д. . . была демимонденка, составившая себѣ состояніе и удалившаяся отъ дѣл. Она пользовалась сравнительно хорошимъ здоровьемъ, не особенно пострадавшимъ отъ ея ремесла, которымъ она занималась около тридцати лѣтъ. Прекращеніе своихъ занятій вызвало у нея крайне характеристичныя измѣненія въ половомъ и умственномъ отношеніяхъ. Увеличеніе известнаго органа вызвало у нея склонность къ лесбоскимъ играмъ, чего она раньше не знала.

Но, вдругъ, ею овладѣла исключительно одна страсть къ флагелляціи въ одномъ изъ домовъ, гдѣ подобныя сцены разыгрываются съ матеріальной цѣлью. И ея маія специализировалась, такъ сказать, на одной сценѣ, постоянно повторяемой съ различными партнершами, отъ которыхъ она постоянно испытывала незабвенныя наслажденія.

Ея партнерша должна была придти къ ней какъ бы истомленная, стонущая и жалующаяся на преждевременную беременность.

— Иди сюда, я тебя живо избавлю, говорила Бетти, протягивая свои дрожащія руки молодой женщинѣ.

Послѣ некоторыхъ пустяжныхъ манипуляцій по животу, она вскрикивала съ радостью:

— Вотъ, вотъ он перешелъ въ заднюю твою часть. Ну, теперь, моя милая, недолго тебѣ мучиться, я его живо выгоню!

Затѣмъ, повернувъ пациентку на животъ и привязавъ ее хорошенько, она приносила розги и начинала немилосердно пороть ее. Порка прекращалась ею не раньше, чѣмъ у нея не появлялось представленія, что жертва родила.

Елисавета Ж. . . была прехорошенькая блондинка... Она вела широкую жизнь и, повидимому, ничто не предвѣщало, что она станетъ отчаянной поклонницей флагелляціи.

По словамъ д-ра Молля, она сдѣлалась любовницей одного богатого венгерскаго графа. Послѣдній ее обожалъ и исполнялъ всевозможные ея капризы. Къ тому же онъ былъ молодъ и красивъ собою.

Но Елисавета была женщина распущенная и завела еще любовника въ лицѣ беднаго молодого адвоката.

Не смотря на всевозможныя предосторожности, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, объ измѣнѣ Елисаветы графъ узналъ. Но, къ удивленію, не порвалъ съ нею связи. Причиной было слѣдующее обстоятельство: графъ имѣлъ съ своей любовницей сношеніе каждый разъ послѣ такой сцены:

Графъ раздѣвался при ней и облачался во фракъ, надѣвалъ дорогіе шелковые чулки и лакированные башмаки. Въ такомъ нарядѣ онъ садился на механическую кобылицу.

Елисавета должна была быть одѣта только въ изящную куртку почталъона и держать въ рукѣ бичъ съ ременными хвостами изъ буйволовоы кожи.

Какъ только графъ дергалъ веревку и лошадь начинала двигаться, то Елисавета должна была хлестать бичемъ, что есть мочи.

Графъ дѣлалъ пять или шесть круговъ по комнатѣ и тогда онъ чувствовалъ себя готовымъ, слѣзалъ с лошади и садился на Елисавету, которая должна была теперь разыгрывать лошадь, но, чтобы графъ достигъ цѣли, она должна была хлестать его во всю силу по заду, что она, впрочемъ, дѣлала очень охотно, вырывая у него крики отъ боли и оплачивая ему за свое униженіе, которому онъ ее подвергалъ почти ежедневно.

Позднѣе она не соглашалась отдаваться возлюбленному, если онъ раньше не позволялъ подвергнуть себя сѣченію. Благодаря своей красотѣ и очаровательности, она находила кліентовъ и на такихъ условіяхъ.

Жанна В. . . , восемнадцатилѣтняя блондинка, съ бѣдовыми глазенками, съ чувственнымъ слегка ротикомъ, стала флагеллянтшей послѣ сцены, которую она описала мнѣ такъ:

«Въ помѣстьѣ, гдѣ она жила со своими родителями, у нихъ былъ грумъ, по имени Джекъ. Это былъ прехорошенькій шестнадцатилѣтній мальчикъ. У него еще не было пушка на губахъ. Голосокъ у него былъ тоненькій и ласковый. Характеръ самый добродушный. Однимъ словомъ, грумъ на меня произвелъ очень пріятное впечатлѣніе, о чемъ, впрочемъ, я ему не сообщила, даже взглядомъ не показала.

Раз утромъ, я вздумала пойти въ гардеробную, гдѣ у насъ лежало бѣлье. Но, передъ тѣмъ какъ отворить дверь, я услышала какой-то необычный вздохъ. Заглянувъ въ замочную щелку, я, къ своему ужасу, увидала, что Джекъ занимается любовью съ молоденькой подгорничной.

Первое мое движеніе было уйти, но потомъ любопытство взяло верхъ и я захотѣла остаться до конца и полюбоваться незнакомой для меня сценой.

Когда я увидала, что Джекъ слѣзаетъ съ своей подруги, я незамѣтно убѣжала.

Какъ я ни старалась себя настроить враждебно противъ грума, внутренно я страстно желала, чтобы меня Джекъ поцѣловалъ. Искушеніе было почти непреодолимое. Чѣмъ болѣе я думала о видѣнной мною сценѣ, тѣмъ болѣе во мнѣ бурлила кровь. Наконецъ, я пришла къ убѣжденію, что не въ силахъ больше противиться своему желанію... Но къ удовлетворенію его я подошла окольнымъ путемъ.

Я увѣрила себя, что я не имѣю права оставить проступка Джека безъ наказанія. Надо замѣтить, что до десяти лѣтъ меня изрѣдко мать и гувернантка наказывали розгами за болѣе важные проступки. Вѣроятно, поэтому мнѣ и пришла въ голову довольно дикая, но, при моемъ любовномъ настроеніи, вполне понятная мысль наказать самой Джека розгами. Почему-то я не думала о наказаніи подруги его.

Я отправилась въ садъ и попросила садовника нарѣзать мнѣ толстыхъ березовыхъ прутьевъ. Тотъ былъ изрядно удивленъ, но я объяснила, что они мнѣ нужны для клѣтки, которую я хочу сама смастерить. Онъ, кажется, повѣрилъ.

Выбравъ изъ нихъ шесть самыхъ длинныхъ и толстыхъ прутьевъ, я связала изъ нихъ два пучка розогъ, по три прута въ каждомъ. Я испытывала большое наслажденіе уже тогда, когда выбирала розги и вязала изъ нихъ пучки. Я спрятала ихъ въ шифоньерку въ своей комнатѣ.

На другой день, подъ предлогомъ мигрени, я не поѣхала съ родителями въ городъ въ театр. Съ ними же уехала и моя гувернантка. Такимъ образомъ, я осталась въ громадномъ домѣ одна одинешенька, такъ какъ экономка и другая прислуга жили во флигелѣ.

Грумъ держалъ лошадей при отѣздѣ родителей на станцію. Какъ только они уѣхали, я велѣла груму притти ко мнѣ въ комнату.

Лишь только онъ явился, я отперла шифоньерку и, вынувъ розги, сказала ему:

— Вы не знаете, Джекъ, для чего служатъ эти штучки?

— Право, не знаю, слыхалъ, что ими наказываютъ дѣтей...

— Вы слыхали, а теперь узнаете, что ими сѣкутъ также и грумовъ! Сказала я это въ сильномъ гнѣвѣ.

— Да, да, я не знаю...

— Понимаете ли вы, что я вамъ говорю?

— Да, да я понимаю, но...

— Какъ, вы все еще не понимаете, что это васъ я собираюсь наказать розгами?

Не догадываетесь ли вы, что я васъ вчера видѣла въ гардеробной съ Флавіей?

Если бы земля провалилась сразу, онъ не былъ бы такъ удивленъ, какъ услыхавъ мои слова. Наконецъ онъ, весь красный, упалъ передо мной на колѣни и, сквозь слезы, проговорилъ:

— Накажите меня, какъ хотите, но, Бога ради, пожалѣйте меня и старика моего отца, не говорите родителямъ. Клянусь, что больше этого не будетъ!..

— Я просто хотѣлъ поцѣловать Флавію, но она легла на диванъ и я...

— Довольно, мнѣ не нужно знать подробностей, сейчасъ же раздѣвайтесь и ложитесь на кушетку!

Онъ, видимо, былъ страшно сконфуженъ необходимостью раздѣваться при мнѣ, но боялся и послушаться...

Затѣм, молча, онъ раздѣлся и легъ, не произнося ни слова и исполняя все, что я приказывала, пока я привязывала за руки и за ноги къ ножкамъ кушетки. Когда я убѣдилась, что онъ крѣпко привязанъ, какъ когда-то и меня привязывала мать или гувернантка, я обнажила его и, взявъ въ руки пучекъ розогъ, стараясь придать, какъ можно больше строгости моему голосу проговорила:

— Ну, маленький негодяй, я вамъ дамъ сто розогъ!

Странное дѣло, при видѣ его бѣлыхъ обнаженныхъ ягодицъ, я медлила начинать съчь его. Но это было только одно мгновение, — я смѣло затѣм вытянула розгами, потомъ дала второй удар... На тѣлѣ появились двѣ полосы и оно слегка порозовѣло. Я, надо замѣтить, была очень сильная дѣвушка и къ тому же занималась гимнастикой. При видѣ полосъ у меня явилось желаніе бить сильнѣе... Сама не зная почему, но я стала пороть изо всей силы мальчика, о ласкахъ котораго я мечтала и которыхъ страстно желала.

Съ третьяго уже удара у него вырвался крикъ отъ боли, но изъ боязни, чтобы не услышали на дворѣ, онъ крѣпко прижалъ ротъ къ кушеткѣ и только хрипѣлъ и извивался, на сколько позволяла привязь.

Съчь его, не скрою, доставляло мнѣ удивительное наслажденіе и я старалась съчь его, какъ можно медленнѣе, наносить удары во всю силу и выбирать наиболѣе чувствительныя мѣста. Такъ, если я видѣла, что какой-нибудь ударъ вызывалъ болѣе рѣзкій стонъ и особенно рѣзкій прыжокъ тѣла, я старалась ударить по тому же мѣсту еще сильнѣе. Съкла я его около двадцати минутъ. Во многихъ мѣстахъ у мальчика показались кровенныя капельки. Наконецъ, я нашла, что нужно прекратить и ударивъ нѣсколько разъ съ особенной силой, сказала, что прощаю его и отвязала. Онъ сконфуженный, слегка подвязавъ брюки, ушелъ.

Съ тѣхъ поръ я стала искать въ деревнѣ мальчиковъ, которые позволили бы себя за деньги высъчь розгами. Какъ и въ первый разъ, во время порки у меня появлялась на половомъ органѣ мокрота и я испытывала невыразимое наслажденіе.

Всего какихъ-нибудь двѣнадцать лѣтъ въ Манчестерѣ разбиралось дѣло объ изнасилованіи мистриссъ Елены К... однимъ негромъ.

Вдова консула одной изъ французскихъ колоній она, по смерти мужа, поселилась въ своемъ имѣніи въ окрестностяхъ Манчестера. Ей было 35 лѣтъ.

Слѣдствіе установило, что въ молодости ее очень часто сѣкли розгами. Въ многочисленной ихъ семьѣ тѣлесное наказаніе дѣтей практиковалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Не проходило почти дня, когда того или другого ребенка не наказывали розгами. При чемъ часто наказаніе производилось въ присутствіи другихъ дѣтей. Испытавъ первыя сладострастныя ощущенія при видѣ, какъ отецъ наказывалъ при ней братьевъ, она, когда мать умерла, какъ старшая сестра въ семьѣ присвоила, съ согласія отца, права матери и стала очень часто наказывать розгами младшихъ братьевъ и сестеръ.

Особенно братьевъ, такъ какъ отъ наказанія мальчиковъ она испытывала сильное сладострастное наслажденіе, а отъ наказанія дѣвочекъ болѣе слабое.

По выходѣ замужъ, ей черезъ два года удалось уговорить мужа позволять себя сѣчь розгами передъ совершеніемъ полового акта.

Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ вдовства, какъ она стала пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы примѣнить активную флагелляцію.

Въ началѣ она сѣкла свою молоденькую дѣвушку прислугу, хотя сѣченіе дѣвушки не доставляло ей большого наслажденія. Вскорѣ дѣвушка не въ силахъ была переносить истязаній, которыми ее подвергала мистриссъ Елена, и отошла от нея.

Тогда Елена обратилась къ одному итальянцу — Николини, который и сталъ поставщикомъ для нея жертвъ; онъ охотился для нея за мальчиками и дѣвочками, соблазнялъ ихъ серебряными монетами и обѣщалъ имъ дать больше, если они согласятся быть послушными и дѣлать, что имъ велятъ. Такъ какъ онъ обращался почти исключительно къ бродячимъ дѣтямъ, то ему не стоило особеннаго труда ихъ убѣдить. Къ тому же ему требовалось въ мѣсяць не болѣе двухъ-трехъ. Курьезно, что вдова требовала себѣ жертвъ ежемѣсячно почти въ одно и то же число; уклоненія были не болѣе двадцати четырехъ часовъ. Не нужно быть особенно тонкимъ знатокомъ половой психологіи, чтобы съ увѣренностью сказать, что требованія жертвъ происходили въ періодъ менструацій у вдовы.

Какъ бы тамъ ни было, но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ итальянецъ аккуратно поставлялъ „товаръ“ вдовѣ въ назначенное ею время — съ точностью машины. Нужно замѣтить, что помимо бродячихъ дѣтей въ большомъ городѣ есть масса еще дѣтей обоюго пола, родители которыхъ находятся въ страшной нищетѣ и не допрашиваютъ дѣтей, откуда они добыли деньги, лишь бы они отдавали ихъ имъ.

Впрочемъ, случилось, что какая-нибудь женщина, ради заработка, соглашалась подвергнуться экзекуціи или даже иногда юноша.

Всѣ знали, по слухамъ, что, если Елена сѣкла очень больно, то за то и платила довольно щедро; вотъ почему многія изъ бывшихъ ея жертвъ приходили къ ней снова, если и не съ большимъ удовольствіемъ, то съ полной увѣренностью, что цѣною нѣсколькихъ рубцовъ на ягодицахъ они найдутъ вѣрный заработокъ.

Въ одинъ прекрасный день Еленѣ пришла такая фантазія: прогуливаясь по городу, она встрѣтила молодого суданского негра, который танцами и разными штуками на террасѣ одного кафе забавлялъ добрыхъ буржуа, сидѣвшихъ за кружками пива, и зарабатывалъ нѣсколько грошей.

Онъ былъ безобразенъ, маленькаго роста, но мускулистый и во время своихъ хореографическихъ упражненій особенно соблазнительно вертѣлъ ягодицами, которыя у него были очень полныя. Вдова это видѣла и пришла въ восторгъ. Она обратилась къ Николини и поручила ему добыть ей этого негра, такъ какъ ей сильно хотѣлось посмотрѣть, какіе слѣды оставляютъ удары розогъ на черной лоснящейся кожѣ негра, которая не можетъ краснѣть, какъ у другихъ.

Въ сдѣланномъ ему предложеніи негръ обратилъ вниманіе только на одно обстоятельство, что ему предлагаютъ дать денегъ; онъ рѣшилъ въ своемъ умѣ, что дама просто хочетъ заставить его играть и танцовать у себя на дому, чтобы развлечь себя и своихъ гостей.

Вотъ почему онъ опять пришелъ ко вдовѣ въ веселомъ настроеніи. Старый лакей, по его словамъ, ввелъ его въ большую комнату, довольно скромно меблированную.

Онъ былъ страшно пораженъ, когда вдова предложила ему четыре серебрянныхъ монеты по 5 шил. (всего ок. 9 р.)! Бѣдняга еще никогда въ жизни не видалъ столько денегъ, а потому онъ колебался взять изъ рукъ вдовы подобное сокровище. Онъ боялся, что за такія громадныя деньги отъ него потребуютъ совершенія какого-нибудь ужаснаго преступленія. Въ общемъ, африканскіе негры народъ не злой; они просто — взрослые дѣти, быть можетъ нѣсколько похотливые, но чаще всего они неспособны на дурное. Къ тому же они питаютъ спасительный страхъ къ Правосудію. При видѣ денегъ, негръ отступилъ немного назадъ, но вдовѣ удалось дать ему понять, что ему просто слѣдуетъ раздѣться совсѣмъ до нага, лечь животомъ на кушетку, позволить себя привязать за ноги и за руки и затѣмъ дать себя высѣчь розгами, которыя ему показала вдова.

Онъ тотчасъ же раздѣлся, все время улыбаясь, и послушно исполнялъ все, что приказывала вдова, пока она его привязывала къ кушеткѣ веревками.

По словамъ негра, барыня сѣкла его въ начале очень слабо, какъ бы лаская розгами, и онъ продолжалъ смѣяться.

Потомъ она начала сѣчь все сильнѣе и сильнѣе, такъ что онъ отъ боли сталъ орать во всю силу и извиваться какъ змѣя.

Не обращая вниманія на его крики и стоны, Елена продолжала его пороть.

Но послѣ одного особенно сильнаго удара между ляшками негръ такъ сильно рванулся, что веревки, которыми были привязаны его руки къ кушеткѣ, разорвались, и онъ, какъ полоумный, вскочилъ съ кушетки и развязалъ веревки, которыми были привязаны ноги. Вставъ на ноги, онъ подошелъ къ своей истязательницѣ, обнаруживая во всемъ великолѣпнѣе достоинство своего мужскаго пола.

„Одно мгновеніе, говоритъ вдова на судѣ, я была ошеломлена; затѣмъ, взбѣшенная его нахальствомъ, я ударила розгами по „чудовищу“; тогда проклятый негръ вскочилъ на меня, схватилъ, положилъ меня животомъ на свои ляшки, разорвалъ мнѣ панталоны и сталъ меня хлестать во всю силу рукой по ягодицамъ, а затѣмъ, придерживая меня, поднялъ съ пола розги и стал ими пороть самымъ безжалостнымъ образомъ, несмотря на мои мольбы, угрозы, обѣщанія денегъ... Вскорѣ я отъ боли могла только стонать и готова была потерять сознаніе, какъ негръ пересталъ меня сѣчь, отнесъ на кровать и я, к ужасу, увидала, что онъ хочетъ совершить надо мною гнусность, но я была такъ слаба, что не могла сопротивляться и помѣшать ему сдѣлать гадость со мною“...

Совершивъ насиліе, съ обычной для его расы грубостью при подобныхъ покушеніяхъ, негръ, пока его жертва лежала въ обморочномъ состояніи, одѣлся, выскочилъ на террасу, а оттуда, черезъ садъ, на улицу и скрылся.

Еленѣ пришлось прибѣгнуть къ помощи врача, какъ для лѣченія послѣдствій истязанія, такъ и другого... Она все-таки подала жалобу на негра прокурору.

Судъ приговорилъ негра къ двумъ годамъ каторжныхъ работъ, принявъ, конечно, во вниманіе, что насиліе было вызвано самой вдовой. Высшій судъ, куда перешло дѣло по апелляціи, уменьшилъ наказаніе до шестимѣсячнаго заключенія в тюрьмѣ.

Послѣ подобнаго приключенія Елена продала имѣніе и покинула навсегда эту мѣстность.

Одинъ мой пріятель, военный врачъ, рассказалъ мнѣ следующий фактъ:

Несколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ домѣ терпимости была одна пансіонерка, которую онъ лечилъ до ея смерти. Она была изъ гувернантокъ. Очень часто теряла мѣста со скандаломъ изъ-за своей страсти наказывать дѣтей тѣлесно. Въ молодости родители часто ее сѣкли. Наконецъ, она попала на содержаніе къ богатому немолодому вдовцу, который, несмотря на ея видъ святоши, отгадалъ въ ней сильно похотливую особу.

Старый селадонъ сталъ требовать отъ нея разныхъ штукъ. Она сперва ломалась для виду, но потомъ согласилась высѣчь его розгами. Въ дѣйствительности это было для нея такимъ же наслажденіемъ, какъ и для вдовца.

Черезъ два года вдовецъ умеръ, не обезпечивъ ея, и она, благодаря своднику, чтобы спастись отъ нищеты, попала въ пансіонъ безъ древнихъ языковъ.

Она уже ст адала чахоткой въ самой первой стадіи.

Этс была высокая, стройная, какъ пальма, дѣвушка двадцати шести лѣтъ. Блондинка съ большими темно-кариими глазами, немного длинными рѣсницами, что придавало ея фізіономіи выразеніе особенной доброты. Матовый цвѣтъ лица, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ, придавалъ ей особенную прелесть.

Ея манера держаться, ея разговоры отнюдь не напоминали обитательницу публичнаго дома. Она не переваривала при другихъ самой малѣйшей фамиллярности.

Но наединѣ она совершенно перерождалась; она умѣла так ловко обойти кліента, что тотъ вскорѣ позволялъ ей хлопать себя по ягодицамъ.

Ударяла она съ какой-то особенной ловкостью, такъ что мужчины просили продолжать ихъ шлепать. Правда, это была не обыновенная флагелляція.

Она не употребляла никакихъ инструментовъ наказанія, но ея руки тонкія и длинныя, ложились въ самыя пріятныя мѣста... Она достигла в этомъ искусствѣ высокой степени совершенства...

Первый же, кто попалъ къ ней въ руки, не преминулъ, конечно, рассказать своимъ друзьямъ и пріятелямъ. Вскорѣ ее начали атаковать старые и молодые. Въ особенности старые. Нужно, чтобы половое чувство вполнѣ умерло, если ей не удалось его воскресить на несколько мгновеній.

Эта женщина была настоящая загадочная натура,— да еще какая загадочная! Рѣдко когда-нибудь можно встрѣтить нѣчто подобное: публичная женщина съ чрезвычайно повышеннымъ сладострастнымъ чувствомъ, знающая всѣ мельчайшія тонкости разврата, способная выдумать въ этой области новыя штучки и въ то же самое время самовоплощенное цѣломудріе въ присутствіи постороннихъ, держащая себя такъ, что ей могла позавидовать любая свѣтская дама, даже удивлявшая своей исключительной щепетильностью.

Въ это время въ городъ славился своей развратной жизнью одинъ молодой человекъ изъ превосходной семьи. Рано оставшись сиротой, онъ имѣлъ опекуномъ бывшаго морского офицера, своего дядю, которому онъ причинилъ много непріятностей. Не особенно довольный ворчаніемъ и нотаціями стараго офицера, Гекторъ П..., такъ звали этого красавца, какъ только исполнилось ему совершеннолѣтіе, потребовалъ отъ своего опекуна отчетъ по опеку и потомъ нисколько не стѣснялся всюду звонить, что опекунъ-дядя его обокралъ.

Наконецъ, Гекторъ задумалъ остепениться и рѣшилъ жениться. Бросилъ посѣщеніе всевозможныхъ кабаковъ и сталъ появляться въ свѣтскихъ гостинныхъ. Тутъ онъ познакомился съ одной молодой дѣвушкой, замѣчательной красавицей и изъ хорошей семьи, сдѣлалъ предложеніе, но дядя его далъ о немъ такія скверныя свѣдѣнія, что ему отказали не только въ рукѣ дѣвушки, но даже отецъ попросилъ не посѣщать больше ихъ дома.

Это уже окончательно переполнило чашу терпѣнія Гектора и онъ рѣшилъ отомстить дядѣ.

Через нѣсколько дней онъ отправился въ вышеупомянутыя нами публичный домъ и сдѣлалъ предложеніе бывшей гувернанткѣ.

— Мой ангель, я пришелъ къ тебѣ съ новостью, которой ты и во снѣ не видала. Хочешь имѣть четыре тысячи фун. стерл. годового дохода (ок. 40 тыс. руб.)?

Она недовѣрчиво улыбнулась.

— Я говорю совершенно серьезно, я пришелъ сюда вовсе не съ тѣмъ, чтобы насмѣхаться надъ тобой, хочешь быть моей женой?

— Ты, вѣроятно, пьянъ,— отвѣчала дѣвушка.

— Уверяю тебя, что я не пьянъ, съ ума не сошелъ, спрашиваю тебя еще раз,— хочешь быть моей женой, да или нѣтъ?

Дѣвушка продолжала смотрѣть на него удивленными глазами.

— Тебя это удивляетъ, я это понимаю и объясню тебѣ, въ чемъ тутъ дѣло. Я рѣшилъ страшно насолить моей семьѣ, насолить такъ, чтобы они никогда этого не могли ни забыть, ни простить. Я долго искалъ и, наконецъ, нашелъ, что ничто не причинитъ имъ большей непріятности, какъ женитьба на пансіонеркѣ публичнаго дома,— вотъ почему я вспомнилъ о тебѣ.

Она, повидимому, поняла, но на ея лицѣ появилась грусть. Все-таки она задала ему вопросъ, чтобы вполнѣ убѣдиться:

— Стало быть это не изъ-за любви ко мнѣ? Робко спросила она его.

Услыхавъ этотъ вопросъ, Гекторъ залился смѣхомъ.

— Нѣтъ, моя цыпочка, ты до невозможности глупа! Я не стану тебя дурачить,— никакой любви тутъ нетъ. Но какое тебѣ дѣло до этого? Вѣдь я серьезно предлагаю тебѣ отправиться со мною къ мэру, хочешь или нѣтъ?

— О! Никогда въ жизни! — отвѣчала дѣвушка самымъ рѣшительнымъ тономъ.

— Какъ хочешь! — съ досадой проговорилъ молодой человекъ, пораженный такой глупостью и отчасти даже обиженный тѣмъ, что получилъ отказъ отъ дѣвушки, которая за пять рублей шла спать каждую ночь съ первымъ встречнымъ.

Когда онъ въ общемъ зало рассказалъ про ея отказъ хозяйкѣ и другимъ дѣвушкамъ, то у всѣхъ вырвался единодушный крикъ возмущенія.

Такъ как отказавшая дѣвушка вышла проводить Гектора, когда тотъ уходилъ домой, то хозяйка, при видѣ ея, закричала:

— Дура, почему ты не хочешь?

— Никогда въ жизни! — опять повторила дѣвушка.

Этотъ отказъ, какъ это всегда бываетъ у людей богатыхъ, не привыкшихъ встрѣчать отказы, вызвалъ у Гектора упорное желаніе добиться своего. Его приводило в ярость упрямство дѣвушки.

Онъ приходилъ къ ней чуть не каждый день. Наслаждался тѣмъ, что дѣвушка его шлепала и позволяла себя шлепать.

Въ первый же разъ, какъ онъ пришелъ къ ней, она скрылась куда-то и затѣмъ вернулась съ длинными толстыми березовыми прутьями, которыми на этотъ разъ захотѣла замѣнить руки.

Молча связала два пучка розогъ и каждымъ свистнула нѣсколь-ко разъ въ воздухѣ, пока Гекторъ раздѣвался. Толщина розогъ, свистъ ими и особенно какой-то злой огонекъ въ ея глазахъ напугалъ его и онъ сказалъ, что раздумалъ и не позволить сѣчь себя розгами, а только, какъ всѣгда, руками.

Дѣвушка заявила, что если онъ сейчасъ же не ляжетъ на кровать, не позволить себя привязать веревками и высѣчь, какъ ей захочется, то она больше съ нимъ никогда не будетъ въ близкихъ отношеніяхъ, хотя бы ей пришлось бросить этотъ домъ. По тону какимъ это было сказано, Гекторъ увидалъ, что она не шутитъ и сдержитъ свое слово. Такъ какъ онъ къ ней сильно привыкъ, то рѣшилъ исполнить ея капризъ и сказалъ, что она можетъ дѣлать съ нимъ, что ей угодно. Сказавъ это, онъ легъ на кровать и далъ ей себя привязать.

Когда она подняла у него рубашку и собиралась начать сѣчь, то онъ спросилъ, сколько же розогъ она ему дастъ. Она улыбнулась и отвѣчала:

— Не знаю, но во всякомъ случаѣ не меньше пятисот...

И тотчасъ же начала сѣчь. Сѣкла она его страшно долго и больно. Особенно тяжело было то, что онъ не могъ кричать изъ боязни насмѣшекъ со стороны другихъ дѣвицъ.

Когда она прекратила экзекуцію и отвязала его, то все тѣло его было въ крови, во многихъ мѣстахъ были черныя полосы. Она ему дала тысячу розогъ. Придя въ себя, онъ сталъ передъ ней на колѣни и умолялъ ее, какъ это дѣлалъ въ послѣдствіи еще не разъ, простить его и выйти за него замужъ.

Но она постоянно кивала отрицательно головой, не будучи въ силахъ забыть грубость его перваго признанія, хотя теперь Гекторъ не шутя, былъ въ нее влюбленъ.

Быть можетъ, въ глубинѣ своей души эта погибшая дѣвушка, несчастная жертва порока и нищеты, сама сознавала себя недостойной быть законной женой.

Больше она ни разу не сѣкла его розгами, а только руками, хотя онъ нѣсколько разъ просилъ высѣчь его розгами.

Для нея особенно было тяжело отказываться выйти замужъ, потому что здоровье ея, вслѣдствіе тяжелыхъ условій жизни, все ухудшалось и ухудшалось.

Она какъ-то разъ вечеромъ простудилась и стала харкать кровью. Съ этого времени чахотка стала развиваться быстрыми шагами.

Агонія ея была очень трогательная: она благодарила всѣхъ за уходъ за ней, раздала каждой дѣвицѣ что-нибудь на память изъ своихъ вещей... Просила Гектора похоронить ее съ тѣмъ кольцомъ на пальцѣ, которое онъ хотѣлъ ей надѣть, когда предлагалъ жениться на ней.

Молодой безумецъ, которому не удалось жениться на ней, купилъ для нея на кладбищѣ участокъ земли, гдѣ ее и похоронили. Онъ провожалъ ее до могилы и поставилъ мраморный памятникъ бѣдной флагеллянтшѣ.

Для врачей, студентовъ и юристовъ

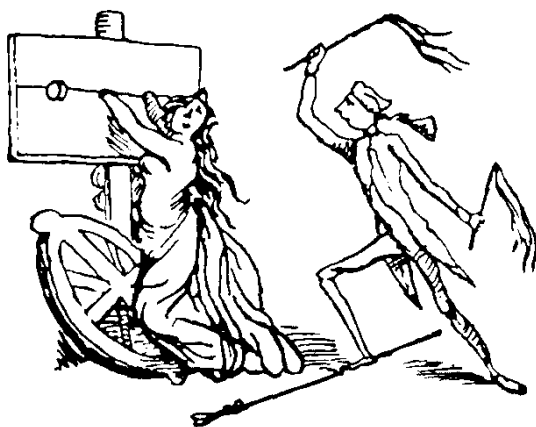
Д-ръ В. КУПЕРЪ.

ИСТОРИЯ РОЗГИ

ВО ВСѢХЪ СТРАНАХЪ, СЪ ДРЕВНѢЙШ. ВРЕМЕНЪ И ДО НАШИХЪ ДНЕЙ

ФЛАГЕЛЛЯЦІЯ И ФЛАГЕЛЛЯНТЫ

Полный переводъ съ англійск. со мног. дополн. д-ра мед. А. З — го

СЪ РАЗРѢШЕНІЯ АВТОРА — СЪ РУКОПИСИ.
СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Т. III

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгоиздательство Н. С. Аскарханова
6, Троицкая ул., 6.

Отъ автора читательницамъ и читателямъ

Свѣдѣнія о тѣлесныхъ наказаніяхъ по многимъ причинамъ не могутъ всегда попадать въ печать.

Желая дать возможно полную исторію тѣлесныхъ наказаній, я обращаюсь съ покорнѣйшей просьбой къ моимъ читательницамъ и читателямъ сообщить мнѣ, съ самыми мельчайшими подробностями, описанія случаевъ тѣлеснаго наказанія (въ семьѣ, школѣ и т. д.), которымъ они подверглись въ дѣтствѣ или уже взрослыми, а также тѣхъ лицъ (родителей, воспитателей, надзирателей и т. д.), которыя подвергали другихъ тѣлеснымъ наказаніямъ или присутствовали при наказаніи другихъ.

При описаніи весьма важно знать, какое нравственное впечатлѣніе произвело наказаніе, что испытывалъ наказываемый *) или наказывающій *) во время наказанія, послѣ него и въ ожиданіи наказанія, во время приготовительныхъ дѣйствій. Произвело ли наказаніе желаемое дѣйствіе и удержало ли оно отъ повторенія проступка, за который его или ее наказывали? Что испытывалъ наказуемый *), когда его раздѣвали? Чѣмъ наказывали и насколько строго (число полученныхъ ударовъ)? Какъ велъ наказываемый *) во время экзекуціи, то есть, просилъ ли прощеніе, кричалъ ли только и т. д.? Не замѣтилъ ли наказанный *) или наказывающій *), что слабое наказаніе не произвело впечатлѣнія, тогда какъ болѣе строгое и даже жестокое наказаніе заставило исправиться? Въ какомъ положеніи наказывали и какъ былъ привязанъ, если не держали во время наказанія. Произвело ли наказаніе на присутствующаго при немъ устрашающее впечатлѣніе?

Буду также весьма благодаренъ, если мнѣ укажутъ на писателей, въ произведеніяхъ которыхъ имѣются описанія сценъ тѣлеснаго наказанія, если эти сцены не были уже мною цитированы. В такихъ случаяхъ нужно указывать страницу и, если возможно — прилагать выписку изъ произведенія.

Все сообщенное будетъ мною сохранено въ тайнѣ; если и будетъ помѣщено въ моемъ трудѣ, то всѣ собственныя имена будутъ замѣнены начальными буквами, по желанію даже вымышленными... Однимъ словомъ, все сообщенное будетъ для меня профессиональной тайной, открытой въ кабинетѣ врача.

Конечно, сочиненныя сцены экзекуцій, не существовавшихъ, будутъ недобросовѣстнымъ поступкомъ въ отношеніи меня.

За всякое же правдивое и самое подробное описаніе перенесенной, видѣнной или учиненной экзекуціи, ея физическихъ и особенно моральныхъ послѣдствій на наказаннаго или на наказанную, а также на наказывавшаго или наказывавшую или присутствовавшихъ, заранее прошу принять мою искреннюю благодарность за оказанную мнѣ помощь въ освѣщеніи интересующаго меня вопроса и въ предоставленіи мнѣ возможности дать въ распоряженіе какъ защитниковъ тѣлесныхъ наказаній, такъ и ихъ противниковъ „человѣческіе документы“.

Д-ръ Куперъ.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА

Отъ русскихъ читательницъ и читателей всѣ указанныя авторомъ сообщенія будутъ приняты на русскомъ языкѣ съ полной благодарностью и переведены мною автору.

Всѣ письма слѣдуетъ адресовать такъ: „С.-Петербургъ, Троицкая ул., 6, въ книгоиздательство „Н. С. Аскарханова“, для передачи д-ру медиц. А. З—му. Д-ръ медиц. А. З—ій.

*) Мужчина или женщина.

ГЛАВА I

Флагелляція въ средніе вѣка въ исправительныхъ домахъ и въ наши дни въ особыхъ клубахъ флагеллянтовъ

Мы уже знаемъ, что въ средніе вѣка тѣлесное наказаніе являлось одной изъ главныхъ основъ воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ.

Ришель сказалъ, что дѣвочка или мальчикъ, которыхъ въ молодости безпощадно пороли розгами,— будутъ хорошо воспитанными,— это считалось въ тѣ времена аксіомой.

Теорія, благодаря которой, по приказу родителей или воспитателей, добровольно или силой, приходилось показывать другимъ часть тѣла, которую обыкновенно скрывали отъ глазъ всѣхъ,— возымѣла, въ концѣ концовъ, благодѣтельное дѣйствіе на сформированіе характера будущихъ женщинъ. Аристократическія ягодицы подвергались поркѣ, чтобы, послѣ основательнаго сѣченія, въ мозгу прелестныхъ обладательницъ ихъ запечатлѣлось убѣжденіе въ необходимости трудиться и слушаться, которое мало-по-малу превратилось бы въ настоящую привычку.

Въ тѣ, сравнительно отдаленныя времена, существовали особые исправительные дома, въ которыхъ режимъ былъ гораздо строже, чѣмъ въ пансіонахъ при монастыряхъ. Въ послѣднихъ сѣкли розгами, плетью или орти и т. п. только тогда, когда вы провинились, и каждое тѣлесное наказаніе назначалось за дѣйствительную вину. Въ исправительныхъ же домахъ первоначальный проступокъ, приведшій виновную въ домъ, превращалъ ея ягодицы какъ бы въ ежедневный пріемникъ тѣлеснаго наказанія, которому она подвергалась, начиная съ перваго дня прибытія и кончая послѣднимъ днемъ выхода изъ дома.

Всякая преступная дѣвочка, переступившая порогъ такого дома, заранѣе знала, что она неизбежно будетъ немедленно растянута на скамейкѣ и жестоко выпорота розгами или плетью.

Обитательницы этихъ домовъ даже дали шутливое названіе первому наказанію. Они называли его „привѣтственный поцѣлуй“. Этотъ поцѣлуй состоялъ всегда не иначе, какъ изъ нѣсколькихъ полныхъ дюжинъ ударовъ розгами!

Обыкновенно наказывали въ присутствіи возможно большаго числа постороннихъ лицъ; вновь прибывшая наказывалась розгами въ первый разъ въ своемъ карцерѣ. Регламентъ требовалъ,

чтобы вновь приведенная была, не позже, какъ черезъ два часа, наказана розгами. Только докторъ, который осматриваетъ каждую вновь прибывшую, могъ потребовать, чтобы экзекуція была отложена или назначенное число дюжинъ ударовъ розгами было уменьшено или дано съ нѣкоторымъ промежуткомъ.

Какъ мы уже сказали, наказаніе розгами происходило въ карцерѣ, гдѣ должна была сидѣть виновная. При наказаніи должны были находиться начальница дома и надзирательница, затѣмъ двѣ монахини, которыя должны были держать растянутую на скамейкѣ преступницу за ноги и за руки, и, наконецъ, третья монахиня, которая должна была сѣчь ее розгами. Начальница дома, по регламенту, могла пригласить присутствовать при наказаніи доктора, но только въ томъ случаѣ, если могла ожидать, что потребуется его помощь.

На другой день утромъ къ наказанной являлась надзирательница и говорила слѣдующее, опять же въ установленныхъ регламентомъ выраженіяхъ: „Моя дорогая сестра, сейчасъ вы будете подвергнуты еще болѣе позорному наказанію, чѣмъ вчера. Вмѣстѣ съ другими, какъ вы, безстыдницами васъ накажутъ розгами, какъ наказываютъ дѣтей. Во время наказанія въ присутствіи постороннихъ лицъ я увѣрена, что вы подумаете о проступкѣ, который васъ привелъ сюда, и постараетесь исправиться“.

Итакъ, въ то блаженное время пороли розгами или плетью дѣвочекъ, и, какъ мы выше сказали, въ розгахъ видѣли воспитательное средство не только для дѣтей первой молодости, но даже для дѣвочекъ подростковъ, уже вступившихъ въ періодъ второй молодости.

Въ семьяхъ высокопоставленныхъ особъ гувернеры, гувернантки, учителя или учительницы не только обучали, но и пороли безжалостно, при чемъ не обращалось никакого вниманія на полъ виновныхъ. Тринадцатилѣтнюю, а иногда и старше девочку учитель сѣкъ розгами безъ всякаго стѣсненія. Но нужно замѣтить слѣдующее, что средневѣковые педагоги сѣкли розгами собственноручно провинившихся учениковъ или ученицъ,— все равно, какъ родители собственноручно пороли розгами безразлично своихъ дочерей и сыновей. Позднѣе же стали поручать наказывать мужской или женской прислугѣ. Такимъ образомъ произошло раздѣленіе между воспитателемъ и наказаніемъ. Поэтому-то и произошло пониженіе въ примѣненіи тѣлесныхъ наказаній. Розги потеряли свою нравственную цѣнность.

Нужно перенестись мысленно въ эту эпоху, чтобы понять, что учитель, наказывая розгами обнаженную, часто почти взрослую, благородную барышню, не посмѣлъ бы злоупотребить ею, какъ крепостной крестьянинъ не дерзнулъ бы убить хозяйскаго барашка.

Если прислуга, наказывая барчатъ розгами и, была сдержана въ выраженіи половой страсти, возбужденной въ такихъ случаяхъ, то изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ думать, что у ней отсутствовало подобное возбужденіе. Нѣтъ, подобные безстыдные спектакли вызывали въ ней безспорно болѣе или менѣе сильное

половое чувство, но удовлетворялось оно не на наказываемыхъ, а на другихъ доступныхъ лицахъ.

Въ то же доброе старое время существовалъ обычай, что богатые и знатныя лица содержали въ складчику пріюты для бѣдныхъ сиротъ обоого пола, гдѣ имъ давали бесплатно образованіе.

Понятно, что при воспитаніи ихъ розги играли главную роль.

Я пользуюсь уставомъ одного изъ такихъ пріутовъ въ Глазго въ 1455 г.

По уставу, попечительницами являлись жены и совершеннолѣтнія дочери лицъ, на счетъ которыхъ содержался пріютъ.

За нарушеніе школьной дисциплины и особенную лѣность дѣти обоого пола подлежали наказанію розгами. Но наказаніе розгами производилось не иначе какъ одной изъ попечительницъ собственноручно. Въ экстренныхъ случаяхъ, правда, директоръ или директриса пріюта могли собственноручно наказать провинившагося ребенка, но курьезно, что это не избавляло его все-таки отъ наказанія розгами одной изъ попечительницъ пріюта за ту же самую вину.

Воскресенье, день отдыха, было излюбленнымъ днемъ, въ который дамы патронесы являлись въ свои пріюты, производили разборъ поведенія покровительствуемыхъ ими дѣтей и затѣмъ, въ особомъ общемъ засѣданіи, назначали каждому изъ провинившихся число ударовъ розгами, которое мальчикъ или дѣвочка должны были получить.

Такъ какъ среди виноватыхъ и подлежащихъ наказанію розгами были мальчики и дѣвочки, въ возрастѣ отъ десяти до тринадцати лѣтъ, то, по уставу, мальчиковъ могли наказывать только замужнія дамы патронесы или вдовы. Дѣвицы же патронесы могли наказывать розгами только провинившихся дѣвочекъ.

Мистрисъ Бредонъ, подавшая петицію въ парламентъ объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній въ пріютахъ, въ одномъ изъ которыхъ она сама получила воспитаніе и впоследствии вышла замужъ за очень богатаго и знатнаго человѣка, подробно описываетъ церемоніаль подобныхъ экзекуцій такъ:

„Дамы и дѣвицы — патронесы — пріѣзжали, обыкновенно, около трехъ часовъ дня. Директоръ или директриса пріюта встречали ихъ, окруженные воспитателями или воспитательницами. Мы, воспитанницы и воспитанники, дрожимъ отъ страха, такъ какъ отъ насъ ничего не скрываютъ: мы всѣ видѣли, какъ въ обѣ классныя комнаты, одну, назначенную для наказанія мальчиковъ, а другую — для наказанія дѣвочекъ, пронесли скамейки и цѣлый ворохъ розогъ, уже связанныхъ въ пучки изъ длинныхъ, толстыхъ, распаренныхъ въ водѣ березовыхъ прутьевъ или изъ наканунъ срѣзанныхъ съ деревьевъ... Если бы члены парламента, пишетъ Бредонъ, видѣли эти розги, то, конечно, не подумали бы, что они назначены для наказанія за невинныя проступки мальчиковъ и дѣвочекъ не старше тринадцати лѣтъ. Такими розгами впору съчь солдатъ, а не дѣтей!

Прошли при насъ также четыре няньки и четыре сторожа, которые будутъ держать наказываемаго или наказываемую.

Всѣ провинившіеся за послѣднюю недѣлю стоятъ съ грустными лицами, если не ревуть, такъ какъ по опыту или по слухамъ знаютъ, что ихъ ожидаетъ очень строгое наказаніе.

Патронесы, немедленно по прїѣздѣ, собираются на засѣданіе. На немъ сперва директоръ, а потомъ директриса докладываютъ со спискомъ въ рукахъ подробно о проступкахъ, и совѣтъ рѣшаетъ, какому наказанію подвергнуть виновнаго или виновную. Если назначено наказаніе розгами, то противъ фамиліи проставляется и число розогъ, которое совѣтъ нашелъ нужнымъ дать. Такъ какъ у cadaго воспитанника или воспитанницы есть штрафная книжка, въ которую записывается вина и наложенное наказаніе, то совѣтъ, назначая число ударовъ, разсматриваетъ еще книжку. Если проступокъ повторился, то назначается большее число ударовъ и кромѣ того виновнаго или виновную отдаютъ для наказанія дамъ или дѣвицъ изъ патронесъ, которыя извѣстны, какъ наказывающая особенно сильно.

Въ пріютѣ, гдѣ была Бредонъ, было принято давать дѣвочкамъ не менѣе двадцати розогъ и не болѣе двухсотъ; при чемъ, если дѣвочкѣ слѣдовало дать болѣе ста розогъ, то послѣ ста ударовъ ей дается отдохнуть минутъ десять и затѣмъ даютъ остальное число ударовъ.

Въ каждую комнату ставили двѣ скамейки, такъ что одновременно можно было наказывать двухъ человѣкъ.

Мальчикамъ число ударовъ розгами назначалось не менѣе тридцати и не свѣше четырехсотъ. При чемъ сразу имъ не давалось болѣе двухсотъ, а дѣлался антрактъ въ десять минутъ, послѣ котораго всыпалась остальная порція.

Насколько были жестоки наказанія, видно изъ того, что рѣдкій разъ обходилось безъ того, чтобы одного, или двухъ изъ наказанныхъ не снесли на простынѣ прямо изъ экзекуціонной комнаты въ пріютскій лазаретъ, хотя наказаніе производилось аристократическими женскими ручками.

Нерѣдко за строптивость во время наказанія розгами или какую-нибудь дерзость, сказанную отъ боли, патронесса давала максимумъ ударовъ уже безъ всякаго совѣта или усиливала жестокость наказанія за дерзость, приказывая виновнаго или виновную держать во время сѣченія на вѣсу или наказывая розгами, вымоченными въ соли.

Я подвергалась очень часто наказаніямъ. Почему-то меня постоянно сѣкла одна уже немолодая лэди Салюсбери. Разъ, возмущенная тѣмъ, что меня за грубость съ нянькой рѣшено было наказать восьмидесятью розгами, я ни за что не хотѣла просить прощеніе у присутствовавшей при моемъ наказаніи няньки и поцѣловать у нея руку, какъ требовала наказывавшая меня розгами барышня. Мое упорство привело ее въ бѣшенство и она прибавила мнѣ пятьдесятъ розогъ. Но когда я и послѣ этого все-таки не хотѣла исполнить приказанія лэди, то та назначила мнѣ

еще пятьдесятъ розогъ, при чемъ велѣла державшимъ нянькамъ повернуть животомъ вверхъ и стала съчь меня розгами въ такомъ положеніи. Тутъ я свѣта не взвидѣла и съ первыхъ же ударовъ закричала, что согласна все исполнить. Но лэди все-таки дала мнѣ двадцать розогъ въ такомъ положеніи, а остальные тридцать, приказавъ повернуть меня опять животомъ внизъ.

Когда совѣтъ назначилъ всѣмъ провинившимся за недѣлю наказанія, то ихъ распредѣляли для наказанія между патронесами.

Затѣмъ патронесы устанавливали между собою очередь, такъ какъ за разъ можно было наказывать не болѣе двухъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ.

Послѣ этого всѣхъ, подлежащихъ наказанію розгами, собирали вмѣстѣ какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, тѣмъ и другимъ сторожа и няньки связывали руки веревкой. Потомъ по два мальчика и по двѣ дѣвочки уводили для порки. По приводѣ въ комнату, для наказанія, ихъ раздѣвали и, прежде чѣмъ положить на скамейку, связывали веревкой ноги. Потомъ клали на скамейку, держа за ноги и подмышки, пока патронеса давала назначенное число ударовъ розгами. Такъ какъ одновременно пороли двухъ, то въ комнатѣ былъ страшный вой и крики, соединенные съ разными мольбами и клятвами. За свое пятилѣтнее пребываніе въ пріютѣ не было примѣра, чтобы кого-нибудь высѣкли не до крови.

Послѣ наказанія, обыкновенно, весь наказанный былъ вымазанъ въ крови, и если не попалъ въ лазаретъ, то иногда нѣсколько часовъ не могъ ни стоять, ни сидѣть. Я помню, что я не разъ послѣ наказанія часа два могла только лежать на животѣ, въ такомъ же положеніи приходилось спать иногда дня два—три.

Если бы можно было показать дѣвочку, вернувшуюся послѣ строгого наказанія, то у самого закаменѣлаго человѣка сердце дрогнуло бы.

Въ присутствіи разряженной дамы ее или его раздѣваютъ чуть не до нага, при этомъ еще стоитъ четыре человѣка. Все это смотритъ и одинъ уже стыдъ является страшнымъ мученіемъ для ребенка. А затѣмъ начинается порка...

Шестнадцати лѣтъ я поступила въ пріютъ, гдѣ сама воспитывалась, на должность помощницы надзирательницы; въ этомъ званіи я пробыла болѣе года и затѣмъ заняла мѣсто надзирательницы, на должности которой пробыла около трехъ лѣтъ, когда познакомилась съ мистеромъ Бредонъ и вышла за него замужъ.

Въ женскомъ отдѣленіи пріюта было не менѣе восьмидесяти дѣвочекъ, но иногда число ихъ доходило до ста. Дѣвочки распредѣлялись для обученія на два класса — младшій, въ которомъ были дѣвочки отъ десяти до одиннадцати и самое большее до двѣнадцати лѣтъ, старшій, — въ которомъ находились дѣвочки въ возрастѣ отъ двѣнадцати до тринадцати лѣтъ и, какъ исключеніе,

четырнадцатилѣтнія. Моложе десяти лѣтъ и старше четырнадцати лѣтъ въ пріютъ не принимали.

Столько же мальчиковъ и въ такомъ же возрастѣ было и въ мужскомъ отдѣленіи нашего пріюта, который считался самымъ богатымъ въ городѣ. Дѣйствительно патронесы средствъ не жалѣли.

Одѣвали, кормили и обучали дѣтей превосходно. Можетъ быть, благодаря своей страсти къ тѣлеснымъ наказаніямъ, патронесы не жалѣли своихъ кошельковъ.

Помѣщеніе пріюта также было роскошное. Если бы не жестокія тѣлесныя наказанія, то лучшаго нельзя было бы пожелать и для дѣтей состоятельныхъ родителей.

Въ пріютъ принимались только сироты или брошенные дѣти обоюго пола, но только вполне здоровыя. Имъ давали очень хорошее первоначальное образованіе и обучали разнымъ ремесламъ, а дѣвочекъ рукодѣлю, домоводству и кулинарному искусству.

Цѣль этой петиции обратить вниманіе членовъ парламента на жестокость тѣлеснаго наказанія и необходимость, если не отмѣны его, то ограниченія права патронесъ наказывать дѣтей столь жестоко. По моему, слѣдовало бы уменьшить число ударовъ розгами до пятидесяти для дѣвочекъ и ста для мальчиковъ. Теперешній максимумъ — двѣсти розогъ для дѣвочекъ и четыреста для мальчиковъ слишкомъ великъ.

Ради справедливости я должна сказать, что максимальное число розогъ, какъ дѣвочкамъ, такъ и мальчикамъ, давалось въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, за какой-нибудь выдающійся по своей порочности поступокъ. Обыкновенно же самое строгое наказаніе для дѣвочекъ заключалось въ ста ударахъ розгами и для мальчиковъ двѣсти розогъ, изрѣдка давали дѣвочкамъ полтора ста розогъ и мальчикамъ триста. Но за то первая порція назначалась слишкомъ часто.

Наибольшимъ числомъ розогъ наказывали въ среднемъ не больше двухъ-трехъ дѣвочекъ въ годъ и пяти-шести мальчиковъ.

Надо было видѣть дѣвочку, получившую двѣсти розогъ или мальчика, которому дали четыреста розогъ, чтобы убѣдиться въ жестокости подобнаго наказанія.

Если ихъ не отнесли въ лазаретъ, то у нихъ, когда они встали, или вѣрнѣе, когда ихъ сняли со скамейки и поставили на ноги, былъ такой ужасный видъ.

Было видно, что ребенокъ едва стоитъ на ногахъ, но състь, отъ боли, тоже не можетъ. У него такой глупый растерянный видъ, когда сторожъ или нянька приводятъ его костюмъ въ порядокъ и дають выпить воды или понюхать спиртъ.

На обязанности помощницы надзирательницы лежало наблюденіе за качествомъ и количествомъ розогъ, которыми завѣдывалъ особый сторожъ. Розги покупались экономомъ. Сторожъ, подъ наблюдениемъ помощницы вязалъ пучки, какъ для наказанія мальчиковъ, такъ и для наказанія дѣвочекъ. Прутья для маль-

чиковъ брались толще чѣмъ для наказанія дѣвочекъ. Связанные пучки клались для мальчиковъ и для дѣвочекъ въ особые желѣзные чаны наполненные водой. За полчаса до начала наказанія или даже меньше, чтобы они были какъ можно гибче, ихъ, въ присутствіи помощницы, вынимали и вытирали на сухо. Концы пучковъ обертывались тонкой бумагой, чтобы не поцарапать ручекъ патронесъ.

Патронесы, особенно главная изъ нихъ, находили, что польза отъ наказанія розгами зависитъ много отъ качества розогъ, что мнѣ, съ совершенно серьезнымъ видомъ, она объясняла, когда я поступила помощницей надзирательцы. Разъ я была оштрафована на три шил. (всего около 1 р. 50 к.) за то, что она нашла розги недостаточно хорошо распаренными, не гибкими и небрежно связанными въ пучки. Сторожа прогнали за это изъ пріюта. Новый сторожъ былъ специалистъ по этой части, и я больше ни раза не получала не только замѣчаній, но главная патронеса раза два — три хвалила меня за нихъ. Дѣло въ томъ, что, какъ объяснилъ мнѣ новый сторожъ, нужно было смотрѣть, чтобы пруть былъ не особенно толстъ, но и не тонокъ, чтобы онъ не рѣзалъ кожу сразу, а причинялъ бы при ударѣ сильную боль, что составляло главное достоинство березоваго прута. Но необходимо было наблюдать за тѣмъ, чтобы прутья были срѣзаны со старыхъ деревьевъ, съ ихъ верховъ, гдѣ вѣтви тверже и эластичнѣе. Совсѣмъ молодые вѣтви годятся для наказанія только очень маленькихъ ребятъ. Для нашихъ же дѣтей, какъ для взрослыхъ, нужно, чтобы пруть былъ достаточно твердый и хорошо хлесталъ кожу.

Надо было видѣть, съ какой заботливостью онъ вязалъ пучки или принималъ отъ подрядчика прутья.

Для дѣвочекъ онъ выбиралъ тоньше прутья и длиной въ 70 сант., для мальчиковъ толще и длиной въ 1 метръ (мы перевели старин. мѣры на современ). По его словамъ, концы пучка, изъ двухъ—трехъ и не больше четырехъ прутьевъ, должны быть тщательно выравнены, чтобы, при ударѣ выдающійся противъ другихъ конецъ прута не ранилъ преждевременно кожу, особенно нѣжна. Розги, которыя приготовлялъ прогнанный сторожъ, вязались изъ сухихъ прутьевъ и плохо подобранныхъ, почему патронеса и замѣтила, что они кожу царапаютъ бесполезно, но не причиняютъ максимума боли.

Наканунъ воспитатель съ директоромъ и директриса съ надзирательницей, вечеромъ, когда дѣти легли спать, собирались въ комнатѣ директора на совѣщаніе, куда и я, какъ завѣдывавшая розгами, приглашалась.

Тутъ составлялся списокъ провинившихся воспитанниковъ и воспитанницъ, записывались вины въ ихъ штрафныя книжки и дѣлались предположенія, какое количество ударовъ можетъ назначить совѣтъ патронесъ виновному и виновной. Надо замѣтить, что, по обычаю, каждымъ пучкомъ розогъ давалось не

болѣ пятидесяти ударовъ, а затѣмъ пучекъ замѣнялся новымъ. За этимъ опять же должна была наблюдать я. По числу назначенныхъ въ списокъ совѣтомъ патронесъ ударовъ розгами мальчи-камъ и дѣвочкамъ я приказывала сторожу и нянѣкъ принести нужное число пучковъ розогъ, прежде чѣмъ приведутъ для наказанія. Когда я была воспитанницей, то мы всѣ это отлично знали и, пока насъ раздѣвали, по числу лежавшихъ, на столикѣ около экзекуціонной скамейки, пучковъ розогъ мы могли сообразить, приблизительно, число розогъ, которымъ насъ накажутъ. Число это не объявлялось. На томъ же столикѣ стояли стаканъ и графинъ съ водой, а также пузырекъ со спиртомъ.

Когда начальство опредѣлило приблизительное число пучковъ розогъ, то мнѣ давался особый „нарядъ“ приготовить столько-то пучковъ розогъ для мальчиковъ и столько-то для дѣвочекъ. Кромѣ того я обязана была имѣть, во избѣжаніе штрафа, всегда запасъ пучковъ. Иногда и не разъ случалось, что совѣтъ патронесъ былъ особенно не въ духѣ и назначилъ число ударовъ значительно больше того, что ожидали директоръ и директриса,— тогда приходилось сторожу спѣшно, пока наказывали дѣтей, готовить пучки розогъ.

Регламентъ требовалъ, чтобы наказываемый мальчикъ или дѣвочка клались на скамейку и привязывались къ ней веревками или держались сторожами и нянѣками за ноги и за руки,—выборъ того или другого способа зависѣлъ вполнѣ отъ усмотрѣнія наказывающей патронесы. Обязательно было только всѣхъ подлежащихъ наказанію розгами приводить въ экзекуціонную комнату со связанными руками, а, поприводѣ, немедленно связывать ноги.

Впрочемъ, нѣкоторыя патронесы отступали отъ этого правила и наказывали дѣтей, садясь сами въ кресло, кладя виновнаго на колѣни и приказывая сторожу или нянѣкъ придерживать за ноги. Наконецъ, нѣкоторыя ставили свою жертву на четвереньки, садились на нее верхомъ и, зажавъ колѣнками, сѣкли. Но это уже были отступленія.

Я уже выше сказала, что допускалось усиливать строгость наказанія за строптивость или дерзости во время самаго наказанія тѣмъ, что виновнаго держали на вѣсу и въ такомъ положеніи сѣкли розгами, что было несравненно мучительнѣе. Наконецъ, иногда особенно жестокия патронесы, какъ было со мной, приказывали повернуть животомъ вверхъ и сѣкли въ такомъ положеніи.

Опять же ради справедливости должна сказать, что, несмотря на жестокость наказаній, благодаря хорошей пищѣ и уходу за дѣтьми, вреда на здоровье они не имѣли, хотя нерѣдко бывало, что наказанная дѣвочка или мальчуганъ проваляются послѣ наказанія нѣсколько дней въ лазаретѣ.

Я замѣтила, что какъ только приводили двухъ дѣвочекъ, для наказанія, у патронесъ, чаще дѣвушекъ появлялось особенное возбужденіе, глаза особенно горѣли, пока дѣвочку или маль-

чика, которыхъ, какъ мы сказали, могли наказывать только замужнія патронесы или вдовы, — раздѣвали и клали или привязывали на скамейкѣ. Особенно было интересно наблюдать дамъ или дѣвицъ, наказывавшихъ въ первый разъ.

Надзирательница и помощница должны были наблюдать каждая у своей скамейки, чтобы прислуга въ точности исполняла приказанія наказывающей патронесы. Онѣ же обязаны были громко считать удары розогъ. При наказаніи мальчиковъ все это исполняли воспитатель и его помощникъ.

Совѣтъ патронесъ, конечно, скрывалъ, что большинству патронесъ доставляло громадное наслажденіе съчь дѣтей. Онѣ объясняли суровость и продолжительность тѣлесныхъ наказаній, которымъ подвергалъ дѣтей, только тѣмъ, что слабое наказаніе бесполезно, если даже не вредно, и что жестокое наказаніе розгами рѣдко когда не исправитъ наказаннаго. Съ послѣднимъ я сама должна согласиться, — по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ натуръ этотъ принципъ былъ вполнѣ вѣренъ.

Въ старшемъ классѣ были, когда я была уже надзирательницей двѣ дѣвочки, обѣ по тринадцати лѣтъ.

Нянька ихъ нѣсколько разъ замѣтила, что онѣ не соблюдаютъ установленныхъ правилъ чистоплотности: не чистятъ зубовъ, не обмываютъ тщательно половыхъ органовъ по утрамъ и послѣ отправленія каждый разъ естественной потребности, хотя была полная возможность это сдѣлать и т. п. Она имъ замѣчала, но онѣ огрызались и продолжали не слушаться няньки, хотя ихъ за это, буквально каждую недѣлю, сѣкли розгами въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ и обѣ онѣ съ двадцати розогъ дошли до ста ударовъ. Главная патронеса просила меня объяснить причину такого упорства съ ихъ стороны.

Я не скрыла передъ ней своихъ наблюденій. Дѣло въ томъ, что у одной изъ нихъ была тетка въ экономкахъ у одной изъ барышень-патронесъ. Дѣвочка упросила тетку попросить ея барышню, чтобы та бралась наказывать ее съ ея подругой. Барышня же эта была слабенькая и не жестокаго характера, а потому наказывала чрезвычайно слабо. Я вполнѣ была увѣрена, что дѣвчонки умышленно орали, какъ безумныя, когда ихъ сѣкли, а особенной боли не испытывали. Мнѣ казалось, что имъ доставляетъ наслажденіе наказаніе.

Я посовѣтовала патронесѣ въ слѣдующій разъ уменьшить число ударовъ, но просить наказать ихъ розгами, если сама не захочетъ, лэди Салюсбери или лэди Гаррисонъ, какъ извѣстныхъ особенной жестокостью своихъ наказаній, — особенно послѣдняя, которая придиралась къ малѣйшему пустяку, чтобы имѣть какое-нибудь основаніе наказывать розгами на вѣсу или мочить ихъ въ соленой водѣ. Такъ какъ она была замужняя, то наказывала и мальчиковъ.

Можно смѣло сказать, что изъ десяти наказанныхъ ею, по крайней мѣрѣ три или четыре отправлялись послѣ наказанія въ лазаретъ.

Патронеса сказала, что она попроситъ наказывать ихъ лэди Гаррисонъ или кого-нибудь изъ строго наказывающихъ, но число розогъ, врядъ ли, совѣтъ согласится уменьшить.

На слѣдующей недѣлѣ дѣвочки опять провинились по прежнему. Когда мнѣ директриса въ воскресенье передала списокъ назначенныхъ совѣтомъ наказаній, то я увидала, что обѣимъ имъ было не только не уменьшено число розогъ, но увеличено и каждой назначено по двадцати розогъ, причемъ одну должна была наказывать лэди Салюсбери, а другую лэди Гаррисонъ; съ нихъ должно было начаться наказаніе. Такъ какъ скамейка, на которой наказывали эти лэди находилась подъ моимъ надзоромъ и лэди Гаррисонъ должна была первая начать наказывать одну изъ этихъ дѣвочекъ, послѣ нея лэди Салюсбери другую изъ дѣвочекъ, потомъ опять лэди Гаррисонъ и т. д.

Я уже пожалѣла, что рассказала свои предположенія патронесѣ, но теперь уже ничего нельзя было подѣлать.

Я велѣла помощницѣ принести для моей скамьи три пучка розогъ и два пучка розогъ для ея скамьи, когда она принесла розги, то я велѣла привести первую изъ упрямыхъ дѣвочекъ и затѣмъ ту, которую будетъ наказывать г-жа Кларкъ на ея скамьѣ, а также доложить лэди Гаррисонъ и мистрисъ Кларкъ, что все готово для наказанія.

Почти одновременно съ патронесами помощница привела дѣвочекъ. Когда я взяла свою упрямыцу за руку и велѣла нянѣ связать ноги, то я не замѣтила прежняго спокойствія, она вся покраснѣла... Очевидно, по числу пучковъ розогъ она сообразила, что ее ожидаетъ больше ста розогъ и увидала, что наказывать ее будетъ лэди Гаррисонъ.

Пока ея раздѣвали она тихо плакала уже теперь. Лэди Гаррисонъ посмотрѣла на розги и велѣла мнѣ принести три пучка розогъ для мальчиковъ. Услыхавъ это, дѣвочка поняла, что и безъ того жестокая лэди, сейчасъ намѣрена ее пробрать особенно чувствительно, стала громко выть и клясться, что будетъ слушаться няньку. Въ это время мистрисъ Кларкъ начала уже наказывать свою дѣвочку. Сѣкла она ее очень больно и та кричала во всю силу.

Вскорѣ я вернулась съ новыми розгами и лэди Гаррисонъ начала пороть. Съ перваго же удара раздался дикій крикъ. Очевидно это былъ не ударъ прежней патронесы. Съ промежуткомъ въ десять минутъ ей дали двадцать розогъ.

Послѣ наказанія ее пришлось отправить въ лазаретъ.

Почти съ одинаковой жестокостью высѣкла лэди Салюсбери вторую упрямыцу, которую, впрочемъ, не отправили въ лазаретъ, но надо было видѣть растерянный видъ который у нея былъ: на ногахъ она стояла съ трудомъ; сѣсть же совсѣмъ не могла.

Послѣ подобнаго наказанія обѣ дѣвочки стали послушными. Ихъ не разъ наказывали, но за какіе-нибудь другіе проступки. Теперь онѣ всячески старались избѣгать наказанія, такъ какъ знали, что ихъ постоянно будутъ наказывать строгія лэди, даже

если онъ совершатъ небольшую шалость, за которую дадутъ двадцать розогъ.

Я замѣтила также, что глаза у наказывающей патронесы становятся ярче, по мѣрѣ того, какъ подъ ея ударами тѣлце наказываемой начинаетъ покрываться рубцами, розовѣтъ, какъ рубцы удлиняются, припухаютъ, мѣстами появляются фіолетовыя полосы и, наконецъ, показываются капли крови. Съ появленіемъ крови удары розгами почти всегда становятся сильнѣе и у рѣдкой изъ наказывающей не выступаетъ наружу радость отъ сѣченія“ ...

Если внимательно перелистать мемуары, то можно убѣдиться, что флагелляція существовала во всѣ времена и у всѣхъ народовъ міра.

Талеймонъ де Ро, Бюсси, принцесса Палатинъ, самъ Сень-Симонъ и тысячи другихъ не менѣе знаменитыхъ историческихъ лицъ говорятъ прямо или намеками о существованіи этого порока какъ у женщинъ, так и у мужчинъ.

Г-жа де Вервель, жена перваго метрдотеля короля, была страшная любительница сѣчь. Если она не находила возлюбленныхъ, согласныхъ подвергнуться экзекуціи, такъ какъ рука у нея была очень тяжелая, то поролла розгами своихъ горничныхъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ.

Въ страстную пятницу 1647 г. цѣлый день она только тѣмъ и занималась, что сѣкла розгами своего лакея и горничную, по очереди, то одного, то другого.

Своего швейцара за то только, что онъ отперъ дверь безъ ея разрѣшенія, она приказала пороть четыре дня подрядъ и давать каждый день не менѣе двухсотъ розогъ.

Королевскій сержантъ въ Нантъ, по имени Бризаръ, задумалъ эксплуатировать страсть къ флагелляціи, главнымъ образомъ среди женщинъ.

Онъ раздѣвалъ своихъ кліентокъ до нага и сѣкъ ихъ до крови розгами, потомъ заставлялъ ихъ пороть розгами и себя — тоже до крови, „чтобы“, по его словамъ, „достигнуть наслажденія смѣшеніемъ ихъ крови“.

Парламентскій приставъ засталъ его во время подобныхъ упражненій и черезъ замочную щелку видѣлъ, какъ онъ сѣкъ розгами, по очереди, двухъ прехорошенькихъ дѣвушекъ.

Было назначено слѣдствіе, но дѣло пришлось замять, потому что обнаружилось, что у него было много высокопоставленныхъ кліентокъ; президентшъ, совѣтницъ и т. п. Бризара безъ долгихъ формальностей сослали на галеры.

При слѣдствіи обнаружилось, что президентша Маньянъ, очень хорошенькая женщина, была въ числѣ кліентокъ Бризара, — она еженедѣльно получала по тридцати розогъ, думая этимъ ускорить для себя полученіе наслѣдства, для чего нужно было, чтобы умерло трое лицъ.

Президентша Брие получила отъ Бризара сорокъ розогъ и дала ему сама пятьдесятъ.

Нѣкая г-жа Керолинъ, занимавшаяся выдѣлкой фальшивыхъ монетъ, просила дать себѣ шестьдесятъ розогъ, чтобы ей удалось напасть на удачный составъ.

До того велико было суевѣріе!

Въ то время было не мало сектъ хлыстовъ, о которыхъ мы говорили уже въ первомъ томѣ; эти секты, подъ лицемѣрнымъ предлогомъ служенія Богу и умерщвленія плоти, стремились, въ сущности, безнаказанно удовлетворять страсть высокопоставленныхъ лицъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, къ флагелляціи.

Впрочемъ, во всѣ времена существовало также много тайныхъ обществъ, откровенно признававшихъ, что у нихъ единственная цѣль — это наслажденіе.

Всего какихъ-нибудь восемь лѣтъ тому назадъ лондонская полиція напала на одно изъ такихъ обществъ. Мы приведемъ здѣсь статуты этого общества, захваченные полиціей, въ качествѣ курьезнаго документа, показывающаго, до какого безумія могутъ доходить люди, на видъ вполне здоровые и нормальные. Общество состояло изъ восемнадцати лицъ, одиннадцати мужчинъ и семи женщинъ; но вначалѣ въ обществѣ находилось тринадцать дамъ; вслѣдствіе обнаружившагося различія во вкусахъ, — нѣкоторыя дамы проявили слишкомъ сильныя садическія склонности, — произошло распаденіе. Шесть прекрасныхъ дамъ перешли въ другое общество, гдѣ кровь лилась ручьемъ, тогда какъ остальные ихъ подруги остались въ обществѣ и продолжали развлекаться болѣе мирными играми.

Шесть мужчинъ были изъ числа художниковъ, артистовъ, диллетантовъ. Между ними былъ, Впрочемъ, одинъ адвокатъ, умершій потомъ вскорѣ въ ореолѣ святости.

СТАТУТЪ ОБЩЕСТВА X...

Наказаніе непослушныхъ дѣтей

§ 1.— Нижепоименованныя лица: Тотто, Лулу и т. д.— идетъ рядъ псевдонимовъ, — образовали общество съ цѣлью улучшенія образованія каждаго изъ членовъ, подъ угрозой тѣлесныхъ наказаній, одиночныхъ и общихъ.

§ 2.— Отъ членовъ общества требуется обязательно сохраненіе въ тайнѣ существованія общества, его цѣли состава его. Каждый членъ общества, уличенный въ разглашенія тайны, будетъ преслѣдоваться всѣми средствами, находящимися въ распоряженіи общества и строго наказанъ.

§ 3.— Запрещается безусловно приводить на собранія общества постороннихъ лицъ даже въ томъ случаѣ, если постороннее лицо неоспоримо поклонникъ флагелляціи. Новые члены принимаются не иначе какъ послѣ голосованія и только въ томъ случаѣ, если принятіе будетъ одобрено единогласно.

§ 4.— Орудіями наказанія могутъ служить всевозможные инструменты. Запрещается наказывать такими предметами, которые могутъ причинить вредъ здоровью или причинить глубокія раны.

§ 4 бисъ.— Наказаніе должно было прекращено, хотя бы назначенное число ударовъ не было вполнѣ дано, если кровь начинаетъ течь по тѣлу наказываемаго, даже въ томъ случаѣ, если онъ пожелаетъ, чтобы наказаніе продолжалось до полученія имъ полнаго числа назначенныхъ ударовъ.

§ 5.— Всѣ члены общества должны имѣть одинъ или нѣсколько костюмовъ дѣтей, въ которыхъ должны обязательно появляться на собраніяхъ общества, кромѣ того тѣхъ лицъ, которыя въ это время будутъ исполнять обязанности учителя или учительницы.

§ 6.— Передъ открытіемъ cadaго собранія общества производится выборъ учителя или учительницы. Если нѣсколько лицъ получаютъ одинаковое число голосовъ, то между ними бросается жребій. Если нѣтъ кандидатовъ на занятіе этой должности, то собраніе рѣшаетъ, будетъ ли „анархія“ или учитель или учительница будутъ назначены большинствомъ голосовъ. Лицо, избранное на эту должность, обязано добросовѣстно исполнять свои обязанности.

§ 7.— Въ случаѣ „анархій“ всѣ дѣти будутъ играть безнаказанно между собою, по своему желанію и, въ случаѣ пререканій, будутъ сами другъ друга наказывать, безъ вмѣшательства высшей власти.

§ 8.— При правильномъ устройствѣ, какъ только учитель или учительница выбраны, всѣ дѣти обязаны слѣпо исполнять приказанія учителя или учительницы.

§ 9.— Учителя или учительницы обязаны подвергать тѣлесному наказанію всѣхъ безъ исключенія провинившихся дѣтей, при чемъ, по возможности, вносить разнообразіе въ эти наказанія за дерзости или повтореніе одного и того же проступка, послѣ наказанія за него.

§ 10.— По окончаніи cadaго урока, если будетъ сдѣлано предложеніе, хотя бы со стороны одного изъ учениковъ, о необходимости подвергнуть тѣлесному наказанію учителя или учительницу, дѣти выбираютъ изъ числа ихъ старшаго, который уже и назначаетъ наказаніе учителю или учительницѣ по своему усмотрѣнію.

§ 11.— Никто не можетъ отказаться отъ исполненія обязанностей учителя или учительницы во время собранія, если нѣтъ желающаго замѣнить ихъ.

§ 12.— Дѣтямъ рекомендуется вносить въ свои игры какое-угодно разнообразіе. Но безусловно запрещено всякое безнравственное сближеніе между лицами разныхъ половъ. Учителя и учительницы обязаны за малѣйшіе болѣе или менѣе безнравственные поступки подвергать провинившагося, даже противъ его желанія, жестокому тѣлесному наказанію. При чемъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ, назначать возможно большее число ударовъ, усиливать тягость наказанія большимъ униженіемъ, стараться причинить большую боль, наказывая на вѣсу и т. п., давать сполна назначенное число ударовъ, если замѣтно, что виновный или виновная слабо наказаны. При потерѣ сознанія во время

наказанія, учитель или учительница принимаютъ мѣры къ приведенію въ чувство виновнаго, но, по приведеніи въ чувство, продолжаютъ наказывать, если назначенное число не было дано сполна или даже въ томъ случаѣ, если, по ихъ мнѣнію, наказаніе не достаточно сильно. Такъ какъ всѣ члены общества, что принимаютъ настоящія условія, то объ отвѣтственности за послѣдствія отъ наказанія не можетъ быть и рѣчи.

Учитель или учительница, отступившіе отъ правилъ этого параграфа, сами подвергаются подобному же наказанію, что не избавляетъ и виновныхъ отъ заслуженнаго, но непонесеннаго ими наказанія, или слабаго наказанія. Если безнравственный поступокъ совершенъ безъ участія и согласія другого лица, то это лицо обязательно все-таки наказывается довольно строго, хотя не жестоко, какъ главный виновникъ и послѣ наказанія его. Въ противномъ случаѣ оба одинаково наказываются или исключаются изъ членовъ общества, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ.

§ 13.— Наказанія производятся, согласно инструкціи, одобренной общимъ собраніемъ членовъ, въ экзекуціонной комнатѣ въ присутствіи не менѣе двухъ „дѣтей“. Въ случаѣ отказа дѣтей добровольно присутствовать при наказаніи, то они назначаются учителемъ или учительницей.

§ 14.— Дѣти обязаны являться на собранія только тогда, когда совершенно здоровы.

Далѣе идетъ нѣсколько параграфовъ, въ которыхъ перечисляются поводы для наказанія. Тутъ встрѣчается столько безобразнаго, что мы не рисуемъ выписывать, а приводимъ инструкцію учителю или учительницѣ.

Инструкція учителю или учительницѣ. М ѣ р а н а к а з а н і я. Назначеніе за вину числа ударовъ зависитъ всецѣло отъ полного усмотрѣнія наказывающаго.

Обязательно только наказывать дамъ не менѣе какъ десятью ударами, а мужчинъ не менѣе какъ двадцатью.

Для неопытныхъ считаемъ нужнымъ объяснить, что назначеніе для дамы нѣсколькихъ сотенъ, а для мужчины нѣсколькихъ даже десятковъ сотенъ, ударовъ розгами или плеткой не можетъ имѣть ровно никакого вреда для здоровья.

Слѣдуетъ руководствоваться §§ 4 бисъ и 12. Потеря сознанія при наказаніи не представляетъ также ничего опаснаго, если наказываемый или наказываемая въ возрастѣ не выше шестидесятипяти лѣтъ.

Рекомендуется не давать бичемъ дамамъ болѣе двадцати ударовъ, а мужчинамъ болѣе сорока. Но учитель или учительница не нарушаютъ статута, если дадутъ и значительно большее число ударовъ бичемъ. Лучше всего каждое строгое наказаніе розгами или плеткой заканчивать, особенно для мужчинъ, нѣсколько сильными ударами дамскаго бича.

Вообще слабое наказаніе для дамы будетъ отъ тридцати до ста розогъ, для мужчины отъ двухсотъ до пятисотъ, строгое —

для дамы свыше двухсотъ до трехсотъ, для мужчины — свыше пятисотъ до восьмисотъ и, наконецъ, жестокое наказаніе для дамы свыше трехсотъ, а для мужчины свыше восьмисотъ.

Для усиленія строгости наказанія можно наказывать розгами на вѣсу или мочить розги въ соленой водѣ во время наказанія или наказывать въ два удара, одновременно съ двухъ сторонъ.

Орудія наказанія. Допускаются всевозможныя орудія для наказанія виновныхъ при условіяхъ, указанныхъ въ § 4 статута.

Безспорно самымъ превосходнымъ орудіемъ являются толстые березовые прутья, связанные въ пучки изъ двухъ-трехъ прутьевъ, длиною около метра.

Пучки хранятся, для сохраненія эластичности, все время въ водѣ, вынимаются изъ воды и вытираются только передъ самымъ наказаніемъ.

Плетки. Плетки всевозможныхъ видовъ тоже хорошее орудіе наказанія. Онѣ имѣются всевозможныхъ видовъ: кожаныя, веревочныя, длинныя, короткія, трехвостки и до англійскихъ девятихвостокъ. Въ общемъ плеть довольно строгое орудіе наказанія, и къ нему лучше тогда только обращаться, когда желательно особенно строго и даже жестоко наказать провинившагося „ребенка“.

Орты — особое колючее растеніе — должно быть также причислено къ числу довольно строгихъ орудій наказанія.

Дамскій бичъ. Бичъ дамскій прекрасное орудіе наказанія. Мужской бичъ запрещено употреблять для наказанія. Дамскій бичъ тонокъ и гибокъ; онъ состоитъ изъ цѣльнаго китоваго уса и покрывается прорезиненной ниткой. Необходимо только снять шелковый узелокъ, который, обыкновенно, дѣлаютъ на концѣ бича-сѣдѣльники.

Такой бичъ довольно серьезное орудіе наказанія въ рукахъ учителя или учительницы, способныхъ во время наказанія нѣсколько увлекаться. Нужно наказывать имъ умѣючи, съ нѣкоторой умѣренностью, конечно, не переходящей въ сентиментальность, такъ какъ онъ сѣчетъ ужасно. Обыкновенно его употребляютъ какъ послѣдній аккордъ послѣ хорошаго наказанія розгами, давая имъ десять-двадцать и больше ударовъ.

Способы привязыванія. Способы привязыванія, какъ и орудія наказанія, безконечно разнообразны.

Безусловно только необходимо наказываемаго привязывать: во-первыхъ, неподвижность дастъ возможность направлять удары туда, куда ему угодно, а, во-вторыхъ, онъ можетъ спокойно наблюдать за дѣйствіями розогъ или другого орудія наказанія, увеличивая или уменьшая силу ударовъ.

Кромѣ того привязь имѣетъ громадное моральное значеніе: наказываемый чувствуетъ, что онъ вполне во власти наказывающаго его, который будетъ сѣчь его, пока найдетъ самъ нужнымъ.

Самая идеальная мебель для наказанія это — дубовая или даже солидная простая скамья. На подобной скамейкѣ превосходно можно привязать виновнаго или виновную. Скамья можетъ

быть отдѣлана съ желательной роскошью. Она позволяет наказывающему обходить со всѣхъ сторонъ, позволяет наказывать розгами съ обѣихъ сторонъ или вдоль, если наказывающій станетъ у головы наказываемаго или у его ногъ.

Можно привязывать на стулъ (очень крѣпкомъ); стулъ опрокидываютъ спинкой на полъ, наказываемый становится на колѣни на эту спинку и наклоняетъ свой корпусъ впередъ до краевъ стула такъ, чтобы его плечи касались концовъ переднихъ ножекъ стула. Въ такомъ положеніи привязываютъ колѣнки къ сидѣнью стула, корпусъ къ переднимъ ножкамъ, а кисти рукъ къ заднимъ ножкамъ.

Можно привязать и понятно безъ объясненій поперекъ или вдоль кровати.

На столъ привязываютъ, какъ на скамѣи или еще такъ: велятъ виновному или виновной лечь грудью на столъ, за талию привязываютъ ремнемъ или веревкой крѣпко къ доскѣ стола, длинными веревками кисти рукъ привязываются къ переднимъ ножкамъ стола, къ каждой ножкѣ по одной рукѣ. Ноги къ задн. нож.

Есть еще такой способъ: на виновнаго, раздѣтаго для наказанія, надѣваютъ особый поясъ изъ толстой кожи съ кольцомъ и пряжкой. Кольцо, когда поясъ надѣтъ, должно прийтись посреди спины, а пряжка, для застегиванія ремня, на животѣ. Для мужчинъ отъ кольца идетъ еще неширокій ремень, который потомъ дѣлается настолько широкимъ, чтобы онъ могъ вполне закрыть половые органы, затѣмъ ремень опять сильно суживается и за особую пряжку можетъ быть закрѣпленъ на животѣ. Такимъ образомъ у мужчины, во время наказанія его розгами или плетью, половые органы будутъ защищены отъ ударовъ.

Съ солиднаго крюка въ потолокъ спускается толстая веревка, которая пропускается черезъ кольцо въ поясъ, проходя между лянками. Руки прикрѣпляются къ крючку въ полъ.

Въ способъ привязыванія нѣтъ никакого ограниченія и все зависитъ отъ фантазіи наказывающаго.

Учитель можетъ приказать держать дѣтямъ наказываемаго „ребенка“ или велѣть имъ сѣчь виновнаго или виновную. Подобныя приказанія, подъ угрозой жестокаго наказанія или исключенія изъ общества, должны исполняться безпрекословно.

На этихъ выпискахъ мы остановимся.

Среди прославленныхъ клубовъ флагеллянтовъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о клубѣ „Добродушія“, собранія котораго происходили въ Берлинѣ въ наши дни.

Членами его были исключительно люди изъ высшаго свѣта. Тутъ были доктора, адвокаты, богатые купцы.

Значительное число дамъ, большею частью замужнихъ, женъ членовъ клуба, были приняты въ клубъ членами, на одинаковыхъ правахъ съ мужчинами.

Собранія членовъ клуба происходили въ Шарлотенбургѣ и выдавались за собранія людей, желающихъ провести весело время, устраивая балы, банкеты, экскурсіи и т. п.

Но въ одинъ прекрасный день полиція нагрязнула въ клубъ и прекратила эти мирныя собранія. Дѣйствительно, клубъ „Добродушія“ служилъ притономъ для самаго безшабашнаго разврата. Въ него дамы, молоденькія дѣвушки приходили въ костюмахъ, способныхъ возбудить похотливость у самого развращеннаго мужчины. Обыкновенно онѣ являлись, на примѣръ въ костюмъ бебешекъ, въ совсѣмъ коротенькихъ юбочкахъ, въ башмачкахъ нѣжныхъ цвѣтовъ, которые давали имъ возможность появляться съ обнаженными икрами.

Развлеченія отличались разнообразіемъ: разыгрывались довольно часто сцены домашняго наказанія. Дамы или мужчины въ костюмахъ школьникова или школьницъ, въ коротенькихъ юбочкахъ, подвергались тѣлесному наказанію.

Одной изъ любимыхъ игръ была игра „горячихъ рукъ“. Одно лицо становилось на колѣни, положивъ голову дамъ подъ юбки, чтобы не видать лицъ тѣхъ, которые затѣмъ начинали, по очереди, ударять во всю силу рукой по обнаженнымъ ягодицамъ. Послѣ каждаго удара стоящее на колѣняхъ лицо должно было назвать по имени того, кто его ударилъ. Если оно угадывало, то его смѣняло угаданная имъ личность, если же не угадывало, то продолжали бить, пока не угадаетъ.

Устраивались нерѣдко импровизированные балы, на которыхъ, послѣ безумныхъ танцевъ, происходили сцены такихъ оргій, что нѣтъ возможности даже передать.

Подобныя сцены происходили въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока не нагрязнула полиція. Было возбуждено преслѣдованіе, но въ клубъ участвовало очень много вліятельныхъ лицъ, почему пришлось дѣло замять.

Полиція много разъ обнаруживала въ крупныхъ столичныхъ городахъ существованіе клубовъ флагеллянтовъ, въ которыхъ собирались мужчины и женщины изъ хорошаго общества и разыгрывали разныя глупыя комедіи.

Такъ на примѣръ, въ одномъ изъ подобныхъ собраній члены являлись въ капишонахъ и съ масками на лицахъ.

Затѣмъ каждый изъ присутствующихъ исповѣдывался въ своихъ грѣхахъ и духовникъ назначалъ эпитимію въ видѣ наказанія розгами или плетью и т. п., которое тутъ же приводилось въ исполненіе.

Были также собранія, состоявшія исключительно изъ однихъ женщинъ, которыя, поднявъ юбки, по командѣ президентши, хлестали другъ друга до крови розгами, причемъ президентша указывала мѣста, по которымъ слѣдовало бить.

Затѣмъ президентша сходила съ эстрады въ общій кругъ, чтобы подвергнуться флагелляціи отъ одной изъ членшъ.

Въ нѣкоторыхъ клубахъ въ Америкѣ бываютъ сообщенія по вопросу флагелляціи. Одинъ изъ такихъ лекторовъ утверждаетъ, что сладострастное наслажденіе можетъ получиться отъ двухъ причинъ: первая это, что предметъ нашихъ вождѣленій близко подходитъ къ созданному нашимъ воображеніемъ идеалу красоты

женщины, а вторая, — когда мы видимъ, что этотъ предметъ испытываетъ наивозможно сильныя ощущенія. Ни одно чувство не можетъ быть столь сильнымъ, какъ боль; оно вполне искренно. Его нельзя симулировать, какъ, напримѣръ, большинство женщинъ симулируютъ сладострастную спазму..

Въ общемъ всѣ подобные клубы состоятъ главнымъ образомъ изъ женщинъ, которымъ наскучилъ брачный режимъ своей холодностью по сравненію съ той горячностью, которую имъ приходилось встрѣчать со стороны своихъ мужей въ первое время замужества. И вотъ онѣ селятся, при помощи флагелляціи, вновь испытать пріятныя ощущенія.

Въ Америкѣ флагелляція со сладострастною цѣлью сильно распространена. Въ этомъ я убѣдился изъ источниковъ официальныхъ. Это — родина флагелляціи. Розги такъ сказать растутъ и семьяхъ. Волшебное слово „порка“ постоянно встрѣчается въ разговорахъ, книгахъ, рассказахъ, пѣсняхъ и т. д. Съкутъ съ цѣлью отучить отъ лѣности, съ цѣлью наказать, или отомстить, ради гигиены или, наконецъ, ради удовольствія.

Такіе города, какъ напримѣръ, Нью-Йоркъ, или Чикаго, или Бостонъ, представляютъ для любителя флагелляціи настоящее сокровище, благодаря массѣ профессиональныхъ флагеллянтшъ, которыя владѣютъ своимъ искусствомъ въ совершенствѣ.

Такъ недавно бостонская полиція закрыла клубъ флагеллянтовъ, члены котораго были отчаянными приверженцами этой мистической страсти.

Это былъ вполне закрытый клубъ и служилъ для собраній членовъ изъ избраннаго общества. Чтобы попасть во временные члены этого клуба необходимо было затратить не мало времени и трудовъ.

Клубъ занималъ роскошное помѣщеніе въ *Park Avenue* и имѣлъ болѣе ста пятидесяти членовъ, изъ которыхъ около шестидесяти женщинъ.

Кромѣ того, по уставу, каждый членъ мужчина имѣлъ право являться въ клубъ въ сопровожденіи дамы, такъ что на собраніи большинство состояло изъ женщинъ.

Въ помѣщеніи имѣлось большое зало для конференцій съ эстрадой, снабженной всѣмъ необходимымъ для флагелляціи. Другое большое зало, предназначенное для коллективной флагелляціи, имѣло все необходимое для производства флагелляціи одновременно сорока персонами. Кромѣ этихъ двухъ большихъ залъ, назначенныхъ для публичныхъ флагелляцій, клубъ имѣлъ еще нѣсколько „отдѣльныхъ кабинетовъ, называвшихся „отдѣльными комнатами“ и снабженныхъ каждая безусловно всѣмъ, необходимымъ для келейной флагелляціи. Была также читальная комната съ библіотекой, снабженной книгами на всѣхъ языкахъ, трактующими о флагелляціи, а также папками съ фотографіями и гравюрами на тотъ же сюжетъ.

Подобно всѣмъ остальнымъ американскимъ клубамъ, этотъ клубъ имѣлъ превосходную кухню, кафе для дамъ, баръ и курильную комнату.

Президентней была вдова полковника И..., дама высшаго свѣта, лѣтъ подѣ тридцать, замѣчательная красавица. Чтобы попасть во временные члены, необходимо было найти двухъ членовъ клуба, которые согласились бы быть „крестными отцами“ и представить президентшѣ.

Въ день, когда нагрянула полиція въ клубъ, она захватила слѣдующую соблазнительную недѣльную программу:

ПРОГРАММА

Понедѣльникъ. Въ 3 часа дня. Зало конференцій. Миссъ А. К... сдѣлаетъ сообщеніе относительно выбора орудій флагелляціи и различныхъ послѣдствій, получающихся отъ ихъ дѣйствія, съ демонстраціей публично на нѣсколькихъ мужчинахъ и женщинахъ.

Вторникъ. Въ 3 часа дня. Зало конференціи. Миссъ Ж. С... сдѣлаетъ сообщеніе относительно воспитанія при помощи розогъ, съ демонстраціей надѣ ученикомъ двѣнадцати лѣтъ. Послѣ лекціи миссъ Ж. С... предлагаетъ свои услуги членамъ обоого пола, желающимъ подвергнуться флагелляціи въ „отдѣльной комнатѣ“.

Среда. Въ 5 часовъ дня. Большое зало для флагелляцій. Сестры Д. и А. Р... прочтутъ лекцію относительно сладострастной флагелляціи, съ демонстраціей надѣ желающими членами изъ числа присутствующихъ. Послѣ лекціи, сестры предоставляютъ себя въ распоряженіе тѣхъ членовъ, которые пожелаютъ воспользоваться ихъ услугами въ „отдѣльныхъ комнатахъ“.

Четвергъ.— Въ 3 часа дня. Зало конференцій. Сообщеніе относительно примѣненія флагелляціи между супругами съ практическимъ урокомъ. На этомъ сообщеніи могутъ присутствовать только лица, готовые принять активное участіе въ лекціи.

Пятница.— Въ 4 часа дня. Зало конференцій. Миссъ А. Д... прочтетъ лекцію относительно флагелляціи какъ средства, пробуждающаго заснувшую половую способность мужчины, съ демонстраціей надѣ желающими особами изъ числа присутствующихъ. Послѣ лекціи, миссъ А. Д... предоставляетъ себя въ распоряженіе членовъ, желающихъ воспользоваться ея услугами въ „отдѣльныхъ комнатахъ“.

Суббота.— Въ 2 часа дня. Большое зало для флагелляцій. Миссъ Б. К..., укротительница дикихъ звѣрей, вторично предполагаетъ держать пари, что она силой раздѣнетъ на эстрадѣ и высѣчетъ любого мужчину, который пожелаетъ принять пари и выйти на эстраду. Пари сто долларовъ (около 200 руб.) Послѣ лекціи и пари, миссъ Б. К... предоставляетъ себя въ распоряженіе любителей флагелляціи въ „отдѣльныхъ комнатахъ“.

Здѣсь, въ этой программѣ мы видимъ почти всѣ виды флагелляціи. Одно уже чтеніе ея должно было бросить въ жаръ любителя флагелляціи.

Слѣдуетъ обратить еще на то вниманіе, что лекторши, послѣ каждой лекціи, предоставляютъ себя въ распоряженіе любителей флагелляціи въ отдѣльной комнатѣ. Очевидно, въ томъ разсчетѣ, что лекція должна была настроить такъ воображеніе любителей флагелляціи, что они пожелаютъ немленно вкусить сладость жгучихъ ласкъ розогъ. Для такихъ гастрономовъ подобное наказаніе ихъ розгами предоставляетъ еще ту прелесть, что возбужденіе удовлетворяется той самой особой, которой оно было вызвано.

На дознаніи, одинъ изъ допрошенныхъ приставомъ мужчинъ, нѣкій А. К..., пожелавшій быть временнымъ членомъ клуба, показываетъ, что „не успѣлъ онъ разсмаковать вдоволь программу, какъ явился грумъ и сказалъ ему, что президентша ждетъ его въ своемъ кабинетѣ.

Я немедленно проникъ въ святилище, которое было настоящей игрушкой. Стѣны, обтянутыя шелковой матеріей, были украшены картинами французскихъ художниковъ, изображавшими различныя сцены флагелляціи. На художественной мебели и этажеркахъ множество разныхъ дорогихъ и изящныхъ бездѣлушекъ, напоминающихъ все ту же флагелляцію, при помощи изображеній обнаженныхъ фигуръ мужчинъ и женщинъ, подвергающихся въ разныхъ положеніяхъ наказанію розгами. Здѣсь все напоминало таинственную страсть. На столѣ, украшенномъ букетомъ живыхъ цвѣтовъ, лежало нѣсколько большихъ пучковъ березовыхъ розогъ и дамскихъ бичей.

Президентша сидѣла за своимъ рабочимъ столомъ, нюхая букетъ цвѣтовъ. На мой глубокій поклонъ она отвѣтила привѣтливымъ наклоненіемъ своей хорошенькой головки и глазами пригласила сѣсть въ одно изъ стоявшихъ у стола уютныхъ кресель.

— Вы просите, чтобы васъ приняли на одну недѣлю временнымъ членомъ нашего клуба. Я должна васъ предупредить, что мы оказываемъ такую любезность исключительно только поклонникамъ флагелляціи.

— Мадамъ, эта страсть врядъ ли имѣетъ болѣе горячаго поклонника, чѣмъ вашъ покорный слуга.

— Отлично, возразила она, но по уставу, мы должны имѣть доказательства; такъ какъ мы желаемъ, во что бы то ни стало, не допустить въ наше общество зубоскаловъ и любопытныхъ, которые ровно ничего не смыслятъ въ нашей прекрасной страсти, а являются сюда ради пріятнаго зрѣлища. Въ особенности мы боимся газетчиковъ, которые проникаютъ въ нашу среду при помощи всевозможныхъ уловокъ въ поискахъ за сенсационными статьями въ своихъ газетахъ. Мы создали нашъ клубъ, чтобы дать въ немъ возможность нашей семьѣ страстныхъ флагеллянтовъ удовлетворять свою страсть, а не съ цѣлью отдавать священные для насъ обряды нашего культа на осмѣяніе и поруганіе глупой толпы. Чтобы принять васъ въ нашу среду, хотя бы даже и временно, я должна удостовѣриться, что вы дѣйствительно изъ числа нашихъ адептовъ!

Госпожа президентша, отвѣчалъ я, я готовъ дать вамъ какія угодно доказательства.

Разспросивъ затѣмъ меня, когда я послѣдній разъ подвергался флагелляціи, сколькимъ ударамъ розгами или другимъ орудіемъ, кто была экзекуторша, однимъ словомъ, войдя въ самыя мельчайшія подробности,— такъ, выразивъ удивленіе, что слѣды флагелляціи, по моимъ словамъ, почти исчезли, хотя, какъ я увѣряю, подвергся жестокой флагелляціи розгами всего какихъ-нибудь восемь дней тому назадъ,— она заявила, что, ввиду подобнаго противорѣчія, не можетъ меня принять даже во временные члены безъ особаго испытанія...

— Я готовъ на какое угодно испытаніе, заявилъ я.

— По нашему статуту вы должны подвергнуться сорока ударамъ дамскаго хлыста. Если кандидатъ, не будучи привязаннымъ, выдержать покорно ихъ всѣ до послѣдняго удара, не стараясь уклониться, мы признаемъ его за настоящего адепта флагелляціи и дозволяемъ ему посѣщеніе нашихъ собраній.

— Я выдержку сорокъ ударовъ, не сморгнувъ глазомъ, президентша, отвѣчалъ я съ горячностью.

— Превосходно, сказала прелестная женщина, слегка улыбаясь; я вамъ дамъ записку къ одной изъ дамъ членовъ клуба, которая дастъ вамъ сорокъ ударовъ, и мое рѣшеніе будетъ зависѣть отъ того, что она мнѣ напишетъ о васъ.

Она взяла листикъ почтовой бумаги и, написавъ на немъ нѣсколько строкъ, вложила въ конвертъ, заклеила его и передала мнѣ, сказавъ слѣдующее:

— Вотъ вамъ записка къ ней, это совсѣмъ недалеко отсюда, въ четвертой авеню, м-мъ Б. П... Я нарочно выбрала для васъ одну изъ нашихъ самыхъ опытныхъ флагеллянтшъ... Если вы дѣйствительно такой ярый адептъ флагелляціи, какъ вы увѣряете меня, то вы вполнѣ насладитесь, получивъ отъ нея сорокъ ударовъ дамскимъ хлыстомъ. Она дастъ вамъ ихъ опытной рукой. Итакъ, отправляйтесь же къ ней сейчасъ,— я буду васъ ждать съ ея ответомъ здѣсь въ два съ половиною часа.

Въ восторгъ отъ такого счастливаго случая, какъ подвергнуться сѣченію рукой свѣтской женщины, я вскочилъ въ первый попавшійся мнѣ кэбъ и велѣлъ везти меня по данному мнѣ адресу.

М-мъ Б. П... занимала прекрасный особнякъ, стоявшій въ громадномъ саду.

Въ прихожей я засталъ цѣлую толпу съ лѣстницами всевозможныхъ рабочихъ, занятыхъ обтяжкой стѣнъ матеріей въ то время, какъ другіе рабочіе разставляли разную мебель и деревья въ кадкахъ.

Передавъ лакею письмо, я вскорѣ былъ введенъ въ гостиную, гдѣ все было въ страшномъ безпорядкѣ: мебель составлена въ кучу, покрыта чехлами и нѣсколько обойщиковъ работали надъ украшеніемъ стѣнъ гирляндами изъ цвѣтовъ и электрическими лампочками.

Вдругъ открылась одна дверь и въ комнату влетѣла, какъ вихрь, хозяйка дома, довольно интересная, стройная, высокая блондинка, одѣтая въ кружевной капоть. Она держала въ рукахъ записку президентши и попросила меня пройти въ ея будуаръ.

— Она просто съума сошла, полковница! Посылаетъ ко мнѣ выпоротъ кандидата! Вѣдь она отлично знаетъ, что сегодня вечеромъ я даю балъ и у меня положительно нѣтъ минуты свободной. Нѣтъ, воля ваша, она совсѣмъ одурѣла; въ клубъ шестьдесятъ флагеллянтшъ и непременно я должна васъ высѣчь!

Говоря это, она все время ломала себѣ руки.

— Послушайте, сказала она, я васъ отдѣлаю въ одну секунду, у меня тутъ гдѣ-то есть дамскій хлысть,— въ одномъ изъ ящичковъ.

Мнѣ кровь бросилась въ голову, когда я услыхалъ эти слова. Я уже началъ разстегивать подтяжки, какъ кто-то постучался въ дверь.

Въ комнату вошла горничная, дѣвица высокая, лицо разгорѣлось, голосъ большой и смѣлый, на видъ очень сильная, говоритъ она, точно спрашиваетъ и чудится мнѣ въ этомъ голосѣ злая слеза. Поклонился я ей, взглянула она на меня такъ, словно я ей великое зло однажды сдѣлалъ.

— Барыня, сказала она, портниха пришла.

— Портниха! вскрикнула хозяйка дома, ломая пальцы рукъ и хватаясь за голову.

Боже мой! Вы видите, сказала она, обращаясь ко мнѣ, что я не могу, вы меня ужъ извините, при всемъ желаніи, я не могу сама и поручу васъ наказать горничной, а пока приготовлю для васъ удостовѣреніе; вѣдь для васъ это должно быть безразлично,— вамъ главное получить удостовѣреніе?!

— Бетти, сказала она горничной, проведите этого господина въ свою комнату и дайте ему сорокъ хорошихъ ударовъ хлыстомъ по голому тѣлу. Вѣдь, у васъ есть хороший хлысть?

— У меня все есть, что нужно, отвѣчала горничная, не скрывая своего неудовольствія, но дѣло въ томъ, что сейчасъ серебрянникъ принесетъ изъ чистки серебро и нужно, чтобы я провѣрила его.

— Ну, это глупости, вѣдь не часъ же вы будете давать ему сорокъ ударовъ! Дайте ихъ ему поскорѣе, а если придетъ серебрянникъ, то поручить высѣчь его Луизѣ.

Сказавъ это, она быстро ушла, какъ обрывакъ тучи въ вѣтряный день.

Горничная сухо велѣла мнѣ слѣдовать за ней. Она поднялась по безконечной лѣстницѣ въ самый верхній этажъ особняка.

— Это просто безобразіе, ворчала она сквозь зубы, постоянно мнѣ приходится нести подобную обузу. Извольте пороть мужчинъ! Если бы это меня забавляло; я не членъ ихъ дурацкаго клуба и мнѣ наплевать на ихъ грязную забаву! Я больше тороплюсь, чѣмъ барыня,— портниха могла бы свободно подождать; она не пропала бы! Серебрянникъ это другое дѣло, нужно принять отъ него счетомъ. Потомъ не хватить,— я же буду отвѣчать, а не барыня!

Наконецъ, мы поднялись и вошли въ ея комнату, бывшую въ полномъ хаосѣ: платья валялись вмѣстѣ съ грязными полотенцами на мебели и на полу.

— Ну, живо, раздѣвайтесь, сказала горничная, у меня нѣтъ времени съ вами прохладиться! Я покажу барынь, какъ поручать мнѣ вмѣсто себя пороть мужчинъ! Эти сорокъ ударовъ вы будете всю жизнь помнить!..

Она стала торопливо искать въ ящикахъ хлысть. Я разсматривалъ здоровенную дѣвицу, грубую, съ насупившимися бровями очень густыми и соединявшимися на лбу, что придавало ей особенно повелительный видъ. Я началъ испытывать нѣкоторый страхъ въ ожиданіи ударовъ, которыми она меня пугала и которыхъ, возможно, я не въ силахъ буду выдержать и тогда прощай моя надежда попасть въ члены клуба!

Постучались въ дверь и затѣмъ вошла довольно некрасивая дѣвочка лѣтъ пятнадцати.

— Мадемуазель Берта, сказала она, пришелъ серебрянникъ и проситъ васъ сейчасъ же придти и провѣрить серебро, такъ какъ онъ не можетъ ждать ни одной минуты...

— Ну, вотъ видите! Сказала съ досадой горничная. Послушай, Луизочка, барыня велѣла мнѣ дать этому господину по голому тѣлу сорокъ ударовъ хлыстомъ. Дай ихъ ему, что есть мочи. Поищи хлысть, онъ, кажется, въ какомъ-то ящикѣ. И высокая злая дѣвица скрылась, какъ ураганъ.

Какъ только она ушла, дѣвочка залилась веселымъ смѣхомъ; захлопала руками и, подпрыгивая, пролепетала:

— Вотъ такъ повезло! Я страшно люблю бить мужчинъ. Вы не смѣйтесь, я умѣю бить сильно и даже очень сильно. Вотъ увидите! Гдѣ же это хлысть?

Она пооткрывала всѣ ящики, но хлыста не находила.

— Экая досада, проговорила дѣвочка, видимо недовольная. Послушайте, чтобы у меня совѣсть была чиста и вы получили бы удостовѣреніе... Я вѣдь все знаю, это не въ первый разъ!.. Хотите я дамъ вамъ сорокъ ударовъ руками? Тогда, живо раздѣвайтесь и на кровать!..

Для меня было главное получить удостовѣреніе и попасть въ члены, что не только удовлетворяло мою страсть къ флагелляціи, а, главное, давало мнѣ возможность, подъ псевдонимомъ, описать этотъ клубъ и заработать отъ издателя газеты не менѣе ста долларовъ.

— Я, показываетъ на дознаніи репортеръ, раздѣлся и легъ, на край кровати, занявъ положеніе, удобное для полученія ударовъ.

— Вы будете сами считать удары, сказала дѣвочка; когда я дамъ вамъ всѣ сорокъ, вы скажете, чтобы я перестала васъ бить...

И дѣвочка начала меня бить рукой. Я не стану лгать и увѣрять, что я страдалъ отъ боли подъ ея ударами. Я забылъ, что долженъ былъ считать. Думая, что она дала мнѣ всѣ, я всталъ и сказалъ, что получилъ всѣ сорокъ.

Но она меня остановила, когда я сталъ было приводить въ порядокъ свой костюмъ, слѣдующими словами:

— Нѣтъ, нѣтъ, вы сплутовали, я вамъ не довѣряла и сама считала. Я вамъ дала всего тридцать шесть ударовъ... Ложитесь опять.

Я снова легъ и она дала мнѣ во всю свою силу еще четыре удара.

— Ну, живо, одѣвайтесь и идемъ скорѣе, а то мнѣ некогда!

Внизу я встрѣтилъ злую горничную, все попрежнему надутую. Она мнѣ протянула миниатюрный конвертикъ, еще не заклеенный, съ написаннымъ на немъ адресомъ президентши.

На улицѣ, прежде чѣмъ заклеить конвертикъ, я не удержался отъ любопытства и прочелъ записку. Вотъ что писала дама:

„Дорогой другъ! Вы свободно можете принять въ члены клуба предъявителя этого письма. Я велѣла дать ему сорокъ ударовъ хлыстомъ своей горничной Бертъ, большой любительницѣ, въ такихъ случаяхъ, вымещать свою злость на спинахъ мужчинъ, а потому вы можете быть спокойны, вашему протезу не было оказано ни малѣйшей пощады!“

Вотъ такъ-то пишется исторія! Подумалъ я, заклеивая конвертикъ.

Въ глубинѣ души я жалѣлъ, что ускользнулъ отъ хлыста свѣтской барыни или ея свирѣпой камеристки.

Вернувшись домой, я перемѣнилъ платье и отправился позавтракать, Ровно въ два съ половиною часа я былъ въ клубѣ, въ кабинетѣ президентши.

Она быстро пробѣжала записку своей подруги, молча написала мнѣ билетъ на право входа въ собранія клуба въ теченіе недѣли и передала его мнѣ.

Я поблагодарилъ ее отъ всего сердца и даже, сознаюсь, почувствовалъ нѣкоторое угрызеніе, вѣроятно, такое же, которое испытываютъ предатели... Но что подѣлаешь, если страсть къ флагелляціи была у меня слабѣе страсти заработать сто долларовъ.

За нѣсколько минутъ до трехъ часовъ я былъ уже въ залѣ конференціи и занялъ кресло въ четвертомъ ряду.

Народу было уже довольно много. Это была вполне избранная публика: дамы въ дивныхъ туалетахъ, мужчины корректные и элегантные.

Прозвенѣлъ колокольчикъ и на эстрадѣ появилась Ж. С... Это была совсѣмъ еще молодая особа. На видъ ей можно было дать не больше двадцати пяти лѣтъ. Лицо у ней было сухое, выраженіе довольно злое. Она была одѣта въ дамскій охотничій костюмъ. Впослѣдствіи оказалось, что она была учительницей одной изъ сельскихъ школъ въ окрестностяхъ Бостона; Джекъ же былъ ученикомъ ея школы. Когда до губернатора дошло свѣдѣніе о ея лекціи и демонстраціи, то онъ велѣлъ немедленно предать ее дисциплинарному суду, который уволилъ ее со службы.

Отецъ Джека возбудилъ противъ нея судебное преслѣдованіе и судъ приговорилъ ее къ двухъ недѣльному тюремному заключенію или штрафу въ 30 дол. (около 60 р.).

Какъ дисциплинарный судъ, такъ и судья, въ мотивахъ приговора, объяснили, что учительница имѣла полное право наказать Джека розгами за лѣность, непослушаніе и дерзость даже гораздо строже, чѣмъ она его наказала, но не имѣла никакого права наказывать его на эстрадѣ, въ присутствіи совершенно постороннихъ лицъ.

Звонкимъ и пріятнымъ голосомъ она прочла свою лекцію. Я записалъ нѣкоторыя мѣста изъ нея.

— Милостивыя государыни и государи, начала она! Я вполнѣ счастлива, что могу передъ вами констатировать тотъ фактъ, что при воспитаніи дѣтей въ нашей странѣ наказаніе розгами сохраняется въ громадномъ большинствѣ семей, несмотря на то, что употребленіе розогъ имѣетъ многихъ враговъ, которыхъ я не считаю настоящими американцами.

Розги почти исчезли во Франціи и Италіи, но сохранились въ Англіи, Германіи, Австріи, Россіи и многихъ другихъ странахъ. Мы знаемъ, что престижъ розогъ, которымъ онѣ пользуются у насъ въ Америкѣ, не менѣе великъ, чѣмъ, во всѣхъ этихъ странахъ. У насъ употребленіе розогъ при воспитаніи нашихъ дѣтей вошло въ наши нравы, и розги занимаютъ почетное мѣсто какъ въ школахъ, такъ и въ семьяхъ.

Если не фарисействовать, то придется признать, что нѣтъ болѣе дѣйствительнаго средства добиться отъ ребенка послушанія и прилежанія; розгами можно укротить самую упрямую, буйную натуру.

Изъ всѣхъ репрессивныхъ мѣръ, эта — наиболѣе практичная и скорая.

Назначеніе въ наказаніе списыванія извѣстнаго числа страницъ, карцера, хлѣба и воды, лишеніе права играть или прогулки и т. п. все это слѣдовало бы давно оставить, какъ не достигающее своей цѣли, если не считать рѣдкихъ исключеній.

Списываніе одуряетъ ученика, а остальные наказанія антигигіеничны.

Развѣ не варварство лишитъ провинившагося ребенка пищи или воздуха! Наказаніе розгами, назначенное въ разумной, строго обдуманной дозѣ, безъ жестокости, но и безъ еще болѣе вредной сентиментальности, почти всегда приводитъ къ благопріятнымъ результатамъ.

Розги, за рѣдкими исключеніями, благодѣтельно дѣйствуютъ не только на маленькихъ дѣтей, но и на юношей и дѣвочекъ подростковъ.

Я не буду касаться вопроса о наказаніи розгами лицъ взрослыхъ; такъ какъ это не входитъ въ программу настоящаго моего сообщенія. Другіе лекторы, болѣе свѣдушіе въ этомъ вопросѣ, чѣмъ я, докажутъ вамъ здѣсь, что употребленіе розогъ для наказанія взрослыхъ лицъ обоюбого пола, какъ показываетъ опытъ въ тюрьмахъ и при подавленіи народныхъ волненій различными карательными экспедиціями, — почти всегда достигало цѣли... Мы не въ силахъ с вами всецѣло передѣлать міръ и человѣческую природу.

Теорія, къ сожалѣнію, весьма и весьма частенько расходится съ практикой. Въ теоріи многое превосходно, а на практикѣ никуда не годно... Въ теоріи розги не должны примѣняться, я первая съ этимъ согласна, а на практикѣ выходитъ, что ни одно наказаніе не даетъ такихъ хорошихъ результатовъ, какъ наказаніе розгами,— къ кому бы оно не примѣнялось...

Я ограничусь сферой школьной и домашней дисциплины, гдѣ я благодаря примѣненію розогъ къ дѣвочкамъ и мальчикамъ, до четырнадцати лѣтъ, а нерѣдко къ пятнадцатилѣтнимъ и шестнадцатилѣтнимъ, достигала превосходныхъ результатовъ.

Если бы я не боялась утомить васъ,— я привела бы вамъ тысячи примѣровъ, когда наказаніе розгами производило чудеса, тогда какъ всѣ другія наказанія терпѣли полное фіаско.

Нѣкоторые изъ моихъ коллегъ не рискуютъ шестнадцатилѣтняго юношу или дѣвочку такихъ же лѣтъ за какой-нибудь выдающійся проступокъ подвергнуть жестокому наказанію розгами, съ согласія родителей даже, а предпочитаютъ исключить изъ заведенія... Результатомъ жестокаго наказанія розгами было бы, что имъ пришлось бы самое большое полежать дня два-три въ кровати, исключеніе же почти всегда коверкаетъ ихъ судьбу и дѣлаетъ изъ нихъ босяковъ, апашей и хулигановъ“...

Затѣмъ лекторша вывела на сцену мальчика лѣтъ тринадцати, котораго вмѣсто школы она за какую-то вину подвергла наказанію розгами на эстрадѣ...

Я не могъ разобрать хорошенько, что требовала отъ мальчика лекторша въ школѣ и что онъ не хотѣлъ исполнить. Теперь она хотѣла продемонстрировать, что мальчикъ, невыучившій урока и наказанный за это двумя днями карцера, все-таки не зналъ урока. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ на замѣчаніе, что, когда пишетъ въ тетради, сильно пачкаетъ ее чернилами, отвѣтилъ, что она виновата, что покупаетъ скверныя чернила; тогда она за это ударила его по щекѣ и велѣла идти стать въ углу на колѣни, но онъ не пошелъ. Тогда она вытащила его, изъ класса притащила на кухню, гдѣ съ помощью, сторожа раздѣла, разложила на скамейкѣ, привязавъ веревкой, и дала ему шестьдесятъ хорошихъ розогъ, такъ что онъ не сразу всталъ со скамейки, послѣ этого тетради стали всегда чистыми и онъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не сказалъ ни одной дерзости. Уроки тоже не готовились, пока за это она наказывала карцеромъ; но стоило ей наказать розгами, даже дать двадцать или тридцать розогъ, какъ совершалось чудо,— въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ уроки готовятся превосходно. Вотъ уже больше трехъ мѣсяцевъ, какъ она его не сѣкла розгами и сегодня „онъ не только не приготовилъ урока, но на выговоръ даже огрызнулся“...

На сдѣланный приставомъ вопросъ свидѣтелю, не можетъ ли онъ подробно описать самую демонстрацію? Этотъ господинъ показалъ, что лекторша высѣкла мальчика розгами. Мальчикъ былъ приведенъ на эстраду послѣ того, какъ она рассказала аудиторіи о его поведеніи.

„Вотъ мальчикъ, сказала она, отъ котораго ничего нельзя добиться безъ помощи розогъ“.

Джекъ стоялъ, молча, опустивъ голову внизъ.

— Будешь ли готовить уроки и не грубить? Мальчикъ не произноситъ ни звука.

— Ну, тогда мы посмотримъ, я тебѣ развяжу языкъ! Молодая женщина взяла со стола шнурокъ и связала имъ руки мальчугана, который теперь тихонько плакалъ. Затѣмъ она стала разстегивать ему панталоны; разстегнувъ, она спустила ихъ внизъ до колѣнъ и, зажавъ его голову между колѣнками, какъ щипцами, стала его сѣчь по голому тѣлу.

Джекъ велъ себя все время, какъ настоящій чертенокъ: вырывался, громко кричалъ, и жалобно просилъ не бить его.

Но онъ былъ въ крѣпкихъ тискахъ и розги теперь лежали методично, съ увѣренностью.

Когда, наконецъ, лекторша выпустила мальчика, то онъ стоялъ на эстрадѣ, какъ одурѣлый. Она снова подошла къ нему и громко спросила:

— Ну, отвѣчай же сейчасъ, будешь ли грубить въ другой разъ и не готовить уроковъ?

Мальчикъ, видимо обозленный униженіемъ и побоями на глазахъ этихъ разодѣтыхъ баръ, не произносилъ ни звука.

Тогда женщина снова схватила его и, не смотря на сопротивленіе, мгновенно заставила принять прежнее положеніе. Теперь она стала хлестать розгами съ несравненно большей силой, обломки розогъ летѣли съ эстрады въ зало.

Я съ своего мѣста отлично видѣлъ, какъ его тѣло стало темнѣть и покрываться каплями крови. Теперь уже мальчуганъ почти не сопротивлялся. Онъ, очевидно, пришелъ въ заключеніе, что упрямствомъ ничего не добьешься и все время, въ промежутки между ударами, оралъ:

— Простите миссъ! Ей Богу не буду никогда! Не буду! Не буду! Буду готовить уроки! Не буду! И еще что-то въ такомъ же родѣ.

Но миссъ, несмотря на его крики и просьбы, продолжала безжалостно пороть.

Присутствующіе хранили полное молчаніе. Только и были слышны крики мальчика, да свистъ розогъ...

Я наблюдалъ за лекторшей: она была въ страшномъ возбужденіи, съ горящими глазами и пылающими щечками; ея быстрыя и увѣренныя движенія придавали чрезвычайную очаровательность. Я многое далъ бы, чтобы быть на мѣстѣ мальчугана. Съ нетерпѣніемъ я ждалъ конца экзекуціи, когда она будетъ въ распоряженіи любителей флагелляціи въ отдѣльныхъ комнатахъ, чтобы на себѣ испытать невѣроятную жестокость ея ударовъ.

Наконецъ, она нашла, что укротила мальчика и, внявъ его мольбамъ простить, отпустила его. Надо было видѣть какъ поспѣшно, подхвативъ штанишки, удралъ онъ съ эстрады.

Всѣ присутствующіе вздохнули съ наслаженіемъ, смѣшаннымъ съ восхищеніемъ къ лекторшѣ.

Миссъ Ж. С... сошла въ зало съ эстрады. Желая первымъ подвергнуться флагелляціи въ отдѣльной комнатѣ, я подошелъ къ ней и передалъ свою просьбу.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчала она, это стоитъ пять долларовъ, вы будете первымъ нумеромъ и пошла дальше по залу, гдѣ ее тотчасъ же окружили.

Черезъ нѣсколько секундъ она сама подошла ко мнѣ и сказала:

— Не будете ли вы такъ любезны, чтобы уступить свою очередь одной дамѣ, которая страшно торопится? Вы пройдете сейчасъ же за нею, согласны? Къ тому же это не будетъ долго: въ какія-нибудь десять минутъ я ее отдѣлаю.

Я согласился. Лакей провелъ меня въ отдѣльную комнату, снабженную всѣмъ необходимымъ для упражненія. Я рѣшилъ, что пять долларовъ поставлю на счетъ издателя газеты.

Вскорѣ появилась лекторша. Какъ она сказала, она отдѣлалась отъ дамы въ десять минутъ.

— Я очень тороплюсь, сказала она мнѣ, вамъ слѣдовало заранѣе раздѣться. Вы не забываете, что еще четверо мужчинъ ждутъ моихъ услугъ. Вы понимаете, что моя лекція изрядно ихъ возбудила и они съ нетерпѣніемъ ждутъ своей очереди.

Разговаривая, она поставила скамейку посреди комнаты и достала шнурки. Я уже раздѣлся и сидѣлъ въ ночной рубашкѣ. Знакомъ руки, съ едва замѣтной насмѣшливой улыбкой, она пригласила меня лечь на скамейку. Я, слегка конфузясь, легъ на скамейку. Она все время продолжала насмѣшливо улыбаться, что придавало ей особенную прелесть. Замѣчательно быстро меня привязала къ скамейкѣ, подняла рубашку и, взявъ розги, начала пороть. По силѣ и поспѣшности, съ которой она наносила удары, я понялъ, что она, дѣйствительно, спѣшитъ и даже очень спѣшитъ. Откровенно говоря, что я не ожидалъ такихъ сильныхъ ударовъ, а по тому началъ вскрикивать отъ боли. Черезъ нѣкоторое время она перемѣнила розги, и перейдя на другую сторону скамейки, стала еще съ большей силой меня пороть. Теперь уже я не могъ отъ боли не кричать. Наконецъ, мнѣ стало совсѣмъ невтерпежъ и я началъ просить ее прекратить экзекуцію.

— Вы, кажется, совсѣмъ одурѣли, сказала на это она; не торопись я,— я бы васъ не такъ еще порола; вы не мальчуганъ, разъ вы мужчина,— должны терпѣливо выносить розги...”

Видимо она сама воодушевилась и увлеклась: я замѣтилъ, что она опять смѣнила розги и перешла на другую сторону. Мое мученіе становилось совсѣмъ нестерпимымъ, бывали такіе удары, что я отъ боли просто задыхался и не въ силахъ былъ произнести не только словъ, но даже испустить крикъ, до того у меня захватывало духъ.

— Подождите, это еще не все, сказала она, бросая розги на полъ, на закуску я угощу васъ прелестнымъ хлыстомъ. Взявъ длинный, гибкій хлыстъ изъ настоящаго китоваго уса, она стала полосовать меня имъ да такъ, что я могъ только мычать и стонать

отъ боли. Она дала мнѣ хлыстомъ всего только десять ударовъ, но я былъ совсѣмъ разбитъ...

— Это пять долларовъ, сказала она, какъ только что я съ трудомъ всталъ со скамейки. Отъ боли я забылъ о гонорарѣ. Но миссъ Ж. С..., какъ чистая американка, къ счастью ничего не забывала.

Вручивъ ей деньги, я мило съ ней простился и, по уходѣ ея, легъ отдохнуть, но пришлось лежать на животѣ, такъ какъ на спинѣ и бокахъ невозможно было отъ невыносимой боли. Рубашка была вся въ крови, но я забылъ сказать, что это была клубская рубашка, въ которую облачается каждый, подвергающійся флагелляціи. На столѣ лежало еще двѣ рубашки изъ такого же дорогого полотна.

Лежа въ такой непривычной позѣ, я размышлялъ, что затѣя издателя газеты, хотя удовлетворяя мою страсть къ флагелляціи, все-таки стоитъ гораздо больше ста долларовъ и я рѣшилъ, помимо вознагражденія за всѣ расходы, просить за статью не менѣе двухъ-сотъ долларовъ.

Я продолжалъ лежать, чувствуя, какъ боль начинала понемногу утихать. Перебѣнилъ опять рубашку, такъ какъ первая, которую я смѣнилъ послѣ наказанія, опять выпачкалась въ выступавшей все еще крови и прилипла къ тѣлу. Вдругъ слышу, что кто-то стучится. Я спрашиваю: „Кто тамъ?“ „Это я, сестра милосердія, можно войти?“. Говорю, что можно. Вошла пожилая женщина въ одеждѣ сестры милосердія. Въ рукахъ у нея была вата, клеенка, марли и два — три пузырька съ чѣмъ-то. Изъ разспросовъ оказалось, что она постоянно живетъ въ клубѣ на жалованьи, чтобы оказывать первую помощь послѣ флагелляціи.

Съ моего разрѣшенія, она осмотрѣла меня, нагрѣла воду, обмыла ею и какой-то жидкостью, которая очень щипала, изсѣченныя мѣста и затѣмъ вышла, сказавъ, что она сейчасъ принесетъ мнѣ чашку чернаго кофе съ рюмкой ликера или коньяку или рому, — по желанію. Я попросилъ принести съ рюмкой коньяку. Когда она принесла и я сталъ съ наслажденіемъ пить кофе, она замѣтила, что меня миссъ Ж. С. слабо высѣкла: „Обыкновенно она значительно сильнѣе „наказываетъ“. Нерѣдко наказанный или наказанная, особенно послѣдняя, ночуютъ въ клубѣ. Двѣ недѣли тому назадъ, она такъ наказала одну барыню, что та два дня провела въ клубѣ, — не могла встать... Вотъ вы посмотрѣли бы, какъ она ее отдѣлала, а у васъ пустяки!..“

Страсть къ флагелляціи для лицъ, коими она овладѣла, становится столь же тираничною, какъ и всякая другая страсть, на примѣръ: къ спиртнымъ напиткамъ, опіуму, морфію и т. д. Я въ этомъ убѣдился на собственной своей персонѣ.

Совершенно разбитый отъ послѣдняго наказанія, я тѣмъ не менѣе черезъ три дня уже мечталъ не столько о гонорарѣ за статью, какъ строилъ въ своемъ воображеніи разныя сцены, гдѣ розги и хлысть играли главную роль, а мое тѣло опять просило ихъ благодѣтельныхъ уколовъ“...

Я нарочно привелъ подробно выписки изъ дознанія и отчасти изъ статьи этого господина, напечатанной въ „Бостонскомъ Таймсъ“, обратившей вниманіе полиціи на клубъ, который вскорѣ былъ ею закрытъ.

Въ Берлинѣ существуетъ тоже очень много послѣдователей флагелляціи.

Мой пріятель, профессоръ Ролледеръ, зная, что я интересуюсь этимъ вопросомъ, сообщилъ мнѣ объ одномъ обществѣ флагеллянтовъ, существовашіе котораго было открыто берлинской полиціей, которая закрыла клубъ общества.

Вотъ что сообщаетъ мой уважаемый коллега, который почерпнулъ всѣ подробности изъ полицейскаго дознанія.

Общество, подобно бостонскому, стремилось къ удовлетворенію страсти къ флагелляціи.

Берлинское общество пошло немного дальше своего американскаго собрата.

Такъ оно устроило пикатное развлеченіе изъ самаго пріема каждой новой особы, пожелавшей вступить въ члены общества. Да, я забылъ сказать, что это общество состояло изъ однихъ женщинъ.

Невольный стыдъ кандидатки, ея смущеніе, оскорбленное цѣломудріе и т. д. все это доставляло большое наслажденіе членамъ.

По уставу, кандидатка въ члены общества не могла получить ни малѣйшихъ разъясненій относительно рода и характера ожидающихъ ее испытаній въ минуты посвященія въ тайны общества.

Клубъ носилъ названіе, не позволявшее угадать о цѣляхъ, которыя онъ преслѣдовалъ. Онъ назывался „Клубъ независимыхъ дамъ“. Независимыя дамы — члены этого клуба — въ числѣ десяти душъ учредительницъ, назывались каждая своими дѣвичьими именами, хотя большая часть изъ нихъ были замужнія.

На собранія общества, которыя происходили только по случаю пріема новаго члена, всѣ являлись въ одинаковыхъ костюмахъ: шелковый голубой корсетъ съ красными шнурками, коротенькая шемизетка изъ бѣлаго тюля, доходящая едва до колѣнъ, чтобы можно было показать икры ножекъ, обутыхъ въ шелковые розоваго цвѣта чулки и бѣлые атласные башмачки съ высокими каблуками.

Шемизетка была съ большимъ вырѣзомъ на шеѣ, чтобы лучше можно было показать всѣ сокровища этихъ молодыхъ и по большей части красивыхъ женщинъ.

Когда „новенькая“ была представлена членамъ общества, то отъ нея прежде всего требовали торжественной клятвы, что она будетъ хранить въ самой глубокой тайнѣ всѣ секреты общества и согласна подчиниться, безъ всякаго исключенія, всѣмъ установленнымъ правиламъ общества.

Послѣ этого, какъ она дала клятву и согласіе, ее приглашали раздѣться и надѣть такой же костюмъ, какъ и другіе члены общества.

Обыкновенно кандидатка знала, что общество, въ члены котораго она добивалась принятія, не преслѣдовало какихъ-нибудь высокихъ цѣлей, но она не предполагала, что ей придется показаться совсѣмъ голой; противъ этого она протестовала, а это ужъ былъ отказъ отъ даннаго ею обѣщанія безпрекословно исполнять всѣ требованія устава; слѣдовательно ее за это нужно было наказать.

— Вы нарушили уставъ, не соглашаясь исполнить мое приказаніе, строго говорила смущенной кандидаткѣ, президентша, за это васъ высѣкутъ розгами!..

Конечно, та еще сильнѣе протестовала, начинала увѣрять, что она никогда не думала, что въ ихъ обществѣ такія строгости, что сѣкутъ особъ ея лѣтъ; полагала, что онѣ развлекаются наказываніемъ розгами пріютскихъ дѣтей, которые въ чемъ-нибудь провинились.

Но тутъ уже не помогали никакіе протесты, рацеи и даже мольбы, къ которымъ переходили нѣкоторыя изъ кандидатокъ. Всѣ дамы окружали ее и президентша приказывала привести ее приговоръ въ исполненіе.

Приносили крѣпкую дубовую лѣстницу, ставили ее съ легкимъ наклономъ къ стѣнѣ. Въ это время другія дамы раздѣвали кандидатку, даже силой, если она сопротивлялась; затѣмъ ей связывали кисти рукъ и привязывали ихъ къ верхней ступеньки лѣстницы такъ, чтобы концы пятокъ едва касались пола.

Понятно, что жертва продолжала протестовать, вся въ слезахъ отъ стыда и страха отъ предстоящихъ ей побоевъ, но всѣ ея протесты были бесполезны.

Дамы бросали затѣмъ жребій, которой изъ нихъ сѣчь кандидатку. Та, которая вынула жребій, брала пучекъ розогъ и, слегка ударяя по ягодицамъ кандидатки говорила:

— Извольте сейчасъ же, извиниться и сами просить, чтобы васъ серьезно высѣкли!

Очевидно, дѣвушка отказывалась исполнить это. Тогда начинали пороть.

Первый ударъ розгами давался съ особенной силой по крупу кандидатки, который, конечно, тотчасъ же розовѣлъ.

Жертва дико вскрикивала и бросалась, на сколько позволяла привязь, въ сторону, но слѣдовалъ второй и слѣдующіе удары розгами, она начинала корчиться, вертѣться, невольно стараться попасть ногами на первую ступеньку и въ то же время молить пощадить ее и перестать бить...

— Какъ вы смѣете сходить съ мѣста, кричала на нее президентша! И приказывала пороть ее по ногамъ.

Часто бывало, что дамы старались вырвать у нея, подъ розгами, какую-нибудь тайну; подъ вліяніемъ боли, она сознавалась въ какой-нибудь связи, въ которой ее смутно подозрѣвали. Когда жертва сознавалась въ какихъ-нибудь интимностяхъ, въ сущности довольно пустяжныхъ, удары начинали сыпаться чаще, розги хлестали съ удвоенной силой; тогда она, нерѣдко каялась въ та-

кихъ проступкахъ, которыхъ никогда не совершала, или, иногда, бѣдняжка, когда у ней выступала отъ розогъ кровь, думая избавиться отъ своихъ мучительницъ, начинаетъ признаваться въ своихъ любовныхъ увлеченіяхъ, выкрикивая между ударами розогъ самыя интимныя подробности.

Въ это время всѣ присутствующія, обыкновенно, уже не въ силахъ сдерживать своего возбужденія, лихорадочно раздѣваются, хватаютъ розги и начинаютъ хлестать другъ друга, кружась въ бѣшеномъ танцѣ.

Послѣ этаго кандидатку отвязываютъ и всѣ къ ней подходятъ и крѣпко цѣлуютъ, говоря, что она принята въ члены клуба „Независимыхъ дамъ“.

Общество это, пишетъ мнѣ далѣе профессоръ Ролледеръ, было закрыто, благодаря довольно комичному случаю, рассказанному одной изъ берлинскихъ газетъ. Одна изъ кандидатокъ, разозленная на то, что ее подвергли истязанію, чтобы отомстить, не придумала ничего лучшаго, какъ представить въ кандидатки своего юнаго возлюбленнаго. Послѣдній, переодѣтый дѣвушкой, былъ принятъ обществомъ съ обычнымъ церемоніаломъ, но такъ какъ его коварная подруга скрыла отъ него всѣ подробности пріема, то онъ, конечно, сталъ энергично протестовать, когда ему велѣно было раздѣться передъ дамами, и просилъ позволить ему переодѣться въ новый костюмъ въ сосѣдней комнатѣ. Понятно, что непослушаніе его требовало, по обычаю, примѣрнаго наказанія. Потребовалось содѣйствіе чуть не всѣхъ членовъ, чтобы его раздѣть, но этого имъ не удалось бы сдѣлать, такъ онъ умѣло защищался, если бы не пришла на помощь сама президентша, которая, вооружившись пучкомъ розогъ, стала ими хлестать его по чемъ попало. Благодаря этому, дамы его раздѣли, и уже собирались снять съ него рубашку, какъ онъ заоралъ во всю мочь:

— Бога ради, остановитесь! Приведя сюда, меня обманули, я не женщина!..

Это открытіе, какъ громомъ, поразило всѣхъ присутствующихъ. Но президентша не потеряла головы. Возмущенная, она поворачивается къ представившей его дѣвушкѣ и говоритъ:

— Васъ первой нужно выпоротъ за то, что вы оскорбили нашъ клубъ тѣмъ, что ввели сюда лицо другого пола. Будьте спокойны, я велю васъ жестоко высѣчь! Какъ дѣвушка не сопротивлялась, она въ мгновеніе была раздѣта обозленными членами общества и привязана къ лѣстницѣ, но теперь, по требованію нѣкоторыхъ членовъ общества, ее привязали къ лѣстницѣ за ноги.

Потребовалось опять все присутствіе духа президентши, чтобы сдержать ярость членовъ, когда поднялся вопросъ о томъ, сколько ей дать ударовъ розгами. Нѣкоторые требовали дать ей тысячу розогъ въ два пріема... Въ концѣ концовъ послушались президентши и назначили триста розогъ, въ два пріема... Такъ, полтораста розогъ, затѣмъ три минуты отдыха и дадутъ вторые полтораста ударовъ. При чемъ черезъ каждыя пятьдесятъ ударовъ розги

будутъ мѣняться и наказывать должны были, по очереди, двѣ самыя сильныя и злыя дамы.

Уже совсѣмъ хотѣли начать экзекуцію, какъ вице-президентша заявила, что она находитъ наказаніе совсѣмъ слабымъ и несоответствующимъ важности вины дѣвушки передъ обществомъ, а потому предлагаетъ, если уже не хотятъ дать ей больше ударовъ, то хотя бы наказывать одновременно съ двухъ сторонъ, для чего выбрать еще двухъ сильныхъ дамъ. Какъ не протестовала президентша, предложеніе это, при голосованіи, получило большинство голосовъ.

Выпороли ее очень жестоко, такъ что, когда ее отвязали отъ лѣстницы, то она дошла до дивана съ помощью двухъ дамъ.

Возлюбленный ея все время любовался, какъ сѣкли его подругу, и не замѣтилъ, какъ къ нему тихонько подошли двѣ дамы и, схвативъ за руки, связали ихъ шнуркомъ.

Какъ только его подруга была отвязана отъ лѣстницы, тотчасъ же на ея мѣсто привязали его.

Послѣ безконечныхъ споровъ о числѣ розогъ, которыя ему слѣдуетъ дать, и нѣсколькихъ голосованій, рѣшено было большинствомъ голосовъ дать ему тысячу пятьсотъ розогъ, мѣнять розги, а также смѣняться и наказывающимъ, черезъ каждые пятьдесятъ ударовъ, между каждыми пятьюстами ударовъ давать три минуты отдыха и наказывать, какъ и его подругу, съ двухъ сторонъ одновременно, но ему, опять же по предложенію вице-президентши, постановлено было считать удары только съ одной стороны, а съ другой стороны ударъ не считается. Какъ президентша не доказывала, что разъ постановили уже дать тысячу пятьсотъ ударовъ, то не слѣдуетъ подобнымъ предложешемъ удваивать назначенное число ударовъ, большинствомъ голосовъ было принято предложеніе вице-президентши. Такимъ образомъ ему предстояло получить три тысячи розогъ.

Потребовалось почти цѣлый часъ ждать начала экзекуціи, пока принесли прутья и вязали изъ нихъ пучки розогъ. Этой работой занялись всѣ дамы. Наконецъ, всѣ шестьдесятъ пучковъ были готовы. Президентша велѣла начать сѣчь его. Онъ такъ былъ утомленъ долгимъ ожиданіемъ, что былъ доволенъ, когда ему прикололи рубашку на шеѣ и начали пороть.

Пять или шесть ударовъ онъ вынесъ, не произнеся ни звука... Но розги свистѣли и хлестали съ силой, которой онъ не ожидалъ отъ женскихъ ручекъ.

Отъ жгучей боли онъ сталъ сперва слегка вскрикивать, находя въ этомъ какъ будто облегченіе. Президентша, хотя и протестовала противъ счета ударовъ, видимо теперь измѣнила свое мнѣніе и сама старалась усилить и безъ того жестокое наказаніе. Она сама вызвалась считать удары и наказывающія дамы должны были давать ударъ какъ только она скажетъ цифру удара...

Благодаря этой процедурѣ, удары ложились методично и увѣренно, съ тягостной медленностью.

Теперь наказываемый все время, какъ маленькій школьникъ, кричитъ во всю глотку и молить о прощеніи... Во время наказанія его розгами, президентша, такъ же какъ и во время перерыва, не разъ требуетъ, чтобы онъ обѣщался никому ничего не рассказывать о ихъ обществѣ.

Впрочемъ, ко второму перерыву, т. е. когда ему было дано тысяча или вѣрнѣе двѣ тысячи розогъ, она смягчилась и, собравъ всѣхъ дамъ, сдѣлала предложеніе простить ему остальные пятьсотъ или вѣрнѣе тысячу розогъ, ввиду того, что онъ просить прощеніе и обѣщается ничего не разбалтывать... Къ несчастью его, предложеніе это не получило большинства голосовъ. Пришлось снова его съечь, что было исполнено съ не меньшей жестокостью.

Наконецъ, экзекуція была окончена и ихъ обоихъ отвели въ сосѣдную комнату, гдѣ они одѣлись и вышли изъ клуба, давъ еще разъ обѣщаніе никому ничего не рассказывать...

Неизвѣстно, кто изъ нихъ не сдержалъ своего слова, но только полиція провѣдала обо всемъ, и, послѣ допроса всѣхъ лицъ, закрыла клубъ...

Профессоръ д-ръ Ролледеръ какъ разъ лечилъ отца молодого человѣка, подвергавшагося экзекуціи. Отецъ самъ ему говорилъ, что „дамскія ручки такъ отдѣлали его сына, что онъ два дня пролежалъ въ кровати“.

ГЛАВА II

Связь флагелляцій съ мастурбаціей

„У детей, говоритъ д-ръ Форель въ своемъ трудѣ „Половой вопросъ“, половой аппетитъ неудержимо даетъ себя чувствовать проявленіями, довольно смутными, въ половыхъ органахъ, у мальчиковъ въ особенности въ яйцахъ. Если молодой человѣкъ не можетъ удовлетворить своего полового аппетита, который заявляетъ о своемъ существованіи все съ возрастающей силой ввидѣ учащающихся съ каждымъ днемъ поллюцій, то этотъ аппетитъ, когда онъ особенно силенъ, вызываетъ у молодого человѣка ночью эротическіе сны, разрѣшающіеся, обыкновенно, ночными поллюціями или изверженіями сѣмени, если только онъ днемъ и вообще во время бодрствованія, при помощи тренія яичекъ не вызоветъ сладострастнаго возбужденія и, въ концѣ концовъ, изверженія сѣмени, сопровождаемаго эрекціей члена. Это послѣднее явленіе называется мастурбаціей или онанизмомъ. Объ этомъ пороки есть классическое сочиненіе моего друга, профессора Ролледера (на рус. яз. въ полномъ, безъ всякихъ сокращеній, переводѣ д-ра

Шехтера), къ этому сочиненію я и отсылаю всѣхъ, интересующихся этимъ порокомъ, его предупрежденіемъ и леченіемъ у лицъ всѣхъ возрастовъ.

Мужчина, продолжаетъ д-ръ Форель, онанируетъ трешіемъ своего члена о мягкій предметъ. Въ послѣднемъ случаѣ съ онанизмомъ соединяется эротическое представленіе въ своемъ воображеніи голыхъ женщинъ или половыхъ органовъ женщины. Подобную мастурбацію можно назвать такъ сказать удовлетворяющей природную потребность, такъ какъ она не основана на извращеніи аппетита, но только служитъ для удовлетворенія естественной потребности, не могущей быть удовлетворенной по тѣмъ или другимъ причинамъ.

Но существуетъ цѣлый рядъ манипуляцій, употребляющихся съ той же цѣлью и которыя являются какъ бы психическими эквивалентами первой мастурбаціи. Въ глухихъ гарнизонахъ, въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ находятся юноши, за которыми плохо смотрятъ, часто приходится встрѣчать похотливыхъ лицъ, удовлетворяющихъ свою похоть при помощи мастурбаціи или при помощи педерастіи, т. е., вводя свой удъ въ анусъ болѣе молодого товарища, въ особенности болѣе или менѣе напоминающаго по наружности женщину. Животная содомія тоже практикуется нерѣдко съ той же цѣлью.

Мужчинъ, предающихся такимъ порокамъ, считаютъ глубоко развращенными, къ нимъ относятся съ большимъ презрѣніемъ, болѣе или менѣе лицемѣрнымъ. Въ дѣйствительности они довольно часто — славные малые, — въ остальныхъ случаяхъ очень честные, — одаренные отъ природы повышенной половою чувствительностью. Попадаютъ иногда между ними слабоумные, надъ которыми женщины подсмѣиваются и отталкиваютъ отъ себя, почему они поневолѣ прибѣгаютъ къ такимъ актамъ. Конечно, есть между ними и циники, болѣе или менѣе порочные.

Половой аппетитъ у женщины не можетъ возбуждаться, какъ у мужчины скопленіемъ спермы. Она не имѣетъ поллюцій, являющихся послѣдствіемъ сладострастныхъ ощущеній, и лишена, такимъ образомъ, возможности искусственно вызывать половой аппетитъ. По одной этой причинѣ нужно у женщины вызвать паталогическое половое возбужденіе, чтобы у ней явилось сладострастная греза или охота мастурбировать.

По той же самой причинѣ у женщины не можетъ быть рѣчи о мастурбаціи съ цѣлью удовлетворенія половой потребности, строго говоря.

Между тѣмъ онанизмъ весьма частъ среди женщинъ, хотя не такъ частъ, какъ среди мужчинъ. У нея онъ является послѣдствіемъ временнаго возбужденія, искусственнаго и мѣстнаго, или слѣдствіемъ дурнаго примѣра, или, наконецъ, олагодаря гиперестезіи, безусловно паталогической. Но разъ это вошло у ней въ привычку, то она, какъ и мужчина, съ большимъ трудомъ перестаетъ онанировать, благодаря трудности противиться сладострастнымъ желаніямъ.

Женщина мастурбируетъ треніемъ клитора пальцемъ или введеніемъ какого-нибудь округленнаго предмета во влагалище и, при помощи этого предмета, подражая движеніямъ коитуса. Нѣкоторыя истеричныя женщины введеніемъ разныхъ предметовъ въ свой половой органъ часто вызываютъ воспаленіе. У сумасшедшихъ женщинъ мастурбація иногда совершается непрерывно, при чемъ нельзя имъ помѣшать ее дѣлать“.

Невозможно было изложить съ большой психологической точностью и ясностью это явленіе, которое, какъ у женщины, такъ и у мужчины, замѣняется отчасти, а иногда и вполнѣ, натуральный половой актъ.

Можно сказать съ полной увѣренностью, что онанизмъ практикуется девятью десятими человечества въ ту или иную пору жизни каждаго субъекта и тѣмъ или инымъ способомъ, въ зависимости отъ темпераментовъ, субъектовъ и условій ихъ жизни.

Я думаю только, что д-ръ Форель ошибается, утверждая, что онанизмъ менѣе распространенъ среди женщинъ, чѣмъ среди мужчинъ...

По моему мнѣнію какъ разъ наоборотъ. Нормальный мужчина, которому натуральное удовлетвореніе половой потребности не представляетъ затрудненій, рѣдко когда онанируетъ; тогда какъ многія женщины замужнія и имѣющія даже любовниковъ предаются и онанизму, который имъ доставляетъ болѣе живое наслажденіе и которымъ они могутъ заниматься беззаботно и безъ всякаго стѣсненія.

Вѣдь, не слѣдуетъ забывать, что, если мужчина въ коитусе находитъ полное наслажденіе,— я говорю о мужчинѣ нормальномъ,— женщина при коитусѣ не испытываетъ такого же наслажденія и даже если оно и существуетъ, то къ нему примѣшивается горечь смѣси страховъ съ другими разными посторонними мыслями, которыя его портятъ и искажаютъ...

Одинъ уже страхъ, что каждое объятіе грозитъ ей возможностью забеременѣть, приводятъ женщину въ такое душевное состояніе, которое мужской эгоизмъ никогда не будетъ въ силахъ ни понять, ни раздѣлить.

Между тѣмъ не трудно представить себѣ, какъ эта боязнь беременности должна парализовать у женщины половые восторги; и вотъ тутъ-то и слѣдуетъ искать причину, почему такъ много женщинъ стремится къ онанизму и сафизму, находя въ нихъ половое удовлетвореніе и не испытывая постояннаго страха, уменьшающаго ихъ наслажденіе при коитусѣ.

Однако, многія женщины съ нормальнымъ инстинктомъ безсознательно жалѣютъ, находясь въ объятіяхъ женщины или мастурбуя, о силѣ мужскихъ объятій, нерѣдко даже ихъ грубости.

Эта самая потребность въ насиліи въ минуты сафизма и превращаетъ многихъ лесбіекъ и онанистокъ во флагеллянтокъ того или другого рода.

Тогда какъ у мужчины флагелляція въ состояніи удовлетворить половую потребность и сама по себѣ является главнымъ

источникомъ наслажденія; у женщины же она, обыкновенно, служитъ только средствомъ сдѣлать мастурбацію пріятной и болѣе острой.

Только въ случаѣ особенно порывистаго сафизма, пассивная жертва его испытываетъ достаточно сильное страданіе, чтобы не обращаться къ непосредственному еще воздѣйствію на свои наружные половые органы. Да и то подобные случаи довольно рѣдки.

Можно почти съ полной достовѣрностью сказать, что у лесбіекъ, активныхъ и пассивныхъ, практикующихъ флагелляцію, не только мастурбація постоянно сопровождаетъ послѣднюю, но играетъ главную роль.

Въ подтвержденіе изложеннаго я приведу нѣсколько фактовъ, мною лично наблюденныхъ или взятыхъ изъ вполне достовѣрныхъ источниковъ.

— М-мъ А. В... славилась своей красотой и распушенностью при Наполеонѣ III. Ходили слухи, что онъ далъ ей тридцать тысячъ франковъ, чтобы присутствовать при ея любовныхъ восторгахъ съ своими собаками. Страстная охотница, она держала цѣлую свору собакъ, которыя доставляли ей наслажденіе, не только какъ охотницѣ, но и какъ женщинѣ...

Бывали часы, когда она запиралась со своими четвероногими друзьями, превосходно выдрессированными для удовлетворенія ея довольно странныхъ вкусовъ. Въ то время, какъ она была однихъ, другія горячо лизали ее или даже третировали, какъ подругу своего рода.

Эта барынька, довольно циничная, была даже предметомъ одной басни: про нее рассказывали, что она любезно предложила себя обществу ученыхъ для производства опытовъ возможности оплодотворенія женщины какимъ-нибудь животнымъ самцомъ!..

Заглянувъ въ историческую сѣдую старину, мы встрѣтимъ тамъ одну похотливую лесбійку, онанистку и флагеллянтку въ лицѣ Елены, жены византійскаго императора Юліана Отступника.

По словамъ историка Тацита, она, для возбужденія своихъ чувствъ, приказывала при себѣ сѣчь розгами или плетью юныхъ голыхъ гальскихъ невольницъ, въ то время какъ другія молодыя женщины, чаще даже дѣти, безнравственно ее ласкали.

Мы уже не разъ говорили, что Маргарита Валуа, по свидѣтельству, состоявшаго при ней генерала д'Арка (полные выдержки о сѣченіи читатель найдетъ въ главѣ „Странная страсть“ соч. д-ра Дебэ — „Физиологія брака“, въ полн. со мног. дополн. переводѣ д-ра медиц. А. З-го) была страстная любительница тѣлесныхъ наказаній. Подвергая за серьезные проступки своихъ фрейлинь жестокимъ наказаніямъ розгами, она за неважныя шалости или даже просто без всякаго повода, чтобы насладиться смущеніемъ отъ страха передъ розгами какой-нибудь хорошенькой совѣмъ еще юной вновь назначенной фрейлины, приказывала ее, какъ изобразилъ одинъ современный придворный художникъ, наказы-

вать розгами. Наказывающая дѣвушка была также голая и только въ поясѣ, прикрывавшемъ ея половой органъ; какъ и греческую императрицу Елену, королеву Маргариту въ это время, одѣтую въ греческій костюмъ, окружаютъ двѣ обнаженныя молодыя дѣвушки и ласкаютъ... Королева Маргарита была очень образованная и, вѣроятно, читала Тацита, откуда и напала на мысль повторить сцену императрицы Елены... Впрочемъ, это мое личное предположеніе... По словамъ Тацита, императрица Елена находила особенное удовольствіе приказывать съчь розгами въ своемъ присутствіи молодыхъ гальскихъ дѣвушекъ, такъ какъ онѣ были довольно полныя, блондинки и имѣли чрезвычайно нѣжную кожу, которая подъ розгами краснѣла скорѣе и сильнѣе, чѣмъ смуглая кожа дѣвушекъ юга, благодаря этому императрица испытывала болѣе острое сладострастное удовольствіе...

Конечно, трудно теперь сказать, въ какой дозѣ примѣшивался садизмъ во всѣхъ подобныхъ развлеченіяхъ. Но если внимательно прочесть страницы историка, сообщающаго намъ вышеупомянутые факты, то можно замѣтить, что императрица предавалась особенно жестокимъ развлеченіямъ, когда она злоупотребляла спиртными напитками, тогда какъ въ трезвомъ видѣ она была, сравнительно, умѣренной флагеллянткой.

Впрочемъ, нѣтъ даже надобности забираться въ такія историческія дебри, — стоитъ только прочесть тайныя полицейскія дознанія или судебные отчеты, чтобы на каждомъ шагѣ встрѣтить до невозможности скандальныя исторіи, гдѣ матери или мачехи подвергаютъ истязанію своихъ дѣтей обоюго пола подъ предлогомъ наказанія, а въ сущности — для удовлетворенія своихъ похотливыхъ желаній.

— Луиза Ж., жена углекопа, бездѣтная, взяла за привычку каждое утро, какъ только ея мужъ уходилъ на работу, брать къ себѣ въ кровать, находившагося у нихъ на воспитаніи, молодого племянника, мальчика восьми лѣтъ. Она занималась съ нимъ разными продолжительными манипуляціями, наслаждалась разными безстыдными съ нимъ прикосновеніями, затѣмъ она сѣкла его розгами, — впрочемъ не особенно строго, требуя отъ него ласкъ, пока у нея не появлялась сладострастная спазма.

— Марія Т..., поденщица, вдова, пользуется отличной репутаціей, часто караулитъ выходъ изъ школы маленькихъ мальчиковъ и, соблазнивъ нѣкоторыхъ изъ нихъ игрушками и конфетками, приводитъ къ себѣ на квартиру, гдѣ раздѣваетъ ихъ и съчетъ розгами, а въ промежутки, при помощи разныхъ предметовъ, мастурбируетъ себя.

— Евгенія М..., нянька, въ теченіе долгаго времени съчетъ дѣтей розгами, въ отсутствіи родителей, заставляетъ ихъ себя мастурбировать и разными угрозами такъ запугиваетъ дѣтей, что тѣ не смѣютъ ничего рассказать о ея продѣлкахъ родителямъ.

— Виргинія С..., портниха, свою десятилѣтнюю дочь долго наказываетъ розгами и часто очень жестоко, привязывая на скамейкѣ и моча, во время наказыванія, розги въ уксусѣ.

Во время съченія и послѣ него мастурбируетъ себя съ такой яростью, что съ нею происходитъ настоящій истерическій припадокъ.

— Леопольдина В..., сельская акушерка, чрезвычайно ловко избавляла отъ тяжёсти забеременевшихъ молодыхъ дѣвушекъ. Но необходимымъ условіемъ она ставила, чтобы дѣвушка предварительно позволила себя подвергнуть продолжительному и чувствительному съченію розгами, которое, какъ она увѣряла своихъ пациентокъ, необходимо для успѣха операціи. У слѣдователя же она призналась, что единственной цѣлью было удовлетвореніе ея страсти къ активной флагелляціи. По ея словамъ, во время съченія она онанировала себя и при этомъ испытывала такое страшное наслажденіе, которое никогда ни одинъ естественный коитусъ ей еще не доставилъ.

— Сестра Евлалія была воспитательницей въ одной изъ школъ для мальчиковъ, содержимыхъ конгрегаціями. Ей было поручено наблюдать за мальчиками въ возрастъ отъ пяти до семи лѣтъ.

Отчаянная онанистка и флагеллянтка, она удовлетворяла свои страсти при помощи своихъ учениковъ, которымъ, подъ страхомъ жестокаго наказанія розгами, невольно приходилось исполнять всѣ ея капризы...

Буквально не проходило ни одного урока, чтобы она не вытаскивала за уши со скамейки, по крайней мѣрѣ, одного ученика въ сосѣдную комнату, гдѣ она заставляла его долго кричать и вертѣться подъ ударами розогъ; затѣмъ, не давая ему, какъ слѣдуетъ, подвязать штанишки, выталкивала изъ комнаты, чтобы наединѣ заняться онанированіемъ себя.

Въ Лондонѣ, въ одной изъ очень извѣстныхъ и посѣщаемыхъ водолѣчебницъ происходили довольно любопытныя сцены скрытой флагелляціи.

Въ то время, какъ для нѣкоторыхъ кліентовъ все шло нормальнымъ порядкомъ и съ соблюденіемъ величайшей скромности, для другихъ, которыя были далеко не всегда демимонденки, а часто дѣвушки изъ очень хорошихъ семей, — происходила полная перемѣна декораціи.

Практиковавшій врачъ, отчаянный флагеллянтъ, нѣкоторымъ изъ своихъ пациентокъ дѣлалъ душъ самъ собственноручно, направляя бьющую струю на ребра, ягодицы и вообще жирныя части тѣла; затѣмъ онъ производилъ массажъ, прописываемый для полноты реакціи, въ видѣ ручной флагелляціи и даже умѣреннаго съченія розгами.

Безполезно пояснять, что пациентки вовсе не были такъ глупы, чтобы не раскусить настоящей цѣли подобнаго массажа. Но они испытывали полное наслажденіе отъ довольно оригинальнаго лѣченія, которое для нѣкоторыхъ изъ нихъ еще дополнялось смѣлыми прикосновеніями, чрезвычайно умѣло рассчитанными. Послѣднія тѣмъ особенно были прелестны, что докторъ никогда ни одной изъ своихъ пациентокъ не признавалъ, что ими онъ старается удовлетворить только свое сладострастіе, а напротивъ постоянно,

съ замѣчательнымъ упорствомъ, утверждалъ, что они необходимы въ интересахъ возстановленія здоровья паціентки.

Кто не знаетъ, что большинство массажистокъ, публикующихъ въ газетахъ, — не болѣе, какъ простыя онанистки. Но между ними встречаются и массажистки, практикующія настоящей медицинскій массажъ, но въ то же время старающіяся отыскать среди своихъ дѣйствительно больныхъ кліентокъ такихъ, которыя страдаютъ извращеннымъ сладострастіемъ, но не хотятъ въ этомъ сознаться, и вотъ онѣ ихъ удовлетворяютъ съ удивительно искуснымъ лицемѣріемъ...

Есть не мало женщинъ, которыя ни за что въ мирѣ не признаются въ любви сафизма, флагелляціи, но которыя готовы съ наслажденіемъ удовлетворить эти скрытыя свои страсти при посредствѣ массажа, являющагося для нихъ простой флагелляціей или даже скрытымъ онанизмомъ.

Я зналъ въ Лондонѣ одну массажистку, фамиліи которой не назову, — для читателя она не интересна; эта массажистка практиковала настоящей медицинскій массажъ, но въ то же самое время это былъ замѣчательный психологъ въ юбкѣ!..

Достаточно было ей взглянуть на кліентку, чтобы сразу же угадать, что она могла отъ нея ожидать и рѣшить, возможно ли попробовать вызвать у ней развитіе скрытыхъ страстей, потворство которымъ можетъ быть для нея очень прибыльнымъ.

Женскій массажъ часто назначается, какъ успокаивающее средство при нервныхъ болѣзняхъ, какъ укрѣпляющее средство для лимфатическихъ натуръ, а также, — чтобы бороться съ перерожденіемъ жировыхъ тканей тѣла или заставить похудѣть тучную женщину или имѣющую склонность къ чрезмѣрной полнотѣ.

Въ такихъ случаяхъ онъ примѣняется специально къ наиболее жирнымъ частямъ тѣла паціентки и сопровождается болѣе или менѣе сильными илепками.

Послѣ первыхъ же ударовъ при подобной флагелляціи опытной массажисткѣ не трудно замѣтить, если ея удары и манипуляціи вызываютъ у паціентки сладострастный трепетъ, и въ такомъ случаѣ отъ ея ловкости зависитъ соразмѣрять ихъ, доводя до высшей степени возбужденія или грубо обрывая...

Моя знакомая массажистка не имѣла соперницъ въ искусствѣ превращать сеансъ массажа въ непрерывное чувственное наслажденіе для той особы, которая отдавала себя въ ея опытныхъ руки.

Впрочемъ, кліентками ея были преимущественно свѣтскія барыни съ незапятнанной репутаціей, особенно дорожившія ею, а потому онѣ сами и массажистка всегда умѣли хранить свою тайну...

Ни одного неприличнаго прикосновенія, ни одной между ними двухсмысленной фразы во время сеанса!

Между тѣмъ сладкіе вздохи, прерывистое дыханіе подъ ласкающими ударами массажистки были слишкомъ ясны даже для близорукихъ свидѣтелей, если бы эти тайныя сцены имѣли таковыхъ.

Массажистка заставляла платить по полтора фунта стерл. (около 15 р.) за какой-нибудь сеансъ въ двадцать минутъ, и не въ

состояніи была /удовлетворить всѣхъ желающихъ, такъ велико было ихъ число!

Въ началѣ своей практики она сама испытала сладострастное удовольствіе отъ своихъ кліентокъ, потомъ появилось равнодушіе или даже отвращеніе къ нѣкоторымъ аномаліямъ, и съ тѣхъ поръ у ней было только, такъ сказать, мозговое наслажденіе постараться опредѣлить настоящую психологію той особы, которая сладострастно трепетала подъ ея растираніями и шлепками.

Одна очень высокопоставленная дама взяла ее къ себѣ на постоянную службу при ней, и она пробыла при ней около восьми лѣтъ.

Впослѣдствіи, черезъ много лѣтъ, я случайно встрѣтился съ этой массажисткой. Ей было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ и она бросила свою спеціальность, давно наживши большое состояніе.

Ея наблюденія отличались замѣчательной точностью и тонкостью. Вотъ, напримѣръ, нѣкоторыя изъ нихъ:

„У мужчины воображеніе возбуждается подъ ударами розогъ или руки, тогда какъ у женщины кожа, очень не чувствительная, становится воспріимчивой къ ударамъ только, если у нея работаетъ воображеніе въ извѣстномъ направленіи...

Вообще мысль о сѣченіи пугаетъ большинство женщинъ и на такихъ женщинъ сама флагелляція часто не производитъ ровно никакого впечатлѣнія какъ въ отношеніи боли, такъ и въ отношеніи сладострастія.

Женщины, испытывавшія сладострастное удовольствіе, постоянно закрывали глаза въ минуту моихъ ласкъ, а мои шлепки, видимо, доставляли имъ полное наслажденіе.

Для нѣкоторыхъ требовалось, чтобы сладострастное наслажденіе возрастало у нихъ медленно, сначала при помощи легкихъ дуновеній, потомъ ручныхъ прикосновеній, сперва очень слабыхъ, но все болѣе и болѣе усиливавшихся до того, что растиранія и шлепки, становившіеся очень сильными, почти жестокими, слѣдовали теперь уже непрерывно...

Другія же, наоборотъ, испытывали наслажденіе отъ неожиданныхъ сильныхъ ударовъ, чередовавшихся съ едва замѣтными прикосновеніями. У нихъ сладострастное наслажденіе возникало именно отъ неожиданности удара, отъ ожиданія его, а также отъ его непродолжительности, — продолжайся удары непрерывно и долго, — наслажденіе смѣнилось бы непріятнымъ чувствомъ.

Встрѣчаются женщины, испытывающія высшее сладострастное наслажденіе, когда касаются ихъ бедеръ. Троньте ихъ ниже талии, по покатоности крупа и вы увидите, какъ онѣ покраснѣютъ отъ удовольствія!...

Въ каждой женщинѣ, даже такой, которая не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о сафической любви, таится безсознательная лесбійка, — активная или пассивная. „Я узнавала тѣхъ и другихъ, смотря по тому, какъ изгибалось ихъ тѣло подъ давленіемъ моихъ рукъ. У первыхъ ляшки какъ бы вдавались во внутрь, все ихъ тѣло подавалось впередъ, совершенно инстинктивно, какъ это дѣлаетъ

мужчина во время обладания женщиной. Тогда какъ у вторыхъ крупъ поднимался, подражая, невольно, движенію при коитусѣ противоположнаго пола.

У меня была кліенткой одна маркиза, женщина страшно высокомѣрная, неудостаивавшая меня даже кивкомъ головы при входѣ; но, когда я уходила, она, каждый разъ, горячо жала мнѣ руку и всегда немного прибавляла противъ условленной платы. Будь у нея любовники, она на нихъ потратила бы все до послѣдняго гроша; къ счастью для кошелька ея мужа, она была честная женщина.

Страсть къ флагелляціи есть половое извращеніе, наблюдающееся, какъ у субъектовъ гетеросексуальныхъ, такъ и гомосексуальныхъ.

Активная флагелляція замѣняетъ коитусъ, который нельзя совершить вслѣдствіе внѣшнихъ препятствій или она удовлетворяетъ сладострастіе, которое не было удовлетворено нормальнымъ совокупленіемъ (коитусомъ).

Въ пассивной флагелляціи субъекты, страдающіе импотенціей, нерѣдко находятъ средство, могущее оживить ихъ половую способность.

Извѣстно, что половое возбужденіе можетъ быть вызвано раздраженіемъ нервовъ сѣдалищной области при помощи флагелляціи или треніемъ.

Нерѣдко замѣчали, что наказанные розгами мальчики имѣли поллюцію во время самаго наказанія или тотчасъ же послѣ него. Особенно часто у нихъ членъ приходилъ въ состояніе напряженія.

Пассивная флагелляція замѣняетъ, какъ и активная, иногда нормальный коитусъ. Она способна, какъ я уже сказалъ, вызвать половое возбужденіе. Послѣднее подтверждается слѣдующими историческими фактами.

Въ 13-мъ и 14-мъ вѣкахъ существовали секты флагеллянтовъ. Сектанты, ради покаянія и для умерщвленія плоти сѣкли себя собственноручно, думая, благодаря этому, сохранить цѣломудріе, рекомендовавшееся церковью, освободивъ свой умъ отъ господства надъ нимъ чувствъ. Въ началѣ церковь относилась довольно благосклонно къ этимъ сектамъ и помогала ихъ распространенію, но потомъ обнаружилось какъ разъ обратное,— флагелляція именно возбуждала половую чувственность, что подтверждалось многочисленными скандальными фактами; тогда церкви пришлось, въ концѣ концовъ, выступить съ осужденіемъ флагелляціи.

Вотъ факты, взятые изъ жизни Маріи де Еоцци и Елисаветы де Жентонъ. Эти двѣ героини флагелляціи доказываютъ вполнѣ, какое возбуждающее дѣйствіе производятъ розги и плетки на половую чувственность.

Первая дѣвушка, изъ очень хорошей семьи, была монахиней ордена камерлитовъ во Флоренціи, въ 1580 г она пользовалась громкой извѣстностью, благодаря своимъ флагелляціямъ и осо-

бенно по вызываемымъ ими послѣдствіямъ; она даже за это удостоилась чести быть цитированной въ анналахъ.

Для нея было величайшимъ счастьемъ то, что настоятель монастыря велѣлъ завязать ей руки на спину и съчь ее розгами по обнаженнымъ ягодицамъ въ присутствіи всѣхъ сестеръ монастыря.

Тѣлесныя наказанія, которымъ она подвергалась съ самаго ранняго дѣтства, окончательно разстроили ея нервную систему и врядъ ли какая-либо другая героиня флагелляціи испытала столько униженій, сколько эта дѣвушка.

Во время галлюцинацій, которыми она страдала, она имѣла дѣло, главнымъ образомъ съ любовью. Внутренній огонь угрожалъ сжечь ее и она кричала часто:

„Довольно! Не давайте пожирающему меня огню сжечь меня совсѣмъ, — не о подобной смерти я мечтаю, — она сопровождалась бы слишкомъ сильнымъ блаженствомъ и наслажденіемъ!“

Такъ длилось довольно продолжительное время. Но дьяволъ рисовалъ ея воображенію самыя сладострастныя и похотливыя сцены, такъ что она не разъ была готова потерять невинность!

Тоже самое происходило и съ Елисаветой де Жентонъ. Изъ этой флагелляціи сдѣлала самую безшабашную вакханку. Съ нею случались припадки, достигавшіе невѣроятной силы, когда она, возбужденная необычайной флагелляціей, воображала себя соединившеюся съ своимъ идеаломъ: въ подобномъ состояніи она испытывала такое высокое блаженство, что кричала: „о, любовь, о любовь безконечная, о любовь! А вы, земныя созданія, повторяйте всѣ вмѣстѣ со мною: любовь! любовь!“

Мы уже сказали, что пассивная флагелляція очень близко подходитъ къ мазохизму. Очень часто субъектъ стремится достигнуть полового возбужденія, — эрекціи члена, для совершенія съ подругой нормальнаго совокупленія, — при помощи флагелляціи, какъ высшаго униженія по человѣческимъ понятіямъ.

Я лично зналъ одного господина, который мнѣ признавался, что онъ не любилъ самую боль отъ наказанія розгами, которому, часто довольно серьезно, подвергала его подруга, но ему доставляло наслажденіе и вызывало эрекцію члена, позволявшую совершить нормальный коитусъ съ подругой, часто одно назначеніе ему подругой за что-нибудь наказанія розгами и всѣ приготовительныя дѣйствія. Почти всегда требовалась со стороны подруги, не знавшей, конечно, такихъ подробностей, особенная настойчивость, чтобы довести дѣло до конца и подвергнуть его наказанію розгами, нерѣдко довольно серьезному, такъ какъ подруга его была съ склонностью къ садизму.

Бывало, что, лежа съ подругой въ кровати, у него долго не являлась эрекція члена, и она, разсерженная серьезно, говорила строго: „ты, кажется, выведешь меня окончательно изъ терпѣнія и я возьму привяжу тебя на столъ и такъ выпорю розгами, что ты дня два не сядешь!“ Почти всегда эти слова производили магическое дѣйствіе, и эрекція являлась. Конечно, подруга это замѣтила и прибѣгала всегда къ нему въ критическихъ случаяхъ, когда

желала скорѣ акта. Рѣдко ей приходилось привести угрозу въ исполненіе. Въ такихъ случаяхъ она наказывала всегда особенно больно и всегда заканчивала наказаніе угрозой, что „если черезъ полчаса не будешь молодцомъ, то опять выпорю вдвое больнѣ!“ Но, по словамъ моего пациента, два раза никогда не приходилось его наказывать, такъ какъ онъ всегда былъ въ назначенный срокъ „молодцомъ“ и исполнялъ желаніе строгой подруги.

Подобные же феномены наблюдаются и у лицъ гомосексуальныхъ. Д-ръ Молль сообщаетъ по этому поводу слѣдующій фактъ:

— Одинъ господинъ, страдающій половымъ извращеніемъ, котораго я знаю и который находится въ связи съ другимъ такимъ же больнымъ, часто испытываетъ желаніе, чтобы его любовникъ обращался съ нимъ грубо, для этого онъ старается возбудить у него ревность, чтобы добиться своей цѣли: „маленькая сцена ревности, рассказывалъ онъ мнѣ, возбуждаетъ страшно моего возлюбленнаго и она заканчивается побоями; но побои отъ него доставляютъ мнѣ величайшее наслажденіе. Когда мой другъ бьетъ меня, я иногда просто готовъ упасть въ обморокъ отъ испытываемаго сладострастнаго наслажденія“.

— Я лично знаю тоже одного извращеннаго, который не испытываетъ полового удовлетворенія и у него не бываетъ истеченія сѣмени съ наслажденіемъ, если мужчина, съ которымъ онъ имѣетъ сообщеніе не третъ ему щеткой спину до крови; безъ этого для него нѣтъ удовлетворенія.

Подобныхъ наблюденій не мало было оглашено въ спеціальныхъ медицинскихъ журналахъ.

Д-ръ Лидстонъ зналъ одного интеллигентнаго мужчину, у котораго половое возбужденіе являлось только послѣ сильнѣйшаго наказанія розгами по обнаженнымъ ягодицамъ.

Есть очень не мало женщинъ, страдающихъ мазохизмомъ, выражающимся въ жаждѣ флагелляціи. Многія изъ нихъ умоляютъ мужей или любовниковъ избавить ихъ отъ тѣлеснаго наказанія, какъ будто они испытываютъ ужасъ, а въ дѣйствительности весьма часто онѣ желаютъ быть высѣченными въ минуты страсти...

Флагелляція, которой добиваются женщины, толкаетъ часто ихъ на желаніе разыгрывать роль мужчины, и онѣ обладаютъ подругой съ тѣмъ большею горячностью, чѣмъ флагелляція ихъ была суровѣе и продолжительнѣе...

Вотъ еще одинъ случай лично мнѣ извѣстный:

Августина Г..., высокая и красивая дѣвушка двадцати пяти лѣтъ, пошла по торной дорожкѣ съ шестнадцати лѣтъ. Въ началѣ она имѣла нѣсколько приличныхъ любовниковъ, но потомъ пала очень низко, стала пьянствовать.

Въ это время она сошлась съ однимъ человѣкомъ, на видъ довольно приличнымъ, удивительно изворотливымъ, страшно лѣнивымъ, научившимъ ее очень ловкимъ штукамъ, дававшимъ порядочные доходы, которыми онъ пользовался.

Съ этихъ поръ Августина стала меньше пить и зажила припѣваючи, такъ что всѣ женщины въ ея кварталѣ были просто поражены. Онѣ знали, что она страшно нуждалась, эта дылда брюнетка — обожательницы ликеровъ, отдававшаяся какому-нибудь подозрительному первому встрѣчному, который, несмотря на ея покладливость, молодость и хорошенькую мордочку, оскорблялъ и обворовалъ ее.

Августина теперь имѣла свою квартиру съ собственной обстановкой и даже свою прислугу. Она охотилась только за господами и почти никогда не возвращалась безъ добычи. Въ чемъ разгадка? Ужъ не заслужила ли она премію, обѣщанную Сарданапаломъ тому, кто выдумаетъ новое наслажденіе?

Понятно, что завистливыя души стали подозрѣвать ее въ какихъ-нибудь тайныхъ порокахъ.

Ее обвиняли въ томъ, что она предается порокамъ, отъ которыхъ покраснѣлъ бы даже житель Содома и Гоморы.

Въ этомъ отношеніи они жестоко ошибались.

Порокъ раздражаетъ нервы, отъ него дурнѣютъ, а Августина выглядѣла совсѣмъ свѣженькой и красивѣе, чѣмъ когда-либо.

Какимъ же это способомъ ей удавалось заставлятъ мужчинъ дѣлать ей хорошіе подарки, не растрчивая своихъ прелестей?

Красивый котъ, ея новый другъ, замѣтилъ, что уличные любовники — большею частью — люди уже изрядно поистаскавшіеся, ищущіе, главнымъ образомъ, молодость, свѣжесть, — для возбужденія своихъ утомленныхъ половыхъ органовъ...

Ну, а Августина обладала замѣчательной пластикой и особенно великолѣпно развитымъ и красивымъ крупомъ; его-то сутенеръ и посовѣтовалъ своей подругѣ эксплуатировать.

Первые уроки флагелляціи были даны ей лично имъ самимъ, но онъ упустилъ одно изъ вида, что отъ розогъ на тѣлѣ появляются довольно некрасивые слѣды...

Кромѣ того Августина жаловалась, что ласки розогъ слишкомъ для нея тяжелы...

Приходилось поискать что-нибудь другое; тогда онъ смастерилъ особую плетку изъ резиновыхъ, діаметромъ въ полтора сантиметра, дутыхъ трубочекъ. Плетка была изъ пяти хвостовъ. Послѣ ударовъ не оставалось слѣдовъ на тѣлѣ. Боль тоже была ничтожная или почти ничтожная.

Съ этого времени наша красавица заставляла своихъ случайныхъ поклонниковъ сѣчь ее, ни одинъ изъ нихъ не отказывался исполнить этотъ ея якобы капризъ. Августина такъ ловко извивалась крупомъ во время сѣченія, что всѣ пороли ее съ особеннымъ удовольствіемъ и испытывая большое наслажденіе, такъ что, когда приходилось расплачиваться никто не жалѣлъ заплатить хорошо дѣвушкѣ, позволявшей себя такъ сильно пороть!

Она во время наказанія была такъ граціозна, съ такимъ удовольствіемъ позволяла любоваться своимъ покраснѣвшимъ крупомъ, что иногда это такъ настраивало флагеллянта, что онъ, въ свою очередь, просилъ и его подвергнуть сѣченію, но хитрая

дѣвица въ такомъ случаѣ брала хорошія березовыя розги и сѣкла такъ сильно, что тотъ вскорѣ просилъ ее прекратить и платилъ щедро, думая, что и она была должна такъ же страдать, когда онъ ее сѣкъ.

Иногда, она пускала въ ходъ другую штуку, если замѣчала, что субъекта можно поймать на удочку.

По совѣту все того же своего сутенера, она приобрѣла якобы художественное биде, роскошно разрисованное. Этотъ инструментъ былъ разбитъ на нѣсколько кусковъ и искусно склеенъ, но довольно слабо и совершенно незамѣтно.

Временный поклонникъ, которому она любезно предлагаетъ сдѣлать свой туалетъ въ ея кабинетѣ, конечно, для обмыванія, усаживается на стоящее на виду биде, которое въ ту же секунду разваливается на кусочки и онъ летитъ на полъ страшно сконфуженный...

Разбитое биде никуда по виду теперь не годится. Августина, въ сопровожденіи горничной на шумъ вбѣгаетъ и участливо спрашивается, не поранилъ ли себя господинъ... Потомъ съ глазами, полными слезъ, произноситъ:

— Художественная вещь... дорогая память!...

При этомъ она начинаетъ уже рыдать. Еще секунда и она поклялась бы, что биде досталось ей отъ матери!

— Не плачьте, говоритъ тотъ, я вамъ куплю другое.

— Такого не найти больше!

— Тогда я вамъ заплачу за него!

На другой день утромъ наивный посѣтитель оставлялъ за разбитое вечеромъ биде три фун. стерл. (около 30 р.).

ГЛАВА III

Тѣлесныя наказанія женщинъ на Востокѣ

Хотя торговля рабами строго преслѣдуется въ Азій и въ Африкѣ, торговцы, поставщики для турецкихъ гаремовъ, находятъ средства добывать человѣческое мясо къ услугамъ азіатскихъ пашей.

Въ прежнія времена владѣтельные особы содержали особыхъ комиссаровъ, объѣзжавшихъ Грузію и Кавказъ вообще съ цѣлью похищенія дѣвушекъ, славившихся своей красотой, — для снабженія ими гаремовъ вышеупомянутыхъ особъ. Такъ какъ подобный варварскій способъ въ наше время не практикуется, торговцы рабынями прибѣгаютъ къ другимъ средствамъ; они по прежнему охотятся за человѣческой дичью, но вмѣсто силы теперь пускаютъ въ ходъ оболъщеніе, прельщая молодую дѣвушку болѣе или менѣе значительной суммой денегъ и стараясь уговорить ее бросить

своихъ бѣдныхъ родителей, чтобы жить въ роскоши и бездѣльи. Нерѣдко также и родители продаютъ своихъ дочерей этимъ торговцамъ человѣческимъ тѣломъ.

Но такъ какъ громадное большинство такихъ дѣвушекъ безъ всякаго образованія и очень невоспитанныя, покупатели отправляютъ въ особыя учрежденія, нѣчто въ родѣ пансіоновъ, гдѣ опытныя женщины обучаютъ ихъ манерамъ и умѣнью держать себя въ предстоящемъ имъ новомъ положеніи; благодаря этому цѣнность ихъ значительно возрастаетъ противъ того, если бы ихъ продать немедленно послѣ покупки.

Подобныя воспитательныя пансіоны существуютъ, главнымъ образомъ, въ Малой Азіи и Аравіи, они представляютъ какъ бы склады женщинъ, черныхъ и бѣлыхъ, всевозможныхъ расъ, — въ распоряженіи богатыхъ мусульманъ.

Подобныя учрежденія могутъ быть посѣщаемы довольно свободно даже европейцами; за нѣсколько золотыхъ монетъ допускаютъ осматривать эти оригинальныя пансіоны, обыкновенно устроенныя съ большою роскошью, такъ какъ нерѣдко ихъ посѣщаютъ очень богатые особы — съ цѣлью лично выбрать женщину.

Въ такихъ учрежденіяхъ женщины считаются рабынями, а потому обращаются съ ними очень строго. Развѣ не необходимо, чтобы будущій господинъ нашелъ полное и непрекословное послушаніе въ той, которую онъ покупаетъ для своего наслажденія? Вотъ почему, если которая-либо изъ нихъ въ чемъ-нибудь провинится, то она немедленно передается въ руки евнуховъ, которые наказываютъ ее тѣлесно.

„Въ такомъ домѣ каждая рабыня спитъ на доскахъ, покрытыхъ только ковромъ“, говоритъ корреспондентъ газеты „Стандартъ“, который провелъ четыре дня за большія деньги въ такомъ учрежденіи и имѣлъ возможность наблюдать всѣ порядки“, на колѣни ей на ночь одѣваются особыя колодки, чтобы она привыкла спать неподвижно и не могла впослѣдствіи будить своего будущего господина. Утромъ эти колодки снимаются.

Послѣ этого ихъ всѣхъ одновременно гонятъ въ особую комнату, гдѣ въ полу понадѣланы дыры, предназначенныя для удовлетворенія естественной потребности, которая удовлетворяется ими всѣми одновременно.

Послѣ того, какъ онѣ удовлетворили свою естественную потребность, ихъ ведутъ въ умывальную комнату, гдѣ ихъ тщательно массируютъ, а затѣмъ сажаютъ въ довольно горячую ванную; по выходѣ изъ которой они поступаютъ въ распоряженіе педикюршъ и маникюршъ, которыя служатъ имъ въ то же самое время и горничными, причесывающими и одѣвающими ихъ.

Если которая изъ рабынь заслужила своимъ поведеніемъ награды, то ей позволяютъ спать безъ колодокъ или даже съ другой, съ которой она можетъ забавляться разными чувственными наслажденіями, которыя, для развитія въ ней сладострастія, сильно поощряются.

Наказанія бываютъ исключительно тѣлесныя и очень жестокия; тутъ можно встрѣтить самую варварскую утонченность съ чисто дьявольской жестокостью.

Для наказаній имѣется особая комната. Въ ней находятся всегда наготовѣ всевозможныя орудія наказанія: ременныя плети, веревочныя плети, длинные прутья, лежащія въ водѣ, для сохраненія гибкости, волосяныя щетки, стальные цѣпочки, снабженныя болѣе или менѣе тяжелыми гирями и т. д.; посреди комнаты стоитъ скамья, на которой наказываютъ, довольно широкая и снабженная кольцами, крючками, веревками, ремнями; одинъ видъ подобной скамьи наводитъ ужась...

Обыкновенно за небольшой проступокъ дается не болѣе двадцати ударовъ по обнаженному тѣлу розгами или плетью, — главное при наказываніи, чтобы ни по одному мѣсту тѣла не пришлось два удара и кожа не была бы повреждена. За болѣе важные проступки подвергаютъ всевозможнымъ истязаніямъ, продолжая заботиться о цѣлости кожи. Подвергаютъ и значительно большому числу ударовъ розгами или плетью, но тогда, опять же съ цѣлію сохраненія кожи, сѣкутъ черезъ мокрыя простыни, которыя во время наказыванія мѣняютъ нѣсколько разъ.

Послѣ двадцатого удара или вообще послѣ окончанія наказанія розгами или плетью наказанную относятъ въ сосѣднюю ванную комнату, гдѣ ее немедленно погружаютъ въ холодную ванну“.

При корреспондентѣ, находившемся въ сосѣдней ванной комнатѣ и наблюдавшемъ черезъ отверстіе, наказывали трехъ провинившихся женщинъ.

Наказаніе происходило въ присутствіи владѣльца дома и производилось тремя евреями. Наказанныхъ приводили по очереди. Всѣ они послушно ложились на скамью и вообще давали все дѣлать съ собой передъ наказаніемъ, но во время наказанія неистово кричали... Вотъ описаніе экзекуціи:

„Первой привели наказывать дѣвушку совсѣмъ ребенка еще. Она была въ одной рубашкѣ. Около скамьи стоялъ съ розгами въ рукахъ одинъ евнухъ и часто ими зловѣще свисталъ въ воздухѣ. Дѣвушка, видимо, что-то хотѣла объяснить, но ей не дали и два евнуха быстро уложили ее на скамейку и привязали. Было удивительно грустно смотрѣть на обнаженную дѣвушку, лежавшую привязанной на скамьѣ.

Какъ только евнухи привязали ее, то отошли въ сторону. Къ ней близко подошелъ владѣлецъ и сталъ что-то скоро говорить...

Евнухъ съ розгами отошелъ на шагъ отъ скамьи и смотрѣлъ, какъ собака, въ глаза владѣльцу. Затѣмъ, вѣроятно, тотъ велѣлъ начать ее сѣчь, потому что евнухъ свистнулъ розгами въ воздухъ и ударилъ по тѣлу. Свистъ рѣзкій, отвратительный. Раздался нечеловѣческій крикъ и на тѣлѣ легла красная полоса.

Черезъ каждые пять ударовъ евнухъ переходилъ на другую сторону скамьи, мѣняя при этомъ каждый разъ розги. Считалъ удары другой евнухъ. Мгновеніе между ударами казалось мнѣ

цѣлымъ часомъ. Когда ей дали двадцать ударовъ, то евнухи быстро отвязали дѣвушку, она встала и стала что-то говорить владѣльцу. Все время, пока ее пороли, она неистово орала односложными звуками, произнося какія-то слова между ударами... Когда она встала и стала говорить, то лицо у нея было блѣдное-блѣдное, видимо она силилась улыбнуться, но у нея выходила какая-то жалкая гримасса. По знаку рукой владѣльца, ее увели и черезъ нѣсколько секундъ привели другую.

Эта была высокая, уже вполне сформировавшаяся дѣвушка черкешенка. На ней лица не было... Дѣвушку замѣтно колотила дрожь, она какъ-то беспомощно оглядывалась, словно затравленный заяцъ... Владѣлецъ нѣсколько разъ повторилъ громко одно слово, — переводчикъ перевелъ корреспонденту, что онъ говоритъ ей „ложись“.

Въ это время одинъ евнухъ, уходившій, вернулся съ двумя простынями, намоченными въ водѣ. По объясненію переводчика, значило, что ее будутъ очень строго наказывать...

Но она не ложилась, тогда два евнуха взяли ее, подняли на руки, положили на скамейку и привязали. Владѣлецъ опять сказалъ что-то, оказавшееся приказаніемъ дать ей двѣсти ударовъ. Даже переводчикъ сказалъ: „больно много, — большая вина у нея!“

Снова свистъ, дикія крики, причитыванія въ промежутки между ударами, теперь полосъ не было видно, а только судорожныя вздрагиванія тѣла.

Эта наказанная сама уже не могла встать со скамьи, — ей помогли евнухи, которые и увели ее, поддерживая...

Наконецъ, привели третью, приблизительно такую же дѣвушку, какъ вторая. Эту не раз ложили на скамейкѣ. Она была подвергнута истязанію груди, послѣ этого наказана на скамейкѣ плетью и, какъ и двѣ ранѣе наказанныя, посажена въ холодную ванну. Послѣдняя, во время истязанія, впала въ обморочное состояніе...

Мы уже сказали, что при всѣхъ истязаніяхъ стараются причинить какъ можно больше мученій, не повреждая кожи.

По словамъ того же корреспондента, очень часто наказываютъ провинившуюся дѣвушку еще такъ, раздѣваютъ ее до нага, ставятъ спиной къ колоннѣ въ комнатѣ или стѣнѣ, связавъ кисти рукъ, поднимаютъ ихъ вверхъ и привязываютъ за руки къ стѣнѣ такъ, чтобы одинъ локоть закрывалъ лицо, ноги наказываемой привязывали къ кольцамъ въ полу и въ такомъ положеніи владѣлецъ или евнухъ наказываютъ ее розгами по передней части тѣла. Такъ какъ эта часть тѣла особенно чувствительна, а наказаніе производится обыкновенно довольно жестоко, то рѣдко когда несчастная выноситъ назначенное число розогъ, не потерявъ отъ боли сознанія; но ее тогда приводятъ въ чувство и затѣмъ опять продолжаютъ драть, пока не дадутъ сполна назначенное число ударовъ. Правда, подобному наказанію подвергаютъ за болѣе важные проступки, какъ на примѣръ — за побѣгъ, на которыхъ не дѣйствуютъ другія наказанія, за покушеніе къ побѣгу, потерю

невинности, при чемъ за послѣдній проступокъ всегда наказываютъ, не щадя кожи и нерѣдко засѣкаютъ на смерть.

За побѣгъ обыкновенно подвергаютъ подобному наказанію послѣ жестокого истязаша и наказаша по задней части тѣла, послѣ выхода изъ ванной...

Корреспонденту удалось купить въ Бейрутѣ рисунокъ, изображающій наказаніе подобнымъ способомъ дѣвушки владѣльцомъ подобнаго склада рабынь.

ГЛАВА IV

Тѣлесное наказаніе женщинъ въ Испаніи.

По словамъ извѣстнаго испанскаго историка Кольменара, въ средше вѣка въ Мадридѣ существовали процессіи флагеллянтовъ, о которыхъ я говорилъ въ первомъ томѣ. Въ церемоніаль этихъ процессій входило столько же религіознаго, сколько и любовнаго отношенія къ женщинѣ. Но я предпочитаю предоставить слово самому историкъ. Вотъ что онъ пишетъ:

„Въ этихъ процессіяхъ принимали участіе всѣ кающіеся или флагеллянты, стекавшіеся со всѣхъ кварталовъ города. На голову они надѣвали очень высокій, бѣлый полотняный колпакъ ввидѣ сахарной головы, съ передней части его спускалась широкая полотняная полоса, которая закрывала лицо. Среди участвующихъ, конечно, были лица, подвергавшія себя публичной флагелляціи, движимыя чувствами дѣйствительной набожности; но другіе практиковали ее, чтобы угодить своимъ любовницамъ; подобная галантность была совершенно оригинальной и невѣдомой другимъ народамъ. Эти милые флагеллянты надѣвали бѣлыя перчатки и такого же цвѣта ботинки, рубашку, рукава которой были украшены лентами, на головѣ и на плащѣ была лента любимаго цвѣта

Они бичевали себя по вполнѣ опредѣленнымъ правиламъ веревочной плеткой, на концахъ хвостовъ которой были вплетены кусочки стекла. Тотъ, кто сѣкъ себя съ большей силой, считался болѣе мужественнымъ и достойнымъ большого уваженія.

Эти странные влюбленные, проходя подъ окнами своихъ дульциней, наносили себѣ болѣе сильные удары. Но въ то же время всѣ эти флагеллянты выражали свое восхищеніе и передъ встрѣчными женщинами, особенно если онѣ были хорошенькія, въ такомъ случаѣ они старались, чтобы нѣсколько капель ихъ крови попало на нихъ. Если дамѣ нравился флагеллянтъ и она хотѣла отнестись благосклонно къ его ухаживанію, она поднимала свою вуаль.

Въ тѣ времена многія жены находили, что изъ-за тѣлеснаго наказанія, которому подвергъ ее мужъ, не стоитъ особенно огорчаться. Нѣкоторыя изъ нихъ даже находили удовольствіе въ этихъ побояхъ. Мужъ, бьющій жену, доказываетъ, что онъ дорожитъ ею, иначе онъ не старался бы ее исправить наказаніями.

Въ то время подобнаго взгляда придерживались почти всѣ народы. Раньше, когда на жену смотрѣли почти какъ на рабыню, дѣло обстояло совершенно иначе: за малѣйшую провинность мужъ приказывалъ съечь ее своей прислугѣ и, вѣроятно, подобное униженіе не доставляло ей большаго удовольствія. Повидимому, въ Испаніи мужа или любовника, приказывающие пороть своихъ женъ или любовницъ, не пользовались отъ нихъ за то большимъ уваженіемъ, если судить по разсказу знаменитаго Сервантеса — „Ринконетъ и Картадійо“.

„...Только что Мониподіо, капитанъ королевской гвардіи, начальникъ караула, собрался поужинать въ компаніи двухъ веселыхъ молодыхъ дамъ, какъ въ дверь сильно постучались. Мониподіо прицѣпилъ шашку и, подойдя къ двери, грозно спросилъ: „кто тамъ?“ — Никто, это я только, Ваше Высокоблагородіе, Фагаротъ — караульный, — пришелъ доложить вамъ, что вотъ тутъ стоитъ дѣвушка — Юлія Каригарта, вся растрепанная и въ слезахъ, какъ будто съ ней приключилось ужасное несчастье. Дѣйствительно, за дверью слышались женскія всхлипанія.

Услыхавъ ихъ, Мониподіо отворилъ дверь. Онъ приказалъ Фагароту вернуться въ караульный домъ и въ другой разъ не смѣть такъ громко стучать въ дверь, что тотъ обѣщаль исполнить...

Въ то время какъ Мониподіо отечески журилъ караульнаго за слишкомъ сильный стукъ въ дверь, въ комнату вошла Каригарта, дѣвушка изъ разряда тѣхъ же особъ, съ которыми капитанъ собирался весело провести время. Волосы у нея были распущены, лицо все въ синякахъ, и, лишь только она вошла въ комнату, какъ упала на полъ... Обѣ гости капитана бросились ей на помощь. Обливъ лицо водой и разшнуровавъ ее, онѣ, увидали на груди тоже много синяковъ. Какъ только дѣвушка пришла въ себя она стала кричать! „Да поразитъ Правосудіе Бога и короля этого безсовѣстнаго разбойника, труса, мошенника, котораго я уже не разъ спасала отъ висѣлицы, хотя у этого молокососа еще молоко не обсохло на губахъ. Что я за несчастная женщина! Посмотрите на меня, — я потеряла свою молодость и красоту ради такого негодяя и неисправимаго бездѣльника!“

— „Успокойся, Каригарта“, сказалъ Мониподіо, „я, вѣдь, здѣсь и готовъ оказать тебѣ полное Правосудіе. Разскажи, въ чемъ дѣло. Ты потратишь на свой разсказъ больше времени, чѣмъ я на наказаніе твоего обидчика. Скажи, ты серьезно съ нимъ поссорилась и хочешь, чтобы я за тебя отомстилъ ему, тогда скажи только слово...“

— Поссорилась! Я бы очень была рада только поссориться! Я скорѣе готова отправиться въ адъ, чѣмъ състь съ такимъ мер-

завцемъ за одинъ столъ или лечь съ нимъ вмѣстѣ въ кровать!“ И поднявъ платье до колѣнъ, даже немного выше, она показала свои ляшки, которыя были всѣ въ грязи и синихъ полосахъ, затѣмъ продолжала:

„Вотъ полюбуйте, какъ меня отдѣлалъ этотъ негодяй Реполито, который обязанъ мнѣ больше своей матери! И вы знаете за что? Развѣ я дала ему малѣйшій поводъ? Ровно никакого! Онъ избилъ меня за то только, что проигравшись до послѣдняго гроша, этотъ разбойникъ послалъ ко мнѣ Кабрило, чтобы я прислала ему тридцать реаловъ, а я дала только двадцать четыре. И одному Богу извѣстно, какъ тяжело они мнѣ достались! Вмѣсто того, чтобы отблагодарить меня, онъ рѣшилъ, что я точно украла изъ той суммы, которую онъ надѣялся получить въ своемъ пылкомъ воображеніи... Сегодня утромъ онъ увелъ меня въ дальнія поля, что за королевскими садами; тамъ подъ однимъ каштановымъ деревомъ раздѣлъ меня совершенно до нага и, снявъ съ себя свой ременный поясъ, не смотря на мои мольбы и крики, сталъ безжалостно пороть меня имъ по чемъ попало; онъ даже не снялъ съ пояса пряжекъ!.. Дралъ онъ меня до тѣхъ поръ, пока я не потеряла сознание. Вотъ полюбуйте на слѣды такой ужасной порки!..“

Мониподіо обѣщаль, что обидчикъ будетъ жестоко наказанъ, какъ только его разыщутъ и приведутъ сюда.“ Не бойся, Каригарта, у меня дивныя розги и я шкуру ему спущу!“

Одна изъ барышень, гостей капитана, стала также утѣшать Каригарту и говорить ей:

„Я бы многое дала, чтобы со мной случилось подобное съ моимъ другомъ; не забывай Каригарта, что кто сильно любитъ, тотъ сильно и наказываетъ! Когда наши бездѣльники сѣкутъ насъ или просто колотятъ,— значить они насъ любятъ... Сознайся, послѣ того, какъ онъ тебя избилъ до полусмерти, я увѣрена, онъ тебя приласкалъ разочекъ?“

— Какъ разочекъ?! Да ты очумѣла! Онъ уговорилъ идти домой и мнѣ даже показалось, что у него были слезы на глазахъ послѣ того, какъ онъ меня такъ жестоко выпоролъ“.

Инквизиція! Вотъ слово, при произнесеніи котораго у васъ, недольно въ воображеніи рисуются картины самыхъ жестокихъ сценъ!

Мы знаемъ, какъ изобрѣтателенъ былъ умъ по части пытокъ.

Китайцы, какъ извѣстно, считающіеся мастерами по части причиненія страданій преступникамъ, не въ состояніи были изобрѣсти рѣшительно ни одного самаго ужаснаго истязанія, которое не было бы въ ходу въ страшныхъ тюрьмахъ, гдѣ были заключены еретики.

Инквизиціонные суды возникли въ латинской Европѣ, гдѣ католицизмъ торжествовалъ свою побѣду помпой и роскошью своихъ религіозныхъ церемоній.

Въ теченіе долгихъ вѣковъ, благодаря ему, въ набожныхъ городахъ разносился запахъ горѣлаго человѣческаго мяса. Вѣдь

какихъ-нибудь всего полтора ста лѣтъ назадъ людей жгли на кострахъ!

Въ своемъ трудѣ я не собираюсь вовсе говорить подробно о пыткахъ въ тюрьмахъ Инквизиціи.

Пабло Воигъ и Павелъ де Сентъ Викторъ, особенно послѣдній, въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи „Люди и Богъ“, говорятъ о флагелляціи въ Испаніи.

Послѣдній рассказываетъ разныя подробности о сектахъ флагеллянтовъ и даетъ вообще много подробностей о флагелляціи съ сладострастной цѣлью.

Что касается до Пабло Воигъ, то онъ сообщаетъ, что въ 1640 году, на одной изъ городскихъ площадей города Мурсіи была публично наказана розгами маркиза Мерседесъ Ажійо. Ее сѣкли, предварительно раздѣвъ до нага, что вызвало громадный скандалъ во всей Испаніи, гдѣ подобныя наказанія не производились публично, чтобы не оскорблять высокаго цѣломудрія испанцевъ.

Кальвинистъ Базеръ, изъ Цюриха, извѣстный своими проповѣдями противъ пьянства и незаконныхъ связей, рассказываетъ, что однажды ему пришлось быть въ городѣ Саламанкѣ. Его вниманіе было поражено встрѣченной имъ процессіей съ осужденными женщинами. Тутъ были все совсѣмъ молоденькія дѣвушки, смуглыя, съ блестящими отъ слезъ глазами, большею частью еврейки. Почтенный философъ любопытствовалъ узнать, къ какому наказанію онѣ приговорены. Ему сообщили, что ихъ везутъ въ монастырь „Дѣвичій“, гдѣ ихъ будутъ наказывать розгами, при чемъ во время наказанія монашенки будутъ пѣть духовныя пѣсни, подходящія къ грѣхамъ этихъ еретичекъ.

Вольтеръ сообщаетъ тоже, что иногда сѣкли розгами подъ аккомпаниментъ церковнаго органа. Вообразите, до чего человекъ могъ додуматься, чтобы пороть розгами подъ органъ или пѣніе духовныхъ пѣсенъ! Правда, это хотя немного нарушаетъ монотонность подобныхъ церемоній и все-таки даетъ извѣстный мѣстный колоритъ наказаніямъ розгами въ древней Иберіи.

Но наказаніе розгами, которому подвергали провинившихся дѣвушекъ въ „Дѣвичьемъ монастырѣ“ было вовсе не такое, чтобы можно было шутить.

Дѣло не ограничивалось тѣмъ, что было поднято нѣсколько женскихъ юбокъ и отшлепано нѣсколько женскихъ круповъ.

Нѣтъ, тутъ лилась кровь, въ цвѣтъ которой окрашено кардинальное облаченіе, изъ комнаты, гдѣ наказывали дѣвушекъ, неслись отчаянные крики отъ истязаній, которымъ ихъ подвергали.

Монаха, вооруженнаго розгами или плетью, ничто не способно было смягчить — ни молодость, ни красота еретички-дѣвушки.

Привязанная къ позорному столбу или растянутая на скамьѣ, дѣвушка должна была оставить всякую надежду; ей не предстоитъ вынести извѣстное число ударовъ розгами или плетью... Ее будутъ

пороть даже не до тѣхъ поръ, пока устанетъ монахъ палачъ, а пока кровь не польется ручьемъ, пока она не умретъ...

Эти молодыя женскія тѣла, извивающіяся подъ ударами розогъ или плетей подобно змѣямъ, представляли ужасное зрѣлище.

Вы напрасно станете искать въ глазахъ сѣкущаго монаха малѣйшаго признака сожалѣнія... Онъ совершенно равнодушенъ, какъ машина бездушная, даже къ прелестямъ самымъ секретнымъ, которыя обезумѣвшая отъ боли дѣвушка выставляетъ на показъ безъ всякаго стыда...

Еще надняхъ (въ октябрѣ 1909 г.), подъ давленіемъ католическихъ монаховъ, былъ разстрѣлянъ невинный патріотъ Феррера, настаивавшій на томъ, чтобы народная школа была свѣтской и не находилась въ рукахъ монаховъ. Гнусный иоступокъ испанскаго правительства вызвалъ негодованіе во многихъ странахъ. Во Франціи и Италіи произошли забастовки, народныя манифестаціи, окончившіяся столкновениями съ полиціей; были даже убитые и раненые съ обѣихъ сторонъ.

Въ Испаніи, гдѣ католицизмъ проникаетъ всюду и проявляетъ часто совсѣмъ неумѣстное своевластіе, не все обстоитъ благополучно среди этого наиболѣе преданнаго народа.

Исторія знаменитаго Антоіа Переца и его сотоварища Филиппа II представляетъ одну изъ самыхъ кровавыхъ страницъ, которую только превосходитъ исторія завоеванія Южной Америки.

Это было время полнаго торжества розогъ и плетей, за которое расплачивались несчастные туземцы.

Я не считаю себя компетентнымъ описывать всѣ тогдашнія трагедіи или пытки. Могу только замѣтить, что даже въ наше время, до войны Испаніи съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, іезуиты являлись полными господами на островѣ Куба и не стѣснялись подвергать тѣлесному наказанію кого угодно.

Въ газетѣ „Таймсъ“ была подробно разсказана исторія, какъ двѣ молодыхъ дѣвушки-негритянки, виновныя въ томъ, что попались на глаза монаху въ довольно легкомъ одѣяніи, были, по приказанію монаха, схвачены и приведены въ монастырь іезуитовъ, гдѣ ихъ раздѣли, растянули на скамейкѣ и наказали розгами настолько жестоко, что онѣ потеряли сознаніе. Мало того, монахи заставили передъ ихъ окровавленными тѣлами дефилировать негритянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

Наглядное обученіе, сказали бы педагоги!

Но возвратимся къ Инквизиціи, продолжавшейся много вѣковъ, въ теченіе которыхъ женщинъ сѣкли потому что тѣлесныя наказанія были вообще въ тогдашнихъ нравахъ, а также потому, что на подобныя истязанія смотрѣли какъ на одно изъ тысячи средствъ пытки. Но изобрѣтательность пыталъщиковъ не остановилась на немъ, и они придумали для евреевъ такія ужасныя истязанія, которыя только могли зародиться въ ихъ развращенномъ воображеніи.

Тѣло допрашиваемыхъ съ „пристрастіемъ“ (подъ пыткой) женщинъ всегда подвергалось истязаніямъ, которыя нерѣдко вдохновлялись далеко нецѣломудренной жестокостью.

Не трудно представить себѣ, какъ должно было возбуждать умы, извращенные половымъ воздержаніемъ, зрѣлище обнаженныхъ и обезумѣвшихъ женщинъ.

Отсюда до удовлетворенія своего возбужденнаго сладострастія оставался одинъ шагъ, который довольно часто переступался, в чемъ легко убѣдиться, если не полѣниться порыться въ мемуарахъ современниковъ.

Среди испанскихъ дѣвушекъ, наказанныхъ тѣлесно, я могу указать на Концепцію Нунецъ. Случай съ этой совсѣмъ юной барышней настолько типиченъ, что передъ нами, какъ живая, встаетъ вся эта бурная и кровавая эпоха.

Передавая этотъ случай, я постараюсь, по возможности, сохранить мѣстный колоритъ языка историка Жуанеса, у котораго я его беру.

Концепція Нунецъ. Лишь только вечерняя прохлада спускалась на апельсиновый лѣсъ и воздухъ наполнялся рѣзкимъ ароматомъ бергамотовъ, Концепція Нунецъ шла въ церковь, гдѣ долго передъ ликомъ Мадонны молилася за упокой усопшихъ.

Это была маленькая деревенская церковь, освѣщавшаяся нѣсколькими свѣчками, криво поставленными въ паникадила на хорахъ.

Завернувшись въ свою черную мантилью, Нунецъ преклоняла колѣна передъ алтаремъ, рассыпавъ на плитахъ лепестки изъ розы, приколотой въ ея черныхъ, какъ смоль, волосахъ.

Концепція, дочь мясника Антонія Нунецъ, была самая красивая дѣвушка въ своей деревнѣ,— маленькой деревушкѣ на берегу Средиземнаго моря.

Вся деревня жила добычей отъ моря и почти всѣ жители были рыбаки. Дѣвушки не отличались недоступностью, были веселы и занимались..., на счетъ ихъ добродѣтели ходили самые неблагоприятные слухи.

Онѣ не выходили замужъ, такъ какъ, обыкновенно, растрачивали „капиталъ“ честной дѣвушки. Достигши семнадцати лѣтъ, онѣ поступали въ какую-нибудь труппу странствующихъ актеровъ или отправлялись въ Мадридъ, гдѣ поступали въ дома терпимости.

Морской воздухъ, вѣтеръ съ горъ и ароматъ апельсиновыхъ рощъ придавали ихъ смуглымъ, золотистымъ тѣламъ эластичность вполне спѣлаго плода, запахъ котораго сводилъ съ ума сердца мужчинъ.

Безспорно самой прекрасной между ними была Концепція Нунецъ.

Высокая и дородная, съ таліей болѣе тонкой, чѣмъ обыкновенно у испанокъ, она соединяла съ прелестью своего соблазнительнаго стана еще граціозное личико съ правильными чертами.

Стоило разъ увидать ея глазки, большія и темно-синія, ея розовый ротикъ, гдѣ рядъ зубовъ походилъ на жемчужины въ атласномъ розовомъ футлярѣ, какъ вы безнадежно погибли и готовы

были продать свою душу Сатанѣ. Концепція отлично знала, какое очарованіе она внушала мужчинамъ.

Она походила на тѣ тропическія деревья, которыя соблазняютъ своею тѣнью и плодами усталого путника и причиняютъ смерть раньше, чѣмъ онъ отвѣдаетъ ихъ.

Она уже знала тайну любви, — еще будучи совсѣмъ маленькой дѣвочкой она любопытными глазенками смотрѣла вмѣстѣ съ своимъ другомъ, такихъ же лѣтъ мальчикомъ, какъ быкъ выражалъ свой любовный восторгъ, крѣпко обнимая корову.

Въ четырнадцать лѣтъ, уже совсѣмъ плѣнительная женщина, она стала любовницей одного восемнадцатилѣтняго матроса, погибшаго вскорѣ во время бури въ морѣ.

Концепція ходила молиться за упокой души своего возлюбленного въ крошечную деревенскую церковь, гдѣ Мадонна осушала слезы всѣхъ вѣрующихъ.

Но новая любовь заставила забыть прежнюю. Красавица брюнетка познала другія объятія. Она была на верху блаженства, когда близко сошлась съ однимъ мясникомъ, красивымъ, какъ Антиной.

Съ этихъ поръ Концепція была похожа на ядовитый цвѣтокъ, одинъ аромат котораго убиваетъ; мужчины дрались изъ-за нея, и палки съ ножами были въ ходу круглый годъ.

Ревность раздѣлила молодыхъ мужчинъ, которые сердца свои бросили къ ногамъ красавицы дѣвушки; а она раздавала свои благосклонные взгляды направо и налево, какъ бы пронзая ими грудь, такъ какъ изъ-за нихъ обыкновенно происходили драки на ножахъ.

„Мюжеръ! (испанское слово, значитъ женщина). У нея въ глазахъ кинжалы, а мы передъ нею, какъ годовалый быкъ передъ шпагой тореадора!“ говорилъ Мануило Карриесъ, самый высокій, самый сильный и самый богатый изъ рыбаковъ побережья.

И этотъ ловкій и здоровый, какъ юный богъ, малый любилъ Концепцію, но она не любила его или, по крайней мѣрѣ, этого не было замѣтно.

Когда она черпала воду изъ колодца, дѣлая своимъ тѣломъ сладострастныя колебанія, которыя положительно приводили въ изступленіе всѣхъ мужчинъ, она видѣла, что въ тѣни за ней слѣдитъ пара черныхъ глахъ, какъ дикое животное слѣдитъ за барашкомъ, пришедшимъ на водопой.

Концепція не боялась нисколько. Она хохотала отъ души, показывая при этомъ свои очень маленькіе зубы и розовыя десны.

— „Эй, Мануило, напрасно прячешься, я тебя видѣла... Ты все еще меня любишь?“ Влюбленный, пойманный, съ досадою скрывался въ чащѣ кактусовъ и алоэ, выражая свое бѣшенство ударами ножа въ стволы деревьевъ.

Иногда, послѣ жестокой внутренней борьбы, когда онъ сознавалъ себя побѣжденнымъ, онъ робко подходилъ къ молодой дѣвушкѣ, улыбающейся и смотрящей на него благосклонно.

— „Когда же ты меня полюбишь?“

— „Когда? Вотъ забавный вопросъ! Нѣтъ, ты подумай, развѣ я обязана тебя любить... А между тѣмъ ты мнѣ далеко не противень, нѣтъ ты мнѣ не противень. Я люблю тебя, какъ только сдѣлаешься тореадоромъ!“

Это означало тоже самое, что никогда, такъ какъ бѣдный Мануило не имѣлъ ни малѣйшей склонности къ трудному искусству борца съ быками.

Онъ возвращался домой разбитый, удрученный и полный ненависти ко всѣмъ тѣмъ, которые пользовались ласками Консепции.

Разъ утромъ, когда всѣ рыбаки были совсѣмъ уже готовы, чтобы выйти на рыбную ловлю въ открытое море, лодка Мануило оставалась на пескѣ, въ то время какъ всѣ остальные весело покачивались на водѣ, какъ бы подсмѣиваясь надъ ней.

Мануило въ ту же ночь уѣхалъ, унеся съ собой свои сѣти и всѣ свои сбереженія.

Когда эту новость сообщили Консепции, то она весело и дерзко разсмѣялась.

— „Онъ вернется“, сказала она, „я знаю, гдѣ онъ находится, онъ уѣхалъ въ городъ, чтобы наняться въ шуло (помощники тореадора)..."

Но его не возьмутъ и вы увидите, что завтра онъ опять будетъ среди насъ“.

Но ни завтра, ни послѣзавтра, ни въ теченіе многихъ слѣдующихъ дней никто не видалъ Мануило.

Именно въ это время,— ровно годъ какъ уѣхалъ Мануило,— торговецъ быками, богатый и веселый человѣкъ, увезъ съ собой Консепцію, оставшись очень доволенъ ею послѣ того, какъ провель съ нею три ночи въ деревнѣ.

Съ отъѣздомъ ея въ деревнѣ стало уныло, какъ въ саду безъ цвѣтовъ, въ птичникѣ безъ птицъ, но за то въ деревнѣ молодежь перестала драться.

Въ узкихъ улицахъ, окружающихъ королевскія цирковыя арены въ Мадридѣ, въ часъ когда сентиментальные влюбленные распѣваютъ любовные романсы подъ балконами своихъ возлюбленныхъ,— сквозь щели закрытыхъ ставень одного кабака пробивался желтый лучъ отъ еврейской лампочки.

Это былъ трактирчикъ, гдѣ по вечерамъ собирались шуло, пикадоры и вообще темныя личности, которыя, обыкновенно, бродятъ за кулисами цирковыхъ аренъ.

Слышались звуки гитары, какой то глухой сдавленный голосъ напѣвалъ популярный романсъ, шумѣлъ басскій барабанъ, раздавался веселый смѣхъ женщинъ и площадная брань во всѣхъ четырехъ концахъ низкой и полной табачнаго дыма залѣ.

Среди комнаты стоялъ чрезвычайно длинный столъ, за которымъ каждый изъ собутыльниковъ могъ свободно расположиться съ локтями на столѣ и поглощать вино, подаваемое кабатчи́комъ.

На первомъ планѣ вырисовывалась на стѣнѣ тѣнь Мануило, сильно похудѣвшаго, благодаря жизни, полной приключеній.

Онъ служилъ простымъ рабочимъ на королевскихъ аренахъ. Желая во что бы то ни стало осуществить свою мечту и сдѣлаться тореадоромъ, которому бы апплодировали всѣ хорошенькія дамы Мадрида и въ особенности Концепція Нунецъ, веселое личико которой рисовалось ему не разъ въ его воображеніи.

Вошелъ высокій, сухой и мускулистый молодой парень, неся на рукахъ свернутую шаль.

— „Здорово, ребята!“ сказалъ онъ, „синьора еще не пришла?“

Послѣ того, какъ трактирщикъ отрицательно кивнулъ головой, онъ сѣлъ къ столу и, взявъ гитару, сталъ играть какую-то „хабанеру“ съ довольно страстными звуками.

Женщины повысыпали изъ всѣхъ угловъ; опрокинувъ корпусъ назадъ, выпятивъ сильно крупъ и высунувъ руки впередъ, онѣ стали танцевать съ разными тѣлодвиженіями.

— „Анда! Анда! Олле! Олле!“

Мужчины хлопали въ ладоши въ тактъ.

— „Синьора... синьора!“

Высокая молодая дѣвушка, стройная, съ матовымъ цвѣтомъ лица, блестящими глазами отъ страсти, вскочила на столъ ловкимъ кошачьимъ прыжкомъ.

— „Олле! Олле!“

Заиграли три гитары, раздался звукъ кастаньетъ и Мануило, весь блѣдный всталъ и ушелъ въ темный уголъ комнаты.

Красавица Концепція танцевала вмѣстѣ съ другими публичными женщинами недалеко отъ стола.

Онъ думалъ, что все это — сонъ, но нѣтъ, это не было видѣніе, — его руки касались легкой матеріи шарфа прелестной Нунецъ.

Совершенно опьянѣвшій отъ ревности, отъ отчаянія, онъ сидѣлъ въ своемъ углу, потерявъ всякую способность къ размышленію; передъ его глазами, въ вихрѣ танца кружились обожаемая формы и онъ слышалъ шумъ юбокъ, его обдавало запахомъ, приводившимъ его въ полное безуміе.

Подъ рѣзкіе звуки гитаръ и бубенъ, подъ веселый припѣвъ „олле“, дѣвушки съ высоко вздымавшеюся грудью медленно раздѣвались.

Тогда сладострастная балерина стала съ спокойнымъ безстыдствомъ мимировать возбуждающій танецъ папиросницъ.

Многіе писатели говорили о грубой сладострастности этого танца.

Женщина беретъ въ ротъ сигару, зажигаетъ ее, держа руки въ бока.

Она кончаетъ танецъ, вынимая изо рта сигару и вставляя ее въ... другое мѣсто.

Среди смѣха, плоскихъ шутокъ пьяныхъ людей Концепція стала также танцевать танецъ папиросницъ, не сокративъ даже его финальнаго жеста...

Раздался громъ аплодисментовъ, женщины прыгали отъ радости, мужчины чокались стаканами съ виномъ, проливая его на столъ.

Концепція, задыхающаяся, раскраснѣвшаяся одѣвалась, прикрывая шалью свои обнаженные плечи и грудь.

Вдругъ блеснулъ ножъ и пронзилъ насквозь матерію, — это былъ ножъ Мануило.

Но онъ промахнулся, — кто-то подтолкнулъ ему подъ руку и оружіе оцарапало только кисть руки молодой женщины, которая стала кричать, что есть силы.

Затѣмъ раздалась площадная брань, началась драка и тотъ, кого величали Жозе бросился на Мануило.

Въ углу Концепція стонала, перевязывая себѣ руку салфеткой.

На дерущихся бросились и ихъ развели. Они ругали другъ друга и показывали кулаки.

Тогда патронъ, до сихъ поръ не вмѣшивавшійся, и все время сохранявшій полное спокойствіе, взялъ Мануило за плечи и вытолкнулъ вонъ на улицу.

Снова появилось вино и попойка продолжалась до самой зари.

Концепція, опираясь на руку Жозе, уже забыла танецъ, Мануило и свою рану.

Жозе смотрѣлъ на нее влюбленными глазами...

Солдаты Наполеона I наводнили Испанію и одерживали легкія побѣды въ стычкахъ съ гверильясами.

Можно сказать, что красавицы испанки были не менѣе упорны въ своей ненависти къ непріятелю, чѣмъ сами испанцы и если французскіе солдаты могли хвастаться побѣдами, то, конечно, только не любовными.

Гордые черноволосыя дѣвы отчаянно сопротивлялись и уступали только насилію французовъ.

Впрочемъ, какъ среди мужчинъ всегда находятся измѣнники, такъ и между женщинами встрѣчались измѣнницы.

Въ глазахъ пылкихъ испанскихъ патріотовъ достаточно было малѣйшаго знака симпатіи къ непріятельскимъ солдатамъ, чтобы быть обвиненнымъ въ измѣнѣ родинѣ.

Было нѣсколько дѣвушекъ, которыя, соблазнившись красотой гусаръ или драгунъ, капитулировали безъ всякаго сопротивленія.

Онѣ за это жестоко платились, стоило имъ только попасть въ руки банды патріотовъ, какъ ихъ подвергали жестокому наказанію розгами, или плетью, оканчивавшемся, обыкновенно смертью, послѣ мучительной агоніи.

Самымъ безпощаднымъ изъ этихъ импровизированныхъ судей былъ, конечно, высокій, худой молодой человекъ съ фанатическимъ лицомъ священника; его звали всѣ „Монажію“; внушаемый имъ ужасъ былъ настолько великъ, что французы обѣщали большую премію тому, кто доставитъ его имъ живымъ или мертвымъ.

О „Монажію“ говорили во всѣхъ концахъ Испаніи, и слава о его подвигахъ способствовала возрожденію у многихъ надежды на освобожденіе страны отъ французовъ.

Консепція Нуецъ была именно изъ числа женщинъ, не оказавшихъ сопротивленія непріятелю. Прежде всего потому, что ея профессія давала ей возможность очень легко вступать въ связь съ красивыми французскими лейтенантами.

Она становилась все красивѣе и красивѣе и была способна вскружить голову всѣмъ мужчинамъ, даже самому „Монажію“.

Съ лицомъ непорочной дѣвственницы, на видъ кроткой, но въ дѣйствительности коварной, Консепція очень походила на обманчивыя поверхности глубокихъ болотъ или на тѣ роскошныя, но ядовитыя цвѣтки, что растутъ на берегахъ гніющихъ водъ.

У ней была интрижка съ однимъ драгунскимъ лейтенантомъ, потомъ съ гусарскимъ капитаномъ, затѣмъ случай свелъ ее съ адъютантомъ четвертой кавалерійской бригады.

Она отнюдь не скрывала своей страсти къ военной формѣ, а кирасы, латы и другія украшенія наполеоновскихъ солдатъ являлись для нея самымъ лучшимъ возбуждающимъ средствомъ.

Уже таково свойство женскаго ума: послѣдствія имѣютъ мало связи съ причиной.

Консепція не могла видѣть безъ сладострастнаго трепета золотыхъ шнуrowъ гусарскаго мундира.

Она сошлась съ совсѣмъ юнымъ офицеромъ, убѣдившимъ ее послѣдовать за арміей, двигавшейся на Сарагоссу.

Послѣ многихъ колебаній прелестная куртизанка согласилась на его предложеніе и послѣдовала за арміей въ экипажъ, запряженномъ четырьмя мулами, которыхъ мѣняли на каждомъ привалѣ.

Не безъ замиранія сердца, смѣшаннаго съ трепетомъ, она смотрѣла на кивера солдатъ, конвоировавшихъ ее; ей вдругъ приходила въ голову сумасбродная мысль считать ихъ число, которое всегда ей казалось слишкомъ недостаточнымъ.

Во время движенія отряда по узкимъ лѣснымъ тропинкамъ, не разъ происходили перестрѣлки съ испанскими народными ополченцами (гверильясами). Тогда она вспоминала свою маленькую деревенскую церковь и усердно молила свою прежнюю Мадонну, чтобы послѣдняя пуля сразила ее,— такъ какъ она предпочитала скорѣе смерть, чѣмъ попасть въ руки фанатическихъ гверильясовъ.

Какъ нарочно въ отрядѣ, за которымъ она слѣдовала, постоянно шли рассказы о смѣлыхъ подвигахъ „Монажію“. Но всѣ были спокойны, полагая, что если нападеніе и возможно, то его можно ожидать на хвостъ колонны, гдѣ могла достаться хорошая пожива, чѣмъ на ихъ отрядѣ, гдѣ добыча была бы совсѣмъ ничтожная.

Однако, разъ ночью во время перехода ихъ отрядомъ маленькаго тѣснаго ущелья, сплошь поросшаго кактусами и другими растеніями, раздалась вдругъ выстрѣлы, затѣмъ изъ засады

выскочило нѣсколько человѣкъ съ кинжалами въ рукахъ и набросились на хвостъ колонны.

Произошла короткая борьба, раздалось еще нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, одинъ мулъ жалобно мычалъ.

Всѣ солдаты конвоя были перебиты и ихъ трупы валялись на краю дороги. Концепція, еле живая отъ страху, лежала въ опрокинутомъ экипажѣ, притаивъ дыханіе, разсчитывая, что ее не замѣтятъ.

Кто-то громко прокричалъ: „ищите хорошенько, она должна быть тутъ... Вотъ тамъ... Нѣтъ... аа!!“

Одна рука, затѣмъ двѣ или три другія осторожно освободили ее изъ-подъ экипажа.

Какъ только она была вынесена изъ-подъ экипажа, ее крѣпко связали ремнями, засунули въ ротъ кляпъ и, какъ мѣшокъ, бросили на носилки изъ вѣтвей, которыя два человѣка понесли бѣглымъ шагомъ.

Она положительно не могла сдѣлать ни малѣйшаго представленія о невольномъ путешествіи, совершенномъ ею.

Обезумѣвшая отъ страха, глядѣла она на звѣзды, горѣвшія на небѣ, издавая по временамъ глухое рычаніе, заглушаемое кляпомъ во рту.

Среди молчанія ночи она ясно разслышала звонъ колокола... Это былъ монастырь Санта-Фэ, гдѣ была главная квартира „Монажійо“.

Концепція на другой же день предстала передъ судомъ, членами котораго были самъ „Монажійо“, Жозе изъ Кордовы и одинъ бакалавръ изъ Саламанки, занимавшійся медициной въ память одного изъ своихъ братьевъ, погибшаго на виселицѣ.

Саламанкскій бакалавръ самъ присутствовалъ при повѣшеніи своего брата и безчисленное число разъ разсказывалъ о послѣднихъ его минутахъ. Это былъ человѣкъ жестокой и безстрастный; онъ сражался просто по страсти къ подобнымъ приключеніямъ и ему было мало дѣла до Испаніи. Онъ дрался раньше за Англію, за еретиковъ на какомъ-то кораблѣ, — онъ потому сражался за „Монажійо“, что эта война, состоявшая вся изъ нечаянныхъ нападений и засадъ, была ему особенно по душѣ.

Вотъ изъ какихъ лицъ состоялъ трибуналъ; было велѣно привести Концепцію. Она вела себя, какъ ведутъ въ подобныхъ случаяхъ знаменитыя кокетки. Она только и знала, что рыдала и ползала передъ судьями на колѣнахъ.

— „Гнусное животное“, закричалъ на нее „Монажійо“ съ поднятыми кулаками, „ты путалась съ врагами вѣры, съ слугами дьявола, будь готова теперь предстать передъ престоломъ Всевышняго и искупить свои злодѣянія подъ ударами плети... Молись, чтобы Господь простилъ тебя“!

— „Пощади! Пощади меня! Божія Матерь спаси меня“!..

Молодая женщина, выкрикивая эти слова, продолжала ползать на колѣнахъ, обнимая руками колѣна то одного, то другого судьи.

Два челоуѣка принесли въ это время тяжелую скамейку и поставили ее посреди комнаты со сводами, напоминавшей готическую часовню.

— „Разложите ее, какъ змѣю, совершенно голою на скамейкѣ... Какъ самое презрѣнное животное!“ Приказаль „Монажійо“, подойдя одновременно самъ къ скамѣ.

Концепція и не помышляла даже о сопротивленіи. Въ мигъ ее раздѣли, разорвавъ въ клочья платье и бѣлье, въ которыхъ она больше не будетъ уже имѣть нужды. И вотъ молодая женщина предстала обнаженная во всей своей дивной красѣ.

Грубо двое мужчинъ своими мозолистыми руками взяли за ноги и за руки и разложили ее на скамейкѣ.

Ее должны были съчь до смерти, что она знала, и молила теперь Бога послать ей скорѣе смерть.

Одинъ импровизированный палачъ взялъ плеть, которая была сплетена изъ трехъ кожаныхъ полосъ; на концахъ ея были узлы съ вплетенной въ нихъ проволокой. Онъ вытянулъ плетью несчастную, раздался нечеловѣческий крикъ.

Затѣмъ посыпались слѣдующіе удары. „Монажійо“ безстрастно присутствовалъ при истязаніи...

Наконецъ она испустила духъ...

„Монажійо“ опустился на колѣна передъ ея тѣломъ; потомъ всталъ, взялъ ея за голову и поцѣловаль.

Такъ погибла бѣдная Концепція Нунецъ, виновная въ томъ только, что сильно подчинялась капризамъ своей молодой крови...

ГЛАВА V

Флагелляція въ Англіи

Въ общественномъ мнѣніи цивилизованныхъ народовъ сложилась легенда, вѣрная или невѣрная, что наша страна является особенной поклонницей березовыхъ розогъ.

Я видѣлъ гравюру одного извѣстнаго французскаго художника, изображающую англійскій семейный очагъ (home).

Отецъ и старшая сестра читають Библию, а мать готовится наказывать розгами прехорошенькую дѣвочку лѣтъ десяти, которая плачетъ и скачетъ. Подъ рисункомъ такая подпись: „маленькія англійскія дѣвочки очень хорошенькія, но ихъ очень часто съкутъ розгами“!

Я, къ сожалѣнію, долженъ признать, что у насъ еще въ большомъ ходу наказаніе дѣтей розгами.

Что же касается до разныхъ исповѣдей молодыхъ дѣвушекъ въ возрастѣ восемнадцати лѣтъ и старше, наказываемыхъ въ наше время розгами, то это — чистѣйшія басни, если не считать крайне рѣдкихъ исключеній.

Въ старину въ нашихъ тюрьмахъ сѣкли женщинъ. Этотъ способъ наказанія былъ распространенъ повсюду въ соединенномъ королевствѣ.

Виновныхъ наказывали на массивной скамьѣ, имѣвшей ремни для привязки.

Женщинѣ читался приговоръ, осуждавшій ее на наказаніе розгами или плетью. По прочтеніи приговора, она должна была лечь на скамейку животомъ. Ее привязывали къ ней ремнями за руки и ноги. Въ такомъ положеніи она едва могла шевелиться и была въ полной власти палача.

Затѣмъ поднимали платье и юбки до самой головы, обнажая спину, крупъ и ляшки.

Затѣмъ по знаку начальника тюрьмы начинали сѣчь. Раздавались нечеловѣческіе крики... Обыкновенно сѣкли очень жестоко. Кровь текла и наказанную отводили въ дортуаръ часто въ безсознательномъ состояніи.

При Елисаветѣ женщинъ нерѣдко наказывали публично. Наказаніе производилось на тюремномъ дворѣ, который въ тюрьмѣ Уатъ-Шапель въ Лондонѣ былъ очень малъ, чтобы вмѣстить всѣхъ желающихъ присутствовать на подобномъ зрѣлищѣ.

Вотъ какъ современный хроникеръ описываетъ одно изъ подобныхъ наказаній:

„Когда мы прибыли на тюремный дворъ, то уже на немъ была большая толпа народу, которую съ трудомъ сдерживали около двадцати городовыхъ.

Тутъ собрались всѣ подонки Лондона. Женщины безцеремонно толкали всѣхъ, протискиваясь, чтобы лучше видѣть. Это были большею частью публичныя женщины, изъ которыхъ многія уже были знакомы съ розгами или плетью Шарля (имя палача).

Весь этотъ народъ кричалъ, жестикулировалъ, отпускалъ плоскія шутки и переговаривался на особомъ жаргонѣ.

На грубыя шутки отвѣчали площадной бранью. Нѣсколько нянекъ, мастерицъ затесались тоже въ эту толпу, чтобы посмотреть, что будетъ происходить.

Слѣдуетъ замѣтить, что большая часть зрителей не могла ничего видѣть...

Наконецъ толпа заколыхалась и двинулась впередъ, но городовые грубо ее осадили назадъ.

„Вот она! Вот она!“

Наша карета застряла какъ разъ противъ тюремныхъ воротъ. Толпа ее окружила, многіе несмотря на протесты кучера, взобрались на верхъ ея, на колеса...

Сами мы усѣлись на козлы и могли видѣть все превосходно.

Моя спутница — Елена — вся поблѣднѣла и прижалась ко мнѣ.

Мы увидали, какъ маленькая дверь тюрьмы отворилась, и на порогъ ея появилась женщина, одѣтая въ арестантскій костюмъ -- полосатую рубашку и красную шерстяную юбку.

Насколько можно было различить издалека, она была совсѣмъ молоденькая и очень недурна собой.

Несчастная, еле живая, какъ-то всунула голову между плечъ и смотрѣла по сторонамъ безумными глазами...

За нею шель судебный приставъ, судья въ парикъ, два или три офицера ирландскаго полка.

Руки у нея были завязаны назадъ веревкой, конецъ которой держалъ палачъ.

Въ это время два помощника устанавливали скамейку для наказанія.

На эти приготовленія потребовалось очень мало времени. Небольшой отрядъ солдатъ выстроился передъ дверью. Помощники палача взяли дѣвушку, которая стала кричать, грубо разложили ее на скамьѣ и привязали къ ней за ноги и руки. Палачъ поднялъ и завернулъ ей на голову красную юбку и сталъ съчь...

Палачъ вертѣлъ свою плеть девятихвостку, какъ ручку шарманки; девять хвостовъ хлопали по тѣлу, тѣло краснѣло, пухло, мѣстами струилась кровь...

Елена, вся красная, отвернулась въ сторону, — ей было стыдно смотрѣть на обнаженное тѣло женщины.

Наказываемая все время дико кричала, но палачъ спокойно продолжалъ ее пороть. Ей было дано тридцать ударовъ.

„За что же меня наказываютъ?.. Пощадите... Нешто возможно!.. Нешто возможно?!.“ Кричала наказываемая въ промежутки между ударами плети. Подъ конецъ, впрочемъ, она только стонала и вскрикивала.

Когда ей былъ данъ послѣднй ударъ, то спина, ляшки и оба полушарія крупа еще недавно бѣлыя какъ-то вздулись и были отъ крови сплошь красныя.

Хотя, по словамъ подошедшаго ко мнѣ начальника тюрьмы, ее наказывали не особенно строго — въ „полплети“ — т. е. палачъ держалъ плеть за средину, тамъ, гдѣ стволъ плети переходитъ въ девятихвостку

На дворъ въ толпѣ раздавались смѣшки.

Наконецъ, наказанную отвязали, палачъ спустилъ ей юбку и далъ ей что-то выпить. Блѣдная, какъ смерть, она стояла; крупныя слезы катились у нея по щекамъ. Затѣмъ, опираясь на помощниковъ палача, она скрылась въ двери тюрьмы, которая за ней захлопнулась.

Я никогда въ жизни не забуду этого наказанія. Свистъ плети о тѣло заставлялъ болѣзненно вздрагивать у меня сердце. Мгновенія между двумя ударами плети тянулись, какъ вѣчность. Приставъ считалъ удары.

Елена дрожала, какъ осиновый листъ, и повторяла: „пойдемъ отсюда скорѣ!“

Городовые очистили тюремный дворъ отъ толпы и освободили нашу карету, давъ намъ возможность уѣхать“.

Наказаніе, подобно описанному нами, считалось классическимъ, и церемоніаль его никогда не измѣнялся.

Народныя картины, а въ особенности карикатуры довольно часто изображаютъ сцены тѣлеснаго наказанія женщинъ. Гогартъ, а позднѣе Роуальдсонъ посвящаютъ ему нѣсколько страницъ.

Послѣдній особенно былъ большой любитель женскихъ крупъ и сумѣлъ ихъ изобразить въ самыхъ интересныхъ положеніяхъ.

Кто не знаетъ знаменитую „Лѣстницу“ этого великаго артиста. Забавная и пикантная сцена, гдѣ семь или восемь дамъ молодыхъ и въ лѣтахъ падаютъ и пересчитываютъ десятокъ ступенекъ, показывая всю прелесть своего солиднаго или миниатюрнаго крупа.

Впрочемъ, это было во вкусахъ той эпохи. Всѣ современныя карикатуры, повидимому, только и стараются выставить прелести женскихъ крупъ.

Въ матеріалѣ не было недостатка: то очаровательная маркиза, при выходѣ изъ кареты, спотыкается и падаетъ, показывая свой очаровательный крупъ королевскому принцу; то дѣвочка подростокъ отправляетъ въ углу естественную потребность, а ея мамаша закрываетъ ее отъ любопытныхъ взглядовъ прохожихъ.

Съ подобною же цѣлью эксплуатировалось тѣлесное наказаніе, которое потому и не могло ни у кого вызвать слезъ сожалѣнія, что было слишкомъ часто вышучиваемо. Каждому невольно рисовался образъ женщины въ положеніи маленькой дѣвочки.

Между множествомъ подобныхъ эстамповъ въ жанрѣ Роуальдсона, я обратилъ вниманіе на одинъ изъ нихъ, изображающій наказаніе Бетти.

Я вовсе не намѣренъ сдѣлаться исторіографомъ Бетти, но меня она заинтересовала тѣмъ, что ее часто сѣкли розгами и плетью за различные проступки, какъ то: пьянство, оскорбленіе городскихъ и т. п.

Она была очень хорошо знакома съ тюремной скамейкой. Она не придавала особеннаго значенія поркѣ и предпочитала подобнымъ образомъ расплачиваться за свои проступки, чѣмъ отсиживать за нихъ въ тюрьмѣ. Она объясняла даже, что твердостью своего крупа и его развитіемъ она обязана главнымъ образомъ тому, что ее слишкомъ часто сѣкутъ.

По обычаю она давала на чай палачу Шарлю, чтобы онъ не слишкомъ сильно давалъ ей первый ударъ розгами или плетью.

Обыкновенно этотъ первый ударъ наносился съ страшной силой, послѣдующіе удары давались сравнительно мягче. Въ концѣ концовъ, это было выгодно для наказываемой.

Карриатура изображаетъ Бетти на скамейкѣ, готовую совсѣмъ для наказанія, она извивается, у скамьи стоитъ палачъ и держитъ надъ Бетти девятихвостку, готовясь дать ей ударъ.

Мы не станемъ продолжать изслѣдованій тюремной дисциплины, когда заключенныхъ женщинъ сѣкли розгами за малѣйшую провинность, — изъ боязни утомить нашихъ читателей описаніемъ картинъ, до невозможности похожихъ одна на другую. Я хочу

теперь еще разъ сказать нѣсколько словъ о тѣлесномъ наказаніи въ англійскихъ школахъ. О немъ было написано не мало книгъ и пролиты ведра чернилъ. Я опять буду пользоваться неоспоримыми документами вродѣ судебныхъ отчетовъ, полицейскихъ дознаній и т. п. Передо мною отчетъ о дѣлѣ доктора Гаррисона, имѣвшаго большой пансіонъ для дѣвочекъ въ окрестностяхъ города Глазго. Пансіонъ этотъ считался однимъ изъ самыхъ аристократическихъ; существовалъ съ 1881 г.; полныя пансіонерки платили очень высокую годовую плату въ размѣрѣ отъ ста пятидесяти до двухсотъ фун. стерл. (1500—2000 р.).

Въ пансіонъ принимались дѣвочки въ возрастѣ отъ девяти и до пятнадцати лѣтъ. Съ самаго основанія въ пансіонѣ тѣлесныя наказанія были въ большомъ ходу. Прежній владѣлецъ, какъ обнаружилось на судѣ, примѣнялъ ихъ еще чаще. Докторъ Гаррисонъ купилъ пансіонъ въ 1889 г. и въ 1902 г. былъ, по жалобѣ родителей, привлеченъ къ суду за наказаніе ихъ пятнадцатилѣтней дочери ста двадцатью ударами розогъ. Судъ приговорилъ доктора къ 15 ф. ст. штрафа (150 р.).

Процессъ этотъ, разбиравшійся въ теченіе трехъ дней, лучше всего доказываетъ, что у насъ тѣлесныя наказанія даже взрослыхъ дѣвушекъ не шокируютъ никого.

На судѣ читались письма замужнихъ дамъ, получившихъ образованіе въ этомъ пансіонѣ, были выслушаны показанія молодыхъ дамъ, дававшихъ свои показанія безъ всякаго стѣсненія и высказывавшихъ свои убѣжденія открыто по интересующему насъ вопросу. Замѣчу, что дѣло разбиралось почти все время при открытыхъ дверяхъ; ихъ закрывали, когда заходила рѣчь о порокахъ, существовавшихъ между воспитанницами.

Свидѣтельницы описывали сцены довольно подробно, и мнѣ остается только пользоваться стенографическимъ отчетомъ.

Вотъ показаніе одной двѣнадцатилѣтней дѣвочки (фамилія я не буду приводить):

„Я сдѣлала утромъ въ диктантѣ двадцать двѣ ошибки, а на замѣчаніе учительницы отвѣтила довольно рѣзко. По окончаніи урока, сидѣвшая во время его моя классная дама сдѣлала мнѣ довольно грубо замѣчаніе, что я не смѣю такъ дерзко говорить съ учительницей. Я не привыкла къ такому обращенію, почему опять сказала, что разъ учительница мнѣ не сдѣлала замѣчанія, то не ея дѣло вмѣшиваться... Классная дама сказала мнѣ, что она меня усмирить и ушла.

Въ четыре часа, послѣ урока рукодѣлія, меня позвали въ кабинетъ помощницы директора. Меня привела въ кабинетъ моя классная дама. Вмѣстѣ со мной привели еще четырехъ воспитанницъ, моихъ подругъ, онѣ для примѣра должны были присутствовать при моемъ наказаніи.

Директриса долго мнѣ читала нотацию... Потомъ двѣ классныхъ дамы положили меня на скамейку силой. Одна изъ нихъ долго возилась, пока развязала мнѣ панталоны. Когда я почувствовала на тѣлѣ свѣжій воздухъ, то у меня совсѣмъ замерло сердце отъ

страха. Я ни чуточки не стыдилась, что лежала раздѣтая, а только ужасно боялась. Первый ударъ розгами мнѣ причинилъ нестерпимую боль; я только что собралась закричать, какъ меня ударили второй разъ, и я не могла произнести словъ, а только кричала все время, пока меня сѣкла моя классная дама. Мнѣ дали тридцать розогъ. Послѣ этого директриса меня спросила, „буду ли я говорить дерзости“. Я отвѣчала, что никогда больше не буду. Послѣ этого меня сняли со скамейки, велѣли поправить костюмъ и насъ всѣхъ увели въ классы...»

Въ нашихъ рабочихъ домахъ, гдѣ исполняются каторжныя работы, девятихвостка играетъ большую роль.

Какъ и мужчинъ, женщинъ очень часто наказываютъ плетью и въ настоящее время. Теперь только палачомъ является женщина, которая, впрочемъ, съ не меньшей жестокостью сѣчетъ виновныхъ.

Еще на дняхъ одна суфражистка, по словамъ газеты „Стандартъ“, совсѣмъ юная была подвергнута этому унижительному наказанію въ тюрьмѣ, гдѣ она содержалась. Наша пресса заволновалась. Рассказывали всѣ мельчайшія подробности наказанія.

Но что уже совсѣмъ скандально, что директора большихъ магазиновъ, какъ я убѣдился изъ одного полицейскаго дознанія, наказываютъ розгами своихъ служащихъ женщинъ за нѣкоторые проступки. Наказанная женщина пожаловалась полиціи и хотѣла возбудить дѣло въ судѣ за то, что ее высѣкли и потомъ все-таки уволили изъ магазина. Такъ какъ директоръ согласился ее взять обратно въ магазинъ, то она взяла свою жалобу назадъ. Вотъ ее показаніе:

„Меня потребовали въ кабинетъ директора.

Онъ сталъ меня упрекать въ томъ, что я таскаю изъ своего отдѣленія духи, нѣсколько флаконовъ которыхъ нашли въ моемъ манто.

Я чистосердечно созналась въ своей винѣ и просила меня простить.

Директоръ сухо предложилъ мнѣ или потерять мѣсто и попасть подъ судъ за воровство или согласиться быть высѣченной розгами. Я сказала, что прошу наказать меня розгами, какъ ему угодно.

Тогда онъ нажалъ на пуговку электрическаго звонка; появилась женщина высокаго роста, довольно полная, лѣтъ подъ сорокъ, на видъ очень сильная. Посмотрѣвъ на нее, я подумала, что если она меня будетъ наказывать, то мнѣ предстоитъ перенести тяжелое испытаніе. Она была старшей приказчицей въ бѣльевомъ отдѣленіи.

Осмотрѣвъ меня холоднымъ взглядомъ съ ногъ до головы, она велѣла мнѣ идти за нею.

Вся дрожащая, я пошла за нею, ноги у меня почти подкашивались. Она привела меня въ комнату, гдѣ хранятся остатки отъ кусковъ шелковыхъ матерій.

Поднявъ меня, она положила меня на столъ такъ, что низъ моего живота касался края стола. Передъ тѣмъ какъ класть меня

на столъ, она подняла мнѣ платье и юбки, такъ что я касалась стола панталонами. Въ такомъ положеніи мнѣ было велѣно лежать, пока она меня привяжетъ. Я маленькая, худенькая и совсѣмъ слабосильная, почему рѣшила дѣлать все, что мнѣ прикажутъ и покорно вынести наказаніе. Въдѣ я въ дѣйствительности была виновата. Ремнемъ она меня крѣпко притянула за талию къ столу. Потомъ развязала мнѣ панталоны, спустила ихъ, затѣмъ привязала каждую мою ногу къ ножкѣ стола, привязавъ къ каждой кисти моей руки толстый и длинный шнурокъ, она вытянула мнѣ руки вдоль стола и привязала каждую руку къ противоположной ножкѣ стола, послѣ этого она подложила мнѣ подъ лицо подушку, а шею притянула тонкимъ ремешкомъ къ подушкѣ. Теперь я попробовала пошевелиться и повернуть голову, но я почти не могла сдѣлать даже маленькаго движенія, такъ крѣпко я была привязана. Послѣ этого она подняла мнѣ рубашку и, завернувъ ее мнѣ на голову, приколола къ моимъ юбкамъ.

„Вы голубушка, можете кричать во всю глотку, вамъ будетъ легче, здѣсь никого нѣтъ кромѣ меня и дѣвочки, что принесетъ розги. Вы украли больше, чѣмъ на 25 ф. ст. духовъ (ок. 250 р.). Директоръ велѣлъ дать вамъ двѣсти розогъ“.

Я стала плакать и просить, чтобы сбавили число розогъ, что я украла не на такую большую сумму. Женщина отвѣтила мнѣ, что она не смѣетъ сбавлять.

Въ это время я увидала, какъ отворилась дверь и вошла дѣвочка, неся въ рукахъ охапку березовыхъ прутьевъ.

— Отчего же ты не связала, какъ я тебѣ велѣла, четыре пучка? Сказала женщина дѣвочкѣ. Та отвѣтила, что она не знала по сколько прутьевъ нужно въ пучекъ „Ну, ничего, я сама лучше свяжу, чтобы хорошенько пробрать эту воровку, а ты, милая, сбѣгай и принеси на всякій случай воды“.

Я продолжала все время плакать. Вскорѣ дѣвочка вернулась съ водой. Пучки были тоже готовы, такъ какъ я услышала, какъ женщина пробовала ихъ, свистя ими въ воздухъ, отъ чего меня бросало и въ жаръ и въ холодъ.

Я чувствовала теперь, что меня сейчасъ начнутъ наказывать...

„Тебя раньше никогда не сѣкли розгами?“ Спросила женщина меня, стоя съ розгами и готовясь начать сѣчь. Я отвѣтила, что меня никогда раньше не сѣкли.

Тутъ она меня вытянула розгами, я вскрикнула отъ боли и рванулась, но увидала, что мнѣ не вырваться и оставалось только кричать...

Боль была нестерпимая, я задыхалась, кусала подушку и послѣ cadaго удара мнѣ казалось, что я не вынесу слѣдующаго.

Я думала, что не вынесу живая всѣхъ двухсотъ розогъ. Но ничего, вынесла, только съ трудомъ встала со стола, когда меня отвязали. Все мое тѣло ломило, а спина и особенно крупъ и ляшки были в полосахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были фіолетовыя, все тѣло было въ крови. Выпивъ стаканъ воды, я поправила свой туалетъ, и старшая приказчица повела меня къ директору, кото-

рый сказалъ, что въ другой разъ онъ врядъ ли уже согласится наказывать розгами, а прогнать и заявить полиціи.

Директоръ велѣлъ дать мнѣ выпить рюмку виски и велѣлъ мнѣ идти въ свое отдѣленіе.

Я рискнула попросить освободить меня, но онъ отказалъ.

Я просто умирала отъ стыда, когда пришла въ свое отдѣленіе, но покупателей была такая масса, что никто не обратилъ на меня вниманія. Только старшая замѣтила, куда я пропадала такъ долго. Я ей сказала, что меня директоръ задержалъ. Она слегка улыбнулась и велѣла мнѣ отпускать товаръ покупателямъ.

Наказана я была очень серьезно. Въ теченіе цѣлыхъ восьми дней я не могла безъ боли садиться и, конечно, до самой смерти я не забуду тѣхъ ужасныхъ минутъ, когда меня сѣкли розгами. Теперь уже я ни за какія деньги не рѣшилась бы украсть даже на одинъ шиллингъ...

Повидимому, у насъ вошло въ обычай наказывать розгами клептоманокъ; многія дамы были подвергнуты подобному наказанію. Между ними есть не мало даже аристократокъ.

Во всякомъ случаѣ я нахожу довольно страннымъ присвоенное право директорами нашихъ большихъ караванъ-сараевъ.

У меня собрано не мало неопровержимыхъ документовъ, изъ которыхъ видно, что женщинъ подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ въ Египтѣ, въ Индіи и въ особенности въ Трансвалѣ, во время англо-бурской войны.

Въ Индіи розги употреблялись французами, какъ дисциплинарное наказаніе, а послѣ завоеванія Индіи нами онъ перешли къ намъ, въ руки нашихъ солдатъ. Послѣ извѣстнаго возстанія сипаевъ кровь лилась ручьемъ съ невѣроятной жестокостью.

Солдаты возмущившихся полковъ привязывались къ дуламъ пушекъ и разстрѣливались картечью.

Женщинъ же безпощадно наказывали розгами.

Девизомъ было: „око за око, зубъ за зубъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, множество англичанокъ, послѣдовавшихъ за своими мужьями въ Индію, было перебито, изнасиловано, подвергнуто страшнымъ истязаніямъ и наказано розгами или плетьюми туземцами.

Въ Лагорѣ одна банда афганскихъ горцевъ напала на домъ королевскаго комиссара, котораго жена не хотѣла бросить одного въ опасности.

Это была молодая женщина, славившаяся своей красотой, изяществомъ и храбростью.

Во время холерной эпидеміи она ухаживала за больными туземцами, вызвавъ удивленіе и восторгъ у всѣхъ мужчинъ.

Молодая женщина, увидавъ входящихъ на ихъ дворъ бандитовъ, выстрѣлила изъ ружья, чтобы вызвать присылку подкрѣпленія.

Ея сопротивленіе было непродолжительно; черезъ нѣсколько минутъ она была связана туземцами.

Своими острыми ножами они разрѣзали ей панталоны и по обнаженному крупу жестоко высѣкли ее шомполами. Несчастливая вскорѣ впала въ обморокъ. Ей не суждено было увидать свѣтъ: подвергнувъ ее гнусному оскорбленію, они отрубили ей голову, которую бросили въ колодезь.

Впослѣдствіи крупы индійскихъ женщинъ поплатились жестоко за то, что туземцы отнеслись съ неуваженіемъ къ крупамъ англичанокъ.

Кавалерійскій патруль прибылъ въ одинъ сельскій домъ, хозяева котораго были заподозрѣны въ участіи въ мятежѣ.

Мужчины были схвачены и немедленно разстрѣляны, — трупы ихъ усяяли дворъ. Съ женщинами было поступлено иначе: жена, дочь и двѣ женщины-служанки были раздѣты до-нага и привязаны къ стволамъ деревьевъ. Около каждой сталъ солдатъ съ ремнемъ въ рукахъ и по знаку офицера, начальника патруля, несчастныхъ стали пороть. Каждую сѣкли до тѣхъ поръ, пока она не потеряетъ сознаніе. Послѣ этого ее отвязывали и оставляли валяться на землѣ. Когда всѣ были наказаны, то отрядъ сѣлъ на лошадей и отправился въ другое мѣсто наказывать виновныхъ.

Это былъ бы сизифовъ трудъ, если бы я захотѣлъ перечислить всѣ случаи наказанія женщинъ розгами или плетью въ нашихъ колоніяхъ.

Но подобное происходитъ и у другихъ народовъ. Послѣднія извѣстія изъ Конго сообщаютъ намъ, что бельгійцы не жалѣли ни розогъ, ни плетей для мужчинъ и женщинъ Конго.

Было не мало случаевъ во время англо-бурской войны въ Трансвалѣ, когда женщины подвергались жестокому тѣлесному наказанію.

На этихъ фактахъ я намѣренъ остановиться нѣсколько дольше, потому что жертвы были барышни и дамы европейки, дочери или жены буровъ, сражавшихся противъ англичанъ.

Между множествомъ подобныхъ эпизодовъ, вотъ, на примѣръ, одинъ, происшедшій послѣ битвы подъ Блумфонтемомъ.

Бой былъ горячій, неуловимый Деветъ угрожалъ правому крылу англійской арміи, бивачные огни которой были видны у подножія холма.

Лейтенантъ В., ланкаширскаго полка, покуривалъ свою трубку, стоя у входа въ палатку и любуясь на цѣпь горъ.

Около его палатки стоялъ полковой фургонъ, нагруженный пуддингами, на которые соблазнительно посматривали валявшіеся на землѣ солдаты.

В... зѣвнулъ и собрался уйти къ себѣ въ палатку, когда къ палаткѣ подѣхалъ полнымъ карьеромъ драгунъ.

Лошадь была вся въ мылѣ и тяжело дышала. Драгунъ протянулъ офицеру пакетъ: „от господина полковника“, сказалъ онъ.

В... торопливо разорвалъ конвертъ и прочелъ бумагу.

— Проклятая судьба, ни одной минуты покоя въ этой дьявольской странѣ... ну, что дѣлать!

Съ философскимъ спокойствіемъ положивъ бумагу въ карманъ, онъ вошелъ въ палатку, чтобы взять револьверъ и шашку.

Затѣмъ онъ вышелъ, бормоча всевозможныя ругательства на разныхъ языкахъ, велѣлъ позвать къ себѣ сержанта К., капраловъ и два отдѣленія солдатъ. Всѣмъ было приказано приготовиться выступить въ походъ.

Полковникъ приказалъ ему продвинуться впередъ и занять ферму, которая виднѣлась въ нѣсколькихъ миляхъ впереди.

По свистку офицера, солдаты построились въ колонну и тронулись по обѣимъ сторонамъ дороги.

В... и сержантъ К... шли по срединѣ, по дорогѣ; лейтенантъ по временамъ останавливался и смотрѣлъ въ даль въ бинокль.

Ферма совсѣмъ ясно обрисовывалась среди безконечной равнины.

— Если только ихъ тамъ двадцать человѣкъ, то они насъ перестрѣляютъ, какъ рябчиковъ,— сказалъ В.,— а я-то собирался сегодня добиваться чемпионата въ лаунъ-тенисъ!

Онъ подумалъ нѣсколько секундъ о своемъ провалившемся чемпионатѣ, что еще болѣе усилило его дурное настроеніе.

— Въ цѣль, на пятнадцать шаговъ!.. К..., нѣтъ вы, Ж..., возьмите четырехъ человѣкъ и сдѣлайте рекогносцировку фермы.

Солдаты разсыпались по равнинѣ, стоя на колѣняхъ и держа ружья между ногъ. Ж... съ своими четверьмя человѣками вышелъ впередъ; всѣ держали пальцы на куркѣ ружей и продвигались по направленію къ фермѣ.

Вопреки всякимъ предположеніямъ по нимъ не стрѣляли съ фермы; капралъ проникъ на дворъ и, махая ружьемъ, давалъ знать, что ферма никѣмъ не занята.

В... собралъ оба отдѣленія и бѣглымъ шагомъ двинулся къ фермѣ. Когда всѣ они, запыхаясь отъ скорого бѣга, вошли на дворъ, который былъ занятъ Ж... и его солдатами, то Ж... доложилъ офицеру:

— Господинъ лейтенантъ! Я не рѣшился войти въ самый домъ... Я ждалъ подкрѣпленія... Я думаю, что тамъ никого нѣтъ, иначе въ насъ стрѣляли бы!

В... съ волочащейся по землѣ шашкой подошелъ къ двери дома и сильно ударилъ въ нее рукояткой револьвера.

Ему никто не отвѣчалъ.

— Выломать ее!

Трое солдатъ бросились съ топорами и стали выламывать дверь, которая вскорѣ подалась и офицеръ во главѣ своихъ солдатъ вошелъ въ домъ, гдѣ, повидимому, не было ни души.

Въ первомъ залѣ не было никого, во второй комнатѣ тоже никого; на кухнѣ сидѣли двѣ женщины, одна лѣтъ двадцатипяти, а другая молодая дѣвушка не болѣе шестнадцати лѣтъ.

Величественно, безъ малѣйшаго страха, они смѣрили англичанъ съ ногъ до головы гордымъ и презрительнымъ взглядомъ.

В... поклонился и посмотрѣлъ благосклонно на нихъ, такъ какъ обѣ были очень хорошенькія.

Блондинки, высокаго роста, съ лицомъ честнымъ и повелительнымъ, онѣ, казалось, были сестрами.

— Вы, конечно, владѣлицы этой фермы? — спросилъ В...

Молодые женщины не отвѣчали ни слова.

— Вы слышите, я васъ спрашиваю, — ваша ли это ферма? — уже болѣе громко произнесъ офицеръ, не скрывая своего нетерпѣнія.

Молодые женщины попрежнему продолжали смотрѣть на него въ упоръ, но не отвѣчали на его вопросъ.

В... увидаль въ углу ружейный патронъ, винтовку Маузера и мужскую шляпу.

— Ну, а это, тоже ваше?

— "...."

— Да, чортъ васъ возми, проклятыя бабы, будете ли вы мнѣ отвѣчать? Вы нѣмыя, что ли?.. Я вижу, что вы смѣтаете надо мною, но я васъ предупреждаю, что я долго этого не потерплю... Если вы сію же минуту не отвѣтите мнѣ, гдѣ собственникъ этого оружія, то я клянусь честнымъ словомъ ланкаширскаго стрѣлка, что найду средство развязать вамъ языкъ и заставить говорить... Слышите ли вы?

Молодая дѣвушка прижалась къ болѣе взрослой; эта послѣдняя покачала головой, на ея хорошенькомъ лицѣ не было замѣтно ни малѣйшаго волненія.

— Отлично! — сказалъ В..., и, повернувшись къ Ж..., приказалъ ему нарѣзать свѣжихъ березовыхъ прутьевъ и навязать изъ нихъ нѣсколько пучковъ розогъ.

Когда молодая дѣвушка услышала приказъ офицера, то она привскочила и, посмотрѣвъ испуганными глазами на офицера, произнесла: „О! Нѣтъ!“

Тогда другая, которая была постарше, повернулась къ молодой и сказала:

„Милая Аня, умоляю тебя, молчи, что бы съ нами не дѣлали!“

Аня замолкла, но у нея выступили слезы на рѣсницахъ.

— Итак, вы желаете надо мною издѣваться, — заоралъ въ бѣшенствѣ В..., — ну, я васъ заставлю говорить... Я прикажу своимъ солдатамъ пороть васъ розгами по голому тѣлу, какъ маленькихъ дѣвчонокъ... Мы еще посмотримъ, кто послѣднимъ будетъ смѣяться... Ж... завяжите имъ руки назадъ на спину и выведите ихъ на дворъ, а солдатамъ велѣть построиться съ ружьями у ноги, въ двѣ шеренги... Разставьте часовыхъ вокругъ фермы“.

Приказаніе было быстро исполнено.

На дворѣ Ж... навязалъ нѣсколько пучковъ розогъ и съ ними ждалъ.

Обѣ молодые женщины, бѣлыя платья которыхъ особенно рѣзко выдѣлялись среди форменной одежды яркаго цвѣта, дрожали отъ страха; въ особенности болѣе молодая, она казалось, готова была упасть въ обморокъ на руки поддерживавшихъ ее солдатъ

— Еще разъ, — спросилъ В., — хотите ли вы отвѣчать на мои вопросы? Нѣтъ?.. Тогда вы, Эдуардъ, и вы, Стефанъ, поднимите этой большой юбки, спустите ей панталоны и держите ее за ноги и за руки, чтобы Ж... могъ ее пороть розгами, пока я не велю перестать!..

Въ одинъ мигъ приказаніе было исполнено; молодая женщина сопротивлялась и билась, словно ласточка, въ рукахъ раздѣвавшихъ ее солдатъ.

Вскорѣ солдаты, разорвавъ ей панталоны, растянули ее на землѣ, одинъ сѣлъ ей на спину и шею, а другой на ноги... Ж... поднялъ ей сорочку и обнажилъ ея нѣжное тѣло.

— Порите ее!

Ж... свистнулъ розгами по воздуху, потомъ еще разъ свистнулъ по воздуху справа, потомъ слѣва. Свистъ рѣзкій, отчаянный, по словамъ солдата, присутствовавшего при экзекуціи въ числѣ другихъ солдатъ, стоявшихъ въ строю.

Свистъ и на вздрогнувшемъ тѣлѣ легла красная полоса.

— Два... Три... Четыре... Пять... Шесть... — считалъ Ж...

Черезъ каждые пять ударовъ солдатъ переходилъ на другую сторону тѣла.

Вопли наказываемой женщины нарушали гробовую тишину на дворѣ.

Анна, которую за веревку держалъ солдатъ, смотрѣла съ расширенными зрачками на истязаніе...

Когда крики становились отчаяннѣе, Анна начинала умолять перестать съчь:

— Довольно, пощадите ее, довольно!

— Тогда говорите! — приказалъ В...

— Не говори ни слова, Анна! — простонала наказываемая.

Уже во многихъ мѣстахъ на тѣлѣ появились капли крови, но розги продолжали полосовать несчастную, отыскивая все новыя мѣста и вырывая у жертвы отчаянные крики.

Наконецъ, офицеръ велѣлъ сержанту перестать ее съчь.

— Довольно для нея пока... Мы ее скоро снова начнемъ пороть. Но теперь очередь вотъ за другой, нужно ее немного пробрать!

Въ одну минуту Анна была раздѣта и положена такъ же, какъ старшая.

Ее била дрожь и на лицѣ ея выражался стыдъ, который исчезъ послѣ перваго же удара розгами, заставившаго ее подпрыгнуть, насколько позволяли сидѣвшіе солдаты, отъ страшной боли...

Ея крики теперь смѣшались съ тихими сравнительно стопами валявшейся на землѣ ранѣе наказанной женщины, монотонно произносившей: „аа!.. аа!.. аа!..“ Эти крики, по словамъ все того же вольноопредѣляющагося, присутствовавшего при наказаніи, раздирали душу.

— Простите! Ой, не буду! Простите! — кричала Анна, видимо задыхаясь отъ боли, и вскорѣ, не будучи въ состояніи произносить словъ, только выкрикивала односложные вопли.

— Тогда говорите! — упрямо повторялъ В...

И розги продолжали свистѣть въ воздухѣ.

Вдругъ, раздалось четыре выстрѣла, потомъ три и, наконецъ, цѣлый залпъ...

В... вынулъ свой револьверъ. Солдаты бросились со двора, съ ружьями на перевѣсъ...

Это былъ небольшой отрядъ буровъ, который, какъ всегда, нагрянулъ совсѣмъ неожиданно.

В... увидалъ, что все погибло. Теперь онъ думалъ о томъ только, какъ бы погибнуть съ честью. Когда онъ собиралъ своихъ людей, чтобы съ ними забаррикадировать ферму, онъ прошелъ мимо обѣихъ женщинъ, которыхъ онъ только что приказалъ такъ жестоко высѣчь.

Старшая, какъ только услышала выстрѣлы, забывъ свою боль, вскочила на ноги и съ дикой радостью закричала:

— Это онъ, собственникъ оружія, это — Кобъ, Кобъ, мой мужъ, онъ пришелъ съ вами расправиться... Ты видишь, я говорю теперь... палачъ... палачъ... это Кобъ, мой дорогой мужъ!

Но В... не обращалъ вниманія на ея слова, весь занятый тѣмъ, чтобы возможно дороже продать свою жизнь и погибнуть съ честью во славу королевы...

Онъ былъ убитъ, съ нимъ погибло около двухъ третей солдатъ изъ его отряда. Солдаты, державшіе женщинъ во время наказанія, а также сержантъ Ж., наказывавшій ихъ розгами, были взяты живыми и разстрѣляны.

Остальные взятые въ плѣнъ солдаты, по обычаю буровъ, были отпущены на свободу, послѣ того какъ у нихъ отобрали оружіе.

Г Л А В А VI

Тѣлесныя наказанія въ Сѣв. Амер. Соед. Штат. и Голландіи

Негры Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ имѣютъ плохую репутацію. Въ негрѣ соединилось смѣшное съ грустнымъ, это — особа комичная и напыщенная, говорящая на странномъ англійскомъ языкѣ и поющая неблагозвучныя пѣсни. Конечно, есть исключенія.

Въ громадномъ большинствѣ негръ — разбойникъ, грабитель, воръ и лѣнтяй.

Невозможно перечислить всѣ случаи суда Линча надъ неграми, справедливо или несправедливо, примѣняемого населеніемъ.

Ихъ разстрѣливаютъ, вѣшаютъ, жгутъ живьемъ даже въ самыхъ тюрьмахъ, гдѣ они содержатся въ заключеніи.

Во время знаменитой войны Сѣвера съ Югомъ происходили чудовищныя репрессаліи надъ черными.

Онѣ отражались и на бѣлыхъ, которые осмѣливались выступать защитниками того или другого негра.

Участь мужчинъ была куда лучше судьбы женщинъ. Первыхъ разстрѣливали, тогда какъ бѣлыхъ женщинъ подвергали всевозможнымъ униженіямъ: ихъ сѣкли розгами, плетьюми и т. п.

Число дамъ, наказанныхъ тѣлесно за свое челоуѣколюбіе, такъ велико, что мы не можемъ ихъ назвать всѣхъ и принуждены воздать имъ общую хвалу за ихъ великодушіе.

Это были большею частью квакерши или женщины, принадлежавшія къ одной изъ религіозныхъ сектъ.

Удивительная страна, законы и обычаи которой въ отношеніи цѣломудрія мало кому извѣстны!

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствуютъ мормоны, нравственность превращается въ унизительное рабство: штрафъ за куреніе, штрафъ за употребленіе спиртныхъ напитковъ... Поцѣлуй въ губы считается антигигіеничнымъ и потому запрещеннымъ въ интересахъ общественнаго здоровья... На Венеру надѣваютъ панталоны. Женщины умышленно одѣваются безобразно, чтобы не возбуждать мужчинъ. Мужчины чрезвычайно религіозны, а между тѣмъ на городскихъ площадяхъ наказываютъ розгами обнаженныхъ дѣвушекъ.

Кстати, по поводу штрафовъ замѣчу, что особеннымъ обиліемъ ихъ отличается Баварія. На курортѣ Киссингенъ, на примѣръ назначенъ штрафъ въ триста марокъ (ок. 144 р.) за поцѣлуй въ лѣсу, паркѣ и т. п. За выраженіе въ тѣхъ же мѣстахъ полного любовнаго восторга изгнаніе изъ курорта.

Въ американскихъ газетахъ, всего какихъ-нибудь два или три года тому назадъ, былъ рассказанъ случай, какъ одна восемнадцатилѣтняя дѣвушка, влюбленная въ одного молодого челоуѣка, была выслѣжена одной старухой, добывшей несомнѣныя доказательства того, что молодые люди поцѣловались въ губы.

На другой день молодую дѣвушку схватили, привели на деревенскую площадь и, въ присутствіи семи или восьми „цѣломудренныхъ“ мужчинъ, раздѣли до нага, оставивъ ее въ однихъ только чулкахъ.

Привязавъ ее къ лѣстницѣ, прислоненной къ стѣнѣ, они наказали ее плетью.

Мораль была отмщена только послѣ двадцатаго удара, когда на тѣлѣ стали выступать капли крови.

Одинъ журналъ помѣстилъ даже рисунокъ этого наказанія.

Подобные случаи, впрочемъ, нерѣдки въ наше время и въ другихъ странахъ. Такъ французская газета „Journal“, в номерѣ отъ 14 февраля 1909 г., подъ заголовкомъ „Галантная фермерша, наказанная розгами“, рассказываетъ, что въ одной деревнѣ, въ окрестностяхъ Гренобля, двадцатидвухлѣтняя женщина была приведена семьей ея любовника на деревенскую площадь, гдѣ ее, за измѣну, раздѣли и дали сто розогъ, такъ что ее пришлось отнести на рукахъ на ея ферму.

Она пролежала послѣ порки три дня, прежде чѣмъ могла встать и садиться...

Такимъ образомъ, нѣтъ надобности переплывать океанъ...

Въ августѣ того же года, по словамъ той же газеты, въ Монпелье разбиралось въ исправительномъ судѣ дѣло одной содержательницы пансіона, обвинявшейся въ истязаніи одной тринадцатилѣтней ученицы. По словамъ дѣвочекъ-свидѣтельницъ, ихъ очень часто сѣкли розгами за провинности, но никогда не наказывали въ присутствіи другихъ ученицъ. Вотъ какъ, обыкновенно, производилось наказаніе:

Виновную приводили въ одинъ изъ пустыхъ классовъ или въ дортуаръ. Тамъ стояла скамейка, начальница пансіона приказывала ученицѣ лечь на скамейку, а классная дама привязывала къ скамейкѣ. Если наказывали въ дортуарѣ, то часто привязывали на одной изъ кроватей. Иногда, особенно, маленькихъ дѣвочекъ, начальница сѣкла, положивъ къ себѣ на колѣни или зажавъ дѣвочку между ногами.

Когда дѣвочка была привязана, то классная дама развязывала ей панталоны и обнажала тѣло. Наказывали чаще всего розгами или резиновыми ремнями.

Наказаніе послѣдними было особенно мучительно. Въ рѣдкихъ случаяхъ сѣкли особымъ колючимъ растеніемъ орти, что было еще больнѣе.

Подобныя же наказанія, по словамъ американскихъ газетъ, практикуются, впрочемъ, въ большинствѣ американскихъ колледжей, изъ которыхъ многіе смѣшанные.

Въ послѣднихъ дѣвочки пріобрѣтаютъ мальчишескія манеры, что имѣетъ свою прелесть.

Американскія газеты, сообщая факты наказанія рѣзгами учениковъ или ученицъ, а также печатая отчеты о судебныхъ процессахъ по поводу подобныхъ наказаній, отнюдь не возмущаются нескромностью такихъ наказаній, особенно для дѣвочекъ.

Впрочемъ, въ странѣ, гдѣ, по правдѣ сказать, неизвѣстно, чѣмъ долженъ кончиться каждый флиртъ,— это не особенно удивляетъ меня.

Къ тому же молодыя американскія дѣвушки, не исключая даже молоденькихъ мильярдершъ, пользуются чрезвычайной свободой.

Разсказываютъ слѣдующій анекдотъ про одну изъ такихъ миссъ мильярдершъ:

„Лулу“, какъ звали ее подруги, во время прогулки въ паркѣ съ нѣсколькими молодыми людьми, вдругъ видитъ передъ собой ручеекъ глубиною около метра (1,4 аршина).

Дѣвушка предлагаетъ держать съ ней пари, что она перейдетъ ручей, не замочивши даже кружевныхъ оборокъ своихъ панталонъ.

Пари было принято.

„Лулу“, безъ малѣйшаго колебанія, подняла обѣими руками свое платье и юбки и, дѣйствительно, перешла ручей, не замочивши оборокъ панталонъ.

Газета, сообщающая этот анекдотъ, добавляетъ, что ей неизвѣстна сумма пари, справедливо замѣчая, что проигравшіе не даромъ потеряли свои деньги.

Пока я не стану больше распространяться о тѣлесномъ наказаніи женщинъ въ Америкѣ и вернусь въ Европу — въ городъ Амстердамъ.

Зеленая Голландія, такъ сильно популяризированная, благодаря современнымъ эстампамъ, гдѣ нѣкоторыя деревни въ своемъ цивилизаторскомъ развитіи какъ бы нарочно остановились, чтобы дать возможность жителямъ юга видѣть, посѣтить и сравнить, вѣрно ли описывается все это въ Бедлекерѣ.

Въ окрестностяхъ Мидльбурга я видѣлъ тѣхъ же старинныхъ толстыхъ голландокъ, только ХХ-ый вѣкъ сдѣлалъ черты ихъ лица немного болѣе тонкими, а формы менѣе грубыми.

Какъ въ старину, на горизонтѣ вы увидите массу вѣтряныхъ мельницъ, останавливающихъ свои колеса на ночь.

Маленькіе, нѣкогда укрѣпленные, города, гдѣ въ кабачкахъ мѣстные тузы мирно попиваютъ пиво или ликеръ.

На кухнѣ здоровенная, краснощекая мамаша поретъ розгами дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, жирный крупикъ которой сжимается и разжимается подъ ударами розогъ, которыя сѣкутъ больно... Но что курьезно, что мамаша, увидавъ мой любопытный взоръ, только на секунду пріостановила порку, а затѣмъ продолжала сѣчь ребенка, не обращая на меня никакого вниманія.

Моя мысль переносится въ глубь отдаленныхъ временъ и, по возвращеніи въ чистенькій и уютный номеръ гостиницы, я сажусь съ удовольствіемъ за чтеніе исторіи этого народа.

Маленькія голландочки, кругленькія, полненькія, похожія на куколокъ, знакомы ли онѣ были съ розгами и плетью? Мечтая, я перелистываю исторію.

Голландцы были пуритане и къ тѣмъ, кто, по слабости, совершилъ какой-нибудь проступокъ или преступленіе, были неумолимо строги.

Отсюда же не трудно было обратиться къ помощи розогъ или плетей. Дѣйствительно, голландская юрисдикція пользовалась ими.

Въ общемъ, относительно Голландіи можно было бы сказать то же самое, что и относительно нашей страны, Франціи и многихъ другихъ. Однако нѣкоторые факты могутъ все-таки внести нѣкоторое разнообразіе въ интересующій насъ вопросъ, роковымъ образомъ осужденный на утомительныя для читателя повторенія.

Въ голландскихъ тюрьмахъ употреблялись каторжныя работы и плети для наказанія преступниковъ обоюго пола.

Пьяницъ, учинившихъ на улицѣ скандалъ, спускали въ колодезь, который они должны были все время выкачивать подъ угрозой быть затопленными... Когда они теряли сознаніе отъ тяжелой работы, имъ давали, для подкрѣпленія, миску хорошаго бульона, а потомъ раздѣвали, растягивали на скамѣ и жестоко пороли розгами.

Это было превосходное реагирующее средство.

По словам почтеннаго историка Ванъ деръ Флита, подобное лѣченіе примѣнялось довольно часто и къ дамамъ, что доказываетъ, что неумѣренное потребленіе спиртныхъ напитковъ составляетъ въ Голландіи одинъ изъ семи смертныхъ грѣховъ прекраснаго пола.

Сѣкла наказываемую женщина, а также держали ее женщины,— ради цѣломудрія же мужчинамъ было запрещено сѣчь по обнаженнымъ женскимъ крупамъ.

Обыкновенно, наказаше производилось въ особо для того назначенной залѣ тюрьмы.

За болѣе важныя преступленія, требовавшія публичнаго наказанія, виновныхъ наказывали розгами или плетью на дворѣ городской ратуши.

Въ такомъ случае женщины передъ наказаніемъ надѣвали на себя панталоны, которыя ограждали ихъ цѣломудріе, но не спасали ихъ тѣло отъ боли и ранъ, причиняемыхъ розгами или плетью.

Размѣръ розогъ былъ вполнѣ точно опредѣленъ закономъ. Плеть была похожа на англійскую девятихвостку, но только имѣла три хвоста.

Историкъ заимствуетъ описаніе наказанія у современника, монаха Рисброека, рассказавшаго подробно о коллективномъ тѣлесномъ наказаніи, очевидцемъ котораго онъ былъ самъ.

Сцена происходила на дворѣ ратуши, добрые фламандцы, веселые и многіе изъ мужчинъ, слегка подвыпившіе, толпились передъ широкими воротами.

На дворѣ ратуши, пишетъ монахъ, посрединѣ стояла скамья съ ремнями и около нея лежала груда пучковъ розогъ изъ длинныхъ, довольно толстыхъ и свѣжихъ березовыхъ прутьевъ.

Послѣ продолжительнаго барабаннаго боя, подъ конвоемъ солдатъ, привели на дворъ около дюжины фламандокъ, довольно молодыхъ, здоровенныхъ и въ большинствѣ толстыхъ. Изъ прочтеннаго судебнымъ приставомъ приговора было видно, что всѣ онѣ провинились въ томъ, что вымазали человѣческимъ каломъ ворота непопулярнаго городского головы. За это онѣ были присуждены къ наказанію каждая тридцатью ударами розогъ. Согласно приговору, наказаніе должно было быть публичнымъ.

Наказывали по очереди, начиная съ младшей по возрасту.

Она была живо растянута на скамьѣ и крѣпко къ ней привязана ремнями.

Когда ей подняли юбку, то на ней оказались надѣтыми въ обтяжку панталоны. Нельзя сказать, чтобы она съ терпѣніемъ вынесла тридцать ударовъ,— все время она неистово орала, по словамъ монаха, очевидца, ея крики напоминали ему крикъ поросятъ, которыхъ везутъ продавать на базаръ.

Послѣ этой наказанной, которой не могло быть больше пятнадцати лѣтъ, слѣдующая преступница имѣла около двадцати лѣтъ.

Передъ тѣмъ, какъ лечь на скамью, она должна была также надѣть панталоны, которыя (всѣ въ кровяныхъ пятнахъ) поспѣшила сбросить ранѣ высѣченная.

Послѣднею наказывали сорокалѣтнюю женщину, у которой панталоны, ставшія уже совсѣмъ красными, лопнули, такъ какъ она была очень полная особа. Тѣмъ не менѣе ей дали всѣ тридцать розогъ по обнаженному отчасти тѣлу. Ея крики смѣшались съ криками, плачемъ и причитываніями ранѣ наказанныхъ и получился рѣдкій по какофоніи концертъ.

Я закончу сообщеніе о флагелляціи въ Голландіи разсказомъ о флагелляціи изъ-за мести. Какъ разъ во время моего пребыванія въ Амстердамѣ, въ окружномъ судѣ города Брагса разбиралось дѣло нѣкоего Ванъ Мелена и др., обвиняемыхъ г-жей Ванъ Удема въ наказаніи ея розгами. Я заимствую изъ отчета объ этомъ дѣлѣ, разбиравшемся два дня, напечатаннаго въ лучшей газетѣ „Амстердамскій Вѣстникъ“ — со словъ спеціального ея корреспондента — подъ заголовкомъ „Домикъ на набережной“.

Добавлю только, что по части флагелляціи городъ Брюгсъ имѣетъ свое историческое прошлое. Въ немъ въ 1619 г. жилъ знаменитый монахъ Ванъ Друбенсъ, имѣвшій обыкновение всѣхъ своихъ духовныхъ дочерей раздѣвать въ исповѣдальной и наказывать розгами за грѣхи.

Домикъ на набережной. „Это былъ очень миленькій домикъ на „Набережной Испанцевъ“, въ чисто фламандскомъ стилѣ. Изображеніе прелестнаго домика отражалось въ спокойныхъ водахъ канала.

Тюлевые шторы позволяли все-таки видѣть на окнахъ перваго этажа дорогія китайскія вазы.

Этотъ на видъ суровый стильный домикъ, впрочемъ, ничѣмъ, по наружности, не отличался отъ цѣлаго ряда другихъ такихъ же домовъ этого аристократическаго квартала.

Однако, пишетъ корреспондентъ, заставивъ разговориться владѣльца табачнаго магазина на улицѣ „Драгоцѣнныхъ камней“, я замѣтилъ сразу, что „домикъ на набережной“, какъ его почему-то здѣсь величали, былъ предметомъ неодобренія у брюгскихъ жителей, какъ вѣчный скандалъ.

Причиной, понятно, былъ не самый домъ, архитектура котораго не представляла ничего скандальнаго, но обитательница дома, г-жа вдова Ванъ Удемъ. Госпожа Ванъ Удемъ, имѣвшая около тридцати лѣтъ, была замѣчательною красавицей.

Довольно высокаго роста, стройная, какъ совсѣмъ юная дѣвушка, свѣтлая шатенка, съ большими синими глазами, она была удивительно обаятельна, особенно благодаря своей очаровательной, напоминавшей немного кошечку, походкѣ и своему чувственному ротуку, губки котораго кончикъ розоваго язычка поддерживалъ постоянно влажными.

Такова она была на судѣ, когда спокойно и непринужденно давала показаніе, какъ потерпѣвшая. Такою она была, по словамъ лицъ, знавшихъ ее, и въ обыденной жизни.

Превосходная музыкантша, литературно образованная, недурная артистка, обладавшая всѣми недостатками и пороками, она, по справедливости, считалась не особенно неприступной, и изобиліе ея любовныхъ приключеній могло бы дать матеріаль на томъ болѣе чѣмъ въ пятьсотъ страницъ „убористой печати“!.. Она много путешествовала и познакомилась съ любовью въ различныхъ странахъ, со всѣми отличіями, свойственными этому чувству, въ зависимости отъ климата и нравовъ тѣхъ странъ, которыя она посѣщала.

Защитникамъ подсудимыхъ удалось установить свидѣтельскими показаніями, что г-жа Ванъ Удемъ была отъ природы чрезвычайно безнравственна, а частое посѣщеніе артистовъ еще болѣе усилило ея безнравственность; у ней влюбчивый темпераментъ соединился съ удивительнымъ любопытствомъ.

Такъ, по словамъ одной свидѣтельницы, ея бывшей компаньонки, въ Египтѣ, когда онѣ поднимались вверхъ по Нилу, Ванъ Удемъ вступила въ связь съ однимъ туземцемъ, — одѣтымъ въ бѣлое, съ неизбѣжной красной феской на головѣ, — во время остановки парохода всего на какихъ нибудь два часа.

Въ Палермо, бродя по стариннымъ улицамъ города, она остановилась и заинтересовалась рисунками на воротахъ. Во время ихъ разсматриванія она познакомилась съ однимъ кавалерійскимъ унтеръ-офицеромъ.

Она пригласила его въ рѣсторанъ, въ отдѣльный кабинетъ, при чемъ заплатила сама всѣ расходы...

Въ Тулонѣ она вступила въ связь тоже съ однимъ кавалерійскимъ унтеръ-офицеромъ.

Въ Константинополь она была въ связи съ... Но самая продолжительная связь у нея была съ нашимъ каррикатуристомъ, помѣщавшимъ рисунки подъ псевдонимомъ „Bobby Schagr“.

Ванъ Удемъ познакомилась съ нимъ въ Трувилѣ. Онъ завоевалъ ея сердце гораздо быстрѣе и легче, чѣмъ мы Трансваль.

Этотъ господинъ имѣлъ талантъ или даже вѣрнѣе много талантовъ. Маленькій, плутоватый, тихій, особенно опасный, потому что съ видомъ совсѣмъ скромной дѣвушки онъ обладалъ невѣроятнымъ нахальствомъ.

Ванъ Удемъ исколесила съ нимъ всю Италію. Они наслаждались любовью въ Венеціи, даже въ развалинахъ Помпеи, недалеко отъ дома Салюстія, за очень хорошій „пурбуаръ“...

Вернувшись съ нею въ Брюгсъ, каррикатуристъ вскорѣ ее бросилъ, — она ему, какъ откровенно онъ заявилъ на судѣ, „больно надоѣла своею любовною требовательностью“, и онъ боялся, „благодаря слишкомъ сильному злоупотребленію любовными удовольствіями, ускорить свой конецъ“.

Въ Брюгсъ всѣ ея похождения, какъ это всегда бываетъ въ маленькихъ городахъ, были всѣмъ отлично извѣстны. На нее почти показывали пальцами, когда она ежедневно прогуливалась на вокзалъ и обратно домой.

Нужно родиться и жить въ Брюгсѣ, чтобы вполнѣ составить представлѣніе о томъ, до чего мелочно нравственны жители этого города.

Этотъ городокъ представляетъ собой какъ бы символъ всей Голландіи, и чтобы познакомиться съ сохранившеюся тамъ чистотой нравовъ, нужно пріѣхать въ день процессіи Saint-Sang.

Изъ всѣхъ окрестныхъ приходоу стекаются пилигримы, держа за руки другъ съ другомъ, молодые люди, застѣнчивые, неуклюжіе, дѣвушки — молодая, толстая, краснощекія; старики и старухи съ лицами, загорѣлыми отъ полевыхъ работъ, съ умилеіемъ смотрятъ на молодое поколѣніе, которое строится вокругъ своихъ знаменъ.

Раздаются звуки фанфаръ! Военный оркестръ становится во главѣ процессіи.

Національная гвардія выстраивается по обѣимъ сторонамъ пути, по которому пойдетъ процессія. Молодая дѣвушка города идутъ съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, вѣтвями онѣ махаютъ на несомую статую Іисуса Христа, несущаго крестъ.

Духъ искренняго католицизма овладѣваетъ всѣми присутствующими, головы которыхъ почтительно обнажаются.

Музыка наигрываетъ старинные мотивы, громадная древнія трубы тоже несутъ звуки, переносящіе насъ въ былыя времена...

Толпа не входитъ въ соборъ, а сосредоточивается на площади, гдѣ музыка синемаграфовъ, крики и хохотъ сливаются и покрываютъ звуки органа, несущіеся изъ собора...

Вотъ теперь вторая часть программы...

Пилигримы, жадные до развлеченій, устремляются въ лавочки, гдѣ набрасываются на пирожки, бутерброды, пиво и разныя сласти.

Это фламандскій кермесъ во всей своей прелести. Крестьяне веселятся безъ удержа.

Дѣвушекъ опрокидываютъ въ ямы. Онѣ, безъ всякой церемоніи, на глазахъ тысячной толпы, съ чисто крестьянскимъ отсутствіемъ всякаго стыда, удовлетворяютъ свою нужду около писуаровъ для мужчинъ, не стараясь отыскать для этого укромный уголокъ...

Этотъ городъ, съ своей поразительной стыдливостью, нисколько, повидимому, этимъ зрѣлищемъ не шокированъ. Я собственными глазами видѣлъ, какъ во главѣ возвращавшагося въ казарму пѣхотнаго полка шло восемь, выстроившихся въ рядъ, молодыхъ дѣвушекъ, понятно, не изъ числа добродѣтельныхъ; онѣ съ безумнымъ весельемъ плясали и всѣ могли видѣть, что онѣ были безъ панталонъ, а это не были дѣти; одна изъ нихъ, которая особенно задирала ноги вверхъ, показывая всѣ свои прелести, имѣла на видъ шестнадцать лѣтъ.

Если общественное цѣломудріе нисколько не было оскорблено этими скандальными уличными сценами, за-то оно не могло простить г-жѣ Ванъ Удемъ ея интригъ, скрашивавшихъ немного ея жизнь.

Такъ какъ она не отличалась показной религіозностью и ее никогда не видали въ церкви на скамьяхъ вѣрующихъ, гдѣ, обыкновенно, городскія дамы болтаютъ между собою, то она вскорѣ стала предметомъ всеобщаго презрѣнія для цѣломудренныхъ дамъ изъ буржуазіи.

Какъ разъ въ это время произошли событія, благодаря которымъ и возникъ процессъ, такъ взволновавшій общественное мнѣніе всей Голландіи.

Красавица не жила лѣтомъ въ своемъ городскомъ домѣ, а въ своей виллѣ на берегу моря, въ окрестностяхъ города, среди дюнь.

Дача была вилла, которую она назвала „Золотой Рогъ“ — въ память своего пребыванія въ Константинополь, и которую ея наиболѣе частые гости, большею частью голодающіе артисты, прозвали „Рогомъ изобилія“.

Вилла была большая, рядомъ съ большой гостинницей съ одной стороны, большой виллой съ другой стороны и громадной гостинницей напротивъ.

Эти четыре зданія вполне обезобразили прелестный берегъ моря, съ маленькой деревушкой изъ нѣсколькихъ всего домиковъ, сгруппировавшихся вокругъ мельницы.

Красавица вдова жила четыре лѣтнихъ мѣсяца на этой виллѣ среди своихъ воспоминаній, своихъ друзей и цѣлой коллекціи эротическихъ книгъ

У нея было превосходное изданіе Аретена, дѣйствительно великолѣпное, и нѣсколько офортовъ Ропса, изъ наиболѣе удавшихся.

Мадамъ Ванъ Удемъ была очень либеральнаго образа мыслей и любила говорить съ большимъ искусствомъ и тонкимъ изяществомъ по поводу сочиненій, написанныхъ на довольно скабрёзныхъ темы.

Во время одной изъ многочисленныхъ своихъ прогулокъ въ дюнахъ, она познакомилась съ Р. Д... парижскимъ журналистомъ, путешествовавшимъ по Голландіи.

Р. Д... былъ очень красивъ, худой, изящный, его бѣлокурые усы покорили сердце нѣжной вдовы и ея золотая книга любви украсилась новой подписью.

Осуществилась ея завѣтная мечта! Молодой человекъ былъ красавецъ; она его полюбила, но имѣла неосторожность слишкомъ открыто афишировать себя съ нимъ.

Случилось то, какъ говорится въ старинныхъ разсказахъ, что молодые люди, отправившись срывать цвѣты любви въ дюны, были застигнуты нѣсколькими игроками въ „Гольфъ“ въ такомъ критическомъ положеніи, что не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ интимности ихъ отношеній.

Когда въ этотъ вечеръ молодая вдова вернулась къ себѣ домой, то подъ мышкой у нея былъ корсетъ, завернутый въ газету.

Слухъ о скандальномъ происшествіи пошелъ гулять по деревушкѣ, проникъ въ гостинницы, дошелъ до обитателей частныхъ

вилль и, наконецъ, до стараго маіака, составившаго себѣ имя приготовленіемъ паштетовъ.

О немъ болтали вполголоса у парикмахера, въ кафе; одинъ богатый маляръ, въ довольно грубыхъ и сильныхъ выраженіяхъ, выразилъ все негодованіе, которое вызвало недостойное поведеніе г-жи Ванъ Удемъ среди крестьянъ и разныхъ сумасбродовъ, проживавшихъ на дачахъ.

Въ теченіе цѣлыхъ трехъ недѣль дѣло находилось въ такомъ положеніи, подъ пепломъ былъ скрытъ огонь; одни только поставшики вдовы продолжали ей кланяться, хотя за глазами сильнѣе другихъ высказывали свое возмущеніе.

Р. Д... долженъ былъ уѣхать въ Парижъ; разлука была самая трогательная, г-жа Ванъ Удемъ отвезла его на вокзалъ, откуда остендскій поѣздъ умчалъ его далеко отъ сердца милой подруги.

Въ то время, какъ она, въ самомъ меланхоличномъ настроеніи, возвращалась съ вокзала домой, мечтая объ уѣхавшемъ, ей попался на встрѣчу Ванъ Меленъ, подрядчикъ,— тотъ самый, который десять лѣтъ тому назадъ, выстроилъ ей виллу.

Онъ ей посмотрѣлъ въ упоръ въ глаза, но не поклонился. Съ ней это случилось въ первый разъ, почему она была сильно удивлена, но не стала особенно долго размышлять о причинѣ подобнаго невѣжества.

Когда она отпирала входную дверь своей виллы, двое уличныхъ мальчишекъ бросили въ нее два камушка, изъ которыхъ одинъ попалъ ей въ спину.

Войдя въ гостинную, превращенную въ мастерскую художницы, она застала въ ней свою горничную Мижку, которая ее ожидала

— Знаете ли, сударыня, мой дядя, отпускающій на прокатъ экипажи, купилъ кафе и беретъ меня туда прислужкой... Впослѣдствіи, если барыня захочетъ меня опять взять, я съ удовольствіемъ пойду къ ней...

Вдова почти не дала ей окончить свою рѣчь:

— Отлично, уходите сію же минуту... Вотъ ваше жалованье, сейчасъ же забирайте свои вещи и уходите.

Кухарка ея Анна явилась къ ней въ спальную и тоже потребовала расчета.

Оставшись одна, она невольно задумалась надъ всѣми этими событіями и рѣшила черезъ недѣлю уѣхать куда-нибудь путешествовать.

— Какія сумасшедшіе,— думала она, ложась спать въ постель,— что за кретины, они чего добраго всѣхъ возмутятъ противъ меня!..

Увы, тутъ было не возмущеніе, а настоящая революція!..

Главой заговора былъ подрядчикъ Ванъ Меленъ, который увлекъ еще за собой маляра, одного извозчика и нѣсколькихъ зубоскаловъ, отличавшихся особенной чопорностью.

Вся деревня была на ихъ сторонѣ вмѣстѣ съ бенъерами, потому что Ванъ Удемъ была пугаломъ для всѣхъ матерей и мелкихъ

буржуазокъ, посъшавшихъ морскія купанья, начиная отъ Бланкенберга по всему голландскому берегу.

Питербумъ изъ Ганда, охотникъ, любившій пропустить не одну рюмочку пунша въ ресторанчикъ, открыто говорилъ первому встрѣчному, что вилла „Золотой Рогъ“ и ея владѣлица являются позорищемъ для всей страны... Благодаря имъ, всѣ честные люди избѣгаютъ ихъ берега.

— Развѣ это хорошій примѣръ для нашихъ дочерей подобная потаскушка! — Каждый сочувственно поддакивалъ ему, напуганный мыслью, что подобное бѣдствіе способно отвлечь богатыхъ кліентовъ отъ ихъ морскихъ купаній.

— Ахъ, знаете ли, господинъ Питербумъ, мы найдемъ средство заставить ее уѣхать отсюда, сказалъ Ванъ Меленъ, если вѣрить показанію на судѣ двухъ мужчинъ, сидѣвшихъ въ это время въ ресторанѣ, причемъ Ванъ Меленъ многозначительно подмигнулъ.

Было велѣно подать кружки пива, затѣмъ заговорщики начали безконечныя партіи въ пикетъ, въ ожиданіи рокового часа, когда явится возможность привести въ исполненіе ихъ планъ.

По словамъ все тѣхъ же свидѣтелей на судѣ, въ одиннадцать часовъ Ванъ Меленъ и другіе вышли изъ ресторана, каждый по одиночкѣ, чтобы не возбудить ни у кого подозрѣнія.

Впрочемъ, въ этотъ часъ вся деревня уже спала и ни въ одномъ окнѣ не свѣтилось огонька.

Всѣ собрались около церкви; тутъ были Ванъ Меленъ, маляръ и четверо молодыхъ людей, всего шесть заговорщиковъ.

— Мы подождемъ прихода послѣдняго трамвая изъ Брюгса; ты, Ж., потушишь тогда свою трубку; вотъ какъ нужно будетъ все сдѣлать: я войду съ Л., Н., и Ж., двое другихъ будутъ стоять на часахъ у параднаго входа и у воротъ виллы, сказалъ Ванъ Меленъ, по словамъ одного изъ обвиняемыхъ молодыхъ людей, чего, впрочемъ, онъ и не отрицалъ на судѣ.

Трое другихъ пожали плечами и одинъ изъ нихъ сдѣлалъ подобное справедливое замѣчаніе:

— Какъ же такъ, значить мы ничего не увидимъ?!

На это, по словамъ все того же обвиняемаго, Ванъ Меленъ отвѣтилъ:

— Нужно дѣлать такъ, какъ я говорю, иначе я отказываюсь отъ участія!

Еще немного поболтали о „дѣлѣ“ съ разными шутками и остротами, вызывавшими смѣхъ среди полной ночной тишины.

Наконецъ, послышался звонокъ приближающагося послѣдняго трамвая и какъ только онъ ушелъ обратно въ Брюгсъ, заговорщики двинулись по направленію къ виллѣ Ванъ Удемъ.

Величественно и таинственно стояла вилла съ угрожающимъ видомъ среди ночной тьмы. Сердца заговорщиковъ бились усиленно. Какъ никакъ дама, жившая на виллѣ, была богатая женщина; богатство, несмотря на всю глупость большинства участниковъ, производило на нихъ впечатлѣніе и заставляло относиться къ себѣ съ уваженіемъ.

— Ну, идемъ туда! сказалъ Ванъ Меленъ.

Онъ свистнулъ, на сосѣдней виллѣ открылось окно и показалась голова женщины, освѣщаемая колеблющимся отъ вѣтра пламенемъ свѣчки.

Это ты, Гендрика?

Да, лѣстница внизу около стѣны, я сейчасъ сойду...

Она сошла въ садъ виллы, воспользовавшись приставленной лѣстницей.

Тихонько, ключемъ, который ей дала ушедшая горничная, она отперла входную дверь и четыре человекъ вошли въ комнаты, а двое, какъ было велѣно, остались сторожить.

— Ты поднимешься съ нами? — сказалъ Ванъ Меленъ.

— Понятно, — я знаю домъ, — не разъ помогала Мижкѣ гладить бѣлье! Одни вы будете много шумѣть... Вотъ что нужно дѣлать: поднимитесь на террасу, а оттуда въ большую комнату — гостиную, изъ нея прямо дверь въ переднюю, гдѣ направо дверь въ ванную и туалетную комнату, а налево въ спальную... Надо, чтобы кто-нибудь сталъ у окна и не далъ бы ей его открыть...

— Само собой разумѣется, — сказалъ Ванъ Меленъ, ну, идемъ.

Молча, они поднялись на террасу, при помощи ключа открыли стеклянную дверь въ гостиную и вошли въ комнату.

Всѣ четыре мужчины дрожали, какъ осиновые листья, только молодая дѣвушка была спокойна и вела ихъ смѣло.

Съ тысячью предосторожностями они отперли дверь изъ гостиной въ переднюю.

Мракъ, господствовавшій въ передней, еще болѣе усилилъ ихъ страхъ и, не будь съ ними дѣвушки, они навѣрное удрали бы.

— Вотъ ея спальная, сказала дѣвушка, указывая имъ рукой на дверь...

Собравъ все свое мужество, Ванъ Меленъ отворилъ дверь въ спальную... Когда раздался шумъ отъ дверной ручки, всѣ замерли... Но все было тихо. Въ комнатѣ горѣла электрическая лампочка, закрытая зеленымъ колпачкомъ; она слабо освѣщала комнату...

Первымъ вошелъ маляръ, за нимъ послѣдовали остальные. На порогѣ дѣвушка передала Ванъ Мелену пучокъ розогъ. Въ одинъ мигъ они окружили кровать. Ванъ Меленъ потушилъ лампочку, но эта была бесполезная предосторожность, такъ какъ луна превосходно освѣщала комнату.

Въ эту минуту, по словамъ одного изъ подсудимыхъ, его охватилъ восторгъ злорадства, острую сладость котораго онъ не испытывалъ еще до сей поры. Въ это время изъ подъ простыни показалась растрепанная голова молодой женщины, съ ужасомъ смотрѣвшей на всѣхъ ихъ.

— Что вамъ нужно... оставьте меня, не убивайте... помогите... спасите...; меня уби...

Ванъ Меленъ не далъ ей окончить слова. Вмѣстѣ съ другими онъ набросился на вдову. Борьба была самая непродолжительная. Ванъ Меленъ завязалъ молодой женщинѣ ротъ платкомъ. По его

приказу маляръ и Ж... перевернули вдову и положили ее на животъ. Затѣмъ Ванъ Меленъ поднялъ ей рубашку и сталъ съчь ее розгами.

По словамъ Ванъ Удемъ, они говорили не громко, но внушительно и, окруживъ ее постель, смотрѣли на нее злыми и радостными глазами. Бѣснуясь отъ радости, они издѣвались надъ нею, пока Ванъ Меленъ завязывалъ ей ротъ платкомъ, пугали, что заперютъ ее до смерти. Ж. въ это время свистѣлъ по воздуху розгами... Пороли ее страшно больно и долго. Вначалѣ она кричала, просила простить ее, но потомъ отъ боли не могла даже произносить словъ, такъ у ней захватывало духъ.

Дѣвушка тоже присутствовала при поркѣ и даже, по словамъ одного изъ подсудимыхъ, просила того, кто держалъ за ноги, чтобы онъ ихъ раздвинулъ у Ванъ Удемъ — насколько возможно шире.

По словамъ самихъ подсудимыхъ, Ванъ Меленъ пересталъ съчь, когда Ванъ Удемъ потеряла сознание, тогда они привели ее въ чувство и ушли.

Докторъ, свидѣтельствовавшій Ванъ Удемъ, нашель, что она была высѣчена очень жестоко.

Судъ приговорилъ Ванъ Мелена къ годовичному тюремному заключенію и присудилъ съ него въ пользу Ванъ Удемъ около двухъ тысячъ рублей, а остальныхъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію, кромѣ того, всѣхъ къ уплатѣ судебныхъ издержекъ за круговую порукою.

Госпожа Ванъ Удемъ послѣ процесса все-таки продала виллу и уѣхала изъ Голландіи на всегда.

Дамы, посѣщающія эти морскія купанья, до сихъ поръ рассказываютъ другъ другу о приключеніи съ хорошенькой вдовой. Теперь даже это приключеніе является однимъ изъ главныхъ приманокъ этого курорта.

Ванъ Меленъ и его пріятели, по выходѣ изъ тюрьмы, пользуются полнымъ уваженіемъ своихъ согражданъ. Они составляютъ гордость мѣстечка. Благодаря своей славѣ, Ванъ Меленъ получаетъ массу заказовъ на постройку виллъ и домовъ. Послушать его патетическій рассказъ о наказаніи розгами г-жи Ванъ Удемъ пріѣзжаютъ даже изъ Остенде.

ГЛАВА VII

Историческія свѣдѣнія о флагелляціи въ наше время

Можно было думать, что тѣлесное наказаніе женщинъ съ дисциплинарною цѣлью отошло въ вѣчность и въ XX-мъ вѣкѣ нѣтъ мѣста этому варварскому и позорному для челоѣчества наказанію

Въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго!

Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, на примѣръ, въ Россіи, у насъ, въ Пруссіи и т. д. тѣлесное наказаніе примѣняется въ школахъ, тюрьмахъ, а въ Россіи особенно часто при усмиреніи народныхъ волненій карательными экспедиціями или просто отдѣльными административными лицами, нисколько не стѣсняющимися наказывать розгами или нагайками лицъ обоюга пола, хотя по закону подобныя наказанія запрещены.

Во Франціи тоже официально тѣлесныя наказанія отмѣнены, хотя они практикуются во всевозможныхъ видахъ, какъ показываютъ судебныя процессы и полицейскія дознанія.

Какъ и у насъ, вы не найдете тамъ, за рѣдкими исключеніями, школьника или школьницы, который или которая, краснѣя, въ одинъ прекрасный день не признались бы своимъ родителямъ, что были высѣчены учителемъ или учительницей. Нельзя также утвердительно сказать, что ксендзы не сѣкутъ кающихся грѣшницъ...

Всего какихъ-нибудь два или три года назадъ разбирался, въ Россіи, въ окружномъ судѣ, процессъ одного ксендза, если не ошибаюсь, бѣлостокскаго, обвинявшагося въ наказаніи розгами и веревками своихъ духовныхъ дочерей.

Во всякомъ случаѣ, если латинскіе народы исключили изъ своихъ сводовъ законовъ тѣлесное наказаніе, то сами народныя массы его чрезвычайно часто примѣняютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ является возможность примѣнить знаменитый законъ Линча.

Припомните хотя бы случай на всемірной парижской выставкѣ 1900 г. Онъ былъ оглашенъ всей парижской прессой.

Въ выставочномъ отдѣленіи буровъ около одной изъ стѣнъ зала стоялъ мраморный бюстъ президента Крюгера, высокоуважаемаго борца за независимость Трансваля.

Въ то время, какъ около пятидесяти лицъ окружали портретъ президента, изъ толпы выдвинулась впередъ молоденькая дѣвушка англичанка, — очень недурненькая, лѣтъ двадцати, по костюму изъ очень состоятельнаго и лучшаго класса общества, — и съ жестомъ глупаго презрѣнія плюнула на лицо бюста, который, конечно, не могъ отвѣтить ей на оскорбленіе.

Толпа на нѣсколько секундъ оцѣпенѣла въ негодованіи.

Кто-то закричалъ: „Вонъ ее! Вышвырнуть!“

Другой предложилъ: „Нужно высѣчь ее!“

Это послѣднее предложеніе видимо понравилось всѣмъ. Въ одинъ мигъ мужчины и женщины набросились на англичанку, съ мужествомъ защищавшеюся ручкой зонтика.

Черезъ нѣсколько секундъ ее поставили на колѣна и нагнули голову къ полу.

Около тридцати рукъ торопливо подняли ей юбки, развязали или вѣрнѣе разорвали панталоны, обнажили часть тѣла, обыкновенно тщательно скрываемую, и стали съ остервенѣніемъ шлепать руками по голому тѣлу дѣвушки.

Сторожа прибѣжали на шумъ, освободили жертву и ее, вмѣстѣ со всѣми участниками скандала, увели въ бюро выставки.

Я не знаю, чѣмъ кончилось это дѣло, но это не имѣетъ для насъ ровно никакого значенія. Для насъ важно установить тотъ фактъ, что современная толпа, далеко не протонародная, желая отмстить, охотно прибѣгаетъ къ тѣлесному наказанію.

Въ первомъ томѣ своего труда я говорилъ уже, что во время забастовокъ на сѣверѣ Франціи было множество случаевъ наказанія женщинъ розгами или веревками по обнаженному тѣлу и наказанія всегда очень жестокаго.

То подобному наказанію подвергаются дочери и жены патронновъ, то „желтые“ и „красные“ подчеркиваютъ силу своихъ аргументовъ на крупахъ женъ и дочерей своихъ противниковъ.

Въ романахъ Золя попадаются нерѣдко сцены флагелляціи. Въ „Жерминаль“ есть два-три такихъ случая.

Въ одномъ изъ нихъ возбужденная и поющая революціонныя пѣсни толпа забастовщиковъ съ краснымъ флагомъ окружаетъ дочь одного изъ директоровъ фабрики; дѣвушка была захвачена врасплохъ и не успѣла убѣжать; часть толпы устраиваетъ вокругъ плачущей дѣвушки пляску дикарей.

Кто-то предлагаетъ высѣчь дѣвушку. Предложеніе принимается съ дикими криками восторга... Какъ же, вѣдь это очень забавная штука — сѣчь богатую дѣвушку... Навѣрняка она сложена не такъ, какъ всѣ другія!..

Гнусное любопытство овладѣваетъ толпой; женщины въ подобныхъ случаяхъ идутъ впереди... Въ мигъ юбки съ платьемъ подняты, разорваны панталоны и уже нѣсколько рукъ готовы начать экзекуцію, когда отецъ дѣвушки расталкиваетъ толпу и освобождаетъ бѣдняжку изъ ея унижительнаго положенія.

Въ томъ же „Жерминаль“ рассказывается случай, какъ одна женщина, работающая въ каменноугольныхъ копяхъ, была высѣчена женщинами.

Когда женщины спускаются въ колодезь копей, то онѣ надѣваютъ мужской костюмъ; мегеры разрѣзали у своей жертвы ножницами панталоны изъ синяго кумача. Ягодицы, слишкомъ сильно сжатая матеріей, расширили еще болѣе отверстіе и выступили наружу во всей своей красѣ. Бѣдную женщину сѣкутъ по очереди то одной, то другой рукой подъ хохотъ и аплодисменты мужчинъ.

И это срисовано съ природы, а не выдуманно писателемъ.

Тѣлесныя наказанія во время забастовокъ практикуются довольно часто. Порка женщинъ является однимъ изъ главныхъ эпизодовъ всѣхъ подобныхъ волненій, пока они не превратятся въ настоящую революцію.

Стегаютъ женскіе крупы ради простаго развлеченія; въ него не входитъ никакого сладострастнаго интереса.

Случаи флагелляціи женщинъ въ наше время еще такъ многочисленны, что ихъ нѣтъ положительно никакой возможности

перечислить всё. Къ тому же мы сильно рисковали бы впасть въ утомительныя повторенія — какъ по существу, такъ и по формѣ.

Это упражненіе практикуется въ наше время гораздо чаще, чѣмъ слѣдовало бы, и число женщинъ, подвергшихся унижительному наказанію, много больше, чѣмъ мы предполагаемъ.

Изъ нѣсколькихъ десятковъ вполне достовѣрныхъ случаевъ я приведу въ этой главѣ два, изъ которыхъ первый послужилъ предметомъ процесса въ ассизномъ (съ присяжными засѣдателями) судѣ города Ниццы всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а второй вызвалъ частное дознаніе, по распоряженію полиціи города Тулона, тоже всего какихъ-нибудь три года назадъ.

Первому случаю было посвящено не мало столбцовъ въ газетахъ не только Ниццы, но и въ парижскихъ. Процессомъ этого богатаго и аристократическаго испанскаго семейства были долгое время заняты всё великосвѣтскіе салоны Ривьеры.

Я буду пользоваться отчетомъ объ этомъ процессѣ, напечатанномъ въ одной изъ главныхъ газетъ Ниццы. Жертвой была дѣвица Маргарита или, какъ ее звали въ самѣхъ, Мегъ. Вотъ показаніе одного изъ главныхъ свидѣтелей обвиненія — берейтора:

„Четыре года тому назадъ я былъ въ Виллафраншъ въ поискахъ какого-нибудь занятія. Раньше я былъ жокеемъ, но потомъ растолстѣлъ и сталъ негоденъ для такой службы. Въ это тяжелое для меня время одно ниццкое агенство предложило мнѣ поступить на должность берейтора у богатаго испанскаго семейства Л...

Я принялъ предложеніе и черезъ нѣсколько дней вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Я сопровождалъ лошадей и семейство моихъ хозяевъ въ Болье, гдѣ у нихъ была своя вилла.

Семейство состояло изъ маркиза, маркизы, взрослога сына, неудавшагося спортсмена, но одѣвавшагося въ спортивной костюмъ по моднымъ картинкамъ англійскихъ журналовъ, и дочери-барышни Маргариты.

Ну, господинъ президентъ, дочь была такая красотка, что за нее можно было бы отдать всѣхъ лошадей міра...

Въ началѣ все шло хорошо. Работы у меня было не много и я имѣлъ возможность удѣлять не мало времени бесѣдамъ съ моимъ другомъ жокеемъ Скоттъ, занимавшимъ въ это время мѣсто при конюшнѣ графа де С...

Я не знаю, господинъ президентъ, давно ли вы на Ривьерѣ, если давно, то, вѣроятно лучше меня знаете тамошнюю публику, что касается лично до меня, то я скажу откровенно, что эта публика внушаетъ мнѣ глубокое чувство отвращенія.

Это настоящій музей всевозможныхъ пороковъ сладострастія. Начиная отъ Тулона до Вентиміи, вы встрѣтите положительно всё его виды. Въ особенности отличаются свѣтскія барыни, а между ними во главѣ стоятъ американки! На этомъ мѣстѣ бывшій жокей былъ остановленъ президентомъ, который предложилъ ему поменьше распространяться и держаться ближе къ дѣлу.

„Въ этой средѣ я былъ своимъ человѣкомъ“, продолжаетъ онъ свое показаніе, „постояннымъ и усерднымъ посѣтителемъ

разныхъ баровъ, гдѣ меня окружали дамы, рассчитывая вывѣдать отъ меня, какая лошадь должна побѣдить.

Нужно быть тренеромъ, чтобы узнать, до какихъ предѣловъ можетъ доходить человѣческая глупость. Но я опять уклоняюсь отъ дѣла...

Я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ своей хозяйкой — маркизой. Это была жгучая брюнетка лѣтъ подъ сорокъ, очень здоровая, съ склонностью къ полнотѣ, которую самыя опытыя массажистки не въ силахъ были уменьшить.

Она и ея дочь Маргарита, обожавшая лошадей, были довольно часто со мной, чтобы задавать мнѣ массу самыхъ вздорныхъ вопросовъ.

Я отвѣчалъ на нихъ съ чрезвычайной почтительностью, во-первыхъ, потому что онѣ были мои хозяйки, а, во-вторыхъ, чудные большіе глаза барышни производили на меня громадное впечатлѣніе...

Не подумайте, господинъ президентъ, что я былъ влюбленъ въ нее... Нѣтъ, это была не любовь, а какое-то другое чувство, которое я не въ силахъ объяснить.

Она отличалась отъ другихъ дѣвушекъ какимъ-то особеннымъ, врожденнымъ изяществомъ, барышня, насколько я замѣтилъ, боялась своей матери, но еще большій страхъ ей внушалъ отецъ, который, при всемъ моемъ уваженіи къ лицамъ, платящимъ мнѣ жалованье, производилъ на меня довольно жалкое впечатлѣніе. По моему, это былъ выжившій изъ ума плюгавенькій человекъ.

И я не разъ задавалъ себѣ вопросъ, какъ такая мразь, съ позволенія сказать, могла наводить такой ужасъ на барышню.

Очень набожный, онъ всеми въ домѣ командовалъ съ полнымъ спокойствіемъ, а съ своей дочерью былъ до невозможности вѣжливъ.

Не смотря на это, барышня дрожала передъ нимъ, какъ какой-нибудь рядовой передъ лордомъ Китчинеромъ.

Когда баринъ самымъ ровнымъ и спокойнымъ голосомъ говорилъ барышнѣ:

— Маргарита, сегодня ровно въ три часа вы будете у меня въ кабинетъ, гдѣ васъ будетъ ждать ваша мать, слышите! — Отъ этихъ словъ бѣдняжка приходила въ страшное волненіе и, вся красная, молча подбирала свои юбки и съ опущенной головкой уходила къ себѣ въ комнату.

Я напрасно ломалъ голову и не могъ объяснить, почему такая простая фраза могла такъ волновать барышню?..

Разъ утромъ, когда я сопровождалъ ее на прогулкѣ верхомъ по грандъ Корнишъ, она обратилась ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Ну, старина, какъ вамъ нравится эта страна?

— Настоящій рай земной, барышня, — отвѣчалъ я, но я промѣнялъ бы ее съ радостью на крошечный коттеджъ въ окрестностяхъ Лондона.

— „Рай земной!“ Повторила она мои слова, смотря на меня съ намернувшимися слезами на глазахъ,— скажите лучше — адъ земной и вы еще будете далеки отъ преувеличенія!...

Чтобы разогнать у ней черныя мысли, я предложилъ ей ѣхать галопомъ, но она рѣшительно отказалась, и я замѣтилъ, что при каждомъ, болѣе или менѣе, рѣзкомъ движеніи ея кобылы, когда ей приходилось подпрыгнуть въ сѣдлѣ, она опускалась на него, какъ будто на острія булавокъ.

Разъ она не въ силахъ была сдержать вырвавшася у нея крика боли, чему я не придалъ особаго значенія,— вѣдь женщины — такія нѣжныя созданія!...

Въ этотъ день, когда мы вернулись съ катанія, у подъѣзда насъ ждалъ маркизь — ея отецъ.

Какъ только дочь остановила лошадь, онъ ей сказалъ своимъ обычнымъ голосомъ:

— Маргарита, будьте такъ любезны сію же секунду отправиться ко мнѣ въ кабинетъ... и т. д.

Барышня покраснѣла, какъ піонъ и, когда слѣзла съ лошади, настолько сильно дрожала, что едва не потеряла равновѣсія.

Хотя я, господинъ президентъ, не Шейлокъ Холмсъ, но все-таки замѣтилъ, что тутъ кроется что-то неладное.

Я сдѣлалъ видъ, что пошелъ въ конюшни, но въ дѣйствительности, зайдя за кактусы, я вернулся назадъ.

Цѣль моя была дойти незамѣтно до большого дерева, вѣтви котораго какъ разъ были напротивъ окна кабинета маркиза.

Въ нѣсколько секундъ я влѣзъ на дерево и спрятался въ чашѣ его вѣтвей.

На мое горе, окна были закрыты и занавѣси задернуты, такъ что я ничего не могъ видѣть.

Раздосадованный, я уже собирался слѣзть съ своей обсерваторіи, какъ замѣтилъ, что съ рискомъ сломать себѣ шею я могу услышать, что будутъ говорить въ кабинетѣ маркиза.

Ничто такъ не подзадориваетъ любопытства человѣка, какъ опасность. Рискуя каждую секунду полетѣть внизъ, я ухитрился, наподобіе обезьяны, примоститься такъ, что могъ приложить ухо къ стѣнѣ дома и слышать разговоръ въ кабинетѣ.

Вначалѣ я услыхалъ сдержанныя рыданія,— плакала женщина.

Затѣмъ послышался голосъ маркиза.

— Это позоръ,— говорилъ онъ,— вы ведете себя хуже послѣдней потаскушки, въ васъ нѣтъ ни одной капли нашей родовой гордости! Что вы дѣлали сегодня утромъ? Вамъ мало, что за вашимъ хвостомъ бѣгаютъ чуть не всѣ офицеры альпійцы, теперь вы уже флиртуете съ прислугой... вы бѣгаете за... это гнусно!

Я отлично зналъ, что все это ложь, барышня и не думала со мною флиртовать. Была минута, когда я готовъ былъ броситься и пойти задушить маркиза.

Но вдругъ я услыхалъ звукъ пощечины и голосъ маркизы, которая прокричала: „Вотъ тебѣ, получай, намъ надоѣло тебя

наказывать, Маргарита, ты насъ выводишь изъ себя... Сегодня я тебя еще разъ накажу. Изволь оставаться, пока я все приготавливаю.— Наступило молчаніе. Сердце у меня страшно билось. Послышалось хлопанье дверей и звукъ запираемаго замка... Слышались шаги, шумъ отъ передвигаемой мебели.

Затѣмъ я вполнѣ ясно услыхалъ шлепанье розогъ по тѣлу... Не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что сѣкли барышню.

Я не въ состояніи, господинъ президентъ, передать то бѣшенство, которое охватило меня; не схватись за сукъ, я полетѣлъ бы внизъ. Сѣкли медленно и долго, по моему, было дано нѣсколько дюжинъ ударовъ. Я отлично слышалъ сдерживаемые крики барышни и слова „простите, не буду, ой, не буду“...

Наконецъ, я услыхалъ, что проклятый свистъ розогъ прекратился и маркизь сказалъ:

— Я думаю, душечка, что на сегодня ей довольно, отвяжи ее. Но смотри Мегъ, въ слѣдующій разъ за такія продѣлки я высыплю тебѣ двойную порцію...

Нѣсколько сдержанныхъ всхлипываній было отвѣтомъ на эти угрозы. Я слыхалъ, какъ хлопнула дверь. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ слѣзать.

Я обошелъ кругомъ и сдѣлалъ видъ, какъ будто я вышелъ изъ коюшени. На встрѣчу мнѣ попался маркизь, который читалъ газету. Рядомъ съ нимъ шелъ его большой пріятель, румынскій князь.

Вотъ еще любопытная персона. Онъ постоянно жаловался на астму.

Его жена, высокая блондинка, лѣтъ тридцати, довольно смазливая, вела крупную игру въ Монте-Карло, а въ промежутки бѣгала по домамъ свиданій Тулона или Ниццы.

До невозможности грубая, она смотрѣла на прислугу, какъ на собакъ. Ко мнѣ она почемуто относилась нѣсколько благосклоннѣе, достаивая даже отвѣчать на мой поклонъ легкимъ кивкомъ головы.

Князь былъ завсегдатаемъ на виллѣ маркиза. Онъ являлся по два раза въ день и нисколько не старался скрывать своей раздражительности.

Только съ одной барышней онъ былъ любезенъ. Я увѣренъ, что старый подагрикъ былъ въ нее влюбленъ по уши.

Когда онъ встрѣчался съ ней, онъ почти всегда шепелявилъ: — Ну, какъ поживаете, моя прелесть, какая вы розовенькая, настоящая роза, все хорошѣете и хорошѣете...— И затѣмъ начиналъ хохотать, очевидно довольный своимъ остроуміемъ и любезностью.

Барышня была съ нимъ вѣжлива, но было сразу видно, что она не была къ нему расположена.

Я не знаю самъ почему, но у меня, вдругъ, блеснула мысль, что румынскій князь не является постороннимъ лицомъ въ утренней сценѣ.

Онъ былъ весь красный, какъ дьяволъ, и скакалъ, какъ ворона, съ правой стороны моего хозяина.

Боже мой, какая славная пара мерзавцевъ были эти два барина, какъ оказалось впоследствии.

Въ этотъ день я съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждалъ появленія барышни.

Вы понимаете, господинъ президентъ, что невозможно оставаться равнодушнымъ, что мужчина не можетъ сохранить все свое хладнокровіе при встрѣчѣ съ барышней аристократкой, изящной, дистенге и хорошенькой... дѣвушкой двадцати лѣтъ, когда въ его воображеніи рисуется, что это самая дѣвушка, такая недосягаемая на видъ, была всего нѣсколько часовъ назадъ раздѣта и высѣчена, какъ шестилѣтняя дѣвчонка!

Конечно, изъ факта, что дѣвушку высѣкли розгами, не сдѣлаешь драмы въ пять актовъ... Но воля ваша, господинъ президентъ, знать, что эта самая, стоящая передъ вами хорошенькая дѣвушка, только что лежала подъ розгами, стонала, просила прощеніе... что вы сами все это слышали... это, чего добраго, хуже, чѣмъ видѣть все это собственными глазами...

Въ этотъ день я увидалъ барышню подъ вечеръ. Не было замѣтно ни малѣйшаго слѣда слезъ.

Начиная съ этого проклятаго дня, я не зналъ покоя. Я все подслушивалъ, выслѣживалъ...

Но случайно барышню въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати дней не наказывали, по крайней мѣрѣ, мнѣ не удалось этого подкараулить.

Въ одинъ прекрасный день я пришелъ въ кабинетъ маркиза, чтобы доложить ему о болѣзни одной лошади и подать смѣту стоимости сбруи, которую онъ хотѣлъ заказать одному магазину въ Ниццѣ.

Въ кабинетъ не было ни души.

Я положилъ смѣту на столъ и собирался уже уходить, какъ услышалъ, какъ маркизъ говорилъ въ сосѣдней комнатѣ, очевидно, барышнѣ:

— Сейчасъ же ступайте въ кабинетъ, слышите, сію же секунду, и я объщаю васъ отлично угостить, вы знаете это угощеніе, ну, маршъ, безстыдница!

Услыхавъ эти слова, я осмотрѣлъ комнату и, увидавъ тяжелый диванъ, рѣшилъ, что я могу подъ него подлѣзть, а шелковая бахрома меня отлично скроетъ, не мѣшая мнѣ видѣть все, что будетъ происходить въ кабинетѣ.

Дѣйствительно, я отлично устроился подъ диваномъ. Сердце у меня билось, какъ никогда еще въ жизни, и не подумайте, господинъ президентъ, что отъ страха быть открытымъ. Нѣтъ, объ этомъ я даже не думалъ, это было что-то необъяснимое... Меня волновалъ не рискъ потерять мѣсто, а мысль, что вотъ сію секунду я увижу всю сцену...

Я лежалъ довольно долго и все время дрожалъ.

Какъ вдругъ отворилась дверь и появилась маркиза съ пучкомъ розогъ въ рукахъ. За нею шелъ, ковыляя, румынскій князь.

Съ улыбкой сводницы, маркиза указала рукою князю на шкафъ, куда тотъ немедленно спрятался.

Оказалось, что я былъ правъ в своихъ предположеніяхъ относительно причастности князя... Не успѣла маркиза запереть шкафъ, какъ вошелъ маркизъ и спросилъ жену: — А дѣвочки еще нѣтъ? Та отвѣтила: — Какъ видишь!

Затѣмъ маркизъ взялъ розги и началъ ими свистѣть въ воздухъ. Отъ этого свиста и мысли, что сейчасъ начнутъ истязать мою барышню, у меня мурашки забѣгали по тѣлу.

— Ничего, сегодня розги особенно хороши... Постараюсь пробрать ее хорошенько. Я ей дамъ сегодня пятьдесятъ штукечъ и какихъ горяченькихъ! — сказалъ маркизъ, на что маркиза раздражительно замѣтила:

— Ты кажется ошалѣлъ, пятьдесятъ розогъ за то, что она не только приняла офицера, котораго я запретила ей принимать, но еще, какъ видѣла горничная, усѣлась къ нему на колѣна и цѣловалась! Нѣтъ, за такія штуки ее нужно такъ выпоротъ, чтобы она нѣсколько дней сѣсть не могла... Изволь дать ей сто розогъ, да такихъ, чтобы она и во снѣ забыла о поцѣлуяхъ!

— Ну, хорошо, будь по-твоему, дадимъ сто!

Не успѣлъ окончить маркизъ своей фразы, какъ послышался стукъ въ дверь. Когда оказалось, что это стучалась барышня, то маркизъ ей отвѣтилъ, что можетъ войти, а когда вошла, то спросилъ ее:

— Отчего, Мегъ, вы такъ долго не шли сюда, когда я вамъ велѣлъ сію же секунду идти?

— Я, папа, сію же секунду пришла... Я только оправилась немного...

— Ну, ложитесь на кушетку, я васъ отучу цѣловаться съ офицерами, которыхъ я не велѣлъ пускать къ себѣ въ домъ!

Ради Бога, простите, я больше не буду этого дѣлать, мама, попроси за меня! Клянусь, никогда больше не буду!

Произнося всѣ эти просьбы, барышня, очевидно, знала, что ей не избѣжать наказанія, такъ какъ сама разстегнула свое платье и развязала панталоны, а потомъ легла на кушетку и дала себя маркизѣ привязать, повторяя все время почти одни и тѣ же слова, что въ началѣ, теперь только съ плачемъ и еще просила не сѣчь ее очень больно.

Пока маркиза привязывала дочь, маркизъ ходилъ по комнатѣ и читалъ ей нотоцію:

— Это ради вашей же пользы васъ наказываютъ! — сказалъ онъ подъ конецъ.

— Да, конечно, нечего ревѣть и клясться. Ты труслива, какъ заяцъ, а блудлива, какъ кошка. Какъ пороть, такъ ты даешь обѣщаніе вести хорошо, а потомъ усаживаешься на колѣна къ офицерамъ и цѣлуешься. Ну, сегодня, я тебя и проберу же... Еще молоко не обсохло на губахъ, а тоже цѣловаться... Вотъ выйдешь замужъ, тогда цѣлуйся! Сегодня я тебѣ дамъ сто розогъ, но въ слѣдующій разъ, такъ и знай, что за такіе фокусы получишь

двѣсти розогъ! Ну, мой другъ, теперь можно ее наказывать,— сказала маркиза.

— Вы можете кричать. Это не поможетъ. Не нужно цѣловаться! — И тотчасъ же онъ вытянулъ ее розгами. Раздался какой-то визгъ барышни и слова: — Ай, ай, не буду цѣловаться, простите, мама, мама, пожалѣй меня!

Удары наносились очень медленно и съ большой силой, вызывая у дѣвушки отчаянные крики и мольбы о прощеніи. Вы не можете представить, господинъ президентъ, что я переживалъ, слыша свистъ розогъ, дикій крикъ барышни... Промежутки между ударами розогъ казались мнѣ цѣлой вѣчностью... Видѣть истязаніе и чувствовать свое безсиліе помочь, такого положенія не пожелаю своему заклѣтому врагу!

Подъ конецъ, барышня не произносила словъ, а только кричала безсвязно...

Я не стану утомлять васъ, господинъ президентъ, писаніемъ того, что я испыталъ во время этого истязанія несчастной барышни...

Когда ей дали сто розогъ, то ее отвязали и позволили встать и уйти къ себѣ въ комнату.

Я не скажу, что хорошо цѣловаться съ офицерами, но все-таки наказали ее страшно жестоко,

Барышня пошла, сильно пошатываясь и рыдая. На порогъ маркизъ ее остановилъ и спросилъ:

— Ну, Мегъ, общаетесь ли вести хорошо? Вы видите, что бываетъ за непослушаніе! Очень больно! А въ другой разъ я васъ накажу еще вдвое больнѣе!

— Честное слово, папа, я теперь постараюсь вести себя хорошо. Простите! — проговорила дѣвушка. Маркизъ отвѣтилъ: — Ну, ступайте!

Удивительно, какъ, подъ вліяніемъ боли, гордая дѣвушка превращается въ совсѣмъ маленькую дѣвочку, готовую давать какія угодно обѣщанія, унижаться и умолять о прощеніи, лишь бы только ее не сѣкли розгами. Въ этомъ случаѣ всякое чувство человѣческаго достоинства у большинства людей пропадаетъ и остается одно животное чувство страха боли и готовность какою угодно цѣною избавиться отъ нея.

Какъ только дочь ушла, мать обратилась къ мужу и просила его немедленно поѣхать въ Ниццу — по ея порученію. По уходѣ Мужа, маркиза выпустила изъ шкафа князя.

Онъ вышелъ оттуда весь красный, скорѣе даже багровый, съ выпученными глазами...

Какъ будто ничего не произошло особеннаго, маркиза обратилась къ нему съ слѣдующими словами:

— Мой мужъ вамъ говорилъ, что засѣданіе совѣта общества назначено на сегодня въ Ниццѣ. Кстати, акціи у меня здѣсь...

И она протянула ему довольно толстый пакетъ, который князь положилъ около себя, не удостоивъ его даже хотя бы однимъ взглядомъ.

Онъ молча вынулъ чековую книжку изъ кармана, написалъ чекъ и передалъ его маркизѣ.

Это была, очевидно, своего рода наемная плата за шкафъ, которую онъ обязанъ былъ внести немедленно.

Послѣ этого они поболтали нѣсколько минутъ и затѣмъ оба уѣхали вмѣстѣ въ Монте-Карло. Тогда я вылѣзъ изъ-подъ дивана и вернулся къ себѣ на конюшню. Оказалось, что маркизъ, передъ тѣмъ, какъ уѣхать въ Ниццу, спрашивалъ меня, но ему сказали, что я уѣхалъ для переговоровъ о покупкѣ новой сбруи. Я рѣшилъ забыть все видѣнное и уже почти забылъ.

Однако, сопровождая барышню на ежедневную прогулку верхомъ и видя, какъ ея крупъ подпрыгиваетъ въ сѣдлѣ, я невольно рисовалъ въ своемъ воображеніи тотъ же крупъ обнаженнымъ и подпрыгивающимъ подъ ударами розогъ...

Тутъ только я понялъ всю гнусность подобнаго наказанія для взрослой дѣвушки.

— Да, господинъ президентъ, женщина, разъ наказанная розгами, вѣчно будетъ помнить подобное униженіе.

Все шло хорошо вплоть до самого Карнавала. Такъ какъ я пересталъ слѣдить, то не могу сказать, сѣкли ли еще или нѣтъ.

Разъ утромъ, когда я собирался прочесть хорошую нотацію за неопрятность въ конюшнѣ конюшенному мальчику, вдругъ я увидалъ страшную суматоху въ домѣ... Кучеръ, поваръ, судомойка, оба лакея и обѣ горничныя стояли съ поднятыми руками вверхъ и горячо о чемъ-то разсуждали. Подойдя къ нимъ, я узналъ, что румынскій князь внезапно скончался въ кабинетѣ маркиза.

— Это ужасно,— говорила маркиза,— вдругъ онъ вытянулъ руки и упалъ на полъ, не произнеся ни одного слова!

По близости не было доктора и пришлось послать за военнымъ врачомъ альпійскихъ стрѣлковъ, который могъ только констатировать смерть князя.

Вечеромъ, за ужиномъ, я имѣлъ глупость сдѣлать предположеніе, что не задохнулся ли князь въ шкафу, при чемъ разсказалъ прислугѣ все, что зналъ. Тѣ увѣрили меня, что по французскимъ законамъ я буду строго отвѣчать, если не пойду сейчасъ же къ слѣдователю и не разскажу ему всѣхъ подробностей.

Благодаря разсказу, возникло обвиненіе въ убійствѣ князя и истязаніи дочери маркизомъ и маркизой“.

На судѣ молодая дѣвушка проявила полное великодушіе, заявивъ, что ни о какомъ истязаніи не можетъ быть и рѣчи. Если ее, какъ несовершеннолѣтнюю, наказывали розгами, то это прежде всего касается ея одной. А она находитъ, что ее наказывали всегда только за проступки, наказывали, правда, строго, но никогда не сѣкли жестоко. Она любитъ своихъ родителей и у нея даже въ мысляхъ не было желанія жаловаться на нихъ за то, что они ее наказывали розгами.

На основаніи вердикта присяжныхъ засѣдателей, судъ оправдалъ обоихъ обвиняемыхъ. Испанцы продали виллу и уѣхали на родину, какъ сообщаетъ та же газета. Удивительно, что другая

прислуга не знала объ экзекуціях надъ взрослой барышней. Вѣрнѣе, что нѣкоторые знали, но боялись потерять мѣсто, а потому молчали.

Второй случай произошелъ въ средѣ далеко не аристократической. Я пользуюсь дознаніемъ, произведеннымъ по распоряженію морского министра Томсона, и напечатаннымъ въ газетѣ „Journal“.

Въ Гаврѣ есть англійскій баръ, въ которомъ прислугой были три женщины, по имени, начиная съ самой молодой изъ нихъ: Аня изъ Манчестера, Рахиль неизвѣстно откуда и Титина изъ Монпелье.

Всѣ три были довольно свѣженькія, услужливыя, вѣжливыя и вовсе не недоступныя.

Аня была блондинка самая свѣтлая, съ милымъ овальнымъ лицомъ, очень свѣженькимъ; ей было двадцать лѣтъ; она умѣла танцевать канканъ, матчичъ и кекевокъ подъ аккомпаниментъ какого-нибудь бродячаго музыканта.

Рахиль была брюнетка, довольно полная, двадцати пяти лѣтъ: она превосходно говорила на парижскомъ жаргонѣ.

Титина имѣла чудные волосы и, не смотря на фартукъ, по наружному виду очень походила на воспитанную барышню; ей было тридцать лѣтъ; въ семнадцать лѣтъ она попала на содержаніе къ комиссіонеру по продажѣ кофе въ Гаврѣ.

Всѣ три прислуги бара жили между собою очень дружно; хозяйка бара была очаровательная женщина, воспитанная въ строгихъ принципахъ и нравахъ.

Спѣшу оговориться, что описанія наружности и нѣкоторыхъ другихъ подробностей нѣтъ въ официальномъ дознаніи и они были доставлены спеціальнымъ корреспондентомъ вышеупомянутой парижской газеты. Ими я также воспользуюсь.

Англійскій баръ ничѣмъ не отличался отъ цѣлаго ряда другихъ, которыхъ такъ много на улицахъ и переулкахъ, перпендикулярныхъ набережной.

Онъ былъ, впрочемъ, однимъ изъ самыхъ лучшихъ по этой улицѣ... Въ немъ собирались моряки съ коммерческихъ пароходовъ, заходили въ него также молодые люди во время обхода подобныхъ кабачковъ, вродѣ тѣхъ, что совершаютъ иногда въ Парижѣ высокія особы.

Зало было маленькое безъ воздуха. За конторкой, въ дубовой рамѣ, висѣлъ портретъ нашего короля Эдуарда рядомъ съ пестрой рекламой и виски. Еще было два этажа. Комнаты въ нихъ были удивительно бѣдныя.

Въ долгіе часы между завтракомъ и обѣдомъ хозяйка принимала своихъ поклонниковъ, — людей по преимуществу женатыхъ. Впрочемъ, тутъ только флиртовали.

Три прислуги шили, вязали и болтали между собою.

Аня говорила: Я жду Джека; онъ вернется на „Робинзонъ“. Если грузъ будетъ великъ, то онъ останется съ недѣлю... Онъ купитъ мнѣ корсажъ. Я видѣла чудесный въ „Галлерейхъ“.

Послѣполуденное время проходило довольно спокойно до вечера. Заходило нѣсколько стрѣлковъ съ распущенными саблями или молодыхъ людей безъ занятій.

Настоящая суматоха поднималась не раньше восьми часовъ вечера, когда на судахъ кончались работы и толпы пьяныхъ моряковъ всевозможныхъ національностей наводняли прибережныя улицы, распѣвая во всю глотку пѣсни.

Баръ начиналъ наполняться. Тутъ были матросы англичане, матросы американцы и т. д. Все это пѣло, кричало и хохотало, прежде чѣмъ вступить въ драку. Матросы входили, толкали прислуживающихъ дѣвушекъ, позволяли съ ними разныя вольности руками. Въ это время въ барѣ грамфонъ игралъ безъ прерыва, наполняя зало звуками сентиментальныхъ арій.

Ежедневно, по вечерамъ, происходили подобныя сцены.

Иногда тремъ прислугамъ приходилось въ теченіе ночи подниматься въ комнаты верхнихъ этажей разъ по пяти.

Но эти жертвы на алтарь любви, по условіямъ своего ремесла, нисколько не грязнили ихъ сердца, такъ какъ каждая изъ нихъ съ нетерпѣніемъ ждала своего возлюбленнаго.

Обожателя Рахили звали Анри; за какое-то нарушеніе воинской дисциплины его отправили на два года въ африканскій легкій пѣхотный полкъ.

Его прозвали „Весельчакъ“; онъ не скрывалъ, что подобное прозвище доставляло ему большое удовольствіе.

Однажды утромъ Рахиль получила отъ него открытку, въ которой онъ писалъ, что въ концѣ недѣли онъ долженъ вернуться въ Гавръ.

Рахиль пришла въ неописанный восторгъ, который не думала скрывать отъ своихъ товарокъ, чѣмъ возбудила сильную зависть къ себѣ у Ани и Титины.

Въ это время прибылъ въ Гавръ миноносецъ... Матросы были отпущены на берегъ, одинъ изъ нихъ Л. С... отправился въ англійскій баръ и, открывъ дверь, закричалъ: „У васъ тутъ есть какая-то Рахиль?“

— Это я.

Тогда матросъ рассказалъ ей, что онъ видѣлъ ея обожателя, что онъ путается чуть не со всѣми дѣвочками Дюнкирхена и сталъ посмѣшищемъ всего города и т. п.

Рахиль со вниманіемъ слушала рассказъ матроса и волненіе, вызванное имъ, довольно ясно выражалось на ея хорошенькомъ, плутоватомъ личикѣ.

— Ахъ, бродяга, скотина!,... Правы тѣ, кто не вѣрятъ мужчинамъ... Пусть онъ дѣлаетъ, что хочетъ, напрасно онъ воображаетъ, что я буду страдать изъ-за него... А я-то, дура, чинила ему рубашки, въ которыхъ не было живого мѣста!...

Она продолжала громко выражать свое негодованіе, прибавляя разныя угрозы по адресу своего невѣрнаго обожателя... Эти выкрикиванія являлись настоящимъ скандаломъ, такъ что хозяйка попросила ее замолчать.

Она немедленно успокоилась и подошла къ матросу, который вынулъ изъ кармана пакетъ дешевыхъ бельгійскихъ папиросъ. Онъ предложилъ ихъ Рахили, та взяла, Титина тоже протянула руку, а Аня отказалась...

Морякъ пилъ тонкіе ликеры и предложилъ Рахили кюмеля.

Та выпила и стала особенно нѣжной съ нимъ Она закричала хозяйкѣ, заводившей грамофонъ: Номеръ восьмой, хозяйка!

Затѣмъ они поднялись съ морякомъ въ комнату верхняго этажа, она провела съ нимъ всю ночь и была ласкова безъ всякаго скупердяйства.

Матросикъ заходилъ впослѣдствіи нѣсколько разъ и провелъ не одну ночь въ англійскомъ барѣ.

Онъ наслаждался своимъ счастьемъ вполне спокойно, зная, что „Весельчакъ“ задержался въ Дюнкирхенѣ. Разумѣется, тотъ не давалъ никакихъ ему порученій къ Рахили и все, что онъ разсказалъ про него, было имъ выдуманно отъ перваго до послѣдняго слова.

Молодые люди познакомились во время переѣзда вмѣстѣ изъ Африки. Обожатель Рахили былъ немного болтливъ на языкъ и разсказалъ своему новому другу про свою любовь къ ней вполне откровенно, не скрывъ отъ него никакихъ подробностей.

Вотъ тогда-то и явилась у матроса мысль сочинить басню и воспользоваться раздраженіемъ Рахили и желаніемъ ея отомстить...

Однажды ночью, около пяти часовъ утра, когда Рахиль спала съ своимъ новымъ обожателемъ, раздавался громкій стукъ въ дверь бара.

Хозяйка встала съ кровати и незамѣтно посмотрѣла въ окно, кто стучитъ. Тотчасъ же она вскочила, какъ угорѣлая, съ кровати, поднялась наверхъ въ комнату Рахили и разбудила ее:

Рахиль! Это... твой „Весельчакъ“... Открывать ему или нѣтъ?

— Ахъ, Боже мой, какое несчастье! Вставай скорѣй и удирай, я знаю его характеръ, онъ тебя уложитъ на мѣстѣ!

Матросикъ торопливо сталъ одѣваться.

Между тѣмъ въ дверь стали раздаваться удары ногой, сопровождаемые бѣшенными криками:

— А негодница! Ахъ раз...! Я знаю,— ты съ матросомъ! Передай ему, что я ему переломаю всѣ ребра... Но гдѣ же эта скотина? Скажи же ему, чтобы онъ вышелъ ко мнѣ, если онъ не презрѣнный трусъ.

Уже въ сосѣднихъ домахъ стали открываться окна... Высовывались блѣдныя, испуганныя лица.

Хозяйка, хотя у нея душа ушла въ пятки, открыла окно и, принявъ видъ обиженной дамы изъ буржуазіи, закричала:

— Рахили нѣтъ здѣсь, сегодня вечеромъ она ушла... Напрасно вы только шумите!

— Гдѣ же она?

— Она ушла только на сегодня и завтра вернется, ступайте домой и спите спокойно.

„Весельчакъ“ постоялъ нѣсколько секундъ въ раздумьи, потомъ пробурчалъ что-то себѣ подъ носъ и исчезъ въ улицѣ... по направленію къ другому бару, хозяйкой котораго была хорошенькая Тилли.

На другой день, въ два часа дня Анри, по прозванію „Весельчакъ“, одѣтый въ полную парадную форму, торжественно вступилъ въ англійскій баръ.

Хозяйка, окруженная своими тремя помощницами, шила.

Когда Рахиль увидала своего обожателя, то поблѣднѣла, какъ полотно платка, который она подрубляла.

„Весельчакъ“ не сдѣлъ, онъ подошелъ къ молодой женщинѣ и сказалъ ей прямо въ лицо:

— Итакъ, вчера вы мнѣ наставили рога?

И онъ залился веселымъ смѣхомъ.

Тотчас же Рахиль стала плакать, стараясь въ то время обнять своего возлюбленнаго.

— Постой... Ты послушай... Это онъ, матросъ виновать... Это онъ рассказалъ мнѣ про тебя такія пакости... Это не мужчина!“

— Вы,— сказалъ солдатъ, оборачиваясь въ сторону другихъ женщинъ,— не смѣйте вмѣшиваться, если не хотите, чтобы я здѣсь все уничтожилъ...

...Если не желаете скандала, то не мѣшайте мнѣ съ ней расправиться, какъ я хочу... Ну, а ты иди сюда поближе.

Раздалась, какъ показали хозяйка и дѣвушки на дознаніи, звонкая пощечина на щекъ несчастной дѣвушки.

— Ахъ, не бей меня... Аа! аа! Свинья, свинья, хозяйка, дѣвушки, вступитесь за меня... Оо... Не давайте меня бить... Онъ меня убьетъ...

Рахиль отчаянно защищалась руками и ногами... Она даже кусалась...

Но медленно, подобно змѣѣ, охватывающей свою добычу, солдатъ схватилъ дѣвушку за талию и положилъ ее животомъ на край стола, затѣмъ, поднявъ ей платье съ юбками и обнаживъ, сталъ ее хлестать, что есть силы, рукой... Теперь Рахиль перестала уже бороться и только брыкалась подъ ударами, выкрикивая.

Довольно, довольно, прости, ей Богу, не буду, не буду, довольно!.. Ооо! Ей Богу, не буду никогда!.. Прости... Дѣвушки... Хозяйка...

Но „Весельчакъ“, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мольбы дѣвушки, продолжалъ ее хлестать. По показанію однѣхъ дѣвушекъ онъ далъ ей около ста ударовъ. Хозяйка же говоритъ, что не меньше двухсотъ. Самъ же солдатъ заявилъ, что не считалъ удары,— билъ, чтобы хорошенько проучить.

Когда солдатъ, наконецъ, поставилъ Рахиль на ноги, то та стала тереть себѣ руками крупъ, причитывая и рыдая:

— Ой! Оой! Посмотрите, что онъ со мной сдѣлалъ! Развѣ онъ смѣтъ такъ обращаться?! Меня отецъ съ матерью никогда не били!..

„Весельчакъ“ въ это самое время спокойно поправлялъ себѣ рукой волосы, совершенно растрепавшіеся во время борьбы съ Рахилью. Послѣ этого онъ взялъ дѣвушку за плечи и, указывая на лѣстницу въ верхніе этажи, сказалъ:

— Ну, маршъ туда!

Рахиль поспѣшила повиноваться изъ боязни, какъ она показала на дознаніи, новой трепки.

За нею слѣдомъ пошелъ на верхъ и солдатъ.

Когда они оба исчезли, то дѣвушки стали хохотать.

— Совсѣмъ, какъ въ школѣ,— сказала Аня,— когда я была маленькой, меня частенько такъ наказывала учительница, иногда она меня сѣкла розгами“...

— Во всякомъ случаѣ, она долго будетъ помнить эту штуку, какъ у ней крупъ распухъ и посинѣлъ...— сказала Титина.

Хозяйка же прибавила: „Сама виновата, почему бѣгаетъ за мужчинами... Могло быть еще хуже... Хорошо, что онъ ее выпоролъ руками“...

По приказанію военнаго министра Пикара солдатъ былъ подвергнутъ двадцатидневному строгому аресту и переведенъ въ гарнизонъ Тарасконы.

Корреспондентъ парижской газеты „Matin“ интервьюировалъ извѣстную писательницу, пишущую подъ псевдонимомъ „Ж.“, относительно вопроса о флагелляціи, подъ предлогомъ литературнаго интереса; какъ извѣстно, подъ такимъ благовиднымъ предлогомъ можно разспрашивать о чемъ угодно.

Писательница откровенно созналась, что въ монастырѣ, гдѣ она воспитывалась, нерѣдко, какъ ее, такъ и другихъ воспитанницъ, наказывали розгами.

— Вы знаете,— сказала она корреспонденту, „стыдъ“, этотъ знаменитый стыдъ, якобы, по мнѣнію наказывающихъ розгами, болѣе страшный, чѣмъ самая боль, не держится очень долго.

Первый разъ, конечно, было тяжело раздѣваться, но въ минуты, предшествующія наказанію розгами, испытываешь такое страшное волненіе, что, положительно, невозможно анализировать свои чувства и ощущенія.

— Ну, а боль? — спрашиваетъ корреспондентъ.

— Не требуется особенно пылкаго воображенія, чтобы представить, что боль отъ розогъ и особенно отъ орти, которыми меня разъ наказали, очень велика, часто нестерпима и избавиться отъ нея готова цѣною какихъ угодно униженій“...

— Скажите,— опять спрашиваетъ корреспондентъ,— можетъ ли, по вашему мнѣнію, эта боль доставить наказываемой наслажденіе?

Какъ вамъ сказать, мнѣ не доставляла наслажденія, но кто знаетъ,— женщины, а особенно дѣвушки,— натуры довольно сложныя...

Болѣе корреспонденту ничего не удалось вывѣдать отъ писательницы, пожелавшей прекратить бесѣду.

Флагелляція въ Италіи

Вступая на почву этой латинской страны, я думалъ прежде всего вовсе не говорить въ этой главѣ о флагелляціи римлянъ.

Во второмъ томѣ своего труда я посвятилъ ей нѣсколько главъ и увѣренъ, что ей придется отвести еще не мало главъ, до того тѣлесныя наказанія были сильно распространены въ древнемъ Римѣ. Скажу еще разъ, что въ немъ флагелляція процвѣтала какъ въ интересахъ дисциплины, такъ и въ интересахъ сладострастія.

Мессалина, по словамъ историка Тацита, приказывала себя сѣчь въ публичныхъ домахъ и щедро оплачивала экзекуторовъ, сумѣвшихъ ей угодить.

Петроній, этотъ изящный патрицій, поэтъ и прозаикъ, чувственный въ самой высокой степени и нервный, по словамъ того же историка, почти ежедневно подвергалъ наказанію розгами или плетью ту или другую изъ своихъ молодыхъ и хорошенькихъ рабынь. Въ извѣстномъ романѣ Сенкевича „Камо Грядеши?“ есть сцена, гдѣ, по приказанію Петронія, вольноотпущенникъ наказываетъ розгами хорошенькую рабыню Эвнику за то только, что она, изъ-за любви къ Петронію, стала протестовать, когда онъ хотѣлъ ее подарить своему другу, отказавшемуся отъ нея, но все-таки за протестъ — онъ ее велѣлъ высѣчь розгами.

Какъ извѣстно, Эвника не воспылала къ Петронію злобой за такое наказаніе, до того оно было въ нравахъ римлянъ и не считалось униженіемъ; она продолжала попрежнему его любить и добилась того, что стала его наложницей, которую онъ сильно любилъ. Когда Петроній рѣшилъ выпить ядъ, то Эвника заявила, что она умретъ вмѣстѣ съ нимъ и выпила ядъ изъ одной чаши.

Въ Луперкалахъ самые стыдливые римляне не стѣснялись раздѣваться и позволять себя сѣчь розгами священнымъ жрицамъ Елезиса.

На рынкѣ человѣческое тѣло подешевѣло, благодаря тому, что патриціанки стали заниматься проституціей изъ любви къ этому искусству и этимъ понизили плату куртизанкамъ.

Но главнымъ образомъ въ эту эпоху подвергали жестокой флагелляціи христіанскихъ женщинъ, которыя принимали ее съ восторгомъ; какъ вновь обращенныя въ христіанскую вѣру, онѣ горѣли желаніемъ подвергнуться мучительному истязанію, котораго не избѣгъ самъ Христосъ — ихъ учитель.

Ихъ выводили на роскошныя арены колоссальныхъ цирковъ, гдѣ народъ съ разинутымъ ртомъ смотрѣлъ, какъ нѣжное и бѣлое тѣло дѣвочекъ, подъ ударами плетей, превращалось въ кровавый кусокъ мяса.

Классическая страна величественнаго паденія привлекаетъ наше вниманіе и своими другими эпохами, когда поцѣлуи сливались съ послѣдними звуками предсмертной агоніи, когда ночь

любви начиналась въ альковѣ дожа, а оканчивалась на глубинѣ какого-нибудь венеціанскаго канала.

Въ тѣ отдаленныя времена, нерѣдко звуки мандолинъ и болтовня подозрительныхъ масокъ заглушали крики и стоны наказываемыхъ розгами провинившихся женщинъ. Иногда трудно было тогда отличить крики радости отъ криковъ боли.

Флоренція, Равенна, Венеція и другіе большіе города — представители итальянскаго искусства, даже въ наши дни, поютъ, для желающихъ слушать, хвалебную пѣснь всему тому, что сохранилось въ тѣлѣ нашемъ изъ эпическаго сладострастія.

Удивительныя принцессы, королевы по рожденію и королевы по развращенности, простираютъ такъ далеко непониманіе своей порочности, что поручаютъ увѣковѣчивать артистамъ свои изображенія въ далеко нелестныхъ положеніяхъ...

Среди послѣднихъ наше вниманіе невольно останавливается на прекрасномъ и чистомъ образѣ Лукреціи, этой жрицы любви и жестокости... Лукреція Борджіа, одно ея имя вызываетъ въ нашемъ воображеніи видѣнія, сходныя съ обитательницами Дантовскаго ада!

Я намѣренъ удѣлить ей нѣсколько прочувственныхъ страницъ въ своемъ трудѣ, такъ какъ нельзя безъ волненія касаться праха королевскихъ гробовъ...

Если вѣрно, что жизнь это — своего рода арена, на которой люди, какъ собаки, рвутъ кусочки счастья, славы или богатства, которыя выброшены судьбой...

Если вѣрно, что цѣль оправдываетъ средства, что жизнь слабаго не идетъ въ счетъ, разъ сильный стремится къ удовлетворенію своего честолюбія, что для подобнаго чудовища преступленіе, кровосмѣшеніе, предательство, гибель цѣлыхъ армій въ одинъ день, истребленіе женщинъ и дѣтей теряютъ свое значеніе, разъ только его господство растеть, тогда будемъ восхищаться поступками этихъ Борджей, изъ которыхъ одинъ былъ папой и заставлялъ пресмыкаться предъ собой даже государей, а другой настолько свирѣпъ и опасенъ, что Людовика XII отъ одного его имени бросало въ жаръ, какъ бросаетъ въ жаръ и теперь тѣхъ, кто читаетъ повѣствованія о совершенныхъ имъ злодѣяніяхъ.

Читая описаніе жизни Борджей, вы на каждомъ шагу наталкиваетесь на трупъ. Среди чудовищныхъ пытокъ, которыя изобрѣтали эти похотливые и жестокіе умы, тѣлесныя наказанія, съ дисциплинарною цѣлью, занимали одно изъ первыхъ мѣстъ, если только не самое первое...

Вотъ сначала личность Родригеца Борджіа, личность интеллигентная, насмѣшливая, когда нужно добродушная. Онъ намъ напоминаетъ немного какъ бы духовнаго Людовика XI, столько онъ употребилъ настойчивости, часто довольно злостной, чтобы уничтожить власть государей, управлявшихъ мелкими итальянскими государствами.

Когда онъ познакомился съ дѣвицею Ваночца въ 1471 году, онъ былъ уже кардиналомъ, епископомъ Порто. Въ молодости онъ

дрался, грабилъ, искалъ разныхъ опасныхъ приключеній, но потомъ понялъ, что только одна Церковь можетъ дать ему положеше, которое требовало его, отъ природы ненасытное, честолюбіе. Вотъ почему онъ бросаетъ военную карьеру и поступаетъ въ монашескій орденъ, гдѣ и подготовляетъ избраніе въ папы Сикста IV при помощи чисто дьявольскихъ интригъ; одновременно онъ работаетъ въ пользу избранія въ папы и Иннокентія III, сѣя повсюду раздоры и становясь знаменитостью, исключительно благодаря своимъ скандаламъ.

Современная хроника сообщаетъ намъ, что Ваноща, изъ фамиліи Катанеи, была дѣвушка пылкая и страстная, которая вполне могла влюбиться въ этого страннаго завоевателя, отличавшагося холодной жестокостью и дикой страстью къ господству.

Родригесъ Борджіа не скрывалъ своихъ любовныхъ увлеченій съ беззаботностью, свойственной натурамъ сильнымъ, считающимъ для нихъ все дозволеннымъ, душа которыхъ отличается полной безнравственностью, такъ какъ они ставятъ себя выше всякихъ человѣческихъ законовъ.

Однако, Ваноща, конечно, поняла, что она сама станетъ жертвой этого безсовѣстнаго сердца, а потому рѣшила искать въ своей семьѣ защиты отъ преступленій, которыя она предвидѣла, и забыть своихъ ошибокъ, хотя имѣла отъ связи съ Родригесомъ трехъ дѣтей.

Кардиналъ Борджіа преслѣдовалъ ее и успѣлъ, какъ рассказываетъ современный итальянскій историкъ Брюшарди, достигнуть ее въ окрестностяхъ Рима, гдѣ она укрылась у одного изъ своихъ родственниковъ. Родригесъ сжегъ замокъ, захватилъ свою любовницу и привезъ ее въ свой дворецъ, гдѣ ночью собралъ совѣтъ изъ своихъ секретарей, епископа Таррижента и священника кардинала Мурсіи. Но предоставимъ слово самому историку Брюшарди, хроники котораго имѣютъ особенную цѣнность и оригинальность. Я превожу латинскій текстъ, безъ малѣйшаго сокращенія, сохраняя также ту грубость, которую допустилъ авторъ.

„Это былъ довольно странный совѣтъ, собранный будущимъ папой Александромъ VI. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе отвратительное, какъ бѣгающіе глаза кардинала Мурсіи, который никогда не могъ посмотрѣть противнику прямо въ глаза и въ то же время вы чувствовали, что онъ изъ-подъ рѣсницъ пронизываетъ васъ на-сквозь своими глазами. Епископъ Таррижента былъ маленькій, подвижной, болтливый, подъ его медоточивыми рѣчами скрывалась жестокость, отличавшаяся чисто дьявольской изобрѣтательностью.

Таковы были два аколита кардинала Борджіа и они втроемъ засѣдали на особой эстрадѣ. У подножія ихъ сидѣло шесть ихъ приверженцевъ, разодѣтыхъ въ богатая одежды; они-то и должны были судить провинившуюся любовницу, эту несчастную Ванощу, которая совершенно нагая сидѣла на дубовомъ рѣзномъ стулѣ, спрятавъ свое лицо въ своихъ распущенныхъ густыхъ

золотистыхъ волосахъ, дрожа отъ холода и страха. Это было ужасно и величественно.

Родригесъ, патетическимъ голосомъ, но съ невозмутимымъ выраженіемъ на лицѣ изложилъ подробно свою претензію. Онъ повѣдалъ, какъ сильно онъ любилъ Ванощу, что трое дѣтей отъ нея подтверждаютъ это достаточно, и вотъ, въ награду за эту любовь, она не побоялась навлечь на него и его приближенныхъ всевозможныя бѣды. Онъ особенно напиралъ то, что его больше всего возмущаетъ, что эта мать бросаетъ трехъ дѣтей, дочь которой въ послѣдствіи должна была испытать ласки Родригеса и продолжить его славу. Затѣмъ онъ задаетъ вопросъ, какому за это наказанію слѣдуетъ ее подвергнуть?

Его подчиненные приговорили ее къ смерти, думая этимъ пойти навстрѣчу тайному желанію своего начальника. Но на лицѣ Родригеса появилось недовольное выраженіе, тогда поднялся кардиналъ Мурсіи. Въ залѣ наступила полная тишина, нарушаемая только рыданіями несчастной Ванощы.

Кардиналъ Мурсіи прежде всего сослался на то, что Евангеліе запрещаетъ убивать, но въ концѣ своей рѣчи онъ уже не былъ противъ казни, оправдываясь своимъ слишкомъ извѣстнымъ презрѣніемъ къ женщинѣ, но все-таки предложилъ назначить ей унизительное наказаніе, но какое именно, онъ не указалъ. Родригесъ послѣ его рѣчи улыбнулся. Епископъ Таррижента, который считался большимъ казуистомъ, напомнилъ наиболѣе извѣстныя наказанія мирянъ, подвергавшихся тѣлесному наказанію, особенно часто употреблявшемуся въ наши времена упадка нравовъ. Всѣ присоединились къ его мнѣнію, такъ какъ мужчинамъ хотѣлось насладиться зрѣлищемъ истязанія женскаго тѣла.

Но тогда въ осужденной заговорила фамильная гордость Катанеевъ; она встала во всемъ величій своей наготы и многіе теперь еще болѣе порадовались избранному наказанію. Она стала умолять, чтобы ее лучше убили, ползая у ногъ своего любовника, который, вставъ съ величественно поднятой рукой по направленію къ кресту, единственному украшенію зала, повторялъ нѣсколько разъ изреченіе Евангелія о запрещеніи убивать. Нужно было положить конецъ этой тяжелой сценѣ.

Четыре человѣка схватили несчастную дѣвушку. Она отчаянно защищалась, царапала ихъ, кусала, но, наконецъ, утомленная, должна была уступить силѣ. Согнутая могучими руками, она должна была подставить свой античный крупъ по направленію своихъ судей и палачей, у которыхъ, видимо отъ сладострастія, разгорѣлись глаза. Здоровеннѣйшій дѣтина, весь одѣтый въ красный костюмъ, подошелъ къ женщинѣ, держа въ рукахъ плеть въ нѣсколько хвостовъ, на концахъ которыхъ были свинцовыя гирьки.

Съ первымъ же ударомъ раздался дикій, нечеловѣческой крикъ, который, впрочемъ, не произвелъ на присутствующихъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Кожа покрылась рядомъ красныхъ рубцовъ; такихъ ударовъ ей было дано двадцать, когда она не

могла уже держаться на ногахъ и потеряла сознание. Весь ея крупъ и всѣ ляшки были совершенно обнажены отъ кожи и представляли сплошной кусокъ мяса; въ такомъ жалкомъ видѣ ея унесли въ ея комнату“. Брюшарди, котораго я сильно подозреваю въ томъ, что онъ былъ въ числѣ шести аколитовъ, помогавшихъ Родригецу, прибавляетъ лицомърно, такъ какъ въ то время, какъ появились его хроники на латинскомъ языкѣ, Александръ VI уже умеръ и въ Римѣ царствовалъ его преемникъ и заклятый врагъ Юлій II: „Подобныя сцены по приказу слященнослужителей, изъ которыхъ одинъ въ послѣдствіи сталъ даже папой, были бы позорищемъ для нашей святой апостолической церкви, если бы великій человекъ, съ сердцемъ возвышеннымъ, не явился бы примѣромъ своей жизни и своего высокаго характера изгладить гнусное впечатлѣніе отъ десяти лѣтъ сплошнаго разврата и преступленій“.

Не забудемъ, что этотъ развратникъ и преступникъ былъ одаренъ умомъ яснымъ и, какъ догматикъ, былъ непогрѣшимъ. Это именно удивительная особенность этого первосвященника, что онъ свято чтить свое облачение, которое онъ надѣвалъ на себя каждый разъ, когда являлась надобность проповѣдывать слово Божіе. И мы можемъ повторить вполне справедливое изреченіе про него знаменитаго французскаго писателя — Жозефа де Метра, который сказалъ: „Содержаніе буллъ этого чудовища вполне непогрѣσιμο.“

Одѣтый въ золото и бархатъ, на громадномъ конѣ, въ сопровожденіи свиты аргузиновъ, ландскнехтовъ, на вербованныхъ въ Швейцаріи, кавалергардовъ, кирасы которыхъ на солнцѣ горѣли тысячами огней, и трехъ тысячъ пѣхотинцевъ въ желтыхъ и красныхъ мундирахъ, вотъ онъ Цезарь Борджіа, съ своей арміей, вступающій въ добрый городокъ Шинонъ; чтобы встрѣтить торжественно Людовика XII и заключить съ нимъ разбойническій договоръ. Сынъ Александра VI на-столько былъ убѣжденъ въ необходимости невѣроятной роскошью ослѣпить французскаго короля, что его лошадь, а также лошади его свиты были подкованы серебряными и золотыми подковами, при-чемъ такъ, что, проходя по улицамъ города, онъ расковывались и теряли подковы, изъ-за которыхъ народъ вступалъ въ драку, чтобы завладѣть драгоценностями, съ такимъ презрѣніемъ бросаемыми.

Людовикъ XII увѣровалъ въ могущество этого принца, далъ ему полкъ, двадцать тысячъ луидоровъ и руку Шарлотты, дочери Жана Альбера, короля Наварры. И вотъ человекъ, олицетворившій въ своемъ лицѣ наиболѣе удачное воплощеніе дьявола на землѣ, вошелъ въ семью будущаго французскаго короля Генриха IV.

Завоеваніе Романьи есть сплошной рядъ сценъ невѣроятныхъ жестокостей и истязаній, между которыми флагелляція занимаетъ первое мѣсто.

Когда Цезарь вступилъ въ городъ Форли, который защищала Катерина Сфорсъ, онъ захватилъ въ плѣнъ эту принцессу, по словамъ современныхъ хроникеровъ, „красивую, какъ архангелъ

Гаврииль“. На городской площади онъ собственноручно поднялъ ей платье съ юбками и, обнаживъ крупъ, сталъ шлепать по нему рукой въ желѣзной перчаткѣ, на глазахъ всего своего войска, которое замерло въ восторгѣ при видѣ подобнаго зрѣлища.

Въ 1500 г. онъ беретъ городъ Римини, принадлежавшій Пандольфу Малатеста.

Сопротивленіе было продолжительное и упорное, такъ что Цезарю пришлось потерять довольно много своихъ солдатъ. Понятно, что наводненіе города арміей побѣдителей вызвало безпорядки и насилія, неизбѣжные въ такихъ случаяхъ, особенно если это была армія Цезаря Борджіа. Однако, покидая городъ, чтобы отправиться къ Фаенцу, Цезарь, намѣстникъ папы, приглашаетъ своего плѣнника — Малатеста, — съ которымъ, впрочемъ, по виду, онъ находится въ превосходныхъ отношеніяхъ, — на большое празднество, которымъ, по его словамъ, онъ хочетъ изгладить слѣды пролитой крови. Всѣ войска, въ парадной формѣ, проходятъ церемоніальнымъ маршемъ при блескѣ лучей яркаго солнца Италіи, затѣмъ слѣдуютъ идиллическія сцены національныхъ танцевъ; такъ какъ этотъ утонченный развратникъ временами любилъ освѣжать свои чувства созерцаніемъ пляшущихъ добродѣтельныхъ крестьянскихъ парней и дѣвокъ.

Въ заключеніе праздника двѣнадцать совершенно нагихъ женщинъ, съ масками на лицахъ, въ цѣпяхъ, каждая между двухъ солдатъ, были приведены на площадь передъ дворцомъ, откуда, на балконъ, Цезарь Борджіа, имѣя около себя Малатеста, любовался этимъ апофеозомъ.

Со всѣхъ двѣнадцати женщинъ срываютъ маски и Малатеста узнаетъ между ними свою жену, двухъ своихъ дочерей и девять дѣвушекъ — фрейлинъ. Приносятся вороха розогъ и, по приказанію Цезаря, несчастныхъ начинаютъ пороть, пока онъ не представляетъ куски окровавленнаго мяса. Несчастный Малатеста ползаетъ у ногъ Цезаря, умоляя прекратить истязаніе и лучше велѣть убить всѣхъ ихъ, а также и его самого. Цезарь не обращаетъ никакого вниманія, продолжая самодовольно улыбаться, тогда взбѣшенный Малатеста плюетъ ему прямо въ лицо, но Борджіа только презрительно вытираетъ лицо рукой.

Всѣ знаютъ, что Лукреція и Цезарь были въ связи. По этому поводу было написано много и еще больше выдуманно. Однако, дѣйствительность превзошла даже все то, что могло создать человѣческое воображеніе. Если мы начинаемъ копаться въ любовныхъ увлеченіяхъ этихъ двухъ чудовищъ, то на каждомъ шагу наталкиваемся на припадки полового бѣшенства и самого ужаснаго садизма.

Лукреція, обладавшая величественной красотой и невѣроятнымъ половымъ аппетитомъ, смѣло должна быть причислена къ разряду знаменитыхъ античныхъ сладострастныхъ женщинъ, вродѣ Мессалины и ей подобныхъ. Сперва она увлекается двумя своими братьями и вступаетъ съ ними въ связь, впрочемъ, замѣтно

отдавая предпочтеніе Цезарю, котораго пылкость, изящество и высокія политическія цѣли, къ которымъ онъ стремился, очаровывали ее гораздо сильнѣе.

Убійство брата ея — Франсуа — было совершено во время одной изъ тѣхъ итальянскихъ оргій, которыя были особенно тогда въ модѣ при дворахъ владѣтельныхъ особъ. Лукреція совершенно нагая, какъ и другіе участники и участницы пира, должна была страстными ласками усыпить постоянную подозрительность Франсуа. Она собственноручно влила ядъ, приготовленный Цезаремъ, въ бокалъ Франсуа и съ милымъ жестомъ влюбленной женщины протянула его своей жертвѣ. Въ ту минуту, когда Франсуа, выпивъ напитокъ, поблѣднѣлъ и всталъ, чтобы громогласно заявить, что его отравили, Лукреція страстно обняла его и горячими поцѣлуями старалась заглушить предсмертные стоны до тѣхъ поръ, пока въ ея объятіяхъ не былъ уже холодный трупъ несчастнаго.

При дворѣ ея отца интриги, кровосмѣсительство или флагелляція съ сладострастною цѣлью играли главную цѣль.

Сперва Лукреція выходитъ замужъ за Жана Сфорца, сеньора Пизаро, но вскорѣ заставляетъ своего отца уничтожить ея бракъ подъ предлогомъ безсилія мужа. Впрочемъ, она сама наказываетъ мужа за безсиліе, приказывая задушить его въ своей кровати. На другой годъ она вступаетъ въ законный бракъ съ герцогомъ де-Бизагліа, незаконнымъ сыномъ короля неаполитанскаго, Альфонса II.

Герцогъ испугался ожидающей его участи своего предшественника, развѣхался съ Лукреціей и потребовалъ развода, который ему легко дали, но она за такую выходку съ его стороны отомстила ему тѣмъ, что завлекла въ западню, гдѣ, при помощи Цезаря, его закололи шпагой передъ базиликой Св. Петра, въ то время, какъ его отецъ, по обыкновенію, присутствовалъ на ежедневной обѣднѣ. Господствуя вполнѣ въ папскомъ дворцѣ, она устраивала въ немъ ежедневныя оргіи. Современный хроникеръ Мураторъ сообщаетъ объ этомъ любопытномъ фактѣ такъ:

„Когда Александру VI нужно было уѣхать куда-нибудь на продолжительное время, то онъ передавалъ бразды правленія Лукреціи, которая пользовалась своей властью исключительно въ интересахъ удовлетворенія своего ненасытнаго сладострастія. Во время параднаго ужина она заставляла передъ ея гостями танцовать пятьдесятъ хорошенькихъ, совсѣмъ еще юныхъ, обнаженныхъ дѣвушекъ, поощряя довольно цѣнными преміями наиболѣе отличившихся въ сладострастныхъ движеніяхъ. Сама же она въ это время находилась всегда въ объятіяхъ своей возлюбленной, наслаждаясь сафическими удовольствіями. Затѣмъ, въ концѣ ужина, она приказывала подать на блюдѣ на столъ пятнадцатилѣтняго мальчика, принадлежащаго, обыкновенно, къ одной изъ аристократическихъ фамилій Италіи и захваченнаго Цезаремъ въ одно изъ его разбойническихъ нападеній. Тогда два

здоровяка насильовали юношу на глазахъ гостей, чтобы подобнымъ зрѣлищемъ сильнѣе возбудить ихъ половое сладострастіе. Наконецъ, чтобы подобное гнусное преступленіе не могло быть открыто, несчастнаго ребенка растягивали на скамейкѣ и пороли на смерть розгами или плетьюми. Все это, чтобы очаровать своихъ гостей и видомъ такого кроваваго зрѣлища усилить страстность ихъ объятій.

По одному изъ тѣхъ странныхъ стеченій обстоятельствъ, которыя такъ нерѣдки, Лукреціи суждено было, на склонѣ своей жизни, стать покровительницей литературы и искусства при дворѣ герцога Феррары, Альфонса Дестэ, который былъ ея третьимъ и послѣднимъ мужемъ. Но протежэ ея становились въ то же самое время ея любовниками; между ними особенно извѣстенъ, какъ замѣчательный ученый, итальянскій кардиналъ Бембо.

Посмотримъ, какъ окончилъ свое существованіе Цезарь Борджіа, этотъ беззастрѣчный авантюристъ, наводившій, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, ужасъ и трепетъ на всю Италію, начиная отъ Рима и до Венеціи.

Когда въ 1502 году умеръ Александръ VI, выпивъ, по ошибкѣ, ядъ, приготовленный имъ для своихъ враговъ, звѣзда Борджей совсѣмъ поблекла. Всѣ тѣ, которыя были жертвами ихъ жестокости и порочности, соединились вмѣстѣ, чтобы изгнать этотъ послѣдній отпрыскъ ненавистнаго рода. Цезарь, теперь уже не блѣстящій вельможа, передъ которымъ всѣ трепетали, а отлученный отъ церкви новымъ папой, — бѣглець, скрывающійся отъ висящаго надъ его головой приговора. Теперь онъ скрывается при дворѣ вице-короля неаполитанскаго, послѣ того, какъ принужденъ былъ уступить все свое состояніе въ пользу церкви, чтобы такой цѣной спасти себѣ жизнь. Столь же трусливый, какъ и жестокій, онъ вымаливаетъ себѣ пріютъ у своего бо-фрера — короля Наварры. Послѣдній, боявшійся его и, болѣе чѣмъ кто-либо, желавшій исчезновенія, посылаетъ его сражаться съ кастильляцами. Тутъ, во время осады Пармы, шальная пуля смертельно его ранитъ. Во время предсмертной агоніи онъ произноситъ ругательства и проклятія, внушая ужасъ и отвращеніе окружающимъ его даже въ послѣднія минуты своей жизни.

Съ паденіемъ Борджей итальянская исторія, пріучившая Европу къ великолѣпію во времена своего упадка, становится, вдругъ, скромной и уже не въ силахъ поддерживать свою прежнюю славную репутацію, созданную кондотьерами, принцессами и блудницами.

Чтобы натолкнуться на эпизоды болѣе или менѣе извѣстной флагелляціи, приходится ждать войны за независимость Италиі и времени господства австрійцевъ на полуостровѣ.

Австрійское иго давило тяжелой пятой итальянскій народъ. Водъ почему солдаты Наполеона I повсюду въ Италиі встрѣчались съ восторогомъ; иностранцы полагали, что въ складкахъ французскихъ знаменъ живы традиціи 1789 года.

Во время австрійскаго господства множество женщинъ, часто молодыхъ и хорошенькихъ, было подвергнуто тѣлесному наказанію, иногда даже публичному.

Одинъ австрійскій генераль даже былъ извѣстенъ за особеннаго любителя съченія женщинъ. Это довольно недурная слава! Къ сожалѣнію она страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что нельзя имена выпоротыхъ женщинъ и дѣвушекъ внести въ послужной списокъ подобнаго „героя“.

Среди наиболѣе извѣстныхъ случаевъ я приведу фактъ наказанія розгами Терезы Біанки. Я изложу его сокращенно, пользуясь газетой „Indépendance Belge“, гдѣ этотъ случай былъ описанъ подробно собственнымъ корреспондентомъ, находившимся при отрядѣ генерала Вюрмстера и присутствовавшимъ при экзекуціи Біанки.

„Бѣлые мундиры“ занимали Раввену и почти все побережье Адриатическаго моря. Они проникли даже вплоть до самой Флоренціи, гдѣ была штабъ-квартира начальника отряда — генерала Вюрмстера.

Въ долину Арно, около одного стариннаго моста, стояла дивная вилла или вѣрнѣе дворецъ изъ розоваго и зеленаго мрамора. Въ немъ жила красавица Тереза Біанка, уроженка Венеціи.

Не будучи куртизанкой въ полномъ смыслѣ этого слова, она имѣла нѣсколько богатыхъ любовниковъ, а въ ея салонахъ собирались всѣ сливки тогдашняго лучшаго общества, какъ мѣстнаго такъ и космополитическаго.

Это было въ 1840 г., когда повсюду въ Европѣ царствовалъ литературный романтизмъ.

У красавицы Біанки собравшіеся гости вмѣстѣ съ хозяйкой комментировали Данте, а когда сумерки спускались на воды Арно, то взоры многихъ искали появленія тѣни Беатриче или самого творца „Божественной Комедіи“. Но ни разу имъ не удавалось увидать дивныя черты лица вдохновительницы Данте, но за то Тереза и ея поклонники видѣли довольно ясно и, безъ всякаго риска быть обвиненными въ галлюцинаціи бѣлые мундиры австрійскихъ офицеровъ, прогуливавшихся около дворца, бросая страстные взоры на хорошенькую собственницу его.

Это сильно скандализировало и злило Біанку. Она сжимала кулаки и, посылая своими прекрасными черными глазами презрительные взгляды, ругала офицеровъ на своемъ родномъ языкѣ, какъ извѣстно, очень богатомъ какъ ласкательными такъ и бранными словами.

Объ этомъ дошло до свѣдѣнія генерала Вюрмстера и не на шутку его взволновало. Какъ же это такъ, — все-таки офицеры, а ихъ какая-то итальянка ругаетъ, да еще какими словами...

Вюрмстеръ былъ порядочный плутъ. Онъ велѣлъ собрать къ себѣ всѣхъ офицеровъ. Передъ собравшимися въ полной парадной формѣ офицерами онъ, по словамъ корреспондента бельгійской газеты, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Господа офицеры! Я васъ собралъ сюда, чтобы поговорить съ вами объ одномъ маленькомъ дѣлѣ, которое, не скрою, меня сильно волнуетъ.

Я подозрѣваю, что въ розовомъ дворцѣ на берегу Арно собираются заговорщики подъ предлогомъ развлеченія музыкой и чтеніемъ стиховъ... Всѣ эти собранія довольно подозрительны... И я давно долженъ былъ бы принять строгія мѣры, если бы не издавняя моя галантность, заставляющая меня сохранять известную осторожность въ отношеніи очаровательной молодой хозяйки дома, у которой происходятъ эти собранія...“

Офицеры почтительно наклонили головы, какъ бы одобряя дѣйствія своего принципала.

„Во всякомъ случаѣ“, продолжалъ старый Вюрмстеръ, „я нахожусь въ довольно затруднительномъ положеніи,— долженъ ли я арестовать синьору и велѣть ее разстрѣлять или же оставить все въ покоѣ... Нѣтъ, послѣднее невозможно...“

Тогда, что вы мнѣ посоветуете дѣлать?“

„Ваше Превосходительство!“ Отвѣчалъ старшій изъ командировъ полка, полковникъ Стецкій, „позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ поступить такъ: по моему мнѣнію, синьора въ заговорѣ не причемъ,— она настоящій ребенокъ, безответственный въ своихъ поступкахъ, и было бы съ нашей стороны величайшей ошибкой, если бы мы разстрѣляли такую хорошенькую куколку... Въ настоящемъ положеніи, по моему, самое важное это — захватить синьору и потребовать отъ нея, чтобы она выдала имена соучастниковъ, которыхъ мы арестуемъ и затѣмъ рѣшимъ участь каждого изъ нихъ!“

„— Согласенъ съ вами“, отвѣчалъ генералъ Вюрмстеръ, „но возможно, что она откажется назвать имена соучастниковъ!“

„— Ба“, возразилъ добродушно полковникъ, „вы, Ваше Превосходительство, умѣете развязывать языкъ женщинамъ, когда это нужно!“

Вюрмстеръ послѣ этихъ словъ разразился громкимъ смѣхомъ, причемъ сталъ хлопать себя по бедрамъ руками, что у почтеннаго генерала служило признакомъ высшаго восторга.

Когда радость генерала немного утихла, онъ распустилъ офицеровъ, предложивъ имъ собраться вечеромъ въ парадномъ залѣ, украшенномъ австрійскими гербами и знаменами.

Тереза Біанка была въ своемъ уютномъ будуарѣ, когда ей горничная пришла доложить, что одинъ австрійскій офицеръ желаетъ ее видѣть.

— Скажите этому господину, что для него меня нѣтъ дома!

— Но, барыня, съ нимъ пришло челоуѣкъ двадцать солдатъ, которые ждутъ его у подъѣзда.

— Въ чемъ дѣло, что имъ отъ меня нужно? Скажите, что я иду!

Въ роскошномъ кружевномъ капотѣ, граціозная и воздушная, какъ пташка, она спустилась по парадной лѣстницѣ къ австрійскому лейтенанту, ожидавшему ее у подъѣзда.

Тотъ почтительно ей поклонился и передалъ ей запечатанный конвертъ зъ казенной печатью.

Тереза тропливо его вскрыла и вынула записку слѣдующаго содержанія „По приказанію начальника гарнизона Флоренціи вы арестуетесь и должны немедленно слѣдовать за офицеромъ, который вручить вамъ настоящую записку. Онъ вамъ ничего дурного не сдѣлаетъ. Начальникъ штаба, Полковникъ...“

Прочитавъ записку, Тереза пришла въ бѣшенство, начала громко протестовать, угрожать, что она возмутитъ весь городъ противъ австрійцевъ, и, въ концѣ концовъ, со слезами на глазахъ, все-таки принуждена была набросить на себя розовое манто и слѣдовать за офицеромъ.

Мысленно, она рѣшила, что это какой-нибудь пустякъ, просто капризъ начальника отряда, вздумавшаго ее разозлить.

Подъ конвоемъ отряда солдатъ она перешла площадь, возбуждая удивленіе у всѣхъ прохожихъ, удивлявшихся аресту такой молодой и видимо богатой женщины.

По прибытіи во дворецъ, гдѣ жилъ Вюрмстеръ, ее тотчасъ же ввели въ парадное зало, гдѣ были собраны всѣ офицеры. Посрединѣ громаднаго зала стоялъ большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ; за столомъ въ срединѣ сидѣлъ Вюрмстеръ, а по сторонамъ его командиры полковъ. Остальные офицера стояли въ одну шеренгу по сторонамъ зала.

Впереди стола стояла узкая, длинная дубовая скамья.

— Садитесь, сударыня,— сказалъ Вюрмстеръ Терезѣ, когда ее ввелъ въ зало лейтенантъ, указывая на скамью и одновременно надѣвая монокль.

Тереза послушно сѣла и вокругъ нея стало четыре солдата съ обнаженными шашками.

Допросъ производился, какъ обыкновенно производятся подобные допросы, почему я его опускаю.

Молодая женщина въ сильномъ волненіи горячо протестовала.

— Да нѣтъ... нѣтъ. Это невозможно... Клянусь, что все это ложь!

— Послушайте,— обратился къ ней по отечески, наклонившись весь впередъ,— будьте съ нами откровенны, назовите имена вашихъ соучастниковъ и я сію же секунду велю васъ освободить!

— Но вѣдь это подло... У меня нѣтъ соучастниковъ, я никогда не составляла никакихъ заговоровъ, даю вамъ честное слово, клянусь всѣмъ...

— Ну, тогда, я велю васъ съчъ розгами, пока вы не будете съ нами вполнѣ откровенны.

— Оо! Пощадите!... Вѣдь это ужасно! За что же?!

Затѣмъ съ ней сдѣлался истерическій припадокъ. Вюрмстеръ велѣлъ позвать доктора и принести два пучка розогъ. При чемъ онъ велѣлъ лейтенанту, которому отдавалъ приказаніе, посмотреть, чтобы розги были хорошія, свѣжія...

Докторъ пришелъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулъ къ дѣйствительности несчастную женщину, давъ ей что-то понюхать.

Въ это время вернулся офицеръ съ двумя пучками розогъ въ рукахъ.

Увидавъ розги, Біанки опять зарыдала... Но Вюрмстеръ громко сказалъ окружающимъ ее солдатамъ, чтобы они разложили ее на скамейкѣ и начали съчь.

Не успѣла она сказать нѣсколько словъ, какъ уже была растянута на скамейкѣ съ поднятымъ капотомъ, обнаженная... По приказанію офицера одинъ солдатъ взялъ пучекъ розогъ и началъ съчь, какъ только офицеръ скомандовалъ: „Начинай!“

„Стыдно было“, говоритъ корреспондентъ брюссельской газеты, „стыдно невѣроятно смотрѣть на полуобнаженную красавицу, молодую женщину, лежащую на скамьѣ, на глазахъ двухъ десятковъ офицеровъ“...

Солдатъ свистнулъ розгой по воздуху... Свистъ, и раздался отчаянный, нечеловѣческій крикъ Біанки, на тѣлѣ ея легло нѣсколько красныхъ полосъ...

Я не считалъ удары, но черезъ нѣсколько секундъ, показавшихся мнѣ вѣчностью, когда на тѣлѣ была уже во многихъ мѣстахъ кровь, а крики перешли въ какой-то сплошной вой, Біанка успѣла, между двумя ударами розогъ, закричать:

— Сознаюсь... оо..ой.. остановитесь Бога ради... все скажу...

Вюрмстеръ, конечно, въ душѣ хохотавшій, велѣлъ солдату перестать съчь.

Біанки встала, при помощи офицера и солдатъ со скамейки, поправила свой туалетъ, вся красная отъ стыда и перенесенной боли, не смѣя никому взглянуть въ глаза. Затѣмъ она начала сознаваться, въ чемъ? Во всемъ, что ей взбрело въ голову, стала называть первыя попавшіяся ей на языкъ имена своихъ знакомыхъ, готовая на какую угодно низость изъ страха, что ее снова будутъ съчь...

Несмотря на все свое волненіе, она не упустила воспользоваться случаемъ, чтобы свести счеты съ своими личными врагами, включивъ въ списокъ якобы заговорщиковъ одного поэта, большого забулдыгу, который иногда мѣсяцами жилъ у нея на всемъ готовомъ, и, въ благодарность, сталъ потомъ всюду звонить по городу, что у нея отвратительный столъ и что она никогда не мѣняетъ бѣлья. Въ этомъ сказалась чисто женская черточка.

Поэтъ былъ арестованъ и высланъ изъ Флоренціи.

Впослѣдствіи, по совѣту своихъ друзей, она подала жалобу на Вюрмстера императору австрійскому, который уволилъ Вюрмстера въ отставку, а командирамъ полковъ, засѣдавшимъ вмѣстѣ съ Вюрмстеромъ, объявилъ строгій выговоръ.

Біанкѣ же императоръ пожаловалъ прелестный брильянтовый фермуаръ, стоимостью въ три тысячи гульденовъ (около 2.400 руб.).

Свое изслѣдованіе о флагелляціи въ Италіи я закончу сообщеніемъ о наказаніи палками публично двухъ миланскихъ пѣвицъ — Л. С... и Ф. Р...

Какъ всегда, причиною послужило участіе обѣихъ пѣвицъ въ заговоръ, стремившемся избавить Италію отъ деспотическаго режима Австріи.

Обѣ бѣдняжки, самое большее виновныя въ произнесеніи неосторожныхъ словъ противъ австрійцевъ, были преданы военному суду, который приговорилъ ихъ наказать палками, прогнавъ черезъ строй солдатъ.

Весь гарнизонъ былъ построенъ въ каре. Забили барабаны. Передъ собраннымъ въ полномъ составѣ штабомъ приводятъ двухъ молодыхъ пѣвицъ, шатающихся отъ стыда и страха.

Передъ выстроенной ротой солдатъ, съ гибкими палками въ рукахъ, обнажаютъ имъ спины. Ради ироническаго цѣломудрія имъ позволяютъ сохранить юбки, которыя онѣ должны сами поддерживать. Отъ ударовъ палками руки не могутъ, конечно, поддерживать юбки и крупъ обнажается. Палочные удары сыпятся на него.

По окончаніи экзекуціи обѣ несчастныя дѣвушки падаютъ безъ чувствъ...

Вотъ все, что мнѣ удалось собрать пока по исторіи розги въ Италіи.

Въ наше время флагелляція съ дисциплинарною цѣлью почти не практикуется вовсе въ Италіи. Въ итальянскихъ школахъ не сѣкутъ учениковъ.

Италія, быть можетъ, вмѣстѣ съ Испаніей представляютъ двѣ страны, гдѣ флагелляція практикуется меньше, чѣмъ гдѣ-либо, по крайней мѣрѣ въ свѣтскомъ обществѣ.

Въ монастыряхъ совсѣмъ другое дѣло!

Еще на-дняхъ одна большая миланская газета „Secolo“ сообщила о томъ, что въ одномъ изъ монастырей воспитывающіяся тамъ дѣвушки, даже вполне взрослые, наказываются розгами по обнаженному тѣлу монахинями за болѣе или менѣе важныя провинности.

Счастливые народы не имѣютъ исторіи и это счастье для великой латинской страны, что по исторіи флагелляціи въ ней мнѣ удалось собрать фактовъ всего на нѣсколько страницъ.

ГЛАВА IX

Историческія свѣдѣнія о флагелляціи

Наказаніе розгами или плетью изъ мести случается довольно часто. Выше я привелъ нѣсколько подобныхъ случаевъ, вродѣ наказанія Ліанкуръ, Розень и т. д. Въ томъ III „Скандальной хроники“ я нашелъ случай съ дворяниномъ де-Буфье и нѣкоторые другіе.

Дворянинъ Буфье написалъ очень ядовитые стихи на счетъ одной въ то время довольно извѣстной маркизы. Стихи произвели фуроръ и долгое время служили развлеченіемъ въ великосвѣтскихъ салонахъ. Не смотря на это, маркиза сдѣлала видъ, что нисколько не обижена на автора пасквиля, и даже пригласила его къ себѣ поужинать съ ней вдвоемъ, чтобы, какъ она выразилась, „скрѣпить заключенный миръ“.

Дворянинъ принялъ приглашеніе и отправился въ назначенный день къ маркизѣ ужинать. Онъ только, по свойственной ему осторожности, захватилъ съ собой пару пистолетовъ.

Едва онъ вошелъ въ гостиную и собирался поцѣловать ручку маркизы, какъ неожиданно появилось три негра, лакеи маркизы, которые схватили его и обнажили ему спину и крупъ... По приказанію маркизы его подняли и въ то время, какъ одинъ негръ держалъ за ноги, а другой за плечи, третій началъ пороть по обнаженному тѣлу розгами. Передъ тѣмъ, какъ начать его сѣчь, маркиза прочла ему его стихотвореніе на нее и затѣмъ велѣла дать ему сто розогъ. Когда ему дали сто розогъ, то онъ былъ весь въ крови, такъ жестоко его высѣкли... Вставъ на ноги и поправивъ костюмъ, онъ вынулъ пистолеты и наведя ихъ на маркизу и негровъ, приказалъ имъ слушаться его, если они не желаютъ быть убитыми. Затѣмъ, по приказанію его, негры растянули свою хозяйку на кушеткѣ и, обнаживъ, какъ только что его, дали ей сто розогъ, несмотря на ея крики и угрозы. Послѣ этого Буфье велѣлъ позвать горничную и передалъ на ея попеченіе высѣченную барыню.

Послѣ этого каждый изъ негровъ долженъ былъ дать другому по сто розогъ.

Только послѣ этого Буфье удалился изъ дома маркизы.

Въ 1740 году французскому парламенту пришлось разбирать одно дѣло, гдѣ жалобщица была тоже подвергнута тѣлесному наказанію изъ мести.

Я пользуюсь сборникомъ знаменитыхъ процессовъ издашія Питаваля, въ которомъ дѣло изложено такъ:

„Въ это время, т. е. въ понедѣльникъ и вторникъ недѣли Св. Троицы, вся деревня, лежащая въ окрестностяхъ Сомюра, была на ногахъ. Въ ней устраивался, подъ покровительствомъ мѣстнаго помѣщика, большой праздникъ. Все было предусмотрено, чтобы доставить пріятное развлеченіе гостямъ.

Въ годъ Божіею милостью 1740, прещедрый помѣщикъ пригласилъ на это празднество всѣхъ своихъ сосѣдей, а также дочерей господина Р. В..., которыхъ просилъ придти на праздникъ вмѣстѣ съ ихъ подругой-барышней Катериной Ф..., славившейся своей красотой и веселостью.

Вѣчное соперничество между женщинами вмѣстѣ съ кокетствомъ были причиной, что молодая дѣвушка, закадычныя друзья въ началѣ праздника, подъ конецъ его, когда вернулись домой, стали заклятыми врагами. Дѣло въ томъ, что обѣ дочери Р. В. вообразили, что ихъ затмила подруга ихъ Катерина Ф..., которая

будто бы привлекала на себя почти всѣ взоры кавалеровъ. Онѣ вернулись съ праздника съ твердымъ намѣреніемъ отмстить ей за это.

Одна изъ сестеръ написала Катеринѣ Ф... записку, въ которой просила ее принять участіе въ прогулкѣ въ сосѣднемъ лѣсу, по имени Шабоаньеръ, въ назначенный ею день. Катерина, хотя прогулка не представляла особеннаго интереса, отправилась въ назначенный день, не желая обидѣть своихъ подругъ неприходомъ на прогулку.

Въ назначенный день дѣти вооружились толстыми, длинными березовыми прутьями и конюшенными ножницами, которыя ихъ мать посовѣтовала взять, чтобы осуществить задуманное ими мщеніе. Дѣти отправляются въ лѣсъ заблаговременно и всячески стараются удалить изъ лѣсу постороннихъ лицъ, которыя могли бы помѣнать имъ осуществить ихъ предпріятіе; съ немалымъ трудомъ имъ это удается и они остаются одни въ лѣсу, гдѣ и ожидаютъ свою жертву.

Ничего не подозрѣвая, Катерина отправляется по дорогѣ въ лѣсъ. Младшій братъ выходитъ ей на встрѣчу; онѣ съ ней очень мило здороваются и говорятъ, что его братъ и обѣ сестры ждутъ ее въ лѣсу съ нетерпѣніемъ. Не успѣла она придти на мѣсто свиданія, какъ оба брата набросились на нее, а сестры, забывъ всякій стыдъ и приличіе, раздѣли ее и, въ то время, какъ трое держали ее, четвертая порола ее розгами, пока не устала. Послѣ этого она переходила держать, а пороть начинала слѣдующая сестра. Потомъ ее сѣкли оба брата, также смѣняясь, какъ и сестры. Когда они всѣ ее, по очереди, пересѣкли, то она была вся въ крови и съ трудомъ могла встать и одѣться. Но подобнаго истязанія имъ было мало. Какъ только она пришла въ себя, они опять набросились на нее и отрѣзали ей волосы почти до самыхъ корней.

Я не стану перечислять всѣхъ дальнѣйшихъ гнусностей, которыя они продѣлали надъ несчастной беззащитной дѣвушкой. Трудно представить, до чего можетъ дойти распущенная и плохо воспитанная молодежь подѣ влияніемъ чувства мести!

Катерина Ф... послѣ нѣкотораго колебанія, подала жалобу на своихъ мучителей. Возникъ процессъ, во время котораго родители обвиняемыхъ подали, въ свою очередь, жалобу на Катерину Ф... обвиняя ее въ совращеніи ихъ сыновей. Благодаря этому, процессъ былъ пріостановленъ и назначено слѣдствіе, которое не подтвердило основательности взведеннаго на Катерину обвиненія и судъ оставилъ жалобу родителей безъ послѣдствій. Затѣмъ, за продѣлку ихъ дѣтей они были присуждены къ уплатѣ Катеринѣ двухъ тысячъ франковъ убытковъ и судебныхъ издержекъ.

Случай тѣлеснаго наказанія, болѣе современный, произошелъ въ Америкѣ, всего какихъ-нибудь десять лѣтъ тому назадъ — въ 1899 г.

Двѣнадцать молодыхъ вдовъ, хотя и не мильярдерниъ, но очень все-таки богатыхъ, составили въ Чикаго клубъ подѣ президентствомъ г-жи Гартингтонъ. Всѣ эти богатыя барыни собирались въ

нанятомъ ими роскошномъ особнякѣ съ громаднымъ паркомъ почти каждый вечеръ. На эти собранія доступъ мужчинамъ былъ строго запрещенъ. Понятно, что по поводу этихъ таинственныхъ собраній въ городѣ ходила масса самыхъ невѣроятныхъ слуховъ. Многіе уличные листки занимались ими, но ничего точнаго не могли открыть.

Въ одинъ прекрасный день газеты узнали, что вдовы купили небольшую, роскошную яхту... Много рабочихъ трудилось надъ омеблировкой и украшеніемъ яхты. Были устроены роскошныя каюты-спальни, со всѣмъ послѣднимъ комфортомъ, прекрасная библіотека, гостиная и т. д. Все это не представляло само по себѣ ничего необычайнаго, но что было удивительно, что барыни не думали приглашать капитана, для управленія этой дивной яхтой въ ея илаваніи по озеру Эри, которое должно было продолжаться не менѣе трехъ мѣсяцевъ, и ни одного матроса. Наконецъ, работы были закончены и яхта въ изобиліи снабжена всевозможной провизіей. Всѣми работами руководила лично президентша клуба. Легкіе уличные листки, какъ ни старались, не могли проникнуть въ тайну...

Вдругъ, въ одной изъ большихъ газетъ появилось объявленіе, что нужна женская прислуга для исполненія разныхъ работъ на яхтѣ.

Между сотрудниками этого журнала былъ очень молодой человѣкъ, который особенно старался проникнуть въ тайны этого клуба... Къ величайшей его досадѣ, онъ до сихъ поръ не могъ ровно ничего разузнать.

Прочитавъ объявленіе, онъ рѣшилъ, что нашлось средство отмстить вдовамъ за потерянное имъ время. Онъ познакомилъ съ своимъ проектомъ редактора газеты, который вполне одобрилъ его планъ, заранѣе смакуя какой сенсационный успѣхъ вызовутъ статьи газеты по поводу этого таинственнаго клуба, тайны котораго, наконецъ, будутъ разоблачены.

Было рѣшено что молодой сотрудникъ явится къ госпожѣ Гартингтонъ съ предложеніемъ услугъ въ качествѣ женской прислуги. Онъ былъ совсѣмъ безусый, маленькаго роста и въ женскомъ платьѣ могъ свободно сойти за женщину.

Снабженный поддѣльнымъ аттестатомъ, онъ явился къ госпожѣ Гартингтонъ и былъ ею нанятъ женской прислугой; причемъ она потребовала, чтобы прислуга тотчасъ же отправилась на яхту, отплытіе которой было назначено на слѣдующій день. Президентша не желала, чтобы будущая ихъ прислуга имѣла сношеніе съ посторонними лицами передъ отплытіемъ яхты.

Яхта отплыла подъ командой Гартингтонъ. Эта смѣлая женщина одна взяла на себя роль капитана... Легкая яхта не успѣла выйти въ открытое озеро, какъ къ ея борту подошла лодка съ письмомъ на имя госпожи Гартингтонъ. Одна изъ дамъ путешественницъ приняла письмо и яхта продолжала путь полнымъ ходомъ.

Письмо сообщало президентшѣ клуба, что на яхтѣ находится мужчина и розоблачало плутовскую продѣлку молодого сотрудника.

Гартингтонъ немедленно собрала всѣхъ остальныхъ дамъ и сообщила имъ содержащіе письма. Единогласно было рѣшено наказать сотрудника розгами и потомъ высадить его на первомъ попавшемся пустынномъ островкѣ.

Не смотря на отчаянное сопротивленіе, сотрудникъ былъ привязанъ на столѣ и затѣмъ обнаженъ. Ему, согласно общаго постановленія, было дано каждой дамой по пятнадцати розогъ что составило сто восемьдесятъ ударовъ, данныхъ во всю силу взбѣшенными женщинами. Какъ онъ ни кричалъ, ни умолялъ о прошеніи, ему дали все назначенное число розогъ. Въ то же самое время яхта пристала къ какому-то пустынному островку, на который высадили бѣднягу, изсѣченнаго до крови, одѣтаго въ женскую рубашку и голоднаго. Его вскорѣ, къ счастью, замѣтили рыбаки, которые взяли его и доставили въ такомъ плачевномъ видѣ въ городъ. Такимъ образомъ, не только не появилось сенсационныхъ статей въ газетѣ, но она принуждена была промолчать о приключеніи, чтобы не вызвать насмѣшекъ со стороны своихъ завистливыхъ собратьевъ.

Позднѣе полиція заинтересовалась этимъ дѣломъ и открыла, что клубъ госпожи Гартингтонъ былъ просто собраніемъ флагеллянтшъ-лесбіекъ.

Только тогда оскорбленный сотрудникъ рѣшилъ привлечь госпожу Гартингтонъ къ суду и вся исторія попала на столбцы газетъ, откуда я и взялъ ее.

Въ такомъ же нѣсколько родѣ былъ случай въ отдаленныя отъ насъ времена. Одинъ хирургъ нарушилъ профессиональную тайну, позволивъ себе подшучивать надъ тѣмъ, что онъ видѣлъ у одной дамы, обратившейся къ его услугамъ. Дама эта была королева Наварры, которая во время войнъ съ Лигой, прибыла подъ Амьенъ и хотѣла завладѣть этой крѣпостью, но оппозиціи удалось поднять возстаніе противъ нея и заставить ее бѣжать въ сопровожденіи всего сорока дворянъ и приблизительно столькихъ же солдатъ. Бѣгство было настолько поспѣшно, что королева вынуждена была удирать на неосѣдланной лошади. Проѣхала она въ такомъ положеніи громадное разстояніе, подвергаясь каждую минуту опасности попасть въ плѣнъ. Достигнувъ, наконецъ, безопаснаго мѣста, она перемѣнила сорочку, взявъ ее у своей горничной, и продолжала путь до ближайшаго городка Юссонъ въ Овернѣ. Здѣсь она пришла немного въ себя отъ перенесенныхъ волненій, но отъ сильной усталости заболѣла лихорадкой, продержавшей ее нѣсколько дней въ постели. Кромѣ того, вслѣдствіе путешествія безъ сѣдла она ужасно натерла себѣ крупъ, почему ей пришлось обратиться къ хирургу. Докторъ въ нѣсколько дней вылѣчилъ его, но не могъ удержаться, чтобы не подшутить, въ кругу друзей, надъ интимными прелестями королевы. Какимъ-то образомъ королева объ этомъ узнала и пришла въ сильный

гнѣвъ... Она велѣла послать опять за этимъ докторомъ, а когда онъ явился, то принести скамейку и розогъ. Несмотря на мольбы о прощеніи, бѣднаго хирурга гайдуки растянули на скамейкѣ и, въ присутствіи почти всѣхъ фрейлинъ, дали, по приказанію королевы, шестьсотъ розогъ, такъ что послѣ наказанія его пришлось на простынѣ снести въ дворцовый лазаретъ.

Слѣдующее приключеніе еще очень недавно наполняло столбцы ниццскихъ газетъ. Въ судѣ съ присяжными засѣдателями слушалось дѣло объ изнасилованіи заснувшей женщины, въ то время, какъ ея мужъ находился на работѣ. Чтобы сохранить мѣстный колоритъ, я воспользуюсь отчасти докладомъ доктора.

Мужъ потерпѣвшей, Филиппъ Понсо, занимаетъ мѣсто ночного сторожа на желѣзной дорогѣ, а его жена, тридцати лѣтъ, прачка-поденщица.

„Я лѣчилъ“, говоритъ въ своемъ рапортѣ докторъ, Понсо отъ трудности мочеиспусканія, впрочемъ, довольно пустой; болѣзнь явилась вслѣдствіе простуды. Въ это время онъ жаловался, что, вдругъ, сталъ почти безсильнымъ. Я вылѣчилъ его отъ первой болѣзни и остальнымъ не занимался. Прошло около года, какъ Понсо опять приходитъ ко мнѣ, замѣтно разстроенный, и проситъ меня выдать ему удостовѣреніе, что я лѣчилъ его отъ извѣстной болѣзни и что онъ страдаетъ безсиліемъ. Я ему выдалъ первое удостовѣреніе, но умолчалъ о безсиліи, объяснивъ ему, что я не могу удостовѣрять факта, который только его жена можетъ удостовѣрить. Видимо, это ему было очень непріятно и онъ мнѣ объяснилъ причину въ слѣдующихъ словахъ.

Нужно вамъ замѣтить, что моя служба сторожить ночью и я возвращаюсь домой около пяти часовъ утра, безъ этого для васъ будетъ непонятно все то, что я вамъ расскажу дальше. Я имѣю полное довѣріе къ моей женѣ, которая работающая женщина и не думаетъ о разныхъ „глупостяхъ“. Подозрѣвать ее мнѣ чрезвычайно тяжело, но вотъ она теперь беременна... Ну, я отлично знаю, что неспособенъ сдѣлать ребенка! Несмотря на полную очевидность измѣны, жена клянется всѣми Святыми, что я отецъ ребенка, котораго она носитъ въ животѣ! Я ее поролъ уже не одинъ разъ, поролъ каждый разъ до крови, но она все-таки не сознается въ измѣнѣ и попрежнему продолжаетъ настаивать, что это я сдѣлалъ ей ребенка. Я колочу ее ежедневно, отъ побоевъ она даже теперь заболѣла и хочетъ на меня жаловаться въ судъ. Вотъ мнѣ придется имѣть дѣло еще съ Правосудіемъ! Можетъ быть, она хочетъ меня запугать. Во всякомъ случаѣ, я не хочу платить за чужіе разбитые горшки, — я не при чемъ въ ея беременности, вотъ почему, докторъ, я и пришелъ просить васъ удостовѣрить мое безсиліе.

— Но зачѣмъ вы сейчасъ заставили меня обратить вниманіе на то, что вы всегда ночью не бываете дома? — спрашиваю я его.

— А это, потому что жена рассказала мнѣ слѣдующую исторію: она увѣряетъ, что около трехъ мѣсяцевъ тому назадъ

я вернулся, какъ всегда, въ пять часовъ утра и, какъ только что я легъ въ постель, то приласкалъ ее. Такъ какъ она, по ея словамъ, была этимъ пріятно удивлена, то рѣшила не шевелиться. Я теперь хорошо припоминаю, что она разъ или два подшучивала надъ моею пылкостью, но такъ какъ я, за послѣднее время, не люблю подобныхъ шутокъ, то я серьезно разсердился на нее и объ этомъ не было разговора. Теперь она опять ссылается на этотъ случай и даже прибавляетъ, что въ ту ночь, послѣ того, какъ я ее приласкалъ, я всталъ съ кровати и вышелъ на дворъ, сославшись на сильныя колики.

— А!.. И вы послѣ того вскорѣ вернулись опять въ свою постель?

— Конечно, по ея увѣренію. Но это все ея выдумки,— я не помню, чтобы у меня были колики и во всякомъ случаѣ я отлично знаю, что не ласкалъ своей жены.

— Ну, а вамъ не кажется страннымъ этотъ рассказъ жены? Вамъ не приходила на умъ мысль, что кто-нибудь другой могъ васъ замѣстить...

Понсо быстро всталъ и, смотря на меня выпученными глазами, сказалъ:

— Чортъ возьми! Вы, можетъ быть, правы, нужно это разслѣдовать хорошенько!

— Поговорите объ этомъ спокойно съ вашей женой, возможно, что она припомнитъ что-нибудь еще, что дастъ вамъ возможность напасть на хорошій слѣдъ.

Филиппъ Понсо послѣдовалъ совѣту доктора и вскорѣ раскрылъ тайну и подалъ жалобу въ судъ.

Хотя его жена ничего не могла припомнить другого кромѣ того, что она рассказала, но она заподозрила тотчасъ же нѣкоего Малети, итальянскаго подданнаго, ихъ сосѣда, который держалъ себя въ отношеніи ея довольно странно, и могъ, по ея мнѣнію, быть причастнымъ къ этой исторіи.

Полицейскій комиссаръ, производившій дознаніе, установилъ полную возможность постороннему лицу замѣнить мужа. Дѣйствительно, Понсо уходилъ на службу около десяти часовъ вечера, его жена запиралась и клала ключъ подъ дверь такъ, чтобы мужу легко было его достать. Итальянецъ какъ разъ жилъ напротивъ ихъ. Онъ могъ все это замѣтить, а такъ какъ его сосѣдка была очень хорошенькая, то возможно, что у него могло явиться желаніе обладать ею, не тратя времени на правильную осаду, связанную съ рискомъ потерпѣть неудачу и другими неприятностями.

Допрошенный комиссаромъ, молодой итальянецъ смутился и, въ концѣ концовъ, сознался. Зная, что мужъ возвращается только въ пять часовъ утра, онъ вошелъ въ квартиру супруговъ Понсо около четырехъ часовъ, быстро приласкалъ его жену, а когда та, въ то время, какъ онъ надѣвалъ панталоны, спросила его, куда онъ опять уходитъ, онъ отвѣтилъ тихонько, сквозь зубы: „колики“! Затѣмъ, онъ заперъ дверь и положилъ ключъ на свое мѣсто, гдѣ его мужъ и нашелъ черезъ нѣсколько минутъ.

Но дѣло становится еще болѣе курьезнымъ: — когда супруги Понсо узнали о признаніи Малети, то ворвались въ его квартиру, привязали его на кровати и жестоко выпороли веревочной плетью, такъ что онъ двѣ недѣли пролежалъ въ больницѣ.

Дѣло Малети окончилось осужденіемъ его къ шестимѣсячному тюремному заключенію за изнасилованіе госпожи Понсо. Сравнительную мягкость наказанія судъ объясняетъ тѣмъ, что Малети подвергся насилію со стороны супруговъ Понсо.

На судѣ, предсѣдатель спросилъ госпожу Понсо, правда ли, какъ увѣряетъ ее супругъ, что съ открытія ея беременности онъ ее чуть не ежедневно сѣкъ? Она отвѣтила, что правда, хотя не ежедневно, но очень часто. На вопросъ же предсѣдателя, чѣмъ именно онъ ее наказывалъ, — она не захотѣла отвѣтить, заявивъ, что это касается только ея одной.

Одинъ мой коллега прислалъ мнѣ переводъ изъ одного русскаго историческаго журнала воспоминаній двухъ лицъ о времени, проведенномъ однимъ въ гимназій, а другимъ лицомъ въ духовномъ училищѣ. Изъ нихъ читатели увидятъ, что тѣлесныя наказанія въ школахъ процвѣтали въ Россіи въ очень недавнее время.

„Директоромъ гимназій въ то время былъ Кругловъ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Саратовской гимназій въ 1850 г. Ив. Вороновъ (Рус. Стр. 1909 г. № 9, а инспекторомъ Левандовскій — полякъ; первый вскорѣ умеръ, а послѣдній пробылъ около двухъ лѣтъ, т. е. до 1852 года. О Левандовскомъ сохранилась въ моей памяти лишь страсть его къ ежедневнымъ поркамъ учениковъ за пустячныя провинности и грубость его обращенія, доходившая до мордобитія, за что и самъ онъ подвергся тому же, получивъ сдачи отъ одного изъ гимназистовъ 7-го класса, вынужденнаго на такой поступокъ ругательствомъ и дракою инспектора. Результатомъ такого печальнаго инцидента была ссылка гимназиста рядовымъ на Кавказъ и устраненіе Левандовскаго отъ должности съ увольненіемъ на покой.

Новый инспекторъ Ангерманъ былъ лютеранинъ; язвительная злость его характера превосходила извѣстныхъ тирановъ іезуитовъ, такъ какъ онъ не гнушался кровавыхъ пороковъ большихъ и малыхъ учениковъ и, съ злобною улыбкою на устахъ, съ мефистофельскимъ выраженіемъ фізіономіи, всегда на нихъ присутствовалъ лично и нерѣдко собственноручно ублаговотворялъ розгами обнаженныя педагогическія части учениковъ. Тиранство это доходило до такой жестокости, что наказаннымъ нерѣдко приходилось пользоваться услугами весьма незатѣйливаго и скуднаго гимназическаго лазарета, гдѣ можно было найти горчишники, aqua destillata, хининъ (sulfaticum) въ порошкахъ, березовую примочку, тинктуру арника и т. п. препараты; что же касается до услугъ доктора или фельдшера, то за ними надо было посылать, такъ какъ они являлись въ гимназію ежедневно около полудня (на всякій случай) и черезъ какихъ-нибудь полчаса исчезали.

Вообще личность Ангермана была психически феноменальна, какъ и всѣ его поступки; какъ свободный въ праздники, онъ

обязательно бывалъ въ кирхѣ, гдѣ усердно читалъ молитвенникъ, внимательно выслушивалъ проповѣдь пастора и въ то же время слѣдилъ и высматривалъ за присутствующими въ кирхѣ гимназистами и, если кто-либо изъ нихъ возбуждалъ недовольство богомольнаго инспектора (не по формѣ одѣтъ, съ растегнутымъ сюртукомъ, выпущеннымъ изъ-за галстуха бѣлымъ воротничкомъ рубахи и т.п.), то онъ, по окончаніи службы, старался виновнаго разыскать и дѣлалъ ему внушеніе, а на слѣдующій день подвергалъ его наказанію. Съ присущей ненормальностью Ангерманъ былъ тираномъ и въ своей семьѣ, потому что маловозрастные дѣти — его сыновья — нерѣдко имъ наказывались — что знали всѣ гимназисты, такъ какъ квартира инспектора была при гимназіи. Въ концѣ концовъ ненормальность Ангермана подтвердилась прискорбнымъ для него фактомъ. Будучи переведенъ изъ Саратова директоромъ гимназіи въ Самару, послѣ какой-то учиненной имъ порки, въ виду грозившаго ему давленія свыше — изъ округа — онъ сошелъ съ ума.

Русскій языкъ, т.е. грамматика и исторія литературы преподавались: первая въ трехъ классахъ, а вторая — въ старшихъ, начиная съ четвертаго. Въ то время, когда мнѣ пришлось проходить младшіе классы, было два преподавателя: Дмитрій Андреевичъ Андреевъ, а послѣ его смерти Сперанскій.

Послѣ первой половины класса русскаго языка, такъ сказать повѣствовательной, начиналось испытаніе учениковъ въ знаніи заданнаго имъ урока учителемъ. Въ это время классъ преобразовывался въ какой-то комическій театръ, гдѣ разыгрывалась веселая пьеса вродѣ оперетки, съ пѣніемъ, живыми движеніями и быстрою перемѣною картинъ. Учитель, спрашивая ученика урокъ, лѣнливо шагалъ по узкой классной площадкѣ въ видѣ корридора между передними партами и стѣною и исподлобья взиралъ на учениковъ, замѣтивъ шалости которыхъ, протискиваясь между партами, невозмутимо подходилъ къ виновному и, хватая его за ухо, велъ его на площадку впереди партъ и заставлялъ стать на колѣни, говоря: „въ Сибири ѣздятъ на оленяхъ, а ты стой на колѣняхъ“. Такое вожденіе учениковъ было по одиночкѣ и парами, такъ что къ концу класса колѣнопреклоненнымъ статистамъ не доставало мѣста, тогда ихъ фамиліи записывались Андреевымъ въ памятную его книжку; дабы подвергнуть ихъ такому же наказанію въ слѣдующій его урокъ. Подобныя путешествія учениковъ на колѣнопреклоненіе сопровождались заунывнымъ пѣніемъ всего класса церковной пѣсни „Исаія ликуй“ или „се женихъ грядетъ“ — что, возбуждая лектора, влекло его къ азарту, и онъ уже не водилъ, а вызывалъ виновныхъ, стихотворными возгласами: „Ей ты Петровъ, знаешь падежъ именительный ну такъ выходи и будь почтительный“ или „Семеновъ, болванъ, колѣна преклони, да собой такихъ же дураковъ не заслони“. Бывало такъ, что изъ 30 и болѣе стоящихъ на колѣняхъ, крайніе, подвигаясь вправо и влѣво, старались скрыться за партами и ползкомъ на четверенькахъ исчезали и располагались въ лежачемъ положеніи

позади парты, такъ сказать за аванъ-сценою класса. Звонокъ въ продольномъ корридорѣ между классами давалъ знать объ окончаніи урока, читалась громко молитва, и Андреевъ направлялся къ выходу изъ класса, напутствуемый тихимъ пѣшемъ: „выйди вонъ, выйди вонъ, ты изъ класса кувыркомъ“.

Другой учитель русскаго языка, Сперанскій, бывшій студентъ какого-то университета, но не окончилъ курса, былъ изъ семинаристовъ. Онъ старался казаться джентльменом, но съ оттънкомъ, свойственнымъ природѣ его званія, проявлялъ замашки людей кланяющихся и заискивающихъ передъ начальствовавшими, чтобы получить отъ нихъ похвалу или повышение. Поэтому онъ, какъ младшій учитель, получающій ограниченное жалованье, просками и лестью пріобрѣлъ довѣріе директора Мейера, по ходатайству и хлопотамъ котораго пристроился учителемъ русскаго языка въ Саратовскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и въ римско-католической семинаріи, что дало ему средства обветшалую свою экипировку сдѣлать франтовскою и сделаться любителемъ быть всегда навеселѣ, въ каковомъ видѣ онъ являлся нерѣдко и въ классы съ растрепанными чувствами. Не придерживаясь курса Востокова, Сперанскій излагалъ преподаваемый имъ предметъ словесно, давая свои краткія письменныя замѣтки; заставлялъ заучивать наизусть басни, стихотворенія, занималъ учениковъ грамматическимъ разборомъ, но почти не практиковалъ ихъ диктовками, чтобы пріучить къ правильному письменному изложенію мыслей. А какъ лекторъ былъ всегда въ возбужденномъ настроеніи, то проявлялъ несдержанность, соединенную съ грубостью и ругательствомъ, по отношенію къ ученикамъ, къ которымъ относился съ презрѣніемъ и надменностью, то все это отзывалось нелюбовью къ нему учениковъ, которая увеличивалась еще и тѣмъ, что Сперанскій часто жаловался на учениковъ звѣрю-инспектору, что сопровождалось обыкновенно немедленнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ. А такъ какъ крики наказуемыхъ доходили до слуха учениковъ, то Сперанскій съ ядовитою улыбкою поучалъ ихъ такъ: русскій языкъ систематическій, стройный и строгій по своимъ правиламъ и благозвучію, доказательствомъ чего и служить де тотъ вопль, который издаетъ теперь подвергнутый сѣченію. Сперанскаго мнѣ пришлось перетерпѣть въ бытность мою въ третьемъ классѣ, когда онъ скончался отъ излишней дозы принятаго какого-то возбудительнаго средства“.

Мих. Гурьевъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о духовномъ училищѣ, въ которомъ онъ обучался съ 1852 по 1862 г. (Рус. Старина за 1909 г., № 9) рассказываетъ слѣдующее:

„По приходѣ всѣхъ учениковъ въ классъ, предъ началомъ перваго урока была общая молитва въ особомъ залѣ; такая же молитва была тамъ же и вечеромъ послѣ четвертаго урока въ 6 часовъ. На нихъ утромъ и вечеромъ пѣлись разныя молитвы и церковныя пѣснопѣнія; продолжались они не менѣе четверти часа и были памяты намъ по тѣмъ послѣ нихъ экзекуціямъ, какія въ этомъ залѣ совершались. Жизнь учениковъ въ этомъ училищѣ

проходила такъ тяжело, особенно въ первые годы, что теперь становится непонятнымъ — какъ мы могли переносить эту жизнь: да мы ли это были? Наше ли тѣло испытывало тѣ истязанія, порки и побои, какимъ ежедневно подвергали насъ начальство и учителя за малѣйшіе проступки, а иногда и безъ всякой вины. Начнемъ нашу рѣчь съ начальства и учителей училища. Смотрителей во время нашего пребыванія въ бурсѣ смѣнилось три: первый, при которомъ мы поступили въ училище, былъ свѣтскій человекъ, страдалъ чахоткой и умеръ черезъ годъ; второй протоіерей, прослужившій 5 лѣтъ, и третій іеромонахъ С., оставшійся еще смотрителемъ послѣ нашего перехода въ семинаріи. Все они были очень строгіе, но особенно послѣдній. Не лучше ихъ были и два инспектора: одинъ священникъ, учившій еще нашихъ отцовъ и въ ихъ время заповоровшій до смерти одного изъ учениковъ. Дѣло это, по словамъ отцовъ, такъ въ Лету и кануло; очевидно, мѣстное начальство, боясь огласки и скандала, скрыло этотъ вопіющій и возмутительный случай. Другой инспекторъ былъ свѣтскій, маленькій, худенькій, но очень зоркій; меньше ста лозъ не давалъ ученику, на котораго онъ никогда не смотрѣлъ, а потому думалъ, что сѣкутъ мимо, вслѣдствіе чего съ перваго года и опредѣлилъ такую порцію лозъ.

При поступленіи нашемъ съ братомъ въ 1-й классъ учениковъ-товарищей оказалось 63, все моложе 10 лѣтъ. Мы были дѣти городского священника и явились въ классъ въ гарусныхъ рубашкахъ, между тѣмъ какъ другіе товарищи, дѣти сельскихъ священниковъ, бѣдныхъ дьячковъ и пономарей, сидѣли въ армякахъ или въ грубыхъ рубашкахъ, а иные даже, если было лѣто, и босикомъ. Поэтому все товарищи съ перваго урока, должно быть изъ зависти, не влюбились насъ. Жизнь наша въ училищѣ сразу стала невыносимою: надъ нами смѣялись, намъ злорадствовали, называя насъ „баричами“, и часто безъ всякой вины били. Въ первый годъ ученія насъ не сѣкли, такъ какъ мы учились хорошо, за что товарищи еще болѣе насъ ненавидѣли. Во второй годъ мы рѣшились сойтись съ товарищами, принося имъ изъ дому хорошія закуски, и такимъ образомъ мало по малу помирились, хотя безъ дракъ не обходилось и потомъ.

Порядокъ ученія въ нашемъ училищѣ въ то время былъ такой. Учителя всехъ классовъ для облегченія себя назначали каждый въ своемъ классѣ такъ называемыхъ „аудиторовъ“ (auditor-слушатель) изъ лучшихъ, по ихъ мнѣнію, учениковъ. Эти аудиторы утромъ, по приходѣ нашемъ въ классъ (для чего мы приходили за полчаса раньше срока), выслушивали наши уроки и отмѣчали наши отвѣты въ такъ называемыхъ „нотатахъ“. Каждый аудиторъ выслушивалъ 5, 6 человекъ и отмѣчалъ отвѣтъ нашъ въ нотатѣ sc. (т. е. scit — знаетъ), или ns (nescit — не знаетъ). Если не дать аудитору хорошей закуски, то онъ часто и при знаніи урока ставилъ ns. Правды, значить, не было и между товарищами. По приходѣ учителей въ классъ, — а ходили они, большею частію, на часъ, иные на полтора, а были и такіе ретивые, которые являлись чуть

не со звономъ, аудиторы подавали имъ нотату. Иные учителя не брали даже и нотаты, такъ какъ до прихода учителя всѣ отмѣченные не должны были стоять на мѣстѣ своемъ на колѣняхъ, которыхъ они сейчасъ и замѣчали. Но многіе брали и нотаты. Нѣкоторые изъ учителей прежде всего пороли стоящихъ на колѣняхъ, а затѣмъ уже занимались своимъ дѣломъ; были впрочемъ и болѣе справедливые: внимая мальбамъ отмѣченнаго, они выслушивали его, и, если находили его знающимъ, то наказывали тогда самихъ аудиторовъ. Но такіе случаи были очень рѣдки въ теченіе моего десятилѣтняго въ училищѣ обученія. Къ сѣчешю мы какъ-то привыкали; пороли насъ свои же товарищи; но это были люди отпѣтые: ничему не учились, старшіе и учителя отъ нихъ отказывались и сидѣли они на послѣднихъ партахъ. Мы называли ихъ: „сѣкарями“, а учителя — почему-то: „каппадокійцами“. Сѣкли насъ послѣ утренней или вечерней молитвы въ присутствіи всего училища, за лѣность, за громкій смѣхъ въ классѣ, за нечаянное разбитіе стекла, за порчу вещей, за неявку по какой-либо причинѣ въ классъ и т. п. Наказывали розгами часто и невиновныхъ по доносу такъ называемаго старшаго. Это былъ одинъ изъ учениковъ IV класса, назначавшійся инспекторомъ; ихъ было всегда отъ 5 до 6. Должность ихъ состояла въ хожденіи по квартирамъ учениковъ младшихъ классовъ, въ слушаніи ихъ уроковъ, въ наблюденіи за ихъ шалостями; все это они записывали въ выданные имъ журналы, даже тѣхъ, кого не заставляли на квартирѣ, и обо всемъ доносили потомъ инспектору. Аудитора можно было ублаготворить хорошей закуской; старшаго же ничѣмъ нельзя было умиловить: ни слезами, ни мольбами, развѣ только деньгами. Деньгами богатые ученики иногда подкупали даже учителей (хорошо помню одинъ случай съ ученикомъ II класса Поповицкимъ), приходившихъ иногда въ пьяномъ видѣ и придиравшихся къ богатымъ ученикамъ, съ которыхъ и брали деньги, вѣроятно, на водку. Иного ученика наказывали розгами три раза въ день, несмотря на его заявленіе, что его уже сѣкли два раза; на это учителя обыкновенно отвѣчали: „не овесь сѣять“. Иныхъ сѣкли по два раза въ день и оставляли безъ обѣда до 6 часовъ вечера. Были и такіе случаи, когда ученикъ, вопреки приказанію учителя, ни за что не хотѣлъ ложиться подъ розги: упирался за парту, кусался; учитель такого ученика приказывалъ товарищамъ вытаскать изъ-за парты, говоря: „ребята, возьмите его“. Къ стыду нашему находились охотники изъ сѣкарей, вытаскивали ослушника на средину и тутъ распинали его, приподнявъ отъ полу на аршинъ, что учителя называли: „сѣчь на воздусѣхъ“. Сѣкли его два сѣкаря съ двухъ сторонъ, а иногда запарывали до безчувствія, такъ что уносили его на мѣсто, а послѣ урока сторожа или товарищи отводили его домой, гдѣ онъ лежалъ иногда нѣдѣлю и болѣе и не ходилъ въ классъ. За худое чистописаніе въ I классѣ часто сѣкли учениковъ розгами по рукамъ и заставляли потомъ опять писать. Могли ли хорошо писать вспухнувшія отъ розогъ руки? Чѣмъ руководились наши учителя

въ поркахъ учениковъ, укажу слѣдующіе три случая (я/ихъ очень хорошо помню).

Быль урокъ пѣнія во II классѣ; а извѣстно, что не всѣ ученики способны къ пѣнію, и потому иные, и зная ноту, поютъ худо и вздорно. Спросилъ разъ учитель пѣшія одного изъ такихъ неспособныхъ — пропѣть: „Съ нами Богъ“. Пѣснь эта по обыходу начинается съ очень высокихъ нотъ, какъ извѣстно. Лишь только ученикъ взялъ первую высокую ноту, весь классъ такъ и грохнулъ отъ смѣха, а первый ученикъ — громче всѣхъ. „Лозь!“ крикнулъ учитель, обращаясь къ первому ученику: „ты смѣялся!“ На заявленіе ученика, что смѣялся весь классъ, учитель отвѣтилъ: „ты громче всѣхъ. Ложись!“ И влѣпилъ ему, несчастному, 150 лозъ. По окончаніи порки ученикъ сѣлъ на свое мѣсто и долго горько плакалъ. Къ концу урока онъ немного успокоился и, увидавъ на партѣ муху, поймалъ ее и раздавилъ. Учитель, замѣтивъ это, записал его въ журналъ „за мухоловство“. На вечерней молитвѣ въ тотъ же день инспекторъ высѣкъ этого ученика уже за мухоловство въ классѣ и далъ ему опять 150 лозъ.

Пришелъ въ III классъ на послѣобѣденный урокъ священной исторіи одинъ учитель сильно пьяный. Вошедши въ классъ, онъ подошелъ къ первому ученику по разрядному списку и сказала ему: „ты мальчикъ хорошій; учишься ты хорошо; но иногда шалишь, а мнѣ драть хочется, ложись!“ Дѣлать нечего, — легъ, и его высѣкли. Второй ученикъ былъ очень смирный, хорошо учился и къ удивленію всѣхъ ни разу не былъ въ жизни высѣченъ. Учитель, обратившись къ нему, сказала: „перваго высѣкъ, какъ же тебя не высѣчь? Ложись!“ И второй ученикъ былъ высѣченъ въ первый разъ въ жизни только потому, что такъ захотелось пьяному учителю. Потомъ и другіе учителя съ легкой руки пьянаго учителя стали его сѣчь. А затѣмъ цѣлый уже урокъ прошелъ у него въ поркѣ остальныхъ, — уже безъ всякихъ оговорокъ. Чтобы описать третій случай, нужно сдѣлать небольшое объясненіе. Кромѣ розогъ въ нашемъ училищѣ практиковались другія наказанія. Какимъ иногда издѣвательствамъ надъ мальчикомъ, какимъ только побоямъ и истязаніямъ не подвергались бѣдные ученики! У однихъ учителей былъ обычай: „молоть кофе“, то есть учитель бралъ ученика за волосы и кружилъ его, кружилъ долго, пока у этого не образуется порядочная плѣшь; такимъ образомъ многіе изъ нашихъ учениковъ прежде времени ходили плѣшивыми. Стоять на колѣняхъ отмѣченнымъ не знающими мы не считали почти и наказаніемъ. Но вотъ было варварское наказаніе для учениковъ стояніе на голыхъ колѣняхъ по срединѣ класа на песокъ, при чемъ иногда время отъ времени давалось два полѣна въ руки и этой пыткѣ подвергались иногда ученики 2, 4, 6 и даже болѣе. Мы съ братомъ въ III классѣ подвергнуты были однажды смотрителемъ училища такому наказанію на цѣлую недѣлю, но безъ полѣнъ въ рукахъ за то, что вслѣдствіе половодицы возвратились въ училище позже недѣлей съ пасхальныхъ вакацій отъ родителей, которые по стеченію неблагоприятныхъ обстоятельствъ были пере-

ведены въ это время въ дальнее село, въ 120 верстахъ отъ города. Какъ будто мы, мальчики, были виновны въ томъ! Злѣе и свирѣпѣе всѣхъ учителей былъ преподаватель ариѳметики и географіи, священникъ о. А — ій. Это былъ звѣрь, а не учитель, не знавшій самъ предмета и заставлявшій зубрить изъ учебника: „отъ энтихъ до энтихъ“, какъ онъ выражался, не объясняя намъ рѣшительно ничего. Понятно, мы зубрили, но ничего не знали изъ ариѳметики, каждый урок ожидая его съ великимъ страхомъ и трепетомъ! Даже сѣкари, и тѣ его боялись, такъ какъ онъ и имъ не давалъ спуска и поролъ ихъ. Завидя его подходящимъ къ училищу, мы всѣ крестились и молились: да пронесетъ Господь мимо насъ страшную грозу! Но гроза являлась плотная, высокая, здоровая, сердитая; вошедши въ классъ и обозрѣвъ стоящихъ на колѣняхъ, еще до чтенія молитвы, онъ уже кричитъ громовымъ голосомъ: „лозь“. Всѣ дрожатъ, особенно стоящіе на колѣняхъ. Не спрашивая урока и не провѣряя отмѣтокъ аудиторовъ, онъ прежде всего начинаетъ пороть незнающихъ, а такихъ у него всегда было много. Затѣмъ принимается за знающихъ, заставляетъ ихъ написать на доскѣ цифры въ два числа: вверху 1850, а внизу 15.647, и спрашиваетъ ученика, что съ ними нужно дѣлать? Ученикъ недоумѣваетъ. И вотъ — хватъ! летитъ затрещина, да какая! Ученикъ сразу падаетъ тутъ же у доски. Былъ одинъ случай съ ученикомъ, который отъ удара учителя упалъ, поблѣднѣлъ и пролежалъ безъ сознанія болѣе часа. Звѣрь струсиль и сталъ-было поднимать ученика, говоря: „Вася встань!“ Но тотъ не шевелился, его отнесли на мѣсто, и потомъ онъ всю жизнь не слышалъ однимъ ухомъ. Еще у этого учителя было наказаніе: подниметъ ученика за виски и пронесетъ его по классу туда и обратно. Оставшіеся въ живыхъ его ученики до сихъ поръ вспоминаютъ о немъ съ содраганіемъ. А былъ священникъ! За то и смерть его была, по словамъ очевидцевъ, самая мучительная. Избавились мы отъ него еще до смерти: приѣхалъ ревизоръ, инспекторъ семинаріи, какъ разъ ко времени іюльскихъ экзаменовъ. Здѣсь онъ увидѣлъ наши знанія по ариѳметикѣ и тутъ же распорядился объ увольненіи звѣря-учителя. Къ началу слѣдующаго года на его место посланъ былъ другой, молодой; о немъ я скажу дальше. Былъ еще одинъ учитель латинскаго языка маленькій, горбатенькій, въ сущности — чловѣкъ благодушный; но сѣчь и колотить любилъ, хотя не такъ много, какъ другіе: лозъ 10, 15. Больше онъ ставилъ на колѣни и дѣлалъ это особымъ образомъ: выставить гуськомъ учениковъ по всему классу другъ за другомъ по ту и другую сторону партъ, а средину оставить пустую для своего прохода. Затѣмъ онъ пойдетъ по классу и толкаетъ послѣдняго ученика своей маленькой ножонкой: этотъ конечно, падаетъ, роняетъ другого, другой — третьяго и т. д. до конца, всѣ падаютъ и нарочно катятся под парты, а онъ самодовольно улыбается: вотъ-де я какой богатырь! Но больше всего онъ любилъ при чтеніи латинскаго текста за неправильное произношеніе словъ бить ученика въ голову кулакомъ, для чего вызывалъ всегда къ своему столу. Если ему надоѣдало самому колотить

въ голову, то онъ иногда вызывалъ двухъ учениковъ: одинъ читаетъ, а другой слѣдитъ за нимъ. Лишь только читающій сдѣлаетъ ошибку, учитель говоритъ другому ученику: „дай ему коку въ голову“. Тотъ даетъ. Затѣмъ перемѣняетъ ихъ роли, и уже битый бьетъ небитаго. Былъ учитель чистописанія, не тотъ, который когда-то сѣкъ по рукамъ, а другой послѣ него. Каждому ученику онъ выдавалъ особую пропись въ началѣ года, на которой были написаны какія-нибудь изреченія, напр., на моей: „Праздность есть мать всѣхъ прочихъ пороковъ“. И эту пропись писали мы до рождественныхъ экзаменовъ, такъ какъ у насъ въ теченіе года было два экзамена: передъ Рождествомъ и въ іюль. Этотъ учитель чистописанія чинилъ намъ перья, такъ какъ мы писали гусиными перьями, а остальныхъ тогда и помину не было. Для чинки перьевъ онъ собиралъ съ насъ 60 копѣекъ, денегъ на перочинный ножичекъ, который и оставался всегда у него. При новом наборе учениковъ онъ дѣлалъ тотъ же сборъ. Написавъ свою пропись, каждый ученикъ подавалъ ее учителю, который разсматривалъ ее тутъ же при насъ и дѣлилъ ихъ на двѣ части. По подачѣ и пересмотрѣ всѣхъ тетрадей, онъ бралъ одну изъ этихъ частей, всегда побольше, называлъ фамиліи учениковъ, дурно написавшихъ и командовалъ: „Ложитесь всѣ разомъ! 1-му пять лозъ; 2-му десять, остальнымъ по 13, а послѣднимъ двумъ по 25 лозъ“. Являлись три — четыре сѣкаря изъ П-го класса, который былъ рядомъ съ 1-мъ; а такъ какъ весь полъ былъ устланъ мальчишками, что представляло весьма смѣшную картину, то сѣкари пороли наказываемыхъ со смѣхомъ, а самъ учитель, подпирая бока руками, смѣялся громко до упаду“.

Въ 1643 г. парижскому парламенту пришлось, въ теченіе цѣлыхъ двухъ засѣданій, разбирать дѣла богатаго бакалейнаго купца города Тура — Дюху, который просилъ развода съ женой вслѣдствіе того, что она вступила въ связь съ однимъ сапожникомъ.

Въ своей жалобѣ бакалейщикъ пишетъ, что 12 января 1643 г. онъ купилъ на рынкѣ много разной рыбы и между прочимъ большую соль. Рыбу онъ отослалъ своей женѣ при запискѣ, въ которой просилъ приготовить ее получше, такъ какъ онъ намѣренъ къ завтраку въ двѣнадцать часовъ пригласить ксендза и еще нѣсколько пріятелей.

На его же запискѣ жена отвѣтила ему, что онъ можетъ приглашать кого угодно, что она постарается приготовить рыбу превосходно.

Разбирая рыбу и увидавъ крупную соль, она рѣшила, что для мужа и его гостей вполнѣ довольно и остальной рыбы, а соль черезъ свою старинную пріятельницу, отправила къ своему возлюбленному, сапожнику, попросивъ ее предупредить его, что она придетъ къ нему ужинать и ѣсть вмѣстѣ соль, а затѣмъ останется у него ночевать...

Сапожникъ, получивъ такую чудную соль, позвалъ кухарку и велѣлъ ей приготовить на ужинъ вмѣстѣ съ другими блюдами, предупредивъ ее, что онъ будетъ ужинать съ своей возлюбленной.

Около двѣнадцати часовъ дня пришелъ изъ лавки домой бакалейщикъ вмѣстѣ съ ксендзомъ и еще тремя пріятелями, которыхъ онъ пригласилъ ѣсть соль. Не успѣли они раздѣться и поздороваться съ его женой, какъ онъ всѣхъ своихъ пріятелей потащилъ на кухню показать имъ замѣчательную соль... Онъ позвалъ свою жену и просилъ ее показать друзьямъ соль... Та удивленно посмотрѣла на него и отвѣтила, что никакой соли она не получала... Была разная рыба, но соли не было. Купецъ былъ страшно взбѣшенъ и, схвативъ палку, бросился на жену, но ксендзъ и пріатели удержали его и успокоили.

Онъ продолжалъ клясться и увѣрять, что онъ купилъ громадную соль, но жена, чтобы сдѣлать ему на зло, спрятала ее или отдала кому-нибудь...

В концѣ концовъ, рѣшено было завтракать безъ соли. Всѣ усѣлись и началась выпивка. Купецъ и его друзья изрядно выпили и уговорились провести цѣлый день вмѣстѣ: идти сейчасъ погулять за городъ, потомъ обѣдать у ксендза... Собутыльники слегка подшучивали надъ знаменитой солью. Купецъ ворчалъ и говорилъ, что онъ женѣ этой шутки не проститъ...

Жена замѣтила, что мужъ, вернувшись съ прогулки, пронесъ въ спальную, стараясь скрыть отъ нея, какой-то пакетъ. Когда онъ черезъ часъ отправился обѣдать къ ксендзу, то она стала разыскивать пакетъ и нашла его спрятаннымъ подъ кроватью. Развернувъ его, она увидала два пучка свѣжихъ березовыхъ прутьевъ. Она догадалась, что мужъ собирается ее наказать за пропавшую рыбу...

Тогда эта хитрая дама бѣжитъ къ своей пріятельницѣ, молоденькой вдовѣ. Ей она со слезами на глазахъ рассказываетъ, что мужъ ея очень любитъ ласкать и что послѣднюю ночь онъ такъ ее часто ласкалъ, что она просто боится ласкъ, ожидающихъ ее сегодня ночью, а потому умоляетъ ее замѣнить ее. За это она сумѣетъ ее отблагодарить...

Вдова, какъ оказалось на судѣ, согласилась не безъ нѣкотораго колебанія. Уложивъ свою пріятельницу вмѣсто себя въ кровать, предупредивъ ее, что она должна притворяться нездоровой и ни слова не говорить, а главное, конечно, не показывать своего лица, жена бакалейщика отправилась къ своему возлюбленному ѣсть соль и ночевать.

Между тѣмъ бакалейщикъ вернулся домой довольно поздно и порядочно навеселѣ, но все-таки не настолько, чтобы не помнить своего намѣренія наказать жену розгами за устроенную ею штуку съ рыбой.

На разсвѣтѣ онъ схватилъ свою якобы жену и положивъ ее поперекъ кровати жестоко выпоролъ розгами, такъ что она была вся въ крови и почти потеряла сознание... Бѣдная вдова, которая ожидала совершенно другого угощенія, какъ только ушелъ купецъ въ лавку, убѣжала къ себѣ, проклиная свою коварную подругу.

Во время отсутствія мужа, жена вернулась и нашла въ спальнѣ массу обломковъ отъ розогъ, два изломанныхъ пучка розогъ

и всѣ простыни выпачканными кровью. Она тотчасъ же хорошенько вымела комнату, замѣнила выпачканныя простыни чистыми и сама улеглась въ кровать, тѣмъ болѣе, что она нуждалась въ отдыхѣ.

По возвращеніи изъ лавки, мужъ былъ крайне удивленъ, что засталъ жену спокойно лежащей въ кровати. Правда, его удивило немного, что въ то время, какъ онъ сѣкъ жену розгами, она только стонала, но не произносила ни одного слова въ свою защиту. Подобную странную покорность онъ объяснялъ только тѣмъ, что жена была вполне виновна и не знала даже, что сказать въ свое оправданіе... Но теперешнее ея спокойствіе, послѣ такого строгаго наказанія розгами, было просто непостижимо для него...

— А не пора ли вставать? — сказалъ онъ.

— Анри, — отвѣчала жена, кокетливо и съ улыбкой потягиваясь, — развѣ уже такъ поздно? Ты знаешь, я совсѣмъ не слыжала, какъ ты ушелъ, я видѣла очень странный сонъ.

— Я думаю, — отвѣчалъ мужъ — что ты видѣла соль во снѣ, не правда ли? Меня это нисколько не удивило бы, такъ какъ я тебѣ ее отлично сегодня утромъ напомнилъ.

— Честное слово, я не видала во снѣ ни тебя ни твоей соли.

— Какъ, — сказалъ мужъ, — ты ее такъ скоро забыла?

— Представь, что я совсѣмъ забыла свой сонъ и положительно ничего не помню изъ него — отвечаетъ жена.

— Ну, а то какъ я выпоролъ тебя розгами, тоже забыла?

— Выпоролъ меня розгами!

— Да, тебя, обломалъ цѣлыхъ два пучка розогъ, въ чемъ можно убѣдиться, посмотрѣвъ на выпачканныя кровью простыни.

Ты просто мой друг, болень... Я не знаю что ты дѣлалъ или что задумалъ, но я одно только помню, что ты меня сегодня рано утромъ очень мило приласкалъ... Что касается до всего другого, то, вѣроятно, ты видѣлъ все это во снѣ, какъ приснилось тебѣ, что ты мнѣ прислалъ рыбу соль.

— Это просто чудо, дай-ка я осматрю тебя хорошенько. — Осмотрѣвъ жену и увидавъ, что на ней нѣтъ никакихъ слѣдовъ розогъ, а простыни также не выпачканы въ крови, купецъ превратился въ столбъ отъ удивленія. Постоявъ нѣсколько секундъ въ полномъ оцѣпенѣніи, онъ затѣмъ сказалъ:

— Знаешь мой другъ, я былъ убѣжденъ, что я тебя сегодня до крови высѣкъ розгами за пропавшую вчера рыбу. Но теперь я вижу, что этого не было и просто ума не приложу, что произошло.

— Перестань объ этомъ думать, — сказала жена, — согласись, что ты во снѣ меня наказывалъ розгами, такъ же, какъ вчера во снѣ послалъ мнѣ соль.

— Теперь, я вижу, что ты права и я погорячился, упрекая тебя при чужихъ. Прости меня!

— Охотно прощаю тебя, но только на будущее время прошу тебя быть сдержаннѣе.

— Клянусь, тебѣ, мой ангелъ — отвечалъ растроганный мужъ, — больше этого никогда не будетъ.

Обманъ вполнѣ удался бы, если бы озлобленная вдова не рассказала всю продѣлку жены.

Французскій парламентъ утвердилъ приговоръ мѣстнаго суда о разводѣ супруговъ и наказаніи невѣрной супруги пятилѣтнимъ заключеніемъ въ монастырѣ и запрещеніемъ на всю жизнь вступать в бракъ.

Тотъ же Парламентъ разбиралъ просьбу о разводѣ дамы изъ Реймса. Дѣло слушалось въ мартѣ 1675 г. Жена одного адвоката въ Реймсѣ просила ее развести съ мужемъ, такъ какъ онъ рѣдко ее ласкаетъ...

Дѣло въ томъ что древніе христіанскіе законы относились къ требованіямъ плоти довольно враждебно, а потому запретили близкое сближеніе съ супругами въ дни поста, въ большіе праздники и даже наканунѣ такихъ праздниковъ. Нарушеніе этого запрещенія считалось большимъ грѣхомъ.

Безполезно говорить, что не всѣ женщины были способны подчиняться этимъ суровымъ законамъ и героически соблюдать воздержаніе; если даже большинство изъ нихъ не особенно страдало отъ неудовлетворенія своей половой потребности, то все-таки находилось не мало и такихъ, которыя считали ссылку мужей на религіозные законы недостаточно обоснованной и обвиняли въ безсиліи, отчего возникло изрядное количество процессов о разводѣ, вродѣ процесса реймскаго адвоката.

Жена его объясняла въ своей жалобѣ, что съ первыхъ же дней замужества мужъ ей постоянно проповѣдовалъ о том, что „бракъ установленъ въ цѣляхъ серьезныхъ, а не для удовольствія и любовныхъ наслажденій, что онъ будетъ исполнять свои супружескія обязанности въ двѣ недѣли разъ, какъ всякій порядочный мужъ, по его мнѣнію, долженъ поступать.“ За тѣмъ онъ приводилъ ей много религіозныхъ доводовъ.

Въ теченіе десяти дней молодые супруги находились спокойно въ своей спальнѣ и, по словамъ мужа, онъ думалъ уже, что его жена вполнѣ согласилась съ его мнѣніемъ и доводами святыхъ Отцовъ Церкви о великомъ грѣхѣ сближенія въ извѣстные дни, какъ, вдругъ, 6-го января, въ день Крещенія, вечером, когда они уже легли, жена стала требовать, чтобы мужъ ей выдал авансомъ то, что ей слѣдовало только черезъ четыре дня и то, если не былъ бы праздничный или другой день, въ которые сближеніе не считается святыми Отцами Церкви великимъ грѣхомъ. На его отказъ жена стала настойчиво требовать, обвиняя его въ безсиліи. Тогда взбѣшенный мужъ вытащилъ жену в сарай, гдѣ при содѣйствіи кучера и горничной привязалъ ее на скамейкѣ и велѣлъ кучеру дать ей семьдесятъ пять розогъ, предупредивъ, что въ следующій разъ онъ ее за подобную штуку накажетъ розгами гораздо строже. Жена, повидимому успокоилась и общалась больше не предъявлять къ нему неумѣстныхъ требованій или обвиненій, но на другой день уѣхала въ замокъ къ родителямъ, откуда подала жалобу на мужа, обвиняя его въ безсиліи и истязаніи ея и прося разводъ.

Парламентъ утвердилъ приговоръ мѣстнаго суда, постановившаго не только отказать женѣ, по неосновательности, въ разводѣ, но подвергнуть ее наказанію плетьюми въ тюрьмѣ, въ количествѣ двадцати ударовъ. Тогда мужъ съ женой подали прошенія на имя короля. Первый просилъ замѣнить наказаніе плетьюми при тюрьме, предоставивъ ему самому наказъ жену ста ударами розогъ дома, не черезъ тюремнаго палача, а черезъ свою собственную прислугу. Жена же просила только избавить ее отъ тѣлеснаго наказанія черезъ палача въ тюрьмѣ, а разрѣшить наказъ ее розгами дома, по усмотрѣнію ея мужа.

Король уважилъ просьбу супруговъ и разрѣшилъ замѣнить наказаніе плетьюми наказаніемъ розгами дома и черезъ собственную прислугу мужа, но съ тѣмъ, чтобы женѣ было дано сто пятьдесятъ розогъ и наказаніе было произведено въ присутствіи ея духовника, который долженъ наблюсти, чтобы жена была наказана строго и полнымъ числомъ ударовъ, о чемъ ксендзь обязанъ донести своему епископу, котораго просили конію съ донесенія препроводить в парламентъ *).

При дѣле дѣйствительно подшита копія съ донесенія аббата Флоріана епископу, изъ которой видно, что 22 сентября 1675 г. жена была наказана розгами въ томъ же сараѣ, гдѣ и первый разъ; съкъ ее тотъ же кучеръ. Послѣ восьмидесяти девятаго удара наказываемая потеряла сознаніе и пришлось позвать врача. Врачъ быстро привелъ въ чувство бѣдную женщину и нашель, что потеря сознанія чисто нервная, а потому свободно можно продолжать наказывать безъ всякаго вреда для здоровья. Какъ только онъ удалился, жену опять привязали на скамейкѣ и дали остальное число розогъ. Аббатъ добавляетъ, что она „больше не теряла сознанія, но страшно сильно кричала и, по окончаніи экзекуціи, съ трудомъ встала со скамейки“.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній, исправилась ли жена...

Въ появившемся недавно въ печати дневникѣ извѣстныхъ французскихъ романистовъ братьевъ Гонкуръ есть довольно яркій эпизодъ, изъ котораго видно, насколько сильно можетъ овладѣвать субъектами страсть къ флагелляціи: „Сегодня я посѣтилъ одного сумасшедшаго. Черезъ него, какъ черезъ разорванный занавѣсъ, я увидалъ отвратительную пропасть, гнусную сторону истаскавшейся денежной аристократіи, англійской аристократіи, вносящей жестокость въ чувство любви и находящей, благодаря развращенности, удовлетвореніе въ причиненіи женщинѣ страданій.“

На балу въ парижской оперѣ онъ былъ представленъ одному молодому англичанину, который ему просто, чтобы начать разговоръ, сказалъ: что въ Парижѣ нѣтъ настоящихъ развлеченій, что Лондонъ стоитъ въ этомъ отношеніи неизмѣримо выше Парижа, что въ Лондонѣ существуетъ очень хорошій домъ мистриссъ

*) Парламентъ во Франціи въ тѣ времена представлялъ высшую судебную инстанцію, вродѣ нашего сената. П е р е в о д ч и к ъ.

Женкинсь, гдѣ собраны молодыя дѣвушки, начиная отъ тринадцати лѣтъ, которыхъ сперва заставляють изображать учениць въ классѣ, а затѣмъ сѣкутъ розгами тѣхъ, которыя помоложе, не особенно сильно, ну, а которыя постарше такъ очень сильно. Имъ можно также засовывать булавки, не особенно далеко, но только такъ (и онъ показывалъ намъ кончикъ своего пальца), чтобы выступила кровь. Затѣмъ молодой человекъ спокойно и невозмутимо продолжалъ: „У меня жестокіе вкусы, но я не иду дальше людей и животныхъ... Когда-то я нанялъ съ однимъ моимъ большимъ пріятелемъ за огромныя деньги окно, изъ котораго можно было видѣть, какъ будутъ вѣшать женщину-убийцу, мы даже взяли съ собой женщинъ, чтобы съ ними развлекъся — при этихъ словахъ онъ продолжалъ сохранять на лицѣ самое скромное выраженіе, — какъ разъ въ ту самую минуту, когда она будет повѣшена. Мы даже просили палача поднять ей юбки во время повѣшенія... Но такая досада, королева, въ самую послѣднюю минуту помиловала ее“.

„И вотъ сегодня Сень-Викторъ вводитъ меня к этому жестокому оригиналу. Это еще молодой человекъ лѣтъ тридцати, лысый съ голубыми свѣтлыми и живыми глазами, кожа у него совсѣмъ прозрачная, а голова его, какъ это ни странно, напоминаетъ пыльных молодыхъ ксендзовъ, окружающихъ на старинныхъ картинахъ епископовъ. Элегантный молодой человекъ, у котораго въ рукахъ и другихъ движеніяхъ нѣтъ гибкости, какъ это обыкновенно бываетъ у людей съ начинающейся болѣзнью позвоночнаго столба, отличается чрезвычайной вѣжливостью в обращеніи съ вами и замѣчательной мягкостью манеръ.

Онъ открылъ большой библиотечный шкафъ, гдѣ у него хранилась громадная коллекція эротическихъ книгъ въ превосходныхъ переплетахъ, и, протягивая мнѣ сочиненіе Мейбониуса „О пользѣ флагелляціи при брачныхъ и любовныхъ наслажденіяхъ“, переплетенное однимъ изъ лучшихъ переплетчиковъ Парижа, съ особыми желѣзными застежками, изображающими фалусы и черепа, — сказалъ:

— Ахъ эти застежки... Вы знаете, сперва онъ не хотѣлъ переплетать съ ними... Тогда я далъ ему почитать книгъ изъ моей библиотеки... Теперь онъ мучаетъ свою жену... бѣгаетъ за маленькими дѣвочками... Но зато переплетаетъ мнѣ съ такими застежками... — Потомъ онъ намъ показалъ книгу, приготовленную для переплета, и сказалъ: — Для этой книги я жду кожи молодой дѣвушки, обѣщанной мнѣ однимъ изъ моихъ пріятелей... Ее дублятъ... Нужно шесть мѣсяцевъ на дубленіе... Вы, можетъ, захотите ее посмотреть тогда? Но она ничего особеннаго не представляетъ; главное это то, что требовалось снять ее съ совсѣмъ живой дѣвушки... Къ счастью, у меня нашелся пріятель докторъ Барчъ, вы знаете, тотъ самый, который путешествуетъ внутри Африки; такъ вотъ онъ обѣщалъ мнѣ, послѣ одного изъ избіеній негровъ, велѣть снять живьемъ кусокъ кожи съ какой-нибудь молодой негритянской дѣвушки. Какъ маньякъ, онъ постоянно смотритъ на

свои ногти, вытянувъ пальцы рукъ передъ собой, и все время говорить, — говорить каким-то пѣвучимъ голосом, останавливающимся и тотчасъ же продолжающимся послѣ остановки, — который, какъ винтъ, вводитъ въ ваши уши эти каннибальскія рѣчи“...

Обнаженіе тѣла при тѣлесныхъ наказаніяхъ почти всегда считалось необходимымъ. Нагота тѣлесная во всѣ времена разсматривалась, какъ нѣчто пріятное божествамъ.

Въ Греціи циники, вродѣ Діогена, имѣли обычай появляться публично совершенно голыми, а между тѣмъ ихъ считали за святыхъ.

Въ Индіи факиры не носятъ одежды, а свои религіозныя упражненія они совершаютъ постоянно публично. Тамъ очень часто можно встрѣтить флагеллянтовъ разгуливающими на городскихъ улицахъ совсѣмъ голыми.

Обыкновенно, у религіозныхъ фанатиковъ обнаженіе тѣла сопровождается почти всегда бичеваніемъ его. Можно подумать, что плеть или розги являются въ такихъ случаяхъ какъ бы коррективомъ бестыдства.

Съ подобными же фактами мы встрѣчаемся у протестантовъ. Густавъ Шульцъ, въ небольшой книжкѣ, напечатанной имъ въ 1872 г., утверждаетъ, что „главнымъ зломъ въ монастыряхъ, особенно женскихъ англійскихъ, является наказаніе розгами или плетью провинившихся монахинь и послушницъ по обнаженному тѣлу, что, какъ замѣтили врачи, въ сильной степени возбуждаетъ половой аппетитъ, который, не находя удовлетворенія нормальнымъ способомъ, толкаетъ въ монастыряхъ, на онанизмъ или гомосексуальный порокъ молодыхъ дѣвушекъ между собою, а частенько и монахинь учительницъ съ своими воспитанницами. Это вовсе не клевета на монастыри; многочисленныя воспоминанія, дневники, записки и словесные рассказы, послѣ выхода замужъ цѣлаго ряда дамъ, получившихъ воспитаніе въ различныхъ монастыряхъ, подтверждаютъ все вышеизложенное“.

Во многихъ женскихъ монастыряхъ тѣлесныя наказанія монахинь производились въ присутствіи всѣхъ монахинь, при чемъ подобное безобразіе оправдывалось словами священнаго писанія: „Стыдите грѣшницъ въ присутствіи всѣхъ“.

Въ 817 году одинъ церковный соборъ постановилъ, что провинившихся монаховъ слѣдуетъ наказывать тѣлесно въ присутствіи всѣхъ монаховъ, чтобы ихъ сильнѣе пристыдить.

Кардиналь Даміенъ говоритъ, что нагота является обязательной при тѣлесномъ наказаніи лицъ обоюго пола, такъ какъ наказываемый грѣшникъ не долженъ стыдиться быть въ томъ же самомъ положеніи, въ которомъ былъ самъ Христосъ. Іезуиты совѣтовали флагелляцію по обнаженному тѣлу какъ средство умерщвленія плоти.

Нѣкоторые изъ католическихъ святыхъ, по моему мнѣнію, изъ числа импотентовъ, защищались при помощи флагелляціи отъ женщинъ, приходившихъ ихъ искушать.

Аббатъ Буало рассказываетъ подобное приключеній съ св. Бернардиномъ изъ Сиенна: Однажды когда Бернардинъ вышелъ, чтобы купить себѣ хлѣба, одна городская женщина зазвала его къ себѣ въ домъ. Какъ только онъ вошелъ къ ней въ домъ, она заперла дверь на ключъ и объявила ему, что если онъ не исполнить ея требованія, то она его опозоритъ, напечатая, что онъ покушался на изнасилованіе ея.

Бернардинъ, поставленный въ такое двухсмысленное положеніе, обратился внутренно съ горячей молитвой къ Богу, прося его придти ему на помощь, такъ какъ самое преступленіе ему страшно не хотѣлось совершить.

Богъ услышалъ его молитву и внушилъ ему сказать женщинѣ, что онъ готовъ исполнить ея желанія, если только она раздѣнется до нага.

Женщина тотчасъ же исполнила его требованіе, тогда Бернардинъ вынулъ плетку, которую онъ носилъ всегда при себѣ, и сталъ пороть недостойную женщину, пока у ней не пропало отъ боли все половое возбужденіе. Впослѣдствіи она еще сильнѣе любила добродѣтельнаго мужа, а ея мужъ сталъ относиться къ нему съ особеннымъ уваженіемъ, когда узналъ о поступкѣ Бернардина.

Все тотъ же аббатъ Буало рассказываетъ о подобномъ же приключеніи съ однимъ монахомъ. Разъ этого монаха пріютили въ одномъ замкѣ въ Пьемонтѣ. Он легъ спать и спокойно заснулъ, какъ вдругъ, былъ разбуженъ молодой дѣвушкой, свѣженькой и прекрасно сложенной, которая потребовала отъ него заняться съ нею любовными удовольствіями.

Монахъ быстро вскочилъ съ постели, схватилъ свою плетку и сталъ безжалостно хлестать ею, по чемъ попало, дѣвушку до тѣхъ поръ, пока у нея не показалась во многихъ мѣстахъ кровь и не исчезли похотливыя желанія.

Не только полная нагота женщины является могучимъ средствомъ для полового возбужденія мужчины, но даже пластическая красота нѣкоторыхъ частей ея тѣла ласкаетъ взоръ мужчины и вызываетъ въ немъ стремленіе потрогать эти части тѣла, приласкать и даже поцѣловать.

Въ античныя времена особенно безгранично восхищались мѣстомъ соединенія крупа съ ляшками. Греки воздвигали даже особый храмъ въ честь Венеры съ красивымъ крупомъ. Римляне не меньше грековъ цѣнили красоту крупа. Поэтъ Гораций говоритъ, что для любовницы это большое несчастье имѣть некрасивый крупъ, совершенно одно и то же, какъ имѣть сплюснутый носъ или длинныя ноги, однимъ словомъ, безобразный крупъ можетъ внести полную дисгармонію при совершенствѣ всѣхъ остальныхъ формъ тѣла женщины.

Всѣ народы мира смотрѣли всегда на эту часть тѣла, какъ специально предназначенную для принятія ударовъ розгами, плетью и другими орудіями тѣлеснаго наказанія.

Впрочемъ, на флагелляцію врачи античнаго міра часто смотрѣли, какъ на хорошее медицинское средство судя по словамъ многихъ тогдашнихъ извѣстныхъ писателей.

Сенека говорить, что флагелляція способна вылѣчить отъ лихорадки, такъ какъ движеніе подъ ударами розогъ или плети заставляеть скорѣе циркулировать кровь.

ГЛАВА X

Тѣлесныя наказанія въ современное намъ время

Про императора Вильгельма недавно рассказывали во французскихъ газетахъ слѣдующій анекдотъ: императоръ присутствовалъ въ своей трибунѣ на скачкахъ; свѣжій, одѣтый въ прекрасно сшитый мундиръ, окруженный блестящей свитой изъ офицеровъ, тоже замѣчательно корректныхъ, разодѣтыхъ въ роскошные туалеты придворныхъ дамъ и дѣвицъ.

Въ этотъ день императоръ былъ въ особенно хорошемъ настроеніи духа, и когда одна изъ придворныхъ дамъ, чтобы лучше видѣть прибытіе къ столбу какого-то чемпиона, довольно сильно перегнулась за балюстраду трибуны, выставивъ свой округленный крупъ,— императоръ нѣсколько разъ ударилъ по немъ своимъ хлыстомъ.

Дама, вся покраснѣвъ отъ стыда, встала, а императоръ залился веселымъ и добродушнымъ смѣхомъ.

Я не стану утверждать, что этотъ случай дастъ право причислить императора къ партизанамъ тѣлесныхъ наказаній.

Разсказанный французской газетой анекдотъ, по-моему, просто забавенъ только потому, что участвующія лица — императоръ и придворная дама.

Въ другомъ кругѣ общества, на примѣръ, во время свадьбы, въ деревнѣ, считается признакомъ хорошаго тона и очень забавнымъ, если кавалеръ ударить свою даму по спинѣ; дѣвушка протестуетъ и всѣ раздражаются веселымъ смѣхомъ.

Я вовсе не думаю дѣлать сопоставленій.

Понятно, флагелляція въ Германіи была распространена въ тѣ самыя эпохи, какъ и у другихъ народовъ Европы и съ тѣмъ же самымъ церемоніаломъ.

Однако, можно сказать съ полной увѣренностью, что въ Германіи розги и плеть всегда были въ большемъ почетѣ, чѣмъ, на примѣръ, хотя бы во Франціи.

Если во Франціи, сравнительно уже давно въ тюрьмахъ не наказываютъ тѣлесно женщинъ, то нельзя то же самое сказать про Германію.

Всего какихъ-нибудь только тридцать лѣтъ тому назадъ, какъ наказаніе плетью въ женскихъ тюрьмахъ уничтожено официально. Но повидимому только официально, хотя я не могу ука-

зять на случаи тѣлеснаго наказанія въ недавнее время въ тюрьмахъ германской имперіи.

Розги и плеть, если судить по книжному рынку, играютъ чрезвычайно важную роль въ нѣмецкой литературѣ; существуетъ множество произведеній, которыя какъ бы специализировались на изученіи изслѣдуемой нами страсти, множество авторовъ, вродѣ Захеръ Мазоха и Рейнгарта, написавшихъ объемистыя книги, которыя, кстати сказать, не доставили имъ никакого уваженія современниковъ.

Первый увѣковѣчилъ свое имя въ клиникахъ, а другой обрѣтается въ полномъ забвеніи, о которомъ онъ, конечно, не мечталъ, когда писалъ свои романы.

Романы Захеръ Мазоха трактуютъ флагелляцію въ целяхъ сладострастія, я ихъ оставляю в сторонѣ и останавлиюсь въ этой главѣ на двухъ большихъ томахъ, написанныхъ Рейнгартомъ и названныхъ имъ: „Вступленіе Елены“ и „Выходъ Елены“.

Оба эти сочиненія являются довольно тщательнымъ и продуманнымъ изученіемъ обычаевъ и нравовъ, существующихъ въ германскихъ тюрьмахъ.

Краски, которыми описаны имъ мѣста для заключенія преступницъ, достаточно еще живы; нарисованная имъ картина за пятьдесятъ лѣтъ не могла поблекнуть.

Елена это — совсѣмъ юная дѣвушка, кроткая и хорошенькая, которую несчастная любовь, немного ребяческая, хотя и героическая, приводитъ въ тюрьму для отбытія назначеннаго ей судомъ наказанія.

Въ цѣломъ рядѣ писемъ она рассказываетъ одной изъ своихъ подруг свои впечатлѣнія и особенно выдающіяся событія, въ которыхъ ей приходится принимать участіе.

Розги и плеть занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ письмахъ Елены, которая съ мельчайшими подробностями описываетъ наказанія, скандализированной свидѣтельницей которыхъ ей приходится быть.

То молодая дѣвушка, виновная въ томъ, что утаила свою беременность, растягивается на скамейкѣ и наказывается розгами по обнаженному тѣлу въ присутствіи своихъ товарокъ по заключенію.

Въ другой разъ совсѣмъ юную дѣвушку, виновную въ покушеніи на отравленіе тетки, порютъ почти ежедневно въ наказаніе за ея преступленіе.

Наконецъ, и это самое лучшее мѣсто въ книгѣ, сама Елена должна подвергнуться публичному наказанію розгами, она — кроткая и такая милая дѣвушка — должна испытать это наказаніе, назначенное для всякой вновь поступившей въ тюрьму; заключенныя дали ему кличку „Вступительное привѣтствіе“.

Ее выводятъ на тюремный дворъ; толпа состоитъ изъ любителей сильныхъ ощущеній, среди которыхъ теперь особенно много разодѣтыхъ въ пухъ и прахъ барынь, провѣдавшихъ, что сегодняшнее наказаніе будетъ особенно интереснымъ въ виду молодости и красоты преступницы.

Появленіе Елены и ея манера держать себя производять на присутствующихъ благопріятное для нея впечатлѣніе. Всѣ ей симпатизируютъ, но в тоже время почти всѣ видимо горять желаніемъ поскорѣе увидать экзекуцію такой хорошенькой жертвы...

Палачъ съ своими двумя помощниками быстро укладываютъ жертву на скамейку и обнажаютъ ее. Затѣмъ свистъ розогъ, дикіе крики...

Елена пробуеетъ вырваться, но помощники палача держатъ крѣпко и она оставляетъ бесполезныя попытки... Сперва она выкрикиваетъ какія-то слова, но потомъ отъ боли у нея захватываетъ духъ и она не можетъ уже произносить словъ, а только дико кричитъ, какъ баранъ, котораго рѣжутъ...

Елена описываетъ стыдъ, который она испытала, когда ее укладывали на скамейкѣ и руки чужихъ мужчинъ касались ея обнаженнаго тѣла.

Со скамейки, послѣ наказанія тридцатью ударами розогъ, она встала только съ помощью помощниковъ палачей...

Едва держащуюся на ногахъ, ее отвели въ тюрьму, гдѣ подруги по заключенію проявили къ ней много трогательнаго участія: утѣшали ее, лѣчили изсѣченныя мѣста и т. д.

Другой томъ того же автора является продолженіемъ перваго.

Названъ онъ „Выходъ Елены“ и написанъ тоже в формѣ писемъ Елены, но въ немъ есть одно отвѣтное письмо молодой подруги Елены, въ которомъ она съ мельчайшими подробностями описываетъ тѣлесныя наказанія провинившихся ученицъ въ школахъ цѣломудренной Германіи.

Чтобы утѣшить свою юную подругу, молодая дѣвушка въ одномъ мѣстѣ своего письма вспоминаетъ ихъ ученическіе годы и первое тѣлесное наказаніе Елены, которой было тогда двѣнадцать лѣтъ. Елена была хорошенькая дѣвочка, довольно полная, бѣлокурая, двѣ чудныя косы золотистыхъ волосъ падали на плечи.

За какой-то пустякъ ее рѣшили высѣчь розгами.

Наказывать ее должна была ея классная дама (fräulein).

Она покорно исполнила ея приказаніе и легла къ ней на колѣни. Та подняла ей юбочки и, по ея мнѣнію, цѣлую вѣчность возилась съ развязываніемъ ей панталоновъ. Наконецъ, она ихъ развязала и Елена была обнажена.

Классная дама начинаетъ сѣчь розгами, Елена кричитъ и проситъ прощеніе, въ то время какъ присутствующія ученицы съ любопытствомъ и вниманіемъ смотрятъ на экзекуцію.

— „Какая она хорошенькая“, говоритъ одна изъ подругъ Елены другой шепотомъ, „меня такъ и подмываетъ выйти и поцѣловать ее“!..

Но наказаніе, совершенно неожиданно, усложняется тѣмъ, что классной дамѣ приходитъ фантазія приказать каждой изъ присут-

ствующихъ ученицъ дать Еленѣ по три удара розгами по крупу, на которомъ уже было не мало красныхъ полосокъ.

Первой должна съчь Лолота, та самая, которая пишетъ это отвѣтное письмо, она дрожащими руками беретъ изъ рукъ класной дамы розги и отчасти изъ страха отъ угрозы класной дамы высъчь немедленно каждую дѣвочку, которая будетъ слабо, не изъ всей силы, ударять, а больше отъ нервнаго возбужденія бьетъ сильно и какъ разъ по тѣмъ мѣстамъ, которыя ей, какъ дѣвочкѣ, извѣстны, какъ самыя чувствительныя. Она сознается, что была страшно довольна, когда послѣ ея удара Елена сильно вскрикнула и особенно, когда увидала выступившую каплю крови... Ей стыдно въ этомъ теперь сознаться, но она была счастлива и, послѣ третьяго удара, съ сожалѣніемъ передала розги слѣдующей ученицѣ...

Заканчивая свое посланіе, написанное съ той очаровательной дѣтской простотой и откровенностью, чуждой всякой фальшивой сочиненности, она проситъ Елену простить ее за то, что она была тогда такой злой, что ей теперь особенно тяжело, когда она представляетъ, что ея милая, добрая Елена, благодаря суровымъ и несправедливымъ законамъ, снова должна подвергнуться прежнему унижительному наказанію.

— „В моемъ воображеніи рисуется“, пишетъ она, „что ты, теперь уже взрослая дѣвушка, опять должна будешь поднять свои юбки и показать свое обнаженное тѣло глазамъ злой и насмѣшливой публики“!

Увы это была печальная правда. Согласно того же дикаго закона, Елена, за день до выхода изъ тюрьмы, снова должна подвергнуться „прощальному“ наказанію розгами.

Ей еще разъ придется лежать на скамейкѣ и показать всѣ прелести своего дѣвственнаго тѣла...

Второе письмо, это — письмо Елены къ Лолотѣ; въ немъ несчастная арестантка подробно описываетъ „прощальное“ наказаніе ея розгами.

Она опять на томъ же тюремномъ дворѣ, какъ и въ первый разъ, все передъ той же ужасной скамейей; невольно ея взоръ упалъ на кучу пучковъ розогъ, которыми сейчасъ ее будутъ наказывать и она отшатнулась назадъ, — онѣ ей показались очень длинными и очень толстыми, а она знаетъ, что ей теперь дадутъ уже не тридцать розогъ, а сорокъ.

Дѣло въ томъ, что тюремное начальство, въ виду особенно хорошаго поведенія Елены во все время заключенія, ходатайствовало передъ высшимъ начальствомъ объ освобожденіи ея отъ обязательнаго, передъ выходомъ изъ тюрьмы, наказанія розгами въ количествѣ пятидесяти ударовъ самое меньшее и не больше ста ударовъ.

Высшее начальство отказало въ освобожденіи совсѣмъ отъ наказанія, а разрѣшило наказать ее сорока розгами, т. е. уменьшило наказаніе на десять ударовъ.

Елена покорно идетъ къ скамейкѣ и сама ложится на нее, только слезы льются градомъ по щекамъ.

Вотъ она привязана и обнажена, какъ и въ первый разъ, на глазахъ гогочущей и толкающей, чтобы лучше видѣть экзекуцію, толпы.

Палачъ стоитъ уже съ поднятыми розгами и ждетъ отъ начальника тюрьмы только разрѣшенія начать съчь ее.

Наконецъ, раздается свистъ розогъ въ воздухъ и ее начинаютъ пороть.

Нестерпимая боль заставляетъ забыть всякій стыдъ и Елена кричитъ, вертится подъ розгами и, невольно, принимаетъ безстыдные положенія на глазахъ сотенъ зрителей.

Она должна испить чашу до дна. Но это уже конецъ ея мученій. Послѣ наказанія ее отводятъ въ одиночную камеру, гдѣ ей объявляютъ, что завтра она будетъ выпущена изъ тюрьмы.

Теперь она соединится съ своимъ женихомъ и в счастливой любви забудетъ всю горечь прошлаго.

Книга Ренгарта представляетъ одно изъ тѣхъ рѣдкихъ сочиненій, основанныхъ на „человѣческихъ документахъ“. Въ ней нѣтъ глупыхъ, сочиненныхъ сценъ, не возбуждающихъ никакого волненія въ читателѣ.

Вотъ почти все, что можно сказать относительно тѣлеснаго наказанія въ германскихъ тюрьмахъ.

Въ наши дни, какъ извѣстно, полиція очень любитъ задерживаемыхъ ею лицъ подвергать побоямъ (во Франціи это называется „passage à tabac“). Это практикуется болѣе или менѣе часто почти во всѣхъ странахъ. Такъ, въ Москвѣ въ одномъ изъ полицейскихъ участковъ высѣкли, если не ошибаюсь, помощника присяжнаго повѣреннаго. Въ Петербургѣ въ одномъ полицейскомъ участкѣ наказали розгами пятнадцатилѣтнюю дѣвушку-проститутку. Наказать ее розгами разрѣшилъ приставъ, двое городскихъ растянули ее на скамейкѣ и держали, пока ее порола собственная мать. Но мы знаемъ объ этихъ фактахъ только потому, что они дошли до суда. Тысячи, если только не десятки тысячъ, остаются неоглашенными. Правда, въ другихъ странахъ не порютъ, а просто колотятъ... Хотя для женщинъ довольно часто вездѣ дѣлается исключеніе и ихъ не подвергаютъ побоямъ, какъ мужчинъ, а поднимаютъ юбки и шлепаютъ руками довольно чувствительно, въ рѣдкихъ случаяхъ обнажаютъ и шлепки замѣняются розгами, плеткой или другимъ какимъ-нибудь, попавшимся подъ руку, орудіемъ наказанія... Это менѣе опасно.

Въ первомъ томѣ я говорилъ о наказаніи розгами школьниковъ и школьницъ въ польскихъ провинціяхъ Пруссіи... Думаю, что газеты немного преувеличили въ политическихъ видахъ суровость подобныхъ наказаній польскихъ дѣтей.

Въ Германіи во всѣхъ школахъ съкутъ мальчиковъ и дѣвочекъ розгами за болѣе или менѣе важные проступки. Это наказаніе считается излюбленнымъ для поддержанія школьной дисциплины.

Безспорно одно, что тѣлесныя наказанія имѣютъ несравненно больше защитниковъ въ англо-саксонскихъ и нѣкоторыхъ славянскихъ странахъ, чѣмъ въ латинскихъ.

Можно ли изъ этого сдѣлать выводъ, что послѣднія въ своихъ нравахъ болѣе цивилизованы или просто болѣе эклектичны, чѣмъ первыя?

Я этого не думаю... Кто хорошо знаетъ кодексъ цѣломудрія международнаго, для того не тайна, что одно и то же наказаніе, унизительное для французскаго ребенка является самымъ естественнымъ наказаніемъ для англійскаго, нѣмецкаго или русскаго ребенка.

Не слѣдуетъ видеть нарушенія цѣломудрія въ извѣстномъ словѣ или извѣстной части нашего тѣла, произвольно объявленными позорными. Впечатлѣніе, вызываемое видомъ тѣхъ или другихъ частей тѣла, совершенно такъ же, какъ отвращеніе къ мясу тѣхъ или другихъ животныхъ, является плодомъ воспитанія цѣлаго ряда поколѣній, такъ сказать атавизма, который не всегда отличается строгой логичностью.

Интересующихся этимъ вопросомъ я отсылаю къ превосходному сочиненію французскаго профессора Ш. Летурно — „Нравственность. Развѣтіе ея съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней“¹⁾.

Французскій писатель Фернандъ Шаффиньоль въ недавно выпущенной имъ книгѣ, на основаніи документовъ, открытыхъ имъ въ государственныхъ архивахъ, записокъ современниковъ и семейныхъ архивовъ, утверждаетъ, что Катерина Медичи не брезгала собственноручно иногда наказывать розгами неугодившихъ ей фрейлинъ или даже горничныхъ, какъ наказываютъ совсѣмъ маленькихъ дѣвочекъ. Онъ собралъ массу анекдотовъ, которые служатъ лучшимъ доказательствомъ того, до чего была распространена въ то время при дворѣ флагелляція.

Такъ, на примѣръ, честь сидѣть на табуреткѣ у ногъ императрицы была сопряжена со многими тяжелыми обязанностями, благодаря которымъ „счастливица“ частенько навлекала на себя громы суровой королевы флагеллянтши.

Если иногда страдала хорошенькая головка провинившейся фрейлины, по лицу которой раздавалась звонкая королевская плюха, то несравненно чаще страдала часть тѣла противоположная, столь удобная для прогулокъ розогъ и плетки... Отъ такой чести не были избавлены самыя аристократическія особы.

Шаффиньоль утверждаетъ съ документами въ рукахъ, что подобныя наказанія производились королевой безъ соблюденія всякаго уваженія къ чувству стыдливости наказываемой фрейлины или служанки... Она смотрѣла на нихъ, какъ на своихъ собаченокъ. За малѣйшій пустякъ фрейлину раздѣвали и сѣкли розгами.

Была особая женская прислуга, которая обучалась умѣнью наказывать розгами или плеткой... Ихъ выбирали изъ числа здо-

¹⁾ Нравственность. Развѣтіе ея съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. Профес. Ш. Летурно. Полный переводъ со 2-го изд. Д-ра медиц. А. З.—го. 434 стран. 1 руб.

ровыхъ и сильныхъ. Въ такихъ случаяхъ наказываемой приходилось переносить не только сильную боль, но еще чувствительное униженіе отъ того, что ее наказываетъ розгами или плеткой прислуга, которая по тогдашнямъ понятіямъ особенно мало уважалась.

Я уже говорилъ въ предшествующихъ томахъ объ этой королеви, а потому прошу читателя великодушно меня простить, если я повторю что-нибудь уже сказанное.

Катерина нерѣдко, если были двѣ виноватыхъ, которыхъ она рѣшила наказать розгами, приказывала имъ наказывать по очереди одна другую.

Она, по ея собственнымъ словамъ въ письмѣ къ одной своей пріятельницѣ, находила забавнымъ видѣть озлобленную физиономію той, которой первой приходилось раздѣваться и ложиться на скамейку подъ розги, въ ожиданіи, когда она сама, послѣ наказанія ея розгами, въ свою очередь будетъ пороть свою мучительницу...

Бывали иногда случаи, что дама сѣкла слабо свою пріятельницу, думая этимъ задобрить и, въ свою очередь, быть легко ею высѣченной, но королева за этимъ строго слѣдила и почти уничтожила подобныя штуки тѣмъ, что немедленно, какъ замѣчала подобное, приказывала позвать прислугу, которой и поручала выпороть обѣихъ, но уже такъ, что онѣ едва могли сами встать со скамейки. А потому одной угрозы позвать прислугу было достаточно впослѣдствіи для того, чтобы дама порола вполне добросовѣстно, нарочно стараясь бить не только сильно, но и по самымъ чувствительнымъ мѣстамъ, зная, что черезъ нѣсколько минутъ ея теперешняя жертва постарается отмстить ей за все это...

Мало дамъ могли гордиться, что онѣ избегли подобнаго унижительнаго наказанія.

По словамъ Шаффиньоля, одна молоденькая фрейлина въ день своего вѣнчанія позволила себѣ зло подшутить надъ туалетомъ и цвѣтомъ лица королевы, благословлявшей жениха. Королева узнала объ этомъ, велѣла позвать ее въ отдѣльныя комнаты дворца, гдѣ, въ присутствіи ея молодого мужа, новобрачную разложили на скамейкѣ и дали сто розогъ... Сѣкла ее особая женщина... Отъ стыда она уѣхала въ свое имѣніе. Она вернулась ко двору черезъ нѣсколько лѣтъ и то по особому приказу королевы, пожелавшей ее имѣть подъ своимъ началомъ. И такихъ дамъ была масса.

Знаменитый современный русскій писатель Максимъ Горькій, какъ мы видѣли выше, описываетъ подробно наказаніе плеткой дѣвушекъ въ публичномъ домѣ. Тотъ же писатель въ нѣкоторыхъ своихъ рассказахъ даетъ намъ свѣдѣнія объ орудіяхъ тѣлесныхъ наказаній. Это розги изъ березовыхъ прутьевъ, кнутъ, плетки, холщевые мѣшечки, набитые пескомъ, послѣдніе имѣютъ то преимущество, что причиняя боль, въ то же время не повреждаютъ кожи наказываемыхъ ими.

Въ деревняхъ дѣвушекъ сѣкутъ по обнаженному крупу... Одинъ изъ нашихъ писателей именно этимъ спеціальнымъ массажемъ

объясняетъ чрезвычайно сильное развитіе крупа у русскихъ куртизанокъ.

Въ его произведеніяхъ можно найти указаніе на тотъ странный психологическій фактъ, что русскія крестьянки находятъ подобное обращеніе вполне естественнымъ, обыкновенно не сопротивляются и не питаюъ никакой злобы къ своимъ палачамъ за учиненную надъ ними жестокою порку...

Человѣкъ такъ уже сотворенъ, что ко всему привыкаетъ и, по словамъ другого извѣстнаго писателя Достоевскаго, эта способность привыкать ко всему является одной изъ главныхъ особенностей, отличающей человѣка отъ другихъ животныхъ.

До Горькаго о тѣлесномъ наказаніи мужчинъ въ тюрьмахъ говорилъ Достоевскій. Онъ указывалъ на ужасъ, который вызываетъ подобное наказаніе у провинившихся.

Въ своемъ безподобномъ произведеніи „Записки изъ Мертваго Дома“ онъ изучаетъ различные типы каторжниковъ. Одинъ изъ нихъ рассказываетъ свою исторію, свою жизнь и тутъ мы наталкиваемся на рядъ документовъ, указывающихъ на существованіе въ деревняхъ тѣлеснаго наказанія женщинъ съ исправительною цѣлью.

Въ своей семьѣ русская крестьянская дѣвушка довольно часто наказывается розгами, веревками, вожжами и т. п., независимо отъ ея возраста.

Въ подтвержденіе этого мы приведемъ выдержки изъ произведенія Достоевскаго „Записки изъ Мертваго Дома“, которое будемъ цитировать дословно.

Каторжникъ рассказываетъ про свое обрученіе и женитьбу.

Чтобы жениться на молоденькой и хорошенькой дѣвущкѣ, изъ богатой семьи, красавицѣ Акулькѣ, онъ придумалъ такую уловку.

При содѣйствіи нѣсколькихъ бездѣльниковъ изъ его банды онъ вымазалъ ворота избы, гдѣ жила дѣвушка, дегтемъ, что, по мѣстнымъ понятіямъ, является выраженіемъ презрѣнія къ дѣвушкамъ, живущимъ въ домѣ, и поведеніе которыхъ не отличается нравственностью.

Но я уступлю слово самому Достоевскому или, вѣрнѣе, мужу Акульки:

— Вотъ мы Акулькѣ ворота и вымазали. Такъ ужъ драли ее, драли за это дома-то ...Марья Степановна кричитъ: „Со свѣта сживу“! Бывало, сосѣди на всю улицу слышатъ, какъ Акулька ревма-реветъ: сѣкутъ съ утра до ночи...

— Въ то время и я разъ повстрѣчалъ Акульку, съ ведрами шла, да и кричу:

— Здравствуйте, Акулина Кудимовна! салфетъ вашей милости, чисто ходишь, гдѣ берешь, дай подписку съ кѣмъ живешь! — да только и сказалъ, а она какъ посмотрѣла на меня, такіе у нея большіе глаза-то были, а сама похудѣла какъ щепка. Какъ посмотрѣла на меня, мать-то думала, что она смѣется со мною, и кричитъ въ подворотню: «Что ты зубы-то моешь, безстыдница“! такъ въ тотъ же день отецъ сталъ ее опять драть. Бывало

цѣлый битый часъ дереть. „Засѣку, говорить, потому она мнѣ теперь не дочь“.

Я не стану приводить всѣхъ мѣстъ, гдѣ идетъ рѣчь о тѣлесномъ наказаніи...

Можно сказать, что нѣтъ почти ни одного произведенія русскаго писателя, въ которомъ не была бы посвящена одна или нѣсколько страницъ описанію сценъ тѣлеснаго наказанія.

Обыкновенно какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, въ деревняхъ, подвергаемыхъ тѣлесному наказанію, растягиваютъ на длинной, узкой деревянной скамьѣ, обнажаютъ спину, крупъ и ляшки; затѣмъ, въ то время, какъ одинъ держитъ за ноги, другой за плечи, третій поретъ розгами или чѣмъ попало...

Въ семьяхъ часто просто хватаютъ провинившуюся и, обнаживъ, наказываютъ безъ помощи скамьи, иногда безъ помощи постороннихъ. Нерѣдко привязываютъ наказываемыхъ на скамью или къ столбамъ или стойламъ лошадей и затѣмъ сѣкутъ. Вообще, тут существуетъ масса варьяцій.

Невольно является вопросъ, не вызываютъ ли русскія крестьянки своимъ предосудительнымъ поведеніемъ необходимости подвергать ихъ тѣлесному наказанію?

Въ низшихъ классахъ, какъ я уже замѣтилъ выше, тѣлесное наказаніе не является наказаніемъ унижительнымъ. Еще не особенно давно, если не ошибаюсь, плетка составляла необходимую принадлежность приданаго новобрачной не только крестьянки, но даже купеческой дѣвушки.

Чрезвычайно суровый и произвольный режимъ вызываетъ, конечно, протесты.

Борьба классовъ въ Россіи въ полномъ разгарѣ. Репрессіи идутъ съ обѣихъ сторонъ. На бомбы и револьверы отвѣчаютъ висѣлицами, порками, ссылками и заключеніемъ въ тюрьмы.

Въ Россіи нерѣдко встрѣтить изящную дѣвушку, съ тонкими аристократическими ручками, созданными для держанія дорогого вѣера, вооруженную револьверомъ большого калибра и стрѣляющую въ представителя власти.

Еще чаще, говорятъ, можно видѣть дѣвушку революционерку растянутой на скамьѣ, въ какомъ-нибудь полицейскомъ участкѣ, нескромно обнаженной и наказываемой розгами... Подобныя сцены особенно были часты во время недавнихъ погромовъ въ городахъ, которые отведены для житья евреямъ...

Не знаю, на сколько вѣрно, но рассказываютъ, что одна молодая еврейская дѣвушка, рѣдкой красоты, чтобы имѣть возможность слушать курсы въ университетѣ города, гдѣ евреямъ не дозволено жить, записалась въ проститутки, которымъ дозволено жить повсюду внѣ черты еврейской осѣдлости. Разъ ее вечеромъ задержали и привели въ участокъ. Съ проституткой не думали особенно церемониться и рѣшили высѣчь ее розгами. Тогда она открыла, что она не проститутка и что она воспользовалась этимъ званіемъ для другой цѣли... Посылаютъ за полицейскимъ врачомъ, который подвергаетъ дѣвушку освидѣтельствуванію и находитъ,

что она дѣвственница... Тѣмъ не менѣе ее все-таки растянули на скамѣ, привязали и дали сорокъ розогъ... Если даже все это вѣрно, то, по моему, подобныя увлеченія, при усмирении народныхъ волненій въ странѣ, не особенно цивилизованной и гдѣ не всѣ воспитаны въ чувствѣ законности, не представляетъ чего-нибудь особенно выдающагося...

Казачья нагайка является пугаломъ у насъ на Западѣ. Нагайка, которую казакъ держитъ постоянно въ рукѣ и которая иногда гуляетъ по спинѣ какой-нибудь нѣжной барышни, вызывая у нея стоны отъ боли, пускается казакомъ съ единственною цѣлью причинить возможно сильную боль... Казакъ мало понимаетъ разныя тонкости въ страстяхъ и, по мнѣнію почти всѣхъ русскихъ писателей, не является флагеллянтомъ въ полномъ значеніи этого слова. Онъ не заботится, чтобы пациентка была въ томъ или другомъ положеніи, обнажена или нѣтъ, онъ не оказываетъ предпочтенія той или другой части ея тѣла и не старается бить предпочтительно по крупу женщины, чѣмъ по другимъ частямъ ея тѣла. Повторяемъ: онъ бьетъ, чтобы заставить почувствовать боль, но не стыдъ. Наказаніе женщинъ въ извѣстной постановкѣ, на скамѣ, розгами и т. д. является уже плодомъ фантазіи болѣе интеллигентныхъ лицъ... Въ такихъ случаяхъ экзекуторъ или по приказанію кого производится экзекуція въ большей или меньшей степени зараженъ садизмомъ. Что раскладывали на скамьяхъ и пороли по обнаженному тѣлу розгами или нагайками студентовъ или студентокъ, это вполнѣ возможно, но сомнительно, чтобы инициаторами такихъ церемональныхъ экзекуцій были казаки. Они являлись простыми исполнителями чужихъ велѣній... Вѣдь если не лицемѣрить, то нужно сознаться, что мало найдется мужчинъ, которые, имѣя приказъ свыше наказать розгами молоденькую дѣвушку, пожертвовали бы своей карьерой, и отказались отъ исполненія подобнаго порученія, приведеніе котораго заключаетъ массу прелестей... Тѣмъ болѣе, что подобное наказаніе женщинъ въ нравахъ страны... Вѣдь всего какихъ-нибудь пять лѣтъ Императорскимъ указомъ отмѣнены тѣлесныя наказанія вполнѣ, да и то для каторжниковъ, въ военныхъ тюрьмахъ и для ссыльно-поселенцевъ розги сохранены... Но вѣковые обычаи нельзя искоренить въ такой короткій срокъ. Крестьянинъ знаетъ, что его отца, дѣда, прадѣда пороли розгами, а потому нельзя сразу измѣнить его психологію и требовать, чтобы онъ находилъ въ этомъ наказаніи что-то позорное. Администраторы, начальники разныхъ карательныхъ экспедицій, отрядовъ или просто усмирители народныхъ волненій еще долго будутъ пользоваться розгами, такъ какъ они воспитаны въ томъ убѣжденіи, что онъ самое волшебное средство для подчиненія неповинующихся. Правда, въ города начинаютъ проникать идеи нашего „гнилого Запада“, но въ деревняхъ крестьяне еще долго не будутъ видѣть ничего позорнаго въ наказаніи розгами.

Въ Болгаріи, во времена Стамбулова, высшая власть закрывала глаза на то, что полицейскія участки превратились, подоб-

но тюрьмамъ, въ застѣнки, гдѣ день и ночь истязали заключенныхъ. Напротивъ, Стамбуловъ даже поощрялъ усердіе своихъ агентовъ. Представители власти не стѣснялись подвергать заключенныхъ самымъ ужаснымъ пыткамъ, подъ предлогомъ наказания ихъ или съ цѣлю добиться отъ нихъ признанія или выдачи соучастниковъ.

Пока истязанія производились въ тюрьмахъ и полицейскихъ участкахъ, до Запада только изрѣдка доходили жалобы истязуемыхъ.

Но послѣ его смерти и возстановленія въ странѣ сравнительной законности, всѣ ужасы тогдашняго бурнаго времени, всѣ жестокости слѣпой, варварской репрессіи всплыли передъ изумленными глазами цивилизованнаго міра.

Среди многочисленныхъ случаевъ истязанія, сообщенныхъ очевидцами, въ добросовѣстности которыхъ мы не имѣемъ права сомнѣваться, я остановлюсь только на такихъ, которые не выходятъ изъ рамокъ моего труда. Теперь вполне установлено, что множество женщинъ и дѣвушекъ, принадлежавшихъ къ семьямъ политическихъ противниковъ Стамбулова, подверглось жестокому наказанію розгами, въ то самое время, какъ ихъ мужья, отцы и братья только въ рѣдкихъ случаяхъ наказывались розгами, которыя для нихъ считались слишкомъ слабымъ орудіемъ истязанія. Ихъ били, главнымъ образомъ, плетями, или мѣшками, наполненными пескомъ и т. п.

Въ казармахъ, полицейскихъ участкахъ, даже на дворахъ нѣкоторыхъ частныхъ домовъ расходъ на розги былъ колоссальный.

Гордые, молодыя женщины и дѣвушки, энтузіастки были подвергнуты этому жестокому и смѣшному наказанію. Много невинныхъ было наказано розгами въ видѣ предупрежденія заботливой властью.

Всѣ арестованные по простому капризу пристава наказывались до потери признанія розгами или мѣшками съ пескомъ. Общественное положеніе, конечно, имѣло значеніе, хотя были случаи наказанія розгами дамъ изъ высшихъ слоевъ общества. Я приведу одинъ изъ такихъ случаевъ, который попалъ на столбцы берлинскихъ газетъ со всѣми подробностями. Можетъ быть, потому, что дама — жена когда-то очень вліятельнаго чиновника, а полицейскій чинъ оказался галантнымъ человѣкомъ. Я почти цѣликомъ воспользуюсь изложеніемъ корреспондента берлинской газеты.

Уроженецъ Тырнова, изъ небогатой купеческой семьи, Р... довольно хорошо учился въ софійскомъ университетѣ. Родители прочили его въ профессора и, вѣроятно, онъ достигъ бы этого званія, такъ какъ онъ любилъ заниматься, по онъ имѣлъ несчастье потерять родителей и остаться совсѣмъ безъ средствъ, когда ему было двадцать лѣтъ.

Сперва онъ думалъ бороться и пробовалъ содержать себя уроками, репетированіемъ, живя въ конуркѣ и частенько голодая. Но потомъ у него не хватило энергіи бороться со всѣми этими

лишеніями. Послѣ двухъ лѣтъ борьбы, онъ бросилъ университетъ, горя желаніемъ насладиться жизнью, и принялъ предложеніе стараго друга ихъ семьи, предложившаго ему поступить въ канцелярію министра полиціи.

Онъ поступилъ на службу полиціи противъ своего желанія. Но со временемъ онъ привыкъ къ своему положенію, на которое вначалѣ смотрѣлъ, какъ на паденіе. Рѣшивъ воспользоваться обыкновенными наслажденіями въ жизни, такъ какъ высшія цѣли были ему недоступны, онъ сталъ усердно работать. Онъ обладалъ талантомъ по части сыска, благодаря чему быстро прошелъ низшія должности. Открытіе заговора на жизнь одного изъ министровъ Стамбулова обратило на него благосклонное вниманіе министра полиціи и онъ былъ назначенъ на очень завидный постъ главнаго инспектора департамента полиціи въ Софіи.

Вѣжливый, хорошо воспитанный, съ пріятной внѣшностью, онъ былъ радушно принятъ въ лучшемъ обществѣ и посѣщалъ нѣкоторыя гостиныя.

Правда, про него ходило много анекдотовъ, въ которыхъ ему приписывались странные вкусы и совершенно особенная жестокость. Между прочимъ рассказывали, что послѣ ареста заговорщиковъ онъ собственноручно сѣкъ арестованныхъ женщинъ до тѣхъ поръ каждую изъ нихъ, пока не получалъ цѣнныхъ свѣдѣній. Говорили также и онъ не опровергалъ, что онъ питаетъ особенное пристрастіе къ женскому крупу.

Это былъ человѣкъ сладострастный и подобно всѣмъ сладострастникамъ, которыхъ обстоятельства заставили сдерживать свои страсти въ юношескіе годы, онъ былъ теперь немного маньякомъ. Субъектъ, который въ годы, когда потребность въ женщинѣ является необходимостью, лишень возможности удовлетворить свой половой аппетитъ, рискуетъ стать онанистомъ или, что еще хуже мозговымъ сладострастникомъ. Привычка мечтать о женщинѣ, не имѣя возможности обладать ею, отогнать на время эти мечты, мало по малу приводитъ къ тому, что такой субъектъ находитъ полное удовлетвореніе при видѣ слишкомъ приподнятой юбки, при сдѣланномъ женщиной какомъ-нибудь соблазнительномъ движеніи, при видѣ той или другой части женскаго тѣла, хотя прикрытой матеріей, все-таки вещей, которыя вполне возможно видѣть.

Если позже судьба поблагопріятствуетъ такому субъекту, онъ сильно рискуетъ остаться все-таки маньякомъ. Тѣло женщины, которымъ ему не пришлось обладать въ молодости, о которомъ онъ имѣетъ далеко не полное представленіе, не соблазняетъ его въ своей цѣлой совокупности; только часть этого тѣла способна его возбудить. Онъ становится, какъ говоритъ профессоръ Крафтъ-Эбингъ, фетишистомъ.

Этотъ фетишизмъ распространяется не только на извѣстныя части женскаго тѣла, но даже на нѣкоторыя принадлежности женскаго туалета.

Въ сентябрь 1909 г. въ Берлинъ былъ арестованъ на мѣстѣ преступленія одинъ мужчина среднихъ лѣтъ, пытавшійся у совѣтъ юной дѣвушки отрѣзать косу. Оказалось, что онъ человѣкъ состоятельный и рѣжетъ косы не для продажи, а потому только, что видъ отрѣзанной косы съ головки молоденькой и хорошенькой дѣвушки вызываетъ у него сладострастное возбужденіе, появляется напряженіе члена и эякуляція... Онъ уже разъ отсидѣлъ за подобный поступокъ два мѣсяца въ тюрьмѣ. На судѣ врачъ-экспертъ нашель у него всѣ признаки вырожденія, тѣмъ не менѣе судъ приговорилъ его къ четыремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Подобнымъ субъектамъ, по-моему, мѣсто не въ тюрьмѣ, а въ больницѣ.

Подобный фетишизмъ я наблюдалъ неоднократно и у старыхъ дѣвъ. Причина его одна и та же. Такъ, одна 34-хъ лѣтняя дѣвушка изъ Москвы возбуждалась страшно при видѣ затылка мужчины, который ей нравился по наружности... Ей ужасно хотѣлось всегда понюхать у него затылокъ. Если ей это удавалось сдѣлать, то у нея появлялось сильное сладострастное возбужденіе и на половомъ органѣ она замѣчала мокроту. Такъ, разъ, возвращаясь въ городъ въ экипажѣ съ человѣкомъ, который ей нравился, она мнѣ признавалась, что ей было, конечно, пріятно, когда онъ ее обнималъ, цѣловалъ и трогалъ, но высшее наслажденіе и сладострастную спазму она имѣла, когда понюхала и поцѣловала его затылокъ. Та же дѣвушка, по ея словамъ, влюбилась въ крупье въ Интерлакенѣ... Она страшно увлеклась игрой въ лошадки... Но не забывала и своей платонической любви къ крупье, который, конечно, замѣтилъ ея влюбленные взгляды, но познакомиться, если я не ошибаюсь, имъ не удалось. Тѣмъ не менѣе, разъ, когда она стояла сзади своего крупье и ухитрилась понюхать его затылокъ, то у нея опять явилась сладострастная спазма и она почувствовала опять мокроту на половомъ органѣ. Ему она послала какой-то подарокъ. Все это сильно напоминаетъ обожаніе учителей въ женскихъ институтахъ.

По моему мнѣнію это все тотъ же фетишизмъ, явившійся отъ невольнаго полового воздержанія и невозможности для дѣвушки удовлетворить половую потребность нормальнымъ путемъ.

Есть мужчины, увлекающіеся женскими ботинками, но изящными, извѣстной формы и даже, иногда, опредѣленнаго цвѣта.

Другой возбуждается при видѣ женщины, удовлетворяющей естественную потребность, но опять же въ извѣстной обстановкѣ...

Такихъ aberrаций безчисленное множество... Онѣ разнообразны до безконечности. Такъ какъ въ нашихъ цивилизованныхъ странахъ мало есть мужчинъ, которые, при наступленіи половой зрѣлости, могли бы вполне удовлетворить свой половой аппетитъ, то можно смѣло сказать, что каждый изъ нихъ отдавалъ предпочтеніе той или другой второстепенной подробности.

Р... имѣлъ грустную молодость.

Судьба дала ему возможность познать сладость обладанія женщиной въ сравнительно очень поздніе годы. Долгіе годы ему приходилось сдерживать свою похоть. И если что заставило поступить его на службу по полиціи, то именно убѣжденіе, что

стремленіе къ научной карьерѣ не дастъ ему возможности еще долго удовлетворить свою половую потребность.

По части сладострастія у него сохранилось единственное воспоминаніе, что въ молодости оно у него возбуждалось при видѣ довольно частыхъ сценъ флагелляціи.

Родители его имѣли на югѣ Россіи большое имѣніе съ нѣсколькими сотнями душъ крѣпостныхъ. Будучи ребенкомъ, онъ почти ежедневно присутствовалъ при наказаніи розгами провинившихся дворовыхъ дѣвушекъ и другой челяди. По его словамъ корреспонденту берлинской газеты, видѣ обнаженнаго женскаго крупа, подпрыгиваніемъ его подѣ влияніемъ боли, сжиманіе и разжиманіе мускуловъ отъ боли, позволявшее видѣть самыя сокровенныя прелести женщины, глубоко врѣзалось въ его память.

Позднѣе онъ наблюдалъ тѣ же самыя сцены надъ мальчиками, когда давалъ уроки или репетировалъ. Онъ довольно часто попадалъ на родителей, которые за лѣность или плохой баллъ въ школѣ безжалостно при немъ же пороли дѣтей розгами. Въ полиціи онъ тоже присутствовалъ неоднократно при сценахъ истязанія уже взрослыхъ женщинъ. Мало-по-малу, онъ сталъ при видѣ наказанія розгами женщины испытывать величайшее наслажденіе.

Когда ему въ первый разъ удалось обладать женщиной, то онъ испыталъ полное разочарованіе. Подобно многимъ флагеллянтамъ, онъ рѣшилъ, что съчь женщину доставляетъ больше сладострастнаго наслажденія, чѣмъ обладать ею нормальнымъ путемъ. Можетъ быть къ этому еще присоединялось немного желанія отомстить за долгіе годы воздержанія. Онъ исполнялъ законъ природы, но только послѣ удовлетворенія своей маніи.

Строго говоря онъ не любилъ жестокости, — видѣ крови былъ ему непріятенъ. Кромѣ того онъ питалъ къ своимъ случайнымъ жертвамъ нѣкоторую признательность, вродѣ той, которую имѣетъ человѣкъ къ женщинѣ, давшей ему высшее любовное наслажденіе.

Понятно, что Р..., занявъ постъ полицейскаго инспектора, не постѣснялся воспользоваться своей громадной властью для удовлетворенія своей маніи.

Всѣ задержанныя полиціей проходили передъ нимъ. Но онъ былъ диллетантъ и не испытывалъ почти никакого удовольствія, если наказываемая розгами женщина была некрасива. Женщина должна была быть недурна собой и отличаться изяществомъ, чтобы онъ лично присутствовалъ при наказаніи ея розгами.

Нечистоплотныхъ дѣвицъ, съ грязнымъ нижнимъ бѣльемъ, проститутокъ низшаго разбора онъ предоставлялъ наказывать своимъ помощникамъ. Для себя онъ сохранялъ то, что стояло выше средняго и, конечно, дѣвушекъ и женщинъ изъ буржуазіи, зараженныхъ ненавистью къ Стамбулову. Иногда даже онъ удаивалъ собственноручно съчь розгами виновную, если обнаженный крупъ ея произвелъ на него особенно сильное впечатлѣніе. Кромѣ того для наказанія розгами въ его распоряженіи были три городовыхъ, изъ которыхъ одинъ отличался геркулесовской силой. Всѣ они слѣпо исполняли каждое его приказаніе.

„Если при осмотрѣ задержанныхъ, по словамъ секретаря Р... корреспонденту, которая либо обратила на себя вниманіе Р..., то

онъ немедленно приказывалъ отвести въ сосѣднюю комнату, гдѣ ее тщательно обыскивала особая женщина. Послѣ обыска ее отводили въ его кабинетъ, гдѣ, смотря по настроенію, ее наказывали розгами, при чемъ Р... или самъ сѣкъ, или приказывалъ сѣчь ему, секретарю, или кому-либо изъ городскихъ. Если ему почему-либо хотѣлось эту женщину наказать особенно строго, то онъ говорилъ: „Ее нужно хорошенько пробрать“ и приказывалъ сѣчь ее розгами городовому-геркулесу Кейзеру, уроженцу Данцига.

Никто изъ насъ, по словамъ того же секретаря, не смѣлъ сказать что-нибудь противъ такого варварскаго способа расправы съ женщинами, иногда виновными въ томъ только, что неодобрительно отозвались о Стамбуловѣ. Мы всѣ были глубоко убѣждены, что только благодаря такимъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ Р... удавалось добиться признанія и свѣдѣній о самыхъ секретныхъ заговорахъ противъ Стамбулова или кого-либо изъ его министровъ.

Въ дѣйствительности ничего этого не было, какъ оказалось теперь.

Р... никогда не придавалъ значенія признаніямъ, вырывавшимся у жертвъ подъ розгами. Онъ просто смотрѣлъ на подобныя наказанія, какъ на преимущества своего положенія, дающія ему возможность безнаказанно наслаждаться излюбленнымъ имъ зрѣлищемъ.

За рѣдкимъ исключеніемъ, всѣ подобныя наказанія розгами были сравнительно ребяческими. Р... былъ маньякъ, но не палачъ. Каждый разъ когда только это не являлось нарушеніемъ долга службы, онъ вознаграждалъ виновныхъ въ возможно широкой степени за доставленное ему наслажденіе. Довольно часто даже онъ приказывалъ выпустить тотчасъ же послѣ наказанія розгами тѣхъ, которыя были виновны въ какомъ-нибудь не особенно важномъ проступкѣ. Даже болѣе важныхъ заговорщицъ онъ освобождалъ, если онѣ успѣвали увѣрить его, что строгое наказаніе розгами, которому онѣ ихъ подвергъ, навсегда отбило у нихъ охоту заниматься политикой“.

Р..., помимо своей маніи, былъ вполне галантный человѣкъ, конечно, насколько галантность совмѣстима съ званіемъ полицейскаго офицера.

Въ одинъ прекрасный день онъ простеръ свою галантность настолько далеко, что измѣнилъ долгу своей службы и это ради любви.

Въ 189... Р... уже перешагнулъ сорокъ лѣтъ. Разцвѣтъ второй молодости, особенно опасный для любви тѣмъ, кто не успѣлъ насладиться ею въ двадцать лѣтъ, сопровождался для него смутными сожалѣніями. Храбрый, онъ не разъ рисковалъ жизнью, считая, что онъ обязанъ добросовѣстно служить, если поступилъ на службу. Сознаніе, что жизнь его сложилась неудачно, дѣлало его особенно смѣлымъ. Было нѣсколько такихъ дѣлъ, гдѣ онъ безумно, вопреки самой элементарной осторожности, рисковалъ жизнью и имѣлъ успѣхъ. Благосклонность къ нему все-сильнаго министра все росла и росла; онъ былъ даже представленъ князю.

Въ свободное время отъ службы онъ посѣщалъ нѣкоторыя великосвѣтскія гостиныя. Прекрасный рассказчикъ, живой, веселый, онъ всюду былъ желаннымъ гостемъ. Храбрость, нѣсколько даже рыцарская, проявленная имъ при открытіи нѣсколькихъ заговоровъ и поимкѣ заговорщиковъ, заслужила ему всеобщее уваженіе. Защитники Стамбуловскаго режима видѣли въ лицѣ его одну изъ самыхъ надежныхъ своихъ опоръ. Беспартійныя и даже оппозиціонно-настроенныя лица преклонялись передъ подвигами его личнаго мужества.

Въ это самое время г-жа М... поселилась въ Софіи. Ея мужъ занималъ довольно важный постъ префекта, но за какія-то злоупотребленія вынужденъ былъ подать въ отставку. Оба они всячески старались, чтобы опять попасть въ милость. Но все было напрасно. Хотя ихъ еще принимали въ высшемъ свѣтѣ, но никто изъ вліятельныхъ особъ не хотѣлъ хлопотать за М., который переступилъ въ своихъ дѣйствіяхъ границы дозволеннаго въ Болгаріи, а этимъ уже не мало сказано.

Къ тому же высшій свѣтъ, если и принималъ М., то только благодаря его женѣ, рѣдкая красота и талантливость которой являлись цѣннымъ украшеніемъ для любой великосвѣтской гостиной... Превосходная музыкантша, недурная пѣвица, она своимъ небольшимъ, но чарующимъ голосомъ и своей красотой вызывала въ сердцахъ дотолѣ невѣдомыя вспышки страсти... Изъ числа тѣхъ, кто имѣлъ счастье увидать ее, начиная отъ юноши и кончая престарѣлымъ старцемъ, врядъ ли нашелся бы одинъ, который не пожертвовалъ бы рѣшительно всѣмъ за часъ обладанія ею.

Какъ только М., человекъ очень не глупый, увидалъ, что у него нѣтъ никакой надежды вернуть утраченное положеніе, онъ рѣшилъ покориться своей участи. Въ концѣ концовъ, не все ли ему равно! Состояніе у него было хорошее и онъ могъ жить не только въ довольствѣ, но даже очень широко. Вообще жизнь казалась ему еще очень заманчивой.

Но жена его не могла помириться съ необходимостью отказаться навсегда отъ высокаго положенія, которое она еще такъ не давно занимала. Очень чувственная по натурѣ, она, тѣмъ не менѣе, сумѣла отодвинуть любовь на второй планъ.

Она испытала всѣ самыя рискованныя положенія, которыя только возможны при любовной интригѣ; она готова была съ удовольствіемъ отдаться чувственнымъ наслажденіямъ, но всего этого ей было мало для полнаго счастья.

Долгое время она упорствовала интриговать. Не разъ она даже жертвовала своей особой, но все это было напрасно.

Въ это время ей былъ представленъ Р... Какъ мужчина, онъ ей понравился, но, зная, что онъ пользуется громаднымъ вліяніемъ у Стамбулова, она рѣшила отдаться ему при условіи, если онъ устроитъ, чтобы ея мужъ опять попалъ въ милость...

Р... былъ ею ослѣпленъ. Возродившаяся молодость сдѣлала то, что онъ считалъ себя героемъ, она же толкала его на путь какого-нибудь необыкновеннаго любовнаго приключенія. Красота г-жи М., которая при этомъ еще обладала очаровательнымъ

крупомъ, который онъ обожалъ выше всего на свѣтѣ, сдѣлала то, что Р..., послѣ двухъ-трехъ встрѣчъ, безумно въ нее влюбился.

И что особенно удивительно, что въ первый разъ тѣло женщины возбуждало въ немъ нормальное желаніе обладать имъ.

Весь подъ обаяніемъ этого новаго для него чувства и зная, что онъ скользитъ къ старости, Р... не только не думалъ бороться съ своимъ чувствомъ, но напротивъ всю силу своего ума пустилъ въ ходъ, чтобы придти на помощь своей страсти. Лучше, чѣмъ кто-либо другой, онъ зналъ, что всѣ попытки вернуть милость М... останутся безплодными.

Однако онъ былъ страшно потрясенъ, когда замѣтилъ, что, послѣ того, какъ онъ объ этомъ откровенно сообщилъ г-жѣ М..., она его стала избѣгать. Она вбила себѣ въ голову достигнуть своей завѣтной цѣли при помощи этого человѣка, продаться ему, хотя при другихъ обстоятельствахъ она сама взяла бы его въ любовники. Р... понялъ, что онъ долженъ оставить всякую надежду; онъ не сталъ умолять ее отдаться ему и сумѣлъ разстаться съ нею съ полнымъ достоинствомъ.

Онъ снова сталъ искать на службѣ забвешія неудачи любви и еще съ большимъ, чѣмъ прежде, усердіемъ сталъ преслѣдовать заговорщиковъ на жизнь Стамбулова.

Число недовольныхъ Стамбуловымъ было очень велико и заговорщики имѣли сочувствующихъ имъ въ самыхъ высокихъ слояхъ общества. Многіе недовольные, изъ числа тѣхъ, которые потеряли жирныя синекуры, страстно желали наступленія новаго режима, при которомъ они рассчитывали всплыть на поверхность.

Лица, стоявшія во главѣ заговорщиковъ, отлично знали дѣйствительную цѣнность подобныхъ господъ, тѣмъ не менѣе старались воспользоваться ихъ услугами въ интересахъ дѣла.

Г-жа М..., въ концѣ концовъ, должна была помириться съ тѣмъ фактомъ, что ея мужу нельзя рассчитывать вернуть утраченное положеніе. Заговорщики слѣдили за нею и въ очень короткое время завербовали въ свои ряды. Ей поручили однажды передать новый условленный шрифтъ. Жажда мести, надежда достигнуть чего-нибудь побудили ее принять опасное порученіе.

Изъ донесеній сыщиковъ Р... узналъ, что одна великосвѣтская барыня служить посредницей заговорщикамъ.

Изъ другихъ донесеній своихъ агентовъ онъ узналъ, что опять затѣвается опасный заговоръ противъ Стамбулова. Ему удалось захватить многихъ изъ главныхъ заговорщиковъ, и, зная, что таинственная великосвѣтская дама должна была тоже придти въ домъ, гдѣ были арестованы заговорщики, онъ распорядился чтобы ее, немедленно по приходѣ, арестовали и доставили къ нему.

Нѣсколько часовъ спустя, поздно вечеромъ, когда Р... сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и внимательно читалъ дѣло о заговорѣ на Стамбулова, ему пришли доложить, что вышеупомянутая дама арестована и доставлена въ сыскное отдѣленіе. Р... велѣлъ позвать секретаря и немедленно привести даму къ нему въ кабинетъ. Г-жа М... была въ верхнемъ мантии и вуали. Она не оказала никакого сопротивленія при арестѣ, такъ какъ была захвачена совершенно

но врасплохъ, когда она выльзала у подъзда дома, гдѣ ей была устроена западня, изъ наемной кареты. Р., по обыкновенію, тотчасъ же приступилъ къ допросу ея, приказавъ ей снять густую вуаль, которая совсѣмъ скрывала ея лицо.

Трудно передать его изумленіе, когда онъ узналъ въ лицѣ арестованной женщины ту самую, которую онъ когда-то любилъ и даже продолжалъ еще любить.

Нѣсколько секундъ онъ не могъ сдержать охватившаго его волненія. М., слѣдившая за малѣйшими движеніями своего бывшего поклонника, замѣтила это и почувствовала себя немного успокоенной. Она знала, что сильно скомпрометирована и считала себя совсѣмъ погибшей, но теперь у ней появилась надежда, что Р... измѣнитъ Стамбулову и выпуститъ ее. У ней явилась мысль снова очаровать, отдаться даже ему и такой цѣной избавиться отъ наказанія.

Овладевъ собою, Р... сухо, послѣ обычнаго допроса о ея личности и т. д., предложилъ ей передать ему шифръ, который поручили ей заговорщики, а также назвать всѣ ихъ фамиліи, предупредивъ ее, что почти всѣ они ему извѣстны и онъ хочетъ только испытать ее...

М... откинула мантию и показалась въ вечернемъ чудномъ туалетѣ. Она ѣхала на вечеръ къ генеральшѣ Д... Она была декольтирована. Притворяясь сконфуженной и испытывающей ужасный стыдъ и т. п., котораго у нея въ дѣйствительности вовсе не было, она вынула маленькое саше, гдѣ былъ зашитъ документъ, и протянула его Р...

По мнѣнію секретаря, со словъ котораго писалъ корреспондентъ берлинской газеты, она умышленно, передавая саше, такъ нагнулась надъ столомъ, что у нея вывалилась грудь. При этомъ она бросила довольно страстный взоръ на Р... Въ то-же время она заявила, что назвать фамиліи заговорщиковъ не можетъ, такъ какъ не знаетъ ихъ фамилій, „да и къ чему ихъ называть“, прибавила она, слегка улыбаясь, „разъ они извѣстны господину инспектору“!

Было видимо, что поведеніе М... злило Р... Онъ ей сухо замѣтилъ, что если она не назоветъ фамилій, то онъ вынужденъ будетъ наказать ее розгами.

М... стала говорить довольно громко, почти кричать, что онъ не имѣетъ права подвергать ее такому наказанію, что она не дѣвка, что сумѣетъ найти дорогу къ самому князю, что онъ потеряетъ мѣсто и т. д. Р... молча слушалъ эту тираду и потомъ нажалъ кнопку звонка. Когда явился городской, то онъ велѣлъ ему принести скамейку и розогъ, а также, чтобы пришелъ еще городской и геркулесъ городской Кейзеръ. У секретаря, по его собственному признанію, забилося сердце отъ радости, когда онъ увидалъ, что М... не избѣжать розогъ. Ему было только досадно, что Р..., очевидно хочетъ велѣть съчь барыньку не ему, а Кейзеру.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ М... продолжала все угрожать Р..., вошли три городскихъ со скамейкой и пучкомъ розогъ.

Къ удивленію секретаря, М., при видѣ скамейки и розогъ, замолчала и когда, по приказу Р., городовые подошли къ ней, чтобы положить на скамейку, то она, какъ пятилѣтняя дѣвочка, стала ревѣть и сквозь слезы просить, чтобы ей позволили снять платье... Р... остановилъ городскихъ и сказалъ, что она можетъ снять платье, „но лучше вамъ“, прибавилъ онъ, „не упрямиться и исполнить мое приказаніе — назвать фамиліи заговорщиковъ, тогда я не велю васъ съчь“...

На эти слова М... промолчала, продолжая только всхлипывать, занимаясь сниманіемъ платья и развязываніемъ различныхъ тесемокъ съ цѣлію облегчить городскихъ... Послѣ этого она опустила руки и покорно дала себя уложить на скамейку... Кейзеръ взялъ въ руки розги, когда двое другихъ городскихъ обнажили М... и приготовились держать ее одинъ за ноги, а другой за плечи.

Р... велѣлъ Кейзеру передать розги городовому, державшему М... за плечи, а тому съчь ее, Кейзеру же держать ее за плечи.

Городовой, весь красный, взялъ розги и, по знаку Р., началъ съчь М...

М... послѣ первого удара слегка вскрикнула и сжала ягодицы, но удары стали сыпаться. Тотъ городской вскорѣ оправился и сталъ съчь методично, дѣлая ровную выдержку между ударами и выдерживая розги, послѣ удара, нѣсколько секундъ на тѣлѣ наказываемой. Послѣ десяти слишкомъ ударовъ стоны смѣнились болѣе сильными криками и просьбами о прощеніи. Крупъ весь сталъ уже красный и въ багровыхъ полосахъ, было видно, какъ наказываемая сжимаетъ ноги, думая этимъ смягчить боль отъ удара.

Наконецъ, обезумѣвшая отъ боли женщина, забывъ всякую гордость, начинаетъ умолять Р... Тотъ, послѣ нѣсколькихъ ударовъ, приказываетъ перестать ее съчь.

Когда ее сняли со скамейки и поставили на ноги, то она тотчасъ же съла на полъ и стала рыдать, какъ маленькій наказанный ребенокъ.

Мало-по-малу, рыданія стихли. Она вытерла себѣ лицо поданной ей секретаремъ мокрой губкой и встала... Секретарь подаль ей панталоны, которыя она потеряла, когда вставала со скамейки.

Въ эту минуту Р... приказалъ секретарю выйти въ сосѣднюю пустую комнату, не имѣвшую другого выхода, какъ въ кабинетъ инспектора.

Секретарь сознался корреспонденту, что не удержался и смотрѣлъ въ замочную скважину, что происходило въ кабинетѣ Р... Онъ слышалъ, какъ тотъ сказалъ: „Одѣвайтесь скорѣй, мы сейчасъ ѣдемъ“!

М... поправила всѣ безпорядки своего туалета. Р... помог ей одѣваться, далъ ей выпить воды, объяснялъ ей, что онъ не могъ не велѣть наказать ее розгами, чтобы не возбудить подозрѣній, что наказали ее довольно слабо, что если бы ее съкъ Кейзеръ, то у нея съ перваго же удара брызнула бы кровь, а послѣ тридцати-

пяти розогъ, которыя ей дали, она не встала бы сама со скамейки и ее пришлось бы отправить въ больницу...

Когда они совсѣмъ были готовы, то Р... позвалъ секретаря и велѣлъ ему идти съ ними. Они вышли втроемъ и сѣли въ карету Р... Секретарю пришлось сѣсть на козлы. Ъхали они довольно долго до первой станціи желѣзной дороги. Здѣсь въ двухъ километрахъ отъ станціи у Р... была въ громадномъ саду нанята кокетливая вилла, въ которой онъ частенько принималъ барынь, находившихъ удовольствіе въ пассивной флагелляціи. Р... поблагодарилъ секретаря и отпустилъ его въ городъ въ своемъ экипажѣ, сказавъ, что онъ вернется на другой день утромъ. Позавидовавъ своему принципалу, оставшемуся въ обществѣ такой хорошенькой женщины, секретарь уѣхалъ въ городъ.

Ни на другой, ни въ послѣдующіе дни Р... не появился и пропалъ вмѣстѣ съ М... безслѣдно. Власти исчезновеніе его сперва приписали мести заговорщиковъ.

Извѣстно, что „на ловца звѣрь бѣжитъ“. Читая недавно появившіеся въ печати мемуары графа Кевенгелюра, бывшаго начальника сыскной полиціи въ Буда-Пештѣ, особенно отличившагося при усмиреніи возстанія венгерцевъ въ 1848 г., я натолкнулся на фактъ флагелляціи одной знатной венгерской дамы.

Я предоставляю слово самому графу Кевенгелюру, котораго перевожу насколько возможно ближе къ подлиннику.

Разсказавъ какъ онъ по приглашенію нѣкоего Д., главного начальника политическаго отдѣленія сыскной полиціи, присутствовалъ при обыскѣ и затѣмъ получилъ приглашеніе присутствовать при допросѣ одной изъ арестованныхъ г-жи Л., почтенной полицейскій продолжаетъ:

„На другой день, въ назначенный часъ, я отправился къ Д... въ департаментъ полиціи, и засталъ его въ своемъ кабинетѣ, довольно скромно меблированномъ. Онъ меня принялъ очень любезно, усадилъ рядомъ съ собой за столомъ и сказалъ: — Вы, конечно, слыхали сплетни что я будто бы подвергаю заключенныхъ истязанію... Въ этихъ сплетняхъ есть доля правды, я прибѣгаю къ помощи розогъ, чтобы добыть необходимыя мнѣ свѣдѣнія, но до истязанія никогда не доходилъ еще... Вотъ вы сегодня лично увидите, какъ я дѣйствую просто, чтобы добиться признанія. Вчера вы присутствовали при обыскѣ въ квартирѣ г-жи Л... и арестъ ея вслѣдствіе того, что я нашелъ массу компрометирующихъ ее писемъ... На сегодняшнее утро я назначилъ допросъ ея. Посмотрите внимательно на паркетный полъ, вы замѣтите четыреугольникъ, это — трапъ, а вотъ каучуковая трубка, при помощи которой можно говорить съ лицами, находящимися въ комнатѣ подъ нашей... Впрочемъ, вы сейчас увидите!

Онъ позвонилъ и черезъ нѣсколько секундъ появился городской, которому онъ велѣлъ привести г-жу Л...

Черезъ нѣсколько минутъ появилась г-жа Л., окруженная двумя городскими. Д... велѣлъ ей подойти ближе къ столу и, когда она подошла, сказалъ:

„Сударыня я имѣю доказательства, что вы посвящены во всѣ подробности интересующаго меня дѣла... Вы мнѣ сейчасъ же

продиктуете фамиліи всѣхъ участниковъ, надѣюсь, что вы не заставите меня принудить къ этому силой... Л., высокая, стройная, довольно недурная собой, лѣтъ подъ тридцать женщина, слегка поблѣднѣла и на глазахъ у нея показались слезы.

— Я не знаю, не понимаю васъ,— сказала она,— отпустите меня, я ничего не знаю, я буду жаловаться на васъ генералу графу С., вы отвѣтите и за обыскъ у меня и за то, что арестовали и продержали цѣлую ночь Богъ знаетъ съ какими женщинами!..

— Я не боюсь вашихъ угрозъ. Въ вашихъ интересахъ совѣтую вамъ исполнить мое приказаніе,— сказалъ сухо Д...

— Я ничего не знаю и не могу говорить, раздраженно отвѣтила Л...

Тогда Д... взялъ въ руки каучуковую трубку и что-то проговорилъ вполголоса въ нее.

Вдругъ г-жа Л... провалилась въ трапъ, едва успѣвъ отчаянно вскрикнуть. Д... знакомъ головы показалъ мнѣ, чтобы я посмотрѣлъ въ отверстіе трапа. Я перегнулся черезъ столъ и увидалъ, что все тѣло г-жи Л... провалилось въ трапъ вплоть до подмышекъ. Платье и юбки ея были подняты вверхъ краями трапа.

Д... опять поднесъ трубку ко рту и что-то сказалъ. Л... вся покраснѣла.

— Это позорно, безсовѣстно! — закричала она и стала биться, силясь выскочить изъ трапа.

Д... нагнулся ко мнѣ и прошепталъ мнѣ на ухо свое приказаніе.

— Ну, вы не хотите назвать фамилій участниковъ? спросилъ Д...

— Нѣтъ, я ихъ не знаю...

Д... опять сказалъ что-то въ трубку и я увидалъ, какъ Л... стала извиваться, вскрикивать, по ея лицу было видно, что она испытываетъ сильную боль; теперь слезы лились у нея ручьемъ.

— Вы все еще будете упрямитесь,— сказалъ Д...

Л... ничего не отвѣтила. Вдругъ она страшно вскрикнула:

— Довольно! Довольно! Остановите ихъ! Я все скажу, назову вамъ фамиліи!

Д... сказалъ въ трубку нѣсколько словъ и, взявъ карандашъ, приготовился записывать показаніе Л.; та продолжала рыдать, но ничего не говорила, тогда Д..., не скрывая своей досады, приложилъ трубку ко рту и уже очень громко сказалъ: — Дайте еще двадцать розогъ, да горяченькихъ!

Теперь уже Л... стала кричать во все горло и просить прощеніе, обѣщаясь все показать, но Д... не остановилъ порку, пока ей не были даны всѣ двадцать розогъ.

Л... послѣ этого стала показывать и называть имена замѣшанныхъ въ дѣло лицъ.

Когда она окончила свое показаніе, то Д... велѣлъ поднять ее изъ трапа.

Графъ Кевенгелюръ замѣтилъ, что тѣло ее было страшно изсѣчено... Какъ только ее вынули изъ трапа, она безъ всякаго стѣсненія упала на полъ, обнаживъ часть своего крупа и продол-

жая громко ревѣть. Д... позвонилъ и велѣлъ городовымъ позвать женщину, которая помогла бы Л... одѣваться, а затѣмъ отправить ее въ лазаретъ при сыскномъ отдѣленіи“.

Почтенный полицейскій графъ наивно сожалѣетъ о томъ, что въ наши времена невозможно употреблять такія средства.

„Это такъ“, говоритъ онъ, „упростило бы процедуру“!

Наиболѣе извѣстная австріячка, подвергавшаяся тѣлесному наказанію, была графиня Мадерспахъ, случай съ которой вызвалъ когда-то скандалъ на всю Европу.

Я напому своимъ читателямъ этотъ извѣстный всѣмъ случай, пользуясь изложеніемъ газеты „Таймсъ“. Это была хорошенькая женщина, милая и очень остроумная.

Вѣрная жена, она слѣпо держалась политическихъ убѣжденій своего мужа, что и было причиной ея несчастія.

Она была публично наказана розгами.

Обнаженная до пояса, съ большимъ трудомъ удерживающая свои юбки на бедрахъ, только и помышляя о томъ, какъ бы не обнажился ея крупъ и наказаніе не стало еще болѣе для нея унижительнымъ, она должна была пройти черезъ знаменитую „зеленую дорогу“.

Въ то время такъ называли узкій корридоръ между двумя шеренгами солдатъ съ розгами въ рукахъ, которыми они били приговоренную къ наказанію преступницу то одной, то другой рукой, обязанную пройти съ одного конца коридора до другого.

Въ Россіи, какъ я говорилъ въ первомъ томъ, что называлось „прогнать сквозь строй“, причемъ солдаты вооружались палками. Иногда прогоняли черезъ нѣсколько тысячъ палокъ. Преступника, обнаженнаго до пояса вели. Часто забивали до смерти. Экзекуція производилась нерѣдко также въ нѣсколько пріемовъ. Давалось извѣстное число палокъ. Если присутствовавшій докторъ находилъ, что несчастный не въ силахъ выдержать остальное число ударовъ, то его отправляли на поправку въ госпиталь. По выздоровленіи, опять прогоняли сквозь строй. Иногда это дѣлалось нѣсколько разъ, пока не было дано все назначенное судомъ число палокъ, доходившее, повторяемъ, до десяти и даже, кажется, больше тысячъ палокъ.

Когда несчастная графиня Мадерспахъ дошла до другого конца „зеленой дороги“, она уже давно выпустила изъ рукъ юбки.

Начиная отъ шеи и до колѣнъ ея тѣло представляло, по словамъ корреспондента лондонской газеты, окровавленный кусокъ мяса.

Она не умерла но удалилась въ свои помѣстья, чтобы въ глуши ихъ оплакивать свой позоръ.

„Я, считавшаяся всѣми, меня знавшими, честной и уважаемой женщиной“, писала она своей пріятельницѣ,— „просто не въ силахъ написать вамъ,— полуобнаженная была высѣчена розгами на глазахъ всѣхъ солдатами, развѣ можетъ быть что-нибудь ужаснѣе“!

Въ 1864 г. вызвалъ не меньшій скандалъ случай съ одной французской актрисой. Я опять пользуюсь рассказомъ корреспондента все той же лондонской газеты.

Героиней тѣлеснаго наказанія, свидѣтелями котораго были только полицейскіе чины, была, на этотъ разъ, французская актриса изъ труппы, развѣзжавшей по разнымъ городамъ Европы и прибывшей въ Вѣну, чтобы дать тоже нѣсколько представленій.

Актриса была хорошенькая, молоденькая, кокетливая и жизнерадостная дѣвушка. Успѣхъ ея въ Вѣнѣ, правда, зависѣлъ не столько отъ ея артистическихъ талантовъ, сколько отъ амурныхъ...

Однажды, когда она выходила изъ подъѣзда одного большого магазина на Грабенѣ, чтобы сѣсть въ ожидавшую ее карету, она имѣла неосторожность, ставя ножку на подножку экипажа, слишкомъ высоко поднять юбки и показать проходившей публикѣ свою ногу немного выше икръ.

Городовой это замѣтилъ и его цѣломудріе было настолько возмущено, что, несмотря на протесты артистки, онъ ее задержалъ и отправилъ въ участокъ, гдѣ обо всемъ доложилъ приставу.

Результатомъ доклада явилось рѣшеніе подвергнуть хорошенькую француженку наказанію розгами, установленному тайными полицейскими правилами для кокотокъ, задержанныхъ на улицѣ за неприличныя выходки или открытое предложеніе своихъ услугъ, въ особенности юношамъ.

Молодую женщину привели въ маленькую комнату въ подвальномъ этажѣ, въ которой не было никакой мебели, кромѣ стоявшей посрединѣ комнаты деревянной кобылы, обитой сверху кожей, совершенно такой же, какая употребляется для гимнастическихъ упражненій.

„Скорѣе, удивленная чѣмъ напуганная“, говоритъ артистка въ своей жалобѣ французскому послу при австрійскомъ дворѣ, я смотрѣла на все презрительнымъ полувзглядомъ...

Но вскорѣ я вынуждена была измѣнить свое отношеніе. Привели меня двое городскихъ, но черезъ нѣсколько минутъ появился приставъ и еще одинъ городской, въ рукахъ котораго я, къ ужасу своему, увидала пучекъ длинныхъ розогъ. Тогда я только поняла, что собираются со мною дѣлать.“

Изъ произведеннаго, по настоянію французскаго посла, дознанія обнаружилось, что, не смотря на горячіе протесты хорошенькой актрисы, совершенно обезумѣвшей при видѣ розогъ, не смотря на рыданія, мольбы, доходившія до ползанія на колѣнкахъ у ногъ пристава, не смотря на всю эту музыку, которая обыкновенно является прелюдіей подобныхъ наказаній и которая мало отличается у молодой взрослой женщины отъ совсѣмъ маленькой дѣвочки, — двое городскихъ растянули и привязали ее на деревянной кобылѣ въ положеніи, удобномъ для наказанія. Затѣмъ, по приказанію пристава, одинъ городской обнажилъ несчастную дѣвушку.

Это было время кринолиновъ и тогдашнія франтихи часто не носили панталонъ, которыхъ не оказалось, какъ видно изъ составленнаго приставомъ протокола о наказаніи, у французской артистки.

Замѣчу отъ себя. Поразительная психологія у господъ полицейскихъ. Арестовываютъ женщину за то, что показала ногу выше икръ и наказываютъ ее, обнажая, на глазахъ четырехъ мужчинъ, отъ колѣнъ до шеи!!

Какъ видно изъ того же протокола, бѣдная дѣвушка была наказана пятьюдесятью розгами. Не говоря уже объ униженіи, изъ акта, составленнаго свидѣтельствовавшимъ врачомъ французскаго посольства, всего черезъ два часа послѣ экзекуціи, мы видимъ, что за такой пустяшный поступокъ приставъ наказывалъ артистку если не очень жестоко, то все-таки чрезвычайно строго.

Докторъ насчиталъ „на спинѣ, ягодицахъ и ляшкахъ ясные слѣды слишкомъ сорока длинныхъ красныхъ полосъ-рубцовъ, изъ которыхъ многія были съ кровоподтеками и съ сильной припухлостью, одиннадцать изъ нихъ были темно-красными, почти черными... рубашка была въ большихъ кровавыхъ пятнахъ“... и г. д.

Когда ее отвязали, она съла на полъ, поправила свою сорочку, юбки и, вообще, привела въ порядокъ свой туалетъ; послѣ чего ее отпустили...

Я занимался довольно тщательнымъ изслѣдованіемъ по вопросу о флагелляціи въ Австріи и не добылъ ничего важнаго.

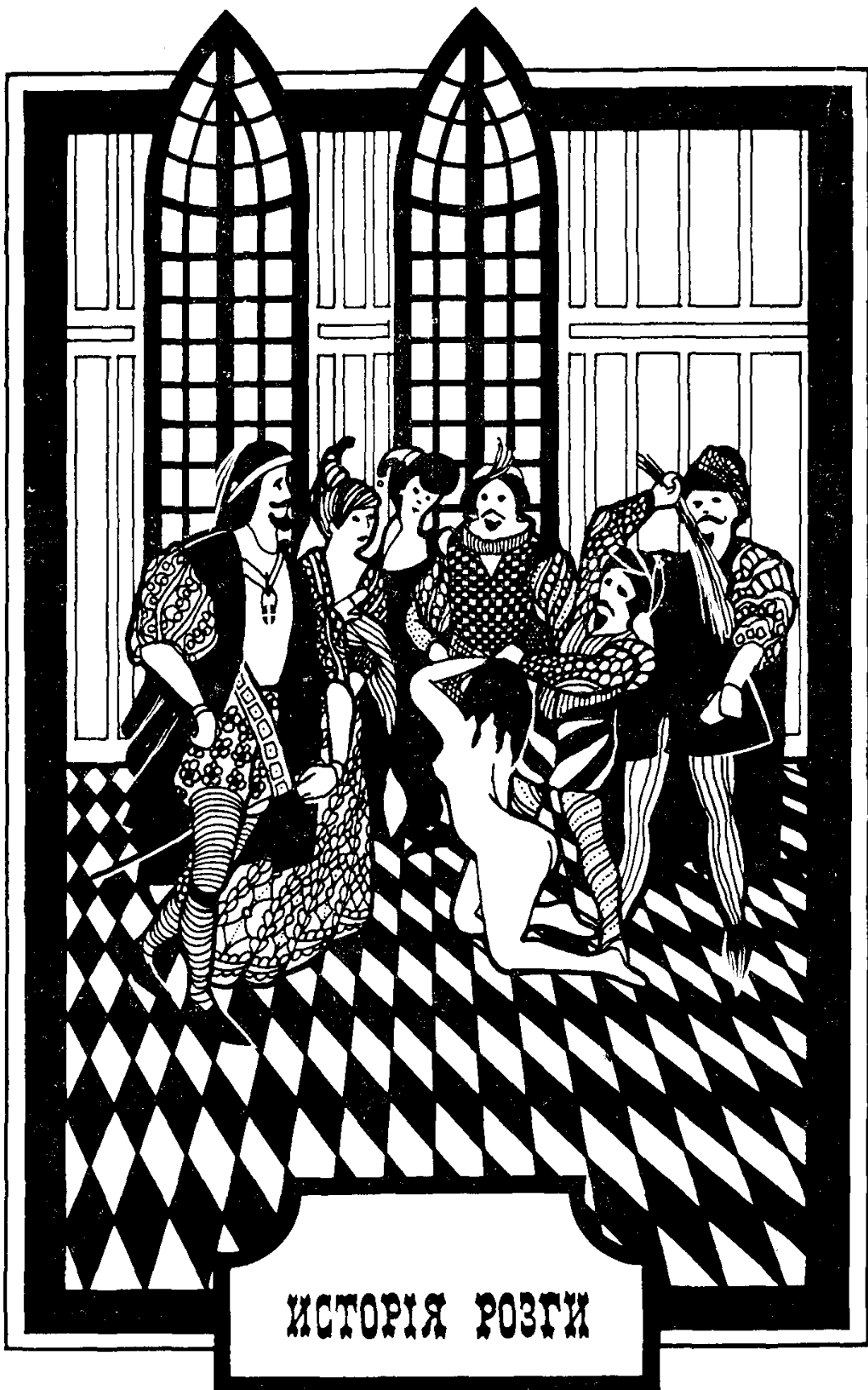
Венгерки любятъ съчь мужчинъ, что можно видѣть изъ многочисленныхъ объявленій такихъ свирѣпыхъ дамъ.

Безспорно также, что въ австрійскихъ школахъ, какъ мужскихъ такъ женскихъ, учителя и учительницы за болѣе или менѣе важные проступки наказываютъ розгами.

Такъ какъ воспитаніе ведется по нѣмецкому образцу, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и невѣроятнаго. Итакъ, лѣнныя или дерзкія маленькія австріячки наказываются розгами и это является звеномъ, связывающимъ ихъ съ маленькими нѣмочками...

Хотя все-таки наказаніе розгами дѣтей въ Австріи несравненно въ меньшемъ ходу, чѣмъ въ благословенной Германіи, особенно въ Пруссіи и въ ея польскихъ провинціяхъ.

Возложимъ, однако, надежду, что рано или поздно взойдетъ свѣтлая заря, когда нагайка, кнутъ, плети, розги и т. п. орудія тѣлеснаго наказанія людей будутъ сданы на храненіе и въ ученіе послѣдующихъ поколѣній въ музеи, послѣдніе хранилища орудій варварскихъ временъ, современниками которыхъ были Достоевскій, Толстой, Горькій и столько другихъ знаменитыхъ писателей.

ИСТОРИЯ РОЗТН

ИСТОРИЯ РОЗГИ

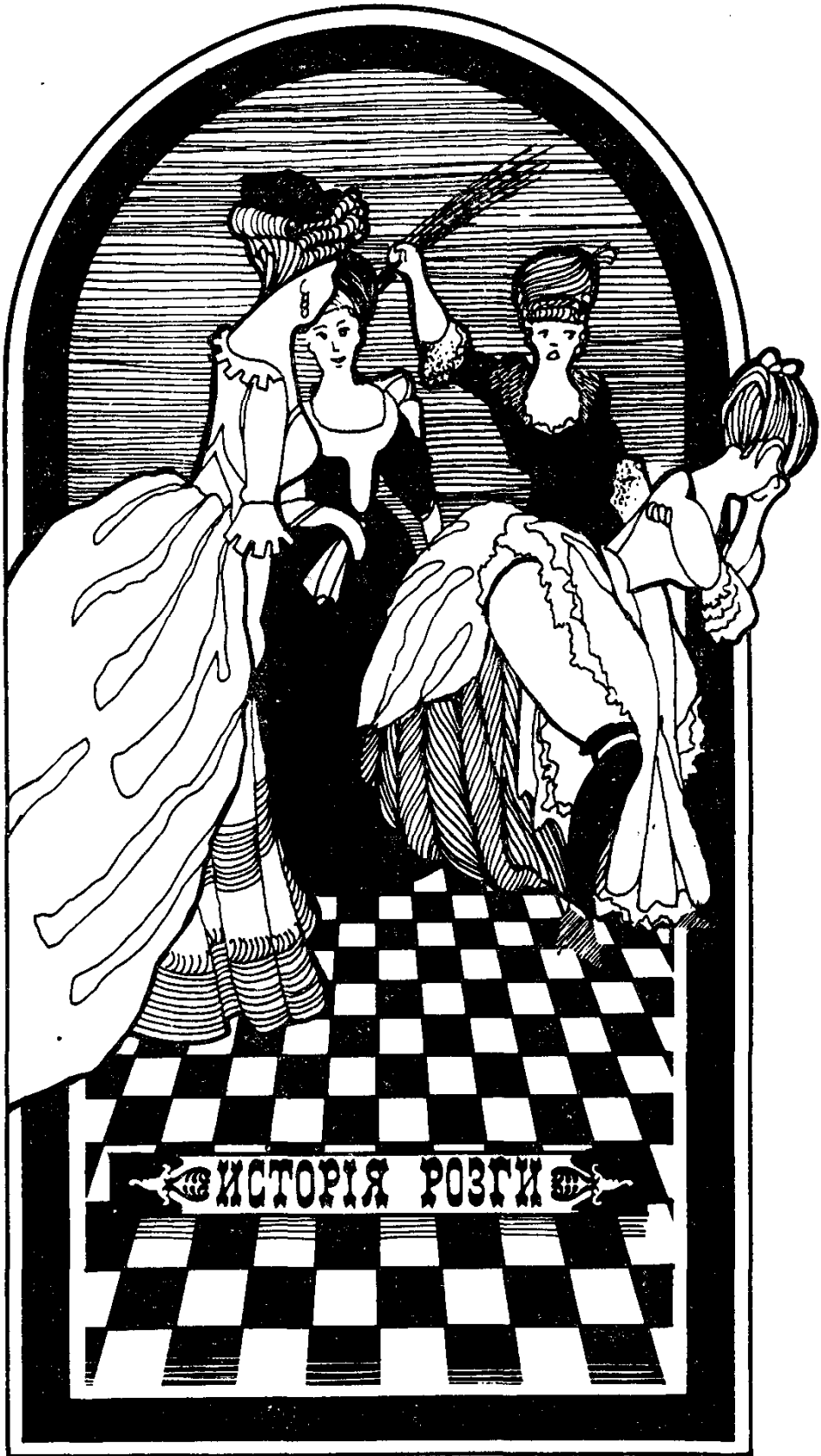
ИСТОРИЯ
РОЗГИ

ИСТОРИЯ РОЗГЫ

ИСТОРИЯ РОЗГИ

ИСТОРИЯ РОЗГИ

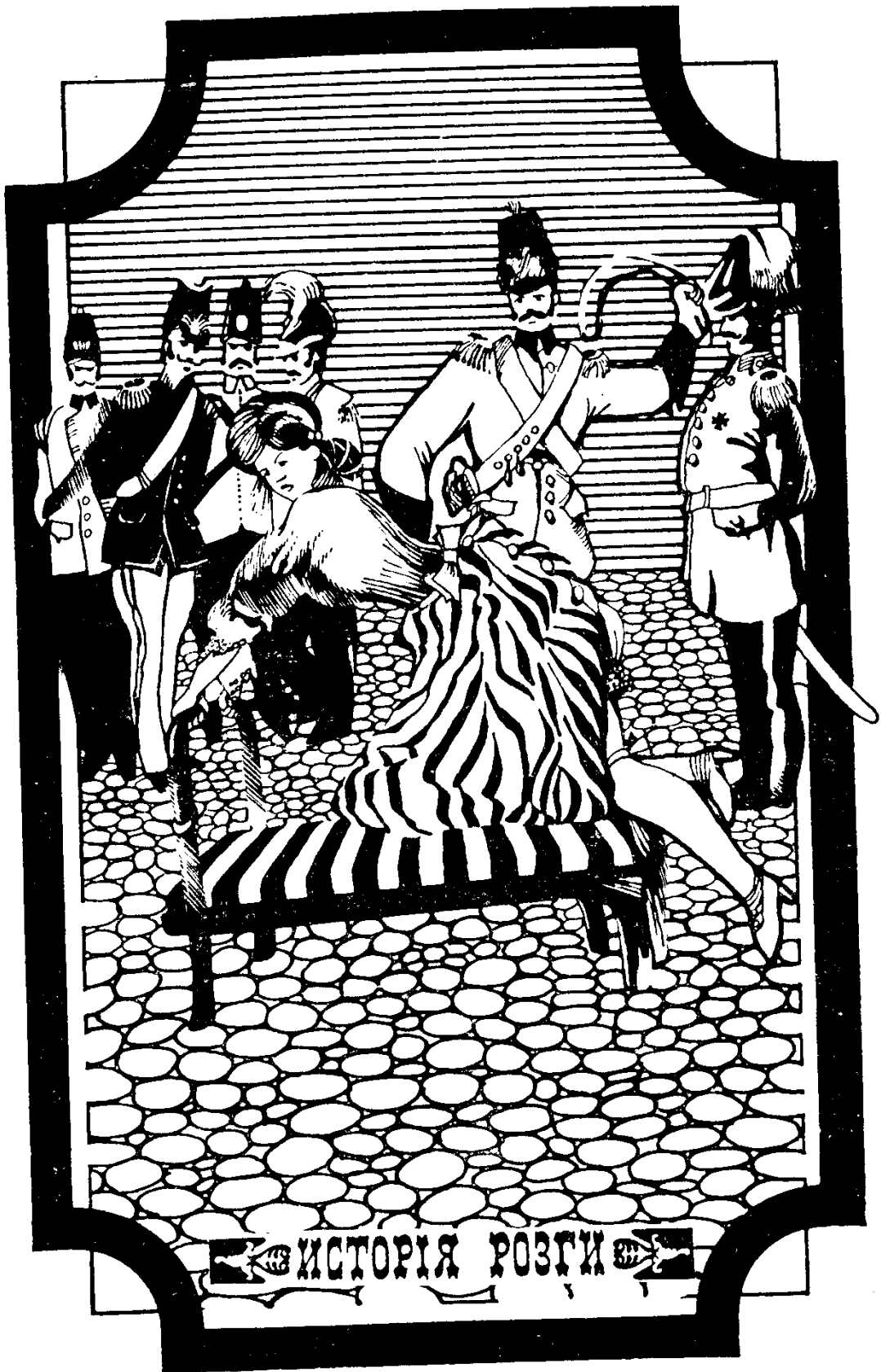
ИСТОРИЯ РОЗГЫ

ИСТОРИЯ РОЗТІИ

ИСТОРИЯ
РОЗГИ

ИСТОРИЯ РОЗГІ

Содержаніе

ТОМ I

Предисловіе к книгѣ «Исторія розги»	3
ВВЕДЕНІЕ	10
ГЛАВА I. Спорный вопросъ научнаго характера	21
ГЛАВА II. Краткій обзоръ другого изумительнаго спорнаго вопроса	24
ГЛАВА III. Флагелляція у евреевъ	27
ГЛАВА IV. Флагелляція у римлянъ	32
ГЛАВА V. Флагелляція въ храмахъ	40
ГЛАВА VI. Флагелляція у кармелитовъ	50
ГЛАВА VII. Флагелляція у траппистовъ и другихъ монашескихъ орденовъ (монаховъ и монашенокъ)	54
ГЛАВА VIII. Флагелляція у францисканцевъ и у подобныхъ имъ орденовъ	57
ГЛАВА IX. Флагелляція у картезіанскихъ монаховъ	59
ГЛАВА X. Флагелляція у доминиканцевъ въ связи съ инквизиціей	65
ГЛАВА XI. Флагелляція у иезуитовъ	71
ГЛАВА XII. Секта флагеллянтовъ	75
ГЛАВА XIII. Флагеллянты	82
ГЛАВА XIV. Корнелій Гадриенъ и тѣлесныя наказанія	87
ГЛАВА XV. Знаменитое дѣло монаха Жирара и миссъ Кадиръ	91
ГЛАВА XVI. Наказаніе розгами	97
ГЛАВА XVII. Наказанія розгами уголовныхъ и политическихъ преступниковъ	102
ГЛАВА XVIII. Наказаніе розгами воришекъ и карманниковъ	108
ГЛАВА XIX. Судебныя и церковныя наказанія въ Шотландіи	110
ГЛАВА XX. Флагеллянтизмъ въ Шотландіи	114
ГЛАВА XXI. Наказаніе розгами въ тюрьмахъ	119
ГЛАВА XXII. Пресловутыя цѣлебныя и медицинскія свойства розги	123
ГЛАВА XXIII. Тѣлесныя наказанія въ Небесной Имперіи	128
ГЛАВА XXIV. Наказаніе розгами на Востокъ	134
ГЛАВА XXV. Розга въ одномъ изъ восточныхъ государствъ	138
ГЛАВА XXVI. Кнутъ	146
ГЛАВА XXVII. Розга въ Россіи	151
ГЛАВА XXVIII. Груетная исторія монашенокъ въ М.	176
ГЛАВА XXIX. Флагелляція въ Африкѣ	178
ГЛАВА XXX. Флагелляція въ Америкѣ	183
ГЛАВА XXXI. Экзекуція рабовъ	186
ГЛАВА XXXII. Флагелляція во Франціи	192
ГЛАВА XXXIII. Флагелляція во Франціи (продолженіе)	198
ГЛАВА XXXIV. Розга въ Германіи и Голландіи	202
ГЛАВА XXXV. Наказанія въ войскахъ	206
ГЛАВА XXXVI. Военныя наказанія. Экзекуція Зомервилля	211
ГЛАВА XXXVII. Тѣлесныя наказанія во флотѣ	215
ГЛАВА XXXVIII. О домашнемъ съченіи за-границей	218
ГЛАВА XXXIX. Выдержки изъ дневника аристократки	222
ГЛАВА XXXX. Воспитаніе въ англійской школѣ для бѣдныхъ столѣтъ тому назадъ	229

ГЛАВА XXXXI.	Школьные наказанія	233
ГЛАВА XXXXII.	Еще анекдоты о тѣлесныхъ наказаніяхъ	242
ГЛАВА XXXXIII.	О тѣлесныхъ наказаніяхъ молодыхъ дѣвушекъ	245
ГЛАВА XXXXIV.	Корреспонденціи о наказаніи розгами въ журналъ „Family Herald“	252
ГЛАВА XXXXV.	Розга въ будуарѣ	259
ГЛАВА XXXXVI.	Инструменты и приспособленія для съченія	263
ГЛАВА XXXXVII.	Эксцентричный и другой флагеллянтизмъ	269
	Разное	274

ТОМ II

ГЛАВА I.	Тѣлесныя наказанія у римлянъ	280
ГЛАВА II.	Тѣлесныя наказанія у римлянъ (продолженіе)	283
ГЛАВА III.	Тѣлесныя наказанія у римлянъ (продолженіе)	290
ГЛАВА IV.	Тѣлесныя наказанія у римлянъ (продолженіе)	301
ГЛАВА V.	Историческія свѣдѣнія о наказаніи женщинъ	304
ГЛАВА VI.	Флагелляція въ монастыряхъ. Мистическая флагелляція	317
ГЛАВА VII.	Тѣлесныя наказанія въ Китаѣ. Флагелляція у проституттокъ	323
ГЛАВА VIII.	Тѣлесныя наказанія въ семьѣ и школѣ	339
ГЛАВА IX.	Историческія свѣдѣнія о тѣлесныхъ наказаніяхъ	351
ГЛАВА X.	Какимъ образомъ становятся флагеллянтшей? Флагелляція бѣлой рабыни	356
ГЛАВА XI.	Флагелляція и любовь	365
ГЛАВА XII.	Флагелляція дѣтей	383
ГЛАВА XIII.	Флагелляція изъ-за денегъ и для возбужденія	396
ГЛАВА XIV.	Психологія флагеллянта и флагеллянтши	413

ТОМ III

Отъ автора читательницамъ и читателямъ	426	
Отъ переводчика	426	
ГЛАВА I.	Флагелляція въ средніе вѣка въ исправительныхъ домахъ и въ наши дни въ особыхъ клубахъ флагеллянтовъ	427
ГЛАВА II.	Связь флагелляціи съ мастурбаціей	460
ГЛАВА III.	Тѣлесныя наказанія женщинъ на Востокѣ	472
ГЛАВА IV.	Тѣлесныя наказанія женщинъ въ Испаніи	476
ГЛАВА V.	Флагелляція въ Англіи	488
ГЛАВА VI.	Тѣлесныя наказанія въ Сѣв. Амер. Соед. Шт. и Голландіи	500
ГЛАВА VII.	Историческія свѣдѣнія о флагелляціи въ наше время	512
ГЛАВА VIII.	Флагелляція въ Италіи	528
ГЛАВА IX.	Историческія свѣдѣнія о флагелляціи	540
ГЛАВА X.	Тѣлесныя наказанія въ современное намъ время	562

Д-р В. Купер

ИСТОРИЯ РОЗГИ

во всех странах, с древнейших времен
и до наших дней

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ И ФЛЯГЕЛЛЯНТЫ

Полный перевод с английского со многими дополнениями
доктора медицины А. З-го

РЕПРИНТНОЕ ИЗДАНИЕ

Автор предисловия А. А. Алексеев
Художник-оформитель Е. В. Титов

Харьков
СП «Интербук». Харьковский центр
1991

Трехтомное фундаментальное издание посвящено необычной для современного читателя теме — бичеванию (флагелляции), широко применявшемуся во все времена и в разных странах, в том числе и в России. Телесные наказания розгами (кнутом, плетью, хлыстом, шпицрутенами) использовались в качестве воспитательной меры в школах и семьях, как средство для наказания преступников в тюрьмах и армии, для умерщвления плоти в монастырях, религиозных сектах (например, — хлыстунов), выродившееся в омерзительную форму разврата, полового извращения (самоистязание, садизм).

Книга рассчитана на историков, работников здравоохранения и правоохранительных органов, юристов.

ISBN 5-7664-0521-9

К 1201000000—22 без объявления
945(01)—91

© СП «Интербук»,
оформление, предисловие,
1991

Ответственный за выпуск С. И. Стоцкий

Технические редакторы Л. Т. Ена, В. Я. Козинченко
Корректор А. Д. Мильская

ИБ № 26

Сдан в набор 13.12.90. Подписано к печати 30.01.91.
Формат 60х90/16. Бумага тип. № 1. Гарн. литер. Печать с ФПФ.
Усл. печ. л. 37,5. Усл. кр.-отт. 38,0. Учет.-изд. л. 46,5.
Тираж 50 000 экз. (1-й завод 1—25 000 экз.).
Зак. 451. Цена 40 р.

СП «Интербук». Харьковский центр,
10085, Харьков-85, пр-т Жуковского, 1.

Харьковская книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков-57, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.